

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

ВЫПУСК № 1 (62)

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ЧАСТЬ I

ISSN 2071-9639

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 1 (62)

**КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ**

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
5–7 июня 2025 г.**

Часть I

**Тамбов – Тюмень
2025**

УДК 40
ББК 80
K57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89450 от 06 мая 2025 г.

Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2025 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Бронникова О.В., кандидат филологических наук (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., д-р филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, проф.;
Златев Й., доктор филологии, проф. (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, проф. (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н.Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 – .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 1 (62): материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. 5–7 июня 2025 г. / отв. ред. вып. О.В. Бронникова. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2025. – 904 с.

ISBN 978-5-400-01847-33 (Общ.)

ISBN 978-5-400-01848-0 (Ч. I)

В этом выпуске периодического издания «Когнитивные исследования языка» представлены материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике, в которых освещаются такие актуальные направления исследований в области когнитивной лингвистики, как проблемы концептуализации и категоризации мира в языке, когнитивно-дискурсивные исследования языка, когнитивные методы конструирования пространства текста, корпусные исследования в цифровую эпоху, когнитивный подход в переводоведении. Среди рассматриваемых тем – коммуникация, компьютерная лингвистика и искусственный интеллект в когнитивном аспекте, междисциплинарность в лингвокогнитивных исследованиях, а также языковые явления и когнитивные процессы в полимодальной перспективе.

Адресовано широкому кругу специалистов в области когнитивной, полимодальной, дискурсивной лингвистики, переводоведения, а также исследователям, чьи научные интересы оказываются на стыке языка, когниции и искусственного интеллекта.

**УДК 40
ББК 80**

ISBN 978-5-400-01847-33 (Общ.)
ISBN 978-5-400-01848-0 (Ч. I)
ISBN 978-5-89016-442-1

© Коллектив авторов, 2025
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2025
© ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», 2025
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2025

ISSN 2071-9639

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION
TYUMEN STATE UNIVERSITY**

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

**VOLUME 1(62)
COGNITIVE RESEARCH
IN THE DIGITAL AGE**

**PAPERS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE**

5–7 June, 2025

Part I

**Tambov – Tyumen
2025**

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscommnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-77-89450.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2025. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Bronnikova O.V., Candidate of Philology (volume editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

J.Zlatev, Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008 – .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 1 (62) : Cognitive research in the digital age: Papers of the International Scientific Conference 5–7 June, 2025. Part I / volume editor-in-chief O.V. Bronnikova. – Tyumen : TyumGU-Press. – 904 c.

ISBN 978-5-400-01847-33 (General)

ISBN 978-5-400-01848-0 (Part I)

This issue of the “Cognitive Studies of Language” presents the materials of the International Scientific Conference on Cognitive Linguistics, which cover conceptualization and categorization of the world, cognitive-discursive language studies, cognitive methods of constructing text space, corpus studies in the digital age, cognitive approach in translation studies. Among the topics under consideration is communication, computational linguistics and artificial intelligence in a cognitive perspective, interdisciplinarity in linguo-cognitive studies, language phenomena and cognitive processes in a multimodal perspective.

This collection of papers will be welcomed by a wide range of specialists in the field of cognitive, polymodal, discourse linguistics, translation theory and practice as well as researchers interested in the interaction of language, cognition and artificial intelligence.

ISBN 978-5-400-01847-33 (Vol. 1(62). General)

ISBN 978-5-400-01848-0 (Vol. 1(62). Part I)

ISBN 978-5-89016-442-1

© Authors of the articles, 2025

© FSBEIHE “Derzhavin Tambov State University”, 2025

© FSAEIH “Tyumen State University”, 2025

© The Russian Cognitive Linguists’ Association, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	37

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Александрова О.В. ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	40
Бабенко Л.Г. МОДАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ	43
Болдырев Н.Н. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	47
Гвишиани Н.Б. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	53
Демьянков В.З. КОНСТРУКЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА.....	57
Зыкова И.В. ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИИ ПО ДАННЫМ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО КОРПУСА ФИЛЬМОВ	64
Карасик В.И. ОСМЫСЛЕНИЕ СВЕТА И ТЬМЫ В ПОСЛОВИЦАХ И АФОРИЗМАХ.....	70
Клепикова Т.А. ЯЗЫКОВЫЕ ТРИГГЕРЫ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ	73
Кушнерук С.Л. НАПРАВЛЕНИЯ, НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	79
Огнева Е.А. ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНФОРМАТИВНОГО КОДА КОГНИТИВНЫХ КОНСТРУКТОВ.....	85

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА В ЯЗЫКЕ

Абдулганеева И.И. ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АУГМЕНТАТИВОВ: ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ АНАЛИЗА	90
Абраменко Е.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЦЕННОСТИ, В ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	94
Алексеева Е.А. МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ В АСПЕКТЕ СИНТАКСИСА	98
Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. ИСТОКИ КОГНИТИВИЗМА В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	102

Аль-Лами Х.М. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ НОВОСТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СТАТЕЙ.....	110
Анисимова И.В., Вычужанина А.Ю. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «БЕЛЫЙ» И «ЧЕРНЫЙ» В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ.....	110
Афян К.А., Сергиенко Н.А. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА <i>СЕВЕР/THE NORTH</i> НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	114
Бабина Л.В. СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ N+A: МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ И КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ.....	117
Балакин С.В. ВТОРИЧНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА <i>ВРЕМЯ</i> ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	121
Баладина И.Д. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ФРЕЙМЫ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	125
Берзина Г.П. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ	128
Битокова С.Х. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА	132
Бондарчук Г.Г. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ.....	136
Бородулина Л.О. ГИБРИДНОСТЬ КОДОВОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА ITALINGLISH (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ИТАЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПОЭТОВ).....	140
Бочкарев А.И. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА <i>INTELLIGENCE</i> В СОВРЕМЕННОМ КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	144
Бугаева И.В. ИМЕНА СВЯТЫХ КАК ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ	148
Бурдаева Т.В. ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....	152
Бухнер Н.Ю. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ „FASHIONABLE”)	156
Ван Тяньцзяо МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЛЮБВИ В ЕЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ.....	160

Ван Цзююань ОБРАЗ ГЕРОЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ Т.Г. ДОБРОСКЛОНСКОЙ	164
Вдовина В.Б. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА <i>ТРАДИЦИОННОСТЬ</i>	168
Вепрева И.Т., Харитонова А.В. ФРЕЙМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ОПОРОЙ НА КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ.....	171
Власова А.А. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ МОТИВОВ В ТЕКСТАХ МЕДИА	175
Воронина Л.В. РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ПРОЦЕССАХ ВОСПРИЯТИЯ МОТИВИРОВАННЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....	179
Воропаев Н.Н. КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ФОРМИРУЮТ КОГНИТИВНУЮ БАЗУ КИТАЙЦЕВ.....	183
Гаврилова А.В. РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО ОЦЕНКА В ЯЗЫКЕ	187
Гишкаева Л.И. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПАРЫ <i>ПРАВДА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ</i> В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ	191
Говорова Л.А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БЛОГОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА АМЕРИКАНИЗМОВ, ИСПОЛЗУЮЩИХСЯ В БЛОГАХ ЖИТЕЛЕЙ МЕКСИКИ, КОЛУМБИИ, АРГЕНТИНЫ, ПЕРУ).....	195
Голубкова Е.Е., Захарова А.Г. НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТАББРЕВИАТУРНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМ КОМПОНЕНТОМ	198
Гридина Т.А., Коновалова Н.И. ЭРГОНИМЫ В АСПЕКТЕ ИХ ВОСПРИЯТИЯ И ПОРОЖДЕНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ	202
Гришаченко М.Н., Колосовская Т.Л. ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕИЗМА «КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТЬ» В СИНТАКСИЧЕСКУЮ КОНСТРУКЦИЮ «КТО НЕ V1, ТОТ (НЕ) V2».....	206
Гуань Шуань ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА <i>ТРАВЛЯ</i> НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА	210
Губарев С.Д. ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	215

Гусева О.А. ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ СМЕХА И ПЛАЧА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	218
Даниленко И.А. ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНЫХ КОНСТРУКТОВ	221
Данилова В.А., Данилов А.Г. ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В ИТАЛЬЯНСКИХ И ПОРТУГАЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ЦВЕТОВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ «РОЗОВЫЙ» И «СЕРЫЙ»	225
Дедюхина А.С. ФУНКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ СУБЪЕКТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ПРЕДИКАТАМИ ПАРТИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ	228
Доржу А.Ш. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА <i>ЗЛО / ӨШ, ХОРА</i> В РУССКОЙ И ТУВИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ.....	232
Духнова М.А. КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА ЗВУКА В ЛИРИКЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «КАМЕНЬ»)	236
Епринцева Ю.Н. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК МЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОЦЕССА ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ).....	240
Ерофеева Е.В. КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ С НЕЯСНЫМ ФУНКЦИОНАЛОМ РУССКИМИ И КИТАЙЦАМИ	244
Жулина Е.Б. СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ (PAST SUBJUNCTIVE) В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ХОЛИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ.....	248
Иванишин Д.А., Кононова М.В. СУФФИКС -ISM КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ.....	252
Иванова О.А. BERLINER DÖNER КАК ЕДА И КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЙ КОНЦЕПТ	256
Ивашенко О.В. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА)	259
Иконникова О.Н. РОЛЬ САЛИШСКИХ ЯЗЫКОВ В РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРОЯТНОСТНОЙ МОДЕЛИ ДИАХРОНИИ СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ САЛИШСКОГО ЯЗЫКА ХАЛКОМЕЛЕМ)	263
Казанская Е.В. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В АСПЕКТЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	267

Катермина В.В. WELL-BEING КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА АНГЛОЯЗЫЧНОГО НЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	271
Клейменова В.Ю. ТЕРМИН И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИКЦИОНАЛЬНОГО МИРА	275
Климова Т.В. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ ЕЛИЗАВЕТЫ II КАК СПОСОБ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ	279
Ковальчук Д.А. НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЯ КОНЦЕПТА <i>INSTRUCTION</i> ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ГРАНИЦЫ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ	283
Кожухова И.В. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЦЫГАН В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ.....	286
Кононова И.В., Кочетова Л.А. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТИ <i>MENTAL HEALTH</i> В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	290
Корнева В.В. ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ТРАНСОНИМИЗАЦИИ.....	294
Кострова О.А. ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ДИАТЕЗНОГО ПОЛЯ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	297
Кравченко М.А. О СМЫСЛАХ <i>СМЫСЛА</i> ПО ДАННЫМ ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА	301
Красикова Е.А. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МНОГОМЕРНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ПЛАЧА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ).....	305
Кулешова Д.Ю. КОНЦЕПТ <i>ОЦЕНКА</i> ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	309
Кутимская А.Ю. БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ ТАКСОНОМИИ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО БАНКОВСКОГО ДЕЛА	312
Кшеновская У.Л. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ	315
Лаенко Л.В. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЩУЩЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	319
Леонтьева А.В., Казаченко О.В. BLACK VS WHITE SWAN: ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОГО НЮАНСИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ	322

Липина Е.А. ПЕРИФРАЗЫ С ЦВЕТОКОМПОНЕНТОМ BLEU ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	326
Лось А.Л. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ СИТУАЦИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГЛАГОЛАМИ СВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	330
Лызлов А.И. ДИНАМИКА ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ <i>ЧЕЛОВЕК</i> В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ	334
Макарова А.С. РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСЕМЫ <i>КРЕСТ</i> В МЕДИАПРОПОВЕДИ	337
Мамонова Н.В. МАССМЕДИЙНЫЙ КОНЦЕПТ <i>МИГРАНТ</i> В ЦИФРОВОЙ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА «МНОГОНАЦИОНАЛ».....	341
Маник С.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ НАИМЕНОВАНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ).....	345
Маркова Ю.Б. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА <i>ЛЮБОВЬ</i> В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ЛАТИНСКИХ СТИХОВ XVII ВЕКА.....	349
Марутина Е.А. ЯДРО КОНЦЕПТА <i>КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ</i> : ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ	353
Меликян М.В. НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ АУДИОДЕСКРИПЦИЯ С ПОЗИЦИИ ФРЕЙМОВОЙ СЕМАНТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФРЕЙМА «ПРОСТРАНСТВО»).....	357
Мельникова А.В., Мельникова К.А. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ	361
Мельникова К.А. ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В РАМКАХ ЯВЛЕНИЯ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ.....	364
Миньяр-Белоручева А.П. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ И МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	367
Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И НЕОДУШЕВЛЕННЫМИ СУБЪЕКТАМИ (НА ОСНОВЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ)	372

Монгуш Ш.В. КОНЦЕПТ <i>ОХОТНИК</i> : ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА)	374
Москалюк Л.И., Чистюхина Е.А. КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО КАТЕГОРИЗАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВАНКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ).....	378
Мухина И.К. КАРТОСХЕМА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОГИКО-СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОГНИТИВНО-ДЕНОТАТИВНОЙ ГРУППЕ «ОБОНЯТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ»	382
Немиров В.Ю. ФИТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА АВСТРАЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. КРУК)	386
Нефёдова Л.А., Смагулова А.С. НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)	390
Николаева М.Н. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КОЛОРОНИМОВ СИНЕГО ЦВЕТА В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ	394
Никулина Н.А., Галактионова Н.А. АКТУАЛИЗАЦИЯ СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТОСФЕРЫ НАРОДОВ РОССИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВА	398
Нильсен Е.А., Ефремова М.П. ЯДЕРНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА <i>SAFETY/SECURITY</i>	402
Нурутдинова А.Р. ИССЛЕДОВАНИЕ СПЛАНХНОНИМИЧЕСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В ЯПОНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	409
Онал И.О. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ	410
Павлова Д.С., Штамова М.А. МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ПОНЯТИЯ «УНИВЕРСИТЕТ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОРЕЙЦЕВ И РУССКИХ.....	414
Полянчук О.Б. ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	418
Попов А.А. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О НЕГАТИВНЫХ КАЧЕСТВАХ КОЛЛЕГ ПО БИЗНЕСУ КАК ОСНОВА ДЛЯ СО-АКТИВАЦИИ СВЕДЕНИЙ О ПОЗИТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ	422

Попова Е.А., Лавинская М.В. ПРОЯВЛЕНИЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	426
Попова Т.В., Чепкасова А.В. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЕНСОРНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ <i>КРАСНЫЙ/RED</i> В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ.....	430
Природина У.П. ВАЖНЫЕ СВОЙСТВА ОНИМОВ ДЛЯ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ).....	435
Просвирина И.С., Юань Лян В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	439
Реннер А.И. РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕТОНИМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЧАСТЬ СУБЪЕКТА – ЕГО СОСТОЯНИЕ» В УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.....	443
Романова Т.В. ТИПЫ ТЕРМИНОВ И ИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	447
Рыжкина Е.В. МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ НА БАЗЕ ИДИОМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	450
Рябых Е.Б., Безукладова И.Ю. ПАРФЮМЕРНЫЙ ЗАПАХ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ	454
Савватеева И.А. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ ДИСТАНЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОВЕДЕНИИ В ИТАЛЬЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ <i>ФЕЙК</i>).....	458
Самкова М.А. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ЭТНОФОЛИЗМОВ КАК КОНФИКТОГЕННЫХ НОМИНАЦИЙ	463
Сивова Т.В. ЦВЕТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРУШИ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ, АССОЦИАТИВНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО	467
Сидорова М.Д. КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА ЕЖ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	471
Смурова О.В. ГЕШТАЛЬТ-ФУНКЦИЯ «СОМНЕНИЕ» КАК ПЕРИФЕРИЯ КОНЦЕПТА <i>ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА</i>	474
Сунь Т. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТЕРПЕНИИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (ПО ДАННЫМ ПАРЕМИЙ).....	479

Сухорукова А.Р. МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ, СВЯЗАННОГО С ЭВФЕМИЗАЦИЕЙ, У СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПОДГОТОВКИ	482
Таскаева А.В. КУЛЬТУРОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	486
Тивьяева И.В. ПРОЦЕССЫ ПАМЯТИ В ОТРАЖЕНИИ НЕОЛОГИЗМОВ.....	490
Толстых О.А. ПАРЕМИИ О ТРУДЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	494
Туарменская А.В. СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА <i>ГЛУПЕЦ</i> НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО СЛОВОМ <i>FOOL</i>	498
Туарменский А.В. ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	502
Турбина О.А. ОБЪЕКТИВНОЕ ЛОГИЧЕСКОЕ ЛИЦО И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДОПОЛНЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	505
Федюнина И.Э. КАЛАМБУР КАК СРЕДСТВО РАСШИРЕНИЯ КОГНИТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	510
Фомина З.Е. МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ КОНЦЕПТА <i>ИДЕИ</i> В ФИЛОСОФСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В. ФОН ГУМБОЛЬДА	514
Фомина М.А. КОНСТРУИРОВАНИЕ ФРЕЙМА СОБЫТИЯ, СВЯЗАННОГО С РЕЗУЛЬТАТОМ ДЕЙСТВИЯ СТИХИЙНОЙ СИЛЫ	518
Хуан Циньянь СПЕЦИФИКА ЖЕСТОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 家 (СЕМЬЯ) В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	522
Цымбалов Д.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЮМОРА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ КОМЕДИЙНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ	525
Чвинова А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ ПРЕДЛОГА <i>DANS</i> (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).....	529
Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Кучмистый В.А. ТЕКСТ И СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕДАЧИ СТРУКТУР ЗНАНИЯ О РЕАЛЬНОСТИ.....	533

Ченских Е.П., Ионина А.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ LIFE-BOOK В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	537
Чернобаев Б.Д. ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ РАЗЛИЧИЙ МАЛАЙЗИЙСКОГО И ИНДОНЕЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА	541
Чуксина Е.А. СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕННОГО В ВИДЕ СЦЕНАРИЯ КОНЦЕПТА <i>FEAR</i>	545
Чупрына О.Г. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВОЗРАСТА КАК МНОГОКОМПОНЕНТНОГО ФОРМАТА ЗНАНИЯ.....	549
Шершукова О.А. СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ У ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕН В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНОЕ VS ЯЗЫКОВОЕ.....	552
Ягафарова Г.Н. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЛЕНИВЫЙ ЧЕЛОВЕК В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ.....	556
Яковенко Е.Б. ДЕЛИМИТАЦИЯ ЧАСТЕЙ СУТОК И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	560
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА	
Абдуллина Л.Р., Лукина М.С. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРЕЙМ-СЦЕНАРИЯ «ПРОДВИЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ» В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	565
Арнаутова Н.Р. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	568
Арыджан Д. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ «ПИСЬМОВНИК» М. ШИШКИНА: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ.....	571
Асташкина Н.Н. СТРАТЕГИИ ДИСКУРСИВНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	575
Безукладова И.Ю., Кузьмина Е.А. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ.....	579
Белошицкая Н.Н. НЕИСКРЕННОСТЬ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ДРАМАТУРГИЧНОСТИ В ОБЫДЕННОМ ДИСКУРСЕ	583
Беспалова Е.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧАСТНИКОВ НЕМЕЦКОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА О ЛАНДШАФТЕ	587

Большакова Т.М. СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТ <i>FEHLVERHALTEN</i> (НЕПОДОБАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ) В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ШКОЛЬНОМ НОРМАТИВНОМ ДИСКУРСЕ	591
Большакова Т.С. К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	595
Борботько Л.А. ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЦИФРОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 3 «С»: СОБЫТИЙНОСТЬ, СИТУАТИВНОСТЬ, СИМУЛЬТАННОСТЬ	599
Бородовская Ю.В. МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	602
Бочарникова Е.А., Дроздова Т.В. ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ В АСПЕКТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦИФРОВОГО МЫШЛЕНИЯ	606
Бронникова О.В., Головки А.С., Ульянова О.Б. ВОДА В ЗАГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ	610
Ведута О.В., Сурмятова Ю.В. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА <i>ЗДОРОВЬЕ</i> В УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ	614
Грушечная М.И. НЕОЛОГИЗМЫ ДИСКУРСА МОДЫ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	618
Джамилли Ф.Х. РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ВЫРАЖЕНИИ ГЕНДЕРНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ	621
Дин Сиюй АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ МЕТАФОР В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА НА 16-Й ВСТРЕЧЕ ЛИДЕРОВ СТРАН БРИКС)	624
Дронова Н.П. «ГРОТЕСКНЫЙ РЕАЛИЗМ» В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «ШУТОВСКОЙ НАСМЕШКИ» В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	628
Ефименко Т.Н. РОЛЬ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА В ОРГАНИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ	632
Ефимова А.Д. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕКЛАМНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ «БРЕНД» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	636
Заболотнева О.Л. ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ	640

Захаров О.И. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИХ АНТРОПОНИМОВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	644
Защитина Г.В. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ	647
Зорина Е.С., Мызникова Я.В. ДИСКУРС ОХОТЫ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ VS ЖИВАЯ РЕЧЬ	650
Зубова Т.Б. ПОНЯТИЕ «ОЦЕНОЧНОСТЬ» КАК КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ	654
Ибрагимли Н.К. РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В СОЗДАНИИ АУТЕНТИЧНЫХ ДИАЛОГОВ	661
Иванова С.В., Мухина Н.Б. ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ В ТРИАДЕ ФУНКЦИЙ РЕЧИ: КОГНИТИВНАЯ – ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ – КОММУНИКАТИВНАЯ	662
Иванова Ю.Е. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАСТНИКОВ В РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ НЕСОГЛАСИЯ	666
Исаева И.П. АНАЛОГИЯ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ ОСМЫСЛЕНИИ РЕЧИ КИНОГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КИНОДИСКУРСА СЕРИАЛА «УЭНСДЕЙ»).....	670
Калинина Л.В. ЦИФРОВОЙ СЛЕД КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНОЧНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РУНЕТА)	674
Каменева А.Д. ТРАНСЛИНГВАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: КОНТАКТ ЛИНГВОКУЛЬТУР	678
Колесникова О.И. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО <i>ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ</i> В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ МЕДИАКРИТИКЕ.....	681
Кондратьева О.Н., Сатучина Т.Ю. СЕМАНТИЗАЦИЯ ЭТНОНИМА «РУССКИЕ» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ	685
Кошкарлова Н.Н. ОБРАЗ РОССИИ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИНДИИ НАРЕНДРЫ МОДИ	689
Крижановская Е.М. СОЗДАНИЕ ОБРАЗА СССР В АВТОРСКОМ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЕ Г.А. ЗЮГАНОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЛИДЕРА РОССИЙСКИХ КОММУНИСТОВ	692
Купцов А.Е. ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	696

Кусоцкая Е.С. РОЛЬ МОДЕРАТОРА В КОНФЛИКТНОМ РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОППОНЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ДЕБАТОВ ПРАЙМЕРИЗ США 2019-2020 И 2023-2024 ГГ.....	700
Лагутова А.С. КОНЦЕПТ <i>СВЕТИЛЬНИК</i> В ПРОСТРАНСТВЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА АКАФИСТА)	704
Лебедева И.С., Грибанова Т.И. КОГНИТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ.....	708
Ли Минжуй СТЕРЕОТИПЫ О РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИНАХ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЛИДЕРОВ	713
Ловчикова А.А. ЯЗЫК ВЛАСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ СТРАН БРИКС (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА).....	716
Лотарева С.М. КОММУНИКАТИВНЫЕ РОЛИ МЕДИЙНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ: «ПРОРОКИ» И «ЛЖЕПРОРОКИ».....	719
Мангова О.Б. ОПЕРАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ <i>КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ</i> КАК МАРКЕР АКТОРНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ	723
Мегахед М.М.Ф., Кошкарлова Н.Н. ОБРАЗ РОССИИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЕГИПТА	727
Миронова М.Ю. ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ: КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	731
Михайлов А.В., Михайлова Т.В. ИДЕОЛОГЕМЫ-ДВИЖИТЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТЕКСТАХ О РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ	734
Москвина Ю.А., Незнанова М.С. ЛЕКСЕМА <i>ДУША</i> В РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСКОГО ДИСКУРСА	738
Мустхофа М.Ю. ЦЕННОСТЬ ШКОЛЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СТЕНДАП-КОМЕДИИ	742
Найок О.Б. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В ОНЛАЙН-КОММЕНТАРИЯХ ЧИТАТЕЛЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ	745
Насибуллова Г.Р. ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК СПОСОБ СЕМАНТИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЖЕНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	749
Орлянская М.Н. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА <i>ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ</i> <i>БЕЗОПАСНОСТЬ</i> В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	753

Подолько А.С. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛА «74.РУ»).....	757
Пономарева О.Б., Пономарева Е.Ю. МНОГОФОКУСНАЯ ПРИРОДА РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА В КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКЕ	761
Потемкина В.М. РОЛЬ ИДЕОЛОГЕМЫ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ	765
Прийма Т.И. ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА МЕДИАЦИИ В СИТУАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАСКОЛА (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТА «FRANCO-GERMAN PLAN TO RESOLVE THE KOSOVO-SERBIA DISPUTE»).....	769
Проконина Н.И., Абакумова О.Б. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ФЕНОМЕН БИЗНЕС-ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)	771
Радюшкина А.А., Космодемьянская В.И. РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОБЕДНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ 47-го ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА).....	775
Рахимова А.Р. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА КОНФЛИКТА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ	779
Рябцева Е.С. СВЯТОЕ В ЗЕРКАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ	783
Сапиева С.К. ЯЗЫК И МИФ: КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА КАВКАЗА.....	788
Сигал К.Я. ЗНАК ПРЕПИНАНИЯ И КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: К ОБЪЯСНИТЕЛЬНОМУ ПОТЕНЦИАЛУ КОГНИТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ	792
Сороколетова Н.Ю. ИНТОНАЦИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КОМПЬЮТЕРНО- ИГРОВОМ ДИСКУРСЕ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	796
Стефанович М.В. РОЛЬ НАРЕЧИЙ НА -LY В КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ	799
Стрельцова А.В. ФРЕЙМ CREATING OF SOCIALIST REALISM ART КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА СОЦРЕАЛИЗМА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	803
Таймур М.П. NAMING В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ.....	810

Теплякова А.Б. ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ФОКУСИРОВАНИЯ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА.....	811
Тимралиева Ю.Г. СПОРТИВНАЯ МЕТАФОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ	815
Травина Е.А. “THESE WOMEN ARE FIERCE”: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ МЕДИАОБРАЗА ЖЕНЩИН-МАОРИ В ДИСКУРСЕ НОВОЗЕЛАНДСКИХ СМИ	819
Трошенкова Е.В. РЕАПРОПРИАЦИЯ ЦЕННОСТИ FREE SPEECH В РЕСПУБЛИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	823
Тюкина Л.А. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ	827
Уженцева А.С. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ КАК КРИТЕРИЮ УСПЕШНОСТИ ПРОЦЕССА ОБЩЕНИЯ	830
Усманова Л.А. ОСОБЕННОСТИ СНОВИДЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ	834
Хаддад Сельсабил, Нурутдинова А.Р. СИЛА НЕВЫСКАЗАННОГО: ПРАГМАТИКА И ИМПЛИКАТУРА	842
Хадулаева У.Ш., Чемодурова З.М. СТРАТЕГИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ РЕЦЕПТА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ДИСКУРСЕ ТЕЛЕВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ КУЛИНАРНЫХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ	842
Хайле Б.Д. ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОР В ВЫСТУПЛЕНИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ЭФИОПИИ АБИЯ АХМЕДА АЛИ НА ВРУЧЕНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА	845
Хэкетт-Джонс А.В. ТВОРЧЕСТВО КАК ДИСКУРСИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	849
Цинкерман Т.Н. МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ВОСПИТЫВАЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЗРОСЛОГО НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	853
Цобехия Г.Г. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Д. ТРАМПА)	857

Чермошенцева К.А. МЕТАФТОНИМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ ПРИ ОПИСАНИИ СОМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА БЕРЕМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАРРАТИВОВ).....	861
Чертоусова С.В. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	865
Чулкова Е.Д. ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В НОМИНАЦИИ РЕФЕРЕНТОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	869
Чупахина А.О. ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ С АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ХУДОЖНИКАМИ	873
Шашков И.А. ГИПЕРТЕКСТ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО СУБЪЕКТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	877
Шестопалова А.М. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАРЕЧИЯ В РАМКАХ КВАЗИСУБЪЕКТНОЙ МОДЕЛИ.....	880
Ширяева Т.А., Мосесова М.Э. ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ОБУЧАЮЩИХ ВЕБИНАРАХ	884
Шмелёва Е.С. О РОЛИ ПОВТОРА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТАБЛОИДОВ 2000–2024 ГГ.).....	888
Шутёмова Н.В. ВИДЫ ОЦЕНКИ В ЖАНРЕ ДЕКЛАРАЦИИ О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ	892
Щелокова А.А. ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ «РАСШИФРОВКИ» ОШИБОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НОСИТЕЛЕМ ЯЗЫКА.....	896
Яременко В.И. КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНО КОМПОЗИЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОПОВЕДИ КАК ЖАНРА ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ	899

CONTENTS

PREFACE	37

GENERAL PROBLEMS OF COGNITIVE LINGUISTICS

Aleksandrova O.V. DISCOURSE FUNCTIONS OF THE LINGUISTIC PERSONALITY	43
Babenko L.G. THE MODAL SPACE OF A LITERARY TEXT: COGNITIVE STRATEGIES OF FORMATION AND REPRESENTATION	47
Boldyrev N.N. COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE IN THE AGE OF DIGITALIZATION	52
Gvishiani N.B. COGNITIVE MECHANISMS OF LINGUISTIC CREATIVITY IN TRANSLATING A LITERARY TEXT	56
Demyankov V.Z. CONSTRUCTIONAL PARAMETERS OF DISCOURSE	64
Zykova I.V. PERLOCUTIONARY POTENTIAL OF PHRASEOLOGY IN THE MULTIMEDIA CORPUS OF FILMS	69
Karasik V.I. CONCEPTUALIZATION OF LIGHT AND DARKNESS IN PROVERBS AND APHORISMS	73
Klepikova T.A. LANGUAGE-BASED TRIGGERS OF COGNITIVE DISTORTIONS	79
Kushneruk S.L. DIRECTIONS, SCIENTIFIC POTENTIAL AND PROSPECTS FOR THE STUDY OF WORLD-MODELING IN THE DIGITAL AGE	85
Ogneva E.A. THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF THE INFORMATIVE CODE IN COGNITIVE CONSTRUCTS	89

PROBLEMS OF CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF THE WORLD IN LANGUAGE

Abdulganeeva I.I. EXPLORING THE PRAGMASEMANTIC PROPERTIES OF NOMINAL AUGMENTATIVES: A DIGITAL APPROACH	94
Abramenko E.V. PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING VALUES IN SPANISH LINGUOCULTURE	98

Alekseeva E.A. THE MECHANISM OF ACTION CONCEPTUALIZATION IN THE ASPECT OF SYNTAX	102
Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. ORIGINS OF RUSSIAN COGNITIVISM IN LINGUISTICS	106
Al-Lami H.M. MORPHOLOGICAL COMPLEXITY OF RUSSIAN AND ENGLISH MEDICAL NEWS ARTICLES.....	106
Anisimova I.V., Vychuzhanina A.Yu. LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENTS «WHITE» AND «BLACK» IN DIFFERENT LANGUAGES.....	113
Afyan K.A., Sergienko N.A. LEXICOGRAPHIC ANALYSIS OF THE CONCEPT <i>THE NORTH</i> IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES	117
Babina L.V. N+A COMPOUND ADJECTIVES: MODELS OF CREATION AND CONFLICTOGENIC POTENTIAL	121
Balakin S.V. SECONDARY CATEGORIZATION OF THE GRAMMATICAL CONCEPT OF TIME IN FRENCH.....	124
Balandina I.D. TOPONYMIC FRAMES IN LANGUAGE (BASED ON ENGLISH)	128
Berzina G.P. THE COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT OF THE MODUS CATEGORY	132
Bitokova S.Kh. ETHNOCULTURAL DETERMINISM OF WORLD CATEGORIZATION	136
Bondarchuk G.G. LEXICAL VARIABILITY OF THE ENGLISH LANGUAGE: COGNITIVE ASPECT	140
Borodulina L.O. THE HYBRIDITY OF THE ITALINGLISH LANGUAGE CODE SYSTEM (USING THE EXAMPLE OF ITALIAN-AMERICAN POETRY).....	144
Bochkarev A.I. ON ACTUALIZING THE VALUE CONCEPT OF <i>INTELLIGENCE</i> IN MODERN HUMOROUS DISCOURSE	147
Bugaeva I.V. SAINTS' NAMES AS AN ONOMASTIC CONCEPT.....	151
Burdaeva T.V. SYNTACTIC CONCEPT FIELD MODEL (BASED ON GERMAN LANGUAGE).....	155

Buhner N.Yu. LINGVOCOGNITIVE NATURE OF ENGLISH SLANG (EXEMPLIFIED BY THE WORD “FASHIONABLE”).....	159
Wang Tianjiao METONYMIC MODELS OF LOVE IN ITS CONCEPTUALIZATION BASED ON RUSSIAN PAROEMIAS.....	164
Wang Jiyuan HERO IMAGE AS LINGUOCULTURAL SYMBOL OF RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN THE VIEW OF T.G. DOBROSKLONSKAYA’S INFORMATION MODEL	168
Vdovina V.B. THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE CONCEPT OF <i>TRADITION</i>	171
Vepreva I.T., Kharitonova A.V. FRAMING REGIONAL IDENTITY BASED ON COGNITIVE-ORIENTED FUNCTIONS OF PARTICLES	175
Vlasova A.A. LINGUISTIC MEANS OF FORMING EVALUATION PATTERNS IN MEDIA TEXTS	179
Voronina L.V. THE ROLE OF SOCIOCULTURAL CONTEXT IN THE PERCEPTION OF GERMAN REASONED WORDS	183
Voropaev N.N. HOW PRECEDENT PHRASEOLOGICAL UNITS FORM THE COGNITIVE BASE OF THE CHINESE	187
Gavrilova A.V. THE RESULT OF PROFESSIONAL ACTIVITY AND ITS EVALUATION IN LANGUAGE.....	191
Gishkaeva L.I. REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL PAIR TRUE – JUSTICE IN RUSSIAN AND ENGLISH PAROMEOLGY.....	195
Govorova L.A. LEXICAL MARKERS OF NATIONAL IDENTITY IN BLOG DISCOURSE (BASED ON THE CORPUS OF AMERICANISMS USED IN BLOGS OF RESIDENTS OF MEXICO, COLOMBIA, ARGENTINA, PERU)	198
Golubkova E.E., Zakharova A.G. NOMINATIVE PECULIARITIES OF DERIVATIVES FROM ABBREVIATIONS WITH PRECEDENT COMPONENT	202
Gridina T.A., Konovalova N.I. ERGONYMS IN THE ASPECT OF PERCEPTION AND GENERATION: EXPERIMENTAL DATA.....	206
Gritsachenko M.N., Kolosovskaya T.L. THE TRANSFORMATION OF THE BIBLICISM “NO SONG, NO SUPPER” INTO THE SYNTACTIC CONSTRUCTION “WHO DON’T V1, (DON’T) V2”	210

Guan Shuyang THE FRAME ANALYSIS OF THE CONCEPT OF <i>BULLYING</i> BASED ON MODERN MEDIA TEXTS.....	214
Gubarev S.D. THE PROBLEM OF DOING GENDER IN MODERN ENGLISH.....	217
Guseva O.A. ENGLISH “LAUGH” AND “CRY” PHRASAL VERBS.....	221
Danilenko I.A. INTERPRETATIONAL POTENTIAL OF COGNITIVE CONSTRUCTS	225
Danilova V.A., Danilov A.G. EXPRESSION OF EMOTIONS IN ITALIAN AND PORTUGUESE PHRASEOLOGISMS WITH THE COLOR COMPONENTS “PINK” AND “GRAY”	228
Dediukhina A.S. FUNCTIONS OF SEMANTIC TYPES OF SUBJECTS IN STATEMENTS WITH PREDICATES OF PARTITIVE SEMANTICS.....	232
Dorzhu A.Kh.Sh. REPRESENTATION OF THE CONCEPT <i>EVIL / ӨИЛ, ХОРА</i> IN RUSSIAN AND TUVAN PHRASEOLOGY AND PAROMEOLGY	236
Dukhnova M.A. THE COGNITIVE METAPHOR OF SOUND BY O. MANDELSTAM’S POETRY (BASED ON THE MATERIAL FROM THE POETRY COLLECTION “STONE”).....	240
Eprintseva U.N. CONCEPTUAL INTEGRATION AS A MENTAL BASIS OF THE PROCESS OF PHRASEOLOGIZATION (BASED ON THE MATERIAL OF FRENCH PHRASEOLOGISM).....	243
Erofeeva E.V. CATEGORIZATION OF OBJECTS WITH UNCLEAR FUNCTIONALITY BY RUSSIANS AND CHINESE.....	247
Zhulina E.B. PAST SUBJUNCTIVE IN THE ENGLISH LANGUAGE: A HOLISTIC APPROACH	251
Ivanishin D.A., Kononova M.V. SUFFIX -ISM AS A WAY TO FORM A POLITICAL CONCEPT WITH A NEGATIVE CONNOTATION	255
Ivanova O.A. BERLINER DÖNER AS FOOD AND CULTURALLY RELEVANT CONCEPT	259
Ivashenko O.V. EMOTIONAL COMPONENT OF THE RUSSIAN CULTURAL CONCEPTS (BASED ON LINGUISTIC ANALYSIS).....	262

Ikonnikova O.N. THE ROLE OF THE SALISH LANGUAGES IN THE RECONSTRUCTION OF THE HYPOTHETICAL MODEL OF DIACHRONY OF SUBSTANTIVES (WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SALISH LANGUAGE HALKOMELEM)	266
Kazanskaya E.V. SEMIOTIC CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT SPHERE IN THE SCIENTIFIC COMMUNICATION ASPECT	271
Katermina V.V. WELL-BEING AS AN AXIOLOGICAL DOMINANT OF ENGLISH-LANGUAGE NEOLOGICAL DISCOURSE	274
Kleimenova V.U. TERM AND CONCEPTUALIZATION OF FICTIONAL WORLD	278
Klimova T.V. THE PECULIARITIES OF THE REPRESENTATION OF SIGNIFICANT EVENTS OF PUBLIC LIFE IN THE CHRISTMAS ADDRESSES OF ELIZABETH II AS A WAY OF WORLD MODELLING	282
Kovalchuk D.A. NOMINATIVE FIELD OF <i>INSTRUCTION</i> CONCEPT IN THE FRENCH: BORDERS AND COMPONENTS	286
Kozhukhova I.V. CONSTRUCTION OF THE ROMA IMAGE IN REGIONAL CONFLICT DISCOURSE	289
Kononova I.V., Kochetova L.A. METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF VALUE OF <i>MENTAL HEALTH</i> IN THE ENGLISH MEDIA	293
Korneva V.V. RECATEGORIZATION AS A SOURCE OF TRANSONIMIZATION	297
Kostrova O.A. ETHNOSPECIFICITY OF THE DIATESIS FIELD IN GERMAN LINGUOCULTURE	301
Kravchenko M.A. ON THE MEANINGS OF <i>MEANING</i> ACCORDING TO EVERYDAY METALANGUAGE DATA	305
Krasikova E.A. COGNITIVE STRUCTURES UNDERLYING MULTIDIMENSIONAL LEXICAL CATEGORIES (BASED ON EMOTIVE VERBS OF ‘CRYING’ IN CHINESE)	309
Kuleshova D.Y. THE CONCEPT <i>EVALUATION</i> IN THE ASPECT OF COGNITIVE MECHANISMS OF CONCEPTUAL METAPHORIZATION (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)	312
Kutimskaja A.Ju. THE BASIC LEVEL OF THE TAXONOMY OF RUSSIAN BANKING CONCEPTS	315
Kshenovskaya U.L. COGNITIVE MECHANISMS OF LINGUISTIC CREATIVITY	319

Laenko L.V. CONCEPTUALIZATION OF PHYSIOLOGICAL PERCEPTION IN ENGLISH.....	322
Leontieva A.V., Kazachenko O.V. BLACK VS WHITE SWAN: PECULIARITIES OF THE IMPLIED.....	326
Lipina E.A. PERIPHRASES WITH THE COLOUR COMPONENT <i>BLEU</i> IN THE FRENCH LANGUAGE	330
Los' A.L. ACTUALIZATION OF PERCEPTUAL SITUATIONS REPRESENTED BY THE VERBS WITH THE MEANING 'LIGHT' IN RUSSIAN.....	333
Lyzlov A.I. THE DYNAMICS OF THE EVALUATIVE MEANINGS OF THE CONCEPTUAL SPHERE <i>MAN</i> IN ENGLISH IDIOMS	337
Makarova A.S. THE ROLE OF STYLISTIC SPACE IN THE PROCESS OF CONCEPTUALIZATION OF THE LEXEME CROSS OF MEDIA SERMONS.....	341
Mamonova N.V. THE MASS MEDIA CONCEPT <i>MIGRANT</i> IN THE DIGITAL TEXTUALITY OF "THE MULTINATIONAL" TELEGRAM CHANNEL	345
Manik S.A. TRANSFORMATION OF COGNITIVE MODEL OF DICTIONARY TITLE (AS EXEMPLIFIED BY POLITICAL DICTIONARIES)	349
Markova Y.B. GRAMMAR PECULIARITIES OF EXPRESSING LOVE CONCEPT IN THE 17 TH CENTURY ENGLISH TRANSLATIONS OF LATIN POEMS	353
Marutina E.A. THE CORE OF THE CONCEPT OF <i>CANCEL CULTURE</i> : LEXICAL MEANS OF EXPRESSION.....	356
Melikyan M.V. GERMAN-LANGUAGE AUDIO DESCRIPTION FROM THE STANDPOINT OF FRAME SEMANTICS (FRAME "SPACE")	360
Melnikova A.V., Melnikova K.A. CONCEPTUAL DERIVATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN TERMS OF LINGUOPRAGMATIC NEUTRALISATION	364
Melnikova K.A. FEATURES OF NOMINATION IN LINGUOPRAGMATIC NEUTRALISATION PHENOMENON	367
Minyar-Beloroucheva A.P. CONCEPTUAL METAPHORS AND METAPHORICAL MODELS AS MODERN POLITICAL DISCOURSE CONCEPTUALIZATION TOOLS	371
Mikhailova O.A., Mikhailova J.N. LINGUOCOGNITIVE INTERPRETATION OF STATEMENTS WITH FUNCTIONAL STATE PREDICATES AND INANIMATE SUBJECTS (BASED ON CORPUS DATA).....	374

Mongush Sh.V. THE CONCEPT <i>HUNTER</i> : LEXICAL REPRESENTATION (ON THE EXAMPLE OF THE TUVAN LANGUAGE).....	378
Moskalyuk L.I., Chistyukhina E.A. COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF WORLD CATEGORISATION (BASED ON THE SHVANKS OF RUSSIAN GERMANS).....	382
Mukhina I.K. MAP-SCHEME AS AN IMPLEMENTATION OF LOGICAL-SEMANTIC RELATIONSHIPS IN COGNITIVE-DENOTATIVE GROUP “OLFACTORY PERCEPTION”	386
Nemirov V.Y. PHYTONYMS AS A MEANS OF CREATION OF LINGUISTIC AND CULTURAL IMAGE OF AUSTRALIA (ON THE MATERIAL OF POETIC WORKS OF N. KRUK).....	390
Nefedova L.A., Smagulova A.S. SOME METHODS OF CATEGORIZATION OF THE MEDICAL TERMINOSYSTEM (ON THE MATERIAL OF ENGLISH, RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES).....	394
Nikolaeva M.N. CONCEPTUALISATION OF BLUE COLOURONYMS IN THE ITALIAN LANGUAGE	398
Nikulina N.A., Galaktionova N.A. ACTUALIZATION OF PEOPLES OF RUSSIA CONCEPTOSPHERE COMPONENTS IN THE STATE PROGRAM DOCUMENTS.....	402
Nilsen E.A., Efremova M.P. NUCLEAR COGNITIVE FEATURES OF SAFETY/ SECURITY CONCEPT.....	405
Nurutdinova A.R. THE STUDY ON THE SPLANCHNONYMIC INTELLIGIBILITY OF PAREMIOLOGICAL UNITS IN THE JAPANESE AND ENGLISH LANGUAGES.....	405
Onal I.O. ONOMASTIC REPRESENTATION OF FRIENDSHIP AND FEUD.....	413
Pavlova D.S., Shtamova M.A. MODELING THE STRUCTURE OF THE CONCEPT <i>UNIVERSITY</i> IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF KOREANS AND RUSSIANS	418
Polyanchuk O.B. FEATURES OF CONCEPTUALIZATION AND VERBALIZATION BY MEANS OF PHRASEOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE).....	422
Popov A.A. VERBALISATION OF INFORMATION ABOUT NEGATIVE QUALITIES OF BUSINESS COLLEAGUES AS A BASIS FOR CO-ACTIVATION OF INFORMATION ABOUT POSITIVE CHARACTERISTICS OF CULTURE BEARERS	426

Popova E.A., Lavinskaya M.V. MANIFESTATION OF IDIOMATICITY IN THE FORMATION OF COMPOUND WORDS IN SPANISH LANGUAGE	429
Popova T.V., Chepkasova A.V. LEXICAL SEMANTICS OF SENSORY ADJECTIVES КРАСНЫЙ/RED IN EXPLANATORY DICTIONARIES: THE COGNITIVE ASPECT	435
Prirodina U.P. IMPORTANT PROPERTIES OF ONYMS FOR THE COGNITIVE APPROACH (BASED ON THE MATERIAL OF TOPONYMS)	439
Prosvirnina I.S., Yuan Liang THE SCALE OF THE HOT-COLD OPPOSITION IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES	443
Reiner A.I. REALISATION OF THE COGNITIVE METONYMIC MODEL ‘PART OF THE SUBJECT – ITS STATE’ IN STABLE PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 16 TH –17 TH CC.	447
Romanova T.V. TYPES OF TERMS AND THEIR RELATIONS IN THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF COGNITIVE LINGUISTICS	450
Ryzhkina E.V. MECHANISMS OF CONCEPTUAL DERIVATION UNDERLYING THE FORMATION OF PROFESSIONAL TERMS ON THE BASIS OF IDIOMS IN MODERN ENGLISH	454
Riabykh E.B., Bezukladova I.Y. THE FRAGRANCE OF PERFUMES THROUGH THE LENS OF INDIVIDUAL METAPHORICAL INTERPRETATION	458
Savvateeva I.A. FEATURES OF OBJECTIVATION OF DISTANT RELATIONS IN BEHAVIOR IN ITALIAN AND ENGLISH LANGUAGES (BASED ON THE CONCEPT OF <i>FAKE</i>)	462
Samkova M.A. COGNITIVE MODELS OF SEMANTIC DERIVATION: THE CASE STUDY OF ETHNOPHAULISMS AS CONFLICTOGENIC NOMINATIONS	466
Sivova T.V. COLOUR REPRESENTATION OF PEAR: LEXICOGRAPHIC, ASSOCIATIVE AND ARTISTIC SPACE	470
Sidorova M.D. COGNITIVE METAPHOR HEDGEHOG IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES.....	474
Smurova O.V. THE GESTALT FUNCTION OF “DOUBT” AS PERIPHERY OF THE CONCEPT OF <i>EPISTEMIC EVALUATION</i>	478

Sun T. IDEAS OF PATIENCE IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES (ACCORDING TO THE PROVERBS)	482
Sukhorukova A.R. MODELING A FRAGMENT OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS ASSOCIATED WITH EUPHEMISMS IN PHILOLOGY MAJORS.....	486
Taskaeva A.V. CULTURONYMS AS ELEMENTS OF REGIONAL CULTURE (ON THE EXAMPLE OF THE CHELYABINSK REGION)	490
Tivyayeva I.V. MEMORY PROCESSES VIEWED THROUGH THE LENS OF NEOLOGISMS	494
Tolstykh O.A. PAREMI ABOUT LABOR IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES: COMPARATIVE ANALYSIS.....	498
Tuarmenskaya A.V. THE CONTENT OF THE CONCEPT <i>FOOL</i> BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE WORD <i>FOOL</i>	502
Tuarmenskiy A.V. DIGITAL DIPLOMACY AS AN OBJECT OF INTERPRETATION IN MODERN ENGLISH.....	505
Turbina O.A. OBJECTIVE LOGICAL PERSON AND CATEGORIZATION OF OBJECT IN FRENCH.....	509
Fedyunina I.E. PUN AS A WAY OF EXPANDING COGNITIVE-PRAGMATIC PROPERTIES OF ENGLISH IDIOMS	513
Fomina S.E. METAPHORS AS A MEANS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION OF THE CONCEPT OF <i>IDEAS</i> IN PHILOSOPHICAL WORLDVIEW OF W. VON HUMBOLDT	518
Fomina M.A. ELEMENTAL FORCES OF NATURE AND THEIR EFFECT: FRAMING THE EVENT STRUCTURE	522
Huang Qinyan SPECIFICS OF SIGN REPRESENTATION OF THE CONCEPT 家 (FAMILY) IN CHINESE LINGUOCULTURE	525
Tcymbalov D.A. CONCEPTUALIZATION OF HUMOR IN MODERN CINEMATOGRAPHY.....	528
Chvirova A.A. CONCEPTUALIZATION OF SPACE USING THE PREPOSITION <i>DANS</i> (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE).....	532

Chekulai I.V., Prokhorova O.N., Kuchmistyy V.A. TEXT AND SUPRA-PHRASAL UNITY AS THE LINGUISTIC FORMS OF DENOTING KNOWLEDGE STRUCTURES ABOUT REALITY	536
Chenskikh E.P., Ionina A.A. REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL METAPHOR OF LIFE-BOOK IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE	541
Chernobaev B.D. THE INFLUENCE OF LINGUISTIC DIFFERENCES BETWEEN THE MALAYSIAN AND INDONESIAN LANGUAGES ON THE FORMATION OF A NATIONAL CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD	545
Chuksina E.A. WAYS OF REPRESENTATION OF FEAR CONCEPT PRESENTED IN THE FORM OF A SCENARIO	549
Chupryna O.G. CONCEPTUALIZATION OF AGE AS A MULTI-COMPONENT FORMAT OF KNOWLEDGE	552
Shershukova O.A. THE SPECIFICS OF EXPRESSING OBJECTIVITY IN MASS NOUNS IN PORTUGUESE: COGNITIVE VS LINGUISTIC.....	556
Yagafarova G.N. REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF A LAZY PERSON IN THE BASHKIR LANGUAGE	560
Yakovenko Ye.B. DELIMITATION OF THE PARTS OF THE DAY AND THEIR NAMING IN THE ANGLO-SAXON WORLDVIEW	564
COGNITIVE-DISCURSIVE STUDIES OF LANGUAGE	
Abdullina L.R., Lukina M.S. COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS OF THE “REAL ESTATE PROMOTION” FRAME SCENARIO IN ADVERTISING DISCOURSE	568
Arnautova N.R. THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PRECEDENT PHENOMENA IN ADVERTISING DISCOURSE	571
Arıcan D. EXISTENTIAL CONSTRUCTIONS IN M. SHISHKIN’S “LETTERMAN”: A DISCURSIVE ASPECT	575
Astashkina N.N. STRATEGIES OF DISCURSIVE MANIPULATION IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE	579
Bezukladova I.Yu., Kuzmina E.A. COGNITIVE BASES OF FORMATION OF THE IMAGE OF A POLITICIAN IN THE MODERN GERMAN PRESS	583

Beloshitskaya N.N. INSINCERITY AS A CONCEPTUAL FOUNDATION OF THE DRAMATURGY STRATEGIES IN EVERYDAY DISCOURSE	587
Bespalova E.V. LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTITY OF PARTICIPANTS IN THE GERMAN SCIENTIFIC DISCOURSE ON LANDSCAPE	591
Bolshakova T.M. CONTENT OF THE CONCEPT <i>FEHLVERHALTEN</i> (INAPPROPRIATE BEHAVIOR) IN GERMAN SCHOOL NORMATIVE DISCOURSE	595
Bolshakova T.S. ON THE ISSUE OF MODELING MILITARY-DIPLOMATIC DISCOURSE.....	598
Borbotko L.A. THEATRICAL DISCOURSE THROUGH DIGITAL PRISM: EVENTNESS, SITUATIONALITY, SIMULTANEITY	602
Borodovskaya Y.V. METAPHOR AS A COGNITIVE TOOL IN CONTEMPORARY BUSINESS ENGLISH DISCOURSE.....	606
Bocharnikova E., Drozdova T.V. INTERDISCOURSITY FROM THE PERSPECTIVE OF DIGITAL THINKING FEATURES REPRESENTATION	610
Bronnikova O.V., Golovko A.S., Ulyanova O.B. WATER IN THE DISCOURSE OF CHARMS	613
Veduta O.V., Surmyatova Yu.V. PRAGMATIC FEATURES OF THE CONCEPT <i>HEALTH</i> IMPLEMENTATION IN THE EDUCATIONAL DISCOURSE.....	617
Grushevaya M.I. NEOLOGISMS OF FASHION DISCOURSE: COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT	620
Jamilli F.H. THE ROLE OF PROSODIC MEANS IN EXPRESSING GENDER DOMINANCE	624
Ding Siyu ANALYSING THE SOCIAL COGNITION OF ANTHROPOMORPHIC METAPHORS IN CONTEMPORARY POLITICAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON XI JINPING’S SPEECH AT THE 16 TH BRICS LEADERS’ MEETING)	628
Dronova N.P. “GROTESQUE REALISM” IN THE CONCEPTUALIZATION OF “JOKER’S MOCKERY” IN COMIC DISCOURSE	632
Efimenko T.N. COGNITIVE CONTEXT CONTRIBUTION TO THE INFLUENCE ARRANGEMENT IN MEDIA TEXTS	636
Efimova A.D. CONCEPTUAL CHARACTERISTICS OF ADVERTISING BORROWING “BRAND” IN MEDIA DISCOURSE.....	640

Zabolotneva O.L. STUDY OF THE ELITIST LINGUISTIC PERSONALITY OF A SCIENTIST IN THE ENGLISH-LANGUAGE UNIVERSITY DISCOURSE	644
Zakharov O.I. COGNITIVE MECHANISMS OF FORMATION OF POLYSYNTHETIC ANTHROPONYMS IN THE VIRTUAL SPACE	647
Zashchitina G.V. AXIOLOGY OF PERIPHRAIS IN MODERN ENGLISH JOURNALISTIC DISCOURSE	650
Zorina E.S., Myznikova Ya.V. DISCOURSE "HUNTING": FICTIONAL TEXT VS LIVING SPEECH.....	654
Zubova T.B. THE CONCEPT OF <i>EVALUATIVENESS</i> AS A COGNITIVE AND DISCURSIVE CATEGORY	658
Ibrahimli N.K. THE ROLE OF COGNITIVE SKILLS IN CREATING AUTHENTIC DIALOGUES	658
Ivanova S.V., Mukhina N.B. AIM AND RESULT IN THE TRIAD OF SPEECH FUNCTIONS: COGNITIVE – HEDONISTIC – COMMUNICATIVE	666
Ivanova Y.E. COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF ENGLISH SPEAKERS IN DISAGREEMENT	670
Isaeva I.P. ANALOGY IN THE INTERPRETATION OF A MOVIE CHARACTER SPEECH (BASED ON THE ENGLISH-LANGUAGE FILM DISCOURSE OF THE TV SERIES "WEDNESDAY")	674
Kalinina L.V. <i>DIGITAL FOOTPRINT</i> AS AN OBJECT OF AXIOLOGICAL DESCRIPTION (BASED ON RUNET TEXTS).....	678
Kameneva A.D. TRANSLINGUAL LITERATURE: TOUCHES TO THE PORTRAIT	681
Kolesnikova O.I. THE CONCEPTUAL SPACE <i>THE LANGUAGE OF A WORK</i> <i>OF FICTION</i> IN READERS' CRITICISM IN THE MEDIA.....	684
Kondratyeva O.N., Satuchina T.Yu. SEMANTIZATION OF THE ETHNONYM "RUSSIANS" IN THE DISCOURSE OF MODERN RUSSIAN MASS MEDIA.....	688
Koshkarova N.N. RUSSIA'S IMAGE IN NARENDRA MODI'S SPEECHES	692
Krizhanovskaya E.M. CREATING THE USSR IMAGE IN THE AUTHOR'S TELEGRAM CHANNEL OF G.A. ZYUGANOV AS A RESULT OF MENTAL REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN COMMUNISTS' LEADER	696

Kuptsov A.E. CHARACTERISTICS OF THE PRAGMATIC CONTENT OF FICTIONAL DIALOGIC DISCOURSE	700
Kusotskaya E.S. MODERATORS' ROLE IN CONFLICT COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF THE US DEMOCRATIC (2019-2020) AND REPUBLICAN (2023-2024) PRIMARIES.....	704
Lagutova A.S. THE <i>LUMINAIRE</i> CONCEPT IN THE RELIGIOUS DISCOURSE (THE EXAMPLE OF THE AKATHIST GENRE).....	708
Lebedeva I.S., Griбанова T.I. COGNITIVE FOUNDATIONS OF LINGUISTIC HEDGING IN BRITISH AND AMERICAN ADVERTISING	712
Li Mingrui STEREOTYPES ABOUT RUSSIAN WOMEN IN THE SPEECHES OF LEADERS.....	715
Lovchikova A.A. THE LANGUAGE OF POWER: POLITICAL METAPHORS IN THE DISCOURSE OF THE BRICS COUNTRIES (ON THE MATERIAL OF CHINESE LANGUAGE)	719
Lotareva S.M. THE COMMUNICATIVE ROLES OF MEDIA POLITICAL SCIENTISTS: "PROPHETS" AND "FALSE PROPHETS"	723
Mangova O.B. OPERATIONAL CONCEPT <i>SPACE MILITARIZATION</i> AS A MARKER OF POLITICAL ACTORNESS	727
Megahed M.M.F., Koshkarova N.N. THE IMAGE OF RUSSIA IN THE OFFICIAL POLITICAL DISCOURSE OF EGYPT.....	731
Mironova M.Y. THE DISCOURSIVE SPECIFICS OF EVALUATION IN THE GENRE OF A SCIENTIFIC ARTICLE: THE COGNITIVE-SEMANTIC ASPECT.....	734
Mikhaylov A.V., Mikhaylova T.V. IDEOLOGEMES DRIVING SOCIAL CHANGE IN TEXTS ON TERRITORIAL DEVELOPMENT.....	738
Moskvina I.A., Neznanova M.S. THE LEXEME <i>DUSHA</i> 'SOUL' IN RUSSIAN AND SPANISH PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN CHRISTIAN DISCOURSE	741
Musthofa M.Y. THE VALUE OF SCHOOL IN RUSSIAN STANDUP COMEDY	745
Nayok O.B. INTERPRETATION AND LINGUISTIC CREATIVITY IN READERS' ONLINE COMMENTS IN ENGLISH-LANGUAGE POPULAR SCIENCE DISCOURSE	749
Nasibullova G.R. PRECEDENT NAME AS A WAY OF SEMANTICIZING THE CULTURAL CODE IN MODERN RUSSIAN AND ENGLISH WOMEN'S ARTISTIC DISCOURSE.....	753

Orlianskaiia M.N. METAPHORIC INTERPRETATION OF ECOLOGICAL SECURITY IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA.....	757
Podolko A.S. INTERTEXTUAL POTENTIAL OF REGIONAL MASS MEDIA (BASED ON THE INTERNET PORTAL 74.RU).....	761
Ponomareva O.B., Ponomareva E.Y. MULTIDIMENSIONAL NATURE OF RHETORICAL QUESTIONS IN COGNITIVE POETICS.....	764
Potemkina V.M. THE ROLE OF IDEOLOGEME AS A CENTRAL UNIT IN MODERN POLITICAL- IDEOLOGICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF COGNITIVE RESEARCH IN THE DIGITAL AGE	768
Priima T.I. FEATURES OF MEDIATION DISCOURSE IN A SOCIAL CRISIS SITUATION: “FRANCO-GERMAN PLAN TO RESOLVE THE KOSOVO-SERBIA DISPUTE”	771
Prokonina N.I., Abakumova O.B. PHRASEOLOGICAL TERMS AS A PHENOMENON OF BUSINESS DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES).....	775
Radyushkina A.A., Kosmodemianskaia V.I. THE SPEECH STRATEGY OF THEATRICALITY IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE VICTORY SPEECH OF THE 47 TH PRESIDENT OF THE USA D. TRUMP)	779
Rakhimova A.R. SPATIAL METAPHOR OF CONFLICT IN SCIENTIFIC DISCOURSE	783
Riabtseva E.S. <i>HOLY / SACER</i> IN THE MIRROR OF TRADITIONAL FOLK CULTURE.....	788
Sapieva S.K. LANGUAGE AND MYTH: A COGNITIVE STUDY OF THE SYMBOLIC IMAGE OF THE CAUCASUS	791
Seagal K.Ya. PUNCTUATION MARK AND CONFLICT OF INTERPRETATIONS: TOWARDS THE EXPLANATORY POTENTIAL OF COGNITIVE STYLISTICS.....	795
Sorokoletova N.Yu. INTONATION OF INDUCEMENT IN THE ENGLISH LANGUAGE COMPUTER AND GAME DISCOURSE: TEMPORAL ASPECT.....	799
Stefanovich M.V. THE ROLE OF -LY ADVERBS IN COMMUNICATIVE TONALITY.....	803
Streltsova A.V. CREATING OF SOCIALIST REALISM ART FRAME AS A COGNITIVE BASIS OF DISCURSIVE INTERPRETATION OF SOCIALIST REALISM ART IN JOURNALISTIC DISCOURSE	807

Taymour M.P. NAMING IN MODERN DIGITAL ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING	807
Teplyakova A.B. LINGUOCREATIVE IMPLEMENTATION OF THE FOCUSING MECHANISM IN THE CONCEPTUALIZATION OF MILITARY CONFLICT	815
Timralieva J.G. SPORTS METAPHOR IN ECONOMIC DISCOURSE OF GERMAN-LANGUAGE MEDIA	819
Travina E.A. “THESE WOMEN ARE FIERCE”: ON THE SEMANTIC CONTENT OF MEDIA REPRESENTATIONS OF MAORI WOMEN IN NEW ZEALAND MEDIA DISCOURSE.....	822
Troshchenkova E.V. REAPPROPRIATION OF THE FREE SPEECH VALUE IN THE REPUBLICAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE	826
Tyukina L.A. COGNITIVE ASPECTS OF HUMOROUS DISCOURSE ON THE EXAMPLE OF JOKES IN ENGLISH-SPEAKING LINGUOCULTURE	830
Uzhentseva A.S. TONALITY AS A MEANS OF EFFECTIVE COMMUNICATION	834
Usmanova L.A. FEATURES OF DREAM NARRATIVE IN THE INTERNET COMMUNICATION.....	838
Haddad Selsabil, Nurutdinova A.R. THE POWER OF THE UNSAID: PRAGMATICS AND IMPLICATURE	839
Khadulayeva U.Sh., Chemodurova Z.M. THE STRATEGY OF EXPLANATION OF A RECIPE AND MECHANISMS OF ITS REALIZATION IN THE DISCOURSE OF THE TV HOSTS OF RUSSIAN AND BRITISH COOKING TV PROGRAMMES.....	845
Haile B.D. LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF METAPHORS IN THE SPEECH OF ETHIOPIAN PRIME MINISTER ABII AHMED ALI AT THE AWARDING OF THE NOBEL PEACE PRIZE	849
Hackett-Jones A.V. THE CREATIVE ASPECT OF DISCURSIVE ACTIVITY: THE ROLE OF CREATIVE THINKING IN BUILDING LINGUISTIC IDENTITY.....	853
Tsinkerman T.N. MODELING THE DISCURSIVE PATTERN OF THE EDUCATIVE SPEECH INFLUENCE OF ADULTS IN ENGLISH	857
Tsobekhia G.G. COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF PUBLIC SPEECH (THROUGH THE MATERIAL OF D. TRUMP’S SPEECH).....	860

Chermoshentseva K.A. THE METAPHTHONYMIC NATURE OF PRECEDENT PHENOMENA IN DESCRIBING THE SOMATIC EXPERIENCE OF PREGNANCY (BASED ON MODERN ENGLISH-LANGUAGE NARRATIVES).....	864
Chertousova S.V. COGNITIVE AND DISCURSIVE FEATURES OF SPANISH PERSONAL PRONOUNS AS REPRESENTATIVES OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW	869
Chulkova E.D. ONOMASIOLOGICAL NOVELTIES IN THE NOMINATION OF REFERENTS IN HISTORICAL DISCOURSE.....	873
Chupakhina A.O. ACTUALIZATION OF AESTHETIC EVALUATION IN THE DISCOURSE OF INTERVIEWS WITH ENGLISH-SPEAKING ARTISTS.....	877
Shashkov I.A. HYPERTEXT IN THE NETWORK DISCOURSE AS A MEANS OF SUBJECTIVE REPRESENTATION OF VALUES: COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH	880
Shestopalova A.M. SEMANTIC TYPES OF ADVERBS WITHIN QUASI-SUBJECT CONSTRUCTIONS.....	884
Shiryaeva T.A., Mosesova M.E. VIRTUAL LANGUAGE IDENTITY: COGNITIVE ASPECTS OF SPEECH BEHAVIOR IN ENGLISH-LANGUAGE TRAINING WEBINARS.....	888
Shmelyova E.S. ON REPETITION IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON ENGLISH LANGUAGE TABLOIDS DATED 2000–2024).....	892
Shutemova N.V. KINDS OF EVALUATION IN STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES	895
Schelokova A.A. INTERPRETATIONAL VARIABILITY OF “DECODING” AN ERRORISTIC STATEMENT BY A NATIVE LANGUAGE	898
Yaremenko V.I. THE ANGLICAL SERMON COMPOSITION AND STRUCTURE IN COGNITIVE PERSPECTIVE	902

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!

Перед вами сборник материалов Международной научной конференции «Когнитивные исследования в цифровую эпоху», которая состоялась 5-7 июня 2025 г. Данное издание представляет собой результат плодотворного интеллектуального диалога ученых из разных стран, объединенных интересом к исследованию когнитивных аспектов языка в контексте стремительно развивающихся цифровых технологий.

Конференция охватывает широкий спектр актуальных направлений и вопросов современной когнитивной лингвистики и отражает научные интересы авторов статей, объединенных общей проблематикой, но существенно различающихся по материалу и методам исследования.

Особую ценность конференции придали пленарные доклады ведущих ученых, представляющих различные научные школы и направления когнитивной лингвистики. Мы выражаем глубокую признательность пленарным докладчикам за их фундаментальный вклад в освещение общих проблем когнитивной лингвистики.

Работа Николая Николаевича Болдырева посвящена роли и функциям естественного языка и языковой интерпретации в контексте возможностей их моделирования цифровыми методами, используя для этого теоретические установки и методологию когнитивной лингвистики в эпоху активного продвижения искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека и связанные с этим проблемы лингвистических исследований.

Андрей Александрович Кибрик убедительно раскрывает точки соприкосновения когнитивной лингвистики и языковой политики. Ольга Викторовна Александрова в своем выступлении «Дискурсивные особенности языковой личности» подчеркивает то, что язык является не просто инструментом коммуникации, но и – неотъемлемой частью деятельности человека, отражением его личности и мировосприятия. Людмила Григорьевна Бабенко обращается к теме модального пространства художественного текста и когнитивным стратегиям его формирования и репрезентации в аспекте пространственного измерения. Наталья Борисовна Гвишиани в рамках пленарного доклада «Когнитивные механизмы лингвокреативности в переводе художественного текста» освещает вопрос о свойствах художественного текста на основе сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода, где в качестве *tertium comparationis* используется автоматизированный перевод, а когнитивный механизм этого процесса может быть представлен как отображение фрейма заданной темы в реальности сопоставляемых языков.

Валерий Закиевич Демьянков обращается к идеям конструкционной грамматики, в частности, к тому, как установление сочетаемости элементарных единиц в рамках текста используется в моделях продуцирования и понимания текстов на

естественном языке и отражает не только «чистое» знание языковых конструкций, но и внеязыковые знания, а также степень актуализации самих таких знаний в социальном и индивидуально-психологическом контексте создаваемых речевых произведений и выбор вариантов, характеризующих региональную и национальную идентичность носителей языка. Ирина Владимировна Зыкова, рассматривая перлокутивный потенциал фразеологизмов по данным мультимедийного корпуса фильмов и с опорой на теорию речевых актов, теорию речевого взаимодействия и теорию фразеологии, выделяет параметры, релевантные для декодирования перлокутивного эффекта фразеологизмов и определения успешности их употребления в полимодальной коммуникации посредством установления семантико-прагматической корреляции между исходной интенцией их использования говорящим и реакцией слушающего. Владимир Ильич Карасик анализирует концепт СВЕТ в паремии-ологии и афористике, подчеркивая его высокую метафоричность и символичность, а также оценочную связь с тьмой и значимость для выражения правды, знаний и опыта, при этом отмечая практическую и назидательную оценку света в пословицах и акцент на мудром созерцании и ироническом комментировании в афористике. Татьяна Альбертовна Клепикова уделяет пристальное внимание языковым высказываниям, выступающим в качестве триггеров когнитивных искажений, провоцирующих дальнейшее укоренение когнитивных искажений в вербальной картине мира, что предопределяет в итоге интерпретационные решения в когнитивно-дискурсивных практиках. Доклад Светланы Леонидовны Кушнерук раскрывает научный потенциал развивающихся направлений исследования миромоделирования в лингвистике первой четверти XXI в.; представляет перспективы изучения феномена в искусственно созданной цифровой инфосфере в связи с вызовами мультимодальности, роботизацией, внедрением искусственного интеллекта и генеративных миромоделей, размывающих границы между реальным и виртуальным. В своем докладе Елена Анатольевна Огнева анализирует интерпретативный потенциал как свойство информативного кода когнитивных конструкторов, представляющих иерархическую взаимосвязь когнитивных доминант, концептов-доминант и концептов, и выявляет три параметра, определяющие когнитивные координаты функционирования этого потенциала. Тамара Владимировна Хвесько обращается к теме восприятия информативного кода в качестве когнитивной доминанты художественного произведения. Людмила Петровна Пашенко затрагивает тему нейропсихологического подхода в обучении иностранным языкам, основанного на понимании работы мозга и когнитивных процессов для создания более эффективных методик преподавания путем интеграции нейронауки, когнитивной лингвистики и психологии. Глубокие и содержательные выступления пленарных докладчиков позволили участникам конференции ознакомиться с передовыми идеями и актуальными тенденциями в области когнитивных исследований, способствовали формированию целостного представления о современном состоянии и перспективах развития когнитивной лингвистики в цифровую эпоху и создали атмосферу для секционных выступлений.

Секция «Проблемы концептуализации и категоризации мира в языке» посвящена фундаментальным вопросам отражения познавательных процессов в языковых структурах, особенностям формирования концептов и категорий в различных языках и культурах. В рамках секции «Когнитивно-дискурсивные исследования языка» рассматриваются когнитивные механизмы порождения и восприятия дискурса, а также роль дискурсивных практик в формировании языковой картины мира. В фокусе секции «Языковые явления и когнитивные процессы в полимодальной перспективе» находятся вопросы взаимодействия различных модальностей в процессе коммуникации, невербальные аспекты передачи информации и их когнитивная обработка. Секция «Когнитивный подход в переводоведении» приглашает к обсуждению когнитивных аспектов перевода, концептуальной эквивалентности и проблем межъязыковой и межкультурной передачи смыслов.

В секции «Коммуникация, компьютерная лингвистика и искусственный интеллект: когнитивный аспект» обсуждаются вопросы моделирования когнитивных процессов в системах искусственного интеллекта, когнитивные основы человеко-машинного взаимодействия и перспективы развития интеллектуальных систем обработки естественного языка. В центре внимания корпусных исследований находятся методы и результаты применения корпусных технологий для изучения когнитивных аспектов языка, а также новые возможности, которые открывают большие данные для лингвистических исследований. Секция «Междисциплинарность в лингвокогнитивных исследованиях» становится связующим звеном между когнитивной лингвистикой и другими науками, представляя исследования на стыке с психологией, нейронауками, философией, антропологией и социологией, демонстрируя богатство междисциплинарных подходов.

Мы выражаем искреннюю благодарность всем членам оргкомитета. И хотим особенно отметить тех, кто принимал участие в подготовке сборника и редактировании статей: О.В. Бронникову, А.С. Головки, О.Б. Ульянову, Н.В. Дрожащих, Т.А. Протасова, И.Е. Белякову, М.А. Ковязину, Е.Ю. Пономареву. Особую признательность хотелось бы выразить заведующему кафедрой прикладной и теоретической лингвистики А.С. Остапенко, руководителю ТюмГу-Пресс А.А. Восторг, руководству Института социально-гуманитарных наук в лице заместителей директора И.Х. Крускоп и Н.В. Ракитиной, и директора Института социально-гуманитарных наук В.М. Костомарова, а также руководству университета и лично Е.П. Вдовину, Н.К. Федоровой и Е.С. Корчемкиной за неоценимую поддержку проекта.

Мы надеемся, что представленные в сборнике материалы будут способствовать дальнейшему развитию когнитивной лингвистики, стимулировать новые исследования и междисциплинарный диалог в эпоху цифровых технологий.

*С уважением,
Оргкомитет конференции*

О.В. Александрова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ovaleksandrova@gmail.com*

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Человек как главный носитель языка, является не просто его пользователем, с помощью которого осуществляются коммуникативные и когнитивные функции. Язык – это неотъемлемая часть деятельности человека, проявлений его личности, характера, восприятия и влияния на окружающий мир своим личностным отношением к тому, что его окружает. Язык – не только орудие, но и мощное оружие, которое находится в руках человека.

Ключевые слова: функциональность, антропоцентризм, языковая личность, дискурс

В своих работах Е.С. Кубрякова указывала на основные тенденции в лингвистике рубежа XX–XXI вв. Среди них она упоминала об основных четырех: функционализм, когнитивизм, связанный с предыдущим, антропоцентризм и экспланаторность [Кубрякова 1996]. В целом же все эти направления теснейшим образом связаны, и характеризуют современные лингвистические исследования.

Как справедливо указывает Г.Г. Молчанова: «Отправной точкой всех исследований, проводимых в коммуникативно-семиотическом плане, является язык» [Молчанова 2017: 77]. Все сказанное связано с человеком и его непосредственной жизненной деятельностью, и языком как неотъемлемой частью этой деятельности. При этом, как показывают исследования последних лет, это не только вербальное проявление языка, но и язык мимики и жестов, а также и другие знаковые системы.

Язык сопровождает человека во всей его жизни. Известный британский ученый Д. Кристалл подчеркивает, что язык человека – это отражение его идентичности, его культурных основ и ассоциаций, язык, это, прежде всего средство коммуникации, но это далеко не самое главное. Именно язык сопровождает мыслительную деятельность человека, и является средством формирования и передачи его идей, соображений, знаний [Crystal 2006].

Можно отметить, что во второй половине XX в. и первых десятилетиях века нынешнего изучение и понимание функций языка показало необходимость расширения понимания языкознания как многосторонней и многофункциональной области знания, непосредственно связанной с жизнью и деятельностью человека. Оказалось, что без понимания взаимодействия языка и многих других областей не только гуманитарного, но и естественно-научного характера невозможно полностью осознать многие языковые проявления. Конечно, в этих процессах огромную роль сыграли функциональные исследования и, в частности когнитивистика. Кроме того, общие процессы

глобализации, характерные для указанного периода времени, объединение данных разных областей знания, общие технологические процессы, происходящие в мире и сопровождающие жизнь человека, которые имели огромное значение как для общего развития знания о мире, так и о месте и роли человека в нем.

Несмотря на общие процессы глобализации в мировом пространстве, бурно происходившие во второй половине XX в., особенно в 1990-х гг. и первых десятилетиях XXI в., на что, безусловно, огромное влияние оказало появление и развитие Интернета, к настоящему времени человек, хотя и ощущает свою причастность к глобализационным процессам, все больше задумывается о своей идентичности в этом глобальном мире. Ведь мы все имеем свои национальные черты характера, живем в определенной стране и обществе, наряду с общей для всех объективной картиной мира, обладаем индивидуальным к ней отношением. У каждого человека есть свои собственные особенности, черты характера, свое собственное видение мира и отношение к происходящим в нем событиям. В этой связи хотелось бы привести слова В.И. Карасика, который справедливо замечает: «Важнейшей характеристикой человека является креативное отражение реальности. В этом словосочетании можно увидеть антонимию взаимосвязанных начал: отражение реальности предполагает осмысление воспринимаемого мира во всём многообразии его характеристик, а креативное отношение к нему состоит в выделении и оценочной квалификации этих характеристик, а также в построении субъективной воображаемой реальности и преобразовании действительности. Принципы, законы и особенности языкового отражения мира с давних пор находятся в центре интересов филологии. Современная антропологическая лингвистика представляет собой весьма разветвленное исследовательское поле, отдельные направления которого, частично пересекаясь, сориентированы на изучение взаимосвязи мышления, общества, культуры и языка» [Карасик 2020: 5].

Общие и индивидуальные характеристики человека в пространстве разнообразной дискурсивной деятельности определяют его языковую личность в процессе коммуникации. Как известно, об этом много писал Ю.Н. Караулов, когда речь шла о русской языковой личности [Караулов 1987]. Позднее эти положения развивались на материале других языков, когда было показано своеобразие дискурсивных характеристик как самих носителей языка, и тех, для кого тот или иной иностранный язык является предметом изучения [Комова, Гарагуля 2013].

Понятие языковой личности тесно связано с национальным характером, оба из которых определяются менталитетом, особенностями языкового сознания и поведения в процессе коммуникации [Карасик, Ярмахова 2006]. В понимании языковой личности важно учитывать социокультурные особенности среды обитания человека, его способность воспринимать и интерпретировать окружающий мир; «он проявляет бессознательные, чувственно-эмоциональные, интуитивно-волевые, абстрактно-дискурсивные состояния в разные периоды взаимодействия со средой, определяя и формируя ее; в т.ч. и под индивидуальные нужды» [Дубровская 2024].

Особенности формирования и проявления языковой личности изучаются в разных видах дискурса: научном, художественном, публицистическом, политическом, медийном и т.д. Существует уже достаточно большая литература, посвященная этой теме. Нужно отметить, что вопрос о языковой личности несколько по-разному рассматривается в лингвистических и литературоведческих исследованиях. С одной стороны этот вопрос изучается в литературных произведениях разных эпох, с другой стороны анализируется языковая личность самих авторов художественных произведений, где отражаются их жизненная позиция, взгляды, отношение к окружающему миру, что проявляется в героях их произведений. В то же время определенная языковая личность героев зависит от объективных исторических, социальных, политических обстоятельств.

В настоящее время много внимания уделяется политическому дискурсу и роли языковой личности в политике. Остановимся на роли языковой личности современного политика в англоязычном дискурсе, в частности языковой личности такого известного деятеля, как Маргарет Тэтчер. Об этом политике написано много, как у нас в стране, так и за рубежом. Как отмечает известный историк В.И. Попов, много занимавшийся британской историей и работавший в Великобритании в качестве советского посла в тот период времени, когда Тэтчер была премьер-министром: *Маргарет Тэтчер. Это имя никого не оставляет равнодушным. О ней написаны десятки книг, и каждый год в Британии и США появляются всё новые и новые. Ни одному английскому премьеру, даже У. Черчиллю, при жизни не уделялось столько внимания, сколько ей. Ни об одном английском премьере не было и такого разброса во мнениях — от самых восторженных до самых отрицательных. Одни, хотя и не любят ее, но относятся к ней с уважением, видя в ней одного из самых выдающихся политиков современности, другие ненавидят ее, считая доктринером и демагогом* [Попов 1991]. Именно с именем этого премьер-министра появилось новое направление в политике и экономике Великобритании, получившее название «Тэтчеризм».

С именем М. Тэтчер связано и такое словосочетание, как «железная леди», которое характеризует ее как жесткого, бескомпромиссного политика, твердо проводящего свою политику и утверждающего свои взгляды на роль и место ее страны в современном мире. В целом, стиль ее выступлений характеризуется исследователями как «атакующий». Один небольшой пример из выступлений Тэтчер (в переводе на русский): *Если вы хотите, чтобы что-то было сказано, попросите это сделать мужчину; если вы хотите, чтобы что-то было сделано, попросите об этом женщину*.

Круг используемых М. Тэтчер языковых средств, достаточно обширен. Можно отметить, что языковая личность Тэтчер отличается многими индивидуальными характеристиками, отражая характер, взгляды, отношение к окружающему миру сильного, бескомпромиссного политика, убежденного в правильности избранного курса.

В заключение следует отметить, что человек — центральная фигура общества в процессе объективного и субъективного восприятия окружающего мира, в то же время, являясь творцом этого мира, он формирует как свое собственное понимание того, что его окружает, а также и общую картину мира общества. «Языковые кар-

тины событий – то зеркало, в котором мы видим себя. Филология открывает нам многомерность и неисчерпаемую глубину этого зеркала» [Карасик 2020: 400].

Литература

Дубровская О.Г. Социокультурная специфика сознания: чему еще не научился искусственный интеллект // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. № 5 (61). С. 248-252.

Карасик В.И. Языковые картины бытия: монография. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2020.

Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Английский чужак. М.: Гнозис, 2006.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Комова Т.А., Гарагуля С.И. Языковая личность. От слова к тексту. М.: Либроком, 2013.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века: сборник статей / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144-238.

Молчанова Г.Г. Антропоцентричность меметики в когнитивно-семиотическом ракурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 74-78.

Попов В.И. Маргарет Тэтчер: человек и политик. М.: Междунар. отношения, 2000.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press, 2003.

O.V. Aleksandrova (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

DISCOURSE FUNCTIONS OF THE LINGUISTIC PERSONALITY

A Human as the main user of the language has many possibilities in its use. His personal overview, which depends upon his knowledge about culture history, current situation, helps to categorize the world around and understand its different dimensions.

Key words: functionalism, anthropocentrism, linguistic personality, discourse

Л.Г. Бабенко (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б.Н. Ельцина

lgbabenko@yandex.ru

МОДАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Модальное пространство текста рассматривается в аспекте пространственного измерения как полипарадигмальное единство составляющих ее различных типов модальности и как совокупность аспектов их интерпретации. Основное внимание уделено выявлению его внутренней структуры, ее иерархической организации. Предметом изучения стали, во-первых, репрезентации пропозитивной модальности, связанные с отображением мира реальной и ирреальной действительности, во-вторых, аксиологической субъективно-оценочной модальности. Определена в самом общем виде специфика и сущность когнитивно-дискурсивной модальности.

Ключевые слова: художественный текст, модальное пространство, когнитивные стратегии, текстовые репрезентации

Статья посвящена моделированию модального пространства художественного текста, которое понимается как самостоятельная категория и одновременно как многослойное поликатегориальное единство, что соответствует тенденциям и логике ее изучения. Объект наблюдений в ней – художественный текст как репрезентант письменного дискурса и как компонент вербальной эстетико-культурной коммуникации, основное внимание сосредоточено на выявлении универсальных когнитивных стратегий внутритекстовой организации его ментального пространства. Полимодальный аспект рассмотрения этой категории обнаруживается еще при традиционном подходе к ее изучению, в то же время он актуализировался и выделялся в отдельное научное направление и получил бурное развитие в начале XXI в. По мнению О.К. Ирисхановой, особое значение в изучении модальности этого периода имеет «именно «полимодальный ренессанс», который смог интегрировать разные ее проявления и стимулировал появление новых комплексных методик ее изучения» [Ирисханова 2022: 15]. При этом модальность стала рассматриваться в контексте речевой коммуникации как средство сопровождения, уточнения, усиления, а иногда и объяснения, например, жестовая модальность. Это принципиально новый аспект и подход когнитивно-дискурсивного изучения коммуникативной модальности, который уже сегодня обладает хорошо разработанной методологией, преимущественно экспериментальной, которая позволила открыть новые модальности в разных коммуникативных средах и контекстах.

Различие подходов к рассмотрению модальности как категории и как технологии обуславливает многообразие основных типов модальности и их частных разновидностей, которые в результате формируют и текстовое модальное пространство. При изучении полимодальности в традиционном семантико-грамматическом аспекте она осмысливается как универсальная семиологическая категория, интерпретирующая отдельные высказывания и целостные тексты в аспекте их соотносительности с действительностью, а также с позицией и точкой зрения говорящего (Ш. Балли, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Г.Я. Гальперин, Н.Ю. Шведова и др.). Как категория текста она впервые получила освещение в монографии И.Р. Гальперина и получила дальнейшее развитие в работах Л.В. Барласа, А.Н. Баранова, Г.А. Золотовой, Г.Я. Солганика, С.С. Ваулиной и др. Центр внимания специалистов по модальности с языкового пространства переместился в текстово-дискурсивное, которое, в силу своей авторизованности, характеризуется особой сложностью и диффузностью модальных смыслов. Подобное семиологическое разграничение породило представление и о двух типах модальности текста: объективной, вектор направленности которой основан на отображении соотносительности содержания текста и действительности, и субъективно-оценочной, вектор направленности которой обусловлен отображением авторской точки зрения, выражения его оценочной позиции относительно содержания текста и его фрагментов. В первом случае объективная модальность является обязательной категорией, вербально репрезентируемой и актуализируемой в аспектах грамматики времени и наклонений, вследствие чего обычно она именуется как пропозитивная модальность. В структуре объективной модальности при этом

выделяются ее частные разновидности с учетом временных значений: **реальная модальность** прошлого, настоящего и будущего (синтаксический индикатив); **пререальная**, но **потенциально допустимая модальность** (возможность, желательность, необходимость и др.), **ирреальная**, мыслимая как **совершенно не допустимая** модальность (фантастическая, сверхъестественная, странная, невообразимая и др.). Модальность ирреальности ограничивает или устраняет грамматикализацию временной отнесенности, реализуя различные оттенки потенциальности при локализации ситуации во времени и пространстве. Нереальная и мысленно не допустимая, обозначаемая как сверхъестественная, странная и пр. модальность имеет два основных варианта текстового воплощения, основанных на разных когнитивных стратегиях: 1) репрезентации в формате «чистой фантастики», когда все произведение в целом или составляющие его компоненты: сюжет, персонажи, хронотоп – фантастические, не соответствуют действительности. Например, стихотворение Б. Садовского «Весна»; 2) репрезентации в формате совмещения реальной и фантастической модальности, основанные на механизме инкорпорирования, включения одной в другую: «Череп» (И.С. Тургенев), «Жизнь и воротник» (Н.А. Тэффи).

Во втором случае **субъективная** текстовая модальность рассматривается как категория, которая призвана быть средством оценочной интерпретации изображаемых событий с разных текстовых позиций: автора, персонажа (-ей), читателя. В качестве объекта-источника оценочной интерпретации могут быть представлены разные текстовые явления: другие персонажи, глобальные и частные события и др. Наблюдается актуализация и конкретизация всех компонентов оценочного суждения: субъекта, объекта-источника оценки, предиката оценки. Репертуар лингвистических средств выражения разнообразен: *лексика, синтаксические фразеологизмы, вводные слова и предложения, средства синтаксической выразительности, повторы, усечения, парцелляция, порядок слов, интонация и др.* Это затрудняет их типологизацию, стройность и четкость дифференциации модальных смыслов текстовой модальности утрачивается, размываются их границы, наблюдается их пересеканность и взаимодействие. В чем это проявляется? Во-первых, это обнаруживается в содержании объективной модальности текста, в котором, особенно в художественном (в отличие от высказывания), вообще трудно однозначно говорить об отношении целостного текста к действительности в аспекте реальности / ирреальности. Во-вторых, иерархия значимости модальных компонентов в тексте иная, чем в языке: в нем именно субъективно-оценочная модальность является основой концептуального пространства текста, ибо она представляет собой мнение автора о мире, в основе которого лежит познавательная оценка. Интерпретационный компонент является основой субъектно-оценочной модальности. В-третьих, субъективная модальность в тексте также имеет свою специфику, что обусловлено полисубъектной организацией текста, в котором достигается многофокусное изображение, восприятие событий с различной оценочной квалификацией. Именно эта особенность объясняет переключение точек зрения в тексте, актуализацию их в пределах одного текста на разных его участках, генерализующую роль при котором играет образ автора.

Один из самых важных и трудных вопросов анализа текстовой модальности – выявление в полном объеме средств репрезентации субъективно-оценочной модальности в тексте, дополняющих указанные выше языковые и речевые средства. Комплекс способов выражения отношения субъекта к объекту включает наличие как эксплицитных, так и имплицитных способов в различных контекстных вариантах, в условиях разных типов речи (как монологической, так и диалогической) и в текстовых фрагментах различной композиционной формы. Используется богатый арсенал средств модальности разных уровней: лексические средства, синтаксические, стилистические, в т.ч. образно-метафорические, текстовые: рассуждения, портретные описания, структура сюжета, контекстно-вариативные формы повествования и пр. Множественность точек зрения делает художественное произведение полимодальным, в т.ч. оценочно-политональным с обязательной доминантой, задаваемой прямыми оценками «от автора» или главного оценивающего персонажа (косвенно-авторскими оценками).

В целом весь текст как речевое произведение характеризуется текстовой полимодальностью с учетом синтеза репрезентаций объективной, субъективной, когнитивно-дискурсивной модальностей. При этом важным фактором ее порождения является также взаимодействие с другими текстовыми категориями: концептуальным, денотативным и эмотивным пространствами, хронотопом, речевым жанром, образом автора и образами персонажей и др. Изучение взаимодействия базовых типов модальности в контексте целостного текста позволяет говорить о полимодальности как основном способе отображения мира, которая реализуется при их актуализации в процессе коммуникации. Учитывая структурную сложность двух базовых типов модальности, обусловленную особенностями многообразия репертуара средств их репрезентации, следует отметить наличие частных проявлений полимодальности и, соответственно, совокупности частных модальных смыслов не только в аспекте их раздельного рассмотрения, дополняющих друг друга и формирующих многокомпонентные поля и структуры модального пространства текста, но и на уровне целостного текста.

Фактор текстовой полимодальности обуславливает логику анализа и интерпретации всего модального пространства текста, которая включает этапы его исследования, соответствующие главным типам модальности и их частным разновидностям. Схематически это выглядит следующим образом: 1. Объективная модальность: 1.1. Реальная модальность; 1.2. Ирреальная модальность и ее разновидности: 1.2.1. Потенциально допустимая; 1.2.2. Фантастическая. 2. Субъективно-оценочная модальность: 2.1. Образ автора и его субъектно-оценочные квалификации: 2.1.1. Глобально-событийные; 2.1.2. Частно-событийные; 2.1.3. Ситуативные; 2.1.4. Персонажные. 2.2. Образы персонажей и их интерпретационно-оценочные квалификации: 2.2.1. Глобально-событийные; 2.2.2. Частно-событийные; 2.2.3. Ситуативные; 2.2.4. Персонажные.

Основные теоретические положения доклада иллюстрируются примерами из поэтических произведений А. Решетова, Б. Садовского, прозы Н.А. Тэффи.

Литература

Ирисханова О.К. Введение // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О.К. Ирисханова. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. С. 7-15.

L.G. Babenko (Yekaterinburg, Russia)

*Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin*

THE MODAL SPACE OF A LITERARY TEXT: COGNITIVE STRATEGIES OF FORMATION AND REPRESENTATION

The modal dimension of a text is examined in terms of its spatial aspect as a poly-paradigmatic unity encompassing various types of modalities, and as a collection of aspects for their interpretation. Primary attention is given to identifying its internal structure, characterized by a hierarchical arrangement and interdependence among individual modal values. The study focused on two aspects of propositional modality: the representation of real and non-real worlds, and axiological subjective-evaluative modality. The specific and essential features of cognitive-discursive modality were defined in general terms.

Key words: literary text, modal space, cognitive strategies, textual representations

Н.Н. Болдырев (Россия, Тамбов)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматривается роль и функции естественного языка в эпоху активного продвижения искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека и связанные с этим проблемы лингвистических исследований. Анализируется специфика каждой из основных функций языка и языковой интерпретации в контексте возможностей их моделирования цифровыми методами. Используются теоретические установки и методология когнитивного подхода.

Ключевые слова: когнитивный подход, языковые функции, языковая интерпретация, искусственный интеллект, цифровизация

Зарождение новой эпохи всегда обусловлено технологическими изменениями в жизни общества, необходимостью решать определенные задачи технического и социального характера, связанные с его развитием. Это, в свою очередь, влечет за собой изменения в мировоззренческих установках, как общечеловеческих, так и научных, требует поиска новых решений для обеспечения общественного прогресса. Не является исключением в этом отношении и так называемая эпоха цифровизации, отличительной особенностью которой является постоянно растущий поток информации, появление новых систем коммуникации и средств доступа к информации, потребность в ее непрерывной обработке и обновлении. Сталкиваясь с новой реальностью, человек приходит к осознанию того, что информация приобретает функцию одного из ведущих факторов и компонентов общественного развития.

В этих условиях становится особенно значимым гуманитарный аспект всех происходящих изменений, который является обязательной составляющей любого прогресса – в науке, обществе, мировоззрении. В то же время совершенно очевидно, что ключевая роль в реализации этой составляющей принадлежит естественному языку, в т.ч. в получении, обработке и передаче информации и знаний, в обеспечении непосредственной связи с человеком, его сознанием и культурой. Во все времена естественный язык был и остается главным источником знания и средством формирования сознания, хранителем культурного наследия, связующим звеном между поколениями и разными слоями общества. При этом неизменно актуальным остается естественный вопрос, меняются ли (и если да, то каким образом) основные функции языка в контексте той или иной эпохи? Попытка осмыслить эту проблему с точки зрения когнитивного подхода к исследованию языка является **целью** предлагаемой статьи.

Поставленная проблема вызывает необходимость ее рассмотрения в двух ключевых аспектах: 1) уточнение основных языковых функций, их специфики и 2) возможности и перспективы их искусственного моделирования с учетом их взаимосвязи с сознанием человека, его интеллектуальными способностями.

Вопрос об основных функциях языка, на первый взгляд, может показаться неактуальным и давно решенным, поскольку в качестве таковых традиционно выделяются две функции: когнитивная и коммуникативная, без дальнейшего структурного деления их на частные функции. Именно последнее содержит в себе, как представляется, определенное противоречие, поскольку одновременно общепринято считать, что язык выполняет множество дополнительных, частных, функций. Так, в работах Р.О. Якобсона, Э. Бенвениста, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Дж. Остина, Е.С. Кубряковой и других ученых аргументируется наличие у языка целого ряда частных функций: эмоционально-экспрессивной, эстетической, фатической, метаязыковой, ориентационной, поэтической, перформативной, манипулятивной, метареферентивной и др.

Анализ этих дополнительных функций дает основание предположить, что большинство из них объединяет нечто общее по отношению к двум основным. Если когнитивная функция связана непосредственно с познанием мира, получением и хранением знаний о нем, а коммуникативная – с передачей этих знаний средствами языка, то дополнительные функции так или иначе связаны с интерпретацией этих знаний носителем языка. Другими словами, творческий характер самой языковой деятельности, ее взаимосвязь с сознанием конкретного человека, интерпретирующий характер процессов познания, с одной стороны, а также наличие в языке единиц с явно интерпретационной семантикой – с другой, позволяют заключить, что естественный язык выполняет три основные функции: когнитивную, коммуникативную и интерпретирующую. Это подтверждается и на категориально-языковом уровне выделением трех типов языковых категорий, обеспечивающих три аспекта оперирования знанием в языке: репрезентативный, коммуникативный и интерпретационный, см. подробнее: [Болдырев 2018].

Выделение интерпретирующей функции языка в качестве основной возвращает нас к главной теме и исследовательской проблеме, поднимаемой в данной статье – насколько и каким образом именно эта, третья, функция может и может ли вообще быть смоделирована с помощью цифровых методов и в чем заключаются риски и необходимость подобного моделирования. Чтобы глубже вникнуть в суть этой проблемы с позиций поставленных вопросов, необходимо прежде всего понять, что представляет собой естественный интеллект и чем он отличается от искусственного интеллекта, обратившись к существующим общим определениям этих понятий, соответственно.

Анализ различных толковых словарей и энциклопедий, специальной научной литературы показывает, что под интеллектом человека (от лат. *intellectus* – познание, понимание, рассудок) чаще всего понимаются его умственные способности мышления, понимания, рационального познания, оперирования абстрактными понятиями, рассудочной деятельности. При этом искусственный интеллект трактуется как условное обозначение кибернетических систем, раздела информатики и научного направления, разрабатывающих методы моделирования и воспроизведения отдельных функций творческой деятельности человека, его способности и умений решать многоаспектные задачи разного уровня сложности. См., например: [СЭС 1990: 500, 513; Ожегов, Шведова 1993: 254, 257; БСИС 2001: 239; НФЭ 2010 Т. 2: 127, 159; Крысин 2018] и др.

Логика данных определений требует уточнения целей, которые ставит перед обществом и наукой эпоха цифровизации. Если ставится задача максимальной замены человека машиной с искусственным интеллектом, а мира людей – миром машин (а именно об этом, видимо, и идет речь, когда говорится о планах создания искусственных самообучающихся устройств, способных эволюционировать [НФЭ 2000 Т. 2: 128]), то это само по себе вступает в противоречие со здравым смыслом. Подобная цель полностью устраняет гуманитарную составляющую в таком развитии событий и ставит под сомнение необходимость и значимость такого технического прогресса, поскольку за его рамками как раз и остается творческая, интерпретирующая деятельность сознания, в т.ч. языкового.

Подчеркивая принципиальное различие между закономерностями, которые изучаются точными науками и науками гуманитарными, В.Я. Пропп писал: «Под какие бы рубрики мы ни подводили „Божественную комедию“ или трагедии Шекспира, гений Данте и гений Шекспира неповторим, и ограничиваться в их изучении точными методами нельзя» [Пропп 1983: 584]. Более того, как отмечали С. Харнад и П. Шерцер, эмпирической целью когнитивной науки может быть только приближение к масштабам роботизированного теста Тьюринга (на отличие человека от машины), который призван объяснить наши способности к определенной деятельности, но не то, как мы их осознаем [Harnad, Sherzer 2008].

С другой стороны, если цели цифровизации понимать в контексте четко очерченных границ научного направления, которое ставит целью повысить производительность вычислительной техники за счет моделирования применяемых челове-

ком методов решения задач [НФЭ 2000-Т2: 159], то понимание специфики интерпретирующей природы сознания человека и интерпретирующей функции языка может помочь понять, как человек интерпретирует мир и знания о мире и решает связанные с этим задачи. В этом случае в фокусе внимания оказываются собственно лингвистические аспекты обсуждаемой проблемы, пристальное изучение которых становится особенно востребованным. Именно на этих аспектах и остановимся несколько подробнее ниже.

Специфика интерпретирующей деятельности человеческого сознания и, соответственно, интерпретирующей функции языка проявляется в способности конструировать окружающий мир не только на коллективном уровне (разделяемые всем обществом знания о мире), но и на уровне его индивидуального восприятия и представления в языке. Соответственно можно говорить о необходимости выделения **двух основных типов языковой интерпретации**: первичной и вторичной. **Первичная языковая интерпретация** предполагает конструирование окружающего мира в его разнообразии предметов, явлений и их характеристик: *люди, животные, птицы, насекомые, природные объекты и артефакты, пустыни, леса, степи, горы, поля, родники, ручьи, реки, озера, моря, океаны* и т.д.

Объектом **вторичной языковой интерпретации** становятся уже полученные и представленные в языке знания о мире и окружающих предметах и явлениях. Цель такой интерпретации – формирование новых знаний антропоцентрического характера, которые раскрывают роль этих предметов и явлений в жизни человека, его устойчивое, постоянное или ситуативное отношение к ним, их утилитарную значимость в разных типах и видах человеческой деятельности, коллективную или личную оценку их физических свойств и функциональных характеристик: *важный, нужный, полезный, правильный, красивый, ценный, дорогой, интересный, нравится, любимый* (о человеке, объекте, его свойстве или характеристике).

Антропоцентрический характер семантики используемых в этом случае языковых единиц и их разнообразие свидетельствуют о широком потенциале вторичной языковой интерпретации в индивидуальном конструировании знаний о мире с позиций конкретного человека как представителя определенного социума или отдельного индивида. Этот потенциал реализуется в **трех основных подтипах**, или частных функциях, **вторичной интерпретации**: селекции, классификации и оценке.

Селективная интерпретация заключается в выборе самого объекта и его отдельной характеристики, что проявляется в выборе конкретного языкового средства, а также когнитивных и языковых механизмов формирования смыслов. Она играет ведущую роль в формировании индивидуальной языковой картины мира, подчеркивая деривационный характер связи между двумя типами концептуализации и языковой интерпретации: первичной и вторичной. В зависимости от рода деятельности, социального окружения, образования, личных интересов, материальных условий жизни и культурного уровня, возрастных и половых отличий человек сам отбирает необходимые ему энциклопедические, профессиональные и языковые знания.

Это особенно наглядно проявляется в использовании понятийно-терминологического аппарата, фразеологии, сленга. Достаточно сравнить объем и структуру знаний представителей разных профессий и культурных слоев, например разные смыслы, которые вкладывают в слово *сажать* садовник (*Он посадил нам редкий сорт роз*), официант (*Он посадил нас в отдельный кабинет*), строитель (*Посадил плитку на клей*), учитель (*Посадил за разные парты*) или следователь (*Он посадил его на три года*). Сравните также: *готовить обед / уроки / лекцию / землю под посадку / автомобиль к зиме* и т.д.

Классифицирующая интерпретация предполагает соотнесение предметов, явлений, признаков с определенной категорией и приписывание им характеристик, свойственных элементам данных категорий: *как восход солнца, змеевидная тропа, розоватые облака, ливнеподобный шум, шарообразный предмет*. Она преимущественно основана на вторичной концептуализации и категоризации объектов, что также приводит к формированию вторичных структур: абстрактных понятий и значений, категориальных и событийных имен, обозначений ментальных действий и состояний, чувств, эмоций. Например: *природные объекты, артефакты, приезд, противоречие, равноправие, порядочность, справедливость, честь, любовь, ненависть, страх, совесть, доброта*. С этим типом языковой интерпретации связано формирование внутреннего мира человека. На основе вербальной рефлексии о переживаемых событиях и внутренних состояниях человек вырабатывает собственный взгляд на мир и систему ценностей.

Интерпретируя коллективное знание о мире, говорящие на разных языках различают свое и чужое, опасное и безопасное окружение, полезные и вредные объекты и явления. Это приводит в результате к образованию в структуре сознания человека различных оценочных категорий, объединяющих языковые единицы соответствующей семантики, которые реализуют функцию оценочной интерпретации.

Оценочная интерпретация имеет ярко выраженный антропоцентрический характер, поскольку в целом свойственна только человеку и формируется на основе языковых форм. Она предполагает схематизацию опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры: *хорошо – плохо, нравится – не нравится, важно – не важно, прилично – не прилично, много – мало* и т.д. Тем самым данная функция языковой интерпретации непосредственно связана с познавательными процессами оценочного типа: оценочной концептуализацией и оценочной категоризацией, как проявлением общественного и индивидуального сознания.

Функцию оценочной интерпретации выполняют отдельные слова соответствующей семантики, синтаксические структуры, фразеологизмы, пословицы и поговорки, прецедентные высказывания, выступающие в роли речевых стереотипов, например: *Самая вкусная еда получается у бабушки, у мамы тоже хорошо получается, а папа зато хлеб хорошо режет* (Вера, 7 лет. Интернет); *Овсянку больше всего любят ан-*

гличане. Как они едят эту гадость – я не представляю (Таня, 9 лет. Интернет); Чем ниже человек душой, тем выше задирает нос. Он носом тянется туда, куда душою не дорос (О. Хайям); Стыдит лжеца, шутит над дураком и спорит с женщиной — все то же, что черпать воду решето: от сих троих — избавь нас Боже! (М.Ю. Лермонтов); Я – соловей, и, кроме песен, нет пользы от меня иной. Я так бессмысленно чудесен, что Смысл склонился предо мной! (И. Северянин).

Моделирование цифровыми методами именно оценочной функции языковой интерпретации, в силу ее обусловленности целым рядом языковых и неязыковых факторов и большей зависимости от индивидуального творческого сознания человека (см. подробнее: [Болдырев 2018]), представляет собой, очевидно, наибольшую проблему.

Обобщая все вышесказанное, необходимо еще раз подчеркнуть, что материально-технический прогресс, отличающий одну эпоху от другой, по определению, не может быть отделен от социального прогресса и от человека, с позиции которого он и воспринимается как таковой, т.е. включает в качестве обязательной его гуманитарную составляющую. Соответственно в эпоху цифровизации научные исследования, ставящие целью моделирование интеллектуальных способностей человека, также должны четко разграничивать между собой технические задачи (совершенствование вычислительных систем в помощь человеку в его повседневной деятельности) и гуманитарные последствия. В последнем случае, пытаясь моделировать работу естественного интеллекта, также необходимо осознавать роль естественного языка и языкового опыта, их интерпретирующей функции в жизни человека и конструировании им окружающего мира в своем сознании.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

БСИС – Большой словарь иностранных слов. М.: Центрполиграф, 2001.

Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс школа, 2018.

НФЭ – Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2010.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗБ, 1993.

Пропн В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ Л. Строссу) // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 566-584.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Harnad S., Scherzer P. First, Scale Up to the Robotic Turing Test, Then Worry About Feeling // Artificial Intelligence in Medicine. 2008. No. 44 (2). Pp. 83-89.

N.N. Boldyrev (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE IN THE AGE OF DIGITALIZATION

The article focuses on the role and functions of natural language in the era of active promotion of artificial intelligence in all spheres of human activity and the related problems of linguistic research. Within the framework of theoretical grounds and methodology of the cognitive approach the author

discusses specificity of linguistic interpretation of the world with special interest on the interpretive function realization and the possibilities of its modeling by digital methods.

Key words: cognitive approach, language functions, linguistic interpretation, artificial intelligence, digitalization

Н.Б. Гвишиани (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ngv@wdcb.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается вопрос о свойствах художественного текста, который является результатом деятельности переводчика. Одним из способов их выявления служит сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода, где в качестве *tertium comparationis* используется автоматизированный перевод. Когнитивный механизм этого процесса может быть представлен как отображение фрейма заданной темы в реальности сопоставляемых языков.

Ключевые слова: художественный текст, прототипический инвариант, прагматический эффект, вторичная авторская репрезентация, автоматизированный перевод

Построение речи, в особенности связного текста, как на родном, так и на иностранном языке, сопряжено с мыслительным процессом выбора субъектом речи языковых средств конструирования разного рода ситуаций (сценариев) в соответствии с интенциями коммуникации в различных типах дискурса. Не вызывает сомнения, что стратегии, используемые говорящим или пишущим для выражения значений и смыслов не только отражают структурно-семантические и прагматические черты, свойственные тому или другому языку, но и становятся источником новых, оригинальных форм в динамике креативных преобразований. В «порождении речи» человек выступает как создатель «архитектоники» речевого акта, несущий ответственность за совокупный смысл всего сказанного. Чем больше степень экспрессивности речи, тем больше личность вовлекается в процесс функционирования языка.

Вопрос о «свободе самовыражения» в создании произведений речи может быть перенесен в сферу перевода и рассмотрен не только с позиций текста-оригинала, но и текста-перевода, особенно художественного произведения. Художественный текст, как известно, обладает рядом особых признаков, среди которых важнейшим является выполняемая им функция эстетического воздействия. Понятно, что «уровни» языкового творчества в текстах оригинала и перевода будут различны, в связи с чем возникает *вопрос о границах креативного использования языка в переводе* [Натитник 2006]. Основной задачей художественного перевода традиционно признается передача образности и других эстетически релевантных признаков оригинала наряду со смыслом и формой текста. И хотя переводчик «следует» за оригиналом, создаваемый им текст также должен обладать всеми признаками «художественности» для того, чтобы выполнить функцию адекватного отображения,

как содержания произведения, так и стиля и слога писателя. Перевод – это «деятельность, в основе которой лежит художественно-образная форма воспроизведения действительности» [Гарбовский 2004: 351].

Явления разных языковых уровней, реализующие эстетическую функцию (тропы, фигуры речи, коннотативные значения слов, экспрессивный синтаксис и др.) воплощаются в тексте перевода средствами другого языка, причем в результате этого процесса возникает текст, направленный на иного «целевого» реципиента, который, возможно, не владеет языком оригинала. Тем самым, в реальности, вопрос о «ценности» и «судьбе» художественного произведения ложится на плечи переводчика.

Коммуникативная ось «автор – читатель» является важнейшим звеном в прочтении текста и тесным образом связана с замыслом художественного произведения. В переводческом процессе в сферу коммуникации вступают новые звенья, представленные переводчиком и читателем перевода. Возникает непростое соотношение между возможностями творческого использования языка переводчиком и ограничениями, которые неизбежно накладываются на его деятельность. Так, одной из переводческих универсалий является стремление к «упрощению» или «нейтрализации» стилистически маркированных элементов во избежание различного рода искажений текста оригинала.

В большинстве случаев, сталкиваясь со стилистической маркированностью и коннотативностью языковых единиц, переводчик руководствуется принципом динамической эквивалентности [Nida 1961] и опирается на контекстуальные (а не лексические) межязыковые соответствия. Его творчество проявляется в поиске оптимальных эквивалентов в сфере взаимодействия смысла высказывания в контексте произведения и языковых средств его воплощения. Когнитивный механизм этого процесса может быть представлен как *отображение фрейма какой-либо ситуации (или сценария) в реальности сопоставляемых языков*. В ходе своей деятельности переводчик познает то, что известно автору художественного произведения, стараясь уловить его «модальность» в отношении описываемого содержательного фрагмента [Попович 2000: 54]. Эта информация может быть представлена в виде структуры *фрейма* как «системы выбора языковых средств, связанных с прототипом сцены» [Кубрякова и др. 1996: 187]. Фрейм также включает «мотивирующий контекст», который обеспечивает доступ к пониманию рассматриваемого отрезка опыта.

В качестве *tertium comparationis* в сопоставительном анализе текстов оригинала и перевода может быть использован автоматизированный перевод, который рассматривается как *прототипический инвариант* в передаче смысла высказывания. Термин «инвариант» предполагает распознавание исходных категориальных смыслов, то есть доминирующих (системных) признаков классов объектов в отвлечении от признаков, находящихся в состоянии варьирования [Полубиченко 2017: 21]. Тем самым, в прототипическом инварианте перевода представлен некий «каркас» передаваемого сообщения со всеми *системными* его свойствами, на фоне которого в ходе сопоставительного анализа могут быть выявлены *несистемные элементы*, как текста оригинала, так и текста перевода (в версии переводчика).

Будучи ориентированным на референциальные значения слов, автоматизированный перевод представляет некоторый *прототип ситуации*, при сопоставлении с которым в тексте оригинала и в версии переводчика (*human translator*) обнаруживаются элементы *авторской репрезентации*, характеризующие индивидуальный подход субъекта речи к предмету мысли.

Структурные трансформации, возникающие при передаче художественного текста на другом языке, направлены на создание прагматического эффекта, который должен соответствовать тексту оригинала. Вторичная репрезентация образных смыслов, изначально присутствующих в оригинале, содержит структурированный прагматический компонент во фрейме ситуации как метафорическое, экспрессивное или воображаемое видение обозначаемой реальности. В конструировании фреймов концептов и ситуаций (как их вторичной репрезентации) в переводе могут быть выявлены языковые особенности и модификации, свидетельствующие о различиях в структуре и концептуальных системах разных языков. Однако эти расхождения, как правило, затрагивают лишь отдельные аспекты языкового выражения. Что же касается стержневого момента, то *экспрессивное воздействие не может быть утрачено при переводе, так как оно является ключевым свойством художественного повествования*. Тем самым, прагматический компонент текста оригинала, воплощающий заложенный в нем авторский смысл, должен быть сохранен в структуре фрейма вторичной репрезентации в переводе.

В качестве примера обратимся к рассказу американского писателя Сола Беллоу «В поисках мистера Грина» (1951), действие которого происходит в Чикаго в годы «великой экономической депрессии». Бывший университетский преподаватель классических языков Джордж Криб, оказывается в негритянском квартале, пытаясь разыскать некоего мистера Грина, чтобы вручить ему денежный чек на пособие по безработице.

В общем фрейме ситуации может быть выделен слот «социальный статус собеседника», который характеризует общение Дж. Криба с жителями района. Рассмотрим следующий диалог между Крибом и дворником:

Текст оригинала	Перевод В. А. Хинкиса	DeepL Translate
“I’m looking for a man who’s supposed to be living here. Green.”	- Я ищу одного человека, он живет где-то здесь, поблизости. Грин.	«Я ищу человека, который должен здесь жить. Грин».
“I don’t think I c’n help you, mister. I don’t know any.”	- Нет, не могу я вам пособить, мистер. Я таких не знаю.	«Не думаю, что смогу вам помочь, мистер. Я не знаю ни одного».
“A crippled man.”	- Он калека.	«Калека».
“Crippled how?”	- А какое у него калечество?	«Как искалечен?»
“I don’t know. I’ve never seen him. Bedridden, chair-ridden—is there anybody like that?”	- Не знаю. У его и в глаза не видал. Он наверняка прикован к постели или креслу – у вас здесь нет такого?	«Не знаю. Я никогда его не видел. Прикованный к постели, прикованный к креслу – есть ли такие?»

В тексте оригинала фиксируется нестандартная речь дворника, и этот нюанс передается в версии переводчика окказиональным словом *калечество*. Данная речевая характеристика свидетельствует о сниженном социальном статусе персонажа и отражает такое свойство художественного текста, как социологичность.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

1) сопоставительный анализ автоматизированного перевода текста оригинала и версии переводчика позволяет выявить элементы девиативности, характеризующие вторичную авторскую репрезентацию в переводе художественного текста;

2) существенную роль в распознавании лингвокреативности в переводе играют когнитивные стратегии выделения во фрейме ситуации структурированного прагматического компонента как средства языкового выражения эстетической функции, образности, имплицитности и других свойств художественного текста.

Литература

- Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
 Натитник А.В. Творческое использование языка и его границы в переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
 Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
 Полубиченко Л.В. Филологическая топология. Теория и практика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
 Попович А. Проблемы художественного перевода. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
 Nida E.A. Bible Translating. New York: American Bible Society, 1961.

*N.B. Gvishiani (Moscow, Russia)
 Lomonosov Moscow State University*

COGNITIVE MECHANISMS OF LINGUISTIC CREATIVITY IN TRANSLATING A LITERARY TEXT

The article discusses the issue of the properties of a literary text, which is the result of the translator's activity. One of the ways to identify them is a comparative analysis of the original and translation texts, where automated translation is used as a *tertium comparationis*. The cognitive mechanism of this process can be represented as a reflection of the frame of a given topic in the reality of the compared languages.

Key words: literary text, prototypical invariant, pragmatic effect, secondary author's representation, automated translation

*В.З. Демьянков (Москва, Россия)**Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
vdemiank@mail.ru*

КОНСТРУКЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ДИСКУРСА¹

Идеи конструкционной грамматики используются в моделях продуцирования и понимания текстов на естественном языке. Технология построения таких моделей опирается на установление сочетаемости элементарных единиц в рамках текста. Эта сочетаемость отражает не только «чистое» знание языковых конструкций, но и внеязыковые знания, а также степень актуализации самих таких знаний в социальном и индивидуально–психологическом контексте создаваемых речевых произведений. Отражает такой подход и выбор вариантов, характеризующих региональную и национальную идентичность носителей языка.

Ключевые слова: взаимодействие когниции и коммуникации; конструкция; конструкционная грамматика; продуцирование текста; интерпретация текста; статистика конструкций в модельном корпусе текстов

1. Конструкции в тексте

Как известно, системы искусственного интеллекта (в частности, ChatGPT — Generative Pre-trained Transformer) исходят из того, что при создании связного текста после каждого уже выбранного элемента с той или иной степенью вероятности выбирается следующий: справа («правый контекст») и/или слева («левый контекст»). Пытаясь установить закономерности такого выбора «зависимого» элемента, предполагают, что здесь действуют не только правила и законы «чистого» языка как системы, но и многочисленные социальные, психологические и иные факторы, иногда внесистемного характера, в которых создается дискурс. Можно с большой степенью уверенности предсказать вероятность выбора тех или иных зависимых единиц, подсчитав в каком–либо представительном корпусе реальных текстов частоту непосредственной сочетаемости пар, троек, четверок и т.д. словоформ и/или более широких их контекстов, «конструкций», ср. [Cristofaro 2024].

Знание языка, в т.ч., недостоверное и неточно формулируемое («uncritical and nonarticulated» [Andrews 2014: 27]), при таком подходе предстает как способность распознавать и воспроизводить повторяющиеся, «рекуррентные» конструкции с типовым лексическим заполнением. Владение же языком предстает тогда как навык, позволяющий успешно включать в рамки конструкций новые, «небывалые» элементы, даже не вполне типового характера (ср. «recognizing and reproducing recurrent, familiar constructions and their preferred lexical instantiations; understanding literal and metaphorical meanings of utterances in context; and being able to productively extend, via analogy and generalization, known constructions to novel lexical material, including the constructional coercion of items that do not fit the pattern at first sight») [Madlener 2015: 17].

¹ Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–18–00702) «Языковые параметры национальной идентичности: Латиноамериканский текст» в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Выявленная «статистика» пар, троек и т.д. элементов, которую, сам того не подозревая, ведет каждый носитель языка с самого начала своей «языковой карьеры», позволяет строить и понимать тексты с заданной степенью «обычности» или креативности, иногда отказываясь от совсем уж редкостных и экзотичных линий развертывания текста и/или наоборот, демонстрируя искусство ошеломлять проспективного адресата наиболее неожиданными и изысканными вариантами. Некоторые решения признаются блестящими творческими находками или выходами (как поведет) и входят в моду, о чем также говорит резко меняющаяся частотность. Речевая диета человека требует разнообразия (товаровед сказал бы «ассортимента»), сплошные штампы прощают разве что чеку кассового аппарата и первому в жизни школьному сочинению с пресловутым *усталые, но довольные, возвращались мы домой*.

Данные об относительной частоте сочетаемости и конструкций в таком «модельном», представительном корпусе дают когнитивистам возможность эмпирически установить закономерности построения и интерпретации текстов, проследить пути и тропы, текстовые, внетекстовые и даже внедискурсные причины выбора нужного слова («to catch interpreters' cognitive processes in the act, to reconstruct their pathways and their textual, extratextual, and even nondiscursive triggers» [Altes 2014: 249]).

Старый спор сторонников грамматики непосредственно составляющих [Bowers 2018: 1-2] со сторонниками грамматики зависимостей [Mel'čuk 2014] обретает при этом новую актуальность, ср. [Gerdes и др. 2014; Dikken 2018]: ориентация на выявление частотности синтаксической конструкции созвучна скорее грамматике зависимостей, чем грамматике непосредственно составляющих.

2. Конструкционная грамматика

Идея же блочного строительства текста лежит в основе подхода «конструкционной грамматики» (construction grammar): в этом состоит «usage-based cognitive-linguistic approach» [Herbst и др. 2014: 2], когда лексикон и грамматика предстают как наборы частых и редких «сочетаний символов» (symbolic units) [Harrison и др. 2014: 14], а создание текста выглядит как вплетение в промежуточный результат, шаг за шагом, и отдельных словоформ, и целых конструкций, заранее заготовленных многоэлементных единиц лексикона, см. [Демьянков 2024]. Правдоподобие получаемого вычисляется на основе хранимых в лексиконе данных о вероятностях появления в модельном корпусе каждой отдельной конструкции. А искусственность в построении текста трактуется как умение подсчитать и использовать предварительные оценки таких вероятностей: текст создается в опоре на большой набор хранимых конструкций из языковых элементов, в сочетании с вероятностями подчиненных элементов, плюс некоторые капризные фильтры для отсеивания негодных сочетаний, от системы к системе причудливо варьирующиеся. При таком подходе, когда в центре внимания находится употребление единиц языка, структуру конкретного языка выводят не из врожденных механизмов (как это делали генеративисты), а из общих когнитивных механизмов (ср.: «We adopt a usage-based approach to language and assume that linguistic structure is not innate and that it derives from

general cognitive processes» [Traugott, Trousdale 2013: 3]). А там, где когда-то искали механизмы порождения сложных единиц из простых, теперь предпочитают говорить о сети конструкций («network of constructions» [Traugott, Trousdale 2013: 8]), типа FrameNet, напоминающей сети памяти (memory networks) в когнитивной психологии. В таком метаязыке используется метафора сети, реализуемая как понятия узлов и связей между ними, как расстояние (в рамках этих сетей) между членами групп, объединенными «семейным сходством», как упорядочение свойств, устойчивость и удобство в использовании конструкции и т. п. (ср.: «Crucial to the idea of a network are such concepts as nodes and the links between nodes, ‘distance’ between members of a family, clusterings of properties, degrees of entrenchment and accessibility of a construction» [Traugott, Trousdale 2013: 9]).

Центральная идея таких исследований состоит в том, что базовые предложения того или иного языка – это образчики конструкций, в которых соотнесены между собой формы и значения: конструкции и сами по себе, и при конкретном лексическом заполнении привносят в дискурс независимый смысл («basic sentences of English are instances of constructions–form–meaning correspondences that exist independently of particular verbs. That is it is argued that constructions themselves carry meaning, independently of the words in the sentence») [Goldberg 1995: 2]. Грамматика «допускает» конструкции, значения и/или формы которых не выводятся продуктивным путем, «композиционно», из форм и значений других конструкций, существующих в этом же языке («a construction is posited in the grammar if it can be shown that its meaning and/or its form is not compositionally derived from other constructions existing in the language») [Goldberg 1995: 4]. Языковой оборот, более или менее частотный, признается конструкцией, если никакое его формальное свойство и никакую его функцию нельзя вывести из свойств его составных частей; но очень частотные обороты можно квалифицировать как конструкции, даже если они полностью предсказуемы (ср. «Any linguistic pattern is recognized as a construction as long as some aspect of its form or function is not strictly predictable from its component parts or from other constructions recognized to exist. In addition, patterns are stored as constructions even if they are fully predictable as long as they occur with sufficient frequency») [Goldberg 1995: 5].

При этом «конструкционном» подходе границы между лексиконом и грамматикой размыты («Instead of assuming a clear-cut division of lexicon and syntax, Construction Grammarians thus consider all constructions to be part of a lexicon–syntax continuum» [Hoffmann, Trousdale 2013: 1]). Считается, что глагол в рамках разных конструкций, в которые он входит, обладает одним, общим значением, а конструкции идентифицируются по количеству и статусу аргументов, или актантов («verbs have a general meaning, with constructions specifying the number and status of argument») [Dimmendaal 2009: 4]. Это позволяет типологизировать языки на основании разграничений различных классов «описываемых» в предложении событий, таких как передача предмета (напр., *She gave him a book*), перемещение (напр.: *She drove him to Detroit*) и т. п. «Радикальная конструкционная грамматика» позиционируется

как типологическое направление в описании конструкций различных языков (ср.: «Radical Construction Grammar allows one to bring what might be called ‘thinking like a typologist’ into the analysis of the grammar of a single language» [Croft 2001: 7]. В результате многолетних контрастивных исследований на материале различных языков выработалась такая общеметодическая схема: выявляются конкретные конструкции в каком-нибудь отдельном и хорошо известном языке, например, в английском, и устанавливается, каким конструкциям они соответствуют в других языках, одном или нескольких. Это позволяет выявить общие и специфические конструкции каждого конкретного языка на фоне языков мира (ср. «there is indeed a broad variety of methodologies employed for cross-linguistic constructional analyses. They are all similar in structure in that they are interested in how a specific constructional phenomenon in English is realized in another language (or languages). By comparing the relevant constructional properties it becomes possible to highlight specific aspects of constructions that can be employed for the description of more than just one language. Constructional properties that do not lend themselves to cross-linguistic analysis are in turn argued to be language-specific») [Boas 2010: 12].

3. Конструктикон и его реализация в тексте

Таким образом, составление инвентарей существующих конструкций («конструктиконов», см. [Рахилина, Кузнецова 2010]) исследуемых языков является не самоцелью, а средством выяснить, каким явлениям других языков данный набор конструкций соответствует [Boas, González-García 2014: 4]. Для переводчиков ценной является информация о том, насколько часто установленные межязыковые соответствия облигаторны. Скажем, насколько часто пассивная конструкция в русском оригинале должна быть переведена пассивной или активной в английском и каков адекватный перевод выражений типа *highly likely* [Демьянков 2021].

Поднимаясь еще выше в своих обобщениях и перенося понятие конструкции на общий, в т.ч., и «надязыковой» социальный контекст коммуникации (translanguaging, когда даже переход с одного регистра языка на другой, как и выбор языка выражения вообще ставится в зависимость от различных элементов «социальной конструкции»), «социоконструктивисты» полагают, что усвоение (в частности, и конструкций языка) – это создание и формирование знаний, а не их передача «из рук в руки», и что знания могут возникать только в контексте употребления языка, в социальном взаимодействии («learning is a process of knowledge construction rather than of knowledge transmission <...>, as it is situated and rooted in the social activities carried out by learners. <...> Accepting that learning takes place through action implies agreeing that knowledge can only be constructed if it is contextualized and can only be transformed and acquired through social interaction») [Ballena и др. 2020: 87]. Тогда даже адекватность самоидентификации носителя того или иного варианта языка (скажем, как носителя общеиспанского языка, носителя латиноамериканского варианта или, еще конкретнее, как носителя уругвайского варианта) становится

«вычислимой» на основе предпочтений в выборе конструкций. Приложение идей конструкционной грамматики к исследованию многоязычия открывает и новые перспективы когнитивного исследования транслингвизма, включая использование языковых средств билингвами и полиглитами, людьми в совершенстве владеющими языком и делающими только первые шаги (ср.: «Construction Grammar can be used to model the linguistic knowledge of speakers in decidedly heterogeneous communities of speakers, including bilingual and multilingual speakers, learners and native speakers, beginners and experts. The idea that Construction Grammar may lend itself particularly well to such an undertaking receives support from an existing body of research that has taken constructional thinking into cross-linguistic domains» [Hilpert, Östman 2016: 1]). Например, употребимость конструкций с лексемами класса *posible, posibilidad* («возможный», «возможность») различна в корпусе латиноамериканских вариантов испанского языка и в общеиспанском корпусе [Демьянков 2024].

4. Заключение: конструкция и реконструкция мир

Дискурс в такой концепции предстает как реконструкция существующего представления о мире и как создание (конструкция) нового мира [Rosulek 2015: 31] в опоре на несущие элементы, тоже конструкции, предоставляемые языком во внеязыковом контексте. Общие алгоритмы выбора конструкций для вплетания в вырисовывающийся текст могут быть разными. Самый простой – когда предпочитают пользоваться конструкционными частями, обладающими максимальной вероятностью (а потому и наименьшей креативностью) в некотором закрытом корпусе реальных текстов. Ему противоположен сверхкреативный подход: выбор минимально ожидаемых сочетаний. Где-то посередине тактика доступной в сети программы ChatGPT (<https://apihost.ru/gpt-chat>), которая по запросу «Напиши сказку о Снегурочке и Сером волке» система выдает трогательную историю с легким и милым американским акцентом. Приведем этот текст без дополнительного редактирования:

Снегурочка и Серый Волк: Сказка

В одной снежной стране, где морозы были крепкими, а леса полны волшебства, жила-была Снегурочка — красивая и добрая девочка, созданная из снега и льда. Она была дочерью зимы и дарила всем радость и улыбки. Но однажды, когда зима только начинала набирать силу, в лесу приключилась беда.

В лесу, где жила Снегурочка, появился Серый волк. Он был не злым, но голодным. Друзья Снегурочки, зайцы и птицы, испугались его и начали прятаться. Снегурочке стало грустно, ведь она всегда знала, как важна дружба и согласие.

Однажды, когда Снегурочка собирала снежные цветы, она увидела Серого волка, сидящего под деревом. Волк выглядел усталым и голодным. Снегурочка не испугалась, а подошла ближе.

— Привет! Почему ты такой грустный? — спросила она с улыбкой.

— Я голоден и одинок, — ответил волк. — Все звери боятся меня и убегают, а мне так хочется познакомиться и подружиться.

Снегурочка задумалась. Она вспомнила, сколько радости приносит дружба, и решила помочь Серому волку.

— Давай что-нибудь придумаем! — сказала она. — Я могу сделать так, чтобы звери не боялись тебя, если ты обещаешь не трогать их.

Серый волк согласился. И вот Снегурочка начала смешивать снега и льды, создавая волшебный снежный щит, который должен был защитить волка и внушить зверям доверие.

Она позвала зайцев и других животных и объяснила им свою идею. Сперва они не верили ей, но когда увидели, как волк охотно ждет, чтобы пообщаться, они решили дать ему шанс.

Снегурочка вручила волку специальный снеговик с добрыми глазами. Он стал его защитником, и теперь звери не боялись Серого волка. Взамен волк помог им собирать запасы на зиму, охранял от холода и весело проводил время с ними.

Так в лесу родилась новая дружба. Звери больше не боялись волка, ведь он стал добрым и заботливым другом. А Снегурочка была счастлива, что смогла помочь и сплотить всех.

С тех пор зима в лесу была не только холодной, но и насыщенной добротой и теплотой дружбы. Каждый вечер под звуки зимнего ветра на опушке собирались животные, где они делились историями и смехом, а Снегурочка весело танцевала с Серым волком, который уже никого не пугал, а только дарил всем счастье.

Итак, в том волшебном лесу, зима стала самой веселой и дружной порой года.

Строгий критик заметит, разумеется, мелкие изъяны в этом тексте: клише педагогического сочинения «дружно» и «охотно» уживаются со штампами из детских сказок, а категория одушевленности дает себя знать в не всегда правильно выбранной падежной форме (ср. *вручили волку специальный снеговик*). Читатель, посвященный в используемую технологию, подтвердит, что этот текст содержит только клише. Ощущение пустоты и тривиальности сопровождает прочтение очень большого числа ни к чему не обязывающих текстов СМИ и художественной литературы, поддерживая тонус типового носителя языка, подспудно ведущего статистику конструкций, но готового «сурово насупить брови», обнаружив излишне бросающийся в глаза отход от трюизмов.

Литература

Демьянков В.З. Об усвоении неродного языка и корпусной лингвистике: что такое хайли лайкли? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 70-81.

Демьянков В.З. «Возможное» и «невозможное» в национальных вариантах испанского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 5-14.

Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Введение. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18-79.

- Altes L.K.* Ethos and Narrative Interpretation: The Negotiation of Values in Fiction. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2014.
- Andrews E.* Neuroscience and Multilingualism. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Ballena C., Masats D., Unamuno V.* The Transformation of Language Practices: Notes from the Wichi Community of Los Lotes (Chaco, Argentina) // *Translanguaging as Transformation: The Collaborative Construction of New Linguistic Realities*. Bristol etc.: Multilingual Matters. 2020. Pp. 76-94.
- Boas H.C.* Comparing constructions across languages // *Contrastive Studies in Construction Grammar*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. 2010. Pp. 1-20.
- Boas H.C., González-García F.* Applying constructional concepts to Romance languages // *Romance Perspectives on Construction Grammar*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. 2014. Pp. 1-17.
- Bowers J.* Deriving Syntactic Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Cristofaro M. Di.* Corpus Approaches to Language in Social Media. New York; London: Routledge, 2024.
- Croft W.* Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Dikken M.D.* Dependency and Directionality. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Dimmendaal D.J.* Introduction // *Coding Participant Marking: Construction types in twelve African languages*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. 2009. Pp. 1-22.
- Gerdes K., Hajičová E., Wanner L.* Foreword // *Dependency Linguistics: Recent Advances in Linguistic Theory Using Dependency Structures*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. 2014. Pp. ix–xi.
- Goldberg A.E.* Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995.
- Harrison Ch., Nuttall L., Stockwell P., Yuan W.* Introduction: Cognitive grammar in literature // *Cognitive Grammar in Literature*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2014. Pp. 1-16.
- Herbst Th., Schmid H.-J., Faulhaber S.* From collocations and patterns to constructions – an introduction // *Constructions. Collocations. Patterns*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter. 2014. Pp. 1-9.
- Hilpert M., Östman J.-O.* Reflections on Constructions across Grammars // *Constructions across Grammars*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. 2016. P. 1-6.
- Hoffmann Th., Trousdale C.* Introduction // *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press. 2013. Pp. 1-9.
- Madlener K.* Frequency Effects in Instructed Second Language Acquisition. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2015.
- Mel'čuk I.* Dependency in language // *Dependency Linguistics: Recent Advances in Linguistic Theory Using Dependency Structures*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. 2014. Pp. 1-32.
- Rosulek L.F.* Dueling Discourses: The Construction of Reality in Closing Arguments. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015.
- Traugott E., Trousdale G.* Constructionalization and Constructional Changes. Oxford: Oxford University Press, 2013.

V.Z. Demyankov*RUDN University (Moscow, Russia)***CONSTRUCTIONAL PARAMETERS OF DISCOURSE**

The ideas of constructional grammar are used in models of producing and understanding texts in natural language. The technology of constructing such models is based on taking into account the compatibility of elementary units within the text. This compatibility reflects not only the “pure” knowledge of linguistic constructions, but also non-linguistic knowledge, as well as the degree of actualization of such knowledge itself in the social and individual psychological contexts of the created discourses. Similar parameters of language usage determine the choice of lexical and grammatical options characterizing regional and national identity of native speakers.

Key words: interaction of cognition and communication; construction; constructional grammar; text production; text interpretation; statistics of constructions in a model corpus of texts

И.В. Зыкова (Москва, Россия)*Институт языкознания РАН;**Московский государственный лингвистический университет**irina_zykova@iling-ran.ru***ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИИ
ПО ДАННЫМ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО КОРПУСА ФИЛЬМОВ**

Цель статьи – выделить параметры, релевантные для декодирования перлокутивного эффекта фразеологизмов и определения успешности их употребления в полимодальной коммуникации посредством установления семантико-прагматической корреляции между исходной интенцией их использования говорящим и реакцией слушающего. Исследование проводится на базе созданного мультимедийного корпуса фильмов с опорой на теорию речевых актов, теорию речевого взаимодействия и теорию фразеологии. В качестве основных применяются метод параметризации и когнитивно-дискурсивный подход. Полученные результаты служат основой для построения моделей, отражающих перлокутивный потенциал фразеологизмов, реализуемый в кинодискурсе. Выявленные данные вносят вклад в разработку корпусно-дискурсивного подхода к изучению художественного дискурса и также разных видов полимодальных дискурсов.

Ключевые слова: фразеология, кинодискурс, прагматика, перлокуция, мультимедийный корпус, параметризация

В современной когнитивной лингвистике к числу актуальных относятся вопросы, связанные с тем, как носители языка строят свои высказывания для передачи определенной информации, как протекает процесс интерпретации этой информации с опорой на существующие в обществе правила и принципы коммуникации, какое воздействие оказывают или могут оказать те или иные языковые и невербальные средства на участников общения и насколько успешно их взаимодействие. В силу своих особых когнитивно-прагматических свойств значительный интерес представляют фразеологизмы, их роль в высказывании, их дискурсопорождающие потенции и манипулятивные возможности.

Многочисленные исследования, проведенные за более чем полувековой период, свидетельствуют о развитии целого направления, в рамках которого создаются

методы исследования прагматических аспектов различных типов (или разрядов, классов) фразеологических единиц (*далее* – ФЕ) на материале разных языков (русского, английского, немецкого, итальянского и т.д.) и типов дискурса (художественного, мемуарного, эпистолярного и т.д.). В последние десятилетия отмечается широкое применение национальных и индивидуально созданных корпусов текстов для изучения когнитивно-прагматической специфики фразеологизмов, определяющей их выбор и значимость в ходе межличностной коммуникации.

Иллокутивная сила фразеологизмов (преимущественно идиом), заключающаяся в их прагматической функции, подробно рассматривается в трудах В.Н. Телия. Как отмечает ученый, фразеологизмы входят «в класс экспрессивно окрашенных наименований, выражающих презрение, пренебрежение, уничтожение, порицание, а также одобрение и т.п.»; и относятся к вторичным наименованиям, «которым в толковании можно приписать маркеры иллокуции» [Телия 1996: 120]. Например, использование идиом *гонять ворон* и *дырявая голова* в высказываниях *Он целыми днями гоняет ворон* и *У него (нее) дырявая голова* имплицитно осуждение и презрение, соответственно. Выбранные говорящим идиомы усиливают «субъектно-модальный компонент смысла высказывания» [Там же: 121]. По замечанию В.Н. Телия, «употребить идиому в речи – значит предумышленно совершить речевой поступок, ибо образная гештальт-структура несет в себе приговор за счет уподобления, а приговор оглашается с целью оповестить об этом слушающих и вызвать у них то или иное чувство-отношение к тому или иному факту, чтобы изменить мнение или поведение адресата» [Телия 1996: 213]. В современных исследованиях выделяются разные по своей прагматической нагруженности, прагматической функции или установке классы фразеологических единиц: ответные фразеореплики или фразеответы (В.Т. Бондаренко); иллокутивные фразеологизмы или иллокутивные идиомы (Г.И. Кустова); речевые формулы, которые включают идиомы-комментарии, идиомы-перформативы, идиомы стабилизации эмоционального состояния, формулы ответа, формулы вопроса и формулы эпистемической модальности (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский); дискурсивные формулы, рутины, маркеры организации дискурса, маркеры хезитации и комментарии (Е.В. Рахилина и др.).

Например, Г.И. Кустова предлагает выделять иллокутивные идиомы, которые определяются как «знаки актуального самовыражения или актуального воздействия», которые «не переводятся в описательно-повествовательные структуры и не имеют других форм», например, *идет* – ‘согласие’ (*Идет*); *даешь* – ‘удивление, восхищение’ (*Ты даешь!*); *Скажите, какая цаца!* – ‘неодобрение, недовольство, негативное отношение к адресату, а также попытка воздействия на адреса, корректировка его позиции’. Иллокутивные идиомы могут быть как однословными, так и несколькословными. Согласно Г.И. Кустовой, иллокутивные идиомы могут формировать иллокутивные парадигмы, которые выполняют определенную функцию и в состав которых входят разные языковые средства. Например, требование прекращения или приостановки действия может выражаться глагольными формами:

Постой!; Погоди-ка!; а может – субстантивными: Минуточку!; Секундочку!. Одним из основных источников иллокутивных идиом являются пропозициональные глаголы (перцептивные, ментальные и речевые), например, *знать, видеть, говорить* и др.: *Вот видишь!; Как знать; И не говори!* [Кустова 2012: 356].

Таким образом, в современных исследованиях, по нашим наблюдениям, можно выделить как минимум два основных направления: 1) исследования, в которых разрабатываются методики лингвопрагматического изучения фразеологизмов, традиционно относящихся к ядру фразеологической системы, главным образом, идиом, а также коллокаций, паремий и проч.; 2) исследования, в которых проводится систематизация фразеологизмов по тем или иным прагматическим критериям, в результате чего выделяются определенные (в т.ч. новые) классы так называемых «прагматических» или «дискурсивно зависимых» фразеологизмов, т.е. фразеологизмов, формирующихся посредством таких процессов, как грамматикализация и прагматикализация (в частности, «иллокутивизация», по выражению Г.И. Кустовой).

Цель нашей работы – установить параметры, релевантные для декодирования перлокутивного эффекта и (не)успешного с прагматической точки зрения использования фразеологизмов (в широком понимании) в таком специфическом типе дискурсе, как кинодискурс, в частности, в дискурсе игрового кино. Специфика кинодискурса определяется двумя его важными для нашего исследования характеристиками: отнесенностью к художественному дискурсу и полимодальностью. Первая характеристика свидетельствует о том, что мы имеем дело со стилизованной разговорной речью, которая представляет собой «типовые» образцы межличностной устной коммуникации во всех возможных ситуациях общения (неформальных (повседневных, бытовых) и формальных (официальных, профессиональных и т.д.)). Кроме того, в игровых (художественных) фильмах, выпущенных в прокат в разные исторические периоды, находят отражение и диахронические особенности речи (коммуникации) со свойственной для того или иного периода нормой устного общения, принятой в определенной лингвокультурном сообществе. Вторая характеристика говорит о возможности проявления или достижения перлокутивного эффекта не только в вербальном, но и в невербальных модусах (главным образом, в жестикуляционном, а также аудиальном и визуальном). В нашей работе, перлокутивный потенциал фразеологизмов и успешность их прагматического использования определяется наличием и/или степенью семантико-прагматического соответствия между исходной (иллокутивной) интенцией использования говорящим определенного фразеологизма с реакцией слушающего. Для удобства проведения анализа киноматериала и описания полученных результатов мы будем использовать для устанавливаемых параметров сокращение «П-параметры».

Для выделения П-параметров используется созданный нами и постоянно пополняемый мультимедийный корпус художественных фильмов. В настоящее время он включает более 90 фильмов и аннотированных текстов к ним (см. подробнее в [Зыкова 2023]). Формирование первичного списка П-параметров осуществлялось на базе российских фильмов комедийного жанра, отобранных из корпуса,

в т.ч.: «Приходи на меня посмотреть» (2000), «Мужчина в моей голове» (2009), «Новогодний детектив» (2010).

Для решения поставленных научных задач мы опирались на ряд ключевых положений теории речевых актов, теории речевого взаимодействия и теории фразеологии, разрабатываемой в научных трудах главным образом отечественных ученых. Применялась комплексная методология, одним из главных методов в которой является метод параметризации языковых явлений, разработанный нами в рамках научного проекта 2019–2023 гг. (подробнее в [Зыкова 2023]), а также методы корпусной лингвистики и лингвокогнитивный подход к изучению фразеологизмов и (кино)дискурса.

Согласно полученным данным, в современных кинокомедиях используются фразеологизмы всех структурно-семантических классов (идиомы, коллокации, ситуативные клише, пословицы, формулы-ответы и др.), например: *рука об руку; сойти/сходить с ума; старая дева; иметь в виду; сорить деньгами; какого черта Р; чтобы Х без Y делал(а)!; добрый вечер; все равно; не велика потеря; между прочим; кто бы говорил!; ни за что не Р; давно живу; пропади пропадом* и др. Разумеется, что для каждого класса ФЕ набор П-параметров может варьировать.

Исследование показало, что при изучении принципов реализации перлокутивного потенциала ФЕ необходимо учитывать их использование в отношении двух типов адресата: киноперсонажа (пример 1) и кинозрителя (пример 2), ср.:

(1) – *Но у меня камень на сердце! – Какой камень, мама?! – У ребенка должен быть отец!* («Приходи на меня посмотреть»)

(2) *Невероятная история, которая до сих пор никому не приходила в голову* («Мужчина в моей голове»)

В примере (1) ФЕ *камень на сердце* (у кого-либо) употребляется одним из киноперсонажей. В ответной фразе, представляющей собой вопрос, раскрывается реакция другого киноперсонажа, вызванная использованием данной ФЕ. Комплексный анализ всех составляющих этой «реакции» (вербальных и невербальных) позволяет сделать вывод о том, насколько действенным оказывается употребление ФЕ в данной ситуации общения двух близких людей – матери и дочери. В примере (2) цель использования ФЕ в предложении-эпиграфе, с которого начинается кинокомедия, декодируется без труда ('привлечение внимание', 'зачин'). При этом определить, достигается ли перлокутивный эффект этого предложения, происходит ли воздействие на состояние адресата, которым здесь является кинозритель, – представляется едва ли возможным с точки зрения объективности его оценки (так как в данном случае можно опираться только на собственное восприятие и свою собственную реакцию как кинозрителя).

В нашей работе случаи употребления ФЕ, направленного на кинозрителя, были исключены из дальнейшего рассмотрения. Для анализа ФЕ, используемые в интерперсональной коммуникации киноперсонажей, были распределены по двум группам. В первую вошли ФЕ, которые встречаются в стимульных высказываниях (сокр. – СВ); во вторую – ФЕ, которые употребляются в ответных высказываниях (сокр. – ОВ). В результате исследования был определен первичный набор

П-параметров для анализа перлокутивного потенциала ФЕ обеих групп: 1) тип или класс ФЕ; 2) исходное (словарное) значение ФЕ; 3) ситуация общения; характер/регистр общения; 4) кто использует ФЕ в отношении кого (гендер, возраст); иллокутивное намерение ее использования в данной ситуации общения; 5) вербальная реакция на использование ФЕ: наличие/отсутствие; тип (позитивный, негативный, нейтральный/смешанный); оценочный модус (эмоциональный, рациональный); иллокутивная цель; 6) невербальная реакция на использование ФЕ: наличие/отсутствие; тип (позитивный, негативный, нейтральный/смешанный); оценочный модус (эмоциональный, рациональный), иллокутивная цель; 7) перлокутивный эффект (характер и/или степень воздействия на адресата); 8) вспомогательные прагматические средства/маркеры проявления/определения перлокутивного эффекта и/или его усиления; 9) семантико-прагматическое соответствие ФЕ и реакции на ее употребление (полное/частичное/нет). Процедура анализа и получаемые результаты продемонстрируем на следующем примере:

(3) – *Честно говоря, я всегда считал тебя гадким утенком. А теперь... – Я превратилась в гадкую утку. – Да, ты превратилась в красивую женщину* («Новогодний детектив»)

В примере (3) в стимульном высказывании используются два фразеологизма, относящихся к разным структурно-семантическим классам. Параметрический анализ выявляет следующую когнитивно-прагматическую информацию о рассматриваемых ФЕ (табл. 1).

Таблица 1. Данные параметрического анализа перлокутивного потенциала ФЕ

	Честно говоря	Гадкий утенок
1	Метаязыковая ФЕ, указывающая на соотнесенность высказывания с действительностью	идиома
2	‘разг. Сообщая всю правду, без утайки, всё как есть’ [ФСРЛЯ]	‘разг. шутил. О ребенке, подростке, у которого неожиданно проявляются достоинства’ [ФСРЛЯ]
3	‘случайная встреча (ресторан)’ (главная героиня неожиданно встречает своего бывшего одноклассника, в которого она была влюблена со школы); полунеформальный регистр	
4	М > Ж; ‘признание’	М > Ж; ‘«комплимент»’ (намерение сообщить об изменениях в лучшую сторону)
5	нет	есть; негативный; эмоциональный; модификация <i>гадкая утка</i> ; ‘смущение + самоирония’
6	есть; смешанный; интонация+мимика (улыбка); ‘смущение + волнение’	есть; смешанный; эмоциональный; интонация+мимика (улыбка); ‘скрываемое волнение + уязвленность’
7	Изменение настроения (в лучшую сторону)	непринятие комплимента
8	пропозициональный глагол в прош. вр. (<i>считал</i>)	гезитация, дейктическая оппозиция <i>всегда – теперь</i> , дискурсивное маркер согласия <i>да</i> ; смысловой контраст в <i>гадкий утенок – красивая женщина</i>
9	Полное	частичное (при учете п. 8)

Таким образом, на основании выявленных параметрических сведений можно говорить о разной степени успешности употребления рассматриваемых ФЕ, которая находит отражение в двух соответствующих моделях, раскрывающих их перлокутивный потенциал: модель у ФЕ *честно говоря*: ‘признание’ → эмоциональная невербальная реакция (‘смущение’); модель у ФЕ *гадкий утенок*: ‘комплимент’ → ‘непринятие комплимента’ & негативная эмоциональная невербальная реакция (‘скрываемое волнение + уязвленность’).

Подводя итог, отметим, что на данном этапе исследования список П-параметров является открытым, и требует уточнения на большем объеме эмпирического материала. Следующим шагом в работе должно быть определение набора релевантных П-параметров для каждого отдельного класса фразеологизмов. Выделенные параметры, раскрывающие количество и порядок инференционных шагов при интерпретации воспринимаемых адресатом фразеологизмов и высказываний разных классов, планируется в дальнейшем использовать для разработки принципов и (полу)автоматизированного алгоритма прагматической разметки фильмов.

Литература

Зыкова И.В. Параметризация лингвокреативности в кинодискурсе: новые эмпирические данные // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент: Сборник научных статей / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 145-161.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Кустова Г.И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: ЯСК, 2012. С. 349-366.

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Фёдорова. М.: Астрель: АСТ, 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru/>

I.V. Zyкова (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;

Moscow State Linguistic University

PERLOCUTIONARY POTENTIAL OF PHRASEOLOGY IN THE MULTIMEDIA CORPUS OF FILMS

The paper aims to identify the parameters relevant for decoding the perlocutionary effect of phraseological units and define the success of their use in multimodal communication. The analysis involves the establishment of a semantic-pragmatic correlation between the initial intention of their use by the speaker and the listener's reaction. The research uses a multimedia corpus of films and is based on the theory of speech acts, the theory of speech interaction and the theory of phraseology. The parameterization method and the cognitive-discursive approach are used as the main ones. The results obtained serve as the basis for constructing models that reflect the perlocutionary potential of phraseological units realized in film discourse. The research findings can contribute to the development of a corpus-based discourse approach to the study of artistic discourse and different multimodal discourses.

Key words: phraseology, cinematic discourse, pragmatics, perlocution, multimedia corpus, parameters

В.И. Карасик (Москва, Россия)Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
vkarasik@yandex.ru**ОСМЫСЛЕНИЕ СВЕТА И ТЬМЫ В ПОСЛОВИЦАХ И АФОРИЗМАХ**

Рассматривается осмысление света в паремиологии и афористике. Этот концепт обладает высокой метафорической и символической мощностью и связан в оценочном плане со своим антиподом – тьмой. Ассоциативные связи света и тьмы показывают значимость правды, знаний и опыта в жизни людей. Оценочная квалификация света в пословицах практична и назидательна, в то время как в афористике акцентируется необходимость мудрого созерцания по отношению к реальности и умение иронически комментировать действительность.

Ключевые слова: пословица, афоризм, концепт, ценность, свет, тьма

Лингвокогнитивное моделирование реальности направлено на выделение значимых объектов ее языкового осмысления, установление их взаимосвязи, структуры и способов выражения в индивидуальном и коллективном сознании [Болдырев, 2018; Демьянков, 2007; Кубрякова, 2012]. В качестве единицы языковой картины мира во многих работах рассматривается концепт – квант переживаемого знания, в котором можно выделить понятийные, образные и ценностные признаки [Воркачев, 2014; Дементьев, 2013; Карасик, 2010; Слышкин, 2000; Степанов, 1997]. Система концептов (концептосфера) и каждый концепт в отдельности могут быть представлены как полевое образование, в центре которого находится содержательный минимум отражаемой и интерпретируемой реальности, объединяющий всех носителей лингвокультурного сообщества, его периферию составляют ситуативно-дискурсивные и индивидуально-личностные уточнения этого содержания.

Одним из важных концептов в языковой картине мира является СВЕТ, противопоставляемый темноте. В словарных определениях можно увидеть определение значимых понятийных признаков этих ментальных образований:

Свет – 1.0. Лучистая энергия (т.е. электромагнитные волны в определенном диапазоне частот), которая воспринимается глазом и делает окружающий мир видимым. 2.0. Освещение, которое исходит от какого-либо источника или характерное для какого-либо времени суток, сезона и т.п. 2.1. Место, откуда исходит освещение; освещенное место, пространство, где светло. 3.0. Источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах. 3.1. Электрическая энергия; возможность пользоваться ею как источником освещения, а также само электрическое освещение. Темнота – 1.0. Отсутствие света, освещения, лишшающее возможности видеть, различать предметы, а также место, пространство, где отсутствует свет, освещение. 1.1. Время суток, когда не светит солнце; поздний вечер, ночь [БУСРЯ].

В этих определениях значений слова, воплощающих концепты СВЕТ и ТЬМА, выделяются энциклопедические и обиходные понятийные признаки рассматриваемых объектов осмысления. Обиходные признаки получают оценочную квалификацию, которая выражается в определенных типах текста, создаваемых и циркулиру-

ющих в качестве коллективных и индивидуальных ориентиров отношения к реальности. К числу таких ценностно порождающих (аксиогенных) текстов относятся мифы и легенды, сказки, притчи, пословицы, афоризмы, шутки и анекдоты, девизы, лозунги, слоганы и различные личные повествования. Предметом нашего изучения являются аксиогенные характеристики света и темноты (тьмы) на материале пословиц и афоризмов.

Свет осмысливается в пословицах следующим образом:

Свет есть благо, а тьма – зло, со светом сравниваются правда, учение и доброта: *Правда — свет разума. Ученье — свет, а неученье — тьма. Тьма света не любит, а злой доброго не терпит.*

Не следует избегать света: *От солнца бегать — свету не видать.*

Свет неразрывно связан с тьмой: *Свет стоит до тьмы, а тьма до свету.*

Одни стремятся к свету, а другие бегут от него: *Мухи к свету, а мышь — во тьму.*

В пословицах подчеркивается мысль о том, что свет благотворен и все в мире взаимосвязано.

В афористике детально обсуждаются разные оценочные характеристики света:

Свет есть благо, он ассоциируется с правдой, знанием и мудростью: *И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою: у мудрого глаза его — в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех (Екклесиаст). Нет ничего слаще, чем свет правды (М.Т. Цицерон). От знания в сердце вспыхнет яркий свет. Оно для тела — как броня от бед (А. Рудаки). ...Кто сам в себе носит солнце и жизнь, не станет искать света где-то на стороне (Р. Роллан). Глаза юношей пылают огнем, но очи старцев излучают свет (П. Верлен).*

Свет неразрывно связан с тьмой: *Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? (Евангелие от Матфея). Ничто так не выделяет свет, как тени (Г.П. Цецилий). Существует достаточно света для тех, кто хочет видеть, и достаточно мрака для тех, кто не хочет (Б. Паскаль). Ясность — это правильное распределение света и теней (И.В. Гёте). Без тьмы не было бы понятия о свете. Для того чтобы свет осознал себя, он должен иметь перед собой свою противоположность — тьму (Л. Фейхтвангер). Не будь темноты, скорость света равнялась бы нулю (Анон.).*

Продвижение света требует усилий и борьбы с тьмой: *Даруй свет, и тьма исчезнет сама собой (Эразм). Культура — это стремление к благозвучию и свету, главное же — к тому, чтобы и благозвучие, и свет преобладали (М. Арнольд). Наука борется с суевериями, как свет с потемками (Д.И. Менделеев). Чтобы увидеть свет в конце тоннеля, надо все время копать! (Б. Крутиер). Сотри случайные черты — И ты увидишь: мир прекрасен. / Познай, где свет, — поймешь, где тьма (А.А. Блок). Мало открыть человеку глаза, надо еще зажечь свет (А. Ботвинников). Только светлая личность может рассеять мглу перед зрячими (В. Георгиев). Граница между светом и тенью — ты (С.Е. Лец).*

Тьма порой оказывается сильнее света: *Даже самые светлые в мире умы / Не смогли разогнать окружающей тьмы* (О. Хайям). *Легче дожидаться конца света, чем конца темноты* (Л. Шебаршин). *Львы и деспоты в темноте видят зорче, чем при свете* (К.Л. Бёрне). *Да здравствуют сумерки — светлое будущее тьмы!* (Ю. Базылев). *Слишком светлое будущее непрактично* (Г. Малкин). *Тьма беспощадна к прозревшим* (Д. Квиллар). *Проводники света всегда в изоляции* (В. Голобородько).

Свет может принести вред: *Гордиться знанием — значит ослепнуть от света* (Б. Франклин). *Светоч истины часто обжигает руку того, кто его несет* (П. Буаст).

Свет бывает обманчивым: *Был до того светлой личностью, что хотелось надеть на него абажур* (Э. Кроткий). *Чем тусклее светильник разума, тем ярче абажур* (Б. Крутиер). *Тот, кто светит отраженным светом, нередко думает, что светил бы ярче, если б источник света погас* (В. Брудзинский). *В конце тоннеля светит конец света* (Г. Малкин). *Оптимист видит свет в конце тоннеля, даже если тоннель не проложен* (А. Анисенко).

Свет относительно: *То, что истинно при свете лампы, не обязательно истинно при свете солнца* (Ж. Поль). *Борьба света с тьмой рождает приятный полумрак* (Ю. Крылев). *В театре теней главную роль играет осветитель* (С. Хохлов). *Старые политики, как старые актеры, оживают при свете лампы* (М. Маггеридж).

Отражение света уступает самому свету: *Кто много рассуждает, тому трудно, конечно, оставить рассуждения и выйти из быстрого потока понятий к тихому источнику созерцания. Но это необходимо; ибо свет понятий, как свет луны, не самобытен, а заимствован от другого* (А. Шопенгауэр). *Прозаический перевод стихов — это чучело лунного света* (Г. Гейне). *Кроты сказали: люди темные, им нужен свет* (С.Е. Лец).

В афоризмах, как и в пословицах, подчеркиваются идеи благотворности света и его органической связи с тьмой, но в дополнение к ним акцентируются идеи борьбы с тьмой, важности понимания того, что свет может быть обманчивым и относительным, тьма может оказаться сильнее света, и иногда свет может принести вред.

Подведем основные итоги. Осмысление света в паремиологии и афористике свидетельствует о высокой метафорической и символической мощности этого концепта, который в оценочном плане неразрывно связан со своим антиподом — тьмой. Ассоциативные связи света и тьмы показывают значимость правды, знаний и опыта в жизни людей. Оценочная квалификация света в пословицах практична и назидательна, в то время как в афористике акцентируется необходимость мудрого созерцания по отношению к реальности и умение иронически комментировать действительность.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом «Языки славянской культуры», 2018.

БУСРЯ – Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2016.

Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.

Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник научных трудов. М.; Калуга: Кошелев А.Б., 2007. С. 26-33.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

V.I. Karasik (*Moscow, Russia*)

Pushkin State Russian Language Institute

CONCEPTUALIZATION OF LIGHT AND DARKNESS IN PROVERBS AND APHORISMS

The paper deals with conceptualization of light in proverbs and aphorisms. This concept has a high symbolic power and is connected with its antipode – darkness. The associative links of light and darkness show the importance of truth, knowledge and experience in people's lives. The evaluative qualification of light in proverbs is practical and edifying, while aphorisms emphasize the necessity of wise contemplation in relation to reality and the ability to comment ironically on reality.

Key words: proverb, aphorism, concept, value, light, darkness

Т.А. Клепикова (*Санкт-Петербург, Россия*)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
tklepikova@gmail.com*

ЯЗЫКОВЫЕ ТРИГГЕРЫ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ

В настоящей статье рассматриваются языковые высказывания, выступающие в качестве триггеров когнитивных искажений, провоцирующих дальнейшее укоренение когнитивных искажений в вербальной картине мира, что предопределяет в итоге интерпретационные решения в когнитивно-дискурсивных практиках.

Ключевые слова: когнитивные искажения, ментальные модели, селективное восприятие, метарепрезентации, мемы, фразеологические единицы

Символьная природа языка, его сущность как семиотического аналога внеязыкового мира лежат в основе блестящих возможностей языка как великого иллюзиониста. Действительно, понимание метафоры «языковая картина мира» включает признание иллюзии, что язык суть отражение мира. Рассматриваемые в когнитивной лингвистике понятия когнитивной метафоры (cognitive metaphor), когнитивно-го конструирования (cognitive constual), салиентности (salience), перспективизации (perspectivization), интерпретации представляют собой техники «преодоления»

иллюзий, создаваемых языком: семантических, прагматических, грамматический, фонетических, референциальных, иллюзий конечности интерпретации языковых выражений, иллюзии осмысленности языковых выражений и т.д. В целом мы осознаем и принимаем две реальности: реальность номинальную, явленную нам в физических ощущениях и реальность виртуальную, в значительной степени метафорически преобразованную, явленную нам в языке. Когнитивный диссонанс – преднамеренный в случае непонимания, коммуникативных ошибок или намеренный в случае предвзятости интерпретаций, стилистических приемов иронии, метафоры – снимается, корректируется метатехникой, обусловленной развитием когнитивно-коммуникативной компетенции. При этом наши возможности в снятии когнитивного диссонанса в рамках интерпретационных процессов очевидным образом ограничены. Во-первых, уникальная способность человека – думать символами – приводит к тому, что символы, метафоры, фигуры речи, сравнения, притчи имеют огромную власть над нами, поскольку семиосфера – естественная для человека среда обитания («мы убиваем ради символов и умираем ради них») [Сапольски 2017]. С точки зрения нейробиологии мозг слабо различает метафорическое и буквальное, а организм выдает одинаковую физиологическую реакцию на моральное отвращение и на физическое отвращение. Именно данная способность помогла человечеству создать искусство, научиться испытывать чужую боль и чувствовать себя запятанными при совершении аморальных поступков. Иллюзии в этом плане можно считать своего рода эволюционным достижением. К этому виду иллюзий можно отнести способность представлять эмоции из своего прошлого и предвкушать эмоции, которые появятся в будущем, а также вещи, которые не имеют ничего общего с эмоциями. Мы выработали средства отделения сообщения от смысла и цели: ложь, ирония, сарказм, манипуляции. Усиление символьного начала в обществе характеризуется появлением морали, морального контроля. При этом для культуры крупной социальной группы высока вероятность создания бога, контролирующего и оценивающего человеческую мораль как наивысший символ давления правил.

Символьная зависимость предопределяет влияние на наше восприятие, эмоции и убеждения символьной природы идеологии и культуры. Мы используем символы, чтобы демонизировать наших врагов (в период геноцида в Руанде представители народа хуту изображали представителей народа тутси в виде тараканов, а в нацистских пропагандистских плакатах евреи были крысами, которые несли опасные заболевания). Однако тот же самый мозговой механизм работает с символами, которые активируют эмпатию (сочувствие, понимание, способность встать на позицию другого).

Принятое в когнитивной лингвистике понятие концептуализации характеризует процесс восприятия, анализа, структурирования поступающей по разным каналам информации, итогом которого является знание, в том или ином качестве репрезентируемое в языке. В равной степени итогом данных операций становятся решения, принимаемые субъектами концептуализации на основе усвоенного знания, усвоенных алгоритмов принятия решений, имеющих своего рода «положительный послужной список», поскольку в свое время они обеспечили эффективную реак-

цию, позволили успешно адаптироваться в изменившихся обстоятельствах. Именно исследование природы принятия решений привело в свое время Д. Канемана и А. Тверски [Канеман 2017] к формулированию понятия «когнитивных искажений», которое оказалось востребованным в очень многих областях гуманитарного знания. Исследователи подвергли сомнению классический подход к умозаключениям, согласно которому люди мыслят логично, а наши решения являются следствием логичных по своей сути умозаключений, при этом причиной всех отклонений от данной модели, то есть алогичных выводов следует признать влияние эмоций на наше рациональное мышление. Альтернативный подход признает, что людям свойственно принимать алогичные решения не под влиянием эмоций, а собственно в силу особенностей мышления. Данного рода систематические ошибки возникают на основе целого ряда дисфункциональных убеждений, внедренных в ментальные модели (когнитивные схемы) [Bishop 2004]. К ним относятся когнитивные ошибки в поведении и принятии решений, ошибки оценки вероятности и стереотипы, социально обусловленные когнитивные искажения (эффект ложной уникальности, иллюзии консенсуса, ошибки атрибуции, ингрупповой фаворитизм и др.), ошибка согласованности, эффект авторитета, приукрашивание прошлого, селективность восприятия и многие другие. Подобного рода шаблонные отклонения считаются, с одной стороны, примером эволюции адаптивного, ситуационно-ориентированного поведения, поскольку обеспечивают более эффективную и более быструю реакцию на внешние воздействия, требующие принятия решения или оценки. С другой стороны, необходимо признать и тот факт, что когнитивные искажения могут возникать вследствие отсутствия навыков критического мышления или применения навыков, которые некогда были адаптивными, но в иных условиях.

Лингвистический фокус в исследовании когнитивных искажений лежит, помимо общего плана исследования особенностей первичной и вторичной концептуализации в языке, в анализе специфики вербальной объективизации данного рода когнитивных искажений, дальнейшем функционировании вербальных форматов когнитивных искажений. Под языковыми форматами когнитивных искажений мы понимаем суждения, которые репрезентируются вербально в виде высказываний, обладающих системой сложноструктурированных эксплицитных и имплицитных смыслов, взаимодействие которых может явиться основанием собственно когнитивного искажения [Клепикова 2024]. Проблематику, связанную с языковыми форматами и языковыми триггерами когнитивных искажений можно разделить на несколько тематических блоков:

- 1) какие языковые шаблоны служат регулярным средством фиксации результатов интерпретации воспринятого опыта, которые следует квалифицировать как когнитивные искажения;
- 2) в какой мере данные языковые форматы являются конвенциональными или окказиональными, интенциональными или не-интенциональными;
- 3) обладают ли языковые выражения свойством активировать/провоцировать когнитивные искажения, выступая в качестве своего рода триггеров когнитивных искажений;

4) в каких случаях когнитивно-дискурсивная эксплуатация данных языковых форматов приводит к позитивным, а в каких – к негативным результатам;

5) какие когнитивно-дискурсивные техники позволяют усилить позитивные результаты и нивелировать/минимизировать негативные последствия вербальных триггеров когнитивных искажений?

6) в какой степени когнитивные искажения оказывают влияние на LLM (large language models, большие языковые модели), подвержены ли LLM когнитивным искажениям [Zhang и др. 2023]?

Приоритет в исследовании взаимосвязи языка и когнитивных искажений принадлежит когнитивным психологам, нейробиологам и психолингвистам. В качестве интересных для целей проводимого автором анализа исследований приведем работы [Bollen и др. 2021; Kosheleva 2021]. В своем исследовании [Bollen и др. 2021] исходят из того, что индивидуумы с депрессией склонны к неадаптивному образу мышления, известному как когнитивные искажения, воспринимая себя, мир, будущее в исключительно негативном, искаженном ключе. Такого рода искажения манифестируются в настроении, поведении и языке. Авторы полагают, что языковые манифестации такого рода проявляются и на уровне социума, что можно зафиксировать, исследуя изменение языковых форматов в диахронии. Обратившись к языковым форматам фиксации таких искажений, как катастрофизация, дихотомическое мышление («всё или ничего»), рассуждение под влиянием эмоций, стереотипизация, ментальная фильтрация (селективное восприятие), сверхгенерализация, персонализация, утверждения по модели *should-statements* и некоторых других, авторы проанализировали текстовые маркеры когнитивных искажений на материале 14 млн книг за прошедшие 125 лет (на материале данных корпуса Google books n-gram viewer). В результате ученые обнаружили всплеск частотности употребления данных единиц, начиная с 1980-х гг., значительно превышающий частотность, характерную для периода Великой депрессии или двух мировых войн. В качестве предварительных выводов исследователи констатируют характерный для последних 30–40 лет сдвиг в сторону употребления языка, в той или иной мере ассоциируемого с когнитивными искажениями.

В работе [Kosheleva 2021] в качестве ключевого вопроса исследования постулируется необходимость идентификации языковых форматов суждений (лингвистические маркеры и речевые форматы), к которым начинают прибегать те, кто испытывают психологические проблемы, будучи в целом здоровыми. В лонгитюдном исследовании языковых манифестаций когнитивных искажений у здоровых индивидуумов, испытывающих психологические личностные проблемы, Ю. Кошелева использует в качестве одного из маркеров психологически проблематического состояния человека высказывания, квалифицируемые как «автоматические мысли». Понятие *автоматической мысли* было впервые введено основателем когнитивной терапии А. Беком в 1979 г. [Beck и др. 2004]. Данного рода мысли фиксируют базовые представления человека о себе, своем окружении, происходящих событиях, отношениях между сущностями в мире, собственном отношении к себе и миру и т.д.

Данные мысли возникают как результат схематизации, формирования схем как когнитивных структур, отражающих наш опыт и одновременно отвечающих за наше поведение и интерпретацию опыта. Подобного рода схемы становятся установками, на базе которых возможно развитие дисфункциональных состояний, негативных состояний, при которых поведение структурируется «под» некорректное восприятие, что в итоге приводит к неадаптивным техникам взаимодействия индивидуума с самим собой и окружающим миром. Исследователь приводит следующие примеры языковых высказываний, фиксирующих автоматические мысли, которые, в свою очередь, соответствуют определенным когнитивным искажениям, Ю. Кошелева приводит следующие [Kosheleva 2021: 667]:

– If I can't get a good mark, then I'm talentless (дихотомическое мышление, «всё или ничего»);

– The doctor is too young to make a correct diagnosis (туннельное мышление);

– My excitement will not allow me to perform on stage (катастрофизация).

В настоящем исследовании в качестве наиболее очевидного источника вербальных форматов, фиксирующих и одновременно воспроизводящих когнитивные искажения, мы рассматриваем репертуар стереотипных выражений, которые как в силу формы, так и в силу содержания призваны отражать стереотипные представления об индивидууме, социуме, закономерностях и целесообразности поведения, эффективности шаблонов когнитивного анализа окружающего мира и под. К этим выражениям относятся паремии, фразеологические выражения, мемы, (псевдо)-прецедентные высказывания, крылатые выражения, цитаты, а также любые иные метарепрезентативные форматы представления знаний, функцией которых является фиксация и передача совокупного этнопсихологического, социокультурного опыта. Именно данные выражения принято считать основополагающими при анализе лингвоспецифичных картин мира, концептуальных оснований культур, базой морально-этических координат лингвокультурного сообщества. Приведет следующие примеры:

– рационализация поступка как тенденция убеждать себя с помощью рациональных аргументов, что поступок стоил затраченных усилий/денег/эмоций: *Всё не зря! Так и надо было! Всё к лучшему! Всё будет хорошо! Вся жизнь впереди, надейся и жди! We are the champions;*

– предвзятость подтверждения: *Всё было до нас... / Ничто не ново под луною: Что есть, то было, будет век* (Н.М. Карамзин);

– эффект авторитета: *Что будет говорить княгиня Марья Алексевна?!*;

– отклонение в сторону результата: *Победителей не судят! Цель оправдывает средства;*

– потребность в завершении: *finis coronat opus; сделал дело – гуляй смело; написано – и с плеч долой; не надо как лучше – надо вовремя;*

– катастрофизация: *что, если я упаду, если в пути пропаду?;*

– каскад доступной информации – самоусиливающийся процесс, в ходе которого коллективная вера во что-то становится всё более убедительной за счет нараста-

тающего повторения в публичном дискурсе («повторяйте нечто достаточно долго и это станет правдой») + селективное восприятие: *язык – картина мира*;

– отклонение в сторону статуса кво как тенденция желать, чтобы вещи оставались приблизительно теми же самыми: *Стабильность – наше всё!*;

– ошибка выжившего: *лечились копеечными средствами...; Всё, что меня не убивает, делает меня сильнее.*

Учитывая, что список когнитивных искажений достаточно обширен и, безусловно, не является конечным, репертуар языковых форматов, отражающих и далее дистрибутирующих когнитивные искажения, заслуживает подробного и тщательного исследования. В рамках данной работы полагает важным отметить следующее. Для того, чтобы вербальная номинация возникла, получила распространение, зафиксировалась в языке, она должна пройти долгий путь, в ходе которой ей необходимо преодолеть достаточно жесткие фильтры с точки зрения коммуникативной востребованности, адекватности, экспланаторности и так далее. Учитывая, что когнитивные искажения в такой же мере являются структурированным знанием, как и не-искажения, и, более того, представляют собой своего рода «короткий путь» (shortcut) в анализе положения дел в мире, определенные, коммуникативная востребованность и экспланаторность данных языковых высказываний оказывается достаточно высокой. Кроме того, снимаются определенные барьеры в виде когнитивных усилий – метарепрезентационный формат цитат, прецедентных текстов, пословиц, поговорок обладает очень высоким «индексом доверия». В результате данные выражения начинают работать в качестве «неоспоримого» формата знания и выполнять категоризально-регулятивную функцию, систематизируя, нормализуя, адаптируя работу сознания, укореняя тем самым когнитивные искажения как когнитивно-дискурсивные шаблоны. Именно данное свойство языковых выражений было отмечено В.М. Бехтеревым, рассматривавшим их как инструменты внушения, инструменты воздействия на общественное сознание [Бехтерев 2022].

Литература

- Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. М.: Академический проект, 2022.
- Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.
- Канеман Д.* Думай медленно, решай быстро. М.: АСТ, 2017.
- Клепикова Т.А.* Языковые рефлексy когнитивных искажений // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып 2 (58). Ч II. С. 537-539.
- Сапольский Р.* Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.
- Beck A., Freeman A., Davis D.* Cognitive psychotherapy of personality disorders. Guilford Publications, 2004.
- Bishop M., Trout J.D.* Epistemology and the Psychology of Human Judgment. New York: Oxford University Press, 2004.
- Bollena J, ten Thija M., Breithaupt F., Barrona A.T.J., Rutterd L.A., Lorenzo-Luacesd L., Scheffer M.* Historical language records reveal a surge of cognitive distortions in recent decades // PNAS. 2021. Vol. 118. No. 30. URL: <https://edepot.wur.nl/551539>

Kosheleva Y. Linguistic Analysis Of Automatic Thoughts And Cognitive Distortions Causing Individual's Psychological Problems // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2021. Pp. 658-670.

Zhang Yu., Gibson E., Davis F. Can Language Models Be Tricked by Language Illusions? Easier with Syntax, Harder with Semantics // Proceedings of the 27th Conference on Computational Natural Language Learning (CoNLL). Singapore. 2023. Pp. 1-14.

T.A. Klepikova (*St. Petersburg, Russia*)

St. Petersburg State University of Economics

LANGUAGE-BASED TRIGGERS OF COGNITIVE DISTORTIONS

The article deals with language formats functioning as cognitive distortions triggers. Verbally formatted cognitive distortions become widely distributed due to their explanatory potential, easy-to-memorize models which leads to cognitive distortions being further anchored in verbal cognition thus predetermining cognitive-discursive practices.

Key words: cognitive distortions, mental models, selective perception, memes, phraseological units

С.Л. Кушнерук (*Челябинск, Россия*)

*Челябинский государственный университет
svetlana_kush@mail.ru*

НАПРАВЛЕНИЯ, НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹

Раскрывается научный потенциал развивающихся направлений исследования миромоделирования в лингвистике первой четверти XXI в. Намечаются перспективы изучения феномена в искусственно созданной цифровой инфосфере в связи с вызовами мультимодальности, роботизацией, внедрением искусственного интеллекта и генеративных миромоделей, размывающих границы между реальным и виртуальным.

Ключевые слова: миромоделирование, миромодели, когнитивно-дискурсивные исследования, когнитивная лингвистика, методология лингвистики, направления лингвистики, цифровая эпоха

Дыхание цифровой эпохи и экспансия инновационных технологий в жизнь общества определяет актуальность изучения объектов, получивших осмысление в доцифровой период. В науке о языке к этому числу можно отнести объемное и многогранное понятие миромоделирования. Оно трактуется по-разному, что, фактически, определяет выбор разных предметов исследования. Обобщенно миромоделирование — это процесс представления фрагментов мира в языке и коммуникации, в результате которого образуются репрезентационные структуры, или миромодели. Несмотря на живой интерес к проблематике миромоделирования (www.discourse-world.ru), в лингвистике не представлены работы, в которых бы рассматривалось, как меняется качество миромоделирования в условиях цифровизации. Поиск ответа

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

на поставленный вопрос определяет актуальность настоящей работы. Ее цель состоит в обсуждении проблем и перспектив развивающихся направлений исследования миромоделирования в цифровую эпоху.

При рассмотрении этих вопросов мы сталкиваемся с следующими положениями:

- в науке о языке доминирует когнитивно-дискурсивная парадигма, определяющая методологическую рамку и векторы исследования миромоделирования, при этом теоретические установки главным образом формируются в когнитивной лингвистике и дискурсологии;

- изучение миромоделирования определяется положениями о ведущей роли языка в моделировании социального взаимодействия и соотносится с его мирознательной функцией, заключающейся в конструировании мира при его «портретировании» (Е. С. Кубрякова);

- в понятии миромоделирования заключено двуединство: его когнитивный аспект связан с ментальными процессами обработки поступающей информации, дискурсивный аспект находит воплощение в совокупностях семиотических форм, объединенных целеустановками коммуникации;

- в цифровой среде миромоделирование усложняется и одновременно ограничивается уровнем опосредования: главным техническим медиумом выступает интернет, в пространстве которого происходит структурирование представлений о физическом мире и виртуализация социальных отношений.

Изучение миромоделирования активно производится в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики, что к концу первой четверти XXI в. приводит к формированию дискретных направлений, восходящих к лингвофилософским идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и языке как деятельности, Л. Витгейнштейна о смысловых связях, а также Л. Вайсгерберга о преобразующей силе языка, в которых формируется система понятий, отвечающая требованиям настоящего времени.

В рамках **лингвокогнитивного направления** миромоделирование получает интерпретацию в связи с тем, что совокупность представлений о мире, отраженная в языке, представляет коллективную систему взглядов, которая объединяет носителей языка, обеспечивает их ценностные ориентации, регулирует поведение и определяет миропонимание. Традиционными объектами исследования выступают фрагменты языковой картины мира, образы мира, метафорические модели, пространственные модели.

В обсуждаемый период исследования *языковой картины мира* в большей мере носят дескриптивный характер, в центре внимания специалистов находится ее содержание, получающее овнешнение в языковых формах (лексико-фразеологических средствах, метафорах и др.). Вместе с тем стремление учесть динамический характер дискурса приводит к обоснованию понятия *дискурсивной картины мира*, которая воплощается в текстах, порождаемых в типовых социально-психологических контекстах (З. И. Резанова). Термином обозначается социально и функцио-

нально обусловленный вариант языковой картины мира, который рассматривается как миромоделирующая система, направляющая «векторы» интерпретативной деятельности человека.

Эта трактовка имеет большой эвристический потенциал, поскольку отражает мысль о преобразующей роли языка в организации представлений о мире и является ценной с точки зрения дальнейшего изучения естественных и искусственных миромоделей, воздействующих на адресата в цифровой среде, где роботизированный язык «удачно мимикрирует» под естественный, а человек оказывается в «Бартовском мире симулякров» [Клушина 2018: 56].

Концептуальное направление углубляет лингвокогнитивное. Миромоделирование получает осмысление в связи с освоением знаний о мире, познанием, концептуализацией мира в языке, образованием концептов и категорий. Утверждается интерпретирующий характер человеческого сознания и языковой картины мира, которая задает образцы для интерпретации воспринимаемого [Интерпретация мира в языке 2017]. Ключевые объекты — концепты, объективируемые средствами языка и отражающие системы представлений о мире.

Количество концептуальных исследований, ориентированных на описание моделей мира, необозримо. Авторы преимущественно концентрируются на анализе содержательных характеристик концепта, реже на личностных особенностях концептуализации и дискурсивной детализации, как правило, не связывая понятия концепта и миромоделирования. С учетом накопленного в лингвистике опыта концепт можно рассматривать как единицу миромоделирования. Поскольку концепты «живут», развиваются и получают многократную языковую объективацию в практиках коммуникации, это прогнозирует их значимые модификации и определяет характер репрезентации фрагментов мира. В процессах структурирования информации о среде и человеке в дискурсе на первый план выходит динамика концепта, наращивание или утрата им своих признаков.

Если определить концепт как многомерное социо-психическое образование, существующее в коллективном сознании (по В. И. Карасику), и признать, что этот конструкт регулярно воплощается в публичном дискурсе, продуктивной представляется разработка понятия *миромоделирующего потенциала* концепта. В широком смысле оно обозначает способность когнитивной единицы формировать фрагмент картины мира в процессах ассоциативно-смыслового развертывания в дискурсе за счет актуализации ее концептуального содержания, включающего компоненты разной природы (понятийный, образный, ценностный, рациональный, эмоциональный и др.).

Дальнейшее исследование миромоделирующего потенциала концептов в цифровой среде требует принять «вызов» мультимодальности. «Иконический поворот» усиливает роль изображений, оспаривающих привилегию естественного языка на конструирование значений, что меняет как характер миромоделирования, так и процессы восприятия поступающей информации. Изображения всё больше впле-

таются в ткань виртуального дискурса, являясь знаковыми носителями реальности. Вследствие этого концепт получает множественные невербальные формы выражения (мемы, эмодзи, стикеры и др.).

Активное развитие лингвоаксиологии и выделение лингвокультурных концептов прецедентных феноменов как особой группы концептов, утверждающих уникальность и значимость индивидуальных для культуры объектов и явлений (личностей, событий, артефактов) способствует зарождению **аксиологического направления** исследования миромоделирования, обращенного к воспроизводству ценностей при дискурсивном портретировании мира. Объекты — аксиологическое миромоделирование, аксиологическая картина мира. Ожидаемо, что наряду с метафорами, лексическими средствами вербализации концептов, когнитивно-коммуникативными особенностями организации дискурса, процесс ценностного миромоделирования обсуждается в аспекте прецедентности.

Перспективность обозначенной научной проблематики усматривается в разработке прецедентной основы аксиологического миромоделирования. В этом отношении первоначальное развитие получает понятие миромоделирующего потенциала прецедентного феномена как «способность единицы индуцировать концептуально-сложные ментальные репрезентации посредством отсылок к хорошо известным явлениям, фактам, событиям, ситуациям, представления о которых имеют сверхличностный характер и хранятся в коллективном сознании представителей лингвокультуры» [Кушнерук, Васильева 2023].

Обращает на себя внимание, что изучение аксиологических факторов миромоделирования осуществляется на основе синтеза наработок в нескольких областях. В результате совмещения аксиологического и лингвокогнитивного подходов, к примеру, представлена модель ценностно-концептного анализа, благодаря которой диагностируются миромоделирующие концепты, структурирующие советскую эпоху [Лебедева 2015]. Очевидно, что данная модель может успешно применяться для выявления ценностных опор в структурировании социальных практик в цифровой среде.

Поскольку ценности объективируются при помощи языковых выражений, объединенных оценочной семантикой и формирующих категорию оценки, определенную автономность приобретает **семантико-стилистическое направление**. Миромоделирование рассматривается в ракурсе кодирования и декодирования информации о мире на основе многослойности семантики лексики. Понятие миромоделирующей активности слов, составляющих определенный фрагмент картины мира, связывается с регулярным выполнением ими миромоделирующей функции. В этом плане особое место отводится образным словам и выражениям (фразеологизмам): собственно образным, т.е. морфологически мотивированным (*испепелять, обезьянничать*) и языковым метафорам, т.е. семантически мотивированным (*кислое лицо, кипятиться*). Причисление названных единиц к средствам образного миромоделирования связывается с тем, что они содержат наглядное представление о явлении в культуре, передают типичные ассоциации и субъективную оценку обозна-

ченных явлений. Рассмотрение этих и других функционально-семантических групп лексики (неологизмов, окказионализмов, слов-ярлыков) способно обеспечить понимание лингвоаксиологических механизмов миромоделирования.

Когнитивная лингвистика принимает теоретическую установку о примате функции по отношению к форме и о том, что фундаментальные свойства языка не могут быть изучены без учета функционального предназначения, что открывает путь **функциональному направлению**. Базовые объекты — миромоделирующая функция средств языка и функциональная значимость единиц языка в речи. Научная задача состоит в том, чтобы установить, как язык реализует миромоделирующую функцию, заложенную «имманентным» свойством языка конструировать фрагменты картины мира в пространстве дискурса. Одним из вариантов решений является обращение к топонимам как инструментам пространственного миромоделирования для определения особенностей картины мира, адресованной избирателям во время предвыборной кампании [Дмитриева 2022].

С учетом аффордансов цифровой среды развитие данного направления может быть продуктивным через осмысление функциональной значимости разных единиц естественного языка в сочетании со знаками иных семиотических систем, активно внедряемыми в виртуальный дискурс. Это должно способствовать более глубокому пониманию механизмов воздействия на аудиторию, сущности социальных, политических, культурных и других внешних по отношению к языковой форме явлений, а также прогрессии социально-ориентированной лингвистики в целом.

Когнитивная лингвистика взаимодействует с лингвопрагматикой и дискурсологией на внутрипарадигмальных основаниях. Это определяет развитие **когнитивно-прагматического направления** исследования миромоделирования. Поскольку ресурсы языка используются для конструирования социальной реальности, в центре внимания оказываются прагматические аспекты миромоделирования в коммуникации. В качестве объектов, в частности, выступают особенности структуры и содержания миромodelей, продвигающих культуру потребления в дискурсе коммерческой рекламы, а также стратегии и тактики, используемые в целях репрезентации социально-значимых явлений.

Исследователи стремятся понять роль миромodelей в организации практической деятельности. Думается, что оперирование ментально-языковыми моделями приобретает особое значение в кризисных политических ситуациях, поскольку у людей возникает потребность не столько в деталях, сколько в целостном понимании происходящего. Чем сложнее возникшая ситуация, тем более сложные конструкты требуются для ее объяснения. Кризисные коммуникации можно рассматривать как разновидность дискурса, в пространстве которого разные миромodelи соревнуются за утверждение своей позиции. Выбор адекватных стратегий миромodelирования, реализуемых в целях видоизменения информационной среды, может стимулировать решение специальных задач в реальном мире. Развитие этих идей прогнозирует прирост знаний в области изучения концептуально-сложных структур и механизмов регулирования социального взаимодействия оффлайн и онлайн.

Расцвет дискурс-анализа предопределяет развитие **лингвоидеологического направления** исследования миромоделирования, характер которого задает триада «дискурс — идеология — социум». Объект — идеологически маркированные концептуальные структуры в ментально-языковом пространстве публичного дискурса. Отстаивается идея о том, что в процессах идеологического миромоделирования структурирование информации о мире осуществляется за счет актуализации интерпретационных схем, которые устанавливают связь между объектами репрезентации и комплексом идеологических смыслов, что укрепляет идеологизированное мировосприятие и способствует формированию стереотипов и предрассудков. При этом идеология рассматривается как когнитивная система (Т. А. ван Дейк), которая контролирует формирование социальных знаний и приводит в движение картину мира в ее функциональной обусловленности. Следование по намеченной траектории призвано способствовать пониманию процессов ментально-языкового форматирования социальной реальности на основе дискурсивного воспроизводства идеологии.

В рамках обозначенных выше направлений объектом исследования выступает естественное миромоделирование, при котором генератором миромоделей и их концептуальных элементов выступает человек, или *homo-генератор* [Тошович 2024], создающий текст. Развитие сетей и интернета в 1990-е и 2000-е годы не только производит технологическую революцию, открывая миру понятие глобальной связности через использование сетевых технологий, но прогнозирует появление искусственного миромоделирования как процесса, осуществляемого автоматом, или искусственным интеллектом при помощи программ, которые на основе алгоритмов работы с исходным текстом могут порождать тексты для самых разных целей (презентационных, обучающих, развлекательных и др.).

Заключение

В первой четверти XXI в. разрабатывается понятие естественного миромоделирования. В лингвистике сосуществуют дискретные направления его исследования, акцентирующие внимание на отдельных сторонах репрезентации мира и форматировании информации о нем, в разных типах дискурса. Установки когнитивной лингвистики и дискурсологии, составляющие теоретическую основу проводимых научных изысканий, развиваются в диалектике традиции и инновации.

В эпоху искусственного интеллекта и больших данных плотность и скорость информации стремительно увеличивается, человек испытывает большую зависимость от интернет-технологий и сетевых генераторов. Цифровые варианты реальности всё больше определяют нашу жизнь, создавая алгоритмы, следуя которым человек совершает действия в режиме оффлайн.

Виртуальное наделяется ценностью истинного, которое дополняет и нередко замещает реальное. Изучение миромоделирования в этих условиях призвано обрести новое прочтение с учетом проблем, связанных с внедрением искусственного интеллекта, роботизацией и ростом числа симуляционных моделей, имитирующих мыслительные процессы.

Для выяснения того, какие угрозы тиражирование симулякров представляет для языка, человека, общества и социальных отношений, важно изучение искусственных генеративных миромоделей, которые структурируют представления о действительности, ориентируют и воздействуют на массового адресата в цифровом пространстве и за его пределами.

Литература

Дмитриева А.В. Функциональный и прагматический потенциал топонимов в видеотекстах российской политической рекламы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2. С. 206-218.

Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина, И.Ю. Безукладова, Е.Г. Беляевская [и др.]. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017.

Клушина Н.И. О дигитализации языка // Русская речь. 2018. № 6. С. 52-56.

Кушнерук С.Л., Васильева Е.О. Миромоделирующий потенциал прецедентных феноменов в песенном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1 (52). С. 272-281.

Лебедева Н.Б. Мемуары как письменно-речевой дискурс рядового носителя русского языка: ценностно-концептный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-1 (61). С. 92-100.

Тошович Б. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности. М.: Флинта, 2024.

S.L. Kushneruk (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

DIRECTIONS, SCIENTIFIC POTENTIAL AND PROSPECTS FOR THE STUDY OF WORLD-MODELING IN THE DIGITAL AGE

The scientific potential of the developing areas of world-modeling research is discussed with reference to the linguistics of the first quarter of the 21st century. The prospects of studying world-modeling in the artificially created digital infosphere are considered in connection with the challenges of multimodality, robotization, the introduction of artificial intelligence and generative world-models, blurring the line between the real and the virtual.

Key words: world-modeling, world-models, cognitive-discursive research, cognitive linguistics, methodology of linguistics, areas of linguistics, digital age.

Е.А. Огнева (Белгород, Россия)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНФОРМАТИВНОГО КОДА КОГНИТИВНЫХ КОНСТРУКТОВ

В статье впервые рассматривается интерпретативный потенциал как свойство информативного кода когнитивных конструктов, представляющих собой иерархическую взаимосвязь когнитивных доминант, концептов-доминант и концептов. Определяется триада параметров, предстающих когнитивными координатами функционирования интерпретативного потенциала информативного кода, состоящая из: 1) авторской интенции текста или коммуникативной

интенцией дискурса, 2) тематической архитектоникой текста или дискурса, 3) национальной спецификой лингвосоциума, в котором формируются текстовый или дискурсивный миры. Выявляется сопряжение типов параметров и информативов информативного кода.

Ключевые слова: информативный код, когнитивная доминанта, концепт-доминанта, интерпретативный потенциал, модель

Исследование информативного кода когнитивных конструкторов представляет собой одно из перспективных направлений современной когнитивной лингвистики, нацеленное на комплексную интерпретацию когнитивных доминант с учетом того факта, что «в качестве когнитивных доминант могут выступать конкретные концепты и категории» [Болдырев 2018: 15].

Проводимые исследования концептуальной структуры художественных текстов позволяют представить когнитивные доминанты в качестве совокупности концептов-доминант при условии, что концепты-доминанты – это «художественные концепты, репрезентированные наибольшим количеством лексических единиц» [Даниленко 2022] в свете того, что «the world of a literary text is a partially or completely fictionalized authorial cognitive and narrative projection of the real or fictional world» [Ogneva и др. 2022: 81] / «мир художественного текста – это частично или полностью художественная авторская когнитивная и нарративная проекция реального или вымышленного мира» (перевод автора – Е.А.). Соотношение когнитивных доминант и концептов-доминант, выявленное в художественном тексте, реализуется в соответствии с аналогичным механизмом взаимосвязи когнитивных конструкторов, а именно когнитивных доминант и концептов-доминант, и в различных типах дискурса.

Информативный код когнитивных доминант и концептов-доминант предлагается рассматривать в качестве сопряжения диады факторов: спектра информативов кода и частотности их функционирования в текстовых когнитивных конструктах.

Спектр информативов кода представляет собой совокупность маркеров невербального кода (проксем, хронем, кинем, такем, сенсем), лингвокультурем, эмотивов, колоративов, глутонимов, фитонимов, зоонимов, а также стилистических фигур речи и тропов. Второй фактор диады, частотность информативов, подчеркивает их функциональную значимость в формате того или иного когнитивного конструкта текста и дискурса.

Предлагаемое видение концепции информативного кода является закономерным развитием высказанного ранее понимания того, что собой представляет информативный код, интерпретируемый как «совокупность лексико-грамматических и синтаксических информативов» [Ogneva 2023: 81].

Проведенное исследование информативного кода текстовых и когнитивных конструкторов выявило существование их интерпретативного потенциала, под которым предлагается понимать свойство информативов информативного кода, характеризующее комплексный объем кодовой информации в когнитивных конструктах, а именно в когнитивной доминанте, концепте-доминанте, концепте. Под объемом кодовой информации в этом случае подразумевается количество различных типов информативов, входящих в номинативные поля когнитивных конструкторов.

Установлено, что интерпретативный потенциал информативного кода текстовых и дискурсивных когнитивных конструкторов обусловлен триадой параметров:

- 1) авторской интенцией текста или коммуникативной интенцией дискурса,
- 2) тематической архитектоники текста или дискурса,
- 3) национальной спецификой лингвосоциума, в котором формируются текстовый или дискурсивный миры.

Рассмотрение механизма функционирования каждого из параметров триады, в ракурсе которой реализуется интерпретативный потенциал информативного кода текстовых и дискурсивных когнитивных конструкторов, показывает следующие закономерности:

- 1) авторская интенция текста и коммуникативная интенция дискурса репрезентируются преимущественно такими типами информативов информативного кода как: проксемы, хронемы, кинемы, эмотивы, стилистические фигуры речи и тропы;
- 2) тематическая архитектура текста или дискурса реализуется посредством совокупности следующих информативов: проксем, хронем, кинем, такем, колоративов, глютонимов, фитонимов, зоонимов;
- 4) национальная специфика лингвосоциума репрезентируется такими информативами, как: лингвокультуемы, проксемы, хронемы, сенсемы.

Представленный спектр сопряжения типа параметра, актуализирующего интерпретативный потенциал информативного кода текстовых/дискурсивных когнитивных конструкторов, и типов информативов информативного кода определяет превалирование проксемно-хронемного вектора реализации интерпретативной модели, что обусловлено миромоделирующими механизмами человека.

Представленная триада параметров интерпретативного потенциала может быть рассмотрена также в качестве когнитивных координат таксономической модели информативного кода когнитивных конструкторов, где под когнитивными координатами понимаются совокупности информативов, обозначающие триадные параметры модели информативного кода.

Взаимосвязь механизмов миромоделирования и функционирования когнитивных координат модели информативного кода требует дополнительного исследования и представляет собой перспективу развития концепции информативного кода.

Проведенное исследование таксономических моделей информативного кода текстовых и дискурсивных когнитивных конструкторов показало, что модели могут быть однолингвальными, построенными на материале одного языка, билингвальными, построенными на материале двух языков и трилингвальными, сконструированными на материале трех языков.

Предполагается, что модель информативного кода текстовых и дискурсивных когнитивных конструкторов предрасположена к увеличению количества языковых информативных платформ, что требует дальнейшего детального исследования. В настоящее время определено, что билингвальные и трилингвальные таксономические модели информативного кода функционируют в виде сравнительно-сопоставительного формата.

Заявленный спектр форматов моделей информативного кода текстовых и дискурсивных когнитивных конструкторов основан на «знании механизмов управления концептуально-информационными моделями действительности» [Кушнерук 2018: 115]. Эти текстовые и дискурсивные модели действительности представляют собой интеграцию знания «как условие формирования нового смысла» [Бочарникова 2023: 207], в котором «главными источниками словесной информации являются лексико-семантические варианты слова» [Жирова 2016: 112], формирующие «текст как формат знания» [Baghana и др. 2019: 1186] и дискурс как формат знания.

Интерпретативный потенциал информативного кода в каждом из перечисленных типов таксономических кодовых моделей реализуется с разной степенью приоритетности вышеуказанных параметров, то есть в однолингвальной таксономической модели информативного кода превалирует параметр «тематическая архитектура текста или дискурса», в то время как в билингвальных и трилингвальных таксономических моделях информативного кода преобладают параметры «авторская интенция текста или коммуникативная интенция дискурса» и «национальная специфика лингвосоциума».

Исходя из полученных данных, выстраивается корреляция спектра функционирования интерпретативного потенциала информативного кода когнитивных конструкторов и когнитивного механизма построения текстового и дискурсивного миров.

Таким образом, интерпретативный потенциал как свойство информативного кода когнитивный конструкторов предопределяется условиями функционирования информативного кода, погруженного в триаду таких параметров, как: 1) авторская интенция текста или коммуникативная интенция дискурса, 2) тематическая архитектура текста или дискурса, 3) национальная специфика лингвосоциума, в котором формируются текстовый или дискурсивный миры.

Выявление интерпретативного потенциала информативного кода нацелено на определение когнитивного механизма построения текстового и дискурсивного миров в аспекте реализации однолингвальных, билингвальных и трилингвальных таксономических моделей информативного кода когнитивных конструкторов.

Литература

- Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 15-24.
- Бочарникова Е.А. Интегрированное знание как условие формирования нового смысла // Когнитивные исследования языка. 2023. № 5 (56). С. 207-211.
- Даниленко И.А. Выявление концептов-доминант в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 3. С. 153-162.
- Жирова И.Г. От слова к значению слова и концепту // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1-1 (55). С. 111-115.
- Кушнерук С.Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 115-125.

Огнева Е.А. Синергия информативов текстового информативного кода (на материале произведения В. Скотта «Waverley; or 'Tis Sixty Years since») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. 2023. № 4 (872). С. 80-85.

Baghana J., Buzina E.I., Glamazda S.N., Khvesko T.V., Lazareva O.P. Literary text as knowledge format // Journal of Research in Applied Linguistics. 2019. Т. 10. № S. Pp. 1186-1196.

Ogneva E.A., Stepanova L.I., Chikovani T.V. Modeling of text and discourse worlds // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Т. 8. № 1. Pp. 79-92.

E.A. Ogneva (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF THE INFORMATIVE CODE IN COGNITIVE CONSTRUCTS

The article presents for the first time the interpretative potential as a property of the informative code in cognitive constructs, which represents a hierarchical relationship of cognitive dominants, dominant concepts and concepts. A triad of parameters is defined as cognitive coordinates of the interpretative potential of the informative code functioning. This triad consists of: 1) the text author's intention or the discourse communicative intention, 2) the thematic architectonics of both text and discourse, 3) the national specifics of the linguistic society in which the textual or discursive worlds are formed. The conjugation of the types of parameters and informatives of the informative code is revealed.

Key words: informative code, cognitive dominant, dominant concept, interpretative potential, model

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА В ЯЗЫКЕ

И.И. Абдулганеева (Казань, Россия)

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
abdulgani@bk.ru*

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АУГМЕНТАТИВОВ: ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ АНАЛИЗА

В статье освещена проблема актуализации категории интенсивности словообразовательными средствами языка в русскоязычных текстах. Материалом исследования выступили субстантивные аугментативы с суффиксальным формантом *-ищ-*. Прагмасемантический потенциал аугментативов позволяет актуализировать в различных типах текста функционально-семантическую категорию интенсивности. Цифровым инструментом для диагностики сферы функционирования и анализа статистических данных аугментативов выступил Национальный корпус русского языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, корпусная лингвистика, категория интенсивности, словообразование, дискурс, прагматика, аугментатив

Сложно преувеличить значение неразрывной связи между человеком и языком. Вся жизнь субъекта в языке пронизана эмоциями, в связи с чем вопрос репрезентации эмоций и эмоционально-экспрессивного содержания, проявления степени интенсивности этих эмоций в языке остается для лингвистической науки до сих пор в полной мере не решенным, а значит актуальным и значимым. Антропоцентричный вектор современной лингвистической науки при исследовании семантических аспектов языка опирается сегодня на цифровой инструмент при анализе языковых феноменов. Если углубиться в вопрос развития различных лингвистических подходов к языку и обратиться к истокам прагматики, то следует выделить мнение Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой, которые отмечают этап, когда «семантика начала прорасти прагматикой» [цит. по Милосердова 1991: 60]. В связи с этим возникает необходимость изучения не только семантики, а прагмасемантики единиц определенного языкового уровня.

Массивные данные языковых корпусов позволяют исследователю проводить статистические сопоставления, повышая верифицируемость полученных данных и подтверждая валидность выдвинутых положений и гипотез. Целью настоящего исследования стало выявление особенностей репрезентации категории интенсивности субстантивными дериватами, образованными при помощи форманта *-ищ-*, выражающих увеличительно-усилительное значение и репрезентирующих в определенном контексте функционально-семантическую категорию интенсивности. Для реализации указанной цели использованы материалы Национального

корпуса русского языка [НКРЯ]. Обращение к корпусному подходу детерминировано тем, что он плодотворен для комплексного когно-лингвокультурологического изучения тех изменений лексического пласта, которые, как правило, могут отражать трансформацию более глубокого, ментального, мировоззренческого характера, затрагивающие сознание носителей языка [Методы когнитивного анализа... 2015: 96]. Основной постулат настоящего исследования заключается в понимании и выделении роли единиц морфемного уровня и словообразовательной системы в вопросах категоризации явлений окружающей действительности и внутреннего мира человека [Абдулганеева 2023]. Согласно Е.С. Кубряковой морфологии и создаваемым в ней морфологическим структурам принадлежит в этом смысле исключительная роль. Ведь она обеспечивает механизмы свертки более сложных и развернутых наименований в более компактные обозначения (ср.: сложные слова, производные слова, аббревиатуры) [Кубрякова 2000: 26]. Словообразовательные форманты, выражающие наряду со словообразовательным значением дополнительные коннотативные компоненты, актуализируют эмоциональный компонент в речи. При этом степень проявления эмоционально-личностного компонента уже обусловлена рядом смежных категорий: интенсивностью, оценочностью, экспрессивностью. Последняя категория объединяет и включает в себя все перечисленные категории. Экспрессивность как на уровне высказывания, так и на уровне текста достигается совокупностью средств и единиц разных уровней языка, включая и актуализацию категории интенсивности. Роль и место категории интенсивности в ряду смежных категорий определяется ее функционально-прагматическими особенностями в создании и актуализации экспрессивного потенциала текста определенного типа дискурса. Все смежные с категорией интенсивности категории объединяет их когнитивная природа, например, «оценочное значение имеет интерпретационный характер и, следовательно, когнитивно по своей природе» [Сергеева 2003: 27]. Следует дополнить, что их объединяет также когнитивная функция, трактуемая как функция (*мыслительная, ментальная, гносеологическая функция*) использования языка в процессе мышления и обмена мыслями, в процессе познания действительности [Лесников 2021: 309] и процессе выражения субъективного отношения к явлениям и предметам внешнего мира. В.Г. Гак, характеризуя интенсивность, указывает, что она достигается двумя средствами: качеством и количеством. Ученый выделяет качественную и количественную интенсивность: первая заключается в выборе более сильного слова в ряду синонимов; вторая основывается на повторении слова, имеющего эмоциональную окраску. Очень часто оба приема используются одновременно: повтор эмотивных элементов сочетается с семантической градацией [Гак 1996: 22]. Е.А. Лютикова в своем исследовании подчеркивает функциональную природу средств интенсификации в языке. По ее убеждению, их специфика состоит в их семантике, «не поддающейся эксплицитному толкованию обычными средствами. Причина этого кроется в их функциональной природе. Данные элементы участвуют не столько в

построении денотативного слоя смысла высказывания, сколько в „привязывании“ этого смысла к ситуации акта речи. Многие из этих элементов являются сигналами, облегчающими адресату речи правильное согласование смысла текущего высказывания с имеющимися у него знаниями или „перестройку“ активированных знаний в соответствии с информацией, содержащейся в текущем высказывании» [Лютикова 2002: 10]. По мнению Е.М. Вольф «интенсивность эмоционального состояния и ее изменение, обозначается многочисленными интенсификаторами, показателями неопределенного количества, а также метафорическими и косвенными способами: *очень (весьма, крайне, беспрдельно, так что дальше некуда) раздраженный, в полном (ужасном, совершенном) отчаянии*» [Вольф 1996: 159]. Интенсификация когнитивных смыслов выражается не только лексическими, но и определенными средствами словообразовательной системы. Таким образом, эмоционально-экспрессивный компонент значения слова и степень интенсивности могут быть актуализированы в языке при помощи средств словообразовательной системы. Е.А. Земская определяет назначение производного слова следующим образом: «производное создается для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки по отношению к тому, что именуется, или к адресату речи, его микромиру» [Земская 2005: 9].

Именные дериваты с суффиксом *-ищ-* имеют увеличительное значение. Родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется, слова женского рода относятся ко II скл.; слова мужского и среднего рода – к I скл. с флексией *-е* в им. п. ед. ч.: а) *бабища* (прост.), *лапища, пылища, жарница, ручища, ножища, бородаща, скущища*; б) *дружище, волчище, голощище, бацище, кулачище, хвостиче, скандалище, умище, винище, веслище* [Русская грамматика 1980: 215]. В рамках настоящей статьи представлен фрагмент исследуемой проблемы на примере анализа аугментативов, выражающих отыменные, непредметные имена, абстрактные, таких как *красотища, скандалище, умище, позорище и т.д.* Проанализируем аугментатив *красотища*. В Основном подкорпусе НКРЯ представлен конкорданс, в который вошли 96 текстов с количеством вхождений анализируемого аугментатива 109. По гендерному признаку авторами 59 текстов являются мужчины, число вхождений – 67 (61, 47%), авторами 28 текстов являются женщины, число вхождений – 32 (29, 36%). По сфере функционирования в НКРЯ представлены следующие данные: 47 текстов относятся к художественной сфере функционирования с числом вхождений 58 (53,21%), 31 текст с числом вхождений аугментатива *красотища* 39 (30, 28%) относится к бытовой сфере функционирования, 8 текстов относятся к электронной сфере коммуникации, число вхождений составило 9 (8, 26%). Самым частотным по типу текста является роман: 21 текст с числом вхождений 27 (24,77%); далее следует тип текста – дневник и записные книжки, 15 текстов с числом вхождений 16 (14, 68%); третью позицию занимает тип текста – повесть, 13 текстов с числом вхождений 15 (13, 76%); тип текста – рассказ занимает четвертую позицию, 11 текстов с числом вхождений 12 (11, 01%); на пятом

месте тип текста – мемуары, 6 текстов с числом вхождений 8 (7, 34 %). Все тексты распределены по 16 тематическим областям. Согласно статистическим данным НКРЯ самым частотным является текст, посвященный частной жизни: 26 текстов с числом вхождений 30 (27, 52%). 13 текстов с числом вхождений 13 (11, 93%) относятся к тематической области – путешествия. К тематической области искусство и культуру относится 9 текстов с числом вхождений 11 (10, 09%). Говоря о жанровой принадлежности, присутствуют тексты нежанровой прозы (31 текст с числом вхождений 37 (33, 94%), фантастику (5 текстов с числом вхождений 8 (7, 34%), детективы и боевики (5 текстов с числом вхождений 5 (4, 59%), документальную прозу (3 текста с числом вхождений 5 (4, 59%), детскую литературу (4 текста с числом вхождений 4 (3, 67%).

Результаты исследования показали, что изучение такого сложного лингвистического феномена как категория интенсивности, которая относится к функционально-семантической категории, взаимодействует и сопряжена со смежными категориями в языке с эмотивностью, оценочностью, экспрессивностью, согласно цифровому инструменту исследования, а именно анализу данных НКРЯ, репрезентирована в языке единицами морфемного (словообразовательного) уровня. Анализ категории интенсивности, выраженной в текстах именными дериватами с суффиксальным формантом *-ищ-*, показал, что данные форманты функционируют неодинаково и неоднородно в различных сферах и типах текста.

Литература

- Абдулганеева И.И.* Актуализация категории интенсивности в публицистическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 4 (55). С. 508-512.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика. Описание эмоциональных состояний // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In: *Memoriam* Е.М. Вольф. М.: РАН Институт языкознания, 1996. С. 137-167.
- Гак В.Г.* Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In: *Memoriam* Е.М. Вольф. М.: РАН Институт языкознания, 1996. С. 20-31.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005.
- Кубрякова Е.С.* Когнитивные аспекты морфологии // Язык: теория, история, типология. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Лесников С.В.* Метаязык лингвистики: В 2 т. Т. 2: Лексикон терминосистемы. СПб.: Нестор-История, 2021.
- Лютикова Е.А.* Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Милосердова Е.В.* Семантика прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Русская грамматика*: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1
- Сергеева Л.А.* Проблемы оценочной семантики: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2003.

*I.I. Abdulganeeva (Kazan, Russia)
Kazan Federal University*

EXPLORING THE PRAGMASEMANTIC PROPERTIES OF NOMINAL AUGMENTATIVES: A DIGITAL APPROACH

This article presents the results of a study on the actualization of the category of intensity through the word-formation mechanisms of language in Russian texts. Word formation and the derivational system of a language, in our view, are reflected in the linguistic worldview and reveal the specific nature of the worldview and its speakers. Word-forming affixes, which convey not only derivational meaning but also additional connotative components, can activate the emotional component in speech and indicate the degree of intensity, representing the functional-semantic category of intensity in the language. The digital tool used to diagnose the functional sphere of augmentatives with *-ishch-* and to analyze statistical data was the Russian National Corpus.

Key words: cognitive linguistics, corpus linguistics, category of intensity, word formation, discourse, pragmatics, augmentative, word-forming intensification affixes

*Е.В. Абраменко (Ростов-на-Дону, Россия)
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
kyrare@yandex.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЦЕННОСТИ, В ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Данное исследование позволяет уточнить существующие знания о фразеологическом составе испанского языка, а также о значениях, образах и ассоциациях, связанных с такими ценностями, как жизнь, трудолюбие, законность, Бог, честь, красота; углубить понимание испанской фразеологической картины мира.

Ключевые слова: фразеологизм, обозначение, ценность, лингвокультура, испанский язык

Человеческие ценности представляют собой некий духовный фундамент, который помогает людям переносить разные суровые жизненные испытания. Они придают смысл жизни. Имея внеличностную, надличностную и внеисторическую природу, ценности могут играть роль так называемых ограничивающих рамок в процессе социокультурной активности человека. Они также выполняют ряд других функций, а именно: интегрируют прошлое, настоящее и будущее; наделяют человеческую жизнь аксиологической важностью; определяют систему приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; образуют замысловатые и многоуровневые системы ориентации в мире.

Теория ценностей, или аксиология, определяется В.К. Шохиним как «философское учение о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, т.е. о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности» [Шохин 2005: 355]. По мнению П.В. Алексеева «о ценностях нельзя говорить, что они существуют или не существуют, но только, что они значат или не имеют значимости» [Алексеев 2003: 98].

Итак, ценность, являясь предметом изучения аксиологии, представляет собой объективно существующую категорию, формулирующую познавательную деятельность человека. Согласно классификации Н.Ф. Алефиренко, выделяются следующие типы ценностей:

- витальные (жизнь, здоровье, безопасность, качество жизни), отражающие этнокультурное бытийное оценочное отношение;
 - социальные (общественное положение, статус, трудолюбие, профессия), выражающие межгрупповые и межличностные оценочные отношения;
 - политические (гражданская свобода, свобода слова, законность);
 - религиозные (бог, вера, божественный закон);
 - моральные (добро, любовь, дружба, честь);
 - эстетические (красота, стиль, гармония, культурная самобытность)
- [Алефиренко 2010: 9].

Перечисленные ценности находят отражение в т.ч. и во фразеологическом фонде языка. В рамках данной работы мы проведем сопоставительный лингвокультурологический анализ фразеологизмов, значение которых соотносится с конвенциональными ценностями и антиценностями и репрезентирует национальное своеобразие той или иной лингвокультуры. В нашем исследовании мы будем опираться на классификацию Н.Ф. Алефиренко.

Фразеологизмы, отражающие ценности, представляют собой ресурс испанского языка, который обеспечивает разнообразие и гибкость в образном и экспрессивном выражении определенного содержания в зависимости от потребностей общения [Опарина 1999: 68]. Материалом для исследования послужили 50 фразеологических единиц испанского языка.

Несмотря на различия народов ценности играют роль ориентира для поведения в обществе, вместе с тем культурные различия в этносах определяют особенности восприятия данных ценностей.

Жизнь (витальная ценность) имеет множество определений. Ее можно описать как биологический процесс функционирования человеческого организма. Однако, философия вкладывает в это понятие иной смысл.

Испанцы считаются жизнерадостной нацией, они ценят веселье и праздники, считают жизнь особым даром, что нашло отражение во фразеологизмах *una fiesta de la vida* (праздник жизни), *no de la vida sino de una fiesta* (не о жизни, а о вечеринке), *el regalo de la vida* (подарок жизни) [ECDE].

Кроме того, в Испании ценится душевное состояние умиротворения, гармонии, что проявляется во фразеологической единице *en armonía con la vida* (в гармонии с жизнью), например:

- (1) Felicidad es estar **en armonía con la vida** [SFN].

Жизненный путь человека многое о нем говорит. Фразеологизмы *experiencia de por vida* (жизненный опыт) и *vivir no siempre consiste en recorrer el camino* (жизнь прожить не поле перейти) [ECDE] свидетельствуют о том, что испанцы доверяют жизненному опыту, который всегда вызывает уважение окружающих:

(2) *El hombre que màs ha vivido no es aquèl que màs años ha cumplido, sino aquel que màs ha experimentado la vida* [SFN].

Трудолюбие (социальная ценность) включает в себя личностные качества человека, которые отвечают за его привязанность и любовь к труду. Трудолюбивый человек получает внутреннее удовлетворение от выполнения важных трудовых функций и действий, направленных на всеобщее благо.

Трудолюбие вызывает уважительное отношение испанцев и является важной составляющей успеха, развития, процветания, что находит подтверждение во фразеологизмах *laboriosidad de pueblo* (людское трудолюбие); *con paciencia y trabajo se termina el tajo / con paciencia y tajo se termina el trabajo* (Терпение и труд все перетрут); *a quien madruga, dios le ayuda* (Кто рано встает, тому бог подает); *madruga y verás, trabaja y habrás* (Каков мастер, такова и работа); *la letra con sangre entra* (Без муки нет науки); *sin oficio, sin beneficio* (Без ремесла, как без рук); *más hacer y menos decir* (Больше дела, меньше слов); *el que madruga coge la oruga* (Кто рано встает, тому Бог подает) [ECDE]. Например:

(3) *Creemos que el desarrollo genuino es el que nace y se alimenta de nuestra propia capacidad empresarial, posibilidades creativas y de la facultad y laboriosidad de nuestro pueblo* [SFN].

Законностью (политическая ценность) называют совокупность взаимоотношений власти и общества, при которой закон помогает власти выполнять регулирующие функции, а общество в свою очередь признает авторитет власти [Алексеев, 2008]. Как известно, законодательная власть и монополия на применение силы являются признаками любого государства, что нашло отражение в испанских фразеологизмах *dura es ley, pero es ley* (закон есть закон); *la ignorancia de la ley no exime de responsabilidad* (незнание закона не освобождает от ответственности); *su palabra es ley* (его слово – закон); *la legitimidad es indivisible* (легитимность неделима) [ECDE], например:

(4) *La legalidad y el derecho son indivisibles* [SFN].

Бог (религиозная ценность) с религиозной и мифологической точек зрения представляет собой некую сверхъестественную сущность. В религии принято утверждение, что бог является единственным олицетворением добрых сил. Образ бога, как и религия в целом, выполняет регулятивную функцию в обществе путем установления поведенческих границ. Религия, которая являлась и является важнейшим духовным ориентиром, требует от людей соблюдения определенных норм и правил.

Господство католической церкви на протяжении всей истории развития Испании как государства оставило свой след в испанской лингвокультуре. Бог, религия и вера упоминаются во многих фразеологизмах: *el que madruga coge la oruga* (кто рано встает, тому Бог подает); *el hombre propone, y Dios dispone* (человек предполагает, а Господь располагает); *a Dios orando y con el mazo dando* (Богу молись, а добра ума держись); *a Dios rogando y con el mazo dando* (на Бога надейся, а сам не плошай); *a la vaca brava Dios la quita los cuernos* (бодливой корове Бог рог не дает); *estar en Roma y no ver al Papa* (слона не заметить.); *Dios* (Боже); *cada paso con Dios*

(каждый шаг с Богом.); *Dios de la muerte* (Бог смерти); *camino con Dios* (иду с Богом) [ECDE]. Например:

(5) **Dios**, *esto es tan difícil de decir* [SFN].

Честь (моральная ценность) представляет собой особое внутреннее качество человека. Честь включает в себя модель поведения, которая требует определенных внутренних моральных качеств. Человек, обладающий честью, стремится к справедливости, благородным поступкам, самопожертвованию, отличается надежностью и верностью, что, в свою очередь, вызывает уважение и почтение у окружающих. Иными словами, честь связана со многими духовно-нравственными качествами человека и служит показателем человеческого достоинства.

Следующие испанские фразеологизмы отражают отношение к чести: *cuestión de honor* (долг чести); *tengo el honor* (имею честь); *dar honor* (оказывать честь); *perder el honor* (терять честь); *actuar con honor* (вести себя с честью); *ante todo el deber* (Долг прежде всего; Дружба дружбой, а служба службой) [ECDE]. Например:

(6) *Antes que te cases, mira lo que haces – mi abuela me dijo* [SFN].

Красота (эстетическая ценность) включает в себя совокупность субъективных понятий и оценок, а также вызывает ощущение эстетического наслаждения у смотрящего на объект.

Данная ценность является довольно спорной из-за ее субъективности, поскольку каждый человек понимает красоту по-своему. Кроме того, на восприятие прекрасного индивидуумом влияет множество факторов, а именно: личные предпочтения, принятые в обществе эстетические нормы. Так, в разных странах и исторических эпохах наблюдается диахроническое и синхроническое варьирование эталонов красоты.

В испанской лингвокультуре понятие красоты нашло отражение в ряде фразеологизмов *sueño de belleza* (сон красоты); *la verdadera belleza* (истинная красота); *tema de belleza* (сфера красоты) [ECDE], что свидетельствует о важности данной ценности. Например:

(7) *Es un tema de belleza, mi amigo* [SFN].

Таким образом, испанская культура включает в себя систему ценностей, состоящую из ключевых понятий, которые подчеркивают положительное значение определенных явлений и их нормативно-оценочные аспекты. Исследование фактического материала показывает, что фразеологизмы испанского языка, связанные с витальными, социальными, политическими, религиозными, моральными и эстетическими ценностями, отражают уникальные аспекты культуры и мировосприятия испаноязычных народов.

Литература

- Алексеев П.В. Социальная философия. М.: Велби, 2003.
 Алексеев С.С. Общая теория права: учебник. М.: Проспект, 2008.
 Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010.

Опарина Е.О. Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. 1999. Вып. 2. С. 68-107.

Шохин В.К. Аксиология // Большая российская энциклопедия, 2005. Т. 1. С. 529-532.

El Corpus Del Español (ECDE) / М. Дэвис. 2001. URL: <https://www.corpusdelespanol.org/x>

Spanish Frame Net (SFN) / К. Субирацс. 2000. URL: <http://spanishfn.org/>

E.V. Abramenko (Rostov-on-Don, Russia)

Rostov State University of Economics

PHRASEOLOGICAL UNITS DENOTING VALUES IN SPANISH LINGUOCULTURE

This study addresses the existing knowledge on the phraseological composition of the Spanish language, in particular meanings, images and associations connected with such values as hard work, legality, God, honour, and beauty thus deepening understanding of Spanish culture through idioms.

Key words: phraseology, definition, value, linguoculture, Spanish

Е.А. Алексеева (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет elena.alexeeva14@yandex.ru

МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ В АСПЕКТЕ СИНТАКСИСА

Настоящая статья посвящена исследованию способов концептуализации действий в рамках синтаксических конструкций, в частности, французских простых двусоставных предложений, содержащих инфинитив. Синтаксические функции инфинитива, определяемые с позиций семантико-функционального подхода, рассматриваются в аспекте определения синтаксических границ сказуемого и описания способов интеграции основного и дополнительного действий в рамках простого предложения во французском языке.

Ключевые слова: семантико-функциональный подход, концептуализация, инфинитив, интеграция, второе сказуемое

Проблема концептуальных оснований для выделения характеристик, принципов, механизмов, объектов широко обсуждается в лингвистической науке, так как язык является наиболее естественным способом форматирования знаний, средством концептуализации объектов, отношений, явлений действительности [Болдырев 2007]. С целью выявления механизма концептуализации фрагментов действительности когнитивная лингвистика активно исследует свойства языковых единиц различных уровней. В сфере наших интересов находится вопрос о синтаксических средствах, служащих способом концептуализации действительности, в частности, простых двусоставных предложениях французского языка, содержащих инфинитив, в которых происходит контаминация нескольких предикативных признаков. *Актуальность* настоящего исследования определяется тем, что в связи с усиливающейся в последние десятилетия тенденцией к переходу синтаксических исследований на содержательные, когнитивные позиции, возникла потребность в

многоаспектном описании типологических свойств французского простого предложения, что повлекло за собой переосмысления синтаксической роли и функций отдельных языковых единиц, в частности инфинитива. Цель статьи состоит в описании механизма концептуальной интеграции действий в рамках французских простых двусоставных предложений, содержащих инфинитив. Задачи исследования состоят в представлении семантико-функциональной типологии двусоставного простого предложения, выделения понятия второго и второстепенного сказуемого, определения синтаксического статуса инфинитива, описания механизма концептуализации действий в предложениях, содержащих второе инфинитивное сказуемое. Объектом исследования являются французские двусоставные предложения, содержащие инфинитив в качестве второго инфинитивного сказуемого (*Je voudrais prendre du thé*). Предметом исследования являются способы концептуальной интеграции двух действий (основного глагольного и второго инфинитивного) в рамках простого двусоставного предложения.

Интерес лингвистов к инфинитиву на протяжении длительного периода обусловлен прежде всего тем, что эта неличная форма глагола характеризуется двойственной природой, сочетая в себе свойства глагола и имени существительного. Изучение инфинитива с позиций его структурных и синтаксических свойств нашло свое отражение в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей. Лингвисты отмечают, что по разнообразию своих функций инфинитив может быть сопоставлен только с существительным. Он может относиться к глаголу (*oublier de faire qch*), прилагательному (*difficile à faire*), существительному (*la joie de vivre*); употребляться в первичных функциях существительного в качестве подлежащего и предикатива (*vouloir*; *c'est pouvoir*), дополнения (*Il a achevé de lire = sa lecture*), выступать в роли сказуемого, обстоятельства, формировать отдельное предложение и зависимые комплексы, подобные придаточным предложениям [Андриевская 1973; Балли 1955; Васильева 1991; Веденина 1991; Гак 2004; Гийом 2004; Козюра 2013]. В проведенных исследованиях были заложены основы для дальнейшего исследования инфинитива с помощью инструментария современной науки, ориентированной на изучение семантического, номинативного и концептуального потенциала инфинитива.

В нашем исследовании синтаксические функции инфинитива во французском языке рассматриваются в свете семантико-функциональной концепции двусоставного предложения [Борисов 2019; Алексеева, Борисов 2019], разработанной А.М. Ломовым для русского языка [Ломов 2022] и Е.А. Алексеевой для французского языка [Алексеева 2001]. Для нашего исследования важны два положения данной концепции. Во-первых, в рамках этой типологии на основе категориальной семантики сказуемого выделяются следующие группы предложений: процессные (активно-процессные, пассивно-процессные), предметные (отождествительно-предметные, реляционно-предметные) и признаковые [Ломов 2022; Гридяева 2016; Щербакова 2013]. Во-вторых, в рамках сказуемого на основе пропозициональной от-

несенности разработаны понятия второго и второстепенного сказуемого [Алексеева 2005]. На основе данных положений, в т.ч. учета явления небазисной пропозиции, инфинитив в изучаемых предложениях трактуется как второе инфинитивное сказуемое, которое обозначает добавочное действие, дополнительный предикативный признак, приписываемый тому же подлежащему, что и основное сказуемое, и образует с ним блок двойного сказуемого. Этот предикативный признак указывает на дополнительное потенциальное действие, реализация которого происходит в связке с действием основного сказуемого: *Son secret lui pesait de plus en plus, et **continuait de se ronger** les sangs.* (*Le Point*). Блок основного сказуемого и второго инфинитивного сказуемого репрезентирует разные уровни действий, совершаемого субъектом: основное (глагольное) действие и дополнительное (второе инфинитивное) действие.

Механизм концептуализации этих разноранговых действий рассматривается далее по способам интеграции этих действий в рамках простого двусоставного предложения: 1) по типу принимающего предложения, акцептирующего второе инфинитивное сказуемое, 2) по способу включения второго инфинитивного сказуемого в принимающее предложение. В соответствии с первым способом интеграции двух действий были обнаружены следующие типы простых двусоставных предложений, способных принять в свой состав инфинитив в качестве второго инфинитивного сказуемого: активно-процессные предложения (основное активно-процессное действие+второе инфинитивное действие), пассивно-процессные предложения (основное пассивно-процессное действие+второе инфинитивное действие), признаковые предложения (основное признаковое действие/состояние _второе инфинитивное действие), отождествительно-предметные предложения (основное отождествительно-предметное действие/состояние+второе инфинитивное действие). Второй способ интеграции второго инфинитивного действия в принимающее предложение состоит в следующем.

1. В рамках активно-процессных предложений второе инфинитивное сказуемое включается двумя способами: непосредственным (беспредложным) и опосредованным (предложным).

Беспредложное второе инфинитивное сказуемое присоединяется к первому активно-процессному сказуемому без использования специальных элементов (предлогов): *Les journaux et les revues sont vendus dans ce kiosque et les passants **préfèrent les acheter** ici chaque matin.* (*NouvelObs*). Предложное второе инфинитивное сказуемое присоединяется к первому активно-процессному сказуемому с помощью специальных индикаторов, представленных следующими предлогами: *à*: *Et puis les types ont commencé **à aller** au bout du wagon, et il y en a eu un qui n'est pas revenu* (*Femme*); *de*: *Elle serrait fort son sac à main et manquait **de tomber** à chaque tournant* (*Culture*); *par*: *Après avoir repoussé à deux reprises le rendu de leurs conclusions, les quatre médecins finissent **par rendre** leurs travaux en octobre* (*Le Figaro*); *pour*: *Ils s'arrangeraient tous les deux **pour cultiver** ce terrain* (*Femme*); *sans*: *Le vrombissement du moteur enflait dans la rampe de parking. Le voiturier savait s'y prendre et il pila **sans faire crisser** les pneus* (*Nice matin*).

2. В рамках пассивно-процессных предложений возможен только опосредованный способ интеграции второго инфинитивного сказуемого, которое присоединяется к первому сказуемому с помощью следующих предлогов: *de*: *Les élèves doivent être dotés d'une attestation spéciale, afin de justifier de leurs déplacements (Le Figaro)*; *pour*: *Toutes les autorisations n'ont pas été accordées par la mairie pour disposer librement de la propriété (Le Figaro)*.

3. В рамках признаковых предложений вторые инфинитивные сказуемые интегрируются только опосредованным способом, с использованием следующих предлогов: *à*: *Ces décisions du maire sont difficiles à comprendre (Le Figaro)*; *pour*: *Pas besoin de le dire, je suis devenue très bonne pour garder les secrets, particulièrement les secrets que quelqu'un comme vous garde (Libération)*.

4. В рамках отождествительно-предметных предложений вторые инфинитивные сказуемые включаются только опосредованным способом с помощью предлогов: *à*: *L'attaquer sur l'état mental de son fils était la pire chose à lui faire (Femme)*; *de*: *Cela peut être l'occasion de faire ce qu'on a toujours laissé de côté, ajoute Françoise Carbonnel, expert en transition de carrière (Le Figaro)*.

Таким образом, в результате исследования было обнаружено, что механизм концептуализации разноранговых действий (основного глагольного и дополнительного инфинитивного) основан на определенных способах интеграции этих действий: по типу принимающего предложения, разрешающего по структурным и семантическим основаниям использование второго инфинитивного сказуемого), по характеру включения второго инфинитивного действия в принимающее предложение (непосредственный и опосредованный). Исследование показало, что синтаксические средства наряду с другими языковыми средствами являются важным фактором осуществления языковой концептуализации действительности, а их изучение в аспекте концептуализации действий имеет широкие перспективы для дальнейших исследований.

Литература

- Алексеева Е.А. Об уровне строения предикатной системы (на материале французского языка) // Социальная власть языка: сборник научных трудов / отв. ред. Л.И. Гришаева. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 29-34.
- Алексеева Е.А. Второе сказуемое во французском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005.
- Алексеева Е.А., Борисов О.В. Синтаксические функции французского инфинитива в ранге второстепенной предикации // Теория языка и межкультурная коммуникация. Научный журнал. 2019. № 1 (32). С.1-11.
- Андриевская А.А. Синтаксис современного французского языка. Киев: Выща школа, 1973.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955.
- Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Борисов О.В. Лексико-семантические свойства модальных глаголов в составе двойного инфинитивного сказуемого // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 33-45.

Васильева Н.М. Французский язык: теоретическая грамматика. М.: Высшая школа, 1991. Вединина Л.Г. Французское предложение в речи. М.: Высшая школа, 1991.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Козюра Т.Н. Грамматические залоговые конструкции французского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 77-79.

Гриднева Д.А. Типы пространственных отношений между предметами в рамках реляционно-предметных предложений французского языка // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 7-4. С. 11-15.

Ломов А.М. Типология русского предложения. М.: Флинта, 2022.

Щербакова А.В. Пассивно-процессные предложения во французском языке: дис... канд. филол. наук. Воронеж, 2013.

E.A. Alekseeva (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

THE MECHANISM OF ACTION CONCEPTUALIZATION IN THE ASPECT OF SYNTAX

The article is devoted to the study of the ways of conceptualization of actions within the framework of syntactic constructions, in particular, French simple two-member sentences containing infinitive. The syntactic functions of the infinitive, considered from the point of view of the semantic-functional approach, are analyzed in the aspect of determining the syntactic boundaries of the predicate and describing the ways of integrating the main and additional actions within the simple sentence in French.

Key words: semantic-functional approach, conceptualization, infinitive, integration, second predicate.

Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
larissapsu@gmail.com, mishlanovas@mail.ru*

ИСТОКИ КОГНИТИВИЗМА В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Статья посвящена анализу истоков российского когнитивизма в языкознании. Делается обзор взглядов на когнитивную природу языка представителей отечественного языкознания конца XIX – XX вв., таких как И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В.Щерба, обосновывается связь когнитивной лингвистики с дериватологией, рассматривается вклад одного основателей дериватологии – Л.Н. Мурзина.

Ключевые слова: когнитивизм, динамика языка, языковой материал, дериватология, языковые процессы

Современный когнитивизм в лингвистике сложно исследовать, не обращаясь к его истокам. Это необходимо сегодня, поскольку многие современные суждения лингвокогнитологии, рассматриваемые в контексте источников данного направления, предстают в новом свете, т.к. именно в них мы находим специфику и логику

ку развития современных идей о природе языка, а также возможность по-новому взглянуть на ряд устойчивых положений когнитологии. Для нас важно понять и уловить преемственность когнитивных идей в отечественном языкознании.

Современные признаки когнитивизма наблюдаются уже в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), чья основная идея состояла в том, что он видел в языке как динамической системе два главных механизма – производство единиц и воспроизводство [Бодуэн де Куртене 1963: 68].

Идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ в дальнейшем развил его ученик Л.В. Щерба (1880–1944). Если для И.А. Бодуэна де Куртенэ было характерно общее рассмотрение феномена динамики языка, то для Л.В. Щербы оказывается существенным сами процессы создания языковых единиц. Он намечает собственную методологию анализа данных процессов. Его интересует реальное функционирование языка, соотносящееся с глубинными мыслительными слоями человеческого существования. Л.В. Щерба пытается показать, что единицы языка нам вовсе не даны, а могут выводиться лишь из процессов говорения и понимания, которые он называл «языковым материалом» (третий аспект языковых явлений) [Щерба].

Данная проблема не потеряла актуальности в современной когнитологии. В этой связи рассуждения Л.В. Щербы играют немаловажную роль.

Л.В. Щерба критиковал современных ему лингвистов за то, что они исследуют живые языки так же, как мертвые, т.е. накапливают языковой материал в виде записанных текстов, а потом обрабатывают их по принципу мертвых языков [Щерба]. При этом он соглашался с теми лингвистами, которые выводят языковую систему из соответственных «текстов», т.е. из языкового материала [Там же].

Хотя мы не находим в работах Л.В. Щербы развернутой концепции когнитивной природы языка, тем не менее обращение к третьему аспекту языка, его динамике, позволило ему четко обозначить глобальную проблему природы языка. Он пытается показать, что все формы слов и все сочетания слов нормально создаются в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека, в условиях конкретной обстановки данного момента [Там же].

Проблемы мышления были для Л.В. Щербы предметом специального рассмотрения. Можно утверждать, что попытка объяснения когнитивной природы языка была осуществлена именно им.

Теоретические идеи Л.В. Щербы приобретают особое значение в современной лингвистике, поскольку задают когнитивную направленность исследованиям и оказываются связующим звеном когнитивных исследований многих десятилетий. Истоки актуальности работ Л.В. Щербы в том, что его суждения погружены в когнитивные проблемы.

К концу XIX в. интерес к языковым процессам постепенно затухает. Интерес к ним возникает лишь в конце 1940-х гг., что связано со многими внелингвистическими и собственно лингвистическими факторами. К внелингвистическим факторам относится влияние сопредельных наук, в первую очередь, психологии (в 1946 и 1949 гг. состоялись первые психолингвистические конгрессы) [Мурзин 1984: 7].

Таким образом в лингвистике прервалась когнитивная мысль. Тем не менее ее траектория продолжилась во вновь возникшем лингвистическом направлении 1970-х гг., в дериватологии, во многом продолжающей идеи Л.В. Щербы. О преемственности учения Л.В. Щербы свидетельствует эпиграф к основному труду по деривации Л.Н. Мурзина «Синтаксическая деривация», содержание которого связано с необходимостью заниматься активными грамматиками, рассматривающими вопросы о том, как выражается та или иная мысль в речи.

Важнейшей чертой дериватологии является принципиальная несводимость языка только к статике и нацеленность на изучение языковых процессов.

Деривация есть процесс образования слова, предложения, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов или тактов и т.п., наконец, текстов, т.е. всех возможных языковых единиц начиная с фонемы и кончая текстом [Мурзин 1984: 3]. В данном определении деривации подчеркиваются важнейшие характеристики, такие как фундаментальность, универсальность, антропоцентризм, позволяющие идентифицировать в данном направлении истоки современного когнитивизма.

Большое значение дериватологии мы видим в том, что собственно деривационные процессы связываются с мышлением. Дериватологи считали, что создание речевых единиц происходит во внутренней речи. Они отмечали, что, не имея представления о структуре внутренней речи, всё же на основе следов внутриречевой деятельности можно представить себе ее логику. Данный тип деятельности именовался дериватологами *когнитивной* [Адливанкин, Мурзин 1984: 8].

Высокую оценку деривации как динамического направления исследования языка дала Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1998: 45]. В данной статье она останавливается на объяснении механизмов деривации с когнитивной точки зрения. Она видит большое когнитивное значение в дериватологическом описании Л.Н. Мурзиным процесса номинации как свертывания текста. По ее мнению, процессы деривации направлены на то, чтобы объективировать с помощью языка разные, хотя и близкие когнитивные структуры, поскольку человек, порождая текст, выражает в дискурсе свое собственное понимание и видение происходящего [Кубрякова 1998: 50].

Роль деривации в когнитологии отмечена в работе Е.С. Кубряковой и Ю.Г. Панкраца, полагавших, что деривация ищет ответы на вопросы о порождении единиц языка, о механизмах их порождения, о природе процессов деривации. Они особо отмечали значение исследования внутренней организации процесса деривации, служащего выполнению определенного смыслового задания [Кубрякова, Панкрац 1982: 12]. Авторы статьи подчеркивают мыслительный, т.е. ненаблюдаемый характер деривационных процессов, анализ которых предполагает использование метода синхронной реконструкции. Деривационные процессы названы ими нелинейными, поскольку результирующие единицы получены путем внутреннего преобразования исходного знака [Кубрякова, Панкрац 1982: 17].

Дальнейшее развитие положений дериватологии нашло воплощение в монографии «Трансфер знания: инновации и технологии», 2022, связанной с поиском ответов на вопросы о том, кто создает знание, с кем можно делиться знанием, в чем заключается ценность созданного знания [Алексеева, Мишланова 2022]. В данной работе представлен единый комплекс когнитивных проблем. С учетом основных положений динамики языка, выдвинутых дериватологией, построена целостная модель трансфера знания в гуманитарных науках, объединяющая внутренние и внешние этапы мышления.

Предложенный анализ истоков когнитивизма в отечественном языкознании не исчерпывает саму проблему, поскольку за пределами обзора остались многие другие научные взгляды, повлиявшие на развитие когнитивизма. В этом кроется перспектива исследования когнитивизма как целостного лингвистического направления. Мы стремились идентифицировать истоки данного феномена и показать, что идеи о когнитивной природе языка начала и середины XX в. оказались, в определенном смысле, современнее многих взглядов на когнитивную функцию языка XXI в.

Литература

Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1984. С. 3-12.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Теория деривации (к 85-летию профессора Л. Н. Мурзина) // Вестник Пермского университета. Серия: российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3 (31). С. 127-135.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Трансфер знания: инновации и технологии: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Alekseeva-Mishlanova-Transfer-znaniya-innovacii-i-tehnologii.pdf>

Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: АН СССР, 1963. Т.1. С. 47-78.

Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка (памяти профессор Л.Н. Мурзина). Пермь: Перм. ун-т, 1998. С. 45-51.

Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. Пермь: Пермский университет, 1982. С. 7-20.

Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. Анализ производных предложений русского языка. Пермь: ПГУ, 1974.

Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь: ПГУ, 1984.

Сильницкий Г.Г. Теория деривации и ее место в системе лингвистических дисциплин // Теоретические аспекты деривации. Пермь: Пермский университет, 1982. С. 3-7.

Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // Известия Академии наук союза ССР. 1944. Том IV. Вып. 5. С. 173-186.

Щерба Л.В. О тroyком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность: сборник работ / под ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 24-39. URL: <https://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba3.htm>

L.M. Alekseeva, S.L. Mishlanova (Perm, Russia)

Perm State University

ORIGINS OF RUSSIAN COGNITIVISM IN LINGUISTICS

The article is devoted to the analysis of the origins of modern cognitivism in linguistics. A survey of the views on the cognitive nature of language shared by the Russian linguistics of the late 19th – 20th c., such as I.A. Baudouin de Courtenay, L.V. Shcherba and L.N. Murzin, the founder of derivatology, one of the most important linguistic trends of the 20th c., is presented.

Key words: cognitivism, dynamics, language material, derivatology, language processes

H.M. Al-Lami (Missan, Iraq)

Kazan Federal University;

Southern Technical University, Engineering Technical College of Missan

hussein.m.brisam@stu.edu.iq

MORPHOLOGICAL COMPLEXITY OF RUSSIAN AND ENGLISH MEDICAL NEWS ARTICLES

The article aims to study the morphological level of complexity of English and Russian medical news articles. The material for the research was collected from specialized medical sites that show the latest findings of the scientific research. By means of corpus methods, comparative, and statistical analysis the author managed to highlight the main peculiarities of nouns and verbs within the investigated news articles. As a result, the main suffixes of nominalization were revealed, the main noun cases were presented, and the most common tense forms of the verbs were stated.

Key words: medical discourse, morphological level, complexity, nominalization, verbal constructions

Nowadays the sphere of professional communication attracts attention of various scholars. In our research, by professional communication we understand a special type of written or oral communication within formal or informal situations that involves professionals [Скорикова 2013]. According to the ideas proposed by Teun A. van Dijk and Kong K., professional communication can be subdivided into three main categories: 1) intra-professional that presupposes communication between representatives of one professional area; 2) inter-professional involves communication between people of different professional fields; 3) professional – non-professional communication includes communication between professionals and their clients [Kong 2014; Кочемасова, Воронина 2018].

Medical communication represents a wide spectrum of interaction that involves all three categories of professional cooperation. In our research, we are interested in inter-professional written medical communication in the form of news articles published on the official medical sites that are available for doctors and pharmacists. These medical news articles reveal the latest findings published in various scientific medical journals. Their main peculiarity is that by giving a summary of the key results of the scholarly research they also provide the link to the original article so that a person who is interested in more details could easily find the source. Therefore, such news articles aim to introduce the latest investigations within the medical field to a wider audience that otherwise could

remain unnoticed. So, it becomes vital to analyse the linguistic characteristics of such texts that till now have not been under linguists' consideration.

The basic issue that influences our text understanding and perception is text complexity. Text complexity is understood as a complex of factors affecting and contributing to text comprehension [Гиниятуллина, Солнышкина, Куприянов, Зиганшина 2023]. Thus, it plays a crucial role in creating the overall space of discourse and presenting the general ideas of medical findings. Text complexity can be arranged on different levels: morphological, lexical, and syntactic. This article aims to study the peculiarities of morphological complexity of Russian and English medical news articles and highlight their similarities and differences.

The material for our research was collected from various medical sites where the latest findings of scientific discoveries are presented. Overall, we compiled two corpora: Russian and English. By means of software programs RuLingva, Text inspector, and LancsBox we managed to collect relevant data that were investigated through corpus methods, comparative, and statistic analysis.

The graph presented below (Fig. 1) illustrates the distribution of various parts of speech per sentence. Though, it should be mentioned that the average sentence length for a Russian sentence is 17 words, and for an English one – 24 words.

Fig. 1. Lexico-morphological peculiarities of medical news articles

The data highlighted above reveal the nominal character of both Russian and English sentences. It is important to point out that the nominal character of medical news articles is greatly achieved by means of nominalization that is considered one of the main features of scientific text on the syntactic level [Старостина, Черкунова, 2018]. As long as medical news articles under consideration report about the latest medical findings they also possess some characteristics of scientific style:

– *Это подтверждает эффективность таких мер, как регидратационная терапия, улучшение инфраструктуры водоснабжения, санитарии и гигиены, а также внедрение и расширение вакцинации против ротавируса.*

– *All these characteristics prompted us to experimentally test whether the GII.4 RNA polymerase drives the **formation** of biomolecular condensates conducive to viral **replication**.*

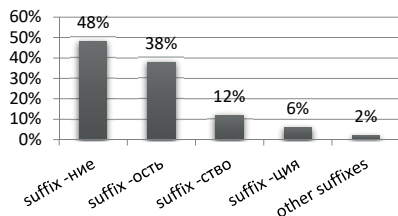

Fig. 2. Distributions of suffixes in the Russian articles

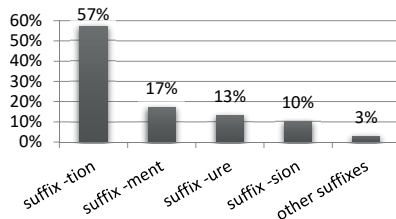

Fig. 3. Distributions of suffixes in the English articles

Figs. 2 and 3 highlight the most frequent suffixes that are generally applied in Russian medical news articles -ние, -ость, -ство, -ция, and English ones -tion, -ment, -sion, -ure. They constitute the foundation for nominalization and are actively used in the texts under consideration.

Case distribution also constitutes an integral role in creating a morphological level of complexity. In the analysed Russian texts two main cases were highlighted: genitive and nominative. The genitive case is one of the most frequent in the medical discourse due to the functions that it fulfils: it specifies another noun and attaches additional characteristics to it; serves as a marker of possession. As for the English articles, there we can observe the domination of nominative case that is followed by of-genitive. The main function of the of-genitive case is to express attributive relations between various nouns.

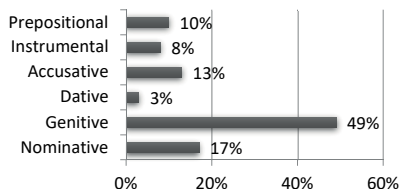

Fig. 4. Distributions of cases in the Russian articles

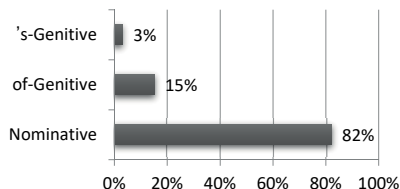

Fig. 5. Distributions of cases in the English articles

The next issue of our consideration is related to the verbal characteristics of medical news articles. Fig. 1 (*Lexico-morphological peculiarities of medical news articles*) points out that the number of verbal constructions in English texts is approximately twice higher than in Russian. It can be explained by the fact that various verbal constructions are more commonly applied in the English language since they help authors achieve the compressive character of formal texts.

Verbs and verbal constructions within the studied texts fulfil numerous functions: state the facts, reveal the findings, highlight some points, draw attention and so on. However, speaking about the morphological peculiarities of medical news articles, it is interesting to pay attention to their tense forms.

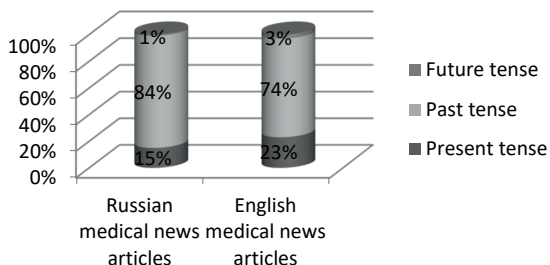

Fig. 6. Distributions of tenses in Russian and English articles

The graph given above presents the distribution of tenses within the analyzed corpora. We can notice that in both cases past tense takes the leading position as the aim of the studied articles is to reveal the findings that have already been stated and discussed by the authors. At the same time, the usage of the present tense is higher in English medical news articles compared to Russian. It can be explained by the fact that English texts generally quote academic sources, where it is typical to apply the present tense for the result and discussion section. As for the future, it remains less preferable in both languages because as a rule, news articles rarely report about the probable continuation of the research.

In conclusion, we can state that on the morphological level English and Russian medical news articles can be characterized by their nominative nature that is greatly achieved by means of nominalization in both languages. Verbal constructions are more typical for English texts; however, in both corpora past tense is considered to be the dominant one.

References

- Гиниятуллина Г. М., Солнышкина М. И., Куприянов Р. В., Зиганишина Ч. Р. Лексическая плотность как предиктор сложности (на материале учебников по естествознанию и обществознанию) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9. № 1. С. 11-26.
- Кочемасова Д.Р., Воронина Е.Б. Профессиональный дискурс // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 2. С. 146-151.
- Скорикова Т.П. Жанрово-функциональная типология и конструктивно-языковые особенности устной научно-профессиональной коммуникации // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 3 (5). С. 1-11.
- Старостина Ю.С., Черкунова М.В. Основы научной коммуникации в английском языке. М.: Флинта, 2018.
- Kong K. Professional discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- LancsBox. URL: <http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/>
- RuLingva Программа автоматизированной обработки текстов. URL: <https://rulingva.kpfu.ru/>
- Text inspector. URL: <https://textinspector.com/>

Х.М. Аль-Лами (Мусан, Ирак)

*Казанский (Приволжский) Федеральный университет
Southern Technical University, Engineering Technical College of Missan*

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ НОВОСТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ СТАТЕЙ

Цель статьи состоит в анализе уровня морфологической сложности русских и английских новостных медицинских статей. Материал для исследования был собран на различных медицинских сайтах, где представлены результаты последних научных открытий в области медицины. С помощью методов корпусной лингвистики, сравнительно-сопоставительного анализа и приемов статистической обработки данных автор статьи выделил ключевые особенности использования номинативных и глагольных конструкций в исследуемых текстах. В результате исследования были выявлены частотные суффиксы, используемые для номинализации, наиболее употребительные падежные формы существительных и временные формы глаголов.

Ключевые слова: медицинский дискурс, морфологический уровень, сложность текста, номинализация, глагольные конструкции

И.В. Анисимова, А.Ю. Вычужанина (Тобольск, Россия)

Тобольский педагогический институт имени Д.И. Менделеева (филиал)

Тюменского государственного университета

i.v.anisimova@utmn.ru, a.i.vychuzhanina@utmn.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «БЕЛЫЙ» И «ЧЕРНЫЙ» В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье рассмотрены фразеологические единицы с компонентом «белый» и «черный» в русском, английском, немецком и французском языках, выявлены их лингвокультурные особенности. В работе проанализированы языковые особенности, влияющие на понимание и использование этих цветовых компонентов во фразеологических единицах представителями разных культур.

Ключевые слова: цветообозначение, лингвоцветовая картина мира, ахроматические цветообозначения, фразеологизм, фразеологическая картина мира

Цветовая картина мира представляет собой совокупность представлений о цветах, их символике и значении, формирующихся в сознании человека под влиянием культурных, исторических и социальных факторов. Эти представления находят отражение в языке, создавая уникальную лингвоцветовую картину мира, которая включает в себя лексические и фразеологические единицы, связанные с цветом. Лингвоцветовая картина мира также отражает эмоциональные и психологические аспекты восприятия цветов. В различных языках и у разных народов цвета воспринимаются неодинаково: например, в русской и западной культурах белый цвет зачастую ассоциируется с чистотой и невинностью, тогда как в восточном менталитете он может символизировать печаль, скорбь.

Восприятие людьми цвета нашло отражение во фразеологических системах различных языков. В связи с появлением образного, символического значения у

того или иного цвета возникли фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом «цвет». Исследование цветовой и лингвоцветовой картин мира позволяет глубже понять механизмы формирования культурной уникальности и межкультурные различия. Анализ цветowych метафор и символов в языке помогает выявить скрытые смыслы и значения, которые могут быть неочевидны при поверхностном рассмотрении. Важно отметить, что цветовая картина мира не является статичной и может изменяться под влиянием глобализации и культурных обменов. В современном мире изучение лингвоцветовой картины мира становится особенно актуальным, так как оно способствует лучшему пониманию и уважению культурных различий. Таким образом, исследование цветовой и лингвоцветовой картин мира открывает новые горизонты для междисциплинарных исследований, объединяя лингвистику, культурологию, психологию и другие науки.

Оппозиция «белое – черное» является широко распространенной в различных языках. Эта оппозиция отражает фундаментальные концепции добра и зла, света и тьмы, чистоты и грязи [Саитова 2007: 14]. В данной статье рассмотрим на примере фразеологизмов, как эта оппозиция проявляется в разных языках, проанализируем сходства и отличия в значении фразеологизмов, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского [1], [2], английского [4], немецкого [5] и французского языков [6].

Фразеологизмы «черная магия» и «белая магия» присутствуют во всех рассматриваемых языках. «Черная магия» (рус.), “black magic” (англ.), “schwarze Magie” (нем.), «magie noire» (фр.) ассоциируется с темными, злыми силами, колдовством и оккультными практиками, направленными на причинение вреда. Этот фразеологизм несет негативную коннотацию и вызывает соответствующие эмоции и страх. «Белая магия» (рус.), “white magic” (англ.), “weiße Magie” (нем.), “magie blanche” (фр.), напротив, связана с добрыми, светлыми силами, целительством и защитой. Она воспринимается положительно и ассоциируется с благотворительными действиями. Коннотации этих фразеологизмов являются универсальными и пересекаются в разных культурах.

Примечателен тот факт, что в английском, немецком и французском языках фразеологизмы “white lie”, “weiße Lüge” и “mensonge blanc” являются устоявшимися и широко используемыми, подразумевают использование лжи для достижения благородных целей или для предотвращения негативных последствий. В русском языке концепция «белой лжи» не является широко распространенной, и чаще используются выражения «ложь во спасение» или «ложь во благо». Также стоит отметить фразеологизм английского языка “black lie”, обозначающий намеренный обман.

Интересно, что в рассматриваемых нами языках есть фразеологизмы, связанные с образом «белого рыцаря», который символизирует защитника, доблестного человека, готового прийти на помощь в сложной ситуации. В английском, немецком и французском языках фразеологизмы “white knight”, “weißer Ritter”, “chevalier blanc” имеют схожие значения. Прямого эквивалента в русском языке нет, однако существуют подобные словосочетания, которые передают схожую мысль о благородстве, великодушии: например, фразеологизм «рыцарь без страха и упрека»

означает человека, который всегда приходит на помощь и действует бескорыстно [Сайтова 2007: 14].

В русском, немецком, французском языках фразеологизмы «белая зависть», “*der weißer Neid*”, “*jaalousie blanche*” означают добрую, конструктивную зависть, которая может мотивировать человека на достижение собственных целей. Этот фразеологизм вызывает положительные эмоции и ассоциируется с желанием достичь успеха, подобного успеху другого человека. Фразеологизм английского языка «white envy» передает стремление обладать тем, что принадлежит другому, не сопровождаемое негативными эмоциями (гневом, обидой).

Фразеологизм «черная зависть» в русском языке, “*jaalousie noire*” во французском языке означает злую, разрушительную зависть, которая может привести к негативным последствиям для объекта зависти. Этот фразеологизм вызывает негативные эмоции и ассоциируется с желанием причинить вред или помешать успеху другого человека. В английском и немецком языках есть фразеологизмы с аналогичной коннотацией, но с другими цветовыми компонентами: “green with envy” (буквально «зеленый от зависти») и “*der gelbe Neid*” (буквально «желтая зависть»).

В английском, немецком, французском языках для обозначения человека, который отличается от остальных, часто в негативном контексте используются фразеологизмы “black sheep”, “*das schwarze Schaf*”, “*mouton noir*”. В русском же языке для обозначения человека, который резко выделяется из толпы, из общей массы своей уникальностью или необычностью используется выражение «белая ворона». Поскольку белая ворона своим цветом резко отличается от ворон обычной окраски и в природе встречается очень редко, этот образ является очевидным. Фразеологическая единица немецкого языка “*ein weißer Rabe*” значительно отличается семантически от аналогичного фразеологизма русского языка и обозначает необыкновенного и незаурядного человека, который выделяется среди других, но только в положительном смысле. В английском языке также есть фразеологизм с положительной коннотацией “a white crow”, который имеет значение «белая ворона, редкое явление».

В русском, английском, немецком, французском языках фразеологизм «черный день», “black day”, “*ein schwarzer Tag*”, “*jour noir*” используется для обозначения несчастного, тяжелого или трагического дня. Это выражение во всех языках вызывает негативные эмоции и ассоциируется с печальными событиями или неудачами. В русском языке фразеологизм «черный день» может иметь более эмоциональную окраску, связанную с личными или семейными трагедиями. В английском языке выражение “black day” может использоваться в более широком контексте, включая исторические события или бизнес-неудачи. Фразеологизм немецкого языка “*ein schwarzer Tag*” употребляется в разнообразных ситуациях, но чаще всего его используют, когда речь идет о домашних, семейных раздорах, неурядицах. Во французском языке выражение “*jour noir*” может иметь более романтизированный оттенок, связанный с личными или историческими событиями.

Фразеологизм «черная пятница», “black Friday”, “ein schwarzer Freitag”, “vendredi noir” употребляется во всех анализируемых языках. Выражение пришло из английского языка и обозначает пятницу после Дня благодарения в США, с которой начинается рождественский сезон распродаж. Трактовка этого выражения в английском языке связана с фразеологизмом “in the black”, который имеет значение «без убытков, с положительным сальдо, с прибылью». Дело в том, что красные и черные чернила использовались при составлении баланса, когда задолженности выделяли красным цветом, а доходы оставляли в черном цвете. Похожий фразеологизм с положительной коннотацией находим и в немецком языке “schwarze Zahlen” – «черные цифры», данные, показывающие прибыль, доход предприятия.

В заключении хочется сказать, что наличие в языке фразеологизмов с семантическим компонентом «цвет» отражает особенности национального характера, его восприятия и понимания мира. Цвет является не просто физической характеристикой вещей, но и обладает психологическим, символическим и историко-культурным значением [Праченко 2004: 12]. Полученные результаты исследования показывают преобладание общих черт над специфическими во фразеологизмах с компонентами «белый» и «черный» в русском, английском, немецком и французском языках, а также раскрывают непосредственную связь фразеологизмов разных языков в силу универсальности семантики компонентов-цветообозначений.

Литература

- Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 2001.
 Праченко О.Ю. Фразеологические единицы с колоративным компонентом в русском, английском, испанском и португальском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
 Саитова Э.М. Имена лиц во фразеологической картине мира: на материале немецкого, русского и башкирского языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
 Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <http://phraseology.academic.ru>
 Cambridge Idioms Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
 Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext / von Hans Schemann. Germany: De Gruyter, 2011.
 Dictionnaire Russe-Francais des locutions idiomatiques equivalentes: L'Harmattan, 2005.

I.V. Anisimova, A.Yu. Vychuzhanina (Tobolsk, Russia)
Tobolsk Pedagogical Institute named after D.I. Mendeleev (branch)
Tyumen State University

LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENTS «WHITE» AND «BLACK» IN DIFFERENT LANGUAGES

This study is devoted to the analysis of phraseological units with achromatic color terms (white, black) and demonstration of their linguocultural peculiarities in the Russian, English, German and French languages. The work examines cultural and linguistic aspects affecting the perception and use of these color terms in phraseological units.

Key words: color term, color picture of the world, achromatic color terms, phraseological unit, phraseological picture of the world

К.А. Афян, Н.А. Сергиенко (Сургут, Россия)

*Сургутский государственный университет
afyan_ka@surgu.ru, sergienko_na@surgu.ru*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СЕВЕР/THE NORTH НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Данная статья посвящена анализу лексических единиц, номинирующих концепт СЕВЕР / THE NORTH в русском и английском языках. Предпринимается попытка выявить общие и специфические черты представления исследуемого концепта в различных словарях русского и английского языков.

Ключевые слова: концепт, север, лексическое значение, языковая картина мира, лексикографический анализ

Растущий интерес к Северу обусловил актуальность работы, поскольку освоение северных территорий, Арктики и Приарктических районов является важной задачей геополитического экономического развития таких государств как Российская Федерация, Норвегия, Швеция и США. С этим связан тот факт, что арктическая тематика становится востребованным объектом обсуждения во многих научных сферах, включая лингвокультурологию и сопоставительную лингвистику.

Сравнительное исследование концепта СЕВЕР/THE NORTH в русской и английской лингвокультурах является перспективным, поскольку позволяет выявить особенности восприятия и интерпретации северного региона в национальных языковых картинах мира и дополнить объективные знания о реальности. Основопологающим методом описания концептов является лексикографическое исследование, которое опирается на анализ материалов статей толковых словарей. Данный метод позволяет выявить ключевые характеристики концепта, закрепленные в сознании носителей языка. В настоящей работе предпринимается попытка продемонстрировать специфику представления концепта СЕВЕР/THE NORTH на основе данных лексикографических источников русского и английского языков.

Для начала следует рассмотреть значения лексем «север» и «north» в словарях русского и английского языков, так как развитие концепта предопределено внутренней формой слова и его изучение невозможно без обращения к этимологии. Следует отметить, что этимологический анализ лексем, вербализующих концепт, позволяет изучить их происхождение, определить исходную форму, установить начальное значение и развитие в историческом и культурном контексте.

Рассмотрим этимологию слова «север» в русском языке. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера имеются указания, что слово «север» имеет тождественные формы в славянских языках (украинский, древнерусский, старославянский, болгарский, сербохорватский, словенский, словацкий, а также чешский). Автор уточняет, что ранее слово «север» употреблялось в форме «сивер», что обозначало «холод», «холодный ветер», «ветер, пронизывающий до костей» [Фасмер 1987: 588].

В английском языке слово «north» является базовой лексемой концепта THE NORTH. Согласно этимологическому словарю английского языка «The Concise

Oxford Dictionary of English Etymology» данное слово имеет общие корни со словами «poord» в нидерландском языке, «nord» в немецком языке и «north» в древнескандинавском языке [CODEE]. Более того, отмечается связь древнеанглийского слова север «norð» с индоевропейской основой «per-», что означает «слева». На основании этого следует вывод, что слово «north» получило свое название благодаря местоположению, поскольку север находится слева, если смотреть на восходящее солнце.

В ходе сопоставительного этимологического анализа лексем «север» в русском языке и «north» в английском языке было установлено, что в русском языке данная лексема включает не только сему *«территория, направление»*, но и *«природные явления»* (*«холодный ветер»*, *«ветер, пронизывающий до костей»*).

Изучение концепта СЕВЕР/THE NORTH предполагает проведение лексикографического анализа репрезентации базовых лексем в толковых словарях русского и английского языков. В нашем исследовании в качестве источников лексикографического анализа были использованы пять толковых словарей русского языка, составленные С.А. Кузнецовым, С.И. Ожеговым, Д.Н. Ушаковым, В.И. Далем, Т.Ф. Ефремовой. Англоязычными источниками являлись электронные версии пяти толковых словарей – Cambridge Dictionary, Collins Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries, Merriam-Webster Dictionary, The American Heritage Dictionary of the English Language.

Для определения семантического ядра концепта СЕВЕР/THE NORTH обратимся к изучению словарей русского языка. Так, в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова, лексема «север» определяется следующим образом: «1. Направление противоположное югу; 2. Местность, расположенная в этом направлении; 3. Местность с холодным климатом» [Кузнецов 1998: 1169]. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова обнаружены следующие определения слова «север»: «1. Одна из стран света, противоположная югу; 2. Местность, лежащая в этом направлении; 3. Холодные края» [Ожегов 2019: 1058]. В «Толковом словаре современного русского языка» Д. И. Ушакова значение слова «север» описывается следующим образом: «1. Направление, противоположное югу; 2. Местность, расположенная в этом направлении; 3. Холодный пояс земного шара» [Ушаков 2014: 617]. Необходимо отметить, что более детальное толкование слова «север» представлено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «1. Одна из сторон света, противоположная югу; 2. В северной части земли находящийся; 3. Полюс, где проходит ось вращения Земли; 4. Точка, на которую указывает магнитная стрелка» [Даль 1909: 115]. Обратимся к работе Т. Ф. Ефремовой «Современный толковый словарь русского языка», где лексема «север» определяется следующим образом: «1. Одна из четырех частей света; 2. Сторона, противоположная югу; 3. Арктика, полярная область» [Ефремова 2000].

Анализ данных словарей русского языка позволил выделить ключевые семантические признаки лексикографической репрезентации концепта СЕВЕР: 1. Одна

из сторон света; 2. Местность, лежащая в указанном направлении; 3. Сторона, противоположная южной. Перечисленные семы зафиксированы во всех изученных толковых словарях. Однако в русском языке описание лексемы «север» не ограничивается лишь указанием на географическое положение, по данным одного из источников, также зафиксирован дополнительный семантический признак *«регион с суровым климатом и холодными ветрами»*.

Обратимся к английским лексикографическим источникам и проанализируем значение лексемы «north». Так, например, британский толковый словарь «The Cambridge Dictionary» определяет слово «north» следующим образом: 1. *The direction that is opposite to the south*; 2. *Towards the north*; 3. *An area in this direction*; 4. *In the north part* [The Cambridge Dictionary]. В «Collins Dictionary» слово «north» определяется как: 1. *The direction on the left when you are looking towards the sunrise*; 2. *The place in the north*; 3. *The part towards the north*; 4. *The direction towards the North Pole*; 5. *The direction in which a compass needle points* [The Collins Dictionary]. Обратимся также к британскому словарю «Oxford Learner's Dictionaries», где «north» рассматривается как: 1. *One of the compass points*; 2. *The northern part of a country*; 3. *More developed countries of the world (in Europe and North America)* [Oxford Learner's Dictionaries]. Наиболее емкое толкование значения слова «north» предложено в словаре «Merriam-Webster Dictionary»: 1. *To or in the north*; 2. *The compass point opposite to south*; 3. *The direction to the left of the east*; 4. *Regions in the north*; 5. *The developed nations of the world* [Merriam-Webster Dictionary]. В «The American Heritage Dictionary of the English Language» лексема «north» определяется следующим образом: 1. *The direction to the left of sunrise*; 2. *An area lying in the north*; 3. *The northern part of the earth*; 4. *To, toward or in the north*; 5. *The northern part of the United States (states that fought for the Union in the Civil War)* [AHDEL].

Выделенные в английских лексикографических статьях семантические признаки указывают на многообразие значений понятия «север». Проанализировав данные словарей, были выявлены следующие преобладающие семы: 1. *The place which is in the north*; 2. *The direction opposite to the south*; 3. *The northern part of Europe and North America*. Обобщая, отметим, что основные значения включают обозначение места на севере, направление и конкретные географические регионы (северная часть Европы и Северная Америка).

Проведенный анализ этимологических словарей и лексикографических источников позволил установить, что лексемы «север» в русском языке и «north» в английском языке в целом отражают семантические признаки, связанные с территорией, местностью и направлением (*противоположная югу сторона света, расположенная в этом направлении местность*). Например, в русском языке существует также значение «местность с суровым климатом». Таким образом, лексикографическая репрезентация концепта СЕВЕР – это не только северная территория, северное направление, но и особая природная зона с присущими ей сильными ветрами и низкими температурными условиями. При этом в словарях английского языка в

силу исторических и социально-экономических аспектов слово «north» связывают с северными штатами США и северными странами Европы. Таким образом, лексикографический анализ концептов СЕВЕР/THE NORTH демонстрирует как сходства, так и различия, обусловленные культурными, историческими и территориальными особенностями.

Литература

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: М.: Изд. тов-ва М.О. Вольф, 1909. Т. 4.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/>
- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2019.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.
- AHDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://www.ahdictionary.com/>
- CODEE – The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. URL: <https://www.oxfordreference.com>
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
- Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- The Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
- The Collins Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com>

К.А. Afyan, N.A. Sergienko (Surgut, Russia)
Surgut State University

LEXICOGRAPHIC ANALYSIS OF THE CONCEPT *THE NORTH* IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

This paper is devoted to the study of lexical units nominating the concept of THE NORTH in Russian and English. We made an attempt to identify the common and specific lexicographic features represented the concept THE NORTH in the dictionaries of the Russian and English languages.

Key words: concept, north, lexical meaning, linguistic picture of the world, lexicographic analysis

Л.В. Бабина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина
ludmila-babina@yandex.ru

СЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ N+A: МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ И КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматриваются когнитивные основы создания сложных прилагательных N+A, а также их конфликтогенный потенциал. Определяются когнитивные модели, по которым создаются сложные прилагательные N+A. Выявляется, что сложные прилагательные N+A с

отрицательной коннотацией могут давать представление о внешности, психологических особенностях человека.

Ключевые слова: сложные прилагательные, когнитивные модели, переносные значения, конфликтогенный потенциал

Сложные слова широко распространены в разных языках, поскольку основные компоненты сложных слов, как правило, легко идентифицируются носителями языка. Они привлекают интерес ученых, в ракурсе исследования которых находится проблема выявления лексических способностей человека и особенностей организации его ментального лексикона через анализ сложных слов. Последнее предполагает рассмотрение того, как хранятся и выводятся смыслы, передаваемые сложными словами. Ученые приходят к выводу о том, что концептуальная структура, передаваемая сложным словом, может или активизироваться в ментальном лексиконе в готовом виде, или выводиться, исходя из концептов, объективируемых компонентами сложного слова [Gagne and Spalding 2006], существует конкуренция между концептуальными структурами, которые потенциально могут определять семантику сложных слов [Libben 2006].

В задачи предлагаемой статьи входит выявление когнитивных моделей, определяющих создание сложных прилагательных N + A, а также их конфликтогенного потенциала.

Исследование показало, в основе сложных прилагательных, образованных по словообразовательной модели N + A, могут лежать разные пропозициональные когнитивные модели.

– QUALITY – BE LIKE – OBJECT/SUBJECT

При этом предполагается, что происходит метонимический перенос по метонимической модели WHOLE – PART, поскольку активизируется информация об определенном качестве или свойстве объекта или живого существа: *lily-white* «pure white» [COED 2006: 826], *sky-blue* «a bright clear blue» [COED 2006: 1353], *strawberry blonde* «(of a woman's hair) light reddish blonde in colour» [COED 2006: 1426], *pig-ignorant* «informal extremely stupid or crude» [COED 2006: 1085], *hog-wild* «N. Amer. Overenthusiastic» [COED 2006: 678], *ice-cold* «very cold; as cold as ice» [COED 2006: 705], *paper-thin* «very thin or insubstantial» [COED 2006: 1036], *picture-perfect* «N. Amer. completely lacking in defects or flaws; ideal» [COED 2006: 1083], etc.

Из представленных слов одно слово характеризует внешность человека, а именно цвет волос. Например,

(1) *Our companions were Andrei's girlfriend Yelena, a tall, **strawberry blonde** with stunning legs and her statuesque, dark haired friend Tatyana. They met as contestants at a Mrs Moscow competition which Yelena won; modelling contracts and divorce followed for both* [BNC].

Два слова, включающие в качестве первых компонентов существительные – наименования животных, с негативной стороны характеризуют поведение человека.

(2) *Throughout the whole ghastly hour, I thought with gratitude of the boring school routines and the strict schoolmasters who have made me into the psychological oddity which I am today. At least I am a well-informed psychological oddity. Summerhill – which,*

by the universal testimony of its (largely American) pupils, 'sucks' – seemed to be turning out children who were not merely unbalanced but **pig-ignorant**; and that was what shocked me so much [BNC]. В приведенном примере резко отрицательно описывается поведение учащихся одной из школ.

Прилагательное *hog-wild* используется для описания человека, который полностью выходит из-под контроля, действует импульсивно и безрассудно, не задумываясь о последствиях. Термин появился в США в начале XX-го века и широко использовался в сельской местности, где разводили свиней.

(3) *This could explain why nurses who ate real salad dressing (and more ALA) did so much better. A previous study in Europe produced similar results. A Sharp Dresser. In April, Prevention recommended that you get a minimum of 1 gram (g) of ALA per day («The Smart Fat Makeover» Apr 1999, p. 134). But according to lead researcher Frank Hu, MD, of Harvard University, "Up to half of Americans may not be getting enough alpha-linolenic acid. "For top sources, try the foods in". Do You Know the Way to ALA?" below. And keep the following advice in mind: Don't go **hog-wild**. ALA-rich foods are high-cal foods, so keep portions small [COCA].*

– QUALITY – BE CAUSED BY – OBJECT/SUBJECT: *bottle blonde* «(of a woman's hair) of a shade of blonde that looks dyed» [COED 2006: 163], *plug-ugly* «(of a person) very ugly» [COED 2006: 1103], etc.

Первое слово указывает, что цвет является следствием окрашивания волос краской из бутылки. Что касается второго слова, то существуют разные версии его происхождения. Согласно одной из версий, при помощи прилагательного *plug-ugly* характеризовали человека с грубым, опухшим лицом, которое является результатом того, что его ударил кто-то из банды *Plug uglies*, которая орудовала в Балтиморе в 1850-х гг. [Phrase Finder].

(4) *She had a room to go to, and a Chinaman waiting with love in his loins, but she had been too drunk to get from one bed to another, and too beset by fate to escape her destiny. Lute buried her, because it was easy for the police to retrace her history from yellow man to black. The big, fat, ugly woman knew a widow woman, as **plug-ugly** and nonsense as herself, who became the first of Lute's housekeepers before he realized that a housekeeper did not have to be repulsive and could be good in bed for no additional money [COCA].*

При помощи прилагательного в приведенном контексте дается нелестная характеристика внешности женщины.

– QUALITY – MAKE – NOT OPER – CONTENT: *colour-blind* «unable to distinguish certain colours» [COED 2006: 283], *snow-blind* «temporarily blinded by the glare of light reflected by a large expanse of snow» [COED 2006: 1366], *tone-deaf* «unable to perceive differences of musical pitch accurately» [COED 2006: 1517], *work-shy* «disinclined to work» [COED 2006: 1662] и др.

Приведенная группа слов описывает неспособность человека что-либо различать временно или постоянно, отсутствие желания что-то делать.

(5) *'Why did you call it a kangaroo?' asked Endill. 'It doesn't look anything like a kangaroo.' 'It does to me,' said the boy. 'I fell out of a tree when I was four years old.*

*I have a rare case of something with a big name I can't pronounce. It's a bit like being **colour-blind**, only it's not colours I get mixed up, it's objects. I've tried seventy-one different doctors all over the country but none of them know how to help. That's why I see battleships instead of salt cellars.* [BNC].

(6) *The press had noticed too. They had calculated that in one particular three-month period Charles had had fifteen engagements, Princess Anne had carried out fifty-six, Prince Philip, forty-five, and the Queen, twenty-eight. The tabloids were calling Charles **work-shy** and lazy, and the Duke of Edinburgh told him to pull his socks up* [BNC]. Следует отметить, что использованное в приведенном выше примере прилагательное имеет негативную коннотацию. Люди, которых характеризуют при помощи данного прилагательного, часто воспринимаются как обуза для общества, и на них свысока смотрят те, кто считает тяжелую работу добродетелью.

– QUALITY – MAKE – OPER – CONTENT: *trustworthy* «able to be relied on as honest, truthful, or reliable» [COED 2006: 1549], *word-perfect* «(of an actor or speaker) knowing one's part or speech by heart» [COED 2006: 1661], *street-smart, streetwise* «having the skills and knowledge necessary for dealing with modern urban life» [COED 2006: 1426], etc. Данная группа прилагательных, напротив, обозначает наличие определенных способностей, однако положительная или отрицательная оценка некоторых из них может зависеть от контекста.

(7) *Without bothering to speak again Michael and Geoffrey got back in the Mercedes. The three police stood watching them. Murphy knew when he was beaten and decided to retreat on this occasion. He made a mental note to have Maura Ryan checked out. Young girl she might be, but she was as **streetwise** as her brothers. She had made a fool of him and he wouldn't let that go. Once the uniforms had told their version in the canteen, he would be a laughing stock* [BNC]. В данном контексте бывалая девушка, хорошо знающая проблемы городской жизни, оценивается отрицательно.

– STATE – BE CAUSED – REASON: *homesick* «missing one's home during a period of absence» [COED 2006: 682], *travel-sick* «suffering from nausea caused by the motion of a moving vehicle, boat, or aircraft» [COED 2006: 1535], *seasick* «suffering from nausea caused by the motion of a ship at sea» [COED 2006: 1298], *world-weary* «bored with or cynical about life» [COED 2006: 1663].

(8) *Leonard Cohen is a man of medium height, five-feet, eight-inches (173 cm); lean, with a rugged, **world-weary** face. 38 He looks like a man who should be heavier than he is, and one soon realises that an iron discipline keeps it that way. He enjoys his food and wine, but disallows its enjoyment to distort the image which is important chiefly to himself, and then to his public* [BNC]. При помощи прилагательного характеризуется негативное состояние человека, разочарованного в жизни из-за чувства усталости, которое вызвано жизненными трудностями и разочарованиями.

Выявлены единичные примеры переносного использования прилагательных. Например, *lily-white* «totally innocent or immaculate» [COED 2006: 826], созданное благодаря метафорическому переносу по модели PHYSICAL – ABSTRACT.

Таким образом, сложные прилагательные N + A образуются по целому ряду пропозициональных когнитивных моделей. Среди них встречаются слова с отрицательной коннотацией, дающие представления о внешности, психологических особенностях человека. Некоторые сложные прилагательные могут негативно оценивать человека, функционируя в определенном контексте.

Литература

BNC – British National Corpus. URL: <http://bncweb.lancs.ac.uk>

COCA – The Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>

COED – Concise Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Gagne Christina L., Spalding, Thomas L. Conceptual Combination: Implications for the Mental Lexicon // The Representation and Processing of Compound words / eds. Gary Libben and Gonia Jarema. Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 145-168.

Libben G. Why Study Compound Processing? An overview of the issues // The Representation and Processing of Compound words / eds. Gonia Jarema and Garry Libben. Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 1-22.

The Phrase Finder. URL: <https://www.phrases.org.uk>

L.V. Babina (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

N+A COMPOUND ADJECTIVES: MODELS OF CREATION AND CONFLICTOGENIC POTENTIAL

The article discusses the cognitive basis of N+A compound adjectives, as well as their conflictogenic potential. The author determines the cognitive models, according to which N+A compound adjectives are created. It is shown that N+A compound adjectives with a negative connotation can give an idea of a person's appearance and psychological characteristics.

Key words: compound adjectives, cognitive models, figurative meanings, conflictogenic potential

С.В. Балакин (Екатеринбург, Россия)

*Уральский государственный университет путей сообщения
sergiorusso2007@mail.ru*

ВТОРИЧНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА ВРЕМЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются когнитивные основы развития грамматического концепта ВРЕМЯ во французском языке. Результаты эксперимента показывают, что концепт ВРЕМЯ претерпевает существенные изменения, связанные с дефокусированием концептуальных характеристик.

Ключевые слова: концепт ВРЕМЯ, концептуальные характеристики, прошедшее время, будущее время

Французский язык за последние сто лет претерпел значительные изменения в системе прошедшего и будущего времен. При этом происходят противоположные процессы: с одной стороны, налицо исчезновение аналитических форм (прежде

всего, прошедшего времени), с другой, отмечается полное исчезновение синтетических форм (также в плане законченного прошедшего времени).

Соответственно, можно предположить, что грамматический концепт ВРЕМЯ, лежащий в основе глагольной системы французского языка, претерпевает изменения, связанные с когнитивным процессом дефокусирования определенных концептуальных характеристик. Как показывает концептуально-репрезентативный метод, под которым понимается «метод исследования соотношения и взаимодействия концептуального пространства и семантического пространства языка» [Беседина 2006: 8], процессу дефокусирования подверглись концептуальные характеристики «фазовость (предшествование)» и «дистантность». Также отмечается, что при доминирующем статусе концептуальной характеристики «обладание» в прошедшем плане, в плане будущего времени, напротив, наблюдается ее дефокусирование.

Концептуальная характеристика «фазовость (предшествование)» отражает действие, предшествующее другому действию в прошлом. Данная концептуальная характеристика, как правило, выражалась аналитически за счет вспомогательных глаголов *être / avoir*, поставленных в форму *Passé Simple*.

Концептуальная характеристика «дистантность» отражает действие, совершенное в прошлом и не имеющее связи (взаимодействия) с настоящим. Данная концептуальная характеристика выражалась синтетически при помощи *Passé Simple*.

Эти концептуальные характеристики уступают место концептуальной характеристике «обладание», которая отражает действие (в прошлом или будущем), завершенное (или будет завершено) к моменту речи и имеющее результат на момент речи (связь с настоящим). При этом концептуальная характеристика выражается при помощи вспомогательного глагола *avoir* (за исключением глаголов категории движения и смены состояния).

На процесс дефокусирования концептуальных характеристик «фазовость (предшествование)» и «дистантность» указывают результаты проведенного эксперимента. Франкоговорящим испытуемым из Франции, Гаити, Камеруна и Кот-д'Ивуара было предложено трансформировать глагольные формы во фразах из произведений французской литературы XIX в., в частности, трансформировать фразы из романа Г. де Мопассана «Милый друг» (G. de Maupassant «*Bel ami*»), вышедший в 1885 г.

Так, во фразе *Quand la caissière lui eut rendu la monnaie de sa pièce de cent sous, Georges Duroy sortit du restaurant* [Maupassant 2018: 6] в глагольных формах *eut rendu* и *sortit*, как показывает концептуально-репрезентативный метод, актуализированы концептуальные характеристики «фазовость (предшествование), дистантность и обладание.

В трансформированной фразе концептуальные характеристики «фазовость (предшествование)» и «дистантность» прошли стадию дефокусирования. Ср.:

**Quand la caissière lui a rendu la monnaie de sa pièce de cent sous, Georges Duroy est sorti du restaurant.*

**Quand la caissière lui avait rendu la monnaie de sa pièce de cent sous, Georges Duroy est sorti du restaurant.*

Во фразе *Quand Georges Duroy parvint au boulevard, il s'arrêta encore, indécis sur ce qu'il allait faire* [Maupassan 2018: 9] обнаружен идентичный процесс. Ср.:

**Quand Georges Duroy est arrivé* (испытываемому глагол *parvenir* показался архаичным) *au boulevard, il s'est arrêté encore, indécis sur ce qu'il allait faire.*

**Quand Georges Duroy parvient au boulevard, il s'arrête encore, indécis sur ce qu'il ira faire.*

**Quand Georges Duroy a parvenu au boulevard, il s'est arrêté encore, indécis sur ce qu'il allait faire.*

Идентичный процесс имеется и в плане будущего времени. Во фразе *Quand tu auras donné des leçons d'équitation aux hommes du monde ou à leurs fils, ils ne pourront plus s'accoutumer à te considérer comme leur égal* [Maupassan 2018: 6], как показывает концептуально-репрезентативный метод, обнаружены концептуальные характеристики «фазовость (предшествование)», «обладание», «дистантное будущее». Результаты эксперимента подчеркивают, что среди перечисленных концептуальных характеристик остались только «дистантное будущее» и «обладание»; характеристика «фазовость (предшествование)» подверглась дефокусированию. Ср.:

**Quand tu donneras des leçons d'équitation aux hommes du monde ou à leurs fils, ils ne pourront plus s'accoutumer à te considérer comme leur égal.*

Во фразе *Dès qu'il eut disparu, Duroy se sentit libre, et de nouveau il tâta joyeusement les deux pièces d'or dans sa poche; puis, se levant, il se mit à parcourir la foule qu'il fouillait de l'oeil* [Maupassan 2018: 6] актуализированы концептуальные характеристики «фазовость (предшествование)», «дистантность» и «обладание», что выражалось в согласовании времен; в трансформированной фразе концептуальные характеристики «фазовость (предшествование)» и «дистантность» также прошли стадию дефокусирования, что свидетельствует о разрушении системы согласования времен плана прошедшего во французском языке. Ср.:

**Dès qu'il a disparu, Duroy s'est senti libre, et de nouveau il a tâté joyeusement les deux pièces d'or dans sa poche; puis, se levant, il s'est mis à parcourir la foule qu'il fouillait de l'oeil.*

**Dès qu'il a disparu, Duroy se sentit libre, et de nouveau il a tâté joyeusement les deux pièces d'or dans sa poche; puis, se levant, il s'est mis à parcourir la foule qu'il fouillait de l'oeil.*

Интересны примеры, в которых концептуальная характеристика «обладание» актуализирована в глаголе *avoir* с полнозначным значением; в результате процесса дефокусирования концептуальной характеристики «дистантность» характеристика «обладание» подвергается вторичной категоризации. Ср.:

Фразу *Il eut peur d'être surpris et il se mit à monter fort vite et avec la crainte d'avoir été vu, minaudant ainsi, par quelque invité de son ami* [Maupassan 2018: 40] испытуемые трансформировали следующим образом:

**Il a peur d'être surpris et il a mis à monter fort vite et avec la crainte d'avoir été vu, minaudant ainsi, par quelque invité de son ami.*

**Il a eu peur d'être surpris et il s'est mis à monter fort vite et avec la crainte d'avoir été vu, minaudant ainsi, par quelque invité de son ami.*

Такой процесс характерен для всех устойчивых выражений, сформированных при помощи глагола avoir. Ср.: *Elle eut un sourire plus visible, plus bienveillant; et elle murmura en baissant la voix: – Je sais* [Maupassan 2018: 44]. В данном случае, как показывает концептуально-репрезентативный метод, обнаружены следующие концептуальные характеристики: «аспектуальность» – *parvint* / «аспектуальность» – *s'arrêta*.

**Elle a eu un sourire plus visible, plus bienveillant; et elle a murmuré en baissant la voix: – Je sais.*

**Elle avait un sourire plus visible, plus bienveillant; et elle murmurait en baissant la voix: – Je sais.*

Соответственно, концептуальная характеристика «обладание» оказывается доминирующей для системы прошедших времен во французском языке как языка категории *habeo*. На это указывают ученые. Так, А.Э. Сенцов утверждает, что описываемые те или иные ситуации обладания во французском языке сконцентрированы вокруг архисемы *avoir*, что предопределяется самой ситуацией общения, выражаемой говорящим за счет двух параметров: 1) владение объектом / состояние обладания объектом и 2) условие результативности действия / результативность действия [Сенцов 2009: 138].

Итак, концепт ВРЕМЯ во французском языке, включавший ранее концептуальные характеристики «дистантность», «обладание», «фазовость (предшествование)», претерпевает изменения. За счет когнитивного процесса «фокусирование» на передний план выдвигается концептуальная характеристика «обладание»; остальные перечисленные характеристики проходят процесс «дефокусирование».

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. Федеральное агентство по образованию; Институт языкознания РАН; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина; Белгор. гос. ун-т. М. – Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

Коваленко А.М., Перишина Е.М., Сенцов А.Э. Французский язык для студентов 2 курса лингвистических специальностей ТПУ: учебное пособие; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012.

Maupassant G. de Bel ami. Paris: Flammarion, 2018.

S.V. Balakin (Yekaterinburg, Russia)

Ural State University of Railway Station

SECONDARY CATEGORIZATION OF THE GRAMMATICAL CONCEPT OF TIME IN FRENCH

The article deals with the cognitive foundations of the development of the grammatical concept TIME in French language. The results of the experiment show that the concept TIME undergoes significant changes associated with the defocusing of conceptual characteristics.

Key words: concept TIME, conceptual characteristics, past tense, future tense

И.Д. Баландина (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
irfrish@mail.ru*

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ФРЕЙМЫ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Современное развитие когнитивной науки открывает новые горизонты для изучения топонимов, традиционно рассматриваемых только с функциональной точки зрения. Данная статья анализирует междисциплинарный подход, который позволяет выявить когнитивные и культурологические особенности топонимов, превращающих их в сложные ментальные структуры, отражающие языковую картину мира. Исследуется концепт топонимического фрейма, который объединяет знания о географических объектах и их ассоциации, связывая их с культурными и историческими контекстами.

Ключевые слова: топоним, топонимический фрейм, искусственная номинация, категоризация, топонимическая картина мира

Одной из тенденций развития современной когнитивной науки становится междисциплинарность и разнообразие подходов к уже, казалось бы, хорошо изученным явлениям. В этом случае даже хорошо изученные в рамках традиционных подходов феномены получают новую перспективу для исследований.

Данная тенденция применима и к исследованию топонимов. До последнего времени топонимы рассматривались преимущественно в функциональном аспекте, ограничиваясь их номинативной ролью – обозначением географических объектов. Тем не менее, благодаря развитию междисциплинарного подхода и возрастающему интересу к когнитивным аспектам языка, а также к процессу формирования языковой картины мира через различные языковые уровни, исследования топонимии стали включать в себя анализ дискурсивных, когнитивных и культурологических особенностей данного феномена [Баландина 2024: 663].

Однако в последние годы топонимы часто исследуются с точки зрения когнитивных и концептуальных подходов. Так, М.В. Голомидова считает, что топоним (аналогично антропониму) является результатом процесса искусственной (творческой) номинации, что позволяет рассматривать его в одном ряду с терминами [Голомидова 1998: 12]. В рамках данного подхода интересно отметить схожие черты топонима и термина: так, для обоих типов лексических единиц очень важна однозначность, а наличие синонимов и омонимов является крайне нежелательным и приводит к путанице. Кроме того, и в термине, и в топониме крайне важна внутренняя структура слова. Эмоциональная окраска также считается недопустимой (но ярко проявляет себя в профессиональном жаргоне или топонимах-прозвищах: *ФОГ – флюшка; Челябинск – Чикагинск* и т.п.).

В рамках когнитивного подхода некоторые ученые выделяют такое понятие, как когнитивный концепт. Согласно точке зрения О.А. Зобниной, топонимический концепт представляет собой ментальную структуру, содержание которой включает

знания о топонимическом объекте, значимых для конкретного лингвокультурного сообщества [Зобнина 2007: 2]. В этом определении топонимический концепт понимается как комплекс характеристик объекта, который зачастую соответствует энциклопедической составляющей имени собственного.

Относительно новым является исследование топонима с точки зрения лингвокультурологии. В этом аспекте топоним представляет собой обширное поле для исследований. Топонимы нередко несут в себе отражение культурных и исторических контекстов, что делает их важным предметом анализа в рамках когнитивной лингвистики. Исследования демонстрируют, каким образом люди связывают определенные характеристики и ценности с конкретными местностями. Так, топонимы выполняют не только функцию обозначения географических объектов, но и служат носителями культурных повествований и когнитивных моделей, формирующих наше мировосприятие. Объединяя когнитивное и культурологическое представление о топониме, мы считаем возможным выделить топонимический фрейм, под которым мы понимаем когнитивная структура, которая организует наши знания о пространстве, местах и передвижении внутри них. Этот фрейм включает в себя представления об объектах пространства, их взаимосвязях, а также возможные сценарии действий и ассоциаций, связанных с этими местами [Белоусов 2010: 114]. Например, когда мы думаем о городе, у нас возникает набор представлений о его улицах, зданиях, маршрутах передвижения и событиях, происходящих там. Мы не просто конструируем в мозгу образ этого города, но воссоздаем ассоциативные связи, впечатление о городе, с городом у нас связано определенное ментальное представление о нем (ср., например, образ, который возникает при произнесении городов «Нью-Йорк», «Москва», «Челябинск» и т.п.). Топонимический фрейм помогает нам ориентироваться в этом пространстве и предсказывать, какие действия возможны в нем.

Топонимические фреймы очень хорошо прослеживаются в художественном дискурсе, когда город становится частью художественного произведения, а иногда и полноправным героем (Петербург у Ф.М. Достоевского, например). В поэтическом дискурсе топонимы выполняют разнообразные функции. Помимо называния конкретного географического объекта, топоним выступает своего рода маркером свой-чужой, когда для стороннего слушателя топоним – просто набор звуков, возможно, вызывающий определенные ассоциации. Для знающего человека топоним разворачивается во фрейм, со сложными ассоциативными связями, коннотациями и подтекстами. Например, в песне «San Fransisco» (автор Джон Филлипс) непосвященный услышит описание красивого города с милыми людьми:

*If you're going to San Francisco
Be sure to wear some flowers in your hair
If you're going to San Francisco
You're gonna meet some gentle people there*

Однако местный житель или человек, интересующийся историей и культурой, поймет, что здесь Сан-Франциско выступает в качестве символа либерализма и стремления к свободе. В 1960-е гг. город Сан-Франциско стал центром искусства и богемного образа жизни. Именно здесь в 1967 г. произошло выступление хиппи, которое позже стало считаться культурным и политическим мятежом. Символом этого мятежа был цветок, который сторонники данной субкультуры должны были носить в волосах. И в этом случае топоним «Сан-Франциско» в песне разворачивается до фрейма, вызывая образы, связанные с молодостью, борьбой, мятежом, свободой, а также богемой, соответствующим, чересчур свободным образом жизни и т.п.

Совершенно другой топонимический фрейм можно выделить в песне «New York, New York» (Джон Кандер – Фред Эбб). Опять же, для непосвященного это песня о городе, который исполнитель, очевидно, любит:

Start spreading the news

I'm leaving today

I want to be a part of it

New York, New York

Однако Нью-Йорк здесь – не просто город, а идеал, в который стремятся многие, особенно эмигранты (и этот подтекст мы считываем, если знакомы с историей США, а также с тем фактом, что именно в Нью-Йорк, а именно на остров Элис раньше прибывали тысячи эмигрантов, которых затем «сортировали» на тех, кто может остаться в США, и тех, кто должен вернуться к себе на родину). Таким образом, топонимический фрейм получает новое осмысление, включая в себя различные слоты и разворачиваясь до символа. Нью-Йорк символизирует не только богатство и стремление к мечте, но и зачастую несбыточность этой мечты, невозможность ее достичь, отчаяние и бедность.

Можно заключить, что топонимы формируют определенные фреймы в нашем сознании, вызывая ассоциации, основанные на исторических и культурных контекстах. Эти фреймы могут включать в себя эмоциональные окраски, культурные нарративы и социальные значения, что делает анализ топонимов многослойным и актуальным для различных исследовательских направлений.

Исследование топонимов через призму когнитивной лингвистики и культурологии открывает новые горизонты для понимания языка и культурных идентичностей. Топонимы, традиционно рассматриваемые как простые обозначения географических объектов, на самом деле представляют собой сложные ментальные конструкции, которые несут в себе ценности, исторический контекст и культурное значение. Они служат не только механизмом номинации, но и важными носителями информации, влияющими на наше восприятие пространства и социокультурных реалий.

Таким образом, получение новых знаний о когнитивных аспектах топонимии может обогатить наш подход к языку, культуре и идентичности, делая их более инклюзивными и многогранными.

Литература

Баландина И.Д., Юздова Л.П., Москвитина Т.Н. Когнитивные аспекты топонимического миромоделирования (на материале топонимов Англии) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 663-666.

Белоусов К.И., Стрелева Н.В. Скриптологическое пространство и семиотический потенциал граффити // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 1 (13). С. 113-121.

Беляев А.Н. О топонимическом концепте // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1. С. 13-21.

Зобнина О.А. Концепт «Oxbridge» в английской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

The Mamas and The Papas. San Francisco – Lyrics. URL: <https://genius.com/The-mamas-and-the-papas-san-francisco-lyrics>

Sinatra F. Theme from New York, New York – Lyrics. URL: <https://genius.com/Frank-sinatra-theme-from-new-york-new-york-lyrics>

I.D. Balandina (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University

TOPONYMIC FRAMES IN LANGUAGE (BASED ON ENGLISH)

The modern development of cognitive science opens new horizons for the study of toponyms, traditionally viewed only from a functional perspective. This article analyzes an interdisciplinary approach that allows for the identification of cognitive and cultural characteristics of toponyms, transforming them into complex mental structures that reflect the linguistic picture of the world. The concept of the toponymic frame is explored, which integrates knowledge about geographical objects and their associations, linking them with cultural and historical contexts.

Key words: toponym, toponymic frame, artificial nomination, categorization, toponymic picture of the world.

Г.П. Берзина (Новосибирск, Россия)

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии

И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

bgp55@mail.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ

Данная работа посвящена рассмотрению модусной категории уступительности в когнитивно-дискурсивном аспекте. В работе предпринята попытка выявить когнитивно-дискурсивные аспекты диалогического уступительного дискурса. Особое внимание уделяется коммуникативной тактике *die Einräumung-Mitigation* / *уступка-смягчение*, отражению и интерпретации объективных событий в языковом сознании субъекта.

Ключевые слова: уступительный дискурс, когнитивно-дискурсивный, модусная категория, уступка-смягчение, уступительная ситуация

Когнитивно-дискурсивная парадигма – это интегральная парадигма нового лингвистического знания, выдвинутая и обоснованная Е.С. Кубряковой,

направленная на исследование проблем взаимоотношения языковых структур с мыслительными, которые могут быть успешно решены только при синтезе когнитивного подхода с коммуникативным [Кубрякова 2004: 12]. Следует отметить, что когнитивно-дискурсивный подход уже достаточно плодотворно применяется в ряде лингвистических работ последних лет (Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, Ю.Е. Прохоров и др.). В когнитивно-дискурсивных исследованиях отмечается необходимость особого подхода к анализу тех форматов знания, в которых наиболее явно отражается взаимосвязь языка с познающим мир человеком и которые позволяют понять процессы порождения и понимания речи.

Когнитивно-дискурсивный подход предполагает особый подход к анализу сложных форматов знания, отражающих взаимосвязь языка с мышлением познающего мир человека. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, «каждое языковое явление, которое мы описываем и называем когнитивным, обнаруживает свои истоки в речевой деятельности, а каждый акт коммуникации... имеет отношение к когнитивному процессу» [Кубрякова 2012: 68]. Когнитивно-дискурсивный подход позволяют по-новому увидеть язык как средство когниции и коммуникации во всей его полноте в рамках сосюровской триады: *язык – речь – речевая деятельность*. В процессе речемыслительной деятельности происходит представление знаний человека, полученных им в результате познания и восприятия мира, в процессе коммуникации.

Современный взгляд на язык и речевое общение предполагает учет не только их собственно знакового характера, но и комплексного взаимодействия разных языковых функций и их реализаций: когнитивной, коммуникативной, интерпретирующей [Болдырев 2017: 5], связанных с онтологией человеческого сознания. Интерпретация знаний о мире является основной функцией модусных категория, к которым относится и категория уступительности, обладающая своей особой внутренней структурой.

Как было установлено, модусная категория уступительности представляет собой многоаспектное знание матричного формата, представляющее собой систему взаимосвязанных областей концептуализации уступительного смысла и систему средств языковой репрезентации, представленную не только единицами языка как системы, но и речевыми единицами [Берзина 2022]. Модусные категории, как отмечает Н.Н. Болдырев, обеспечивают возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого новых смыслов [Болдырев 2006: 21]. Модусные категории О.А. Кобринна определяет как коммуникативные категории, исходя из того, что они непосредственно связаны с самим процессом коммуникации [Кобринна 2006: 91].

Коммуникативную сферу модусной категории уступительности обслуживает комплексная языковая единица текстового уровня в виде вербальных и невербальных знаков, объединенных уступительным концептом *obwohl P, Q*, возникающим в результате комплексного осмысления экстралингвистических, социокультурных,

психологических, прагматических компонентов отдельного отрывка или всего речевого произведения. В связи с этим есть основания говорить о диалогическом уступительном дискурсе как об особом когнитивно-коммуникативном событии, о процессе и продукте когнитивно-коммуникативного взаимодействия участников коммуникации, происходящего с помощью языкового кода в определенных социально-культурных условиях.

Диалогическому уступительному дискурсу как языковому знаку высшего порядка присуща модальность, соотнесенность с категорией нормы и с эффектом обманутого ожидания, реализующиеся в уступительной ситуации. Уступительная ситуация включает в себя адресанта, адресата с их социальными ролями и отношениями между ними, пространственную локализацию, содержание коммуникации, мотивацию, цели, коммуникативные стратегии и тактики, вербальное и невербальное оформление, тональность общения. Коммуникативная цель адресанта уступительной ситуации заключается в поиске согласия, смягчения категоричности, эмоциональной сдержанности, что входит в рамки межличностного толерантного взаимодействия, которое играет решающую роль в процессе отбора адресантом конкретных языковых единиц репрезентации пропозиционального содержания коммуникативных шагов.

Мысль, вербализованная языковым знаком, всегда соотносится с интенцией адресанта, поэтому когнитивный аспект исследования дискурса сопровождается прагматическим аспектом, учитывающий фактор целеполагания адресанта. В прагматическом плане толерантное взаимодействие способствует предотвращению речевого конфликта между участниками коммуникации и эффективности межличностного взаимодействия. Рассмотрим все сказанное выше на примере коммуникативной тактики *die Einräumung-Mitigation* / *уступка-смягчение*, выступающей в качестве дискурсивного механизма формирования уступительного смысла в диалогическом дискурсе модусной категории уступительности.

Коммуникативная тактика *die Einräumung-Mitigation* представляет собой попытку адресанта скрыть личную неуверенность, быть вежливым и эмоционально сдержанным по отношению к адресату, говорить некатегорично. Стремление избежать коммуникативного конфликта, мягкая формула номинации действия / свойства, маскировка сути явления – цель употребления адресантом в речи стилистических приемов – эвфемизмов. Адресант, отдавая должное культуре общения, смягчает свою речь, при этом его собеседник хорошо понимает подлинный смысл сказанного. Рассмотрим сказанное на примере:

(I) *«So einfach nachgeben», sagte Frau Bentheim, «willst du denn das?»*

(II) *«In diesem Fall, ja ...» [Seghers A. Entscheidung. S. 247].*

Речевые шаги участников диалога обусловлены ситуацией общения. Адресант употребляет в первом речевом шаге перформативный глагол *nachgeben*, чтобы смягчить и не называть реальное состояние страха, трусости адресата. Сила эмоциональной заряженности ситуации общения прямо пропорциональна значимости этой ситуации для участников эмоционального общения, ведущим внесязыковым

фактором для приведенного диалога выступает страх адресанта. Для урегулирования возникающих проблем участникам коммуникации иногда требуется гибкость и уступчивость; смягчение несогласия в таком случае проявляется как уступчивость – приспособление, избегание конфликта, игнорирование некоторых не очень важных позиций для адресанта.

Следовательно, субъект уступительного дискурса, осмысливающий и интерпретирующий мир относительно собственной системы знаний и реагирующий на события как размышляющая личность, репрезентирован в языке как эксплицитно (с помощью простых и сложных языковых единиц), так и имплицитно (когнитивная деятельность субъекта по организации уступительного дискурса). Общение в уступительном дискурсе не является конфликтным, потому что уступка дает возможность реагирующему собеседнику частично согласиться с точкой зрения, выдвинутой в предшествующей реплике, например: *Ja / jawohl / gewiß / natürlich, aber ...*, и выразить свое мнение, контрастирующее с позицией партнера по коммуникативному взаимодействию. Диалогическому уступительному дискурсу присущи такие характеристики как нелинейное развитие события, наличие коммуникативной цели, прагматической имплицитной или эксплицитной направленности, прагматического выбора одной из уступительных стратегий и тактик, актуальной для данной коммуникативной ситуации.

Отдельно следует отметить, что адресант – это точка отсчета в вербальной коммуникации, именно он задает стратегию общения, специфика которой находит свое выражение в системе установок. Адресант выделяет себя в качестве индивида, оперирующего системой знаний, умеющего ориентироваться на знания других и противопоставлять себя им или присоединяться к их мнению, выступая участником концептуализируемого фрагмента объективной действительности.

Диалогическая деятельность адресата, результат которой проявляется в ответной реплике, обладает определенной прагматической нагрузкой, которая заключается в конструировании совместного с адресантом диалогического уступительного дискурса. Адресат и адресант выступают субъектами знания, понимания, мнения, выводов и заключений, эмоционального отношения к происходящему.

Таким образом, модусная категория уступительности как сложный формат знания представляет собой класс языковых единиц, которые объединяют разные события в единый фрагмент, концептуализируя и интерпретируя связь между ними как уступительную, и реализует уступительный смысл в высказывании и в дискурсе. Коммуниканты в своем взаимодействии в диалогическом уступительном дискурсе подчиняются принципу рациональности, успешность коммуникативного взаимодействия зависит от коммуникативной компетенции говорящих, т.е. от уровня умений использовать постулаты общения. Когнитивно-дискурсивный подход к описанию коммуникативного взаимодействия в рамках межличностного общения позволяет эксплицировать глубинные когнитивные процессы, связанные с речемыслительной деятельностью человека.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическое содержание понятия «дискурс» в современной когнитивной лингвистике // Русское слово в мировой культуре. СПб.: Политехника, 2003. Т. 1.

Берзина Г.П. Категория уступительности и ее интерпретирующий потенциал в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2022.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.

Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 90-100.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Прохоров Ю.Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006.

G.P. Berzina (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk Military Zhukov's Order Institute named after General of the Army
I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation

THE COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT OF THE MODUS CATEGORY

This work is devoted to the consideration of the modus category concessivity in the cognitive-discursive aspect. The article attempts to identify the cognitive-discursive aspects of dialogic concessive discourse. Special attention is paid to the communicative tactics of concessive mitigation, reflection, and interpretation of objective events in the linguistic consciousness of the subject.

Key words: concessive discourse, cognitive-discursive, modus category, concessive mitigation, concessive situation

С.Х. Битокова (Нальчик, Россия)

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
rinkas@rambler.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА

В статье рассматривается проявление культурной компоненты в категоризации значимых для культуры этноса фрагментов мира, что приводит к его детальной языковой проработке. На уровне интерпретации уже существующих в языке категорий культурная специфика проявляется в ранжировании элементов внутри категорий и в особенностях заполнения их иерархической структуры.

Ключевые слова: категоризация, прототипическая категоризация, теория категорий базового уровня, культура

Категоризация связана со всеми когнитивными способностями человека, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями – «сравнением, отождест-

влением, установлением сходства и подобия и т.п.» [КСКТ 1997: 42]. Категоризация ориентирует человека в нескончаемом потоке воспринимаемой им информации. Все новое занимает свое место в ряду себе подобных, приобретая знаковую форму, если таковой у него не было. В результате этой ментальной операции окружающий мир приобретает структурированный и упорядоченный характер, что помогает человеку буквально выживать, организовывая свое бытие сообразно порядку им же установленному.

Категоризация предполагает некий материал для обработки. Он формируется тем, что окружает человека, тем, что он получает опытным путем, контактируя с окружающим миром, осуществляя различные практики в рамках определенной культуры. Из этого следует, что когниция имеет культурно обусловленный характер, поскольку в ее основе лежит этнокультурная категоризация мира [Виноградов 1999: 420; Демьянков 2013: 33]. Категоризация это не простая процедура инвентаризации фрагментов окружающего мира. Помимо этноспецифичного культурного материала, она регулируется такими факторами, как особенности восприятия, воображения, двигательной активности, которые также разнятся от культуры к культуре. Важно отметить, что категоризация это не только наше представление о мире, но и наше понимание мира и его интерпретация. Понимание мира предполагает некоторую поступательность. В первую очередь, категорирующая функция сознания направлена на осмысление отдельных вещей окружающего мира. Далее понимание мира переходит на уровень интерпретации категорий, которые эти вещи образует. В связи с этим возникает вопрос о степени и характере проявления этнокультурной специфики на разных уровнях категоризации мира. Обсуждению этого вопроса посвящена настоящая статья. В качестве иллюстративных примеров использовался словарный материал [СКЧЯ 1999] кабардинского языка (далее КЯ).

Значимость того или иного концепта и, соответственно, стоящего за ним объекта или процесса, предопределяет неравнозначную языковую проработанность отдельных фрагментов действительности в разных языках. Известно, например, что *лошадь* является важным элементом культуры кабардинского этноса, воплощением силы, красоты, мужества и благородства. Поэтому вполне закономерно, что этот представитель фауны становится объектом детальной категоризации в этом языке. Наименование получили различные породы лошадей, их масти, болезни, особые стрижки гривы и хвоста и т. д. К примеру: *къунан* – жеребенок-трехлеток; *жухъэр* – порода лошади с вьющимся хвостом; *лъэкъэб* – вид плоскостопия у лошади; *къэсракъ* – способ стрижки хвоста лошади; *жэрыбэ* – особый ход лошади и т.д.

Как показывает практика, не всегда объяснение дифференцированной категоризации фрагмента мира лежит на поверхности, как в выше приведенном примере. Так, в лексике КЯ привлекает внимание детальная категоризация частей тела человека. Их число составляет 303 единицы, что в два раз выше, чем в русском языке – 155 [Апажев 1992: 123-131]. Факт удивительный, если учесть принадлежность КЯ к младописьменным языкам, в то время как истории письменности русского языка

более тысячи лет. К тому же соматическая лексика является частью анатомической терминосистемы. Ее формирование предполагает определенные научные исследования и эксперименты, что в условиях отсутствия письменности маловероятно. Хотя, как известно, практическая деятельность лежит в основе научных размышлений. А она у предков современных кабардинцев была связана большей частью с охотой и скотоводством. Именно этот факт истории кабардинского этноса, по мнению Н.Ф. Яковлева, объясняет высокую номинативную репрезентативность соматического лексикона в КЯ [Яковлев 1948: 223]. Не ставя под сомнение точку зрения известного кавказоведа, считаем, что особенности жизненного уклада не являются веской и единственной причиной такой проработанности категории соматизмов. Особенно, если учесть, что именно скотоводство и земледелие были основными видами деятельности многих этносов, близких к кабардинцам по экологическим условиям обитания. Однако, части тела человека не получили столь исчерпывающего номинативного воплощения в других языках. Бесспорно, детальное структурирование этого фрагмента обусловлено *конкретными* (курсив наш), но глубоко скрытыми фактами жизненного уклада и практики кабардинского этноса, поскольку отражают элементы чувственно воспринимаемого фрагмента мира и не являются результатом рефлексивной деятельности сознания. Требуется тщательный когнитивно-культурологический анализ для обоснования подобных фактов.

В рамках современной прототипической теории категоризации (Э. Рош) фиксированные словесные знаки ранжируются в соответствии с их статусом в когнитивной базе человека как лучшие образы категорий и как второстепенные, периферийные элементы. В основе распределения лежат психологические эксперименты, которые достаточно объективно отражают положение вещей. Участники имеют дело с готовыми языковыми знаками. Их задача – организовать их в пределах одной категории сообразно заданным правилам. Естественно, культурная компонента проявляется как в наборе членов категории, так и в их ранжировании. К примеру, в кабардинской культуре в категории «еда» лучшим образцом прототипом категории является *гедлибже* – курица в сметанном соусе, приготовленная по особому рецепту, подаваемая вместе с *пастой* – крутой пшенной кашей. В ближайшей периферии фигурирует *баранина*, выпечка (*лакумы* – лепешки из дрожжевого теста, обжаренные в масле; *даланы* – пироги с картофельно – сырной начинкой, выпекаемые на сухой скороре). *Рыба* входит в отдаленную периферию, в то время как в англосаксонской культуре, *fish* – рыба следует сразу за лучшим образцом *chicken* – цыпленок. Прототип – лучший образец является неким ментальным образом, когнитивной точкой референции, которая организует структуру категории [Ungerer, Schmid 2006:37-38]. Прототипическая категоризация не требует доказательств, поскольку является экспериментальным результатом. Она предоставляет богатый материал для изучения менталитета, особого мировидения, культуры этноса и его психологии.

Другое направление – теория категорий базового уровня затрагивает иерархию категорий на основе их роли в понятийной системе человека. Экстраполяция идей

антропологов об особом статусе категорий, представляющих биологический род, в область лингвистики позволила сделать выводы о психологической значимости лексики именно этого уровня (Э. Рош). Обыденное сознание оперирует базовыми категориями, поскольку они легко узнаваемы, усваиваются в раннем детстве и требуют минимум когнитивных усилий для распознавания использования. Категории других уровней (суперординатный и субординатный) играют второстепенную роль в обыденной жизни человека. Например, человек без труда укажет, чем стул отличается от табуретки (наличие спинки), но уже задумается, если ему предложить дифференцировать предметы субординатного уровня – *ортопедический стул* и *лофт стул*. Суперординатный уровень является результатом умозрительных построений человека, предполагает теоретические знания и является результатом научной категоризации окружающего мира [Болдырев 2014: 131].

В КЯ также проявляется эта трехуровневая категоризация, конечно, с соответствующими корректировками, обусловленными культурной компонентой. Для многих классов конкретных объектов в языке выработаны названия, представляющие суперординатный уровень: *пхэццхьэмьщхьэ* – фрукты; *ерыскьы* – еда; *унэлащIэ* – мебель; *псэуцхьэ* – животные; *хьэкIэкхьуэкIэ* – дикие животные и т.д. Иначе обстоит ситуация с абстрактными понятиями, и признаковыми именами – глаголами и адъективами. При полной представленности базовых эмоций в КЯ (*губжьэ* – гнев; *гүфIэгьуэ* – радость; *гукьеуэ* – грусть; *шынагьуэ* – страх; *гьэщIэгьуээн* – удивление; *гүщыкI* – отвращение) и достаточной проработанности субординатного уровня в языке отсутствует обобщающее понятие «эмоция». Такая же картина наблюдается в категории «вкус». В КЯ нет категориального, суперординатного понятия «вкус». Практически отсутствует дифференциация вкуса нижестоящего уровня, свойственная русскому языку, например: *жгучий, терпкий, жирный, охлаждающий, металлический, вяжущий* и др. В КЯ нет и детализации базовых вкусов, как это наблюдается в русском языке. Например: *сладкий – слащавый, сладенький, сладковатый, приторный, сахарный, паточный, медовый и т.д.* С скромная синонимичная вариативность вкусовых обозначений является следствием традиционно сдержанного отношения к еде, которую отличала простота, естественность и рациональность. К тому же не допускался пространственный комментарий и оценка качества еды в терминах ее вкусовых качеств. Можно было только произнести слова благодарности за угощение. Все это в некоторой степени объясняет отсутствие в КЯ родового понятия «вкус»: в этом просто не было необходимости. Родовое понятие не отражает значимые признаки, объективно присущие предмету, как в случае с видовыми понятиями. Его отсутствие никак не влияет на языковую историю функционирования вкусовых адъективов.

Этнокультурная специфика категоризации вплетена во все ее уровни: категоризация единичных фрагментов, прототипическое ранжирование членов категорий, заполнение иерархической структуры и, несомненно, представляет богатейший материал для когнитивно-культурологических исследований.

Литература

- Апажев М.И.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014.
- Виноградов В.А.* Классификационные типы в движении // *Res Linguistica*: сборник статей к 60-летию профессора В. П. Нерознака. М.: Academia, 1999. С. 420-423.
- Демьянков В.З.* Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 1. С. 32-47.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997.
- Яковлев Н.Ф.* Культура кабардинцев и черкесов по данным словаря // *Грамматика литературного кабардино-черкесского языка*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. С. 229-235.
- СКЧЯ – Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999.
- Ungerer F., Schmid H.-J.* *An Introduction to Cognitive Linguistics*. London and New York: Longman, 2006.

S.Kh. Bitokova (Nalchik, Russia)

Berbekov Kabardino-Balkarian State University

ETHNOCULTURAL DETERMINISM OF WORLD CATEGORIZATION

This article considers the manifestation of the cultural component in the categorization of fragments of the world significant for the culture of an ethnos, which leads to its detailed linguistic elaboration. At the level of interpretation of categories already existing in the language, cultural specificity is manifested in the ranking of elements within categories and in the peculiarities of filling their hierarchical structure.

Key words: categorization, prototypical categorization, basic-level category theory, culture

Г.Г. Бондарчук (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет bondarchuk.gal@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Работа посвящена проблеме вариативности английского языка в сфере лексики. С когнитивной точки зрения с помощью механизмов фокусирования и профилирования анализируются семантические различия между сложными словами в двух основных вариантах английского языка – британском и американском.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фокусирование, профилирование, предметно-бытовая лексика, сложные слова

Проблема региональной вариативности полинациональных языков, в частности английского языка, не нова. Стимулом для ее изучения послужила в свое время докторская диссертация А.Д. Швейцера [Швейцер 1966], в которой ученый впервые представил системное сопоставление двух наиболее распространенных и прагматически важных национальных вариантов – британского английского и американского английского.

Изучение указанной проблемы на материале английского языка продолжается. Приходится, однако, констатировать, что современные исследования осуществляются почти исключительно на материале одного из вариантов, ощущается недостаток исследований британо-американских различий в сопоставительном плане, в связи с этим в задачи науки о языке сегодня входит дальнейшее, более глубокое изучение различий и взаимосвязи этих вариантов, в т.ч. в русле когнитивной лингвистики, которая, как известно, позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, в т.ч. и на различия в национальных вариантах языка.

Вопрос о возможности использования аппарата когнитивной лингвистики для объяснения лексических различий в вариантах английского языка является актуальным для проводимого нами исследования, поскольку предметом исследования является семантика английских производных слов – членов категории предметно-бытовой лексики (наименований жилища, одежды, питания), используемых как в общеанглийском фонде, так и в американском и британском вариантах английского языка. Цель – провести анализ английских сложных слов из категории предметно-бытовой лексики с использованием таких когнитивных операций, как фокусирование и профилирование (включая существительные, образующие аналогичные пары в британском и американском английском).

Интересное исследование лексического материала британского и американского вариантов английского языка с привлечением не только этимологических, культурно-исторических данных, но и положений когнитивной лингвистики было проведено И.А. Краевой [Краева 2024]. Автор работы предложила объяснить причину тех случаев, когда один и тот же объект или явление обозначаются в национальных вариантах разными лексическими единицами, с помощью когнитивной лингвистики, в частности, рассмотреть подобные номинации с точки зрения таких явлений, как прозрачность значения и фокусировка внимания. В итоге это позволило ученому прийти к выводу о том, на чем концентрировалось внимание в процессе номинации того или иного объекта.

Несомненно, трудно и даже вряд ли возможно объяснить, в т.ч. с когнитивной точки зрения, все лексические различия между вариантами языка, но в цитируемой работе было убедительно доказано, что в целом ряде случаев это вполне возможно. При этом в своем исследовании мы опираемся на идеи, высказанные Е.С. Кубряковой, которые имеют огромное значение для познания языка в целом, его роли в познании мира, во взаимодействии человека с окружающей его действительностью и ее осмыслением и которые важны для проведения семантического анализа [Кубрякова 2004].

В качестве примера приведем английское сложное слово **tailcoat** (*фрак*). Одна из дефиниций данного существительного звучит следующим образом: **tailcoat** «a man's formal jacket that is short at the front and has two long pointed parts that hang down at the back» – мужской официальный пиджак, короткий спереди с двумя длинными узкими фалдами (полами) сзади (здесь и далее перевод наш – Г.Б.). Как мы

видим, в поверхностную структуру данного наименования как основной вынесен категориальный признак *tail* (фалда / пола), т.е. внимание сфокусировано на детали данного вида пиджака, которая принципиально отличает его ото всех других фасонов пиджаков. В то же время признаки *мужской, официальный, короткий спереди* видятся как второстепенные, само собой разумеющиеся, так как данный вид пиджака специально смоделирован для ношения его мужчинами на официальных мероприятиях, и пиджак спереди короткий, поскольку сзади у него длинные фалды.

С помощью явлений фокусировки внимания и профилирования можно, на наш взгляд, объяснить целый ряд различий, существующих между двумя вариантами английского языка, выраженных английскими сложными словами из категории предметно-бытовой лексики. Приведем несколько примеров с кратким пояснением.

В британском варианте английского языка словосочетанию *черный (или серый) хлеб* соответствует сложное слово **brown bread**, образованное по традиционной для английского языка модели *adj + n → N*. В основу номинации положен категориальный признак *цвета* (ср. с русским наименованием *черный хлеб*), именно на нем фокусируется внимание в ходе номинации: «*British bread made of whole wheat flour*» [MED: 1522] – *брум.* хлеб из цельнозерновой пшеничной муки (т.е. произведенной из цельного зерна, неизмельченной, неотбеленной, содержащей отруби). Категориальный признак «продукт, из которого изготовлен этот сорт хлеба» – *wheat пшеница* – актуализирован в значении слова, поэтому в британском варианте он не выносится в атрибутивную позицию слева. В то же время в американском варианте данный сорт хлеба называют **wheat bread**, т.е. в основу номинации положен категориальный признак «продукт, из которого изготовлен данный сорт хлеба», именно на нем фокусируется внимание в ходе номинации.

Хорошо известные всем пакеты для покупок в британском варианте английского языка называются **carrier bag** «*British a cheap bag that a shop gives you for carrying your goods home*» [MED: 218] – *брум.* дешевая сумка (или пакет), которую вам дают в магазине, чтобы вы могли донести свои покупки домой. В названии предмета внимание сконцентрировано на его функции – в этом пакете вы *несете* товары домой. В то же время тот факт, что такой пакет дает покупателю магазин, и то, что пакет дешевый, являются вполне естественными, второстепенными и поэтому не играют роли при номинации предмета. В то же время в американском варианте данный предмет называют **shopping bag** «*a large bag with handles for carrying your shopping*» [MED: 1375] – большая сумка с ручками для переноски покупок. То есть в номинации назван объект, который переносят в подобных пакетах – покупки, а такие признаки, как большой размер пакета, наличие у него ручек видятся как второстепенные, само собой разумеющиеся.

В британском варианте английского языка полотенце для лица называется **face flannel** «*a small piece of cloth that you use for washing yourself, especially your face*» [MED: 525] – небольшой кусочек ткани, который вы используете для умывания, особенно для лица. В данном случае в поверхностную структуру наименова-

ния вынесено название объекта, с которым совершается действие. В то время как в американском варианте указанный предмет называют **wash cloth**, т.е. внимание сосредоточено на именовании действия, которое совершается с помощью данного предмета.

Думаем, что в подобном ракурсе могут быть проанализированы такие пары слов из категории предметно-бытовой лексики, как: *standard lamp BrE – floor lamp AmE* (торшер), *swiss roll BrE – jelly roll AmE* (пудинг с вареньем), *tea towel BrE – dish towel AmE* (кухонное полотенце), *stock cube BrE – bouillon cube AmE* (бульонный кубик), *bicarbonate of soda BrE – baking soda AmE* (питьевая сода), *butter bean BrE – lima bean AmE* (бобы каролинские), *chinagraph pencil BrE – grease pencil AmE* (карандаш для макияжа), *double cream BrE – heavy cream AmE* (жирные сливки), *fairy cake BrE – cupcake AmE* (маленькое пирожное), *great coat BrE – overcoat AmE* (пальто), *neat drink BrE – straight drink AmE* (неразбавленный спиртной напиток), *oven holder / kettle-holder BrE – pot holder AmE* («прихватка» для горячей посуды), *poloneck BrE – turtleneck AmE* (свитер «водолазка») и др.

В ходе исследования лексических различий английской предметно-бытовой лексики было также выявлено, что правый компонент сложных слов в обоих вариантах часто остается тем же. В проанализированных примерах это *bread*, *coat*, т.е. встает вопрос о важности такого явления, как субкатегоризация объектов. Очевидно, что в когнитивной лингвистике вопрос о субкатегоризации знаний непосредственно связан с таким явлением как *профилирование* лексической единицы, которое также помогает объяснить значение сложных слов. Опираясь на идеи Е.С. Кубряковой, можно сказать, что анализировать значение сложных слов нельзя, минуя их отнесенность к определенной ономаσιологической категории, указанной ономаσιологическим базисом производного слова (в английских сложных словах базис выражен правым компонентом).

Из вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что применение таких когнитивных операций, как фокусирование и профилирование при семантическом анализе целого ряда английских сложных слов из сферы предметно-бытовой лексики (принадлежащих в т. ч. к двум разным вариантам английского языка – британскому и американскому), дает возможность глубже понять и выявить некоторые особенности процесса их номинации.

Литература

- Краева И.А. Взгляд на вариативность английского языка с когнитивной точки зрения // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 1 (57). Часть II. С. 431-434.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Швейцер А.Д. Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка: в 2 т.: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1966.
- MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd., 2012.

G.G. Bondarchuk (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

LEXICAL VARIABILITY OF THE ENGLISH LANGUAGE: COGNITIVE ASPECT

The paper is devoted to the problem of variability of the English language in the field of vocabulary. From a cognitive point of view, semantic differences in compounds in the two main variants of the English language – British and American – are analyzed using cognitive mechanisms of focusing and profiling.

Key words: cognitive linguistics, focusing, profiling, everyday vocabulary, compound words

Л.О. Бородулина (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

l.o.borodulina@utmn.ru

ГИБРИДНОСТЬ КОДОВОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА ITALINGLISH (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ИТАЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПОЭТОВ)

В данной статье рассматриваются лингвокогнитивные процессы формирования гибридности при создании нового контактного языка на примере итало-американского идиома, а также роль нового языка в концептуализации и категоризации мира, как важная составляющая лингвокогнитивной компетенции при взаимодействии двух картин мира.

Ключевые слова: когнитивный код, культурный код, языковая гибридность, контактные языки, италинглиш

Язык как элемент, символизирующий этническую принадлежность, становится ключевой точкой отсчета в поиске индивидуальной и социальной идентичности. В результате географической мобильности и этнических смешений затрудняется изоляция культур друг от друга, в связи с чем отмечается системный характер в смешении языков, приводящий к языковой гибридности. По мнению О. Ирисхановой, в языке гибридность имеет естественный характер и, хотя она реализуется в творческой деятельности говорящего, она следует законам, которые не зависят от индивида или же не всегда им осознаются [Ирисханова 2010: 28]. Преднамеренная гибридность вызвана либо «стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность» [Мартине 1960: 62], либо стремлением индивида к «творческой речевой деятельности – лингвокреативности» [Тюленева 2012: 5].

Гибридность в языковой системе является отражением динамики отношений родной и заимствованной культуры. Языковая гибридность может определяться как смешение, взаимодействие и интеграция языковых единиц.

Одним из примеров языкового упрощения может служить смешение итальянского и английского языков. Так называемый язык «италинглиш» (italese или anglia-no) – язык, представляющий собой смешение чисто английских слов и итальянских или диалектных итальянских слов.

В основе зарождения, развития и утверждения «италинглиш» лежат социальные факторы и психологические причины, которые, по мнению Ф. Альфонси, совпадают с определенной ментальной инертностью индивидов итало-американского сообщества [Alfonsi 1991: 386].

Гибридность кодовой системы итало-американского языка «италинглиш» находит свое отражение в следующих средствах: переключение и смешение языковых кодов, упрощение языковых единиц; деривационные и ассимилятивные процессы; фонологические, лексико-морфологические и синтаксические изменения. Одним из ключевых параметров языковой гибридности оказывается переключение и смешение кодов – специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации) [Чиршева 2012: 85].

Смешение кодов не обязательно указывает на то, что члены определенного сообщества не являются носителями базового культурного кода, это значит, что они обязаны рассматривать все возможные решения. По мнению Д. Золотарева, «когнитивный код имеет в основе цивилизационные форматы «гибкости поиска решений», но также направлен на расширение форматов культурного кода» [Золотарев 2024], и именно через параметры культурного кода идет оценка результатов работы когнитивного кода.

Если рассматривать творчество итало-американских авторов, можно отметить сознательное и вынужденное смешение языковых кодов. Так, например, в случае с Дж. Риманелли это «вмешательство» в английский язык является плодом сознательного, изысканно экспериментального желания не отбрасывать итальянский язык, а обогащать его до тех пор, пока он не образует интересную, своеобразную многоязычную смесь, создание которой является результатом радикального выбора умышленного выбора языка. Поэт пытается передать читателю настроение итальянского духа, так называемой «итальянита» [Fontanella 2012: 10].

Для Э. Карневали это различие влечет за собой фактическое забывание итальянского языка, что приводит к снижению его использования в отличие от добровольно усвоенного английского языка. С другой стороны, использование Дж. Риманелли нескольких языков – это сознательное и изощренное создание его собственного экспрессивного идиома, что, однако, также является признаком решительного вмешательства другого языка в родной.

Ярким примером гибридности являются тексты поэта А. Николаи, который создает свои правила особой кодовой игры, при этом избегая упрощения языка. Только самый пытливый читатель сумеет уловить истину задуманного, увидеть подсказку в хитросплетенных, замысловатых кодовых переключениях. Автор смело соединяет несоединяемое, придавая этому некий смысл. В своем произведении *Gioco friscico* «Игра фрисби» А. Николаи как бы отправляет подсказку как летающий диск в игре фрисби. Примерами кодовых переключений могут служить слова *mesmerizzato* (от

англ. *mesmerize* «заколдовать» + итальянское окончание причастия прошедшего времени = *заколдованный*) и *ten+denti* (от итал. *tendente* «имеющий тенденцию», в данном случае, разбито на два слова *ten* «десять» от англ. + *denti* от итал. «зубы»), *frisbarsi* (от англ. *frisbie* «летающий диск» + итальянское окончание глаголов 1 группы *are* + итальянская возвратная частица *si* «позволить себе стать участником игры фрисби, зафрисбоваться»). Следует отметить, что процесс упрощения и обеднения языка «италинглиш» привел к появлению одного единственного спряжения на *-are* (*locicare* < *to lock luccare* < *to look*), то есть первого спряжения, но со всеми вариациями наклонений и времен, за исключением исчезнувшего сослагательного наклонения.

Г. Халлер утверждает, что «возрождение этнической гордости, безусловно, также способствовали укреплению позитивного отношения к диалектам и даже смешанным разновидностям» [Haller 1993: 54]. Так в поэтическом тексте А. Николаи *Città di ferro* «Железный город» помимо двуязычного использования автор обращается к родному диалекту «ладино» и латинскому языку (*coltrine* на диалекте ладино «занавески», *faber* – от лат. «кузнец»), даже совершает трансформации испанской лексемы на итальянский манер (в итальянском тексте появляется испанское существительное *vulturno* от исп. «зной»), использованное в качестве прилагательного и согласованного в роде и числе с итальянским существительным *луна*, получившее окончание *-a* (*vulturna*).

Итало-американский поэт Э. Ливорни сравнивает свое вхождение в новый язык и культуру уже во взрослом возрасте как обратный процесс превращения в маленького ребенка, который только познает мир. Ему, по сути, пришлось заново переродиться, в чем и заключается «гистерон протерон». В его произведении смешение языков напоминает детский лепет. Свое состояние автор сравнивает с понятием *Hörstummheit* «моторной слухонемоты» и «афазии». В его речи встречается неконтролируемая гибридность от метатезы (взаимной перестановки звуков или слогов в словах) до апострофы (*pa'pape*), переходящей в апокопу (*babbo babble Babel*). Нарочитое смешение языков, зачастую употребленное ошибочно: французские слоги сменяются английскими словами, переходят во французский с неверным согласованием грамматических основ (*pan pang pain [pè] pain paint if I could understand you ca-to ca-to / je n'est sain pas je ne sais plus parler palier pallier*).

Более того, активно выявляются все те формы трансформации, которые используются в ряде контактных языков: синкопа (*water* > *wora*), ассимиляция (*il beccause* < *backhouse*), анаплексис (*la boesa* < *box*), аналогия (*blanchetta* < *blanket*), и особенно удвоение (*il bucco* < *book*) и парагога (*la beccheiarda* < *backyard*).

Примерами морфологической ассимиляции, т.е. изменения суффиксов, окончаний, категории рода заимствованных слов по правилам родного языка, могут быть трансформации существительных в соответствии с итальянской фонетикой. Вопросы рода и числа часто решаются бессистемно. Так английские слова *car* <

il carro (итал. *la macchina*), *market* < *la marchetta* (итал. *il mercato*), *bar* < *la barra* (итал. *il bar*) меняют итальянский мужской или женский род на противоположный соответственно, искусственно дистанцируя новый идиом от родного языка.

Часть заимствований происходит из-за отсутствия точного эквивалента в матричном языке, как например, *boyfriend* ассимилируется на итальянский манер в *boifrendo*. Однако некоторые слова, несмотря на наличие эквивалента в матричном языке, происходят из гостевого языка. Это указывает на то, что «италинглиш» не только развивается совершенно автономно от итальянского, но и подталкивает даже те английские слова, которые являются неизменными заимствованными словами в итальянском, к тотальной трансформации, так называемой италянизации.

Таким образом, гибридность когнитивного кода итало-американского идиома свидетельствует об адаптивности культурного кода; это способность формировать и модифицировать набор моделей кодового языка не только в материальном плане, но и в смысловом. Материальная сущность гибридности проявляется в смешении фонетических, морфосинтаксических и семантико-прагматических признаков «италинглиш», иллюстрирует языковое упрощение, языковую интерференцию, субстративность.

Смысловая сущность в ситуации языковых контактов преломляет как национальную языковую картину мира, так и культурные реалии соответствующих членов контакта. Результаты изучения особенностей кодовой системы языка «италинглиш» позволили выделить следующие параметры когнитивной сущности феномена языковой гибридности: «двойное сознание» (дублирование идей), двойственность языковой картины мира, культурный этно субстрат, амбивалентную идентичность носителей контактных языков.

Литература

Золотарев Д.Ю. Культурный и когнитивные коды цивилизации, структуры интегрирования информации // Центр Междисциплинарных Исследований им. С.П. Курдюмова «Сретенский Клуб». 06.11.2024. URL: <https://spkurdyumov.ru/future/kulturnyj-i-kognitivnye-kody-civilizacii-struktury-integrirovaniya-informacii/>

Ирисханова О.К. О языковой гибридации, лексических гибридах и фокусе внимания // Жизнь человека и этноса в языке: сборник научных статей. М.: РЕМА, 2010. С. 27-44.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях: проблемы диахронической фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Тюленева Т.В. Формирование лингвистической креативности студентов неязыковых специальностей: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Волгоград, 2012.

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012.

Alfons F. Poesia italo-americana. Saggi e testi. Catanzaro: Antonio Carello Editore, 1991.

Fontanella L. Migrating Words. Italian Writers in the United States. New York: Bordighera Press, 2012.

Haller H. Una lingua perduta e ritrovata. L'italiano degli italo-americani. Firenze: La Nuova Italia Editrice, Scandicci, 1993.

*L.O. Borodulina (Tyumen, Russia)
University of Tyumen*

THE HYBRIDITY OF THE ITALINGLISH LANGUAGE CODE SYSTEM (USING THE EXAMPLE OF ITALIAN-AMERICAN POETRY)

This paper examines linguistic cognitive processes of hybridity formation during the creation of a new contact language based on the example of the Italian-American idiom, as well as the role of the new language in conceptualisation and categorisation of the world as an important component of linguistic cognitive competence in the interaction of two world pictures.

Key words: cognitive code, cultural code, linguistic hybridity, contact languages, Italinglish

*А.И. Бочкарев (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
arsentiy_87@mail.ru*

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТНОГО КОНЦЕПТА INTELLIGENCE В СОВРЕМЕННОМ КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В представленной статье рассматриваются основные характеристики ценностного концепта INTELLIGENCE в рамках комического дискурса. Определено, что к данным характеристикам относятся разоблачение глупости, разумное поведение, прогнозирование будущего и проявление хорошей памяти. Для изучения соответствующих характеристик применяется лингвоаксиологический подход.

Ключевые слова: ценности, ум, комический дискурс, лингвоаксиологический подход, стендап-комедии, ситуационные комедии

В данной работе для анализа особенностей актуализации ценностного концепта INTELLIGENCE в комическом дискурсе применяется лингвоаксиологический подход, который базируется на методах когнитивной лингвистики и психолингвистики. Согласно этому подходу, «в центре внимания находятся не только вербальные, но и невербальные (эмоциональные) оценочные средства» [Бочкарев 2023: 25]. Следует также отметить, что исследования по актуализации концептов в комическом дискурсе преимущественно посвящены изучению осмеиваемых антиценностей.

В качестве практического материала были использованы записи и скрипты таких популярных экранных комических жанров, как стендап-комедии и ситуационные комедии. В данной статье полужирным курсивом выделены комически значимые высказывания, которые сопровождалось либо закадровым смехом, либо зрительским смехом.

В англоязычных словарях представлены следующие основные значения слова “intelligence”: *the ability to learn, understand and think in a logical way about things; the ability to do this well* [Oxford Advanced Learner’s Dictionary] или *the ability to understand and think about things, and to gain and use knowledge* [Macmillan Dictionary].

Анализ данных значений рассматриваемого слова позволил лингвистам выявить следующие базовые характеристики концепта INTELLIGENCE: способность

мыслить; способность осуществлять познание на основе различных функций, таких как память, восприятие и т.д.; деятельность, связанная с развитием мышления; умение быстро и успешно осуществлять определенный набор мыслительных процедур (умение сопоставлять факты, выявлять закономерности, делать выводы и т.д.) [Дзюба 2011: 136-140]. Кроме того, определено, что ключевой характеристикой ума является способность логически верно анализировать и оценивать события и факты, при этом данная способность противопоставляется ее отсутствию (глупости) [Бурнос 2004: 9]. Соответственно, ум вместе с глупостью образуют единую когнитивную оппозицию [Кириллова 2012: 4].

В аксиологическом плане ум относится к базовым категориям таких ценностных систем, как утилитарная [Кириллова 2012] и нравственная [Дзюба 2011: 58]. Более того, ум принято считать одной из основных ценностей человечества в целом [Peterson, Seligman 2004].

Следует отметить, что в исследованиях комического изучалась прежде всего инструментальная функция ума, т.е. способность человека к созданию комического через остроумие [Григоренко 2008]. В свою очередь, в данной статье будут проанализированы непосредственно собственные восхваляемые характеристики концепта INTELLIGENCE в комическом дискурсе современной англоязычной лингвокультуры.

При анализе практического материала были выделены следующие основные комически значимые характеристики концепта INTELLIGENCE: разоблачение глупости, разумное поведение, прогнозирование будущего и проявление хорошей памяти.

В большинстве случаев актуализация концепта INTELLIGENCE связана с разоблачением глупости, при этом восхваляется интеллект субъекта комического и высмеивается глупость объекта комического:

*I saw one article written about it on the cover of Time Magazine. It said, "Why do so many rich, famous, and powerful men act like absolute pigs?" Right? And the article was actually written by a woman. That's like me writing a book. **The third trimester and what to expect** [Burr 2012].*

Реакция: смех зрителей. Комик использует неожиданное сравнение (женщина, рассуждающая о богатстве, сравнивается с женщиной, рассуждающим о третьем триместре), чтобы разоблачить глупость, выраженную в соответствующей статье. Таким образом, высмеивается глупость женщины и восхваляется ум комика.

Разоблачение глупости выражается также через нахождение ее в повседневных вещах:

*The White House got broken into while Obama was in office. The first time in over 100 years that someone broke into the White House. Also, **the first time a girl was guarding the front door by herself**. "What are you trying to say, that women can't do everything men can do?" **Exactly. That's exactly what I'm saying** [Rogan 2016].*

Реакция: смех и аплодисменты зрителей. В представленном примере комик высмеивает неразумность устоявшегося в современном англоязычном обществе нарратива о том, что мужчины и женщины равны во всех отношениях. Так, сначала

субъект комического намекает на то, что женщины выполняют работу охранников хуже, чем мужчины, особенно в случае нападения на соответствующий объект (*The first time in over 100 years that someone broke into the White House. Also, the first time a girl was guarding the front door by herself*). Далее комик расшифровывает свой намек (*What are you trying to say, that women can't do everything men can do? – Exactly. That's exactly what I'm saying*).

Под разумным поведением понимается поведение, которое приводит к положительному (реальному или гипотетическому) результату для субъекта ума. Типичным примером разумного поведения является нахождение очевидного решения для выхода из ситуации:

And now I'm woke, the first thing I've gotta do is change my Twitter bio. 'Cause at the moment, it's, like, a list of the shows I've created. But now I'm woke, I've gotta pop in the word "anti-fascist... so people know I'm not a fascist, 'cause that is a big problem at the moment [Gervais 2023].

Реакция: смех. В рассматриваемом текстовом фрагменте субъект комического столкнулся с тем, что его начали обвинять в фашизме. Он находит очевидное решение данной проблемы: разместить на своей странице в социальной сети пост о том, что он не фашист. Данное решение можно назвать разумным, так как принадлежность к определенной идеологической группе определяется прежде всего декларированной позицией и соответствующими действиями.

Концепт INTELLIGENCE также выражается через прогнозирование будущего на основе определенных данных:

*There's lots of kinds of confidence. There's personal confidence. I don't have much of that. That's... **Personal confidence is like a man wearing white pants. That takes, you know... tremendous confidence and optimism, really... to leave the house in white pants like it's gonna be a great day. There's gonna be no puddles or pizza, nothing** [Louis 2023].*

Реакция: смех и редкие аплодисменты зрителей. Комик в ироничном ключе прогнозирует возможные трудности, с которыми может столкнуться человек, выходя из дома в белых штанах (*There's gonna be no puddles or pizza, nothing*).

Проявление хорошей памяти также является одним из основных признаков интеллекта. Зачастую хорошая память позволяет избежать ошибок в будущем:

*Leonard: You guys are unbelievable, you play a game to simulate adventure, but when there's real adventure out there in the real world, you just wimp out. Sheldon: Leonard, do you not recall the last time we visited this gentleman, **we returned home without pants?** Leonard: **I do. Sheldon: Are you sure? Because your proposal suggests that you don't** [The Big Bang Theory. The Financial Permeability 2009].*

Реакция: закадровый смех. Глупость главного героя, вызванная желанием произвести впечатление на девушку, противопоставляется уму других героев, который выражается через нежелание вступать в конфликт с парнем девушки. Их нежелание базируется на предыдущем опыте (*we returned home without pants*).

Концепт INTELLIGENCE относится к ценностям комического дискурса. Анализ практического материала показал, что зачастую в комических контекстах

актуализация концепта INTELLIGENCE, помимо смеха, также сопровождалась аплодисментами.

К основным восхваляемым характеристикам ценностного концепта INTELLIGENCE относятся: разоблачение глупости, разумное поведение, прогнозирование будущего и проявление хорошей памяти. Следует также отметить, что в комическом дискурсе выражение ум субъектом восхваления зачастую противопоставляется проявлению глупости объектом осмеяния.

Дальнейшая перспектива исследования заключается в изучении основных ценностных концептов в комическом дискурсе англоязычной лингвокультуры.

Литература

Бочкарев А.И. Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 24-35.

Бурнос И.В. Русские концепты <душа>, <дух>, <ум> в сопоставлении с английскими <mind>, <soul>, <spirit> (на материале текстов художественной литературы XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004.

Григоренко Т.М. Остроумие // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2008. Т. 6. С. 182-205.

Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург: УГПУ, 2011.

Кириллова И.В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции ум-глупость в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012.

Burr B. You People Are All the Same. 2012. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/05/24/bill-burr-people-2012-full-transcript/>

Gervais R. Armageddon. 2023. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/ricky-gervais-armageddon-transcript/>

Louis C.K. At the Dolby. 2023. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/louis-ck-at-the-dolby-transcript/>

Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com>

Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

Peterson C., Seligman M.E. Character strengths and virtues: A handbook and classification. New York: Oxford University Press, 2004.

Rogan J. Triggered. 2016. URL: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/joe-rogan-triggered-2016-full-transcript/>

The Big Bang Theory. The Financial Permeability. 2009. URL: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-2-episode-14-the-financial-permeability-2/>

A.I. Bochkarev (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Technical University

ON ACTUALIZING THE VALUE CONCEPT OF INTELLIGENCE IN MODERN HUMOROUS DISCOURSE

The article examines the main features of the concept of intelligence within the humorous discourse. The author determines that these features comprise stupidity, rational behavior, prediction of the future, and good memory. The article uses the linguistic-axiological approach to analyze these features.

Key words: values, intelligence, humorous discourse, linguistic-axiological approach, stand-up comedies, sitcoms

*И.В. Бугаева (Москва, Россия)**Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
bugaevaiv@mail.ru*

ИМЕНА СВЯТЫХ КАК ОНОМАСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Статья посвящена обоснованию положения о необходимости рассматривать имена святых в аспекте когнитивного подхода. Религиозный ономастический концепт рассматривается как особый вид ономастического знания, определяющего семантику имен собственных в религиозном дискурсе.

Ключевые слова: агиоантропоним, ономастический концепт, ономастическая концептосфера, религиозный дискурс, ментальная категория святости

Ономастическое пространство языка разнообразно, связано с историей, культурой и традицией народа. Семантика онима специфична, что неоднократно отмечали ведущие ономатологи. М.В. Горбаневский определяет оним как свернутый, компрессированный текст [Горбаневский 1994]. В.И. Супрун считает онимы полноценными «лексико-семантическими единицами» [Супрун 2000: 20]. Важным шагом в развитии ономастики было предложение А.С. Щербак изучать «ономастический концепт» как «особый тип ономастического знания, определяющего семантику имен собственных, знания об ономастическом фрагменте действительности» [Щербак 2008: 42].

Религиозный дискурс отличается от всех других видов дискурса убежденностью в наличии трансцендентных сил, что приводит к отличиям в семантике лексем и интерпретации ряда текстов людьми с религиозным языковым сознанием и с атеистическим (нерелигиозным) языковым сознанием. В когнитивистике дискурс рассматривается как «когнитивно-коммуникативное событие, взятое во всей его полноте, т.е. как процесс, выражение и продукт интеракции участников коммуникации, происходящей с помощью особого кода в определенных социально-культурных и исторических условиях» [Андреева 2015: 9-10]. Соответственно, структура религиозного дискурса, адресация (обращение к Богу и святым в молитвах и во время богослужения), семантика ряда лексем, в т.ч. ономастических, имеют свою специфику.

В православном религиозном дискурсе сложилась собственная система ономастической лексики, связанная с ментальной категорией святости, а ее единицы получили название агионимы [Бугаева 2007: 9].

Ю.В. Коренева, изучая ономастикон агиографического текста, сделала вывод о том, что агионимы образуют «православную концептосферу, реализую присущее каждому имени собственному свойство прецедентности» [Коренева 2021: 30].

Структура христианского ономастикона включает в себя теонимы, имена святых (агиоантропонимы), номинации икон, храмов, праздников и т. д., что и составляет религиозную ономастическую концептосферу. Данное исследование посвящено описанию имен прославленных святых, которые составляют ядро соответствующего религиозного ономастического концепта.

Агиоантропоним – это многокомпонентный «апеллятивно-антропонимический комплекс, служащий для номинации прославленных христианских святых», включающий в себя «обязательные и факультативные элементы» [Бугаева 2007: 27].

Левую позицию от антропонима занимает всегда чин святости (апостол, равноапостольный, исповедник, мученик, великомученик, бессребренник, святитель, страстотерпец, столпник, чудотворец, блаженный, юродивый, преподобный и т. д.). Правую позицию занимают различные дифференциаторы, позволяющие конкретизировать личность тезоименитых святых. Например, *апостол Иоанн Богослов, свт. Иоанн Златоуст, прп. Иоанн Дамаскин, мч. Иоанн Воин, сщмч. Иоанн (Восторгов), свт. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, прп. Иоанн Отшельник, исп. Иоанн Русский* и т.д. Всего прославленных святых с именем Иоанн более 200, что объясняет необходимость дополнительных дифференциаторов. Дополнительные компоненты в номинативную формулу включаются, когда остальные компоненты совпадают. Так, есть несколько святых с именем *Иоанн Печерский в Ближних Пещерах* (а есть и в Дальних Пещерах), которые различаются компонентами «многострадальный», а второй – «постник», что указывает на подвиг, совершенные каждым при жизни: *прп. Иоанн Печерский в Ближних Пещерах, многострадальный – прп. Иоанн Печерский в Ближних Пещерах, постник*.

Полная номинативная формула агиоантропонимов встречается только в официальных текстах и документах Русской Православной Церкви (Патриархийный церковный календарь, текст жития, служба, акафист святому, церковный протокол и др.). Например, полное именование почитаемого не только в православном мире святого «*святитель Николай, архиепископ Мир Ликийский, чудотворец*» включает пять компонентов: чин святости, имя собственное, церковная должность, локализатор, указание на подвиг. Как видно из этого примера, дифференциаторы выполняют не только различительную функцию, но и очень важную информативную, а вся номинативная формула представляет собой сверхкраткое житие святого, своеобразный микротекст, который понимается в разном объеме в зависимости от богословской или историко-культурной компетенции человека. В узусе обычно встречаются сокращенные варианты наименования, как правило, двухкомпонентные: *святитель Николай, Николай Мирликийский, Николай Чудотворец, Никола Зимний, Никола Вешний*. Во всех этих случаях речь идет об одном и том же святом. Наименования *царь Николай, Николай Второй, Государь Император* относятся к другому святому с именем Николай – последнему российскому императору. Полное титулование – *страстотерпец Николай II Александрович, император Российский*. В зависимости от наименования возникает конкретный ментальный образ прославленного человека, его биография, подвиги, время и место проживания, т.е. целый комплекс представлений, а также, возможно, личные переживания, связанные с паломничеством и другими событиями. Когнитивная база индивидуума, его ментальный опыт позволяют максимально раскрыть информацию о данном святом, т.е. актуализировать ментальное пространство сакральной ономастики. С другой стороны, в процессе порождения речи говорящий, представляя тот или иной образ святого, выбирает

лексемы и их сочетания, соответствующие этому святому, его житию, а также коммуникативной ситуации, стилю общения, адресату и т.д.

Теонимы (Пресвятая Богородица) и агеоантропонимы (апостолы Петр и Павел) являются ономоосновами для образования следующих разрядов христианских имен собственных: иконимы как названия икон (икона первоверховных апостолов Петра и Павла), экклезионимы как названия храмов, освященных в честь святых или икон (Петропавловский собор), эортонимы как названия религиозных праздников в честь евангельских событий или памяти святых (12 июля день памяти св. апп. Петра и Павла), агитопонимы (Санкт-Петербург) и т.д. Методом трансонимизации образуются новые имена собственные как внутри класса религиозной ономастики, так и за ее пределами. Например, названия орденов и медалей (орден святого Андрея Первозванного), издательство «Святитель Киприан», шрифт «Киприан», корабли «Святой Петр» и «Святой Павел», гостиница «Святой Георгий» в Ярославле и т.д.

Приведем примеры из Национального корпуса русского языка, которые наглядно демонстрируют использование полных и редуцированных форм номинаций святых в разных ономастических разрядах, определить которые возможно только контекстуально.

Князь стал горячо молиться святому Николаю Мирликийскому, или, как звали его в просторечии, Николе Чудотворцу (Коваленко Г.М., Смирнов В.Г. Легенды и загадки земли Новгородской. 2007). В этом примере в одном предложении употребляется официальная и разговорно-просторечная формы имени свт. Николая Мирликийского. Имя собственное обозначает святого, так как имя стоит в форме дательного падежа. Такая же номинация может быть и у иконы, но в этом случае будет форма предложного падежа с предлогом «перед».

В этот день отмечается Никола Вешний в отличие от декабрьского Николы зимнего // Валерий Каджая. Святой Николай на белом коне и с подарками (Дагестанская правда. Махачкала, 23.12.2004). В данном примере имя одного и того же святого употребляется дважды в примере и третий раз в названии статьи. Никола Вешний – народное название христианского праздника в честь свт. Николая Мирликийского, который отмечают 25 мая, а Никола Зимний – название праздника в честь этого же святого, который приходится на 19 декабря.

Льют свежий асфальт, и белят стены, и возятся и пьют, и накаплиют, ходят в церковь и венчаются, и любят, и умирают между трех обличий одного святителя – Николы Плотника, Николы на Песках и Николая Чудотворца (Зайцев Б.К. Улица св. Николая. 1921). В этом произведении встречаем три названия арбатской церкви, освященной в честь свт. Николая Мирликийского, которую называли храм Николы Чудотворца в Плотниках. В 1929 г. храм был закрыт, а в 1932 г. снесен.

В монастыре построили храм во имя святителя Николая Чудотворца в 1711 г. Сестры заново сами расписали этот храм, восстановили лепные украшения, Главные святыни храма: Толгская икона Божией Матери XVIII в. и образ Николая Чудотворца (Глушкова В.Г. Путешествие из Москвы в Ярославль. 2015).

Иоанн Шанхайский сравнивал Иоанна Кронштадтского с пророками Илией, Иоанном Крестителем и свт. Николаем Чудотворцем (Иоанн Кронштадтский //

Церковь богословие история. 2020). В данном примере упоминаются три тезоименитых святых Иоанна, живших в разное время и в разных местах. Именно второй элемент номинативной формулы позволяет идентифицировать каждого святого, ментально воспроизвести его образ, историю жизни, понять смысл сравнения, т.е. декодировать важную историко-богословскую информацию.

Из Крыма привезена икона святого Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского, из столичного монастыря – иконы Владимирской Божьей Матери и Николая Чудотворца, написанные в стилистике XIX века (Михаил Карпач. За окном Хехцир и благодать // Дальний Восток. 2019). Здесь речь идет об иконах, одна из которых названа полной номинативной формулой именования святого, а две другие – разговорными вариантами. Официальное наименование Богородичной иконы – икона Божией Матери Владимирская, где оттопонимный дифференциатор располагается после основной части. В разговорной речи происходит инверсия.

Так подтверждается положение о том, что религиозный ономастический концепт является особым видом ономастического знания, определяющим семантику имен собственных в религиозном дискурсе.

Литература

Андреева В.А. Позиции дискурса в современной лингвистике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 2. С. 7-14.

Бугаева И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ: монография. М.: РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007.

Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

Коренева Ю.В. Ономастикон житийного текста как часть русского религиозного дискурса (по житиям святых XIX – нач. XX вв.) // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора К.А. Войловой, Москва, 25 февраля 2021 г / отв. ред. О.В. Шаталова. М.: ПРИНТИКА, 2021. С. 130-135.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000.

Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, 2008.

I.V. Bugaeva (Moscow, Russia)

Kosygin Russian State University

SAINTS' NAMES AS AN ONOMASTIC CONCEPT

The article is devoted to substantiating the position on the need to consider the saints' names in the aspect of a cognitive approach. The religious onomastic concept is considered as a special kind of onomastic knowledge that defines the semantics of proper names in religious discourse.

Key words: hagioanthroponym, onomastic concept, onomastic conceptosphere, religious discourse, mental category of holiness.

*Т.В. Бурдаева (Самара, Россия)**Приволжский государственный университет путей сообщения
t-burdaeva@mail.ru*

ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

На примере синтаксического концепта ОБЪЕКТНОСТЬ, репрезентированного моделью сложноподчиненного предложения с объектными придаточными (СПП_о), исследуется его структура с помощью полевого метода. Показана многослойность синтаксического концепта согласно трем уровням репрезентации знания: суперординантного, базового и субординантного.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, объектное придаточное предложение, синтаксический концепт, когнитивно-прагматическая ситуация, модель предложения

Разрабатываемая в русле когнитивных исследований теория синтаксических концептов (СК) набирает популярность и является актуальным направлением в современной лингвистике. Важным для исследователя оказывается то, каким образом знания, хранящиеся в сознании людей, оформляются в речевые высказывания с помощью определенных мыслительных структур или концептов, наделенных различной степенью сложности и абстрактности. Необходимо осуществить отбор наиболее релевантных средств репрезентации данного концепта из системы языка [Болдырев 2021: 87-88].

Как показывает обзор лингвистической литературы, попытки описать СК и выделить их структуру ограничиваются изучением простых предложений, выступающих в качестве структурных схем, за которыми закрепляется определенное концептуальное содержание [Волохина, Попова 2003]. Развивая учение о СК, Л.А. Фурс применяет прием когнитивной доминанты, который позволяет интерпретировать глубинные механизмы концептуального варьирования и динамики речемыслительных процессов в области представления концептуального пространства синтаксиса простого предложения английского языка. В результате выделяются ядерные грамматические (субъектно-предикатно-объектные) отношения и их прототипические характеристики [Фурс 2004]. В диссертационной работе С.Е. Кузьминой также знаковой репрезентацией СК выступает английское простое предложение. Основопологающим фактором является соотношение структурной схемы простого предложения, пропозиции и синтаксического концепта. Принципиально новым в работе представляется метафорическая проекция пропозициональной модели высказывания, благодаря которой обуславливается специфика концептуализации и репрезентации ситуаций действительности в синтаксической структуре высказывания [Кузьмина 2015].

Более сложными по своей структуре представляются СК, объективируемые моделями сложноподчиненных предложений (СПП), поскольку они, в отличие от простых предложений, бипредикативны, то есть имеют два и более предикатных узла. Кроме того, СПП содержат не одну и не две пропозиции, а целый пропозициональный комплекс, предназначенный для передачи гиперсобытия как фрагмента действительности [Виноградова 2014: 11]. Информация в СПП распределяется в

иерархическом порядке, маркером чего служит средство подчинения, указывающее на неравноправность сообщаемой информации, сосредоточенной в главной и придаточной частях. Различия между СПП и простыми предложениями обуславливают и разность структуры СК, репрезентированных этими двумя синтаксическими конструкциями.

В связи с вышесказанным вполне логичным оказывается вопрос о том, какой принцип или какой метод должен быть положен в основу определения структуры СК, репрезентированных моделями СПП. В настоящей работе в качестве определяющего метода предлагается полевой метод, согласно которому в структуре СК может быть выделено несколько уровней репрезентации (базовый, суперординантный и субординантный) [Болдырев 2021: 145]. Каждому уровню репрезентации соответствует определенный тип поля.

Так, например, в основе СК, репрезентированного моделью СПП, лежит категория подчинения, выделяемая в сегменте функционально-семантического поля (ФСП) и абстрагирующаяся на суперординантном уровне. Категория подчинения реализуется через инвариантную модель СПП, схематически представленную в виде $S + P$, подчинительное средство, $S + P \dots$ (базовый уровень), которая, наполняясь соответствующей семантикой и выполняя определенную функцию, образует часть общесинтаксического поля (ОСП) – метаязыкового конструкта, вокруг которого объединяются иерархические ряды синтаксических микрополей (каузальности, кондициональности, атрибутивности). Соответственно, ОСП выделяется на грамматическом уровне ФСП [Кострова 2010]. Инвариантная модель СПП, в свою очередь, реализуется через прототипичные варианты, в т. ч. и синонимичные варианты, образующие сегмент прототипического синтаксического поля (ПСП). При реализации в речи выделяются ядерные и периферийные модели, в зависимости от актуализированных средств подчинения на субординантном уровне.

Однако, ОСП и ПСП не учитывают когнитивно-прагматические особенности, реализующиеся в СПП, поскольку используются в большей степени в лингвистическом контексте. С помощью функционально-прагматического поля (ФПП) возможно исследовать СПП в условиях и лингвистического, и экстралингвистического контекстов, когда принимается во внимание интенциональная категория, определяющая коммуникативное назначение сообщения с позиции говорящего, его индивидуальных особенностей и речевой ситуации. Применительно к СПП функциональный компонент сегмента ФПП проявляется в выражении синтаксических отношений между придаточным и главным предложениями, а прагматический компонент определяется системой когнитивно-прагматических ситуаций, выделяемых в структуре какого-либо СК. Под когнитивно-прагматическими ситуациями мы понимаем «когнитивно-семантическую единицу, в которой систематизируются способы представления связей объектов мысленного отражения с их языковой репрезентацией в условиях, определяемых коммуникативным регистром» [Бурдаева 2024: 2597].

Покажем на примерах, каким образом может быть представлена полевая структура СК ОБЪЕКТНОСТЬ, в котором отражается свойство реальности по отноше-

нию к какому-либо субъекту или предмету, вовлеченному в процесс, направленный на другой предмет (объект) или состояния, протяженные во времени свойства, проявляющиеся по отношению к нему. Материалом послужили 100 СПП с субъективными придаточными предложениями, извлеченными методом сплошной выборки из немецких научно-учебных текстов технического профиля.

На суперординантном уровне концепта ОБЪЕКТНОСТЬ выделяется категория подчинения с выражением субъектных отношений. На базовом уровне инвариантная модель $S + P$, союз/союзное слово, $S + P$ выражается в СПП с субъективными придаточными предложениями. Субординантный уровень представлен следующими протипичными моделями и их вариантами: $S + P + A_{Sub}$, *dass* $S + A_{Sub} / O_{Sub} + P$, *Dass* $S + A_{Sub} / O_{Sub} + P$, $S + P + A_{Sub}$, $S + P + A_{Sub}$, *ob* $S + A_{Sub} / O_{Sub}$ и $S + P + A_{Sub}$, *w-* $S + A_{Sub} / O_{Sub} + P$.

(1) Der Fahrdienstleiter stellt dazu vorab sicher, **dass** die benachbarte Zugfolgestelle keine Züge ablässt [Pachl 2022, S. 16];

(2) Es ist davon auszugehen, **dass** bei Beachtung der anerkannten Regeln der Technik die Sicherheit gewährleistet wird [Maschek 2022, S. 9];

(3) **Dass** nicht unbedingt die Schiene unterbrochen sein muss, zeigt die Gleissperre (siehe auch 4.2.3): Hier wird zwar der stetige Fahrweg durch den Entgleisungsschuh unterbrochen („in den Lichtraum hineinragender Gegenstand“), die Schiene jedoch nicht. [Maschek 2022, S. 13];

(4) Zunächst muss man entscheiden, **ob** man die zusätzliche Isolierung oder die Schutzisolierumhüllung anwenden will [Handbuch für die Ausbildung ... 2003, S. 52]

(5) Sie unterscheiden sich darin, an **welcher** Stelle im Weg vom Fehler zum Unfall angesetzt wird [Maschek 2022, S. 21].

Согласно статистическим показателям, самой частотной моделью СПП с объективными придаточными в научно-учебном дискурсе выступает модель с союзом *dass* (87,5%), что позволяет характеризовать ее как ядерную. Модели с союзом *ob* (4,8%) и союзными словами на *w-* (7,7%) занимают периферийную область в ПСП.

В основу типологии когнитивно-прагматических ситуаций, выявляемых в СПП с объективными придаточными, положен критерий фактивности/нефактивности предиката в главном предложении, благодаря которому сообщаемая информация характеризуется как утвердительная, определенная или неопределенная (гипотетичная). В (1) когнитивно-прагматическая ситуация выражается в **представлении информации** диспетчером относительно обеспечения безопасности при осуществлении движения поездов, предикат главного предложения *sicherstellen*, стоящий в форме презенса индикатива, позволяет квалифицировать предложение как утвердительное. В (3) также **представляется информация**, но сообщение идет не от какого-то лица, а от предмета – путевого заграждения, указывающего на возникшую проблему (*die Gleissperre zeigt ...*).

Пример (2) содержит **рекомендацию**, следование которой должно обеспечить соблюдение правил техники безопасности. Вместо утвердительности, которая отмечается в (1) и (3), в (2) имеет место модальный компонент необходимости, что

выражается модальной конструкцией *sein + zu + Infinitiv*. Модальный компонент необходимости присутствует и в (4), но обозначает **побуждение к действию** (желательна ли изоляция или нет), что усиливается семантикой глагола *entscheiden* в сочетании с модальным глаголом *müssen* и союзом *ob*, характеризующим ситуацию как гипотетичную.

В (5) дается **объяснение** того, чем отличаются рассматриваемые стратегии (для безопасной конфигурации системы) друг от друга. В союзном слове *welch* заключается атрибутивная семантика (указание определенного места, где ошибка может привести к несчастному случаю), раскрывающая суть главного предложения.

Подводя итог, можно констатировать, что полевой метод позволяет исследовать структуру СК, репрезентированного моделью СПП, обращаясь и к его формальной, и к содержательной стороне. Выделение разных типов полей показывает, насколько сложной и многогранной может быть структура одного СК, и насколько разной оказывается наполняемость уровней полей, в зависимости от контекстуального окружения и собственных свойств концепта.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014.
- Бурдаева Т.В. Моделирование когнитивно-прагматических ситуаций в рамках синтаксического концепта КОНДИЦИОНАЛЬНОСТЬ (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 8. С. 2596-2602.
- Виноградова С.Г. Сложное предложение как формат языкового знания: интерпретационный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3 (040). С. 10-18.
- Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: ИСТОКИ, 2003.
- Кострова О.А. Общесинтаксическое поле: иерархическая модель // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. № 1 (7). С. 71-76.
- Кузьмина С.Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта: дис. ... док. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.
- Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004.
- Handbuch für die Ausbildung im Bereich «Elektrische Anlagen». Essen: Landesumweltamt Nordrhein-Westfalen, 2003.
- Maschek U. Sicherung des Schienenverkehrs. Wiesbaden: Springer, 2022.
- Pachl J. Systemtechnik des Schienenverkehrs. Wiesbaden: Springer, 2022.

*T.V. Burdaeva (Samara, Russia)
Volga State Transport University*

SYNTACTIC CONCEPT FIELD MODEL (BASED ON GERMAN LANGUAGE)

The paper addresses the problem of a syntactic concept objectivity represented by the model of a complex sentence with an object clause. Its structure is studied as a field model. The multilayered

nature of the syntactic concept is shown according to the levels of knowledge representation: superordinate, basic and subordinate ones.

Key words: complex sentence, object clause, syntactic concept, cognitive-pragmatic situation, sentence-pattern.

Н.Ю. Бухнер (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова
nbuhner@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «FASHIONABLE»)

Статья посвящена анализу лингвокогнитивной природы английского сленга на примере лексемы «fashionable». Выявлены семь групп когнитивных оснований сленгизмов, образованных вектором аналогии, направленным на: физические качества, деятельность и личностные черты человека, качественные характеристики предмета, имена собственные, объекты искусства и культуры, предметы гардероба человека, животных, природу.

Ключевые слова: английский сленг, лингвокогнитивное моделирование, когнитивное основание, fashionable

Когнитивная лингвистика как одно из перспективных научных направлений исследования взаимосвязи языка и когниции в мыслительной и речевой деятельности, безусловно, имеет колоссальный экспланаторный потенциал для изучения английского сленга как одного из лингвокогнитивных феноменов коммуникативного пространства. Обращение к изучению динамики ментальных процессов и моделям репрезентации знания посредством анализа языкового материала позволяет постичь сущность когнитивных операций, участвующих в процессе формирования наивной картины мира у носителей языка. Сленг, являясь отражением динамической сущности языка, может быть рассмотрен сквозь лексико-семантическую призму, репрезентирующую его как систему словообразования и языковую игру, в рамках лингвокультурологического подхода, определяющего его как сложное взаимодействие культуры и языка. Лингвокогнитивный анализ сленга предполагает учет социальных явлений, зафиксированных в сленговых выражениях, являющихся актуальными и значимыми в определенный временной промежуток и отражающих ментальность носителей конкретной культуры.

Лингвокогнитивная природа сленга проявляется прежде всего в наполненности вербального репертуара коммуникантов подструктурами языка, способствующими выражению в речи результатов их когнитивной деятельности. Изучая сленг, ученые выделяют: теорию значения сленга [Лич 1983], его типы [Аллан, Барридж 2007; Коулман 2012], тропы [Агфа 2015], функции [Лаптева 2012]. Аналогия, как метод познания состоит в «переносе информации о модели на оригинал» [Костюченко 2017:137], мы предполагаем, что некоторая часть сленгизмов, образуется посредством метода аналогии, путем переноса свойств с одного объекта на другой. В этой

связи цель нашего исследования – реконструкция лингвокогнитивной модели лексемы «fashionable» в английском сленге, посредством выделения и последующего анализа когнитивных оснований, конституирующих ментальный механизм аналогии модного объекта с какими-либо элементами живой и неживой природы, конкретными и абстрактными предметами носителями наивной языковой картины мира. Этот мыслительный процесс, по нашему мнению, включает в себя последовательные этапы восприятия, оценки, поиска в сравниваемом объекте свойств, сходных со свойствами других объектов и выражается в выборе конкретных оснований для аналогии и сравнения, образования новых слов, придания ранее не известных значений уже существующим лексемам.

Материалом для исследования послужили данные, полученные обращением к онлайн-словарю английского сленга Дж. Грина (<https://greensdictofslang.com/>) посредством поиска значения *fashionable*, обнаружившего 269 лексических единиц. Лексикографическая информация, представленная в словаре, не позволяет четко разграничить британский и американский сленг, поэтому мы не проводили дифференциацию сленга в соответствии с этнокультурным аспектом его происхождения. Методологический подход, использованный в исследовании, основан на методике когнитивной интерпретации результатов исследования [Попова, Стернин 2012], аналогии, статистических методах частотного распределения и ранжирования, моделировании. Лингвокогнитивное моделирование включало четыре этапа: определение предварительной выборки (269 единиц); уточнение объема выборки и отбор наиболее релевантных слов и словосочетаний (140 единиц); когнитивная интерпретация английских сленгизмов, определение их оснований, группировка; частотный анализ полученных групп когнитивных оснований и ранжирование. Определяя когнитивное основание словосочетания, мы исходили из его головного слова в онлайн-словаре. Например, *fat cat* в словаре отнесено к лексеме *cat* и в соответствии с этим определено впоследствии в группу «Животные». Под когнитивным основанием мы понимаем языковое обозначение-наименование основного признака, отраженное в лексическом значении сленгового слова/выражения, лежащее в основе механизма аналогии. Для более подробного проникновения в лексическое значение нами был использован этимологический словарь и словарь М. Вебстера, включающий в себя возможность поиска истории и происхождения слова.

Проведенный анализ показал, что лингвокогнитивная модель лексемы *fashionable* состоит из 27 когнитивных оснований сленгизмов, объединенных нами в семь групп в соответствии с направленностью вектора аналогии, содержащегося в них. Первая группа – физические качества, деятельность и личностные черты человека включает в себя 9 оснований (43 слова/фразы) сленгизмов, направленных на репрезентацию действий, поведения, внешнего вида или когнитивных способностей человека, следующего моде:

– действие (12): catch on, keep it up, kick, kill, slay, lick, masher, rattling, do, all the go, drip, flex;

- когнитивная способность (8): clever, fancy, frantic, gomme, knowing, sharp, all there, all-rounder;
- поведение (6): grand strut, OK, rusher, sassy (saucy), glam, swank;
- внешний вид (5): all dressed up, steezy (a combination of «style» and «easy»), chic, dapper, dasher;
- возраст (4): kiddy kid, oldie but (a) goodie, rah-rah, preppy;
- часть тела (3): face, knocker, sneakerhead;
- досуг (2): church parade, do the block;
- статус (2): boganista, light weight and way;
- профессия (1): roadman.

В качестве примера употребления можно привести цитату со сленгизмом *sassy*: *What she lacks in beauty, she more than makes up for being a sassy cow* [GDoS].

Вторую группу – качественные характеристики *предмета*, составили 32 сленгизма, объединенных шестью основаниями:

- сияние (9): strike a bright, clean, glitterati, glitzy, shine, blaze, flash, fire, lit;
- место положения (7): out there, in, in with, front line, high, high-flyer, nec ultra;
- высокое качество (6): rorty bloke, bang-up, crack, crackman, dressed to the nines/tenth, fleek (on fleek);
- новизна (6): mod, DMs, fresh, trendy, cri, cris;
- единица измерения/размер (2): right up one's barrel, big up;
- цвет (2): brass, pink.

Сленгизмы данной группы содержат вектор аналогии, выраженный в сопоставлении человека, следующего моде, или предмета неживой природы с сияющими, качественными, либо расположенными над остальными телами объектами: *Stuff the glitzy resorts, see a bit of the real Australia* [GDoS].

Третью группу – *имена собственные*, составили 16 сленгизмов, векторы аналогии которых направлены на сравнение предмета или человека с широко известным названием, текстом, ситуацией, местом соотносимые с тремя когнитивными основаниями – прецедентное имя (9): Alexandra limp, Cosmo, Cri, Decomposition Row, Gucci, Noah's ark, Ritz, Boho, GQ (originally called Gentlemen's Quarterly); географическое название (4): all day, all night, just like New York, Deuce, Barner, Piccadilly weepers; имя человека (3): Dolly, Jemmy, Jimmy. Примером употребления может служить цитата из словаря *My cousin was looking sharp. <...> My man was GQing all* [GDoS].

Сленгизмы, вектор аналогии которых направлен на сравнение модного человека или предмета неживой природы с *объектами искусства и культуры*, легко распались на четыре когнитивных основания и составили четвертую группу нашего исследования (16):

- еда и напитки (9): butter, candy, champagner, no dust on under dust, filbert, knut, meathook, mellow-back, sassy (saucy);
- танец (3): cha-cha, rumbo, pantsula;
- стиль музыки (3): jazzbo, funky, hip;

– религия (1): grail.

Предметы гардероба человека, а также иные приспособления составили вектор аналогии для сленгизмов пятой группы (15) включающей в себя два когнитивных основания – элемент одежды, ткань (12): bad rags, howling bags, bebop glasses, bop glasses, chimney-pot, city wire, drapey, frocker, melancholy hat, rigging, best bib and tucker, swag; и приспособления (3): crutch, clotheshorse, toothpick. В качестве примера можно привести следующую цитату: Thus the celebrated clotheshorse became the first person to use the new legislation [GDoS].

Вектор аналогии сленгизмов шестой группы направлен на сходство модного человека с теми или *животными* (13), и включает в себя два основания – млекопитающее (10): cat clothes, phat-cat, dog-walloper, doggy, downy, eel skin, fly, varmint, rat's tail, ski bunny; и птица (3): bird's eye wipe, feathery, niblike.

Седьмую группу составили сленгизмы, вектор аналогии которых направлен на *природу*. В качестве когнитивного основания нами было выделено – явление природы, температура (5): breeze, cool, frosty, hot, chill.

Таким образом, исследование показало, что английский сленг имеет лингвокогнитивную природу. Определенные при реконструкции модели лексемы *fashionable* в английском сленге 27 когнитивных оснований имеют семь направлений, определенных вектором аналогии, и выражают сходство модного человека или предмета с объектами живой и неживой природы, а также с материальными и абстрактными предметами.

Литература

- Костюченко Р.Ю. Аналогия в науке и обучении // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2017. 4 (24). С. 136-142.
- Лантева Ю.В. Функции молодежного сленга (на материале французского языка) // Вопросы современной лингвистики. 2012. № 1. С. 158-161.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
- Этимологический словарь. URL: <https://www.etymonline.com>
- Agha A. Tropes of Slang // Signs and Society. 2015. Т. 3. № 2. Pp. 306-330.
- Allan K., Burridge K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Coleman J. The life of Slang. New York: Oxford University Press, 2012.
- GDoS – Green's Dictionary of Slang. URL: <https://greensdictofslang.com>
- Leech G. Principles of Pragmatics. London; N. Y.: Longman, 1983.
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>

N.Yu. Buhner (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University

LINGVOCOGNITIVE NATURE OF ENGLISH SLANG (EXEMPLIFIED BY THE WORD “FASHIONABLE”)

The research addresses the cognitive aspect of English slang exemplified by the word «fashionable». The seven groups of cognitive foundations of the slang words meaning fashionable formed by the vector of analogy are aimed at: physical qualities, human activity and personality

traits, qualitative characteristics of an object, proper names, objects of art and culture, human wardrobe items, animals, nature.

Key words: English slang, lingvocognitive simulation, cognitive foundation, fashionable

Тяньцзяо Ван (Чэнду, Китай)

Юго-западный университет Цзяотун 931515224@qq.com

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЛЮБВИ В ЕЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ

В статье осуществляется анализ метонимических моделей любви в ее концептуализации на материале русской паремиологии. Показано, что «любовь» в сознании говорящих по-русски может быть обозначена своими важными составляющими, такими как «влюбленные», «глаза» и «сердце». Доказано, что в научных работах подобного типа возможно проведение исследования концептуализации любви с точки зрения теории концептуальной метонимии.

Ключевые слова: концепт ЛЮБОВЬ, метонимические модели, концептуальные метонимии, русские поговорки, русская языковая картина мира

Целью настоящего исследования является создание метонимических моделей любви в ее концептуализации на материале русских поговорок.

Чтобы была реализована вышеуказанная цель, нужно решить следующие задачи: 1) определение важного места «любви» в русской ЯКМ; 2) подтверждение роли поговорок в воплощении этнически обусловленных культурных концептов; 3) указание теоретической основы для изучения моделей концептуальных метонимий «любви»; 4) описание метонимических моделей «любви», выраженных в русских паремиологических единицах.

Для выполнения поставленных задач использованы методы исследования, такие как метод когнитивно-семантического анализа, метод паремиологического анализа и метод метонимического моделирования.

Никаких сомнений не вызывает то, что ЛЮБОВЬ является очень важным концептом для русского народа и занимает ключевое место в русской ЯКМ. Во-первых, «любовь» совместно с другими понятиями, такими как «страх», «вечность» и «вера», относится преимущественно к группе базовых культурных концептов, отражающих внутренний мир говорящих на русском языке [Степанов 2004: 6]. Во-вторых, в сознании русскоязычных людей нужно возлюбить ближнего как самого себя и принимать самолюбие за эталон любви, но сама любовь невозможна в одиночку [Арутюнова 2000: 54]. В этом, кстати говоря, заключается основа восприятия «влюбленных» как самой важной и неотъемлемой части «любви». В-третьих, «любовь» представляется в русском менталитете как состояние влечения или положительная рефлексия, и поэтому входит в категорию социо-оценочных понятий [Муратова 2009: 811]. Любовь, таким образом, попадает в сферу нашего исследовательского внимания как единство эмоционального состояния и нравственной оценки.

Известно, что из разных языковых единиц паремии играют немаловажную роль в воплощении базовых культурных концептов, имеющих тесные связи с нюансами человеческих отношений типа «любовных отношений». С одной стороны, в пословицах и поговорках содержится информация о стандартизированном опыте и эмпирических знаниях, полученных с помощью чувств человека как «чувства любви» [Бочина 2005: 27]. С другой стороны, паремии, аналогичные по форме и функции предложению, в обобщенном виде констатируют свойства людей или явлений, дают им оценку или приписывают образ действий [Верещагин, Костомаров 2005: 186]. Кроме того, в них еще выражаются способы когнитивного моделирования знаний о мире. Иначе говоря, знакомство с пословицами и поговорками дает нам возможность выявить присущие ментальности русского народа «когнитивные схемы» осмысления всего происходящего в мире и его означивания [Ковшова 2016: 94]. В связи с этим мы считаем, что русские паремии со значением любви служат фактическим материалом для рассмотрения метонимических моделей любви.

Понятно, что в научной парадигме когнитивистики метафора и метонимия представляют собой взаимосвязанные, но различные когнитивные механизмы, потому что метафора – это ассоциация предметного концепта с неродственным ему понятием-цели на основе эмпирического компонента, а метонимия – это ассоциация со смежным понятием, когда может «затушевываться» эмпирический элемент [Санжарова 2019: 137]. Отсюда следует очевидный вывод, что метафорическая проекция происходит между исходным и целевым доменами, а метонимическая проекция реализуется лишь в одном и том же домене. Все это, вместе с фактом, что ЛЮБОВЬ и ее понятийные характеристики могут быть проанализированы посредством метода метафорического моделирования [Ван Тяньцзяо 2023: 832], позволяет нам предлагать, что вполне возможно проведение исследования «любви» с точки зрения теории концептуальной метонимии.

Первая метонимическая модель — это метонимия ВЛЮБЛЕННЫЕ ЗА ЛЮБОВЬ, воплощенная в следующих русских паремиях со значением любви:

Без любимого и мир постыл;

Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить;

Где двое – третий лишний;

Мы с тобой, как рыба с водой;

Назло любящим нет события;

Сядем рядом да поговорим ладком и др.

Из вышеперечисленных паремиологических единиц мы видим, что слова, такие как *милый, мы с тобой, любимый, любящий, ладком* и использованные чаще всего для описания атрибутов влюбленных, употребляются в этих единицах для обозначения самого чувства любви. Это объясняется тем, что концепт ЛЮБОВЬ является некоторым эмоциональным чувством, испытываемым одним человеком по отношению к кому-то другому [Ван Тяньцзяо 2023: 833], в результате чего они (т.е. влюбленные) становятся образцовыми и важными составляющими самого концеп-

та. Проще говоря, люди, находящиеся в любовных отношениях, имеют возможность обозначить саму любовь в психологическом и языковом планах. Это подтверждает, что любовь невозможна в одиночку и всегда требует участия двоих. Здесь добавляем, что в русском языке некоторые лексические единицы, такие как *милый*, *ладком* и т.п., могут быть рассмотрены как языковые выражения понятия «влюбленные» и включены в его лексико-семантическую группу. Все это, на наш взгляд, является ментальными и языковыми свидетельствами о создании метонимической модели ВЛЮБЛЕННЫЕ ЗА ЛЮБОВЬ.

Что же касается выражения *Где двое – третий лишний*, то необходимо указать, что в этой пословице собирательное числительное *двое* и порядковое числительное *третий* означают людей, находящихся в нездоровых любовных отношениях, и поэтому являются лингвистическими и логическими свидетельствами об обозначении любви через влюбленных. Конечно, внутренняя форма этой пословицы тоже играет очень важную роль в формировании модели «влюбленные за любовь», потому что она стилистически создает некоторую особую ситуацию, в которой можно видеть реальное значение этой пословицы, т.е. «*В любовных отношениях появление третьего может вызывать ревность и даже нарушать баланс между двумя влюбленными*».

Вторая метонимическая модель — это метонимия ГЛАЗА ЗА ЛЮБОВЬ, основанная на первой модели и отображенная в следующих паремиях:

В очах мило, да в сердце постыло;

Кто глянется, к тому и сердце тянется;

Любовь не глядит, а все видит;

Люби, (любить хоть) не люби, да почаще взглядывай;

Не пил бы, не ел, все б на милую глядел;

Очи в очи глядят, без слов говорят;

Рублем не подари, только глазком взгляни и пр.

Здесь мы очень хорошо видим, что составляющие компоненты этих паремий, такие как *око*, *глянуться*, *глядеть*, *видеть*, *глаз*, *взглядывать* и *глазок*, употребляющиеся прежде всего в выражении атрибутов и функций концепта ГЛАЗА и входящие в его лексико-семантическую категорию, используются для обозначения глубокой привязанности и устремленности к другому человеку, т.е. любви. Именно в этом лежит основа построения метонимической модели «глаза за любовь». Кроме этого, обозначение любви через глаза еще заключается в том, что в русской ЯКМ ГЛАЗА во многом ассоциированы с «любовью» и рассмотрены в большинстве случаев как устройство для передачи чувства любви. Это выражается в пословицах: *Любовь начинается с глаз* и *Глазами влюбляются*. В этом отношении скажем, что любовь может быть замещена глазами как в мышлении русскоговорящих людей, так и в их речевой деятельности.

Третья метонимическая модель — это метонимия СЕРДЦЕ ЗА ЛЮБОВЬ, основанная тоже на первой модели и выраженная в следующих паремиях:

*В сердце не влезешь;
 Из сердца не выкинешь, а в сердце не вложишь;
 Не та мила, что хороша, а та хороша, что к сердцу пришла;
 Одно сердце страдает, а другое не знает;
 Сердцем не приманишь так за уши не притянешь;
 Сердце сердцу весть подает и пр.*

Все эти паремиологические единицы имеют тесные связи с «любовью», но ее языковые репрезентанты, такие как слова *любовь*, *любить*, *любимый* и т.п., вообще не входят в состав вышеперечисленных паремий. Исходя из этого, мы полагаем, что в русском национальном самосознании «сердце» представляет собой один из самых важных символов «любви». Итак, с одной стороны, из сердца обычно исходят самые душевные и романтические порывы. С другой стороны, влюбленные прислушиваются не к разуму, а все же к сердцу, что эксплицитно проявляется в пословице *Ищи любовь сердцем, а не головой*. Помимо этого, сердце, один из жизненно важных органов человека, может быть использовано для обозначения самого человека, который находится в любовных отношениях с другим человеком. В этом, по нашему мнению, тоже заключается основа создания модели концептуальной метонимии «сердце за любовь».

В заключение подчеркнем, что в ходе изучения метонимических моделей «любви», закрепленных за русскими пословично-поговорочными выражениями, мы получаем следующие выводы: 1) «любовь» очень важная для русских людей и занимает особое место в русской ЯКМ; 2) русские паремии играют ключевую роль в формировании метонимических моделей «любви»; 3) «любовь» в сознании русскоязычных людей может быть обозначена «влюбленными», «глазами» и «сердцем», которые представляются как ее базовые, типичные составляющие. Мы, таким образом, считаем, что в дальнейших исследованиях подобного рода вполне возможно проведение анализа концепта ЛЮБОВЬ и его концептуальных признаков через русские паремиологические единицы с точки зрения теории концептуальной метонимии.

Литература

- Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54-78.
- Бочина Т.Г. Диалогичность русской паремии // Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословицы в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. М.: ЛЕНАНД, 2005. С. 26-47.
- Ван Тяньцзяо. Модели когнитивных метафор в русской фразеологии со значением любви // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4. С. 829-833.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005.
- Ковишова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4. С. 90-102.

Муратова В.Э. Концепты «любовь» и «ненависть» в песнях разноструктурных языков: сравнительный анализ // Вестник башкирского университета. 2009. № 3. С. 809-813.

Санжарова О.Н. Концептуальные метафора и метонимия как различные когнитивные механизмы (системные подходы) // Известия Санкт-петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3. С. 135-140.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.

Tianjiao Wang (Chengdu, China)

Southwest Jiaotong university

METONYMIC MODELS OF LOVE IN ITS CONCEPTUALIZATION BASED ON RUSSIAN PAROEMIAS

The article analyzes the metonymic models of love in its conceptualization based on the material of Russian proverbs and sayings. It is shown that love in the Russian national consciousness can be denoted by its important components, such as lovers, eyes, and heart. The article argues that it is possible to conduct research on the conceptualization of love from the perspective of the theory of conceptual metonymy in similar scientific works.

Key words: the concept of love, metonymic models, conceptual metonymies, Russian paroemias, the Russian language picture of the world

Цзюань Ван (Даньдун, Китай)

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

wjy19991008@126.com

ОБРАЗ ГЕРОЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ Т.Г. ДОБРОСКЛОНСКОЙ

В статье в свете информационной модели, созданной Т.Г. Добросклонской, анализируется, как новостной дискурс, являющийся одним из важнейших объектов исследования в области современной лингвистики, формирует языковое сознание. Используется новостной дискурс, повествующий о героях и героизме, в качестве материала для анализа особого места образа героя в русской и китайской культурах.

Ключевые слова: образ героя, новостной дискурс, информационная модель, символ, языковой сознание

Любые новостные сообщения представляют собой текст, сообщающий преимущественно о самых последних событиях, произошедших за короткий период. Под влиянием характеристик содержания новостного сообщения новостной дискурс имеет высокую частоту обновления, а новизной и актуальностью привлекает внимание современных ученых-лингвистов. Новостной дискурс является значимой частью дискурса, как отмечает В.И. Тюпа: «однако не будем упускать из внимания и более архаичные способы производства новостей, общение посредством которых является одной из древнейших, базовых дискурсивных практик человека» [Тюпа 2017: 41]. Новостной дискурс также показывает, как «работает» современная языковая система той или иной нации, этноса. Э.А. Китанина подчеркивает, что со-

временный сетевой дискурс, включая новостной дискурс, «привлекает внимание научного сообщества и как масштабное лингвосоциокультурное явление, влияющее на языковое сознание виртуальной личности, языковая деятельность которой задает новый вектор в интернет-коммуникации XXI в.» [Китанина 2024: 184].

С точки зрения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, новостной дискурс выполняет функции передачи авторских намерений, создания стереотипов, формирования самобытного языкового сознания и культуры и др. По мнению Т.Г. Добросклонской, новостные тексты «формируют информационную картину мира, конструируют образ события, оказывая влияние на индивидуальное восприятие и общественное мнение» [Добросклонская 2016: 13]. Для системного анализа новостного дискурса известный лингвист разработала информационную модель, которая подчеркивает значительную роль новостного дискурса в формировании определенного культурно-идеологического контекста. В информационной модели всего пять компонентов: 1) «отбор фактов», 2) «интерпретация событий», 3) «создание образов», 4) «формирование стереотипов» и 5) «культурно-идеологический контекст».

Информационная модель поэтапно выделяет два необходимых для новостного текста элемента – изложение и комментарий событий. «Отбор фактов» и «интерпретация событий» (см. Информационная модель Т.Г. Добросклонской) – два компонента, соответствующие необходимому содержанию новостного текста. После этих двух этапов задача автора новостного текста практически решена, т.е. с объективной точки зрения новостной текст составлен и готов к восприятию читателем. На этапе создания образов авторские комментарии и оценки играют субъективную роль, т.е. автор намеренно подталкивает читателя к формированию положительного или отрицательного мнения о событии или образе. Последние два этапа – это результат накопления времени и количества схожих оценок в новостных текстах до определенного момента. «Формирование стереотипов» [Там же] – после многократного появления образов с одинаковыми или схожими характеристиками авторская оценка таких событий или образов приобретает тенденцию к единообразию, что, в свою очередь, направляет когнитивный процесс читателя и формирует относительно фиксированный когнитивный результат, т.е. стереотип. В работе «Русские пословицы и поговорки о человеке как стереотипы языкового сознания» отмечается, что стереотипы «существуют в мировоззрении и культуре определенного народа, обобщаются и передаются народом в ходе длительного социально-исторического развития, и облегчают человеку понимание и выражение определенных предметов и сценариев» [Ван Цзиюань 2024: 213]. Совокупность многочисленных стереотипов и ценностных представлений о них способствует формированию «культурно-идеологического контекста» [Там же], который способен влиять на «отбор фактов» [Там же], завершая цикл, демонстрируемый информационной моделью.

Концепт ГЕРОЙ является ключевой составляющей русской и китайской истории и культуры. И в России, и в Китае образ *героя* является символом мужества, бесстрашия, самопожертвования и других положительных качеств, и пользуется

уважением народа. Ср.: *Героизм побеждает смерть (русская пословица). Герой знает, что не может этого сделать, но поступает так, отстаивая свое решение (китайская пословица)*. Очевидно, что образ героя занимает значительное место в русском и китайском языковом сознании. Подвиги героев до сих пор в центре внимания государства и общественности, о чем свидетельствует наличие большого количества новостных сообщений о героях. Освещение и оценка героических подвигов многими влиятельными СМИ, такими, как «Российская газета», РИА Новости, «中国青年» («Китайская молодежь»), «人民日报» («Народная ежедневная газета») и др., следуют циклическому процессу информационной модели, формируя уникальный образ героя в современном русском и китайском языковом сознании. Образ героя вместе с представляемыми национальными характерами постепенно становится для русского и китайского языкового сознания лингвокультурным символом.

В новостном дискурсе о героях и героизме бесстрашие жертвы – самая очевидная характерная особенность образа героя. Множество новостных текстов сообщает о героических жертвах. Ср.: *Торжественная церемония прощания с Максимом Николаевичем, погибшим при выполнении воинского долга в ходе специальной военной операции, прошла на центральном кладбище* (РИА Новости Крым, 12 декабря 2024 г.). Бесстрашие героев, храбрость, отвага, самопожертвование также высоко отмечается и ценится. Ср.: *Вечная память герою и всем тем, кто отдал свои жизни за наше светлое будущее* (РИА Новости, 09 декабря 2024 г.). *Для всех тех, кто отдал свои драгоценные жизни за страну, за народ и за мир, как бы ни менялись времена, мы должны всегда помнить об их жертве и самоотверженности* (人民日报, 30 ноября 2024 г.). Мужество – самая символическая характеристика героя, и, анализируя русский и китайский новостной дискурс о героях, становится ясно, что «не бояться пожертвовать своей жизнью» – это высшее проявление мужества. Глава Ингушетии Махмуд-Али Калиматов считает, что «отдать за Родину самое дорогое, что есть у молодого человека, его жизнь – это и есть высшее проявление патриотизма» (Республика Ингушетия, 02 декабря 2024 г.). Образ героя, представленный в новостном дискурсе, формируется по критерию «жизнь». Иными словами, величие героя в русском и китайском языковом сознании заключается в том, что герой готов пожертвовать своей жизнью, несмотря на осознание бесценности самой жизни. Принятие решения расстаться с жизнью бывает сложным, и то, что в конечном итоге побуждает героев жертвовать собой, согласно новостному дискурсу, в значительной степени зависит от следующих характеристик русского и китайского национальных характеров:

«Защищать других» – еще одно важное качество героя. В новостном дискурсе герой жертвует собой, чтобы защитить жизни других. Ср.: *Ценой своей жизни капитан С.А. Хашагульгов спас от смерти старшего сержанта А.С. Сайгина. Такими бывают настоящие командиры* (РИА Новости, 30 октября 2024 г.). *Когда ему было три года, его отец погиб героической смертью, получив тяжелое ранение от гра-*

наты, взорванной преступниками, пытавшимися защитить население (新华社, 03 апреля 2024 г.). Мао Шуньлун говорил, что в то время не задумывался о том, есть ли опасность или нет; он думал только о спасении людей, даже если чуть позже последствия окажутся невообразимыми (四川新闻, 16 декабря 2024 г.). В данном случае образ героя как символ языка и культуры демонстрирует важность жизни и оставляет возможность для выживания семье, друзьям и даже незнакомым людям. «Защита других» как значимая особенность стереотипа героя становится одним из ключевых аспектов русского и китайского национального характера, получившим освещение в новостном дискурсе.

Еще одно несомненное положительное качество героя: любовь к своей Родине. Согласно анализу новостного дискурса о героических подвигах, множество героев решает пожертвовать собой из любви к своей стране, государству и убеждения защищать свою родину. Ср.: *Он любил Россию и делал всё возможное, чтобы защитить нашу Родину* (Известия, 12 ноября 2024 г.). *Его подвиг, безмерная самоотверженность и любовь к Родине навсегда останутся в нашей памяти* (РИА Новости, 01 декабря 2024 г.). *Семьдесят лет назад Китайская народная добровольческая армия, воплощая великий дух патриотизма и революционного героизма, одержала великую победу* (光明日报, 12 декабря 2024 г.).

Следует отметить, что «брать на себя ответственность» – также одно из положительных качеств русского и китайского образа героя. Самостоятельное принятие на себя ответственности – значительный фактор для русского и китайского культурно-идеологического контекста. Народ великой страны вспоминает о своем долге в самые критические моменты – о долге солдата, о долге командира и о долге народа перед своей страной. Именно из чувства ответственности большинство россиян и китайцев готовы рискнуть жизнью, чтобы защитить других в момент опасности. Ср.: *Мои убеждения таковы, что любая поставленная задача должна быть выполнена, чего бы это ни стоило. Потому что от этого зависит успех всего подразделения и нашей страны в целом, это очень большая ответственность* (ТАСС, 12 декабря 2024 г.). *Они тоже обычные люди, но во время опасности, чтобы обеспечить безопасность большего числа людей, готовы праведно пойти на смерть. Они не родились храбрецами, а выбрали ответственность и самоотверженность* (中国青年, 14 июня 2024 г.).

Анализируя новостной дискурс о героях на основе информационной модели, созданной Т.Г. Добросклонской, можно сделать вывод, что современный новостной дискурс играет незаменимую роль в формировании образа героя и превращении соотвествующих положительных качеств в уникальный национальный характер. Под влиянием оценки подвигов героев «жизнь» становится высшим критерием оценки героев и ключевой причиной уважения к героям со стороны общества. Образ героя как значительный лингвокультурный символ, в котором присутствует бесстрашие перед жертвой, защита других, любовь к Родине и принятие ответственности, глубоко сохраняется в русском и китайском языковом сознании.

Литература

Ван Цзюань. Русские пословицы и поговорки о человеке как стереотипы языкового сознания // Язык и культура: взгляд молодых. 2024. С. 213-218.

Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сборник научных работ. 2016. С. 13-22.

Китанина Э.А. Языковая специфика проявления гражданственности в общественно-политическом блог-дискурсе // Горизонты коммуникативной лингвистики. 2024. С. 183-194.

Тюна В.И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. № 3. С. 40-51.

Jiyuan Wang (Dandong, China)

Pushkin State Institute of the Russian Language

HERO IMAGE AS LINGUOCULTURAL SYMBOL OF RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN THE VIEW OF T.G. DOBROSKLONSKAYA'S INFORMATION MODEL

The article uses the information model created by T.G. Dobrosklonskaya to analyze how news discourse, which is one of the most important research objects in modern linguistics, generates linguistic consciousness. We use news discourse about heroes and heroism as material for analyzing the special place of hero image in Russian and Chinese cultures.

Key words: hero image, news discourse, information model, symbol, language consciousness

В.Б. Вдовина (Нижегородовск, Россия)

*Нижегородовский государственный университет
valeriaerofoeva48@gmail.com*

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА ТРАДИЦИОННОСТЬ

В статье представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента среди разновозрастных носителей русского языка. Целью эксперимента стало исследование ассоциативного поля концепта ТРАДИЦИОННОСТЬ. В ходе эксперимента участники называли свои реакции на заданный стимул, что позволило проанализировать их и классифицировать.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, традиционность, традиция, концепт

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации было внесено понятие «традиционные ценности», что, в свою очередь, активизировало употребление лексем с данным корнем. Так, по данным портала Национального корпуса русского языка, можно увидеть, что именно с 2020 г. начинается активный рост употребления указанных словоформ. Данный факт натолкнул нас на проведение психолингвистического эксперимента, а именно свободного ассоциативного эксперимента, целью которого стало определение субъективного восприятия и понимания носителями русского языка слова «традиционность» через анализ полученных вербальных ассоциаций. Метод исследования был выбран исходя из того, что именно «ассоциатив-

ный эксперимент позволяет обнаружить то смысловое поле, которое обеспечивает специфику значения живого слова» [Курганова 2019: 32].

Для составления ассоциативного поля слова «традиционность» был проведен свободный ассоциативный эксперимент среди разновозрастных носителей русского языка. Эксперимент проходил в письменной форме путем электронного анкетирования. Респондентам предлагалось указать свой пол, возраст, а затем написать ассоциацию к слову «традиционность». Участниками эксперимента выступили носители русского языка разных возрастных групп: меньше 18 лет, 18-24, 25-34, 35-44, 45-54, 55 и больше. Мы предложили пройти опрос школьникам, студентам колледжей и университетов, работникам бюджетных организаций.

В ходе проведения эксперимента на стимул «традиционность» было получено 200 реакций и 12 отказов от реакции (поскольку анкетирование было электронным за отказ от реакции были приняты знаки препинания в качестве ответов). Стоит отметить, что отказы наблюдались исключительно среди респондентов из возрастной категории меньше 18 лет. В ассоциативное ядро вошли следующие реакции: *традиция* – 25 раз (12.5%), *культура* – 20 раз (10%), *семья* – 17 раз (8.5%), *обычай* – 14 раз (7%).

Анализируя полученные данные, можно заметить тенденцию к положительной характеристике концепта ТРАДИЦИОННОСТЬ. Негативных реакций не было не только в ядерной зоне, но и в периферии. Однако к альтернативным взглядам можно отнести следующие реакции: *устарелость*, *консерватизм*. Также реакции некоторых участников отражали их неуверенность или отсутствие ясности в отношении стимула, например, *без понятия*, *не понимаю*, *не знаю*. Самым частотным оказалось однокоренное слово «*традиция*». Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что 90% респондентов, указавших данную ассоциацию, мужского пола. Тогда как женщины чаще упоминают слово «семья» в качестве реакции на стимул.

По частеречной классификации было выделено 153 существительных (76.5%): *вера*, *религия*, *хлеб*, *корни*, *Россия* и т.д., из которых 34 слова имели суффикс -ость, как и у слова стимула: *стабильность*, *обыденность*, *народность* и т.д., 5 прилагательных (2,5%): *современный*, *общее*, *постоянный*, *общеизвестное*, *семейное*, 3 наречия (1,5%): *привычно*, *правильно*, *понятно*, 1 глагол (0,5%): *соблюдать*. Преобладание в ответах имен существительных с точки зрения когнитивной лингвистики может говорить о тенденции человеческого разума выделять и запоминать конкретные объекты и явления, которые непосредственно связаны с жизненным опытом участников эксперимента. В то время как глаголы и прилагательные могли бы акцентировать внимание на изменениях и динамике, существительные подчеркивают постоянство и устойчивость слова-стимула.

Согласно синтаксической классификации, полученные результаты можно разделить следующим образом: 164 слова (82%), 21 словосочетание (10,5), 15 предложений (7,5%). В словосочетаниях и предложениях зачастую можно встретить слова

из ядерной зоны: *обычаи и народные праздники разных национальностей, праздники с семьей, следование обычаям, традиции в семье и т.д.*

В рамках логической классификации реакции делятся на центральные (при обнаружении сильной содержательной связи реакции со стимулом) и периферические (при отсутствии или слабой выраженности содержательной связи). Было обнаружено 132 центральных ассоциаций (66%), например, *культура, обычаи, семейные праздники, искусство*, и 68 периферических (34%), например, *стабильность, душа, чувашка, условность, верность*.

При проведении тематической классификации нам удалось выделить ряд смысловых подгрупп, однако стоит отметить, что некоторые единичные реакции не удалось классифицировать по этому признаку. На основе реакций участников эксперимента можно выделить следующие тематические категории:

1. Культурные ассоциации. Большое количество участников связывают традиционность с культурой, что указывает на глубокую связь между традициями и культурной идентичностью (*культура, искусство, одежда, наряд, обычаи, обычаи и народные праздники*).

2. Социальные связи. Многие ассоциации относятся к семье, подчеркивая важность семейных традиций, для концепта ТРАДИЦИОННОСТЬ (*семейный праздник, семейные традиции, родственники, семейные корни*).

3. Народ. Неотъемлемой частью рассматриваемого концепта является связь с культурой определенной нации и народа (*нация, национальные традиции, чувашка*).

4. Преемственность. Эта категория отражает идеи передачи культурных ценностей от одного поколения к другому (*преемственность традиций, передача культурного опыта прошлого, из поколения в поколение*).

5. Стабильность. Важной характеристикой концепта является стабильность (*постоянство, сохранение, обычно, привычно*).

6. Обыденность. Для участников эксперимента традиционность связана с обыденной жизнью и нормами (*обыденность, норма, так принято*).

7. Критические и альтернативные взгляды. Некоторые ассоциации выражают критику (*устарелость, консервативность*).

8. Неопределенность. Участники также оставляли ответы, отражающие неуверенность или отсутствие ясности (*без понятия, не имею представления, не знаю*).

9. Ценности и нормы. Зачастую традиционность упоминалась как стандарт поведения и ценностный ориентир (*общепринятая норма, так принято обществом, нормативность, ценность, традиционные ценности, уважение*).

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что в ответах участников ассоциативного эксперимента четко прослеживаются отсылки к традиционным для нашего общества ценностям: семья, культура, обычаи и традиции, народность, стабильность и нормативность.

Таким образом, результаты психолингвистического эксперимента показали, что концепт ТРАДИЦИОННОСТИ воспринимается носителями русского языка в основном как положительное явление, тесно связанное с культурой и семьей.

Выявленные ассоциации показывают, что традиции воспринимаются не только как часть индивидуального опыта, но и как важный аспект культурной идентичности.

Наконец, результаты исследования открывают перспективы для дальнейших исследований в области когнитивной лингвистики, что позволит глубже понять, как традиции формируют индивидуальное и коллективное сознание в современном российском обществе.

Литература

Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24-37.

V.B. Vdovina (Nizhnevartovsk, Russia)

Nizhnevartovsk State University

THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE CONCEPT OF *TRADITION*

This article presents the results of a free associative experiment among Russian speakers of different ages. The purpose of the experiment was to study the associative field of the concept of “tradition”. During the experiment, participants named their reactions to a given stimulus, which allowed them to be analyzed and classified.

Key words: associative experiment, associative field, conventionality, tradition, concept

И.Т. Венрева, А.В. Харитоновна (Екатеринбург, Россия)

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
irina_vepreva@mail.ru, ave.anastasiaa@yandex.com*

ФРЕЙМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ С ОПОРОЙ НА КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ¹

Цель данного исследования – показать возможности фреймирования уральской идентичности с помощью экспериментальной методики заполнения пропусков в конструкциях *Даже на Урале...; Даже уральцы...; Только на Урале...; Только уральцы....* Полученные результаты позволили систематизировать наиболее яркие стереотипные характеристики топонима *Урал* и этнохоронима *уралец*.

Ключевые слова: уральская идентичность, фреймирование, экспериментальное исследование, частицы *даже* и *только*

Взаимосвязь национальной идентичности с конкретной территорией / «место-развитием» обострил особое отношение к российскому пространству, ставшему предметом серьезного концептуального осмысления.

Объектом нашего исследования является региональная идентичность жителя Урала, топоса, фиксирующего идею объединения Европы и Азии. На уровне художественного сознания широкую известность получил проект писателя А. Иванова, представляющий Урал как концентрированную матрицу России. Современная мифологиза-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ №25-28-01412.

ция образа Урала наслаивается на мифологию, созданную П.П. Бажовым и основанную на идее уральских горнорудных земных богатств. Мифологичность феномена *Урал* поддерживается в творчестве современных уральских писателей и поэтов. В связи с этим возникает проблема реального осмысления рядовым уральцем своей региональной идентичности, что представляет собой особую сложность для ученых, поскольку чувство привязанности к собственной территории носителя языка обычно осознается слабо, так же, как и своя особость по сравнению с жителями других регионов.

Когнитивистика дает возможность исследователю осуществить выявление трудного феномена с опорой на фреймовую теорию организации знаний индивида. Понимание фрейма складывалось из совокупности разнонаправленных теоретических подходов, среди которых значимое для лингвистов место занимает концепция фреймового моделирования и представления знаний Ч. Филлмора, вышедшая из его теории падежной грамматики [Филлмор 1988]. Не менее популярными на сегодняшний день являются концепция М. Минского, опирающаяся на теорию искусственного интеллекта и языковой семантики [Минский 1979], и дискурсивная интерпретация теории фреймов Т.А. ван Дейка и В. Кинча [Дейк, Кинч 1988].

Не углубляясь в терминологическое дискуссионное поле, сформулируем рабочее определение когнитивной единицы с опорой на работы современных исследователей: фрейм – сложно структурированная единица «культурно-обусловленного, канонизированного знания» [Болдырев 2001: 36], сложившегося в сознании вокруг какой-то сущности «как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Никитин 2004: 62]. Фрейм представляет собой концептуальную иерархическую систему в виде условной сети, в которой, наряду с выделением верхних узлов, или слотов, с четко определенным значением, отражающим референтную ситуацию, выделяются терминальные узлы, заполняющиеся частными знаниями, зависящими от условий коммуникации.

При этом фреймирование рассматривается как когнитивный процесс конструирования фрейма, связанный с извлечением информации на индивидуальном уровне. Ментальные феномены спрятаны в «черном ящике», в который нет прямого доступа. Исследовать их, выведя в «светлое поле» сознания, помогают экспериментальные методики. Языковым средством актуализации фреймовой семантики могут быть, в частности, частицы *даже* (усилительная) и *только* (выделительно-ограничительная), запускающие фреймовые структуры и позволяющие вербализовать скрытую семантику на поверхностном уровне репрезентации фрейма, а также систематизировать «опознавательные» характеристики топонима и этнохоронима.

Контексты, в которых употребляются названные частицы, могут эксплицитно представлять когнитивные смыслы, актуализированные частицами, но чаще содержат их в свернутом, имплицитном виде, создавая пресуппозиционный фон высказывания.

Приведем иллюстративно оба случая употребления частиц.

1. Эксплицированное представление фреймовой семантики.

Для нас важно разгадать тайну повелительного императива, прозвучавшего в возгласе капитана Шестеля: «Ни шагу назад, сибиряки!» Можете ли вы в схожих

обстоятельства вообразить себе окрик «Ни шагу назад, волжане!» или «кубанцы» и **даже «уральцы»**. А ведь последние никому не уступали в мужестве. Если сибиряки выставили добровольческий корпус стрелков, то уральцы дали едва ли не лучший танковый добровольческий корпус, с их девизом «Сгорим или прорвемся!» Немцы называли уральских танкистов уважительно – «черные ножи» – по чехлам их личного холодного оружия. Очевидцы рассказывают, что, получив пополнение в Сталинграде, прямодушный и грубоватый Чуйков командовал маршевым батальоном: – «Сибиряки и **уральцы**, шаг вперед...остальные за Волгу. Мне нужны мужчины, которые мгновенно отвечают ударом на удар». И никого это уже не удивляло (Завтра. 07.05.2002).

2. Имплицитное представление фреймовой семантики.

От таких холодов (до минус 30 с ветром) **даже уральцы** отвыкли (Спорт-экспресс.05.02.2001) (имеется в виду, что для уральцев привычной является суровая зима).

Когда на 75-летие Михаила Калашникова в Удмуртию понаехало множество гостей, в том числе первый президент России, их угощали так, что **даже уралец** Борис Николаевич расчувствовался и признал «пель-няни» настоящей едой (Трибуна. 27.02.2001) (имплицитно передается фреймовый слот «Особенности локальной кухни», терминальный узел: настоящие пельмени могут быть только на Урале).

Экспериментальное исследование с опорой на когнитивно-ориентированные частицы **даже** и *просто* было проведено среди студентов Уральского федерального университета. Была использована методика заполнения пропуска в текстовых конструкциях, которая, по мнению исследователей, «дает более объективную информацию» о стереотипных чертах уральской идентичности, чем ответ на прямые вопросы типа «Каков он, по Вашему мнению, характер уральца?» [см. об этом: Кобозева 1995: 115]. Респондентам были предложено продолжить 4 незаконченных предложения: *Даже уральцам..., Даже на Урале...; Только уральцам..., Только на Урале...*

В ходе эксперимента было получено 300 высказываний, которые можно разместить на градуированной шкале ожидания в зависимости от семантики частиц [Крейдлин 1975: 105]. Шкала ожиданий имеет восходящую градацию, на которой частица **даже** маркирует самый неожиданный, «крайне допустимый предел нормы» [Акопян 2017: 152]. В свою очередь, частица *только* указывает на признак исключительности, выделенности из множества объектов.

Общий взгляд на корпус полученных высказываний позволил сделать вывод, что частицы способствовали манифестации наиболее ярких стереотипных фактов о типичном денотате. Были выделены слоты:

«Суровый климат Урала, погодное непостоянство» (*Даже на Урале бывает жаркое лето / Даже уральцы не выдерживают уральских температур / Только на Урале погода может меняться каждую минуту / Только уральцы даже летом не убирают зимние вещи далеко*); «Природная красота Урала» (*Только на Урале можно увидеть красоты Уральских гор / суровая, красивая природа*); «Урал – гор-

нозаводской регион» (*Только на Урале после школы идешь на завод / много заводов / добывают огромное количество самоцветов*); «Любовь к локальной пищевой продукции» (*Только уральцы могут есть самые вкусные булочки «Смак» и пить «Ирбитский йогурт» / так обожают свой майонез ЕЖК*); «Самодостаточность провинции (в противовес столичности), возможность интеллектуального и культурного развития» (*Даже на Урале много образованных людей / есть искусство / есть мода / Даже уральцы интересуются культурой и искусством / интеллектуально развиваются*); «Амбивалентность уральского характера: угрюмый, суровый – дружелюбный и гостеприимный» (*Только на Урале остались настоящие суровые мужики / Даже уральцы, несмотря на суровость, могут тепло встречать гостей / бывают добрыми и веселыми / Только уральцы улыбаются искренне*); «Отличительные черты характера уральца: сила и трудолюбие» (*Только на Урале живут сильные люди / Только уральцы сильны духом / могут толкнуть утром трамвай и поехать на нем на работу / так усердны в работе*); «Речевые особенности уральской речи» (*Только уральцы так громко говорят / тараторят так, что их никто не понимает / могут говорить грубо, не замечая этого, а потом удивляться, что их считают грубыми / имеют право говорить «чо» / знают, что такое «шаньга» и «вехотка*»).

В результате эксперимента прогнозируемые слоты фрейма «Уральская идентичность» были заполнены не полностью, что приводит авторов эксперимента к выводу о необходимости дальнейших исследований экспериментального типа: проведения направленного интервьюирования, обращения к методам социолингвистического опроса, к показателям метаязыкового сознания, которое находит выражение в рефлексии говорящего по поводу языковых единиц, связанных с уральской темой.

Литература

- Акопян К.С. Микромир частицы даже: семантико-прагматические особенности функционирования при отрицании // Вестник Российско-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 152-166.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.
- Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153-211.
- Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 102-116.
- Крейдлин Г.Е. Лексема даже // Семиотика и информатика, 1975. № 6. С. 102-115.
- Минский М. Фреймы для представления знаний / под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
- Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 53-64.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.

*I.T. Vepreva, A.V. Kharitonova (Yekaterinburg, Russia)
Ural Federal University*

FRAMING REGIONAL IDENTITY BASED ON COGNITIVE-ORIENTED FUNCTIONS OF PARTICLES

The purpose of this study is to show the possibilities of framing the Ural identity using an experimental technique of filling in the gaps in the structures *Even in the Urals...*; *Even the Urals...*; *Only in the Urals...*; *Only the Urals...*. The obtained results made it possible to systematize the most striking stereotypical characteristics of the toponym *Ural* and the ethnononym *Uralets*.

Key words: Ural identity, framing, experimental research, particles *even* and *only*

*A.A. Власова (Санкт-Петербург, Россия)
Университет ИТМО
avlasova@itmo.ru*

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ МОТИВОВ В ТЕКСТАХ МЕДИА

Статья посвящена механизмам формирования положительной и отрицательной оценочности в текстах медиа. На примере текстов 2020 г., взятых из американских изданий *USA Today* и *The New York Times*, иллюстрируется, каким образом ряд регулярно воспроизводимых языковых средств формирует устойчивую модель оценки определенного социального актора, называемую оценочным мотивом. Описываются два мотива, задающие оценочную перспективу на таких значимых акторов американского медиадискурса как Дональд Трамп и Билл де Блазио.

Ключевые слова: языковые средства оценочности, оценочный мотив, медиадискурс

Тексты из средств массовой информации (СМИ), или тексты медиа, вносят существенный вклад в построение современной картины мира. Значительную роль в процессе построения картины мира играет оценка активных социальных акторов и происходящих событий. По словам Т.Г. Добросклонской, события и персонажи, представленные в новостях, «обрастают мнениями и оценками, приобретая определенную идеологическую модальность» [Добросклонская 2020: 133]. Поскольку язык выступает набором ресурсов, обеспечивающих семиотический выбор для производства значения, подбор определенных языковых средств обуславливает идеологическую и ценностную основу текста [Kress 2010]. Текст представляет собой результат коммуникативных решений автора, прагматически направленных на достижение конкретной цели и отражающих оценочную перспективу, реализуемую через так называемые оценочные мотивы.

Под оценочным мотивом подразумевается набор языковых средств, задающих оценочную перспективу на определенного социального актора и формирующих устойчивую модель его оценки. Оценочные мотивы представляются неотъемлемой частью семантической структуры текста, их элементы могут обнаруживаться в целом ряде статей издания и рассматриваются как «сквозные». Подобная модель оценки имеет фреймовую природу [Fillmore 1985] и легко активируется в созна-

нии читателя благодаря актуализации одного или нескольких компонентов мотива, позволяя дискредитировать либо продвинуть позицию характеризуемого актора по какому-либо общественно-значимому вопросу, транслируемые актором мнения или предлагаемые им решения. Оценочный мотив возможно выявить на основе систематически воспроизводимого в текстах набора языковых средств, используемых для оценки одного из социальных акторов, и реконструировать, сформулировав его ключевые компоненты, в ходе фреймового и лексико-семантического анализа текста.

В ходе исследования рассматривались 35 текстов издания *USA Today* и 35 текстов издания *The New York Times*, посвященных расовой проблематике и связанных с прошедшими в 2020 г. протестами антирасистского движения Black Lives Matter после гибели чернокожего Джорджа Флойда от рук полицейского.

Согласно Интернет-ресурсу AllSides, определяющему предвзятость медиа источников, у издания *USA Today* присутствует левый уклон (lean left) [AllSides 2025]. Издание выступает с активной поддержкой движения, в связи с чем «атакует» политиков, относящихся к движению с неодобрением. Для негативной оценки такого авторитетного актора как президент Трамп в изученных статьях задействуется оценочный мотив, сформулированный нами как «*President Trump as an unhinged tyrant*».

Чтобы дискредитировать президента и его решения, его выгодно репрезентировать как иррационального, управляемого эмоциями актора (компонент мотива *unhinged*). С этой целью используется множество т.н. экспрессивов [Caldas-Coulthard 2002], глаголов цитирования, содержащих компонент значения «эмоция» (*to slam, to demand, to criticize, to condemn, to threaten*): ***slammed the protesters and demanded that city leaders «dominate» the streets, has criticized the Black Lives Matter movement, condemned efforts to reevaluate the appropriateness of historical tributes, threatened to deploy the military to enforce order.*** В результате создается представление о президенте как о несдержанном, агрессивном человеке, который в ситуации кризиса лишь критикует, требует и угрожает, вместо того чтобы принимать рациональные и трезвые решения. Глаголы *demand* и *threaten* также подчеркивают раздражение президента из-за его бессилия унять массовые народные протесты.

На расширение данного аспекта работает ряд именных групп, выраженных словосочетаниями с оценочными прилагательными: ***the president's provocative comments about the demonstrations; this type of rhetoric is hate language; an anti-Trump Republican strategist called the Black Lives Matter tweet “unhinged”; promoted an unsubstantiated conspiracy theory.*** Они указывают на оторванность президента от реальности (*unhinged, unsubstantiated*) и вызывающий характер его поведения (*provocative comments, hate language*).

Предпринимаемые президентом действия, обозначенные с помощью глагольных групп, выдают в Трампе авторитарные черты: он сталкивает федеральные силы и граждан, подумывает послать военных, чтобы подавить мирных протестующих (***sent federal officers to Portland to confront activists; considered calling in the U.S.***

military to quell disturbances in many American cities). Актору приписываются деструктивные интенции, такие как стремление посеять раздор и насилие, а также манипулировать фактами в своих политических целях (*has been trying to divide the country into hostile camps; fuel violence; spins narrative fitting his political purposes*).

Для закрепления такого представления вводится цитата, в которой президент напрямую называется «тираном» («**Tyrant, We Will Vote You Out**»). Лексема *tyrant* подразумевает бинарную оппозицию «американская демократия» – «тирания» и таким образом выступает для американского читателя ярким маркером ценностного конфликта.

Если негативно оцениваемые акторы, представляющие угрозу для поддержания ценностей издания, служат анти-примером, то носители продвигаемых ценностей призваны служить ролевой моделью для других акторов, которые видятся ответственными за разрешение проблемной ситуации.

Издание *The New York Times* характеризуется Интернет-ресурсом AllSides как левое (left) [AllSides 2025]. Для данного издания положительный пример прогрессивного политика, который вносит вклад в борьбу с расизмом – это мэр Нью Йорка Билл де Блазио. В связи с этим в статьях этого издания обнаруживается оценочный мотив, сформулированный нами как «*Mayor de Blasio as a receptive and progressive leader*». На языковом уровне различные аспекты мотива реализуются в первую очередь посредством глагольных групп, выражающих одобряемые с точки зрения идеологии издания действия. Среди таких действий стремление прислушаться к просьбам протестующих Black Lives Matter и достичь с ними компромисса (*sought to reach an agreement with demonstrators*) с помощью организации подробного обсуждения реформ и предложений по борьбе с расизмом (*turned to a few familiar faces to discuss ideas for police reform; established community and religious leaders*). При этом, также с использованием глагольной группы, отмечаются искренняя вовлеченность мэра и моральный характер его действий (*he made the changes because “he believed it was the right thing to do”*). Через именное сочетание *leaders in many progressive cities* де Блазио включается в целую группу положительно оцениваемых акторов, которые прислушиваются к демонстрантам и открыты изменениям к лучшему (*leaders in many progressive cities are listening*).

Используемые в пересказе инициатив мэра ассертивные глаголы цитирования [Caldas-Coulthard 2002] *to pledge, to announce*, подразумевающие веское обещание и твердое намерение воплотить изменения в жизнь, формируют впечатление о нем как об ответственном, надежном и серьезном человеке (*pledged to cut the budget for the New York Police Department and spend more on social services in the city; pledged to cut the city’s police budget and spend more on social services, a nationwide demand made by protesters; has announced a plan to shift \$1 billion out of the police budget*). В свою очередь, подчеркнутые нами повторяющиеся элементы приведенных выше глагольных групп, передающие решение мэра сократить полицейский бюджет по просьбам протестующих, указывают на смелый и прогрессивный характер его дея-

тельности, а также его восприимчивость к просьбам граждан, раскрывая оценочные компоненты мотива «*receptive*» и «*progressive*».

Наконец, для высвечивания положительных черт актора может осуществляться оценочное противопоставление другому социальному актору в контексте. Например, описание поведения президента Трампа в ситуации многочисленных протестов против расизма контрастирует с описанием поведения мэра Нью-Йорка, благодаря чему мэр предстает как смелый лидер, который оказывает настоящую поддержку борцам с расизмом: *...Mr. Trump has rejected suggestions from some aides who have urged him to do more to address racism in America, in the aftermath of the killing of George Floyd in the custody of police officers in Minneapolis. Instead, he has intensified his criticism of the Black Lives Matter movement. In a post last week on Twitter, he called the words Black Lives Matter a "symbol of hate" as he criticized plans by the mayor of New York City, Bill de Blasio, to paint the phrase on Fifth Avenue outside Trump Tower.* В то время как президент отвергает предложения по борьбе с расизмом, т.е. не прислушивается ни к протестующим гражданам, ни к советникам, и лишь яростно критикует движение, мэр готов отдать должное движению и их идеям, даже бросая президенту вызов (*outside Trump Tower*), что обозначается с помощью именной группы с отглагольным существительным *plans*.

Так, важными языковыми ресурсами для формирования оценочных мотивов выступают глагольные и именные группы, объединенные определенной семантикой, подбор глаголов цитирования и оценочное противопоставление в контексте. Идеологический уклон издания может обуславливать положительную или отрицательную оценку тех или иных социальных акторов и событий, в зависимости от того, какую повестку изданию выгодно продвигать. На примере двух изданий с левым политическим уклоном было продемонстрировано, как социальный актор Дональд Трамп, не оказывающий поддержку протестам движения Black Lives Matter, получает отрицательную оценочную характеристику, а Билл де Блазио, публично одобряющий протесты – положительную.

В целом, внимание к разнообразным средствам оценки и более глубокое понимание механизмов ее формирования способствует развитию критического подхода к текстам медиа и более точному выявлению идеологической позиции, отражаемой в конкретном тексте или издании.

Литература

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: КРАСАНД, 2020.

Caldas-Coulthard C.R. On reporting reporting: the representation of speech in factual and fictional narratives // *Advances in Written Text Analysis*. London: Routledge, 1994. Pp. 295-308.

Fillmore C. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*. 1985. № 6. Pp. 222-254.

Kress G. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London: Routledge, 2010.

AllSides. URL: <https://www.allsides.com/unbiased-balanced-news>

*A.A. Vlasova (St. Petersburg, Russia)
ITMO University*

LINGUISTIC MEANS OF FORMING EVALUATION PATTERNS IN MEDIA TEXTS

The paper examines the verbal patterns that construct positive and negative evaluative perspectives in media texts. It focuses on articles published in 2020 by mainstream American media outlets, *USA Today* and *The New York Times*. The analysis highlights how consistently reproduced linguistic means contribute to forming stable evaluative frameworks for specific social actors, referred to as evaluation patterns. Two such patterns, shaping the evaluative perspectives on prominent figures in American media discourse—Donald Trump and Bill de Blasio—are identified and described.

Key words: linguistic means of evaluation, evaluation pattern, media discourse

Л.В. Воронина (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
voronina@bsuedu.ru*

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ПРОЦЕССАХ ВОСПРИЯТИЯ МОТИВИРОВАННЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В фокусе исследования находится малоизученная проблема обусловленности интерпретации смысла мотивированных единиц знанием актуальной социокультурной информации. В статье сделан вывод о том, что различие в извлекаемых смысловых нюансах и оценках детерминировано, помимо прочего, соотношением социального и личного опыта, определяющего индивидуальный характер «живого» знания.

Ключевые слова: социокультурная информация, мотивированное слово, стереотип, индивидуальный характер знания, психологические особенности коммуниканта

Релевантность социокультурного контекста для процесса восприятия мотивированных слов неоднократно была подтверждена учеными в ходе проведения разного рода экспериментальных исследований, при этом проблема обусловленности процесса построения инферентного вывода знанием широкого контекста и социокультурной информации в процессе интерпретации продуктов словообразования на материале немецкого языка остается одной из малоизученных в современной лингвистической науке. Результаты проведенного нами диссертационного исследования [Воронина 2022: 285-294] могут стать фундаментом для последующих научных изысканий, посвященных данному вопросу.

Производное и сложное слово, представляя собой динамическую смысловую структуру, с одной стороны, хранит результаты прошлого опыта познания и восприятия действительности социумом и индивидом, с другой – отражает актуальный опыт познания. Следовательно, результаты процесса освоения действительности полноценно могут быть осмыслены с учетом актуального для определенного социума в определенный период социокультурного контекста. Изменение социокуль-

турного контекста влечет за собой обновление когнитивной структуры языковых единиц, что находит отражение в живом дискурсе.

Подробнее остановимся на анализе концепта, репрезентируемого неядерным компонентом сложного слова *Kuschel-* в когнитивной структуре мотивированного слова *die Kuschelpädagogik*, демонстрирующего живую связь слова с обществом и его актуальными тенденциями в Германии.

Продуктивный в современном немецком языке зависимый компонент многочисленных композитов *Kuschel-* обнаруживает концептуальную связь с мотивирующей глагольной основой *kuscheln*. Обращение к концептуальному анализу дефиниции лексемы *kuscheln* позволяет выделить следующие признаки исходного концепта: «*Wärme*», «*Geborgenheit*», «*sich an jemanden, etwas, in etwas schmiegen*». Условно все сложные слова с неядерным компонентом *Kuschel-* можно разделить на две группы. Когнитивно выделенными в первой группе мотивированных слов, таких как *das Kuschkelkissen*, *die Kuschkeldecke*, *das Kuschkeltier* и т.п., оказываются характеристики «*Wärme*», «*Geborgenheit*». Фокус в словообразовательном концепте, репрезентируемом компонентом *Kuschel-* второй группы мотивированных единиц: *das Kuschkelhotel*, *die Kuschkelparty*, *das Kuschkelwochenende*, *die Kuschkelrock* и т.п. – перемещается на процессуальный признак, сохраняя более тесную связь с мотивирующей глагольной основой. Хотя содержание словообразовательного концептуально значимого элемента в названных мотивированных словах несводимо к единой сумме концептуальных характеристик, их объединяет обнаруживаемая в виде импликации положительная оценка.

В этой связи интересным представляется случай приобретения отрицательной коннотации словообразовательным компонентом под воздействием социокультурных изменений, происходящих в современном обществе, в сложном слове *die Kuschelpädagogik*, обозначающем педагогическую концепцию на основе мягкого, антиавторитарного принципа воспитания. По сути, концепция, становление которой своими корнями уходит в 1970-е гг., декларирует уважение личности учащихся, создание благоприятной атмосферы с интеграцией игровой деятельности, перерывов для двигательной активности, похвалы, юмора, положительных эмоций в образовательный процесс и недопустимость в целом жестких мер наказания. Таким образом, когнитивно выделенным в структуре мотивированной единицы, сформировавшей новую категорию, является концептуальная характеристика «*weich*». Сложное слово обнаруживало положительную аксиологическую оценку. Изменение социокультурной информации, сопряженной с данной категорией, происходило на фоне двух факторов. Условно объективной первой предпосылкой явились более низкие показатели 2002 г. сформированных компетенций немецких учеников на фоне более благоприятных данных по образовательным достижениям учащихся других стран. Все неудачи школьного образования средства массовой информации связали исключительно с соответствующей теорией, хотя общеизвестным фактом является многообразие и неоднородность образовательного пространства Германии. Второй,

не менее веской причиной приобретения отрицательной оценки сложным словом, объективирующим педагогическую концепцию, стало его использование в медийном дискурсе для борьбы с оппонентами. Всё это способствовало закреплению отрицательной оценочной составляющей, соотносимой с мотивированным словом, что было подтверждено в ходе проведенного нами ассоциативного эксперимента с информантами. В качестве стимула для реакции на соответствующее сложное слово носителям языка было предложено высказывание, заимствованное из медийного источника *Telepolis*. Несмотря на то, что по своей форме данное высказывание приглашало к дискуссии, большинство респондентов были единодушны в оценке упомянутой педагогической концепции.

Так, представленные выборочно реакции участников эксперимента являются типичными в ответах на просьбу высказать собственные суждения, привести ассоциации в отношении лексемы *die Kuschelpädagogik: 1. Negativer Ausdruck für pädagogisches Konzept, dem unterstellt wird, dass es von Kindern keine Leistungen erwartet. 2... keine Strenge, Disziplin usw. Dagegen viel Verständnis, das Kind steht im Mittelpunkt. Der Begriff ist das negativ konnotiert. 3... Kinder vergeuden die Zeit mit Spielen und nicht mit Lernen. 4... demokratisch, viel Verständnis, wenig Disziplin, Schimpfwort* и т.п. Положительные или нейтральные ассоциации, подобные данному мнению: *Spaßpädagogik, Unterricht nicht als Stress, gute Atmosphäre zwischen Kursleiter und TN, Förderung und individuelle Unterstützung statt Strenge und Pauken, Pädagoge als Lernhelfer und Form von Unterricht, die auf Eigeninitiative der KT baut*, среди опрошенных респондентов составили абсолютное меньшинство.

Таким образом, обновляясь под влиянием социального контекста, когнитивная структура мотивированного слова *die Kuschelpädagogik* претерпевает изменения, приобретая частичную размытость понятийного содержания и новую аксиологическую окраску и, по сути, вступая в когнитивный диссонанс с ассоциативным рядом, закрепившимся в национальном сознании под воздействием целого ряда иных композитов с неядерным компонентом *Kuschel-*.

Собственно, данные эксперимента подтверждают мысль о том, что в процессе кодирования и декодирования смысла взаимодействуют *социальный* и *индивидуально-личностный* фактор. Соответственно, в процессе интерпретации смысла субъект речемыслительной деятельности опирается как на стереотипные представления социума, так и на собственные знания и приобретенный опыт. Влияние социальных стереотипов на процесс формирования индивидуальных смыслов существенно в общественном немецком сознании, о чем свидетельствует сформированность отрицательной аксиологической оценки по отношению к характеризующей концепции среди участников эксперимента, как правило, не имевших ни собственного опыта ее реализации, ни опыта педагогической работы с детьми в школьных учреждениях. Однако несмотря на диктат дискурса и социума, в процессе инферентного вывода субъект речемыслительной деятельности может извлекать отличные от объективируемых непосредственным дискурсом и не совпадающие с доминирующими в

социуме смысловые нюансы, оценки или ассоциации. Об этом свидетельствуют положительные или нейтральные мнения отдельных респондентов, сопровождаемые акцентом на иных смысловых нюансах, что сопряжено с индивидуальным характером знаний и психологическими особенностями индивидов.

Данные проведенного исследования позволяют также констатировать, что не только дискурс высвечивает естественный объективный процесс социальных, культурных изменений общества, следствием которых являются преобразования когнитивных структур соответствующих вторичных единиц номинации, но и отдельные представители общества сознательно используют дискурсивные тактики в качестве мощного средства влияния на массовое сознание ради достижения определенных целей. Это приводит к субъективно обусловленным сдвигам в когнитивных структурах конкретных лексем. В медийном дискурсе с целью формирования определенного отношения общества к референту или ситуации используют лексемы с когнитивно выделенной оценочной составляющей, закрепляя в массовом сознании эмоционально-оценочный комплекс, ассоциируемый с данными словами, и выводя из фокуса внимания понятийную составляющую. Следствием процесса дефокусирования становится размывание границ смысла соответствующих лексем.

Подводя итог, важно сделать акцент на том, что мотивированное слово как динамическая структура обнаруживает живую связь с обществом и индивидом. Преобразования в политической, социальной, культурной сферах общества детерминируют преобразования когнитивных структур мотивированных единиц, объективирующих соответствующие категории. Дискурс, обнаруживая взаимообусловленную связь с обществом, оказывает влияние на развитие словообразовательных концептов, модифицируя их в связи с объективными потребностями общества и субъективным фактором, обусловленным потребностью манипулирования общественным сознанием в интересах определенной группы лиц. Инференция, как когнитивный процесс участника коммуникации, осуществляется с опорой на знание культуры, социального окружения, стереотипных ситуаций, действий, ценностей, закрепившихся и формирующихся в определенном социуме на конкретном этапе его развития, с одной стороны, и на собственные знания и приобретенный опыт участника коммуникативного процесса – с другой. Таким образом, в процессе кодирования и декодирования смысла слова взаимодействуют и находят отражение установки, опирающиеся как на социальный, так и индивидуально-личный опыт. И, соответственно, извлекаемые в процессе инферентного вывода субъектом речемыслительной деятельности смысловые нюансы и эмоционально-оценочные ассоциации могут быть различными у участников коммуникативного процесса и не совпадать с авторскими интенциями, объективируемыми живым дискурсом.

Литература

Воронина Л.В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов: дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2022.

L.V. Voronina (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL CONTEXT IN THE PERCEPTION OF GERMAN REASONED WORDS

The research focuses on the understudied problem that the interpretation of the notion of reasoned units is conditioned by the knowledge of live sociocultural information. The article concludes that the difference in the extracted semantic nuances and evaluations is determined by the correlation of social and personal experience, which defines the individual character of 'living' knowledge.

Key words: sociocultural information, reasoned word, stereotype, individual character of knowledge, psychological features of the communicator

Н.Н. Ворopaев (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

voropaev@iling-ran.ru

КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ФОРМИРУЮТ КОГНИТИВНУЮ БАЗУ КИТАЙЦЕВ

Прецедентные фразеологизмы китайского языка даньгу и чэньюй рассматриваются как важные инструменты формирования когнитивной базы носителей китайского языка. Важные знания о событиях истории, культуре, а также фрагменты китайской философии и литературной классики на протяжении веков зафиксировались в виде даньгу. Четырехсложные даньгу перешли в категорию самых употребительных выражений чэньюй.

Ключевые слова: китайский язык, даньгу, чэньюй, фразеология, когнитивная база

В китайском языке в силу большой длительности непрерывной исторической и литературной традиции накопилось огромное количество классических прецедентов, которые были зафиксированы многократно в разного рода поэтических и прозаических письменных текстах в различных формах (как правило от двуслога до семислога) и превратились во фразеологизмы даньгу. Этот вид фразеологизмов до недавнего времени не был всесторонне исследован. «Даньгу – это сюжеты или слова/выражения (тропы) из древних книг, упоминаемые или цитируемые в поэзии и прозе» [ССКЯ 1993: 242].

Наш анализ большого словаря даньгу показал, что эти языковые единицы фрагментарно передают информацию из древних книг о событиях/эпизоде былых времен или цитируют старинное литературное произведение посредством избранных в давние времена из соответствующих текстов образованными людьми прошедших эпох определенных иероглифов или фраз. Фразеологизмы даньгу состоят из 2-7 иероглифов, и в статьях больших словарей даньгу часто даются все возможные варианты этих фразеологизмов, количество которых может быть от 2 до более 60 по разным даньгу [Ворopaев 2023: 22].

Многие четырехсложные даньгу явились основой для наиболее употребительных фразеологизмов китайского языка чэньюй и в словарях даньгу являются,

как правило, заглавными в статье. «Чэньюй – это лаконичные и меткие словосочетания или фразы, которые с давних времен постоянно используются народом. Большинство чэньюй состоят из четырех иероглифов и, как правило, имеют источник. Некоторые чэньюй несложно понять, буквально воспринимая каждый иероглиф, но для понимания значения некоторых необходимо ознакомиться с историей их происхождения или сюжетом (дяньгу), лежащем в их основе» [ССКЯ 1993: 137].

Четырехсложные фразеологизмы чэньюй в свою очередь в словарях чэньюй представлены только в одном варианте, и можно сделать вывод, что прецедентные чэньюй являются квинтэссенцией идей и концептов, которые транслируются через века. Языковая форма чэньюй в виде ритмически устойчивого и пригодного и для устной речи четырехслога является идеальным носителем соответствующих идей и знаний, накопленных предками.

Существуют фразеологизмы дяньгу, которые зафиксированы в словарях дяньгу только в одном варианте, который также входит и в словари фразеологизмов чэньюй, например: 大同小异 «совпадение в основном и расхождение в частностях». В больших словарях дяньгу и чэньюй сообщается, что источник этого выражения Раздел «Поднебесный мир» Чжуан-цзы (《庄子·天下》), и приводится цитата, на основе которой возник данный фразеологизм: 大同而与小同异, 此之谓小同异; 万物毕同毕异, 此之谓大同异 «Быть подобным в большом, но различным в малом – это называется малое подобие и различие. Все вещи в конце концов едины и в конце концов различны – это называется большое подобие и различие». Как мы видим, из этой цитаты были выбраны ключевые иероглифы и был сформирован фразеологизм дяньгу/чэньюй 大同小异 [Чжао 2014: 138, Чжу 1985: 222].

Часто бывает, что фразеологизм представляет собой цельную фразу из текста источника, например: 一鼓作气 «первый удар барабана поднимает дух; обр. на одном дыхании» (имеется в виду удар боевого барабана как сигнал начала первой атаки, когда боевой дух воинов на максимальной высоте). Источник этого дяньгу Раздел 10-й год [правления] Чжуан-гуна книги Цзо-чжуань (《左传·庄公十年》). Приведем фрагмент текста источника: 夫战, 勇气也。一鼓作气, 再而衰, 三而竭。《Битва – это проявление духа героизма. Один удар в барабан укрепляет дух, повторный – ослабляет, третий – истощает» [Ли 2019: 39]. Что интересно, в большом словаре дяньгу даны еще два варианта дяньгу с идеей «на одном дыхании» (一鼓气无前, 一鼓之雄) и три варианта дяньгу с идеей 再衰三竭 «полный упадок духа; совсем пасть духом», который дан в этой же статье (再衰三涸, 再鼓衰, 三而竭). Как видно, фразеологизм 再衰三竭 сформирован уже путем избрания из текста ключевых иероглифов и устранения служебного слова 而 [Чжао 2014: 949]. Итого из 7 дяньгу, данных в большом словаре дяньгу в этой статье на дяньгу 一鼓作气, мы выявили два канонических чэньюй (一鼓作气 и 再衰三竭), которые входят в большой словарь чэньюй [Чжу 1985: 1379, 1486], что подтверждает нашу гипотезу, высказанную ранее, о том, что суть и функция дяньгу-тропов и чэньюй одна – делать язык образным, выразительным и не давать забывать богатую историю Китая,

но они часто различаются по форме, степени известности и сферам употребления [Воропаев 2024: 264].

Другой пример с дяньгу/чэньюем 出尔反尔 «не держать слова, нарушать слово, быть неверным данному обещанию». Источник данного выражения книга Мэн-цзы, вторая часть раздела Лян Хуэй-ван (《孟子·梁惠王下》). Вот фраза, на основе которой возник этот фразеологизм: 曾子曰：戒之戒之！出乎尔者，反乎尔者也。 «Когда-то Цзэн-цзы говорил: Берегитесь! Берегитесь! Что от вас исходит, то на вас же и обернется!». Первоначальное значение данного выражения «как ты относишься к людям, так и люди будут относиться к тебе», но в современном китайском языке оно означает «не держать слова» [СНУФЧ 2017: 105]. Этот факт говорит о постоянной необходимости уточнения значений дяньгу и чэньюев в словарях и специальных сборниках. Тем более, что множество дяньгу и чэньюев имеют не простую подоплеку.

По своему характеру подавляющее большинство фразеологизмов чэньюй являются прецедентными, то есть связанными с китайской историей и культурой. Факты публикации в Китае огромного количества словарей и сборников разного рода, например, [Ван 2015, Цю 2009], включая на электронных носителях и для детей детского возраста, в которых описываются истории возникновения чэньюев и даются толкования их значений, говорят нам о том, что для носителей китайского языка данные фразеологизмы являются важным инструментом формирования когнитивной базы. «Носителю языка важно знать значение идиомы» [Ковшова 2019: 87]. Подобные издания призваны поддерживать прецедентность фразеологизмов дяньгу и чэньюй в сознании носителей китайского языка с целью сохранения исторической памяти китайского народа.

Важнейшие фразеологизмы чэньюй заучиваются китайцами в период обучения в детском саду, средней школе и вузе. А ведь чэньюй это не просто красивые и лаконичные выражения, за каждым из них стоят конкретные деятели/персонажи и события/эпизоды истории, мифологии или литературной классики. Таким образом, формируется китайская языковая личность, которая наполнена избранными знаниями о культуре и истории своей страны, которые упакованы в стабильные языковые единицы, прошедшие отбор от размытой нестабильной стадии фразеологизмов дяньгу до стадии всем понятных и готовых для регулярного употребления в устной и письменной речи всеми социализированными китайцами фразеологизмов чэньюй.

Учитывая то, что чэньюев чрезвычайно много, в Китае делаются попытки их категоризации. Издаются сборники чэньюев, например, под такими названиями в рамках серии [Ван 2015] как «Успех и поражение» (成败篇), «Стремление вперед» (进取篇), «Слава и деньги» (名利篇), «Единство и солидарность» (团结篇), «Облик» (形貌篇), «Нужда и бедность» (贫苦篇), «Уродливые явления» (丑恶篇), «Дружба, любовь, привязанность» (情义篇).

Дяньгу тоже подвергаются категоризации, но уже больше в значении сюжет, хотя заголовок каждой истории в сборниках дяньгу-сюжетов является фразеоло-

гизмом дяньгу или чэньюем. Например, в сборнике [Цю 2009] выделены следующие категории: «Мифологические и легендарные сюжеты дяньгу» (神话传说典故), «Сюжеты дяньгу на основе исторических событий» (历史事件典故), «Сюжеты дяньгу, связанные с историческими личностями» (历史人物典故), Сюжеты дяньгу на основе притч» (寓言典故), Исторические сюжеты дяньгу, бытующие в народе (民间历史典故).

Тщательное исследование наиболее употребительных прецедентных фразеологизмов китайского языка дяньгу и чэньюй, многие из которых являются прецедентными именами эвентонимами [Воропаев 2012: 40], и других прецедентных феноменов китайскоязычного культурного пространства позволяет глубже изучить когнитивные механизмы, действующие в китайском лингвокультурном сообществе, и в итоге поможет нам лучше понимать китайскую языковую личность.

Литература

Ван Ц. Изучай чэньюй и познаешь Китай: знакомство с традиционной культурой Китая. 7 томов / Сост. Ван Цзюнь. Пекин: Издательство Каймин, 2015 (王俊. 读成语·识天下: 走进中国传统文化/王俊编著. 北京: 开明出版社, 2015).

Воропаев Н.Н. Классические сюжеты дяньгу Китая для воспитания детей // Дети в языке и культуре: (избранные) материалы конференции (Москва, 23-24 ноября 2023 г.) / отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: МАКС Пресс, 2023.

Воропаев Н.Н. От дяньгу к чэньюй // VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 1-3 октября 2024 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН; отв. ред. Е.Ф. Серебrenникова. Иркутск: Издательство ИГУ, 2024.

Воропаев Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Ковишова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Ли С. Военная мысль Китая: афоризмы / сост.: Ли Синбинь, Су Иань; пер. с кит. М.: Шанс, 2019.

СНУФЧ – Словарь наиболее употребительных фразеологизмов чэньюй / редкол. новой лексикографической литературы. Чжэнчжоу: Буревестник, 2017 (常用成语词典 / 知新辞书编委会编. - 郑州: 海燕出版社, 2017).

ССКЯ – Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 1993 (现代汉语词典, 商务印书馆, 北京, 1993).

Цю Ц. 108 исторических дяньгу, которые обязательно должны знать ученики начальной школы / сост. Цю Цайцзюнь. Хух-Хото, 2009 (小学生一定要知道的108个历史典故/邱彩君 主编 – 呼和浩特: 远方出版社, 2009).

Чжао И. Большой словарь дяньгу Китая / под ред. Чжао Индо. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2014 (赵应铎. 中国典故大辞典 / 赵应铎主编. 上海: 上海辞书出版社, 2014).

Чжу Ц. Большой словарь чэньюев китайского языка / под ред. Чжу Цзюань. Пекин: Хэнаньское народное издательство, 1985 (朱祖延. 汉语成语大词典 / 朱祖延主编. 北京: 河南人民出版社, 1985).

N.N. Voropaev (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

HOW PRECEDENT PHRASEOLOGICAL UNITS FORM THE COGNITIVE BASE OF THE CHINESE

Precedent phraseological units of the Chinese language *diangu* and *chengyu* are considered as important tools for forming the cognitive base of native Chinese speakers. Important knowledge about historical events, culture, as well as fragments of Chinese philosophy and literary classics have been recorded in the form of *diangu* over the centuries. Four-syllable *diangu* have moved into the category of the most used *chengyu*.

Key words: Chinese language, *diangu*, *chengyu*, phraseology, cognitive base

A.B. Гаврилова (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
praysnasty@gmail.com*

РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО ОЦЕНКА В ЯЗЫКЕ

В статье анализируется структура и содержание понятия профессиональной деятельности человека с целью выявления специфики оценки ее результата. На материале русского, английского и немецкого языков устанавливается зависимость оценки результата, ее критериев и способов языковой репрезентации от типов и видов деятельности, а также от конкретной профессиональной области.

Ключевые слова: оценка, результат, профессиональная деятельность, языковая интерпретация, оценочная концептуализация, оценочная категоризация

Когнитивная лингвистика, изучающая взаимосвязь языка и мышления, представляет собой динамично развивающуюся область с постоянно расширяющимся кругом исследований. При этом, несмотря на обилие эмпирических данных и теоретических моделей в данной сфере, оценка результатов профессиональной деятельности остается недостаточно изученной проблемой.

В социологии термин «профессиональная деятельность» трактуется как совокупность или система работ, выделенных в более или менее однородную целостность в рамках существующего общественного и технического разделения труда, которая выполняется относительно длительное время на основе специализированного образования и знаний и которая обеспечивает доход для поддержания существования человека [Маркович 1988: 302].

Понятие «оценка», согласно Н.Н. Болдыреву, в научном контексте трактуется как процесс вторичной языковой интерпретации знаний о мире, предполагающий схематизацию опыта (знаний объектов и событий) в соответствии с коллективными и индивидуальными нормами, идеалами, стереотипами, ценностями. В основе оценочной интерпретации лежат познавательные процессы оценочной концептуализации (осмысление объектов с позиций определенных оценочных шкал, принятых в

рамках той или иной культуры) и оценочной категоризации (осмысление объектов в рамках конкретной оценочной категории). Это приводит к формированию вторичных, оценочных, знаний и языковых структур, которые характеризуют данные процессы в статическом аспекте [Болдырев 2018: 257-258; 2021]. В динамическом аспекте эти когнитивные процессы представляют собой мысленное соотнесение объекта или явления с определенным оценочным концептом и/или категорией, или группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории [Болдырев 2018: 257-258, 275-276].

Существует множество подходов к оценке, различающихся по применяемым критериям. Оценка часто представляется как имеющая бинарную форму – она может определяться как положительная и отрицательная. Однако такая классификация не охватывает всей сложности процессов оценочной интерпретации. Так, оценка может быть общей, охватывающей общий результат, и частной, сосредоточенной на отдельных аспектах. Она может основываться на рациональных критериях, исходящих из логики и фактов, или на эмоциональных, учитывающих субъективные чувства и переживания человека. Различают также внешнюю оценку, осуществляемую независимыми наблюдателями, и внутреннюю, базирующуюся на самооценке. Наконец, оценка может быть абсолютной, основанной на объективных показателях, или компаративной, сравнивающей результат с другими результатами или эталонами [Фомина 2007: 157]. Оценка результатов профессиональной деятельности в сфере языка представляет собой сложный процесс, зависящий от множества взаимодействующих факторов: критериев и способов языковой репрезентации, от типов и видов самой деятельности, а также от конкретной профессиональной области.

Применительно к профессиональной деятельности положительная оценка характеризуется не только наличием самого результата, но и его значимостью, качеством исполнения, эффективностью достижения поставленных целей, а также учетом затраченных ресурсов (времени, усилий, средств), например:

Удивляет, что в каждом номере неестественно большое количество статей, на которые хочется откликнуться, дополнить, поспорить, попросить о продолжении (Татьяна Савельева. Обзор писем. 1997)).

Evgenia Medvedeva of Russia was a consensus pick to win the women's figure skating competition (Hilary Swift. Has Evgenia Medvedeva Missed Her Moment, Even Before It Arrives?).

*Aufgrund ihrer sportlichen Erfolge im In- und Ausland wurde ihr ... der Titel **Meister des Sports** verliehen (Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 21.06.2024).*

Отрицательная оценка, в свою очередь, не ограничивается простым отсутствием результата. Она может включать в себя анализ причин неудачи, оценку недочетов, недостаточную эффективность использованных ресурсов, а также выявление факторов, препятствовавших достижению цели:

В конце каждой проигранной игры тренер говорил: «Неважно, выиграли мы или проиграли, важно то, как мы играли» (Саймон Синек. Бесконечная игра (2020).

*His report on his **failed experiment** was deemed useful enough* (Walter Isaacson. Benjamin Franklin: An American Life. 2003).

*Dennoch schaffte der Niederländer es auf den zehnten Platz, durch die **Disqualifikation** von Sebastian Vettel wurde er nachträglich Neunter* (Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 01.07.2024).

Ключевым элементом оценки являются не просто полученные результаты, а их всесторонняя интерпретация в контексте поставленных задач, использованных методов, а также учет внешних и внутренних факторов, повлиявших на процесс профессиональной деятельности.

Понятие результата профессиональной деятельности непосредственно зависит от ее типа и вида. Можно условно выделить три типа профессиональной деятельности: физическая, интеллектуальная и комбинированная. В качестве результата физической деятельности выступает материальный продукт (создание чего-либо: *построить дом*), интеллектуальной – интеллектуальный продукт или достижение (*разработать проект умного дома*), комбинированной и/или то и/или другое (*написать оригинальную картину*). При этом оценка результата может содержаться в самом его представлении в языке как определенного достижения.

Согласно Л.С. Илюшину, достижение представляет собой качественную и эмоциональную оценку результата, отражающую степень личностного прогресса по отношению к предшествующим проявлениям [Илюшин 1995]. Форма проявления достижений зависит от типа деятельности. В физической сфере профессиональной деятельности достижением преимущественно является конкретное материальное поощрение за определенный вид деятельности (например, награда: «*медаль чемпиона*», «*гран-при на гонках*»). В интеллектуальной сфере профессиональной деятельности достижением является нефизический результат (например, ученая степень «*доктор наук*», «*премия Академии наук*»). В комбинированной – и материальные, и моральные поощрения (призы и премии, например, кинофестивалей). Некоторые виды достижений являются универсальной оценкой в любой сфере деятельности: *Заслуженный деятель науки, Заслуженный металлург /учитель* и т.д., призы и премии профессиональных конкурсов: *учитель года, менеджер года, ректор года, лучший по профессии*.

Для оценки достижений профессиональной деятельности используются определенные критерии. Критерий – это признак, на основании которого определяются принципы, правила оценки и средства проверки [Губский 1994: 226, 391]. Так, для каждой области существуют свои оценочные критерии. Можно выделить два основных типа критериев: качественные и количественные показатели.

Качественные показатели отражают сущностные характеристики объекта (явления, процесса, действия) и зависят от ценностных ориентаций субъекта. Они фокусируются на качествах, свойствах и основных характеристиках объекта оценки:

*Но это не умаляет статус романа, признанного **шедевром антиутопии*** (Изольда Гиллеспи. Почему стоит прочитать «451 градус по Фаренгейту?»).

It is good as an anatomical study, but purely divine ... as a work of art (Walter Isaacson. Leonardo da Vinci (2017).

wurden amerikanische Wissenschaftler zunehmend für ihre Beiträge zur Wissenschaft, der Formulierung von Konzepten und Theorien, anerkannt (Vereinigte Staaten // Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 24.06.2024).

Количественные критерии оценивают степень соответствия объекта (явления, процесса, действия) ценностным ориентациям субъекта с помощью числовых показателей. Они фокусируются на величине, степени, интенсивности и других измеримых характеристиках:

на турнире в Скандерборге в 2003 году... Сашикиран проиграл пять партий из девяти (Рустам Касымжанов. Обуздание эмоций. 2004).

Emma Coburn ... won a bronze medal for the United States in the 3,000-meter steeplechase at the 2016 Rio Olympics (The New York Times. 21.12.2021).

Ein hart erkämpftes 2:0 am 30. März 1947 in Worms war der entscheidende Schritt zur ersten regionalen Meisterschaft nach dem Krieg; mit 23:5 Punkten und 75:15 Toren gewann Fritz Walter als Spielertrainer mit seiner Mannschaft die Meisterschaft in der 1. Liga Südwestdeutschland Nord, wobei er selbst 22 und Ottmar 23 Tore erzielte (Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 01.07.2024).

Важно подчеркнуть, что различие между количественными и качественными оценками относительно. Критериями оценок для количественных показателей являются определенные нормативы, для качественных – достижения. Данные критерии служат основанием для соотнесения объекта оценки (его оценочной категоризации) с количественной (много, мало, достаточно, недостаточно) или качественной категорией и, как следствие, для формирования соответствующих результативных оценочных смыслов (см. также: [Болдырев, Федяева 1920]).

Таким образом, оценка – это процесс вторичной языковой интерпретации знаний, основанный на оценочной концептуализации и оценочной категоризации. В профессиональной деятельности оценка результатов зависит от критериев и способов представления результатов, типов и видов деятельности: физическая, интеллектуальная, комбинированная. Положительная оценка подчеркивает значимость, качество и эффективность деятельности, а отрицательная – включает анализ причин неудачи и выявление препятствий. Оценка результатов использует качественные и количественные критерии, отражающие сущностные характеристики и степень соответствия ценностным ориентациям субъекта.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 2 (45). С. 34-44.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14.

Губский Е.Ф., Кораблева, Г.В., Лутченко В.А. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994.

Илюшин Л.С. Ориентация педагога на личностные достижения учащихся в общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1995.

Маркович Д. Социология труда: пер. с сербскохорв. М.: Прогресс, 1988.

Фомина Ю.А. Аспекты изучения языковой оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 20. С. 154-161.

A.V. Gavrilova (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

THE RESULT OF PROFESSIONAL ACTIVITY AND ITS EVALUATION IN LANGUAGE

The article analyses the structure and content of the professional activity concept with aim to reveal the specifics of its result evaluation. Using the material of Russian, English and German the author argues that the result evaluation largely depends on evaluation criteria and ways of its linguistic representation, as well as on types of activity in the specific professional.

Key words: evaluation, result, professional activity, linguistic interpretation, evaluative conceptualization, evaluative categorization

Л.И. Гишкаяева (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

lgishkayeva@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ПАРЫ ПРАВДА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

Статья посвящена рассмотрению концептуальной пары ПРАВДА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ в русской и английской паремиологической картинах мира. Выбранный для анализа материал – паремии, содержащие лексемы *правда* в русском языке, *truth* в английском, извлечены из лексикографических источников. Показано, что в русской лингвокультуре правда составляет смысл жизни человека, а стремление к справедливости свойственно природе человека. В английской лингвокультуре правда является устремлением человека с момента рождения, т.е. это жажда правды заложено природой.

Ключевые слова: концепт; семантика; паремия; русская паремиология; английская паремиология, концептуальная пара ПРАВДА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В последнее время концепт все чаще изучается как семантическое образование с лингвокультурной спецификой, характерной для носителей определенного этноса. Следует отметить, что существует множество интерпретаций термина *концепт*, которые рассматривают его как часть картины мира, возникающий в сознании человека в результате постижения действительности. Актуальность исследования концепта, с одной стороны, обусловлена необходимостью лучшего понимания своей этнической культуры, а с другой – активной межкультурной коммуникацией.

Концепт ПРАВДА / TRUTH выступает одним из самых важных среди культурных и морально-этических концептов. В ряде работ отмечается связь понятий *вера – правда – истина* [Радбиль 2018], *правда – справедливость* [Топорова, Беляева 2024] в русском языковом сознании. М.И. Агиенко делает важный для нашего исследова-

ния вывод: «Представление о правде и истине для русского человека связано с религиозной сферой, представление о truth для носителей английского языка связано с правовой сферой» [Агиенко 2005: 6].

К.Г.Н. Бейн отмечает в своей работе: «Высшей ценностью в мире все народы считают нравственно-правовую категорию справедливость» [Бейн 2022: 256].

Данная статья посвящена репрезентации концепта ПРАВДА / TRUTH в русском и английском языках средствами паремиологии. Объектом исследования выступает концепт ПРАВДА в сознании носителей русского и английского языков, который отражен в пословицах и поговорках, содержащих лексемы *правда* / *truth*.

Настоящее исследование проведено в рамках паремиологических корпусов рассматриваемых языков по всем материалам, находящимся в открытом доступе, прежде всего, лексикографическим сборникам. При необходимости с целью определения точного значения английских пословиц осуществлен их дословный перевод.

В своей работе мы используем такой элемент лингвоаксиологического анализа, как выделение семантических доминант, объединяющих паремии и «позволяющих выразить основные смыслы и морально-нравственные установки» [Ломакина 2021: 173]. Для характеристики концептуальной пары ПРАВДА – СПРАВЕДЛИВОСТЬ, репрезентированной в паремиях, В.С. Масляков и Т.А. Нагорная в своей работе выделили следующие семантические доминанты, которые выражают стереотипы мышления каждого из этносов: «1) необходимость правды / справедливости в жизни общества; 2) сила правды / справедливости; 3) неверие в правду / справедливость – источник всех бед и страданий на Земле; 4) тоска по справедливости» [Масляков 2018: 73].

В русских пословицах, которые относятся к первой группе, доминируют семантика «Правда – одно из самых важных условий в отношениях между людьми». Пословицы показывают, что только справедливые отношения между людьми являются гарантией мира на Земле, в семье и везде, где есть человек: «*Мир только правдою держится*» [Уваров]; «*На правде свет стоит*» [Уваров]; «*Дело мира правдою сильно*». Сов. [Уваров]. Правда необходима и в управлении государством: «*Царю пуще правда нужна*» [ТСД]; и в семье: «*Любовь правдой крепка*» [Уваров]; «*Варвара мне тетка, а правда сестра*» [ТСД]; «*Живи правдой в людях, живи правдой и дома*» [ПРН]; и в обучении: «*Грамота не злом, а правдой сильна*» [Уваров]; и в споре: «*Если правда на твоей стороне, любого переспоришь*» [Уваров]; везде, где человек: «*Жив человек – жива и правда*» [Уваров]; «*Где народ, там и правда*» [Уваров]; «*Где Дон, там и правда*» [Уваров]. Где есть правда, там господствует гармония: «*Где правда, там и истина*» [РПП]; «*Где правда, там и счастье*» [РПП]; «*Правда беды не приносит*» [Уваров]. Общество всегда на стороне правды: «*Стой за правду горой, тогда и люди будут с тобой*» [Уваров]; «*Держись за правду, будут за тебя держаться все добрые люди*» [Уваров]. Когда человек идет не по верному пути, то его ждет кара: «*В правде люди помогают, а за неправду карают*» [РПП].

Ряд паремий, которые призывают к справедливости, обнадеживают русского человека на непростом пути к правде. Правде надо верить: «*Верь не силе, а правде*»

[Уваров]. Бояться правды не нужно: «*Не бойся смотреть правде в лицо*» [Уваров]; надо смириться и принять ее: «*С правдой не судись*» [БСРП].

Семантика «Желание справедливости характерно человеку»: «*Молодое сердце всегда ближе к правде*» [Уваров]; «*Всякая правда очищает*» [БСРП]; «*Счастье хорошо, а правда лучше*» [СО].

Семантика пословиц «Справедливость там, где добрые дела и честность» делает акцент на том, что честь и честность всегда следуют за правдой: «*Где честь, там и правда*» [Уваров]; «*Правда и честность – достоинства человека*» [Уваров]; «*Честный правды не боится*» [Уваров]; «*В ком честь, в том и правда*» [РПП]; «*Правда сама себя честит (читит)*» [БСРП].

Правда ассоциируется с добром: «*Правда с хорошими людьми живет*» [Уваров]; «*Где нет правды, там и добра нет*» [Уваров]; «*Кто правдой живет, тот добро наживет*» [СО]; у правды нет ничего общего с ложью: «*Где обман, там правды нет*» [Уваров]; «*На лжи правды не вырастишь*» [Уваров]. Правда ассоциируется со светом, кто совершает добрые дела, тому не надо прятаться: «*Кто любит свет, тот любит правду*» [Уваров]. Для того, чтобы увидеть правду, необходима мудрость: «*Правда можно увидеть только мудрыми глазами*» [Уваров].

Англоязычные паремии не представляют таких различных аргументов необходимости правды, как это прослеживается в русском языке. Семантика «Желание справедливости является естественным качеством человека» говорит о заинтересованности в правде, ее защиты и надежды на успех с ее помощью. Пословицы, которые объединены данной семантикой, отражают, что людям по природе характерно стремление к правде: *All men naturally have some love of truth* 'Всем людям от природы присуща некоторая любовь к правде' [Christy]; *Wise men love truth, whereas fools shun it* 'Мудрые люди любят истину, в то время как глупцы избегают ее' [Proverbs and English sayings]; *A true Irishman respects the truth*. Ir. 'Истинный ирландец уважает правду' [Proverb Ex. From around the world].

Во второй группе «Правда является источником стремлений человека к общему благополучию» паремии раскрывают готовность человека в преодолении тягот, чтобы достигнуть справедливости: *Truth and honesty keep the crown o' the causey*. Scot. 'Правда и честность смело и победно идут своим путем' [Cordry]; *Truth is the spring of heroic virtue*. Am. 'Истина – это источник героической добродетели' [Ibid.]. Отделять добро от зла человек может только, основываясь на справедливости: *Truth always brings division between right and wrong* 'Правда всегда приводит к разделению между правильным и неправильным' [Mieder].

В третьей группе «Правда защищает человека» объясняется, что англичане ценят правду за ее защиту и помощь: *Truth is the best buckler*. Am. 'Правда – лучшая защита' [Christy]. С правдой не пропадешь, она – верный друг, вселяющий веру: *Truth, harsh though it be, is a faithful friend* 'Правда, какой бы суровой она ни была, – верный друг' [Mieder]. Правда дает награду: *Truth pays best*. Am. 'Правда вознаграждает лучше всего' [РАСПП]. Данная семантика показывает, что правда / справедливость является инструментом, с помощью которого можно получить блага и награды, то есть

англичане ценят правду за то, что она дает им личную выгоду: предоставляет возможность добиться успехов, защищает, правда обеспечивает безопасность. В английском языке, как видно, пословицы показывают нам, что путь к правде лежит через разум, т.е. в них отсутствуют понятия, свойственные желаниям сердца.

Таким образом, в русской лингвокультуре правда составляет смысл жизни человека, а стремление к справедливости свойственно природе человека. В английской лингвокультуре правда является устремлением человека с момента рождения, т.е. это чувство жажды правды заложено природой.

Литература

Агиенко М.И. Структуры концептов правда, истина, truth в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Бейн К.Г.Н. Влияние юридических пословиц и поговорок на формирование правового обычая (на примере русских и немецких паремий) // Образование и право. 2022. № 7. С. 254-258.

БСРП – Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 т. М.: Худ. лит., 1989.– ПРН

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2006. – ТСД

Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172-175.

Масляков В.С., Нагорная Т.А. К вопросу о справедливости в контексте изучения концепта «Правда», вербализованного в лексемах правда, truth и verdad (на материале русских, английских и испанских пословиц и поговорок) // Язык и культура. 2018. № 44. С. 71-86.

Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятия веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2018. С. 23-35.

РАСПП – Русско-английский словарь пословиц и поговорок / А. Маргулис, А. Холодная. McFarland & Company, Inc., Publishers, Jefferson, North Carolina, and London, 2000.

РПП – Русские пословицы и поговорки / под редакцией В. П. Аникина. М.: Худ. лит., 1988.

СО – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Азъ, 1992.

Топорова В.М., Беляева Н.Л. Концепты «вера» и «правда» в семантическом пространстве русского языка // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 698-702.

Уваров Н.В. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения. М.: Инфра-Инженерия, 2009.

Christy R. Proverbs, Maxims and Phrases of all Ages. New York, 2010. URL: <http://www.bartleby.com>

Cordry H.V. The Multicultural Dictionary of Proverbs. McFarland & Co., 1997. Jefferson, North Carolina, USA.

Mieder W., Kingsbury S.A., Kelsie B. Harder. A Dictionary of American Proverbs. New York: Oxford University Press, 1992.

Proverbs and English Sayings. One of the largest collections online. 2015. Truth. URL: <http://www.english-sayings.com>

Proverb Examples from around the World. British and American Proverbs. 2008-2011. URL: <http://www.examplesof.com>

L.I. Gishkaeva (Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL PAIR TRUE – JUSTICE IN RUSSIAN AND ENGLISH PAREMIOLOGY

The article is devoted to the consideration of the conceptual pair TRUE – JUSTICE in Russian and English paremiological pictures of the world. The material selected for analysis – paremias containing the lexemes *pravda* in Russian, *truth* in English, are extracted from lexicographic sources. It is shown that in the Russian linguoculture, *truth* is the meaning of human life, and the desire for justice is inherent in human nature. The source of *truth* in the English are natural prerequisites, since *truth* and a righteous life are human aspirations from birth.

Key words: concept; semantics; paremia; Russian paremiology; English paremiology, conceptual pair TRUE – JUSTICE

Л.А. Говорова (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
govorova_la@pfur.ru*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В БЛОГОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА АМЕРИКАНИЗМОВ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХСЯ В БЛОГАХ ЖИТЕЛЕЙ МЕКСИКИ, КОЛУМБИИ, АРГЕНТИНЫ, ПЕРУ)¹

Статья посвящена выявлению когнитивно-прагматического потенциала культурно детерминированных лексических единиц в блогговом дискурсе носителей мексиканского, колумбийского, аргентинского и перуанского национальных вариантов испанского языка. Полученные результаты не только дают представление о современных лексико-семантических реалиях, но и позволяют проследить особенности словоупотребления и мировоззренческих установок в сравнительно-сопоставительном аспекте, отражая специфику исследуемых национальных вариантов испанского языка.

Ключевые слова: Латинская Америка, маркеры национальной идентичности, блогговый дискурс, Мексика, Колумбия, Аргентина, Перу

Работы, тематика которых сопряжена с межвариантной диалектологией плюрицентричных языков, становятся еще более востребованы в цифровую эпоху, так как из социальных медиа можно извлечь обширный репрезентативный материал для разного рода исследований. Актуальность рассмотрения такого формата интернет-коммуникации как блогговый дискурс обусловлена дигитализацией языка.

В рамках данной статьи интерес представляют отдельные национальные варианты испанского языка (мексиканский, колумбийский, аргентинский, перуанский), поскольку в разных странах Латинской Америки исходный смысл общеиспанской

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст», реализуемого на базе РУДН имени Патриса Лумумбы (грантовое соглашение № 24-18-00702).

лексика зачастую приобретает особые оттенки значений. В этой связи приведем мнение известного ученого Т.Б. Радбиля относительно исходного значения слов, изложенное в его учебном пособии по когнитивистике: «исходное значение – всего лишь один из вариантов концептуализации ситуации, оно «вырезает» и фиксирует определенную конфигурацию компонентов. Говорящие могут использовать это же слово для обозначения другой, похожей ситуации, но тогда нужно «вырезать» другую конфигурацию компонентов, которая подходит для этой другой ситуации» [Радбиль 2018: 148]. Исходя из вышесказанного можно говорить о том, что лексические единицы, которым присуща национальная окрашенность, обусловленная прежде всего категорией пространства, являясь компонентами единой системы испанского языка, могут расцениваться как лексические маркеры национальной идентичности.

Методология опирается на сравнительный, лингвокогнитивный, лингвокультурологический анализ, метод дискурс- и контент-анализа. На основе медиаконтента 40 блогов (по 10 из каждой страны) были выявлены лексемы, характеризующие специфику реализации языковых формул и мировоззренческих установок представителей рассматриваемых лингвокультур. Для поиска значений выявленных единиц языка были использованы Словарь Королевской академии испанского языка [Diccionario de la lengua española] и Словарь американизмов Ассоциации академий испанского языка [Diccionario de americanismos]. В ходе исследования было установлено, что отражение социокультурного пространства в речевых паттернах жителей Мексики, Колумбии, Аргентины и Перу наиболее заметно в отдельных лексико-семантических полях. Среди самых многочисленных из них можно выделить:

- обиходно-бытовые реалии, например лексема «друг», обращение к друзьям – *cuate, güey* (Мексика), *llave, parceró* (Колумбия), *boludo* (Аргентина), *pata, choche, causa* (Перу); «родители» – *jefes* (Мексика), *cuchos* (Колумбия), *cochos* (Перу) и др.;
- гастрономические реалии, например, лексема «еда» – *itacate, botana* (Мексика), *mecato* (Колумбия), *morfi, morfe* (Аргентина), *jama* (Перу) и др.;
- передача спектра положительных эмоций или выражение одобрения, например, *chido, padre* (Мексика), *paila, cuca, chimba* (Колумбия), *posta, bárbaro* (Аргентина), *bacán, paja* (Перу) и др.;
- наименования денежных средств, например, *bola* (американский доллар), *lana, pisto, marmaja, baro (varó), biyuyo, feria* (Мексика); *palo, billuyo, barra, luca* (Колумбия); *luca, teca, mango, palo, chirola* (небольшое количество денег), *mosca, biyuya* (Аргентина); *cocos* (американский доллар), *ficha, marmaja, luca, palo, mango, lana* (Перу) и др.;

Проведя комплексный анализ систематизированных лексико-семантических полей, мы пришли к заключению о том, что их распространенность объясняется значимостью данных концептов и символов в жизнедеятельности носителей рассматриваемых национально-культурных менталитетов. Следует отметить, что многие из перечисленных этноспецифических единиц языка относятся к неформальному регистру общения и/или разговорному стилю, поэтому значение некоторых из

них не представлено в официальных лексикографических источниках. Кроме того, случаи созвучия отдельных фонетических оболочек слов и использования аналогичных лексических единиц мотивированы относительной близостью географического положения выбранных для исследования латиноамериканских стран, следовательно, обнаруживающиеся на словарном уровне диалектные признаки, «которые отличают язык крестьянского населения от языка образованных слоев» [Михеева 2007: 45] могут иметь закономерные пересечения. К тому же, справедливо утверждение о том, что термин «диалектный признак», «приобретает новое содержание и включает в себя не только отличное, но и общее, свойственное диалекту и литературному языку» [Там же].

Другим актуальным в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане атрибутом национальной идентичности выступают особенности вечернего и ночного досуга вне дома среди латиноамериканской молодежи, которые передаются при помощи следующих современных реалий, выступающих в качестве синонимов общеиспанского глагола *salir: dar el rol* (Мексика); *cuadrar, parchar* (Колумбия); *bolichear* (Аргентина); *tonear* (Перу). В этом контексте также стоит упомянуть один из самых популярных на сегодняшний день напитков, *chela* (приравняется к общеиспанской лексеме *cerveza*), появившийся в Мексике и позднее получивший распространение и в других странах Латинской Америки, особенно среди молодых людей, которые предпочитают подобного рода отдых. Отметим, что данная лексическая единица равным образом зафиксирована в речевых образцах жителей Колумбии, Перу, Чили, Сальвадора, Гватемалы и Боливии. В свою очередь, в контексте дружеских встреч в Перу используется лексема *parar* в значении «проводить время». В отдельных зонах Аргентины распространен глагол *ranchar*, обозначающий поход в гости к друзьям. Данный глагол, как и описанное выше мексиканское выражение *dar el rol*, на данный момент не представлены в Словаре Королевской академии испанского языка и Словаре американизмов Ассоциации академий испанского языка.

В рассмотренных блогах были выявлены и другие лексемы, использующихся в блогах Мексики, Колумбии, Аргентины и Перу, тем не менее их значение не зафиксировано в указанных словарях, с опорой на которые осуществлялось исследование. Представим несколько примеров: *morros* (молодые люди), *¿mande?* (используется в качестве синонима вопросительных слов *cómo* и *qué* в отдельных контекстах) – Мексика; *boleta* (стыд, смущение), *pola* (пиво), *jincho* (быть нетрезвым) – Колумбия; *gorra* (полиция), *¿viste?* (используется в качестве синонима глаголов *saber* и *entender* в отдельных контекстах), *feca* (крепкий кофе) – Аргентина; *¿manyas?* (используется в качестве синонима глаголов *saber* и *entender* в отдельных контекстах), *estar chihuán* (не иметь денег), *pelar* (обокрасть) – Перу.

Таким образом, осуществив анализ и систематизацию лексических единиц в рамках блогов носителей мексиканского, колумбийского, аргентинского и перуанского национальных вариантов испанского языка, нами было обнаружено множество примеров культурно-маркированных единиц языка (включая отличные от об-

шеиспанского лексического фонда), которые можно отнести к маркерам латиноамериканской идентичности, типологизация которых позволила выделить их основные лексико-семантические поля. Проявляясь как на лексико-семантическом, так и на когнитивно-языковом уровнях, данные маркеры дают нам возможность в определенной степени охарактеризовать коллективный и культурный опыт латиноамериканцев сквозь призму их речевых паттернов.

Литература

Радбиль, Т.Б. Когнитивистика: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2018.

Михеева Н.Ф. Межвариантная диалектология испанского языка: учебное пособие. М.: РУДН, 2007.

Diccionario de americanismos / Asociación de Academias de la Lengua Española. URL: <https://www.asale.org/damer/>

Diccionario de la lengua española / Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/>

L.A. Govorova (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

LEXICAL MARKERS OF NATIONAL IDENTITY IN BLOG DISCOURSE (BASED ON THE CORPUS OF AMERICANISMS USED IN BLOGS OF RESIDENTS OF MEXICO, COLOMBIA, ARGENTINA, PERU)

The article is devoted to the identification of the cognitive-pragmatic potential of culturally determined lexical units in the blog discourse of native speakers of Mexican, Colombian, Argentine and Peruvian national variants of Spanish. The results obtained not only give an idea of modern lexico-semantic realities, but also allow us to trace the features of word usage and worldviews in a comparative aspect, reflecting the specifics of the studied national variants of the Spanish language under consideration.

Key words: Latin America, markers of national identity, blogging discourse, Mexico, Colombia, Argentina, Peru

Е.Е. Голубкова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет;

Финансовый университет при Правительстве РФ)

katemg@yandex.ru

А.Г. Захарова (Москва, Россия)

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации

un_bello_gesto@mail.ru

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТАББРЕВИАТУРНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Настоящая статья ставит своей целью рассмотреть инициальные английские отаббревиатурные производные, в составе которых содержится название политической организации. Высокая аксиологическая нагруженность этих единиц позволяет нам утверждать, что эти еди-

ницы являются прецедентными по своей природе. Концептуальное значение единиц такого рода можно вычислить с помощью ряда когнитивных методик.

Ключевые слова: отаббревиатурные производные, когнитивное словообразование, аксиологическая нагрузка, концептуальное значение, прецедентный компонент

В ряде работ мы рассматривали особенности семантики отпрецедентных номинаций типа *shrekitivity*, *zorroesque*, *peter pandemic*, применяя к их анализу методы фреймовой семантики, перефокусировки внимания, концептуальной интеграции, конструкционного анализа [Голубкова, Захарова 2023]. В данном сообщении мы ставим целью продемонстрировать, что производные единицы, созданные на основе аббревиатур (которые мы вслед за Л.В. Ивановой называем отаббревиатурными), обладают определенной степенью прецедентности, а их семантика конструируется на основе перечисленных выше принципов когнитивного словообразования. Изобилие отаббревиатурных производных в современном англоязычном дискурсе СМИ объясняется их полифункциональностью, прагматической нагруженностью и краткостью. Отаббревиатурные производные, как указывает Л.В. Иванова, характеризуя единицы немецкого языка, способны выполнять широкий круг функций: номинативную, выразительную, аттрактивную, контактоустанавливающую, функцию языковой экономии, роль маркеров отнесения человека к определенному социуму [Иванова 2010]. В последнее время наблюдается игра со значением аббревиатур и в англоязычных СМИ. Журналисты все чаще обыгрывают аббревиатуры и производные от них с тем, чтобы привлечь внимание публики к тем или иным событиям в общественной, политической и культурной жизни общества, используя их деривационный потенциал и включая в различные лексико-грамматические конструкции. Иными словами, «примеривая» на отаббревиатурные единицы словообразовательные процессы различного характера: суффиксацию, префиксацию, блендинг (контаминацию), словосложение, фразово-глагольные единицы и даже компрессивы. Отметим, что далее мы будем работать исключительно с инициальными английскими аббревиатурами-названиями международных организаций в качестве словообразовательных основ.

Отаббревиатурные единицы в нашем материале содержат официальное название политической организации или международного объединения. Расшифровка их значения требует у реципиента наличия фоновых знаний о сути их деятельности и неперменной оценки этой деятельности с точки зрения как автора сообщения, так и реципиента. В этом смысле единицы являются прецедентными, так как в них включаются и прагматические, и аксиологические компоненты. Прецедентный характер отаббревиатурных производных, таких как *to be BRICSed up*, *NATO-compatible*, *ASEANology* определяется также тем, что они вызывают уникальную систему ассоциативных связей в сознании носителей языка, а также имеют определенную эмоциональную значимость для представителей определенной лингвокультуры. «Считываемость» оценочной нагрузки аббревиатуры определяется степенью и характером прецедентности политической организации.

Семантика производных от аббревиатур определяется также действием аналогических словообразовательных процессов, включая фонологическое сходство прототипа лексико-грамматической конструкции и деривата. Так, в газете *Iran times* мы находим заголовок «Seek to be *BRICSed up*» и следующий текст: *Iran and Argentina have both applied to join BRICS, a grouping of Brazil, Russia, India, China and South Africa that was founded in 2009 primarily to challenge the supremacy of the US dollar and has since created the New Development Bank to act as a rival to the Western-dominated World Bank and International Monetary Fund* [International Iran times]. Созданное по аналогии с фразовым глаголом в конструкции BE V-ed UP (*be fixed up*), со значением «договориться, согласовать», отаббревиатурное производное концептуализируется следующим образом: Иран и Аргентина хотят, чтобы их обращение с просьбой о принятии их в БРИКС было удовлетворено (согласовано). Наблюдается также аналогия по звучанию с глаголом *fix up* и содержится положительная оценка действия.

Фонологическое сходство иллюстрируется также и на примере *ASEANology* из следующего контекста: *Since 2012, when Cambodia impeded ASEAN's ability to produce a joint statement, analysts whose view of the sub-region has been limited to headlines have precipitously focused their gaze on the group's meetings and summits, scouring communiqués and parsing out sentences for anything related to the South China Sea (what one analyst dubbed "ASEANology")* [Laksmana]. Данный дериват образован по аналогии с *oceanology*, *philology*, *potterology* и наследует общее концептуальное значение конструкции: отрасль науки, исследование чего-либо, в данном случае стран региона Южно-Китайского моря. Кроме того, аналитик назвал этим словом все события, относящиеся к региону Южно-Китайского моря. А под Южно-Китайским морем метонимически понимаются страны АСЕАН, так как само море находится на территории нескольких стран этого альянса, таким образом проводится аналогия со словом *oceanology*. Фонологическая структура и «словоподобное» звучание такого рода аббревиатур гарантируют их вхождение в разнообразные конструкции и создание новых производных по аналогии со стандартными узусными случаями.

Ряд отаббревиатур включается в процесс словосложения. Еще один интересный пример производного на основе аббревиатуры ASEAN – *ASEAN-umbrella* проявляется в следующем контексте: *this is done by creating conducive conditions for increasing interaction through the overall co-operation carried out under the ASEAN-umbrella* [China-US Focus]. Выражение *under the ASEAN-umbrella* можно перевести «под эгидой, под покровительством АСЕАН». Название политической организации включается в сложное слово, и в нем содержится как высокий уровень положительной оценки, так и высокая степень прецедентности. При этом активизируется знание о том, что АСЕАН – мощная, сильная организация, способная защитить своих членов.

Одним из самых разветвленных словообразовательных гнезд является кластер производных от аббревиатуры NATO. Формирование значения отаббревиатуры-композиата *NATO-sceptic* целесообразно описать на основе процесса концепту-

альной интеграции. Рассмотрим производное *NATO-sceptic* в следующем контексте: *Essentially today the SNP moved from being anti-NATO to being NATO-sceptic. Because of a recognition of the importance of continuity and of mutual co-operation between nations and, in particular the nations of northern Europe NATO has been given a chance, a chance to prove itself as an organisation that can work in the interests of Scotland and of all its members* [COCA]. *Sceptic* диктует отрицательное отношение к объекту, выраженному основой. Формант *sceptic* и аббревиатура NATO (в данном контексте обозначая коннотативно нейтральное название организации) вступают во взаимодействие в процессе концептуальной интеграции, и в итоге в бленде формируется смешанное интегрированное пространство, определяющее скептическое, но не совсем отрицательное отношение Шотландской национальной партии к НАТО. Скептический подход к НАТО противопоставляется радикальному неприятию организации – анти-NATO.

Характерное для английского языка явление компрессии было также замечено в отаббревиатурных единицах. Примерами могут служить такие производные как *NATO-may-be-irrelevant* из корпуса COCA и *Unesco-award-winning* из корпуса iWeb. Оба этих отаббревиатурных производных выполняют атрибутивную функцию. Подчеркнем, что и в этих единицах заключена оценка. В первом случае она резко отрицательная, а во втором нейтральная. Это важно для понимания статьи и для интерпретации знания, стоящего за прецедентным именем (политической организацией). Краткий обзор семантики отаббревиатурных производных позволил выделить характерные для них номинативные свойства:

- 1) экономия языковых средств (по умолчанию);
- 2) различная, но, как правило, высокая степень прецедентности;
- 3) аналогия – встраивание в имеющуюся в языке лексико-грамматическую конструкцию;
- 4) активация аксиологического (коннотативного, оценочного) компонента в семантике аббревиатуры (для России БРИКС – это союзническая организация, а для Великобритании – это противник).

Таким образом, концептуализация организации в отаббревиатурных дериватах зависит от позиции наблюдателя, поэтому при интерпретации значения таких производных нужно учитывать источник цитаты (агентство, газета) и соответственно оценку деятельности организации, проявляющуюся в более широком контексте. Весь процесс концептуальной деривации в производных такого рода можно описать с помощью ряда когнитивных методик: концептуальной интеграции, фреймовой перефокусировки или уподобления существующей лексико-грамматической конструкции. Пользователь должен узнать аббревиатуру, определить концептуальное значение единицы (возможно, опираясь на отдельный прототипический образец), и, затем, вывести значение отаббревиатурной единицы, включив все приращения аксиологического типа в конструируемое значение.

Литература

Голубкова Е.Е., Захарова А.Г. Shrekitivity или словообразовательная активность отпрецедентных имен с когнитивной точки зрения // Когнитивные исследования языка. 2023. 2 (53). С. 26-30.

Иванова Л.В. Структурно-семантические и функционально-прагматические особенности отаббревиатурной лексики: на материале немецкоязычных текстов СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010.

China-US Focus. URL: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/asean-china-and-the-south-china-sea-dispute-management/>

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

International Iran times. URL: <https://iran-times.com/seek-to-be-bricsed-up/>

Laksmana E. ASEAN and the mud on the US-China strategic lens. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/asean-mud-us-china-strategic-lens/>

E.E. Golubkova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University
Financial University under the Government of the Russian Federation

A.G. Zakharova (Moscow, Russia)

MGIMO University

NOMINATIVE PECULIARITIES OF DERIVATIVES FROM ABBREVIATIONS WITH PRECEDENT COMPONENT

The article in question aims to examine initial English derivatives from abbreviations that contain the name of a political organization. The high axiological load of these units allows us to assert that these units are precedent by nature. The conceptual meaning of units of this kind can be calculated using a number of cognitive methods.

Key words: derivatives from abbreviations, cognitive word-building, axiological load, conceptual meaning, precedent component

Т.А. Гридина (Екатеринбург, Россия)

Уральский государственный педагогический университет
tatyana_gridina@mail.ru

Н.И. Коновалова (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина
sakralist@mail.ru

ЭРГОНИМЫ В АСПЕКТЕ ИХ ВОСПРИЯТИЯ И ПОРОЖДЕНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

В статье представлены экспериментальные данные, верифицирующие особенности «считывания» названий городских объектов с компонентом-зоонимом целевой аудиторией – детьми младшего и среднего школьного возраста. Выявлены стратегии, используемые респондентами при переходе от простого воспроизведения сформировавшихся представлений об эргонимах к различным мыслительным операциям с ними.

Ключевые слова: эргонимикон, языковая игра, когнитивные стратегии речевого развития

Корпус номинаций, организующих пространство любого города, отражает и формирует мировоззренческие установки социума (см.: [Язык ... 2006; Русский ... 2014; Виданов, Муль 2020; Бекасова 2022; Рацибурская 2022; Гридина, Коновалова 2023]). В данной статье представлены результаты экспериментального исследования психологической реальности содержания эргонимикона в детском языковом сознании. Источником материала послужили рефлексивные высказывания детей 5-х – 7-х классов общеобразовательной школы №67 г.Екатеринбурга. Решение задачи осуществлялось в ходе поэтапной (многошаговой) верификации ассоциативного наполнения эргонимов с использованием свободного и направленного ассоциативных экспериментов, а также ономастического эксперимента. В качестве стимульного материала использовались названия магазинов зоотоваров, ветеринарные клиники и аптеки, приюты для животных, контактные зоопарки Екатеринбурга, включающие в свой состав лексику и фразеологию кластера «зоонимы, зооморфизмы». Интерпретация эргонима рассматривается нами как речемыслительный «рефлексивный акт» по поводу названия, отражающий ценностные ориентиры языковой личности ребенка, его общекультурную и речевую (текстовую) компетенцию (см.: [Гридина, Коновалова 2022]). Продемонстрируем логику исследования, некоторые результаты и предварительные выводы.

1. На основе **свободного и направленного ассоциативного экспериментов** были смоделированы ассоциативные поля анализируемой группы эргонимов, что позволило выявить ассоциативные доминанты восприятия названий. Например: Стимул представлен вместе с невербальной «аранжировкой» названия. **«Все как у зверей»** – контактный научный зоопарк (в названии обыгрывается прецедентное выражение «все как у людей»). Аранжировка названия: визуальный ряд подчеркивает научно-исследовательский, образовательный профиль учреждения (буква С в виде микроскопа) и разнообразие видов животных (буква **З** стилизована под змею, **В** – цвета верблюда и т.д.). Полученные реакции на стимул позволили смоделировать ассоциативное поле эргонима и выявить ассоциативные доминанты его восприятия детьми: ассоциативные доминанты поля: места содержания животных (*зоопарк, контактный зоопарк, приют для животных, живой уголок в школе; зоомагазин, территория зверей; зверопарк*); названия животных и родовые обозначения (*змея, медведь, белые медведи, хищники; волки, обезьянки, бежемот; всякие птицы; тигр, животные, черепаха, львица со львятками; жираф, сурикатик, лиса, олень*); эмоционально-оценочное отношение к зоопарку: положительное (*экскурсия, выходной с бабушкой, аттракцион, можно покататься на пони, кукуруза, вкусняшки*) и отрицательное (*в клетке плохо, волк жалобно воет, зверям негде побегать*). В ассоциативном поле по данной выборке респондентов отсутствуют синтагматические реакции и в диапазоне словесных реакций доминируют ассоциации координативного типа (вид-вид), причем ядерными являются названия наиболее типичных представителей фауны.

Вариант направленного ассоциативного эксперимента предполагал оценку эргонима по шкалам «креативное – некреативное, удачное – неудачное, нравится – не

нравится». Заметим, что преобладают реакции со знаком «+»: название *креативное* (обыгрывает выражение «все как у людей», подчеркивает, что животные как мы; нестандартное название, вызывает интерес); *нравится* (потому что это не просто зоопарк, а научный); *удачное* (оно какое-то «человеческое»); *привлекает внимание и взрослых, и детей*).

2. Эксперимент на выявление стратегий **восприятия названий** предполагал актуализацию мотивационной рефлексии: по инструкции респондентам нужно было написать, почему объект так называется (модель и аналог такого эксперимента см.: [Гридина, Коновалова 2024]). Примеры ассоциирования: *Аквариаль* (зоомагазин): *там перекрашивают собак и кошек под цвет радуги // моют животных // продают водяных животных // там есть змеи, крокодилы // солнечная акварель*. В данном случае выделяются два направления ассоциирования: по созвучию с *акварель* и *аква, аквариум* → связь с животными, обитающими в воде); *лекарства, которые выписывают котам, когда у них стресс* (возможно, по аналогии с известной в каждой семье линейкой лекарств, в названиях которых есть префиксоид *аква-*). Можно отметить, что подобного рода паронимическая аттракция – одна из доминирующих стратегий декодирования детьми незнакомого слова, в т. ч. эргонима.

3. На следующем этапе назначение объекта не указывалось, участникам эксперимента предлагалось по заданным эргонимам предположить, что (какой городской объект) может так называться. В качестве стимульного материала целенаправленно были отобраны объекты разного назначения, в названия которых входят либо сами зоонимы, либо их устойчивые ассоциативные «партнеры» (слова той же тематической группы).

Мокрый нос (ветеринарная клиника): *какая-то мойка // капли на носу от дождя // это значит собаку помыли, и у нее мокрый нос, не высушили // собаку намочили, и мокрый нос стал // заболел // ковид // простыл* (ассоциации с типичным симптомом болезни).

Мастерская царапки (мастерская по изготовлению аксессуаров для животных): *где воспитывают кошек // где кошки царапают обои на стене // маникюр для кошек // мастерская по ремонту диванов, которые кошки исцарапали // мастерская по ремонту автомобилей // СТО (станция техобслуживания), в которой исправляют царапины на машинах*.

Пятнашка (приют для собак) *Там собаки далматины // игра, кого-то ловят // кто-то ловит кошку или дрессирует ее // мультик // кличка какая-то // название пятнистой улицы // машина такая Лада-ваз // у дедушки пятнашка*. Основная стратегия декодирования заложенной в эргониме информации – ориентация на ситуативный контекст, личностный опыт.

4. Как известно, восприятие и порождение вербальной информации – взаимообусловленные, но не изоморфные процессы [Норман 2020], поэтому одним из этапов исследования был **ономасиологический** эксперимент. Детям предлагалось придумать названия объектов городского пространства, связанных с животными. Приведем некоторые примеры из полученной выборки:

Зоомагазины: «4 лапы», «Котэ», «Cat dog», «Мягкие лапки», «Все для наших любимчиков», «2 кошечки», «Кусака», «Песик и котик», «Зверополис», «Лохматые питомцы», «Гав-мяу». Приюты для животных: «Дом для животных», «Лохматый друг», «Хорошие лапки», «Теплые лапки», «Веселый пес», «Я хороший», «Мистер приют». Ветеринарные клиники: «Для 4 лапок», «Больница для животных», «Спокойный кот», «Котоврач», «Айболит вылечит», «Помощь животным», «Друзья меньше всегда будут здоровы». Результаты ономаσιологического эксперимента демонстрируют предметно-наглядный и наглядно-действенный характер мыслительных операций детей анализируемой возрастной группы в процессе создания собственных эргонимаций. Придуманные эргонимы в основном прямо называют функцию объекта и связаны только с личным опытом ребенка (на основе связи «слово → предмет», «слово → ситуация»), что не является основой для сложного обобщения. Ср. толкования и номинации симпрактического типа: «Дом животных» – где живут животные, врач лечит животных; «Мокрый нос» – заболел, простыл и т.п. Образные метафорические номинации есть, но они в основном клишированные, стереотипные или подражательные. Ср. номинации, во-первых, повторяющие известные бренды: «4 лапы», «Cat dog» (без амперсанда, как в оригинале «Cat&dog»), «Счастливое животное»; во-вторых, эргонимы прецедентного характера «Скорая помощь», «Айболит», «Пальма»; в-третьих, названия по существующим частотным (продуктивным) моделям, типа «Зверополис», «Мир животных», «Планета собак», «Зооалактика» (с припиской: там оставляют зверей, когда мы куда-нибудь уезжаем).

Отметим редкие, но вполне удачные, на наш взгляд, попытки придумывания шуточных (игровых) номинаций: «Собака сама себя оденет», «Приносите сюда своих надоедливых собак и кошек» (импликатура «мы их продадим»), «Хочу лечу», «Лечите собак и кошек!», «Заберите меня в семью». Номинативная «нестандартность» таких эргонимов отражает ставшую популярной в последнее время синтаксическую модель интерактивных номинаций разных городских объектов.

В целом отмечаются затруднения детей в переходе от простого воспроизведения сформировавшихся представлений к различным мыслительным операциям с ними: перефразирование, введение в новый контекст (номинация городского объекта), выбора разных вариантов номинативных моделей.

Литература

Бекасова Е.Н. Границы трансформации антропонимов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 446-457.

Виданов Е.Ю., Муль И.Л. Куркулий, котий, залазий и другие элементы современных периодических систем (к вопросу о миромоделирующей функции языковой игры) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 98-105.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Динамика языкового сознания в свете лексикографических данных и эргонимаций // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 4. С. 323-336.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Лингвокреативный потенциал эргономинаций в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2 (52). С. 30-45.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Модели номинации образовательных учреждений в свете ценностных ориентиров современного общества // Отечественная филология. 2024. №2. С. 55-63.

Норман Б.Ю. Формальные ассоциации слов как стимул (двигатель) текстопроизводства // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 48-62.

Рацибурская Л.В. Словообразовательная креативность в освоении социально значимых слов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 200-211.

Русский язык в многогребном социокультурном пространстве / Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина, И.Т. Вепрева [и др.]; отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2014.

Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография / И.А. Стернин, К.М. Шилихина, Ю.Е. Прохоров [и др.]; отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2006.

T.A. Gridina (Yekaterinburg, Russia)

Ural Pedagogical University

N.I. Konovalova (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin

ERGONOMY IN THE ASPECT OF PERCEPTION AND GENERATION: EXPERIMENTAL DATA

The article presents experimental data verifying the features of “reading” the names of urban objects with a zoonymic component by the target audience – children of primary and secondary school age. The strategies used by respondents in the transition from simple reproduction of formed ideas about ergonyms to various mental operations with them are revealed.

Key words: ergonyms, language game, cognitive strategies of speech development

М.Н. Грицаченко, Т.Л. Колосовская (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет
mn.roik@yandex.ru, kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ БИБЛЕИЗМА «КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ» В СИНТАКСИЧЕСКУЮ КОНСТРУКЦИЮ «КТО НЕ V1, ТОТ (НЕ) V2»¹

В статье представлен исторический путь формирования и развития библеизма *кто не работает, тот не ест* от первоисточника до современного употребления. Рассмотрены прагматические аспекты: функционирование этого библеизма в речи носителя языка, в ходе которого он трансформировался в синтаксическую конструкцию.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №25-28-01412.

Ключевые слова: фразеология, библеизм, синтаксическая конструкция, коллоквиалистика, когнитивная лингвистика

В современном мире в связи с постсоветской демократизацией общества, ослаблением цензуры, вульгаризацией речевого и литературного стандарта употребление фразеологизмов стало весьма активным. Главное обстоятельство – функционирование слова в новых социальных условиях: политике, предпринимательстве, общественных мероприятиях [Мокиенко 2012].

Особое место среди фразеологизмов занимают библеизмы – слова, устойчивые словосочетания и афоризмы библейского происхождения [Мокиенко 2017]. В.М. Мокиенко отмечает, что в современном употреблении библеизмов «многие пишущие и говорящие не могут точно идентифицировать источник таких единиц, что разрушает или искажает историческую и культурологическую информацию, которая аккумулирована в них. Вторым распространенным типом ошибочного употребления крылатых слов и выражений является искажение их формы и содержания» [Мокиенко 2017]. Всё это приводит к порождению новых выражений и даже синтаксических конструкций. Рассмотрим это явление на примере библеизма *кто не работает, тот не ест*, ставшего пословицей и используемого в речи, когда мы хотим сказать о недопустимости безделья и тунеядства [Мокиенко 2017].

Истоки выражения восходят к Новому Завету (2 Фес 3: 10): «Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если **кто не хочет трудиться, тот и не ешь**». Речь идет об общинном обычае евреев, согласно которому, чтобы получать какие-то блага, каждый должен трудиться, а если не будет, то остальные не должны оказывать ему поддержки (Barnes' Notes on the Bible).

В старославянском переводе (Острожская Библия) библеизм имел другой вид: «ибо егда бѣхомъ оу васъ, сіе завѣщавахомъ запрѣщающе, ꙗко аще не хоцеть кто дѣлати, да не ясть» (2 Фес 3: 10). Это связано с тем, что в Септуагинте, с которой был осуществлен перевод, был использован глагол «ἐργάζομαι», который может означать как «делать», так и «работать». Первое упоминание встречается в старорусском историческом подкорпусе НКРЯ в виде цитаты библейского стиха: «своими руками пишу набывающе, яко рече великий апостоль: «Аще кто не дѣлаеть, да не ясть» (А. Курбский. История о великом князе Московском (1564-1583)). В церковнославянском историческом подкорпусе всего два контекста отражают смысл будущего библеизма, например: «ѡѡ ꙗкѡ не безчинновахомъ у васъ, ниже туне хлѣбъ ѡдохомъ у когѡ, но въ трудѣ и подвижѣ, ношѣ и день дѣлающе, во сже не втягчити никогѡже ѡ васъ» (Добролюбие (1902). Часть 4. [11] Святого Кассиана Римлянина, о восьми страстных помыслах. Его же к Леонтию игумену).

В основном подкорпусе НКРЯ обнаружено 65 употреблений библеизма *кто не работает, тот не ест*. Первое приходится на сочинение В.И. Ленина: «кто не работает, тот не должен есть» (В.И. Ленин. Государство и революция. 1917). С этого момента библеизм закрепляется и активно распространяется. Уже в это время появляются варианты: «кто не работает, тот ест / не совершает ошибок / не занимается

любовью» и другие. Библеизм начинает функционировать в речи как синтаксическая модель или конструкция, обладающая идиоматичностью.

«В отечественной лингвистике идиоматичность трактуется как невыводимость общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов (семантическая целостность, слитность значений лексем); как глобальность номинации, роднящая идиоматичное сочетание слов с единым словом; как буквальная непереводаемость на другие языки» [Савицкий 2006: 11]. Идиоматичность характерна для конструкции – «языкового выражения, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Так как в конструкции есть переменные части, то она может выглядеть следующим образом: «кто не V1, тот (не) V2», где V1 и V2 – вариативные компоненты, выраженные глаголами.

В ходе анализа был проведен опрос среди 113 респондентов, в котором спросили, знакомо ли им выражение «кто не работает, тот...», затем предложили заполнить пропуск. 93,3% респондентов ответили, что данное выражение им знакомо. Пропуск был заполнен следующим образом: 76,3% – «не ест»; 10,8% – «несчастен», «не добивается успеха», «не отдыхает», «трутень», «не выловит рыбки из пруда», «не живет, а существует», «филонит»; 8,6% – «отдыхает», «счастлив»; 4,3% – «ест». Результаты опроса показали, что у большинства респондентов данное выражение вызывает ассоциации с библеизмом, некоторые предложили семантически близкие варианты (осуждение тунеядства). Примечательно, что часть респондентов предложила заполнить пропуск так, что смысл меняется на противоположный (поощрение тунеядства).

В основном, газетном, мультимедийном, устном подкорпусах и подкорпусе социальных сетей НКРЯ всего по запросу «кто не V, тот V» было найдено 1807 вхождений, среди которых в 198 примерах (10,9% от общего количества) был использован библеизм *кто не работает, тот не ест* или его варианты.

По структуре можно разделить их на следующие группы: 1) использование библеизма *кто не работает, тот не ест* (63,3%); 2) использование конструкции с модификациями второй части без семантических изменений (15,6%); 3) использование конструкции с модификациями второй части с семантическими изменениями (15,6%); 4) использование конструкции с модификациями первой части (3,5%); 5) использование конструкции с модификациями обеих частей (2%).

Интерес представляют все случаи, раскрывающие вариативность конструкции. Например, во второй группе встречаются такие контексты:

1) Однако эта всефлотская забастовка была подавлена самым решительным образом при помощи претворения в жизнь принципа: «Кто не работает, тот не только не ест, но и не дышит» (В. Тучков. Русская книга военных // «Новый Мир». 1999). Пример 1) показывает, как происходит расширение конструкции «не только не ест, но и не дышит» и за счет этого – усиление смысла.

2) Советы, сказал, должны быть для трудящихся. Кто трудится и работает. А кто не работает, того, говорит, к чертовой матери выкинуть. Действительно! Выкинуть! Разумный народ! (А.С. Макаренко. Три разговора. 1937). Пример 2) показывает, что вторая часть конструкции может быть выражена страдательным залогом, усилена за счет экспрессивного выражения («к чертовой матери»). При этом идея, заложенная в библеизме, сохраняется.

В третьей группе большую часть заняли примеры с использованием варианта «кто не работает, тот ест», который чаще всего приводится как отсылка на фильм «Операция Ы». Так как речь актеров – это квазиспонтанная речь, очевидно, что подобная трансформация произведена умышленно для создания комического эффекта. Были и другие варианты:

3) Кто не работает, того не за что прорабатывать. Sic! Пару раз за долгие три года интернатуры начмед ставил вопрос о ее увольнении. И главному врачу приходилось напоминать своему заместителю, что уволить интерна нельзя (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений». 2010). В примере 3) представлена языковая игра – вторая часть конструкции создается за счет однокоренного глагола из первой части. При этом меняется смысл обеих частей: не работать в данном случае означает не быть официально трудоустроенным, не быть «проработанным» – не быть наказанным, уволенным.

4) Многие эксперты говорят о тяжелом правительственном кризисе. Депутаты Госдумы уже обсуждают целесообразность вынесения вота недоверия кабинету министров... С моей точки зрения, правительство вполне работоспособно. Кто не работает – тот не совершает ошибки. (О. Тропкина. Тройка уже есть, но фамилий не скажу // Независимая газета. 31.03.2003). Контекст 4) иллюстрирует синтез двух выражений «кто не работает, тот не ест» и «не ошибается тот, кто ничего не делает». В результате такого слияния рождается новый вариант со значением: не работая, можно избежать ошибок. Примечательно, что подобный вариант встречался в нескольких контекстах.

5) (Ю.Д. Мостославский, муж, директор музея) Неправда. Неправда. Вы знаете вот/ вót/ может быть/ на самом деле была проблема/ я не знаю/ ну я не знаю/ какая была проб. Знаете/ тóт/ кто не ленился/ тот зарабатывал. И вот я помню/ что отец никогда не ленился и мы ездили Калымская трасса. (Беседа с директором музея. 2009). В примере 5) видно, как могут быть изменены обе части конструкции, но при этом идея библеизма в таком варианте полностью сохраняется.

Кроме того, встречались смешанные контексты:

6) Кто не рискует, тот не ест. Этот сезон выдался особенно удачным для любителей грибов. Во влажном лесу их так много, что кажется, будто они сами бросаются под ноги. К сожалению, любовь к грибам требует жертв – по данным Госсанэпиднадзора, только в 23 субъектах РФ зарегистрировано 457 случаев отравления грибами, из них 34 – летальных. (Кто не рискует, тот не ест // Известия. 22.09.2003). Очевидно, что в примере 6) происходит синтез двух выражений «кто не

работает, тот не ест» и «кто не рискует, тот не пьет шампанского». Возникновение подобной комбинации указывает на очевидную языковую игру.

Проведенный анализ выявил различные варианты образованной от библеизма конструкции, изучение которых необходимо для осмысленного понимания носителями как русского, так и других языков.

Литература

Мокиенко В.М. Библеизмы в современной русской речи: как их правильно понимать и употреблять. М.: Центрполиграф; СПб.: Рус. тройка-СПб, 2017.

Мокиенко В.М. Жизнь русской фразеологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. 4 (52) Т. 4. С. 59-62.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/>

Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / под ред. Е.В. Рахилиной. М.: Азбуковник, 2010. С. 18-79.

Савицкий В.М. Основы теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006.

Bible Hub: Search, Read, Study the Bible in Many Languages. URL: <https://biblehub.com>

*M.N. Gritsachenko, T.L. Kolosovskaya (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

THE TRANSFORMATION OF THE BIBLICISM “NO SONG, NO SUPPER” INTO THE SYNTACTIC CONSTRUCTION “WHO DON’T V1, (DON’T) V2”

The article discusses the historical way of the formation and evolution of the biblical expression *no song, no supper* from its origin to its contemporary usage. It also describes pragmatic aspects, such as how this biblicism functions in the speech of native speakers and how it has been transformed into a grammatical structure.

Key words: phraseology, biblicism, syntactic construction, colloquialisms, cognitive linguistics

Шуан Гуань (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
sygbi97825@gmail.com*

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА ТРАВЛЯ НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА

В современном мире проблема существования травли становится все более острой, затрагивая различные сферы общественной жизни. Данное исследование посвящено анализу концепта ТРАВЛЯ с помощью фреймового подхода, что позволяет не только уточнить современное понимание данного концепта, но и выявить его ключевые характеристики в различных социальных контекстах.

Ключевые слова: концепт ТРАВЛЯ, анализ концепта, когнитивное моделирование, фреймовый анализ, современный медиатекст

Медиатексты играют важную роль в формировании общественного сознания и норм. Концепт ТРАВЛЯ представляет собой социальное явление, тесно связанное с концептами власти, агрессии и коммуникации. Проблема травли активно обсуждается в обществе, однако с точки зрения когнитивной лингвистики она остается

недостаточно изученной. В условиях увеличения доли интернет-коммуникации данный концепт получил новую форму выражения и восприятия. Метод когнитивного моделирования, который помогает анализировать языковые явления, является эффективным инструментом для понимания травли с разных точек зрения и в различных аспектах.

Теория фреймов концептуального знания развилась на основе работ американского лингвиста Чарльза Филмора [Fillmore 1961]. Метод фреймового анализа использовался для описания языковых структур, в последние годы он широко применяется в когнитивной лингвистике при описании концептов [Мурашова 2014: 40]. Предполагая наличие определенной конфигурации слотов в структуре концепта, выявляют элементы стереотипной информации, которые, как принято считать, могут быть как простыми признаками реальных объектов, так и отражать более сложные фоновые знания [Суралева 2012: 68].

На сайте Газета.Ру за 11 месяцев 2024 г. мы собрали 291 текстовый фрагмент с использованием слова *травля*. Фреймовый анализ позволяет структурировать признаки концепта ТРАВЛЯ по слотам в зависимости от актуализируемых в контексте значений: конфликт в школе и образовательных учреждениях и злоупотребление властью (32.6%); клевета и нападки в СМИ (32.0%); ряд неправомерных действий в политической деятельности; (13.4%); злоумышленное поведение в рабочей среде (6.9%); дискриминация в социально-культурной сфере (5.5%); насилие в семье (1.0%); конфликты в личной и общественной жизни (6.9%); термин для обозначения социальной проблемы (1.0%) и специальное устраиваемое натравливание (0.6%). Для того, чтобы обеспечить наиболее четкое и интуитивно понятное описание концепта, мы рассматриваем различные параметры: субъекты / объекты, причины, формы, последствия и меры противодействия, которые в своей совокупности отражают основное и типичное содержание концепта ТРАВЛЯ в современном медиатексте.

В сознании российской аудитории школьная травля является неизбежной темой, отражающая сложное социально-психологическое явление, в котором явно прослеживается иерархия взаимоотношений участников конфликта. В центре концепта лежит идея систематического негативного воздействия, которое проявляется через различные формы агрессии – от психологического давления до физического насилия. В периферийных компонентах концепта можно выделить причинно-следственные связи, где корни причин лежат в социально-психологических факторах, а последствия выражаются в нарушении психоэмоционального состояния жертвы. Стоит отметить, что в современном восприятии травля приобретает институциональный характер, что находит отражение в создании систем противодействия этому явлению на законодательном и административном уровнях (табл. 1). Например, *девочка решила на самоубийство из-за травли в школе*.

Таблица 1. Травля как конфликт в школе

Субъекты-объекты	Вертикальные отношения: Учитель – ученики; Ученики – учитель; Родитель – учитель Горизонтальные отношения: Ученики – ученики; Группа учеников – ученик
Причины	Психологические: Депрессивные и тревожные расстройства; Эмоциональная нестабильность; Подавленное состояние Социальные: Давление со стороны группы; Деление на «своих» и «чужих»; Дискриминация Педагогические: Недовольство поведением учителя; Нарушения в воспитании подростков; Несовершенство системы образования (Недостатки в системе школьного управления; Отсутствие четких правил и процедур) Семейные: Ухудшение отношений в семье; Конфликты с родителями; Проблемы семейного воспитания; Отсутствие поддержки со стороны родителей
Формы проявления	Физическое насилие: Избиение; Толкание Психологическое давление: Словесные оскорбления; Насмешки; Угрозы; Публичные унижения; Шантаж; Издевательства; Исключение из группы; Кибербуллинг
Последствия	Психологические: Депрессивные и тревожные расстройства; Эмоциональная нестабильность; Подавленное состояние Поведенческие: Устойчивое избежательное поведение; Склонность к насильственным действиям Образовательные: Проблемы с академической адаптацией; Проблемы с социальной адаптацией Системные: Подрыв авторитета учителя; Чувство вседозволенности; Безответственность
Меры противодействия	Законодательные: Закон о недопустимости травли; Штрафные санкции Административные: Мониторинг руководителей; Единая школьная форма; Обращение в Комиссию по делам несовершеннолетних Социальные: Информационные памятки в соцсетях; Волонтерские мероприятия; Блокировка агрессоров в интернете Психологическая поддержка

Анализ показывает, что в сознании читателя сформировано представление о том, что «травля» в СМИ – уникальное социальное явление, обладающее специфическими семантическими характеристиками. В его основе лежит продолжительное негативное воздействие через агрессивные языковые средства, такие как массовые критические комментарии, клевета и угрозы. Агрессорами могут быть как профессиональные журналисты, так и обычные интернет-пользователи, а жертвами часто становятся публичные личности. Например, *Пользователи форума раскрыли личные данные Скуфына: его адрес и информацию о семье. Это привело к травле....*

Анализ фрагментов следующего слота показывает, что для читателей не новость, что в политической сфере травля проявляется через информационные войны

и использование административного ресурса, где основными акторами выступают политические деятели и активисты, а также влиятельные СМИ и журналисты. В отличие от других форм травли, политическая травля часто носит организованный характер и реализуется через государственные институты. Например, *Дипломат 28 сентября выступил на общих прениях в рамках 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В том числе он высказался об «односторонней травле» в виде различных рестрикций и экономических блокад;*

В сознании читающей СМИ части российского общества есть представление и о травле в профессиональной среде. В языковом выражении этого концепта можно увидеть четкую дифференциацию терминов: помимо общего понятия «травля», активно используются такие специфические термины, как «моббинг» и «боссинг», что говорит о развитии профессионального дискурса в этой сфере. Когнитивная структура концепта ТРАВЛЯ включает как профессиональные аспекты (дискриминация, занижение статуса, неудачные задания), так и психоэмоциональные компоненты (газлайтинг, игнорирование, вербальная агрессия). Особое значение имеет то, что этот концепт неразрывно связан с понятием власти, статуса и профессиональной идентичности. Например, *Весной 2022 года фигуристка утверждала, что ей пришлось покинуть группу тренера Евгения Рукавицына из-за травли в свой адрес. По словам фигуристки, тренер позволял себе критиковать ее за вес.*

В социально-культурной сфере травля часто связана с дискриминацией по различным признакам: расовым, религиозным, гендерным, где субъектами выступают различные социальные группы. Издевательства могут принимать форму словесного и физического насилия, социальной изоляции, дискриминационной политики и практики и так далее. Такое поведение направлено на унижение и маргинализацию целевой группы и причинение психологического и эмоционального вреда. Например, *Максим Никулин обвинил дрессировщика Эдгара Запаиного в травле женщин.*

Через анализ концепта ТРАВЛЯ в области личной и общественной жизни можно увидеть, что это многослойное языковое явление. Оно отражает формы конфликтов в обществе, включая как традиционные формы домогательства в реальной жизни, так и новые виды интернет-насилия. Что касается субъектов, то агрессоры часто представляют собой обычных людей, в то время как жертвы могут быть из любых социальных групп – от знаменитостей до простых граждан. Травля влияет не только на психическое здоровье жертвы, но может затронуть и ее семью, нанося реальный ущерб. Например, *В Черногорске против пожаловавшейся на коммунальщиков пенсионерки началась травля из-за ее украинской фамилии.*

Неожиданно, что доля слота, связанного с семейным насилием, оказывается небольшой, что объясняется, видимо, тем, что в современном медиадискурсе чаще предпочитают использовать прямое обозначение действия, такие как «насилие», вместо «травля».

Помимо вышеупомянутых слотов, встречаются и такие фрагменты, где «травля» используется как термин в определенной области, обозначающее социальную проблему, такие как *Уполномоченный по правам человека Татьяна Москалькова заявила, что в России нужно ввести ответственность за буллинг и травлю*.

Таким образом, можно сделать вывод, что «травля» является сложным языковым концептом и социальным явлением, охватывающим несколько областей и уровней. Контексты популярной общественно-политической газеты показывают, что в сознании современного российского общества травля наиболее распространена в образовательной среде и в СМИ, ее формы продолжают эволюционировать с развитием общества – от традиционного физического насилия до информационных атак в виртуальной среде. В целом, проведенное исследование не только выявляет многогранные когнитивные характеристики концепта ТРАВЛЯ, но и предоставляет важную теоретическую основу для понимания и противодействия этой социальной проблеме.

Литература

Краткий словарь когнитивных терминов / сост.е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1997.

Мурашова Л.П. Концептуально-когнитивный фрейм // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 6. С. 16-22.

Попова З.Д. И.А. Стернин. Когнитивная лингвистика Когнитивная лингвистика: учебное издание. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2010.

Суралева Е.Н. Использование методов когнитивного моделирования в исследовании этнокультурных концептов (на примере концепта MOBILITAT) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 65-71.

Fillmore Ch. Indirect object constructions in English and the ordering of transformations / Ch. Fillmore. Hague: Mouton, 1961.

Fillmore Ch. An alternative to checklist theories of meaning // Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society / ed. by Cathy Cogen et al. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1975.

Shuyang Guan (China)
St. Petersburg State University

THE FRAME ANALYSIS OF THE CONCEPT OF BULLYING BASED ON MODERN MEDIA TEXTS

In the modern world, the issue of bullying has become increasingly acute, affecting various spheres of public life. This study aims to analyze the concept of “bullying” using a frame-based approach, which not only helps clarify the contemporary understanding of this concept but also identifies its key characteristics in different social contexts.

Key words: concept of “bullying”, concept analysis, cognitive modeling, frame analysis approach, modern media text

С.Д. Губарев (Москва, Россия)

Военный университет имени князя Александра Невского
st.gubarev@mail.ru

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа посвящена проблеме конструирования гендера. Дается определение понятия, проводится краткий исторический анализ возникновения феномена, оценивается текущая ситуация по гендерному вопросу. В работе представлены результаты деятельности Европарламента по реформированию английского языка и делается вывод об их влиянии на процесс формирования гендерной идентичности в ходе коммуникации.

Ключевые слова: гендерное конструирование, гендер, английский язык, гендерный плюрализм, Европарламент

Определения понятия «гендер» как «социокультурного конструкта» привело к необходимости изучения механизмов его моделирования и репрезентации в языке в рамках развития нового научного направления второй половины XX в. – гендерной лингвистики. Указанные процессы в работах зарубежных ученых-лингвистов К. Уэста, Д. Циммермана [West, Zimmerman, 1997], Дж. Батлера [Butler, 1995] рассматривались под общим названием «лингвистическое конструирование гендера» (doing gender), под которым понималась «когнитивная деятельность имплицативного характера, в основе которой лежит соотнесение языковых форм/сигналов с гендерными представлениями, являющимися частью универсума общих смыслов представителей данной культуры» [Гриценко 2005: 12]. Другими словами, каждый индивид самостоятельно создает свою гендерную идентичности в процессе развития коммуникативного акта, используя определенный набор средств, заложенных в языке и отражающих гендерные параметры, установки и стереотипы. О.Ю. Черных впоследствии систематизировала лингвистические способы и средства конструирования гендера, отдельно выделив употребление имен существительных, прилагательных и глагольных предикатов, семантическая сторона которых носит гендерно-маркированный характер [Черных 2018: 564].

Вопрос гендерного равноправия и свободы самовыражения (в т. ч. речевого) является предметом дискуссий во многих англоговорящих странах, при этом в рамках идеологии глобализма тенденция к переходу от бинарной модели гендера к гендерному многообразию приводит к пересмотру научного знания и разработке новых подходов к изучению концепта гендера, что обуславливает *актуальность* данной работы.

Особенность идеи когнитивного конструирования гендера заключается в динамичности данного понятия на фоне подверженности манипулятивному воздействию и последующему видоизменению мыслительных концептов [Гриценко 2005: 42]. Как утверждает А.В. Кирилина, в настоящее время наблюдается процесс перехода от бинарной модели гендера с разделением на мужчин и женщин к гендер-

ному плюрализму, что выражается в создании бесконечного множества гендерных идентичностей и приводит к постепенному движению к постгендеризму, то есть, полному гендерному нивелированию – уничтожению гендера с использованием передовых достижений человечества [Кирилина 2021: 110-112]. Таким образом, вектор гендерной политики XXI в. направлен на достижение политкорректности и устранение гендерных асимметрий, что неизбежно приводит к реформированию языка – одного из главных инструментов гендерного конструирования.

Указанные процессы затронули в разной степени все наиболее распространенные языки мира, в т. ч. и английский язык. Общей идеей новых языковых реформ является изъятие гендерного компонента лингвистических единиц языковой структуры на всех уровнях. Методы достижения указанной цели разнятся в зависимости от особенностей каждого отдельно взятого языка.

В качестве показательного примера реализации указанной гендерной политики рассмотрим результаты работы Европейского парламента в данном направлении, поскольку именно указанный орган законодательной власти Европейского союза входит в число первых международных организаций, положивших в основу своей деятельности принцип ведения коммуникации на гендерно-нейтральном (инклюзивном) языке. На протяжении более 10 лет в стенах Европарламента прикладываются усилия к популяризации нового формата делового общения с применением «передовых» языковых реформ. В дополнение к вышесказанному, в 2018 г. Группой высокого уровня по вопросам гендерного равенства Европарламента были изданы руководящие документы, в которых закреплены способы и средства достижения гендерной нейтральности для каждого официального языка Европейского союза.

В частности, инклюзивный английский язык строится на следующих рекомендациях:

- 1) употребление лексических единиц, в состав которых не входит корень «man» (предпочтительней *artificial (созданный руками человека)* вместо *manmade, a French person (француз)* вместо *Frenchman* и др.);
- 2) предпочтение грамматическим формам единственного числа форм множественного числа;
- 3) употребление повелительного наклонения («please send your CV to...» – «пожалуйста, отправьте свое резюме...»);
- 4) употребление пассивного залога («the documents should be sent to...» – «документы должны быть отправлены...»);
- 5) опущение личного местоимения («the President made his speech on Tuesday» – «президент выступил с обращением во вторник»);
- 6) предпочтение личного местоимения «they» и его производных как для обозначения группы лиц, так и отдельного референта;
- 7) употребление гендерно-нейтральных наименований профессий (рекомендуется использовать гендерно-нейтральное *weather reporter/forecaster (синоптик)* вместо гендерно-маркированного *weatherman, firefighter (пожарный)* вместо

fireman, flight attendant (бортпроводник) – flight stewardess, camera operator/camera crew (кинооператор) – cameraman/camerawoman и многие другие) [European Parliament 2018: 10-13].

Таким образом, предлагаемые Европарламентом рекомендации позволяют избежать маркирование гендера при ведении коммуникации на английском языке. Однако важно отметить, что подобная языковая «дегендеризация» оказывает влияние на условия реализации коммуникации, поскольку описанные выше способы и средства изъятия гендерно-маркированного компонента вносят коррективы в мыслительные процессы коммуниканта, изменяя привычные представления о мире, воспринимаемом ранее в формате бинарных оппозиций «мужчина-женщина».

Другой сложностью становится адаптирование языкового процесса конструирования гендера к новым условиям гендерного многообразия. Указанные выше рекомендации по достижению политкорректности при общении на английском языке не исключают возможности употребления гендерно-маркированных языковых единиц при условии, что гендерная идентичность референта заведомо известна, определена и предварительно одобрена референтом непосредственно. Подобное развитие событий не всегда возможно, что вносит неясность в процесс коммуникации и препятствует достижению коммуникативного успеха. Таким образом, гендерная идентичность индивида превращается в предмет глубокого анализа, а процесс конструирования гендера в английском языке – в сложную когнитивную деятельность, изучение механизмов функционирования которой требует научной ревизии с позиций современной гендерной лингвистики.

Литература

Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.

Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3. С. 109-147.

Черных О.Ю. Лингвистическое конструирование гендера // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 562-565.

Butler J. *Körper von Gewicht. Die diskursiven Grenzen dei Geschlechts*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.

European Parliament. Gender-neutral language in the European Parliament. 2018. URL: https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/151780/GNL_Guidelines_EN.pdf.

West C., Zimmerman D.H. *Doing Gender* // *Gender and Society*. 1997. Vol. 1. Pp. 125-151.

S.D. Gubarev (Moscow, Russia)

Military University named after Prince Alexander Nevsky

THE PROBLEM OF DOING GENDER IN MODERN ENGLISH

This work is devoted to the problem of doing gender. The author provides the definition of the concept, carries out a brief historical analysis of the phenomenon, and assesses the current situation on the gender issue. The paper presents the results of the European Parliament's activities on reforming the English language and concludes about their impact on the process of gender identity formation in the course of communication.

Key words: gender construction, gender, English, gender pluralism, European Parliament

*О.А. Гусева (Москва, Россия)**Московский государственный лингвистический университет
gouseva_olga80@mail.ru*

ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ СМЕХА И ПЛАЧА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье представлен опыт описания смысловой области эмоциональных реакций на материале английских фразовых глаголов с ключевыми компонентами, имеющими значения смеха и плача. Исследование показало, насколько сложны связи между понятийной сферой и языковой семантикой и в какой степени это находит отражение в живой ткани языка.

Ключевые слова: смех, плач, фразовые глаголы, невербальная реакция, семантика

Сжатые и выразительные фразовые глаголы (далее ФГ) не перестают пополнять смыслами систему английского языка, возвращая нас к одному из ключевых вопросов языкознания – соотношению языка и мышления. Эта сфера получила достойное освещение в работах многих исследователей, таких как Е.С. Кубрякова, Е.Е. Голубкова, Л.А. Карасик, Д. Поуви, С. Лиднер и других.

Если все языковые единицы в той или иной степени являются вербальными оформителями концептов, то и ФГ не исключение. Будучи единицами вторичной номинации и фиксируя фрагмент действительности, они соотносят его с уже известными явлениями действительности и активизируют наш вербальный опыт, закрепленный в значениях компонентов ФГ. Поэтому значение целого всегда более информативно, чем значения компонентов, взятых по отдельности [Егорова 2013: 50].

В одном из предыдущих исследований мы выбрали фокусом анализа ФГ с ключевым элементом *laugh* (*laugh about, laugh at, laugh away, laugh off, laugh down, laugh out of, laugh up*) [Гусева 2017]. Исследование показало, что данные ФГ имеют разную степень переосмысления первичного значения. Кроме того, некоторые из них многозначны и представляют всю палитру – от первичного до полностью переосмысленного значения. Тем не менее, все ФГ с компонентом *laugh* так или иначе сохраняют связь с первичным значением «смеяться» – то есть проявлять сложную, условно положительную психофизиологическую реакцию на стимул. Условно – поскольку всем хорошо известно, что смех может быть не только демонстрацией радости.

В данной работе представлено обобщенное описание ФГ, в состав которых входят глаголы, обозначающие плач. Плач тоже являет собой сложную, условно отрицательную психофизиологическую реакцию на стимул. Как и в случае со смехом, условность обусловлена неоднозначной оценкой, так как заплакать можно не только из-за горя или печали.

В бытовом сознании эти сферы – смех и плач – стереотипны и противопоставлены как обобщенные символы радости и грусти. На это указывают пословицы и поговорки, включающие в себя оба понятия как полные противоположности, например, в русском языке «смейся-смейся, как бы плакать не пришлось» или в английском «*not know whether to laugh or cry*» [Гусева 2018]. Как мы знаем, в язы-

ке закрепляется дух народа, его традиции, бытовое видение и понимание мира. В нашем случае мы находимся внутри огромной смысловой области естественных ярких эмоционально-окрашенных человеческих реакций, которые, по идее, должны быть близки по языковому проявлению. Иными словами, структура языковой репрезентации двух противопоставленных сфер смеха и плача может быть приблизительно одинаковой: базовый (центральный) глагол; несколько синонимов с дополнительными оттенками смысла; возможно, фразовые глаголы с различными постпозитивами для выражения смежных и/или переносных значений, что является неотъемлемой особенностью английского языка.

Тем не менее, в языковой системе не всегда соблюдаются законы логики. Базовый глагол смысловой области (или концепта) «смех» *laugh* более понятный и однонаправленный, обладающий одним значением. Кроме того, именно эта лексема образует фразовые глаголы со многими традиционными постпозитивами. Его синонимы типа *giggle*, *chuckle* и др. отличаются от центрального глагола по некоторым техническим параметрам, например, по высоте тона, громкости и т.п. [Гусева 2015] и не образуют фразовых глаголов (за исключением, возможно, неформального *crack/break up*) с самостоятельным значением, лишь полностью повторяя структуру ФГ с глаголом *laugh* и выступая в качестве уточняющего синонима, например, *giggle away*, *chuckle along* и т.д. Такие ФГ помогают более четко передать характер смеха (например, хихиканье, гогот, смешок и проч.), а постпозитив сохраняет то же значение, что и при центральном глаголе *laugh*.

Изучение с тех же позиций антагоничной сферы плача и исследование ФГ с ключевым компонентом *cry* представляет определенные сложности. Как известно, лексема *cry* в современном английском языке может обозначать и *плач*, и *крик*, что логично, так как плач (особенно плач ребенка) обычно сопровождается криком. Можно сравнить с русским глаголом «голосить», который обозначает такие явления, как крик/воплъ и плач, сопровождаемый слезами и громкими рыданиями. Таким образом, в случае ФГ с компонентом *cry* не всегда очевидно исходное значение, на котором основан смысл фразового глагола.

В процессе отбора выяснилось, что фразовых глаголов с компонентом *cry* в значении, близком к «плакать», намного меньше, чем в значении, близком к «кричать», и еще меньше, чем ФГ с компонентом *laugh* в значении «смеяться». Ключевые слова в дефинициях могут способствовать лучшему пониманию. Согласно словарю фразовых глаголов Кортни [Кортни 2000] в значении, близком к «кричать» глагол *cry* образует шесть ФГ разной степени переосмысления: *cry down* («заглушать оратора криками»), *cry out* («вскрикнуть, выкрикнуть, прокричать»; «нуждаться, требовать»), *cry out against* («протестовать против»), *cry to* («взывать к кому-либо, молить»), *cry up* («превозносить, расхваливать»). Особняком стоит *cry off* («не выполнять обещание, отказываться о намерения, отговориться от чего-либо»), в котором глагол *cry* прошел сложный путь переосмысления своего значения, и определить оригинальный смысл почти не представляется возможным.

Однако ФГ с глаголом *cry* в значении «плакать» всего два: *cry for* («плакать из-за чего-либо», «нуждаться в чем-либо») и *cry over* («оплакивать», «сожалеть о чем-либо») [Кортни 2000]. Примечательно, что у корневого глагола *cry* в значении «плакать» много синонимов (а именно 18 согласно словарю Collins [Collins Online Dictionary]), однако лишь немногие из них формируют ФГ: *sob out*; *weep about/over*; *weep away*; *weep for*. Для сравнения глагол *laugh* образует минимум семь ФГ с постпозитивами *about*, *at*, *away*, *off*, *down*, *out of*, *up*. Примечательно, что три ФГ образованы аналогичным образом – *laugh away* / *cry away* / *weep away*, где *away* несет в себе идею периода времени, «заполненного» действием, в данном случае смехом или плачем.

Можно предположить, что причина такого неравномерного расклада в том, что глагол *cry* на настоящий момент развития английского языка обслуживает два основных смысла – крик (то есть громкий звук без слез) и собственно плач (проливание слез). Для более понятной передачи информации и во избежание путаницы язык начинает привлекать другие средства – синонимы, которые более конкретно передают эмоциональную реакцию плача. Кроме того, глаголы *weep* (рыдать) и *sob* (всхлипывать) – родные для английского языка, тогда как глагол *cry* заимствован из французского [Гусева 2023].

Интересным видится тот факт, что в английском языке присутствуют и другие ФГ [Longman Phrasal Verbs Dictionary], изначально имеющие иное значение, но так или иначе получившие возможность передавать идею плача: *brim over*, *film over*, *mist over*, *well up* – они сообщают о видимом «накоплении» слез в глазах, о готовности вот-вот заплакать. Аналогичный «подготовительный процесс» к смеху трудно себе представить, тем более, что есть такое явление, как «улыбка», которая рассматривается как отдельное действие. Глаголы *break into*, *burst into*, *dissolve into* говорят о внезапном начале действия и могут применяться как к смеху, так и к плачу. Глаголы *choke back (tears)*, *choke down*, *fight/force/hold/keep back tears* передают идею усилия по сдерживанию эмоций, что, вероятно, применимо и к смеху.

Фразовые глаголы – это еще один способ репрезентации окружающего мира языке. Приведенные выше примеры и обобщения показывают, насколько сложна сфера языковой семантики, насколько многогранно она отражает развитие языка и межкультурных связей. Язык существует в разных формах, что объясняется многими параметрами – смысловыми, историческими, культурологическими. На язык влияют все экстралингвистические процессы, затрагивающие его носителей.

Нам представляется перспективным изучение языковой репрезентации не отдельных концептов, а целых понятийных комплексов, существующих как неразрывные пары в единстве и противостоянии, как, например, смех и слезы. Подобный подход помогает выйти на новый уровень и рассмотреть семантическую структуру в ее тесной связи с реальностью.

Литература

Гусева О.А. Анализ семантики глаголов смеха // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 22 (733). С. 37-43.

Гусева О.А. Развитие семантической структуры фразовых глаголов с компонентом laugh // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 57. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 70-75.

Гусева О.А. Устойчивые словосочетания с ключевым компонентом «смех» (на материале английского и русского языков) // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI в.: Материалы международной научной конференции, Тула, 17-19 мая 2018 г. Тула: Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. С. 78-82.

Гусева О.А. Становление концепта плач в английском языке (опыт этимологического анализа) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 707-710.

Егорова В.Г. Когнитивно-дискурсивные особенности английских фразовых глаголов концептуальной области «умственная деятельность»: дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2013.

Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. М.: Рус.яз., 2000.

Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

Longman Phrasal Verbs Dictionary. URL: <https://archive.org/details/longman-phrasal-verbs-dictionary-pdf/page/n3/mode/2up>

O.A. Guseva (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

ENGLISH “LAUGH” AND “CRY” PHRASAL VERBS

The article presents an overall analysis of the sphere of emotional reactions. English phrasal verbs with key components denoting “laugh” and “cry” serve as the material for the research. The work demonstrates the complexity of ties between the sphere of notions and the semantics of the language, and the way it may find its reflection in the natural language.

Key words: laugh, cry, phrasal words, non-verbal reaction, semantics

И.А. Даниленко (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

danilenko_ia@bsu.edu.ru

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОГНИТИВНЫХ КОНСТРУКТОВ

В статье рассматривается понятие когнитивной доминанты. Когнитивная доминанта представляет собой исследовательский конструкт, объединяющий в себе несколько концептов, фреймов, сценариев и сцен. В рамках когнитивной доминанты, разные когнитивные конструкты объединены общностью идеи. Вся совокупность номинантов номинативных полей когнитивных конструктов, которая аккумулирует и хранит информацию в рамках когнитивной доминанты, определена нами как интерпретативный потенциал.

Ключевые слова: концепт, фрейм, сценарий, сцена, когнитивная доминанта, интерпретативный потенциал

Человеческому сознанию свойственно стремление к упорядочению окружающего мира. Категоризация характерна для всех сфер человеческой деятельности и направлена на «систематизацию предметов и явлений в познавательной деятельности человека» [Сегал 2019: 22]. Когнитивная лингвистика не стала исключением. Рассматривая язык как «способ представления индивида в разных сферах человеческой деятельности» [Магировская 2008: 106], когнитивная лингвистика неизбежно встала перед вопросом систематизации всего объема знаний, накопленных человечеством. Однако, в отличие от других наук, когнитивная лингвистика стремится систематизировать не фактические знания, а способы их представления в сознании.

В настоящее время в когнитивной лингвистике сформировалось значительное количество терминологических взглядов относительно разных форм хранения информации, среди которых когнитивный концепт, когнитивный фрейм, когнитивный сценарий и когнитивная сцена. Отметим, что до сих пор не существует единого мнения относительно определений каждого из форматов знания, и они могут трактоваться в зависимости от взглядов научной школы. Под форматом знания, вслед за Н.Н. Болдыревым, мы понимаем «форму или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровне» [Болдырев 2006: 5].

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является разграничение форматов когнитивного концепта и фрейма. Этим вопросом занимались такие лингвисты, как Д. Хадсон, Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, Е.А. Огнева, Н. Ф. Алефиренко. В своем исследовании мы разграничиваем данные форматы хранения и представления знания следующим образом: концепт – это «совокупность всех смыслов, заключенных в слове» [Жарина 2017: 45], форма хранения знания, а фрейм – это «минимальная единица характеристики объекта» [Там же], форма функционирования знания. Концепт может содержать не структурированную информацию, тогда как фрейм имеет четко иерархическую структуру смыслов.

Когнитивный сценарий представляет собой ментальную структуру, которая описывает типичные последовательности событий, действий, ожиданий и реакций, происходящих в контексте [Schank 1977]. Под когнитивной сценой мы понимаем когнитивный динамичный формат представления знаний, который описывает процесс взаимодействия нескольких коммуникантов, тогда как когнитивный сценарий не обязательно подразумевает элемент коммуникации.

Важно отметить, что все перечисленные форматы знания не находятся в иерархических отношениях и могут хранить информацию об одном и том же явлении, но в разных когнитивных форматах. Рассмотрим пример. Информация о таком социальном явлении, как война, может храниться в сознании человека в виде концепта ВОЙНА. В этом случае данный формат знания подразумевает определенный лексических единиц, формирующих его номинативное поле, включающее ядро, периферийную зону, ближнюю и дальнюю периферию. Концепт ВОЙНА содержит, в т. ч., значительное количество неструктурированного знания, а именно эмоциональное и индивидуальное восприятие. Восприятие концепта ВОЙНА обусловлено куль-

турологически. Так, Бородинское сражение воспринимается русскими и французами по-разному: каждая нация не считает себя проигравшей в этой битве. Фрейм ВОЙНА четко структурирован и одинаков для всех носителей одной культуры.

Когнитивный сценарий ВОЙНА представляет собой набор ключевых событий, которые происходят в определенной последовательности в любой войне. Например: возникновение непреодолимых разногласий между странами, ухудшение отношений, начало боевых действий, боевые действия, подписание мира, восстановление отношений между странами. Когнитивная сцена ВОЙНА представляет собой динамический формат постепенного развертывания когнитивного сценария ВОЙНА. Все перечисленные форматы хранения и представления знаний могут быть объединены в более объемный, в смысловом отношении, формат – когнитивную доминанту.

Когнитивная доминанта представляет собой исследовательский конструкт, включающий в себе сразу несколько когнитивных форматов, объединенных общностью идеи. Например, когнитивная доминанта ВОЙНА представляет собой совокупность нескольких концептов, фреймов, сценариев и сцен, которые объединяет общая идея – боевые действия. Когнитивная доминанта ВОЙНА может включать и ряд «концептов, фреймов, сцен и сценариев не связанных напрямую с военными действиями» [Даниленко 2024: 462].

Когнитивная доминанта может включать только часть номинативного поля концепта или только часть когнитивного сценария. Так, когнитивная доминанта ВОЙНА включает только часть таких концептов как МИР, ЛЕЧЕНИЕ, ЭКОНОМИКА, НЕЗАВИСИМОСТЬ, РЕВОЛЮЦИЯ и т.д. Когнитивные сценарии ЛЕЧЕНИЕ, ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ, БОРЬБА включены в когнитивную доминанту ВОЙНА частично.

Мы предлагаем разграничивать социальные когнитивные доминанты и художественные. Первые представляют собой форму существования знания в языке и культуре. Носителями социальной когнитивной доминанты являются все представители одной культуры. Социальные когнитивные доминанты сменяют друг друга с течением времени: в разные периоды исторического развития общества доминируют разные идеи.

Художественные когнитивные доминанты представляют собой запечатленный в литературе момент существования общественной мысли: создаваясь писателями определенного исторического периода, художественные тексты отражают наиболее актуальных идей современности. Вся совокупность художественных произведений одного периода формирует художественную когнитивную доминанту. При помощи художественных когнитивных доминант, можно реконструировать социальные когнитивные доминанты определенного исторического периода.

Социальная художественная доминанта ВОЙНА приобретает актуальность в разные исторические периоды развития общества, но социальная доминанта ВОЙНА 1185 г., 1860-х и 1940-х гг. не одна и та же, что можно проследить в ху-

дожественных произведениях соответствующих лет: «Слове о полку Игореве», «Войне и Мире» и «Севастопольских рассказах» Льва Толстого и, например, в произведениях Василя Быкова и Михаила Шолохова. Социальная когнитивная доминанта каждого из перечисленных периодов имеет в своем номинативном поле много как общих когнитивных конструкторов, так и уникальных: в каждую историческую эпоху социальное явление войны воспринималось обществом по-разному.

Таким образом, интерпретативный потенциал социальной когнитивной доминанты ВОЙНА и одноименной художественной когнитивной доминанты постоянно изменяется. Под интерпретативным потенциалом мы понимаем всю совокупность номинантов номинативных полей когнитивных конструкторов, которая аккумулирует и хранит информацию в рамках когнитивной доминанты.

Нам представляется, что сравнительно сопоставительный анализ когнитивных доминант разных исторических периодов достаточно объемная исследовательская задача, и она может стать дальнейшим развитием нашего исследования.

Литература

- Алефиренко Н.Ф., Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. Перемена, 2003.
- Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.
- Ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. 1988. С. 153-211.
- Даниленко И.А. Концепция текстовой когнитивной доминанты // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 460-464.
- Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35-43.
- Жарина О.А. «Концепт» vs «фрейм»: проблема дефиниции и соотношения понятий в современной когнитивной лингвистике // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3(20). С. 43-46.
- Магировская О.В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №. 21. С. 105-114.
- Ознева Е.А. Культурологическая составляющая вербализованных форм невербального общения в рамках номинативного поля концепта-фрейма «русский народ» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. №. 5. С. 23-28.
- Сегал Н.А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство–направление–движение): дис. ... докт. наук. Краснодар, 2019.
- Hudson D. Frame semantics, frame linguistics, frame // Quaderni di semantica. 1986. Vol. VII. № 1. Pp. 85-101.
- Schank R.C. Scripts, Plans, Coals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures / R.C. Schank, R.P. Abelson. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977.

I.A. Danilenko (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

INTERPRETATIONAL POTENTIAL OF COGNITIVE CONSTRUCTS

The article examines the concept of cognitive dominant. Cognitive dominant is a research construct that combines several concepts, frames, scenarios and scenes. Within the cognitive dominant, different cognitive constructs are united by a common idea. The entire set of nominants of nominative fields of cognitive constructs, which accumulates and stores information within the cognitive dominant, is defined as interpretative potential.

Key words: concept, frame, scenario, scene, cognitive dominant, interpretative potential

В.А. Данилова, А.Г. Данилов (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
danilova-418@mgpu.ru*

ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ В ИТАЛЬЯНСКИХ И ПОРТУГАЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ЦВЕТОВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ «РОЗОВЫЙ» И «СЕРЫЙ»

Статья посвящена изучению репрезентации эмоций в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовыми компонентами «розовый» и «серый». В ходе исследования анализируются и сопоставляются эмотивные фразеологизмы двух языков, что позволяет установить общие и уникальные черты семантики исследуемых цветов в лингвокультурах Италии и Бразилии.

Ключевые слова: эмотивность, цвета, фразеология, лингвокультура, итальянский язык, португальский язык

Изучение лексических единиц, репрезентирующих эмоции, представляется актуальным направлением современных сопоставительных исследований, так как позволяет установить особенности поведения представителей различных лингвокультур, а также специфику ретрансляции национального культурного кода [Сластникова 2021: 23]. Фразеологические единицы тесно связаны с культурой носителей языка и позволяют выявить представления людей об окружающей их действительности [Авербух 2018: 17].

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы установить специфику репрезентации эмоций в итальянских и португальских фразеологизмах с цветовыми компонентами «серый» и «розовый».

Материалом исследования являются эмотивные фразеологические единицы с цветовыми компонентами «розовый» и «серый», присутствующие в толковых словарях и словарях фразеологических единиц, пословиц и поговорок, а также лингвистических корпусов на итальянском и португальском языках. Материалом исследования являются эмотивные фразеологические единицы с цветовыми компонентами «розовый» и «серый», присутствующие в толковых словарях и словарях фразеологических единиц, пословиц и поговорок, а также лингвистических корпусов на

итальянском и португальском языках. Выбор серого и розового цветов обусловлен контрастностью их семантики в плане репрезентации эмоций.

В ходе исследования были использованы метод сплошной выборки для составления параллельного корпуса эмотивных фразеологизмов с цветовыми компонентами на итальянском и португальском языках, лексико-семантический и сопоставительный анализ для выделения черт сходства и различия семантики рассматриваемых лексических единиц в итальянской и бразильской лингвокультурах.

«Эмотивность» представляет собой результат отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации [Шаховский 2008: 22]. Под эмотивными фразеологизмами понимаются устойчивые языковые единицы, выражающие эмоции-состояния (психоэмоциональные состояния человека, которые отражены в денотате фразеологизма), и эмоции-отношения (эмотивное отношение говорящего к содержанию фразеологизма) [Хомякова 2008: 9].

Перейдем к результатам исследования и представим прежде всего черты сходства семантики серого цвета в обоих языках. Было установлено, что и в итальянском, и в португальском языке фразеологизмы с компонентом «серый» (ит. *grigio*; евр. порт. *cinzento*, *grise*, *pardo*; браз. порт. *cinza*) используются для выражения негативных эмоций, связанных с тайной, нелегальной деятельностью: ит. *lavoro grigio*, порт. *trabalho cinzento* (букв. серая работа) – временная работа без оформления по трудовому договору; ит. *mercato grigio*, порт. *mercado cinzento* (букв. серый рынок) – рынок, на котором возможно совершение сделок в обход закона; ит. *eminenza grigia*, порт. *eminência parda* и *éminence grise* (букв. серый кардинал) – тот, кто тайно управляет государством.

Серый цвет используется для характеристики посредственных людей, не имеющих выдающихся качеств и таланта: ит. *anima grigia* (букв. серая душа), *individuo grigio* (букв. серый индивид) – бездарный, человек; порт. *pessoa cinzenta* (букв. серый человек) – посредственный человек, *político cinzento* (букв. серый политик) – посредственный политик, *ministro cinzento* (букв. серый министр) – посредственный министр.

Кроме того, серый цвет передает идею монотонности, однообразия: ит. *vital/esistenza grigia*, порт. *existência cinzenta* (букв. серая жизнь) – однообразное, монотонное существование.

Серый цвет указывает на отсутствие определенности и установленных границ: ит. *zona grigia* (букв. серая зона), порт. *área cinzenta* (букв. серая область) – неопределенная территория.

Серый цвет также встречается в составе фразеологизмов, обозначающих плохие погодные условия: ит. *giornata grigia*, порт. *dia cinzento* (букв. серый день) – дождливый, облачный день; ит. *tempo grigio*, порт. *tempo cinzento* (букв. серая погода) – плохая погода.

В то же время во фразеологии обоих языков серый цвет имеет уникальную семантику. Например, только в итальянском языке серый цвет используется для указания на пессимистичное, тоскливое настроение: ит. *umore grigio* (букв. серое настро-

ение) – тоскливое настроение. В португальском языке для передачи аналогичного значения используется черный цвет: *estado de espírito negro* (букв. черное состояние духа) – упадническое настроение.

При этом исключительно в португальском языке серый цвет может ассоциироваться с грубостью, скандалами и конфликтами: *palavras cinzentas* (букв. серые слова) – грубые слова, оскорбления, *sair cinza* (букв. выходить серым) – устроить скандал, вступить в конфликт, иметь недопонимание.

Далее рассмотрим черты сходства семантики розового цвета (ит. *rosa, roseo*; порт. *cor-de-rosa*) во фразеологии итальянского и португальского языков. Он используется для указания на иллюзии и мечты: ит. *vedere tutto rosa* (букв. видеть всё в розовом свете) – строить иллюзии; *sogni rosei* (букв. «розовые мечты») – сладостные грезы, *rosee speranze* (букв. розовые надежды) – безосновательные надежды на лучший исход дела; порт. *ver ou pintar de cor-de-rosa* (букв. «видеть всё в розовом свете») – рассматривать все только в позитивном ключе, *sonhos cor-de-rosa* (букв. розовые мечты) – иллюзорные мечты.

Кроме того, розовый цвет связан с выражением оптимизма и положительной характеристикой какого-либо периода: ит. *previsioni rosee* (букв. розовые ожидания) – оптимистичные прогнозы; порт. *vida cor-de-rosa* (букв. розовая жизнь) – прекрасная жизнь, *periodo cor-de-rosa* (букв. розовый период) – удачный, счастливый период.

Наконец, в обоих языках розовый цвет связан с любовной тематикой: ит. *romanza rosa*, порт. *o romance cor-de-rosa* (букв. розовый роман) – любовный роман.

Говоря об уникальной семантике розового цвета в каждом из языков, отметим, что только в итальянском языке розовый цвет связан со скандальностью, сплетнями в публичной сфере: *cronaca rosa* (букв. розовая хроника) – «желтая» пресса, специализирующаяся на слухах и сенсациях, *scandalo rosa* (букв. розовый скандал) – скандал с участием звезд шоу-бизнеса.

Также в итальянском языке розовый цвет ассоциируется с атрибутами женского пола: *quote rosa* (букв. розовые квоты) – квоты для женщин, *telefono rosa* (букв. розовый телефон) – телефон доверия для женщин, *parcheggi rosa* (букв. розовая парковка) – парковочные места для женщин, *colletto rosa* (букв. розовый воротник) – форма для женщин, *lobby rosa* (букв. розовое лобби) – лобби для женщин, *camice rosa* (букв. розовая рубашка) – женщина-доктор, которая на работе носит розовый халат. Отметим, что в португальском языке розовый цвет также может ассоциироваться с женским полом, однако данное значение не было обнаружено в устойчивых словосочетаниях.

При этом исключительно в португальском языке розовый цвет имеет выраженную положительную семантику, связанную с хорошим отношением: *as palavras cor-de-rosa* (букв. розовые слова) – приятные, ласковые слова, похвала.

Таким образом, в ходе исследования эмотивных фразеологизмов было выявлено, что в обоих языках серый цвет репрезентирует негативные эмоции, связанные с тайной, нелегальной деятельностью, посредственностью, монотонностью, отсут-

ствием определенности и плохими погодными условиями. При этом исключительно в итальянском языке серый цвет указывает на пессимистичное, тоскливое или упадническое настроение, в то время как в португальском языке серый цвет может ассоциироваться с грубостью, конфликтами и скандалами.

Розовый цвет в обоих языках указывает на приятные иллюзии, мечты; положительную характеристику определенного периода, а также связан с любовной тематикой. Однако только в итальянском языке розовый цвет ассоциируется со сплетнями слухами в публичной сфере и женским полом. В португальском же языке розовый цвет имеет положительную семантику, связанную с хорошим отношением и похвалой.

Литература

Авербух К.Я., Попова Л.Г., Шатилова Л.М. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире // Инновационное развитие науки и образования: монография / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 15-22.

Сластникова Т.В., Черкашина Е.И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях: монография. М.: Языки Народов Мира, 2021.

Хомякова Н.А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Гнозис. 2008. № 12. С. 22-30.

V.A. Danilova, A.G. Danilov (Moscow, Russia)

Moscow City University

EXPRESSION OF EMOTIONS IN ITALIAN AND PORTUGUESE PHRASEOLOGISMS WITH THE COLOR COMPONENTS “PINK” AND “GRAY”

This article is dedicated to the study of the representation of emotions in Italian and Portuguese phraseologisms with the color components “pink” and “gray”. The research analyzes and compares emotive phraseologisms from both languages, allowing the identification of common and unique features in the semantics of the studied colors within the linguistic cultures of Italy and Brazil.

Key words: emotiveness, colors, phraseology, linguaculture, Italian language, Portuguese language

А.С. Дедюхина (Екатеринбург, Россия)

*Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина
a.s.dediukhina@urfu.ru*

ФУНКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ СУБЪЕКТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ПРЕДИКАТАМИ ПАРТИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

В статье рассматриваются семантические типы субъектов в высказываниях, содержащих предикаты партитивной семантики. Выявлены функции рассмотренных субъектов: идентифицирующая, функция аспектизации, анафорическая или функция ретроспекции.

Ключевые слова: семантический синтаксис, партиitivность, актанта, субъект

Классифицируя любой элемент пропозиции, Г.А. Золотова и Т.В. Шмелева предлагают исходить из типа событийной пропозиции. В данной статье изучается событийная пропозиция действия, исходя из того факта, что категориальным, «вершинным» в предикативном ядре данной пропозиции является субъект действия и предикат действия, точнее предикат партитивной семантики со значением нарушения целостности [Киселева 2007]. Изучаемый семантический субъект имеет обобщенное значение «носитель предикативного акционального признака» [Золотова 1982: 23] и обладает следующими главными характеристиками: 1) это единственный, иерархически первый участник события; 2) субъект активно участвует в осуществлении события, хотя степень активности, сознательности и результативности может различаться [Шмелева 1988: 48].

Цель статьи – рассмотреть типы субъектов и их роль в организации высказываний, в которых содержатся предикаты партитивной семантики.

Отметим, что для целей нашего исследования более рациональной является типология семантических субъектов, подробно описанная Т. В. Шмелевой в «Семантическом синтаксисе» [Шмелева 1988: 43-48] и широко поддерживаемая рядом других исследователей: Г.А. Золотова, В.В. Богданов, Т.П. Бабина, В.А. Белошапкова, Т.В. Булыгина, Д.Н. Шмелев, А.А. Шубина. В соответствии с этим в высказываниях с предикативными центрами выделены следующие семантические субъекты.

Первый тип – субъект-агенса.

Он налетал на рояль, ахал, крошил его шашкой, выпускал из него ненавистный дух, мстя за горящие курены, пострелянных казаков, голосащих казачек (Александр Проханов 2001).

В данных высказываниях отображается ситуация поступка: субъект разделяет целое (рояль) на части. Он – лицо, активно осуществляющее процесс разрушения рояля. При этом: 1) активность очень высокая, так как субъект-агенса использует не только собственную энергию для осуществления действия, но и инструмент – шашку; 2) волевитивность тоже очень высокая (наличие у субъекта намерения и мотива выпустить дух и отомстить); 3) контролируемость процесса реализации действия также очень высокая. Предикат разрушительной деятельности выражает акциональный признак, в основе которого лежит акт волеизъявления агенса, каузирующего это событие [Шубина 2017].

Второй тип – коагенса.

Он сказал: «Вот вчера помогал жене – шинковали капусту» (Михаил Шишкин 2004).

В высказываниях обозначена ситуация речевого сообщения, производимого несколькими субъектами. В данном высказывании субъекты-агенса выступают как лица, которые осуществляют совместное одновременное действие (*шинковали капусту*), причем в высказывании степень равноправия агентов различна, так как жена является основным агентом, а муж – сопущствующим (помогал шинковать).

Третий тип – контрагенс.

*Тогда золотой мальчик Эр-Оу-Эм по каналу «SOS» влез в координационную сеть кроссволдоцев, отключил им распознавание «свой-чужой» и, пока обезумевшие боевые **корабли** крошили друг друга, сообщил на их базу об успешном завершении операции* (Иван Наумов 2007).

В высказывании отображается ситуация речевого общения и проявления неприязненного и враждебного отношения – крошили друг друга. Контрагенс имеет значение «указание на неединственное лицо, находящееся с другим лицом в непараллельных отношениях» [Шмелева 1988: 46]: агенс и контрагенс совершают разнонаправленные действия (в данном примере – направленные друг на друга).

Четвертый тип субъекта – субъект-пациенс (неагентивный субъект).

*Ведь разные **языки** могут несколько по-разному членить действительность, открывая в ней в одном случае одни, а в другом – иные грани* (Игорь Милославский 2009).

В высказывании отображается ситуация, когда субъектом является неодушевленный предмет (язык), выступающий в качестве воздействующего фактора, который становится причиной повреждения, разрушения целого – действительности.

Пятый тип – субъект-партитив.

*Твой отец своими **руками** разрушал наш мир* (Дмитрий Глуховский 2005).

*Идя по горам трупов своих товарищей, атакующие пытались рубить саблями и даже **руками** ломать стены Гуляй-города* (Александр Храмчихин 2012).

В данных примерах действие выполняется не всем телом человека, а частью – руками. Используемые соматизмы осложняются еще и инструментальными отношениями, поскольку выступают в качестве инструментов разрушения целостности.

Шестой тип – инструментив-каузатор (неагентивный субъект).

*Если же это случится, считывающая трубка разряжается и срабатывает реле, спускающее **молоток**, который разбивает колбу с цианистым водородом...*» (Григорий Тарасевич 2018).

*Первые признаки того, что **мобильник** в кармане разрушает мозг, я заметил лет десять назад* (В.Я. Тучков 2016).

В высказываниях отображается ситуация физического воздействия на объект путем нанесения удара и разделения объекта на части – совмещенная пропозиция. Субъект и предикат нанесения удара и разделения объекта на части. В такого рода высказываниях субъектом является неодушевленный предмет (молоток, мобильник), выступающий в качестве воздействующего фактора, агенса, который в условиях каузативной ситуации становится причиной повреждения одушевленного либо неодушевленного объекта или разрушения их целостности. Степень осознанности отсутствует.

Седьмой тип – агенс-сила.

*Корявые и беспокойные **волны** крошили клочок бетона* (В.А. Харченко 2015).

*Ранее предполагалось, что убегающие звезды возникают, когда сверхмассивная **черная дыра** разрушает двойную систему* («Знание – сила» 2020).

***Молния** то и дело с оглушительным грохотом раскалывала небо на мелкие куски* (В.А. Ярмолинец 2007).

В высказываниях рисуется ситуация отрицательного воздействия субъекта на объект – его разрушения. Во всех высказываниях с субъектом-силой осуществляются ситуации разрушения, уничтожения объекта; при этом полностью отсутствует целенаправленность, волевитивности и контролируемость действия, что определяется как стихийность [Шмелева 1988: 47].

В данном типе субъектов представляется возможным выделить подтип агенса-сила – эмотив:

Он не стер, он смотрит на нее и смутная печаль гложет и гложет его сердце (Алексей Славовский 1999).

Рекламу фильма в кинотеатрах сопровождали слова: «Никогда раньше и, возможно, никогда позже фильм не исследовал так полно и глубоко эмоциональный кризис мужчин, чье одиночество разбивает им сердце» (Елена Кушнир 2019).

Если вас гложет жажда знания, совершите вылазку к церкви Сан-Джузеппе (Иосифа), по-венециански Сант-Изепо (San Isepo, XVI в.) – за каменной оградой, в двух шагах (Е.Ю. Деготь 2011).

– Меня гложет чувство стыда перед отцом, перед его памятью (А.Е. Рекемчук 2006).

В данных высказываниях действие – разрушение, уничтожение – выполняется стихиями человеческой души: *одиночество, жажда знания, чувство стыда*. У данных субъектов нет целенаправленности действия, они осмысляются как стихийность, нечто неподвластное человеку.

Восьмой тип – функтив.

Эти ферменты разрушают клеточные стенки бактерий – они начинают расти и гибнут (Ю. Шуляк 2017).

В приведенном высказывании отображается ситуация, в которой неодушевленный предмет разрушает целостность целого, при этом о какой-либо осознанности и активности его участия не идет. В таких высказываниях выражена ситуация действия, в которой выражается функционирование предмета, таким образом реализуется его функция.

В ходе исследования было показано, что разрушать/нарушать целостность предмета или явления могут субъекты разной природы.

Подводя итог, можно сказать, что все семантические субъекты в проанализированных высказываниях выполняют три основные функции: 1) идентифицируют предметы действительности, о которых говорится в высказываниях; 2) указывают на родовые или индивидуальные признаки речи, тем самым выполняют функцию аспектизации; 3) выполняют анафорическую или ретроспективную функцию, имплицитно или явно ассоциируя предмет речи с уже накопленными знаниями.

Литература

- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.
 Киселева С.В. Предикаты партитивной семантики со значением становления и исчезновения партитивных отношений в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2007.

Комарова З.И., Ширишкова А.А. Функционально-синтаксическая омонимия первичного простого предлога в категориальном освещении: монография. М.: Флинта, 2023.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988.

Шубина А.А. Предикат как средство репрезентации категории свойства в научном тексте // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6А. С. 80-87.

A.S. Dediukhina (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

FUNCTIONS OF SEMANTIC TYPES OF SUBJECTS IN STATEMENTS WITH PREDICATES OF PARTITIVE SEMANTICS

The article deals with the semantic types of subjects in utterances that contain predicates of partitive semantics. The functions of the considered of subjects are revealed: identifying, aspectual, anaphoric or retrospective functions.

Key words: semantic syntax, partitivity, actant, subject

А.Ш. Доржу (Кызыл, Россия)

*Тувинский государственный университет
adorzhu91@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЗЛО / ОШ, ХОРА В РУССКОЙ И ТУВИНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Статья посвящена проблеме описания особенностей репрезентации концепта ЗЛО / ОШ, ХОРА в русской и тувинской лингвокультуре. номинации ценностей как репрезентантом концептов. Материалом исследования стала авторская выборка устойчивых единиц из лексико-графических источников. Анализируемый материал русского и тувинского языков, распределенный по группам, содержит характеристики человека и его намерений, включает рекомендации поведения человека. В русском языке устойчивые единицы содержат лексемы зло, худо, лихо; в то время как в тувинском – превалируют лексемы бак ‘плохо, дурно, нерадиво’ и багай ‘плохой, дурной, нерадивый’.

Ключевые слова: паремия, пословица, фразеологизм, ценности, концепт ЗЛО, лингвоаксиологический маркер, тувинский язык, русский язык

Паремии как оценочно маркированные языковые единицы в последние годы являются объектом специального лингвоаксиологического анализа, «используются для выявления и верификации признаков, формирующих аксиологический слой концепта, реконструируемого на широком общезыковом и диалектном материале» что позволяет показать специфику системы ценностей и антиценностей народа [Никитина, Рогалева 2022: 72]. Ценности и антиценности закодированы в сознании и культуре народа, что отражается в своде устойчивых единиц [Байрамова 2014]. «Преломление теории ценностей в языке опирается на поиск значимости (как положительной) конкретного понятия, его место относительно нормы» [Нелюбова, Ломакина, Мирзаева 2023: 600]. При этом аксиологичность пословиц (степень

отражения в них ценностей и антиценностей) имеет ярко выраженный градуальный характер, все единицы паремиологического фонда языка «дифференцируются в аксиологическом плане в зависимости от выражения существенных (более ценностных) либо мало значимых (менее ценностных) в жизни человека закономерностей действительности» [Иванов 2022: 321].

Лингвоаксиологическая диада «добро – зло», представляя собой морально-нравственный и философско-религиозный феномен, является объектом исследования в современной лингвистике в целом и паремиологии в частности. Понятие «зло» определяется как высшая антиценность, противоречащая ценности и указывающую на то, чего нельзя делать; к ценности все стремятся, от антиценности, наоборот, отталкиваются [Губин, Некрасова 2020]. Это «категория этики, по своему содержанию являющаяся противоположностью добру, и понятие морального сознания, которое служит наиболее обобщенным выражением представлений о безнравственном, противоречащем требованиям морали, заслуживающем осуждения, а также общей абстрактной характеристикой отрицательных моральных качеств» [ФЭС: 91].

В своем исследовании мы исходим из теоретических положений, высказанных современными российскими лингвистами: аксиологически заряженная семантика выражается эксплицитно и имплицитно; экпликация оценочных смыслов наиболее ярко проявляется на лексическом уровне [Ломакина 2021: 100].

Данная статья посвящена рассмотрению концепта ЗЛО / ОШ, ХОРА, репрезентация которого представлена в русской и тувинской лингвокультуре устойчивыми единицами – фразеологизмами и паремиями. Материалом для исследования послужила авторская выборка из сборников «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б.К. Будупа, «Тувинско-русского фразеологического словаря» Я.Ш. Хертека, «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.Н. Тихонова» «Большого словаря русских пословиц» под ред. В.М. Мокиенко.

В тувинском языке понятие *зло* обозначают следующие лексемы: ‘ош’, ‘хора’ [РТС 1953: 181], ‘багай (бак) чве’ [РТС 2015: 185]. *Ош* определяется как «1. преднамеренное зло, злостное действие; 2) злоба, злость; 3) невезение; 4) вред, причинять кому-либо зло» [ТСТЯ: 538]. В русском языке лексема *зло* также многозначна: «1. только ед. ч. Все дурное, плохое, вредное; противоп. добро. 2. Беда, несчастье, неприятность. 3. только ед. ч. Прост. Злое чувство, гнев, досада (часто в выражениях: со зла; зло взяло, зло разбирает и т. п.). [МАС I: 611-612]. Кроме того, понятие *зло* нередко выражается лексемой *худо* со значением «Что-л. плохое, неприятное; зло» [МАС IV: 629] и дериватом *худой*, а также лексемой *лихо* «Зло, беда, несчастье» [МАС II: 189]. Следует отметить, что в семантизации приведенных существительных участвует сема ‘зло’ (ср.: *Не всяк злодей, кто часом лих*).

В русском языке рассматриваемый концепт представлен единицами с одноименным компонентом и его дериватами, среди которых выделяются группы, среди которых следующие: 1) характеристика человека, его характера, привычек: *злой ге-*

ний, злой дух, злые языки ; Тьма свету не любит – злой доброго не терпит; У злой Натальи все люди каналы; Наши Козьма все бьет со зла; Наши Авдей никому не злодей и др. Включение имени собственного в состав подобных единиц мотивировано их ритмической организацией; 2) зло как вместилище: употребить во зло; 3) совет отгородиться от зла: Зла за зло не воздавай; Отыди от зла и сотвори благо; Кто за худым пойдет, тот добра не найдет; Молись, а злых дел берегись! 4) зло как живое существо: зло взяло, зло разбирает, Добро не умрет, а зло пропадет; Худое худым и кончится; Добро ищи, а худо само придет; Хорошо худо не живет и др.

В тувинском языке понятие зло передается путем следующих лингвоаксиологических маркеров: 1) *бак* ‘плохо, дурно, нерадиво’, 2) *багай* ‘плохой, дурной, нерадивый’.

Анализ паремий и фразеологизмов позволяет нам определить эксплицитную оценку понятия зла в тувинской культуре. Преобладание антиценностного значения рассматриваемого концепта происходит через общеоценочное слово *багай* ‘плохой’ во фразеологизмах, которые можно распределить по группам: 1) характеристика человека *бак аастыг* ‘злословный’, *Бак ералыг, еразы бак* ‘с дурным предзнаменованием’ (букв. Человек с плохим ртом, с плохим умыслом); 2) характеристика намерений человека: *бак сагыш* ‘плохой умысел’, *бак сагыштыг* ‘с плохим умыслом’, 3) суеверные представления о будущем: *багай аас эдер* ‘предсказывать плохое’, *бак аас* ‘плохое предсказание’, *бак ера* ‘дурное предзнаменование’, *бак ералаар* ‘сказывать, знаменовать плохое’. В тувинских пословицах, формулирующих зло как антиценность фигурирует также лексема *бак* ‘плохой’: *Бак сагыш башика халдаар* ‘Злая мысль самому навредит’, *Бак кижиниң баажызы хей* ‘У лентяя много отговорок’, *Сөс багы – чаргы* ‘Плохое слово до ссоры’, *Кидис багы – чымчак, кижис багы – килең* ‘Кошма плоха мягкая, человек плох сварливый доводит’, в которых осуждается лень, злой нрав, злословие и гнев.

Пословицы *Шевер кижис мактадыр, чевен кижис бактадыр* ‘Хорошего мастера хвалят, плохого – хают’, *Кудай багы арлыр, кижис багы арылбас* ‘Непогода пройдет, а плохой нрав – нет’, *Эви багай чарлыычал, эди багай орлуучал* ‘Бережет плохо – порвется быстро, дружит плохо – разойдутся скоро’ двучастны, они построены на контрасте.

Далее рассмотрим группу паремий, построенных на контрасте, который выражается антонимической парой *эки – багай* ‘хорошо – плохо’. Эти паремии содержат оценку различных качеств человека: *Экиде – эдержир, бакта – кагжыр* ‘Когда в достатке – дружбе нет помехи, когда приходит беда – уходят ненадежные’, *Бак кижиниң караа дөрде, эки кижиниң караа эжикте* ‘Дурной смотрит – где бы взять, скромный – как бы что не сломать’, *Бак сагыштың бажы-биле, эки сагыштын экти-биле* ‘По головам дурно мыслящих, по плечам добро думающих’, *Кижис экизи – хун, кижис багы – дүн* ‘Человеческая доброта – теплый день, коварство – темная ночь’. В пословице *«Бар» дээн – багай, «кел» дээн – эки* ‘Плохо, когда говорят – иди, хорошо, когда – приходи’ формы глаголов в повелительном наклонении *бар* – ‘про-

гоняет со злым умыслом’, *кел* значит ‘приглашает с добрыми намерениями’ служат лингвоаксиологическими маркерами. Пословица *Бакты көрбейн эжини үнелээри берге* ‘Не увидев плохое, трудно оценить хорошее’ означает, что в жизни не сразу наступают счастливые, добрые моменты, чтобы достичь этого нужно приложить немало усилий и стараний, пройти через огонь и воду.

Приведем некоторые русские поговорки, также построенные на антонимической паре *хорошо – худо*: *Хорошо на хорошо – ровно мед с калачом; а худо на худо – ровно с похмеля батожьем; Худо говорят – не бранить (не купить), а хорошо – не дарить*.

Понятие зло в тувинском языке также обозначает злость, злобу, что в поговорках передается через лексемы *кылык* ‘вспыльчивость’, ‘раздражительность’; *ажынар* ‘сердиться’, ‘злиться’: *Ажынгаиш, арт ажар эвес* ‘Одной злостью перевал не преодолеешь’, *Даг аътты човадыр, кылык ботту човадыр* ‘Крутая гора коня измучает, тяжелый нрав человека измучает’, *Ажынгаиш, арыг кирбе, дарынгаиш, даг үнме* ‘Сердясь, в лес не ходи, злясь, в гору не иди’ говорится о негативном чувстве злости, которое ни к чему хорошему не приведет. Но все же чувство злости на что-либо или на кого-либо неизбежно, оно присуще каждому живому существу: *Кылын чажырарга, көсту бээр* ‘Как ни прячь злость, все равно проявится’.

Анализ языкового материала, репрезентирующего концепт ЗЛО / ОШ, ХОРА в русской и тувинской лингвокультуре на материале устойчивых единиц, показал общность в субъектно-объектной оценке. Вместе с тем в тувинском языке в составе устойчивых единиц отсутствуют компоненты, обозначающие данный концепт, в отличие от русского языка, где используются лексемы *зло, худо, лихо*. В тувинском языке эксплицитная оценка понятия зла выражается при помощи оценочных слов *бак, багай*.

Литература

Байрамова Л.К. Пословицы в «аксиологическом фразеологическом словаре русского языка: словаре ценностей и антиценностей // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 10-12.

Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Оправдание зла // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2020. № 3. С. 10-23.

Иванов Е.Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317-337.

Ломакина О.В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Том 7 (73). № 1. С. 97-107.

Нелюбова Н.Ю., Ломакина О.В., Мирзаева С.В. ТРУД в парадигме ценностей европейских и азиатских народов: на материале поговорок русского, французского и калмыцкого языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 595-615.

Никитина Т.Г., Розалёва Е.И. Русские пословицы в лингвоаксиологической и лексикографической интерпретации: традиции и инновации // Вопросы лексикографии. 2022. № 24. С. 70-92.

Русско-тувинский словарь: 32 000 слов. Абакан: Журналист, 2015.

Русско-тувинский словарь: 22 000 слов. Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981-1984.

ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I. А-Й.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

A.Kh.Sh. Dorzhu (Kyzyl, Russia)

Tuvan State University

REPRESENTATION OF THE CONCEPT *EVIL* / *ӨШ, ХОРА* IN RUSSIAN AND TUVAN PHRASEOLOGY AND PAROMEOLOGY

The article is devoted to the problem of describing the features of the representation of the concept *EVIL* in Russian and Tuvan linguoculture. nominations of values as a representative of concepts. The material of the study was the author's selection of stable units from lexicographic sources. The analyzed material of the Russian and Tuvan languages, distributed into groups, contains characteristics of a person and his intentions, includes recommendations for human behavior. In the Russian language, stable units contain the lexemes *zlo, hudo, likho*; while in Tuvan the lexemes *bak* 'bad, ugly, careless' and *bagai* 'bad, ugly, careless' prevail.

Key words: paremia, proverb, phraseological unit, values, concept of *EVIL*, linguaxiological marker, the Tuvan language, the Russian language

М.А. Духнова (Пермь, Россия)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

mariya.dukhnova@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА ЗВУКА В ЛИРИКЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «КАМЕНЬ»)

В статье рассматриваются когнитивные метафоры звука в сборнике стихотворений О. Мандельштама «Камень». Анализ семантических групп лексики, обозначающих звук, показал, что наиболее значимыми группами в «Камне» являются «речь», «музыка» и «тип звука». Эти семантические группы служат основными областями-источниками; областями-мишенями для них являются «гармония», «образ мира», «ход времени».

Ключевые слова: Мандельштам, «Камень», когнитивная метафора, звук

Введение

Метафора является частью нашего сознания, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2021: 23]. В когнитивной лингвистике метафора обеспечивает переход от образно-схематических моделей одной области к соответствующей структуре другой области [Болдырев 2016: 12].

Изучение метафоры, как опорной части поэтического текста, в русле когнитивной лингвистики вызывает интерес у исследователей (см., например: [Freeman 2005] и др.). Исследование метафоры в поэтическом тексте с позиции когнитивной лингвистики помогает не только раскрыть художественный потенциал произведе-

ния, но и проанализировать идиостиль автора, специфику его личности и восприятия им окружающего мира.

В лирике О. Мандельштама метафора играет значимую роль, предстает как «осознанный поэтический прием» [Успенский 2018: 11]. В данном исследовании анализируются тексты первого издания сборника стихов Мандельштама «Камень». Поэзия этого периода отличается сенсорностью, все ощущаемое поэтом трансформируется в его сознании в сложную систему образов.

Предметом данного исследования является структура когнитивной метафоры звука в сборнике поэта «Камень». Под когнитивной метафорой подразумевается перенос понятий из одной области представлений (области-источника) в другую (область-мишень), а моделирование когнитивной метафоры включает определение этих областей и анализ связей между ними [Лакофф, Джонсон 2021]. С этой точки зрения исследуются метафоры у Мандельштама в данной статье. Вследствие насыщенности поэтических текстов Мандельштама акустическими образами, их анализ представляется важным для исследования роли метафоры в творчестве поэта.

Материал и методы исследования

Сборник «Камень» в редакции 1913 г. и включает 23 стихотворения. Это самый ранний период творчества поэта, а лирика этого периода – отражение попыток молодого поэта осознать себя и свое место время, прочувствовать, разглядеть, услышать, осознать мир, ощутить себя его частью.

В ходе исследования в текстах сборника «Камень» были выделены лексемы, связанные со звуком (88 словоупотреблений, при этом 63 из них – уникальные лексемы). Данные лексемы были распределены по семантическим группам с учетом контекста; анализировались объем и структура полученных семантических групп. Анализ позволил выделить основные области-источники, посредством которых реализуется когнитивная метафора звука, определить их иерархию в зависимости от объема, а также определить, с какими областями-мишенями они связаны.

Когнитивная метафора звука

Именования звука в лирике сборника можно объединить в следующие семантические группы – области-источники: «речь», «музыка», «тип звука», «тишина», «восприятие звука». Объемы полученных групп и примеры реализующих их лексем представлены в таблице 1.

Таблица 1. Области-источники когнитивной метафоры звука

Группа	Примеры	Объем
речь	<i>беседа, бормотать, сказать, слово, спорить</i>	29
музыка	<i>гимн, колокол, нота, музыка, ритм, хор</i>	23
тип звука	<i>визг, выстрел, сигнал, скрипеть, сирена, стон</i>	23
тишина	<i>тихо, тишина, умолкнуть, немой, немота</i>	9
восприятие звука	<i>слух, слушать, слышать</i>	4

Как видно из таблицы 1, наиболее объемной группой является группа «речь», включающая лексику, относящуюся к процессу говорения, устной коммуникации.

Посредством единиц данной группы в некоторых стихах создается диалог с незримым собеседником (*Кого, скажите, мне благодарить?; Кто, скажите, мне сознанье виноградом замутит*). Самой частотной лексической единицей в этой группе является компонент *слово* (6 ед.). Для раннего периода творчества поэта характерно представление о словах как о вещах, осязаемых материальных сущностях [Глазова 2019: 52]. Слово – такая же часть материального мира, как любые физические объекты окружающей действительности. Слово становится материалом, «камнем» для строительства, тогда как поэт – строителем, создателем. Компоненты этой группы создают акустический образ диалога, коммуникации с собеседником, зачастую незримым, и в то же время слово для поэта остается строительным материалом творца. Таким образом данная область-источник связана со следующими областями-мишенями: «творчество» и «познание» (как взаимодействие с миром и собой в процессе диалога).

Семантические группы «музыка», включающая лексемы, связанные с музыкальным искусством, его элементами и исполнением, и «тип звука», характеризующая природу и свойства звуковых явлений, имеют одинаковый объем.

Самыми частотными компонентами в группе «музыка» являются лексические единицы *колокол* (4 ед.) и *музыка* (4 ед.). Образ колокола – отсылка к церковному образу, где колокольный звон ассоциируется с очищением, исцелением, облегчением души, в то же время звон – это колебания, т. е. проявление жизни. Через образ колокола осуществляется связь религии и музыки. Отсутствие колокола подчеркивает пустоту и безжизненность пространства, невозможность музыки и, как следствие, невозможность гармонии. Понятие музыки в лирике поэта тесно связано со словом: *она и музыка, и слово; и слово в музыку вернись*. Музыка наряду со словом являет собой одну из основ гармонии. В этой же группе выделяется подгруппа лексики, характеризующая музыку как гармоничную структуру (*ритм, перезвон, хор* и др.), при этом эти компоненты соотносятся с другими понятийными сферами. Например, метафора *хор кузнечиков* репрезентует музыку как часть природы, а *душа – певуча* характеризует музыку как часть человеческой души, часть гармоничного существования человека, *подлинно во мне печаль поет* связывает музыку и человеческие эмоции. Таким образом, область-источник «музыка» соотносится с областями-мишенями «гармония», «образ мира», «состояние человека».

В группе «тип звука» можно выделить лексемы, относящиеся к звукам, которые воспроизводит живое существо (*крик, рыдание*), звуки окружающего мира (*шелестеть, скрипеть, зашуметь*), а также звуки, издаваемые вследствие взаимодействия объектов (*выстрел, звонить, стучать*). Создается акустический образ мира (*черный ветер шелестит; зашумит бумажной листвою; поет сирена; мелькающих стрел звон*), следовательно, областью-мишенью является «образ мира». Кроме того, прослеживается связь с областью-мишенью «ход времени» (*вечность бьет на каменных часах*). Итак, областями-мишенями для области-источника «тип звука» являются «образ мира», «ход времени».

К группе «тишина» отнесены лексемы, обозначающие отсутствие звука или субъективное восприятие человеком состояния тишины. Отсутствие звука связано либо с невозможностью извлечения звука, либо с отсутствием звучания. Невозможность звучания под воздействием внешних факторов отражает нарушение, дисгармонию мира (*И стоит осиротелая и немая вышина – Как пустая башня белая, где туман и тишина*) или окончание жизни (*твердь умолкла, умерла*). При этом тишина у Мандельштама – это тоже музыка, услышать которую и правильно понять дано далеко не каждому [Шутова 2019: 52]. Немо́та первоначальная, т. е. дословесная, не уравниваемая с понятием обычной немоты, несет в себе творческое начало. У Мандельштама она хоть и бессловесная, но звучащая, чистая, как *кристаллическая нота*. Таким образом, невозможность создания звука связывает эту область-источник с областью-мишенью «дисгармония», а состояние немоты, наполненной тишины с областью-мишенью «творчество».

Группа «восприятие звука» наименее частотна и включает в себя лексемы, описывающие процесс восприятия звука. У Мандельштама процесс слушания связан не только со звуком, поэт слушает ход времени (*Я слушаю – как снежный ком растет и вечность бьет на каменных часах*), слух становится способ познания и осознания элементов действительности (*Я слушаю, как узник без боязни, железа визг и ветра темный стон!*). То есть эта область-источник связана с областью-мишенью «познание».

Отметим, что все области-источники у Мандельштама связаны: молчание, немота, звук, музыка и поэтическое слово объединяются в единое синкретическое целое, диалектическое единство противоположностей, в которое они соединены не сознательной волей творца, а независимо от него и еще до создания стихотворения [Васильева 2002: 18]. Это позволяет предположить и связь всех указанных областей-мишеней.

Заключение

Анализ семантических групп лексики, обозначающих звук, позволил выделить семантические группы, являющиеся областями-источниками когнитивной метафоры звука: «речь», «музыка», «тип звука», «тишина», «восприятие звука». Основными областями-мишенями являются «творчество», «гармония», «образ мира», «познание», «состояние человека». Невозможность извлечения звука под воздействием внешних факторов связывает когнитивную метафору звука с областью-мишенью «дисгармония», а область-источник «тип звука» связана также с областью-мишенью «ход времени».

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.
- Васильева А.А. Концепция поэтического творчества Осипа Мандельштама // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2002. № 4 (222). С. 15-20.
- Глазова Е.Ю. Метаморфоза слова. Теоретическая мысль Осипа Мандельштама. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранов, А.В. Морозова. М.: Издательство ЛКИ, 2021.

Успенский Б.А. Исследования по русской литературе, фольклору и мифологии. М.: Common place, 2018.

Шутова А.В. Концепт «музыка» в ранней лирике О.Э. Мандельштама и его отражением в лексической структуре поэтических текстов автора // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (199). С. 49-55.

Freeman Margaret H. The Poem as Complex Blend: Conceptual Mappings of Metaphor in Sylvia Plath's "the Applicant" // Language and Literature. 2005. Vol. 14. No. 1. Pp. 25-44.

M.A. Dukhnova (Perm, Russia)

Perm State University

THE COGNITIVE METAPHOR OF SOUND BY O. MANDELSTAM'S POETRY (BASED ON THE MATERIAL FROM THE POETRY COLLECTION "STONE")

The article describes the cognitive metaphors of sound in the poetry collection by O. Mandelstam "Stone". The analysis of semantic vocabulary groups denoting sound shows that the most significant groups in the "Stone" are "speech", "music" and "type of sound". These semantic groups serve as the main source areas; the target areas for them are "harmony", "image of the world", "passage of time".

Key words: Mandelstam, "Stone", cognitive metaphor, sound

Ю.Н. Епринцева (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

eprintsevajulie1989@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК МЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРОЦЕССА ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

В данной статье проанализирован процесс интеграции концептов, вербализующихся средствами фразеологии. Указывается, что данный процесс представлен несколькими вариантами, которые определяют степень салиентности компонентов, входящих в состав фразеологических единиц. Доказывается необходимость разграничения фразеологической и фразеосемантической деривации.

Ключевые слова: концептуальная интеграция, фразеологическое единство, фразеологическое сращение, концепт, эмоциональное состояние, фразеологическая деривация, фразеосемантическая деривация

Концептуальная интеграция определяет ментальный процесс конструирования значения, особенности образного мышления, специфику репрезентации структур знания и вербализации концептуальных смыслов.

В данной статье рассматривается процесс концептуальной интеграции применительно к французским фразеологизмам, выражающим эмоциональное состояние человека, а также исследуется взаимосвязь между процессами концептуальной и семантической интеграции. Объектом исследования данной статьи являются французские фразеологизмы, с компонентом «эмоциональное состояние субъекта» (далее – ЭСС). Целью данной статьи является изучение когнитивных и семантических

процессов, которые вступают в силу при актуализации процесса концептуальной интеграции, приводящей к образованию фразеологизма. Чтобы достичь цели исследования, необходимо решить задачи, включающие выявление моделей концептуальной деривации, дифференциацию фразеологической и фразеосемантической деривации, изучение основных парадигм изменения значений фразеологических единиц и анализ закономерностей взаимосвязи концептуального и вербального уровней.

Цель, которую мы ставим перед собой, связана с выявлением закономерностей взаимосвязи между моделью семантической деривации, и законами концептуальной интеграции, лежащими в основе переструктурирования фреймовых структур, определяющих развитие комплексного знака (далее – КЗ) [Полянчук 2013]. В исследованиях подобного рода важное значение играет когнитивный подход. Именно он позволяет с наибольшей четкостью и достоверностью выявить причины и правила семантической композициональности элементов фразеологической единицы (ФЕ). Такой подход оказывается особенно актуальным, так как комплексный знак сам по себе является особой структурой представления знаний, подвергающейся воздействию специфических законов, которые требуют основательного изучения.

Перед тем как перейти к анализу когнитивных механизмов фразеологизации, следует подчеркнуть, что в фокусе нашего внимания находятся фразеологические единства и фразеологические сращения, отличающиеся различной степенью идиоматичности [Виноградов 1986].

Фразеологические сращения обладают высокой степенью идиоматичности, фразеологические единства – частичной. Рассмотрим примеры фразеологических единств, связанных с компонентом «эмоциональное состояние субъекта»: *gracieux comme un bonnet de nuit* – «неприветливый, угрюмый (как ночной колпак)», *jouir de la vie* – «радоваться жизни», *triste à pleurer* – «грустный до слез», *être au comble de la joie* – «быть наверху блаженства» и др.

К фразеологическим сращениям с компонентом «эмоциональное состояние субъекта» относятся: *battre froid à qn* – «относиться с подчеркнутой холодностью к кому-либо», *être soupe au lait* – «быть очень вспыльчивым», *prendre la mouche* – «внезапно рассердиться», *avalier un rat (bouffer du rat)* (разг.) – «иметь недовольный вид» и др.

Решая одну из поставленных задач, мы предлагаем опираться на критерий разграничения фразеосемантической и фразеологической деривации [Черникова 2016]. При фразеологической деривации семантический признак, связанный с ЭСС (концептуализированный признак на когнитивном уровне), присутствует во фразеологическом до его включения в процесс фразеологизации, а в случае фразеосемантической деривации его актуализация осуществляется в самом процессе фразеологизации. Такое разграничение объясняется различием в особенностях интеграции ментальных структур, в частности: в основе вербализации концептов в процессе фразеологической деривации лежит процесс интеграции «статичных», уже существующих до процесса концептуальной интеграции концептов. В данном случае концептуаль-

ная интеграция не связана с перестройкой базовых фреймовых структур. Напротив, в процессе фразеосемантической деривации вступают в действие ассоциативные процессы, а именно, когнитивная метафоризация, что приводит к модификации одного или двух базовых концептов, что и обеспечивает на вербальном уровне фразеосемантическую деривацию. Проиллюстрируем данное положение на примерах.

Глагол «*calmer*» («успокоить») в фразеологическом единстве «*calmer le sang*» означает «успокоить душу». Это фразеологическое единство сохраняет семантическую расчлененность: глагол «*calmer*» используется в своем исходном значении: *atténuer, diminuer une sensation, un sentiment en apaisant*, обозначающем «уменьшать», «ослаблять» ощущения или чувства, что соответствует значению «успокаивать», в то время как «*le sang*» (в буквальном смысле – «кровь») используется в переносном значении, указывающем на «состояние души», (значение, входящее в состав семантемы «*sang*»). В этом фразеологическом единстве сохраняется семантика, отражающая положительное эмоциональное состояние субъекта. Проведем компонентный анализ фразеолексы «*calmer*» в свободном (1) и фразеологически связанном значении (2), чтобы продемонстрировать сохранение семантики фразеолексы «эмоциональное состояние» в рамках фразеологического единства.

1) A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (чувствовать облегчение) + S_2 (уменьшить ощущение тревоги) + S_3 (успокоение) + S_{4p} (чувство умиротворения)

2) A_2 (эмоциональное состояние) + S_5 (спокойствие) + S_4 (умиротворение),

где A- архисема, S- сема, S_p – потенциальная сема.

Основываясь на анализе данного примера можно сделать вывод, что при включении в состав ФЕ с рассматриваемой фразеолексой не произошло никаких семантических изменений, из чего можно заключить, что мы имеем дело с фразеологической деривацией.

Рассмотрим другой пример. Фразеологическая единица *hurler après les chausses de qqn* «преследовать», является фразеологическим сращением, и смысл всего выражения может быть понят, благодаря переосмыслению всех компонентов ФЕ. Фразеолекса, которая нас интересует, глагол *hurler* «реветь», обозначающий отрицательное эмоциональное состояние человека. Свободное значение данного глагола – *pousser des hurlements; pousser des cris prolongés et violents* «издавать вопли, говорить раздраженно, яростно, громко кричать».

Значение фразеологического сращения *hurler après les chausses de qqn – poursuivre qqn* «преследовать кого-то». ФЕ отражает действия человека (в результате криков за «спиной человека», дословно «за обувью», т.е. по пятам, организуется его преследование). Приведем схему компонентного анализа фразеолексы в свободном значении (1) и идиоматичного фразеологического сращения (2):

1) A_1 (эмоциональное состояние) + S_1 (вопить) + S_2 (говорить гневно) + S_3 (шуметь) + S_{4p} (негативное влияние на субъект);

2) A_2 (действие) + S_4 (преследование).

В данном примере, процесс фразеосемантической деривации происходит по схеме «ЭСС» → «негативное воздействие».

Проведенное исследование показывает, что значительная идиоматичность фразеологического сращения обусловлена высокой степенью интегративности соответствующих концептов, что объясняется выбором концептуализируемого признака «негативное воздействие», который возникает как результат такого типа концептуализации.

Именно описанные варианты концептуализации и являются, на наш взгляд, когнитивной причиной, определяющей ориентацию процесса фразеологизации по пути образования фразеологических единств либо фразеологических сращений: в случае перспективизации концептуализируемого признака, соотносящегося с одним из ментальных пространств, образуются фразеологические единства; в случае концептуализации признака-результата интеграции нескольких (в основном двух) ментальных пространств возникают фразеологические сращения.

Таким образом, результаты проведенного исследования можно обобщить следующим образом. Процесс интеграции концептов, вербализующихся средствами фразеологии, представлен несколькими вариантами, которые определяют степень салиентности компонентов, входящих в состав фразеологических единиц: а) интеграция концептов, принадлежащих уже сформировавшейся концептосфере, и б) актуализация когнитивной метафоры в самом процессе интеграции ментальных пространств. Указанные процессы определяют направление процесса фразеологизации на вербальном уровне: в случае, а) речь идет о фразеологической, а в случае б) – о фразеосемантической деривации. Когнитивные процессы определяют степень идиоматичности фразеологической единицы, в частности, ее репрезентации как фразеологического единства либо фразеологического сращения.

Литература

Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1986.

Поляничук О.Б. Композиционная семантика многозначного производного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013.

Черникова А.Э. Концептуализация компонентов как основа процесса фразеологизации // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 287-289.

U.N. Eprintseva (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

CONCEPTUAL INTEGRATION AS A MENTAL BASIS OF THE PROCESS OF PHRASEOLOGIZATION (BASED ON THE MATERIAL OF FRENCH PHRASEOLOGISM)

This article analyzes the process of integration of concepts verbalized by means of phraseology. It is indicated that this process is represented by several options that determine the degree of salience of the components that make up phraseological units. The necessity of distinguishing between phraseological and phrase-semantic derivation is proved.

Key words: conceptual integration, phraseological unity, phraseological fusion, concept, emotional state, phraseological derivation, phrase-semantic derivation

*Е.В. Ерофеева (Пермь, Россия)**Пермский государственный национальный исследовательский университет
elena.v.erofeeva@yandex.ru*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ С НЕЯСНЫМ ФУНКЦИОНАЛОМ РУССКИМИ И КИТАЙЦАМИ

В статье рассматриваются признаки, на которые опираются русские и китайцы при категоризации непонятных предметов. Анализ названия таких предметов показывает, что наиболее значимым признаком категоризации и для русских, и для китайцев оказывается «целое»; при этом русские реже китайцев опираются на признак «часть», но чаще оперируют признаком «нечто» и называют предмет через метафору.

Ключевые слова: категоризация, признаки категоризации, предметы с неясным функционалом, русские, китайцы

Картина мира формируется посредством категоризации действительности и установлением системы категорий [Касевич 1996]. Категоризация – это процесс и результат когнитивной деятельности человека, главный способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, систематизировать и рассортировать воспринятое [Кубрякова 2004]. Категории существуют в нашем сознании как способ отражения действительности: «символы, соотносящиеся с внешним миром, представляют собой внутренние репрезентации внешней реальности» [Лакофф 1988: 30–45].

Одним из принципов идентификации объекта является его отнесение к той или иной категории. Поскольку в большинстве случаев человеку требуется мгновенно опознать тот или иной объект или явление, в сознании происходит классификация свойств этого объекта, отбрасываются незначительные, а наиболее существенные выступают своеобразными индикаторами [Лакофф 2004]. Обычно мы имеем дело с восприятием уже знакомых объектов, соотнося их с той или иной категорией по признакам или по схожести на прототип, при этом наличие имени категории существенно облегчает когнитивные процессы [Zettersten 2024]. Однако существует немало ситуаций, когда объект не известен воспринимающему; в таком случае при категоризации как опора используются привычные для человека признаки, активность которых может не совпадать для носителей разных языков [Дзюба, Чжао Линь 2015; Sera et al. 2023]. Предметом данной статьи являются признаки категоризации непонятных предметов, на которые опираются русские и китайцы при их назывании.

В качестве предметов-стимулов использовались экспонаты «Исчезающего музея» – уникального культурного объекта, основой которого являются забытая на много лет и поэтому сохранные аппаратура и детали клуба радиолубителей. «Исчезающий музей» в настоящее время располагается в здании центра детского творчества г. Перми; его экспонаты – вещи с неявным для современного молодого человека функционалом – различные радиодетали и электроприборы: резисторы,

катушки, радиоприемники, стационарные телефоны т. д. В качестве стимульного материала были отобраны пять экспонатов, которые различаются по форме, материалу, цвету и предназначению (рис. 1).

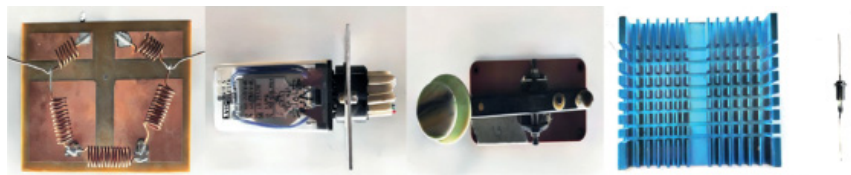

Рис. 1. Предметы, использованные как стимульный материал

В исследовании приняли участие две группы информантов носители русского языка (40 чел.) и носители китайского языка (40 чел.) от 16 до 22 лет. Информантов просили рассмотреть каждый предмет и назвать его (по сути – ответить на вопрос *Что это?*). Русские информанты опрашивались на русском языке, китайские – на китайском. Всего было получено и обработано 400 реакций, некоторые из которых были развернутыми и включали несколько признаков категоризации.

Приведем примеры ответов русских информантов относительно первого из представленных экспонатов: *пружинка*; *распутье*; *это великая мышеловка, но скорее всего это окно с электричеством*; *окно со светом*; *круговорот*; *мясорубка*; *христианский крест с технологиями*; *пентаграмма с усами*; *проводник электроэнергии*; *штука для нагрева*; *штуковина* и т. п.

При анализе реакций сначала определялись наиболее общие признаки категоризации, которые выбирают информанты для описания незнакомого предмета – «целое», «часть», «метафора», «нечто». Анализ общих признаков категоризации подразумевал выявление данных признаков в реакциях информантов. Так, реакция *пружинка* обозначает не целый механизм, а его деталь, соответственно, при наименовании используется категориальный признак «часть»; реакция *это великая мышеловка, но скорее всего это окно с электричеством* подразумевает отдельный механизм, соответственно использовался категориальный признак «целое», в то же время входящее в данную реакция слово *окно* реализует метафору; реакции типа *штуковина* используют категориальный признак неопределенности – «нечто»; реакции типа *распутье, окно со светом* сформированы на основе метафоры (все случаи метафорического переноса объединены при анализе в признак «метафора»).

Кроме того, рассматривались вторичные признаки, в которых отражается категоризация предметов по физическим характеристикам (размеру, цвету и т.д.), форме и функциям. Например, в реакциях *круг из пружинок* и *пентаграмма с усами* присутствует признак «форма», в реакциях *проводник электроэнергии* и *штука для нагрева* признак «функция», в реакции *окно со светом* – признаки «форма» и «физические характеристики».

Общие категоризационные признаки в наименованиях

Результаты анализа частоты использования общих категоризационных признаков русскими и китайцами представлены на рисунке 2.

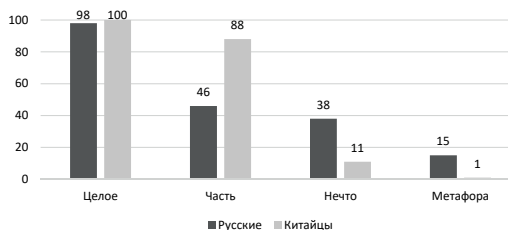

Рис. 2. Частота общих категоризационных признаков, абс.

Как видим, русские и китайцы одинаково часто прибегают к наименованию по признаку «целое», однако признак «часть», реализуется китайцами в два раза чаще, чем русскими. Они дают более развернутые наименования, одновременно включающие и целый механизм, и его детали. Интересно, что неопределенные наименования, относящие предмет к категории «нечто», гораздо частотнее у русских информантов, а наименование через метафору у китайцев вообще встретилось только один раз.

В целом порядок общих признаков как опоры категоризации у русских и китайцев совпадает, однако для китайцев важными являются по сути дела только два признака, в то время как русские информанты достаточно активно опираются на все четыре выделенных признака, при этом признак «нечто» по частоте использования мало уступает признаку «часть».

Вторичные категоризационные признаки в наименованиях

Результаты анализа частоты использования вторичных категоризационных признаков русскими и китайцами представлены на рисунке 3.

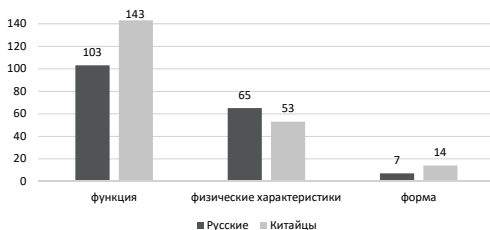

Рис. 3. Частота вторичных категоризационных признаков, абс.

В целом китайцы использовали больше вторичных признаков категоризации, чем русские (210 и 175 соответственно), что подтверждает большую детализацию

при назывании предмета. Наиболее важным признаком у обеих групп информантов оказался признак «функция», однако китайцы использовали его значительно чаще. Признак «физические характеристики у обеих групп является вторым по важности, но его чуть чаще используют русские. Признак форма довольно редок, хотя у китайцев оказывается более частотным.

Таким образом, реакции китайцев оказываются более детализированными, в них учтено больше признаков, чем в реакциях русских. Это может быть связано с особенностями китайского языка, в котором слова часто образуются из нескольких иероглифов, проясняющих суть объекта называния. В целом китайцы описывают непонятный предмет по схеме «целое + часть + функция», русские – по схеме «целое + функция». При этом для русских достаточным оказывается отнести предмет к категории непонятных («нечто») или описать метафорически, китайцы же почти не прибегают к таким способам называния.

Благодарности

Благодарим студентку филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета Марию Клюс за помощь в сборе материала и перевод реакций китайцев на русский язык.

Литература

Дзюба Е.В., Чжао Лин. Этноспецифические особенности лингвокогнитивной категоризации в русском и китайском языковом сознании // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 185-194.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 30-45.

Sera M.D., Soh H.L., Brinker D., Kuo J.Y., Fuller J.W., Hammerly Ch.M., Stevens J., Shao R., Batteen C., Li D., Davis N., Cai W. A cross-cultural study of language and cognition: Numeral classifiers and solid object categorization // Memory & Cognition. 2023. Vol. 51. Pp. 601-622.

Zettersten M., Lupyan G. Finding categories through words: More nameable features improve category learning // Cognition. 2020. Vol. 196. 10413.

E.V. Erofeeva (Perm, Russia)

Perm State University

CATEGORIZATION OF OBJECTS WITH UNCLEAR FUNCTIONALITY BY RUSSIANS AND CHINESE

The features that Russians and Chinese use to categorize incomprehensible objects are discussed in the article. An analysis of the naming of such objects shows that the most significant feature of categorization for both Russians and Chinese is “whole”. At the same time, Russians use the feature “part” rare than Chinese, but more often operate with the feature “something” and name an object through a metaphor.

Key words: categorization, categorization features, objects with unclear functionality, Russians, Chinese

Е.Б. Жулина (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет
minna80@mail.ru

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ (PAST SUBJUNCTIVE) В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ХОЛИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Сослагательное наклонение прошедшего времени (Past Subjunctive) исследуется в пределах холистического подхода к языку как когнитивному поведению человека, направленному на адаптацию к среде в момент речи. Методом анализа выступает когнитивный анализ. Оно отражает противопоставление непосредственного опыта наблюдателя и понятийного знания говорящего, приводящее к отрешенности сознания в момент речи и возникновению эффекта «сослагательности» события.

Ключевые слова: биология языка, адаптация, восприятие, наблюдатель, сослагательное наклонение прошедшего времени (Past Subjunctive)

Актуальность исследования детерминирована общей концентрацией современной гуманитарной науки на фигуре человека как субъекта познания и очевидно назревшей необходимостью интерпретировать язык как антропоцентричную символическую систему [Kravchenko 2016: 352]. Научная новизна состоит в том, что в пределах холистического подхода структуры, находящиеся в сознании человека, и передаваемые словами, в значительной степени зависят от опыта тела [Черниговская 2024: 53]. Обусловленность структур сознания телесным опытом приводит к пониманию языка как формы когнитивного поведения, направленной на эффективную адаптацию к среде в ситуации коммуникативного цейтнота, а не как самодовлеющей символической системы, созданной только для общения, которую участник коммуникации присваивает в момент речи. Знание, представленное в языке, в силу этого, считается чувственным опытом наблюдателя, непосредственным или опосредованным. Источником знания, выраженного в слове, всегда выступает наблюдатель, а не говорящий [Varela, Thompson, Rosch 2017: 17]. Непосредственный чувственный опыт наблюдателя определяется как феноменологическое знание. Понятийное знание, наиболее абстрагированное от первоначального источника восприятия, описывается как структуральное.

Объективность знания, отраженного в языке, существует только по тому, что суть есть чувственный опыт каждого отдельного человека. Интерпретация знания как телесного опыта человека, приводит к трактовке коммуникации как формы когнитивного поведения, направленного на максимально эффективное приспособление к среде в момент речи. Как следствие, контекст ситуации, или речевой контекст, особенности восприятия человека как субъекта познания, а также соответствие языка чувственному опыту человека становятся ключевыми в исследовании языка.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов не только при создании практических и теоретических курсов лингвистических дисциплин, но и в работах по философии языка и театральной

критике. Материалом для изучения служат высказывания, взятые из British National Corpus [British National Corpus]. Основным методом исследования стал когнитивный анализ, предложенный М. Льюисом [Lewis 1991: 101]. Предметом работы выступают способы представления в языке различных типов знания, которыми обладает человек в акте коммуникации. Объектом анализа выбраны формы сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) в английском языке. Делается предположение о том, что данные формы передают противопоставление непосредственного опыта наблюдателя и понятийного знания говорящего, приводящее к отрешенности сознания в момент речи и возникновению эффекта «сослагательности» события.

Уже в рамках традиционного анализа сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) интуитивно осознается значимость человека как субъекта познания, выбирающего роли как наблюдателя, так и говорящего при использовании данных форм. Во-первых, описание этих форм О. Есперсоном как «imaginative use of the Past Tense» [Есперсен 1958: 281], поскольку словоформы типа (*he*) *were*, (*he*) *knew* представляют собой формы прошедшего времени изъявительного наклонения в особом модальном употреблении. Подобное осмысление явно подразумевает опору на чувственный опыт наблюдателя, так как разницу в модальности можно понять только на основе непосредственного наблюдения. Во-вторых, А.И. Смирницкий прямо указывает на то, что «основная мысль, заключающаяся в сослагательном II (Past Subjunctive в общепринятой терминологии – Е.Ж.) – это противоречие между тем, что высказывается и действительным положением вещей» [Смирницкий 1959: 350]. Такое противопоставление можно только видеть. В-третьих, существование формы *were* как формы единственного числа также говорит о том, что сослагательное наклонение прошедшего времени (Past Subjunctive) – это именно наклонение, а не форма прошедшего времени (Past Simple) в модальном употреблении. Очевидно, что наклонение суть структуральное знание говорящего. В-четвертых, возможность замены формы *were* формой *was* со значением нереальности только в живой речи. Иными словами, замена возможна только при непосредственном участии наблюдателя.

В-пятых, сведение так называемых «настоящих» форм сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) к форме *were* как формы единственного числа и случаям использования форм *were/was* в зависимой части сложных предложений, где в главной части сказуемое стоит в форме настоящего времени [Емельянова, Зеленщиков, Петрова и др. 2003: 215]. Другими словами, противопоставляется непосредственный опыт наблюдателя структуральному знанию говорящего. В-шестых, совпадение форм изъявительного наклонения простого прошедшего времени (Past Simple) с формами сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) [Есперсен 1958: 313; Sweet 1958: 32]. Причем, значение нереальности события исчезает и в сослагательном наклонении. Иными словами, исчезновение значения «нереальности» в обоих случаях свидетельствует о непо-

средственным опыте наблюдателя, поскольку оценить «реальность» события можно лишь видя его. В-седьмых, употребление сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) в сравнительных предложениях для выражения нереального сравнения [Thomson, Martinet 1997: 254]. При этом важно отметить то, что не только возможно не соблюдение норм согласования времен в главной и зависимой частях сложного предложения, но и то, что форма сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) передает действие одновременное действию, выраженному формой настоящего времени (Present Simple). Такое сочетание форм настоящего и прошедшего времени допустимо только в присутствии наблюдателя, который видит происходящее и, следовательно, описывает его более или менее адекватно.

Выбирая фразу *She says, I wish I were brainy like you*, наблюдатель видит свою подругу, которой она пересказывает слова третьей подруги. Как следствие, она использует форму *wish*. Данная глагольная форма как форма простого настоящего времени указывает на совпадение в пространстве и во времени ситуации и ее словесного описания. Личное местоимение *I* как форма, непосредственно описывающая человека в момент речи, максимально точно указывает на наблюдателя. В свою очередь форма *were* как форма сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) отражает понятийное знание говорящего. Знание как конструкт, который он выстраивает на основе опыта, хранящегося в его памяти. Форма *says* как форма простого настоящего времени также передает понятийное знание говорящего, а не опыт наблюдателя. В целом предложение описывает противопоставление непосредственного опыта наблюдателя и понятийного знания говорящего, приводящее к отрешенности сознания в момент речи и возникновению эффекта «сослагательности» ситуации.

Формулируя высказывание *What a fool I am, thought Mrs. Fanshawe. I feel exactly as if I were having a very prolonged dream but every time I come out of it I'm so tired*, наблюдатель (миссис Фэншоу) описывает собственные мысли и ощущения. В силу этого она употребляет форму *am*. Эта форма как форма простого настоящего времени глагола *be* выражает непосредственный опыт наблюдателя. То, что чувствует – себя и свои ощущения. Форма *feel* как форма простого настоящего времени и одновременно форма глагола чувственного восприятия передает как понятийное знание говорящего, так и непосредственный опыт наблюдателя. Множественное употребление личного местоимения *I*, как формы описывающей в момент речи исключительно человека как субъекта познания, также говорит о присутствии наблюдателя. При этом форма *were having* как форма сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) отражает понятийное знание говорящего, максимально абстрагированное от первоначального источника восприятия. Таким образом, высказывание указывает на противопоставление непосредственного чувственного опыта наблюдателя понятийному знанию говорящего, описывая тем самым ситуацию как «нереальную».

В примере *It is high time the Labour Party explained how it sees non-sectarian politics* наблюдатель видит члена Парламента от партии лейбористов и просит у него объяснений по поводу того, как они развивают политику, свободную от религиозного влияния. Как следствие, он выбирает форму *is*. Эта форма как форма простого настоящего времени глагола *be* отображает непосредственный опыт наблюдателя – назревшую необходимость объяснения. Форма *explained* как форма сослагательного наклонения прошедшего времени (Past Subjunctive) выражает понятийное знание говорящего. Предложение в целом передает столкновение опыта наблюдателя со структуральным знанием говорящего.

Таким образом, сослагательное наклонение прошедшего времени (Past Subjunctive) выражает противопоставление непосредственного опыта наблюдателя и понятийного знания говорящего, ведущее к отрешенности сознания в момент речи и возникновению эффекта «сослагательности» события.

Литература

Емельянова О.В., Зеленичиков А.В., Петрова Е.С. и др. *A New University English Grammar* (Грамматика современного английского языка): учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.–СПб.: Академия; Филол. факультет СПбГУ, 2003.

Есперсен О. *Философия грамматики*. М.: Иностр. литература, 1958.

Смирницкий А.И. *Морфология английского языка*. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

Черниговская Т.В. *Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание*. М.: АСТ, 2024.

Kravchenko A.V. Two views on language ecology and ecolinguistics // *Language Sciences*. 2016. Vol. 2. № 54. Pp. 102-113.

Lewis M. *The English Verb. An Exploration of Structure and Meaning*.-London: Cambridge University Press, 1991.

Sweet H. *A new English Grammar. Logical and historical. Part II Syntax*. Oxford: Oxford University Press, 1958.

Thomson A.J., Martinet A.V. *A Practical English Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind, Revised Edition: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017.

British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

E.B. Zhulina (*St. Petersburg, Russia*)

St. Petersburg University

PAST SUBJUNCTIVE IN THE ENGLISH LANGUAGE: A HOLISTIC APPROACH

Past Subjunctive is examined within the new holistic approach to language as a form of cognitive behaviour aimed at the adaptation to the environment at the moment of speech. The method of the research is the cognitive analysis of language. This form shows the juxtaposition of the observer's direct experience and the speaker's conceptual knowledge which leads to the detachment of mind at the moment of speech and the effect of a "subjunctive" event.

Key words: biology of language, cognitive linguistics, holistic approach, perception, observer, adaptation, Past Subjunctive

*Д.А. Иванишин, М.В. Кононова (Орел, Россия)**Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
ghostpanther@yandex.ru, kononova-mari-1996@mail.ru*

СУФФИКС -ISM КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА С ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИЕЙ

Статья рассматривает суффикс -ism в сочетании с именем собственным как способ образования эмоционально отрицательно заряженных концептов в политическом дискурсе. Анализируются примеры, подтверждающие данный языковой процесс, отмечается тенденция к использованию суффикса -ism в исключительно негативном ключе с целью критики, очернения или высмеивания политической деятельности людей, к чьей фамилии данный суффикс добавляется.

Ключевые слова: концепт, политический дискурс, имя собственное, измы, отрицательная коннотация

Слова, обозначающие различные политические движения, играют значимую роль в политическом дискурсе. В ряде случаев, когда деятельность каких-либо политиков оказала существенное влияние на историю страны или мира, появлялся новый концепт, включающий в себя основные характеристики их идеологии и/или деятельности, например, Марксизм, Ленинизм, Сталинизм. В разные периоды мировой истории в зависимости от страны и политического строя подобные «измы» могли иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Представляется, однако, что в современном русскоязычном и англоязычном политическом дискурсе сочетания типа имя собственное + суффикс –изм– имеют только отрицательную коннотацию. Подобный способ словообразования используется в случаях, когда политического деятеля, идеологию или движение необходимо выставить в негативном виде, почти не используется в нейтральном контексте, что позволяет говорить о таком способе словообразования как о способе создания отрицательно заряженных концептов.

Будучи структурой представления знания, концепт понимается З.Д. Поповой и И.А. Стерниным как «глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин 2006]. В «Кратком словаре когнитивных терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой говорится, что концепт «отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [Краткий словарь когнитивных терминов]. Г.А. Крюкова отмечает, что концептом является «ментальная единица репрезентации как знания о мире в целом, так и о его фрагменте» [Крюкова 2008: 132], а также, что концепт отличается некоторой размытостью, когда в его ядре содержатся наиболее значимые языковые ассоциации, а на периферии – менее значимые. При этом, концепт отличается определенным непостоянством признака и «ограничен сознанием носителей языка» [Крюкова 2008: 132].

Можно заключить, что концептуальные «кванты знания» являются представлением человека или группы лиц о каком-либо явлении, в котором на передний план выходят наиболее значимые для них ассоциации, в то время как наименее значимые могут опускаться, причем, такие ассоциации могут меняться с течением времени. То есть, если в сознании какой-либо группы людей какое-либо явление или человек вызывают преимущественно негативные ассоциации, это может найти отражение в концепте, который может быть создан заново, либо могут претерпеть изменение ядерные ассоциации уже существующего концепта.

В свою очередь, суффикс –изм, согласно «Толковому словарю русского языка Т.Ф. Ефремовой» является словообразовательной единицей, образующей «имена существительные мужского рода, которые представляют собою названия общественно-политических, научных или эстетических учений, направлений, систем, а также качеств, склонностей, действий или состояний, связанных с тем, что названо именами существительными, редко – глаголами, от которых соответствующие имена существительные образованы» [Ефремова 2000]. Пометы о какой-либо отрицательной коннотации в словаре нет. Подобная информация присутствует в статье не о суффиксе, а о существительном *измы*. Там же говорится, что данное слово относится к разговорной речи и означает «общие – не всегда одобрительные – названия направлений в искусстве, философии, политике, науке и т.п., содержащие суффикс –изм» [Ефремова 2000].

В англоязычном словаре Merriam-Webster дается следующее значение суффикса -ism, напрямую соответствующее политическому дискурсу: а) *doctrine, theory, religion*; б) *adherence to a system or a class of principles*. Если же речь идет о существительном, то определения следующие: а) *a distinctive doctrine, cause, or theory*; б) *an oppressive and especially discriminatory attitude or belief* [Merriam-Webster]. То же самое наблюдается в онлайн-словаре Dictionary.com: «a distinctive doctrine, theory, system, or practice» – если речь идет о существительном; и *a suffix appearing in loan-words from Greek, where it was used to form action nouns from verbs (baptism); on this model, used as a productive suffix in the formation of nouns denoting action or practice, state or condition, principles, doctrines, a usage or characteristic, devotion or adherence, etc.* – если речь идет о суффиксе. Таким образом, ни в русском, ни в английском языках данный суффикс не имеет отрицательной коннотации и лишь обозначает принадлежность к определенному течению, движению, системе взглядов и т.д.

Тем не менее, реальные случаи употребления данного суффикса, особенно, когда речь идет об образовании новых существительных от имен собственных, чаще всего фамилий политических деятелей, показывает четкую тенденцию к возникновению у данных слов отрицательной эмоциональной окраски. Особенно это наблюдается в разговорном варианте языка. Так, если мы возьмем следующие измы – Trumpism, Trudeauism, Obamaism – и проанализируем их дефиниции в Urban Dictionary, ресурсе, в котором представлен главным образом разговорный вариант английского языка, и который пополняется самими носителями английского язы-

ка, то заметим, что во всех случаях определения данных выше измов будут крайне отрицательными: 1) **Trumpism** – a) *the belief system that encourages abrasive, pretentious, narcissistic behavior as the way to achieving money, fame and power*; b) *a social/ political movement based on elements of racism, religious bigotry, demeaning attitudes towards women, attempts to intimidate the press, economic uncertainty, rejection of scientific findings and general expressions of hatred that are reminiscent of German National Socialism of the Hitler era*. 2) **Trudeauism** – a) *the authoritarian and hypocritical ideology of Justin Trudeau*; b) *the totalitarian and problematic ideology of Justin Trudeau which is characterized by far-left fascism, radical liberalism, authoritarianism, hypocrisy, mass surveillance, silencing of the opposition, big government, divisiveness, and intolerance of opinions or beliefs*. 3) **Obamaism** – *superficially critical of some unseemly aspect of the political process without necessarily forswearing the practice itself*.

Любопытным представляется в данных случаях еще и то, что с помощью метонимического переноса данные измы стали обозначать не только определенную систему взглядов и деятельность вышеупомянутых политиков, но и ряд порочных практик или действий. То есть, ядерные ассоциации изначальных политических концептов оказались настолько сильными, что слова, их обозначающие, были перенесены на любые действия, идентичные действиям самих политиков. 1) **Trumpism** – a) *a falsehood uttered or acted to deceive, a lie*; b) *a whole load of bull shit, i.e. lies, deceit, deliberate obfuscation* [Urban dictionary]. 2) **Obamaism** – *making a lot of promises to people to get them baffled into believing in what you stand for. Using false promises to win an election* [Urban dictionary]. Приведем пример употребления данных концептов в разговорной речи: *Everything that man says is a trumpism* [Urban dictionary]. Слова в данных значениях можно отнести к сленгу, так как они обнаруживаются только в словарях англоязычного сленга и не обнаруживаются в более традиционных изданиях как, например, Cambridge Dictionary.

При попытке обнаружить измы, образованные от имен российских политических деятелей, в русскоязычных словарях находятся только те, что появились еще в советское время, т.е. Ленинизм, Сталинизм и т.д. Однако, в разговорной речи, в частности, на форумах, в комментариях к политическим постам, в собственно политических постах, подобные измы встречаются с большей частотностью и тоже в отрицательном контексте. Приведем несколько примеров. 1) *Ярко выраженный милоновизм на фоне хронического мизулинизма* [Живой журнал] – заголовок статьи с критикой деятельности В. Милонова и Е. Мизулиной. 2) *Мизулинизм головного мозга – на лицо!* [Яплакал] – комментарий с критикой высказываний Е. Мизулиной. 3) *Повинны в этом политики, что формировали Набиуллинизм* [Ответы Mail] – комментарий с критикой действий Э. Набиуллиной. 4) *Обыкновенный мединскизм* [Кинопоиск] – комментарий под постом о невыдаче Министерством культуры прокатного удостоверения фильму «Похищенные сокровища Европы». Примеры 1, 2 и 4 очень похожи на случаи с концептами TRUMPISM и OBAMAISM – наблюдается метонимический сдвиг с политического учения на определенные действия.

Отсутствие подобных концептов в словарях свидетельствует о том, что они относятся к пласту разговорной лексики, явно направленной на критику и уничтожение деятельности политических деятелей, от фамилии которых данные концепты были образованы. Об уничижительности свидетельствует контекст и лексическое окружение.

Таким образом, можно заключить, что словообразовательная схема «имя собственное + суффикс -изм/-ism» как в английском, так и в русском языке, служит для образования концептов, обладающих отрицательной коннотацией, и служащих для представления как определенных политических течений и идеологий, так и для описания политических практик и действий, берущих свое начало от деятельности людей, чьи имена и фамилии послужили основой для последующего образования новых слов, и как следствие, концептов.

Литература

Крюкова Г.А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 7. С. 128-135.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание. Воронеж: ИСТОКИ, 2006.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Е.Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000.

Живой Журнал. URL: <https://b-n-e.livejournal.com/525589.html?ysclid=m5thaeec-jcr122202783>

Кинопоиск URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/news/3252351/?ysclid=m5tik9n9z1470672584>

Ответы Mail. URL: <https://otvet.mail.ru/question/229913903?ysclid=m5thg7wjd301015900>

Яплакал. URL: <https://www.yaplakal.com/forum28/st/25/topic702168.html?ysclid=m5thclo8wq246924079>

Obamaism // Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Obamaism>

Trudeauism // Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Trudeauism>

Trumpism // Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=trumpism>

D.A. Ivanishin, M.V. Kononova (Orel, Russia)

Orel State University named after I.S. Turgenev

SUFFIX -ISM AS A WAY TO FORM A POLITICAL CONCEPT WITH A NEGATIVE CONNOTATION

This article examines how the suffix -ism in combination with a proper name serves as a way to form emotionally negatively charged concepts in political discourse. The article analyses examples that confirm the linguistic process, noting the tendency to use the suffix -ism in an exclusively negative way in order to criticize, denigrate or ridicule the political activities of the people to whose surname this suffix is added.

Key words: concept, political discourse, proper name, isms, negative connotation

*О.А. Иванова (Москва, Россия)**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
olgaivanova.info@mail.ru***BERLINER DÖNER КАК ЕДА И КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЙ КОНЦЕПТ¹**

Работа посвящена изучению смыслового становления концепта BERLINER DÖNER с точки зрения вербальной репрезентации и определения его лингвокультурного статуса. Данный концепт является феноменом современной немецкой обиходной реальности, который отражает этнокультурную специфику ее осмысления.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, интерпретация, символика, лингвокультурная ценность, этнокультурная специфика

Язык – ключ к культуре и внутреннему миру человека. Каждая культура имеет свои специфические характеристики, которые находят фиксацию на уровне культурных концептов [Карасик 2009: 8-10]. В условиях тесного взаимодействия на протяжении десятилетий или столетий так называемого «перекрестка» культур [Тер-Минасова 2008: 229], возникают новые культурные концепты, которые могут стать достоянием сразу обеих культур. Рассмотрим это утверждение на примере концепта DÖNER KEBAB.

Материалом для анализа послужили тексты современных немецких СМИ, корпусные данные, данные словарных дефиниций.

В немецком толковом словаре Döner Kebab, имеющий кодифицированное альтернативное название Döner Kebap и краткую форму Döner, определяется как кебаб – (южно)восточноевропейское и восточное блюдо из приправленных специями, зажаренных на вертикально стоящем вращающемся гриле кусочков баранины. Понятийный состав сводится к таким признакам, как: мясное блюдо турецкой кухни. Слово происходит от турецкого şiş «kebab» (нем. Bratspieß, рус. вертел). Лексема kebab – от арабского kabāb (нем.(Spieß)braten, рус. жаркое на вертеле) [DUDEN online]. Таким образом, в основу номинации положен способ приготовления мяса, а именно – баранины. Однако, в действительности Döner Kebab в Германии может быть приготовлен с мясом птицы, говядины, без мяса, то есть классическая рецептура претерпела ряд изменений и уже может не соответствовать представленному в словаре описанию. Отмечается факт подвижности границы между понятием и стоящим за ним концептом, наблюдается динамика процесса их языковой репрезентации, при которой необходимо учитывать специфику условий реализации вербальных репрезентантов в языковой действительности [Вишнякова 2011: 101]. Представляется правильным уточнить смысловой ситуативный контекст. В Турции Döner Kebab известен более 150 лет. Видимо, история начинается с 1830 г., когда мясо для донера начинают готовить на вертикальном гриле, о чем есть письменные свидетельства. Например, в 1836 прусский военачальник Гельмут фон Мольтке

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

(Helmuth von Moltke) сообщил о блюде, который ему подали в Османской Империи, и дал ему оценку – баранина, жареная на вертеле и завернутая в тесто для хлеба, очень хорошее вкусное блюдо («Hammelfleisch, am Spieß gebraten und in Brotteig eingewickelt, ein sehr gutes, schmackhaftes Gericht») [Moltke 1836]. Далее появляются разновидности кебаба. Например, Iskender Kebab, получивший название по имени повара Искендера Эфенди. В отличие от донера, описанного выше, к нему добавлялся йогурт, овощи, припущенное на хлеб масло. Особо важное уточнение – все это подается на тарелке, поскольку турецкий кебаб никогда не являлся фастфудом. В турецкой культуре не принято есть быстро, на ходу. В Германии сложились условия, наиболее подходящие для появления нового турецкого блюда, но уже «быстрой кухни»: нехватка времени на еду у приехавших на работу в Германии гастарбайтеров, нежелание тратить время и много денег на еду, необходимость быстро, сытно и экономно поесть. Иные условия жизни турецких работников в Германии способствовали изменению их традиционных представлений о неспешной культуре еды в угоду требованиям рынка. Так появился турецкий фастфуд на немецкой земле. Изобретенный и полюбившийся в Германии «Berliner Döner», который теперь существует во многих мясных вариациях и совсем без мяса (Döner Hawaii, vegan и др.), не получил распространения в Турции. Видимо, национальные традиции в Турции сильнее, чем на чужбине.

КаDIR Нурман считается отцом донера кебаб в Германии. Свой первый донер он продал на вокзале в Берлине в 1972 г. как снэк, который можно съесть по дороге. Блюдо быстро получило популярность. Как подчеркивает социолог Зейдель, в то время безработица в Германии была высокой. Неработающие турки должны были покинуть Германию, и работа в качестве поваров в закусочных, продающих донеры, стала спасением для многих турецких гастарбайтеров. Есть данные, что донер кебаб подавался и ранее, в 1969 г., в одном из ресторанов Ройтлинга, но это спорно. С тех пор донер кебаб прочно вошел в культуру не только турецких рабочих, но и в культуру Германии: его производство растет (по данным статистики на 2024 г., оборот от продажи донера кебаб в Германии составляет 2,4 млрд евро в год; число занятых в отрасли – 60 000 чел.), о его истории написаны книги [Seidel 2024], его 50-летие в 2022 г. отмечено в СМИ. На страницах немецких газет донер характеризуется как специалитет фастфуда (Fast-food Spezialität), удавшаяся немецко-турецкая интеграция (gelungene deutsch-türkische Integration), любимая еда (Lieblingessen), культура современности (Gegenwartskultur) и пр. По мнению газеты Taz, донер это много больше, чем просто экономический фактор. Это качество жизни, стиль жизни, философия жизни (Lebensqualität, Lebensstil, Lebensphilosophie). Повышение цен на донер взбудоражило и интернет-комьюнити: появилась необходимость запроса на Dönerpreisbremse – тормоз цен на донер.

Современное поколение немцев воспринимает донер как часть своей, немецкой, культуры еды. Подтверждающим эту мысль примерами могут служить не только высокие показатели оборотов продаж донера как в Германии, так и за рубежом, но и появление в немецком языке производного существительного Döner, именуую-

шего распространение новых точек его производства и продаж – Donerisierung. Для мест продажи донеров существует несколько названий закусок: Döner-stände, imbisse, läden, buden. Их популярность настолько растет, что в 2024 г. было введено в употребление словосочетание «die Donerisierung der Innenstädte» (донеризация центров городов), и немецкие политики г. Heilbronn вышли с инициативой введения ограничения количества мест приготовления и продаж в центре – Obergrenze der Innenstädte. На данный момент ограничение на появление все новых мест продаж не введены в связи с сохранением культурного многообразия Германии (Vielfalt). Таким образом, турецкий снэк стал одним из символов культурного многообразия Германии, что указывает на его оценочную знаковую интерпретацию.

История Döner Kebab в Германии является достаточно молодой, однако лексема донер уже имеет свой паремиологический фонд. Ценностные характеристики содержания, стоящие за языковым репрезентантом этого концепта, отражены в содержании некоторых афоризмов, которые все больше входят в немецкую культуру: Der Döner gehört zu Deutschland wie das Bier zum Oktoberfest. (Донер принадлежит к Германии как пиво к празднику пива Октоберфест.) Deutschland ohne Ausländer ist wie Döner ohne Fleisch. (Германия без иностранцев как донер без мяса.) [dwds].

Анализ показывает, что квант переживаемого знания, стоящего за вербальным репрезентантом концепта DÖNER KEBAB, имеет понятийное, образное, ценностное, значимостное и символическое измерение. Он представляет собой феномен общедоступной реальности, отражающий «коллективную этнокультурную специфику ее осмысления» [Карасик 2022: 10]. На наш взгляд, в данной ситуации речь идет об особой культурной специфике турков первого, второго, третьего поколения гастарбайтеров на немецкой земле. Помимо сохранения своих культурных традиций, они создают новую культурную реальность, адаптированную к немецкой лингвокультуре. Более того, эта реальность и ее знание становятся частью немецкой культуры и ментального знания о ней. Прошение союза производителей донеров в Германии, поданное в ЕС, о соблюдении соответствия исконно турецкой номинации и технологии приготовления Döner Kebab – защита нового, но культурно важного достояния немцев с турецким миграционным прошлым. Если прошение будет одобрено, всем производителям донера придется строго соблюдать соответствие названия и рецептуры вне зависимости от желания «развить» продукт и заработать на спросе рынка. Резюмируя все вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что за вербальным репрезентантом названия турецкого блюда стоит культурно значимый, ценностный концепт особого характера: он является одновременно частью турецкой и немецкой лингвокультур, поскольку сохраняет и воспроизводит в своей содержательной области и семантике соответствующих языковых единиц характерные черты обеих культур.

Литература

Вишнякова О.Д. О роли речепотребления в процессе разграничения концепта и понятия: сборник научных и учебно-методических трудов / под общей ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. М.: Изд. Московского университета. 2011. Вып. 8. С. 97-111.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

Карасик В.И. Языковая лестница познания: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008.

DUDEN online. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kebab>

Suche nach 'Döner' (Die ZEIT) | DWDS. URL: https://www.dwds.de/r/?q=D%C3%B- bner&corpus=zeit&date-start=1946&date-end=2023&format=full&sort=date_desc&limit=50

Moltke H. Von. Unter dem Halbmond. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/moltke/halbmond/halbmo14.html>

Seidel E. Döner. Eine türkisch-deutsche Kulturgeschichte. März, 2022.

O.A. Ivanova (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

BERLINER DÖNER AS FOOD AND CULTURALLY RELEVANT CONCEPT

The work concerns the study of the semantic formation of the concept “Berliner Döner” in terms of verbal representation and the definition of its linguocultural status. This concept is a phenomenon of modern German everyday reality, which reflects the ethnocultural specific of its comprehension.

Key words: linguocultural concept, interpretation, symbolism, linguocultural value, ethnocultural specifics

О.В. Иващенко (Воронеж, Россия)

*Воронежский государственный университет
olgaivash@inbox.ru*

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОГО АНАЛИЗА)

В статье рассматриваются основные концептуальные признаки русских культурных концептов ВЕРА и НАДЕЖДА. Анализ репрезентации концептуальных признаков в языковой семантике на уровне интегральных и дифференциальных сем, а также метафорической сочетаемости ключевых лексем выявляет эмоциональную окраску русских интеллектуальных концептов.

Ключевые слова: культурный концепт, концептуальный признак, сема, эмоциональная оценка, категоризация

Интерес современной когнитивной лингвистики неизменно обращается к культурно значимым концептам, отражающим национальное сознание народа. Лингвокультурные концепты определяются как единицы коллективного знания, которые отмечены культурной спецификой, отправляют к высшим духовным ценностям и имеют языковое выражение [Воркачев 2003].

Предметом интенсивных когнитивных исследований зачастую выступают культурно-маркированные абстрактные концепты интеллектуальной сферы, представляющие определенную сложность для концептуального анализа. Сущность подобных концептов сложно поддается определению, субъективна; носители языка владеют ими бессознательно; толковые словари отражают общие признаки таких

номинаций, выводя за рамки их субъективную образно-чувственную конкретику. В связи с этим культурные концепты описываются в форме таких когнитивных структур, как «сценарий», «фрейм», «скрипт» и «гештальт», что позволяет более полно изучить специфику многомерного, культурно-специфического ментального объекта, стоящего за культурной номинацией [Попова, Стернин 2001]. Модели культурных концептов в работах по когнитивной лингвистике соотносятся с «признаковым» подходом к пониманию сущности концепта, включающего в себя набор концептуальных признаков (featural approach); выделением «слоев» концепта; учением о когнитивных классификаторах; криптоклассным анализом [Донина, Борискина 2023].

Обращаясь к исследованиям русской ментальности, одним из ключевых и системообразующих концептов русской культуры и духовной традиции является вера, имеющее глубокое духовно-мировоззренческое и культурно-историческое содержание. Среди ассоциаций, отмечаемых в ассоциативно-вербальной сети в связи с концептом ВЕРА важное место занимает надежда, которая также является одним из базисных концептов русской национальной культуры. Отметим, что концептуальный анализ, ставящий своей целью моделирование концепта с помощью языковых и культурно-языковых данных, демонстрирует особую значимость эмоциональной составляющей данных концептов.

Остановимся подробнее на концептуальных признаках концептов ВЕРА и НАДЕЖДА, содержащих эмоциональный компонент:

1. Содержательная оценка состояния

Состояние веры получает положительную оценку у носителей русского языка как основанное на уверенности в истинности знания. В абстрактных семемах лексемы актуализируются семы «истинность» и «правильность, безошибочность»: по данным словаря В.И. Даля и «Словаря современного русского литературного языка» семема Д1 лексемы вера «Убежденность, уверенность в исполнении ожидаемого, в положительных качествах, достоинствах, истинности»: например, *вера в человека, людей, силы, победу*, семема Д2 лексемы «Верование в предметы сверхъестественные, невещественные»: примером могут послужить *вера в чудеса, бессмертие, Бога*.

Классификационная сема «уверенность в истинности» эмоционально «измеряет» состояние, что наиболее ярко проявляется в сочетаемости с лексемами, описывающими его полноту: *глубокая, всем сердцем и всей душой, без колебаний/опасений/сомнений, полная и абсолютная*; или большой размер: *вера может быть безграничной, безмерной, большой, огромной*; прилагательными, характеризующими силу веры: находим упоминания *сильной, вечной, крепкой, стойкой, прочной, могучей, твердой, непоколебимой, нерушимой, неиссякаемой, неистребимой веры*; а также ее страстность и исступленность: *вера бывает страстной и фанатичной, истовой и исступленной, или горячей, неугасимой, пламенной*.

Состояние надежды более частотно оценивается как основанное на возможности или вероятности. Контекстные употребления показывают, что надежда осмысливается как *робкая, легкая, слабая, малейшая, крошечная, небольшая, надежда может слабеть, тлеть в глубине души, чуть теплится в сердце, человек склонен цепляться за последнюю надежду*. Анализ эмпирического материала также дает следующие примеры сочетаемости с лексемами, отрицательно характеризующими состояние надежды как несоответствующее реальности: *человек убаюкивает / тешит / обольщает / обманывает себя надеждой, надежда описывается пустой и напрасной, тщетной и иллюзорной, сомнительной, неоправданной, ложной, шаткой, несбыточной и неосуществимой*. В данных примерах состояние надежды категоризируется как несущее противоречие между ожиданиями и действительностью, и сопровождающееся тревожными эмоциями.

2. Вид объекта знания.

Объектные семы лексем, объективирующих концепты ВЕРА и НАДЕЖДА, такие как информация или существование мифического объекта (вера) и любой желаемый объект (надежда) образуют различные смысловые оттенки, возникающие в восприятии одноименных концептов. Эмоциональная окраска данного концептуального признака проявляется в оценке объекта состояний как важного и значимого для носителей русского языка.

3. Оценка степени интенсивности эмоционального сопереживания.

Коннотативная сочетаемость лексем вера и надежда показывает скрытые эмоциональные компоненты стоящих за ними концептов. В русской культуре эти состояния могут получать как положительную оценку (им приписываются такие свойства как *радостная, святая, глубоко нравственная, светлая (вера); сладкая и очаровательная (надежда)*), так и тревожную (*надежда издевается над человеком, мучает его, может дразнить и волновать*) или, в некоторых случаях, отрицательную оценку (*лицемерная или легкомысленная*).

Особенно ярко эмоциональная окраска заметна в метафорической сочетаемости описываемых лексем. Русская культурная традиция прибегает к эмоционально окрашенным персонифицированным образам для воплощения состояний веры и надежды, которые проходят различные фазы человеческого бытия (*рождаются, умирают, живут, слабеют и погибают*) и являются носителями человеческих свойств и качеств (*надежда может быть трепетной и доброй, человек ощущает ее легкую поступь или нежные руки, в то время как вера является мужественной и сильной*). Во многих контекстах вера вызывает ассоциации с воителем, который *побеждает и берет города*, или святым-спасителем, который *спасает, благословляет, освящает*. Надежда же представляется в женских образах, которые могут воплощать тревожащую воображение человека соблазнительницу (*манящая, чарующая, соблазнительная, обольстительная, пленительная, волнующая*), кормилицу-мать (*кормилица несчастных, нежная мать*) или отрицательно харак-

теризоваться как сошедшая с ума, болеющая или умирающая женщина (*безумная, сумасшедшая, больная, умирает*).

Интересны репрезентации концептов ВЕРА и НАДЕЖДА в метафорах природных явлений и объектов: а) жизненно необходимых – воздуха (*дышать верой – надеждой*) и воды (*живительный источник, неиссякаемый, прозрачный, чистый источник веры-надежды*), б) горы или скалы (*прочная, нерушимая, скала веры*), в) тумана и миража (*туманная, смутная, мираж надежды*). Вера и надежда неизменно связываются в русской культурной традиции со светом (*луч, искра веры-надежды, озаряет, блеснула, светится, искрится, освещает*) или огнем (*неугасимая, пламенная, горячая, вспыхивает, горит, теплится, зажженная, гаснет*). Подобное метафорическое осмысление демонстрирует важность этих концептов для русского народа и интенсивность их эмоциональной окраски.

В русской культуре вера и надежда ассоциируются с некоторыми предметами человеческого обихода, в случае веры с теми, без которых невозможна человеческая жизнь, – *одеждой, домом, крышей, компасом*, а в случае надежды – это предметы и субстанции, подчеркивающие иллюзорность ожиданий (*хрупкая, разбивается, рассыпается, словно хрусталь*).

Изучение концептуальных признаков русских интеллектуальных концептов показывает их эмоциональную окрашенность. Эмоциональная составляющая, как доминирующий концептуальный признак русских культурных концептов, проливает свет на характер взаимоотношений интеллектуальной и эмоциональной сфер бытия в русской национальной культуре, позволяя осмыслить особенности категоризации культурно-окрашенных номинаций, а также выявить скрытые духовные смыслы, существенные и уникальные для русского национального сознания.

Литература

Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия: гуманитарные науки. 2003. Т. 17. Вып. 2. С. 268-276.

Донина О.В., Борискина О.О. Эмоции в английских языках: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2023.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во Истоки, 2001.

O.V. Ivashenko (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

EMOTIONAL COMPONENT OF THE RUSSIAN CULTURAL CONCEPTS (BASED ON LINGUISTIC ANALYSIS)

The article highlights the main conceptual features of the Russian cultural concepts “belief/faith” and “hope”. Representation of conceptual features in linguistic semantics at the level of integral and differential semes, as well as the metaphorical compatibility of the key lexemes, reveals the emotional colouring of the Russian intellectual concepts.

Key words: cultural concept, conceptual feature, seme, emotional evaluation, categorization

О.Н. Иконникова (Таганрог, Россия)

Таганрогский институт управления и экономики
iconolga@mail.ru

РОЛЬ САЛИШСКИХ ЯЗЫКОВ В РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРОЯТНОСТНОЙ МОДЕЛИ ДИАХРОНИИ СУБСТАНТИВНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ САЛИШСКОГО ЯЗЫКА ХАЛКОМЕЛЕМ)

На материале салишского архаичного языка халкомелем автор репрезентирует, что салишские индейские языки могут пролить свет на вероятностную модель диахронии субстантивной лексики. Согласно исследованию субстантивов халкомелем-английского словаря большинство лексем, передающих значения субстантивов, являются дериватами и восходят к глагольным корням, что демонстрирует процессуальное прошлое субстантивной лексики. Это могло быть связано с тем, что человек осмысливал мир как динамичное явление в мифологической картине мира, и все предметы воспринимались как процессуальные сущности во взаимодействии с другими предметами.

Ключевые слова: салишские языки, халкомелем, диахрония, субстантив, глагол

Для когнитивной лингвистики диахронический аспект описания языка является актуальным наравне с синхроническим. Справедливо отмечал В.А. Плунгян, что для объяснения и понимания языковых явлений и структур апелляция к их происхождению становится одним из исследовательских приемов [Плунгян 1998: 334].

Салишские индейские языки являются вымирающими языками, распространенными на юго-западе Канады и северо-западе США. Мы относим салишскую группу индейских языков к архаичному типу языка. Согласно нашим наблюдениям, древнее языковое состояние языка коррелирует с предграмматической моделью языка с отсутствием частеречной дифференциации [Иконникова 2017]. Именно архаичные языки дают нам ценный материал для реконструкции древнейшей грамматической системы языка, в частности, диахронии субстантивной лексики.

Одной из типологических черт данной группы языков является слабая частеречная дифференциация имени и глагола. В этой связи исследование салишских индейских языков в диахроническом аспекте позволяет нам приблизиться к вероятной модели диахронии субстантивной лексики.

Целью исследования является рассмотрение способов передачи субстантивной лексики в языке халкомелем в синхронно-диахронном аспекте.

Согласно нашему исследованию морфемный и этимологический анализ словарных лексем халкомелем-английского словаря [Galloway 2009], демонстрирует тот факт, что большинство лексем, передающих значения субстантивов, являются дериватами и восходят к глагольным корням.

Следует отметить примеры редупликации глагольных корней:

- (1) *qelqel* 'вор' (*qal* 'воровать');
- (2) *woqw'woqw'* 'потоп', букв. 'много утонувших / много тех, кого унесло вниз по течению' (*woqw* 'тонуть');
- (3) *thetham* 'жвачка' (*tham* 'жевать').

Большинство же мотивированных лексем восходят к глаголам, в связи с чем в научных источниках по салишским языкам употребляется термин не ‘noun’, а ‘nominal’ для их наименования, тем самым подчеркивается их глагольный характер [Konnikova 2023]. При этом к глагольному корню может прикрепляться лексический суффикс (далее LS) или иной глагольный формант, или номинализатор *s-* (далее NMLZ), который является маркером процесса формирования субстантивных лексем в салишских языках:

Приведем примеры:

(4) *q'a:miy* ‘девушка-подросток, молодая девушка’ (*q'ey* / *q'i* ‘обмотанный, связанный, прикрепленный’, *-em* (интранзитив), *=iy* (LS) ‘покрытие, кора шерсть’);

(5) *slha:li* ‘женщина’, букв. ‘та, которая плетет шерсть / кору’ (*s-* (NMLZ), *lhi:l* ‘плести’, *=iy* (LS) ‘покрытие, кора шерсть’);

(6) *si:tel* ‘ведро’ (*sei* ‘поднимать’, *=tel* (LS) ‘устройство для’);

(7) *sk'exos* ‘луна’ (*s* (NMLZ), *k'wax* ‘считать’, *=os* (LS) ‘на лице, круглый объект’);

(8) *steq'tal* ‘дверь, дверной проем’ (*s-* (NMLZ), *teq* ‘закрывается само по себе’, (LS) *=tel* ‘устройство’);

(9) *sth'i:m* ‘ягода’ (*s-* (NMLZ), *th'i:m* ‘облизывать’);

(10) *toxwemiwel* ‘машина’ (букв. ‘оставляющая за собой след’) (такое наименование связано с тем, что с машины выходит газ сзади) (*toxwem* ‘тянуть за собой’, *=iwel* (LS) ‘внутри, во внутренностях’);

(11) *toxweth* ‘снасть для ловли осетра’ (*toxw* ‘тащить за собой’, *=eth* (LS) ‘во рту’) (букв. ‘тащить за собой во рту’);

(12) *tomel* ‘стена’ (*tem* ‘рубить’, *=el* (LS) ‘приходить, получать, идти’);

(13) *topels* ‘клюв птицы’ (*top* ‘клевать’, *=els* ‘устройство’);

(14) *shxwathtel* ‘облако’ (букв. ‘что-то, которое темнеет / что-то, для того, чтобы темнеть’) (*s-* (NMLZ), *xwe* ‘становится’, *=el* (LS) ‘приходить, получать’, *thetil* ‘темнеть’);

Часть субстантивных лексем фактически являются глагольными формами:

(15) *xwtitit* ‘водоворот’ (когда ставишь сети) (*xw* ‘всегда’, *tiyt* ‘вверх по течению’, *tiy* ‘против’, *=im* (LS) ‘постоянно’);

(16) *lhel* ‘морщина, иметь морщину’ (букв. ‘висеть сложенный сам по себе’) (*lhel* ‘висеть сложенным’, *=p* (LS) ‘на себе’);

(17) *smayeleq* ‘волны’ (*s-* (NMLZ), *miy* ‘погружать’, *=q* (LS) ‘на что-либо еще’);

(18) *spelekw* ‘ветрянка’ (букв. ‘что-то появляется’) (*s-* (NMLZ), *pelekw* ‘появляться, возникать, всплывать’);

(19) *slat* ‘ночь’ (*s-* (NMLZ), *lat* ‘темнеть’);

(20) *swelalt* ‘вечер, вечереть’ (букв. ‘становиться темным’) (*xwe* ‘становиться’, *lat* ‘темнеть’);

(21) *po:qw* ‘весенняя лосось реки Харрисон, лосось чинук’ (*pokw* ‘коптить что-либо (рыбу на огне)’);

(22) *sxwoyeleqw* ‘специальный головной убор’ (*s-* (NMLZ), *xwoy* ‘трясти что-либо постоянно’ (это объяснимо, так как новые танцоры (в процессе инициализации) постоянно трясут головами) (*xwaw* ‘умирать в группе, все умирают’ (это объяснимо, так как новые танцоры считаются детьми, только недавно родившимися) (= *elegw* (LS) ‘она голове, на волосах’);

(23) *lheptel* ‘веко, ресница’ (*lhep* ‘сложенная кожа’, = *tel* ‘устройство’ (LS));

(24) *lheqlats* ‘бедро, бедра’ (*lheqa* ‘широкий’, = *lets* ‘на задней части, крестце’);

(25) *slhali* ‘женщина’, букв. ‘кто-то, кто вяжет шерсть / плетет кору’ (*s-*(NMLZ), *lhil* ‘вязать’, = *ay* ‘кора, шерсть’ (LS));

(26) *slheliyollh* ‘девушка’ (*lhil* ‘вязать, плести’, = *ay* ‘кора, шерсть’ = *ollh* ‘ребенок, отпрыск’ (LS));

(27) *smethqel* ‘мозг’ (*qel* ‘в уме’, *meth* ‘умный’);

(28) *syayeq* ‘бревно’ (букв. ‘что-то, что упало (от дерева)’ (*s-* (NMLZ), *yag* ‘падать (о дереве)’);

(29) *sqemel* ‘весло каноэ’ (*s-* (NMLZ), *qemel* ‘погружать, опускать’);

(30) *shxwlam* ‘индейский доктор, шаман, врач, духовная сила индейского шамана’ (*shxw-* (NMLZ), *lam* ‘идти (т.к. шаманы уходят постоянно в духовный мир для общения с духами)’;

(31) *skw'iyeth* ‘раб’ (*s-* (NMLZ), *kw'ay* ‘голодный’, = *eth* ‘рот, край’ (LS));

(32) *stl'ealeq* ‘потлатч’ (*s-* (NMLZ), *tl'e'axet* ‘приглашать кого-либо, приглашаться кого-либо на праздник’, = *elq* ‘после’ (LS));

(33) *sxexakw* ‘каньон’ (‘узкий, замурованный в скале’), букв. ‘что-то, что сжато, зажато’ (*s-* (NMLZ), *sxexakw* ‘узкий, сжато, зажато’);

(34) *shxweli* ‘душа, дух живого человека’ (*shxw* (NMLZ) ‘что-то для’, *eli* ‘мечтать, воображать’);

(35) *st'elmexw* ‘колдовство’ (*t'el* ‘прикрепляться, приклеиваться’, = *mexw* ‘человек’ (LS), букв. ‘что-то, что приклеено на человека’.

Таким образом, анализ средств передачи субстантивной лексики в халкомелем-английском словаре свидетельствует о том, что большинство языковых единиц номинативной лексики представлено дериватами, что дает нам дополнительный материал в пользу гипотезы о вторичности номинативной лексики по сравнению с процессуальной в частеречной диахронии языка. Это обусловлено, на наш взгляд, своеобразным переосмыслением процессуальности в субстанциональность на начальных этапах становления грамматических категорий, что имеет отражение в архаичных салишских языках.

Как утверждает В.А. Плунгян, с типичными существительными обычно связывается представление о конкретном объекте, имеющем пространственные границы и существующим в неизменном виде более или менее длительное время, в то время как глагол обозначает динамичную ситуацию, т.е. некоторое отношение, возникающее с определенными участниками ситуации на определенное время. И далее он отмечает, что типичный объект тоже связан с некоторым конституирующим его

свойством или совокупностью свойств, т.е. это не просто ограниченная в пространстве и времени часть окружающего мира, это набор свойств, воплощенных в материальном носителе, носитель свойств. Таким образом, как существительные, так и прилагательные и глаголы являются именами предикатов, т.е. свойств, состояний, отношений, но тяготеют к обозначению стабильных совокупностей свойств (по возможности независимых от времени). Существительные обладают способностью обозначать «воплощенные свойства», т.е. конкретных носителей свойств (с помощью детерминации). При назначении предикату его частеречной принадлежности, язык как бы каждый раз выбирает: если данный предикат встречается в воплощенном или невоплощенном виде, например, камень потому существительное, что ситуации, в которых говорят о конкретных камнях, встречаются чаще, чем ситуации, в которых про некоторый объект утверждается, что он камень» [Плунгян 2000: 240-242]. В данном случае салишские языки, в частности, халкомелем, репрезентируют нам как раз тот период частеречной диахронии, когда человек осмысливал мир как динамичное явление в мифологической картине мира, и все предметы воспринимались как процессуальные сущности во взаимодействии с другими предметами, что обуславливает исходную процессуальность первых субстантивов.

Таким образом, на примере языка халкомелем мы можем констатировать, что салишские языки являются ценным материалом для реконструкции частеречной диахронии и в общезыковом плане.

Литература

Иконникова О.Н. К вопросу об исходной языковой структуре // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 474-481.

Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 325-355.

Плунгян В.А. Общая морфология. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Galloway B. Dictionary of Upriver Halkomelem // University of California Publications in Linguistics, 141. Berkeley –LosAngeles –London: University of California Press, 2009.

Ikonnikova O.N. What is the noun the Salishan languages? // Военно-гуманитарный альманах. Материалы XV Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Серия: лингвистика. М.: Издательство Военного университета, 2022. С. 330-333.

O.N. Ikonnikova (Taganrog, Russia)

Taganrog Institute of Management and Economics

THE ROLE OF THE SALISH LANGUAGES IN THE RECONSTRUCTION OF THE HYPOTHETICAL MODEL OF DIACHRONY OF SUBSTANTIVES (WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SALISH LANGUAGE HALKOMELEM)

Within the framework of the Salish archaic language Halkomelem, the author states that the Salish Indian languages can throw light on the hypothetical model of diachrony of substantives. According to the analysis of the substantives of the Upriver Halkomelem dictionary, most lexemes conveying the meaning of substantives are derivatives and go back to verbal roots, which demonstrates

that the proto-substantives were dynamic. It could be related to the fact that a person comprehended the world as a dynamic phenomenon in the mythological contemplation of the world, and all the objects were perceived as procedural entities in interaction with other objects.

Key words: Salish languages, Halkomelem, diachrony, substantive, verb

Е.В. Казанская (Ростов-на-Дону, Россия)

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

jenni.kot@yandex.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В АСПЕКТЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В аспекте научной коммуникации исследуются семиотические характеристики концептосферы, как системы понятий знаковой структуры языка, текста и контекста, охватывающей различные прагматические аспекты научных дискурсов, понимания динамики концептосферы и ее влияния на создание научных сообщений при обмене знаниями, формировании общественного мнения о науке и создания образовательных программ.

Ключевые слова: знак, концепт, научный дискурс, прагматика, структура, филология

Семiosфера представляет собой пространство, в котором действуют знаки и знаковые системы, обеспечивая коммуникацию и создание новой информации. Основными когнитивными элементами семiosферы являются концепт и концептосфера (КС). Научная коммуникация, используя взаимодействие знаков, значений и контекста, формирует дискурс, в котором научные понятия зависят от знаковых систем, влияющих на их интерпретацию, а специализированная терминология помогает стандартизировать общение между исследователями.

Обзор литературы по вопросам исследования КС в филологии охватывает работы по языкознанию, научным жанрам и междисциплинарным подходам, исследуя ключевые аспекты, социальные факторы и теоретические основы КС. В ряде отечественных исследований и публикаций рассмотрены различные подходы к изучению природы и сущности концепта и КС как единиц концептуального пространства когнитивной лингвистики [Болдырев 2004], выявлены отличительные признаки «концепта» и «понятия», показано существование определенной дифференциации, которая лежит в основе сознания и познания [Акимцева 2017], обсуждаются различные классификации концептов и антология концептов как культурно значимых смыслов в языковом сознании и коммуникативном поведении [Ангелова 2004], приводится типология концептов и анализируется их структура с точки зрения разных исследователей [Карасик 2012; Подвигина 2007], КС представлена как система, обладающая полевой и иерархической структурой и определяемая внутренними и внешними факторами [Кадачиева 2019].

В филологии КС важны для передачи смыслов, связанных с языком, текстом и контекстом. В научной коммуникации КС представляют собой семиотический континуум, включающий концепты определенной области знаний, которые анализируют

ют язык научных сообщений на различных уровнях. Эти системы создают общее понимание знаний, структурируют информацию, изучают связи между языком, текстом и обществом, улучшая обмен знаниями и обеспечивая ясность научной информации, что способствует успешной научной коммуникации.

Семиотика как наука о вербальных и невербальных знаках и их значениях становится важным инструментом для анализа научных текстов и концептов в научной коммуникации. Она помогает исследовать восприятие знаков в разных контекстах, а также культурные коды и динамику коммуникации, что позволяет понять, как различные аудитории воспринимают одни и те же научные идеи. В этом процессе используются язык как средство передачи сообщений, жанровые формы научных текстов, междисциплинарный подход и аналитические методы для глубокого понимания коммуникации. Прагматические функции знаков выходят за рамки простого обмена информацией и включают в себя элементы убеждения в виде стратегических риторических приемов и различных жанров

Понятийное пространство КС представлено иерархической слоистой структурой (по метафорическому описанию Н.Н. Болдырева) в виде «снежного кома», отражающей семантическую организацию языка и культуры и включает в себя обобщенные понятия, образующие три уровня: верхний уровень, содержащий общие категории, средний уровень – более конкретные концепты, и нижний уровень – детализированные концепты [Болдырев 2002]. Все концепты взаимосвязаны и образуют семантическую сеть через различные отношения, такие как синонимия, антонимия и гипероним-гипоним, часть-целое и др.

Концепты в КС, основанные на общих признаках и отношениях, организованы в системы с иерархической структурой, где более общие концепты находятся на верхних уровнях, а специфические – на нижних. Многие концепты обладают полисемией в зависимости от контекста использования, а их значения зависят от контекста использования [Котельникова 2014]. В научной коммуникации КС является динамическим семиотическим пространством, меняющимся во времени по мере развития научных знаний и открытий, новые концепты добавляются в КС, а старые уточняются или удаляются. КС филологии в научной коммуникации включает функциональные элементы, передающие такие смыслы, как культурная идентичность и историческая память, обеспечивает анализ текстов, языковых изменений и создание образовательных программ. Семиотические характеристики КС отражают сложность научного знания и его языковую репрезентацию, что влияет на эффективность коммуникации. Основным филологическим концептом КС научной коммуникации является научный дискурс, описывающий специфический способ общения в научной среде, включающий в себя языковые средства, жанры и стилевые особенности, характерные для научных текстов, а также рассматривающий влияние социальных и культурных контекстов на формирование научного сообщества.

Прагматика научной коммуникации акцентирует внимание на практических аспектах, таких как цели, контекст, аудитория и эффекты общения. Она исследует, как языковые знаки используются для достижения конкретных целей, включая передачу информации, убеждение и сотрудничество в научных текстах и диалогах.

Референциальная, предикативная, оценочная, экспрессивная, метакоммуникативная и другие функции знаков, помогают создавать и поддерживать социальные отношения, идентичность и репутацию в научном сообществе, а также стратегии, способствующие авторитету и доверию между учеными и заинтересованными сторонами.

Применение семиотики для исследования КС, заключается в использовании их семиотических характеристик (табл. 1), помогающих понять, как знаки и символы взаимодействуют в процессе передачи знаний, что позволяет осознавать процессы формирования, функционирования и трансформации концептов в различных культурных и социальных контекстах. Семиотический анализ акцентирует внимание на том, что контекст и культурные коды влияют на восприятие научных сообщений, а также на интерпретацию, зависимость от предварительных знаний и убеждений коммуникаторов, что важно учитывать для эффективного построения сообщений. Динамика отношений между знаками отражает эволюцию научного знания, где новые открытия и смена парадигм приводят к переоценке значений, демонстрируя изменчивость концептуального ландшафта в научном дискурсе.

Таблица 1. Семиотические характеристики концептосфер

Характеристики	Методы актуализация семиотики
1	2
Знаковые системы и концепты	Изучение знаков и символов, используемых для представления концептов, включает в себя выяснение того, какие знаковые системы (язык, изображения, жесты) применяются для передачи определенных концептов и как они влияют на их восприятие
Контекстуализация концептов	Учет контекста, в котором существуют концепты, включая исторические, культурные и социальные аспекты, влияющие на значение и интерпретацию этих концептов
Модели значений	Выявление связи различных концептов друг с другом в рамках КС через создание моделей значений, демонстрирующих взаимосвязи между концептами и их семантические поля
Динамика изменений	Отслеживание изменений в КС, включая изучение того, как в КС появляются новые концепты, каким образом старые концепты трансформируются или исчезают, а также установление влияния культурных изменений на восприятие и использование концептов
Интерпретация и восприятие	Исследование, как разные группы людей отличаются интерпретацией одних и тех же концептов, что особенно важно в многонациональных и многокультурных обществах, где одно и то же понятие может иметь разные значения для различных групп
Концептуальные метафоры	Выявление метафор, используемых для объяснения и понимания концептов и понимания особенностей мышления коммуникантов
Критический анализ	Предоставление инструментов для критического анализа КС, направленного на выявление предвзятости, стереотипов и доминирующих нарративов, влияющих на формирование общественного мнения и культурных норм

Окончание табл. 1

Визуальная семиотика	Семиотический анализ визуальных материалов (знаки и символы) помогает понять, как визуальные компоненты передают определенные концепты и влияют на восприятие коммуникантов
Культурные коды	При поддержании эффективного научного диалога необходимо учитывать, что концепты отражают культурные коды, по-разному влияющие на их восприятие в различных научных сообществах

В практике применения КС в научной коммуникации основными методами являются анализ текстов для выявления ментальных моделей коммуникативных языка, создание образовательных программ на основе КС в аспекте осмысления сложных тем, а также разработка научных публикаций, выделяющих ключевые концепты для эффективной передачи знаний. Основные семиотические функции КС в научной коммуникации включают стандартизацию терминов, способствующую обмену информацией между исследователями, упрощению восприятия через КС научных идей, делающих их доступнее для коммуникантов, и формирование общественного мнения, содействующего популяризации науки и повышению ее значимости в обществе.

Таким образом, семиотические характеристики обеспечивают общее понимание КС научной коммуникации, создавая эффективный обмен знаниями. При этом КС научной коммуникации охватывает три главных смысла: ценность знания, критическое мышление и социальные связи, где ценность знания через научную коммуникацию содействует формированию и развитию академической культуры, критическое мышление через анализ текстов улучшает навыки критического осмысления, а социальные связи через филологические исследования способствуют укреплению научных сообществ и дискуссий.

Литература

- Акимцева Ю.В. Отличительные особенности терминов «концепт» и «понятие» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 3. С. 61-63.
- Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. 2004. Вып. 3. С. 3-10.
- Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-37.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.
- Кадачиева Х.М., Абдулкадырова А.Б. Системные и структурные характеристики концептосферы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 65-70.
- Карасик В.И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 5-11.
- Котельникова Е.В. Когнитивно-коммуникационное моделирование концептосфер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). Ч. 1. Филология. С. 109-111.

Подвигина Н.Б. Понятие концепта и КС // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsepta-i-kontseptosfery>.

E. V. Kazanskaya (*Rostov-on-Don, Russia*)

Rostov State University of Economics

SEMIOTIC CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT SPHERE IN THE SCIENTIFIC COMMUNICATION ASPECT

In the aspect of scientific communication, the semiotic characteristics of the concept sphere are studied as a system of concepts of the symbolic structure of language, text and context, covering various pragmatic aspects of scientific discourses, understanding the dynamics of the concept sphere and its impact on the creation of scientific messages in the exchange of knowledge, shaping public opinion about science and the creation of educational programs.

Key words: sign, concept, scientific discourse, pragmatics, structure, philology

В.В. Катермина (*Краснодар, Россия*)

Кубанский государственный университет

veronika.katermina@yandex.ru

WELL-BEING КАК АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА АНГЛОЯЗЫЧНОГО НЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Цель данного исследования – проанализировать аксиологический компонент английских неологизмов, отражающих благосостояние нации. Отмечается, что неологизмы англоязычного дискурса обладают аксиологическим потенциалом, который является следствием оценочной картины мира. Оценка рассматривается как собственно человеческая категория, сопровождающая деятельность человека и соотносимая с определенной ценностной картиной мира.

Ключевые слова: well-being, неология, доминанта, аксиология, оценка, дискурс, английский язык

Аксиология – это раздел философии, который фокусируется на изучении ценностей и систем ценностей. Он исследует природу, происхождение, структуру, классификацию и роль ценностей в жизни человека и культуре, изучает вопросы, связанные с оценкой ценности, критерии, используемые для оценки и сравнения различных ценностей, а также формирование и трансформацию систем ценностей в различных обществах и культурах.

Ключевые понятия в аксиологии включают ценность и системы ценностей. Ценность – это идея, убеждение или принцип, которые считаются желательными, значимыми или важными для человека, группы или сообщества [Lemos 1995]. Ценности могут быть материальными (например, деньги, собственность) или нематериальными (например, свобода, справедливость, счастье). Система ценностей представляет собой структурированный набор ценностей, разделяемых определенной группой или обществом [Berger, Luckmann 1967]. Эти системы различаются в разных обществах и могут меняться со временем.

Язык играет решающую роль в формировании нашего восприятия и оценочности. Язык – основное средство, с помощью которого индивиды выражают и понимают себя, мир и других. Язык не только отражает восприятие и ценности, но и активно способствует их формированию. Это не просто инструмент для передачи информации или облегчения коммуникации. Скорее, это уникальная форма существования, которая предоставляет доступ к миру и позволяет индивидам интерпретировать и понимать его [Smith 2017].

Лингвистическая аксиология – это подраздел лингвистики, который изучает связь между языком и системами ценностей. Данный подраздел исследует, как языковые выражения и структуры отражают ценности и ценностные суждения, распространенные в определенной культуре или обществе.

Изучение неологизмов важно для лингвистики, так как «исследование состава новообразований, их структурных особенностей, функционального предназначения способствует решению многих проблем лексикологии, словообразования, грамматики, стилистики» [см. Абросимова 2011; Заботкина 1999; Зенина 2019; Катермина, Липириди 2021; Кондрашева 2019 и др.]. Неология считается одним из направлений лингвистики будущего: «возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы отображают механизмы познания мира, являясь инструментом категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира» [Катермина, Липириди 2021].

Материал настоящего исследования – примеры, извлеченные методом сплошной выборки из англоязычных неографических электронных источников за период 2017–2024 гг. [Cambridge Dictionaries Online; Urban Dictionary; Word Spy].

Благосостояние – это образ жизни, который в англоязычном неологическом дискурсе очень хорошо выражается при помощи заимствованных единиц.

Контекстуально можно найти подтверждение транслирования базовых витальных ценностей («баланс между работой и домом», «чувство счастья или гордости за чужой успех», «комфорт и уют дома», «проведение времени с друзьями и семьей») в следующих примерах:

There's a new Scandi buzzword in town and its name is lagom – living in moderation, sustainably and heeding the importance of 'just enough' ... While we're not ready to give up our hygge-tastic faux fur throw just yet we also like the sound of some lagom-style equilibrium in our lives – жизнь в умеренности, устойчивое развитие и соблюдение важности «достаточного минимума»; равновесие в стиле lagom.

Long, cold evenings are a perfect excuse for being koselig... It] means warm and generous and companionable and a hundred other nice things. It's when cafés offer you a blanket or sheepskin so you can linger outside and watch the Northern Lights. Or shops are lit with candles. Or complete strangers in a ski hut share a flask of hot chocolate with you – тепло, щедрость и еще сотня приятных вещей, незнакомые люди в лыжной хижине, которые делят фляжку горячего шоколада.

Для улучшения ментального здоровья в англоязычном дискурсе появляются неологизмы, в основе которых заложены важные ценности. Так, следующие единицы связаны с восстановлением спокойствия и возвращением позитивной энергии: *sage-smudge – to burn sage in a room in order to purify it and remove negative energy; heartfulness – a type of meditation that involves being aware of your heart, thought to create a feeling of calm; quiet thriving – the activity of making small changes to the way you work to help you feel happier and more fulfilled in your job; wearapy – the activity of wearing particular clothes as a form of therapy, with the clothes chosen to make the wearer feel happy or comforted etc.*

Средства, которые используются для достижения этих целей, разнообразны: от сжигания шалфея в комнате для ее очистки и удаления негативной энергии; разнообразных типов медитации, в частности, медитации, направленной на осознание своего сердца, призванного создать чувство спокойствия до деятельности по внесению небольших изменений в свой рабочий процесс, которые помогут вам чувствовать себя счастливее и более удовлетворенным своей работой и практики ношения определенной одежды как формы терапии, при которой одежда подбирается так, чтобы ее носитель чувствовал себя счастливым или успокоенным.

Очень важным моментом в англоязычной культуре является ведение так называемых «дневников благодарности» (*gratitude journal – a written record of good things that have happened each day*), письменных отчетах о хороших вещах и делах, которые происходили с вами каждый день.

Появляются книги, в которых история или рассказ о чем-либо опыте вдохновляют читателей на достижение целей и преодоление проблем (*stealth help – a type of book that uses a story or an account of someone's experience to inspire its readers to achieve goals and overcome problems*).

Отметим также и существование целой экономической системы, основанной на действиях людей и предприятий, направленных на то, чтобы сделать мир лучше и счастливее (*emoticonomy – an economic system that is based on the activities people and businesses engage in to make the world a better and happier place*).

Деловой дискурс представлен следующими неологическими единицами, в которых воплощена аксиологическая доминанта благосостояния: *joy strategist – someone whose job is to help people to be happier; happiness economist – someone whose job is to study the links between a country's wealth and the happiness of its people; Chief Happiness Officer – someone whose job is to ensure that employees of a particular company are happy and fulfilled; funsultant – someone who advises employees on how to make the company a more fun place to work; vibe manager – someone whose job is to create a good atmosphere in the workplace*.

В данных неологизмах, номинирующих новые профессии, ключевыми словами выступают *joy – радость, happiness – счастье, good atmosphere – хорошая атмосфера*.

Итак, анализ аксиологической доминанты WELL-BEING английского неологического дискурса, позволяет выделить группы, охватывающие области, связанные

с физическим и ментальным здоровьем людей, с когнитивным опытом человека в свете новых реалий и норм. Анализ позволил сфокусировать внимание на личностно- и ценностно-ориентационные компоненты дискурса, призванные изменить мировоззрение и имеющие мотивирующий, предписывающий или рекомендательный характер. Когнитивно-дискурсивный анализ позволил выявить определенную динамику концептуализации здорового образа жизни как фрагмента картины мира.

Новая лексика англоязычного дискурса, описывающая благосостояние нации, отражает влияние антропоцентрического поворота, а также является индикатором будущих социально-культурных и технологических трансформаций. Новая лексика имеет тенденцию к расширению границ своего применения, поэтому ее изучение является важным шагом к созданию универсальной лингвистической парадигмы.

Литература

Абросимова Л.С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (26). С. 106-110.

Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов. Калининград: КГУ, 1999. С. 3-9.

Зенина И.Н. Когнитивные и прагматические факторы образования новых слов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 23-27.

Катермина В.В., Липуриди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021.

Кондрашева Е.В. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления // Эпоха науки. 2019. № 18. С. 134-139.

Berger Peter L., Luckmann Thomas. The Social Construction of Reality A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1967.

Lemos Ramon M. The Nature of Value: Axiological Investigations. Florida: University Press of Florida, 1995.

Smith Sarah. Heidegger's Notion of Being: A Phenomenological Perspective // Journal of Existential Philosophy. 2017. 15. No. 2. Pp. 35-52.

Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/>

Word Spy. URL: <https://wordspy.com/>

V.V. Katermina (Krasnodar, Russia)

Kuban State University

WELL-BEING AS AN AXIOLOGICAL DOMINANT OF ENGLISH-LANGUAGE NEOLOGICAL DISCOURSE

The aim of this article is the analysis of the axiological component of English neologisms that reflect the wellbeing of the nation. It is noted that neologisms of the English discourse have an axiological potential which is a consequence of the evaluative worldview. Evaluation is a specifically human category that accompanies human activity and is correlated with a certain axiological potential.

Key words: well-being, neology, dominant, axiology, evaluation, discourse, the English language

*В.Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
victoria.kleimenova@yandex.ru*

ТЕРМИН И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИКЦИОНАЛЬНОГО МИРА

В статье рассматривается лингвокреативная деятельность автора антиутопии, создающего особый пласт лексики – фикциональные термины. Эти онтологически гетерогенные единицы специальной номинации определяются как когнитивные маркеры, не только актуализирующие данные о реальности, но и объективирующие научные/профессиональные понятия, которые не имеют прямых коррелятов за пределами вымышленного мира.

Ключевые слова: термин, авторский неологизм, антиутопия, терминообразование, когнитивный маркер, фикциональный мир, метафора

В процессе создания текста подростковой антиутопии писатель порождает особый ментальный конструкт – целостный и внутренне непротиворечивый вымышленный (фикциональный) мир, резиденты которого, в соответствии с авторской интенцией, наделяются способностью осуществлять научную и профессиональную деятельность. Следовательно, автор, используя ментальные механизмы концептуализации и категоризации, формирует особые художественные концепты – онтологически гетерогенные ментальные конструкты, которые связаны с научными и профессиональными понятиями, составляющими вымышленную научную картину мира. А персонажи, в свою очередь, «оперируют» этими концептами в изображенной мыслительной активности. Для обозначения номинативных единиц, которые используются авторами художественных текстов с целью объективации комплекса специальных понятий, характерных для вымышленной культуры отдельно взятого изображенного мира, предлагается использовать словосочетание «фикциональный термин», которое указывает на главные характеристики объекта номинации: его вымышленность и связь с приписываемой персонажам научной/профессиональной деятельностью.

Предметом исследования в настоящей статье являются фикциональные термины профессиональных областей «военное дело», «медицина», «социальные науки», «научно-технические достижения», использованные в тетралогии С. Коллинз «Голодные игры». Цель работы состоит в описании ментальных операций, обуславливающих специфику художественных концептов, объективируемых фикциональными терминами.

Основываясь на имеющихся данных о современных концептуальных структурах научного и профессионального знания, автор создает художественные концепты мира антиутопии и объективирует их посредством фикциональных терминов, которые являются результатом осуществления мыслительных операций двух типов: селекции и комбинации. В первом случае автор выбирает из лексической системы английского языка те узусные термины, которые вызывают у читателя

ассоциации с используемыми в реальности научными и профессиональными понятиями. Во втором – творческая языковая личность соединяет различные узуальные языковые средства и конструирует новые термины, которые объективируют индивидуальные художественные концепты, не имеющие прямых соответствий во внетекстовой реальности и связанные с приписываемой персонажам научной и профессиональной деятельностью. На основании дифференциального признака «новизна означающего и означаемого» фикциональные термины можно условно разделить на три группы: **узуальные термины, семантические инновации, авторские термины неологизмы.**

К группе **узуальных терминов** относятся номинативные единицы, которые входят в лексическую систему конкретного языка для специальных целей и обозначают те или иные понятия «теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2009: 32]. При объективации фикционального мира антиутопии семантическая структура выбранных автором узуальных терминов подвергается минимальным трансформациям; в нее включается один дополнительный элемент – «fictional». Эти когнитивные маркеры вызывают ассоциации с конвенциональными знаниями членов языкового сообщества, что обеспечивает узнаваемость фикционального мира. Например, в тексте антиутопии военный термин *point* называет позицию главного персонажа, передвигающегося в составе вооруженной группы по вымышленному городу, и актуализирует свое словарное значение (*«In military foot patrol, the point is the team member who leads the patrol, navigating the path and looking out for potential threats or dangers ahead to ensure the safety of the patrol»* [The Gun Zone]). К группе узуальных терминов также относятся иные военные (*bulletproof vest, cartridge, raid*), медицинские (*concussion, pox, miscarriage, epidemic*), научно-технологические (*force field, hovercraft, aerodynamics, DNA scan*) и социологические (*evolution, authorities, rebellion, government*) термины. Автор вводит в текст преимущественно консубстанциональные единицы, которые используются не только в профессиональной, но и в обыденной коммуникации, поскольку возможным читателем рассматриваемых антиутопий является подросток, чья система научных/профессиональных понятий не отличается особой сложностью.

Семантические инновации представляют собой общеупотребительные лексические единицы, которые в результате переосмысления становятся единицами специальной номинации в отдельно взятом вымышленном мире. Процесс терминологизации основан на концептуальной интеграции и осуществляется за счет установления связей между различными концептуальными областями. Заданные на концептуальном уровне корреляции базируются на данных, полученных человеком в результате физического и социального взаимодействия с внетекстовой реальностью, и определяют языковые средства реализации концептуальной метафоры [Lakoff 1993, Будаев, Чудинов 2018]. В границах фикционального мира эти связи

получают статус конвенциональных, даже если они противоречат экзистенциальному опыту членов языкового сообщества.

Создавая художественный концепт, автор конструирует новое ментальное пространство, которое соответствует определению, разработанному Коулсон и Оукли [Coulson, Oakley 2000: 176-177]: оно представляет собой совокупность взаимосвязанных, обусловленных когнитивными фреймами структур знания. Базовые ментальные операции конструирования удаленного от внетекстовой реальности фикционального концепта обеспечивают формирование индивидуально-авторского бленда [Клейменова 2024: 236]. Новообразование, с одной стороны, сохраняет связь с фоновыми знаниями членов языкового сообщества, с другой стороны, благодаря таким характеристикам, как гибкость и подвижность оно содержит новые смыслы, обеспечивающие реализацию авторской интенции.

Так, фикциональный социологический термин *reaping* обозначает ежегодное событие, на котором выбирают участников Голодных игр (*«an annual event that took place in every district before each Hunger Games, in which tributes of the upcoming Games were chosen»* [The Hunger Games Wiki]). Автор устанавливает частичное сходство между новым ментальным пространством «выбор участников Голодных игр» и традиционным «сбор урожая зерновых с помощью режущих орудий». В возникающем ментальном пространстве сохраняются такие признаки, как цикличность и неизбежность происходящего, гибель объекта, достигшего определенного возраста, наличие бенефициаров описанного события. В то же время, конструкт, обозначенный семантической инновацией *reaping*, обладает собственной структурой и содержит признаки, которые не соответствуют традиционному пространству: сложный сценарий и жесткая ролевая организация события, эмоционально-оценочная амбивалентность (развлечение для одних персонажей и трагедия для других), включенность в более сложную систему (Голодные игры), знаковая роль в организации жизни фикционального социума.

Авторские термины неологизмы представляют собой единицы специальной номинации, которые создаются автором в соответствии с современными моделями словообразования и обозначают художественные концепты, связанные с изображенной научной/профессиональной деятельностью. Морфологическая структура этих когнитивных маркеров совпадает со структурой узальных номинативных единиц, а замена отдельных компонентов объективирует вымышленный характер объекта номинации и удаленность фикционального мира от внетекстовой реальности. Например, социологический термин *Plinth Prize* обозначает денежное вознаграждение за выдающиеся успехи (*The Plinth Prize was a monetary award created by Strabo Plinth during the 10th Hunger Games* [The Hunger Games Wiki]). Структура термина соответствует названиям известных научных премий внетекстовой реальности (Harvey Prize, Nierenberg Prize, Shaw Prize, Nobel Prize), но в ней использован фикциональный антропоним.

В соответствии с традициями словообразования английского языка автор создает ряд морфологически или семантически мотивированных фикциональных терминов из морфем латинского языка. Например, имя существительное *Avox*, называющее социальный класс «рабы, которым удалили язык», представляет собой сочетание отрицательного префикса *a-* и корневой морфемы *vox* (голос, звук, речь); технологический термин *communicuff*, который обозначает особый вид браслета, сочетающего в себе характеристики часов, пейджера, телефона, является сложным словом, состоящим из двух основ: *communi-* (*communicatio* – информировать, делать общеизвестным) и *cuff* (*cuffia*, *cuphia* – головной убор). Термин *Tessera* объективирует специальное понятие «дополнительный набор продуктов, выделяемый государством отдельным персонажам» и представляет собой результат метонимического переноса латинского имени существительного *Tessera* (ордер на получение зерна или денег).

Результаты исследования показывают, что фикциональные термины конструируются автором для объективации, хранения и распространения в языковом сообществе вымышленных научных/профессиональных понятий, которые могут либо иметь соответствия во внетекстовом мире, либо противоречить экзистенциальному опыту читателя. Семантическая и морфологическая структура фикциональных единиц специальной номинации создается по традиционным для английского языка моделям.

Литература

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2018.
 Клейменова В.Ю. Концептуализация фикционального мира // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 2 (58). С. 235-239.
 Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
 Coulson S., Oakley T. Blending Basics // Cognitive Linguistics. 2000 № 11(3/4). Pp. 175-196.
 Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Ortony A. (ed.). Metaphor and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
 The Gun Zone. URL: <https://thegunzone.com>
 The Hunger Games Wiki. URL: <https://thehungergames.fandom.com>

V.U. Kleimenova (St-Petersburg, Russia)
 Herzen State Pedagogical University

TERM AND CONCEPTUALIZATION OF FICTIONAL WORLD

The article deals with fictional terms of young adult dystopia – a peculiar lexical cluster coined by the author in the process of creative activity. New nominative units enrich the vocabulary system of the language with ontologically heterogeneous cognitive markers which both activate the data about real scientific/professional activity and embody scientific/professional notions which may have no counterparts outside the fictional world.

Key words: term, author's coinage, dystopia, construction of terms, cognitive marker, fictional world, metaphor

*Т.В. Климова (Елец, Россия)**Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
tanyusik-19@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЩЕНИЯХ ЕЛИЗАВЕТЫ II КАК СПОСОБ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена изучению вопроса репрезентации в Рождественских посланиях Елизаветы II значимых общественно-политических событий, произошедших в Великобритании во второй половине XX – начале XXI в. Делается предположение о том, какие когнитивные структуры реципиентов могут актуализироваться языковыми номинантами лингвокогнитивных скреп когнитивного сценария послания. Определяется роль социумных репрезентантов формата рождественских обращений в процессе миромоделирования.

Ключевые слова: миромоделирование, рождественское обращение, скрипт, фрейм, Великобритания, Елизавета II

Научные публикации последних двух десятилетий в области когнитивной лингвистики свидетельствуют о росте интереса исследователей к проблеме миромоделирования посредством языка. Под миромоделированием понимается «структурирование информации о среде и человеке в дискурсе, приводящее к образованию репрезентационных структур, определяющих мировидение адресата» [Кушнерук 2024: 439]. Согласно другому определению, миромоделирование – это «имманентное свойство языка конструировать определенными языковыми средствами определенный фрагмент универсальной картины мира» [Кашпур 2011: 4]. Особо подчеркивается, что «изучение стратегического использования языка в целях миромоделирования является перспективным» [Кушнерук 2024: 441]. В процессе миромоделирования актуализируются репрезентационные структуры, как когнитивные структуры, которые организуют знания в сознании человека. К ним традиционно относят собственно концепты, фреймы, скрипты, сценарии и схемы [Болдырев 2014]. Как указывает Е.А. Огнева, «исследование когнитивных структур, формирующих содержание коммуникации, основывается на понимании языка как «системы кода структур знания» [Огнева 2023: 1988]. Язык, в соответствии с данной интерпретацией, рассматривается как лингвистическая репрезентация информационного наполнения дискурса, содержащая среди прочего особые языковые единицы – проксемы, хронемы и лингвокультуемы, функционирующие как языковые номинанты лингвокогнитивных скреп, обеспечивающих, в свою очередь, целостность когнитивного сценария дискурса [Огнева 2023: 1989].

Задачами данного исследования является установление и описание традиционного, базового содержания тех когнитивных структур, которые актуализируются в т.ч. сочетанием выявленных хронем, проксем и лингвокультурем. Определяются тенденции функционирования когнитивных структур, которые модифицируются – дополняются, уточняются в исследуемых обращениях. Следовательно, исследуется

то, какие репрезентационные структуры *могут* формироваться в ходе восприятия дискурса и как, *возможно*, реализуется миромоделирующий потенциал исследуемых посланий. Учитывая тот факт, что рождественское обращение монарха является значимым для нации событием, то представляет особый исследовательский интерес специфика отражения в нем событий уходящего года.

Вторая половина XX – начало XXI в. для Великобритании были отмечены такими событиями, как Суэцкий кризис (1956-1957), эскалация конфликта в Северной Ирландии (1969-1972), вступление в ЕЭС (1973), война за Фолклендские острова (1982), введение подушного налога (1989), открытие тоннеля под Ла-Маншем (1994), окончательная отмена смертной казни (2004), Олимпийские Игры в Лондоне (2012) [Великобритания ... 2024]. Изучение рождественских посланий соответствующих лет, представленных Содружеству королевой Елизаветой II, свидетельствует о том, что лишь три из двенадцати обращений содержат упоминания перечисленных событий: конфликт в Северной Ирландии (1972), война за Фолклендские острова (1982) и Олимпийские Игры в Лондоне (2012).

Анализ текста послания 1972 г. позволяет выявить незначительное количество языковых номинантов: хронемы, проксеммы и лингвокультуранты. Особый интерес с точки зрения проводимого исследования представляют лингвокультуранты *Silver Wedding, Christian ideals, Northern Ireland, the troubled Province* [Queen Elizabeth II Christmas Broadcast. 1972]. Две первые лингвокультуранты тесно связаны друг с другом посредством общих для их концептуальных структур элементов «*брак*», «*верность*» и «*любовь*». Далее они дополняются номинантами «*терпимость*» и «*понимание*», которые детерминируют дальнейшую когнитивную обработку многоплановой лингвокогнитивной скрепы, представленной лингвокультурантой «*the troubled Province*», являющейся ядром концепта, которое усиливается периферийными лингвокультурантами *the Commonwealth u Christmas*. Таким образом, через намеренное включение в содержание фрейма «совместная жизнь» одного из необходимых для разрешения сложной межэтнической ситуации компонента «толерантность» реализуется миромоделирующий потенциал дискурса.

Основной темой королевского обращения 1982 г. является тема моря как объединяющей силы и необходимого условия прогресса. Когнитивный сценарий текста послания традиционно охватывает большой исторический промежуток, и в данном случае это почти 900 лет – от времен завоевания англосаксов Вильгельмом Завоевателем до октября 1982 г. Этот темпорально-исторический отрезок помимо начальной и конечной точки отмечен большим количеством лингвокультурант, проксемм и хронем, многие из которых функционируют как лингвокогнитивные скрепы, например: *Liberty at Windsor Castle, Queen Elizabeth I, William the Conqueror, Commonwealth Games, the Armada, the Falkland Islands, Christmas* [Queen Elizabeth II Christmas Broadcast. 1982]. Некоторые лингвокультуранты, имеющие историческое значение и/или описывающие персоналии, актуализируют у слушающих когнитив-

ную структуру сценария, содержанием которого является представление о движении вперед, о прогрессе, сопряженном с преодолением препятствий. Параллельно разворачиваются четыре ментальных пространства – завоевание Англии норманнами, великие морские путешествия и открытия времен Елизаветы I, участие военного и торгового флотов в разрешении Фолклендского кризиса и визит королевской «Британии» на отдаленные острова в Тихом океане. Можно предположить, что упоминание военного конфликта с Аргентиной в одном ряду с событиями 900-летней и 400-летней давности было неслучайным – таким образом на военный конфликт 1982 г. проецировались те составляющие ментальных пространств, которые репрезентируют два более ранних события, а именно: «слава», «победа», «влияние», «сила». Традиционное содержание сценария связывается с концептами НЕЗАВИСИМОСТЬ и СВОБОДА, которые в сознании слушающего становятся неотделимыми друг от друга, что реализуется через такие номинанты, как *we owe our independence to the seamen, the great battles for peace and freedom, defence of basic freedoms* [Queen Elizabeth II Christmas Broadcast 1982], и, соответственно, *закрепляется* сложная когнитивная структура, включающая концепты АНГЛИЯ, ВЕЛИКИЙ, СЛАВА, МОРЕ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, ПОБЕДА.

Когнитивный сценарий обращения 2012 г. строится вокруг лингвокультурам «Бриллиантовый Юбилей», «олимпийский огонь», «Олимпийские Игры» и «Рождество». В их концептуальной структуре присутствуют такие составляющие, как «празднества», «многолюдность», «радость», «единая идея», «важное событие». В послании они расположены таким образом, что у слушающих данное обращение происходит постепенное «расширение пространства и времени»: река Темза – Соединенное Королевство – Содружество наций – весь мир (как участники Олимпийских Игр) – весь христианский мир сейчас и ранее в истории (через лингвокультуру Рождества). На каждом этапе расширения происходит мысленное усиление, увеличение масштаба тех составляющих концептуальных структур, которые были обозначены выше, т.е. от масштаба страны идет переход к масштабу всего человечества не только в данный исторический момент, но и от момента рождения Спасителя. Одновременно с этим на каждом из названных этапов в когнитивный сценарий встраивается концепт СЛУЖЕНИЕ, что в языковом плане выражается посредством таких номинантов, как *the anniversary of duty, paid tribute, extraordinary service, dedication and effort, volunteers, devote themselves to keeping others safe, supported and comforted, Armed Forces, Emergency services, to commit themselves to the best interests of others, 'to serve, not to be served', humble service, give my heart* [Queen Elizabeth II Christmas Broadcast 2012]. Фрейм «празднование важного события» планомерно дополняется, таким образом, концептом СЛУЖЕНИЕ, что, всецело соотносясь с миссией Королевской семьи, призвано способствовать формированию христианской, гуманной позиции человека и гражданина, а именно – служению Родине, ближнему, человечеству.

Как видно из анализа трех рождественских обращений Елизаветы II, лингвокультура как языковые номинанты лингвокогнитивных скреп имеют особое значение. Сочетая в себе проксемные, хронемные и собственно культурологические характеристики, они организуют когнитивное пространство дискурса и активируют соответствующие когнитивные структуры фрейма и сценария. В зависимости от коммуникативных интенций говорящего происходит дополнение и/или расширение концептуального содержания когнитивных структур, что в совокупности с экстралингвистическими факторами способствует формированию «обновленных» репрезентационных ментальных структур и реализует миромоделирующий потенциал дискурса королевы Елизаветы II.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Великобритания во второй половине XX – начале XXI века. URL: www.lc.rt.ru/classbook/vseobshchaya-istoriya-9-klass/noveishaya-istoriya-vtoraya-pоловина-xx-v-405/7152

Кауцур В.В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011.

Кушнерук С.Л., Курочкина М.А. Миромоделирование как объект исследования в современной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 438-441.

Огнева Е.А. Концепция информативного кода лингвокогнитивных скреп в модели дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Том 16. Вып. 6. С. 1987-1992.

Queen Elizabeth II Christmas Broadcast. 1972. URL: www.ukpol.co.uk/queen-elizabeth-ii-1972-christmas-broadcast

Queen Elizabeth II Christmas Broadcast. 1982. URL: www.ukpol.co.uk/queen-elizabeth-ii-1982-christmas-broadcast

Queen Elizabeth II Christmas Broadcast. 2012. URL: www.mirror.co.uk/news/uk-news/queens-christmas-day-speech-in-full-1504926

T.V. Klimova (*Yelets, Russia*)

Bunin Yelets State University

THE PECULIARITIES OF THE REPRESENTATION OF SIGNIFICANT EVENTS OF PUBLIC LIFE IN THE CHRISTMAS ADDRESSES OF ELIZABETH II AS A WAY OF WORLD MODELLING

The article examines the question of how significant social and political events that took place in Great Britain in the second half of the 20th – early 21st century are represented in Elizabeth II's Christmas Messages. An assumption is made about what cognitive structures of the recipients can be actualized by the linguistic nominees of the linguocognitive connectors which are present in the cognitive scenario of the message. The role of societal representatives of the Christmas address in the process of world modelling is determined.

Key words: world modelling, Christmas address, script, frame, Great Britain, Elizabeth II

*Д.А. Ковальчук (Москва, Россия)**Московский педагогический государственный университет
difrlex@gmail.com*

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЯ КОНЦЕПТА *INSTRUCTION* ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ГРАНИЦЫ И СОСТАВЛЯЮЩИЕ

В данной статье представлены результаты компонентного анализа, целью которого является выявление ключевых семантических единиц синонимического ряда, в который входят различные лексемы, отражающие процесс обучения, воспитания и интеллектуального развития человека. В результате анализа выделяются основные семы, которые формируют ядро концепта, а также определяются ближняя и дальняя периферии номинативного поля.

Ключевые слова: концепт, номинативное поле, компонентный анализ, семантические единицы, синонимический ряд, когнитивная семантика

В последние десятилетия лингвистика все более обращается к изучению концептов как ключевых единиц, формирующих наше понимание языка и мышления. Концепты представляют собой ментальные структуры, которые помогают организовать и интерпретировать информацию, что делает их объектом интереса для лингвистов и когнитивистов. По мнению М.В. Пименовой, описание концепта включает в себя интерпретацию значений и конструкций, которые объективизируют его характеристики. [Пименова 2004: 20].

Для описания структуры концепта З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают следующие этапы: построение номинативного поля концепта; анализ и описание семантики языковых средств, которые входят в номинативное поле концепта; когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств, т.е. выявление когнитивных признаков, которые формируют концепт как ментальную единицу [Попова 2007: 112]. Эти три пункта являются универсальными для любого лингвокогнитивного анализа. Дальнейшее расширение этого списка этапов зависит от целей исследования. В данном исследовании основной задачей является описание структуры когнитивных признаков, выявленных в процессе изучения концепта. Результаты когнитивной интерпретации направлены на моделирование содержания концепта, который выступает в качестве объекта исследования. Эти результаты могут быть представлены как в словесной, так и в графической формах, отражающих содержательный компонент концепта.

В работе будет применяться метод словарных дефиниций, направленный на исследование лексикографического значения. В словах, обозначающих различные денотаты, относящиеся к рассматриваемому концепту, выделяются основные и производные значения, расположенные в словарных статьях. Ядерные и периферийные значения определяются логическим и историческим анализом.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что доминирующим элементом синонимического ряда и вербальным ядром концепта является лексема «*instruction*», которая представляет основную понятийную информацию и в меньшей степени образную. Поэтому было решено начать лингвокогнитивный анализ с этой лексемы.

Первый этап моделирования концепта включает создание его номинативного поля. Для определения ядра этого поля был проведен компонентный анализ лексем синонимического ряда, взятых из наиболее авторитетных французских словарей. Синонимия представляет собой семантические отношения между языковыми единицами, основанные на полном или частичном совпадении их значений [Ярцева 1998: 446]. Лингвистическая природа синонимии определяется различной степенью семантической близости. Ученые различают узкое и широкое понимание синонимии: в узком смысле – полное совпадение значений, в широком – частичное. При описании номинативного поля концепта и выделении его ядра важно учитывать синонимию в широком смысле, чтобы определить границы номинативного поля, включая лексические единицы с частичным семантическим совпадением. Одной из ключевых семантических функций синонимии является уточнение, которое раскрывает свойства и характерные признаки обозначаемых предметов и явлений. Уточняться могут степень проявления признаков, качества, свойства и действия.

Для построения синонимического ряда были взяты аутентичные синонимические и толковые словари: *Dictionnaire des synonymes: Répertoire des mots français usuels ayant un sens semblable, analogue ou approché* (1961), *Dictionnaire des synonymes et des antonymes* (1975), *Dictionnaire Marabout des synonymes* (1981), *Dictionnaire des synonymes* (1988, автор Henri Bertaud du Chazaud), *Larousse* (серия «Le Larousse en poche») (2000) и *Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* (2019).

Проведя анализ всех представленных выше словарей, можно выделить следующий ряд синонимов для лексемы «instruction», который является ключевым для описания концепта и основан на принципе частотности: *instruction – enseignement – éducation – apprentissage – formation*.

При анализе лексем, входящих в синонимический ряд концепта ОБУЧЕНИЕ, важно учитывать их дифференциальные семы. Например, лексема *instruction* включает в себя аспекты, связанные с обучением и обучаемостью, акцентируя внимание на полезности навыков, обогащении ума и предписаниях для действий. Лексема *enseignement* также отражает передачу знаний, образовательный процесс и предписания, тогда как *éducation* подразумевает средства для становления личности и методическое развитие. Лексема *apprentissage* акцентирует процесс обучения ремеслу и совокупность учебных действий, а *formation* – интеллектуальное и моральное развитие, а также необходимые средства для обучения. Таким образом, хотя все эти лексемы связаны общим когнитивным признаком, каждая из них имеет свои уникальные семантические особенности.

Проанализировав семантику слов, представленных выше, можно выделить следующие семантические признаки, которые необходимо учитывать при изучении концепта и определении ядра синонимического ряда: 1) процесс обучения; 2) система обучения; 3) воспитательный компонент; 4) развитие интеллектуальных способностей; 5) знания и умения; 6) способность обучать; 7) наставления. Необходимо отметить, что выделенные семы представляют собой важные когнитивные признаки, на которых базируется описание концепта.

Компонентный анализ можно представить в таблице 1, в которой номера колонок обозначают определенную сему (в соответствии с нумерацией, представленной выше), а обозначения «+» и «-» свидетельствуют о наличии или отсутствии семы:

Таблица 1. Компонентный анализ синонимического ряда

Лексема	1	2	3	4	5	6	7
Instruction (f)	+	+	+	+	+	+	+
Enseignement (m)	+	+	—	—	—	+	+
Education (f)	+	+	+	—	+	—	+
Apprentissage (m)	+	—	—	—	+	+	—
Formation (f)	+	+	—	+	—	—	+

В результате проведенного компонентного анализа концепта INSTRUCTION были выявлены ключевые семы и их значимость для понимания структуры данного концепта. Основной вывод заключается в том, что сема № 1 (процесс обучения) является интегральной для всех лексем синонимического ряда, подчеркивая центральную роль обучения в данной концептуальной области. В то же время семы № 3 (воспитательный компонент), № 4 (развитие интеллектуальных способностей) и № 6 (способность обучать) представлены лишь в ограниченном числе лексем, что указывает на их специфическую значимость в контексте концепта.

Ядром исследуемого синонимического ряда, а, следовательно, и ядром концепта, была определена лексема «instruction». Этот факт позволяет более точно очертить границы концепта и его номинативное поле. В ближнюю периферию ядра были отнесены лексемы, обладающие меньшей частотностью, стилистической нейтральностью и низкой контекстуальной зависимостью, такие как *enseignement*, *éducation*, *apprentissage* и *formation*. Эти лексемы, хотя и менее употребительные, сохраняют важные концептуальные признаки, что делает их значимыми для более глубокого понимания концепта.

Дальняя периферия была определена как область, включающая языковые единицы с невысокой частотностью и стилистическими ограничениями. Лексемы, такие как *enrichissement*, *initiation*, *institution* и *lettres*, демонстрируют более узкие и специфические значения, которые также способствуют расширению номинативного поля концепта INSTRUCTION.

Крайняя периферия, состоящая из устаревших и малоупотребительных слов, таких как *certain bagage* (fam. fig.), *dégrossinage* (pej.), *dressage* (pej.), *édification* (sout.), *endoctrinement* (pej.), подчеркивает сложность и многозначность языковых единиц, входящих в концепт. Эти лексемы, несмотря на их периферийный статус, могут оказывать влияние на общее восприятие и интерпретацию концепта INSTRUCTION.

Таким образом, результаты данного исследования не только углубляют понимание структуры концепта INSTRUCTION, но и открывают новые перспективы для дальнейших лингвистических и когнитивных исследований, направленных на

изучение семантических и концептуальных связей в языке. Выявленные семы и их распределение по различным уровням номинативного поля концепта позволяют более детально рассмотреть, как различные языковые единицы взаимодействуют и как они могут изменять свое значение в зависимости от контекста, что представляет перспективу для дальнейших исследований.

Литература

- Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово, 2004.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: АСТ: Восток - Запад, 2007.
- Ярцева В.Н. Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1998.
- Dupuis H. Dictionnaire des synonymes et des antonymes / Ed. entièrement réfondue par Romain Légaré avec la collab. de Jeanne Robert. Montreal: FIDES, 1975.
- Genouvrier E, Desirat C., Horde T. Dictionnaire des synonymes / Nouvelle ed. mise à jour. Paris: Larousse, 2000.
- Le Petit Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le Robert, 2019.
- Noter, R. Dictionnaire des synonymes: Répertoire des mots français usuels ayant un sens semblable, analogue ou approché / par R. de Noter, P. Vuillermoz [et] H. Lecuyer. Paris: Presses Universitaires de France, 1961.
- Younes G. Dictionnaire Marabout des synonymes. Verviers, 1981.

D.A. Kovalchuk (Moscow, Russia)
Moscow Pedagogical State University

NOMINATIVE FIELD OF INSTRUCTION CONCEPT IN THE FRENCH: BORDERS AND COMPONENTS

This article presents the results of a component analysis aimed at identifying the key semantic units of the synonymic series, which includes various lexemes reflecting the processes of education, upbringing, and intellectual development. The analysis highlights the main semes that form the core of the concept, as well as the near and far peripheries of the nominative field.

Key words: concept, nominative field, component analysis, semantic units, synonymic series, cognitive semantics

И.В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЦЫГАН В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

В работе предпринята попытка конструирования образа цыган в конфликтногенном дискурсе. На материале интернет-комментариев регионального СМИ выделяются культурные, темпоральные и пространственные координаты, конструирующие образ цыган в представлении жителей Челябинской области. Отмечается превалирование культурной координаты и негативные образы, что объясняется отчасти особенностью материала исследования.

Ключевые слова: интернет-комментирование, конструирование образа, цыгане, культурная доминанта, темпоральная доминанта, пространственная доминанта, региональные СМИ

Данная работа является своеобразным продолжением предыдущего исследования, затрагивающего вопросы конструирования региональной идентичности. В частности, конструирования региональной идентичности жителя Челябинской области в пространственной, темпоральной и культурной координатах [Кожухова 2022]. В настоящем исследовании будет предпринята попытка актуализации элементов идентичности некоторых национальностей, проживающих на территории Челябинской области. Поводом для исследования стали резонансные события, в которые были вовлечены представители рассматриваемых национальностей и коллективная рефлексия на события. В рамках анализа коллективной рефлексии мы также будем опираться на пространственные, темпоральные и культурные координаты (координаты выделены вслед за [Ильина 2019]).

Резонансным событием стало убийство таксистки цыганами-подростками, материалом исследования послужили 514 комментариев к новости «В Коркино случились беспорядки после убийства таксистки и задержания цыгана» [В Коркино случились беспорядки...]. Из этих комментариев путем сплошной выборки было отобрано 36 комментариев, содержащих отсылки к темпоральным, пространственным или культурным координатам. Данные комментарии составляют всего 7% от общего числа комментариев, однако, считаем, что для первичного анализа мы получили достаточное количество материала. Рассмотренный материал был далее сгруппирован по трем группам, описывающим каждую координату. Так, на культурную координату приходится 56% всех релевантных комментариев, темпоральную – 25%, пространственную – 19%. Все примеры в данной работы – комментарии из статьи выше, орфография и пунктуация сохранены. Отметим, что в некоторых комментариях присутствовали элементы нескольких координат, что может незначительно изменить распределение групп, но в целом, культурная координата остается самой многочисленной. Конфликтотенный характер новости влечет за собой конфликтотенные комментарии, которые, безусловно, подсвечивают неполную картину образа цыган, проживающих на территории области. Рассмотрим каждую из координат.

Преобладающей является культурная координата, в рамках которой выделяются лексемы *барон, табор*:

У цыган – коллективная ответственность. Один что-то сделал – сел весь табор.

Данная культурная доминанта обрастает производными смыслами, которые активно эксплуатируются прямо или косвенно в комментариях:

Вам для справки, у цыган садятся самые бесполезные, кого барон посчитает бесполезным. Вас малолетки не насторожили ???

Большинство силовиков недолюбливает цыган, за их образ жизни.

Образ жизни – основной мотив, который является опорной точкой в формировании негативного образа. Негативный образ является преобладающим, так не только не соотносится с имеющимися ценностями, но и идет вразрез с ними, является порицаемым противозаконным:

Думаю что цыгане могут только торговать тем чем нельзя и гадать а работать не про них.

Всех цыган на историческую родину! От них один вред! Ни за что не платят, торгуют наркотой, шьют контрафакт и т. д. Да еще слова им не скажи...

Из корпуса комментариев 4% носят нейтрально-положительный характер, что, безусловно, объясняется конфликтностью анализируемого материала:

Не надо тут ксенофобии! Цыгане не самые приятные люди, но такая уголовщина случается редко. Должны органы МВД работать.

Сам не люблю цыган, но по бизнесу пришлось столкнуться. Многие из Вас были у цыгана дома? Я был, правда в конце 90 но тем не менее. Большой ухоженный дом, большая семья.

Интерес вызывает также группа комментариев, апеллирующих к историческим событиям, личностям, артефактам. Относим данную группу к культурной координате (не темпоральной), так как в данном случае они формируют общекультурное представление комментаторов о цыганах:

Хорошо сказано в фильме «Большой куш» про эту цыганичину.

Ну как тут не вспомнить одного немецкого художника...

Гитлер тоже Цыган не любил.

Посмотрите документальный фильм «Бремя цыган», вы очень удивитесь полученной информации.

Следующей частотной группой является группа, характеризующая темпоральную (историческую, временную) координату. В данной группе приводятся комментарии с представлением исторического опыта, как на территории России и СНГ, так и в мире:

Массовые беспорядки это у нас цыгане десятилетиями делают что хотят.

Сколько было за последнее время таких цыганских преступлений в регионах РФ, не перечесть.

В советское время и в 90-е годы в Удмуртии существовали специальные цыганские отделы, которые держали ситуацию под контролем.

Цыганские и еврейские погромы появились, что-то историю России до 1917 года напоминает.

Приведенные примеры также актуализируют негативный образ цыган: *массовые беспорядки, цыганские преступления, специальные цыганские отделы, цыганские погромы*. Темпоральная координата относит читателя к событиям прошлого, отправной точкой хронотопа является событие настоящего – преступление. Отметим, что будущность в темпоральной координате анализируемого материала не отмечена. Частично материал данной группы относится к группе, описывающей пространственную координату:

В Троицке их тоже дофига, еще с советских времен.

Буквально 3 месяца назад цыгане и в Краснодарском крае стали беспределить, дело доходило до избиения местных жителей и грабежа.

Все таки правильно поступил Казахстан, когда всех цыган, в начале 90-х, перенес на российскую территорию.

Пространственная координата сама по себе не несет эмоциональной окраски, однако нередко отсылает ко времени, сигнализируя о событии.

Из приведенных примеров видно, что описываемые события распределены по пространству и времени. В ближайшем пространственном поле – районные центры, областные центры, страны СНГ, темпоральная доминанта ограничена новейшей историей – Советский Союз, события последних месяцев.

Пространственная координата коррелирует с темпоральной. В примерах ниже отсутствует эксплицитная, лексическая темпоральная составляющая, однако контекстуально видим отсылки к уже произошедшим событиям или к событиям, которые происходят здесь и сейчас:

А зачем вас столько? Пока кого-нибудь не убьют? Похоже события были в Карелии город Кондопога.

Цыганье массово едут в Еманжелинск !!!

По результатам анализа ожидаемыми стали результаты по отрицательной трактовке образа цыган в коллективном массовом сознании жителей города, что имеет прямую связь в т. ч. с конфликтогенностью рассматриваемого повода. Превалирование культурной координаты говорит о (широком) использовании фоновых бытовых знаний о рассматриваемом народе. Пространственная и темпоральная координата нередко нахлестываются друг на друга, объединяя время и место.

Литература

В Коркино случились беспорядки после убийства таксистки и задержания цыгана – обсуждение новости – 74.py // 74.RU.. URL: <https://74.ru/text/incidents/2024/10/24/74253107/comments/>

Ильина О.В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 119-131.

Кожухова И.В. Опыт конструирования региональной идентичности (на материале СМИ Челябинской области) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 689-693.

*I.V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

CONSTRUCTION OF THE ROMA IMAGE IN REGIONAL CONFLICT DISCOURSE

The article is an attempt at the construction of the image of the Roma in the discourse of conflict. The authors identify cultural, temporal and spatial coordinates that construct the image of Roma in the perception of the residents of the Chelyabinsk Oblast. The prevalence of cultural coordinates and negative images is found, which is partly explained by the specifics of the research material.

Key words: Internet commentary, image construction, Roma, cultural dominance, temporal dominance, spatial dominance, regional media

И.В. Кононова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ivkononova-uneson@yandex.ru

Л.А. Кочетова (Волгоград, Россия)

Волгоградский государственный университет
kochetova@volsu.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТИ *MENTAL HEALTH* В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В статье на материале британского сегмента корпуса News on the Web (NOW) с применением метода коллокаций установлены основные концептуальные метафоры, отражающие содержательную специфику и оценочную интерпретацию *mental health* в СМИ Великобритании.

Ключевые слова: медиадискурс, концепт, концептуальная метафора, дискурсивная репрезентация, коллокация

Интерпретация концепта, оценочная прагматика объективирующих его единиц, всегда дискурсивно обусловлена. Можно утверждать, что любой тип личностно-ориентированного (термин В.И. Карасика [2004]) либо институционального дискурса может становиться той средой, которая видоизменяет концепт. Тем не менее, ни один из типов дискурса не способен оказать на концепт обыденного сознания такого сильного воздействия как медиакommunikация в силу постоянно растущей роли СМИ в современном мире. Изучение «медиатизации концептов/ценностей» становится в настоящее время отдельной областью медиалингвистики [Кондратьева, Игнатова 2021; Kochetova 2023]. Результаты медиатизации проявляются в дискурсивном конструировании в системе ценностей социума новых и трансформации уже существующих концептуальных образований. К таким ценностям относится концепт *mental health* (*психическое здоровье*), который получил в XXI в. широкое обсуждение в СМИ разных стран. Исследователи подчеркивают, что современные медиа отражают растущую значимость ментального здоровья как составляющей содержательной структуры концептов ЗДОРОВЬЕ и ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ [Стеблецова, Торубарова, Линакер 2023; Кочетова, Кононова 2024].

Цель данной статьи – выявить основные концептуальные метафоры, определяющие специфику когнитивно-дискурсивного конструирования и оценочную интерпретацию ценности *mental health* в британских СМИ.

Исследование основано на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа [см. Lakoff, Johnson 1980] и проводилось на материале пополняемого корпуса англоязычных медиатекстов News on the Web общим объемом более 20,3 млрд. слов. С помощью функций «Collocates» и «Word List» были выделены основные коллокации, репрезентирующие концепт MENTAL HEALTH в британском сегменте корпуса NOW в период с 2010 по 2023гг. Под *коллокацией* в настоящем исследовании вслед за Дж. Синклером понимается совместное появление двух или более лексических

единиц в максимальном интервале единиц слева и справа от анализируемого слова [Sinclair 1991]. На основе коллокатов ключевых репрезентантов концепта MENTAL HEALTH были установлены основные метафорические модели, служащие дискурсивному конструированию ценностного феномена «ментальное здоровье» в современных британских медиа.

Данные корпуса показывают, что коллокация *mental health*, являющаяся ключевым репрезентантом исследуемого концепта, характеризуется высокой нормализованной частотностью с явно выраженной динамикой роста (от 18,6 в 2010 г. до 87,62 в 2023 г.). Подобную же динамику демонстрируют коллокации *emotional wellbeing* (0,20 – 2010, 0,41 – 2016, 0,95 – 2020 и т.д.) и *mental wellbeing* (0,31 – 2010, 1,58 – 2017, 3,59 – 2020, 4,11 – 2021 и т.д.).

В число наиболее частотных коллокатов сложносоставной лексики *mental health* входят существительные негативной оценочной семантики *problems*, *crisis*, *awareness*, *difficulties*: *mental health issues* (7,02), *mental health problems* (3,18), *mental health support* (2,27), *mental health crisis* (1,51), *mental health charity* (1,35), *mental health awareness* (0,88), что свидетельствует о том, что британский медиадискурс отражает проблему сохранения психического здоровья граждан как вызывающую серьезную озабоченность (*mental health awareness*).

Действия по поддержанию ментального здоровья представляются в британских СМИ как важнейшая часть практик здорового образа жизни. Лексема *mental health* регулярно контекстуально сближается с репрезентантами таких составляющих регулятивной ценности «здоровый образ жизни», как *здоровое питание* и *здоровая физическая активность*: (1) *She's focused on **healthy eating** and swears by **daily walks** in the countryside to preserve her **mental health** and keep in shape* (The Sun. 23.10.2022).

С целью выявления метафорических моделей, служащих осмыслению социально значимого феномена «ментальное здоровье» в британском медиадискурсе, на первом шаге исследования были выделены коллокаты сложной лексики *mental health* в окне наблюдения +1 и коллокаты лексики *mental* в окне наблюдения -4/+4. Из первой по частотности сотни выявленных коллокатов были отобраны следующие единицы, отражающие метафорическую концептуализацию феномена: *mental health battles* (0,15), *mental health battle* (0,12), *mental health strategy* (0,05), *mental health struggles* (1,24), *mental struggling* (4,72), *mental struggles* (6,19), *mental struggled* (4,26), *mental struggle* (3,15), *mental fragile* (4,10), *mental breakdown* (5,65), *mental scars* (6,36),

Полученные данные позволяют выделить следующие концептуальные метафоры: MENTAL DISORDER is an ENEMY; MENTAL HEALTH SUPPORT is a BATTLE; MENTAL HEALTH is a FRAGILE OBJECT.

Усилия медиков и общества в целом по борьбе с психическими заболеваниями метафорически репрезентируются в медиадискурсе в терминах войны, битвы

с опасным и неумолимым врагом (MENTAL HEALTH SUPPORT IS A BATTLE). В данном случае можно наблюдать достаточно полное отражение элементов сферы-источника структурной метафоры в сфере-мишени. Психические заболевания и их последствия (депрессия, деменция, тревожность, компульсивное переживание, панические атаки и пр.) представляются врагами, с которыми необходимо вести постоянную войну, требующую разработки особой стратегии. В ходе войны могут быть жертвы (люди, погибшие от ранней деменции, совершившие самоубийство в результате затяжной депрессии и пр.), врачи, занимающиеся лечением душевных недугов, представляются в терминах сферы-источника бойцами переднего края (forefront), психические травмы оставляют «шрамы» (mental scars). Ср.: (2) *We see ourselves as a **forefront** in the mental health **battle**. We see a lot of customers each day that are **struggling** and we wanted some help and advice on how to deal with that properly. There was a year, around three of four years ago, where we **lost** five clients **to suicide*** (The Examiner 22.09.2016); (3) *The **mental scars** remain, however; and she has since been **diagnosed with PTSD and depression*** (The Mirror 04.01.2023). Данная концептуальная метафора, частотно реализуясь в медиадискурсе, служит мобилизации общества на активную помощь людям, страдающим психическими расстройствами или переживающим психологические проблемы.

Онтологическая метафора MENTAL HEALTH IS A FRAGILE OBJECT (*mental fragile* (4,10), *mental breakdown* (5,65)), представляет психическое здоровье человека хрупким предметом, который можно легко сломать, разбить: (4) *Her **mental health** has been **fragile** since then. She has had several **breakdowns** and is prone to panic attacks* (The Liverpool Echo. 27.12.2023); (5) *That **mental health break** stemmed the time somewhat, but his **singles exit** to Niels Vink in Tokyo showed the demons are still at the door* (The Independent 01.09.2021).

В первые сто наиболее частотных коллокаций с ядерными лексемами *mental health* (+1) и *mental* (-4/+4) вошли *mental health stigma* (0,09) и *mental stigma* (7,25). Анализ контекстов употребления коллокаций в корпусе показал их регулярное сближение с лексемами *taboo* и *cynicism*, номинирующими существующие в обществе предубеждения в отношении ментально неблагополучных людей. Данные лексемы демонстрируют смысловую аттракцию с глаголами военной семантики и семантики разрушения *break, break down, battle, fight, strip away, combat, stand up against, tackle, remove, end, eliminate* и пр. Стигма, сформировавшаяся в общественном сознании в отношении психически нездоровых людей, метафорически концептуализируется в медийных нарративах как **враг** (STIGMA IS AN ENEMY), с которым нужно **вести борьбу**: (6) *In collaboration with York Mind, Vanlove said it is committed to supporting emotional well-being and **combating the stigma surrounding mental health*** (The York Press. 24.04.2023)]; как **препятствие/ стена** (STIGMA IS AN OBSTACLE), которое(-ую) нужно **разрушить/снести**: (7) *Kate [Middleton] has long championed **breaking down the stigma surrounding mental health** and providing sup-*

port to those struggling (The Express. 09.11.2022); как **сорняк** (STIGMA IS A WEED), который нужно **вырвать с корнем**: (8) *Aided by pioneers...football has taken strides towards eradicating the stigma around mental health, with an increasing number of players speaking out* (The Standard 30.04.2020).

Таким образом, в медиадискурсе Великобритании психическое здоровье человека метафорически концептуализируется как хрупкий ценный предмет, который необходимо оберегать от повреждений. Лечение и предотвращение психических недугов отражается в СМИ в терминах войны, что говорит об озабоченности британского общества проблемой увеличения количества ментально неблагополучных людей и готовности граждан и институтов активно участвовать в создании условий для улучшения сложившейся ситуации. Метафоры отражают также негативное отношение к стигматизации проблем психического здоровья людей как существенному препятствию на пути общества к более здоровой и гармоничной жизни.

Литература

- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С.* Стратегии медиатизации юридических концептов в российских массмедиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69-85.
- Кочетова Л.А., Кононова И.В.* Медиатизация регулятивной ценности «здоровый образ жизни» в англоязычных СМИ: корпусный подход // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 6. С. 186-208.
- Стеблецова А.О., Турбарова И.И., Линакер Т.* Язык здорового образа жизни в британских и российских цифровых СМИ: сопоставительное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 5. С. 72-88.
- Kochetova L.A.* Linguocultural Specifics of Artificial Intelligence Representation in the English Language Media Discourse: Corpus-Based Approach // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. 2023. Vol. 22. No. 5. Pp. 6-18.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
- Sinclair J.* Corpus, concordance, collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- English-Corpora.org. News on the Web (NOW). URL: <https://www.english-corpora.org/>

I.V. Kononova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics

L.A. Kochetova (Volgograd, Russia)

Volgograd State University

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF VALUE OF MENTAL HEALTH IN THE ENGLISH MEDIA

Based on the British segment of the News on the Web corpus (NOW) using the collocation method, the article analyzes conceptual metaphors reflecting the semantic specific features and evaluative interpretation of mental health in the UK media.

Key words: media discourse, concept, conceptual metaphor, discursive representation, collocation

В.В. Корнева (Воронеж, Россия)*Воронежский государственный университет
kornevavalentina@mail.ru***ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ТРАНСОНИМИЗАЦИИ**

В статье уточняется понимание трансоимиизации и описывается универсальный характер ее действия. Выявляются основные ономастические категории, служащие источником переходов онимов из одного класса в другой. Определяется этнокультурная специфика трансоимиизации в испанском языке, подчеркивается ее первостепенная роль в формировании антропонимов (фамилий и женских личных имен) и экклезионимов. Делаются выводы о том, что источником трансоимиизации является перекатегоризация, а основным механизмом выступает концептуальная деривация на основе метонимического сдвига и реже – метафорического.

Ключевые слова: трансоимиизация, перекатегоризация, концептуальная деривация, оним, топоним, ойконим, антропоним, экклезионим, агнионим, испанский язык

Термином трансоимиизация обозначают «различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой» [ЛЭС 1990: 347]. Данный процесс является одним из средств формирования и расширения семантического пространства языка, точнее, такой его важной составляющей, как ономастикон, который представляет собой совокупность имен собственных, весьма гетерогенных по своему составу и назначению. В зависимости от класса именуемых объектов традиционно различают антропонимы – разные формы именования человека, топонимы – названия географических мест, зоонимы – клички животных, астионимы – названия небесных тел и многие другие. Благодаря категоризирующей деятельности человеческого сознания разные предметы и явления окружающей действительности подводятся под ту или иную категорию, каковыми можно считать и разные классы онимов, каждый из которых образует ономастическую категорию.

Имена собственные, будучи вторичными языковыми структурами, возникшими в результате онимизации – переходе имен нарицательных в имена собственные, в свою очередь сами могут стать источником образования других онимов в результате трансоимиизации. В связи с этим необходимо уточнить само понимание трансоимиизации, а также определить основные направления данного процесса, выделить основные классы онимов, которые могут быть этимонами других классов имен собственных, и модели их переходов.

В научной литературе отсутствуют работы, специально посвященные проблеме трансоимиизации. В приведенном выше определении Н.В. Подольской говорится о различных по характеру и форме переходах онимов из одного класса в другой. Следовательно, можно предположить, что оним-этимон одного класса по форме может не совпадать с новым онимом другого класса. Мы считаем трансоимиизацией такие переходы онимов из одного класса в другой, при которых исходная внешняя форма онима-этимона сохраняется, хотя она и может быть редуцированной. В нашем понимании трансоимиизация лишь частный случай вторичной ономастической репрезентации, которая охватывает более широкий круг явлений, таких как «пере-

нос онимов с одного класса предметов на другой, перенос одних и тех же онимов на другие объекты, образование онимов от онимов» [Щербак 2022: 479]. Следует также отметить, что трансонимизация – это не только определенный семантический процесс, но и когнитивный процесс, поскольку каждая новая единица языка (в нашем случае новый класс онима) есть результат вербализации новой структуры знания, подводимой под тело уже существующего знака (онима-этимона).

Отсутствие специальных исследований трансонимизации вовсе не означает, что лингвисты обошли ее вниманием. Она упоминается, правда, без соответствующего термина, во многих работах по ономастике (см., например, [Суперанская 2021]). Такое явление, когда один и тот же оним одновременно принадлежит к разным классам имен собственных и называет разные по природе объекты, трудно не заметить. К примеру, *Воронеж* – это название таких разных объектов, как река (гидроним), город (ойконим), гостиница, ресторан, анимационная студия (эргонимы), конфеты; *Юнупер* и *Марс* – это не только имена мифических богов (мифонимы), но и названия планет (астионимы); *Чубайс* – фамилия и кличка собаки (зооним) и т.д. Аналогичные примеры можно привести и из других языков. В частности, в испанском языке оним *Montserrat* (графический вариант *Monserrat*) – это и название горы в Каталонии (ороним), и название населенного пункта (ойконим), и фамилия (антропоним), и женское личное имя (антропоним). В связи с этим особую актуальность приобретает ответ на вопрос, как возникают одноименные онимы, какие механизмы лежат в основе их переходов из одного класса в другой.

Для ответа на данный вопрос обратимся к результатам нашего исследования. Согласно полученным данным, разные классы онимов обладают разной способностью к трансонимизации. Наибольшей способностью переходов из одного класса в другой отличаются топонимы, причем главным образом ойконимы. Универсальность трансонимизации как особого семантико-когнитивного механизма не исключает того, что в конкретных лингвокультурах ее значимость оказывается разной. В частности, в испанском языке сфера действия трансонимизации намного шире, чем в русском языке. Если в русском языке все фамилии являются производными, в их образовании участвуют аффиксы, то в испанском языке в их формировании наряду с аффиксацией задействованы также онимизация и трансонимизация. Роль трансонимизации в испанском языке очень велика, она является либо одним из способов образования испанских фамилий, либо вообще единственным способом. В частности, патронимические фамилии образуются тремя способами: аффиксальным – с помощью суффикса (-*ez* или -*iz*), аналитическим – сочетанием предлога с именем (*de* + *nombre*) и трансонимическим – переходом патронима в фамилию. В результате один и тот же этимон, например, личное имя *Sancho* дало в испанском языке жизнь трем фамилиям: *Sánchez*, *De Sancho*, *Sancho*, не считая региональных и графических вариантов, причем последняя есть результат трансонимизации имени. Что касается топонимических фамилий, которые составляют большую половину всех испанских семейных имен, то они образуются исключительно путем транс-

нимизации. Правда, переход топонима в фамилию зависит от того, каким является географическое название – универбом или составным. В последнем случае структура топонима *nombre+de + nombre* при переходе в фамилию всегда сокращается либо до *de +nombre*, либо до *nombre*, причем фамилией может стать как первый компонент топониминации, так и последний. Ср.: *Valverde* → *Valverde*; *Valverde de Campos* → *Valverde* (1), *de Campos* (2), *Campos* (3) [Корнева 2024].

Большими возможностями трансонимизации в испанском языке обладают также агионимы – имена святых типа *San Sebastián* и титульные номинации Девы Марии. Первые дают названия многочисленным ойконимам. Вторые имеют одинаковую с составными топонимами структуру и служат источником образования экклезионимов – названий религиозных сооружений, монастырей, скульптурных изображений Богоматери, а также женских личных имен. Экклезионимы идентичны по форме ониму-этимону, например, *Virgen del Pilar* – номинация Богородицы и храм в Сарагосе, а также ее изображения. В женских именах структура этимона – титульных номинаций, как и в составных топонимах, может варьироваться. Если титульные номинации содержат личное имя Богородицы, например, *María del Consuelo*, то от них образуются три имени: *María del Consuelo*, *María Consuelo* и *Consuelo*. Если же Дева Мария обозначается лексемами *Virgen* или *Señora*, то именем становится последний компонент: *Virgen del Camino* → *Camino*.

Эти и другие случаи трансонимизации, как универсальные, так и этноспецифические, базируются на одном и том же когнитивном основании – перекатегоризации, переходе онимов из одной понятийной сферы в другую (о перекатегоризации языковых единиц см., например, [Болдырев 2019]). В частности, топонимические фамилии сигнализируют о переходе из понятийной сферы «географическое пространство» в понятийную сферу «человек, формы его именованья», тогда как патронимические фамилии отражают расширение понятийной сферы «человек, формы его именованья» по линии «личное индивидуальное имя – наследуемое семейное имя». Восходящие к агионимам ойконимы, экклезионимы и антропонимы (женские личные имена) есть результат перехода из понятийной сферы «религия (святые)» либо в понятийную сферу «человек, место его проживания», либо «место отправления религиозного культа, религиозные сооружения», либо «человек, формы его именованья (личное индивидуальное женское имя)». Этот далеко не полный перечень перекатегоризации онимов в испанском языке базируется на принципе метонимии. С учетом последовательности переходов и принадлежности онима-этимона к определенному классу/ ономастической категории концептуальная деривация предстает в виде нескольких метонимических моделей: *гидроним* → *ойконим*; *ойконим* → *эргономим*; *ойконим* → *антропоним* (фамилия); *агионим* → *ойконим*; *агионим* → *экклезионим*; *агионим* (титульные номинации Девы Марии) → *антропоним* (женское личное имя). Трансонимизация же антропонимов и мифонимов основана на метафорических моделях: *антропоним* → *зооним*; *мифоним* → *астионим*.

Все вышеизложенное свидетельствует о важности трансонимизации в развитии ономастического, о разных моделях ее реализации, а также о ее высокой продуктивности в испанской лингвокультуре, отражающей тесные связи разных понятийных сфер в сознании испаноязычного этноса.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2019.

Корнева В.В. От топонимов к антропонимам: особенности образования испанских топонимических фамилий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 2. С. 91-97.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий / отв. ред. Г.В. Степанов. М.: Либроком, 2021.

Щербак А.С. Вторичная репрезентация ономастических знаний в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. №1 (48). С. 477-490.

V.V. Korneva (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

RECATEGORIZATION AS A SOURCE OF TRANSONIMIZATION

The article clarifies the understanding of transonymization and describes the universal nature of its action. The main onomastic categories that serve as a source of transitions of onyms from one class to another are identified. The ethnocultural specificity of transonymization in the Spanish language is determined, its primary role in the formation of anthroponyms (surnames and female personal names) and ecclesionyms is emphasized. The author concludes that the source of transonymization is recategorization, and the main mechanism is conceptual derivation based on a metonymic shift and, less often, a metaphorical one.

Key words: transonymization, recategorization, conceptual derivation, onym, toponym, oikonym, anthroponym, ecclesionym, agionim, Spanish language

О.А. Кострова (Самара, Россия)

Самарский социально-педагогический университет

olga_kostrova@pgsga.ru

ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ДИАТЕЗНОГО ПОЛЯ В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается генезис пассивных конструкций в немецкой лингвокультуре как основа формирования этноспецифичности диатезного поля, в центре которого оказывается процессуальный пассив, переходный сегмент образует безличный пассив, а периферию формируют статально-результативный, ориентирующий на субъект и нормативно-оценивающий пассив.

Ключевые слова: этноспецифичность, генезис, медиопассив, аспектуальность, вспомогательные глаголы, пассив

Ученые сходятся во мнении, что категория залога имеет идиоэтнический характер, поскольку выражается в разных языках специфическим образом [Kotin 2007; Givon 2009]. Проблема этноспецифичности пассива в немецкой лингвокультуре освещается в публикации [Кострова 2024], где рассмотрены грамматические и функциональные аспекты этноспецифичности; при этом грамматическая специфика, обуславливающая высокую частотность пассивных конструкций в немецком языке, связывается, в основном, с семантико-синтаксической характеристикой глагола в пассивной форме, а мотивация выбора пассивных конструкций объясняется рационализмом немецкой языковой личности. Тем не менее, этноспецифичность пассивных конструкций в современном немецком языке полностью не систематизирована. В частности, проблему представляет безличный пассив, который не все лингвисты причисляют к категории залога (см. об этом [Welke 2002: 266-267]). Неясной остается также организация пассивного поля. *Цель* статьи состоит в выявлении структуры пассивного фрагмента диатезного поля в немецкой лингвокультуре и его этноспецифичности на фоне универсальной типологии пассивных конструкций.

Универсальную типологию пассивных конструкций выстраивает на материале разноструктурных языков Т. Гивон. Автор рассматривает пассивные конструкции как синтаксически сложные вторичные феномены, производные от исходных активных конструкций. Их синтаксическая сложность является результатом конденсации синтаксической сложности исходного активного предложения. Конденсация реализуется в грамматическом изменении финитного глагола активного предложения, получающего в пассивном высказывании форму причастия II (ср. [Givon 2009: 57]). Соглашаясь с этим положением Т. Гивона, позволяющим объяснить тесную взаимосвязь синтаксиса и морфологии глагола, мы ограничиваемся рассмотрением типологии пассивных конструкций в рамках диатезного поля в немецкой лингвокультуре. Чтобы понять их этноспецифику, необходимо обратиться к их генезису.

В протогерманском, из которого развились современные германские языки, диатеза относилась к старейшим глагольным категориям, однако пассивным членом диатезы первоначально выступал медиопассив, обозначавший отношение к неактивному грамматическому субъекту [Kotin 2007: 16]. М.Л. Котин отмечает характерную особенность германского медиопассива – его неразрывную связь с категорией вида, формирующую его выраженную идиоэтничность [Там же: 21, 28]. Решающую роль в разделении категорий вида и диатезы сыграло быстрое развитие действительской категории времени, которое привело к переструктурированию категории залога. Оба члена залоговой оппозиции – актив и пассив – оказываются неразрывно связанными с категорией времени [Там же: 31]. По свидетельству М.М. Гухман [1966: 266], во всех германских языках наблюдался примат конструкций с глаголом «быть», который сохранился в современном английском языке [Givon 2009: 46]. Однако в немецком языке первоначальная ориентированность медиопассива на неактивный субъект (конструкция *sein* + *Part. II*) постепенно превращается в пассивную диатезу, ориентированную на процесс, что выражается конструкцией

werden + *Partizip II* [Kotin 2007: 37]. Сочетания с глаголом «становиться» (*werden*) М.М. Гухман считает специфической германской инновацией [Гухман 1966: 266]; уточним, что эта инновация сугубо немецкая, поскольку в английском сохранился примат пассива с глаголом *be*. В немецкой лингвокультуре ориентация на процесс, по образному выражению К. Вельке, представляет собой мостик к безличному пассиву; только процессуальная семантика может объяснить его возникновение [Welke 2002: 274]. Ср. примеры параллельного употребления личного и безличного пассива:

(1) *ein Flugfeld wird gebaut*. (1a) *Es wird gebaut* (DWDS).

Процессуальный пассив (*Vorgangspassiv*) (*werden* + *Part.II*) становится ведущей конструкцией в немецкой лингвокультуре, а пассив состояния (*Zustandspassiv*) или результативный пассив (*sein* + *Part.II*) отнесется на периферию поля диатезы. Окончательное размежевание процессуального и статального / результативного пассива относится к ранненовоначальному периоду [Kotin 2007: 43].

Процессуальный пассив используется, как правило, от неперфективных глаголов, в чем сохраняется связь диатезы с аспектуальной семантикой. Вспомогательный глагол *werden* в процессе грамматикализации утрачивает свою лексическую мутативную семантику (становиться) [Там же].

Вариативность выбора пассивных структур объясняется, согласно Т. Гивону, коммуникативно-поведенческими микровариациями на индивидуальном или социальном уровнях [Givon 2009: 60]. Как было показано ранее, этноспецифические поведенческие вариации в немецкой лингвокультуре формируются под влиянием рационализма, моноактивности и законопослушности немцев [Кострова 2024], что обуславливает особенности концептуализации ситуаций в пассивном плане. Характерно при этом, что в качестве патиенса преимущественно концептуализируются артефакты, возникающие в результате некоторого процесса, ср.: (1). Участие агенса в таких ситуациях не исключается, но это более редкий случай; ср.:

(2) *Die Villa in der Zeppelinallee 69 wurde gebaut von Wilhelm Rohmer* (DWDS).

Если же в качестве объекта пассивизации избирается лицо, то участие говорящего в такой ситуации исключается в том смысле, что говорящий не может на нее повлиять. Типичные примеры, приводимые в [Римская 2013]: *Ich wurde geboren; ich wurde eingeschult*.

Второй тип концептуализации ситуаций в пассивном плане реализуется в немецкой лингвокультуре как пассив состояния или результативный пассив, уступающий процессуальному пассиву количественно. Этот тип частично соответствует первому универсальному типу по Т. Гивону, значение которого определяется как адъективно-статальное (по исходной активной конструкции с прилагательным в качестве предикатива) [Givon 2009: 46]. Этноспецифика немецкой лингвокультуры проявляется в том, что значение результативности получают в ней пассивные конструкции с вспомогательным глаголом *werden* в прошедших временах, и не только в перфекте и плюсквамперфекте. Ср.:

(3) *Eine neue Brücke für den Automobil- und Schienenverkehr wurde gebaut und ist für den Verkehr freigegeben* (DWDS).

В подобных случаях пассив имеет не процессуальную, а скорее событийно-результативную семантику. Отметим также морфологическую особенность причастия II глагола *werden*: в аналитической форме он утрачивает приставку *ge-*, что можно объяснить уравниванием синтаксической сложности (трехчастная форма сказуемого) морфологическим опрощением. На возможность подобного процесса указывает Т. Гивон [Givon 2009: 58]. Таким образом, этноспецифичность концептуализации в немецкой лингвокультуре первого универсального типа пассивных конструкций состоит в возможности использования для выражения фиксированного состояния или результата вспомогательного глагола *werden*.

Генетическая способность медиопассива характеризовать неактивный грамматический субъект учитывается Т. Гивоном в универсальном типе пассивных конструкций, который он назвал «*рефлексивный пассив*». В английском языке он встречается в двух разновидностях: как *каузативный* и как *get-nacciv*. Ср. соответственно: *Mary got them to fire John; Mary got fired* [Givon 2009: 46]. В грамматиках немецкого языка в качестве вспомогательных глаголов для пассивных форм приводятся *bekommen* /*erhalten* /*kriegen* и *gehören* [Engel 1996: 453]. Глагол *bekommen* и его синонимы подчеркивает ориентированность на грамматический субъект, что обнаруживает близость к универсальному рефлексивному типу. По нашим наблюдениям, эти вспомогательные глаголы сочетаются с причастиями, имеющими словообразовательные приставки *ein-* или *zu-*, ориентирующие на пассивный субъект, получающий семантику бенефактива. Ввиду словообразовательной ограниченности смыслового глагола отнесем этот вид пассива к периферии диатезного поля. Ср.:

(4) *Sein Sie unbesorgt, auf derjenigen Grenze, wo Sie das Land einst wieder verlassen, werden Sie Ihr Geld wieder **eingehändigt bekommen*** (DWDS).

(5) „*Wir haben zu viele Kunden **zugeschrieben gekriegt***“ (DWDS).

(6) *Einen Durchbruch erzielte das Unternehmen ab 1888, als es im Rahmen einer öffentlichen Ausschreibung für den Nord-OstseeKanal zwei Lose **zugeschrieben erhielt*** (DWDS).

Этноспецифика концептуализации в немецкой лингвокультуре состоит в отсутствии каузации, возможной в английском варианте (ср. выше).

Глагол *gehören* в качестве вспомогательного в пассивном высказывании встречается, по нашим наблюдениям, гораздо реже. Корпус DWDS содержит отдельные примеры из немецкой прямой речи. С помощью этого глагола формируется семантика необходимости, связанная с облигаторным выполнением принятых в обществе поведенческих норм, что соответствует концепту законопослушания, типичному для немецкой лингвокультуры. Ср.:

(7) „*Ein Job **gehört gemacht***“, *sagt er* (DWDS).

Глагол *gehören* (основное значение: принадлежать) очерчивает сферу того, что должно быть сделано или сказано, а поскольку из ситуации ясно, что это не сделано, то высказывание подразумевает отрицательную оценку, звучит как упрек. Этноспецифика пассивизации в немецкой лингвокультуре, создаваемая глаголом *gehören*, имплицитно несет семантику «принадлежность норме».

Таким образом, пассив концептуализируется в немецкой лингвокультуре как диатезное поле, в центре которого процессуально-событийный пассив, переходный сегмент образует безличный пассив, а периферию формируют статально-результативный, ориентирующий на субъект и нормативно-оценивающий пассив.

Литература

- Гухман М.М. Глагол в германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. М.: Издательство Наука, 1966. С. 124-434.
- Кострова О.А. Концептуальная пассивизация ситуаций в немецкой лингвокультуре // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № XXI. С. 249-266.
- Римская М.А. Концептуальный анализ категорий пассивного залога // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 24 (315). Вып. 82. С. 136-139.
- DWDS. URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/dwdsxl>
- Engel U. Deutsche Grammatik. 3., korrigierte Aufl. Heidelberg: Julius Groos, 1996.
- Givon T. The Genesis of Syntactic Complexity. Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.
- Kotin M.L. Die Sprache in statu movendi. Sprachentwicklung zwischen Kontinuität und Wechsel. Heidelberg: Winterverlag, 2007.
- Welke K. Deutsche Syntax funktional. Perspektiviertheit syntaktischer Strukturen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2002.

O.A. Kostrova (Samara, Russia)

Samara State University of Social Sciences and Education

ETHNOSPECIFICITY OF THE DIATHESIS FIELD IN GERMAN LINGUOCULTURE

This article examines the genesis of passive constructions in German linguistic culture as the basis for the formation of the ethnic specific diathesis field, in the center of which, there is the procedural personal passive, the impersonal passive forms the transition fragment and the periphery is formed by a state or an effective passive, a subject-oriented, and a normative-evaluative passive.

Key words: ethnospecificity, genesis, media-passive, aspectuality, auxiliary verbs, passive

М.А. Кравченко (Ростов-на-Дону, Россия)

*Ростовский государственный университет путей сообщения
mak@rgups.ru*

О СМЫСЛАХ СМЫСЛА ПО ДАННЫМ ОБЫДЕННОГО МЕТАЯЗЫКА

В работе на основании анализа определений, используемых в качестве переменных в модели метаоператора «в N-м смысле (слова)» производится реконструкция образа *смысла*. В сформированном обыденным метаязыковым сознанием образе четко выделяются два когнитивных блока: сенсорный и ментальный. Каждый из блоков имеет в своем составе содержательные кластеры, в которых структурированы обыденные представления о *смысле*.

Ключевые слова: метаязык, метаоператор, метаязыковое сознание, концептуализация, смысл

Как известно, язык обладает уникальной семиотической способностью к осуществлению как внешней, так и внутренней референции, что наделяет его функциями метаязыка. Тем самым в языке заложен реализуемый в речевой деятельности потенциал к самоинтерпретации и самоописанию. В современном языкознании распространилась широкая трактовка *метаязыка*, в соответствии с которой он выходит за рамки средства научного (лингвистического) постижения и фиксации языковой реальности, включая в свой объем все многообразие контекстов, референциально относящихся к коду или отдельным его компонентам. Ярким примером может служить употребление метаязыкового слова *смысл*. Будучи одним из основных терминов семантики, *смысл* взят из обыденного языка [Кобозева 1991: 183]. В настоящий момент он подтвержден активной терминологизацией в рамках предметного поля когнитивной лингвистики [Романова, Колчина 2023: 194]. Одновременно слово «смысл» продолжает широко использоваться в обыденной речи (прежде всего, в его так называемом «семиотическом значении»). При этом *смысл* выступает в качестве компонента разного рода метаоператоров.

В настоящей статье мы обратимся к изучению метапоказателей, образованных по модели «в N-м смысле (слова)». В фокусе внимания оказываются определения к слову «смысл». Актуальность проведенного исследования определяется тремя основными факторами: 1) ростом научного интереса к проблеме естественного метаязыка; 2) тенденцией к увеличению в речи объема метаязыковых высказываний; 3) продуктивностью в коммуникативной практике модели «в N-м смысле (слова)». Цель работы заключается в реконструкции образа «смысла», сформированного в результате деятельности обыденного метаязыкового сознания.

Необходимо отметить, что метапоказатели, построенные по модели «в N-м смысле (слова)» ранее выступали предметом лингвистических исследований. Они изучались в сопоставительном аспекте (с метаоператором «в N-м значении (слова)») [Кобозева 1991; Кобозева 2000], в системном аспекте [Перфильева 2017], а также рассматривались особенности функционирования одного из наиболее частотных метаоператоров «в хорошем / плохом смысле (слова)» [Иванова 2008; Вепрева 2009; Шилихина 2017]. Специфика нашей работы состоит в описании комплексного ментального образа *смысла*.

Исследователями отмечались практически неисчерпаемые ресурсы определений к *смыслу* [Кобозева 2000: 348]. Многообразие последних говорит о важности данной категории в жизнедеятельности человека. Ввиду того, что «в „судьбе“ *смысла* человек и его действия играют активную роль ...» [Там же: 354], он приобрел «человеческое лицо», о чем свидетельствуют его определения.

Анализ эмпирического материала показал, что определения *смысла*, выходят за рамки представлений о нем как об исключительно ментальном образовании. В образе *смысла*, сформированном обыденным метаязыковым сознанием, четко выделяются два когнитивных блока: сенсорный и ментальный. Каждый из блоков имеет в своем составе содержательные кластеры, в которых структурированы обыденные представления о *смысле*.

Проникновение в образ начнем с определений, относящихся к сенсорному блоку. Сам факт его существования свидетельствует о значимости для наивной картины мира чувственного восприятия действительности в процессе познания окружающей действительности. В сенсорном блоке мы выделяем два кластера: пространственный и темпоральный. Множество определений *смысла* строятся на пространственной метафоре. Представления об объеме содержания слова, как правило, концептуализируются на горизонтальной оси пространства: *И просто как женщина в узком смысле слова она не зажигает меня – эротика нет ни на грош* (Ю. Безелянский. «В садах любви»); *Для того, чтобы сделать беспилотник в широким смысле слова, совершенно необязательно переделывать всю начинку машины ...* (А. Дегтярева «Футурология и искусственный интеллект»). Представления о сложности (важности) содержания разворачиваются на вертикальной оси пространства, укладываясь в дихотомию «глубина / поверхность»: *Украина была частью его родины в самом глубоком смысле этого слова* (Е. Водолазкин «Брисбен»); *В этих ножницах и прячется вся прелесть той части пришевинского литературного наследия, что была равнодушна к идеологии в поверхностном смысле слова ...* (А. Варламов «Пришвин или Гений жизни»). Даже через такие определения смысла, как *прямой* и *переносный*, которые, казалось бы, близки профессиональному взгляду на содержание знака (ср. термины *прямое* и *переносное значение*), проступает геометрия пространства («прямой») и идея перемещения в нем («переносный»): *Жара здесь может испечь мозг в самом прямом смысле – многие падают от солнечного удара* (М. Шишкин «Письмовник»); *Именно тебя надо время от времени подкармливать мармеладом – в переносном смысле* (И. Калабухова «Приключение длиною в сорок пять лет»).

Темпоральные определения *смысла* встречаются значительно реже. По всей видимости, это связано с высоким уровнем абстракции, необходимым для постижения категории времени. Через темпоральные определения *смысла* четко видна его «культуроцентричность». В приводимых примерах «современный» и «старый» лишь номинально воспроизводят темпоральный признак. Они ориентированы на передачу признака культурно-исторической эпохи, к которой относится формирование смысла знака: *Впрочем, водки в современном смысле слова в России не существовало до конца XIX столетия ...* (Ю. Демиденко «Что пили в старом Петербурге»); *Я чувствовала себя писательницей, но не в старом смысле слова, когда писали книги ...* (А. Слаповский «100 лет спустя. Письма нерожденному сыну»).

В ментальном блоке образа *смысла* нами выделяется четыре основных кластера: оценочный, эмоциональный, когнитивный и лингвосемиотический. Размышляя умозрительно, без опоры на эмпирику, современный человек, связывающий смыслорождение с разумом (мышлением), ожидает, что в определениях *смысла* будут превалировать его рациональные характеристики. Однако по данным обыденного метаязыка на первый план в фиксации и определении смысла выходит эмоци-

онально-оценочная сфера личности. До 30 % всех определений *смысла* содержат его выраженную оценку. Особенно многочисленны среди них контексты с общеоценочной семантикой (разделение по шкале «хороший / плохой»): – *Вы русский? – спросил меня Курт, и я кивнул. Он улыбнулся: – Я ведь в хорошем смысле спрашиваю. Предполагался, оказывается, и плохой* (Е. Водолазкин «Служба попутчика»); *Личность примечательная – хотя и не в лучшем смысле слова* (Е. Водолазкин «Оправдание Острова»).

Определения эмоционального кластера прямо называют эмоцию, которая ассоциируется у говорящего со смыслом конкретного слова: *Он был настолько великолепен, что прокурорша, баба холодная, светская в самом страшном смысле слова ... при первом взгляде на Мака сбросила лет двадцать и вела себя чертовски естественно ...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Обитаемый остров»); *По справедливости, их можно б назвать детьми природы в самом печальном смысле этого слова* (М. Венюков «Очерки Заилийского края и Причуйской страны»).

В определениях когнитивного кластера центр тяжести смещается в сторону собственно мыслительного акта. Говорящий передает оценку смысла с точки зрения его «сложности / простоты», а также когнитивных усилий, связанных с постижением компонентов содержания того или иного знака: *Саша вообще очень часто встречал среди «союзников» ребят душевных, добрых – в самом простом смысле этого слова* (З. Прилепин «Санькя»); *Отдуваясь, Гош лежал, глядя в небо, и пытался расшифровать загадочный смысл фразы «...где разбитые мечты обретают снова силу высоты»* (О. Дивов «Молодые и сильные выживут»).

Наконец, в рамках лингвосомиотического кластера определения отражают представления о смысле как о феномене, который имеет непосредственное отношение к языку. В большинстве из них раскрываются особенности отношений между означающим и означаемым знака. Ввиду того, что наивная лингвистика отстаивает принцип мотивированности знака, определения этой группы, как правило, направлены на поиск соответствия между знаком и закрепленным за ним смыслом: *Это не была биография в строгом смысле слова. Скорее уж фантастический рассказ ...* (Е. Водолазкин «Чагин»); *Но настоящую писательскую жену – в самом подлинном смысле этого слова – я встречал только один раз в жизни* (Ю. Поляков «Козленок в молоке»). Ядро метаоператоров этого кластера формируется при помощи определения *буквальный*, сквозь внутреннюю форму которого проступает система записи знаков: *Смерть Андропова родители в буквальном смысле оплакивали* (Р. Сенчин «Дождь в Париже»).

Таким образом, обыденное метаязыковое сознание создало *смысл* «по образу и подобию человека». Он лежит не за пределами, а внутри человеческой личности. Его образ формируется на пересечении значимых концептуальных структур, относящихся к восприятию пространственно-временного континуума, а также структур, связанных с функционированием эмоционально-оценочной, когнитивной и языковой сфер деятельности человека.

Литература

Вепрева И.Т. Метаязыковой взгляд на любимые и нелюбимые слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч.1. С. 202-227.

Иванова М.Е. Семантико-прагматический потенциал метапоказателя в хорошем смысле слова // Комментарий и интерпретация текста. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2008. С. 320-329.

Кобозева И.М. «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 183-186.

Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303-359.

Перфильева Н.П. Семасиологические метапоказатели как система // Вестн. НГУ. Серия: история, филология. 2017. Т. 16. № 9: Филология. С. 49-57.

Романова Т.В., Колчина О.Н. Формирование терминологического значения лексемы смысл // Познание и язык: через видимость и сущность: сборник научных трудов Кн. 52. Вып.1. Тамбов: Державинский, 2023. С. 194-199.

Шилихина К.М. Метаязыковая оценка смысла слова носителями русского и английского языков // Сопоставительные исследования-2017. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2017. С. 166-170.

М.А. Kravchenko (Rostov on the Don, Russia)

Rostov State Transport University

ON THE MEANINGS OF MEANING ACCORDING TO EVERYDAY METALANGUAGE DATA

The article reconstructs the image of meaning based on the analysis of definitions used as variables in the meta-operator model “in the N-sense (of the word)”. In the image formed by everyday metalanguage consciousness, it is possible to distinguish two cognitive blocks: sensory and mental. Each block contains meaningful clusters which structure everyday ideas about meaning.

Key words: metalanguage, meta-operator, metalanguage consciousness, conceptualization, meaning

Е.А. Красикова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

krasikova.liza@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МНОГОМЕРНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ПЛАЧА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Статья посвящена анализу лексических единиц, обозначающих плач, и когнитивных оснований их семантики в китайском языке. Рассматриваются ядерные иероглифические знаки, описывающие плач, а также их вариативность и эмоциональные оттенки. Показано, что глаголы плача в китайском языке группируются на основе концептов, входящих в концептуальную внутреннюю форму (КВФ) иероглифического знака. Концептуальное основание лексико-семантической группы (ЛСГ) эмотивных глаголов плача (как и сама лексическая категория) об-

ладает многомерностью и способностью к динамичной перестройке, формирующей небольшие пересекающиеся подгруппы в ЛСГ. Вывод важен для дальнейшего изучения категоризации и семантики эмоций.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, эмотивные глаголы плача, китайский язык, концептуальные структуры

В рамках когнитивного подхода к анализу языка особое внимание исследователей привлекает проблема категоризации и языковой таксономии [Кубрякова 1992, Беляевская 2008, Болдырев 2016, Гольдберг 2012 и другие]. В данной статье предпринята попытка изучить когнитивные основания формирования лексической категории глаголов плача в китайском языке и рассмотреть структуру этой категории, оценив, по возможности, ее отличия от имеющихся данных о ЛСГ европейских языков.

В китайском языке глаголы плача и связанные с ними слова не только описывают физическое действие, но и отражают когнитивные и культурные аспекты восприятия эмоций [Zuo Ya (左娅) 2021; 2022]. В тематическом словаре 现代汉语动词分类词典 (1994) под тематической группой глаголов плача в китайском языке понимается «категория глаголов, которая выражает значение слез, вызванных болью, печалью или эмоциональным возбуждением 本类收表示因痛苦悲哀或感情激动而流泪发声意义的动词» [现代汉语动词分类词典 1994: 132]. В китайском языке существует множество лексических единиц, которые обозначают плач. Эти глаголы могут быть сгруппированы по различным критериям, включая интенсивность, эмоциональную окраску и контекст использования. Однако даже первичная классификация показывает, что в китайском языке данная ЛСГ строится как иерархическая структура, в основе которой находится небольшая группа слов, выражающих ядерные понятия. При помощи таких лексикографических источников, как 汉字形义分析字典 (1999), 新华大字典 (2015) и др. нами было отобрано 4 односложных ядерных глагола плача: 哭 *плакать*, 泣 *беззвучно плакать*, 啼 *рыдать*, 嚎 *выть*, которые открывают синонимические ряды многосложных глаголов плача в китайском языке. На основе проведенного анализа семантики и этимологии обозначений плача, входящих в категорию, удалось зафиксировать следующие блоки концептуальных параметров категоризации глаголов плача в китайском языке: 1) звуковая характеристика плача (вокализация); 2) физическое проявление; 3) актер 4) каузация; 5) ситуация 6) адресат.

Следуя теории Беляевской Е.Г. о когнитивно-доминантном принципе классификации лексического состава языка [Беляевская 2008], нами были выделены базовые концепты (далее БК) и – далее – концептуальные операторы (КО), формирующие когнитивное основание для семантического поля глаголов плача в китайском языке (см. рис 1).

На основе комплексного анализа словарных толкований ядерных глаголов плача, включая их этимологию, а также изучения деривационных возможностей ядерных знаков были выделены следующие группы глаголов плача в китайском языке.

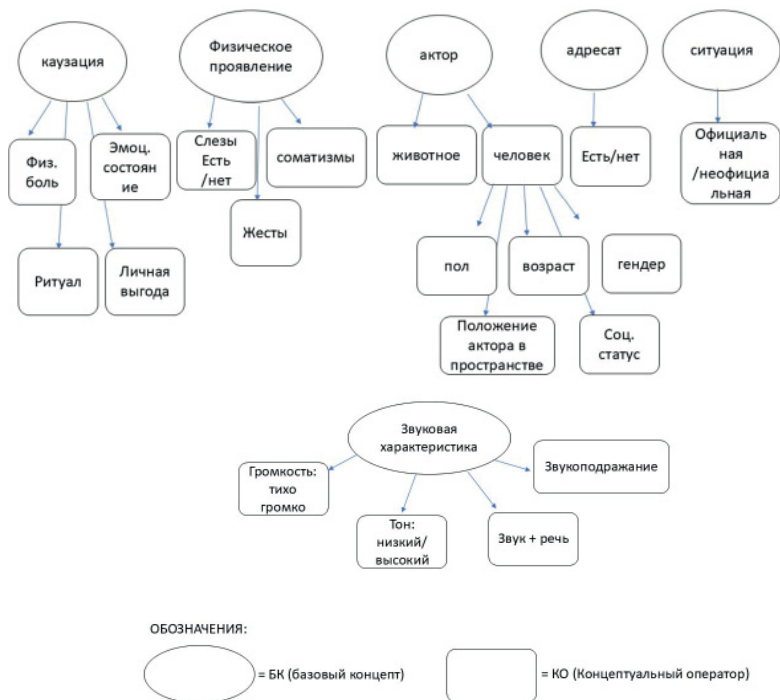

Рис. 1. Когнитивное основание семантического поля глаголов плача в китайском языке

1. К ядерным глаголам, которые акцентируют внимание говорящего на **звуковой** характеристике плача относятся 哭, 嚎, 啼, 号:

Звук + речь: 干嚎 причитать, рыдать без слез, 而号曰 проговорить с громким плачем, 哭诉 плакаться (жаловаться) и т.д.

Звук + эмоция: 哀哭 убиваться (от горя), 恸哭 горько плакать, 痛哭 рыдать (от боли), 哀嚎 стенать, 悲啼 вопить от горя и т.д.

Звук + соматизм: 呜咽 1) всхлипывать; *звукоподражание всхлипыванию (от плача)* 2) журчать; *звукоподражание журчанию воды* и т.д.

Явное звукоподражание: 呜呜 wū o-o! (*звукоподражание всхлипыванию, плачу; восклицание сожаления печали, напр. по поводу утраты, смерти близкого*); 呱呱 guāguā, gūgū 1) ква-ква!; (*подражание кваканью, кряканью, птичьему гоготанью и т. п.*); 呱呱, квакать, гоготать 2) плач ребенка; уа-уа!; горько плакать; 汪汪 wāngwāng 1) со слезами на глазах 2) *подражание лаю собак*; гавкать; 汪汪 huānghuāng 1) рыдать, плакать навзрыд; *подражание детскому плачу* 2) бум!, дон!; *звукоподражание ударам барабана, колокола* и т.д.

Неявное звукоподражание: 哭 плакать (звукоподражание лаю собаки), 啼 рыдать (рев тигра), 嚎 выть (вой животных, птиц), 号 громко плакать, рыдать; говорить с плачем; голосить проговорить с громким плачем 2) кричать, петь (*о птицах*); запевать, вести голос (*о певце*); реветь, рычать, выть (*о звере*).

2. К ядерным иероглифическим знакам, которые акцентируют внимание говорящего на **соматическом** проявлении плача относятся 泣, 泪, 涕:

Действие + слезы: 落泪 лить слезы; плакать, 洒泪 орошать слезами, 流泪 проливать (ронять) слезы, 流涕 лить слезы (сопли) и т.д.

Слезы + эмоция: 哀泣 скорбно плакать (со слезами беззвучно), 悲泣 плакать от горя, 感泣 растрогаться до слез и т.д.

Слезы + речь: 泣谏 слезно укорять, со слезами обличать, порицать (*государя*) и т.д.

Дыхание + слезы: 啜泣 всхлипом плакать, 呼号 hūháo плакать, причитать, вопить, кричать и т.д.

Соматизмы: 抽泣 плакать навзрыд (всхлипывая), 饮泣 yǐnqì глотать слезы, беззвучно плакать, 掩泣 плакать, закрыв руками лицо, 悲咽 рыдать, рыдания; захлебнуться слезами и т.д.

3. Глаголы плача за которыми закреплена определенная **ситуация с целью воздействия на адресата:**

Ритуал: 哭丧 оплакивать, (голосить) по умершему, 嚎丧 голосить по умершему и т.д.

Порицание вышестоящего: 泣谏 слезно укорять, со слезами обличать, порицать (*государя*) и т.д.

Предупреждение (сигнал об опасности): 夜啼 ночной плач [ребенка] (*якобы симптом врожденной болезни сердца*) и т.д.

В целом, можно утверждать, что глаголы плача в китайском языке можно разделить по двум основным параметрам: звуковому и соматическому. Ядерными иероглифическими знаками, которые открывают синонимические ряды звуковых глаголов, являются 哭 плакать, 啼 рыдать, 嚎 выть, 号 голосить, а также звукоподражательные знаки. К соматическим ядерным единицам относятся 泣, 泪, 涕. Для китайских глаголов плача характерен такой когнитивный параметр, как воздействие на говорящего с определенной целью, поэтому с вышеуказанными ядерными знаками сочетаются другие иероглифические знаки, в КВФ которых скрыты концептуальные операторы, указывающие на цель, субъекта и его характеристики, каузацию, плача и т.д.

В заключении отметим, что ЛСГ глаголов плача в китайском языке конструируется на многомерном концептуальном основании, которое активно перестраивается для формирования новых смыслов. Подгруппы ЛСГ – небольшие и пересекающиеся; они отражают разнообразие человеческого опыта, связывая эмоциональные состояния с культурными контекстами. Этот вывод позволяет получить новые данные о языковой картине мира в китайском языке, о фоносемантике китайского языка, и о когнитивных механизмах, лежащих в основе эмоциональных реакций, закрепленных в акте номинации.

Литература

Кубрякова Е.С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М.: Яз. славян. культуры, 1992. С. 4-38.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. М.: Директ-Медиа, 2016.

Беляевская Е.Г. Компонентный анализ VS концептуальный анализ // Вестник московского государственного лингвистического университета. 2008. Вып. 554. С. 140-146.

Гольдберг В.Б. Виды лексической категоризации как когнитивная основа языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. 2012. № 10. С. 151-173.

Zuo Ya (左姪), Male Tears in Song China (960-1279). 中國文化研究所學報, (2021), (73), 33-79. DOI: 10.29708/JCS.CUHK.202107_(73).0002

Zuo Ya (左姪). Collecting Tears: Lachrymation and Emotions in the Taiping Collectanea // Oriens Extremus. 2022. Vol. 59. Issue 1. Pp. 225-279.

现代汉语动词分类词典, 郭大方一吉林: 吉林教育出版社, 1994 年, 562 页。

汉字形义分析字典/曹先掘、苏培成主编•一北京: 北京大学出版社, 1999年, 736 页。

新华大字典 一北京: 商务印书馆国际有限公司, 2015 年, 1352页。

E.A. Krasikova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

COGNITIVE STRUCTURES UNDERLYING MULTIDIMENSIONAL LEXICAL CATEGORIES (BASED ON EMOTIVE VERBS OF 'CRYING' IN CHINESE)

The article is devoted to the analysis of lexical units denoting crying and the cognitive foundations of their semantics in the Chinese language. Nuclear hieroglyphic signs describing crying, as well as their variability and emotional shades are considered. It is shown that the verbs of crying in Chinese are grouped on the basis of concepts included in the internal conceptual form of the hieroglyphic sign. The conceptual basis of the lexico-semantic group of emotive crying verbs (as well as the lexical category itself) has multidimensionality and the ability to dynamically rearrange, forming small overlapping subgroups in the lexico-semantic group. The conclusion is important for further study of categorization and semantics of emotions.

Key words: cognitive linguistics, categorization, emotive crying verbs, Chinese language, conceptual structures

Д.Ю. Кулешова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

kuleshova7v@yandex.ru

КОНЦЕПТ ОЦЕНКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье анализируется метафоризация концепта ОЦЕНКА и ее влияние на восприятие и интерпретацию оценочных суждений. На материале английского языка и данных интернет-мониторинга исследуются контексты, которые активизируют когнитивные механизмы, способствующие концептуализации абстрактного понятия «оценка». Результаты работы

открывают новые перспективы для изучения когнитивных процессов, лежащих в основе языкового выражения человеческого опыта.

Ключевые слова: концепт ОЦЕНКА, концептуальная метафора, концептуальная интеграция, концептуализация, метафорические модели

Концептуальная метафора играет ключевую роль в формировании понимания мира и взаимодействии с ним, позволяет осмысливать абстрактные идеи через более конкретные и знакомые образы и, тем самым, упрощает сложные концепты, делает их доступными для восприятия. В рамках теории концептуальной метафоры абстрактные идеи соотносятся с областью-источником (source-domain), а конкретные с областью-целью (target-domain) [Lakoff, Johnson 1980].

Однако в некоторых случаях двупространственной модели не достаточно для описания метафорической структуры, требуется модель, опирающаяся на четыре и более областей (domains, spaces). Многопространственная модель распределяет роли между двумя входными пространствами («источником» и «целью» в метафоре), а также между двумя средними пространствами – общим пространством (generic space), которое содержит структуру, применимую к обоим входным пространствам, и смешанным пространством (blended space), которое представляет собой интегрированное пространство. Смешанное пространство часто включает в себя структуру, не проецируемую на него ни из одного из входных пространств [Turner, Fauconnier 1995].

В английском языке метафоризация концепта ОЦЕНКА проявляется в богатом разнообразии языковых выражений, отражающих культурные и социальные аспекты жизни носителей языка. Под концептом мы понимаем «структурно-содержательную единицу сознания, отражающую совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли» [Пищальникова 2010].

Важно отметить, что феномен оценки имеет двунаправленный характер: процесс речемыслительной деятельности и ее результат. Также есть основания считать оценку универсальной категорией, поскольку, придавая окружающий мир оценке в своем сознании, каждый человек, так или иначе, субъективизирует его. Однако это не означает абсолютное различие видения объективного мира, различными являясь лишь восприятие и концептуализация [Костарева 2014: 28].

На основе контекстуального анализа примеров оценочных высказываний среди моделей метафоризации концепта ОЦЕНКА можно выделить следующие:

Оценка как измерение. Оценка представляется как количественное измерение, где «баллы», «графики», «линейки» служат метафорами для оценки качества, а также как процесс сравнения с определенной нормой или стандартом: *He scored high on the test; Her performance was off the charts; She really measures up to my expectations; His grades are a yardstick for his academic progress; He's just trying to score points with the boss.*

Оценка как вес. Оценка концептуализируется как вес, что подчеркивает значимость или влияние определенной идеи или мнения и может быть представлена

через образы тяжести, нагрузки и баланса: *That idea carries a lot of weight; His opinion doesn't hold much value; The weight of his expectations is crushing him.* Метафора помогает передать эмоциональный и когнитивный смысл оценочных высказываний, связывая их с физическими ощущениями тяжести и давления.

Оценка как высота. Состояние счастья и удовлетворения, ассоциируемое с высоким уровнем эмоций: *Her spirits soared when she heard the good news; He felt like he was walking on air after his promotion; Their excitement reached new heights during the festival; After the performance, her confidence was sky-high; She felt on cloud nine after receiving the good news.*

Оценка как темнепамята: *The atmosphere at the reunion was warm and inviting; After their argument, things felt chilly between them; The tension in the room was palpable, like a thick fog; Their friendship turned cold after the misunderstanding; The atmosphere at the party was freezing after the argument.*

Оценка как уровень воды метафорически описывает снижение/повышения уровня уверенности, энтузиазма, надежды, терпения и других чувств: *His patience was running dry after the long wait; Her enthusiasm was at an all-time low during the meeting; After the success, his self-esteem was overflowing; With each setback, her hope felt like it was sinking; His confidence was running low after the series of failures.*

Оценка как экономическая транзакция. Оценка может ассоциироваться с экономическими сделками, где стоимость и ценность являются ключевыми элементами: *I don't think that proposal is worth the money; you get what you pay for; her opinion is worth its weight in gold.*

Оценка как конкуренция может быть представления в контексте соревнования, где люди или идеи сравниваются друг с другом: *She is in the running for the promotion; he is a top contender for the award.*

Оценка как путь или направление воспринимается как процесс движения или изменения направления: *We need to reassess our strategy; let's take a step back and evaluate our options.*

Оценка как дорога метафорически указывает на верное или неверное направление в жизни: *After finding his passion, he felt he was finally on the right path; She realized she had taken a wrong turn in her career; His journey to success had its bumps along the way; They were on a collision course with failure if they didn't change.*

Оценка как состояние или уровень ассоциируется с состоянием, которое можно оценить по шкале качества, например: *her performance was subpar; the project is at risk of failing; he is on thin ice with his boss.* Грамматическая конструкция 'to be on thin ice' подразумевает, что определенные действия могут привести к негативным последствиям, что является формой оценки положения.

Оценка как игра. Метафора «игры» помогает выразить идеи оценки в различных контекстах, подчеркивая стратегию, риск и социальные взаимодействия, где риск может подразумевать негативную оценку подхода или стратегии: *He knows how to play the game; He's playing a dangerous game; She played her cards right during the interview;*

She's always playing for keeps; you have to know the rules of the game. Метафора указывает на важность понимания контекста и критериев, по которым происходит оценка, будь то в деловых или личных отношениях. Выражение *It's a high-stakes game* говорит о ситуации с высоким риском, где результаты действий могут привести к значительным последствиям, что подразумевает серьезную оценку ситуации. Необходимость соблюдения установленных стандартов и критериев оценки, чтобы обеспечить справедливость: *Don't change the rules in the middle of the game.*

Таким образом, приведенные примеры концептуальных метафор с центральным концептом ОЦЕНКА иллюстрируют многообразие метафорических моделей, где оценка выступает не только как результат, но и процесс речемыслительной деятельности.

Литература

Костарева Е.В. Особенности концепта «Оценка» и возможные этапы его объективации // Вестник Пермского университета. Серия: российская и зарубежная филология. 2014. №1 (25).

Пицальникова В.А. Концепт // Большая российская энциклопедия. М.: Автономная некоммерческая организация «Национальный научно-образовательный центр «Большая российская энциклопедия», 2010. Т. 15.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

D.Y. Kuleshova (*Moscow, Russia*)

Moscow State Linguistic University

THE CONCEPT *EVALUATION* IN THE ASPECT OF COGNITIVE MECHANISMS OF CONCEPTUAL METAPHORIZATION (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

This article analyzes the metaphorization of the concept *EVALUATION* and its impact on the perception and interpretation of value judgments. Based on the English language and Internet monitoring data, contexts that activate cognitive mechanisms that contribute to the conceptualization of the abstract concept of “assessment” are being investigated. The results of the work open up new perspectives for studying the cognitive processes underlying the linguistic expression of human experience.

Key words: concept *EVALUATION*, conceptual metaphor, conceptual integration, conceptualization, metaphorical models

А.Ю. Кутимская (*Иркутск, Россия*)

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
alina.kutimskaia@yandex.ru*

БАЗОВЫЙ УРОВЕНЬ ТАКСОНОМИИ КОНЦЕПТОВ РУССКОГО БАНКОВСКОГО ДЕЛА

В статье рассматривается базовый уровень концептов банковского дела (на примере русского языка). Базовый уровень это одной из фундаментальных понятий таксономического анализа, применяемого в когнитивной лингвистике. Основателями этой теории в России яв-

ляются Н.Н. Болдырев и его ученики. Приводятся примеры таксономического моделирования базовых концептов банковского дела. Подобный вид моделирования является упрощенным и не может учитывать все нюансы сложных семантических взаимоотношений границ категорий концептов.

Ключевые слова: концептуально-таксономический анализ, базовый уровень, прототипы, критика таксономического моделирования

Метод концептуально-таксономического анализа был предложен и получил разработку в работах Н.Н. Болдырева и его учеников [Бабина 2013]. Согласно Болдыреву, концептуально-таксономический анализ – это «система приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов с учетом концептуальной иерархии, т.е. иерархии концептов, передаваемых этими лингвистическими объектами» [Болдырев 2009: 51]. Тот или иной концепт возникает в связи с появлением новых смыслов, он является отражением мыслительных процессов, которыми и занимается современная лингвистика. Концепт является итогом интеллектуальной деятельности, связанной с процессами категоризации, которая в свою очередь занимается распределением и группировкой концептов. Одним из основных процессов здесь можно назвать таксономическое моделирование, структура которого, по мнению М. Белау, основана на концептуальной иерархии, отражающей межуровневую дифференциацию основных характеристик концепта [Белау 2009]. По этой логике в основе таксономической классификации средств репрезентации того иного концепта лежит таксономия или иерархическое распределение его характеристик. В рамках современного прототипического подхода конструирование когнитивных таксономий сводится к построению разноуровневой модели, связи в которой обусловлены иерархическими отношениями. При этом вводятся понятия *высшего уровня, срединного и низшего*, а также определяются концепты, соотносимые с этими уровнями. Основательница прототипического подхода Э. Рош дала следующие определения этим понятиям: высший уровень определен как «суперординатный», средний как «базовый» и низший как «субординатный». Ведущую роль в понимании процессов категоризации играет, по мнению Рош, срединный или базовый уровень. Он является психологически наиболее значимым и выполняет ведущую роль в понимании и осуществлении процессов концептуализации и категоризации [Rosch 1978].

Базовый уровень является наиболее типичным, часто используемым и когнитивно доступным уровнем для носителей языка. Он находится между обобщающим супеординатным и специфическим субординатным. Именно на этом уровне происходит основная категоризация и понимание понятий, связанных с банковским делом. Этот уровень обладает некоторыми когнитивными и лингвистическими особенностями.

Рассмотрим некоторые из них:

Оптимальный уровень информативности. Концепты на базовом уровне предоставляют достаточно информации для различения объектов или понятий. Они обеспечивают оптимальный баланс между общностью и специфичностью.

Максимальная когнитивная доступность. Концепты базового уровня легче и быстрее распознаются и обрабатываются мозгом. Они требуют меньше когнитивных усилий.

Распространенность в языке. Концепты базового уровня чаще «овнешняются» с помощью языка в повседневной речи, чем концепты суперординатного и субординатного уровней.

Естественная категоризация. Люди склонны естественным образом категоризировать объекты на базовом уровне.

Культурная значимость. Все уровни категоризации отражают культурные особенности и традиции народа. На базовом уровне это процесс происходит чаще и наиболее ярко.

Рассмотрим некоторые основные концепты базового уровня банковского дела. На базовом уровне таксономии концепты можно разделить на несколько основных групп, отражающих ключевые виды банковских услуг и продуктов.

СЧЕТА И ВКЛАДЫ. *Банковский счет (расчетный счет, текущий счет)* – основной инструмент для хранения и проведения денежных операций. *Вклад (депозит)*: инвестиционный инструмент для размещения денежных средств с целью получения дохода. *Сберегательный счет*: счет для хранения сбережений с возможностью начисления процентов.

КРЕДИТЫ. *Потребительский кредит*: кредит на личные нужды. *Ипотека*: кредит на покупку недвижимости. *Автокредит*: кредит на покупку автомобиля. *Кредитная карта*: кредитный инструмент для совершения покупок в кредит. *Бизнес-кредит*: кредит для развития бизнеса.

ПЛАТЕЖИ И ПЕРЕВОДЫ. *Банковский перевод*: перевод денежных средств между счетами. *Платеж*: оплата товаров и услуг через банк. *Онлайн-платеж*: платеж через интернет-банк или мобильное приложение. *Система быстрых платежей (СБП)*: сервис для мгновенных переводов по номеру телефона.

БАНКОВСКИЕ КАРТЫ. *Дебетовая карта*: карта, привязанная к банковскому счету. *Кредитная карта*: карта, позволяющая пользоваться кредитным лимитом. *Виртуальная карта*: бесплатная карта для онлайн-покупок. *Инвестиционные продукты*: вложения с целью получения дохода.

ЦЕННЫЕ БУМАГИ: *акции, облигации и другие финансовые инструменты.* *Инвестиционный фонд*: инструмент для коллективных инвестиций.

ДРУГИЕ УСЛУГИ: *банкомат*: устройство для снятия наличных и выполнения других банковских операций. *Интернет-банк (онлайн-банк)*: система для управления счетами через интернет. *Мобильный банк (мобильное приложение)*: приложение для управления счетами.

Базовый уровень может варьироваться в зависимости от контекста, опыта и уровня знаний человека. Например, для профессионального банкира «инвестиционный фонд» может быть субординатным уровнем, а «ценные бумаги» – базовым.

Прототипичность. Внутри базового уровня существуют прототипы. Н.Н. Болдырев в своей книге «Когнитивная семантика» определяет прототип как «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержа-

ние, концепт категории или наиболее яркого ее представителя, элемента». Подобные концепты могут считаться более типичными, чем другие.

В заключение, базовый уровень – это фундаментальное понятие в таксономическом анализе, которое отражает наиболее естественный способ категоризации объектов и понятий. Таким образом, этот уровень таксономии концептов современного банковского дела отражает основные банковские продукты и услуги, с которыми потребители сталкиваются в повседневной жизни. Таксономическое моделирование – это мощный инструмент для анализа языковых данных и понимания когнитивных процессов, лежащих в основе человеческого языка. Однако, важно помнить, что такие модели являются упрощенными представлениями сложной реальности человеческого познания. Они могут не учитывать все нюансы семантических отношений и расплывчатости границ категорий.

Литература

Белау М.Ю. Глагольная таксономическая модель концепта «Самостоятельное перемещение субъекта» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов 2009.

Бабина Л.В., Буданцева Н.А. Глагольная таксономическая модель и функциональный аспект ее изучения (на примере глаголов зрительного восприятия) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 82-89.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25-77.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014.

Rosch E. Cognition and Categorisation. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Hillsdale, 1978.

A.Ju. Kutimskaja (Irkutsk, Russia)

Irkutsk National Research Technical University

THE BASIC LEVEL OF THE TAXONOMY OF RUSSIAN BANKING CONCEPTS

The article examines the basic level of banking concepts (using the example of the Russian language). The basic level is one of the fundamental concepts of taxonomic analysis used in cognitive linguistics. The founders of this theory in Russia are N.N. Boldyrev and his students.

Key words: conceptual and taxonomic analysis, basic level, prototypes, criticism of taxonomic modeling

У.Л. Кушеновская (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский государственный педагогический университет
sj@7ngs.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

В последнее время наблюдается не только повышенный интерес исследователей к процессам лингвокреативности, но и тенденция роста лингвокреативных процессов в разных типах дискурса, что обусловлено различными причинами, рассматриваемыми в статье. В статье

анализируются когнитивные механизмы, лежащие в основе лингвокреативности и актуализирующиеся при столкновении реципиента с лингвокреативными единицами.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, дискурс, когнитивно-дискурсивный подход, лингвокреативность, когнитивные механизмы

Антропоцентрическая парадигма в современных исследованиях, т.е. обращение интересов к фактору человека в языке, привлекла внимание исследователей и к проявлению языковой личностью ее творческого начала. Следует заметить, что это творческое начало стало в последнее время заметно проявляться на всех уровнях языковой системы в различных типах дискурса.

Причины возрастающей креативности могут косвенно быть вызваны перенасыщенностью постоянно поступающей информацией, ее избыточностью и предсказуемостью, а также своего рода пресыщенностью существующей языковой системой, которая достаточно ригидна с ее конечным набором имеющихся единиц и правил и не представляет языковой личности разнообразия проявления своего «я». Несомненно, некоторая избыточность и предсказуемость являются необходимыми дискурсивными характеристиками любого речевого произведения для обеспечения успешной коммуникации (согласно В. Дресслеру и Р. де Богранду, выделившим семь критериев текстуальности), однако, она неизбежно снижает новизну текста и, как следствие, его привлекательность как для автора, так и для реципиента, так как текст, простой и понятный, с одной стороны, ничем не выделяется из ряда ему подобных понятных текстов, теряясь в общем потоке постоянно поступающей информации. Во избежание этого автор обращается к различным стратегиям снижения предсказуемости, за счет эффекта отстранения, в частности, путем насыщения текста непредсказуемыми элементами.

С другой стороны, языковая личность, имея в распоряжении лишь определенный набор единиц и правил языковой системы, в процессе генерации потенциально бесконечного количества высказываний (в понимании лингвокреативности Н. Хомским) стремится варьировать предоставляемые ей языком готовые единицы, отходя от правил и нарушая их, особенно если это творческая языковая личность, обладающая врожденными творческими способностями и стремлением к самовыражению.

Наконец, общая тенденция к экономии ресурсов и средств, в т.ч. языковых, при передаче достаточного объемного количества информации выступает еще одной причиной обращения к лингвокреативности, т.е. языковая личность прибегает к упаковке большего количества информации в меньшее количество языковых средств. Вышеуказанные стратегии можно считать проявлениями лингвокреативности, к которой языковая личность прибегает с целью смыслового обогащения порождаемых ею текстов.

Говоря о когнитивных механизмах, лежащих в основе лингвокреативности, следует развести ментальные операции, происходящие в сознании творческой языковой личности на этапе кодирования смыслов, и когнитивные процессы, актуали-

зирующиеся в сознании реципиента на этапе их декодирования. Так как лингвокреативность – это двунаправленный процесс и несмотря на то, что она выступает одной из стратегий снижения предсказуемости текста и зачастую вызвана потребностью автора к творческому самовыражению, тем не менее, для обеспечения успешности коммуникации продукт лингвокреативности должен быть узнаваем, успешно, несмотря на отсрочку, декодирован и как продукт индивидуальной интерпретации мира со временем приобщен к системе коллективного знания.

Первая группа когнитивных механизмов с позиций автора включает в себя мыслительные операции первичной и вторичной категоризации, фокусирования и дефокусирования, когнитивной интеграции, биссоциации (по А. Кёстлеру), метафоризации, аналогии и девиации. Вторая группа с позиций реципиента-интерпретатора включает антиципацию, инференцию и когнитивный диссонанс (в терминах Л. Фестингера).

При кодировании единиц автором в его сознании возникает новый смысл в несколько размытом виде, так как для него в языковой системе нет точного обозначения, к которому подбирается, например, по аналогии с регулярной моделью или нарушая ее, определенное языковое оформление. Посредством сочетания различных языковых средств языковая личность запускает механизм кодирования содержания мысли. Лингвокреативная направленность мышления языковой личности играет в данном процессе важную роль, так как она позволяет создавать нетривиальные связи между старым и новым знанием и давать первичное или вторичное наименование новым объектам. Первичная и вторичная категоризации проявляются на языковом уровне в виде новых языковых единиц, неологизмов, окказионализмов, отражающих потребность человеческого сообщества в новых наименованиях появившихся объектов, процессов действительности либо созданных автором для вербализации создаваемой им картиной мира с целью содержательного обогащения языковой системы. При этом в процессе вторичной интерпретации актуализируется механизм фокусирования или дефокусирования, когда автор выделяет периферийные признаки, обыгрывая, например, внутреннюю форму слова, а ядерные, конвенциональные отходят на второй план.

Кроме того, возвращаясь к современной тенденции к упаковке большего количества информации в меньшее количество языковых средств, новые единицы вербализуют новые смыслы путем концептуальной компрессии, актуализируя механизм концептуальной интеграции. Нередко запускается механизм биссоциации, т.е. сочетание независимых, ранее не соотнесенных структур в акте творчества [Koestler 2014].

В рамках вторичной интерпретации следует отметить концептуальную метафору и аналогию как способы категоризации действительности, напрямую связанные с ассоциативным мышлением языковой личности, позволяющими автору отождествлять свойства одного предмета или явления с другим, устанавливать новые связи и улавливать в т.ч. скрытые аналогии. Здесь же следует отметить девиацию, по-

рождающую языковые аномалии (в терминах Л. А. Козловой) на различных уровнях языка не просто по принципу аналогии, а своего рода нарушая ее. Со стороны реципиента декодирование смысла креативной единицы также во многом происходит благодаря его способности к улавливанию скрытых смыслов по аналогии. При декодировании лингвокреативных единиц реципиентом в первую очередь запускается механизм инференции, что позволяет реципиенту выявить то новое, что было привнесено автором на этапе кодирования смысла [Заботкина 2022].

Предполагается, что для успешности коммуникации процесс декодирования должен быть успешным, однако, нередко инференция замысла автора вызывает затруднение, так как реципиент впервые сталкивается с новой единицей и испытывает своего рода когнитивный диссонанс (в терминах Л. Фестингера). Сознание реципиента фиксирует «существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний» [Фестингер 1999: 19] и на это требуется определенное когнитивное усилие.

Так как когнитивный диссонанс может быть продолжительным и конечное декодирование смысла может быть частично или полностью неверным, если креативная единица декодируется в отрыве от контекста и ее внутренняя форма не является очевидной, следует отметить значимость дискурса для успешного декодирования реципиентом лингвокреативной единицы. Дискурс, с одной стороны, предоставляет творческой личности пространство для творческих манипуляций с языком, позволяя претворить в жизнь потенциальные свойства языковой системы, с другой, выстраивает реципиенту условия для успешного декодирования новых смыслов. Одним из таких условий является предвосхищение или антиципация.

Таким образом, в рамках данной статьи мы рассмотрели основные когнитивные механизмы, лежащие в основе лингвокреативной деятельности языковой личности. Творческие личности, а также языковые личности, понимающие, как работают когнитивные механизмы и успешно применяющие определенные стратегии для творческого использования языка, вносят вклад в развитие и обогащение языковой системы, приращивая коллективное знание индивидуальным.

Литература

Бабина Л.В. Лингвокреативность как проявление ориентирующей функции языка (на примере словообразования) // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат.-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 160-164.

Заботкина В.И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8. Ч. 2. С. 182-192.

Козлова Л.А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 121-128.

Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. С. 15-17.

Chomsky N. For Reasons of State. London: Penguin Books, 2003.

De Beaugrande R., Dressler W. Introduction to text linguistics. London: Longman, 1981.

Koestler A. The Act of Creation. NY: One 70 Press, 2014.

*U.L. Kshenovskaya (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University*

COGNITIVE MECHANISMS OF LINGUISTIC CREATIVITY

Over the past decade, research has been marked by the increasing interest in examining linguistic creativity which, in its turn, has been flourishing in different types of discourse due to various reasons analyzed in the current paper. The article describes cognitive mechanisms underlying linguistic creativity and those actualized in the process of its decoding.

Key words: cognitive linguistics, discourse, cognitive-discursive approach, linguistic creativity, cognitive mechanisms

*Л.В. Лаенко (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
lvlaenko@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЩУЩЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена выявлению особенностей концептуализации физиологических ощущений интероцептивного типа в английском языке. Систематизируются релевантные языковые средства и способы репрезентации их образов с последующим определением трех видов концептуализации: звуковой, температурной, динамической. Делаются выводы о зависимости актуальной семантики номинаций таких ощущений от их синтаксических функций в предложении и о когнитивной значимости метафорического способа их означивания.

Ключевые слова: физиологическое ощущение, интероцепция, концептуализация, метафора

В последнее время наблюдается активный интерес лингвистики, ее когнитивного направления к разработке телесной проблематики, изучению и описанию перцептивных феноменов сквозь призму языков в силу принятого антропоцентрического подхода. Следствием такого парадигмального сдвига в науке о языке является реабилитация человеческого тела и признание его законным объектом изучения. Пришло понимание того, что интерпретация реальности и знание о ней, создаваемые и воспроизводимые в системе языковых значений, опосредствованы и в значительной мере обусловлены телесной природой человека. Значимы в данном отношении исследования семиотической концептуализации соматических объектов [Крейдлин 2010], многочисленные работы, посвященные анализу средств и способов репрезентации образов экстероцептивных ощущений, т.е. ощущений известных пяти модальностей (зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса) в языках и различных типах дискурса, начались типологические исследования болевых (ноцицептивных) ощущений в языках мира [Концепт БОЛЬ 2009].

Особый интерес в плане семантики телесности представляют менее изученные с лингвокогнитивной точки зрения, предполагающей междисциплинарный подход к решению проблемы, интероцептивные ощущения, под которыми понимаются ощущения, поступающие из внутренней среды организма и отражающие состояние

внутренних органов и частей тела. Такие ощущения перерабатываются центральной нервной системой и передают человеку сигналы о том, что происходит в его организме. Прорывом в данную проблематику по праву можно считать знаковые работы [Нагорная 2014; Яворская 2009].

Как справедливо отмечает Нагорная [Нагорная 2014: 12], «В отличие от экстероцептивного опыта, интероцептивный принадлежит исключительно субъективной сфере человека, не регистрируется приборами, не поддается объективной качественной и количественной оценке и не предоставляет никакого доступа к своему содержанию, кроме словесной репрезентации. Другими словами, интероцептивное ощущение обретает свойство реальности лишь в слове, а работа со словом требует соответствующей дисциплинарной компетентности и знания современных интерпретативных процедур, что неизбежно выводит интероцепцию в проблемное поле лингвистики».

Представляется, что каждое новое исследование такого сложного феномена может внести существенный вклад в разработку телесной проблематики по той причине, что «Совокупный интероцептивный опыт лингвокультурного сообщества консолидируется в коллективном когнитивном пространстве интероцепции, которое выступает хранилищем общих знаний о принципах устройства и функционирования внутреннего тела. Эти знания в той или иной форме усваиваются носителями определенной лингвокультуры и предопределяют спектр возможных интерпретаций внутрителесных процессов» [Нагорная 2014: 21].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании языковых средств и способов концептуализации физиологических ощущений (далее – ФО) интероцептивного типа представителями английской лингвокультуры.

Результатами решения поставленных в работе задач для достижения означенной цели являются 1) выявленные типичные синтаксические структуры речевых манифестаций ФО, 2) типы их языковой концептуализации, которые в целом носят метафорический характер (звуковая, температурная, динамическая).

Так, релевантными для манифестации ФО в английском языке являются следующие синтаксические структуры:

1) предложения типа S+V, где S – имя части тела или внутреннего органа, а V – предикат, выраженный глаголом в метафорическом значении (*I suspect Parker's head is still ringing* – голова звенит)

2) предложения типа S+V, где S – номинализация действия части тела или внутреннего органа, а V – предикат, выраженный глаголом, соответствующим коммуникативному заданию (*He thinks about the noises outside the cave last night and what the rumbling in his stomach means* – урчание в животе). В таких ситуациях функцию субъекта предложения реализует номинализация как результат перекатегоризации глагола, как правило, звукового, с реализацией значения субстантивированного события.

3) сочетания типа A+N, где A – атрибут, выраженный причастием настоящего времени, а N – имя части тела или внутреннего органа (*chattering teeth* – стучащие зубы)

4) сочетания типа N1+Prep+N2, где N1 – номинализация действия внутреннего органа, а N2 – его имя (***buzzing in the ears*** – жужжание в ушах, ***wheezing in/from the lungs*** – хрип в/из легких).

Помимо субъекта предложения, номинализации в анализируемых ситуациях реализуют также синтаксическую функцию дополнения (***you could almost hear the grinding of teeth***) либо обстоятельства (***the roar of workmen's drills is drowned out by the chattering of their teeth***). В целом, номинализируются такие типы звуковых действий, как жужжание, звон, скрежет, скрип, стук, хрип, урчание.

В каждом типе концептуализации ФО главную роль играет актуальная семантика предиката, которая и определяет тот или иной способ вербализации дискомфорта ощущений.

Наибольшей степенью востребованности характеризуется звуковая концептуализация, когда результирующий эффект переживания негативного ощущения от части/органа тела описывается посредством звуковых предикатов, репрезентирующих палитру прототипических объектов как сфер-источников звучаний для их переноса по аналогии на соответствующее ФО с последующей репрезентацией метафорического образа звучания последнего: звуки природы (журчание воды) ***Why does my stomach gurgle when I'm hungry?*** – живот булькает, журчит, урчит; звучание насекомых, животных: ***my head was buzzing with new tips and tools*** – голова гудела; ***My stomach growled*** – желудок ревел, рычал; ***his belly was no longer growling*** – живот больше не урчал; ***My teeth chatter, even if I'm not cold*** – зубы стучат; звук металлических и других предметов: ***I think my ears are still ringing from all the noise in the crowd*** – в ушах звенит; шум транспортных средств: ***your belly is rumbling*** – живот громохочет; скрип мебели (обычно рассыхающийся), звук раскалываемой скорлупы (яйца, орехи): ***my bones have begun to creak in the morning, and I won't get into too*** – кости начали скрипеть; ***bones cracked*** – кости хрустели.

Психо-физиологической основой температурной концептуализации ФО является восприятие чрезмерно высоких и низких температур. Их воздействие на тело человека проявляется в негативных ФО. Последние получают оценку посредством таких языковых средств, прямые значения которых реферируют либо к процессам горения, либо замерзания: ***it felt like his skin burned*** – кожа горела; ***she had fire in her belly*** – желудок загорелся; ***My head is boiling*** – голова закипела; ***I feel the cold in my bones here*** – холод пробирает кости; ***my face numb from the cold*** – лицо онемело.

Динамическая концептуализация. Зрительное наблюдение за движением в пространстве одушевленных и неодушевленных объектов помогает человеку моделировать языковую концептуализацию ФО. Как правило, сферой-источником движения в таких ситуациях является тело человека или конкретная его часть, на которые избирательно проецируется соответствующий тип движения. Аспект двигательной активности частей/органов тела, вызывающей дискомфорт, концептуализируется посредством таких типов действий, как вращение (***My head spins when he talks to me*** – голова кружится), бег (***My heart was racing*** – сердце забилося), колебание, тря-

ска, дрожь, вибрирование (*When he got in line behind me, my heart fluttered* – сердце трепетало), объемное увеличение размера (*It happens again during the sketch as Shannon's belly inflates after eating a catfish slider* – живот надувается) и др.

В заключение отметим, что при создании вербализаций интероцептивных ФО носители английского языка не только исходят из конвенционального языкового знания, но и опираются на другие типы знания, приобретенные опытным путем.

Литература

Крейдлиן Г.Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. №2. С. 100-120.

Концепт БОЛЬ в типологическом освещении. К.: Вид. Дім Дмитра Бураго, 2009.

Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Яворская Г.М. Звук и тело (к вопросу о языковой концептуализации физических ощущений) // Языковой образ в коммуникации: сборник научных трудов. М.: Национальный институт проблем международной безопасности при РНБОУ, 2009. С. 355-362.

L.V. Laenko (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

CONCEPTUALIZATION OF PHYSIOLOGICAL PERCEPTION IN ENGLISH

This article aims at revealing peculiarities of physiological interoceptive perception conceptualization in English. Relevant language means of their image representation are systematized, three types of their conceptualization are argued: sound, temperature, dynamic. The conclusion about the dependence of such nomination's semantics on their syntactical functions in sentences and about cognitive value of their metaphoric signifying.

Key words: language conceptualization, physiological perception, interoception, metaphor

А.В. Леонтьева (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
leontevaav@mgpu.ru*

О.В. Казаченко (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет;
Финансовый университет при Правительстве РФ
kazachenkoov@mgpu.ru*

BLACK VS WHITE SWAN: ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОГО НЮАНСИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ

Были выявлены особенности имплицитного нюансирования смыслов через непосредственное употребление метафоры «*black swan*», а также метафорические комбинации с выражением «*black/white swan*» в интернет-публикациях и названиях статей на английском языке. Кроме того, в статье уделяется внимание дихотомии черного и белого лебедя, в частности через анализ выражения «все лебеди белые».

Ключевые слова: черный лебедь, белый лебедь, имплицитный, метафора, дихотомия

Прежде всего, выражение «black swan» предстает в двух основных плоскостях: как объект действительности (*птица*) и как результат когнитивной обработки (*понятие, термин, концепция, теория, событие/события и их характер*). В толковании метафоры «black swans» в разных источниках искомые события прежде всего позиционируются и воспринимаются одновременно непредсказуемыми и оказывающими мощное влияние: *low probability/high impact events*. Подобные ключевые критерии выделяются и в работе с одноименным названием Николаса Талеба «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Очевидно, что графическое представление аспектов определения метафоры через косую черту способно демонстрировать альтернативность трактовки, либо равнозначность элементов определения, обозначая единое сложное понятие.

Постулируя концепцию черного лебедя в ракурсе непредсказуемости, ряд авторов публикаций указывают на особый характер подобной неопределенности и неопределяемости: *a rather special form of uncertainty; a form of «unknown unknowns» that produce extreme results*.

Максимальное количество контекстных употреблений метафоры «black swan» в проанализированных 238 текстах наблюдается в области финансов, политических и исторических событий, в деловой, научной и технологической сферах, в частности в контексте искусственного интеллекта, криптобизнеса. Наиболее частотные лексические комбинации: *black swan event, black swan theory, black swan problem, black swan concept, the black swan fallacy*. Формат написания метафоры «black swan» в атрибутивных словосочетаниях вариативен: встречается как дефисное написание метафоры – *black-swan event*, так и дискретное – *black swan event*. Кроме того, графически метафора представлена также разнообразно: употребляется в кавычках или без них. Употребление метафоры «black swan» самостоятельно вне дополнительных лексических сочетаний также максимально представлено, в т.ч. в форме множественного числа, например, *how to use black swans*.

В контексте публикаций на тему искусственного интеллекта и рисков технологического развития метафора «black swan» активно проявляется в отрицательном коннотативном значении, делая отсылки к цифровому рабству, снижению когнитивных способностей человека, манипулированию общественным сознанием, способному активировать масштабные конфликты.

Следует напомнить, что до XVII в. в Лондоне типичным значением выражения «black swan» было «невозможность; невероятность чего-либо», что вполне закономерно, поскольку отражало представления о существовании лебедей только белого цвета.

В песне на английском языке под названием «All swans are white» (Все лебеди белые) Глин Леманн (Glyn Lehmann) напоминает о подобном факте восприятия окраса лебедей, полагаемого единственно верным вплоть до XVII в., при этом имплицитно сообщая о том, что даже непреложный факт может быть опровергнут, и то, что понимается как абсолютная правда, может оказаться ложью:

*All swans are white we would say
 To prove something true
 No point to argue
 Now it appears all this time
 We believed in a lie*

Так и произошло, когда в 1697 г. Виллем де Вламинк, голландский мореплаватель, обнаружил черных лебедей в Западной Австралии.

Философ Джон Стюарт Милл в 1843 г. также целенаправленно использовал выражение *all swans are white* – *все лебеди белые*, т.е. уже после обнаружения черных лебедей в Австралии, для того чтобы подчеркнуть, что большое количество постоянных наблюдений способно приводить к неверному выводу [Low 2016]. Таким образом, выражение *all swans are white* имплицитно содержит **значение лжи, заблуждения**, а также **ироническую оценку шаблонного мышления, особенно носящего массовый характер**. В этом же значении фигурирует упоминание *белого лебедя* (*white swan*), в частности в словосочетании «*the white swan problem*». «Белый лебедь» употребляется также в значении «предсказуемое событие; нечто прогнозируемое» антагонистично метафоре «черный лебедь».

Имплицитное содержание в рамках смыслоформирования и смыслоформулирования при употреблении метафоры *black swan* и выводимые нюансы смысла актуализируют также **риск ошибки при утверждении невозможности/непреложности события/факта**. Важно, что имплицитные аспекты значения активируются не только автором, но и релевантно распознаются реципиентом. Важной основой является общность когнитивных контекстов, блоков знания, обеспечивающих подобное распознавание и понимание [Болдырев 2008].

Концепция черного лебедя рождает многочисленные лексические комбинации с разной степенью имплицитного содержания, порой дублирующего значение первичного словосочетания, т.е. выступая интенсификатором заложенного значения и показателем авторской оценки, например, *black swan hedge fund*. В английском языке «*hedge fund*» обозначает вид инвестиционного фонда, характеризующегося большим набором стратегий, часто агрессивных, и наличием серьезных рисков для инвесторов. Таким образом, данное словосочетание имплицитно реализует **одновременно значение риска и успеха**, возможного максимально положительного исхода. Это становится возможным благодаря синергетическому эффекту ввиду накладывания имплицитного потенциала семантики словосочетаний «*black swan*» и «*hedge fund*».

В ракурсе дихотомии черного и белого лебедя в разных контекстах интерес представляет словарная трактовка английской идиомы *in black and white*. С одной стороны, раскрывается значение «на бумаге», «в письменной форме», т.е. «черным по белому», делается отсылка к фиксации формы, отчетливости, непреложности, факту. С другой стороны, трактовка, предлагаемая в электронном словаре М. Вебстера: «in a way that involves a simple choice between two opposite things (such as good and bad or right and wrong)» прослеживается более подвижное для коннота-

тивных реализаций значение – «черное или белое», т.е. намек на ограниченность восприятия, черно-белое мышление. Сцепка черного и белого очень сильна как в символизме, так и в ахроматической палитре. Серов Н.В. напоминает, что белый «является сублимированным архетипом рационализма» [Серов 2019: 43]. *Белый лебедь* также соотносится с рационализмом, порядком, традиционностью противоположно *черному лебедю*, символизирующему непредсказуемое новое, случайность, хаос как ключевые признаки.

В статье на тему особенностей и рисков социальной реальности в сетевом обществе *черные лебеди* позиционируются как «слепые зоны» социального измерения [Подопригора 2017: 26], т.е. частично вербализуется и (имплицитно) подразумеваются **значение неясности, неоднозначности, прогнозируемости.**

Как известно, в книге Н.Н. Талеба раскрывается концепция черного лебедя в ракурсе **случайности/хаотичности (randomness) vs неслучайности, прогнозируемости vs непрогнозируемости (being unpredicted), неопределенности (uncertainty), неожиданности (being unexpected), хрупкости (fragility), знания vs незнания (antiknowledge – There are so many things we can do if we focus on antiknowledge), сильного воздействия (high impact).** Данный ракурс нелинейности и непредсказуемости преподносится как имманентная характеристика, как сущность истории, событийности: *Black swans being unpredictable, we need to adjust to their existence rather than naïvely try to predict them*). Н.Н. Талеб говорит о необходимости признать существование черных лебедей в контексте исторических событий вместо попытки их предсказать.

Black swan: the impossible bird – название статьи, содержащее отсылку к прежнему восприятию единственно возможного цвета оперения лебедей и одновременно иронию, позволяющую маневрировать нюансами смысла. В разнообразных англоязычных публикациях с использованием термина «*black swan*», в т.ч. в названиях онлайн статей, метафора реализуется в вариативном коннотативном контуре: как в положительном значении (*вероятность; возможность; взлет – possibility; opportunity*), так и в отрицательном (*пущ, неопределенность, опасность, крах – risk; fragility*). Например, *Part of what makes it interesting is the presence of risks, uncertainties, and the possibility of Black Swan events*. В данном контексте речь идет о разработке товаров, которые способны иметь как положительный результат и ошеломительный успех, так и превратиться в серьезную проблему. В названии публикации термин «*black swan*» фигурирует на первый взгляд в отрицательной коннотации, будучи представленным в избирательной ассоциативной цепочке с негативным подтекстом «*Risk, Uncertainty and Black Swans*».

Стоит отметить, что искомая метафора и вероятность (*possibility*) черного лебедя как события способны имплицитно реализовываться как в положительной, так и отрицательной трактовке, т.е. данное событие изначально содержит в себе определенную дуальность проявления: *Understanding the possibility of black swans actually provides an opportunity*. Таким образом, результаты исследования проде-

монстрировали тенденции в конструировании смыслов в рамках использования метафоры black swan. Метафора как когнитивный механизм и креативность речемыслительной деятельности человека способствуют релевантному когнитивному взаимодействию.

Литература

Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сборник научных трудов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 11-29.

Данилов С.А. «Черный лебедь» Н. Талеба как философская рефлексия рискогенного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 122-126.

Леонтьева А.В. Метафора в научном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3 (48). С. 128-133.

Подопригора А.В. Гнездо «Черного лебедя»: особенности и риски социальных измерений в сетевом обществе // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 21-27.

Серов Н.В. Символика цвета. СПб.: Страта, 2019.

Low T. Black Swan: the Impossible Bird // Australian Geographic. 2016.

Taleb N.N. The Black Swan. The impact of highly improbable. Penguin Books, 2010.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/in%20black%20and%20white>

All Swans Are White. URL: <https://songlibrary.net/All-Swans-Are-White/>

A.V. Leontieva (Moscow, Russia)

Moscow City University

O.V. Kazachenko (Moscow, Russia)

Moscow City University

Financial University under the Government of the Russian Federation

BLACK VS WHITE SWAN: PECULIARITIES OF THE IMPLIED

The study investigates peculiarities of the implied meanings of “black swan” metaphor as well as “black/white swan” multi-component word combinations in English articles and headlines of digital publications. The authors also pay attention to the dichotomy of black and white swan, analysing “all swans are white” phrase in particular.

Key words: black swan, white swan, implicit, metaphor, dichotomy

Е.А. Липина (Тюмень, Россия)

Тюменский институт повышения квалификации МВД России
lena_tyumen@inbox.ru

ПЕРИФРАЗЫ С ЦВЕТОКОМПОНЕНТОМ BLEU ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящена исследованию перифраз с цветокомпонентом BLEU в лингвоцветовой картине мира французского языка. В процессе анализа произведены: категоризация по структурно-грамматическому принципу и категоризация по принципу выявления тематиче-

ских групп. Материалом исследования послужили перифрастические выражения, отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников.

Ключевые слова: цвет, колороним, лингвоцветовая картина мира, кластерные слои, перифраза

Метаязыковые особенности описания явлений действительности, континуум семиотических знаков, коммуникативные формулы конкретного национального языка отражают механизмы когнитивных процессов, сформированного конкретным народом. Лингвокогнитология своим вниманием охватывает широкий спектр не только филологических вопросов, но и такие аспекты как: геоокружение, климатические факторы, широтную зональность, плюс социальный опыт, формирующий представления о «своем» и «ином» мире, мифологемы, архетипы, ритуалы, эталоны-антиэталоны, стереотипы, стандарты мироосмысления. Декодировка тайных смыслов, посланий и интенций носителей языка, правильная интерпретация, понимание стимулов и мотивов определяют векторы развития лингвистических теорий коммуникации. Для адекватного межкультурного взаимодействия и с целью устранения коммуникативных конфликтов ученые-лингвисты обнаруживают ментальные механизмы и мотивации того или иного этноса. Проекцию национального мировидения, согласно термину А.П. Василенко, представим при помощи дефиниции «*символярий*, проявляющий образное ассоциирование с целью раскодировки / выявления глубин денотатов и глубинных слоев устойчивых сочетаний» [Василенко 2010: 237].

Благодатным материалом для исследований особенностей национальной картины мира выступает система цветообозначений: «лексика этой зоны обладает огромной значимостью для человека и представляет собой легко выделяемую лексико-семантическую группу, в которой отражается объективное восприятие мира» [Зольникова 2015: 838]. Объемы плана выражения и плана содержания, репрезентуемых при помощи цветокомпонентов безграничны: они очерчивают особый тезаурус культуры, который эксплицитно и имплицитно выражает ценностный комплекс культуры конкретного народа. В основе данного плана выражения находится «праобраз значения и категоризации смысла чаще всего становятся в три основных концептуальных транспозиции:

- 1) природную
- 2) антропоморфную
- 3) артефактную» [Пчелинцева 2022: 36-37].

Исследование смыслов при помощи кластерного анализа путем разделения большой группы объектов на меньшие осуществляется не только в крупных лингвистических формах: в метатекстах и криптотекстах, они могут быть «сжаты» и концентрированно представлены в перифразах, фразеологизмах, идиомах, устойчивых сочетаниях слов, в пословицах, поговорках, крылатых словах и выражениях. Кластерные слои в этом случае будут формироваться на основе конкретного критерия, определим некоторые из них. Стереотипы поведения людей, скрывающих и утаивающих свои оценки, отношение к чему-либо, или развитие у членов языкового

коллектива, прежде всего у подрастающего поколения, смекалки, сообразительности, мифологическое мироощущение относительно сфер обитания – вот неполный перечень факторов, декодирующих референции и символизм. Изучением полисемичной языковой единицы *перифраза* занимаются различные отрасли гуманитарного познания: филология, языкознание, риторика, лингводидактика, стилистика, социолингвистика, логика, литературоведение и др. Согласно определению перифразы как выражения описательно обозначающего объект (намека) по принципу выявления какого-либо значимого качества, признака или особенности, мы позволили себе не ограничиваться широко распространенным во французской лингвистике термином *phraseologisme* (фразеологизм), а взять более широкое описание языковых единиц, охватывающее многоаспектный взгляд на мир и кластерные слои смыслов.

Лингвоцветовую картину мира французского языка описывали следующие лингвисты: М.И. Кроль (1980), С.А. Шашева (2009), Е.Ю. Воробьева (2015), Ж.В. Кургузенкова (2014, 2015), В.М. Бурунский (2016). Вопросами изучения символика занимались В.Г. Гак (1973), В.Н. Телия (1993, 2007), А.П. Василенко (2010), Г.В. Токарев (2021). Описанием перифрастических единиц французского языка интересовались В.Г. Гак (1977), Б.Б. Григорьев (2014), Г.Р. Муллахметова (2013).

Видится невозможным в малом объеме статьи описать интегральные особенности всего лингвоцветового континуума французского языка, поэтому нами был избран один из наиболее ярких в плане символической насыщенности цветокомпонент *BLEU*. Синий цвет является особым для человечества, так как ассоциируется с цветом чистого глубокого неба, облаков, эфира, воздуха, ветра и т. д. Вторичным смысловым кластером стал символизм французской королевской власти, обобщая периферийные признаки: верности, преданности и мудрости. Третичная смысловая аутентификация возникла благодаря творческой активности поэтов-романтиков, она дейктирует бесконечность, бессмертие, мечту, меланхолию. Формат приоритетности по стадии формирования цветового спектра во всех языках одинаков: первичной считается диада белого и черного цвета. Дихотомия в этом случае выступает в качестве «наиболее универсального и архаичного способа познания мира, как основа проявления структурирования действительности» [Сурмятова 2018: 210]. Определение места синего цвета в этом комплексе указывает на базовую шестичастную структуру (белый, черный, красный, синий, зеленый и желтый). По мнению французского исследователя М.Пастуро, далее идет категория «получцветов» / оттенков. Так, периферийными цветообозначениями в рамках ядра *bleu* будут считаться: *turquoise, canard, bleu canard, azur, bleuet, acier, pastel, marine, bleu foncé, cobalt, lavande, indigo, layette, améthyste, lilas, zinzolin*. Однако не только прилагательные-колоронимы фигурируют в речи французов. В качестве примера конверсии в имя существительное и сдвига смысла можно указать: *le bleu – небо (букв. рабочая блуза)*.

В качестве фактического материала исследования избраны перифрастические единицы французского языка, содержащие в своем составе цветокомпонент, как самобытные полифункциональные языковые единицы. Лексикографическими

источниками для выборки перифраз послужили корпуса словарей: Strauss, Emanuel (1994). Dictionary of European proverbs и «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» (2005) (библиографическое описание приведено в списке литературы).

Нами были определены следующие кластерные группы:

1. Обозначение групп лиц, отдельных персоналий: **un cordon bleu** (искусный повар, кулинар – букв. шнурок синий), **barbe bleue** (злонравный, жестокий человек – букв. борода синяя), **menton bleu** (разг. мужчина в летах, человек солидного возраста – букв. подбородок синий), **bas bleu** (скупной, необщительный, мрачный человек – букв. чулок синий).

2. Товарный знак, бренд: **gros bleu** (кислое / прокисшее вино – букв. громадная синева, лазурь), **petit bleu** (легкое / столовое / десертное вино – букв. маленькая синева, лазурь), **bibliothèque bleue** (рыцарские романы; детские рассказы и сказки (от 4 до 8 лет)).

3. Ощущение мечты / несбыточности: **rêve bleu** (голубая / несбыточная мечта), **oiseau bleu** (синяя птица – символ счастья).

4. Аффективные состояния и пороки ладей: **colère bleue** (гнев, ярость, негодование), **les diables bleus** (разг. тоска, меланхолия, ипохондрия), **avoir une peur bleue** (очень сильно испугаться, букв. иметь страх синий), **faire bleu (bleue)** (прогуливать, не выходить на занятия), **bête bleue** (кляча, пьяница, букв. синее животное).

5. Неправда / ложь: **contes bleus** (небылицы, рассказы, басни, вранье и выдумка).

Таким образом, синий цвет, являясь одним из базовых и значимых в лингвоцветовой и концептуальной картине мира французов, обладает линейным и небинарным принципом персонификации и восприятия. В заключение следует отметить, что колоритом **bleu** активно фигурирует в лингвоцветовой картине мира французского языка, обладает высоким символизмом и представлен в значительной степени в переосмысленном и чаще в положительном значении. Данный факт свидетельствует о своеобразии категоризации концепта ЦВЕТ франкоговорящими носителями.

Литература

Василенко А.П. Символярный фразеологического корпуса русского и французского языков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. №3. С. 237-247.

Зольникова Ю.В. Цветономинации как фрагмент концептуальной картины мира русского и немецкого языков // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 838-840.

Пчелинцева И.Г. Вопросы лингводидактики в теории и практике обучения иностранному языку в неязыковом вузе: монография / под ред. И.Г. Пчелинцевой. Тюмень: ТИУ, 2022.

Сурмятова Ю.В. Бинарная оппозиция «Licht/Dunkelheit» в идиоматической картине мира немецкого языка // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 210-214.

Strauss E. Dictionary of European proverbs (Volume 2 ed.). Routledge, 1994.

Новый большой французско-русский фразеологический словарь = Le nouveau grand dictionnaire phraséologique française-russe: более 50 000 выражений / В.Г. Гак [и др.]; под ред. В.Г. Гака. М., 2005.

E.A. Lipina (Tyumen, Russia)

Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PERIPHRASES WITH THE COLOUR COMPONENT *BLEU* IN THE FRENCH LANGUAGE

The article addresses periphrases with the colour component BLEU in the French language to determine specifics of colour perception and categorization of French native speakers. The material for the study was selected by continuous sampling from lexicographic sources. The selected periphrases were classified into structural-grammatical and thematic groups.

Key words: colouronym, linguo-colour world-view, cluster layers, periphrasis

А.Л. Лось (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

al_los24@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ СИТУАЦИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГЛАГОЛАМИ СВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Работа посвящена исследованию различий в значении и употреблении русских глаголов *сиять*, *сверкать*, *блестеть* на основе изучения их сочетаемости в русских и английских корпусах текстов. Выявленные признаки, в частности, «прерывистость перцептивного действия», «световое воздействие на воспринимающего субъекта и др. позволяют объяснить различия в значении и употреблении исследуемых лексем.

Ключевые слова: глаголы светозначения, перцептивное действие, сочетаемость, значение, воспринимающий субъект

Репрезентация перцептивных событий занимает важное место в лингвистических исследованиях. Особую роль в передаче перцептивных смыслов играют глаголы с общим значением «излучать свет». Специфика таких глаголов неоднократно являлась предметом исследования (см., например, работы [Калинычева 2002; Косицына 2002; Полежаева 2014; Авдеева 2018]). Авторы исследовали лексико-синтаксические характеристики глаголов, объединенных общей идеей светозначения, проводили их классификацию в зависимости от градации светового признака, влияния на чувства и состояние человека и др., изучали их семантические характеристики как в русском, так и в других языках. Целью нашего исследования является выявление различий в значении и употреблении русских глаголов *сиять*, *сверкать*, *блестеть* на основе изучения их сочетаемости.

Необходимость изучения различий в значениях лексем *сверкать*, *сиять*, *блестеть* объясняется тем, что их словарные описания не содержат информацию о различии в их значении, поскольку значения лексем толкуются в словарях сходно или через синонимы:

сверкать – «сиять ярким переливчатым светом; ... ярко блестеть, переливаться» [СРЯ 1995 Т. 4: 41];

сиять – «блестеть, сверкать, отражая лучи, блистать» [СРЯ 1995 Т. 4: 100];

блестеть – «издавать блеск, светиться, сверкать» [СРЯ 1995 Т. 1: 97].

Сходство в описании значения данных лексем объясняется близостью их значений, все эти лексемы репрезентируют идею «излучать свет». Действительно, есть контексты, в которых слова *сверкать*, *сиять*, *блестеть* могут быть взаимозаменяемы: *глаза блестят / сверкают / сияют*; *пол блестит чистотой*; *пол сияет чистотой / великолепом*; *полы сверкают, порядок идеальный* (Примеры взяты из [НКРЯ 2024]). Вместе с тем во многих контекстах лексемы *сверкать*, *сиять*, *блестеть* не взаимозаменяемы, что говорит о различии в передаваемых ими смыслах, ср.: *солнце сияет / *солнце сверкает / *солнце блестит*; *молния сверкает / *молния сияет / *молния блестит* (но: *вдали блеснула молния*). (Неправильные высказывания помечены знаком «*»).

Сочетаемость лексем *сверкать*, *сиять*, *блестеть* изучалась на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [НКРЯ 2024].

Обобщенная выборка контекстов со словами *сверкать*, *сиять*, *блестеть* составила 180, 150 и 170 единиц соответственно. Для лексемы *сверкать* были выявлены следующие контексты употребления:

сверкает зимний лес / под ногами сквозь щели вода / широкими гранями высокий белый самовар / перстень / вода в глубине колодца, если ее всколыхнуть / Ванечка зубами / алмаз чистой воды / драгоценные камни / звездочка вдали / обувь чистотой / золотой купол среди деревьев / яркая зелень изумрудом / белый иней на черных домах / чешуя / золотая цепь и др.

Лексема *сиять* встретила в следующих контекстах:

сияет Таня от радости / глаза от счастья / солнце / месяц / луна / золотой купол / чистотой противень / цветок (и серебрится и освещает все вокруг) / яркое летнее солнце / рассеяв облака, солнце / храм в пять куполов / фонарь маяка как вторая луна / лицо / сизый асфальт / смеющийся сквозь простор день / добродетель / свет сквозь облака и др.

Сочетаемость лексемы *блестеть* следующая:

блестит гармошка / потолки / мокрый булыжник / каждый ноготок / парча, золото и драгоценные камни / робкий луч солнца / молния и в облаке исчезает / его лысая макушка, голая и ровная как шар / стальной бок урны в свете фонарей / флаконы / желтый патрончик / песок золотой на солнце / снег за окнами / мокрая одежда блестела как латы и др.

Для уточнения характеристик объектов, которым могут приписываться действия *сиять*, *сверкать* и *блестеть* были дополнительно отобраны в НКРЯ контексты: *сиять как*, *сверкать как* и *блестеть как*. Для лексемы *сверкать* получились следующие результаты:

Сверкает как алмаз / бриллиант / отполированный драгоценный камень / черный янтарь / молния / медная проволока / пламя меж скал / зуб (от чистоты) / жемчуг / парикмахерская / чистые воды / луч / искра во тьме / расплавленный металл; сверкает, как змея своею чешуею и др.

Лексема *сиять* встретила в таких дополнительных контекстах:

сияет как солнце / луна / расплавленный металл / одинокая луна / блин на сковородке / помидор / медный самовар / одинокая звезда / как новый медный грош / радуга / заря / медный таз на солнце / масляный блин / апельсин / медная пушка на юге / алмаз / как в море ночью лунный свет; золотой купол его сияет как солнце над пасмурновидным Парижем.

Для лексемы *блестеть* были выявлены следующие дополнительные контексты:

блестит как золото / черный лак / бляха у матроса / зеркало / мои туфли / помазанный / новый / стекло / лакированный / покрытая лаком / серебряное / самовар / серебро / отполированная / молния / стеклышко / серебряная парча / звездочка на небе / хрусталь / бриллиант / драгоценный камень; мокрая одежда блестела как латы.

На основе исследования сочетаемости лексем *сверкать*, *сиять*, *блестеть* были выявлены следующие различия в их употреблении. Объект, который описывается перцептивным действием *сиять*, осмыслен как источник светового излучения, и само перцептивное действие *сиять* продолженное и непрерывное: *Петр весь сияет от счастья, озаряя все вокруг / Погода в те ноябрьские дни стояла ясная – легкий морозец, солнце сияет вовсю.* (Ср. при этом неправильное высказывание **Погода в те ноябрьские дни стояла ясная – легкий морозец, солнце сверкает вовсю*, полученное после замены лексемы *сиять* на лексему *сверкать*).

Перцептивное действие *сверкать* непродолжительное и прерывистое, также для лексемы *сверкать*, в отличие от лексем *сиять* и *блестеть* важен признак «оказывать сильное световое воздействие на воспринимающего субъекта», как видно из примеров: *Мимо проплывают кусты, стволы, кроны; яркая зелень сверкает изумрудом, вспыскивает проблесками солнца, бьет по глазам – больно / Так все сверкает, аж слепит!*

Лексема *блестеть* репрезентирует непродолжительное и прерывистое действие. При этом объект, которому приписывается перцептивное действие *блестеть*, в отличие от объектов, которые инициируют перцептивные действия *сиять* и *сверкать*, имеет свойство «отражать свет», которое объясняется наличием на его поверхности посторонней / наносной субстанции (воды, лака или др.), гладкостью поверхности или качествами самого объекта. В примерах *натертый паркет блестит / блестит мокрый булыжник / его лысая макушка, голая и ровная как шар, блестит в свете лампы* все объекты, которым приписывается действие *блестеть*, характеризуются наличием на их поверхности посторонней / наносной субстанции (воды, лака) или гладкостью поверхности. На наличие некоторой субстанции на объекте, которому приписывается действие *блестеть*, указывают и контексты: *блестит как помазанный / лакированный / покрытый лаком.*

Выявленные на основе сочетаемостных характеристик признаки позволяют объяснить различия в значении и употреблении лексем *сверкать*, *сиять*, *блестеть*, отвечающих за зрительное восприятие.

Признаки, которые разграничивают значения лексем *сиять*, *сверкать* и *блестеть* следующие: 1) объект, который описывается перцептивным действием *сиять*, осмыслен как источник светового излучения; также перцептивное действие *сиять* продолженное и непрерывное, что накладывает запрет на использование глагола *сиять* в форме совершенного вида; 2) для лексемы *сверкать*, в отличие от лексем *сиять* и *блестеть*, важны признаки «оказывать сильное световое воздействие на воспринимающего субъекта» и «прерывистость перцептивного действия»; 3) объект, который описывается перцептивным действием *блестеть*, в отличие от перцептивных действий *сиять* и *сверкать*, имеет свойство «отражать свет», которое объясняется наличием на его поверхности посторонней / наносной субстанции (воды, лака), гладкостью поверхности или качествами самого объекта.

Перспективой исследования является исследование различий в значениях английских лексем, описывающих перцептивное действие «излучать свет», а также изучение коррелятов данных перцептивных смыслов в других языках.

Литература

Авдеева М.Д. Особенности представления феномена света в языке и методика выделения компонентов концепта «свечение» (на примере русских и английских глаголов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 265-269.

Калинычева Е.В. Структурно-семантические характеристики лексико-семантической группы современных английских глаголов «свечения»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Косицына Е.Ф. Семантические валентности глаголов зрительного восприятия и способы их выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>

Полежаева Ж.Ю. Семантика русских глаголов-светообозначений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1 (57). Т. 2. С. 146-150.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995. Т. 1, 4.

A.L. Los' (Moscow, Russia)

National Research University of Electronic Technology

ACTUALIZATION OF PERCEPTUAL SITUATIONS REPRESENTED BY THE VERBS WITH THE MEANING 'LIGHT' IN RUSSIAN

The aim of the study is to reveal differences in the meaning and usage of the Russian verbs *siyat* 'shine', *sverkat* 'sparkle', *blestet* 'glitter' by investigating their combinability in Russian National Corpus. The differentiating features revealed are 'discontinuity of perceptual action', 'light effect on the perceiving subject' and others. These allow us to explain the differences in the meaning and usage of the lexemes involved.

Key words: verbs of light designation, perceptual action, compatibility, meaning, perceiving subject

*А.И. Лызлов (Смоленск, Россия)**ВА ВПВО ВС РФ**aleksej-lyzlov@yandex.ru*

ДИНАМИКА ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ЧЕЛОВЕК В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Данная статья посвящена анализу оценочных значений концептосферы ЧЕЛОВЕК во фразеологических единицах английского языка. В статье приводится статистическая информация по рассматриваемым данным, взятым из словарных источников начиная с событий до XV в. и до наших дней.

Ключевые слова: концепт, оценка, динамика, английские фразеологизмы

Рассматриваемая работа посвящена рассмотрению фразеологических единиц английского языка. Фразеологические единицы (в дальнейшем – ФЕ) определяют как словосочетания с частично или полностью переосмысленными значениями. Следует отметить, что значение ФЕ не сводимо к значениям отдельных составляющих его элементов.

В данной статье изучается, прежде всего, оценочный аспект содержания ФЕ. Оценка как отношение говорящего к сообщаемому распадется на две субкатегории: положительную оценку и оценку отрицательную. Оценка – наиболее яркий показатель прагматического значения. Оценка выносится субъектом речевой ситуации о том, что он считает правильным или неправильным, желанным или нежеланным. Как отмечено в работах

Н.Д. Арутюновой «максимум контекстной зависимости делает оценку одним из наиболее трудно определимых типов прагматического значения» [Арутюнова 1988: 5].

Интеллектуальная деятельность человека, которую можно описать термином «когниция» рассматривается современными исследователями как динамический процесс, который позволяет получать, структурировать и хранить информацию в виде системы представлений – концептов [Fauconnier 1999: 96; Langacker 2000: 3; Langlotz 2006: 58 и др.].

Если рассматривать ФЕ как речевое описание некой ситуации, а оценочное значение ФЕ как экспликацию отношения говорящего к этой ситуации, которое он сообщает слушающему, то следует выделить ключевые элементы, которые генерируют эту оценку. Данными генераторами или экспликаторами являются объекты значения ФЕ, играющие ключевую роль в описываемой в рамках ФЕ ситуации. Данным элементом невозможно пренебречь, его нельзя ни изменить (при всем многообразии вариантов и многозначности некоторых ФЕ), ни удалить из ФЕ. Иными словами, оценочный потенциал ФЕ объективируется в концептах, представленных в этих ФЕ.

Совокупность концептов, объединенных для дальнейшей классификации называется концептосферой. Рассматриваемые ФЕ описывают концепты, раскрывающие различные аспекты жизни человека, «концептосферу человека».

У. Крофт и Д.А. Круз также предлагают рассматривать концепт в его способности отражать некое множество релевантных характеристик, признаков (attributes) [Croft, Cruise 2004: 82]. В данном случае признаком концепта будет его способность выражать положительную или отрицательную оценку (рис. 1).

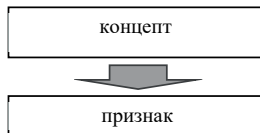

Рис. 1.

В английских ФЕ объективированы концепты ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПАРЫ ДРУЖБА / ВРАЖДА, ГЛУПОСТЬ / УМ, ЛОЖЬ ПРАВДА, УДАЧА / НЕУДАЧА, БЕДНОСТЬ / БОГАТСТВО.

Рассмотрим несколько примеров английских ФЕ с исследуемыми концептами, выражающими положительную и отрицательную оценку.

ФЕ с отрицательной оценкой.

Концепт СМЕРТЬ. ФЕ выражают неизбежность смерти: *death when it comes will have no denial* [WDP 1611].

Концепт ВРАЖДА. В ФЕ *never tell your enemy that your foot aches* [WDP 1320] выражено представление о том, что нельзя выдавать врагу свои слабые места.

Концепт ГЛУПОСТЬ. Глупцы не могут критически оценивать слова других людей, что представлено в ФЕ *a fool believes everything* [WDP 1625].

Концепт НЕУДАЧА. В компаративной ФЕ *ill luck is worse than lost money* [WDP 1670] имплицитруется ценностно маркированное представление о том, что неудача страшнее потери денег.

Концепт ЛОЖЬ. ФЕ *a lie begets lie* [WDP 1732] образно выражает представления о том, что ложь порождает ложь.

Концепт БЕДНОСТЬ. Представление о том, что «бедные люди не имеют друзей» реализует ФЕ *a poor man has no friends* [WD1732].

ФЕ с положительной оценкой.

Концепт БОГАТСТВО. Представления о том, что «здоровье необходимо для обретения богатства и возможность им воспользоваться» характеризует взаимодействие концептов БОГАТСТВО и ЗДОРОВЬЕ в ФЕ: *early to bed, early to rise makes us all healthy, wealthy and wise* [ODP 1496].

Концепт ПРАВДА. Идея о том, что «правда сильнее лжи» воплощается в высказывании *truth is stranger than fiction* [ODP 1562], принадлежащем древнегреческому оратору Демокриту.

Концепт УДАЧА. В ФЕ *better be born lucky than rich* [ODP 1639]; выстраивается аксиологическая шкала, где концепт УДАЧА занимает более предпочтительное положение, чем концепт БОГАТСТВО.

Концепт УМ. Противопоставление умного и глупца находит развитие в ФЕ *fools build houses and wise men live in them* [ODP 1670] – глупый человек не способен насладиться своими трудами, это удел умных людей».

Концепт ДРУЖБА. ФЕ *a friend in court is better than a penny in purse* [WDP 1400] концептуализирует представление о том, что друг в суде лучше, чем пенни в кармане.

Концепт ЛЮБОВЬ. ФЕ *love will find a way* [ODP 1607] говорит, что для нее не существует преград.

Предлагаемая статья обращена к динамическому аспекту изучения английских ФЕ. Динамика, развитие процесса, в нашем случае – особенности выражения оценочных значений в рамках исследуемых ФЕ,

Среди англоязычных работ, посвященных диахроническому подходу в изучении фразеологии, выделяются работы Стивенсона, Редфорда [Stevenson 1949; Radford 1973]. Данные исследователи, изучают историю возникновения ФЕ, занимаются опросами лексикографии англоязычных ФЕ.

ФЕ, содержащие исследуемые концепты были изучены на основании словарных источников методом сплошной выборки. Фиксировались даты их вхождения в язык (первичное упоминание в письменных текстах). Полученные данные были сведены в таблицу 1 и для наглядности данные были сгенерированы в виде рисунка 2.

Таблица 1. Концептосфера ЧЕЛОВЕК

Концептосфера «Человек»		
Период	Положительные значения	Отрицательные значения
до XV в	32	41
XVI в	34	56
XVII в	55	92
XVIII в	55	73
XIX в	10	29
XX в	1	8

Рис. 2

Таким образом, описав значения ФЕ концептосферы ЧЕЛОВЕК относительно оценочных признаков, описываемыми терминами «хорошо» и «плохо», иными словами, аксиологических признаков был для ФЕ, отражающих мир человека, на-

блюдается рост количества признаков, за которым следует спад. Иными словами, наблюдается также неравномерный, синусоидный характер их дистрибуции в рамках изучаемого периода. Причем ни в одном из указанных пунктов периодизации количество положительных признаков не превышает количество отрицательных признаков. Общее число пейоративных признаков почти на треть превышает число мелиоративных признаков.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
Croft W., Cruise D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
Fauconnier G. Methods and generalizations // Cognitive linguistics, foundations, scope, and methodology. Cognitive linguistics research 15, Berlin-New York, Mouton de Gruyter, 1999.
Radford E. To coin a phrase: a dictionary of origins. London, Hutchinson, 1973.
Stevenson B. Stevenson's book of proverbs, maxims & familiar phrases. London: Routledge-Paul LTD. Broadway House, 1949.
Langacker R.W. Language and its structure: some fundamental linguistic concepts. Harcourt, Brace, Jovanovich, inc., NY, 2000.
Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins Publishing, NY, 2006.
WDP – Apperson G.L. [et al.]. The Wordsworth dictionary of proverbs. Hertford-London: Wordsworth Editions Ltd., 2006.
ODP – Speakers J. The Oxford dictionary of proverbs. – Oxford: Oxford University press, 2008.

A.I. Lyzlov (Smolensk, Russia)

RF AF AAD MA

THE DYNAMICS OF THE EVALUATIVE MEANINGS OF THE CONCEPTUAL SPHERE MAN IN ENGLISH IDIOMS

This article is devoted to the analysis of the evaluative meanings of the conceptual sphere MAN in idiomatic units of the English language. The article provides statistical information on the data under consideration, taken from dictionary sources from events up to the 15th century to the present day.

Key words: concept, evaluation, dynamics, English idioms

A.C. Макарова (Москва, Россия)

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
aleste_63@mail.ru*

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЛЕКСЕМЫ КРЕСТ В МЕДИАПРОПОВЕДИ

Целью статьи является анализ стилистических приемов, используемых для репрезентации религиозного концепта КРЕСТ, где аллюзии на тексты Священного Писания и эксплицитные цитирования текстов Евангелия в сопровождении авторского метаязыкового комментария, трансформы известных библеизмов и прием парцелляции создают особое стилистическое пространство, в котором актуализируется сакральный смысл лексемы *крест*.

Ключевые слова: православный медиадискурс, медиапроповедь, концепт, Крест, стилистическое пространство

Изучение религиозной концептосферы, начавшееся в XXI в. в силу возросшего влияния Русской Православной Церкви в российском обществе, способствовало появлению такого массмедийного феномена, как православная журналистика, а в отечественной лингвистике – зарождению новых исследовательских направлений: православная лингвоконцептология [Берендеева 2015] и медиастилистика [Клушина 2018]. Представленные факторы подтверждают смену научного подхода, т.е. уход от классической функциональной стилистики и переход к формированию медиастилистики как нового исследовательского вектора данной отрасли лингвистики. Помимо смены научной парадигмы следует указать на изменения экстралингвистических условий, когда традиционная культура вытесняется медиакультурой, напрямую связанной с появлением и развитием Интернета, результатом чего является симбиоз сознания и массмедийного сознания [Клушина 2018: 9].

Цель данной статьи – определить роль стилистического пространства православной медиапроповеди, его влияние на процесс концептуализации всего медиатекста, благодаря которому осуществляется организация и регулирование восприятия тематики медиапроповеди, а также формирование прагматического вектора воздействия. Напомним, что для Е.С. Кубряковой концептуализация была живым процессом, благодаря которому появлялись новые смыслы [Кубрякова 1996].

В качестве эмпирического материала нами рассматривается медиапроповедь священника А. Ткачёва, посвященная базовому христианскому концепту КРЕСТ. Труды таких лингвистов, как Н.Н. Болдырев, Т.Г. Добросклонская, Е.С. Кубрякова, Т.В. Ицкович и др., являются теоретической базой данного анализа.

Обратимся к религиозным лексикографическим источникам для уточнения определения лексемы *крест*. Выбор данных словарей объясняется жанром медийного текста, так как он представляет собой православную медиапроповедь, размещенную на личной странице священнослужителя ВКонтакте [Протоиерей Андрей Ткачёв].

Первое определение взято на православном портале «Азбука веры» из православной энциклопедии:

Крест – символ жертвенной любви, победы над злом [Азбука веры].

Второе определение из «Словаря изографа», автором которого является В.В. Филатов:

«Крест – основной символ христианского вероисповедания (Нового Завета), поскольку Христос во искупление грехов человеческих был предан казни на Кресте» [Филатов 1996: 117].

Последний лексикографический источник детерминирует лексему *крест* как христианский символ в виде вертикального стержня с перекладиной в верхней половине [Словарь «Моления» 2007: 94].

В начале подчеркнем, что автор данной медиапроповеди протоиерей Андрей Ткачёв следует поставленным прагматическим целям и задачам, которые реализуются посредством воздействия на адресата/реципиента; вместе с тем подобное про-

поведническое обращение, сохраняя основные институциональные характеристики проповеди, характеризуется дополнительными чертами, свойственными медиадискурсу – трансляцией современными каналами связи. Всё это приводит к заметному увеличению количества адресатов/реципиентов, в связи с чем проповедник обязан не только выбирать, но и изменять коммуникативные стратегии [Макарова 2022: 784].

В целях привлечения внимания аудитории автор употребляет лексику *крест* 15 раз. Исходя из исследований Н.Н. Болдырева, концептуальная структура конкретного субъекта уникальна в своей семантизации. Таким образом, значения самих лексем экстраполируются с личностной концептуальной моделью в единый контент [Болдырев 2022: 928]. Данный тезис осуществляется адресантом при помощи дериватов данной лексики, перифраз и адекватных выражений: *крестоносец, крестоношение, крестное древо, древо жертвенное, чужие кресты, любой крест* и др.:

человек – это крестоносец. И свой крест нельзя сбрасывать;

крестами не меняются. У всех у нас свой крест. Чужие кресты тяжелее.

Любой крест... тебе не подойдет;

Вы полюбите свое крестоношение. <...> почувствуете, что улажен крест ваш Иисусом Христом, который... потерпел невинное распятие на своем крестном древе [Протоиерей Андрей Ткачѳв].

Тематическая насыщенность как составная часть лингвопрагматики достигает также за счет такого стилистического приема, как парцелляция:

Нужно крест свой брать; крестами не меняются. <...> Можно ли поменяться? Нет. Чужие кресты тяжелее [Протоиерей Андрей Ткачѳв].

Жанру медийной проповеди свойственна вопросно-ответная форма построения, сопровождаемая метаязыковым комментарием адресанта, которая является стилистической особенностью рассматриваемых медиатекстов:

Что такое крест? ...это древо жертвенное, на которое был пригвожден Христос <...>. Крест – это жертвенник Нового завета и великая святость;

Можно ли поменяться? Нет. Чужие кресты тяжелее [Протоиерей Андрей Ткачѳв].

Следует также отметить, что стилистическое пространство создается автором посредством аллюзий на тексты Священного Писания (имплицитное цитирование) и эксплицитного цитирования Евангелия с авторским метаязыковым комментарием:

«Кто не берет креста своего и не следует за Мной, тот не достоин Меня». Это одна из строгих фраз Господа;

свой крест нельзя сбрасывать. Христос говорит: «Претерпевший же до конца спасется»;

надо взять свой крест и нести его до конца.

Крест легчает по мере его несения. Крест тяжелеет по мере его сбрасывания. <...> Крест нужно нести безропотно и терпеливо [Протоиерей Андрей Ткачѳв].

Ср.: Библизм **Нести свой крест** означает терпение в страданиях и невзгодах, смирение в принятии печальной, трудной участи человека на земле [Лепта 2019: 183];

Библейский фразеологизм **тяжелый (тяжкий) крест** символизирует длительные страдания, тяжелую судьбу или мученическую жизнь [Лепта 2019: 189];

Устойчивый библейский оборот **У каждого свой крест** представляет собой половицу со значением: у каждого свои трудности [Лепта 2019: 190].

Как показал анализ проповеднического медиапослания адресант использует комплексные приемы трансформаций библеизмов. Благодаря данному преобразованию возникает насыщенный фразеоконтекст, в котором обновляется экспрессия фразеологических единиц: *надо взять свой крест и нести его* и *крест нужно нести* (лексическая экспликация и субституция); *крест тяжелеет* (субституция и грамматические изменения); *И по мере несения крест ваш превратится в сладость* и *Крест легчает по мере его несения* (лексическая экспликация, импликация и грамматические изменения).

Как показывает анализ трансформаций библеизмов, изучение функционирования фразеологического фонда в православном медиадискурсе выявляет особенности процесса категоризации и концептуализации мира индивидуумом, где фразеологизмы выступают в роли когнитивных маркеров исторических, социальных и культурных изменений. В православном медиадискурсе фразеологизмы также предстают как стилистически маркированные языковые единицы, обладающие особой интертекстуальностью и прецедентностью.

Все рассмотренные стилистические приемы, используемые адресантом в данном проповедническом медиатексте, создают особое стилистическое пространство, насыщенное прецедентными феноменами (*Иисус Христос, агнец Божий, Новый завет* и др.), отсылающими адресата/реципиента к текстам Священного Писания. Таким образом реализуется лингвопрагматическая функция православного медиадискурса и актуализируется характерная для религиозного дискурса сакральная семантика лексемы *крест*.

Литература

- Азбука веры. Православная энциклопедия. URL: <https://azbyka.ru/svyataya-troica>.
- Берендеева М.С. Структурные особенности религиозной концептосферы (на материале концептов жертвоприношение, молитва и подвиг): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 2015.
- Болдырев Н.Н., Беляева И.В. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного общения // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 925-936.
- Добросклонская Т.Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // Медиалингвистика. 2016. № 2. С. 13-25.
- Ицкович Т.В. Ценностные установки современной православной проповеди // Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований. Тезисы докладов Второго международного научного семинара. Екатеринбург: Ажур, 2017. С. 19-21.
- Клушина Н.И. Медиалингвистика: монография. М.: ФЛИНТА. 2018.
- Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Т. Лузина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996.

Лепта – Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова. 2019. Т. 1: А–О.

Макарова А.С. Языковые и стилистические особенности православной медиапроповеди // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 782-799.

Протоиерей Андрей Ткачёв // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/prot.andreytkachev>

Словарь «Моления» Даниила Заточника. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та. 2007.

Филатов В.В. Словарь изографа. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-та, 1997.

A.S. Makarova (Moscow, Russia)

St. Tikhon's Orthodox University

THE ROLE OF STYLISTIC SPACE IN THE PROCESS OF CONCEPTUALIZATION OF THE LEXEME CROSS OF MEDIA SERMONS

The aim of the article is to analyze the stylistic devices used to represent the religious concept of the “Cross”, where allusions to the texts of the Holy Scripture and explicit citations of the Gospel texts accompanied by the author’s meta-linguistic commentary, transformations of well-known biblical expressions, and the parcellation technique create a special stylistic space in which the sacred meaning of the lexeme “cross” is actualized.

Key words: Orthodox media discourse, media sermon, concept, Cross, stylistic space

Н.В. Мамонова (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет

natalya-mamonova@rambler.ru

МАССМЕДИЙНЫЙ КОНЦЕПТ МИГРАНТ В ЦИФРОВОЙ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛА «МНОГОНАЦИОНАЛ»¹

В данной статье рассмотрены особенности репрезентации массмедийного концепта МИГРАНТ в одном из популярных каналов политической тематики «Многонационал», освещающего проблемы трудовой миграции в РФ. Раскрываются некоторые истоки конфликтности при межкультурном взаимодействии в цифровой среде в условиях многополярности мира.

Ключевые слова: массмедийный концепт, мигрант, медиадискурс, культурно-ценностная матрица, многополярность, языковое сознание, конфликт

В условиях развития многополярной структуры мира приобретает все большее значение устойчивая цифровая коммуникация. На данный момент обмен информацией большей частью происходит в цифровой среде. Вслед за читателями СМИ, в мессенджеры переместились новостные сетевые издания и блоггеры. Если в случае глобализационной парадигмы, происходит некое усреднение культурно-ценностных установок и норм, что, несомненно, отражается в языке цифрового пространства медиадискурса, то в случае многополярной парадигмы развития, имеет место

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>

«межцивилизационное, межкультурное и межконфессиональное взаимодействие», которое «в многополярном мире становится не только ключевым фактором международных отношений, но и особым фактором внутренней политики субъектов-полюсов» [ЦСКП 2024: 9]. При сосуществовании разнонаправленных тенденций и переплетении разнородных полюсов в сферах социально-экономического и культурного развития пан-регионов представляется актуальным исследовать феномен миграции, репрезентирующийся в языковом сознании реципиентов медиадискурса непосредственно в его цифровой текстуальности.

Изменение в языковом сознании российского населения целесообразно отслеживать в медиадискурсивном цифровом пространстве через концептуализацию массмедийных концептов, представляющих культурно-ценностные доминанты в языковой картине мира реципиентов. Массмедийный концепт понимается как конструктивная единица, которая «определяется особенностями речемыслительной практики масс-медиа, ориентированной на актуальный социальный контекст»; при этом массмедийный концепт «отличается избирательной направленностью на социально резонансные факты и на события культуры» [Полонский 2016: 50]. Иначе говоря, при помощи массмедийных концептов происходит адаптация реципиентов к текущим вызовам времени, формируется общественное мнение и коллективное языковое сознание.

При исследовании языковой репрезентации процессов миграции в медиадискурсе важно подчеркнуть неизбежность конфликтногенности интерпретаций данного феномена при смысловой самоорганизации сложившегося веками коллективного языкового сознания, различного у каждого этноса. Это может объясняться столкновением разнородных культурно-ценностных матриц разных групп этнической идентичности, с одной стороны. Безусловно, часть мигрантов готовы к ассимиляции и принятию культурно-ценностной матрицы принимающего сообщества. С другой стороны, «часть мигрантов видят в принимающей среде экономический и технологический ресурс, подлежащий освоению при сохранении приоритетности собственных социокультурных стандартов (колониальная стратегия освоения ресурсов)» [Мокин 2007: 14]. В связи с этим могут возникать значительные трудности в ассимиляции мигрантов, так как «современную аксиоматику концепции адаптации мигрантов составляет положение об альтернативном стремлении либо переменить исходные социально-культурные стандарты, либо расширить экономическую и технологическую базу реализации и воспроизводства собственных, исходных, традиционных социокультурных стандартов за счет использования экономического и технологического потенциала, накопленного в социокультурной среде принимающего сообщества» [Мокин 2007: 14].

Среди наиболее активно изучаемых концептов последних десятилетий на материале свободного ассоциативного эксперимента является концепт МИГРАНТ [Зубарева 2018; Малахова, Шустова 2023]. Результаты данных исследований были бы не полными без изучения медиадискурсивных практик, отражающих наиболее

точно нестабильные смысловые структуры в языковом сознании реципиентов медиадискурса. Как подчеркивает С.Л. Кушнерук, «проблематизация трудовой миграции в виртуальных границах российских телеграм-каналов определяется качеством миромоделирования, которое закрепляет негативное видение экономически значимого для нашей страны явления, исключая интерпретации депроблематизирующего характера» [Кушнерук 2024: 31]. Социальные сети, мессенджеры выполняют особую роль в осмыслении проблем миграции, например, мессенджер Телеграм с множеством новостных лент и блогов.

В данной статье мы рассматриваем особенности вербализации ядерной области массмедийного концепта МИГРАНТ на материале канала Многонационал мессенджера Телеграм (347,7К подписчиков). Для проведения контент-анализа были отобраны медиатексты с 2018 г. (год создания канала) по 2024 г. методом сплошной выборки и для анализа данных использованы две платформы (Миратекст и AntConc). В результате изучения медиатекстов исследуемого корпуса было выявлено, что для вербализации массмедийного концепта МИГРАНТ используются следующие синонимические обозначения: мигрант, ребенок-мигрант, иностранный гражданин, иностранный специалист и др. Вышеприведенные лексемы несут нейтральные коннотации.

Кроме того, присутствует достаточно высокое количество частотных сочетаний с отрицательными коннотациями из 2 и 3 лексических единиц (~62 %), которые передают устоявшиеся в языковом сознании медиа реципиентов смысловые конструкции, ассоциированные с массмедийным концептом МИГРАНТ. Например: *абу бандит*, *прогрессивный ваххабит*, *нужный брат*, *очень нужный брат*, *мигрантеньши*, *достойный человек*, *ценный специалист*. Данные номинации концепта МИГРАНТ маркированы крайне негативной коннотацией, передающей не только саркастическое отношение автора медиатекста к данному феномену, но и общественное мнение достаточно крупной социальной группы, придерживающейся данных установок. Так, суффикс -ёныш в лексеме *мигрatёныши* (ребенок родителей-мигрантов) является словообразовательной единицей, образующей имена существительные – названия детенышей животных (гусеныш, звереныш, змееныш и т.п.), что придает уничижительную окраску данной лексеме [Ефремова 2000]. Лексема *абу бандит* используется для обозначения людей, ведущих маргинальный образ жизни. Оксюморон *прогрессивный ваххабит* сочетает два слова, противоположных по значению. Согласно Большой российской энциклопедии, ваххабиты – это разнородное религиозно-политическое движение суннитов, выступающее «под общим лозунгом очищения ислама от недозволенных новшеств» [Алаев, Жантиев и др. 2006: 670]. Другими словами, это люди, придерживающиеся консервативных устоев, отвергающие новшества в своем религиозном мировидении, что резонирует с прилагательным *прогрессивный*, синонимический ряд которого представлен прилагательными *инновационный*, *передовой*, *продвинутый*, *авангардный*, *идуший в ногу со временем*. С помощью гиперболы (прилагательные *нужный*, *достойный*, *ценный*) акцентиру-

ется внимание на ненужности, низкой квалификации мигрантов, на неприемлемых (для принимающей стороны) поведенческих алгоритмах, тиражируемых в мигрантской среде. Эти тезисы подтверждают такие частотные сочетания, входящие в околядерную область массмедийного концепта МИГРАНТ, как *культурный обмен, национальная культурная организация, незабываемый межличностный опыт, орг диаспора, школа, ребенок, мигрант*, которые объективируют конфликтогенные темы, вызывающие общественный резонанс.

Наиболее яркие контексты медиатекстов данного корпуса представлены ниже:

Миграция меняет лицо России <...> Крайне низкая рождаемость русских компенсируется намного более высокой рождаемостью у других народов России и миграционным приростом. С 1991 г. страна «приросла» почти 10 млн мигрантов, но даже это не спасло от убыли населения – настолько катастрофическими стали демографические последствия разрушительных «реформ» (Многонационал 18.02.2018: 12.43);

Русский школьник отказался пересаживаться за другую парту по прихоти ценнейшего отпрыска мигрантов, далее всё произошло по известной формуле Макаревич из центра толерантности. *Мигрантеныш* просто забил одноклассника в туалете (Многонационал 03.12.2024: 21.52).

Итак, устойчивая цифровая коммуникация осуществляется большей частью через медиадискурс, в котором четко прослеживаются наиболее острые конфликтогенные структуры мировидения, отображающие столкновение культурно-ценностных матриц в языковом сознании реципиентов разных полюсов многополярного мира. Целесообразно вести мониторинг массмедийных концептов, который позволит отследить доминирующие представления в обществе и тиражируемые в медиа. Это даст возможность подобрать пути снижения конфликтогенности на данный момент такого лингвосоциокультурного феномена как МИГРАНТ.

Литература

- Алаев Л.Б., Жантиев Д.Р. и др. ВАХХАБИТЫ // Большая российская энциклопедия. Т. 4. М., 2006. С. 670. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1902608
- Алпатов В.М. Языковой аспект глобализации // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: сборник научных трудов. М., 2018. С. 6-25.
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь Ефремовой. 2000. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/136432/оныш>
- Зубарева Е.О. Концепт МИГРАНТ в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 4. С. 29-41.
- Полонский А.В. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: колл. монография. Белгород : Белгород, 2016. С. 37-51.
- Кушнерук С.Л. Проблематизация трудовой миграции в российских телеграм-каналах: когнитивно-семантический аспект миромоделирования // Политическая лингвистика. 2024. № 5(107). С. 22-33.

Малахова Е.В., Шустова С.В. Репрезентация концептов миграция / мигрант в сознании носителей русского языка // Евразийский филологический вестник. 2023. № 4(4). С. 24-42.

Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов 2007.

ЦСКП – Центр социально-консервативной политики. Многополярный мир: факторы трансформации. вызовы и возможности: доклад Центра социально-консервативной политики при содействии Секретариата ОДКБ. М., 2024.

N.V. Mamonova (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

THE MASS MEDIA CONCEPT *MIGRANT* IN THE DIGITAL TEXTUALITY OF “THE MULTINATIONAL” TELEGRAM CHANNEL

The article examines representation of the mass media concept *MIGRANT* in one of the popular political channels “The Multinational”, which highlights the problems of labor migration in the Russian Federation. Sources of conflictogenicity in intercultural interaction in the digital environment in a multipolar world are revealed.

Key words: massmedia concept, migrant, media discourse, cultural and value matrix, multipolarity, linguistic consciousness, conflict

С.А. Маник (Иваново, Россия)

*Ивановский государственный университет
maniksa@ivanovo.ac.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ НАИМЕНОВАНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)

Статья посвящена описанию изменений в когнитивной модели наименования политических словарей английского языка в XXI в. На материале анализа более 250 современных изданий автор выделяет основные тренды в формировании заголовков и акцентирует ключевые функции заголовков лексикографических справочников политической жизни.

Ключевые слова: когнитивная лексикография, политический словарь, заголовок, когнитивная модель наименования.

Словарь на протяжении многих веков традиционно рассматривался в качестве основного инструмента для систематизации языкового материала, а также введения и сохранения литературной нормы. Интересно отметить, что традиционно в названии лексикографического справочника присутствовало слово *dictionary, encyclopedia, glossary, thesaurus, глоссы, азбуковник* и т.п., что указывало на определенный вид справочного издания и противопоставляло его другим видам художественной, учебной, научной и публицистической литературы. Вместе с тем, традиции наименования словаря претерпели существенные трансформации к началу XXI в. Например, в XIX в. вышел в свет двухтомный словарь *Political Dictionary. Forming a Work of Universal Reference, Both Constitutional and Legal; and Embracing the Terms*

of Civil Administration, of Political Economy and Social Relations, and of All the More Important Statistical Departments of Finance and Commerce, изданный в Лондоне в 1845 г. [Political Dictionary...] и основанный на статьях из Penny Cyclopaedia of the Society for the Diffusion of Useful Knowledge, многотомной энциклопедии 1828–1843 гг. о Конституции, политической экономике, торговле, администрировании, законодательстве и т.п. Как мы видим, в заголовке отмечается жанр словаря – политический словарь, а также уточняются основные предметные сферы лексических единиц, включенных в корпус. В XXI в. авторы далеко не всегда используют привычные каноны. Так, издаются следующие издания: Dog Whistles, Walk-Backs, and Washington Handshakes: Decoding the Jargon, Slang, and Bluster of American Political Speech (2014), Words for Warriors: Fight Back Against Crazy Socialists and the Toxic Liberal Left (2021), 97 Fallacies to Understand: To expose the flawed arguments of journalists, politicians, YouTubers & Twitter types (2023) или Spectacular Indifference: The Political Weaponization of Apathy (2024). В названии не включены привычные лексикографические отметки, читатель понимает, что в его руках словарь только после знакомства с предисловием.

Роль и функция заглавия как элемента паратекста в лексикографии, особенно в политической лексикографии, на наш взгляд, является малоизученным вопросом, и представляет интерес для более глубокого исследования как элемент довольно сложной системы, сложность которой не обязательно обусловлена ее длиной. Настоящая работа ставит цель проанализировать заголовки политических словарей английского языка в XXI в., выделить основные тренды в наименовании лексикографических изданий и выделить их функции.

Многие исследователи занимались изучением заголовков художественных текстов и их функций (Н.Е. Бахарев, Н.А. Веселова, Т.Е. Водоватова, В.П. Вомперский, Г.А. Вейхман, Д.З. Гоциридзе, Е.С. Кубрякова, У.А. Ускова и др.), выделяя, независимо от типов дискурса или автора текста, стилистическую, прогностическую, номинативную, релейную функцию и функцию организации подтекста. Важно подчеркнуть, что двойственная природа заголовка (речевой элемент вне текста, имеющий некоторую самостоятельность, и полноправный компонент основного текста) также свойственна словарю. Как известно, заголовок словаря, являющийся первым словом, обращенным автором к пользователю издания и во многом детерминирующим дальнейшее восприятие справочника, может рассматриваться как своеобразный ключ к его пониманию, поэтому он выступает «смысловым ступком текста» [Васильева 2005]. Основная и исконная функция названия, таким образом, заключается в том, чтобы дать представление о содержании заглавного текста. Например, автор лексикографического справочника Б.Ф. Холл в заголовке четко описывает весь спектр пейоративной лексики, включенной в издание: Fighting Words Lexicon: An Uncensored Dictionary of Hate Speech, Cultural Stigmas, Racial Slurs, Political Slanders, and Sexual Stereotypes Complete with ... Acronyms, Abbreviations and Definitions (2018).

Безусловно, целесообразно отметить, что функция заголовка словаря, как и у заголовка художественного текста, состоит в том, чтобы выделить, акцентировать

его из массы других, поскольку он является коммерческим продуктом. Поэтому часто названия словарей выглядят «коммерчески успешными», отражают сиюминутный запрос аудитории. Например: *Politics For Dummies: Top 75 Political Terms You Should Know*, *Ombura Donald Trump on Elephant – Funny Upcycled Vintage Dictionary*; S. Moises «*Dictionary of Political Incorrectness: Outrageously Funny*»; A. Bierce, J.H. Ford *The Devil's Dictionary of Ambrose Bierce – Complete and Unabridged*.

Однако, название также призвано категоризовать словарь (определить его место среди других подобных справочников). Оно устанавливает связь с другими словарными продуктами и программирует цепочку ассоциаций у пользователей. Поэтому часто в названии включена фамилия автора словаря или издательства, как некий гарант качества издания: *Pigott's Political Dictionary*, *Safire's Political Dictionary*; *Sharp's Dictionary of Power and Struggle: Language of Civil Resistance in Conflicts*; *The Oxford Handbook of Political Theory* и т.п. Наконец, заголовок дает ориентир для выработки стратегии восприятия всего словаря в целом и тем самым оказывает влияние на возникновение и усиление читательского интереса, либо, напротив, спад интереса.

На материале анализа более 250 словарей, регистрирующих общественно-политическую терминологию английского языка, целесообразно выделить ряд закономерностей в заголовках.

1. Название лексикографического справочника представляет собой исходную когнитивную модель определенной ситуации для передачи читателю определенных знаний. Структура заголовка организует некий когнитивный контекст, который нацелен на актуализацию тех или иных компонентов ситуации – как типических, так и потенциально возможных. Например, словарь K.X. Хантера *The Democrat Dictionary: An Essential Reference Guide to Understanding Liberal Politicians* (2019) является смелым вызовом демократам, потерявшим на тот момент популярность среди американских избирателей. Название «Словарь демократа» ставит в фокус объект – демократа, обладающего определенными отрицательными признаками, которые и образуют фрейм. На наш взгляд, в данном случае реализуется функция организации подтекста за счет изменения семантического объема политических слов в речах демократов-либералов. Это отчасти сатира, отчасти шутка, а отчасти серьезный комментарий к тревожной практике манипулирования языком со стороны либералов. Как пишет автор словаря в предисловии, «Конституция Соединенных Штатов является серьезным препятствием на пути либеральной повестки дня. Если вы радикальный левый и знаете, что не можете легко изменить Конституцию, как вы можете добиться радикальных изменений, которых вы хотите, прямо сейчас, не дожидаясь? Ответ очень прост: просто измените язык. Хотите отнять право на владение огнестрельным оружием? Просто измените значение слова «носить оружие» (*bear arms*), и Вторая поправка приобретет совершенно иной смысл. Если вы хотите отнять свободу вероисповедания, просто измените определение «свободного исполнения религиозных обрядов» (*free exercise thereof*), как сказано в Первой поправке».

2. Довольно часто в заголовках политических словарей используются готовые грамматические конструкции-вопросы/ответы, что помогает выстраивать повествовательный фрейм. Это напоминает результат поиска в интернете. Например, *The Devil's Diplomatic Dictionary: How to Summon Demons for Fun and Profit* (2017), *Crisis in America – Liberalism – Volume: A Dictionary of Liberal Terminology (How to Make Sense of Liberal-Speak)* (2018), *Dictionary of Republicanisms: The Indispensable Guide to What They Really Mean When They Say What They Think You Want to Hear* (2009), *'Isms & 'Ologies: All the Movements, Ideologies and Doctrines That Have Shaped Our World* (2007), *You Had Better Make Some Noise: Words To Change the World* (2018), *Political Tribalism in America: How Hyper-Partisanship Dumbs Down Democracy and How to Fix It* (2022). Читатель, на которого направлено действие, в данном случае получает некие инструкции к действиям, которые он найдет после прочтения справочника.

3. Излюбленным приемом у авторов словарных справочников является использование в заголовке фамилии политика. Это отражает роль личности в истории, передает идеологию целой эпохи. Например, *Encyclopedic Liberty: Political Articles in the Dictionary of Diderot and D'Alembert* (2016), *The Marx Dictionary: A Study of His Most Frequent Words and Phrases: A voyage through the remarkable universe of Karl Marx's ideologies. (PHILOSOPHERS IN HIS OWN WORDS)* (2023). Однако в XXI в. наблюдается особый всплеск изданий, посвященных Д.Трампу: M. Fontaine *The Trump Dictionary: Special Edition: The Insurrection* (2024), «*The Trump Dictionary: The Special Kind of LIAR's Edition*» (2024), *The Trump Dictionary: Re-Education of the American* (2023), *The Trump Dictionary Volume 1: A Political Satire Mainly in His Own Words* (2017), *Trumpisms: The Trump-to-English Dictionary* (2017), *The Trump Lexicon, or, the New King's English: Vol. 1: Campaign through First Year in Office* (2018), *The "Perfect" Trump Dictionary* (2020), *Trump to English Dictionary: What he really means when he says what he says* (2017), *The Trump-to-English Dictionary: 100 Famous quote made by Donald J. Trump, with an interpretation of what they actually mean* (2017), *The Dumbkins Dictionary* (2020) и др. Как мы видим, большая часть транслирует негативное отношение лексикографов к политику, довольно иронично высмеивает его личность, уровень образования, его вклад в развитие американского английского языка и т.п. Подобная стилистическая функция реализует выразительный потенциал взаимодействия языка самого корпуса этих словарей, их явного негативного оценочного содержания.

Безусловно, важно подчеркнуть, что более глубокий анализ заголовков политических словарей английского языка и их функций предполагает также лексикографический анализ непосредственно самих словарных изданий, что было выполнено нами ранее [Маник 2020]. Представляется необходимым продолжить анализ, выполнить сравнительно-сопоставительное исследование зарубежной и отечественной лексикографической практики.

Литература

Васильева Т.В. Когнитивно-функциональные аспекты заголовка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. URL: <https://cheloveknauka.com/kognitivno-funktsionalnye-aspekty-zagolovka>

Маник С.А. Англоязычная политическая лексикография: формирование, развитие, современное состояние: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2020.

Political Dictionary. Forming a Work of Universal Reference, Both Constitutional and Legal; and Embracing the Terms of Civil Administration, of Political Economy and Social Relations, and of All the More Important Statistical Departments of Finance and Commerce. London, 1845. URL: https://maint.loc.gov/law/mlr/Lieber_Collection-pdf/PoliticalDictionary_Vol-II.pdf

S.A. Manik (*Ivanovo, Russia*)

Ivanovo State University

TRANSFORMATION OF COGNITIVE MODEL OF DICTIONARY TITLE (AS EXEMPLIFIED BY POLITICAL DICTIONARIES)

The article deals with the description of transformations in the cognitive model of naming of English political dictionaries in the 21st century. Based on the analysis of more than 250 contemporary reference books, the author identifies the main trends in the formation of their titles and emphasizes the key functions of titles of lexicographic reference books of political life.

Key words: cognitive lexicography, political dictionary, title, cognitive model of naming

Ю.Б. Маркова (*Москва, Россия*)

*Московский государственный лингвистический университет
julia@themarkovgroup.com*

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ЛАТИНСКИХ СТИХОВ XVII ВЕКА

В докладе рассматриваются грамматические особенности выражения концепта ЛЮБОВЬ в английских переводах с латыни, выполненных поэтом XVII в. А. Броумом. Целью исследования было изучить разницу в использовании арсенала грамматических средств при выражении категории эмотивности в двух языках.

Ключевые слова: концепт, когнитология, эмотивность, синтаксис, поэтический дискурс.

Любому языку присуща эмотивность, т.е. в языке есть некоторые эмотивные знаки, которые могут отражать эмоции отдельного индивидуума, а иногда и целого социума в определенный период времени, которые входят в когнитивно-эмотивную структуру культурно-языкового кода языка. Можно говорить об эмотивности как имманентном свойстве языка. Эмотивное предложение – это предложение, в котором присутствует вербальное выражение эмоциональности при помощи различных языковых средств, а также чувственная оценка объекта. Когнитология как наука о структуре знаний тесно связана с эмотиологией – наукой о вербализации эмоций. Эмоции включены в структуру мышления и сопряжены с когнитивными процессами. Язык через языковую когницию вербализует эмоции [Шаховский 2008: 43]. Выражение эмоций – это часть национальной культуры, которая находит свое от-

ражение в языке. Мы ставим своей целью изучить грамматические особенности выражения концепта ЛЮБОВЬ в английских переводах латинской лирики XVII в. Согласно Ю. Прохорову, концепт замещает картину мира некоторой совокупностью знаков. Он одновременно и динамичен, и стабилен [Прохоров 2021]. Попытаемся установить в нижеприведенной песне (по латыни *saemen*) эмоциональную константу, присущую английскому лингвокультурному сообществу XVII в.

Первая половина XVII в. – это период барокко и классицизма в европейской поэзии. Самыми значимыми для литературы Англии в это время можно считать следующие три группы поэтов: поэты-метафизики, поэты-кавалеры и поэты школы Спенсера. Однако границы между ними достаточно размыты, и для каждого поэта характерны свои индивидуальные черты. Естественным образом, роль событий того времени во многом определяет творчество авторов. XVII в. характеризует рост интереса к обусловленности человеческой судьбы, к взаимодействию личного и общественного начал во внутреннем мире человека, к его зависимости от фортуны. Это был период, когда была активна церковь и нарастала волна религиозных настроений. Барокко было результатом глубоких социально-политических кризисов в Европе. Поэтому в поэзии отражено смятение, растерянность, иногда даже отчаяние, которые чувствовали представители интеллигенции (поэты-метафизики, в частности) в связи с катаклизмами. Оптимизм, бьющий ключом у поэтов Ренессанса, сменяется мрачной оценкой действительности. Еще одним важным направлением в поэзии XVII в. являются поэты-кавалеры. Стихи кавалеров были легче, более элегантными и возвышенными, чем у метафизиков. Большая часть кавалеров были близки ко двору. На их поэзию большое влияние оказали работы латинских авторов Горация, Цицерона и Ювенала. Их стихи полны эротизма в духе поэтов Золотого века римской поэзии (Катулла, Овидия, Проперция). Поэзия кавалеров перестала существовать в 1640-е гг., когда сошли со сцены ее лучшие представители, и в литературу пришло новое поколение талантливых художников, которые существенным образом видоизменили эту традицию, хотя и в их лирике явственно видны черты постепенно назревающего кризиса. Творчество поэтов-кавалеров и метафизиков – часть великой национальной традиции английской культуры, которая оказала огромное влияние на поэзию уже XX в.

Нас заинтересовал один из мало упоминаемых поэтов XVII в. А. Броум. Будучи адвокатом по профессии и роялистом по своим политическим убеждениям, А. Броум являлся автором многих застольных песен и сатирических строк. Современники высоко ценили его остроумие и сравнивали его с древнегреческим поэтом-лириком Анакреоном. Сам А. Броум переводил стихи латинских авторов, в частности Горация. Ниже приведены его перевод знаменитого стихотворения Катулла «К Лесбии» и сам оригинал на латыни.

My Lesbia, let us live and love,
Let crabbed Age talk what it will.

Vivāmus, mea Lesbia, atque amēmus,
Rūmōrēsque senum sevērīorūm

The sun when down, returns above,
But we, once dead, must be so still.

Kiss me a thousand times, and then
Give me a hundred kisses more,
Now kiss a thousand times again,
Then t'other hundred as before.
Come, a third thousand, and to those,
Another hundred kisses fix;
That done, to make the sweeter close,
We'll millions of kisses mix.
And huddle them together so,
That we ourselves shan't know how many,
And others can't their number know,
If we should envied be by any.
And then, when we have done all this,
That our pleasures may remain,
We'll continue on our bliss,
By un-kissing all again.
Thus we'll love, and thus we'll live,
While our posting minutes fly,
We'll have no time to vex or grieve,
But kiss and unkiss till we die.

Omnēs ūnius aestimēmus assis!
Sōlēs occidere et redire possunt:
Nōbīs, cum semel occidit brevis lūx,
Nox est perpetua ūna dormiēda.
Dā mī bāsia mīlle, deinde centum,

Dein mīlle altera, dein secunda centum,

Deinde ūsque altera mīlle, deinde centum,

Dein, cum mīlia multa fēcerīmus,

Conturbābimus īlla, nē sciāmus,

Aut nē quis malus invidēre possit,
Cum tantum sciat esse bāsiorum.

(Alexander Brome. *Courtship*)

Первое, что бросается в глаза, – это то, что английский перевод несколько длиннее оригинала, и поэт позволил себе добавить два четверостишия, в которых «развил» тему любви и скоротечности жизни, начатую римским предшественником. Попытаемся понять, почему это было нужно, проанализировав грамматические отличия в выражении категории эмотивности в обоих языках. Они сводятся к следующему:

1. Там, где в латинском оригинале используется синтетическая форма сослагательного наклонения *Conjunctivus Adhortativus* (*Vivāmus, amēmus, aestimēmus*), в английском языке XVII в. ее заменяет аналитическая форма повелительного наклонения (*let us live and love; let crabbed Age talk*), поскольку этой синтетической формы сослагательного наклонения нет в английском языке с XI в. Она употреблялась только в древнеанглийских текстах, например, *site!* (чтоб ты шел!) и отличалась от формы побудительного наклонения *sit!* (садись!);

2. В латыни нет модальных глаголов как особого класса недостаточных глаголов, идея долженствования выражается с помощью герундива, которого никогда не

было как формы глагола в истории английского языка (*Nox est perpetua ūna dormienda*). В латыни – это форма глагола, но она в синтаксической конструкции в качестве предикатива / именной части составного именного сказуемого согласуется в роде и числе с подлежащим, в данном случае с существительным *nox* (ночь) в женском роде единственного числа. В английском переводе поэт использует модальный глагол *must* (*we must be still*);

3. *Conjunctivus Prohibitivus* (*nē sciāmus, nē possit*), употребленный в оригинале, заменен на форму изъявительного наклонения (*we shan't know and others can't know*). Единственная аналитическая форма нереальности, засвидетельствованная в переводе, – это употребление модального глагола *should* с чистой глагольной основой в условном придаточном, выражающем маловероятное условие (*If we should be envied*). Обращает также на себя внимание свободный порядок слов, характерный для английского синтаксиса XVII в. Как видно, синтетические формы в английском языке данного столетия отмирают, но порядок слов еще не стал полностью фиксированным. Процесс завершится только в XVIII в., когда английская грамматика постепенно примет современный вид.

Возвращаемся к переводу А. Броума и к его двум последним четверостишиям. В них два раза фигурирует шуточный неологизм *unkiss*, который, конечно, отсутствует в тексте оригинала, а также в любом другом языке мира. Лексически это невероятно остроумное решение, это отсылка к глаголу *unlock* или любому другому глаголу с данной приставкой, обозначающей противоположное действие по отношению к свершенному (*to lock – to unlock; to kiss – to unkiss*). Теперь совершенно непонятно, сколько же всего было поцелуев (*tantum esse bāsiōrum*). Наше внимание также привлекло клише, использованное А. Броумом при переводе латинских строк. Оно же встречается в одном из сонетов У. Шекспира – *crabbed Age* (*раздраженная старость*). Суровые зловредные старики, которым более недоступны радости любви, могут только завидовать и осуждать молодых (*Rūmōrēsque senum sevērīōrum; nē quis malus invīdēre possit*), досадовать об утерянном времени и скорбеть (*to vex or grieve*). В стихотворении есть только две противопоставленные эмоции – эмоция радости, молодости и эмоция раздосадованной старости. Обе эмоции очень важны, так как тема скоротечности жизни незримо присутствует в данном произведении. Как видно, и римский, и английский концепт ЛЮБОВЬ зиждется на чувстве юмора как положительной эмоции при мысли о возлюбленной, и эта чувственная оценка имеет свою культурно-национальную специфику, которую поддерживают как морфология, так и синтаксис родного языка.

Литература

- Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта, 2021.
Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Y.B. Markova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

GRAMMAR PECULIARITIES OF EXPRESSING LOVE CONCEPT IN THE 17TH CENTURY ENGLISH TRANSLATIONS OF LATIN POEMS

The author dwells upon grammar peculiarities of expressing love concept in the 17th century English translations of Latin lyrics by poet A. Brome. She pursues the goal of studying grammar difference in the representation of emotiveness in both languages.

Key words: concept, cognitology, emotiveness, syntax, poetic discourse

Е.А. Марутина (Санкт-Петербург, Россия)

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
elizavetamarutina2017@gmail.com*

ЯДРО КОНЦЕПТА КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ

Междисциплинарный феномен «культура отмены» проявляется в различных областях жизни, затрагивает и повседневную, и научную сферы. В области гуманитарного знания проблемы канселлинга анализируются с позиций когнитивной лингвистики. В статье рассматриваются лексические средства выражения ядра концепта КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ (cancel culture).

Ключевые слова: концепт, концептуальная структура, полевая модель концепта, ядро концепта, культура отмены

Вторая половина XX в. ознаменовалась появлением нового направления в парадигме концепций мирового языкознания – когнитивной лингвистики. Ее задачей является исследование ментальных процессов, происходящих «при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин 2007: 9]. Когнитивный подход в изучении языка помогает осознать, осмыслить и вербализировать предметы и явления действительности. Подчеркивая эту сторону когнитивной лингвистики, В.В. Колесов характеризует ее как сущность «общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка» [Колесов 2012: 5].

Ключевым понятием и объектом изучения когнитивной лингвистики является концепт. «Краткий словарь когнитивных терминов» определяет концепт как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90]. Согласно Н.А. Красавскому, концепт – это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» [Красавский 2001: 43]. З.Д. Попова

и И.А. Стернин рассматривают концепт как «глобальную единицу мыслительной деятельности, квант структурированного знания», эксплицировать и познать содержание которого можно через язык [Антология концептов 2005: 7]. По определению Н.Н. Болдырева, концепт представляет собой «единицу осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами или событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2016: 4]. Соответственно, концепт является сложным, многослойным ментальным образованием, которое может быть вербализовано в языке определенными лексическими единицами.

Организацию концепта, как и структуру значения любого слова, можно описать в терминах «ядро» и «периферия». К ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта [Попова, Стернин 2001: 60].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать ядро нового активно развивающегося концепта КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ (от англ. cancel culture) в русскоязычных и англоязычных средствах массовой информации путем рассмотренных репрезентирующих его лексических единиц.

Рассматриваемый феномен возник на Западе в конце 2010-х гг., когда глагол «to cancel» получил новую коннотацию. Глагол использовался в социальной сети Twitter с целью выражения недовольства в шутилом тоне: «Он тебе не нравится? Ну и отмени его», а сам феномен не выходил за рамки социальных сетей. Однако в 2017 г. движение #MeToo (глобальное движение за равенство женщин) привело к институционализированию культуры отмены и последующей переоценке социальных взаимодействий не только в интернет-пространстве, но и в повседневной жизни. Следствием действий активистов стало то, что многие известные деятели политики и искусства лишились должностей, их произведения изымались из продажи, сцены с участием актеров вырезали из фильмов, «отменялись» эпохи и крупные деятели, представители интеллектуальной элиты. Развитие технологий, облегчающих передачу информации, упростило консолидацию общественного мнения, и культура отмены постепенно стала массовым феноменом, распространившимся по всему миру.

Одно из наиболее полных и точных определений понятия «культура отмены» дано доктором филологических наук Амурского государственного университета С.В. Шустовой: «культура отмены» – это схемы и технологии действий и сами действия (высказывания, поступки), призывающие других людей и целые компании к ответственности за действия дискриминационного характера, могущие использоваться в качестве своеобразного механизма цензуры, а также по причинам личной неприязни и из-за конфликта интересов в бизнесе и политике. „Отмене“ подвергаются публичные фигуры и знаменитости (актеры, певцы и певицы, политики и т. п.), совершившие неуважительные поступки по отношению к конкретной группе людей» [Шустова 2023: 206].

Языковое выражение концепта КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ реализуется различными способами, один из которых – лексический. Для определения характеристик ядра концепта были изучены дефиниции понятия «культура отмены» в ряде лексикографических источников и научных статей.

В результате анализа были выделены следующие лексические единицы, описывающие канселлинг и формирующие ядро данного концепта: *бойкот и остракизм; уничтожение / отрицание / разрушение; лишение поддержки*. Рассмотрим примеры того, как функционируют эти единицы.

Наиболее частотными являются лексические единицы *бойкот и остракизм*:

[культура отмены] – форма общественного *бойкота*, при котором человек или группа людей исключается из социальных и профессиональных кругов в качестве порицания действий или высказываний [Кузнецов 2022: 42]; [культура отмены] – попытка подвергнуть *остракизму* кого-либо за нарушение социальных норм [Norris 2023: 163]; [cancel culture] is modern *form of ostracism* ([культура отмены] – современная форма остракизма) [Urban Dictionary]; [cancel culture] is a social climate in which a person, organization, etc. is likely to be *ostracized* in response to a perceived wrongdoing ([культура отмены] – это социальная обстановка, в которой человек, организация и т.п., могут подвергнуться остракизму в ответ на неуважительные поступки) [Collins Dictionary]; культура исключения – публичное *бойкотирование* человека и его деятельности за высказывание им оскорбительных и дискриминационных взглядов [Multitran].

Лексические единицы *уничтожение / отрицание / разрушение* зачастую сопровождаются уточнением «публичное»:

[cancel culture is] *the act of damaging* someone's life or career ([культура отмены] – акт разрушения чьей-либо жизни или карьеры) [Urban Dictionary]; the phenomenon or practice of *publicly rejecting, boycotting, or ending support* for particular people or groups because of their socially or morally unacceptable views or actions; (феномен или практика публичного неприятия, бойкотирования или прекращения поддержки определенных людей или групп из-за их социально или морально неприемлемых взглядов или действий) [Dictionary.com].

Лишение поддержки также является языковым средством выражения ядра рассматриваемого концепта:

[cancel culture] is a culture, especially on social media, in which people *stop supporting* a person because they are encouraged to do so by someone that person has criticized ([культура отмены] – это культура, особенно распространенная в социальных сетях, в рамках которой люди перестают поддерживать человека, так как их к этому подталкивает тот, кто его раскритиковал) [Collins Dictionary]; a way of behaving <...> in which it is common to completely *reject and stop supporting* someone because they have said or done something that offends you (манера поведения <...>, при которой обычно полностью отвергают и прекращают поддерживать кого-то, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбило) [Cambridge Dictionary]; the practice

of *excluding* somebody from social or professional life by *refusing to communicate* with them online or in real life (практика исключения кого-либо из социальной или профессиональной жизни путем отказа общаться с ним в сети или в реальной жизни) [Oxford Advanced Learner's Dictionaries].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что семный состав основных лексических единиц, формирующих ядро концепта КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ, содержит негативные оценочные семы со значением отрицательного воздействия на объект. Дальнейшие перспективы исследования определяются необходимостью более детального рассмотрения и описания лексики ядра концепта, его периферии и связей с другими концептами.

Литература

Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивная природа языка: сборник статей. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 3-80.

Колесов В.В., Пименова М.В. Концептология: учебное пособие. Кемерово: КемГУ, 2012. Вып. 16.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград: Перемена, 2001.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Кузнецов Г. Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 3-4(17). С. 40-44.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Шустова С.В. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Т. 9. № 3. С. 203-217.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture>

Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/cancel-culture>

Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/cancel-culture>

Multitran. URL: <https://www.multitran.com/ru/dictionary/english-russian/cancel%20culture>

Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? // Political Studies. 2023. Vol. 71. No. 1. Pp. 145-174.

Oxford Advanced Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cancel-culture?q=cancel+culture>

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Cancel%20Culture>

E.A. Marutina (St. Petersburg, Russia)

Leningrad State University named after A.S. Pushkin

THE CORE OF THE CONCEPT OF CANCEL CULTURE: LEXICAL MEANS OF EXPRESSION

The interdisciplinary phenomenon of «cancel culture» manifests itself in various areas of life, and affects both everyday life and the scientific sphere. In the field of humanitarian knowledge,

the problems of cancellation are analyzed from the standpoint of cognitive linguistics. The article examines the lexical means of expressing the core of the concept of “cancel culture”.

Key words: concept, conceptual structure, field model of concept, core of concept, cancel culture

М.В. Меликян (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
melikyanr5@yandex.ru

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ АУДИОДЕСКРИПЦИЯ С ПОЗИЦИИ ФРЕЙМОВОЙ СЕМАТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФРЕЙМА «ПРОСТРАНСТВО»)

В статье рассматривается структура фрейма «Пространство» в текстах немецкоязычных аудиокomentarиев к документальному фильму с позиции фреймовой семантики, а именно соотносительности выбора языковых средств и когнитивных структур. В процессе фреймового анализа были выявлены основные слоты фрейма «Пространство» – локация, субъект и предикат.

Ключевые слова: аудиокomentarий, фрейм, фреймовая семантика, фреймовый анализ, когнитивная лингвистика

На современном этапе развития инклюзивных цифровых технологий актуальным является поиск и изучение новых механизмов, направленных на кодирование и трансформацию увеличивающегося информационного потока, на создание методик отбора, анализа и обработки мультимодальной информации с учетом когнитивно-сенсорных особенностей реципиентов с ограниченными возможностями здоровья [Анищенко 2024]. Исследования аудиодескрипции представляют новое формирующееся направление в языкознании, основывающееся на идеях когнитивной лингвистики, согласно которой аудиодескрипция рассматривается как последовательная когнитивная деятельность по передаче визуальной информации, получаемой из семиотически гетерогенного текста-источника посредством механизма фокусирования, в определенное коммуникативное пространство – социальную группу.

Стоит отметить, что текст аудиокomentarия воспринимается реципиентами с сенсорными особенностями как единое целое вместе с акустической информацией, получаемой из исходного семиотически гетерогенного текста [Mazur 2020, Wünsche 2023], а также кодируемой в зависимости от особенностей целевой аудитории и фоновых знаний. Для описания событий, демонстрируемых на экранах, могут быть применены положения фреймовой семантики, позволяющей «передавать знания ... об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2000: 40]. Так, в рамках одного звукофильма на аудиодескриптивном уровне выделяется ряд когнитивных моделей – фреймов, которые структурируют представления о мире, общем опыте, установки культуры и общеизвестные способы действий [Fillmore 1985].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении языковых средств и способов репрезентации фрейма ПРОСТРАНСТВО в немецкоязычных аудиокomentarиях, сопровождающих серию документальных фильмов «Terra X» на немецком вещательном телеканале ZDF, с позиции фреймовой семантики.

Согласно американскому ученому и основоположнику теории фреймов М. Минскому, фреймы, аккумулирующие типические, тематически единые ситуации, могут быть представлены в виде взаимосвязанной упорядоченной иерархической структуры, среди основных составляющих элементов которой принято выделять слоты [Минский 1979]. Верхний уровень – имя – задает параметры явления или события, актуальные в похожих ситуациях, низкие уровни заполняются определенной информацией, характерной для конкретно анализируемого фрейма, закрепленной в языковых единицах и отображающей свойства объекта.

Выбранный в качестве исследовательского материала 43-минутный звукофильм «Tabu – Betreten verboten!» [Tabu – Betreten verboten!] относится к жанру документального кино, особенностью которого является фокусирование внимания зрителей на острых социальных и политических аспектах жизни общества, способствуя формированию общих представлений о произошедших событиях у реципиентов. Контекст описываемой сцены, включающий вербальный, паравербальный и визуальный уровни, и создаваемое тем самым участниками коммуникации – аудиодескриптором, диегетическим нарратаром и реципиентом с сенсорными особенностями – ментальное пространство служат основой выявления фреймовых структур. Одним из центральных является фрейм ПРОСТРАНСТВО.

На уровне сюжета исследуемый звукофильм повествует о трех таинственных и запретных местах, некоторые из которых считаются священными, как скала Улуру в Австралии, другие опасны, как остров Кеймада-Гранди в Бразилии (также известный как Змеинный), а третьи нуждаются в защите, как Антарктида. В центре внимания всегда оказываются люди, чья судьба связана с такими местами, вызывающими или ужас, или тоску.

Методом фреймового анализа была изучена смысловая структура фрейма ПРОСТРАНСТВО с опорой на составленный корпус текстов аудиокomentarиев. Выделенные на основе функционально-семантической значимости слоты, занимающие верхний уровень, подразделяются на следующие компоненты: локация, субъект и предикат. Слоты низких уровней передают дополнительную информацию о явлении или событии, а также конкретизирующие характеристики объекта, локации и предиката, тем самым обобщая языковой материал.

Слот ЛОКАЦИЯ. Анализируя текст аудиокomentarиев в зависимости от демонстрируемых кинофрагментов семантически гетерогенного текста-источника, можно разделить фрейм ПРОСТРАНСТВО на три тематических кластера, характеризующих виды пространственных значений: 1) природные локации; 2) локации, созданные человеком; 3) виртуальное пространство.

Языковые единицы, выделяемые в кластере «природные локации», включают обозначения и описания окружающего материального мира, не созданного деятельностью человека, включая естественные условия и места природы:

(1). *Sammy steht in der trockenen Landschaft und sieht zum Uluru / Сэмми стоит на фоне сухого ландшафта и смотрит в сторону Улуру* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – М.М.);

(2). *Der flache Berg steht auf einer Ebene / Плоская гора возвышается на равнине;*

(3). *Der Berg von oben. Er ist ohne Bewuchs* / Вуд на гору сверху. Она лишена растительности.

Кластер «локации, созданные человеком» характеризуется наличием в тексте аудиокomentarиев языковых единиц, описывающих окружающее пространство, включая предметы, места и инфраструктуру в целом, созданные людьми (*Ein Förderband transportiert Gestein* / Конвейерная лента транспортирует горную породу; *Sammy wirft einen lange dünnen Stock wie eine Pfeil* / Сэмми бросает длинную тонкую палку, как стрелу) или возникшие в результате их деятельности (*Eine große Explosion schiebt die Erde in die Luft* / Большой взрыв поднимает землю в воздух; *Schmale Wasserfällen fließen herab. Auf Felswänden weiße Malereien* / Низвергаются узкие водопады. На скалах белые рисунки).

Исследуемый документальный фильм помимо информационной, публицистической и развлекательной функции выполняет также образовательную, что подразумевает использование различных цифровых технологий, обеспечивающих наглядное представление информации и облегчающих общее восприятие демонстрируемой темы реципиентам. Языковые единицы, закрепленные в тексте аудиокomentarия и входящие в кластер «виртуальное пространство», передают обозначения и описания сгенерированных трехмерных моделей продуктов социальной деятельности или ныне не существующих территорий:

(1). *Auf der animierten Erde Australien. Über einem Markierungsdreieck steht Uluru* / На анимированной планете Земля – Австралия. Улuru возвышается над условным обозначением в форме треугольника.

(2). *In einer Animation ein leuchtendes Schlangenwesen. Es wendet sich durch Höhlengänge. Licht strahlt aus einem Fleckenmuster: <...> Ihr gekringelter Körper stemmt eines Felsen hoch. Die Schlange wird braun und zum Uluru. Nur ein Auge glimmt weiter aus dem felsigen Gestein. Dann schließt sich das Lid und das Auge verschwindet* / Анимация. Светящаяся змея. Она пробирается через неощерные ходы. Свет льется из ее пятнистого узора. <...> Ее скрученное тело выталкивает горную породу на поверхность. Змея становится коричневой и сливается с Улuru. Только один глаз продолжает светиться с поверхности скалы. Затем веко сомкнулось, и глаз исчезает.

Слот СУБЪЕКТ. В корпусе текстов аудиокomentarиев лексические единицы, характеризующие субъекта, также подразделяются на три тематических кластера:

(1). Люди – *Eine Nonne unterrichtet Kinder* / Монахиня обучает детей;

(2). Живая природа – *Eine Schlange reißt das Maul auf* / Змея широко распахивает пасть;

(3). Неживая природа – *Der Uluru unter blauem Himmel* / Над Улuru голубое небо.

Слот ПРЕДИКАТ». Фреймовая семантика пространства охватывает не только вещественное окружение, отображаемое в семантически гетерогенном тексте-источнике, но и экстралингвистические факторы, влияющие на формирование взаимоотношений между элементами слотов с точки зрения принципов создания

аудиоописания, в т. ч. необходимости соблюдать временные рамки пауз между репликами диалогического нарратора. Среди основных синтаксических конструкций, заполняющих слот ПРЕДИКАТ следует выделить следующие:

(1). Назывные предложения – *Der Uluru-Rock / Скала Улурю; Ein verwaistes Klassenzimmer / опустевшая классная комната;*

(2). Эллиптические предложения – *Aboriginal People mit Wasserwesen und Tieren / Аборигены с водными обитателями и животными;*

(3). Модель «Субъект + предикат + объект» – *Der Blick gleitet unter Wasser / Взгляд скользит под воду.*

Таким образом, фреймовая структура тонфильма предстает как связующее звено между текстом аудиокомментария и визуальной, паравербальной и вербальной составляющей семиотически гетерогенного текста-источника. В рамках документального фильма фрейм ПРОСТРАНСТВО следует рассматривать как многоуровневое целое, где слоты верхнего уровня занимают ЛОКАЦИЯ – СУБЪЕКТ-ПРЕДИКАТ, а закрепленные в языковых единицах характеристики различных явлений и событий занимают нижние уровни.

Литература

Анищенко А.В. Когнитивно-эмотивные аспекты немецкоязычного аудиокомментария // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 614-618.

Болдырев Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Мичуринск: МГПИ, 2000. С. 37-45.

Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума. М.: Энергия. 1979.

Fillmore Ch. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. VI. № 2. Pp. 222-254.

Mazur I. A Functional Approach to Audio Description. Journal of Audiovisual Translation. 3(1). 2020. Pp. 226-245.

Tabu – Betreten verboten! // ZDF. URL: <https://www.zdf.de/dokumentation/terra-x/tabu-betreten-verboten-doku-100.html#audioOption=ad>

Wünsche M. Audiodeskription // Handbuch Audiovisuelle Translation: Arbeitsmittel für Wissenschaft, Studium, Praxis. Audiovisual Translation Studies. Band 2. Berlin: Frank & Timme GmbH. 2023. S. 149-155.

*M.V. Melikyan (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

GERMAN-LANGUAGE AUDIO DESCRIPTION FROM THE STANDPOINT OF FRAME SEMANTICS (FRAME “SPACE”)

This article concerns the structure of the frame SPACE in the texts of German-language audio commentaries to a documentary film from the position of frame semantics, namely the correlation between the choice of linguistic means and cognitive structures. In the process of frame analysis, the main slots of the frame SPACE – location, subject and predicate – were identified.

Key words: audio description, frame, frame semantics, frame analysis, cognitive linguistics

А.В. Мельникова, К.А. Мельникова (Ярославль, Россия)

Ярославский государственный технический университет

anymel20wynn@gmail.com, ledeja@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

В данной работе рассмотрены случаи концептуальной деривации фразеологических единиц с точки зрения явления лингвопрагматической нейтрализации. Определены признаки инвективизации (дискриминирующего значения) фразеологических единиц. В ходе исследования установлено, что употребление фразеологических единиц может выполнять функции инструмента лингвопрагматической нейтрализации.

Ключевые слова: концептуальная деривация, номинация, лингвопрагматическая нейтрализация, коммуникация, фразеологизм

Современную жизнь человека невозможно представить без коммуникации. Более того, развитие технологий привело к значительному увеличению объемов передаваемой и получаемой информации [Болдырев 2024: 15]. Повышенное внимание к использованию данных технологий и сети Интернет привело к появлению одного из наиболее влиятельных в настоящее время видов дискурса – медиадискурса [Бабаян 2022: 127]. Именно медиадискурсивная коммуникация в настоящее время стала одной из самых распространенных видов коммуникативного общения.

Тем не менее, многие исследователи отмечают некую маргинализацию медиадискурсивной коммуникации ввиду активизации социополитических и социально-экономических процессов, и, как следствие, употребление инвективных языковых конструкций коммуникантами [Ухова 2020: 100; Бабаян 2024: 247; Григорьева 2024: 248; и др.]. Данные конструкции часто становятся «причиной возникновения конфликтных ситуаций, основанных на конфликтной (вступающей в противоречие с общепринятой нормой) манере языкового общения» [Болдырев 2024: 16].

Однако невозможно не отметить, что официальные медиадискурсивные источники предпочитают использование нейтрализованных языковых средств [Радбиль 2021: 407]. Лингвопрагматическая нейтрализация – это лингвистический феномен, заменяющий, редуцирующий или исключаящий из коммуникативного употребления лексемы с негативным значением [Мельникова 2022: 355]. Использование таких языковых средств путем их вторичной, а часто, и последующей номинации позволяет редуцировать инвективные и/или дискриминирующие значения концептов, что приводит к осуществлению более успешной коммуникации [Болдырев 2024: 1661].

Основываясь на наших предыдущих исследованиях, следует отметить, что наиболее продуктивными способами образования нейтрализованных языковых средств являются эвфемизация, редукция дискриминирующих сем, модификация местоимений и морфологические изменения [Мельникова 2024: 163]. Тем не менее, все они так или иначе представляют собой случаи концептуальной деривации понятий.

В настоящем исследовании в качестве инструмента лингвопрагматической нейтрализации нами будут рассмотрены фразеологические единицы. Согласно мнению

Ш. Балли, «фразеологические единицы являются устойчивыми сочетаниями, смысл которых не определяется значениями составляющих их слов [Балли 2001: 88]. Следовательно, метафорическое значение фразеологических единиц содержит в себе признаки концептуальной деривации, что обуславливает употребление фразеологических единиц в качестве инструмента лингвопрагматической нейтрализации.

В рамках данной работы был проанализирован корпус из 200 фразеологических единиц английского языка, взятых с различных сайтов сати Интернет методом сплошной выборки. В ходе исследования определено, что 52 фразеологические единицы содержат признаки инвективизации (дискриминации) и могут быть отнесены к номинативной области «Дискриминация по физическому и психическому состоянию». Следовательно, количество фразеологических единиц, содержащих признаки инвективизации (дискриминации) составило 41% от числа рассматриваемых, что является значительной частью выборки.

Так, рассматривая фразеологическую единицу *Just off the boat* можем отметить, что ее употребляют по отношению к наивному и неопытному человеку, но в несколько негативной коннотации. Например, «*Just Off the Boat*» was one of the only shows prominently featuring an Asian-American family, and was heralded during its debut in 2015 for being one of the first to bring a long under-represented group to Hollywood's small screen [CNN] // «**Наивные**» – единственный сериал с участием азиатско-американской семьи, и во время своего дебюта в 2015 г. он был отмечен как один из первых, в котором показана жизнь социальной группы, которой в течение долгого времени не уделялось должного внимания. Полагаем, что фразеологическая единица может быть отнесена к номинативной области «Дискриминация по физическому и психическому состоянию» и призвана скрыть истинную интенцию адресата и нейтрализовать концепт НАИВНЫЙ, инвективная составляющая которого ближе к концепту ГЛУПЫЙ.

Фразеологическая единица *Off your chump* употребляется по отношению к нерациональному поведению человека; она может быть отнесена к номинативной области «Дискриминация по физическому и психическому состоянию» и призвана нейтрализовать концепт ГЛУПЫЙ. Похожей по значению является фразеологическая единица *Off your rocker*. Например, *Ted Cruz tells Donald Trump supporter he's 'playing you off as a chump'* [The Week News] // По словам Теда Круза, Дональду Трампу ничего не стоит показать собеседника в **нелицеприятном свете**. Медиадискурсивный источник использует данную фразеологическую единицу для нейтрализации инвективного (дискриминирующего) концепта.

Фразеологическая единица *cut the mustard* означает, что кто-то не соответствует требованиям, терпит неудачи или не достигают требуемого стандарта. Использование данного выражения призвано нейтрализовать концепт НЕОБЫЧНЫЙ (не соответствующий стандартам). Например, *But relatively good-humoured clearly isn't cutting the mustard on this one* [The Times] // Однако относительная доброжелательность здесь **явно не к месту**. Медиадискурсивный источник также использует данную фразеологическую единицу для нейтрализации инвективного (дискриминирующего) концепта.

Следовательно, не обладая экстралингвистическими знаниями, невозможно понять истинное значение данных фразеологических единиц. Исходя из данных анализа языкового материала можно сделать вывод о том, что концептуальная деривация позволяет осуществить полную или частичную нейтрализацию инвективных (дискриминационно-маркированных) коннотативных компонентов значений фразеологических единиц. Отметим, что инвективное значение может подвергаться как частичной, так и полной нейтрализации. Таким образом, фразеологические единицы могут выполнять функцию инструмента осуществления лингвопрагматической нейтрализации.

Литература

Бабаян В.Н. Способы реализации коммуникативного воздействия в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 126-132.

Бабаян В.Н. Основные способы реализации вторичной номинализации в медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-2 (57). С. 246-249.

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС. 2001.

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа бесконфликтной языковой коммуникации // Три “Л” в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 г. М.: Языки Народов Мира, 2024. С. 15-22.

Болдырев Н.Н. Потенциально конфликтная интерпретация языковых средств на уровне синтаксиса // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады, Санкт-Петербург, 12-16 сентября 2023 г. СПб: МАПРЯЛ, 2024. С. 1661-1665.

Григорьева В.С. Асимметрия знаний как причина неэффективности межкультурной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1(58). С. 645-649.

Мельникова К.А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в российском медиадискурсе // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: Сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Ярославль, 20–21 мая 2022 г. Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2022. С. 354-358.

Мельникова К.А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (на материале англо- и русскоязычных медианотичников): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2024.

Радбиль Т.Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. № 8 (4). С. 406-420.

Ухова Л.В. Исследование структурно-семантических характеристик сленга русской студенческой молодежи // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3 (39). С. 96-106.

CNN News. URL: <https://edition.cnn.com/2019/11/08/entertainment/fresh-off-the-boat-end-ing-trnd/index.html>

The Times. URL: <https://www.thetimes.com/world/us-world/article/new-orleans-bourbon-street-attack-what-happened-86xvzslqk>

The Week News. URL: <https://theweek.com/speedreads/621997/ted-cruz-tells-donald-trump-supporter-hes-playing-chump>

Using Language. URL: <https://www.usingenglish.com/reference/idioms/>

A.V. Melnikova, K.A. Melnikova (Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Technical University

CONCEPTUAL DERIVATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN TERMS OF LINGUOPRAGMATIC NEUTRALISATION

This paper considers cases of conceptual derivation of phraseological units in terms of the phenomenon of linguopragmatic neutralisation. The research concerns with determining of invectivisation (discriminating meaning) of phraseological units. Hence, the phraseological units can perform the functions of linguopragmatic neutralization tools.

Key words: conceptual derivation, nomination, linguopragmatic neutralisation, communication, phraseological units

К.А. Мельникова (Ярославль, Россия)

Ярославский государственный технический университет

ledeja@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ В РАМКАХ ЯВЛЕНИЯ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

В данной работе рассмотрены особенности номинации лексических единиц в рамках явления лингвопрагматической нейтрализации. Определены основные способы реализации номинативных функций инвективных медиадискурсивных языковых средств. Выявлено, что, наиболее частотными способами номинации являются подмена понятий, омонимия и метафорический перенос понятий.

Ключевые слова: концептуальная деривация, номинация, лингвопрагматическая нейтрализация, коммуникация, медиадискурс

В настоящее время коммуникативная компетенция становится одной из самых востребованных компетенций современного человека. Зачастую успешность коммуникации определяют языковые средства, используемые ее участниками [Linell 2007]. По мнению некоторых исследователей, «именно степень концептуальной и языковой мотивированности вновь создаваемых вторичных структур в плане их четкой деривационной соотнесенности с базовыми (нормативными) знаниями коллективного уровня обеспечивает эффективность концептуального и языкового взаимодействия между отправителем и получателем информации в процессах их языковой коммуникации» [Болдырев 2024: 16]. Таким образом, коммуниканты используют нейтрализованные посредством косвенной номинации языковые средства, которые находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, т.е. коррелируют по денотату понятия, но различаются по их прагматическому аспекту употребления. Данное обстоятельство привело к появлению так называемой негативной вежливости, которая заключается в неиспользовании речевых актов, которые поставили бы в неудобное положение или оскорбили адресата. По мнению некоторых исследователей, использование политкорректного языка, антисексистских и других выражений являются проявлениями негативной вежливости [Ладонина 2020: 123].

Однако, согласно нашим предыдущим исследованиям, можно определить данные процессы в контексте лингвопрагматической нейтрализации, которая представляет собой замену, редукцию или исключение из коммуникативного употребления лексем с негативным (инвективным) значением [Мельникова 2024: 65]. Нейтрализованные в прагматическом контексте дискурса языковые средства «довольно часто обладают образно-метафорическим значением» [Бабаян 2024: 247]. Иными словами, для них характерно использование языковых средств в новой, необычной для них функции наречения [Телия 1977: 96]. Следовательно, языковое средство претерпевает процессы вторичной, а иногда и последующей номинации. Тем не менее, всегда можно отметить наличие «концептуальных связей, обеспечивающих взаимодействие исходного и производного концептов» [Болдырев 2022: 22]. Таким образом, нейтрализованное языковое средство сохраняет концептуальное понятие, но в процессе лингвопрагматической нейтрализации происходит изменение инвективного (негативного) коннотативного компонента понятия на нейтральный или положительный [Болдырев 2024: 29].

Тем не менее, существует проблема номинации нейтрализованных языковых средств. Концептуальная деривация осуществляется несколькими способами, среди которых можно выделить подмену понятий, омонимию и метафорический перенос понятий. Интересно, что в процессе лингвопрагматической нейтрализации, вторично номинированные посредством концептуальной деривации языковые средства, могут подвергаться дальнейшей нейтрализации и номинации. Более того, в ходе лингвопрагматической нейтрализации выделяют следующие этапы ее осуществления: появление языкового средства, изменение его коннотативного компонента под влиянием различных социальных практик, возникновение лингвопрагматической оппозиции и динамическая нейтрализация [Мельникова 2024: 75]. Изменения коннотативного компонента понятия приводит к появлению (вторичной номинации) нейтрализованного языкового средства, однако в рамках явления лингвопрагматической нейтрализации может происходить дальнейшая номинация языкового средства. Полагаем, что данное явление характерно практически для всех языков и носит системный характер.

Так, например, рассмотрим концепт ИНВАЛИД в русском языке и DISABLED (англ: неполноценный (физически)) / RETARDED (англ: умственно-отсталый, дебилный) в английском. Данный концепт включает в себя понятия, используемые в различных сферах нашей жизни, включая здравоохранение, медиадискурс, бытовую сферу и т.д., и применяется обычно при обозначении людей, имеющих физические и психологические ограничения здоровья. Однако современная коммуникативная парадигма обуславливает использование нейтрализованных языковых средств в отношении данного концепта. Так, русскоязычное употребление концепта ИНВАЛИД (психологические ограничения) характеризуется использованием языкового средства «с ограниченными умственными способностями», однако прослеживается дальнейшая нейтрализация данного концепта. Так, например, сейчас таких людей

называют «людьми с особенными потребностями», «особенными» (о детях), «с особенностями психического развития». Таким образом, можем отметить дальнейшую номинацию вторичной номинации концепта ИНВАЛИД.

Также вторичная номинация употребления концепта DISABLED в английском языке – *people with disabilities* – люди с ограниченными физическими возможностями претерпела дальнейшую нейтрализацию и обусловило появление языковых средств *physically different* – обладающие иными физическими возможностями.

Однако вторичная номинация употребления концепта RETARDED в английском языке – *mentally handicapped* – с ограниченными умственными способностями далее была нейтрализована в *learning disabled* – испытывающие затруднения в обучении, испытывающие трудности в усвоении материала, затем в *mentally challenged, special* – отличающиеся умственно от других, особенные (о детях), а в своем медиадискурсивном выражении в *R-word* – слово на букву «р». Таким образом, можем отметить дальнейшую номинацию вторичной номинации концепта ИНВАЛИД как в русском, так и в английском языках. Отметим, что использование нейтрализованных языковых средств с одной стороны служит целям осуществления успешной коммуникации, но, с другой стороны, затрудняет понимание смысла высказывания рецепиентом.

Рассмотрев корпус из 300 англоязычных и русскоязычных медиаконтекстов, содержащих инвективные языковые средства концепта ИНВАЛИД, можем отметить, что 38% нейтрализованных языковых средств претерпевают не только вторичную, но и дальнейшую номинацию понятия. Проанализировав способы номинации в рассматриваемых медиаконтекстах, можем отметить, что подмена понятий представляет собой наиболее частотный способ вторичной номинации и его доля составляет 34%. Следующими по частотности способами являются омонимия и метафорический перенос понятий, доля использования которых составляет 21% и 14%, соответственно.

Таким образом, анализ результатов исследования позволяет определить особенности номинации в рамках явления лингвопрагматической нейтрализации концептов с точки зрения изменения их коннотативного компонента с отрицательного на положительный или нейтральный. Определено, что наиболее частотными способами номинации являются подмена понятий, омонимия и метафорический перенос понятий. Однако необходимо отметить, что мелиоративный эффект нейтрализованных понятий часто снижен одновременным речевым использованием как нейтрализованных, так и инвективных языковых средств, что довольно часто обусловлено искусственной номинацией концептов, их узуальностью и динамическим характером явления лингвопрагматической нейтрализации.

Литература

Бабаян В.Н. Определение лингвопрагматических особенностей заголовка в англоязычном медиадискурсе // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2024. Т. 34. № 2. С. 324-336.

Бабаян В.Н. Основные способы реализации вторичной номинализации в медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. № 1 (57). С. 246-249.

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа бесконфликтной языковой коммуникации // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 г. М.: Языки Народов Мира, 2024. С. 15-22.

Болдырев Н.Н. Основы когнитивной теории бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1 (58). С. 27-31.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1(48). С. 19-79.

Ладонина А.Н. Реализация стратегии негативной вежливости в современном политическом дискурсе (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Корбина) // Modern Studies of Social Issues. 2020. Vol. 12. № 1. URL: <http://soc-journal.ru>

Мельникова К.А. Хронологический аспект лингвопрагматической нейтрализации дискриминационно маркированных языковых средств // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2024. № 3 (7). С. 74-80.

Мельникова К.А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (на материале англо- и русскоязычных медиаисточников): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2024.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Linell P. Dialogicality in languages, minds and brains: is there a convergence between dialogism and neuro-biology? // Language Sciences. 2007.

K.A. Melnikova (Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Technical University

FEATURES OF NOMINATION IN LINGUOPRAGMATIC NEUTRALISATION PHENOMENON

The paper considers the features of lexical units' nomination within the framework of the phenomenon of linguopragmatic neutralisation. Research defines the main methods of nominative functions of investive media discursive linguistic units. Hence, the most productive ways of nomination are substitution of concepts, homonymy and metaphorical transfer of concepts.

Key words: conceptual derivation, nomination, linguopragmatic neutralisation, communication, media discursive language units

А.П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ И МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Концептуальные метафоры и метафорические модели, функционирующие в политическом дискурсе как средства воздействия, передают сложную информацию в доступной форме, моделируя политическую действительность в заданном ключе. Как парадигмально обусловленные вариативные метафорические модели, изменяющиеся со сменой парадигм, так и ин-

варианты метафорические модели, сохраняясь веками, формируют стереотипное восприятие политики.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, политический дискурс, воздействие, концептуализация

В настоящее время изучение метафорических моделей относится к одному из наиболее актуальных и востребованных направлений когнитивной лингвистики. Метафорические модели, развившиеся из теории концептуальной метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, рассматриваются как самостоятельное направление когнитологии. Метафорические модели как системные способы концептуализации и структурирования абстрактных понятий также, как и концептуальные метафоры, опираясь на познанные понятия и явления, базируются на дихотомической структуре, состоящей из сферы-источника и сферы-цели, соединяющих «действительное с невозможным» [Аристотель 1998: 1099], что приводит к нивелированию границы между означенными феноменами. В отличие от метафоры, пребывающей в разных мирах одновременно – конкретном и абстрактном, которую на протяжении веков воспринимали неоднозначно, метафорические модели были приняты научным сообществом безоговорочно, став предметом всестороннего научного исследования. Многоплановые и многомерные метафоры, способствующие созданию множества образов, вызывают разнообразные ассоциации, эмоции и чувства, способствуя восприятию событий с определенных позиций, повышая уровень интеллекта. О ментальном пространстве, создаваемом метафорами писал Джон Локк в XVII в., называя его воображением [Локк 1985: 255-256]. Эпистемологические перспективы метафоры предопределил Аристотель [Аристотель 1998], ее онтологический аспект был осознан во второй половине XX в. Обратившим свой взор на невидимое, Дж. Лакофф и М. Джонсон постулировали метафору как феномен сознания, сделав вывод о метафоричности всей понятийной системы, в рамках которой человечество думает и действует [Лакофф, Джонсон 2004: 25], включая политику.

В современном политическом дискурсе метафоры, моделирующие политическую реальность, играют определяющую роль: как средство концептуализации политической действительности, они не только формируют представление об объекте, но предопределяют стиль и способ мышления о нем [Арутюнова, 1999: 348], являясь одной из форм видения мира. «Сложные, непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами» [Кубрякова 1997: 55], облегчая восприятие сложной информации. Одновекторное проецирование конкретных понятий сферы-источника на абстрактные понятия сферы-мишени способствует созданию ярких образов, которые служат барометром социально-политического и экономического состояния государств в конкретный период их развития [Landsheer 1991]. Метафоры, будучи манипулятивны по своей природе, не навязывают готовые мысли социуму, а подготавливают его к аксиоматичному воспри-

ятию конкретных политических взглядов и идей, латерально акцентируя наиболее значимые. Концептуальные метафоры политического дискурса передают информацию с определенных оценочных позиций, интерпретационный потенциал которых [Болдырев 2013] структурирует и упорядочивает понятийную систему человека, способствуя проникновению конкретных установок в сознание масс, воспринимающих их как норму. Язык метафоры – это язык персуазивности и суггестии. Метафоры убеждают без аргументов, заменяя их яркими и запоминающимися образами. Речи политических ораторов, предназначенные для внутренней аудитории основаны на общем культурном коде, удачные концептуальные метафоры которых, призванные облегчить коммуникацию, надолго остаются в памяти реципиентов. Метафорические модели политического дискурса, в отличие от политических метафор, единичных явлений, выражающих абстрактные понятия через конкретные образы, представляют собой концептуальные кластеры, отражающие мысли политиков, политтехнологов и журналистов.

Политический дискурс прошел длинный путь в своем развитии, каждый этап которого маркирован не только отдельными метафорами, но и соответствующими, **исторически обусловленными уровнем воспроизводства и трансформации социума, метафорическими моделями, которые определяются как «метафорически связанные поля сигнификативных дескрипторов»** [Баранов 2014], служащие образцом для возникновения новых вторичных значений [Чудинов, 2001:11]. Метафорическое моделирование – это сложный когнитивный процесс формирования универсальной эпистемологической категории, выражающей общую семантику политического дискурса и формирующей у адресата определенные стереотипы мышления [Зарипов 2016: 8], что способствует концептуализации мира политики. В политическом дискурсе отчетливо выделяют два вида метафорических моделей: инвариантные, базирующихся на **архетипических метафорах, сохраняющих свою ядерную структуру неизменным на протяжении веков и вариативные, парадигмально обусловленные, постоянное обновление которых необходимо для сохранения силы их воздействия, которая нивелируется** нереперентностью политической ситуацией их функционирования. Метафорическая модель – это постоянно развивающаяся единица, динамизм которой обусловлен сменой парадигм, что приводит к появлению новой системы метафор, поскольку «новая политическая реальность рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели» [Чудинов 2003: 29]. Метафоры, составляющие основу вариативных метафорических моделей, отражающих современное состояние политической действительности, были семантически классифицированы на: антропоморфные; природоморфные; социоморфные; артефактные [Чудинов 2001]. На основе анализа массива политического дискурса была установлена универсальная структура метафорических моделей [Чудинов 2001], позволяющая на каждом

новом витке политического развития выводить фреймы и слоты соответствующие времени их появления. Политическая деятельность может быть репрезентирована метафорическими моделями, такими как путешествие и движение: *When the county is moving on the path of progress, voters are looking for a candidate who can chart a bold new course for the country*; как *снопм*: *It's the nature of the political game that some fans perpetually insist their team is on the brink of a landslide victory*; как *игра в шахматы*: *Playing geopolitical chess in central Europe: Pawns, knights, and kings in a high-stakes game*; как *meamp*: *The Republican debate was a spectacle of sadism and self-regarding piousness*; как *экономика и бизнес*: *Each political party is trying to sell their vision to the American people, like a product in the marketplace*; как *природное явление и стихийное бедствие*: *Voters are looking for a steady hand at the tiller to navigate the turbulent political waters*; как *строительство и архитектура*: *I want you to be able to build some wealth, to build a stronger economy* [Harris 2024]; как *человек и его здоровье*: *The discord and division in our society must be healed* [Trump 2024]. Метафорические модели наделяют абстрактные политические процессы и понятия конкретными, часто драматическими образами. Они не только структурируют мышление целевой аудитории, но и эмоционально окрашивают политический дискурс, побуждая к действию, определяя место стран в международных отношениях посредством метафоры гасстики: *If you are not at the table in the international system, you're gonna be on the menu* [Sitdikov 2024]. Метафорические модели повышают ставки политической борьбы. Сочетание спорта, бизнеса и природных катастроф создают эпическую картину борьбы за власть. Количество метафорических моделей, репрезентирующих концептуальное поле ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ КАК ВОЙНА, которые ведут политические партии за победу, отстаивая свои интересы, значительно увеличиваются в западном предвыборном политическом дискурсе. К наиболее эффективным относятся метафорические модели, репрезентирующие выборы как битву на поле брани: *The main election battleground was the political debate on television*; *политиков как солдат*: *Biden fends off attacks from all sides in second round of Detroit debate*; *политические стратегии как военные стратегии*: *Strategic voting is voting in consideration of possible ballots cast by other voters in order to maximize one's satisfaction with the election's results*. Результаты голосования на президентских выборах предстают как итоги войны: *Republican party overwhelms Democrats in a sweeping election victory across the United States*.

Несмотря на то, что метафорическая модель, репрезентирующая политические выборы как военные действия, четко структурирована в сознании масс и является одной из наиболее изученных, она «навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном» [Чудинов 2001: 105] пространстве их решения. Политика, проводимая конкретными партиями, обуславливает появление разнообразных метафорических моделей.

Подводя итог следует сказать, что метафорические модели политического дискурса, характеризующиеся структурированностью, концептуальным переносом и культурной спецификой, направляют мысль целевого социума в заданное политическое русло, создавая коммуникативное событие. Будучи источником открытий, они демонстрирует состояние дел в политике настоящего, предопределяя будущее.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: (Синтаксис и лексика) // Язык мир человека. М.: Прогресс, 1999.
- Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998.
- Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 12-22.
- Заринов Р.И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М.: Р. Валент, 2016.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2001.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2003.
- Landsheer Ch. de Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4. Pp.299-342.
- Harris Speech in Pittsburgh. Sep. 26, 2024. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/harris-speech-in-pittsburgh>
- Stdikov R. Says Modern Int'l System Places Countries Either at Table or On Menu // World. 17.02.2024. URL: <https://sputnikglobe.com/20240217/blinden-says-modern>
- Trump's Convention Speech // New York Times. July 19, 2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/19/us/politics/trump-rnspechtranscript>

A.P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

CONCEPTUAL METAPHORS AND METAPHORICAL MODELS AS MODERN POLITICAL DISCOURSE CONCEPTUALIZATION TOOLS

Conceptual metaphors and metaphorical models of political discourse as powerful tools of persuasion and suggestion convey complex information in an easily understandable way, modelling ideologically conditioned political reality. Both variable metaphorical models, which change with paradigm shifts, and invariant metaphorical models, which remain unchanged for centuries, construct patterns for the perception of politics.

Key words: metaphorical models, political discourse, persuasion and suggestion

О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
oamih@yandex.ru, jmikhalova@yandex.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И НЕОДУШЕВЛЕННЫМИ СУБЪЕКТАМИ (НА ОСНОВЕ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ)

Статья посвящена исследованию класса русских предикатов функционального состояния, которые синтагматически связаны с неодушевленными субъектами, инкорпорированными в семантику предиката. В опоре на данные Национального корпуса русского языка показано, что рассматриваемые коллокации с глаголами в основных значениях образуют экзистенциальные предложения, тогда как глаголы во вторичных значениях образуют предложения характеризующего типа.

Ключевые слова: семантика, глагол, предикат, функциональное состояние, пропозиция

Специфика национального сознания проявляется в том, что каждая этнокультура по-своему членит окружающий мир, категоризирует и структурирует его, что отражается главным образом в лексической системе языка. Системность является основным признаком языка как частной семиотики, и благодаря когнитивному механизму единицы лексического уровня группируются в лексико-семантические множества по разным основаниям. Когнитивная семантика предполагает «выход за рамки собственно языковых значений и обращение ко всему объему знаний говорящего, знаний об окружающем мире, человеке, языке» [Болдырев 2014: 119]. Ядром лексической системы традиционно считается глагол-предикат, обладающий глубоким семантическим содержанием и богатыми валентностными возможностями.

Особое место в системе глагола занимают предикаты, характеризующие неодушевленные субъекты: *Солнце светит; Сердце бьется; Мотор работает*. С одной стороны, эти глаголы обозначают процесс, который осуществляется, т.е. имеют акциональное значение; с другой стороны, в семантике таких глаголов присутствует в качестве доминирующей сема ‘быть’. Неодушевленные субъекты по своей природе не могут производить активных действий, поэтому следует говорить об их функциональном состоянии как о существовании предмета. Эти глаголы принадлежат к неакциональным, бытийным предикатам, «которые в виде действия представляют существование предметов, их отношения, их состояния и свойства» [Золотова 1982: 159]. При этом особенность большинства глаголов заключается в том, что они имеют ограниченную сочетаемость, обусловленную включенным (инкорпорированным) субъектом, который на уровне семной структуры соответствует лимитирующей семе [Михайлова 1998], представленной в словарном толковании ограниченным кругом лексем или единственной лексемой. Так, позицию субъекта при предикате *топиться* может замещать только существительное *печь* либо его

функциональные эквиваленты, при предикате *таять* – только *свеча*. Ср.: *В землянке было прохладно, печурка не топилась, но заниматься ею не хотелось* – Получают обозначение различные виды духов, например, *лаванда* – духи, одеколон с запахом вечнозеленого кустарника или полукустарника семейства губоцветных, из соцветий которого добывается эфирное масло. Некоторые из них являются необычными для русских, так как характеризуются запахом экзотических растений (так, например, *пачули* – это сильно пахнущие духи из эфирного масла, добываемого из листьев и веток тропического ветвистого полукустарникового растения семейства губоцветных с душистыми листьями и ветками; *опопанакс* – духи, приготовляемые из обладающей сильным запахом смолы южного травянистого растения семейства зонтичных) или связаны с редкими животными (*мускус* – духи, в состав которых входит сильно пахнущее вещество, вырабатываемое железами некоторых животных (кабарги, овцебыка, бобра и других) или находящееся в корнях некоторых растений и применяемое в парфюмерии).

Отношения противоположности (антонимии), ярко представленные во второй когнитивной-денотативной подгруппе «Запах» (см., к примеру, противопоставления *аромат* – *вонь*, *ароматный* – *вонючий* и их синонимы) и образности (метафорической репрезентации), находящие выражение в ассоциативно-образной конкретизации семантики, отсутствуют.

Делая выводы, можно утверждать следующее: метод концептуального картирования или картографирования применяется в когнитивных науках с целью получить в виде наглядной модели картографическую сетку связей и отношений каких-либо объектов, явлений, событий, основанную на показе изучаемых предметов в очевидном для непосредственного наблюдения виде.

Картограмма является своеобразным мыслительным блендом: общим свойством с термином «когнитивная карта» выступает упрощенность воплощения существующих в сознании носителя языка знаний о связях ее объектов; от понятия «схема» картограмма «заимствует» пространственное представление ментальных связей. Объединяющей для двух понятий когнитивистики основой выступает наглядное представление о сложных ментальных сущностях и отношениях между ними, в большинстве случаев, имплицированных в языковых единицах и их значениях.

Литература

- Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2014. № 6 (335). Вып. 88. С. 118-122.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука. 1982.
- Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике русского слова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: бытийный тип. М.: Русский язык. 1983.

*O.A. Mikhailova, J.N. Mikhailova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University*

LINGUOCOGNITIVE INTERPRETATION OF STATEMENTS WITH FUNCTIONAL STATE PREDICATES AND INANIMATE SUBJECTS (BASED ON CORPUS DATA)

The article studies a class of Russian predicates of functional state which are syntagmatically related to inanimate subjects incorporated into the semantics of the predicate. Based on the data of the National Corpus of the Russian Language, it is shown that the considered collocations with verbs in the main meanings form existential sentences while verbs in secondary meanings form sentences of the characterizing type.

Key words: semantics, verb, predicate, functional state, proposition

*Ш.В. Монгуш (Кызыл, Россия)
Тувинский государственный университет
shenne2242@mail.ru*

КОНЦЕПТ ОХОТНИК: ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА)

В статье представлены лексические единицы тувинского языка, репрезентирующие концепт ОХОТНИК. Выявлены как внешние черты, так и основные качества характера охотника с опорой на тексты художественных произведений, приведены сопредельные концепты, дополняющих представление о становлении охотника как мастера своего дела. Описаны национально маркированные микроконцепты ОДЕЖДА и ПРИСТАНИЩЕ, которые раскрывают особенности национального восприятия охотника и формируют образ благородного человека, заслуживающего уважения.

Ключевые слова: концепт охотник, концепт ОДЕЖДА, концепт ПРИСТАНИЩЕ, лексические средства, национальное мировоззрение.

Процесс концептуализации позволяет выявлять когнитивные признаки происходящих вокруг явлений и расширять представление о существующих понятиях, сохраняя при этом их языковую уникальность. Возникновение смыслов в ходе концептуализации часто определяется культурой того или иного народа, что позволяет выявлять как специфические национальные, так и универсальные языковые черты. Обладая понятийным, образным и ценностным компонентом (характеристика В.И. Карасика), концепт в языковом сознании приобретает многомерную сеть значений, «которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами» и т.д. и обуславливают своеобразие национальных представлений, формирующихся в той или иной культуре [Карасик 2002: 142], получая образную составляющую. Образность лексем, получаемая ими обычно в контексте, «квалифицируется как семантическая двуплановость, когда представление об одном фрагменте действительности (предмете, явлении, событии, ситуации и т.д.) передается в речи через называние иного фрагмента действительности (предмета, явления, события, ситуации и т.д.)» [Иванов и др. 2021: 240].

Охота – один из самобытных векторов развития тувинской культуры, определяющих основные виды деятельности тюркоязычных этносов. В этой связи становится актуальным рассмотрение концептов, связанных с этим древнейшим промыслом. Концепт ОХОТА рассматривался нами ранее: проанализирована охотничья лексика из произведения К.-Э.К. Кудажы «Таңды кежи» («Таежные дары»), охарактеризованы фразеологические репрезентанты концепта ОХОТА как элементы концептосферы писателя [Монгуш 2024].

С процессом охоты непосредственно связан сам охотник – человек, чья деятельность имеет в Туве особое значение, поэтому требуют детального рассмотрения репрезентанты концепта ОХОТНИК для понимания национального представления о нем. Цель данной статьи – охарактеризовать лексические средства, служащие репрезентантами концепта ОХОТНИК в тувинском языке.

Характеризуя уровень умений охотника, тувинцы используют выражения *дур-жулгалыг аңчы* ‘опытный охотник’; *улуг аңчы* ‘большой охотник’ в значении ‘умелый’; *ёзулуг аңчы* ‘настоящий охотник’, последнее служит для номинации охотника, придерживающегося неписаных правил охоты, соблюдающего традиции и обычаи охотников. Общим для этих категорий охотников выступает наличие опыта, что находит подтверждение и в тувинских пословицах: *Хулбус аткан черинден хуннуң аңнаар* ‘Где раз застрелил косулю, каждый день туда ходит охотиться’ [Мудрость народа 1976: 62]; *Аңчы кижиги одар эндевес, айбычы кижиги аал эндевес* ‘Охотник знает, где зверь водится, гонец знает, где аал находится’ [Будуп 2016: 16] и т.п. Среди внешних характеристик преобладают высокий рост (тув. *узуң*), плотное тело (тув. *тырың маза-боттуг*), натруженные руки с крепкими пальцами (тув. *быжыг салааларлыг*), что рисует в представлении окружающих образ богатыря, обладающего недюжинной силой. Дополняют представление об охотнике такие качества, как выносливость (тув. *шыдамык*), отвага (тув. *эрес-дидим*), осторожность (тув. *оваарымчалыг*), ловкость (тув. *кашпагай*), зоркость (тув. *көскү карактарлыг*) и ум (тув. *угаанныг*). Следуя существующим традициям, юный охотник становился преемником старого, в основе воспитания которого должен был лежать метод *көгүдүп тургаш өөрөдир* ‘обучать следует хваля и поощряя’. Важно, что обучать охотничьему ремеслу начинали с детства только мальчиков, о чем свидетельствует тувинский фольклор. На основании сказок можно выявить и описать ряд сопредельных концептов, дополняющих представление о становлении охотника. Так, объектом охоты для ребенка являются степные звери и птицы, которых он бьет камнями (тув. *даштар*), комьями земли (тув. *борбак довурак*) или применяет *дузак* – ‘петли-силки’, приобретая первоначальный опыт и сноровку. Лишь овладев меткостью, юноша получает коня (тув. *аът*) и право пользоваться луком (тув. *ча*) и стрелами (тув. *согун*), чтобы охотиться на более крупных животных.

Национально маркированными микроконцептами, формирующими представление о тувинском охотнике, можно считать концепт ОДЕЖДА и концепт ПРИСТАНИЩЕ.

Проведенный анализ литературы показал, что единого мнения среди ученых о существовании специальной одежды, предназначенной для охоты, нет, однако она должна была быть «теплой, прочной, и в то же время удобной и легкой» [Даржа 2009: 359]. Среди лексических единиц, вербализующих анализируемый концепт, можно выделить 3 подгруппы, включающие 59 наименований: «*бөрттерниц хевирлери*» ‘виды шапок’, «*даштыкы хеп*» ‘верхняя одежда’, «*идик*» ‘обувь’. Головные уборы, пользующиеся популярностью у тувинских охотников, можно классифицировать по нескольким основаниям: внешний вид (*довурзак бөрт* ‘округлая шапка’, *кылаң бөрт* ‘блестящая шапка’, *калбак бөрт* ‘широкая шапка’) и материал изготовления (*диңк кежи бөрт* ‘шапка из беличьего меха’, *тарбаган кежи бөрт* ‘шапка из меха сурка’, *ондатра кежи бөрт* ‘шапка из меха ондатры’ и т.п.), которые, в свою очередь, разделялись по времени ношения. Например, *довурзак бөрт* ‘округлая шапка’ и *кылаң бөрт* ‘блестящая шапка’ надевались в весенне-летний период, а в осенне-зимний – шапки из меха мелких зверей. Однако любой головной убор не должен был «мешать хорошему обзору местности и создавать трудности при восприятии звуков», поскольку от него зависело «не только здоровье охотника, выходящего на промысел в любое время года, но и исход охоты» [Монгуш 2024: 93].

Принципиального различия между верхней одеждой обычных тувинцев и охотника нет, наиболее близкое отношение к охотничьему промыслу имеют разновидности тона: *хөрөктээш* ‘курточка, полушубок’, *чагы* ‘доха’, *көспөк* ‘безрукавка’, *чүвүр* ‘брюки’, *өгдешки* ‘наколенник’, *ук* ‘носки’, *кидис ук* ‘войлочные чулки’, *кур* ‘пояс’, *хөрөк* ‘нагрудник’. Верхняя одежда не должна была сковывать движения охотника, а специальная фиксация пояса способствовала либо ношению оружия (*хәм кур* ‘кожаный пояс’), либо дополнительному укреплению позвоночника (*пөс кур* ‘тканевый пояс’). Особое внимание уделялось материалу для изготовления тона, поскольку, с одной стороны, охотники в силу суеверия считали, что «марал, лось или косуля могут не заметить охотника, одетого в шубу, сшитую из шкур домашних животных», а одежда из шкур диких животных, особенно волка, в состоянии отпугнуть добычу [Даржа 2009: 160–161]. С другой стороны, одежда из натуральных материалов делала процесс охоты комфортным, сохраняя здоровье охотника.

Лексемы, входящие в составные наименования брюк, указывают на качество материала или шкуру животного, из которого они были изготовлены. Например, *дүктүг чүвүр* ‘шерстяные брюки’ [TPC: 187, 549]: *Савандының чагаан дүктүг чүвүрүнүң дугайын-даа уттупкан* [Кудажы 1996, Т.1: 214] ‘Забыл о шерстяных брюках, что заказал Саванды’; *алгы чүвүр* ‘кожаные брюки’ [TPC: 53, 549], изготовленные из выделанной кожи косули: *...эттеп каан элик кежи дөртегер алгы чүвүрдөн...* [Кудажы 1996, Т.1: 7] ‘...во вздутых кожаных штанах из выделанной шкуры косули...’. Брюки разного качества носили в зависимости от времени года, а особым видом штанов, имевших как зимние, так и летние варианты, считались *өгдешки* (лит.) // *үгдешки* (диал.) ‘наколенник’ [TPC: 331], защищавшие ноги от природных условий внешних опасностей.

Особое значение в экипировке охотника имеет обувь, поскольку он много времени проводит на ногах, а от ее качества и бесшумности во многом зависит исход охоты. Группа «идик» ‘обувь’ включает слова, обозначающие как исторические наименования разновидностей сапог по степени жесткости (*кадыг идик* ‘твердые (жесткие) сапоги’, *чымчак идик* ‘мягкие сапоги’, *булгаар идик* ‘юфтевая (кожаная) обувь’, *бышкак идик* ‘унты до колена из оленьих камусов’ и др.), так и современные варианты названий охотничьей обуви (*сапык* – ‘сапог’, берцы, бродни, кабланы). Даже в форме обуви прослеживаются особенности мировосприятия тувинцев: приподнятый острый нос *кадыг идик* подчеркивает «бережное отношение к Земле-Матери», которую человек мог поранить при ходьбе или спрыгивая с лошади [Куулар 2016: 237].

Микроконцепт ПРИСТАНИЩЕ вербализируется 9 лексемами и завершает формирование представления об охотнике как носителе особенностей тувинского мировосприятия. Особенности постройки, расположенной на *турлаг* ‘1) стоянка, становище, стан’ [TPC: 425], зависели от сезона охоты и времени пребывания. Например, для перекочевков при переходе на новые места сооружался *майгын* ‘палатка’ [TPC: 286] из трех жердей, на которые крепились шкуры зверей или войлочное одеяло *энчек* [TPC: 614], или рядом с костром устраивался *сери* ‘навес’ [TPC: 179], основная задача которого – уберечь охотника от непогоды. Для стоянок более 3 дней в осенне-зимний период ставили *чадыр* ‘чум; шалаш; шатер’ [TPC: 508] – чум относительно большого размера. Однако особое значение для охотников на стойбище имел костер (ср.: общетюрк. *от* – ‘огонь, костер’). Место, благоприятное для разведения огня, могло стать ночлегом даже при отсутствии специального укрытия.

В тувинском языке концепт ОХОТНИК раскрывается через лексику, репрезентирующую внешние характеристики человека, занимающегося данным видом промысла, этапы накопления опыта и черты его характера. Национально маркированными выступают микроконцепты ОДЕЖДА и ПРИСТАНИЩЕ, представленные лексемами различных тематических групп, формирующих мнение об охотнике как трудолюбивом человеке и расширяющих представление о мировоззрении тувинцев.

Литература

Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2009.

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232-248.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Куулар Е.М. Лексика традиционной верхней одежды в тувинском языке и его диалектах // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 236-238.

Кудажы К-Э.К. Уйгу чок Улуг-Хем: кара том (‘Улуг-Хем неугомный: черный том’). Кызыл: Тув. книжн. изд., 1996.

Монгуш Ш.В. Лексико-фразеологическое поле аңнаашкын ‘охота’ в тувинском языке: лингвокультурологическая интерпретация: дис. ... канд. филол. наук М., 2024.

ТРС – Тувинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968.

Тыва үлөгер домактар болгаш чечен сөстөр ('Пословицы и поговорки тувинского народа') / сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тув. книжн. изд. им. Ю.Ш. Кюнзегеша, 2016.

Чоннун чечени. Тыва үлөгер домактар, чечен сөстөр ('Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки'). Кызыл: Тув. книжн. изд., 1976.

Sh. V. Mongush (Kyzyl, Russia)

Tuva State University

THE CONCEPT HUNTER: LEXICAL REPRESENTATION (ON THE EXAMPLE OF THE TUVAN LANGUAGE)

The article presents lexical units of the Tuvan language representing the concept HUNTER. Both external features and the main qualities of the hunter's character are identified based on the texts of works of art, and related concepts are given that complement the idea of the formation of a hunter as a master of his craft. Nationally marked microconcepts CLOTHES and SHELTER are described, which reveal the peculiarities of the national perception of a hunter and form the image of a noble person deserving respect.

Key words: concept HUNTER, concept CLOTHES, concept SHELTER, lexical means, national worldview

Л.И. Москалюк (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный педагогический университет
l.moskalyuk@yandex.ru*

Е.А. Чистюхина (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский военный институт
etschistjuchina@mail.ru*

КОМПАРАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО КАТЕГОРИЗАЦИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВАНКОВ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ)

В статье рассматриваются компаративные фразеологизмы в шванках российских немцев. Данные фразеологизмы являются средством категоризации мира в языке. Источником сравнения в них выступают явления и предметы окружающего мира, а также животные. Проанализированные фразеологизмы образованы, как на базе немецкого и русского языков, так и в результате самостоятельного развития диалектов российских немцев.

Ключевые слова: компаративные фразеологизмы, шванки, российские немцы, категоризация, концептуализация

Исследователи языка и культуры российских немцев определяют шванк как короткий рассказ комического или сатирического содержания, отражающий особенности повседневного быта, правила поведения человека в обществе и ключевые ценностные ориентиры этноса, разоблачая и подвергая критике такие качества, как лень, обжорство, пьянство, жадность, глупость и т.д. [Strassner 1978: 2-3; Десятникова 2009: 43; Жукова 2019: 40].

Для реализации таких доминирующих функций, как критикующая и воспитательная, шванк обладает богатым репертуаром языковых средств, среди которых

особое место занимают фразеологизмы, неисследованные к настоящему времени в полной мере.

Фразеология российских немцев отражает «внеязыковую действительность, прежде всего сохранившиеся в языке элементы материальной и духовной культуры Германии и элементы материальной и духовной культуры России, перенятые российскими немцами за время их проживания в отрыве от прародины» [Москалюк 2022: 239-240]. Следовательно, фразеологизмы можно рассматривать как средство концептуализации и категоризации окружающего мира в языке: явлений, предметов, событий, жизненных ситуаций, а также типичных представителей общества. Они способны выражать оценочные и эмоциональные представления и суждения говорящего об окружающей действительности, характеризуя ее с положительной или отрицательной стороны, одобряя или высмеивая, хваля или порицая [Москалюк 2020: 253].

В настоящей работе предпринята попытка изучить корпоративные фразеологизмы, используемые в шванках российских немцев для создания образа ленивого человека.

Под компаративными фразеологизмами мы понимаем такие словесные комплексы, структурная организация которых предполагает наличие сравнительных союзов, а их семантическая составляющая заключается в образном сопоставлении признаков одного предмета или действия с другим [Москалюк 2024: 320]. При этом образное описание прежде всего негативных качеств с помощью компаративных фразеологизмов связано с «более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления» [Райхштейн 1980: 21]. Сравнение в рамках компаративных фразеологизмов осуществляется на основе метафорического переноса. В качестве сферы-источника выступает опорное слово, которое может обозначать различные предметы, явления окружающей действительности, а также растения и животных. Сферой-мишенью являются представители российско-немецкого общества, чьи пороки подвергаются осуждению.

Рассмотрим ряд компаративных фразеологизмов, извлеченных из текстов шванков, которые порицают такой человеческий порок, как лень.

1) *Die Luci ur die Karoline hun immer glitzrige Elleboge, Löcher ind Strimpf, s Gras wächst dene unner die Füß, un die Händ gehe dene wie m tote Lamm dr Schwanz. Mit aam Wort: die sein so faul wie dr Mist* (David Busch “Die Luci ur die Karoline”).

2) *S Heinje, so is er grufe worre, war faul wie dr Mist. Un wannr was gschaft hat, sein dem die Händ gonge wie m tote Lamm dr Schwanz* (David Busch “S aanzig Mittel”).

В рассматриваемых примерах для описания внешнего вида ленивого человека и его манеры двигаться используются корпоративные фразеологизмы “faul wie dr Mist” и “wie m tote Lamm dr Schwanz”.

В примере (1) предметом осуждения является внешний вид ленивой девушки. Ее одежда грязная, засаленная и дырявая. В примере (2) фразеологизм “faul wie dr Mist” служит для выражения отрицательного отношения к ленивому человеку в целом. Источником для появления яркого пейоративного образного сравнения служит навоз (dr Mist), что, вероятно, обусловлено, с одной стороны, неприятным видом и

запахом навоза, с другой стороны, его неподвижностью: он будет лежать до тех пор, пока его кто-то не уберет. За ленивого человека приходится кому-то выполнять или переделывать работу. Следует отметить, что сравнение завязтого лодыря с навозом / мусором характерно для немецкого языка.

В примерах (1) и (2) негативной оценке подвергается манера ленивого человека выполнять какую-либо работу. В качестве сферы-источника фигурирует хвост мертвого ягненка (*in tote Lamm dr Schwanz*). Герои шванков отличаются сильной ленью. С большой неохотой они берутся за какие-либо дела. Поэтому их руки сравниваются с хвостом мертвого ягненка. Они висят словно плети и практически не двигаются. Данный фразеологизм не зафиксирован в словарях немецкого и русского языков, т.е. образовался в результате развития диалектов российских немцев в отрыве от их исторической родины.

3) *Dr Fischers Hannes war schlecht wie's Galjeholz. Schaffe wollt'r gar nix un stehle alles uf dr Welt* (Woldemar Herdt "Hans, do is daa Gans").

Изображенный в примере (3) герой шванка не желает ничего делать. Он предпочитает легкий заработок – воровство. В связи с этим о герое шванка говорят, что он плохой как древесина, из которой изготовлена виселица (*schlecht wie's Galjeholz*). Данное сравнение в диалектах российских немцев произошло от немецкого выражения "*falsch wie der Galgenholz*", которое употребляют для обозначения плохого, насквозь фальшивого человека. Появление такого компаративного фразеологизма, как в немецком языке, так и диалектах российских немцев, вероятно, обусловлено тем, что древесина виселицы в результате различных погодных условий становилась трухлявой и гнилой, т.е. плохой и ни к чему непригодной. В диалектах российских немцев данное сравнение помимо фонетических изменений претерпело замену прилагательного *falsch* на *schlecht*.

4) *Iwer dere Zeit is 'n halwes Johr vrgange, un wie dr Brigadier gseh hot, daß's Gretje immer noch net schafft, hot'r sich nochemol dr Mut gefaßt uni s hie gange zum Peter. Wie'r dann in die Stub koom, hot's Gretje loskrische wie e Katz, wamere ufn Schwanz tret: „Daßde mr net mins Haus kommst!“ hot's krische. „Du bist wohl v'rückt, des wär aach noch schöner, daß ich aus dr Stadt käm un bei eich im Kolchos schaffe tät“* (H. Stättinger "Die Braut aus der Stadt").

В приведенном фрагменте поведение героини шванка вызывает критику со стороны бригадира, который регулярно приходит к ней домой и призывает женщину выйти на работу. Настойчивость бригадира вызывает сильное раздражение у молодой женщины. Яркий образ злой женщины создается посредством употребления компаративного фразеологизма "*loskrische wie e Katz wamere ufn Schwanz tret*", в котором в качестве сферы-источника выступает кошка. В один из визитов бригадира женщина закричала на него как кошка, которой наступили на хвост. Данный фразеологизм отсутствует в словарях немецкого и русского языков, т.е. образован на почве собственно российско-немецких диалектов.

5) *Fischers Susanna war ein starkes und gesundes Weib. Aber die gesellschaftliche Arbeit scheute sie wie die Pest* (K. Lochmann "Wahrsagerin").

В примере (5) рассказывается о женщине, которая не любит трудиться на общественное благо. Примечательным в этом плане является фразеологизм “scheute sie wie die Pest» (бояться как чумы), который демонстрирует отвращение женщины к работе. Данное сравнение, вероятно, произошло от русского выражения «бежать как от чумы», т.е. избегать чего-то неприятного, что говорит о влиянии русскоязычной картины мира на восприятие мира российскими немцами.

Таким образом, язык шванков российских немцев как произведений устного народного творчества является уникальной живой системой, отражающей не только повседневную жизнь российско-немецкого этноса, но и закодировавшей информацию о ценностях российских немцев, их культуре и традициях. Шванки изобилуют компаративными фразеологизмами, которые выступают как средство концептуализации и категоризации окружающего мира. Они позволяют создать яркий образ человека, обладающего отрицательными качествами, и выразить отрицательное отношение к нему и его поведению. Как правило, компаративные фразеологизмы метафоричны. В качестве опорных слов – сферы-источника – выступают различные явления и предметы окружающей действительности, а также животные. Компаративные фразеологизмы, зафиксированные в шванках, имеют различное происхождение. Некоторые из них употребляются как в диалектах российских немцев, так и в немецком языке. Другие заимствованы из русского языка. А часть фразеологизмов образована российскими немцами самостоятельно в отрыве от исторической родины на территории России.

Литература

Десятникова И.В. Особенности структурно-композиционной организации шванка российских немцев // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 6. С. 43-45.

Жукова Л.В. Репрезентация концепта труд в языке российских немцев (на материале шванков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. С. 40-45.

Москалюк Л.И., Москалюк О.С. Национально-культурные особенности фразеологизмов российских немцев // Немцы России: история, этнография, культура и язык : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Барнаул, 02 ноября 2022 г. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2022. С. 239-243.

Москалюк Л.И., Москалюк О.С. Семантика компаративных фразеологизмов в российско-немецких диалектах люк // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2024. С. 319-323.

Москалюк Л.И., Москалюк О.С. Структурно-семантические особенности фразеологизмов с компонентами GOTT и TEUFEL в текстовом корпусе российско-немецких диалектов // Культура и текст. 2020. № 4 (43). С. 251-262.

Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1980.

Strassner E. Schwank. Stuttgart: Metzler, 1978.

Vetter Gottlieb liebt die Wahrheit. Schwänke. Auswahl von Leo Marx. Alma-Ata: Kasachstan, 1988.

L.I. Moskalyuk (Barnaul, Russia)

Altai State Pedagogical University

E.A. Chistyukhina (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk Military Institute

COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF WORLD CATEGORISATION (BASED ON THE SHVANKS OF RUSSIAN GERMANS)

The article deals with comparative phraseological units in the shvanks of Russian Germans. These phraseological units are one of the means of world categorisation. Different phenomena and objects of the surrounding world, as well as animals are a source of comparison. The investigated phraseological units are formed both on the basis of the German and Russian languages and as a result of independent development of Russian German dialects.

Key words: comparative phraseological units, shvanks, Russian Germans, categorisation, conceptualization

И.К. Мухина (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

mirova-mukhina@yandex.ru

КАРТОСХЕМА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ЛОГИКО-СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОГНИТИВНО-ДЕНОТАТИВНОЙ ГРУППЕ «ОБОНЯТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ»¹

Статья посвящена рассмотрению комплексного понятия «картосхема», выявлению черт его сходства и различия с лежащими в основе разновидностями концептов КОГНИТИВНАЯ КАРТА и СХЕМА. Выявлено, что в картосхеме, наглядно репрезентирующей отношения лексем в межчастеречном множестве «Собственно обонятельное восприятие», отражены связи на основе преимущественно представленных отношений тождества и совмещения.

Ключевые слова: картосхема, когнитивно-идеографическая сфера, денотативно-идеографическая карта языка, схема, когнитивная карта, концепт ЗАПАХ

Для наглядного представления логико-смысловых отношений, существующих в русской языковой картине мира в рамках выделенного на идеографическом основании межчастеречного множества лексем, Л.Г. Бабенко использует термин картосхема.

Картосхема является разновидностью концептуальной карты. Концептуальные карты представляют собой простую и облегченную разновидность обобщенного концепта, дающую наглядное представление о явлении (или объекте, событии), с одной стороны, делая его более понятным для восприятия, а с другой – особо выделяя его основные черты, одновременно подчеркивая их своей графической и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352 «Свод лексики как идеографическая карта мира: Универсальный словарь-тезаурус русского языка», <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

пространственной формой, тем самым усиливая концептуальную сущность исследуемого явления.

Как комплексный тип концепта картосхема одновременно воплощает в себе характерные признаки таких ментальных способов представления знаний, как когнитивная карта и когнитивная схема – обобщенная и стереотипизированная форма хранения прошлого опыта относительно строго определенной предметной области (знакомо объекта, известной ситуации, привычной последовательности событий) [Холодная 2002: 113].

Создание картосхемы позволяет эксплицировать логико-смысловые отношения, существующие в реальной действительности и, с одной стороны, репрезентированные языковыми единицами, объединенными в рамках определенной когнитивно-денотативной группы и отражающими языковую картину мира языка, а с другой, – реализованные в концептуальных связях компонентов картосхемы как составного элемента концептуальной картины мира.

Рассмотрим, в какие отношения вступают лексические единицы когнитивно-денотативной подгруппы «Собственно обонятельное восприятие». Согласно терминологической системе, используемой учеными Уральской семантической школы под руководством профессора Л.Г. Бабенко, на денотативно-идеографической карте русского языка когнитивно-денотативная группа «Обонятельное восприятие» в составе когнитивно-денотативного класса «Восприятие органами чувств» вместе с другими когнитивно-денотативными группами входит в когнитивно-денотативную сферу «Восприятие внешнего и внутреннего мира».

Когнитивно-денотативная группа «Обонятельное восприятие» включает в себя две когнитивно-денотативные подгруппы: «Собственно обонятельное восприятие» и «Запахи». Построение когнитивно-денотативной группы «Обонятельное восприятие» отражает концептуально-тематическая структура, репрезентирующая однородное соподчинение.

Ключевыми словами в когнитивно-денотативной подгруппе «Собственно обонятельное восприятие» выступают лексемы, объединенные, с одной стороны, видом восприятия окружающего мира органами обоняния (*обонять, обоняние, вдыхать / вдохнуть, вдыхаться, вдыхание, нюхать/понюхать, нюх, нюханье, чутье*), а с другой – отражающие определенную разновидность процесса, когда что-либо производит какой-либо запах (*пахнуть, пропахнуть, веять, веяние, вонять, издавать, распространять / распространить, распространяться / распространиться, распространение, тянуть*).

Как можно увидеть, преимущественным грамматическим способом выражения данной семантики являются глаголы (например, *обонять, вдыхать / вдохнуть, вдыхаться, вдыхание, нюхать / понюхать; пахнуть, пропахнуть, веять, вонять, издавать, распространять / распространить, распространяться / распространиться, тянуть* и др.), их возвратные производные (*распространяться/распространиться, издаваться, овеяться/овеяться*) и отглагольные синтаксические дериваты (*обоняние, вдыхание, нюханье, чутье; веяние, распространение*).

Семантическую идею как общий компонент семантики для всех слов разных частей речи, входящих в когнитивно-денотативную подгруппу «Собственно обонятельное восприятие», можно сформулировать следующим образом: «ощущать / ощутить запах, воспринимая его обонянием, вдыхая его преимущественно через носовую полость внутрь, в легкие; издавать / издать запах, имеющий определенные свойства и способный распространяться» [Универсальный... 2015: 195].

Лексемы, семантически объединенные в когнитивно-денотативную подгруппу «Собственно обонятельное восприятие», вступают в универсальные логико-смысловые отношения тождества, эксплицированные с помощью лексической категории синонимии.

При этом лексемы объединяются в 15 синонимических рядов, связанных значением следующих доминант ряда: *книжн. обонять что, обоняние, вдыхание, нюхиваться, разнохивать / разнохать что, слышный, пахнуть чем, пропахнуть чем, пахучий, издаваться, бить, веять, веяние, разг. вонять чем, разг. отдавать чем*. Приведем в пример синонимический ряд с доминантой *слышный*: *слышный, уловимый* «Такой, который чувствуется, который можно воспринять органами обоняния (о запахе)» (здесь и далее лексические значения приводятся по словарь Т.Ф. Ефремовой [Ефремова]).

Самым объемным, номинирующим особо значимое (как один из универсальных видов восприятия органами чувств) действие, маркирующее ситуацию, когда что-либо имеет какой-либо запах и распространяет его, является синонимический ряд с доминантой *пахнуть*, включающий в себя 10 синонимов.

В число лексических единиц разных частей речи, объединенных идеей воздействия на органы обоняния, входят комплексные совмещенные репрезентации, эксплицирующие в своей семантике связи изучаемой когнитивно-денотативной группы с другими, относящимися к различным когнитивно-денотативным сферам на когнитивно-идеографической карте русского языка. Связи с другими группами могут быть формально-семантическими, отраженными в семантике возвратных глаголов, производных от основных глаголов группы: см., например, синонимический ряд *овеваться / овеяться, разг. обвеиваться / обвеяться*, лексемы которого являются производными глаголами со страдательным значением постфикса, репрезентирующими не только семантические компоненты «издаваться (о запахе)», «оказываться со всех сторон каким-либо запахом», но и соотносящийся с денотативной сферой погодных явлений компонент «приноситься / принестись слабым ветром, дуновением (о запахе)».

Способность воздействовать на органы обоняния может характеризовать объекты живой и неживой природы (*гарь* – запах чего-либо поврежденного огнем; *прель* – запах чего-либо истлевшего, сгнившего под действием сырости и тепла; *чад* – удушливый дым от недогоревшего угля или от горящего предмета, жира), совмещаться с физиологическим состоянием (*нюхальщик, разг.-сниж. нюхач* – тот, кто занимается нюханием чего-либо (табака, наркотических средств и т.п.)) или физиологическим

процессом, характеризующим жизнедеятельность человека (*разг. привыкаться, разг. придышаться* – долго вдыхая какой-либо запах, привыкнуть к нему),

Указание на связь с различными запахами и процессом их восприятия содержится в виде компонентов лексического значения имен существительных, называющих человека по его физиологическим признакам (*разг.-сниж вонючка* – тот, кто или то, что издает дурной запах. С точки зрения количественной характеристики, в языковой картине мира широко представлены обозначения различных косметических ароматических веществ и приспособлений, имеющих и распространяющих какой-либо запах: к примеру, синонимический ряд *духи, парфюм, оде парфюм и одепарфюм*; а также лексемы *одеколон, дезодорант, саше, парфюмерия*; устойчивое сочетание *туалетная вода*.

Получают обозначение различные виды духов, например, *лаванда* – духи, одеколон с запахом вечнозеленого кустарника или полукустарника семейства губоцветных, из соцветий которого добывается эфирное масло. Некоторые из них являются необычными для русских, так как характеризуются запахом экзотических растений (так, например, *пачули* – это сильно пахнущие духи из эфирного масла, добываемого из листьев и веток тропического ветвистого полукустарникового растения семейства губоцветных с душистыми листьями и ветками; *опопанакс* – духи, приготовляемые из обладающей сильным запахом смолы южного травянистого растения семейства зонтичных) или связаны с редкими животными (*мускус* – духи, в состав которых входит сильно пахнущее вещество, вырабатываемое железами некоторых животных (кабарги, овцебыка, бобра и других) или находящееся в корнях некоторых растений и применяемое в парфюмерии).

Отношения противоположности (антонимии), ярко представленные во второй когнитивной-денотативной подгруппе «Запах» (см., к примеру, противопоставления *аромат* – *вонь*, *ароматный* – *вонючий* и их синонимы) и образности (метафорической репрезентации), находящие выражение в ассоциативно-образной конкретизации семантики, отсутствуют.

Делая выводы, можно утверждать следующее: метод концептуального картирования или картографирования применяется в когнитивных науках с целью получить в виде наглядной модели картографическую сетку связей и отношений каких-либо объектов, явлений, событий, основанную на показе изучаемых предметов в очевидном для непосредственного наблюдения виде.

Картосхема является своеобразным мыслительным блендом: общим свойством с термином «когнитивная карта» выступает упрощенность воплощения существующих в сознании носителя языка знаний о связях ее объектов; от понятия «схема» картосхема «заимствует» пространственное представление ментальных связей. Объединяющей для двух понятий когнитивистики основой выступает наглядное представление о сложных ментальных сущностях и отношениях между ними, в большинстве случаев, имплицированных в языковых единицах и их значениях.

Литература

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка URL: <https://gufo.me/dict/efremova#>

Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.–Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. С. 195-198.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

I.K. Mukhina (*Yekaterinburg, Russia*)

Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin

MAP-SCHEME AS AN IMPLEMENTATION OF LOGICAL-SEMANTIC RELATIONSHIPS IN COGNITIVE-DENOTATIVE GROUP “OLFACTORY PERCEPTION”

This article is devoted to the consideration of the complex concept of “map-scheme”, to identify the features of its similarity and difference with the underlying varieties of the concepts of «cognitive map» and «scheme». It was revealed that in the map-scheme, which clearly represents the relations of lexemes in the interparticle set «Olfactory perception proper», connections are reflected on the basis of mainly represented relations of identity and combination.

Key words: map-scheme, cognitive-ideographic sphere, denotative-ideographic map of language, map-scheme, cognitive map, concept SMELL

В.Ю. Немиров (*Москва, Россия*)

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
slavikparsko@gmail.com*

ФИТОНИМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА АВСТРАЛИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. КРУК)

В данной статье представлены результаты изучения роли фитонимов как средств создания лингвокультурного образа Австралии на материале поэтических произведений Норы Крук. В ходе семантического и дискурсивного анализа сделан вывод о значимости концептуализации дерева вообще и экспликации концепта при помощи фитонимов для маркирования реалий и для выстраивания отношений между образами России и Австралии.

Ключевые слова: лингвокультурный образ, языковая картина мира, Австралия, поэтический текст, слова-реалии, фитоним

Проблема создания лингвокультурного образа страны особенно актуальна в лингвистике. К ней обращались различные исследователи. Например, О.И. Халупо, М. Афшар, С. Хасанет, Ц. Ливей и многие другие. Н.Д. Макарова определяет лингвокультурный образ как «ментальное стереотипизированное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире», то есть лингвокультурный образ можно считать сложным концептуальным образованием, эксплицируемым, прежде всего, лексически. В свою очередь, под лингвокультурным образом страны понимаем сложное концептуальное образование, ассоциированное у носителя определенной

лингвокультуры с той или иной страной, а также результат вербализации данного образования при помощи языковых средств. Не последнюю роль в конструировании лингвокультурного образа страны играют слова-реалии. У данного термина существует множество определений, однако при дальнейшем анализе мы будем опираться на точку зрения В.Д. Филатова, который выделяет слова реалии, связанные с новыми условиями окружающей среды, а также со сложными взаимоотношениями представителей различных этнических общностей в быту и трудовой деятельности [Филатов 1981: 171]. В таком случае, фитонимы, специфические для той или иной страны, могут считаться реалиями, и оказываются включенными в процесс генезиса лингвокультурного образа.

В исследовании обращаемся к роли фитонимов в создании лингвокультурного образа Австралии на материале одного из крупнейших русскоязычных поэтов данного континента Норы Крук (1920–2021) – изначально представительницы дальневосточной эмиграции, родившейся в 1920 г. в Харбине, однако большую часть творческой биографии, творившей на австралийском континенте. Как отмечают исследователи, после 1917 г. сложилась парадоксальная ситуация: существовало несколько параллельных лингвокультур, российская и эмигрантская [Ливэй 2016: 4]. Н. Крук была носителем последней, что также представляет интерес в контексте исследования. По нашим данным, в поэтических текстах Н. Крук встречаются как минимум 11 фитонимов (проанализировано 50 текстов).

Наиболее частотным фитонимом, значимым для конструирования лингвокультурного образа Австралии в произведениях Н. Крук становится жакаранда (в другой варианте написания – «джакаранда») или лавандовое дерево, экзотическое для государств, расположенных в северном полушарии:

1) *Джакаранда роняет листву, как перья, / Оголясь, расцветает персидским цветом.* 2) *В этом городе изумрудном – / Бухты, пляжи, загар на лицах, / Джакаранды, спортклубы, бары...* 3) *Отряхнула прошедший день / Еду через Карлотту – чудо! / В джакаранды вливается синь неба...* 4) *По сухой траве / выпавшей синеве / (с облака джакаранды) / шла нехотя...*

В первом примере примечательно, что процесс осеннего опадания листвы с растения характеризуется при помощи эпитета «персидский». В русской лингвокультуре существует устойчивая ассоциация Персии (Ирана) с чем-то далеким и необычным [Афшар 2024: 65]. «Персидский» цвет жакаранды подчеркивает экзотичность растения, что важно для создания образа Австралии как страны, максимально не похожей на то, что привычно жителю России или близких к ней государств – эпитет подчеркивает экзотичность явления реального мира, маркируемой при помощи фитонима.

В то же время второй пример позволяет говорить о жакаранде как типичном элементе австралийского пейзажа, составляющей, столь же характерной для в данном случае Сиднея (а образ того или иного города, вне всяких сомнений, является значимым элементом лингвокультурного образа страны), как и бухта, пляж, спортклуб или бар.

Помещение номинации экзотического явления в один ряд с довольно примечательными (в данном контексте маркирующими географическую близость моря), но все же обыденными явлениями позволяет говорить о том, что в данном поэтическом произведении эксплицируется совершенно определенный лингвокультурный сюжет – явление, определяемое В.И. Карасиком как «нарративные авторские изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов» [Карасик 2023: 50]. В данном случае лингвокультурный сюжет, встречаемый и в текстах других русскоязычных австралийцев (типичное представление о «стране антиподов» [Немиров 2024: 3524], то есть ставший узусом для носителей данной субкультуры русской лингвокультуры, может быть разложен на следующие нарративные элементы: «Австралия полна явлений, непривычных человеку русской лингвокультуры / Однако эти явления сосуществуют в жизни австралийцев с привычными явлениями / Это вызывает диссонанс».

Третий и четвертый примеры довольно схожи: в них лексема «жакаранда» используется лишь в качестве слова-реалии (по В.Д. Филатову), неслучайно в третьем примере лексема «джакаранда» соседствует с топонимом Карлотта (город в Австралии), таким образом Н. Крук как бы выставляет на ментальную сцену определенные явления действительности, свойственные именно Австралии. В подобном же ключе поэтесса использует и другие фитонимы, обозначающие как растения, свойственные лишь Австралии (см. прим. 5 ниже), так и южным широтам вообще (см. прим. 6 ниже), эксплицируя уникальность австралийской флоры, а также климатические особенности страны:

5) *Экалипты быстро растут под горячим солнцем, / ветры играют и треплют тонкие листья...* 6) *Вчера был дождь и, утонув в серости, я зевнула, / закинула голову и увидела, как пальма проткнула небо. / Это было невероятно...*

Как несложно заметить, все перечисленные выше фитонимы, упоминаемые Н. Крук в своих поэтических произведениях, относятся к классу дендронимов – то есть названий деревьев. Одной из лингвокультурных универсалий, связанной с восприятием дерева, является соотнесенность этих растений с человеком [Борисова 2014: 35]. В пределах поэтического текста именно образ дерева становится одним из самых значимых, поскольку он становится как бы зеркалом переживаний лирического героя. Однако если до этого, анализируя роль фитонимов в создании лингвокультурного образа Австралии, мы обращались к примерам, в которых то или иное дерево прямо номинируется для достижения нужного автору акцента, маркирования того или иного явления действительности, то немаловажным считаем и обратиться к «нулевой номинации», т.е. случаю, когда дерево сознательно не номинируется, что важно для привнесения в образ Австралии необходимого смыслового элемента: концептуализации континента как страны эмигрантов без прошлого.

Речь идет о стихотворении «Семейное дерево», уже в заглавии автор отсылает к стертой метафоре – схематическое представление родственных связей в силу внешнего графического сходства и древних представлений о роде как о едином целом сравнивается с деревом. По сюжету произведения, женщина-австралийка пишет

письмо своей дальней родственнице в Россию, чтобы узнать о родственниках (см. прим. 7 ниже), но узнает, что та была вынуждена отказаться от прошлого, чтобы выжить в непростые годы политических репрессий (см. прим. 8 ниже):

7) *Наоми занята поисками корней. / Почему сейчас? Она говорит: / Всё изменилось. В новой России /не все пути ведут к братским могилам... 8) Семейное дерево?/ Мы жгли всё дерево на отопление. / Это спасло нам жизнь*

В данном случае связь эмигранта с Россией эксплицирована на лексическом уровне столь же расплывчато, сколь и расплывчат гипероним «дерево» по отношению к конкретным дендронимам, используемым в других стихотворениях автора. Если при описании событий и чувств, вызываемых ими, происходящих в Австралии Н. Крук использует конкретные номинации-фитонимы, то лингвокультурный образ России в его соотношении с лингвокультурным образом Австралии оказывается расплывчатым. Однако считаем важным заметить, что подобная акцентуация в соотношении лингвокультурных образов двух стран, на наш взгляд, будет более заметна в произведениях, созданных носителями русской лингвокультуры, принадлежащих ранним волнам русской эмиграции – так, Нора Крук принадлежит не четвертой (1990-е гг.), а дальневосточной волне эмиграции (1920-е гг.), именно поэтому в ее индивидуальной языковой картине мира образ России столь слабо эксплицирован в его отношении к образу Австралии.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: Н. Крук в своих поэтических текстах, конструируя лингвокультурный образ Австралии, обращается к использованию специфического класса фитонимов – дендронимов, в силу их «соразмерности человеку», что особенно важно в контексте выражения лирического переживания. При этом зачастую Н. Крук прибегает к номинации специфических для Австралии растений при помощи соответствующих фитонимов, что маркирует экзотичность австралийских реалий. При этом «нулевая номинация» фитонима при помощи гиперонима «дерево» применяется для экспликации непрочности, расплывчатости связи австралиец-эмигранта с исторической Родиной – Россией.

Литература

Афиар М. Лингвокультурный образ Ирана в русских художественных и публицистических текстах: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

Борисова Л.В. Концепт «дерево» как лингвокультурный код // Rhema. Рема. 2014. № 1. С. 34-45.

Карасик В.И. Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник материалов II Международной научной конференции 27-28 октября 2022 г. М.: Государственный институт русского языка, 2023. С. 49-59.

Ливэй Ц. Лингвокультурные образы России и Китая в художественных произведениях представителей русской дальневосточной эмиграции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Немиров В.Ю. Лингвокультурный образ Австралии в языковом сознании русскоязычных жителей континента: лингвоперсонологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 10. С. 3520-3525.

Филатов В.Д. Локальная маркированность фразеологических единиц: сборник научных трудов. МГПИИЯ. 1981. Вып. 171. С. 169-180.

V.Y. Nemirov (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

PHYTONYMS AS A MEANS OF CREATION OF LINGUISTIC AND CULTURAL IMAGE OF AUSTRALIA (ON THE MATERIAL OF POETIC WORKS OF N. KRUK)

This article presents the results of studying the role of phytonyms as a means of creating a linguistic and cultural image of Australia on the material of Nora Kruk's poetic works. In the course of semantic and discourse analysis the conclusion is made about the significance of conceptualization of the tree in general and concept explication by means of phytonyms for marking realities and for building relationships between the images of Russia and Australia.

Key words: linguistic and cultural image, linguistic picture of the world, Australia, poetic text, words-realities, phytonym

Л.А. Нефёдова (Челябинск, Россия)

*Челябинский государственный университет
lan2@mail.ru*

А.С. Смагулова (Костанай, Казахстан)

*Костанайский региональный университет имени Ахмет Байтұрсынұлы
anara_smagulova@mail.ru*

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья представляет собой анализ путей использования научного инструментария когнитивной лингвистики с целью разработки нового методического аппарата, в первую очередь категоризации. Современное развитие когнитивного терминоведения требует перейти от фиксации закрепленных в научном обороте тезисов структурной лингвистики к когнитивной ее модели, конкретизации и закреплению методологии.

Ключевые слова: категоризация, терминосистема, физиология, матрица категориального анализа

Перспективные направления терминологических исследований в начале XXI в. могут быть представлены в соответствии с обобщениями С.В. Гринева-Гриневича, Э.А. Сорокиной; в их числе: историческое терминоведение, антропологическая лингвистика, когнитивное терминоведение, сопоставительное направление [Гринева-Гриневич 2021: 14]. Следует согласиться с автором в его утверждении, что «терминология не только может быть, но и должна быть регулируема, поскольку развитие научных знаний и культуры человека в значительной степени зависят от состояния терминологии» [Гринева-Гриневич 2018: 28].

В рамках данного исследования тезис представляется одним из ключевых: на сегодняшний день основной проблемой когнитивного терминоведения является формирование единой общепринятой методики исследований. Понятие типологи-

ческих категорий было введено в научный оборот во второй половине XX в.; рассматривая их как обобщение лингвистических категорий, С.Г. Казарина предполагала их эффективность в роли «метаязыка сравнения» [Казарина 1999:7].

Современная когнитивная лингвистика оперирует понятием «категоризация», суть которого можно выразить в соответствии с «Проектным словарем-справочником когнитивных терминов», который дает следующую дефиницию «Категоризация – это мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека» [ПССКТ 2022: 57].

На основе данного принципа в свое время было положено начало формированию научно-технической терминологии, которая отражала принципиально новые технические феномены, изобретения, механизмы; в интерпретации талантливого ученого и компетентного специалиста Д.С. Лотте были разработаны основы построения научно-технической терминологии, которая во многом фактически построена на методах категориального анализа [Лотте: 1971]. Следуя образцам, предложенным Ю.Д. Лотте, суть которых может быть интерпретирована в отношении области медицинской терминологии, предлагаем эскизный вариант матрицы категоризации медицинской терминосистемы на примере предметной области «Физиология» (рис. 1).

Рис. 1. Матрица категоризации терминосистемы «Физиология»

Прим.: авторская разработка согласно [Лотте:1971].

На основе предлагаемой комплексной методики когнитивного терминов Л.П. Груниной предлагается схема алгоритма анализа.

1 этап: анализ общелингвистических данных: определение структурных и терминообразовательных характеристик;

2 этап: анализ процесса возникновения термина: направлен на выявление путей закрепления терминов в ЯСЦ;

3 этап: исследование терминов в аспекте влияния психолингвистических факторов [Грунина 2010: 97-99].

Следуя содержанию матрицы категориального анализа, опираясь на алгоритм когнитивного анализа, воспользовавшись материалами источников: [Essentials of Medical Physiology 2019], [Нормальная физиология 2021], [Қалыпты физиология 2015], возможно провести некоторые сопоставления, результаты которых отражены в таблице 1.

Таблица 1. Направления категориального анализа терминосистемы предметной области «Физиология»

Критерии анализа	Терминоединицы (ТЕ) категорий 1-4 (англ./ рус./ казах. языки)	Комментарии
1	2	3
Анализ общелингвистических данных: определение их структурных и терминообразовательных характеристик.		
Дефиниции: реализация номинативной функции термина.	К 1: <i>Pulmonary capacity/ Легочная емкость/ Өкпе сыйымдылығы</i>	Преобладают родо-видовые дефиниции.
Структура: подтверждает роль категоризации в терминообразовании: термины одного классификационного ряда образуются по одной словообразовательной модели.	К 2: <i>Muscle contraction/ Мышечное сокращение/ Бұлшық ет жиырылуы</i> К 3: <i>Positron emission tomography-computed tomography (PET-CT) Позитронно-эмиссионная томография, совмещенная с компьютерной томографией (ПЭТ-КТ) Позитронды-эмиссиялық томография-компьютерлік томография (ПЭТ-КТ)</i>	Структурно термины представляют: - двусоставные ТЕ, образованные согласно моделям A+N, N+ N; - многословные: как правило, используются в виде инициальных аббревиатур. Характерным является казахский вариант двусловного термина <i>Tissue regeneration/ Регенерация тканей/ Тіндердің қалпына келуі</i> , который преобразуется в форму трехсловного ввиду передачи семантики слова <i>regeneration</i> / регенерация двумя ЛЕ в значении восстановление (букв. прибытие вновь).
Этимология термина:	К 1: <i>Nerve conductivity / Нервная проводимость/ Жүйке өткізгіштігі.</i>	Наблюдается следование греко-латинской модели либо ее заимствование: <i>nerve</i> (от лат. <i>nervus</i> -отростки нервных клеток), + родовой термин <i>conductivity</i> .
Свойство однозначности: термины данной категории образованы как ЛЕ языка для специальных целей.	К 1. <i>Blood viscosity/ Вязкость крови/ Қан тұтқырлығы.</i>	Проявляется только в комплексе с формальной структурой: разделение лексических составляющих приводит к распаду семантики термина.

Окончание табл. 1

1	2	3
Анализ терминов с точки зрения основных когнитивных процессов в семантике		
Память: большинство терминов относится к семантическому (вербальному) типу памяти.	К 1. <i>Pulmonary capacity/ Легочная емкость/ Өкпе сыйымдылыгы</i>	Термин относится к групповой модели сравнительных семантических признаков определяющего вида.
Перцепция: появление варианта интерпретации окружающего мира на основе сознательной фильтрации с помощью целевого внимания	К 4. <i>High-resolution manometry with impedance monitoring/ Высокоразрешающая манометрия с импедансометрией/ Жогары ажыратымдылықты кедергі бақылауымен манометрия</i>	Очевидно, что интерпретация ментальной обработки ТЕ происходит при условии погружения в соответствующий контекст: либо в широком понимании (на лекции), либо в узком интенсифицирующем микроконтексте.

Итак, проведенный анализ показал, что в рамках исследования проблем категоризации представляется достаточно перспективным разработка методологических моделей, ориентированных на категориальный анализ, в комплексе с рядом методов когнитивной лингвистики, а также лингвопсихологии.

Литература

Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: лингвистика. 2018. № 5. С. 18-28.

Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Викулова Л.Г. Теория языка: антропологическая лингвистика. М.: Изд. дом ВКН, 2021.

Казарина С.Г. Типологическое терминоведение как дифференцированная лингвистическая дисциплина // Филологические науки. 1998. № 2. С. 66-73.

Проектный словарь-справочник когнитивных терминов (ПССКТ) / под общ. ред. Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

Лотте Д.С. Краткие формы научно-технических терминов. М.: Наука, 1971.

Грунина Л.П., Широколова А.Г. Когнитивный аспект исследования терминов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 97-99.

Essentials of Medical Physiology: Textbook. 8th ed. Sembulingam, K New Delhi; London; Panama: Jaypee Brothers Medical Publishers The Health Sciences Publisher, 2019.

Тель Л.З., Агаджанян Н.А., Хамчиев К.М., Циркин В.И., Лысенков С.П. Нормальная физиология. М.: Литтера, 2021.

Тель Л.З., Агаджанян Н.А., Хамчиев К.М., Циркин В.И. Қалыпты физиология. М.: Литтера, 2015.

L.A. Nefedova (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

A.S. Smagulova (Kostanay, Kazakhstan)

Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University

SOME METHODS OF CATEGORIZATION OF THE MEDICAL TERMINOSYSTEM (ON THE MATERIAL OF ENGLISH, RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES)

The article analyzes the ways to use cognitive linguistics' scientific tools to develop new methodological approaches, primarily categorization. Modern development of cognitive terminology requires transition from recording fixed structural linguistics theses to its cognitive model, concretization and enshrining methodology.

Key words: categorization, cognitive terminology science, categorical analysis matrix, physiology

M.H. Николаева (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

nikolaevam@mgpu.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КОЛОРОНИМОВ СИНЕГО ЦВЕТА В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Цветонаименования, или колоронимы – это универсальные концепты, представленные набором объективных и субъективных признаков. В последних часто репрезентируется социально обусловленная национально-культурная специфика языка. В статье рассматриваются обе группы признаков концепта синего цвета в италоязычных колоронимах. Анализ колоронимов синего цвета показал, что когнитивным механизмом создания некоторых из них является концептуальная метонимия.

Ключевые слова: концепт, колороним, синий цвет, цветовая лексема, концептуальная метонимия, итальянский язык, национально-культурная специфика

Вопросы о роли цвета, цветосочетаний и цветономинаций в жизни человека привлекают внимание ученых разных областей знания – оптики как раздела физики, эстетики, истории, культурологии и искусствоведения, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики. Цвет является «гениально сконструированным внутри себя природным явлением со своей внутренней энергетикой» [Монахова 2018: 8], «элементом гармонии и красоты» [Николаева 2022: 494]. Мишель Пастуро, автор серии книг о роли цвета в обществе в исторической перспективе, отмечает, что «цвет – прежде всего факт общественной жизни» [Пастуро 2006: 6], который оказывает воздействие на жизнь людей, независимо от того, отдают ли они себе в этом отчет или нет.

Восприятие цвета человеком происходит не только с помощью зрительных анализаторов, получающих сигналы из внешнего мира в виде световых волн, но и без внешнего источника излучения благодаря зрительной памяти, внутреннему представлению об объекте или явлении, творческому воображению. При интерпрета-

ции смысла цветонаименований, или колоронимов, человек опирается на прошлый опыт, составляющий часть индивидуального и коллективного знания, хранящегося в культурной памяти этноса.

В основе цветономинаций представлен цвет как физическое явление, однако в каждом отдельном языке цветовая палитра колоронимов имеет свои особенности, оказывающие влияние «на изменение восприятия мира и различных человеческих ценностей» [Сластникова, Черкашина 2021: 15], обусловленных территориально-географическим положением этноса, его историей, образом жизни, традициями и культурой. Другими словами, «особенности цветосемантики и цветообозначения в разных языках отражают специфику интерпретации и оценки объективной реальности их носителями» [Пучкова 2023: 7].

Как известно, концепт обнаруживает целый ряд концептуальных признаков, отражающих в нашем сознании объективные и субъективные характеристики предметов и явлений и различающихся по степени абстрактности» [Болдырев 2021: 45]. Концептуализация колоронима синего цвета в сознании человека осуществляется разными способами: на основе чувственного (зрительного) опыта; предметно-практической деятельности человека, подразумевающей операции и действия с предметами, объектами и веществами, имеющими окраску синего цвета; теоретико-познавательной (научной) деятельности, включающей изучение этимологии и современного значения колоронимов синего цвета по словарям и справочным пособиям; на основе их осмысления и сопоставления с концептами колоронимов других цветов и др.

Синий цвет относится к основным цветам, хотя традиция использования синего цвета в общественной, художественной и религиозной жизни не восходит к античным временам. В древнем Риме синий цвет считали варварским, так как древние кельты и германцы для устрашения врага перед битвой наносили на тело синюю краску, получаемую из дикорастущего растения Вайды красильной (лат. *Isatis tinctoria*), называемой в народе синильник. Второстепенная роль синего в жизни древних римлян и то обстоятельство, что во многих языках того времени не наблюдалось соответствующего этому цвету колоронима, заставили многих ученых XIX в. сомневаться в том, что древние народы различали этот цвет [Пастуро 2006: 9].

В итальянском языке самыми известными колоронимами синего цвета являются *blu* (или **blé** или *bleu* [blø/]) и *azzurro*. Этимомом колоронима *blu* и его дублетов *biavo* и *biado* (светло-голубой, небесный) считают латинское слово *blāvus*, которое было заимствовано из западногерманских языков (см.: *blāu* в франкском диалекте и протогерманское **blēwaz* в значении «голубой, желтовато-серый») (*Dizionario Italiano*). Колороним *azzurro* – лазурный (лат. *asurēas*) происходит от персидского *lāzīrd*, *lāziward* – лазурь, лазурит, заимствованного в латынь из арабского для обозначения синей краски *lapislazzuli* – ляпис лазурь, получаемой из перетертого минерала лазурит, имеющего насыщенно синий цвет.

Ядро концепта синего цвета в итальянской лингвокультуре составляет прямое цветонаименование, выражающее объективное физическое свойство наличия

у предметов и объектов окраски синего (голубого) цвета. В толковых словарях итальянского языка *blu* определяется через цветовые лексемы, обозначающие оттенки синего цвета, например, *azzurro scuro*, *turchino scuro* – темно-синий, темно-бирюзовый. В дефиниции колоронима *azzurro* присутствует экспрессивный образный и компоненты значения. Колороним *azzurro* выражает оттенок синего цвета, находящийся в спектре между небесным (*celeste*) и синим (*blu*, *turchino*) цветами, и напоминающий цвет чистого и яркого неба (*terso e luminoso*), например, *l'azzurro del cielo* – небесная лазурь, синева неба. В данной дефиниции присутствует субъективный оценочный компонент. В традиционном употреблении *azzurro* выражает светлые оттенки синего цвета, например, когда говорят о дневном небе: *azzurro il cielo di giorno*. Для описания синего неба ясной и безмятежной ночи используют *blu*: *blu o turchino il cielo di una notte chiara e serena*. Мэтью Гаскет (*Mathieu Gasquet*) на странице своего блога *Daily Italian Words* (12 Nov. 2019) указывает, что *blu* является общеродовым (*generic*) обозначением любого цвета от зеленого до фиолетового, в то время как *azzurro* выражает определенный оттенок синего цвета, ассоциируемый с залитым солнцем синим небом. Употребление колоронима *azzurro* является более популярным в Италии, чем *blu*.

В итальянском языке колоронимы *blu* и *azzurro* имеют ряд синонимов, реализующих концепт синего цвета, при этом уточняют его, привнося в него образный и экспрессивный компоненты. Обнаруженные синонимы возможно разделить на лексические и стилистические. К лексическим принадлежат *bluette* – синеватый, синенький, *celeste* – небесно-голубой, *turchese* / *turchino* – бирюзовый, *turchiniccio* – синеватый, *azzurrognolo* – бледно- / серовато-голубой.

Стилистические синонимы различаются сферой употребления, например, в поэзии используют *cerulo* / *ceruleo* – небесно-голубой, лазурный; голубоглазый; *cilestrino* – небесно-голубой; в медицине *bluastro* – синеватый, синюшный, например, *La pelle assume un colore bluastro a causa della mancanza di ossigeno* – Кожа становится синеватой из-за недостатка кислорода.

К особой группе лексических синонимов относятся колоронимы, образованные с помощью концептуальной метонимии, предполагающей замещение цветообозначения другим на основании существующей связи между названием металла и его цветом, например, *cesio* – серебристо-голубой, бледно-голубой, колороним образован от названия металла «цезий», в спектре излучения которого наблюдаются две ярко синие линии (от лат. *caesius* – небесно-голубой), или *cobalto* – кобальт синий, яркий синий цвет, самый светостойкий пигмент, произошел от названия металла кобальт, имеющего розоватый или синеватый отблеск.

Концептуальная метонимия лежит в основе колоронимов, в которых наблюдается связь между названием растения и его цветом: *indaco* – индиго, разновидность синего цвета, находящийся в спектре между темно-синим и фиолетовым; колороним образован от названия растения индигофера, в греческом языке это *Indikon*,

красящее вещество из Индии; *pervinca* – синий, барвинковый, цветы растения барвинок имеют синий цвет; *ciano* – синий, васильковый, колороним произошел от названия цветка василек. В основании колоронима *oltremare*, *oltremarino*, *blu oltremare* – ультрамариновый, насыщенный темно-синий цвет также находится осложненная модель концептуальной метонимии, подразумевающая вторичную связь между названием цвета и минералом лазуритом, который первоначально доставляли из Индии и Персии, из-за моря, поэтому в название этого колоронима положен признак пространственной связи ‘*oltre / ultra + mare*’ – заморский, привезенный из-за другого моря.

Колоронимы синего цвета встречаются в некоторых устойчивых выражениях, в которых отражаются как универсальные для многих лингвокультур признаки, так и национально-специфичные для итальянской. Например, универсальные признаки: *il sangue blu / azzurro / turchino* – «голубая» кровь, знатное / благородное происхождение; *una paura blu / fifa blu* – сильный страх, ужас; *colletto, tuta blu* – «синие воротнички»; национально-специфичные: *le auto blu* – государственные автомобили синего цвета, сопровождающие политиков; *telefoni blu* – сотовые телефоны предоставляются государственным служащим для служебных нужд; *baschi blu* – «синие береты», полицейские, обеспечивающие правопорядок во время массовых мероприятий; *popolo blu / azzurro* – итальянцы; *zona blu / fascia blu* – «синяя зона», пешеходная зона в историческом центре города или в крупном городе, в которой запрещен въезд и парковка транспорта; *striscia blu* – «синяя полоса», платная или бесплатная парковка на придомовой территории для жителей данного района; *l'arma azzurra* – авиация, военно-воздушные силы Италии; *principe azzurro* – сказочный принц, голубая мечта, принц на белом коне; *telefono azzurro* – линия доверия; *croce azzurro* – голубой крест, благотворительная организация помощи больным и пострадавшим; *la squadra azzurra* – в спортивном дискурсе обозначает футбольную команду «Наполи» и ее игроков из-за цвета униформы. В настоящее время колороним *azzurri* является неофициальным прозвищем всех итальянских спортсменов, выступающих на международных соревнованиях.

Итак, в итальянской лингвокультуре вербализация концепта синего цвета наблюдается в колоронимах *blu* и *azzurro* и их синонимах. Механизмом образования некоторых колоронимов является концептуальная метонимия. Область значений концепта колоронимов синего цвета в итальянской лингвокультуре не ограничивается только предметно-номинативной сферой. Синий цвет является цветом социальной и государственно-политической жизни, цветом спорта, природы Италии. Знакомство и осмысление колоронимов, реализующих концепт синего цвета, дает возможность проникнуть в культурный код итальянского языка и лучше узнать о сторонах жизни носителей языка.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021.

Монахова Л. Введение // Иттен И. Искусство цвета. М.: Изд-во Дмитрий Аронов, 2018. С. 6-8.

Николаева М.Н. «Черные» и «белые» фразеологизмы в итальянском, английском и русском языках: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 493-499.

Пастуро М. Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Пучкова И.Н. Концептуализация колоронимов blue/синий в английской и русской лингвокультуре // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 5-16.

Сластникова Т.В., Черкашина Е.И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М.: Языки Народов Мира, 2021.

M.N. Nikolaeva (Moscow, Russia)

Moscow City University

CONCEPTUALISATION OF BLUE COLOURONYMS IN THE ITALIAN LANGUAGE

Colouronyms are universal concepts that contain objective and subjective attributes. The latter often represent the socially conditioned national-cultural specificity of the language. The article considers both groups of attributes of the blue-colour concept in Italian colouronyms. The analysis of blue colouronyms reveals that the conceptual metonymy serves as the cognitive mechanism of formation of some of them.

Key words: concept, colouronym, blue colour, colour lexemes, conceptual metonymy, Italian language, national-cultural specificity

Н.А. Никулина (Тюмень, Россия)

Тюменский индустриальный университет
nikulinana@tyuiu.ru

Н.А. Галактионова (Тюмень, Россия)

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. маршала
инженерных войск А.И. Прошлякова
nelli.galaktionova@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ СОСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТОСФЕРЫ НАРОДОВ РОССИИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВА

В статье представлены результаты осмысления традиционных ценностей российского общества в системе представлений о концептосфере русского мира и в перспективе их закрепления в программных документах государства в качестве духовно-нравственных констант народа, проживающих на территории России и говорящих на русском языке.

Ключевые слова: концептосфера, традиционные ценности, продвижение ценностей, когнитивные практики

Исследование концептосферы не ограничивается теоретическими измышлениями, но и активно внедряется в практику, в т. ч. в законотворческую. В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нрав-

ственных ценностей» прописанные ценности по своим сущностным характеристикам соответствуют базовым концептам российского общества. Гуманитарное знание располагает богатым опытом в осмыслении ценностных парадигм российской культуры. Опорой в таких исследованиях были и остаются работы академика Д.С. Лихачева, который, в частности, поставил вопрос о концептосфере языка в его связи с народным сознанием [Лихачев 1996]. В трудах академика Ю.С. Степанова последовательно раскрывается природа концептов, определяющих менталитет человека [Степанов 2007]. Ю.М. Лотман ввел в научный оборот понятие «семиосферы» в отношении к культурному контексту жизни человека и продемонстрировал на примерах многомерность, динамизм, многоголосие в процессе формирования смыслов и ценностей (8). Близки к лотмановскому понятию семиосферы понятия «ноосферы» («сферы разума») В.И. Вернадского и «этносферы» Л.Н. Гумилева [Гумилев 2010]). Современный мыслитель Г.Д. Гачев предложил тройственное понятие «Космо-психо-логос» [Гачев 2007], позволяющее наиболее полно описывать национальные образы мира. Исследование языковой картины мира в перспективе описания ценностного поля видим и в публикациях А. Вежицкой [Вежицкая 1997], И.А. Стернина и З.Д. Поповой [Попова, Стернин 2009], И.В. Кондакова [Кондаков 2010] и других. Н.Н. Болдырев подчеркивает, что лексически представленные концепты и лексические категории, возникающие на базе этих концептов, репрезентируют наше знание мира как таковое [Болдырев 2013: 6]. Потому появление в программных документах государства обобщенных представлений о базовых ценностях россиян позволяют говорить о сформированном на уровне государства представлении о концептосфере, объединяющей воззрения на традиционные ценности.

Основу научной методики составили современные исследования по когнитивной лингвистике, что определило использование следующих методов: компонентный анализ и метод когнитивно-дискурсивной интерпретации. Кроме того, в изучении зарубежного опыта использовалась референтная методика, позволившая сформировать проблемное поле исследования. Был изучен перечень традиционных ценностей народов России, представленный в актуальных документах государства; соотнесены представленные в государственном документе ценности с элементами концептосферы русского мира. Нас интересовали преимущественно следующие документы: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Проект Министерства культуры «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Проект «Основы государственной политики 2022»].

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. содержит формулировку, позволяющую конкретизировать перечень традиционных ценностей: «К традиционным ценностям относятся, в частности, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патри-

отизм, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809]. На основании документа Министерство культуры составило следующий реестр ценностей: жизнь; достоинство; права и свободы человека; патриотизм; гражданственность; служение Отечеству и ответственность за его судьбу; высокие нравственные идеалы; крепкая семья; созидательный труд; приоритет духовного над материальным; гуманизм; милосердие; справедливость; коллективизм; взаимопомощь; взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; единство народов России [Проект «Основы государственной политики 2022»]. Дополнительно дается перечень разрушительных и чуждых идей (таких, как культ эгоизма, культ вседозволенности и т.д.).

Дискуссионный характер предложения обусловлен специфичностью некоторых формулировок, которые, по мнению ряда экспертов, дублируют друг друга, излишне абстрактны или кажутся устаревшими. Под углом изучения концептосферы русского мира выбор базовых позиций вписывается в круг ментальных предпочтений жителей России, но одновременно ограничивает его. Примечательно, что проект содержит перечень не только позитивно окрашенных концептов, но и антонимичных им когний, что свидетельствует о ситуации ограничения и даже запрета. При переводе предложения в систему концептов мы имеем возможность выйти к описанию следующих элементов концептосферы русского мира: жизнь, любовь к Родине (Родина), право, справедливость, служение (долг, подвиг, жертва, защита), семья, труд, милосердие, сострадание, дружба, память (прошлое, история), мир. Отрицательно номинированные позиции могут соответствовать следующим концептам: корысть, лень, ложь, измена. Продуктивность работы с концептами обусловлена возможностью их последовательного изучения и возможностью использовать результаты в создании активных текстов и проектов. Поскольку концепты не являются понятиями в обычном смысле, а в сознании людей наделены дополнительным психоэмоциональным шлейфом, то и работа с ними приводит к достойным результатам. В результате полного когнитивного анализа концептов мы можем получить возможность использовать в продвижении соответствующих ценностей такие образы и слова, к восприятию которых аудитория будет готова. Формулировки, не вызывающие эмоционального отклика, могут раздражать, казаться ошибочными или нелогичными. Например, концепт ТРУД относится к числу наиболее изучаемых, т.е. востребованных: этим концептом интересуют не только лингвисты, историки, но и специалисты в сфере менеджмента, экономисты и социологи. В частности, популярные коннотации концепта в советский период российской истории стали основой многочисленных лозунгов и формировали установку на бескорыстное созидание через связь концепта ТРУД с актуальными понятиями «герой», «советский человек» и даже «счастье». В период перестройки актуализируется коннотативная связка между «трудом» и «богатством», «славой», «успехом». Анализ актуальных

рецепций относительно концепта ТРУД может способствовать разработке конкретных стратегий по продвижению ценности. К числу спорных установок критики проекта относят такую ценность как «коллективизм». Неприятие «коллективизма» в качестве традиционной ценности обусловлено контекстом восприятия самого слова, которое у носителей русского языка коррелируется с организацией труда в советской России, где «коллективизм» являлся концептом, определяющим идентичность советского человека. В последующие десятилетия формируется оппозиция коллективизму в образе индивидуального творчества, а уже позже важным понятием (и почти концептом) становится «команда». Такова общая схема истории концепта КОЛЛЕКТИВИЗМ, которая не может обернуться внезапным возвращением этого словообраза в число общенародных ценностей и требует или дополнительной проработки, или смены формулировки. Подобным образом может быть полезным изучение каждого из перечисленных концептов.

По мнению Е.С. Кубряковой, «языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 16]. Эта установка обретает особую значимость как в перспективе создания документов, определяющих основы государственной идеологии, так и в русле научного осмысления ценностных оснований общества, в котором мы живем и планируем жить.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе. 2013. № 1 (034). С. 5-13.
- Вельбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари. 1997.
- Гачев Г.Д.* Космо-психо-логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект. 2007.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс. 2010.
- Кондаков И.В.* Пушкин: Рождение концептосферы русской культуры // Вестник культурологии. 2020. № 1 (92). С. 9-36.
- Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6-17.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 139-156.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2009.
- Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru>
- Проект Министерства культуры «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/>

N.A. Nikulina (Tyumen, Russia)

Tyumen Industrial University

N.A. Galaktionova (Tyumen, Russia)

Tyumen Higher Military Engineering Command School. Marshal of Engineering

A.N. Proshlyakova

ACTUALIZATION OF PEOPLES OF RUSSIA CONCEPTOSPHERE COMPONENTS IN THE STATE PROGRAM DOCUMENTS

The article presents the results of understanding the traditional values of Russian society in the system of ideas about the conceptosphere of the Russian world and in the perspective of their consolidation in the program documents of the state as spiritual and moral constants of the people living in Russia and speaking Russian.

Key words: conceptosphere, traditional values, promotion of values, cognitive practices

Е.А. Нильсен, М.П. Ефремова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

janenilsen@mail.ru, efremova.mp@mail.ru

ЯДЕРНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА SAFETY/SECURITY

Исследование фокусируется на выявлении структуры концепта SAFETY/ SECURITY, которое базируется на анализе словарных дефиниций лексических единиц, номинирующих рассматриваемый концепт. Результатом анализа становится фреймовое моделирование концепта на основании выделения его ядерных когнитивных признаков.

Ключевые слова: концепт, фрейм, SAFETY/ SECURITY, интегральные семы, когнитивные признаки

Концепт представляет собой особую единицу «ментальных и психических ресурсов сознания человека», которая, по мнению Е.С. Кубряковой, вмещает мыслимую фиксацию имеющихся опыта и знаний, актуализация смысловых компонентов которых проявляется при восприятии и обработке информации [Кубрякова 1996: 90]. Концепты как «кванты» знания, вбирают и передают накопленный человеческим опытом и знания [Болдырев 2001: 23].

Концептуальный анализ позволяет выявить ряд концептуальных признаков через исследование значений единиц, репрезентирующих концепт [Болдырев 2014: 46].

Существуют различные типы концептов. Одним из них является фрейм – многокомпонентный концепт, хранящий представления о стереотипном знании, выраженный в комплексной структуре узлов – слотов и терминалов [Болдырев 2014: 55], обладающий структурной целостностью [Попова, Стернин 2007: 119].

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет изучение фрейма SAFETY/ SECURITY, беспрецедентная актуальность которого обусловлена современной ситуацией в мире. Этот концепт эксплицируется, в первую очередь, такими лексическими единицами, как *safety* и *security*, неразрывно связанными друг с дру-

гом и образующими устойчивый семантический комплекс, определяющий объем рассматриваемого концепта. Анализ семантики данных единиц для последующего выявления ядерных когнитивных признаков концепта проводится на базе толковых англоязычных словарей. В ходе анализа была установлена общность сем рассматриваемых единиц *safety* и *security*.

Некоторые словари напрямую трактуют лексему *security* через лексему *safety*, при этом отмечается ее вариативность в условиях контекста ситуации, а также присутствие чувственного и имущественного компонентов в семантической структуре слова [MacMillan Dictionary]. Лексема имеет дополнительную сему свободы от рисков и опасностей, охватывающих широкий круг их ранжирования, включая психологические, а также сему источника безопасности, представленную как индивидами, так и общественными образованиями, а также действия последних по предотвращению наступления случая опасности. Финансовый компонент отражает имущественную сему лексемы *security* [American Heritage Dictionary of the English Language].

Британские словари фиксируют у *security* семы защиты от угроз [Cambridge International Dictionary of English; Longman Dictionary of Contemporary English]. Круг объектов и субъектов, попадающих под эти действия, включает все уровни обеспечения безопасности. Сюда также входит источник обеспечения безопасности, включая сопутствующие меры ее обеспечения. Лексема имеет сему психологической составляющей перцепции безопасности, номинируемую в словарях через слова *feeling* и *confident*, что способствует формированию субъективного восприятия рассматриваемого фрейма. В дефиниции *security* также представлена финансовая и имущественная составляющие [Cambridge International Dictionary of English; Longman Dictionary of Contemporary English].

Среди ключевых лексем словарных определений, позволяющих выявить семантику *security*, можно обозначить следующие, вербализующие положительные компоненты: *safety*; *protection*; *something that gives or assures safety*, *that protects*; *property*; *shares*; *feeling*; *confidence*; *freedom*, *measures*, *surety*, отрицательные компоненты угрозы: *attack*; *harm*; *damage*; *doubt*; *anxiety*; *fear*, и ряд узких ситуационных компонентов угрозы.

Перейдем к анализу лексемы *safety*, второго ключевого репрезентанта концепта SAFETY/SECURITY. *Safety* получает лексикографическую трактовку через такие основные лексические единицы, как *safe*, *protection*, *freedom*, акцентирующие положительные характеристики концепта, а также ключевые компоненты *danger*, *harm*, *risk*, *injury*, *bad things*, характеризующие отрицательные компоненты, требующие противодействия. Семантика слова *safety* также обладает семами характеристики безопасности предпринимаемых действий и безопасности субъектов теории безопасности и источника мер обеспечения безопасности [MacMillan Dictionary].

Анализ дефиниций анализируемого слова в The American Heritage Dictionary of the English Language и Cambridge International Dictionary of English показывает, что

safety имеет семь состояний безопасности и отсутствия рисков и опасностей. В словаре Лонгман лексема *safety* описывается как передающая состояние безопасности, отсутствия опасности по отношению к людям, физическим объектам, ее степени [Longman Dictionary of Contemporary English].

Семантический анализ номинаций рассматриваемого концепта SAFETY / SECURITY демонстрирует высокую степень общности семантических структур единиц, находящихся в фокусе внимания данного исследования, что позволяет сделать вывод о наличии у *safety* и *security* следующих интегральных сем:

1. «Отсутствие опасности / угрозы.
2. Чувство защищенности, уверенности, свободы; отсутствие страха.
3. Относящийся к сфере безопасности, не наносящий вреда, безопасный.
4. Защита (действия по защите) субъектов безопасности.
5. Источник обеспечения безопасности (индивиды или общественные образования).
6. Места или ситуации, в которых человек защищен.
7. Меры по обеспечению защиты от разного рода угроз.
8. Устройства обеспечения безопасности / оборудование для предотвращения вреда или ущерба» [Ефремова, 2021: 67].

Таким образом, можно построить представленную ниже схему (рис. 1).

Рис. 1. Ядерные когнитивные признаки концепта SAFETY/SECURITY

Выявленные признаки SAFETY/SECURITY характеризуются тесной связью, взаимовлиянием, взаимопроникновением и определяют структуру соответствующего фрейма. Ядерными для рассматриваемого концепта оказываются признаки присутствия / отсутствия угрозы / опасности, реализуемые в рамках выделенных компонентов, маркирующих разные стороны, сферы и ситуации присутствия угрозы как абстрактного явления, угрозы выделенным субъектам безопасности, отсутствия угрозы на основании предпринимаемых действий / мер (что подразумевает наличие определенных механизмов обеспечения безопасности), реализуемых субъектами или объектами (источниками защиты) в

отношении других субъектов или объектов (безопасность которых должна быть обеспечена), а также чувственный компонент (ощущение уверенности / свободы; отсутствие страха).

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Ефремова М.П. Концепт SAFETY/SECURITY в английской языковой картине мира: дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2021.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://ahdictionary.com>

Cambridge International Dictionary of English. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com>

MacMillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/national-security>

E.A. Nilsen, M.P. Efremova (*St. Petersburg, Russia*)

St. Petersburg State University of Economics

NUCLEAR COGNITIVE FEATURES OF SAFETY/ SECURITY CONCEPT

The article covers the SAFETY/ SECURITY concept framing based on the study of dictionary definitions of lexical units nominating the concept under consideration. The analysis results in a frame modeling of the concept via the identification of its core cognitive features.

Key words: concept, frame, SAFETY/ SECURITY, integral semes, cognitive features

A.R. Nurutdinova (*Kazan, Russia*)

Kazan (Volga Region) Federal University

airnurutdinova@kpfu.ru

THE STUDY ON THE SPLANCHNONYMIC INTELLIGIBILITY OF PAREMIOLOGICAL UNITS IN THE JAPANESE AND ENGLISH LANGUAGES

In the Japanese language one can find the multitude of paremiological expressions referring to the human body, known as 体言葉 [karada-kotoba, literally *Body language*] or 身体語彙 [shin-tai-go, literally *Body Vocabulary*] which express the unique character of Japanese culture, providing the rich expressions for human sensibilities and feelings. The aim of the current study is to investigate the Japanese intelligibility splanchnonymic paremias 肝 [liver], 胸 [breast/chest], 腹 [stomach/belly]. In this article “intelligibility” was defined as whether or not words or phrases are correctly interpreted by interlocutors in international communication.

Key words: somatisms, proverbs, cognitive linguistics, body-words, feeling-words, Body-sense.

We can find more proverbs referring to the external body part (hands, feet, head, mouth, etc.) rather than proverbs indicating to the internal body organs. The human body and its organs act as the world image and become the spatial and temporal sources of orientation. In the ancient tradition, the “ideal human” is the owner of a beautiful body in which all elements are harmoniously related to each other; the body begins to be perceived as a model for other objects, which thus become anthropocentric. In Plato, the body acts as a receptacle of the soul: the body symbolism is also connected with the opposition “body – soul”. For traditions based on the dualism of matter vs spirit, the body is endowed with a negative meaning. The negative corporeality character in Buddhism is clearly traceable, in general, the body is perceived as a source of disease and suffering. The author attempts to explain this fact by theorising the words’ scarcity for internal organs correlates with the predominantly agricultural versus nomadic culture orientation in the early development of Japanese civilisation, being “people with nomadic culture have more opportunities to observe and deal with the internal organs than agricultural people” [Izutsu 1981: 89].

心 [kokoro, literally *heart*] in this article denotes “mind, heart or inner nature, the site of human sentience or delusion” [Sugawara 2013: 348], which indicates a philosophical dichotomy between feeling and mind, considering the internal subjectivity of man and mental state, relations with objects and beings in the world, as well as the external expression of elements capable of influencing the human and divine world.

In Russian language, the somatic component “сердце” carries a negative connotation when a person refuses to manifest the reason: *не давай воли языку во гнущу, а сердцу в гневе* [Нуртудинова 2024: 673]. Human health depends on the soul state, so Russian paremias often reflect soulful experiences, negative emotions that affect the well-being: *ревность, что ржа, губит сердца*. Soul is the most important category of the Russian consciousness and the component “сердце” reflects the soul, emotions, passions, experiences, love (spiritual affection, uncontrollable, deep, strong emotional feeling), compassion, spirituality: *Дай сердцу волю – приведет в неволю; Будешь любить, коли сердце болит*. In English language, “heart” most often describes an emotional sadness, sorrow (*nobody dies of a broken heart*) and can be compared to the inner fire, which carries aggression, passion, impulse: *when the heart is a fire, some sparks will fly out through the mouth*.

The traditional Chinese conception of “five main internal organs” that organize the body (heart, lung, liver, spleen, kidney) was imported to Japan, thus claiming “the locus of emotion and thought” [Berendt 2011: 72] within the presence of 心 [kokoro] (heart) and 肝 [kimo] (liver), as well as the vital organs are located as entities, these being 胸 [mune] (chest/breast) and 腹 [hara] (belly/stomach).

心 [Kokoro] (heart) and 肝 [kimo] (liver) are two closely related concepts: 肝 [kimo] (liver) referred to the internal body organs in general, but later came to be identified with the liver in particular; 心 [Kokoro] referred to mental/emotional state [Occhi 2008: 192]. The use of 肝 [kimo] has been reduced to the specific attribute of ‘courage / bravery’,

which suggests that “the liver came to be conceived specifically as the courage/bravery seat” [Wierzbicka 1991: 333] and we can find some paremilogical expressions:

- 肝をつぶす [kimo o tsubusu], lit. ‘to crush the liver’ meaning ‘to be excessively disturbed’ or ‘to be greatly alarmed’;
- 肝を冷やす [kimo o hiyasu], lit. ‘to cool the liver’ meaning ‘to be frightened’;
- 肝が小さい [kimo ga chiisai], lit. ‘to have a small liver’ meaning ‘coward [Satsuki, 2001: 171].

On the other hand, both 胸 [mune] (chest /breast) and 腹 [hara] (belly/stomach) refer to “a common case of metonymic transfer from the entity associated with the location to that which it contains” [Saito 2000]. The meaning of 胸 [mune] identifies in three fundamental categories: “A) the breast, the thorax; B) the women’ breast; C) the heart” [Shigehisa 2004]. Both 胸 [mune] (chest /breast) and 心 [kokoro] (heart) are conceived as entities that “can move, break, sink, bounce, dance” [Yukiyasu 2011: 120]. Most of the expressions in which 胸 [mune] (chest /breast) is used are equivalent to or interchangeable with 心 [kokoro] (heart) [Pilgrim 1969: 401]:

- 心 / 胸が躍る [kokoro/mune ga odoru] lit. ‘the heart/chest bounces’ meaning ‘to feel optimistic’;
- 心 / 胸に浮かぶ [kokoro/mune ni ukabu] lit. ‘to float in the heart/chest’ meaning ‘to dream / to think’;
- 心 / 胸を定める [kokoro/mune o sadameru] lit. ‘to establish the heart/chest’ meaning ‘to make up one’s mind’;
- 心 / 胸が広い [kokoro/mune ga hiroi] lit. ‘the heart/chest is wide’ meaning ‘to be tolerant’ [Nakaya 2019].

腹 [hara] (belly/stomach) is used as “the locus of a much narrower emotion range” [Izutsu 1981: 89], however 肝 [kimo] (liver) / 腹 [hara] (belly/stomach) can be interchangeable as in the example [kimo / hara o sueru] lit., ‘to establish the liver/belly’, meaning ‘to be firmly determined’. Similarly, when metonymy is made between *hara* and *person* like “one’s relationships with others, attitudes or reactions to external things, as well as emotions or mental state are considered to be controlled” [Nakano 1985].

To understand the importance of 腹 [hara] (belly/stomach) in Japanese culture, the ritual of 腹切り [hara-kiri] or 切腹 [seppuku], which “is the suicide performed by samurai from the 12th to the 20th century as the honourable way of dying to take some responsibility or admit defeat” [Uchida 2006; Tokutaro 1988], should be highlighted. 腹切り [hara-kiri] or 切腹 [seppuku], contains the strong symbolism observed through its complex ritual: as the 腹 [hara] (belly/stomach) has the central position in a person, both physically and mentally.

腹 [hara] (belly/stomach) and 胸 [mune] (chest /breast) are sites of such emotional elements as love and anger i.e. the upper body tends to be associated with ‘higher’ psychological functions and the lower body with ‘lower’ functions”. The emotional aspect of 腹 [hara] (belly/stomach) is often seen in Japanese expressions as the ‘negative emotions that are not recommended’:

- 腹が立つ [hara ga tatsu] lit. ‘stomach rises’ meaning ‘to get angry’;
- 腹を立てる [hara o tateru] lit. ‘let belly rise’ meaning ‘to get angry’;
- 腹の虫が収まらない [hara no mushi ga osamaranai] lit. ‘the belly worm cannot be restrained’ meaning ‘a person who can hardly control anger’;
- 腹が黒い [hara ga kuroi] lit. ‘the belly is black’ meaning ‘being of deceitful character’ [Shigehisa 2004].

When referring to the mind state, we can see expressions like [Goto 2016: 55]:

- 腹で行く [hara de iku] lit. ‘to go with one’s stomach’ meaning ‘to act wholeheartedly or bravely’;
- 腹が入る [hara ga hairu], lit. ‘something enters the stomach’ meaning ‘to understand something fully’;
- 腹におさめる [hara ni osameru], lit. ‘to settle something in the stomach’ meaning ‘to keep a secret’.

In expressions related to thinking and decision-making, as well as relationships, there are others such as [Nakano 1985]:

- 腹が探る [hara ga saguru] lit. ‘to search one’s stomach’ meaning ‘to pry into someone’s mind’;
- 腹を読む [hara ga yomu] lit. ‘to read another’s stomach’ meaning ‘to understand someone’s attitude, intention, or feeling of someone’;
- 腹を決める [hara o kimeru] lit. ‘to decide one’s stomach’ meaning ‘to decide/make a decision’;
- 腹を割る [hara o waru] lit. ‘to break one’s stomach’ meaning ‘to stop pretending’;
- 腹を合わせる [hara o awaseru] lit. ‘to unite one’s stomach with another’ meaning ‘to express efforts or having a good relationship’.

As the Japanese see it, the notion *kokoro* is the key aesthetic criterion and the reality reflection path, and also corresponds to the whole way of living and coexisting in the world. The absence of *kokoro*, in its broadest sense and as a moral criterion, is a highly negative symptom in the best possible way in the eyes of the Japanese people which is not only corresponds to how a single individual acts in solitude, but has its impact and influence on the whole society itself [Keiichi 1976: 224].

Литература

Izutsu T. The Theory of Beauty in the Classical Aesthetics of Japan. Springer Science & Business Media. 1981.

Sugawara K. Shintaika no jinruigaku: Ninchi, kioku, gengo, tasha [Anthropology of Embodiment: Acknowledgement, Memory, Language, and so on]. Tokyo: Sekai Shisō Company. 2013.

Нурутдинова А.Р. Лингвокультурные и когнитивные аспекты японских пословиц: культурно-когнитивная асимметрия // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5(61). С. 673-676.

Berendt E.A., Tanita, K. The ‘Heart’ of Things: A Conceptual Metaphoric Analysis of Heart and Related Body Parts in Thai, Japanese and English // Intercultural Communication Studies. 2011. Vol. 20. № 1. Pp. 65-78.

- Occhi, D.J.* How to have a HEART in Japanese / ed. F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Tokyo: Sekai Shisō Company, 2008.
- Wierzbicka, A.* Japanese Key Words and Core Cultural Values // *Language in Society*. 1991. Vol. 20. № 3. Pp. 333-385.
- Satsuki A.* 『新撰髓脳』本文と現代語訳. 2001.
- Saito T.* Shintai kankaku wo torimodosu koshi hara bunka no saisei [The regain of the Japanese body culture related to “waist” and “abdomen”]. Japan: Broadcast Publishing Corporation, 2000.
- Shigehisa Kuriyama, Kitazawa Kazutoshi.* Kindai Nihon no Shitai kankaku [Contemporary Japanese Bodily Sensations]. Tokyo: Seikyusha, 2004.
- Yukiyasu Yaguchi.* Onomatopoei mochiita kyōkankaku teki hyōgen no imi rikai kōzō [Meaning, Understanding, and Structure of Synaesthetic Onomatopoeic Expressions] // *The Japanese Journal of Cognitive Psychology*. 2011. Vol. 8. № 2. Pp. 119-129.
- Pilgrim R.* Some Aspects of Kokoro in Zeami // *Monumenta Nipponica*. 1969. Vol. 24. № 4. Pp. 393-401.
- Nakaya T.* The Japanese concept KOKORO and its axiological aspects in the discourse of moral education // *Adeptus*. 2019. Vol. 13. Pp. 387-400.
- Nakano M., Kirkup J.* Nichi ei hikaku body language jiten [Body language dictionary in English and Japanese]. Taishukan-shoten, 1985.
- Uchida T., Misago Ch.* Shintaichi: shintai ga oshiete kureru koto [Embodied Knowledge: What the Body Teaches Us]. Tokyo: Basilico Publishing, 2006
- Tokutarō Sakurai.* Minkan Shinkō no Kenkyū: Kyōdōtai no Minzoku Kisei [Research on Folk Beliefs: The Community's Regulation of Ethnicity]. Tokyo: Yoshikawa Kobunkan, 1988
- Goto H.* “Hara” no hiyu hyōgen to nichi model saikou: “kimo”, “harawata”, “hu” tono setten [Rethinking on the cognitive model of abdominal expressions] // *Language and culture research project*. 2016. Pp. 45-56.
- Keiichi Yanagawa.* “Matsuri no kankaku [The Sensation of Matsuri]” // *Shūkyō kenkyū* [Journal of Religious Studies]. 1976. Vol. 49. Pp. 223-242.

А.Р. Нурутдинова (Казань, Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЛАНХНОНИМИЧЕСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В ЯПОНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В японском языке можно найти множество паремиологических выражений, относящихся к человеческому телу, известных как 体言葉 [карада-котаба, буквально Язык тела] или 身体語彙 [синтай-гои, буквально Словарь тела], которые выражают уникальный характер японской культуры, предоставляя богатую экспрессию для человеческих чувств и ощущений. Целью данного исследования является изучение японских спланхнонимических паремий 肝 [печень], 胸 [грудь], 腹 [живот]. В данной статье «понятность» определяется как правильность интерпретации слов или фраз собеседниками в международной коммуникации.

Ключевые слова: соматизмы, пословицы, когнитивная лингвистика, слова-тела, слова-чувства, чувство-тела

И.О. Онал (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский военный институт им. генерала И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации;
Новосибирский государственный технический университет
inna762006@gmail.com*

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДРУЖБЫ И ВРАЖДЫ

В статье исследуются особенности ономастической репрезентации концептов ДРУЖБА/FRIENDSHIP и ВРАЖДА/FEUD. Выявляются основные ономастические номинации, задействованные в вербализации указанных концептов в русской, британской и американской лингвокультурах; проводится анализ интерпретационного потенциала и семантического развита данных единиц.

Ключевые слова: дружба, вражда, когнитивная ономастика, ономастическая лексика, ономастическая вербализация концепта

Познание человеком окружающей действительности и формирование картины мира происходит, прежде всего, в процессе концептуализации, т.е. осмысления поступающей информации о предметах и явлениях, приводящего к образованию определенных представлений о мире в виде «квантов знания» – концептов – которые хранятся в сознании в категориальной форме. Вербализация концептов может осуществляться с помощью различных языковых единиц: лексем, коллокаций, фразеологизмов, паремий, синтаксических конструкций, текстовых фрагментов. Особое место в данном ряду занимают онимы – языковые единицы, которые, с одной стороны, индивидуализируют объекты, а с другой стороны, могут использоваться как средство их категоризации. Известно, что в ономастических единицах запечатлена определенная культурная и/или историческая информация, благодаря чему они способны транслировать основные ценности породившего их общества и формируют т.н. ономастическое знание. Под ономастическим знанием, в свою очередь, понимают «результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имен собственных» [Щербак 2012]. Когнитивный подход к ономастике предполагает изучение способов представления, хранения и передачи информации/знания в именах собственных.

Целью данной статьи является выявление особенностей репрезентации дружбы и вражды в русской и англо-американской ономастической лексике. Известно, что ДРУЖБА (FRIENDSHIP) является одним из базовых культурных концептов, что обуславливает актуальность работы; при этом многочисленные труды, посвященные изучению вербализации данного концепта, свидетельствуют о его многоаспектности и амбивалентности.

Анализ словарных дефиниций ключевых лексем-репрезентантов исследуемых концептов (ДРУГ/ FRIEND, ДРУЖБА/ FRIENDSHIP) позволяет выделить их основные когнитивные признаки: 1) близость, общность взглядов, поступков; 2) готовность прийти на помощь; 3) совместное времяпрепровождение. Поскольку концептуализация дружеских отношений так или иначе сопряжена с понятиями предательства и вражды, было решено включить в фокус исследования концепты

ВРАЖДА/ FEUD и ПРЕДАТЕЛЬСТВО / BETRAYAL (а именно, его субконцепт ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДРУГА / BETRAYAL OF A FRIEND). Далее на основе информации, полученной из Оксфордского словаря аллюзий [ODA], публикаций о результатах соцопросов и о рейтингах литературных и кинематографических произведений о настоящей дружбе, были отобраны возможные ономастические репрезентанты концептов ДРУЖБА/ FRIENDSHIP, ВРАЖДА/ FEUD и ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДРУГА/ BETRAYAL OF A FRIEND. Несмотря на достаточно обширный первоначальный список антропонимов, значительную часть из них пришлось исключить, в результате чего в итоговый перечень попали ономастические единицы, которые предположительно обладали некоторым интерпретирующим потенциалом. Поясним, что, для того, чтобы говорящий мог использовать имя собственное для вторичной интерпретации (т.е. получения вторичного, нового знания на основе классификации и оценки уже полученных знаний о мире (подробнее см. [Болдырев 2018] и другие работы автора), необходимо закрепление данного онима в ментальном лексиконе всех участников коммуникации.

Анализ семантического содержания ономастических единиц, репрезентирующих исследуемые концепты, а также изучение контекстов их употребления в корпусах русского и английского языков, позволил сформировать следующий список имен собственных, используемых в качестве средств вторичной номинации для репрезентации дружеских отношений:

I. Универсальные единицы (актуальные для всех культур, находящихся в фокусе данного исследования):

1. ДРУЖБА/ FRIENDSHIP *Ш. Холмс и Дж. Ватсон* (Sh. Holmes & J. Watson), *Три мушкетера* (Three Musketeers), *Робинзон и Пятница* (Robinson Crusoe & Man Friday), *Г. Поттер, Г. Гренджер и Р. Уизли* (H. Potter, H. Granger and R. Weasley), *Don Quixote & Sancho Panza* (Дон Кихот и Санчо Панса), *Achilles and Patroclus* (Ахилл и Патрокл).

2. ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДРУГА/ BETRAYAL OF A FRIEND *Judas* (Иуда), *Brutus* (Брут).

3. ВРАЖДА/ FEUD *The Montagues and the Capulets* (Монтекки и Капулетти).

II. Национально-специфичные единицы (актуальные преимущественно для представителей культуры, в которой они появились):

ДРУЖБА/ FRIENDSHIP *David and Jonathan* (Давид и Ионафан) – брит./ амер., *Чебурашка и Крокодил Гена* – рус.

Концептуализация дружеских отношений с помощью «парных» номинаций, как мы полагаем, во-первых, обусловлено самим характером данного феномена, поскольку дружба – это, прежде всего, интерперсональное взаимодействие, а, во-вторых, важно для обеспечения необходимого когнитивного контекста для правильного декодирования сообщения реципиентом. В то же время каждая персоналия обладает особыми профилирующими характеристиками, лежащими в основе их использования для репрезентации исследуемых концептов. Например, оним *Три мушкетера* (Three Musketeers) применяется для описания действий троих дру-

зей, вместе проводящих время, или товарищей по оружию; *Г. Поттер и Гермиона* (H. Potter & H. Granger) – для вербализации истинных дружеских отношений между юношей и девушкой; для вербализации когнитивного признака «верность, готовность прийти на помощь» могут использоваться имена *Дж. Ватсона* или *С. Пансы*.

Согласно Л.В. Бабиной и О.Е. Паршиной, при формировании значений апеллятивов, образованных от имен собственных задействуются такие когнитивные механизмы, как: перспективизация, дефокусирование, соединение, развитие и достраивание [Бабина, Паршина 2012].

Приведем примеры использования данных ономастических единиц в качестве апеллятивов и определим профилирующие признаки и механизмы, лежащие в основе номинации:

(1) *Close as Achilles and Patroclus, the two of us* (J. Barnes. Talking It Over);

(2) *Можно ли себе вообразить этого терпеливого нетерпимого Ахилла, не мыслящего жизни без своего Патрокла <...> лишенного честолюбия, но жаждущего общественного признания, не слишком честного, но ответственного и аккуратного?* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия);

(3) *You're the one everybody envies, in that journalist crowd – you're not really aware of that, and you take it for granted that Billy should be your Man Friday.* (Christopher J. Koch. The Year of Living Dangerously);

(4) *Конечно, Мария понимала, что она не Робинзон Крузо, а Уля ей не Пятница, но от этого понимания легче не становилось* (В. Михальский. Для радости нужны двое).

В данных контекстах задействуются механизмы перспективизации (акцентирование на определенных характеристиках) и дефокусирования (подавление несущественных признаков). Так, в примерах 1-2 основным актуализируемым когнитивным признаком является «близость друзей, общность интересов», в то время как в примерах 3-5 на первый план выдвигается такой когнитивный признак концептов, стоящих за именами Р. Крузо и Пятницы, как «подчиненное отношение одного друга по отношению к другому».

Несмотря на то, что количество ономастических единиц, способных участвовать в вербализации концептов ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДРУГА/ BETRAYAL OF A FRIEND и ВРАЖДА/ FEUD, значительно меньше, чем количество онимов, репрезентирующих ядерные когнитивные признаки концептов ДРУЖБА/ FRIENDSHIP, количество контекстов их употребления определенно превышает количество контекстов применения последних. Полагаем, что данное явление можно объяснить относительно небольшим набором когнитивных признаков концептов ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДРУГА/ BETRAYAL OF A FRIEND и ВРАЖДА/ FEUD, по сравнению со сложным, многогранным и многоаспектным концептом ДРУЖБА/ FRIENDSHIP. Так, вражда кланов *Монтекки и Капулетти* выступает в качестве некоего «эталоны вражды», отправной точки, относительно которой герои, упоминаемые авторами, испытывают либо такие же, либо еще более сильные негативные чувства друг к другу:

(5) *Русский семейный скандал – это вам не диалог между Монтекки и Капулетти* (Шекспировский сюжет в Дуляпино «Криминальная хроника», 10.06.2003);

(6) *The Montagues and the Capulets have nothing on the Driskills and the Flocks.* (C. Kirk Don't Say Maybe).

Отметим, что все приведенные выше онимы не только участвуют в формировании концептов, заявленных в текущем исследовании, но и являются репрезентантами одноименных ономастических концептов (т.е. концептов Ш. ХОЛМС, Р. КРУЗО, АХИЛЛ, ИУДА и т.д.). Важными признаками концептов данного типа является их *устойчивость* (поскольку они имеют закрепленные за ними ономастические средства вербализации) и, в то же время, *относительная изменчивость*, которая обеспечивается механизмами соединения, достраивания и развития [Робустова 2015]. Изменение и развитие онимов и приобретение ими дополнительных характеристик, в свою очередь, может способствовать расширению их интерпретационного потенциала.

Проведенное исследование позволяет заключить, что имена собственные, участвующие в формировании концептов ДРУЖБА/ FRIENDSHIP и ВРАЖДА/ FEUD, – это преимущественно универсальные единицы, известные и понятные представителям культур носителей данных языков независимо от своего происхождения. Исследование особенностей концептуализации объектов и явлений посредством ономастических единиц открывает новые перспективы для изучения, структурирования и реконструкции концептов.

Литература

Бабина Л.В., Паришина О.Е. Когнитивные основания апеллятивов, образованных от имен собственных // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3. С. 23–31.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Робустова В.В. Ономастическая лексика как способ вербализации концептов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 20–30.

Щербак А.С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4. С. 78–83

ODA – The Oxford Dictionary of Allusions. N.Y., 2001.

I.O. Onal (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk Military Institute named after General of the Army
I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University

ONOMASTIC REPRESENTATION OF FRIENDSHIP AND FEUD

The article examines the peculiarities of the onomastic representation of the concepts ДРУЖБА/ FRIENDSHIP and ВРАЖДА/ FEUD. The main onomastic nominations involved in the verbalization of these concepts in Russian, British and American linguistic cultures are identified; the interpretative potential and semantic development of these units are analyzed.

Key words: FRIENDSHIP, FEUD, cognitive onomastics, onomastic lexicon, onomastic verbalization of the concept

Д.С. Павлова, М.А. Штамова (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
pavlovads@mail.ru, minmishim@gmail.com*

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ПОНЯТИЯ «УНИВЕРСИТЕТ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КОРЕЙЦЕВ И РУССКИХ

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, позволившие сконструировать представление об университете, существующее в языковом сознании корейцев и русских. Полученные данные демонстрируют как общие, так и различные черты в понимании университета корейскими и русскими информантами.

Ключевые слова: понятие, языковое сознание, университет, восприятие, ассоциативный эксперимент

Исследование особенностей языкового сознания русских, в т.ч. в сравнении с представителями других лингвокультур, на протяжении не одного десятилетия находится в фокусе внимания ученых и до сих пор является важным и востребованным (см., например, [Богатых, Дубровская 2019; Вань, Чулкина 2024; Ли 2023; Церцвадзе 2017] и другие). Однако исследований о языковом сознании корейцев не так много, а исследований понятия «университет» (особенно в сравнительном аспекте) еще меньше, что говорит об актуальности настоящего исследования.

Сбор материала исследования проводился с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента на стимул «университет». Для корейцев опрос был составлен на корейском языке, для русских – на русском языке, реакции давались носителями на родном языке. В эксперименте приняли участие 72 информанта (36 корейцев и 36 русских), выборка сбалансирована по факторам «пол» и «возраст». Всего было получено 339 реакций от корейских и 358 реакций от русских информантов. Обработка и анализ полученных реакций осуществлялись в ИС «Семограф» (semograph.org), а для построения графов использовалась программа Gephi.

Структура понятия «университет» в языковом сознании корейцев и русских

Все полученные реакции были распределены по 16 семантическим полям внеучебная деятельность, время, деньги, имена собственные (названия), индивидуальные реакции, инфраструктура, культура, личная жизнь, научная деятельность, оценка, профессия/работа, учебная деятельность, человек, чувства/эмоции/состояния, еда (только у русских), СИМВОЛ (только у русских), выделенным с опорой на словарное значение, на основе синтагматических связей, а иногда сам материал исследования подсказывал введение семантических полей.

На рисунке 1 представлено распределение относительных объемов семантических полей, которые считались как отношение объема каждого поля к общему объему реакций информантов в каждой группе.

По методике «каменистой осыпи» из Рисунка 1 видно, что у корейских информантов в ядро входят поля УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ЧЕЛОВЕК (объемы 53,7% и 32,7% соответственно), в среднюю зону – оценка, чувства/эмоции/состояния, внеучебная деятельность, время, профессия/работа (объемом от 14,7% до

22,1%), в периферию – личная жизнь, культура, инфраструктура, деньги, индивидуальные реакции, научная деятельность, имена собственные (объем менее 9%).

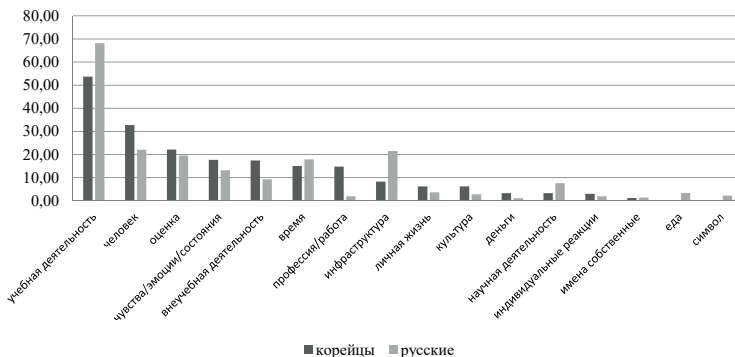

Рис. 1. Распределение объемов семантических полей в ответах корейских и русских информантов, отн.

У русских информантов наблюдается несколько иная картина: в ядро входит только поле учебная деятельность (объем 68,2%), в среднюю зону – оценка, человек, инфраструктура, время, чувства/эмоции/состояния (объем от 13,1% до 22,1%), в периферию – научная деятельность, личная жизнь, еда, культура, символ, профессия/работа, имена собственные, индивидуальные реакции, деньги (объем менее 10%).

*Модели семантической структуры понятия «университет»
в языковом сознании корейцев и русских*

На рисунках 2 и 3 представлены модели семантической структуры понятия «университет», представляющие объем и наиболее сильные связи между семантическими полями.

Рис. 2. Модель структуры понятия «университет» в языковом сознании корейских информантов, отн.

Из рисунка 2 видно, что наиболее сильную связь образуют два ядерных поля – учебная деятельность и человек, они же довольно сильно связаны с другими полями, представленными в модели. Сильную связь с ядром понятия демонстрируют поля оценка и внеучебная деятельность, которые входят в среднюю зону распределения семантических полей. Другие поля, вошедшие в среднюю зону, также обнаруживают связь с ядром, но более слабую. Стоит отметить, что все поля из средней зоны и ядра связаны друг с другом, но разной по силе связью. Кроме того, в модель попали периферийные поля инфраструктура и культура, которые оказались довольно сильно связаны с полями ядра и средней зоны.

Рис. 3. Модель структуры понятия «университет» в языковом сознании русских информантов, отн.

Из рисунка 3 видно, что ядерное поле **УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** образует сильные связи со всеми полями, представленными в модели. Стоит отметить довольно сильные связи между полями **УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, **ЧЕЛОВЕК**, **ВРЕМЯ**, **ИНФРАСТРУКТУРА** и **ОЦЕНКА**. Все они, за исключением ядерного поля **УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, входят в среднюю зону. Однако в средней зоне есть еще поле **ЧУВСТВА/ЭМОЦИИ/СОСТОЯНИЯ**, которое также связано со всеми вышеупомянутыми полями, но эта связь заметно слабее, т.к. объем этого поля меньше и находится на границе с периферией. Кроме того, на модели представлены поля **ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** и **НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, демонстрирующие много несильных связей с другими полями.

Таким образом, среди информантов обеих групп ядерным является поле **УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, что вполне предсказуемо, поскольку университет – учебное заведение высшего образования. Это определение стабильно дается во всех толковых словарях как русского, так и других языков.

Поле **УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** превалирует над следующим за ним полем **ОЦЕНКА** более чем в 3 раза у русских. У корейцев распределение более равномерное, в ядро входит еще поле **ЧЕЛОВЕК**. Можно предположить, что в сознании

корейцев университет – это не только цель, но и люди, которые этой цели достигают или помогают достичь.

В среднюю зону обеих групп информантов вошло по 5 полей объемом от 13% до 23%. Так, общими полями средней зоны для обеих групп информантов являются: ЧУВСТВА/ЭМОЦИИ/СОСТОЯНИЯ, ОЦЕНКА, ВРЕМЯ. У корейских информантов в средней зоне также есть поля ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ПРОФЕССИЯ/РАБОТА, у русских – ЧЕЛОВЕК и ИНФРАСТРУКТУРА. Часто в ассоциациях русских информантов встречались разные объекты университета (*аудитория, фонтан, столовая* и др.), поэтому поле ИНФРАСТРУКТУРА вошло в среднюю зону. У корейцев же напротив чаще упоминались различные групповые виды внеучебной деятельности (*фестиваль, клуб, кружок* и др.), которые являются неотъемлемой частью студенческой жизни. При поступлении в университет многие корейцы собираются связать свое образование с будущей профессией.

При сравнении обобщенных моделей структур понятия «университет» в языковом сознании русских и корейцев видно, что ядерное поле УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в обеих моделях связано со всеми полями. Как у русских, так и у корейцев поля ОЦЕНКА и ЧЕЛОВЕК образуют сильную связь с полем УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Помимо указанных полей сильную связь с полем УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ обнаруживают поля ВНЕУЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ у корейцев, и ВРЕМЯ и ИНФРАСТРУКТУРА у русских. Кроме того, в модель вошли поля из средней зоны, имеющие более слабые связи ПРОФЕССИЯ/РАБОТА, ЧУВСТВА/ЭМОЦИИ/СОСТОЯНИЯ, ВРЕМЯ у корейцев, и ЧУВСТВА/ЭМОЦИИ/СОСТОЯНИЯ у русских.

Таким образом, проведенный анализ позволил построить обобщенные модели семантической структуры понятия «университет» в языковом сознании корейских и русских информантов. В дальнейшем планируется рассмотрение влияния факторов «пол» и «возраст» на семантическую структуру понятия, а результаты могут быть применены в разработке учебных программ, а также в составлении программ адаптации иностранных студентов при получении высшего образования.

Литература

Богатых К.К., Дубровская Е.М. Лингвокультурный типаж «блогер» в русском и китайском языковом сознании // Наука. Технологии. Инновации. Ч. 8. 2019. С. 274-278.

Ли Ю. Лексема «счастье» в языковом сознании русских и китайских студентов // Вестник Пермского университета. Серия: российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. № 3. С. 44-53.

Церцвадзе М.Г. Концепт «дом» в русском и грузинском языковом сознании // Новый университет. Серия: актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. № 1-2 (70-71). С. 19-22.

Вань Г., Чулкина Н.Л. Концептуальные понятия «мораль» и «этика» в сознании китайского и русского народов // Начала Русского мира. 2024. № 4. С. 117-125.

D.S. Pavlova, M.A. Shtamova (Perm, Russia)

Perm State University

MODELING THE STRUCTURE OF THE CONCEPT UNIVERSITY IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF KOREANS AND RUSSIANS

The paper presents the results of an associative experiment that allowed us to construct an idea of the university that exists in the linguistic consciousness of Koreans and Russians. The data obtained demonstrate both common and different features in the understanding of the university by Korean and Russian informants.

Key words: concept, linguistic consciousness, university, perception, associative experiment

О.Б. Полянчук (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

bollona@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ВЕРБАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются закономерности концептуализации и вербализации ментальных пространств средствами фразеологии. Указывается на наличие системных закономерностей между механизмом концептуализации и моделью фразеосемантической деривации, а также выявляются причины, определяющие степень семантической интеграции компонентов фразеологизма и особенности их семантической корелативности.

Ключевые слова: концептуализируемый признак, модель фразеосемантической деривации, базовый компонент фразеологизма, фразеологическое единство, фразеологическое сращение, семантическое дефокусирование

Вопросы, связанные с процессом концептуализации средствами фразеологии являются предметом многочисленных исследований. Тем не менее, требуют отдельного внимания и детального изучения такие проблемы, как взаимодействие составляющих фразеологической единицы в аспекте их валентностных свойств, их композиционной семантики. В центре внимания оказывается поиск причин, определяющих направление процесса фразеологизации, роль и соотносительность концептуализируемого признака с элементом структуры фразеологической единицы. Мы ставим целью выявить закономерности, отражающие взаимосвязи между моделью концептуальной и семантической деривации, актуализирующейся в процессе фразеологизации, на основе фразеолексы с семантикой цвета. Поскольку в романском языкознании вопросы, связанные с концептуальной и семантической интеграцией на материале цветowych фразеологизмов остаются малоизученными, необходимо попытаться ответить на вопрос, *почему* в процессе фразеологизации в одних случаях образуются фразеологические единства, а в других – фразеологические сращения. Задачи исследования: а) определить соотносительность признака, концептуализируемого при слиянии ментальных пространств, с одним из компонентов потенциаль-

ного фразеологизма; б) проследить взаимосвязи между такими параметрами фразеологической единицы, как степень ее семантической интегративности и наличие процесса семантического дефокусирования, с одной стороны, и моделью фразеосемантической деривации – с другой; в) выявить причины ориентации процесса фразеологизации по пути образования фразеологического единства либо фразеологического сращения.

Прежде чем приступить к описанию результатов практического исследования, необходимо уточнить некоторые термины, используемые нами в предыдущих исследованиях, а именно:

1) Мы разграничиваем фразеологическую и фразеосемантическую деривацию: первая связана с таким типом концептуализации, при котором сливаются два уже «готовых» ментальных пространства, т.е. процесс фузии концептов не сопровождается приращением смыслов. Вторая (именно такой аспект находится в центре нашего внимания) предполагает более сложный вид концептуализации, сопровождающийся наличием более сложных концептуальных структур, включая такие явления, как метафоризация, метонимизация и другие [Полянчук, Черникова 2016].

2) Поскольку каждая фразеологическая единица содержит не одну фразеолексему, а, по меньшей мере, две, и нам необходимо рассмотреть отношения между ними, мы используем термины «базовый компонент» (опорный компонент ФЕ, его семантическое ядро) и «формирующая часть» (остаточный элемент фразеологизма) (далее – БК и ФЧ) [Полянчук, Черникова 2016].

Перейдем к описанию результатов исследования. Нами обнаружено, что в процессе слияния ментальных пространств при фразеосемантической деривации концептуализируемый признак (термин Н.Н. Болдырева) [Болдырев 2011] может а) соотноситься: с БК либо ФЧ и б) являться результатом фузии двух концептов. В первом случае образуются фразеологические единства, во втором – фразеологические сращения. Например: фразеологические единства *blanche mémoire* «провал памяти», *bal blanc* «бал, на котором танцуют только незамужние», *billet blanc* «недействительный бюллетень», *examen blanc* «экзамен без оценки», *nuit blanche* «бессонная ночь» образованы в результате вербализации двух ментальных пространств, одно из которых исключает когнитивную метафору, а другое – включает ее. Именно второе ментальное пространство и подвергается воздействию концептуальной метафоризации, что приводит к вербализации на базе исследуемой нами фразеолексы, в частности, ФЧ. Концептуализируемый признак соотносится с концептом цвета, а метафоризация связана с ассоциацией «белый цвет → пустота, отсутствие чего-либо». Что касается степени семантической интеграции такого рода фразеологизмов, то можно отметить, что она рассматривается как пониженная (ср. низкая в словосочетаниях). Другими словами, с позиций теории семантического дефокусирования [Ирисханова 2014] перспективизация семантического признака (как и соответствующий ему признак концепта) связана с ФЧ, обознача-

ющим цвет, а БК остается в стороне от процесса переосмысления, что создает условия для сохранения двух семантических фокусов и сохранения расчлененного восприятия фразеологизма. Для объяснения причин данного явления необходимо сослаться на тот факт, что фразеологическая единица, как и производное слово, является комплексным знаком, и поэтому классификация признаков концепта на сильные и слабые, релевантная для производных слов, оказывается приемлемой и для фразеологизмов [Поляничук 2013: 104]. Таким образом, признак, концептуализируемый при фразеологизации описанного типа, занимает сильную позицию, так же как и признак концепта, соответствующий остаточной части фразеологизма, что и обеспечивает «независимость» компонентов фразеологизма. При этом в результате вербализации цветового концепта, как уже указывалось, происходит изменение значения в рамках ФЧ.

Что касается второго варианта слияния ментальных пространств, то процесс концептуализации, лежащий в основе образования фразеологизма, предполагает когнитивную метафору, основанную на концептуализируемом признаке, представляющим собой результат фузии исходных концептов, что при вербализации данного типа приводит к образованию фразеологических сращений. Например, *oiseau bleu* «недостижимый идеал», *être écrit sur le livre en lettres rouges* «оставить о себе плохую память», *porter le fer rouge sur une plaie* «применить сильнодействующее средство», *le feu vert* «свобода действий», *avoir les doigts verts* «быть хорошим садоводом», *volée de bois vert* «резкие нападки», *nuages noirs à l'horizon* «угроза», *avoir la crête rouge* «быть вспыльчивым». Степень семантической интеграции таких фразеологических сращений рассматривается как повышенная, а процесс семантического дефокусирования предполагает наличие одного фокуса и дисперсию семантики цвета. Такая ситуация как на концептуальном, так и на вербальном уровнях, объясняется сильной позицией признака концепта одного из концептов-аналогов «будущего» фразеологизма» и слабой позицией другого, что в соответствии с гипотезой о тенденции стремления сильного признака к слабому и создает условия для концептуальной интеграции [Поляничук 2013].

Еще одной закономерностью, выявленной нами при анализе фразеологизмов с прилагательными цвета, является особенность, связанная с семантической кореллентностью компонентов фразеологизма, которая проявляется исключительно в рамках фразеологических единств. В частности, метафора, лежащая в основе актуализации признака цвета, представлена системно как «пустота» для прилагательного *blanc*, «романтическое начало» для прилагательного *bleu*, «свобода» либо «молодость, цветение» для прилагательного *vert*, если такие прилагательные комбинируются с именами конкретного и определенной группой имен абстрактного значения (*bibliothèque bleue* «романическая литература, *conte bleu* «чудесная сказка», *feu vert* «свобода действий, зеленый свет»). Однако при сочетании ряда прилагательных цвета с именами, обозначающими эмоциональное

состояние, актуализируется метафора другого рода: усиление признака, обозначенного существительным: *colère blanche* «страшный гнев» *colère jaune* «ярость», *peur bleue* «жуткий страх», *colère bleue* «гнев». Таким образом, композиционная семантика фразеологических единств связана с взаимной индукцией концептов-аналогов «будущего» фразеологизма.

И, наконец, еще одна закономерность, обнаруженная при анализе фразеологизмов цвета, заключается в том, что выбор модели фразеосемантической деривации находится в непосредственной зависимости от описанного выше ментального и семантического механизма: при соотнесенности концептуализируемого признака с БК или ФЧ на вербальном уровне релевантна такая генерализованная модель перестройки значения, как цвет → признак (частные модели: белый → пустота, зеленый → свобода, красный → возбуждение, черный → негатив, и др.); при соотнесенности концептуализируемого признака с результатом слияния ментальных пространств перспективизируется специфический признак, что проявляется на вербальном уровне в актуализации модели фразеосемантической деривации объект+цвет → результат воздействия цвета, в частности, объект+цвет → качество, объект+цвет → черта характера, объект+цвет → моральное состояние.

Таким образом, в результате исследования выявлены следующие закономерности: Механизм взаимодействия ментальных пространств определяет направление их вербализации средствами фразеологии: в случае перспективизации концептуального признака одного из концептов и нейтральности признака, соотносимого с другим концептом, образуются фразеологические единства. Валентностные связи между компонентами единства представляются достаточно слабыми. Если концептуализируемый признак является результатом фузии обоих концептов, образуются фразеологические сращения. Модель фразеосемантической деривации также системным образом связана с механизмом фузии ментальных пространств. Семантическая корелативность составляющих фразеологического единства также реализуется в рамках системных закономерностей, в то время как такое явление не представляется релевантным для фразеологических сращений.

Литература

- Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категорий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 5-13.
- Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славян. Культуры, 2014.
- Поляничук О.Б. Композиционная семантика многозначного производного слова. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2013.
- Поляничук О.Б., Черникова А.Э. Особенности семантической композициональности фразеологических единств с компонентом «явление природы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 77-79.

O.B. Polyanchuk (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

FEATURES OF CONCEPTUALIZATION AND VERBALIZATION BY MEANS OF PHRASEOLOGY (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

The article examines the patterns of conceptualization of mental spaces and their verbalization by means of phraseology. The presence of systemic patterns between the mechanism of conceptualization and the model of phraseosemantic derivation is indicated, and the reasons that determine the degree of semantic integration of the components of a phraseological unit and the features of their semantic coreference are identified.

Key words: conceptualized feature, model of phraseosemantic derivation, basic component of phraseological unit, phraseological unity, phraseological fusion, semantic defocusing

A.A. Попов (Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

porova_a_2001@mail.ru

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О НЕГАТИВНЫХ КАЧЕСТВАХ КОЛЛЕГ ПО БИЗНЕСУ КАК ОСНОВА ДЛЯ СО-АКТИВАЦИИ СВЕДЕНИЙ О ПОЗИТИВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

Под когнитивным углом зрения в бизнес-среде описываются способы взаимодействия отдельных категорий коммуникантов между собой. Это помогает выявить соотношение константного и вариативного в процессе реализации коммуникативных, номинативных и когнитивных стратегий носителями одной культуры с разной личностной идентичностью.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация, формальная/неформальная коммуникация, рабочая среда, коллеги, личностная идентичность, коллективная идентичность

Виды взаимодействия людей чрезвычайно разнообразны и имеют место в разных коммуникативных средах: устной, письменной, компьютерно-опосредованной. Они классифицируются по разным основаниям (см., напр., [Цурикова 2002; Щипицина 2009; Кострова 2018]). Весьма интересно изучение бизнес-общения в неформальной среде, поскольку данный вид взаимодействия еще не получил детального описания, хотя именно неформальное общение оказывается максимально проблемным [Стратегии, 2005]. Для бизнес-общения, которое весьма вариативно, названный вид взаимодействия особо значим, поскольку оно должно завершаться в идеале бесконфликтно, продуктивно и эффективно [Панягин 2008]. Бизнес-коммуникацию можно разделить на формальную и неформальную. В последней выделяют такие виды, как: случайные разговоры, телефонные контакты, тайные письменные материалы, тайные жесты и знаки [Кострова 2018: 47]. Взаимодействие коллег по бизнесу в профессиональной сфере представляется интересным, потому что в ней востребованы в разных культурных пространствах в однотипных ситуациях разные качества – как поощряемые, так и порицаемые для одной категории коммуникантов.

Примеры интеракций между отдельными типами коллег по бизнесу извлечены из книг на немецком и русском языке [Schneider-Flaig 2006; Фосслиен, Вест Даффи 2020] и содержат обозначения действий, совершаемых в разное время и разными способами, а также обозначения негативных характеристик интерактантов. Так реализуется доступ к сведениям о структуре интеракции, осуществляемой последовательностью разных речевых и неречевых действий, подчиненных достижению общей цели [Цурикова 2002]. Анализ способов вербализации названных сведений позволяет выявить типы реализуемых коммуникативных, номинативных и когнитивных стратегий.

М. Вест Даффи, Л. Фосслиен описывают 3 типа коллег с негативными характеристиками. Хотя эта книга написана на русском языке, материал авторы собирали в англоязычной (американской) культуре. К первой категории отнесены *«придурки»* – те, кто *«подрывают психологическую безопасность коллектива»* посредством оскорблений и неуместной критики. Они могут быть *«отличными специалистами»*, но иметь *«дурной характер»*. Авторы дают 6 рекомендаций взаимодействия с такими коллегами, например: *«сократите частоту контактов, «сочувствуйте, не показывая сочувствия», «соблюдайте умственную дистанцию»* или *«избавьтесь от них»*. Все рекомендации оформляются простыми побудительными повествовательными предложениями.

Вторые, *«бездельники»*, характеризуются как люди, которые *«зачастую игнорируют свои обязанности»*. Особенно часто они встречаются в больших коллективах крупных компаний, поскольку именно в большой команде они могут почувствовать, что их *«тунеядство никто не заметит»* и они смогут без труда делегировать свои задачи другим. Для таких случаев даются 3 совета: разбиться на пары, оценивать вклад каждого члена команды, поговорить с руководителем. Для оформления рекомендаций задействуются также простые побудительные повествовательные структуры.

Последний тип, *«несогласные»*, *«всегда укажут на брешь в предлагаемом плане»*. Зачастую они *«не предлагают никаких альтернативных предложений»*. Рекомендуется слушать, но устанавливать границы, искать больше информации и бороться с негативизмом. В таких случаях фигурируют сложные предложения, присутствует паратаксис с адверсативной связью между частями паратаксиса; доминируют монопропозитивные структуры.

Наиболее распространенными коммуникативными стратегиями в англоязычной среде признаются: игнорирование, ответ на негатив позитивом и оценивание качеств и результатов не целой группы, а ее отдельных участников. Звенья той или иной коммуникативной стратегии вербализуются разными механизмами вербализации, выбор которых подчиняется скорее текстограмматическим и текстотипологическим закономерностям, чем зависит от особенностей той или иной категории коммуникантов. Наиболее частотны императивные, предложения, которые позволяют так перспективировать комплекс сообщаемых сведений, что реципиент чувствует себя соучастником непосредственного контакта с продуцентом текста. Характеристики отдельным категориям даются главным образом глагольными

предложениями («*Sobлюдайте физическую дистанцию*», «*Боритесь с негативизмом*»). Корреляций между категорией коммуниканта, с одной стороны, и средствами и способами вербализации сведений о его особенностях, с другой, на данный момент однако не представляется возможным выявить.

Классификация немецким автором [Schneider-Flaig 2006] коллег с негативными характеристиками имеет весьма значительное сходство с классификацией американских авторов. Первый тип (*Besserwisser (Vesznajka)*) описывается как постоянно вмешивающийся и дающий советы. Такие коллеги всегда уверены, что они владеют более достоверной информацией. Советуется поблагодарить их за совет, но не терять главную тему разговора («*Dabei sollte man nie vergessen, zum eigentlichen Thema zurückzukehren.*»). В немецком тексте используются сложные паратактические предложения с разной связью между частями сложного предложения; императивные структуры отсутствуют.

Противоположностью всезнаек являются пессимисты (*Pessimisten*), которые никогда не уверены в своих действиях и действиях других. Автор рекомендует не обращать на данный тип внимания (*Es macht meist wenig Sinn, ihnen zu viel Aufmerksamkeit zu widmen*). И в этих случаях отсутствует императив; тем самым конструируется довольно значительная дистанция между продуцентом и реципиентом текста.

Третий тип коллег, интриганы (*Intriganten*), пытаются добиться успеха чужими руками; такие коллеги часто не показывают свое истинное лицо. Для борьбы с лицемерием автор советует рассказывать им выдуманные истории, чтобы никто из коллег не смог им более доверять (*hilft der Intrigant meist mit selbst erfundenen Gerüchten nach*). Совет вербализуется паратакисом, побудительных предложений нет.

Провокаторы (Provokateur) похожи на третий тип, но хотят показать, что они не такие, как все, посредством постоянного несогласия со всеми и игнорированием общепринятых правил. Рекомендуется ограничивать пространство для провокаций (*Am besten ist es, Provokateuren möglichst wenig Angriffsfläche zu bieten*). Для характеристики людей этой категории используются гипотаксис с разной синтаксической структурой.

И последним типом являются *хвастуны (Poser)*. Они часто говорят не по делу, пытаясь поддержать разговор. Но на самом деле они не разбираются ни в одной теме, о которой говорят [Schneider-Flaig 2006: 158-161]. Для взаимодействия с хвастунами предлагается следующая стратегия: не стоит подавать им ценные идеи и мысли (*sollte man ihnen möglichst keine wirklich wichtige Ideen und Gedanken verraten*). При вербализации совета в охарактеризованных ситуациях отсутствует прямое побуждение к действию. Наиболее распространенной стратегией взаимодействия с описанными категориями бизнесменов автор называет игнорирование. Предлагается не воспринимать суждения данных коллег всерьез и не доверять им полезную информацию с целью предотвращения ее искажения.

Важно подчеркнуть, что средства вербализации сведений о коллегах по бизнесу, характеризуемых языковыми средствами с негативной семантикой, со-активируют сведения о позитивных качествах носителей культуры. Это возможно в силу

свойств такого когнитивного процесса, как активация. Последняя понимается, согласно Е.С. Кубряковой, как «возбуждение определенных участков мозга в актах мыслительной и речевой деятельности под влиянием тех или иных поступающих сигналов или стимулов» [Кубрякова 1997: 11]. Однако для осмысления выведенных «в осознаваемую часть текущего сознания образов, определенных структур знания и/или репрезентаций» [Кубрякова 1997: 11] необходима также со-активация сведений, присутствующих в картине мира носителей культуры. В анализируемых случаях это сведения о позитивных качествах. Таким образом, сведения о негативных качествах объективируются первичными номинативными средствами и осмысляются на фоне позитивных качеств, которые не объективируются, а со-активируются в интеракции.

Обобщая, правомерно подчеркнуть следующие особенности вербализации сведений о негативных чертах характера бизнесменов, как их оценивают в языковой культуре. Это в немецком тексте преимущественно глагольные паратактические и гипотактические повествовательные структуры; императивные структуры отсутствуют. Комплекс сведений перспективируется и профилируется так, что реципиент становится наблюдателем, не погружаясь в ситуацию, описываемую в тексте.

Поскольку авторы анализируемых книг уделяют особое внимание негативным качествам бизнесменов, из-за которых может быть затруднено взаимодействие в неформальной бизнес-обстановке, они могут служить источником неуспеха и/или конфликтов в бизнес-среде. Сведения о позитивных качествах реципиент получает **от противного**. Знание об этих качествах **со-активируется**, образуя когнитивный фон, на котором концептуализируются и категоризируются в качестве когнитивной фигуры сведения о качествах, препятствующих беспроblemной и продуктивной бизнес-коммуникации.

Литература

- Кострова Ю.Б. Деловые коммуникации. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2018.
- Кубрякова Е.С. Активация, активизация (activation, activization; Aktivierung) // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов М.: МГУ. 1997. С. 11-12.
- Панягин А.А. Бизнес-коммуникации в немецком деловом социуме // Вестник Мордовского университета. 2008. №3. С. 64-67.
- Стратегии – Стратегии успеха и факторы риска в межкультурной коммуникации: коллективная монография / под ред. Л.И. Гришаевой, Л.В. Цуриковой. Воронеж: ВГУ, 2005.
- Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2002.
- Щитыцина Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Поморский университет, 2009.
- Фосслиен Л., Вест Даффи М. Без обид! Как эмоциональный интеллект помогает общаться с коллегами и руководством. URL: <https://books.yandex.ru/reader/dGUNYjg5?resource=book&force-web=true>
- Schneider-Flaig S. Knigge. Richtiges Benehmen und Umgangsformen privat und im Beruf. Köln: Buch und Zeit Verlagsgesellschaft mbH, 2006.

A.A. Popov (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

VERBALISATION OF INFORMATION ABOUT NEGATIVE QUALITIES OF BUSINESS COLLEAGUES AS A BASIS FOR CO-ACTIVATION OF INFORMATION ABOUT POSITIVE CHARACTERISTICS OF CULTURE BEARERS

Under the cognitive perspective in the business environment, the ways of interaction of certain categories of communicators among themselves are described. This helps to reveal the ratio of constant and variant in the process of realization of communicative, nominative and cognitive strategies by speakers of the same culture with different personal identity.

Key words: business communication, formal/informal communication, work environment, colleagues, personal identity, collective identity

Е.А. Попова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)

o-genia@yandex.ru

М.В. Лавинская (Москва, Россия)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ (РАНХиГС)

marina.lavinskaya@gmail.com

ПРОЯВЛЕНИЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится анализ идиоматичности, представленной в значениях сложных слов испанского языка. Наиболее частотно проявление семантической идиоматичности, основанной на метафоре, в сложных словах императивного вида. В результате исследования выявлена связь между тремя типами идиоматичности (семантической, грамматической и фонетической) в изучаемых лексических единицах, что выступает особенностью испанского словосложения.

Ключевые слова: испанский язык, сложное слово, идиоматичность, конститuent, метафора

Одним из семантических явлений, наглядно иллюстрирующих развитие чело- века как языковой личности и его взаимодействие с окружающим миром, выступают механизмы образования сложных слов. С одной стороны, эти механизмы универсальны, с другой – культурно-специфичны, поскольку в разных языках одни модели более продуктивны, другие – менее. В трудах отечественных (Н.Д. Арутюновой, Б.Ю. Городецкого, Н.А. Зевахиной, В.И. Карпова, А.А. Уфимцевой и др.) и зарубежных (V. Adams, J. Newman, W.J. Meys, J. Rodríguez, O. Santana Suárez и др.) лингвистов указанная проблематика рассматривается с точки зрения, как теоретических аспектов, так и практического применения к конкретным языкам. Объектом нашего изучения являются сложные слова в испанском языке, структурно-семантические

особенности которых (на материале имен существительных) были рассмотрены в одной из работ авторов данной статьи [Попова, Лавинская 2021].

Связь между конститuentами сложного слова, как и в словосочетании, обусловлена отношениями зависимости, определяющего и определяемого. При этом значение сложного слова может не быть простой суммой значений его составляющих, а приобретать дополнительные оттенки, коннотации, или быть закреплено устоявшимся культурным употреблением, вплоть до полной «непредсказуемости», как, например, во многих фразеологических единицах.

Таким образом, в фокусе нашего внимания находится феномен идиоматичности, возникающей при образовании сложных слов в испанском языке и проявляющейся в нескольких аспектах. Отметим, что под идиоматичностью применительно к сложным словам, вслед за Е.А. Долгиной, мы понимаем «своеобразие и неповторимость, свойственные данному языку» и сформированные под влиянием «единства двух языковых факторов – коллигации (морфосинтаксических связей) и коллокации (лексико-фразеологических связей)» [Долгина 1999: 55].

Идиоматичность в образовании испанских сложных слов проявляется не так явно, как во фразеологии, и во многом зависит от словообразовательной модели. В настоящем исследовании мы выделяем три типа идиоматичности, свойственные изучаемой категории лексических единиц, – семантическую, грамматическую и фонетическую.

Семантическая идиоматичность отражает специфическое значение лексемы и подчеркивает сложность или невозможность вывести его из значений отдельных ее компонентов. О.Е. Афоненкова выделяет следующие критерии идиоматичности, которые, на наш взгляд, соответствуют именно семантическому типу:

- 1) метафорическое и (или) метонимическое смещение значения конститuentов лексемы и нарушение семантической валентности;
- 2) преобладание коннотативных компонентов над денотативными;
- 3) отсутствие мотивированности и низкая степень эксплицитности внутренней формы образования [Афоненкова 2002].

Семантическая идиоматичность может быть полной или частичной. Иллюстрацией частичного типа может служить прямое значение испанской лексемы *girasol* – «подсолнух», состоящей из глагола *girar* – «поворачивать(ся)» и *sol* – «солнце». Кроме того, у данного слова существует второе значение – «подхалим, подлиза», основанное на метафорическом переносе и обладающее полной степенью семантической идиоматичности.

Говоря о словообразовательных моделях, которым в большей степени присуще метафорическое значение, выделим особую, характерную именно для испанского языка группу так называемых «императивных» сложных слов, появившихся в результате слияния формы глагола повелительного наклонения единственного числа и существительного в единственном или во множественном числе: *sacacorchos* (букв.

«вытащи пробки») – штопор, *paraguas* (букв. «останови воды») – зонтик, *matapolvo* (букв. «убей пыль») – кратковременный дождь, *pasamanos* (букв. «води руками») – перила, *aguafiestas* (букв. «разведи водой праздники») – скучный человек, который портит веселье.

Идиоматичность императивных слов может быть основана и на метонимическом переносе. Так, существительное *guardajoyas* (букв. «храни сокровища») обозначает и сейф, и человека, у которого может храниться нечто ценное. Подчеркнем, что такие лексемы всегда принадлежат к категории мужского рода, а форма множественного числа в них является «застывшей» и не меняется в зависимости от реального количества обозначаемых предметов: *el paraguas* («зонт») – *los paraguas* («зонты»). Указанная особенность – признак грамматической идиоматичности.

Второй тип идиоматичности также показывает, как сложное слово образуется синтаксически или используется в предложении. Грамматические конструкции, образованные сложными словами, могут иметь специфические синтаксические и морфологические правила, которые не всегда соответствуют правилам языка в целом. Помимо вышеприведенных императивных существительных, в данную группу входят сложные слова, образованные путем слияния более двух компонентом в одно: *hazmerreír* (*haz+me+reír*, букв. «заставь меня смеяться») – посмешище, «шут гороховый», *dosmilveinte* (*dos+mil+veinte*, 2020-й г.) – большие неприятности или человек, который в них попадает (слово появилось в эпоху пандемии), *metomentodo* (от *me+meto+en+todo* – букв. «я вмешиваюсь во всё») – назойливый человек.

Отметим, что пример *metomentodo* иллюстрирует несоответствие грамматическим правилам испанского языка, поскольку местоимение *me* должно стоять перед временной глагольной формой, а не после нее. Подобные явления объясняются именно сочетанием проявлений семантической и грамматической идиоматичности, поскольку «нормы словообразования, формируясь, постепенно дифференцируют сложное слово от императивного предложения, к которому оно восходит. Это одновременно синтаксическая и лексическая дифференциация» [Арутюнова 2007: 222]. Кроме того, при слитном написании сочетания из него выпадает вторая гласная *-e-*, тогда как в примере с *hazmerreír*, наоборот, появляется «лишняя» согласная *-r-*, что свидетельствует и о фонетической идиоматичности слова.

При образовании сложных слов в испанском языке можно выделить следующие фонетические особенности:

1) редупликация – появление удвоенной *rr*, если первая часть сложного слова заканчивается на гласную, а вторая начинается с *r*: *bocarrica* (букв. «богатый рот», *boca + rica*) – человек, восхваляющий себя на фоне остальных;

2) замена гласных для гармонизации звучания, например, *-o-* или *-a-* на *-i-*: *pelirrojo* («рыжеволосый») = *pelo* («волосы») + *rojo* («красный, рыжий»); *boquiabierto* («удивленный, застывший с открытым ртом») = *boca* («рот») + *abierto* («открытый»);

3) элизия – выпадение одной из одинаковых гласных, как в случае с *metomentodo* и *paraguas*.

Фонетическая идиоматичность, таким образом, проявляется через ряд процессов, которые обеспечивают благозвучие, удобство произношения, а в ряде случаев – уникальное значение лексической единицы, не сводимое к сумме ее компонентов (например, если речь идет об императивных существительных). Рассмотренные процессы отражают взаимодействие морфологии, фонетики и культурно-языковых конвенций, формируя богатство испанской лексики.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о том, что в сложных словах испанского языка могут одновременно проявляться разные типы идиоматичности. В связи с этим, перспективой для дальнейших исследований нам видится изучение факторов, лежащих в основе данных проявлений, в частности – связи с историей и культурными реалиями испаноязычных стран. Интересным также представляется изучение межвариантных и региональных особенностей идиоматичности сложных слов испанского языка.

Литература

Афоненкова О.Е. Идиоматичность сложных слов и словосочетаний структурного типа N+N: на материале газетно-журнальных публикаций канадского варианта современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002.

Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования: на материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007.

Долгина Е.А. К вопросу об идиоматичности речи // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 10. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Попова Е.А., Лавинская М.В. Структурно-семантические особенности сложных существительных в испанском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. 2021. № 8 (850). С. 118-128.

E.A. Popova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

M.V. Lavinskaya (Moscow, Russia)

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

MANIFESTATION OF IDIOMATICITY IN THE FORMATION OF COMPOUND WORDS IN SPANISH LANGUAGE

The article analyzes idiomatichity presented in the meanings of compound words in Spanish language. The most frequent manifestation of semantic idiomatichity based on metaphor was discovered in compound words of the imperative form. The study revealed a connection between three types of idiomatichity (semantic, grammatical and phonetic) in the studied lexical units, which tends to be a feature of Spanish word composition.

Key words: Spanish language, compound word, idiomatichity, constituent, metaphor

Т.В. Попова, А.В. Чепкасова (Екатеринбург, Россия)

Уральский государственный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

popovav@mail.ru, chepkasovatonchik@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЕНСОРНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КРАСНЫЙ/RED В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Современная когнитивная лингвистика позволяет рассмотреть традиционные объекты и проблемы языкознания в новом аспекте. Это актуально, в частности, и для анализа языковой семантики, интерпретации всех ее видов и отражения в лексикографических источниках. В статье лексическая семантика сенсорных прилагательных КРАСНЫЙ/RED, отраженная в современных толковых словарях, рассматривается в когнитивном аспекте, в основном с точки зрения дуалистической теории значения А.Д. Кошелева и способов семантико-пространственного (полевого) представления полисемии.

Ключевые слова: КРАСНЫЙ/RED, словарное значение, сенсорное и функциональное значения, прототипическое значение

Прилагательные КРАСНЫЙ/RED, как и другие цветové адъективы, достаточно хорошо изучены лингвистами, но их семантика рассматривается в основном в диахронном, сопоставительном, символическом аспектах [Масевич, Захаров 2022], а также в качестве одной из доминант цветовой палитры любого языка [Бондарчук 2014]. Хорошо изучены также лексико-семантические и текстовые группы языковых единиц со значением цвета [Выродова 2008 и др.].

Синхронной языковой семантике цветových адъективов уделяется значительно меньше внимания. Она отражена в толковых словарях, к которым обращаются в основном переводчики и те, кто испытывает потребности в уточнении значения слова. Но словари, как показывает анализ, содержат достаточно разнотипные в количественном и качественном отношении системы значений одного и того же слова.

Анализ словарных статей современных словарей (рассматривались самые авторитетные и широко используемые источники: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова» (далее – СУ), «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (СО), «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (СЕ), «Словарь современного русского литературного языка» в 17 тт.(СС), «Словарь русского языка» в 4 тт. (МАС) и «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова (СК); «Collins English Dictionary» (CED), «Oxford English Dictionary» (OED), «Cambridge Dictionary» (CD), «Merriam-Webster Dictionary» (M)) показал, что русское прилагательное КРАСНЫЙ имеет от 4 до 8 лексических значений (СУ – 6, СО – 5, СЕ – 5, СК – 8, МАС – 6, СС – 4), английское RED – от 5 (14, если учесть оттенки значения, выделенные в словаре) до 9: CED – 9, OED и CD – 6, MD – 5.

Такой разнотип в подаче полисемии рассматриваемых прилагательных неудобен рядовым пользователям языка, а перед лингвистами ставит вопросы о реальной степени многозначности адъективов со значением цвета.

Если попытаться учесть все формулировки всех значений прилагательных КРАСНЫЙ/RED, отраженных в названных выше словарях, то лексическая семантика адъективов может быть распределена по 3 сферам референтов, признак которых они обозначают (табл.1).

Таблица 1. Система лексических значений прилагательных КРАСНЫЙ/RED (по данным 10 словарей)

RED	КРАСНЫЙ
1	2
Прототипическая семантика цвета	
A colour of blood or fire (CED, OED), fresh blood (CD).	Один из основных цветов спектра (СЕ, СК, МАС) / радуги (СУ, БАС), цвет, идущий перед оранжевым и после фиолетового (СЕ), состоящий из оттенков от розового до коричневого (СУ); цвета крови (СО, СК, МАС, БАС) и его близких оттенков (БАС), имеющих цвет спелых ягод земляники (СО) или цвет яркого цветка мака (СО).
1. ПРЕДМЕТ	
1. О предмете: colour as distinguishing colour (MD). (Красный – цвет, использующийся в качестве отличительного цвета). 2. Об угле / о горящих предметах: heated to redness: glowing (разогретый до красноты: пылающий) (MD).	1. О предмете: Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-н. хорошего, яркого, светлого (СО), 2. О предмете: Ясный, светлый (СО, СУ, МАС, СК), яркий (МАС, СК). 3. О предмете: Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-н. красивого (СУ, БАС, МАС, СК), прекрасного (БАС, МАС, СК), 4. О предмете: Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-н. нарядного, украшенного (СУ). 5. О предмете: Парадный (СЕ, БАС, МАС, СК), 6. О предмете: почетный (СУ, СЕ, БАС, МАС, СК), 7. О предмете: ценный, дорогой (СУ). 8. О предмете: Самый лучший, высшего качества (СК), наиболее ценной породы или сорта чего-либо (СО).
2. ЧЕЛОВЕК	
1. О непостоянном признаке кожи: A colour of the face, when a person is flushed, ruddy or florid (MD) because he is angry, embarrassed (MD, CED), ashamed (OED) or out of breath (CED), or being or having skin tinged with red due to inflammation (MD). 2. О постоянном признаке кожи: A colour of the face, when a person is being or having skin of a coppery hue (MD)	1. О человеке: Покрасневший от прилива крови к коже (СЕ, СК). 2. О человеке: Употр. в народной речи и поэзии для обозначения чего-н. красивого (СУ, БАС, МАС, СК), прекрасного (БАС, МАС, СК). 3. О человеке: Радостный, счастливый (МАС, СК).

Окончание табл. 1	
1	2
3. О глазах и веках: bloodshot (OED, MD) (= with thin lines of blood in them) or surrounded by red or very pink skin (OED, CD) because of crying, tiredness, too much alcohol, etc (CD). 4. О волосах человека, мехе животного: orange-brown (CD), or red-brown (OED) colour, or the colour range between a moderate orange and russet or bay (MD, between red and brown colour (CED) of hair or an animal's fur.	
3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ	
1. О политических взглядах: relating to socialist or communist political opinions (CD), 2. О политических взглядах: relating to a communist country and especially to the former Soviet Union (MD), 3. О политических взглядах: inciting or endorsing radical social or political change especially by force (MD). 4. О человеке с определенными политическими взглядами: (noun) a person having socialist, communist (CD) or very left-wing political opinions (CED, OED) or ideas (CED). 5. О районах (территориях) США, где население предпочитает республиканцев: an area in USA, having more people who vote for the Republican candidate than the Democratic one (OED) or tending to support Republican candidates or policies (MD).	1. О политических взглядах человека: до революции крайний левый по политическим убеждениям (СУ, СК), революционный (СУ) / революционно настроенный (СК). 2. О человеке с определенными политическими взглядами: (сущ.) Сторонник или представитель большевиков, их революционной диктатуры, военнослужащий Красной Армии» (СО). 3. О человеке, организациях по их политической деятельности: Относящийся к революционной деятельности (СО, БАС, МАС, СК) или связанный с нею (СЕ). 4. О человеке, организациях: связанный с Советским строем (СО, СЕ, БАС, МАС, СК). 5. О человеке, организациях: связанный с Красной Армией (СО, СЕ, БАС, МАС, СК).

Примечание. 1. В таблице не разграничиваются такие явления, как самостоятельное значение и оттенок значения. 2. Аббревиатурами в круглых скобках обозначены словари, в которых выделено данное значение.

Анализ данных таблицы обнаруживает следующие особенности лексической семантики (и отражающейся в ней системы знаний) рассматриваемых прилагательных.

Первое. Все словари в качестве основного значения данных адъективов фиксируют значение цвета, что позволяет отнести их к сенсорной лексике, которая обозначает «видимые (шире – воспринимаемые) предметы, действия и качества» [Кошелев 2017: 22] и соотносится с базовыми концептами языка, из которых последний и развивается.

По мнению А.Д. Кошелева, структура дефиниции основного значения сенсорного слова должна выглядеть следующим образом: Основное значение = Прототип (перцептивные признаки) ← Ядро (Функциональные признаки), ср.: Тарелка 1 (основное значение) = Прототип (типичный Образ, Форма): «Круглый плоский предмет с приподнятыми краями». Ядро: «Функция: это – контейнер для порции готовой к употреблению пищи для одного человека, чтобы он начал ее есть небольшими частями, поэтому характерные Действия: в него кладется пища, а затем человек ложкой или вилкой перемещает небольшие части этой пищи себе в рот» [Скребцова 2018: 288]. Прототипические признаки важны для правильного понимания слова, ядерные – для правильной референции и употребления лексемы в целом.

Первое значение прилагательных КРАСНЫЙ/RED отражает только прототипическую часть значения слова, что связано, вероятно, со спецификой семантики этой части речи. При этом прототип представлен в разных языках по-разному: кратко в английском языке (указаны только 2 эталона для этого цвета: кровь или огонь), развернуто – в русском, который фиксирует 3 эталона (кровь, земляника, мак, при учете иллюстраций еще больше: рябина, огонь и др.), все оттенки красного (цвет, идущий перед оранжевым и после фиолетового (СЕ), состоящий из оттенков от розового до коричневого (СУ)) и место существования этого признака в мире (часть спектра/радуги).

Второе. Ядерная часть сенсорного значения прилагательных КРАСНЫЙ/RED реализуется на уровне функциональных, по терминологии А.Д.Кошелева, неосновных значений слова. «Значение функционального слова содержит компонент, недоступный перцептивной идентификации: оценку, обобщение, отношение говорящего, гипотезу и под.» [Кошелев 2017: 427], оно используется для описания «мыслимого» (постигаемого разумом) мира [Там же: 16]; см. оценку данного цвета, его восприятие как хорошего, радостного, светлого, красивого (сферы предметного мира и человека) / нежелательного, резкого, отрицательного (сфера политики и идеологии) и под.

Третье. Словари обоих языков фиксируют употребление коррелятивных прилагательных в 3 сферах: предметный мир, мир человека (живого существа), мир политики и идеологии. Максимальное (но не полное) совпадение обнаружено в последней сфере, что обусловлено развитием этой группы значений под влиянием сравнительно недавних событий конца XIX–XX вв.: возникновение лево-радикальной / коммунистической / большевистской идеологии, социалистического государства (Советский союз), Красной армии, которая его защищает, и их сторон-

ников. Для англоязычного мира важно также оформление партий и их атрибутов в США.

Сферы предметного и человеческого миров члениятся рассматриваемыми прилагательными принципиально по-разному. В предметной сфере цвет RED актуализирован только для характеристики его различительной функции и причины появления (раскаленный → красный). В отличие от английского RED русское прилагательное КРАСНЫЙ сосредоточено на общей (хороший, самый лучший), эстетической (красивый, прекрасный, нарядный, светлый, ясный и под.), прагматической (ценный), социальной (почетный) и иных оценках неодушевленного референта – носителя цветового признака.

Сфера «Человек» расширяется у английского RED до «Живого существа», поскольку используется для характеристики окраса меха животного, а не только волос, лица, глаз и век человека. Английское прилагательное фиксирует физические проявления этого цвета в названных выше частях тела, причины покраснения кожи (следствие физических нагрузок, болезни, сильных чувств и т.п.) и его характер: постоянный признак / временный. Одно значение русского колоратива КРАСНЫЙ фиксирует физическое состояние человека (покраснение лица) и его причину (прилив крови к голове), последняя носит более общий характер, чем у английского RED; два значения – психическое состояние субъекта с его положительной оценкой (счастливый, радостный) и его эстетическую привлекательность (красивый).

Таким образом, анализ семантики прилагательных КРАСНЫЙ/RED подтверждает теорию А.Д.Кошелева: единство языков (и возможность перевода) обеспечивается наличием универсальной перцептивной модели мира, которую каждый язык кодирует неполно, избирательно, что и обеспечивает языковое разнообразие [Кошелев 2017: 107; Скребцова 2018: 297]. Неполное и разноаспектное кодирование мира исключает автоматическую взаимозамену коррелятивных лексем при переводе. Концептуально-когнитивный потенциал колоратива может быть охарактеризован только при учете всех национально-культурных вариантов кодирования перцептивного признака.

Литература

- Бондарчук А.И.* Семантика цвета в аспекте межкультурных визуальных коммуникаций // Молодой ученый. 2014. №3. С. 1081-1085.
- Выродова А.С.* Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века: на материале поэтических текстов С.А. Есенина и Н.М. Рубцова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008.
- Кошелев А.Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: ИД ЯСК, 2017.
- Масевич А.Ц., Захаров В.П.* Диахронический аспект семантики прилагательного красный в русских поэтических текстах: корпусное исследование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2022. №2. С. 107-124.
- Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика. Классические теории, новые подходы. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

T.V. Popova, A.V. Chepkasova (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

LEXICAL SEMANTICS OF SENSORY ADJECTIVES КРАСНЫЙ/RED IN EXPLANATORY DICTIONARIES: THE COGNITIVE ASPECT

Modern cognitive linguistics allows us to consider traditional objects and problems of linguistics in a new aspect. This is relevant, in particular, for the analysis of linguistic semantics, interpretation of all its types and reflection in lexicographic sources. The article examines the lexical semantics of the sensory adjectives КРАСНЫЙ/RED, reflected in modern explanatory dictionaries, in a cognitive aspect, mainly from the point of view of A.D. Koshelev's dualistic theory of meaning and the methods of semantic-spatial (field) representation of polysemy.

Key words: КРАСНЫЙ/RED, lexical meaning, sensory and functional meanings, prototypical meaning

У.П. Природина (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
brasikaika@rambler.ru*

ВАЖНЫЕ СВОЙСТВА ОНИМОВ ДЛЯ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТОПОНИМОВ)

В статье определяются свойства онимов, необходимые для их изучения с позиции когнитивного подхода. Автор раскрывает тему о свойствах онимов с опорой на материалы исследований шведского языка, фокусируясь на годонимах городов Стокгольм и Линчёпинг. Результаты исследования могут представлять интерес для ономастов, урбанистов, специалистов в области отечественной скандинавистики.

Ключевые слова: оним, номинация, топоним, урбаноним, годоним, Стокгольм, Линчёпинг

Городское пространство напоминает дом, место, где человек живет и где чувствует себя защищенным физически, духовно и эмоционально. «Внутреннее убранство» города, в нашем случае определяемое годонимами (названия улиц), как и жилища, отражает верования, мировоззрение, культурные традиции, социальный статус и др. хозяев-горожан.

Из-под «кисти» горожан, как из-под кисти художника, выходит городское пространство, наполненное замысловатыми сюжетами – нарративами, благодаря чему оно становится «ономастическим» произведением искусства. Помещенные в единое городское пространство, на первый взгляд, порой несовместимые номинативные решения, удивительно легко вступают в диалог друг с другом. Все названия объектов становятся единой визуальной «онимической» волной, идущей из древности в современность, связываясь между собой единством «номинативного» стиля города, создавая тем самым его бренд и логотип, формируя его «идентификационный код» [Аванесов, Федотова 2022: 102].

Названия улиц репрезентируют чрезвычайно сильную связь между поколениями. Благодаря названиям мы помним события, сложившиеся традиции – все то,

что произошло задолго до нашего рождения. Культы предков, традиции, исторические события, общественные отношения, особенности ландшафта, флоры и фауны и т.д. прорастают сквозь названия линейных объектов города. Волна безвременья и беспамятства не покрывает его. Это неизбежно отсылает нас к важным свойствам онимов – их способности «помнить» и символизировать. Именно эти важные свойства онимов среди прочего дают возможность ставить перед ономастами и урбанистами вопрос о «топонимическом имиджировании» городских объектов [Голомидова 2022], о «символическом ресурсе» города [Аванесов, Федотова 2022: 134] и об их способности создавать уникальные «памятные узелки» в таком многогранном явлении как язык.

Меморативное свойство онима напрямую связано с коллективной памятью, с ее историческим, культурным, социальным сегментами. Порой сегменты памяти настолько плотно переплетены в ониме, что демаркационная линия между ними носит условный характер. Например, годонимы Стокгольма (*Frejgatan, Odengatan, Tyrgatan, etc.*) [Stahre и др 2022: 311-329] или другого шведского города Линчёпинг (*Linköping*) (*Heimdalsgatan, Magnegatan, Baldersgatan, etc.*) [Ventura 2023: 99-101], мотивированные теонимами и апеллятивами, имеющими отношение к мифологической составляющей, по нашему мнению, репрезентируют больше культурную память. С другой стороны, при появлении в урбанонимическом корпусе внутригородских названий с «мифологическими» мотивирующими основами нельзя не учитывать историко-социальный контекст.

Кроме того, именно меморативное свойство онима позволяет решить проблемы, связанные с когнитивным подходом такие, как восприятие урбанонимических единиц членами языкового социума, их функционирование в сознании людей, определение способов ментального отражения окружающего мира в урбанонимах, официальное и неофициальное внутригородское наименование и др. [Щербак и др. 2018: 89].

В ходе рассмотрения проблематики восприятия урбанонимических единиц членами шведского языкового социума на материале городской топонимии в различных районах Стокгольма исследователь К. Юханссон приходит к интересным выводам [Johansson 2007]. Так, участники опроса о внутригородских географических названиях района Норра Энгбю (*Norra Ängby*), в котором, за исключением нескольких, названия тематически объединены одной категорией «древняя Скандинавия и исследование древностей», показали очень разный уровень знания жителями местных названий, но эти различия нельзя напрямую связать с возрастом опрошенных и длительностью их проживания в районе. Отметим, что годонимы данной категории мотивированы названиями древних городов, поселков, крепостей, мест обнаружения памятников наскальной живописи и др., связанных с эпохой викингов и историей древней Скандинавии. Самый высокий уровень знаний оказался у женщины, которая прожила в Норра Энгбю относительно недолго, но которая, по ее словам, очень интересовалась своим районом и много исследовала его во время

прогулок. Двое молодых людей, выросших в этом районе, и 52-летний мужчина из соседнего района, также показали хорошие знания. В ходе опроса выяснилось, что некоторые внутригородские названия Норра Энгбю трудно произносимы и тяжело воспринимаются на слух, поэтому считается, что они осложняют коммуникацию. Но в основном участники опроса отметили, что с уважением относятся к локальным названиям и считают их красивыми и уникальными [Johansson 2007: 120-121]. Подобные исследования особы важны для понимания картины восприятия языковым коллективом городского пространства сквозь призму внутригородских географических названий.

Онимы обладают безграничными памятными ресурсами. Принимая участие в формировании памятного следа, они выступают носителями не только лингвистических, но и экстралингвистических знаний, способными взять на себя образную и эмоциональную нагрузку, содержать оценку, отражать различные ассоциации. В качестве примеров можно привести топонимические перифразы, представляющие собой переосмысление первичных наименований топонимических единиц в русской культуре: Северная Пальмира, город белых ночей – Санкт-Петербург, пряничная или оружейная столица России – Тула, город соловьев – Курск и др. В отечественной скандинавистике тема топонимических перифраз требует отдельного изучения.

Разделяя мнение М.В. Горбаневского о понимании мотива номинации, являющегося заключительным этапом в процессе имитворчества после причины и повода, выступающего «как понятийный и (или) ассоциативный блок лингвистической и экстралингвистической информации, более или менее устойчиво закрепленной в индивидуальном или коллективном знании о мире, традициях, опыте» [Горбаневский 1996: 23], считаем, что меморативное свойство онима в большей степени актуализируется на уровне мотива номинации, в то время как его символическое свойство – в ходе выявления повода номинации. Данная актуализация носит условный характер, так как оба свойства находятся во взаимосвязи и проявляются на обоих этапах. Так, переосмысление первичных наименований топонимов, о котором мы писали ранее, и относящиеся к мотиву номинации, не в последнюю очередь вызвано символическим потенциалом онимов и обусловлено их символическим свойством.

Отметим, что символическая составляющая не всегда очевидна в ходе определения повода номинации. Она может находиться в «недрах» онима, «на большой глубине», т.е. основания для появления названия географического объекта ярко выраженного символического характера не настолько убедительны. Например, названия восемнадцати улиц из тридцати двух района Талльбуда (*Tallboda*) города Линчёпинг с номенклатурным термином *-väg* ('дорога') мотивированы географическими и природными явлениями, по большей части связанными с ветром (*Vindarnasväg*, мн. ч. *vindar* 'ветра') [Ventura 2023: 209-212]. В качестве производящих основ внутригородских названий выступают апеллятивы, позволяющие составить следующую классификацию ветров:

- по виду (*Brisvägen*, *bris* ‘бриз’; *Fjällvindsvägen*, *fjällvind* ‘горный ветер’; *Passadvindsvägen*, *passadvind* ‘пассат’);
- по силе (*Kulingvägen*, *kuling* ‘штормовой ветер’; *Stormvägen*, *storm* ‘шторм’; *Orkanvägen*, *orkan* ‘ураган’; *Virvelvindsvägen*, *virvelvind* ‘смерч’);
- по направлению (*Nordandvindsvägen*, *nordandvind* ‘северный ветер’; *Sunnanvindsvägen*, *sunnanvind* ‘южный ветер’; *Västanvindsvägen*, *västanvind* ‘западный ветер’; *Östanvindsvägen*, *östanvind* ‘восточный ветер’; *Medvindsvägen*, *medvind* ‘попутный ветер’; *Sidvindsvägen*, *sidvind* ‘боковой ветер’; *Uppvindsvägen*, *uppvind* ‘восходящий ветер’);
- по скорости (*Kastvindsvägen*, *kastvind* ‘порыв ветра’);
- по периодичности возникновения (*Höstvindsvägen*, *höstvind* ‘осенний ветер’; *Vårvindsvägen*, *vårvind* ‘весенний ветер’).

Названия трех улиц мотивированы атмосферными явлениями (*Yrvädersvägen*, *yrväder* ‘метель, пурга’; *Blidvädersvägen*, *blidväder* ‘мягкая погода, оттепель’; *Snövägen*, *snö* ‘снег’), а одно название связано с состоянием человека, вызванным временем года (*Vårbristvägen*, *vårbrist* ‘нехватка весны’).

Присвоение улицам таких «природных» названий может быть обусловлено географическими особенностями расположения района, являющимися хорошим «импульсом» для номинаторов подчеркнуть его индивидуальность и лишний раз проявить особое трепетное отношение шведов к природе, а также мифологическими и мистическими свойствами ветра. Последнее обоснование дает хороший повод для размышлений о репрезентации культурной памяти языкового коллектива и символического смысла в представленных внутригородских названиях. Безусловно, не исключен и факт отсутствия определенных обстоятельств для присвоения таких названий, появление которых в урбанонимическом корпусе сравнимо с реакциями цепного механизма.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что важными свойствами онимов, обеспечивающими их изучение с позиции когнитивного подхода, являются меморативное и символическое свойства, раскрывающиеся в ходе определения повода и мотива номинации.

Литература

- Аванесов С.С., Федотова Н.Г. Город: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2022.
- Голомидова М.В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. 2022. № 3. С. 263-278.
- Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М.: Общество любителей российской словесности, 1996.
- Щербак А.С., Ду Чуньян, Хэ Юйдань. Исследование урбанонимических единиц в рамках когнитивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 88-95.
- Johansson C. I gatuplanet. Namnbrukarperspektiv på gatunamn i Stockholm // Namn och Samhälle 20. Uppsala. Stockholm: Elanders Gotab, 2007.

Stahre N.-G. Stockholms gatunamn / N.-G. Stahre, P. A. Fogelström, J. Ferenius, G. Lundqvist. Stockholm: Stockholmia förlag, 2022.

Ventura S. Linköpings gatunamn. Bland gråbröder, tjuvar & repslagare. Linköping: DIBB förlag, 2023.

U.P. Prirodina (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

IMPORTANT PROPERTIES OF ONYMS FOR THE COGNITIVE APPROACH (BASED ON THE MATERIAL OF TOPONYMS)

This article defines the properties of onyms necessary for their study from the position of the cognitive approach. The author reveals the topic of the properties of onyms based on the materials of studies of the Swedish language, focusing on the godonyms of the cities of Stockholm and Linköping. The results of the study may be of interest to onomasts, urbanists, and specialists in the field of Scandinavian studies.

Key words: onym, nomination, toponym, urbanonym, godonym, Stockholm, Linköping

И.С. Просвирнина, Лян Юань (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина

prosvirniny@mail.ru

ШКАЛА ОППОЗИЦИИ ГОРЯЧИЙ-ХОЛОДНЫЙ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье оппозиция горячий-холодный рассматривается как единица параметрического кода русской и китайской лингвокультуры. С помощью методов словарных аппликаций, ассоциативного эксперимента, сопоставительного анализа рассматриваются внутриязыковая и межъязыковая асимметрия оппозиции, в т.ч. в устойчивых словосочетаниях. Анализируется шкала параметрической оппозиции.

Ключевые слова: шкала, параметрическая оппозиция, китайская лингвокультура, языковая картина мира, культурный код, асимметрия

Исследования языковой картины мира ставят вопрос о единицах национальных лингвокультур, репрезентативных для сопоставительного когнитивного или лингвокультурологического анализа. Сама языковая картина мира фрагментарна и асимметрична. Культурные коды (пространственно-временной, соматический, пищевой, колоративный и др.) – слишком крупные единицы для сопоставительного анализа. Нам представляется продуктивным сопоставление оппозиций, особенно параметрических (признаков, измеряемых органами чувств человека или соответствующими инструментами): *ближний-дальний, тяжелый-легкий, острый-тупой, горячий-холодный* и др.

Языковой картине мира свойственна неравномерная концептуализация разных фрагментов действительности [см. Карасик 2002] в зависимости от их важности для национального сознания. Речь идет и об асимметрии внутри одной языковой

картины мира, и об асимметрии при сопоставлении разных языковых картин мира на разных уровнях: в семантике (в моделях метафор, в коннотациях), в словообразовании, в сочетаемости слов.

Архетипические оппозиции – «исходный способ мировосприятия, схематизации, обобщения, систематизации человеческого опыта, заключающийся в моделировании мира в виде бинарных оппозиций [Ковшова, Гудков 2017: 33]. Параметрическая оппозиция *горячий-холодный* существует в том или ином лексическом выражении во всех языках мира. В нашем исследовании речь идет не просто об обозначении температуры в языковых лексемах, а о связях в национальном сознании представлений о «горячем» и «холодном». В таких оппозициях ярко проявляется асимметрия как внутри одной языковой культуры, так и в сопоставлении лингвокультур. С другой стороны, оппозиции могут служить базой для образования устойчивых выражений, которые используются в разных лингвокультурах (*горячая точка, холодная война*) и не нуждаются в специальных комментариях при переводе.

Для анализа используются методы выборки значений из словарей, в т.ч. этимологических и исторических; сопоставительный анализ с использованием метод словарных аппликаций; психолингвистические методы анализа данных ассоциативного эксперимента; сопоставительный лингвокультурологический анализ. Отметим векторы развития значений в русской и китайской лингвокультурах, свидетельствующие о различиях в представлениях о *горячем-холодном* на шкале показаний языкового сознания.

Этимология *горячий* и 热 (жэ) связана с температурой горения как в русском, так и в китайском языке (в китайском языке более конкретно – «подогревать пищу»). Далее в русском языке развиваются переносные значения, обозначающие эмоции «вспыхивать от гнева», «горе». В Словаре живого великорусского языка В. И. Даля [Толк. слов. В. Даля...], например: 1. «сильно нагретый; жаркий, накаленный или разожженный; вскипаченный»; 2. «огненный, пылкий, рьяный, ретивый»; 3. «вспыльчивый, запальчивый. воспаленный»

Этимология *холодный* демонстрирует разное восприятие этого признака. В основе русской лексемы индоевропейский корень, связанный по значению с лексемами *стужа, стыдь, зябнуть, мерзнуть*, у которых в дальнейшем развились еще более яркие отрицательные коннотации, чем у *холодный: стыдный, мерзкий*. В китайской лингвокультуре этимологически 冷 (лэн) «морозные трещины на льду», что связано с переносом зрительного восприятия на написание иероглифа. В Словаре В.И. Даля: 1. «нравственная стужа, безучастие, стылый, нечулый, черствый, ничего не принимающий к сердцу, суровый» 2. «холодная одежда (легкая)» [Там же].

Современные толковые словари отражают в той или иной степени развитие переносных значений оппозитивов *горячий-холодный*, дающих базу для формирования множества устойчивых словосочетаний. Например, *горячая пора* в русском языке «напряженный, деятельный период» – *холодная пора* (прямое значение). В китайском языке 受很多人欢迎的 (горячий) – «популярный» (запрос, например)

аналогично холодному (товар, например), а 热闹的 (горячий) – «шумный, где собирается много людей» (улица, например) несимметрично. *Горячая точка* «место вооруженного конфликта» есть в обеих лингвокультурах, но в китайской еще и «место подключения к вай-фай» и «место разогрева пищи». *Горячая кровь* в русской лингвокультуре говорит о вспыльчивом, импульсивном человеке, 热血 в китайской лингвокультуре обозначает страсть и преданность делу.

Базовым методом психолингвистики выступает эксперимент, основанный на показаниях обывденного языкового сознания говорящих, что позволяет моделировать некие аналоги естественно протекающих процессов порождения и восприятия речи [Гридина, Коновалова 2020: 6]. На стимул *горячий* наибольшее количество ассоциаций русских респондентов связано семантически с предметами с высокой температурой или бытовыми предметами, производящими что-то с помощью нагревания или при высоких температурах. Все переносные значения связаны с человеком, его чувствами и ощущениями, например, *жар* в прямом и переносном значении, что связано с опасностью или болезнью. На стимул *холодный* зафиксированы ассоциации, связанные с предметами, чувствами, оттенками цвета, температурой, местами, иногда связанные с определенными животными, (на *горячий* таких реакций нет). Оба оппозиита связаны с болезненной реакцией, но *горячий* – с реакцией, вызванный огнем, жарой, высокой температурой, а *холодный* – вызванной холодом. Устойчивые фразеологизированные сочетания в реакциях ассоциативного эксперимента практически не встречаются.

Атрибутив *горячий* носители китайской лингвокультуры часто употребляют в отношении новостей, поиска информации. В этих словосочетаниях проявляется значение «популярный», например, 热搜 (жэ соу) горячий запрос – «популярный поисковый запрос». Хотя у атрибута *холодный* тоже есть значение «популярный», но оно не связано с информацией, а с торговлей. Оппозиты *холодный-горячий* в одних случаях симметричны, так как сохраняют антонимические отношения при выражении разных семантических категорий не только в прямом значении, но и в переносных. В других случаях асимметричны, поскольку имеют разную объектную или субъектную соотношенность, разную коннотацию и разную сочетаемость [Син Баоин]. Переносные значения, например, связанные в китайской лингвокультуре с унынием 形容灰心或失望 «падать духом; унывать; потерять надежду; лишиться надежды; разочароваться» не симметричны значению *горячий* в китайской лингвокультуре и не вполне совпадают с распределением семантики в русском *охладеть*.

Таким образом, кроме крайних компонентов параметрической оппозиции, существует определенная температурная шкала, которая помогает осознать и шкалу эмоционально-оценочную, которая так активно проявляется в переносных значениях. Для *горячий* в значении «имеющий высокую температуру» основные синонимы: *знойный, жаркий, теплый*. В переносных значениях для *жаркий* есть толкование, вероятно, с положительными коннотациями «пылкий, страстный» и с отрицательными коннотациями «напряженный». Для лексики *теплый* словари дают

наибольшее количество прямых и переносных значений. Вероятно, это слово со значением «благоприятный для человека, имеющий или сохраняющий тепло человека» должно быть компонентом температурной оппозиции *теплый-холодный* (свет, отношения), однако основной антонимической парой в русском языке считаются *горячий-холодный*. Прямое значение в атрибуции напитков и блюд требуют определенной подразумеваемой температуры (например, салат – это холодное блюдо), но в ресторанном меню появились *теплые салаты*. В температурной шкале в прямом значении *теплый* отсчитывается от температуры тела человека или удобной, приятной, соответствующей температуры. *Горячий* выше этого уровня, а *холодный* ниже. Температура больного человека (горячка, лихорадка) выше нормальной. Если объект можно потрогать и сравнить с собственной температурой, то снова возникают оппозиции *горячий* и *холодный* [см. Рахилина 2000]. Атрибутив *теплый* не менее активен в русской лингвокультуре, чем *горячий* при создании устойчивых сочетаний: *теплое местечко, теплая компания, теплые слова, теплая атмосфера*.

Для лексемы *холодный* есть своя температурная шкала: *прохладный, морозный, ледяной, студеной* и некоторые другие, но семантика этих лексем в прямом значении ограничена и соответственно сочетаемость более жесткая: *холодный* – это «не согревающий» (*холодное солнце*) или «недостаточно нагретый /уже остывший» (о нагревательных приборах). Этимологические синонимы *стыдный, мерзкий* в языковом сознании современного человека разошлись в своих значениях с исходными. Прилагательное *холодный* имеет наиболее широкую сочетаемость (*холодный пот, холодное оружие*).

В китайской лингвокультуре на температурной шкале для *жэ* (*горячий* в значении «имеющий высокую температуру») основные корреляты: 暖 (нуань) *теплый*; 炎热 (жань жэ) 35-37 градусов, жаркий; 炙热 (чжи жэ) *горячий как огонь, греющий*, 烫 (тан) *палящий*, 暑 (шу) *знойный*, 火 (хо) *огненный*. Для *лэн* (*холодный* в значении «имеющий низкую температуру») основные корреляты на шкале: 凉 (лян) *прохладный*, 冻 (дун) *мерзлый*, 寒 (нань) *морозный*, 冰 (бин) *ледяной*. В китайской лингвокультуре есть развернутая система словообразовательных атрибутивов и к *холодный*, и к *горячий*.

Расположение атрибутивов на шкале проявления параметрического признака определяется во многом семантическим согласованием с существительными. Иногда понимание таких словосочетаний возможно только при помощи лингвокультурных контекстов: 场 буквально по-китайски: *холодное поле* в значении «неловкое молчание»; 冷枪 *холодный пистолет* «мерзкое, подлое убийство»; 冷招 *холодный удар* новое средство (от рака, например), так как у лексемы 冷 (*лэн*) *холодный* есть значение «неожиданный».

Литература

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020.

Карасик. В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
Ковинова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.

Толковый словарь В. Даля. Современное написание слов. Републикация выполнена на основе II издания (1880–1882 гг.). URL: <https://www.agape-biblia.org/books/Book05/index.htm>

冷热不对称研究 (Син Баоин Асимметричность горячий и холодный) URL: <https://m.fx361.com/news/2017/0608/3276490.html>

I.S. Prosvirina, Liang Yuan (Ekaterinburg, Russia)

*Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin*

THE SCALE OF THE HOT-COLD OPPOSITION IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES

In this article, the hot-cold opposition is considered as a unit of the parametric code of the Russian and Chinese linguistic cultures. Using the methods of dictionary applications, associative experiment, and comparative analysis, the intra-linguistic and interlanguage asymmetry of opposition, including in stable phrases, is considered. The scale of parametric opposition is analyzed.

Key words: scale, parametric opposition, Chinese linguoculture, linguistic worldview, cultural code, asymmetry

А.И. Реинер (Санкт-Петербург, Россия)

*Институт лингвистических исследований Российской академии наук
adairein@gmail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕТОНИМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ЧАСТЬ СУБЪЕКТА – ЕГО СОСТОЯНИЕ» В УСТОЙЧИВЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.

В статье рассматривается когнитивная метонимическая модель «часть человека (орган, составляющая личности) – состояние человека», лежащая в основе образования некоторых устойчивых предложных конструкций русского языка XVI–XVII вв. В исследовании показано формирование целостной семантики таких конструкций за счет переосмысления полнозначного компонента в сочетании с разными предлогами.

Ключевые слова: устойчивая предложная конструкция, предложно-падежное сочетание, когнитивная модель, метонимия, историческая фразеология, старорусский язык

Настоящее исследование фокусируется на порождении в истории русского языка устойчивых предложных конструкций (УПК) по метонимической модели «часть человека (орган, составляющая личности) – состояние человека». УПК представляют собой конструкции «предлог + падежная словоформа имени (существительного, прилагательного, числительного)», обладающие воспроизводимостью, идиоматичностью, семантической и грамматической устойчивостью (*в лицо* ‘открыто, прямо’,

в *девках* ‘не замужем’ и др.). Часть таких УПК образована по разным метонимическим моделям («часть – целое», «целое – часть», «часть – состояние» и др.) [Рейнер 2024: 178-179].

Метонимия в настоящей работе понимается как один из когнитивных механизмов [Lakoff, Johnson 1999], в основе которого находится перенос значимого признака предмета или действия на другой предмет или действие по смежности, что связано со словесно-понятийными ассоциациями носителей языка [Гак 1977: 112-113]. Анализ метонимических моделей позволяет выявить особенности мышления носителей русского языка XVI–XVII вв. и увидеть процесс образования целостной семантики фразеологизированных единиц.

Цель работы – рассмотреть когнитивную метонимическую модель «часть – состояние субъекта», лежащую в основе формирования некоторых УПК русского языка XVI–XVII вв. Материал отобран из исторических лексикографических источников разных типов (общих, региональных, терминологических словарей, старорусского подкорпуса Национального корпуса русского языка), представляющих тексты делового и повседневного содержания Московской Руси и отражающих народно-разговорную стихию, где активно формировались устойчивые сочетания разных типов (в работе при указании примеров употребления УПК дается сокращенное название памятника письменности в соответствии с его обозначением в лексикографическом источнике, который указан в квадратных скобках). Из общего объема материала (483 УПК и более 1500 контекстов их употребления) около 3%, т.е. 15 УПК, образованы на основе метонимической модели «часть (орган, составляющая личности) человека – состояние субъекта».

1. Метонимические УПК с компонентом *душа*. Душа в наивном языковом сознании понимается как орган, находящийся в груди и являющийся вместилищем эмоциональных состояний, внутреннего мира человека и его нравственных качеств [Зиновьева 2012: 74]. Пространственному восприятию души способствует локативное значение предлога *на* ‘указание на место действия; поверхность’, в результате чего формируется семантика сочетания *на душе* ‘о внутреннем состоянии, настроении’ (*Мутно на душѣ*. Сим. Послов., 122, XVII в. [СОРЯ]). Древнее представление о душе как о вместилище эмоций отражает отношение человека к предметам и действиям (нравится / не нравится). В УПК *к душе* ‘для радости, удовольствия’ за счет предлога *к*, указывающего на близость чего-л. человеку, его душе, формируется целевая семантика УПК (*Улянушка послала косникъ к души и тот косникъ до нас не дохаживал*. Грамотки, № 329, 1695 г. [СОРЯ]).

Кроме того, душа в наивном сознании носителей старорусского языка мыслится как нечто божественного происхождения и становится выражением нравственных принципов человека (честности, искренности): в УПК *за душою* (*душами*) ‘клятвенно ручаясь в чем-л.’ предлог *за*, употребляемый с существительным *душа* в форме творительного падежа, может указывать на выдвижение на первый план души как гаранта правдивости слов человека и перед Богом, и перед людьми (*Они*

намъ сказывали *за душами* те же речи. Дон. д. II, 551. 1644 г. [СлРЯ]); в УПК *по душам* ‘по совести’ предлог *по* при употреблении с существительным в форме дательного падежа указывает на то, что служит основанием для действий (*А что въ сыску крестьяне по душамъ скажутъ*. Писц. д. I, 282. 1624 г. [СлРЯ]).

Таким образом, компонент *душа* понимается как вместилище чувств и нравственных принципов человека, при этом сочетание с разными предлогами позволяет актуализировать разные оттенки семантики этой лексемы. Значения предлога и полнозначного компонента накладываются друг на друга и ведут к формированию целостной фразеологизированной семантики УПК.

2. Метонимические УПК с компонентом *сердце*. Сердце средневековым человеком мыслится органом, как и душа, связанным с разными состояниями субъекта [Зиновьева, Лобеева 2023: 283]. В УПК *к сердцу* ‘нравится, по вкусу что-л.’, как и *к душе*, отражает отношение субъекта к тому, что ему приятно и близко, благодаря семантике предлога *к* ‘приближение в объекту’ (*Шуба елова да к сердцу здорова*. Сим. Послов., 157, XVII в. [СОРЯ]). В текстах встречается еще одно УПК с компонентом *сердце*, близкое по семантике УПК с компонентом *душа*: (желать) *от (всего) сердца* ‘от всей души, искренне’ (*И желаю тебѣ от сердца чтоб мнѣ тебя видети в своей природной земль*. В-К IV, 179, 1650 г. [СОРЯ]). Двухкомпонентное сочетание *от души* в деловых и обиходных памятниках Московской Руси не фиксируется, встречается только в виде *от всей души*, однако семантическая связь этого оборота с сочетанием *от (всего) сердца* очевидна. Предлог *от* указывает на направление действия от субъекта к объекту: в этом случае на передачу пожелания в связи с искренними и приятными чувствами адресанта к адресату.

В некоторых УПК с компонентом *сердце* развилась семантика обозначения сильных и импульсивных эмоций субъекта, где сердце мыслится источником такого состояния. В УПК *в сердцах* ‘в состоянии гнева’ предлог *в* сохраняет локативное значение и указывает на пространственное нахождение субъекта в состоянии ярости, гнев будто его накрывает с головой (*Поробникъ в сердцах рвет у него копье*. Уруслан, 127. XVII в. [СлРЯ]). В УПК *с сердца* ‘со зла’ предлог *с* указывает на причину действия (*То де я государево слово сказалъ за собою на нихъ съ сердца ..., мстя имъ недружбу*. Сид. 579, 1649 г. [СОРЯ]).

Таким образом, некоторые УПК с компонентами *душа* и *сердце* синонимичны, поскольку оба понятия ассоциируются со вместилищем эмоций и чувств. Разница в том, что УПК с компонентом *сердце* используются в т. ч. для выражения гнева (*в сердцах, с сердца*), а с компонентом *душа* – для выражения положительно оцениваемых состояний (*по душам, за душами*).

3. Метонимические УПК с компонентом *ум*. Ум понимается носителями русского языка XVI–XVII вв. «как нечто, в норме находящееся в голове человека», «определяющее интеллектуальную деятельность и поведение человека» [Зиновьева 2012: 38]. Сочетание *на уме* ‘в мыслях’ (ср. *на душе*) демонстрирует понимание ума как пространства, где располагаются мысли (*что у него на умѣ*. В-К, I, 55, 1621 г.

[СОРЯ]). УПК *без ума* и *вне ума (своего)* обозначают: 1) наличие когнитивных отклонений у человека (*А язъ Марыца въ та поры была немошна, безъ ума и безъ памяти*. АХУ III, 116. 1632 г. [СлРЯ]); *жена ево была въннѣ (!) ума своего и бездѣтна*. ЧО, 79, 1673 г. [СОРЯ]); 2) состояние помешательства, то есть временной потери рациональности в мышлении, вызванной сильными эмоциями (аффектом) или опьянением (*И я ...вопиль безпамятно... внѣ ума, у пьянствѣ*. Сид, 520, 1643 г. [СОРЯ]; *Мужик и взбесился, да и без ума стал*. Авв. Письма, 262, 1679 г. [СОРЯ]).

Лексема *ум* и предлог *без* сохраняют свои прямые значения в этих УПК, но позволяют выразить разные состояния. При этом УПК *вне ума* могло быть образовано на основе локативного значения предлога *вне* ‘за пределами чего-л., снаружи’, тогда ум может соотносится в сознании носителей языка с пространственной категорией, за пределами которой находится субъект. Таким образом, в УПК *вне ума* обнаруживается перенос наименования не только части на состояние, но и восприятие непространственного объекта как пространственного, как и в УПК *на уме*.

Итак, метонимическая модель «часть человека (орган, составляющая личности) – состояние человека» интересна тем, что состояние и характеристика действий субъекта описываются путем переосмысления семантики лексем, обозначающих определенные органы человека (*сердце*) и составляющие личности (*душа, ум*), которые ассоциируются с эмоциями, чувствами, когнитивным состоянием человека, а также с аксиологическими категориями. УПК отражают как переосмысление конкретных существительных (*сердце* ‘гнев’), так и «оконкречивание» абстрактных существительных (*душа* и *ум* понимаются как внутренний орган, вместилище чувств и мыслей). При этом формированию целостной семантики УПК способствуют все компоненты конструкции, включая предлог, который вносит локативное и другие значения, тем самым расширяя комбинаторный потенциал полнозначных слов.

Одни рассмотренные УПК фактически стали идиомами в языке исследуемого периода (*по душам, в сердцах* и др.), другие демонстрируют меньшую идиоматичность, поскольку сильнее сохраняют собственные значения компонентов (*без ума*). Часть УПК остались свойственны только языку XVI–XVII вв. (*за душами, вне ума*), некоторые сохранились в современном русском языке в том же виде (*по душам* [ФСРЛЯ: 218]), *на душе* [ФСРЛЯ: 218], *на уме* [ФСРЛЯ: 704], *от (всего) сердца* [ФСРЛЯ: 609] и др.), а отдельные УПК претерпели семантические изменения (*без ума* ‘в восторге, в восхищении’, ‘очень сильно’ [ФСРЛЯ: 703]). Таким образом, рассмотренные УПК демонстрируют особенности мышления носителей языка XVI–XVII вв. и подтверждают значимость метонимии как одного из когнитивных механизмов, участвующих в формировании семантики не только слов, но и устойчивых сочетаний.

Литература

- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977.
 Зиновьева Е.И. Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков: монография. СПб.: Изд-во Осипова, 2012.

Зиновьева Е.И., Лобеева, М.С. Устойчивые сочетания с компонентом сердце в русском обиходно-деловом языке XVI–XVII вв. (структурно-семантический аспект) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка. Владимир: Транзит-ИКС, 2023. С. 282–286.

Реинер А.И. Типы семантических переносов в устойчивых предложно-падежных сочетаниях делового и обиходного языка Московской Руси XVI–XVII веков // Молодежный филологический вестник: сборник научных статей. 2024. Вып. 4. С. 177–180.

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М., 1975–2023 (издание продолжается).

СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков URL: <https://xvi-xvii.iling.spb.ru/>

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. М: Астрель: АСТ, 2008.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

A.I. Reiner (St. Petersburg, Russia)

The Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences

REALISATION OF THE COGNITIVE METONYMIC MODEL ‘PART OF THE SUBJECT – ITS STATE’ IN STABLE PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE 16TH–17TH CC.

The article deals with the cognitive metonymic model ‘part (a human organ, a component of a person) – state’ underlying the formation of some stable prepositional constructions of the Russian language of the 16th–17th centuries. The study shows the formation of the integral semantics of such constructions due to the reinterpretation of the full-valued component and combination with different prepositions.

Key words: stable prepositional construction, prepositional phrase, cognitive model, metonymy, historical phraseology, Old Russian language

Т.В. Романова (Нижний Новгород, Россия)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

tvromanova@mail.ru

ТИПЫ ТЕРМИНОВ И ИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассмотрена классификация терминов когнитивной лингвистики по разным основаниям: по структуре, аутентичности, степени мотивированности, полисемантической, а также по видам семантических отношений и оппозиций, в которые вступают термины в терминосистеме.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, термин, семантические отношения, оппозиция

Термины когнитивной лингвистики, как и термины других терминосистем, подразделяются по структуре на однокомпонентные, двухкомпонентные, многокомпонентные; системные и несистемные. Кроме того, можно выделить термины,

первично возникшие в когнитивистике или перешедшие в терминосистему когнитивной лингвистики из других терминосистем (психологии, математики, теории информации, биологии, философии, культурологии и т.д.) и часто получившие в когнитивистике новое толкование (например, *матрица*). Можно подразделить термины на мотивированные, с сохранением (*антропоцентризм, ассоциативный тезаурус, концептосфера*) или с потерей внутренней формы (*концептуальная деривация*). Семантически термины классифицируются на однозначные и многозначные (*концепт*).

Объем семантики термина зависит от структурного состава термина. Основная семантическая нагрузка ложится на основообразующий терминологический элемент. Компонент термина, распространяющий ядерную часть, фиксирует его дифференциальные признаки, видовые характеристики, проявляющиеся через отношения сопоставления термина со смежными терминами в терминосистеме. Например: *метафора, когнитивная метафора, когнитивная синестезийная метафора, идентификационная, оценочно-образная, антропоморфная и др. Грамматика, когнитивная грамматика: пространственная грамматика / грамматика пространства, леминарная грамматика, эмерджентная грамматика, дискурсивная грамматика, грамматика конструкций, непорождающая грамматика, некомпозициональная грамматика. Семиотика, когнитивная семиотика бизнес-процессов, бизнес-семиотика, когнитивная семиотика личности / текста / дискурса. Семиология, когнитивная семиология, синтактика, семантика, прагматика.*

Однокомпонентные термины чаще сохраняют мотивирующие признаки внутренней формы (*тезаурус, метафора*). В структуре многокомпонентных терминов главный элемент, как правило, фиксирует родовое понятие, а распространяющий его классифицирующий элемент – видовые признаки, перечисленные в дефиниции термина и семантически, содержательно отличающие его от рядоположенных терминов: *интенциональный, семантический, ассоциативный (тезаурус), когнитивная (метафора).*

Ядерные терминологические элементы могут быть системными и несистемными, если терминологический элемент не существует в данной терминосистеме в качестве однокомпонентного термина: *интенциональный признак/интенциональный компонент; фреймовая структура, ассоциативный эксперимент.* Семантически многокомпонентный термин складывается из ключевого мотивирующего признака как классифицирующего, так и основного терминологических элементов. Например, *концептуальная деривация.*

Системные терминологические элементы функционируют независимо и служат основой для создания составных терминов (например, *код, культурный код, национальный код, универсальный предметный код*). «Системные терминологические элементы зачастую встречаются в составе терминов-гипонимов, репрезентирующих видовые понятия» [Лату 2015: 43].

Элементы многокомпонентных терминов когнитивной лингвистики часто заимствуются из общеупотребительной лексики. К таким междисциплинарным про-

дуктивным терминологическим элементам, в частности, относятся терминологические элементы *система, структура (ассоциативная, концептуальная, категориальная), анализ, презентации (ментальные), схема*. Некоторые общеупотребительные лексические единицы продуктивны для создания терминов, стоящих в фактической оппозиции: *первичная концептуализация – вторичная концептуализация*.

Системные терминологические элементы как в основообразующей, так и в классифицирующей части могут быть простыми и сложными по своей структуре и включать два и более компонента: *когнитивная семиотика личности/текста/дискурса*.

В корпусе научных источников отмечается рост употребления многокомпонентных терминов, что часто объясняется заимствованием однокомпонентных терминов из терминосистемы-донора. Многокомпонентный термин в своей ядерной части фиксирует зону-источник.

При увеличении числа компонентов в составе термина все чаще начинают использоваться аббревиатуры-дубликаты (ЯКМ – *языковая картина мира*, ФС – *фрейм-структура*), слова-композицы (бизнес-семиотика, фрейм-структура), сложные слова (концептосфера).

Каждый термин в системе терминов вступает в известный круг отношений (синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии, расширения-сужения, деривации-эпидигматики), в т.ч. в отношения оппозиции. Принято противопоставлять косвенно выраженную (имплицитную) терминологическую оппозицию и фактическую (эксплицитную) оппозицию (М.Н. Лату, Х.А. Акаева, З.У. Хакиева, А.В. Раздуваев).

В отношениях эксплицитной оппозиции находятся однокомпонентные (*фон/фигура, интеграция/дизинтеграция, концептуализация/категоризация*) и многокомпонентные термины с основным системным терминологическим элементом, у которых классифицирующие терминологические элементы содержат «семантические компоненты одного и того же базового типа мотивирующих признаков» [Лату 2015: 33] (*когнитивная грамматика/структурная грамматика; первичная концептуализация/вторичная*). «В тех случаях, когда периферийные области семантики многокомпонентных терминов с системным основообразующим терминологическим элементом содержат ключевые мотивирующие семантические компоненты разных типов мотивирующих признаков, оппозиция по каждому из них является косвенно выраженной на языковом уровне» [Лату 2015: 33]. Например, *конкретный чувственный образ/фреймовая структура*. Оппозиция потенциально может перерасти из имплицитной в эксплицитную при появлении терминов-синонимов: *формирование нового смысла/вторичная языковая интерпретация; дискурсивная грамматика/непорождающая грамматика*. К эксплицитно выраженной оппозиции относятся и группы терминов, терминологические элементы которых отражают градацию, которая представлена в языке: *первичная языковая интерпретация, концептуальная деривация*.

По способу формирования фактические терминологические оппозиции можно подразделить на три группы: 1) образованные с помощью аффиксации (*интеграция-дизинтеграция, порождающая – непорождающая грамматика*); 2) образованные

с помощью лексических единиц с противоположным значением (*статический – динамический аспект категоризации*); 3) образованные с помощью лексических единиц, репрезентирующих семантическую градацию (*первичная, вторичная концептуализация*).

Литература

Лату М.Н. Номинация в развивающихся терминотерминах. Пятигорск: СНЕГ, 2015.

Романова Т.В., Колчина О.Н., Куликова В.А., Хоменко А.Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: учебное пособие / под общей редакцией Т.В. Романовой. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2022.

T.V. Romanova (Nizhny Novgorod, Russia)

HSE University

TYPES OF TERMS AND THEIR RELATIONS IN THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF COGNITIVE LINGUISTICS

The article examines the classification of cognitive linguistics terms for various reasons: structure, authenticity, degree of motivation, polysemanticism, as well as the types of semantic relations and oppositions that the terms enter into in the terminology system.

Key words: cognitive linguistics, term, semantic relations, opposition

Е.В. Рыжкина (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
phraseologinya@mail.ru*

МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ НА БАЗЕ ИДИОМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе представлены результаты исследования одного из аспектов лингвокреативной деятельности в современном английском языке, а именно образование профессиональных терминов на базе идиоматических выражений. В частности, работа сосредоточена на изучении когнитивных механизмов, таких как механизм компрессии, концептуальной интеграции др., посредством которых осуществляется концептуальная деривация, обуславливающая формирование семантики термина, производного от фразеологизма.

Ключевые слова: английский профессиональный термин, идиома, концептуальная деривация, вторичная интерпретация, когнитивные механизмы

Современное общество часто называют информационным, что предполагает особое отношение к знанию – ему не просто придается большое значение, но знание является важнейшим условием развития и даже самого существования информационного общества, основным средством и одновременно продуктом труда. В связи с этим механизмы передачи, восприятия и обработки информации привлекают внимание исследователей различных научных направлений. Так, в центре внимания лингвистических работ, выполненных в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, находится роль языка в формировании, накоплении и трансляции знания.

Неслучайно, терминология как центральная часть языка науки и профессиональной коммуникации, служащая для фиксации и передачи специального знания, занимает солидное место в современной лингвистике и прочих научных дисциплинах.

Настоящая работа посвящена изучению когнитивных механизмов языкотворчества в сфере современной английской профессиональной терминологии. В частности, предметом исследования является формирование терминологической единицы как производной от идиоматического выражения.

Исходным в данном исследовании является положение о природе термина, сформулированное Г.О. Винокуром еще в 1939 г. «В роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально <...>; термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [Винокур 1939: 5]. Иными словами, «подавляющее большинство лексических единиц, которые мы признаем терминами, *стало* таковыми, будучи вовлеченными в терминологию или терминосистемы из сферы неспециальной лексики [Лейчик 2007: 28]. То есть при терминологизации слово или словосочетание, служащее языковым субстратом термина, переориентируется на определенную специальную область знания и приобретает функции и признаки термина, в т.ч. его предметную отнесенность с научным/специальным понятием.

С позиций когнитивного направления терминология рассматривается как результат концептуализации и вербализации профессиональных знаний [Новодранова 2003: 150] независимо от того, какая именно номинативная единица языка служит естественно-языковым субстратом термина. Этот подход включает терминологию в общий процесс концептуализации знаний и объясняет характер функционирования терминов в современной профессиональной коммуникации, в т.ч. новые тенденции в терминообразовании [Рыжкина 2024: 424]. Так, «информационный взрыв», который сопутствовал научно-технической революции и привел к небывалому разрастанию терминосистем во всех областях, обусловил тропеический характер многих вновь создаваемых терминов, что позволяет избежать чрезмерного увеличения номенклатуры номинативных единиц. К примеру, в различных областях науки и профессиональной деятельности распространены термины-метафоры: *blank charge* (рус. *холостой заряд*), *cell service* (*отовая связь*), *comet nucleus* (*ядро кометы*), *idle running* (*холостой ход*), *racket-tail* (*хвост ракеты*) и др. Это также привело к ранее нехарактерному для терминологии явлению – полисемии терминов. Например, метафорический термин *crab* служит термином одновременно в нескольких профессиональных областях – зоологии, ботанике, технике, астрономии и др. Фразеологизм библейского происхождения *Jacob's ladder* («лестница Иакова», лестница, ведущая на небо, ввысь [АРФС]) стал деривационной основой для серии терминов в разных областях: *Jacob's ladder* – мор. скок-ванты; шторм-трап [АРФС]; физ. высоковольтная бегущая дуга; бот. синюха; спорт. подъемник по лестнице в стиле беговой дорожки; *кулинар*. жареная на гриле говяжья грудинка.

Возможность вторичного использования уже существующего наименования для обозначения новых понятий (вторичной номинации) «заложена в самой природе языка, в его интерпретирующей функции» [Болдырев 2021: 26]. Возникновение вторичных когнитивных структур является результатом не столько получения новых сведений о мире первичного порядка, сколько новой интерпретации уже имеющихся знаний, т.е. вторичной языковой интерпретации; причем последняя «практически не ограничена ни в плане объекта (объектом интерпретации могут стать сами вторичные структуры как результат предшествующей вторичной интерпретации), ни по количеству интерпретаций, каждая из которых условно считается вторичной по отношению к исходной структуре, поскольку ее объектом всегда является не сама сущность, а знания о ней, известные или уже многократно проинтерпретированные» [Там же: 27-28].

Технически когнитивной основой вторичных языковых явлений, как известно, является концептуальная деривация (см., например, [Бабина 2003]), которая предполагает формирование новых структур знания (или их модификацию) на базе существующих концептов. Концептуальная деривация осуществляется посредством различных когнитивных механизмов, таких как концептуальная метафора и метонимия, концептуальная интеграция, профилирование, инференция и др. Эти же механизмы задействуются при деривации термина на базе фразеологизма, только процесс номинации в данном случае будет обладать рядом особенностей, обусловленных характером языкового субстрата – фразеологизма, который по своей природе является комплексным знаком с очень сложной интерпретативной семантикой и который кодирует значительный объем знаний разных типов (лингвистические, культурные, фоновые и др.). Например, идиома *Dr. Jekyll and Mr. Hyde* (человек, в котором одерживает верх то доброе начало, то злое [АРФС]), которая возникла как аллюзия на повесть Р.Л. Стивенсона *The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*, по сути, вбирает на уровне импликата содержание всего произведения. В ходе его интерпретации формируется концепт ДВОЙСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ (проявляющая то хорошие, то дурные качества), который соотносится с данной идиомой. Впоследствии параллельно со структурным усечением фразеологизма происходит модификация исходной концептуальной структуры, в которой появляется признак «патологическое состояние», ставший фокусом новой номинации. Таким образом, на базе идиомы формируется психиатрический термин-дериват *Jekyll and Hyde*, означающий синдром раздвоения личности. Довольно сложный процесс вторичной интерпретации, который продуцирует новое значение деривата, включает несколько когнитивных механизмов: инференцию, схематизацию (изменение степени абстрактности исходного концепта), частичную проекцию (наложение одной концептуальной области на другую), профилирование (фокусирование / дефокусирование концептуального признака).

Примерно такой же «набор» механизмов задействован в ходе концептуальной деривации на базе оборота *an awkward squad* (1. воен. разг. «команда неуклюжих»,

взвод новобранцев; 2. новички, неопытные люди [АРФС]), в результате чего создается несколько профессиональных терминов. Так, в корпоративной культуре возникает термин *an awkward squad* – «группа лиц в рамках какой-либо организации или структуры, отказывающаяся сотрудничать, принимать изменения или действовать в интересах организации, намеренно либо в силу некомпетентности» [Щербань 2024: 81]. В данном случае при общем расширении исходного концепта дефокусируются признаки «новички» и «недостаток выучки», и вместо него в фокус ставится признак «нежелание сотрудничать и действовать в интересах организации». Кроме того, процесс концептуальной деривации в данном случае включает перспективизацию (т.е. обозначение точки обзора с позиции пространства, времени, участия в происходящем и т.п.). При формировании данного профессионализма в исходную концептуальную структуру включается перспектива субъекта (организации) – в форме концептуального признака «неудобство для руководства». В начале 2000-х гг. по схожей схеме на базе фразеологизма *an awkward squad* и его терминологического деривата в британском политическом дискурсе возник термин для обозначения неформального объединения лидеров британского профсоюзного движения, разделяющего социалистические политические взгляды [Щербань 2024: 82].

Механизм концептуальной интеграции, который «на когнитивном уровне строится на взаимодействии языковой информации с культурно-историческими, прагматическими и другими фоновыми знаниями из областей-источников» [Новодранова 2016: 183] наиболее четко просматривается в случае своего рода «гибридной» деривации, при которой термин формируется за счет объединения двух деривационных основ – фразеологизма или имени с символическим значением и какой-либо терминологической единицы, например, лексемы *syndrome*: *Alice in Wonderland syndrome* (синдром «Алисы в стране чудес»; сочетание деперсонализации и галлюцинаций, микропсия); *Peter Pan syndrome* (синдром Питера Пэна; патологическая боязнь взросления); *Pickwickian syndrome* (синдром Пиквика; крайняя степень ожирения с альвеолярной гиповентиляцией) и др. Здесь необходимо уточнить, что при концептуальной интеграции происходит не механистическое «сложение смыслов», соотносимых с исходными составляющими бленда, но сложное взаимодействие и синтез отобранных концептуальных признаков, чему обычно сопутствует действие и других когнитивных механизмов, таких как инференция, профилирование и схематизация (концепт, соотносимый с термином, характеризуется более высоким уровнем абстракции, чем концепт, представленный фразеологизмом).

В заключение стоит отметить, что термины, производные фразеологизмов, хотя и обладают некоторыми чертами «фразеологичности» (идиоматичность, наличие внутренней формы и связанного с ней культурного компонента), все же отличаются от своих фразеологических прототипов соотносительностью с научным понятием, четкой референцией, точностью и ориентацией на коммуникацию в профессиональной сфере, что сближает их с другими видами специальной лексики.

Литература

- АРФС – Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. М.: Русский язык-Медиа, 2005.
- Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.
- Болдырев Н.Н. Взаимодействие первичных и вторичных структур в языковой картине мира как фактор ее динамики // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 3 (46). С. 26-31.
- Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. М., 1939.
- Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. М.; Рязань: Пресса, 2003. С.150-155.
- Новодранова В.Ф., Дудецкая С.Г. Концептуальная интеграция и аналогия как когнитивные механизмы метафоризации (на материале русской стоматологической терминологии). Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2016. С. 182-183.
- Рыжкина Е.В. О некоторых инновациях в современной английской и русской терминологии // Современная филологическая наука: достижения и инновации. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2024. С. 424-428.
- Щербань О.В. Когнитивные механизмы семантической деривации в современной английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

E.V. Ryzhkina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

MECHANISMS OF CONCEPTUAL DERIVATION UNDERLYING THE FORMATION OF PROFESSIONAL TERMS ON THE BASIS OF IDIOMS IN MODERN ENGLISH

This research looks into the process of creating English professional terms on the basis of idiomatic expressions. In particular, the study is focused on the cognitive mechanisms of conceptual derivation such as the mechanism of compression, conceptual integration and others that underlie the formation of a term as a derivative of an idiom.

Key words: english professional term, idiom, conceptual derivation, secondary interpretation, cognitive mechanisms

Е.В. Рябых, И.Ю. Безукладова (Тамбов, Россия)
 Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
 ekaterina_riabykh@mail.ru, ibesukladova@yahoo.com

ПАРФЮМЕРНЫЙ ЗАПАХ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В статье рассматривается синестетическая метафора в текстах, описывающих парфюмерные ароматы (на примере сайта www.fragrantica.ru). Обосновывается значимость таких понятий как мультимодальность, полиметафоричность, мультикультурализм в процессе индивидуально-авторского метафорического осмысления парфюмерного запаха.

Ключевые слова: метафора, синестезия, интермодальность, мультимодальность, полиметафоричность, мультикультурализм, прецедентное имя

Материалом представленной работы являются тексты, отобранные методом сплошной выборки с сайта www.fragrantica.ru и являющиеся ярким примером выражения авторской индивидуальности. В описываемых «джунглях» запахов, где каждый из них «рассказывает» определенную историю (*im Dschungel der Düfte, wo jede Marke versucht, sich mit Einzigartigkeit und Beständigkeit zu behaupten; ein Duft, der Geschichten erzählt, die man fühlen kann*) нами были выделены антропоморфная, артефактная, социоморфная, натуроморфная, фитоморфная, зооморфная метафоры. Часть рассматриваемых метафор в текстах можно обозначить как синестетические метафоры, описывающие парфюмерные ароматы.

У нейропсихолога Р. Цитовича [Cytowic 1989, 2002] есть строгие диагностические критерии для определения синестезии: она должна быть произвольной, вызываться внешними стимулами, включать в себя дискретные сенсорные переживания, которые хорошо повторяются и постоянны в течение длительного времени, а также живо запоминаться и вызывать эмоции. Это представляется важным в рамках рассматриваемой нами индивидуально-авторской метафоры, так как синестезия (явление интермодальное) связана с тем, что одни ощущения описываются с помощью признаков, характерных для других ощущений.

Синестезию отграничивают от других кажущихся или, возможно, родственных явлений, таких как кросс-модальные ассоциации у несинестетиков и образный язык. Действительно, синестезия основана на сенсорной/перцептивной обработке, а не на языке, и, кроме того, кросс-модальные ассоциации у несинестетиков и кросс-модальные метафоры в языке сами по себе частично проистекают из тех же сенсорных процессов, которые лежат в основе синестезии. Восприятие – это познание, а восприятие без вербального выражения воспринимаемого может иметь значение, доказательством чего являются, в частности, визуальные метафоры. Однако восприятие без вербализации воспринимаемого мало информативно.

Помимо изучения этого феномена как такового, нейробиологи концентрируются на том, что синестезия может прояснить относительно сознания, субъективно-объективных отношениях и взаимосвязи между разумом и эмоциями, обращая внимание на то, что люди бессознательно синестетичны. Р. Цитович, рассматривая личности синестетиков, обращает внимание на очевидную распространенность этой черты среди художников и тех, кто связан с творческими видами деятельности, а также на субъективную и иллюзорную природу того, что принимается за объективную реальность, особенно в визуальной сфере. А.Р. Лурия отмечает, что синестезия присуща всем людям, однако степень выраженности данного явления варьируется индивидуально [Лурия 2006].

Парфюмерный запах вызывает стремление выразить на вербальном уровне что-то неуловимое, непонятное через известное. Рассмотрим в качестве примера синестетическую метафору **ЗАПАХ – ГУРМАН** (запах = вкус, так как гурман – любитель и ценитель изысканных блюд), которая является своего рода триггером, приводящим к появлению ряда вариаций метафорической интерпретации обла-

сти-мишени **ЗАПАХ**: *Angels' Share ist der luxuriöseste Gourmand, den ich besitze. Der Duft öffnet sich mit warmen Äpfeln, bedeckt mit karamellisiertem braunem Zucker und viel, viel Zimt. Warmer Apfelkuchen, direkt aus dem Ofen. Wenn der Kuchen abkühlt, riecht man anders. Warme Wälder – fast wie in einer Sauna, gemischt mit den Düften eines Weihnachtsmarktes – und einen Hauch von kandierten Äpfeln und karamellisierten Nüssen. Und offenes Feuer? Ist auch dabei. Es riecht ein bisschen ranzig oder verbrannt, und das meine ich auf eine gute Art.*

Как мы видим из этого примера, парфюмерный запах вызывает ассоциативный ряд воспоминаний или эмоциональных реакций, связанных с прошлым опытом, и нашедших способ своей вербализации за счет вариативной полиметафорической интерпретации. Парфюмерный аромат – это гурман, теплый яблочный пирог из духовки, лес в теплую погоду, открытый огонь и пр. Субстантивные метафоры при этом доминируют, расширяя спектр видения интерпретатора за счет добавочных характеристик, выраженных именем прилагательным.

Синестезия, будучи явлением интермодальным, и мультимодальность тесно переплетаются в процессе попыток метафорической интерпретации парфюмерного запаха, исходя из рассмотренных нами примеров. Так, характеризуя парфюмерный запах как пирог, который только что из печи и в нем много корицы, ванили (*Dieser Duft ist ein Kuchen, der gerade aus dem Ofen gekommen ist. Hier haben wir viel Cremigkeit, Zimt, Vanille*), интерпретатор усиливает вербальную метафору визуальной (рис. 1).

Переплетение вербальной и визуальной метафоры прослеживается и в следующем примере, где **ЗАПАХ** – **ВРЕМЯ ГОДА** (осень на Ближнем Востоке): *Khamrah von Lattafa Perfumes. Dieses Parfüm riecht für meine Nase überhaupt nicht nach Likör, sondern nach Herbst.... Ein nahöstlicher Herbst!!!* (рис. 2).

Рис. 1. Khamrah Lattafa Perfumes (<http://www.fragrantica.de/Parfum/Lattafa-Perfumes/Khamrah-75805.html>)

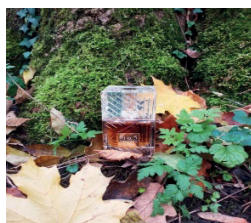

Рис. 2. Khamrah Lattafa Perfumes (<http://www.fragrantica.de/Parfum/Lattafa-Perfumes/Khamrah-75805.html>)

При оценке и интерпретации запаха, что немаловажно, важны феномен мультикультурализма или глубинной погруженности в культуру и энциклопедичность знаний, так как недостаток этого может вызвать когнитивный диссонанс. В следующем примере очевидным является несоответствие истинности отношения носите-

ля языка к характеризующему запаху и его восприятие человеком, не погруженным непосредственно в ту или иную культуру и идущем на поводу навязываемого ему создаваемого рекламного образа.

Одним из таких парфюмерных запахов является аромат Winter Palace от Memo. Автор одного из отзывов обращает внимание на следующее: *Darin versuchen die Schöpfer, die Empfindungen zu schildern, die sie beim Besuch eines Winterpalastes erlebt haben. Von außen sieht man den Schnee fallen, den kalten Wind, der das Gesicht berührt, aber wenn man hineingeht und aus dem Fenster schaut, fühlt man sich vom Kamin gewärmt und von einer sanften Aura geschützt.* То есть, данный аромат связан с теплом камина, чувством защищенности при нахождении внутри помещения, из которого можно спокойно наблюдать за тем, как падает снег и дует холодный ветер.

В другом комментарии касательно данного запаха отмечается, что парфюм стартует с нотки цитрусовых и чая, что в целом и вызывает то самое чувство уюта и комфорта, к которому так стремились создатели аромата: *Das Parfüm beginnt mit einem Hauch von Zitrusfrüchten und Tee.* Однако автора – этнического китайца – это в некотором роде смущает и вызывает чувство недовольства. Так, чтобы быть исторически точным, ароматический профиль Winter Palace, по его мнению, должен состоять из опиума, пепла и щебня. Ему кажется, что автор парфюма плохо знаком или не знаком с культурой и тем более историей Китая вообще, чтобы описываемый парфюм претендовал на его наименование. Ниже приведена цитата: *Laut Oxford Today war der Palast so groß – er umfasste mehr als 3,5 Quadratkilometer –, dass 4.000 Männer drei Tage brauchten, um ihn zu zerstören. Viele exquisite Kunstwerke – Skulpturen, Porzellan, Jade, Seidengewänder, kunstvolle Textilien, Goldobjekte und vieles mehr – wurden geplündert und befinden sich heute in 47 Museen auf der ganzen Welt. Um historisch korrekt zu sein, sollte das Duftprofil des Winterpalastes aus Opium, Asche und Schutt bestehen.*

Кроме исторических отсылок и необходимости погружения в исторический контекст, в процессе метафорического осмысления парфюмерных запахов достаточно часто обращаются к области-источнику **КУЛЬТУРА** и, в частности, **ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА**. В ходе исследования были выявлены области-источники, содержащие прецедентные имена и предполагающие отсылку к знанию литературы и мифологии.

Так, **KAJAL DEHAB – ЗОЛУШКА (ASCHEPUTTEL)**: *Das ist für mich ein echtes Aschenputtel unter den Düften. Die Fee gab ihr das beste Outfit, schickte eine Kutsche, aber erst nach 2 Stunden verwandelt sich die Kutsche in einen Kürbis, der Kutscher in eine Ratte und das elegante Kleid in Lumpen.* **LA VIE EST BELLE L'ELIXIR – ЛОЛИТА с надутыми губками (MISS "SCHMOLLMUND LOLITA")**: *Ein Gemisch aus klebrigem Kindersaft, Halswehbonbon und Veilchenpastillen bestürmt mich und wenn die ersten Minuten überfallartiger "Bedufung" vorbei sind, kommt Miss "Schmollmund Lolitas" Auftritt im neckischen Himbeerröckchen und Plateau Riemchenpumps, um alle zu beflirten, die sich im Radius von mehreren Metern aufhalten.* **LE MALE ELIXIR – ФРАНКЕНШТЕЙН (FRANKENSTEIN)**: *Le Male Elixir von Jean Paul Gaultier – Frankenstein vieler anderer Parfüms.*

Таким образом, в результате анализа примеров нами было установлено, что для процесса индивидуально-авторского метафорического осмысления и интерпретации парфюмерного запаха полиметафоричность – типичное явление, представленное коррелятивными метафорическими моделями, объединяющими инкорпорирующие метафоры [см.: Рябых 2006], что обоснованно ассоциативностью процесса мышления и попыткой дать полное и всеохватывающее определение парфюмерного запаха. Прагматический эффект метафоры как средства потенциального вербального воздействия соотносится с феноменом синестезии и с отсылкой адресата к различным образам и индивидуальным представлениям об объектах окружающей действительности, где его знания энциклопедического и мультикультурного характера играют значимую роль.

Литература

Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.

Рябых Е.Б. Метафорические концепты природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

Cytowic R.E. Synesthesia: A Union of the Senses. Springer-Verlag, 1989. (2nd ed. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002).

E.B. Riabykh, I.Y. Bezukladova (Tambov, Russia)

Tambov State Derzhaviny University

THE FRAGRANCE OF PERFUMES THROUGH THE LENS OF INDIVIDUAL METAPHORICAL INTERPRETATION

This article explores the functioning of synesthetic metaphors in texts describing fragrances, using the website www.fragrantica.ru as an example. The authors emphasize the significance of concepts such as multimodality, polymetaphoricity, multiculturalism in the process of individual metaphorical interpretation of perfume scents.

Key words: metaphor, synesthesia, intermodality, multimodality, polymetaphoricity, multiculturalism, precedent name

И.А. Савватеева (Иркутск, Россия)

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
savvrina@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ ДИСТАНЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОВЕДЕНИИ В ИТАЛЬЯНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЯ *ФЕЙК*)

Исследование направлено на выявление лингвистических факторов вербализации категории *отношения* в поведении. Основной лингвистической задачей исследования является анализ приспособления английского понятия *фейк* к нормам заимствующего его итальянского языка, а также различий его смыслового содержания – к культурному фактору восприятия потенциальным получателем ложной информации.

Ключевые слова: категория *отношения*; поведение; семантика; семиотика; дезинформация; *фейк*

Изучение признаков адаптивности человеческого мозга к новым типам взаимодействия (появление фейков и бесконтрольное распространение цифровой лингвоинформации), влияющим на формирование отношений и поведения, представляется актуальным для современной когнитивной лингвистики. Н.Н. Болдырев подчеркивает, что в основе постоянного развития и обновления знаний о мире лежат процессы порождения новых концептуальных структур как единиц знаний и транслирующих их единиц языка. Они отличаются разнообразием типов/видов в зависимости от их связи с основными познавательными процессами – концептуализацией и категоризацией и степени их концептуальной или языковой мотивированности [Болдырев 2024: 16]. В рамках исследования медийного дискурса отмечена тенденция сокращения степени осмысления новостей как правды. Одним из результатов фикционализации информации (тиражирования вымыслов) стало изменение иерархии операций по работе с информацией: на первое место выходит способность критически ее анализировать [Карасик, Слышкин 2021: 20].

Исследование лингвосемиотических и аксиологических аспектов поведения и отношений в виртуальном пространстве мы формулируем следующими аргументами. Во-первых, в настоящее время прослеживается нарастающая настороженность по поводу проблематики обмана в процессе конструирования образов, складываемых в сознании посредством восприятия информации в дистанционной коммуникации. Во-вторых, категория *отношения* соотносится с информацией. В исследовании по нейропсихологии и поведенческим наукам отношения определяются как результат информационной обработки для принятия решения входной внутренней или внешней информации. Такое определение основано на том, что отношение является достижением разума как связь в процессе познания и понимания реальности [Gaiseanu 2020]. В-третьих, закономерный интерес современных ученых к разноаспектному анализу языка во всем многообразии его связей, в т. ч. с другими семиотическими системами, повышает актуальность исследований, посвященных не традиционному тексту, а семиотически осложненному, видеовербальному тексту, представленному в устных формах транзакций в различных институциональных дискурсах [Егорченкова, Шамне 2016: 108]. В рамках изучения темы фейка как формы неискренних отношений, лжи и обмана можно констатировать, что ложь нам интересна как коммуникативный процесс, выражающийся в дистанционных отношениях и формирующий поведение. Особое значение при анализе механизмов обмана приобретают символы как копии оригинальных действий, признаков, атрибутов, чувств. Однако это не означает, что фейки представляют собой универсальный лингвосемиотический код: одни и те же эмоции, выраженные в форме отношений, являются результатом сложного набора факторов, включающих культуру, язык и контекст. Лингвокультурный контекст заставляет нас видеть одно и то же сообщение по-разному. Однако хочется обратить внимание на сложную природу как категории *отношения* в поведенческом аспекте, так и широкую семантическую сферу лжи, в целом. Их исследования могут актуализировать на первый взгляд не-

видимые аспекты объективизации лжи и обмана в дистанционных отношениях. Более глубокое проникновение в суть проблемы, нахождение новых лингвокогнитивных и лингвокультурных детерминант их проявления позволит осознать больше перспектив в направлении минимизации лживого поведения в новых реалиях современности.

Так, слово *fake* в английском языке имеет несколько значений в зависимости от контекста: *not genuine; counterfeit* (прил.); *a thing that is not genuine; a forgery* (сущ.); *to make something appear to be other than it is* (глагол) [OED]; *not genuine; imitating something superior* (прил.); *something that is not genuine; a sham or forgery* (сущ.); *to make a counterfeit of* (глагол) [MWD]; *not real, but made to look or seem real* (прил.); *something that is not what it seems to be; a deception* (сущ.); *to copy something in order to deceive* (глагол) [CD]. В результате сопоставительного анализа лексем, обозначающих понятие *фейк*, выявлены следующие семантические признаки: В английском языке *fake* означает обман; или объект, который выглядит реальным или ценным, чтобы обмануть людей; кто-то, кто не является тем, за кого себя выдает [CDO]. В итальянском языке слово *fake* означает подделка, обман: *frode, imbroglio* (сущ.); фиктивный, не подлинный: *fittizio, non genuino* [Trecanni]; фальшивое вещество, ложь: *sostanza falsa* (сущ.); притворяться, подделывать: *fin-gere* (глагол) [DGL]; подделка, имитация: *falso, imitazione* (сущ.); фальсифицировать: *falsificare* (глагол) [DI]. Как видно из приведенных определений, слово *fake* в итальянском языке обычно переводится, как *falso* и связано с концепциями подделки и обмана. Так, понятие *фейк* в итальянском языке обладает такими семантическими признаками как подделка с целью ее распространения в электронной сети; все, что по существу не соответствует действительности; намеренно имитировано с целью обмана кого-либо; то, что является фальшивым, наигранным; делает или говорит противоположное тому, что думает, и поэтому является притворщиком и лицемером; пользователь, который входит под чужим псевдонимом и выдает себя за него [Trecanni]; а также обычный пользователь, который заходит под ником, отличным от своего, и выдает себя за кого-то другого [DGL]. В итальянском языке есть выражения или термины с тем же значением *ложные новости*, включая, например, *bufala*, (мистификация или дезинформация). Английское заимствование «ложные новости», вошло в обиход для обозначения информации, которая частично или полностью не соответствует действительности, раскрыта намеренно или непреднамеренно через Интернет, средства массовой информации или технологии цифровых коммуникаций [Trecanni]. Понятие *фейк* используется как существительное, обозначающее сайты, документы или социальные онлайн-профили, следовательно, фальшивые или поддельные; излишние новости, используемые как синоним новостей, которых искренне можно избежать. В итальянском языке слово *подделка* приобрело два рода 1) мужской род относится к только что представленному значению ложного онлайн-сайта, профиля или документа (эта

фотография – фейк); 2. женский род – к обозначению фейковых новостей (то, что опубликовано сегодня, является фейком) [Terminologiaetс].

Сопоставление определений понятия *фейк* в английском и итальянском языках также позволяет выделить и **сходства** в их понимании. В обоих языках существует ясное понимание фейка как нечто неоригинальное или неподлинное и подчеркивается идея фальшивки. Например, *counterfeit* в английском и *falso* в итальянском. Сходство также заключается в том, что фейк в обоих языках подразумевает элемент обмана. Это схожее понимание формирует универсальное представление о том, что фейк является альтернативой или имитацией действительности. Оба языка описывают фейк как что-то, что может вводить в заблуждение, создавая ложное впечатление о реальности: в английском *deception*, в итальянском *imbroglio*. В обоих языках слова могут применяться как в материальном, так и в нематериальном контексте (например, подделка товаров, фальшивые новости). Это указывает на схожесть в их лингвокогнитивной структуре и социальных отношениях. Оба термина широко используются в контексте медиа и массовой культуры. В обоих языках распространены такие понятия как *fake news* в английском языке и *notizie false* в итальянском, что подчеркивает общую проблему восприятия информации. Таким образом, несмотря на различия в нюансах и контекстах, в понимании фейка в английском и итальянском языках присутствуют общие семы, такие как подделка, обман и имитация. Схожие концептуальные структуры подчеркивают важность критического восприятия информации в любом языке.

Сопоставление определений понятия *фейк* в английском и итальянском языках позволяет выделить некоторые **различия** в его понимании. В английском языке слово *fake* широко используется в различных культурных и социальных контекстах, включая технологии (например, *fake accounts*, *fake news*). Английское *fake* охватывает более обширный набор значений и применений, включая как материальные, так и нематериальные аспекты, в то время как итальянские определения чаще акцентируют внимание на физической подделке и менее затрагивают социальные аспекты. Английский язык позволяет создавать множество производных слов от *fake* форм и игр слов, связанных с ним, таких как *faker*, *fakery*, *fakeable* и т.д., что позволяет более гибко использовать данное понятие в языке. Это свидетельствует о способности английского языка адаптироваться к новым социальным и культурным контекстам. Итальянское *falso* чаще несет негативный оттенок, четко обозначая подделку, как нечто нежелательное, нежели *fake* в английском, где слово может использоваться в нейтральном контексте (например, в контексте развлечений или стиля).

Лингвокогнитивные и лингвокультурные сопоставительные исследования фейков обладают высоким потенциалом для понимания влияния дезинформации на дистанционные отношения и поведение людей. Они могут быть полезны для понимания технологических, социальных и психологических изменений в современном обществе и нивелировать негативные последствия разрушения социальных и межкультурных отношений на основе ложных представлений о действи-

тельности по причине распространения фейковой информации. Сопоставление различий в языках в представлении о лжи и честности дает возможность выявить, как лингвокультура влияет на восприятие фейков и обмана в отношениях и поведении.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа бесконфликтной языковой коммуникации // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2023 г. М.: Языки Народов Мира, 2024. С. 15-22.

Егорченкова Н.Б., Шамне Н.Л. Координативные ресурсы мультимодальной интеракции в политическом ток-шоу // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. Т. 15. № 1. С. 107-118.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №1. С. 14-31.

Gaiseanu F. Attitude as an expressible info-operational reaction to a perceived/purposed object/objective // International Journal on Neuropsychology and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 1(1). Pp. 12-16.

CDO – Cambridge Dictionary Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake>

DGL – Dizionario Garzanti Linguistica. URL: <https://www.garzantilinguistica.it/ricerca/?q=fake>
DI – Dizionario di italiano. URL: https://dizionario.corriere.it/dizionario_inglese/Inglese/F/fake.shtml

MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/fake>

OED – Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/fake_n2?tl=true

Terminologiaetc – blog.terminologiaetc.it. URL: <https://www.terminologiaetc.it/2017/11/28/differenza-significato-fake-maschile-femminile/>

Treccani – Treccani Vocabolario. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario/ricerca/notizie-false/>

I.A. Savvateeva (*Irkutsk, Russia*)

Irkutsk National Research Technical University

FEATURES OF OBJECTIVATION OF DISTANT RELATIONS IN BEHAVIOR IN ITALIAN AND ENGLISH LANGUAGES (BASED ON THE CONCEPT OF *FAKE*)

The study aims to identify the linguistic factors of verbalization of the category of relations in behavior. The main linguistic task of the research is to analyze the adaptation of the English concept of *fake* to the norms of the borrowing Italian language, as well as the differences in its semantic content related to the cultural factor of perception by the potential recipient of false information.

Key words: category of *relations*, behavior, semantics; semiotics, disinformation, fake

*М.А. Самкова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
degi@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ЭТНОФОЛИЗМОВ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫХ НОМИНАЦИЙ¹

В статье изучаются когнитивные модели семантической деривации этнофолизмов в ассоциативно-вербальном поле «Мигрант». Выявлены два основных способа концептуализации понятия «мигрант» в качестве объекта пейоративного отношения – метонимическая и диминутивная деривация. Результаты деривации негативно коннотированных ассоциатов отражают ценностные ориентации, формирующие стереотипный образ мигранта в России.

Ключевые слова: семантическая деривация, концептуальная деривация, метонимия, диминутив, конфликтотенная номинация, этнофолизм

Статья посвящена исследованию когнитивных аспектов деривации как одному из продуктивных способов образования этнофолизмов и средству концептуализации понятия «мигрант» в быденном языковом сознании носителей русского языка. В статье анализируются эмоционально-оценочные ассоциации на слово-стимул «мигрант», извлеченные из «народных ассоциативных словарей» – открытых Интернет-ресурсов, основанных на игре в ассоциации.

Из множества направлений исследований наибольший интерес для нас представляет изучение когнитивных аспектов семантической деривации [Кубрякова 2006; Резниченко 2009; Абросимова 2011; Петрухина 2023]. В семантической дериватологии уже апробированы экспериментальные методики [Голев 1998; Доронина 1999] и создан деривационно-ассоциативный словарь [Голев, Доронина 1999; Голев 2012]. Однако понятие «мигрант» в нем не рассматривается.

Благодаря обращению к когнитивным исследованиям языка перед нами открываются дополнительные перспективы. При ассоциировании в дериватах отражаются «когнитивные итоги осмысления мира личностью и языковым сообществом» [Абросимова 2011: 7]. Это мотивирует нас рассмотреть деривацию в когнитивном понимании. Актуальность темы обусловлена необходимостью анализа деривационных явлений с когнитивной позиции. В основе анализа лежит идея о том, что при соотнесении данных явлений с процессом познания мы обнаруживаем отражение понятийной системы человека в языке и изменение языка под воздействием процессов познания [Кубрякова 2006: 91].

Объектом настоящего исследования является семантическая деривация, рассматриваемая как «инструмент категоризации и концептуальной инвентаризации явлений окружающего мира» [Пономарева 2013: 109] и концептуальная деривация как «формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания» [Болдырев 2009: 47]. Предмет исследова-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00134, <https://rscf.ru/project/25-28-00134/>.

ния – когнитивные аспекты метонимической деривации и диминутивной деривации как способов концептуализации понятия «мигрант» в качестве объекта пейоративного отношения. Цель работы заключается в установлении когнитивных моделей семантической деривации этнофолизмов в русском языке.

Практический материал исследования был отобран с ресурсов Socrion.org, kartaslov.ru, sinonim.org, обозначенные как «народные ассоциативные словари» [Ворошилова 2018]. Преимуществом анализа такого рода ассоциативного эксперимента являются более свободно и творчески генерируемые реакции. Недостатком является несоотнесенность количества упоминаний слов-реакций, так как первые два ресурса указывают популярность реакций, второй – частоту на миллион употреблений. Однако данного объема достаточно для первичного анализа ассоциатов, вследствие которого мы получаем усредненный результат свободного ассоциативного эксперимента.

В ассоциативно-вербальном поле «Мигрант», являющимся отражением обычного языкового сознания носителей русского языка, наблюдается разнообразие эмоционально-оценочных реакций. Коннотативные реакции можно подразделить на подгруппы экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) и идентичных. В группе этнофолизмов наблюдаем следующие цепочки слов деривационно и эпидигматически связанные между собой: (1) дериватор «хач» и дериваты: *хачик, хачи, хачапури, хачапурик, хачатурия*; (2) дериватор «чурка» и дериваты: *чур, чурбек, чурбан, чурочка, дочурка, чуркин, чурикова*. Данные слова являются пренебрежительным наименованием представителей коренных народов Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Они обладают конфликтогенным потенциалом, так как их пейоративная семантика «усиливает вектор поляризации между своими и чужими» [Кушнерук 2024: 256].

Дериватор «хач» переводится как «крест». Слово-дериватор «чурка» является полисемичным и имеет как нейтральное, так и эмоционально-оценочное значение. В настоящей статье рассматриваются итеративные дериваты как производные слова, созданные в процессе «итерации – повторения фonomорфологических элементов, фрагментов слов или целых слов» [Пестерова 2011: 103], в частности, их подвид – аллитераты, в которых повторяются начальные звуки. Итерация раскрывается в следующих ассоциатах: хачатурия, чуркин, чурикова. Фамилии используются как имена нарицательные для синекдохического обозначения этноса. В переносе названия с частного на общее можно обнаружить когнитивное основание: концептуальная метонимия позволяет создать косвенную референцию, которая нацелена на формирование упрощенного образа мигранта.

Наиболее часто в народных ассоциативных словарях наблюдается диминутивный дериват «хачик». Имя «Хачик» является уменьшительно-ласкательной формой распространенного армянского имени Хачатур. В этнофолизмах диминутивные суффиксы видоизменяют семантическую структуру дериватов и концептуально подвергают объект умалению. Чаще активизируется механизм, позволяющий «выразить отношение к оцениваемому объекту и создающий базу для развития мелиоративной или

пейоративной семантики» [Резниченко 2009: 121]. Однако в сопоставлении с дериваторами «хач» и «чурка» в дериватах «хачику», «хачапурик», «чурочка» и «дочурка» с суффиксами «-ик», «-к» можно обнаружить механизм смягчения пейорации. Так как суффиксы имеют несколько значений – уменьшительности и пренебрежительности – в этнофолизмах и этнонимах они одновременно актуализируют концепт малости и отрицательно-оценочный концепт, например, *еврейчик*, *грузинчик*.

В деривате «чурбан» наблюдается профилирование такого значения, как «глупый», а в деривате «чурбек» происходит концептуальная интеграция значений нескольких этимологически разных слов: таджикского имени Чурабек и слова «чурек», первое значение которого – разновидность хлеба, второе – уничтожительное наименование жителей Средней Азии [БТС 2004]. Этнофолизмы «чурек» и «хачапури» можно выделить в отдельную группу пейоративных этнонимов, которые совпадают с названием продуктов или блюд, которые готовятся в регионах проживания определенных этнических групп, в данном случае, в Средней Азии. В эту группу также входят слова *чебурек*, *урук*, *баклажан*. Это проявление имеет национально-культурную обусловленность и отражает акцентный статус концепта ЕДА в языковой картине мира россиян.

Для выявления когнитивных схем семантического развития этнофолизмов мы обратились к анализу обыденного языкового сознания носителей русского языка, проведенному на материале «народных ассоциативных словарей». Нас интересуют механизмы возникновения этнофолизмов, вошедших в ассоциативно-вербальное поле «Мигрант». Одним из способов образования пейоративной номинации мигрантов мы считаем семантическую деривацию. Результатом семантических процессов с позиции когнитивного подхода является концептуальная деривация.

В этнофолизмах мы наблюдаем результат трансформаций, основанный на метонимических преобразованиях и соединениях определенных структур с моделями образования диминутивов. Концептуальная метонимия выступает принципом организации обыденного сознания и способом образования нового смысла. Она заключается в употреблении распространенных имен и фамилий представителей этносов Средней Азии вместо слова «мигрант» с целью формирования стереотипного образа мигрантов, приехавших в Россию из этого региона. В основе диминутивных дериватов лежит, в первую очередь, концепт малости и, во-вторую, оценочный концепт. Они актуализуют пренебрежительное отношение к мигрантам даже в случае смягчения пейорации.

Лексические единицы изначально обладают деривационным потенциалом и реализуют его в активных зонах обыденного языкового сознания, которые связаны с социально-психологической ориентацией. В аксиологически маркированных языковых значениях воплощаются ценностные ориентиры российского общества, которые обуславливают характер межкультурного взаимодействия. Процесс актуализации значения связан с акцентным статусом определенных семантических признаков, а оценочное значение, в данном случае – пейоративное, является результатом осмысления субъективного отношения к мигрантам.

Литература

- Абросимова Л.С.* Истоки и основные принципы когнитивной дериватологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 7-13.
- Болдырев Н.Н.* Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 43-51.
- Ворошилова М.Б.* «Народный ассоциативный словарь» как инструмент анализа неформальной политической коммуникации // Уральский филологический вестник. 2018. № 2 (27). С. 115-123.
- Голев Н.Д.* Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты // Вопросы лексикографии. 2012. № 2. С. 5-24.
- Голев Н.Д.* Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической терминологии и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 65-84.
- Голев Н.Д., Доронина Н.И.* Деривационно-ассоциативный словарь русского языка // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 276-282.
- Доронина Н.И.* Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
- Кубрякова Е.С.* К построению типологии словообразовательных категорий // Актуальные проблемы современного словообразования: труды Международной научной конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 90-96.
- Куцинерук С.Л.* Индикаторы конфликтности в межкультурном взаимодействии // Межкультурная коммуникация как область научного исследования и академическая дисциплина: коллективная монография. М.: Наука, 2024. С. 255-266.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт; Москва: Рипол классик, 2004.
- Пестерова Н.В.* Некоторые типы и модели структурно-отмеченных дериватов в англоязычном медицинском социолекте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 2. С. 99-105.
- Петрухина Е.В.* Когнитивные аспекты деривации в русском языке // Когнитивные исследования языка. 2023. Т. 2. № 3. С. 164-170.
- Пономарева О.Б.* Семантическая vs. концептуальная деривация в субстандартной подсистеме языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 107-115.
- Резниченко Л.Ю.* Концептуальная деривация как когнитивная основа диминутивной деривации // Вестник Тамбовского университета. 2009. Т. 72. № 4. С. 118-122.

M.A. Samkova (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

COGNITIVE MODELS OF SEMANTIC DERIVATION: THE CASE STUDY OF ETHNOPHAULISMS AS CONFLICTOGENIC NOMINATIONS

The article studies the cognitive models of ethnophaulism semantic derivation in the associative field "Migrant". The migrant as an object of the negative attitude is conceptualized using metonymic and diminutive derivation. The results of negatively connotated word derivation reflect the value orientations that form a stereotypical image of a migrant in Russia.

Key words: semantic derivation, conceptual derivation, metonymy, diminutive, ethnophaulism

Т.В. Сивова (Гродно, Беларусь)

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
t.sivova@grsu.by**ЦВЕТОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРУШИ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ, АССОЦИАТИВНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Представлены результаты осуществленного на материале текстов различных дискурсов исследования, цель которого – реконструкция на примере колористических дескрипций группы сегмента цветовой концептосферы русского языка. В результате исследования выявлен и описан количественный и качественный состав терминов цвета, значимых в визуализации растения (22 единицы); установлены доминанты цвета и способы расширения цветового спектра; выявлен функциональный потенциал колористических дескрипций растения.

Ключевые слова: лингвистика цвета, концептосфера цвета, флоросемантика цвета, термин цвета, фитоним, языковая картина мира

Флоросемантика цвета раскрывает перед специалистами, работающими в области лингвистики цвета, широкие исследовательские перспективы в реконструкции цветовой концептосферы флористического пространства языка. Наш исследовательский интерес в данной статье сконцентрирован на специфике колористической репрезентации груши, которая, будучи, по наблюдениям Е.В. Дзюбы, «единственным типичным (высокочастотным) образцом категории Фрукты» [Дзюба 2015: 320], в лексикографическом описании «обобщает информацию агрономического характера (это плодовая культура) и ботаническую характеристику (это плод растения семейства розоцветных)» [Дзюба 2015: 320]. Вместе с тем нельзя оставить без внимания колористическую составляющую в ее репрезентации: свойства груши как красителя: «отвары грушевой коры окрашивают ткани и древесину в коричневый цвет» [Ременец 2009: 112]; отражение цветового впечатления о ней в живописи: «благородная красота расцветки груш-дюшес, от зеленой, через зелено-оранжевую, к темно-красной» (Грабарь, 1937: 305) [Ситникова 2023: 558]; в поэзии: цветовая символика образа груши в сб. «Домик под грушевым деревом» [Колышева 2016: 320]. Изложенное обуславливает наше обращение к текстам различных дискурсов с целью реконструкции колористического представления о растении.

Цвет груши. Лексикографическая репрезентация (О, желтый, белый, коричневый, красный). Значение цвета в искомых дефинициях фиксируется непосредственно: *груша* ‘фруктовое дерево сем. розоцветных с крупными сладкими плодами в виде округлого конуса’ [БТС 2000: 232]; ‘дерево сем. розоцветных со сладкими ароматными, обычно желтыми удлинёнными плодами’ [РСС 2002: 523]; ‘фрукт размером с кулак, имеющий форму округлого конуса, растущий на дереве, с тонкой кожицей разных оттенков от белого до красного цвета и со сладкой сочной мякотью, внутри которой содержатся мелкие коричневые косточки’ [АСРЯ 2014: 724]. Стереотипом зрелой груши в русском языковом ареале, по наблюдениям В.Г. Кульпиной, является желтая груша. Вместе с тем исследователь отмечает: «в действительности зрелые груши могут быть разных цветов и оттенков, в т. ч. зеле-

ных и коричневых. В связи с этим желтая груша – это как бы эстетический идеал, который и закрепился в языковом мышлении как стереотип» [Кульпина 2001: 175].

Цвет груши. Ассоциативное пространство (зеленый). В целях реконструкции актуального колористического представления о дереве нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент (2021 г.; 332 респ.; студенты ГрГУ им. Янки Купалы; возраст: 17-23; пол: 166 жен., 166 муж.), в ходе которого респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул «груша». *Статистика:* всего цветовых реакций: 326, различных: 30, одиночных: 21, отказов: 6. *Результаты* (сокращ. версия): зеленый 171: 85 (ж), 86 (м); желтый 79: 43 (ж), 36 (м); зеленый, желтый 14: 3 (ж), 11 (м); желтый, зеленый 13: 8 (ж), 5 (м); зелено-желтый 7: 4 (ж), 3 (м); салатовый 7: 5 (ж), 2 (м); желто-зеленый 6: 5 (ж), 1 (м); светло-зеленый 6: 4 (ж), 2 (м); белый 2: 1 (ж), 1 (м); бледно-желтый 1: 1 (ж); бледно-зеленый 1: 1 (м); блекло-желтый 1: 1 (м); болотно-зеленый 1: 1 (м); грушевый 1: 1 (м); желтый, бежевый 1: 1 (м); зелено-молочный 1: 1 (ж); зеленый, красный 1: 1 (м); зеленый, светло-зеленый 1: 1 (м); кислотный зеленый 1: 1 (м); молочный 1: 1 (ж); оранжевый 1: 1 (м); салатовый с оттенком желтого 1: 1 (ж); светло-желтый 1: 1 (ж); светло-коричневый 1: 1 (м); светлый желтый 1: 1 (ж); <...>; нет ответа 6: 2 (ж), 4 (м). Ср.: *желтая, зеленый, мягкая желтая* [РАС 2002: 148]; *желтая, желтый* [СОТРС 2011: 222]; *зеленая, желтая, желтый* [СИБАС 2022: 182]. Таким образом, доминантой является *зеленый*; в дескрипциях значимы 10 ТЦ (термин цвета): *бежевый, белый, желтый, зеленый, коричневый, красный, молочный, оранжевый, салатовый*; прототипический *грушевый*; композиты, призванные корректно передать цветовое впечатление (*бледно-*; *блекло-*; *светло-*; *тускло-*; *темно-* и др.), а также стилистические цепочки цвета (*зеленый, желтый; зеленый, светло-зеленый* и др.).

Цвет груши. Основной корпус НКРЯ (зн. ‘быть в цвету’) позволяет расширить представление о цветовой репрезентации растения (135 контекстов; более чем 80 авторов). Спектр включает 19 ТЦ: *зеленый* (*зеленеть, зеленый, зелень*) 18; *желтый* (*желтеть, желтый*) 15; *белый* (*белеть, белокипennyй, белый, бель, черно-белый*) 10; *розовый* (*нежно-розовый, розовато-бурый, розовый*) 9; *черный* (*почернеть, черно-белый, черный*) 6; *коричневый* (*коричневый, темно-коричневый, синий*) 4; *янтарный* 3; *бурый* (*лобуреть, розовато-бурый*), *золотой* (*золотистый, золотой*), *красный, рыжий* 2; *багряный* (*багрец*), *голубой, малиновый, ржавый, серый, цв. пергамента, шоколадный* 1. Приобретают значение композиты (*нежно-розовый, черно-белый*). В контекстах: *проецировались сочные зеленые листья старой груши* (Шкловский); *гигантские груши цвета пергамента* (Брагин). При этом доминирующую позицию в реестре занимают актуализируемые в дескрипциях лексемы со зн. ‘быть в цвету’ (*зацвести, расцвести, цвести, цвет, цветенье*) 28. Спектр расширяется лекс. со зн. ‘спелый’ (*сочный, спелый*) 14, ‘неспелый’ (*недозревший, незрелый*) 3; со зн. интенсивности цвета (*бледный*) 2; со зн. ‘свет’ и ‘тьма’ (*мерцать, поблескивать; темный*) 2; с имплицитным цветом (*бельмо, осенний*). Например: *в бледное бельмо спеленной нижней ветки огромной груши* (Улицкая) [ОК НКРЯ]. ТЦ

коррелируют с фитонимом *груша*, лекс. *бутон, ветка, дерево, кожура, кора, лист, плод, семечко; окраска, подпал, цвет*; (образн.) *маковка, облако* и др.

Цвет груши. Поэтический корпус НКРЯ фиксирует колористические дескрипции груши (27) в текстах произведений более 20 авторов. Значимый в визуализации растения спектр включает 11 ТЦ: *желтый (желтый, огромно-желтый, пожелтеть)*, *розовый* 4; *белый* 3; *багряный, бронзовый, зеленый, землистый, золотистый, ржавый, румяный, черный* 1. Спектр расширяется лекс. со зн. 'свет' / 'отсутствие света' (*светиться; лениво-матовый*) 2; со зн. 'быть в цвету' (*цвести*); с имплицитным цветом (*обуглить, пена*). Например: *Желтые груши повисли в садах* (Иванов). ТЦ коррелируют с фитонимом *груша*, с лекс. *лист; масса, тень, убор* и др. Например: *Тень груши черная на голубой стене* (Дмитриева) [ПК НКРЯ]. Расширение спектра (по сравнению с ОК НКРЯ) происходит за счет ТЦ *бронзовый, землистый, румяный: Литая бронза груши, где осень не иссякла* (Рождеств.); *Землистых крепких груш оханки* (Саша Черный).

Функциональный потенциал дескрипций, согласно НКРЯ, реализуется в 1) онтологической функции: *откусила сочную желтую грушу* (Орлова); 2) превалирующей изобразительно-выразительной: *в хрустальных вазах шоколадно мерцали груши* (Алдан-Семенов); 3) прототипической: *цветовая гамма, в которой преобладают светлые оттенки – бук и груша* (Давыдова); 4) в функции создания цветового хронотопа: 4.1 цветового пространственного измерения: а) природного – флоры: *В саду зеленые, сырые груши* (Андреев); фауны: *как обугленные груши, // С деревьев тысячи грачей* (Пастернак); небесного: *Солнце закатывалось, свисая Багряной, далекой грушей* (Тихонов); б) человека – соматического: *Лицо у него черней и морщинистей сушеной груши* (Иванов); опосредованность восприятия: *«Я ем синие груши» – говорит дальтоник* (Белинков); в) «вещного» мира: *груши, больше похожие на елочные игрушки* (Васильев); г) кулинарного: *лежите маслянистой грудой Средь ржавых груш* (Багрицкий); д) социального: *значение слова «разложенец», в его сознании возникла темно-коричневая, насквозь прогнившая и жидкая от гнилости груша* (Трифонов); е) искусства живописи: *Полотна: // Мыльной пеной цветущие груши* (Саша Черный); поэзии (культуролог. аспект; негация): *Сэй Сёнагон пишет, что ни одно любовное послание не может сопровождаться веткой цветущей груши – настолько ее цветы безыскусны и неинтересны* (Зыкова); песенного: *Расцветали яблони и груши... Он поворачивается к Петру, и тот подхватывает* (Распутин); ж) религиозного: *храм живой: огромная, в белом цветении груша* (Екимов) и мистического: *сварила из сушеных морщинистых груш, черных, как ведьмы отличный узвар* (Катаев); з) некропольного: *Лишь груши цвет напомнил мне кладбище* (Ушаков); и) города: *Клямар был розовый и белый от яблонь и груш* (Каверин); а также 4.2 цветового темпорального измерения: в создании ТК (темпоральной координаты): «Фаза вегетации»: *груши в белом цвету смыкались ветвями* (Екимов); «Время года»: *Цветущих груш каскад // Качает белой массой // С весенним ветром в лад* (Саша Черный) [НКРЯ]. Так, основанная на цвете связь

пространства и времени конструирует цветовой хронотоп текста (см.: [Кульпина, Сивова 2023]).

Таким образом, в результате исследования установлен значимый в визуализации груши состав ТЦ (22); набор цветовых доминант: *желтый*, согласно словарям, *зеленый* – результатам НАЭ, лексем со зн. ‘быть в цвету’, согласно НКРЯ; выявлен состав призванных корректно передать цветное впечатление композитов различной модификации (19); описаны способы расширения цветового спектра; раскрыт функциональный потенциал колористических дескрипций груши, многообразие которых свидетельствует о значимости цветового представления о дереве в языковом сознании носителей русского языка, что обуславливает необходимость и подтверждает актуальность реконструкции на основе колористических дескрипций груши сегмента цветовой концептосферы русского языка.

Литература

- АСРЯ – Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: ЯСК, 2014.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург: Ур. гос. пед. ун-т, 2015.
- Колышева Я.О. Художественная семантика образа груши в китайском сб. стихотворений Е. Васильевой (Ли Сян Цзы) «Домик под грушевым деревом» // XVII Волошинские чтения: сборник научных статей / сост. Н.М. Мирошниченко. Симферополь: Антиква, 2016. С. 315-322.
- Кульпина В.Г., Сивова Т.В. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 64. М.: Макс Пресс, 2023. С. 26-54.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М., 2002.
- Ремнец О.М. Символическое значение образов плодовых деревьев в фольклоре // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2009. № 2. С. 110-113.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2002.
- СИБАС 2 – Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русская региональная ассоциативная база данных СИБАС 2 (2014-2021). URL: <http://adictu.nsu.ru>
- Ситникова А.А., Смолина М.Г., Мао С. Творчество И.Э. Грабаря в 1917–1922 гг. // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. № 16 (4). С. 551-565.
- СОТРС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2011.

T.V. Sivova (Grodno, Belarus)

Yanka Kupala State University of Grodno

COLOUR REPRESENTATION OF PEAR: LEXICOGRAPHIC, ASSOCIATIVE AND ARTISTIC SPACE

The paper presents the results of the research carried out on the material of texts of various discourses, the purpose of which is to reconstruct the segment of the colour conceptsphere of the Russian language on the example of colouristic descriptions of pear. As a result of the study the

quantitative and qualitative composition of colour terms significant in the visualization of the plant (22 units) is revealed and described; the dominants of colour and ways of expanding the colour spectrum are established; the functional potential of colouristic descriptions of the plant is revealed.

Key words: linguistics of colour, colour conceptsphere, florosemantics of colour, colour term, phytonym, language picture of the world

М.Д. Сидорова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
maya-thebee2010@yandex.ru*

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА ЕЖ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье сравнивается когнитивная метафора ЕЖ в русском и в английском языках. В контексте ситуации с пандемией вируса COVID-19 именно эта когнитивная метафора нашла широкое распространение в обоих языках. Это обусловлено как общеязыковыми закономерностями, так и различиями в картине мира носителей русского и английского языков.

Ключевые слова: когнитивная метафора, языковая картина мира, прецедентный феномен, сравнительно-сопоставительный анализ, когнитивная лингвистика

В настоящее время важное место в исследовательской среде занимает когнитивная лингвистика. Одним из объектов когнитивной лингвистики является когнитивная метафора. Теория когнитивной метафоры была описана в работе «Метафоры, которыми мы живем», авторами которой выступают Дж. Лакофф и М. Джонсон. В данной работе говорится о том, что когнитивная метафора – это одна из основных ментальных операций, способ познания, структурирования и объяснения окружающего мира [Лакофф, Джонсон 2004]. Похожего мнения придерживается и Н.А. Лаврова: в ее работах представлен тезис о том, что когнитивная метафора – это не просто риторическое средство украшения речи, но и инструмент сопоставления непознанного с познанным [Лаврова 2015].

В 2020 г. началось распространение новой болезни – COVID-19. Поскольку на тот момент она была слабо изучена, а также принимались экстренные и беспрецедентные для современной истории меры, обеспечивающие предотвращение случаев новых заболеваний (например, уход на самоизоляцию), это не могло не обусловить желание людей разобраться в сложившейся ситуации и понять, что происходит. Это нашло свое отражение в языке: например, в статье «Acting like a Hedgehog in Times of Pandemic: Metaphorical Creativity in the #reframecovid Collection» указывается, что в английском языке в этот период времени появились новые когнитивные метафоры, при помощи которых люди пытались вписать в свою картину мира новые реалии жизни [Pérez-Sobrino и др. 2022].

В данной статье указывается, что одной из когнитивных метафор, при помощи которых человек пытается познать, как жить во времена пандемии коронавируса, является метафора ЕЖ. В вышеуказанной статье авторы отмечают, что в английский язык она пришла из норвежского языка, поскольку первый раз она была применена

в конце апреля 2020 г. в одной из статей из газеты NRK [NRK 2020]. По мнению авторов, в норвежском языке понятие «еж» в контексте пандемии коронавируса является когнитивной метафорой, поскольку в языковой картине мира носителей норвежского языка для того, чтобы избежать коронавируса, необходимо вести себя, как еж: никого к себе не подпускать, свернуться клубком и ждать лучших времен.

Для носителей английского языка данная метафора оказалась значимой по нескольким причинам. Во-первых, в языковой картине мира носителей английского языка для того, чтобы не заболеть, необходимо вести себя, как еж. Для этого требуется ограничить общение и соблюдать социальную дистанцию. Еж обеспечивает ограничение контактов за счет наличие у него иголок, которые предотвращают его взаимодействие с хищными животными. Также еж умеет сворачиваться клубком и не подпускать к себе других животных, пока опасность не минует, и эта его особенность сравнивается с рекомендацией ждать, пока эпидемиологическая обстановка не наладится.

Во-вторых, форма коронавируса напоминает ежа, который свернулся в клубок. «Шипы» на оболочке коронавируса отождествляются с иглами ежа. Если в первом случае «шипы» представляют собой особые белки, необходимые для прикрепления вируса к поверхности клетки, то во втором случае еж сам собирает на свои иглы посторонние предметы (например, листья, яблоки, грибы), и в данном случае общее у вируса COVID-19 и ежа – способность образовывать прочные соединения.

В-третьих, в европейских странах широкое обсуждение находит коронавирус ежей, который впервые был описан в 2013 г. [Corman и др. 2013]. Во время пандемии коронавируса в англоязычном научном сообществе был проведен ряд сопоставительных исследований характеристик вирусов коронавируса ежей и вируса COVID-19: например, описывались появление коронавируса ежей на территории Польши [Pomorska-Mół и др. 2022], описывался геномный состав коронавируса ежей [Cruz и др. 2024], описывалась внутривидовая распространенность коронавируса ежей [De Sabato и др. 2023]. Лавинообразный рост количества исследований на тему коронавируса ежей связан с тем, что данный штамм имеет много общего с геномом COVID-19, и это обуславливает ассоциативную связь ежа и вируса COVID-19 в языковой картине мира носителя английского языка.

Мы можем с уверенностью сказать, что когнитивная метафора ЕЖ в контексте коронавируса оказалась применима и для носителей русского языка. Например, в социальной сети «ВКонтакте» в конце ноября 2020 г. появилась возможность поставить рядом с именем эмодзи-статус с изображением ежа с подписью «Хочу быть ежиком» [ВКонтакте 2020].

Данная метафора уместна в русском языке по ряду причин. Во-первых, с точки зрения носителя русского языка, поведение человека во время пандемии коронавируса очень похоже на поведение ежа, который свернулся клубком, чтобы избежать опасности: он выставил вперед свои иголки, чтобы исключить взаимодействие с другими животными, а также он затаился и ждет, пока опасность минует. Здесь мы

видим скрытое сравнение человека, который выбрал такую стратегию обезопасить себя от новой болезни, с этим животным.

Во-вторых, для носителей русского языка также уместно сравнение вируса COVID-19 с ежом по причине наличия «колючек» как у вируса, так и у ежа. Как и в языковой картине мира носителя английского языка, в языковой картине мира носителя русского языка отмечается способность этих «колючек» прочно связываться с другими объектами (в случае с вирусами – с клетками организма, в случае с ежом – с мелким органическим мусором).

В-третьих, образ ежа в языковой картине мира носителей русского языка является прецедентным феноменом. По мнению Ю.Н. Караулова, прецедентные феномены – это феномены, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер... и (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987].

В отличие от англоязычной культуры, где взаимосвязь ежа и коронавируса прослеживается в виде резко возросшего интереса к коронавирусу ежей в последние несколько лет, в русскоязычной культуре используются образы, которые уже успели стать частью национального культурного кода. Например, проводятся параллели со сказкой С. Козлова «Ежик в тумане» и одноименным мультфильмом Ю. Норштейна, о чем свидетельствуют шуточные посты в социальных сетях [Пикабу 2020]. Ассоциации с этими произведениями обусловлены тем, что люди не понимают, что происходит и как себя вести, они как бы находятся в тумане.

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, когнитивная метафора ЕЖ в контексте пандемии коронавируса состоит из двух частей. Одна часть этой метафоры может быть применима к любому языку, поскольку, во-первых, образ поведения ежа в случае опасности отображает образ поведения человека, когда распространяется малоизученный вирус, и, во-вторых, внешний вид ежа и вируса COVID-19 имеет определенные сходства, что находит отражение как в английском, так и в русском языке.

Другая часть этой метафоры зависит от языка, в котором она используется. В языковой картине мира носителя английского языка ассоциация ежа с вирусом COVID-19 обусловлена тем, что в англоязычном научном сообществе большое внимание уделяется исследованию коронавируса ежей. В языковой картине мира носителя русского языка ассоциация ежа с вирусом COVID-19 обусловлена тем, что в русскоязычной культуре имеет место прецедентный феномен – сказка «Ежик в тумане». Эта сказка удачно передает непонимание ситуации на бытовательском уровне.

Литература

Все дома? Прямо вообще все? // Пикабу. URL: https://pikabu.ru/story/vse_doma_pryamo_voobshche_vse_7380662?utm_source=linkshare&utm_medium=sharing
Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Лаврова Н.А. Когнитивная метафора как способ представления знания в языке и как основополагающий принцип человеческого мышления // Преподаватель XXI век. 2015. № 1. С. 294-307.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Обновился набор эмодзи-статусов, доступных в мини-приложении «Коронавирус» // Сообщество ВКонтакте «The Brown Room». URL: https://vk.com/wall-23956131_120038

Corman V.M., Kallies R., Philipps H., Gopner G., Muller M.A., Eckerle I., Brunink S., Drosten C., Drexler J.F. Characterization of a Novel Betacoronavirus Related to Middle East Respiratory Syndrome Coronavirus in European Hedgehogs // Journal of Virology. 2013. Vol. 88. № 1. Pp. 717-724.

Cruz A.V.S., Santos-Silva S., Queirós-Reis L., Rodrigues C., Soeiro V., Tarlinton R.E., Mesquita J.R. Genomic characterization and cross-species transmission potential of hedgehog coronavirus // One Health. 2024. Vol. 19. Art. 100940.

De Sabato L., Ianiro G., Manzia F., Monini M., Chiappini B., Di Bartolo I., Vaccari G. Erinaceus coronavirus persistence in hedgehogs (*Erinaceus europaeus*) in a non-invasive, in vivo, experimental setting // Frontiers in Veterinary Science. 2023. Vol. 10.

Derfor er pinnsvinet helten i korona-tiden // NRK. URL: <https://www.nrk.no/ostfold/xl/derfor-er-pinnsvinet-helten-i-korona-tiden-1.14958647>

Pomorska-Mól, M., Ruzkowski, J.J., Gogulski, M. et al. First detection of Hedgehog coronavirus 1 in Poland // Scientific Reports. 2022. Vol. 12. Art. 2386.

Pérez-Sobrinho P., Semino E., Ibarretxe-Antuñano I., Koller V., Olza, I. Acting like a hedgehog in times of pandemic: Metaphorical creativity in the #ReframeCovid collection // Metaphor and Symbol. 2022. Vol. 37. №. 2. Pp. 127-139.

M.D. Sidorova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

COGNITIVE METAPHOR HEDGEHOG IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

This article compares cognitive metaphor of HEDGEHOG in Russian and in English. In the context of the COVID-19 pandemic, it is this cognitive metaphor that has become widely used in both languages. This is due to both general linguistic patterns and differences in the language picture of the world of native English and Russian speakers.

Key words: cognitive metaphor, language picture of the world, precedent phenomenon, comparative analysis, cognitive linguistics

О.В. Смурова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
olsmurova@yandex.ru

ГЕШТАЛЬТ-ФУНКЦИЯ «СОМНЕНИЕ» КАК ПЕРИФЕРИЯ КОНЦЕПТА ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

В работе рассматривается место гештальт-функции «сомнение», отражающей одноименное когнитивное состояние говорящего, в содержании лингвистического концепта, интегрирующего функционально-когнитивную семантику двух самостоятельных категорий – модально-

сти и оценки. Показано, что гештальт-функция «сомнение» находится на дальней периферии концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА и является результатом его развития.

Ключевые слова: гештальт-функции, интерсубъективность, модальность, оценка, сомнение, экспрессивность

Семантика оценки включает не только ценностный аспект значения языковых выражений, который в основном имеет эмоциональный характер, но и вероятностную оценку наличия объектов, признаков и событий в конкретной ситуации, также отражающую субъективное мнение говорящего о ситуации действительности. Это означает, что универсальные функционально-семантические категории оценки и модальности способны к взаимодействию, поскольку имеют общую область значений.

Взаимодействие категорий модальности и оценки затрагивает несколько уровней: концептуальный уровень, уровень языковой категоризации и уровень языковых единиц. Можно предположить, что на концептуальном уровне связь модальности и оценки основывается на том, что суждения о признаках (включая ценностные) практически всегда остаются в сфере мнения, не достигая фактуальности. «Неполная фактуальность оценочных суждений не позволяет сознанию разоружаться и держит дверь открытой для корректировки или даже опровержения исходного мнения» [Никитин 2007: 696]. Неполная фактуальность наиболее отчетливо проявляется именно в вероятностных оценках, которые выступают как гипотеза говорящего. На уровне языковой содержательной категоризации взаимодействие указанных категорий реализуется благодаря пропозициональному характеру обеих категорий и таким общим семантическим свойствам, как субъективность и недескриптивность. Модальный характер эпистемических высказываний свидетельствует о пересечении семантических областей модальности и оценки. Результатом взаимодействия категорий модальности и оценки является образование самостоятельной функционально-семантической категории (ФСК) эпистемической оценки, отражающей субъективное мнение говорящего о том, в какой степени ситуацию действительности можно считать достоверной.

Основными семантическими функциями ФСК эпистемической оценки являются степень уверенности говорящего в достоверности оцениваемой ситуации (эпистемическое обязательство говорящего) и степень обоснованности его суждения (его эпистемические гарантии). На семиотическом уровне эти базовые семантические функции выступают как денотаты языковых знаков, которые выражают смыслы, входящие в концепт ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА. На когнитивном уровне концепт ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА делится на два субконцепта гештальтной природы: эпистемическую УВЕРЕННОСТЬ и эпистемическую НЕУВЕРЕННОСТЬ. Специфические особенности репрезентации субконцепта «НЕУВЕРЕННОСТЬ» позволяют рассматривать его как прототипический компонент содержания концепта «ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА» [Смурова 2020].

Репрезентация концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА осуществляется как оценочным высказыванием целиком, так и знаками предшествующих уровней языка. При этом и на языковом уровне, и на уровне речевой коммуникации репрезентанты концепта также являются гештальтами: высказывание (или даже фразовое единство), воспринимаемая как семанτικο-синтаксическое целое, объединяет семантическую, прагматическую и коммуникативную информацию, тогда как языковые знаки представляют собой комбинации лексической, морфологической и синтаксической информации. Укрупненные семанτικο-прагматические функции, характерные для репрезентантов концепта мы трактуем как его гештальт-функции. Поскольку «семантической сущностью» эпистемической оценки является оценка говорящим какой-либо ситуации действительности как сомнительной, возможной, вероятной или обязательной [Беляева 1985: 126], содержание концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА включает по меньшей мере четыре гештальт-функции: сомнительность, допустимость, вероятность и обязательность, которые отражают наиболее обобщенные смыслы данного концепта и соответствуют когнитивным состояниям говорящего, возникающим в результате оценки. Выделенные гештальт-функции с различной частотностью репрезентируются на морфологическом, лексическом, синтаксическом и коммуникативном уровнях языка. Выбор репрезентантов концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА говорящий осуществляет, принимая во внимание как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Анализ гештальт-функций концепта показывает, что прототипическими гештальт-функциями для субконцептов НЕУВЕРЕННОСТЬ и УВЕРЕННОСТЬ являются «допустимость» и «обязательность», соответственно. Гештальт-функция «вероятность», имеющая низкую частотность, служит переходной зоной между двумя субконцептами эпистемической оценки, в большей степени относящейся к субконцепту НЕУВЕРЕННОСТЬ, так как когнитивные состояния, связанные с этой гештальт-функцией («скорее уверенность» и «скорее уверенность в обратном»), соответствуют уровню неуверенности.

В данной работе мы рассмотрим особенности репрезентации гештальт-функции «сомнение» как компонента содержания концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА.

Семантической доминантой сомнения является не выдвижение гипотезы относительно достоверности пропозиции, а выражение сомнения в ее истинности (сомневаюсь, что...). Высказывания, репрезентирующие сомнение, в отличие от прототипических эпистемических высказываний, ориентированы не на объект оценки, а на ее субъект; помимо этого, в фокусе высказываний, репрезентирующих сомнение находится также и адресат оценочного высказывания.

Репрезентация рассматриваемой гештальт-функции осуществляется на трех уровнях языка: лексическом, синтаксическом и коммуникативном. В отличие от

всех остальных гештальт-функций концепта гештальт-функция «сомнение», морфологически не представлена, т.к. грамматические показатели эпистемической оценки (модальные глаголы) не имеют компонента значения «сомнительность» в своей семантической структуре. Однако высказывания с модальными глаголами *can* и *should*, характеризующиеся вопросительной коммуникативной установкой, способны репрезентировать сомнение.

Отметим, что высказывания с вопросительной коммуникативной установкой, отражающие сомнительность, могут иметь различную синтаксическую структуру (специального, общего или косвенного вопроса), однако в типичном случае представляют собой не вопрос как таковой, а косвенный речевой акт, поскольку говорящий не запрашивает информацию у адресата, а выражает сомнение в достоверности ситуации, отраженной в пропозиции. Это становится особенно очевидным, когда говорящий адресует вопрос самому себе.

В отличие от других гештальт-функций концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА, самыми частотными репрезентантами, отражающими сомнение, являются репрезентанты синтаксического уровня языка, семантико- синтаксическая структура которых содержит эксплицитный модус. Отметим, что эксплицитный модус является одним из характерных признаков модусных оценочных категорий, которые Н.Н. Болдырев считает обеспечивающими «переход от когнитивно-номинативной к когнитивно-дискурсивной функции языковых единиц и языка в целом» [Болдырев 2007: 23]. Наличие эксплицитного модуса позволяет не только отнести высказывания, отражающее сомнение к оценочным, но и утверждать, что модусный характер эпистемических высказываний обеспечивается именно оценочностью, а не модальностью, что подтверждается тем, что у эпистемических высказываний с модальными глаголами эксплицитный модус отсутствует, и пропозициональный (модусный) характер таких высказываний проявляется только при экспликации модуса по Балли, т.е. при замене модальных глаголов на средства выражения оценки.

Высказывания, передающие «сомнительность» по сравнению с прототипическим эпистемическим высказыванием, имеют иной уровень субъективности, который можно охарактеризовать термином «интерсубъективность», принадлежащим Э. Трауготт и Р. Дэшеру [Traugott, Dasher 2002: 225]. Перспектива высказывания, отражающего сомнение, включает адресата (что, в частности, достигается вопросительной коммуникативной установкой), тогда как типичное оценочное высказывание представляет собой коммуникативный тип «сообщение», поскольку лишь передает суждение говорящего.

Еще одной особенностью высказываний, отражающих гештальт-функцию «сомнение», является их экспрессивность, что нетипично для эпистемических высказываний. Однако когнитивное состояние «сомнение» тем не менее представляет

собой результат рациональной оценки, т.к. эмоциональный компонент может при-
мешиваться к когнитивному состоянию «сомнение» в том случае, когда имеющаяся
у говорящего когнитивная база (фоновые знания) вступает в конфликт с новой ин-
формацией (сведениями о ситуации).

Особым случаем выражения сомнительности является «сомнение в обязатель-
ности», которое выражается эпистемическими конструкциями или эпистемическими
фразами с отрицательной полярностью в комбинации с отрицательным лексиче-
ским показателем эпистемической оценки. В таких высказываниях значение двой-
ного отрицания интерпретируется как «возможно, но не обязательно» и demonstri-
рует связь гештальт-функции «сомнение» с обоими субконцептами описываемого
концепта.

Таким образом, особенности репрезентации гештальт-функции «сомнитель-
ность» и ее низкая частотность позволяют рассматривать эту гештальт-функцию
как результат развития концепта ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА, находящийся на
дальней периферии этого концепта.

Литература

Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском
языках. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1985.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной
лингвистики. 2007. № 4. С. 19-29.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена,
2007.

Смурова О.В. Когнитивно-функциональные аспекты репрезентации эпистемической
оценки в англоязычном дискурсе (на материале художественной прозы): дис. ... канд. филол.
наук. М., 2021.

Traugott E.C., Dasher R.B. Regularity in Semantic Change. Cambridge: Cambridge University
Press, 2002.

O.V. Smurova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

THE GESTALT FUNCTION OF “DOUBT” AS PERIPHERY OF THE CONCEPT OF EPISTEMIC EVALUATION

The article examines the place of the Gestalt function of “doubt”, reflecting the cognitive state
of the speaker of the same name, in the content of a linguistic concept integrating the functional
and cognitive semantics of two independent categories – modality and evaluation. It is shown
that the gestalt function of “doubt” is located on the far periphery of the concept of EPISTEMIC
EVALUATION and is the result of its development.

Key words: gestalt functions, intersubjectivity, modality, evaluation, doubt, expressivity

Т. Сунь (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ

Б.Н. Ельцина

2104437546@qq.com

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТЕРПЕНИИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (ПО ДАННЫМ ПАРЕМИЙ)

Автором выявлены универсальные и этноспецифические характеристики представления о терпении в русской и китайской лингвокультурах по материалам паремий, дана их идеографическая классификация. Определены содержательные и статистические параметры интерпретации выделенных понятийных и образно-оценочных аспектов анализируемого понятия.

Ключевые слова: паремия, аксиологические доминанты, русский язык, китайский язык

Паремия в «концентрированном» виде представляет мировоззренческие доминанты этноса, критерии оценочной параметризации, является надежным источником данных для лингвокультурологических исследований [Болдырев 2008; Гридина, Коновалова 2020]. Как яркое и самобытное речевое явление, паремия может просто и точно отражать психологическую реальность различных представлений в сознании, ср.: «Культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются не только лексическими, но и фразеологическими, паремиологическими единицами и т.д.» [Карасик 2001: 14]. В определенной степени на основе паремий можно сконструировать основные характеристики представления о терпении в русской и китайской лингвокультурах. Понятия «паремия» и «фразеология» имеют долгую историю как в русской, так и в китайской лингвистической традиции. В данной статье принимается широкое определение паремии, что дает основания разные виды фразеологизмов, пословиц и сентенций объединить в общем термине – паремия.

Материал исследования: методом сплошной выборки из словарей и справочников [Аникин 1988; Даль; Коновалова 2007; 汉语成语大词典, 朱祖延, 河南人民出版社 1985] нами отобраны 81 китайская и 83 русских паремии о терпении, которые были разделены на несколько групп в соответствии с семантическими доминантами образно-оценочных характеристик терпения в русской и китайской лингвокультурах.

В корпусе русских паремий выделены следующие понятийные признаки представления о терпении: 1. Терпение – это физическое (физиологическое) качество человека, способного терпеть боль: *Терпит – не крикнет. На боль терпеливый – на жизнь сносливый.* 2. Терпение – упорство, настойчивость в достижении цели: *Кто много терпит, тому много дается. Где терпение, там и умение. Любое дело терпенье одолело. Без терпенья нет ученья. С хотением и с терпением и гору сверотить.* 3. Терпение – качество характера, выдержка, ср. антонимичные выражения: *Сохранить терпение. Вывести из терпения. Терпение лопнуло. Молчан-собака* (т.е. не лающая) – *да и та, терпя, вавкнет. Терпеливый человек лучше высокомерного. Лучшие самому терпеть, чем других обижать.* 4. Терпение – одна из христианских ценностей. *Бог терпел, и нам велел. Терпение – признак кротости. Спасение в сми-*

рени и терпении. Терпение – души спасение. 5. Терпение – безропотность, примирение с обстоятельствами: Вдоветь – вдовье (вдовью часть) терпеть. Кряхти, терпи да гнишь – не переломишься. С бедой не перекорайся, терпи. Обтерпишься, так и в аду ничего. 6. Терпение ограничено и имеет предел: Терпя, и камень треснет. Терпи, куда терпится. Терпел, терпел, да терпеж весь вышел. Всякому терпенью мера. Дотерпеться донельзя. Квашина терпит долго, а через край пойдет – не уймешь. Статистический анализ показывает, что положительно оцениваются признаки, связанные с пониманием пользы терпения: «терпение как качество характера», «терпение дает умения», «терпение дает взаимопонимание, любовь и надежду», что составляет около 32%, пассивное же состояние человека, связанное с необходимостью терпеть боль, страдания, голод и т.п., оцениваются отрицательно «терпение как усилие», «терпение – ограничение желаний», «терпеть боль, голод», таких паремий значительно больше, их количество составляет около 50%.

Выделим основные группы фразеологизмов и паремий, отражающих понятийные и образно-оценочные характеристики, свойственные представлению о терпении в китайской лингвокультуре:

1. Терпение – это положительное качество характера, которое необходимо каждому человеку, особенно мужчинам: 百炼成钢 После многократного закаливания железо становится прочной сталью; 吃得苦中苦, 方为人上人 Тот, кто может терпеть самое трудное, лучшие других; 君子忍之所不能忍, 容人之所不能容, 处人之所不能处 Благородный человек может терпеть то, что другой не может терпеть, может выносить то, что другой не может выносить, управлять тем, чем другой не может управлять. 2. Терпение – стимул достижения поставленных целей, приводит к успеху: 不吃苦中苦, 难知甜上甜 Не отведав горя, не познаешь и счастья; 媳妇早晚会熬成婆 (媳妇熬成婆)但它逐渐给你带来好处. Терпеть и настаивать – дело горькое, но постепенно приносит тебе пользу; 忍得一时之气, 解得百日之忧 Пережить момент вздоха, чтобы избавиться сто дней от забот; 吃得苦中苦, 方为人上人 Терпи, терпи, потом станешь человеком высшего общества. 3. Терпение – это сокровище и добродетель: 百忍成金 Сотня терпений становится золотом, терпение – драгоценно; 以忍为宝 Терпение – это сокровище; 忍字家中宝 Терпение – это сокровище в семье. 4. Терпение тесно связано с долгим ожиданием: 是金子总会发光的. Однажды золото обязательно обнаружится, просто нужно терпеть; 阳光总在风雨后 Если терпишь, то увидишь свет солнца после ветров и дождей. 5. Терпение проявляет снисхождение и вежливо уступает: 胸中天地宽, 常有人渡船 С широким (добрым) сердцем люди часто благородно «везут» других; 宰相肚里能撑船 Высший чиновник может держать лодку в животе (с душой широкой как море может протянуть руку помощи – предложить лодку); 意志坚如铁, 度量宽似海 Воля сильна, как железо, а мера велика, как море; 唯宽可以容人, 唯厚可以载物 Только широкие души могут терпеть людей, только толстые (объемные) души могут переносить много вещей; 忍一时风平浪静, 退一步海阔天空 Отступив на шаг, можно увидеть бескрайность океана и открытость неба (Умея терпеть, можно достичь подлинных высот). В китайской лингвокультуре счита-

ется, что терпение может уменьшить непонимание между людьми, чтобы достичь баланса межличностных отношений и сделать гармоничными и счастливыми всех людей. 6. Нетерпеливость рассматривается китайцами как плохая черта характера: 莫大之祸, 皆起于须臾之不能忍 *Нетерпеливость – источник всех бед; 事不三思终有悔, 人能百忍自无忧 Если вы недостаточно обдумали план, вам придется пожалеть об этом; если вы смогли много раз пережить это, тогда не жалейте. 小不忍则乱大谋 Нехватка терпения и выдержки в малом деле порой расстроит большой план.* 7. Терпеть – исполнять обязанности, служить Родине: 相忍为国 *Идти на уступки в интересах Родины* (терпеть лишения ради интересов государства); 疆忍犯义 *в ущерб личным интересам исполнять свои обязанности и не нарушать своей долг.* 8. Терпение – иногда слабость или порок личности: 忍气吞声 (吞声饮气, 屏气吞声, 吞声忍气) *Молча терпеть все обиды и оскорбление; 百依百顺 Всё терпеть и беспрекословно подчиняться; 忍辱偷生 Терпеть все обиды и оскорбления, чтобы жить; 看人眉睫 угодливо следить за выражением лица, за настроением (собеседника), заискивать.* Если мы сравним фразеологизмы этой группы с предыдущими, то обнаружим оценочную амбивалентность терпения, которое, с одной стороны, – это положительное свойство, достоинство человека, а с другой стороны, – в определенной степени, это порок, слабость характера. Таким образом, в китайской лингвокультуре терпение является незаменимым фактором успеха человека. В китайском представлении о терпении есть и такая составляющая, как снисхождение к другим людям (ср. вежливая уступка, терпимость, толерантность), которое позволяет достичь внутреннего покоя и гармонии. Отрицательные оценочные векторы представления о терпении по данным китайских паремий составляют около 29%, а положительные – около 71%.

В целом представление о терпении в китайской лингвокультуре имеет больше понятийных характеристик активного выбора типа поведения и положительных образно-оценочных характеристик. Лексико-семантические компоненты концепта ТЕРПЕНИЕ в русском и китайском языках в большей части совпадают, ядерной частью концепта в обоих языках выступают значения: (1) безропотное переживание физических и моральных страданий, чего-либо неприятного, неожиданного, тяжелого; (2) смирение в ожидании перемен к лучшему, каких-либо результатов, цели. Представление о терпении имеет положительный и отрицательный полюс как в русской, так и в китайской лингвокультурах.

Конкретные отличия между значениями паремий двух лингвокультур состоит в том, что данное представление о терпении в китайской лингвокультуре содержательно и оценочно шире, чем в русской. Есть влияние традиционных учений и религий, но в русских паремиях христианские традиции представлены не так объемно, как раньше «*Бог терпел, и нам велел*», «*Без терпения нет спасения*». В русском сознании терпение необходимо настоящим женщинам, а в китайском языке – мужчинам. В русских паремиях актуализируется связь терпения с умением и привычкой. Эти семантические особенности встречаются и в китайском языке, но значительно реже.

Литература

Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки / под ред. [и с предисл.] В. П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988.

Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 25-37.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Глава II. Лингвокреативный потенциал зооморфных метафор в развитии фразеологической семантики // Лингвистика креатива-5. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 264-275.

Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/proverbs-dal/articles/114/terpenie-nadezhda.htm>

Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3- 16.

Коновалова Н.И. Прагматика русского заговора // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. 2007. № 1. С. 60-66.

Красавский Н.А. Концепт «терпение» в русской и немецкой пословичных картинах мира// Языкознание. Известия ВГПУ. Филологические науки, 2019. С. 219-225.

汉语成语大词典, 朱祖延, 河南人民出版社, 1985. (Китайский фразеологический словарь, Чжоу Цзюань, Хэнань жэньмин издательство, 1985).

T. Sun (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

IDEAS OF PATIENCE IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES (ACCORDING TO THE PROVERBS)

The author has identified universal and ethno-specific characteristics of the idea of patience in Russian and Chinese linguacultures based on the materials of paremias, and has given their ideographic classification. Substantive and statistical parameters of interpretation of the identified conceptual and figurative-evaluative aspects of the analyzed concept are presented.

Key words: paremia, axiological dominants, Russian language, Chinese language

A.P. Сухорукова (Москва, Россия)

Школа 1360

suhorukovaar@obkv.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ, СВЯЗАННОГО С ЭВФЕМИЗАЦИЕЙ, У СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ПОДГОТОВКИ

В статье анализируется степень сформированности фрагментов языкового сознания, связанных с эвфемизацией, у русскоговорящих студентов профильных направлений подготовки, поскольку в процессе изучения иностранного языка обучающийся перенимает и социальные нормы, и модели поведения, и паттерны речевого поведения носителей языка, а также выявляются возможные лакуны, требующие учета при планировании языковых дисциплин.

Ключевые слова: психолингвистика, эвфемизация, языковое сознание, вторичная языковая личность, ассоциативный эксперимент

В последнее время в мире достаточно часто затрагиваются вопросы, связанные с явлением политической корректности и, как следствие, процессом эвфемизации определенных групп лексических единиц, которые в соответствии с современными нормами коммуникации признаются обществом неприемлемыми или оскорбительными [Карданова-Бирюкова 2021]. Данное исследование посвящено анализу степени сформированности фрагмента языкового сознания, связанного с эвфемистическими единицами, в сознании русскоговорящих студентов бакалавриата, которые изучают английский язык как иностранный на профильных направлениях подготовки.

В свете вышесказанного актуальность исследования обусловлена необходимостью оптимизации межкультурной коммуникации через анализ речевых практик представителей разных лингвокультур [Карданова-Бирюкова 2013], в т.ч. на основе изучения языкового сознания коммуникантов. Более того, в настоящее время в лингвистике и в смежных с ней научных направлениях наблюдается интерес к анализу возможностей ассоциативного эксперимента как инструмента изучения культурно-зависимых структур языкового сознания и возможностей проецирования полученных с его помощью результатов на разные сферы жизнедеятельности человека.

Цель исследования заключается в планировании и проведении свободного ассоциативного эксперимента, направленного на моделирование структур языкового сознания носителей русского языка, изучающих английский как иностранный, переводческого эксперимента, а также в выявлении основных областей интерференции родного языка именно в области эвфемизации.

На этапе планирования ассоциативного эксперимента были сформулированы следующие экспериментальные гипотезы:

– Каждое общество (этнос) имеет свои собственные способы социализации, которые гарантируют взаимопонимание внутри данной группы благодаря формированию единых базовых образов и представлений [Ассоциативный эксперимент... 2019; Тарасов 2020]. Это утверждение позволяет выдвинуть *первую экспериментальную гипотезу*, в соответствии с которой этнос играет решающую роль в формировании языкового сознания индивидов, поскольку именно он предопределяет их ценности, модели поведения и картину мира, что может быть экстраполировано и на представления о политически корректной коммуникации и соблюдение социальных норм.

– Коммуникация между представителями различных лингвокультур может быть в значительной мере осложнена существенными расхождениями в концептуальной системе представителей разноразличных социумов [Халеева 1990]. Исходя из вышесказанного, можно сформулировать *вторую экспериментальную гипотезу*, согласно которой процесс общения между носителем языка и людьми, изучающими тот или иной иностранный язык в искусственных условиях, становится возможным лишь в том случае, когда вторичная языковая личность в ходе обучения приобретает не только навыки распознавания и понимания речи как звучащей, так и письменной, но и перенимает картину мира, характерную для носителей изучаемого языка.

В ходе анализа пятидесяти новостных статей, представленных в электронных версиях газет «The Sun» и «The Washington Post» были выявлены двести двенадцать английских эвфемистических единиц. Далее проводился свободный ассоциативный эксперимент, участниками которого стали студенты 1, 2 и 3 курсов бакалавриата, обучающихся по направлению «Филология» Московского городского педагогического университета, результаты которого верифицировались переводческим экспериментом (об экспериментах см. [Сулейманова 2013]. Общее число опрошенных составило 72 человека в возрасте от 17 до 23 лет. Для проведения эксперимента использовалась онлайн-платформа «Survio».

Результаты исследования демонстрируют, что языковое сознание индивида играет решающую роль в процессе приобщения к неродной культуре, поскольку именно оно определяет степень сформированности коммуникативной компетенции на иностранном языке и, как следствие, уровень его или же ее включенности в среду носителей данного языка. Помимо этого, результаты, полученные с помощью ассоциативного эксперимента, делают возможным установление наиболее значимых сходств и различий в зонах эвфемизации, характерных для английской и русской лингвокультур.

Эвфемизмы, связанные с возрастным показателем и направленные на борьбу с явлением эйджизма, обострившуюся в конце XX в., встречаются в речи носителей обоих языков. Данные лексические единицы помогают коммуникантам сгладить различия, существующие между представителями разных поколений, а также выстроить дружественные и взаимоуважительные отношения между сторонами. Анализ предложенных испытуемыми ответов демонстрирует, что в большинстве случаев студенты не испытывают затруднений и предлагают корректные варианты перевода стимульной единицы *the elderly* на русский язык, что объясняется наличием в их родном языке похожих речевых ограничений, наложенных общепринятыми нормами вежливости. Так, при переводе исходного английского эвфемизма ими были предложены словосочетания: *пожилые люди, старшее поколение, люди в возрасте*.

Отдельное внимание стоит уделить эвфемистической единице *golden age man*, вызвавших у многих участников эксперимента переводческую трудность в связи с интерференцией со стороны их родного языка. Например, испытуемые предложили такие варианты, как *мужчина в самом расцвете сил, мужчина с достатком*.

Еще одним примером совпадения зон английской и русской эвфемизации представляется группа слов и выражений, описывающих физическое и психологическое состояние человека. Подобные эвфемизмы были и остаются крайне продуктивными и в настоящее время. Так, английская лексическая единица *deaf* была заменена респондентами ее стилистически нейтральными аналогами: *hard of hearing, aurally impaired*. Похожая ситуация сложилась и со стимулом *психическое состояние*, который русскоговорящие студенты корректно перевели как *mental health, mental state, mental condition*.

Следующая проанализированная группа английских эвфемистических единиц обусловлена идеей профессионального равенства представителей разного пола. В последнее время всё чаще в английской лингвокультуре накладывается запрет на использование грамматических маркеров рода при упоминании должностей, занимаемых женщинами. Суффиксы мужского и женского рода выходят из употребления, уступая гендерно-нейтральным вариантам.

Результаты исследования показали, что гендерные эвфемизмы представляют наибольшую сложность для носителей русского языка, изучающих английский язык как иностранный, поскольку в русской культуре рассматриваемому вопросу не уделяется столь пристальное внимание, и, хотя некоторые ограничения постепенно вводятся в систему родного языка испытуемых, происходит это гораздо медленнее, чем в англоговорящих странах. Например, в русском языке слово *почтальон* обладает чертами мужского рода, хотя используется по отношению не только к мужчинам, но и к женщинам, в то время как в английском языке использование лексической единицы *postman* в последнее время все больше табуируется в связи с наличием в ней суффикса *-man*. В соответствии с современными нормами английского языка более корректным представляется использование варианта *mail carrier*.

В качестве еще одного примера расхождения зон английской и русской эвфемизации стоит обратить внимание на эвфемистические единицы, действующие в сфере профессиональной деятельности человека. Данная группа эвфемизмов возникает вследствие потребности людей в так называемом престиже их профессии, что приводит к замене уже существующих терминов и понятий на более благозвучные. Согласно полученным экспериментальным путем результатам, эта категория лексических единиц не находит отражения в языковом сознании носителей русского языка в связи с разнообразными культурными особенностями, в частности, с многонациональностью государства, из-за чего представляет для них переводческую трудность.

Так, многие русскоговорящие испытуемые столкнулись с целым рядом сложностей во время подбора политкорректного перевода к английской единице *servant*, который представители англоговорящих стран стараются заменять в своей речи на лексему *housekeeper*, не содержащую негативной коннотации. Для русской картины мира подобное вуалирование не характерно, именно поэтому в переводах студентам не удалось избежать указания на то, что человек, работающий в этой сфере, выполняет чьи-то поручения и приказы – *прислуга, слуга, помощник*.

Таким образом, на основе полученных в ходе проведенного психолингвистического исследования результатов было доказано, что зоны, требующие использования эвфемизмов, в языковом сознании носителей английского и русского языков не совпадают. В первую очередь, это объясняется различиями, существующими в их историческом и культурном фоне. В связи с этим при работе с русскоговорящими студентами на дисциплинах языкового цикла необходимо учитывать их этнические особенности, предыдущий жизненный опыт и формировать учебный план, исходя

из понимания того, что изучение иностранного языка будет происходить вне его непосредственной среды.

Литература

Пицальникова В.А., Карданова К.С., Панарина Н.С. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М.: Р. Валент, 2019.

Карданова-Бирюкова К.С. Реализация принципа рекурсивности речевой деятельности в политическом дискурсе (на основе анализа стенограммы телепередачи «К барьеру!») // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2(12). С. 77-86.

Карданова-Бирюкова К.С. Коммуникация как междисциплинарный исследовательский объект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2(844). С. 24-34.

Сулейманова О.А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 60-68.

Тарасов Е.Ф. К проблеме общности сознаний коммуникантов // Тульский научный вестник. 2020. № 4 (4). С. 128-135.

Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): дис. ... д-ра пед. наук. М., 1990.

A.R. Sukhorukova (Moscow, Russia)

School 1360

MODELING A FRAGMENT OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS ASSOCIATED WITH EUPHEMISMS IN PHILOLOGY MAJORS

While learning a foreign language, students acquire some social norms, certain patterns of behavior and speech activity specific of native speakers. The paper analyzes the gaps in the linguistic consciousness of Russian speakers, learning English as a foreign language. Further research in the field should provide specific ways to overcome interference from one's mother tongue and to introduce special courses to shape a competitive secondary language personality.

Key words: psycholinguistics, euphemization, linguistic consciousness, non-native speaker, associative experiment

A.B. Taskaeva (Chelyabinsk, Russia)

Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского;

Челябинский государственный университет

taskaeva_anna@bk.ru

КУЛЬТУРОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье приводится классификация регионализмов и рассматриваются региональные культуронимы, представляющие собой элементы региональной культуры, свойственные и принадлежащие одному региональному сообществу и отсутствующие в другом, а также символы (в т. ч. официальная символика), репрезентирующие и консолидирующее региональное сообщество, закрепляющие связь человека с местом его проживания и формирующие региональную идентичность. Описываются культуронимы Челябинской области, представляющие

разные аспекты историко-культурного своеобразия региона, такие как Верблюды, Каслинское литье, Аркаим, Трактор, Челябинской метеорит и Суровый Челябинск.

Ключевые слова: региональная лексика, регионализм, культуроним, Челябинская область, брендинг региона

Исследование территориально и культурно маркированной лексики предполагает классификацию регионализмов, «лексем локально ограниченного распространения, независимо от источника их происхождения и отнесенности к литературному языку» [Резвухина 2015: 88], «своеобразных социокультурных маркеров» [Ганжина 2016: 303]. На примере Челябинской области нами была разработана классификация регионализмов, согласно которой выделено пять групп регионально маркированной лексики: 1) лексические регионализмы, к которым относятся синонимы известных понятий или объектов, а также слова-реалии, обозначающие уникальные явления географии, флоры, фауны, не являющиеся актуальными для жителей других регионов; 2) семантические регионализмы – общеупотребительные слова, значение которых является специфичным для определенного региона; 3) ономастические регионализмы – неофициальные наименования топонимических и микротопонимических объектов, то есть народные названия, составляющие «особый именной пласт разговорной субстандартной лексики, создаваемой горожанами вне официальной городской ономастики» [Матвеева 2021: 58]; 4) фонетические регионализмы – фонетические инварианты общеупотребительных слов; 5) региональные культуронимы – элементы региональной культуры, репрезентирующие и консолидирующие определенное сообщество.

В рамках данной статьи мы сфокусируем внимание на группе региональных культуронимов, под которыми мы понимаем естественные элементы «своей», внутренней региональной культуры. Большой интерес с точки зрения изучения региональной культуры представляет работа И.Я. Мурзиной, объектом исследования которой является «уральский регион как целостное геокультурное пространство, со своими природно-географическими и историко-культурными реалиями, обуславливающими характер человеческой деятельности» [Мурзина 2003: 9]. Исследователь подчеркивает, что существуют определенные символы, репрезентирующие региональное сообщество и служащие знаками его консолидации, к которым относят такие как: 1) «закрепленные в географическом пространстве артефакты (крепости, храмы, различные типы поселений, административно-хозяйственные учреждения); 2) закрепленные в социальном пространстве человеческие типы (которые объединяют характерные черты личности, воспитанной в определенных исторических условиях на данной территории); 2) закрепленная в ментальном пространстве официальная символика, представляющая регион» [Мурзина 2003: 23]. Изложенный подход к исследованию репрезентантов региональной культуры может быть применен и к изучению особенностей региональной лексики, ведь символы имеют языковое выражение, то есть закрепляются в социальном и ментальном пространстве посредством языковых единиц. По нашему мнению, региональные культуронимы – это

языковые единицы, обозначающие элементы региональной культуры, свойственные и принадлежащие одному региональному сообществу и отсутствующие в другом, а также символы (в т. ч. официальная символика), репрезентирующие и консолидирующее региональное сообщество, закрепляющие связь человека с местом его проживания и формирующие региональную идентичность.

Приведем несколько примеров региональных культуронимов Челябинской области, представляющих разные аспекты историко-культурного своеобразия региона.

Верблюд. Изображение верблюда украшает современный герб и флаг Челябинска и Челябинской области. Навьюченный желтый (золотой) верблюд (на гербе Челябинска) и серебряный двугорбый верблюд с золотой поклажей (на гербе Челябинской области) служит знаком того, что по территории современного Челябинска проходили важные торговые пути, а Челябинск, основанный в 1736 г. на реке Миасс как сторожевая казачья крепость, всегда являлся важным торговым, экономическим, оборонным центром России.

Каслинское литье. Каслинское литье – обобщенное название (и торговый знак), применяемое для обозначения скульптур, архитектурных произведений, предметов бытового назначения, изготавливаемых из чугуна, которые покрываются специальным матовым составом черного цвета. Родиной промысла является Каслинский завод архитектурно-художественного литья, единственное предприятие в стране, где до настоящего времени сохранились традиции и старинные технологии художественного чугунного литья, появившиеся на Демидовском железоделательном и чугуноплавильном заводе еще в XVIII в. Образцы каслинского художественного литья являются визитной карточкой и основой брендинга Уральского региона.

Аркаим. Аркаим, знаковое место для региона, представляет собой укрепленное поселение бронзового века, возникшее 4 тысячи лет назад и созданное по заранее продуманному плану, с четкой градостроительной идеей, сложной архитектурой и фортификацией. Как отмечает С.И. Симакова, «история его открытия связана с именем челябинского археолога – профессора Г.Б. Здановича, который сначала спас археологический памятник от затопления (территория Аркаима должна была стать частью водохранилища), а затем долгие годы изучал и продвигал Аркаим в мировой повестке» [Симакова 2023: 115]. Аркаим как объект культурного наследия и «элемент символического капитала Челябинской области» [Симакова 2023] в настоящее время является важной частью развития туризма, основой для брендинга региона, предметом гордости южноуральцев.

Трактор. Смысловая наполненность культуронима «Трактор» связана с Челябинским тракторным заводом, являющимся крупнейшим поставщиком инженерных машин, известным далеко за пределами Челябинской области, его героической историей, а также с Челябинской школой хоккея, которая воспитала большое количество мастеров мирового класса [см. подробно Таскаева, Питина 2022].

Культуроним «Трактор» подтверждает, что Челябинская область является не только промышленной, но и одной из самых хоккейных в России.

Челябинский метеорит. Каменный метеорит, упавший 15 февраля 2013 г. в Челябинской области, получил название «Метеорит Челябинск». Наиболее крупные из фрагментов суперболида были подняты со дна озера Чебаркуль, самый большой осколок метеорита хранится в Государственном историческом музее Южного Урала. В 2021 г. челябинский метеорит был утвержден в качестве туристического бренда Южного Урала. Региональный брендовый маршрут проходит под девизом «Челябинск: к нам прилетают даже метеориты!» и включает Челябинск, Миасс, Златоуст и Сатку.

Суровый Челябинск и суровые челябинские мужики. Стереотипизированное представление о суровости Челябинска и его жителей (в частности, мужиков) сложилось в сознании горожан и представителей других регионов РФ благодаря серии сюжетов сатирическо-юмористической телепередачи «Наша Russia». Каждый сюжет о приключениях фрезеровщика Ивана Дулина и начальника цеха Михалыча, работавших на одном из заводов Челябинска, начинался со слов «Челябинские мужики настолько суровы, что...», за которыми следовал смешной и абсурдный факт. Региональный культуроним «Суровый Челябинск» репрезентируется в многочисленных юмористических высказываниях и, с одной стороны, формирует неоднозначно воспринимаемый образ города, а, с другой стороны, способствует узнаваемости Челябинска, который, являясь промышленным центром Урала, оправдывает звание сурового города.

Итак, представленные региональные культуронимы Челябинской области относятся к элементам официальной символики, образцам уральских художественных промыслов, региональным артефактам, уникальным природным явлениям, а также обобщенному типу личности, объединяющему черты, приписываемые жителям определенной территории. Изучение региональных культуронимов Челябинской области является перспективным направлением исследований, так как культуронимы служат объединяющим началом для жителей регионального сообщества и являются важным элементов формирования региональной идентичности.

Литература

Ганжина И.М. Неофициальные урбанонимы г. Твери как культурно-языковой феномен: перспективы изучения // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. 2016. С. 300-303.

Матвеева И.В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2021.

Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2003.

Резвухина Ю.А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. № 6 (2). С. 84-90.

Симакова С.И. Аркаим как элемент символического капитала Челябинской области // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 4(50). С. 112 -118.

Таскаева А.В., Пугина С.А. Трактор как региональный культуроним-реалия Челябинской области // Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков в вузе: материалы V Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2022. С. 423-430.

Песина С.А., Пугина С.А., Таскаева А.В., Харченко Е.В. Уникальный Южный Урал: описание региональной лексики: монография / отв. ред. С.А. Песина. М.: ФЛИНТА, 2024.

A.V. Taskaeva (*Chelyabinsk, Russia*)

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, Chelyabinsk State University

CULTURONYMS AS ELEMENTS OF REGIONAL CULTURE (ON THE EXAMPLE OF THE CHELYABINSK REGION)

The article provides a classification of regionalisms and examines regional culturonyms, which are elements of regional culture and symbols (including official symbols), representing and consolidating the regional community and forming regional identity. Such culturonyms of the Chelyabinsk region as Camel, Kaslinskoye litye, Arkaim, Traktor, Chelyabinsk meteorite and Surovy Chelyabinsk are described.

Key words: regional vocabulary, regionalism, culturonym, Chelyabinsk region, regional branding

И.В. Тивьяева (*Москва, Россия*)

*Московский городской педагогический университет
tivyaevaiv@mgpu.ru*

ПРОЦЕССЫ ПАМЯТИ В ОТРАЖЕНИИ НЕОЛОГИЗМОВ

В статье анализируется влияние изменений в информационном ландшафте на язык и когнитивную сферу современного человека посредством обращения к английским неологизмам, объективирующим процессы памяти. Результаты анализа отражают позитивные и негативные аспекты взаимодействия человека с окружающим миром и акцентируют внимание на социальной оценке субъектов, объектов и результатов работы механизма памяти.

Ключевые слова: память, воспоминания, неологизм, мнемический процесс, когнитивная сфера

В условиях стремительного развития технологий и трансформации информационного ландшафта исследователи отмечают изменение отношений современного человека с окружающим миром, что, безусловно, не проходит бесследно для языка. Лексическая подсистема языка как наиболее чувствительная к экстралингвистическим изменениям находится в постоянной динамике, прирастая новыми единицами, обозначающими новые понятия и объекты [Афанасьева и др. 2020]. Язык фиксирует трансформационные процессы не только во внешней по отношению к человеку среде, но и в когнитивной сфере, которая также реагирует на новые формы восприятия окружающего мира и сценарии взаимодействия с ним [Методология совр. семант. иссл-ний... 2018].

Констатируемое исследователями изменение восприятия хода времени и скорости протекания во времени тех или иных процессов [Urry 2012] влечет за собой и измененное представление о близости или удаленности событий в прошлом

человека, иными словами, воздействует также на индивидуальную память субъекта [Tivyaeva 2017]. Обратимся к английским неологизмам, репрезентирующим процессы памяти, чтобы установить, какие изменения возможно зафиксировать в данной когнитивной области и какими социокультурными факторами они обусловлены. Цель настоящего исследования заключается в анализе природы новых слов и словосочетаний английского языка, описывающих мнемическую деятельность, характеристики, свойства и функции памяти, а также определении новых социокультурных практик, способствующих изменению когнитивной сферы человека.

Поскольку среди лингвистов до настоящего времени нет согласия относительно определения неологизма, в настоящей работе в качестве ключевого критерия, позволяющего отнести ту или иную единицу к разряду неологизмов, мы опираемся на фактор новизны, являющийся универсальным для всех определений [Кольцова 2017]. Иными словами, для целей настоящего исследования в качестве неологизмов будут рассматриваться слова или словосочетания, которые в данный момент времени воспринимаются как новые с точки зрения формы и значения, или уже зафиксированные в лексическом фонде единицы, значение которых подверглось преобразованиям.

В качестве источников эмпирических данных использовались лексикографические ресурсы (Cambridge Dictionary [About words...], Word Spy [Word Spy]), в т. ч. пользовательские словари (Urban Dictionary [Urban Dictionary]), и медиаресурсы. Обращение к последнему, то есть словарю, составленному не профессиональными лексикографами, а пользователями сети Интернет, а также к медиаресурсам обосновано, в первую очередь, известной тенденцией к зарождению неологизмов в неформальной среде и их частым употреблением в медиатекстах [Peprník 1992].

Поиск на указанных ресурсах осуществлялся посредством ключевых слов *memory*, *remember*, *recall*, *forget* и форманта *memor-*. Обнаруженные в результате поисковой операции лексические единицы были отнесены нами к неологизмам на основе критерия новизны по значению или по форме и значению. С целью уточнения значения и подтверждения статуса неологизма каждая из вошедших в финальную выборку единиц также проверена через ресурс OneLook [OneLook], аккумулирующий данные из 1061 онлайн-словаря. Выявленные таким образом лексические единицы были распределены по нескольким тематическим группам:

субъекты мнемических процессов; объекты мнемических процессов; мнемические процессы и их результаты; мнемические состояния; устройства, стимулирующие мнемическую деятельность.

Тематическая группа номинаций субъектов мнемических процессов представлена существительным *memoron* (от *memorial moron*), зарегистрированном только в словаре молодежного сленга Urban dictionary и обозначающим человека, который увековечивает память об ушедшем друге или родственнике на виниловой наклейке на заднем стекле автомобиля. Лексема *memoron* имеет явную негативную коннотацию, поскольку избранный субъектом способ коммеморации не вызывает соци-

ального одобрения. Таким образом, данная лексическая единица вводит в описание мнемической ситуации [Тивьяева 2011; 2017] еще один факультативный параметр – социальная оценка избранного субъектом способа коммеморации.

К группе слов, включающей новые номинации объектов мнемических процессов, возможно отнести неологизмы *commemorabilia* (от *commemorate* + *memorabilia*, зарегистрирован в онлайн-словарях Wiktionary и Word Spy) и *forgetabilia* (от *forget* + *memorabilia*, зарегистрирован в Urban Dictionary). Лексема *commemorabilia* обозначает «предметы, созданные в память об известном человеке или знаменательном событии», тогда как значение *forgetabilia* прямо противоположное – «предметы, которые когда-то были сохранены в качестве памятных вещей, но больше не имеющие ценности в глазах говорящего; бесполезный хлам». Данные лексические единицы также, как и неологизм *memoron*, отражают субъективную оценку значимости удерживаемой в памяти информации. Если коммеморируемые объекты, ассоциированные говорящим с *commemorabilia*, рассматриваются как заслуживающие хранения в памяти, то воспоминания, связанные с *forgetabilia*, оцениваются как ненужные и подлежащие удалению из памяти.

Группа новых лексических единиц, номинирующих мнемические процессы и их результаты, представлена неологизмами *memorioke* (*memory* + *karaoke*, зарегистрирован в Urban Dictionary), *memories* (*memory* + *lies*, зарегистрирован в Urban Dictionary) и *memoroid* (*memory* + *hemorrhoid*, зарегистрирован в Urban Dictionary). *Memorioke* описывает один из сценариев коммеморации известного деятеля популярной культуры, предполагающий исполнение песен ушедшего певца или певицы. Неологизмы *memories* и *memoroid* указывают на негативные результаты процесса восстановления информации из памяти, без конкретизации их содержания: первый обозначает фальшивые воспоминания, которые выдавались за правду так долго, что даже автору фальсификации они уже кажутся истинными; второй используется для номинации неприятных воспоминаний, которые доставляют дискомфорт субъекту мнемической деятельности. Отметим, что также, как и в случае с неологизмами, репрезентирующими вспоминающего субъекта и объекты работы механизма памяти, две новые лексические единицы, номинирующие собственно процессы памяти и их результаты, несут сему негативной оценки, акцентируя внимание на неприятном содержании обрабатываемой в памяти информации.

Рассмотрим неологизмы, номинирующие мнемические состояния: *digital dementia*, *bypass brain*, *password fatigue*. Неологизм *digital dementia* описывает состояние ухудшения памяти и снижения когнитивных функций, вызванное длительным использованием цифровых устройств и связанное с чрезмерной зависимостью от современных цифровых технологий. *Bypass brain* также обозначает состояние снижения умственной активности вплоть до потери памяти, однако в отличие от *digital dementia* данное состояние вызвано не внешними факторами, а физиологическими причинами – изменениями мозгового кровообращения вследствие хирургического вмешательства. *Password fatigue* используется для описания состояния умственного

истощения, вызванного чрезмерной нагрузкой на механизм памяти из-за необходимости запоминать большое количество паролей. В данной тематической группе также обращает на себя внимание негативный фокус процессов неологизации, направленных на создание уточненного описания мнемической деятельности современного человека.

Тематическая группа «устройства, стимулирующие мнемическую деятельность» включает неологизмы *memory glasses* и *memory prosthesis*, указывающих на физические или цифровые устройства, которые помогают пользователям с нарушениями памяти, а также лексему *memorophilia*, которая указывает на конкретный объект, выполняющий функцию триггера, способного запустить работу механизма памяти через ассоциативную связь с эмоциями.

Проведенное исследование демонстрирует, как стремительное развитие технологий и цифровизация социального ландшафта влияют на когнитивную сферу современного человека, что находит отражение и в языке. Анализ английских неологизмов, связанных с мнемической деятельностью, показывает, что язык не только фиксирует изменения в восприятии индивидуальной и коллективной памяти, но и отражает социальные и культурные трансформации. Как отмечает А.Ф. Павловский, «в мире, где свидетелей Холокоста превращают в «голограммы», беседующие с детьми в педагогических целях, покойных советских актеров заставляют играть в новых фильмах при помощи технологии DeepFake, а «метавселенные» позволяют воссоздать любой исторический мир, только надень VR-очки, индивидуальная, коллективная и культурная память не будет прежней» [Павловский 2023: 8-9]. Рассмотренные неологизмы подчеркивают как позитивные, так и негативные аспекты взаимодействия современного человека с окружающим миром и технологиями. При этом важно отметить, что новые слова не просто обозначают изменения в работе механизма памяти и сопряженной сфере; они также транслируют социальную оценку этих изменений. Таким образом, язык становится зеркалом, отражающим трансформации в представлениях об индивидуальной, коллективной и культурной памяти и ее значении в условиях цифровой цивилизации.

Литература

Афанасьева О.В., Морозова Н.Н., Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка. English lexicology. М.: Издательство Юрайт, 2020.

Кольцова Е.А. Неологизмы английского языка XXI в // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 8 (3). С. 604-613.

Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография / под общ. ред. О.А. Сулеймановой. М.: ФЛИНТА, 2018.

Павловский А.Ф. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies: сборник статей / под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. С. 7-48.

Тивьяева И.В. К вопросу о мнемической ситуации и ее составляющих // Известия Тульского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 604-610.

- Тивьяева И.В.* Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти // Вопросы психолингвистики. 2017. № 31. С. 124-139.
About words. A blog from Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionaryblog.cambridge.org>
OneLook. URL: <https://www.onelook.com>
Peprník J. Anglická lexikologie. Univerzita Palackého, 1992.
Tivyayeva I. Sharing autobiographical memories in English computer-mediated discourse: A linguist's perspective // Brno Studies in English. 2017. Vol. 43, №. 2. Pp. 57-78.
Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com>
Urry J. Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century. London and New York: Routledge, 2012.
Wiktionary. URL: <https://www.wiktionary.org>
Word Spy. URL: <https://www.wordspy.com>

I.V. Tivyayeva (Moscow, Russia)
Moscow City University

MEMORY PROCESSES VIEWED THROUGH THE LENS OF NEOLOGISMS

This paper analyzes the impact of changes in the information landscape on language and the cognitive sphere of modern individuals through an examination of English neologisms that represent memory processes. The findings reflect both positive and negative aspects of human interaction with the surrounding world and highlight the social evaluation of subjects, objects, and outcomes related to memory mechanisms.

Key words: memory, recollections, neologism, mnemonic process, cognitive sphere

О.А. Толстых (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
tolstykh@asusu.ru

ПАРЕМИИ О ТРУДЕ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается паремиологический фонд русского и китайского языков на примере пословиц о труде. С помощью сопоставительного анализа выявлены универсальные и национально-специфичные черты языковой картины мира двух рассматриваемых лингвокультур, изучение которых способствует упрочению российско-китайских взаимоотношений.

Ключевые слова: языковая картина мира, паремии, пословицы о труде, национально-культурная специфика, паремиологический фонд

Взаимодействие языка и культуры на протяжении веков привлекает внимание ученых, поскольку язык не просто отражает мир человека и его культуру, но хранит и передает ее из поколения в поколение. По мнению М.А. Бредиса, пословицы, приметы, загадки, присловья «несут информацию культурологического и прагматического содержания и образуют паремиологическую картину мира, которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт» [Бредис 2020: 262].

В русском языке в состав паремий включают не только пословицы и поговорки, но и присловья, прибаутки, загадки, поверья, а также сельскохозяйственные приметы и изредка разгадки слов. В китайском языкознании термина, который может соответствовать термину «паремия», не существует. Некоторые китайские исследователи переводят термин «паремия» как 俗谚 – «суянь», что является общим родовым названием, сочетающим в себе наименования 俗 (пословица) и 谚 (поговорка) [Лю 2023: 217]. Несмотря на отсутствие объединяющего термина, в китайском языке выделяют единицы, которые являются смежными с русскими паремиями, а также лексические единицы, подчеркивающие национальную маркированность. К таким языковым единицам относятся: 成语 «идиомы», 俗语 «пословицы», 谚语 «поговорки», 歇后语 «сехоуэй, или недоговорки», 警句 «крылатые выражения» и 奇说 «парадокс» [Рачковская 2022: 93].

В паремиологическом фонде любого языка особое место занимают пословицы и поговорки о труде, поскольку концепт ТРУД является одним из базовых и важных концептов в ценностной системе социума. Для исследования универсальных и национально-культурных черт в репрезентации концепта ТРУД в русской и китайской лингвокультурах нами были отобраны русские (235 единиц) и китайские (155 единиц) пословицы и поговорки о труде и трудолюбии.

В большинстве паремий русского языка концепт ТРУД имеет ярко выраженную положительную коннотацию. Отмечается, что благодаря усердному труду и работе можно добиться высоких результатов, успеха и славы. Кроме этого, в русских пословицах и поговорках прослеживается связь между трудом и счастьем. Принято считать, что только человек, занимающийся трудовой деятельностью, может познать счастье и радость.

Общеизвестно, что китайский народ невероятно трудолюбив. Формирование, воспитание и развитие у китайцев особого отношения к труду начинается в раннем детстве. Трудовая деятельность является основой традиционной китайской культуры. В связи с этим концепт ТРУД в китайской языковой картине мира имеет сакральное значение. В китайской языковой картине мира труд тоже является средством достижения истинного счастья, успеха и благополучия. Кроме того, трудящиеся считаются великими и многоуважаемыми людьми. В китайских пословицах и поговорках отмечается, что только посредством усердия, целеустремленности и трудолюбия можно достичь высоких результатов в каком-либо деле.

В ходе сопоставительного анализа отобранных нами русских и китайских пословиц и поговорок удалось выявить следующие сходства. Как в русской, так и в китайской языковой картине мира усердный труд является источником успеха, достатка, богатства и высших благ. Здесь прослеживается полная идентичность с русскими пословицами – человек должен быть трудолюбивым, проявлять терпение, усердие и свою целеустремленность, только так он сможет достичь вершины своего успеха, а также отточить свое мастерство или же приобрести новые навыки. В русском языке эта черта может быть проиллюстрирована, например, такими по-

словицами, как «Труд всегда дает, а лень берет», «Тот скоро разбогатеет, кто всегда от ремесла потеет», «Без труда не выловишь рыбку из пруда», «Мастерство совершенствуется трудолюбием, а утрачивается праздностью», «Есть терпение – будет и умение». В китайском языке это находит отражение в следующих поговорках: 劳动致富 (трудолюбие приносит богатство), 勤劳致富 (разбогатеть честным трудом), 惰能致贫, 勤能致富 (лень приводит к бедности, упорный труд – к богатству), 吃得苦中苦, 方为人上人 (без труда не выловишь и рыбку из пруда), 三十六行, 行行出状元 (прилагая усилия, можно добиться успеха в любом деле).

Следующим сходством паремий о труде русской и китайской лингвокультур является убеждение в том, что счастье познается в труде. Только трудолюбивые люди действительно понимают, что такое счастье и радость: «Где труд, там и счастье», «Для кого труд – радость, для того жизнь – счастье», 劳动者最理解幸福 (трудящиеся лучше всех понимают, что такое счастье), 劳动的后面跟着幸福 (за трудом следует счастье). Человек должен любить свое дело: «Люби дело – мастером будешь», 干一行爱一行 (любить то, чем ты занимаешься).

Взаимосвязь качества труда и полученного результата характерна как для русских, так и для китайских паремий. Человек должен стараться и трудиться на совесть, чтобы получить удовлетворяющие его результаты: «Какие труды, такие и плоды», «Глубже пахать – больше хлеба жевать», «Что потрудимся, то и поедем», 深耕一寸土, 多打一成粮 (глубже пахать – больше хлеба жевать), 同工同酬 (равная оплата за равный труд), 流多少汗吃多少饭 (хочешь поесть досыта – поработай до пота).

В русских и китайских паремиях одинаково отмечается важность раннего начала дня и его связь с успехом в делах. Считается, что человек, который имеет привычку рано вставать, будет преуспевать в жизни: «Кто раньше встает, тот грибки соберет, а сонливый да ленивый идут после за крапивой», «Кто рано встает, тому бог подает», «Спать долго – жить с долгом», 早起三光, 晚起三慌 (встанешь раньше, шагнешь дальше), 最先起身的牛得到第一滴朝露 (корова, которая встанет первой, получит первую утреннюю каплю росы). Трудолюбивые люди всегда в почете: «В труде рождаются герои», «Ремеслу везде почет», 劳动者最光荣 (почет/слава трудящимся), 爱劳动, 受尊重 (тот, кто любит трудиться, получает уважение).

Несмотря на существенное количество универсальных черт в русских и китайских паремиях о труде, нам удалось выявить также черты, отражающие национальную специфику русского и китайского народов в отношении к труду.

В русских пословицах отчетливо прослеживается противоречивость русского национального характера, которую можно проследить в следующих паремиях о труде: Дела не следует откладывать на завтра – дела могут подождать. Например, «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня» и «Дело не медведь, в лес не уйдет». Труд позволяет улучшить здоровье человека – труд губит здоровье человека: «Человек от лени болеет, а от труда здоровеет» и «И с топора не богатеют, а горбатеют». Труд является источником богатства – труд не приносит богатства:

«Тот скоро разбогатеет, кто всегда от ремесла потеет» и «От трудов праведных не нажить палат каменных».

Для китайского народа способность трудиться является величайшей ценностью. В Китае труд – истинное богатство человечества, он священен: 人们真正的财富是劳动的本领 (настоящее богатство людей – это их способность трудиться), 劳动是个宝, 人生不可少 (труд – это сокровище, которое является неотъемлемой частью жизни человека). Помимо того, что труд укрепляет здоровье человека, он также является источником долголетия: 劳动使人健康长寿 (труд дает человеку здоровье и долголетие), 劳动使人长寿. 懒惰催人老, 勤劳能延年 (труд позволяет человеку жить дольше. Лень старит людей, а упорный труд продлевает жизнь).

В китайских поговорках отмечается также связь между трудом и будущим человека. От того, как человек поработает сегодня, будет зависеть его завтрашний день: 一日不作, 百日不食 (день год кормит), 阳春三月不做工, 十冬腊月喝北风 (весной не поработаешь, тогда зимой будешь голодать), 劳动铸就未来 (труд формирует будущее). Трудолюбивые люди талантливы во всем: 勤劳的人能使万物变成黄金 (трудолюбивый человек может все превратить в золото), 劳动的手能够把石头变成金子, 不劳动的手能够把金子变成石头 (рабочие руки могут превратить камни в золото, а нерабочие руки могут превратить золото в камни).

Таким образом, проведенное нами сопоставительное исследование русских и китайских паремий о труде показало, что понятие «труд» в языковой картине мира двух выбранных лингвокультур действительно фундаментально и представляет собой особую ценность. Паремии демонстрируют сходства в репрезентации таких фрагментов языковой картины мира, как отношение к труду и работе, к понятиям «лень/праздность/безделье», в них тесно переплетены концепты СЧАСТЬЕ, РАДОСТЬ и ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Некоторые различия в отношении русских и китайцев к труду можно объяснить лингвокультурными расхождениями и этнокультурной спецификой. Важность тяжелого изнурительного труда в китайских паремиях заложена в глубинах китайской философии, а противоречивость отношения к труду в русскоязычных паремиях обусловлена прежде всего противоречивостью и двойственностью русского национального характера, поляризованного по своей природе. Расхождения в подходе к трудовой деятельности, ее трактовке и оценке свидетельствуют о том, что языковая картина мира является уникальной интерпретацией видения мира, специфичной для каждого языка.

Литература

Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265-284.

Лю Ю. Языковая репрезентация концепта «Труд»: на примере китайских и русских пословиц и поговорок с образами инструментов // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 217-222.

Рачковская К.Т. Функционирование пословиц в современном китайском языке (на примере чэньюй) // Пути поднебесной: сборник научных трудов. №9. Минск: МГЛУ, 2022. С. 93-96.

*O.A. Tolstykh (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

PAREMI ABOUT LABOR IN RUSSIAN AND CHINESE LINGUOCULTURES: COMPARATIVE ANALYSIS

The article deals with the paremi about labor in the Russian and Chinese paremiological funds. Using comparative analysis, it highlights the universal and national-specific features of the paremiological fund of the two linguocultures. The correlative character of the Russian and Chinese language worldview suggests a productive intercultural approach in strengthening Russian-Chinese cultural relations.

Key words: language worldview, paremi, proverbs about labor, national-cultural specificity, paremiological fund

*A.B. Туарменская (Рязань, Россия)
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
a.tuarmenskaya@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА ГЛУПЕЦ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО СЛОВОМ *FOOL*

В статье рассматриваются концептуальные признаки, составляющие содержание концепта ГЛУПЕЦ на материале английских фразеологизмов со словом *fool*. Минимальную и наиболее общую часть концептуального содержания, относящуюся к ядру и околоядерной части концепта, составили представленные в лексикографических источниках значения данного слова. Периферия концепта включает признаки более субъективного характера.

Ключевые слова: концепт, концептуальный признак, содержание концепта, фразеологические единицы, английский язык

Важным постулатом когнитивной лингвистики является мысль о том, что язык служит лучшим окном в знание, дающим доступ ко всем концептам независимо от того, как они образованы [Кубрякова 1997; Болдырев 2000]. Под концептом понимается «оперативная содержательная единица памяти» [КСКТ 1996: 90]. Поскольку основные структуры знания объективированы и сохранены в языковой форме, одним из традиционных аспектов исследования в когнитивной лингвистике является изучение различных средств репрезентации концептов в языке.

Особый интерес представляет репрезентация концептов во фразеологической системе, которая по праву считается сокровищницей языка. Фразеологические единицы аккумулируют и передают из поколения в поколение не только общечеловеческие ценности. Они имеют и ярко выраженный национальный характер, так как в них содержатся сведения об истории народа, о своеобразии его культуры и быта [Кунин 1996: 5]. Мудрость народа, его представления о добре и зле, о правде и лжи, о мудрости и глупости находят отражение во фразеологических единицах.

Следует отметить, что концепты, передающие положительные свойства неоднократно являлись предметом исследования в лингвистике [Зотова 2015; Гусарова

2021; Уженцева 2024]. Однако отрицательные характеристики не часто привлекают внимание ученых. Так, концепт УМ получил достаточно подробное описание [Дзюба 2011; Леонова и др. 2021], чего нельзя сказать о его противоположном аналоге – ГЛУПОСТИ. Актуальность проведенного исследования обусловлена необходимостью изучения концептов, вызывающих не только положительные, но и отрицательные ассоциации, поскольку они равнозначны в концептосфере языка. Базовые концепты той или иной культуры, выразительно представленные во фразеологическом фонде языка, одинаково учат тому, что хорошо и что плохо, как следует и как не следует поступать, какие качества поощряются, а какие порицаются.

Цель проведенного исследования – выявление концептуальных признаков понятия ГЛУПЕЦ, представленных в английской фразеологической системе. Предметом работы стало содержание данного концепта, установленное на материале устойчивых выражений, в которых репрезентатом концепта является слово *fool*. Было изучено более 100 единиц с указанной лексемой. Источником материала послужили общеязыковые и фразеологические словари [АРФС, CamD, CIDI, CollD, D, FD, LD, MWD, OALD, V]. Были использованы методы сплошной выборки, анализа словарных дефиниций, семантический и концептуальный анализы.

Изучение дефиниций позволило выявить следующие значения слова *fool*: 1) a silly or stupid person; a person who lacks judgment or sense [CollD]; 2) a weak-minded or unintelligent person [CollD]; 3) a person who behaves in a silly way without thinking [CamD] 4) a person who has been tricked or deceived into appearing or acting silly or stupid [D]; 5) a person who is gullible and easy to take advantage of [V]; 6) an ardent enthusiast who cannot resist an opportunity to indulge an enthusiasm [D]; 7) (formerly) a professional jester, kept by a person of royal or noble rank for amusement [CollD]. Почти все перечисленные характеристики находят отражение во фразеологических единицах со словом *fool*.

В ходе исследования было выявлено более 20 концептуальных признаков концепта ГЛУПЕЦ, представленных в английской фразеологической системе. Анализ показал, что основную суть содержания концепта ГЛУПЕЦ, т.е. его ядро составляют 3 компонента.

1) Наиболее частотным (зафиксирован в 16 единицах) является концептуальный признак «отсутствие мудрости», которая противопоставляется глупости, и понимается как способность выносить обоснованные и серьезные суждения на основе своего опыта и знаний (the ability to make good and serious judgements because of one's experience and knowledge [OALD 1995: 1369]). Во многих фразеологизмах присутствует противопоставление *a fool – a wise man*, например: *A fool may ask more questions in an hour than a wise man can answer in seven years* [АРФС 1984: 290]. Не задумываясь глубоко о сути вещей, глупец может задать нелепые вопросы, на которые мудрому человеку, привыкшему все серьезно взвешивать, будет нелегко дать обоснованные ответы.

2) Концептуальный признак «невежество» также достаточно широко представлен в изученных фразеологизмах (11 единиц), например: *not suffer fools gladly* – be impatient

or intolerant towards people you regard as unwise or unintelligent [FD]. Действительно, порой трудно относиться терпеливо к невежественным и неразумным людям.

3) В 9 устойчивых выражениях со словом *fool* зафиксирован концептуальный признак «необдуманность, опрометчивость». Фразеологизм *Fools rush in where angels fear to tread* [FD] свидетельствует о том, что глупцам свойственно принимать быстрые решения и действовать необдуманно, без соответствующей подготовки, что может быть небезопасно.

Перечисленные концептуальные характеристики понятия ГЛУПЕЦ, относящиеся к ядру концепта, окружаются слоями других, хоть и менее частотных, но также понятийно важных признаков, увеличивающих объем концепта.

4) Ряд устойчивых выражений (7 единиц) содержит концептуальный признак «отсутствие адекватного восприятия действительности». Пословица *As the fool thinks so the bell clinks* [АРФС 1984: 289] не без доли юмора отмечает, что глупый человек считает, что все происходит так, как ему хочется.

5) Концептуальный признак «опытное познание через повторяемость ошибок» представлено в 6 устойчивых выражениях. Одним из них является пословица *Experience is the teacher of fools* [FD]. Вместо того, чтобы учиться на чужих ошибках, глупцы учатся на своих.

6) Отличительной чертой глупцов является «неумение воспользоваться ситуацией в свою пользу» (зафиксировано в 6 фразеологизмах), например; *He is a fool that kisseth the maid when he may kiss the mistress* [Pdb].

7) Концептуальный признак «глупый вид или глупое поведение» встречается в 5 устойчивых выражениях. Фразеологизм *make a fool of someone* – to trick someone or make someone appear stupid in some way [CamD] представляет ситуацию, когда кого-то обманули или выставили дураком.

8) Некоторые фразеологизмы (4 единицы) указывают на такую характеристику глупца, как «плутовство». Примером может служить выражение *He that cheateth in small things is a fool, but in great things is a rogue* [Pdb]. Согласно этой пословице, глупец от мошенника отличается масштабом жульничества.

9) Ряд фразеологизмов (4 единицы) содержат концептуальный признак «наивность, доверчивость»: *Children and fools tell the truth* [FD]. Глупцы сравниваются с детьми, которые говорят правду без притворства, потому что еще слишком наивны, чтобы понять, что иногда выгоднее солгать.

10) Концептуальный признак «неумная речь» представлен в 4 фразеологизмах, например: *Fine clothes may disguise but silly words will disclose a fool* [QF].

К периферии концепта относятся характеристики, которые встречаются в 1-3 устойчивых выражениях, насыщая концепт зачастую признаками более субъективного характера. Например: 11) «инертность, упрямство»: *A wise man changes his mind, a fool will never* [LD]; 12) «чрезмерное рвение из-за отсутствия чувства меры»: *Give a fool rope enough and he will hang himself* [CollID]; 13) «неумение правильно распоряжаться своими средствами, расточительность»: *A fool and his money are soon*

parted [CollID]; 14) «везение»: *Fools have fortune* [АРФС 1984: 290]; 15) «неожиданные проблески ума»: *A fool may sometimes speak to a purpose* [LD].

Содержание концепта ГЛУПЕЦ перечисленными концептуальными признаками не исчерпывается, так как ни один концепт не может быть полностью выражен в речи. Тем не менее, английская фразеологическая система дает достаточно подробное представление о содержании концепта ГЛУПЕЦ в сознании носителей английского языка. Рассмотренные фразеологизмы представляют глупца как невежественного человека, лишённого житейской мудрости и склонного поступать опрометчиво. Не имея адекватного понимания происходящего, он не умеет воспользоваться сложившейся ситуацией в свою пользу и учится на своих ошибках. К перспективе исследования можно отнести изучение содержания данного концепта в других лингвокультурах с целью выявления его национально-культурной специфики.

Литература

- АРФС – Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000.
- Гусарова Н.Г. Лингвокультурный концепт «Дружба» в английском языке // Филологический аспект. 2021. № 6 (74). С. 49-55.
- Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург: УГПУ, 2011.
- Зотова Е.С. Концепт «ЛЮБОВЬ» в русском и английском языках // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6 (37). С. 69-72.
- КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во филол. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996.
- Леонова А.И., Абдол Э.Д., Жубайкулова Д.Ж. Репрезентация концепта УМ в английской и русской лингвокультурах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2021. № 2 (69). С. 125-133.
- Уженцева А.С. Фразеологизмы как средство объективации культурноспецифического (на материале фразеологических репрезентаций концепта СЧАСТЬЕ в русском и английском языках) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1 (57). С. 119-122.
- CamD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
- CIDI – Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- CollID – Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>
- D – Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/>
- FD – the Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/>
- LD – LanGeek Dictionary. URL: <https://dictionary.langeek.co/en-RU/>
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>
- English
- OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Pdb – Proverbsdb. URL: <https://www.proverbsdb.com/>
- QF – Quote Fancy. URL: <https://quotefancy.com/>
- V – Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com>

A.V. Tuarmenskaya (Ryazan, Russia)

Ryazan State University named for S. A. Yesenin

THE CONTENT OF THE CONCEPT *FOOL* BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE WORD *FOOL*

This article examines the conceptual features that make up the content of the concept FOOL based on the material of English phraseological units with the word *fool*. The minimal and most general part of the conceptual content related to the core and near-core part of the concept is made up of the meanings of this word presented in lexicographic sources. The periphery of the concept includes features of a more subjective nature.

Key words: concept, conceptual feature, concept content, phraseological units, English language

A.B. Туарменский (Рязань, Россия)

ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

tuarmenskiialeksei@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается вторичная интерпретация дипломатических отношений, объектом которой становятся характеристики цифровой дипломатии. В контексте нескольких концептуальных областей были установлены особенности механизма концептуального сравнения, концептуальной метонимии и метафоры в формировании оценочного знания о данном способе дипломатических отношений.

Ключевые слова: дипломатические отношения, способы дипломатических отношений, цифровая дипломатия, оценка, концептуальное сравнение, концептуальная метонимия и метафора, концептуальная область

Цифровая дипломатия возникла относительно недавно. Это понятие – ровесник информационной эпохи в XXI в. В широком смысле цифровая дипломатия определяется как совокупность связей между интернетом и дипломатией [Kerr, Wiseman 2017]. В более узком смысле под цифровой дипломатией понимается использование Интернета и новых информационно-коммуникационных технологий для содействия достижению дипломатических целей [Kigaz 2022]. Актуальность исследования определяется тем, что в последние годы цифровая дипломатия привлекает все большее внимание ученых, особенно в контексте семиотических и коммуникативных исследований [Hardy 2024]. Целью данного исследования является изучение цифровой дипломатии как объекта вторичной интерпретации в контексте концептуальных областей ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЖИВАЯ ПРИРОДА, АРТЕФАКТ.

Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют концептуальную область как когнитивный контекст структуры знания, относительно которого осмысливается языковое явление [Лакофф, Джонсон 2004]. На возможность использования таких концептуальных областей в качестве фонового знания в процессах авторской интерпретации

указывают Л.А. Фурс и Н.Л. Ноблок [Фурс, Ноблок 2007]. Вторичная интерпретация, в свою очередь, понимается как формирование знаний об уже отраженных в языке объектах мира, в т. ч. оценочного характера [Болдырев 2015]. Обратимся к анализу конкретных примеров:

(1) концептуальная область ЧЕЛОВЕК

В контексте данной концептуальной области значение имеет знание о физическом и эмоциональном состоянии или деятельности человека. Наиболее многочисленными оказались случаи, в которых сравнением актуализируются интеллектуальные и речевые возможности человека:

The goal of EU Digital Diplomacy is to secure the EU global role in the digital world (Digital Diplomacy – EEAC).

Данный пример репрезентирует такую характеристику человека, как способность к установлению цели и преднамеренному произвольному действию по ее достижению (*a goal* – a purpose, or something that you want to achieve [CD]). При этом имеет место метонимический перенос «человек – цель деятельности».

Across the globe, the language of digital diplomacy is evolving (Truth, Lies and Tweets).

Данный пример репрезентирует такую характеристику человека, как способность использовать знаковые системы для коммуникации (*a language* – a system of communication used by people [CD]). В этом случае также представлены метонимические отношения «человек – средство речевой деятельности».

(2) концептуальная область ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Характерные свойства цифровой дипломатии оцениваются на основе сравнения ее с тем или иным ПРИРОДНЫМ ЯВЛЕНИЕМ. Применительно к данному способу дипломатических отношений распространенными являются сравнения с природной средой. Например:

In an ideal digital diplomacy environment, the government can amplify their messages (What is digital diplomacy and why Indonesia should embrace it?).

Областью-источником для метафорического переноса является знание о природе как среде, в которой происходит жизнедеятельность людей и других существ (*an environment* – the air, water, and land in or on which people, animals, and plants live [CD]).

Leaders should promote early adopters while ensuring a unified and effective digital diplomacy landscape (Digital Diplomacy Ignited).

В приведенном примере метафорический перенос обеспечивается представлением о природе как о свойстве какой-то местности, имеющей многообразную форму и отличительные внешние особенности (*a landscape* – a large area of land, especially in relation to its appearance; the shape of the land and related features in a particular area [CD]).

(3) концептуальная область ЖИВАЯ ПРИРОДА

Данная концептуальная область представлена тремя видами знания: знанием о животных (anything that lives and moves [CD]), растениях [living things that grow

in earth, in water, or on other plants], а также живой природе в целом. Рассмотрим примеры, где областью-источником метафорического переноса является знание о свойствах всего живого:

*2017 showed that digital diplomacy is **evolving*** (Diplomacy360).

Данный пример репрезентирует такую характеристику живых существ как подверженность изменениям в процессе эволюции (to evolve – to change over time by the process of evolution [CD]).

Знание об эволюции как о развитии живых существ посредством постепенных необратимых изменений (*an evolution* – the way in which living things change and develop over millions of years [CD]) репрезентируется в следующем примере:

*The **evolution** from traditional diplomacy to digital diplomacy signifies a pivotal moment in external engagement on digital issues* (Digital Diplomacy Ignited).

(4) концептуальная область АРТЕФАКТ

Данная область включает знания о предметах, созданных или измененных человеком. В контексте этой концептуальной области метафорический перенос может встречаться наравне с концептуальным сравнением. Рассмотрим ряд примеров:

*Some countries included near the three pillars of diplomacy the **pillar** of digital diplomacy* (Diplomacy360).

В этом примере репрезентируется характеристика «функциональное назначение части здания или инженерного сооружения». Сравнение основано на понятии колонны как рукотворного объекта для поддержки структурной целостности здания (*a pillar* – a strong column made of stone, metal, or wood that supports part of a building [CD]). В результате дипломатические отношения сравниваются со зданием, а цифровая дипломатия – с одной из колонн-опор.

*Digital diplomacy was seen as a **powerful tool** to expand soft power reach in public diplomacy* (Diplomacy360).

*Digital diplomacy is a naturally **effective tool** for wider international engagement of the public* (Diplomacy360).

В первом примере представлено концептуальное сравнение, на основе которого цифровая дипломатия сравнивается с эффективным инструментом, способствующем расширению мягкой силы в сфере дипломатии (*a tool* – a piece of equipment that you use with your hands to make or repair something [CD]).

Во втором примере использована концептуальная метафора, построенная на переносе знания о роли инструмента в достижении необходимого эффекта на область отношений в рамках цифровой дипломатии.

Таким образом, вторичная интерпретация цифровой дипломатии на материале современного английского языка осуществляется в контексте концептуальных областей ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ЖИВАЯ ПРИРОДА и АРТЕФАКТ. Фоновая информация выделенных концептуальных областей способствует созданию разносторонней оценки цифровой дипломатии на образной основе. При этом в качестве когнитивных механизмов вторичной интерпретации используются концептуальная метонимия, концептуальная метафора и концептуальное сравнение.

Перспектива исследования заключается в возможности применения полученных результатов для изучения других способов дипломатических отношений как объектов вторичной интерпретации.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1(42). С. 5-12.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
- Немов Р.С.* Психологический словарь. М.: ВЛАДОС, 2007.
- Фурс Л.А., Ноблок Н.Л.* Когнитивные основы авторских стратегий в англоязычном предвыборном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1(10). С. 36-41.
- Hardy A.* Estonia's digital diplomacy: Nordic interoperability and the challenges of cross-border e-governance // Internet Policy Review. 2024. № 13(3).
- Kerr P., Wiseman G.* Diplomacy in a globalizing world. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Kiraz S.* Digital public diplomacy in crisis management // Advances in public policy and administration. 2022. № 7 (2).
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
- Digital Diplomacy – EEAC. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/digital-diplomacy_en
- Digital Diplomacy Ignited. URL: <https://www.ludci.eu/magazine/digital-diplomacy-ignited-forging-global-narratives-in-the-age-of-technology/>
- Diplomacy360. URL: <https://diplomacy360.com/what-is-digital-diplomacy/>
- Truth, Lies and Tweets: The Truth About Digital Diplomacy. URL: <https://www.fairobserver.com/world-news/truth-lies-and-tweets-the-truth-about-digital-diplomacy/>
- What is digital diplomacy and why Indonesia should embrace it? URL: <https://theconversation.com/what-is-digital-diplomacy-and-why-indonesia-should-embrace-it-89327>

A.V. Tuarmenskiy (Ryazan, Russia)

Ryazan State Medical University

DIGITAL DIPLOMACY AS AN OBJECT OF INTERPRETATION IN MODERN ENGLISH

The article examines the secondary interpretation of diplomatic relations, the object of which is the characteristics of digital diplomacy. In the context of several conceptual areas, the role of conceptual comparison, metonymy and metaphor in the formation of evaluative knowledge about this method of diplomatic relations was established.

Key words: diplomatic relations, means of diplomatic relations, conceptual metonymy, conceptual comparison, conceptual metaphor, digital diplomacy, conceptual domain

О.А. Турбина (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет

turbina371@mail.ru

ОБЪЕКТИВНОЕ ЛОГИЧЕСКОЕ ЛИЦО И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ДОПОЛНЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье показано, что поскольку представление о Пространстве изначально строится на представлении об окружающей действительности, когда сам субъект мыслит себя ее частью,

одним из ее объектов, объектная категоризация значительно опережает субъектную. Это находит отражение в языковой категоризации способов выражения объекта (дополнения) и субъекта (подлежащего) и их репрезентации в структурных моделях предложения.

Ключевые слова: объективное логическое лицо, категоризация пространства, категория дополнения

Категоризация – это процесс отнесения познаваемого объекта к некоторому классу [Психология 1990: 159], т.е. обобщение, результат предельного абстрагирования чего-либо; *языковая категоризация*, следовательно, – это «результат классификационной (таксономической) деятельности» [Кубркова 2018: 307], обобщения смыслов, сопровождающийся предельным отвлечением от видимой (ощутимой, создаваемой) мотивации форм явлений/объектов/событий действительности. Языковая категоризация организует поле, где *категория* представляет собой *когнитивно-семиотический класс*. Процесс *концептуализации*, напротив, состоит в уточнении, конкретизации какого-либо значения, т.е. обращен к конкретным смыслам и формирует структуру сети, где *концепты* – *когнитивно-семиотические единицы* – противопоставлены друг другу по какому-либо дифференциальному признаку. Оба процесса взаимосвязаны [Там же: 301], разворачиваются параллельно и сопровождаются *номинацией* – *знаковой материализацией*, *семиотической привязкой к телу знака* – *к слову* [Там же: 321], когда система выбирает форму (морфему, лексему, модель) для воплощения семантемы грамматического, или/и лексического содержания. Номинация представляет собой третью вершину *когнитивно-семиотического треугольника* [Турбина, Ифатуроти 2023: 12] (рис. 1).

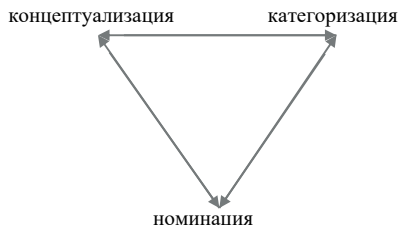

Рис. 1. Когнитивно-семиотический треугольник

Если внести в модель когнитивно-семиотического треугольника познаваемый объект, то она примет 3D-форму тетраэдра, где *объект* займет позицию четвертой скрытой основанием треугольника вершины [Турбина, Ифатуроти 2023: 13] (см. рис. 2).

Категоризация универсума начинается с осознанного восприятия на основе ощущений посредством органов чувств окружающего мира в единстве и совокупности всего его объективного содержания (природы, неживых и живых объектов), включая самого субъекта категоризации, мыслящего себя частью окружающего мира в ряду прочих его объектов.

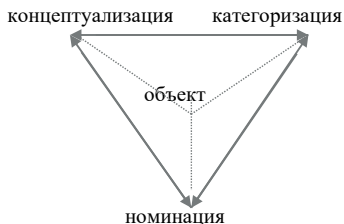

Рис. 2. 3D модель когнитивно-семиотического треугольника

Онтологические основания и принципы развития категоризации Пространства по оси лица/персональности на протяжении сотен тысяч лет изложил отечественный ученый А.Ф. Лосев в своей знаковой монографии «Знак. Символ. Миф.» [Лосев 1982]. Многие идеи А.Ф. Лосева перекликаются с идеями известного французского лингвиста Г. Гийома, всю концепцию которого пронизывает мысль о том, что изначальный и универсальный (ибо он остается в мышлении на протяжении всей истории его развития и свойственен всем современным языкам) способ концептуализации и категоризации Пространства порождает языковое представление об *универсальном объекте*, который он обозначил термином *объективное логическое лицо*, или – «универсальное лицо», «лицо универсума»: *personne d'univers*. По сути объективное логическое лицо – это языковое воплощение обобщенного представления об окружающем мире, включающем *все возможные потенциальные объекты* живой и неживой природы. В языковом представлении оно репрезентируется через 3-е лицо («оно»; «это»; «нечто»; «всё то, что...»). В решении поставленной однажды мыслью перед языками общей задачи Г. Гийом видит «знак универсальности» [Guillaume 1919: 12], управляемый «семантическим давлением», воздействующим на весь язык – «нечто главным образом пассивное, но формально отмеченное единством цели» [Там же: 40–41] (пер. мой — О.Т.). С идеями Г. Гийома пересекаются и подтверждают их идеи В.А. Плунгяна [Турбина 2021: 268], который ввел в лингвистическую науку понятия *универсального грамматического набора* и *ядра грамматической зоны*, вокруг которой в системе любого языка формируются значения, требующие обязательного выражения лексическими, или грамматическими средствами в зависимости от возможностей и состояний системы. Эти значения «не выдумка теоретиков, а отражение некоторых фундаментальных свойств человеческого языка», имеющих «вполне отчетливую когнитивную интерпретацию» [Плунгян 1998: 9-11]. Универсальное логическое лицо, как способ представления и основа языковой категоризации пространства, несомненно входит в ядро семантической зоны универсального грамматического набора и получает в языках выражение грамматическими, лексическими и лексико-грамматическими средствами, неизменно подчиняясь при этом, говоря словами Г. Гийома и В.А. Плунгяна, *общим принципам* реализации языковых значений [Гийом 1992: 148; Плунгян 1998: 29].

Поскольку представление о Пространстве изначально строится на представлении об окружающей действительности, когда сам субъект мыслит себя ее частью, *одним из ее объектов* [Лосев 1982: 260–262], объектная категоризация значительно опережает субъектную, что находит отражение в языковой категоризации способов выражения объекта (дополнения) и субъекта (подлежащего), включая их грамматическую репрезентацию в структурных моделях предложения. Заметим, что свидетельство этого обнаруживается в современных языках, в частности – в грамматической системе современного французского языка (она сложилась к началу последней трети XVII в.), что выразилось в закреплении в его строе двух инвариантных моделей предложения S–V–C и S–C–V (символ C здесь означает все виды дополнений – прямых, косвенных и обстоятельственных). Предложение (предикативное ядро) с местоименными актантами, строящееся по модели S–C–V, представляет собой результат эволюции древнего (латинского) предложения, претерпевшего предельную обобщенность и лексическую десемантизацию своих членов до уровня грамматических категорий. При рассмотрении факторов, оказавших влияние на формирование категории дополнения во французском языке, важно принять во внимание и то, что традиция ставить дополнение впереди глагола сохранилась для тех частей речи, которые не утратили прежнюю морфологию. Это падежные формы местоимений и местоименных наречий (*le, lui, la, les, me, en*, и т. д.). Поскольку система языка для языковой категоризации Пространства, прежде всего – объектной, разворачивающейся параллельно концептуализации разных типов объектов (включая их пространственную локализацию) и неизбежно сопровождающейся номинацией (семиозисом грамматической формы), выбирает, как правило, местоимения, заслуживает внимания предположение, что язык сохраняет в парадигме местоимений падежные и супплетивные формы именно с целью оформления категоризации Пространства. Заметим, что и в других аналитических языках (например, в английском), где имя существительное утратило падежные формы, в местоименной парадигме они сохраняются.

Порядок слов S–V–C – это структурный инвариант для предложений с именными актантами, а именно – с дополнением-именем. Философами и грамматистами он был признан «природным», т.е. «естественным» согласно бытовавшему со времен модистов представлению о линейной последовательности суждения (мысли), расчленяющего цельное представление на субъект, предикат и объект, к которым восходят категории подлежащего, сказуемого и дополнения. Также, хотя и в значительно меньшей степени, чем порядок S–C–V для местоименных актантов, порядок S–V–C во французском языке претерпел грамматизацию, которой способствовали в своей совокупности факторы системно-языкового и онтолого-когнитивного характера, включая обозначившийся уже в эпоху позднего средневековья мощный фактор осознанного языкового регулирования, определивший языковую политику и оказавший существенное влияние на развитие национального языкового сознания во

Франции. Этот серьезный фактор был силен настолько, что в довольно короткое время, всего за 300-400 лет под влиянием культа «природного порядка» принципиально перестроилась структура французской фразы.

Что касается местоименного дополнения, то оно, вопреки «природному порядку», осталось на прежнем месте, перед глаголом, в силу того, что к тому времени, когда в умах созрел культ «природного порядка», и когда идея достигла стадии осознанной необходимости, объектное местоимение во французском языке уже было приглагольно, т.е. его употребление было регулярно и уже в полной мере неосознанно. Иными словами – оно уже было грамматизовано. Как показывает материал из истории синтаксиса французского предложения [Турбина 2023], субъектная грамматизация в силу отставания почти на три века от объектной, не повлекла за собой переоформление структуры предложения с приглагольными объектными местоимениями.

Литература

- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.
- Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М: МГИМО-Университет, 2018. С. 297-333.
- Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Плунгян В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
- Психология. Словарь. / под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г Ярошевского. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990.
- Турбина О.А. Языковое представление пространства по оси лица: Концептуализация и категоризация // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 267-270. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=46439924&selid=46439992>
- Турбина О.А., Ифатурови А.О. Категоризация и концептуализация значений лица/персональности посредством местоимения *wɔ̃n* в языке йоруба // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2023. Т. 20. №3. С. 12-22.
- Турбина О.А. История формирования французского классического предложения. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2023.
- Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Ouvrage couronné par l'Institut (Prix VOLNEY). Paris: Librairie Hachette et Cie, 1919.

O.A. Turbina (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University (National Research University)

OBJECTIVE LOGICAL PERSON AND CATEGORIZATION OF OBJECT IN FRENCH

The article shows that since the idea of Space is initially based on the idea of the surrounding reality, when the subject himself thinks as a part of it, one of its objects, object categorization is significantly ahead of the subjective one. This is reflected in the linguistic categorization of the ways expressing the grammatical object and subject and their representation in the sentence structural models.

Key words: objective logical person, categorization of space, category of object

И.Э. Федюнина (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
innafedyunina@yandex.ru*

КАЛАМБУР КАК СРЕДСТВО РАСШИРЕНИЯ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье исследуется специфика использования фразеологического каламбура в англоязычных дискурсивных ситуациях. Анализируется влияние каламбура на когнитивно-прагматические характеристики исходных фразеологических единиц. Выявляются пути и закономерности взаимодействия каламбура с контекстом и его влияние на оценочную категоризацию актуализируемых ситуаций.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический каламбур, категоризация, оценочная коннотация, когнитивно-прагматический эффект

До недавнего времени дискурсивные преобразования фразеологических единиц (ФЕ) рассматривались в основном как «стилистические маркеры», «креативные модификации, направленные на создание стилистического эффекта» [Moon 1998: 112]. Однако в современной фразеологии наблюдается «сдвиг от фокусирования на проблемах лексико-грамматического и стилистического анализа ФЕ... к более широкому и гибкому взгляду на их сущность..., к обсуждению того, какие коннотации они могут нести, когда модифицируются для создания определенного эффекта в конкретных контекстах» [Cowie 2002: 30].

В нашей работе использовался когнитивно-прагматический подход к изучению ФЕ, предполагающий фокусирование на механизмах и закономерностях создания прагматического эффекта ФЕ в конкретном дискурсе и на том, как это влияет на процесс и результат категоризации актуализируемой ситуации реципиентом и самими участниками.

С позиций когнитивной прагматики, тенденция к окказиональным преобразованиям ФЕ в естественном (особенно спонтанном) дискурсе является вполне естественной для когнитивной системы человека: «коммуниканты, вовлеченные в спонтанное общение, постоянно испытывают потребность в гибких, потенциально трансформируемых языковых единицах, поддающихся креативным модификациям, для расширения возможностей и способов реализации коммуникативных намерений» [Cowie 2002: 51].

Главная цель окказионального преобразования ФЕ заключается в том, чтобы «приспособить ее обобщенный, метафорический смысл... к конкретным условиям контекста» [Вакуров 1994: 40]. Именно поэтому фразеологи-когнитивисты рекомендуют рассматривать ФЕ «во всем многообразии контекстных связей» [Третьякова 2011: 35], т.е. уделять особое внимание их дискурсивному окружению. Это особенно важно при исследовании ФЕ, подвергающихся различным модификациям, поскольку «при окказиональных преобразованиях ФЕ контекст интенсифицирует не

только языковые, но и потенциальные семы ФЕ, выявляет ее возможности, создает дополнительные коннотации, комбинаторные приращения смысла» [Там же: 37].

В данной статье исследуется дискурсивное функционирование фразеологического каламбура, «параллельного употребления ФЕ и свободного словосочетания, являющегося этимологическим прототипом ФЕ» [Вакуров 1994: 42]. Отметим, что в работах большинства фразеологов каламбур рассматривается в основном как средство создания юмористического эффекта, в то время как контекст играет роль «стилистического актуализатора ФЕ» [Арсентьева 2006: 85]. Однако наше исследование показывает, что когнитивно-прагматические возможности фразеологического каламбура не исчерпываются созданием юмористического эффекта. Каламбур, вступая во взаимодействие с дискурсивной ситуацией, может создавать и передавать также множество других чувств, отношений и оценочных суждений. Контекст же, в свою очередь, зачастую является ведущим фактором создания и развития прагматического воздействия ФЕ, оказывая особенно сильное влияние на оценочный компонент их значения, включающий эмотивный и рациональный аспекты, реализующие «две стороны отношения: первая – чувства, вторая – мнение» [Вольф 1985: 42]. Рассмотрим несколько дискурсивных ситуаций.

– *The guests were already crowding in the dining room **chewing over the sins of the deceased along with the pate, pies and pieces of exotic fruits**. I said I had had my meal in the hotel and sat in the corner. Each time some of the guests was skewing upon me I clearly felt I didn't belong here. Refusing to share their picking-to-pieces gastronomic culture I made myself an outcast* [Lee 2004: 282].

Здесь каламбур строится на соположении ФЕ *chew over smb's sins* и прямого значения словосочетания *chew over* (*пережевывать*), относящегося к пище. Образ одновременного «пережевывания» поминального угощения и поступков умершей создает ассоциации с крайней неразборчивостью, дополнительно актуализируя семы цинизма, бездушия и нездорового удовольствия. Информация контекста, в свою очередь, указывает на личное восприятие ситуации рассказчиком посредством использования мрачно-иронического экспрессивного выражения *picking-to-pieces gastronomic culture* (*гастрономическая культура пережевывания костей*, букв. *пережевывания по кусочкам*), создающего образные ассоциации с каннибализмом. Таким образом, оценочная категоризация поведения гостей включает как социально-нравственный аспект (осуждение нарушения одного из базовых социальных требований не высказывать негативных суждений о покойном, тем более на поминках), так и сильный негативный эмоциональный заряд (отвращение, презрение, ощущение отчужденности).

– *In her letters, my mother had opened pretty much to Cassilda. I doubt she was really describing her fear in glaring colours, but this oppressive crippling fear holding her day and night was so clearly **read between the lines** that one had to be blind not to see it. But Cassie **didn't read between the lines**. She was completely preoccupied with her husband's business and money, so she read only the lines themselves, particularly fine print in sales contracts* [Lee 2004: 301].

В данном примере следует обратить внимание на то, как преобразуется не только прагматика, но и семантика исходной ФЕ в результате взаимодействия каламбура и контекста. В своем стандартном употреблении ФЕ *read between the lines* имплицитно подразумевает необходимость определенной проницательности для понимания и верной интерпретации того, что не было сказано открыто. Однако в данном контексте посредством модификаторов *so clearly* и *one had to be blind not to see it* актуализируется ситуация, в которой для понимания происходящего вовсе не нужно обладать особой изощренностью ума – достаточно минимальной сосредоточенности и внимания к состоянию и проблемам близкого человека. Использование интенсификаторов *oppressive* и *crippling* подчеркивает серьезность проблем и тяжелое эмоциональное состояние автора писем, остро нуждающегося в помощи и поддержке. В то же время каламбур, основанный на параллельном употреблении словосочетания *read only the lines themselves*, сопровождаемого уточняющим модификатором *fine print*, указывает на то, что субъект вполне способен вникать в ситуацию, проявлять внимание к деталям и понимать скрытые нюансы, но делает это только в тех случаях, когда дело касается его выгоды. Таким образом, подчеркивается равнодушие, меркантильность и крайний эгоизм субъекта, сосредоточенного исключительно на своих личных и материальных интересах. Общая негативная оценочность усиливается дискурсивным указанием на то, что субъект пренебрегает не посторонним, а близким человеком, находящимся в тяжелой жизненной ситуации.

– *The Headmaster gave me a hard look, acting like he was unconscious of my transformed appearance. “If you are impertinent and go on blatantly lying, you will be punished, and punished, mind you, very severely”, he said. “Is this all clear to you?” “It is, sir”, I lied without batting an eye. It hurt to bat my blackened eye anyway* [Churchill 2000: 97].

Эта дискурсивная ситуация репрезентирует построение каламбура посредством параллельного употребления словосочетания *to bat one's eye* в его прямом «физическом» значении и как компонента ФЕ *lie without batting an eye*. Использование такого каламбура создает юмористический эффект, что значительно снижает негативную коннотацию исходной ФЕ и практически исключает элемент морального осуждения в оценочной категоризации поведения рассказчика. Существенный вклад в создание прагматического воздействия привносит также общий иронический тон описания ситуации и контекстуальное указание на лицемерное поведение директора школы, делающего вид, что не знает об истинных причинах и виновниках происшедшей драки. Рассказчик осознает бессмысленность попыток объяснять и доказывать, что драку спровоцировал и начал не он, поскольку никто всё равно не собирается справедливо разбираться и наказывать всех участников в равной мере, а подобное поведение старших учеников по отношению к младшим и новичкам является здесь своего рода нормой. Отметим также, что ни использованный здесь каламбур, ни контекст не несут семантических элементов страдания или обиды – рассказчик предпочитает просто посмеяться над абсурдностью ситуации, где за сказанную им вначале правду его обвинили во лжи, а ложь предпочли принять за правду. В результате достигается двоякий когнитивно-прагматический эффект: зна-

чительное снижение изначально негативной оценочности исходной ФЕ и «перенаправление» негативной коннотации с самого субъекта действия на его социальное окружение и бытующие в нем тенденции и нормы.

Таким образом, использование фразеологического каламбура в англоязычных дискурсах значительно повышает когнитивно-прагматический потенциал ФЕ. При этом в процессе взаимодействия с дискурсивной ситуацией достаточно часто трансформируются не только прагматические, но и семантические характеристики исходной ФЕ. Это может достигаться двумя основными путями: 1) за счет привнесения и актуализации дополнительных семантических элементов и смыслов, отсутствующих в исходном значении ФЕ или не репрезентирующихся в стандартных ситуациях использования; 2) посредством «затушевывания» изначально присутствовавших сем и оттенков значения и привнесения других, продиктованных намерениями коммуникантов и приобретающих доминирующую роль в данном дискурсе. Такие изменения и дополнения напрямую влияют на категоризацию объективируемого события или поведения участников, поскольку оценочность ФЕ является одним из ведущих факторов когнитивно-прагматического воздействия. В этом плане наиболее интересной тенденцией является сдвиг фокуса негативной рациональной или эмоционально-нравственной оценки с субъекта действия на социальные факторы, провоцирующие характеризующее поведение.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Расширенная метафора и фразеологический каламбур как действенные средства семантического преобразования фразеологических единиц английского и русского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 84-89.

Вакуров Н.В. Фразеологический каламбур в современной публицистике // Русская речь. 1994. № 6. С. 40-47.

Вольф Е.М. Функциональная систематика оценки. М.: Наука, 1985.

Третьякова И.Ю. Оказиональная фразеология: монография. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.

Churchill W. S. My Early Life. L.: Eland, 2000.

Cowie S.P. Phraseology: Theory, Analysis and Applications. Oxford: Clarendon Press, 2002.

Lee T. Kill the Dead. London: Corgay Books, 2004.

Moon R. Fixed Expressions and Texts: A Study of the Distribution and Textual Behaviour of Fixed Expressions in English. Oxford: Clarendon Press, 1998.

I.E. Fedyunina (Belgorod, Russia)
Belgorod State University

PUN AS A WAY OF EXPANDING COGNITIVE-PRAGMATIC PROPERTIES OF ENGLISH IDIOMS

This paper deals with the use and functioning of pun in English discourse situations. The author analyses the ways pun influences cognitive-pragmatic properties of the idioms under study. The study also seeks to reveal how pun interacts with the context in a particular discourse as well as its impact upon the process of evaluative categorisation.

Key words: idiom, pun, categorisation, evaluative connotation, cognitive-pragmatic impact

*З.Е. Фомина (Воронеж, Россия)**Воронежский государственный университет
sensor157@mail.ru*

МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ИДЕИ В ФИЛОСОФСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

В статье на основе анализа метафор, объективирующих концепт ИДЕИ в философских рефлексиях В. фон Гумбольдта, определяются особенности видения, восприятия и понимания ученым сущностной природы ИДЕЙ. Рассматриваемая проблематика значима для современных когнитивных исследований, в т. ч. для разработки искусственного интеллекта.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, идеи, когнитивная лингвистика, концептуальные метафоры, философская картина мира, гештальты, фреймовые модели

Когнитивная наука рассматривается сегодня как конвергентное знание, детерминируемое междисциплинарным подходом и рассмотрением языка «как интерфейса между мозгом, сознанием и миром» [Черниговская 2017]. В контексте актуальных когнитивных исследований большой интерес представляют работы Н.Н. Болдырева, В.И. Карасика, В.З. Демьянкова, С.Г. Виноградовой, Л.А. Фурс, А.Л. Шарандина, В.Ф. Новодрановой и др. С позиции современных когнитивных исследований и ставящихся в них целей и задач большое значение имеют воззрения Гумбольдта, касающиеся толкования понятий, в частности, таких, как: язык и мышление, мысль и истоки ее зарождения, язык и образ, понимание и непонимание, язык и творчество, энергия мысли, язык и сознание и др., являющиеся ключевыми как для когнитивной науки, нейролингвистики, так и для изучения искусственного интеллекта. Важно подчеркнуть, что научная деятельность Гумбольдта характеризуется знаниецентризмом, ориентированностью на знания, на получение знаний, эпистемологический базис которых составляет один из важнейших ментальных конструктов – концепт ИДЕИ. Понятие «ИДЕЯ» Гумбольдт толковал в русле учения об идеях Платона, считавшего «идеи трансцендентными умопостигаемыми формами», интерпретируемыми «как «мысли» Демиурга-Ума, Бога» [Ross 1951], а также взглядов И. Канта, подразумевавшего под идеей «понятие разума, которому нет соответствующего предмета в нашей чувственности» [Кант 1867: 285].

В целях толкования сложнейших мыслительных комплексов, абстрактных смыслов и понятий, в частности, таких как феномен ИДЕИ, немецкий ученый широко использует *метафорические образы*. Понятия «мир» и «образ» всегда занимали мысли Гумбольдта. Он отмечал: «Всё в природе, как и в развитии самого мира, можно рассматривать как *иероглиф*, и, может быть, так оно и есть, и *каждое внутреннее порождение мысли цепляется за образ*» [Humboldt 1819]. Сложный процесс когнитивного соприкосновения «мысли/идеи» и «образа» всегда ведет, по словам мыслителя, в глубины сущности. *Цель данного исследования* состоит в выявлении и описании метафорических гештальтов, концептуально организующих сущностные признаки концепта ИДЕИ в целостную когнитивно-фреймовую структуру.

Согласно исследованиям Н.Н. Болдырева, в основе языковых моделей интерпретации мира лежат определенные когнитивные схемы как формы языкового сознания, среди которых важная роль отводится метафорическим и метонимическим моделям, индивидуально-авторским метафорам и образным сравнениям [Болдырев 2021]. С помощью емких, наполненных глубинными смыслами *индивидуально-авторских* метафор, категоризирующих феномен ИДЕИ, Гумбольдту удалось выразить невыразимое, сделать невидимое видимым. По нашим наблюдениям, сложную и эпистемологически гетерогенную архитектуру концепта ИДЕИ в понимании Гумбольдта моделируют 10 *доминантных* типов метафорических моделей:

- 1) *космологический тип* (ИДЕИ – ДУХОВНОЕ ОКО/IDEEN – DAS GEISTIGE AUGE);
- 2) *глуттоморфный* (ИДЕИ – ЭНЕРГИЯ, ПИТАНИЕ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТВОРЕНИЙ/MEINE IDEEN, UND DIES IN BÜCHERN, IN ANSCHAUUNGEN, IN ERFAHRUNGEN, WODURCH SIE GENÄHRT WERDEN, BESCHÄFTIGEN MICH EIGENTLICH ALLEIN UND AUSSCHLIEßEND);
- 3) *пространственный* (МОИ МЫСЛИ – КРУГ; МОИ ЧУВСТВА – КРУГ/MEINE GEDANKEN, MEINE EMPFINDUNGEN SIND DOCH EIGENTLICH DER KREIS, IN DEM ICH LEBE UND DURCH DEN ICH GENIEßE; 4) *кинетический* (ДУХ – ДВИЖЕНИЕ ЭНЕРГИИ [БОЛЕЕ НАДЕЖНОЕ] ПО ПРЕДПИСАННОЙ ЕЙ КОЛЕЕ/DER GEIST BEWEGT SICH VIELMEHR ZUVERLÄSSIGER IN EINEM IHM GEGEBENEN GLEISE);
- 5) *темпоральный* (СОДЕРЖАНИЕ (В НАШЕЙ ГРУДИ) И ФОРМА ДУХА – НЕИМЕННЫЕ/ВЕЧНЫЕ СУЩНОСТИ/DER GEHALT IN UNSERER BRUST, WIE DIE FORM UNSERES GEISTES, BEIDES IST GEWIS OHNE WANDEL, BEIDES EWIG);
- 6) *натуроморфный* «ВЫСОТА ЖИЗНИ/БЛЕСК ВНЕШНЕГО ПОЛОЖЕНИЯ [КАК ПРЕДЕЛ МЕЧТАНИЙ МНОГИХ] – НЕДОСЯГАЕМОСТЬ И ВЕЛИЧИЕ СКАЛ; МУДРОСТЬ И ВНУТРЕННЕЕ СОВЕРШЕНСТВО [ВЫСОКИХ НАТУР] – В СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧАХ БЫТИЯ VS ТЕНИ ТЯЖКИХ ИСПЫТАНИЙ)/DIE HÖHE DES LEBENS, DER GLANZ DER ÄUßEREN STELLUNG MÖGEN FÜR VIELE KLIPPEN SEIN – HOHE NATUREN ERLANGEN REIFE UND VOLLENDUNG, GLEICHVIEL, OB IM SONNENSTRAHL DES GLÜCKS ODER IM SCHATTEN SCHWERER VERHÄNGNISSE);
- 7) *антропологический* (ИДЕИ – ПОСТОЯННЫЕ ПРОВОДНИКИ, ДРУЗЬЯ, УТЕШИТЕЛИ/IDEEN – BESTÄNDIGE LEITER, FREUNDE, TRÖSTER);
- 8) *гедонистический* (ЖИЗНЬ В ИДЕЯХ – ИСТИННОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ, СЧАСТЬЕ/IN IHNEN (IN IDEEN) ZU LEBEN IST EIGENTLICH DER WAHRE GENUSS, DAS GLÜCK);
- 9) *вегетативный* (ЖИЗНЬ В ИДЕЯХ – ЖИЗНЬ БЕЗ КОЛЮЧЕК/ HAT MAN SICH EINMAL AN DIES LEBEN IN IDEEN GEWÖHNT, SO VERLIEREN KUMMER UND UNGLÜCKSFÄLLE IHREN STACHEL);
- 10) *зооморфный/орнитоморфный* (УЧЕНЫЙ ОДНОЙ ИДЕИ – НАСЕДКА С ОДНИМ ПТЕНЦОМ/ES IST SCHLIMM, WENN DER MENSCH <...> IMMER NUR ÜBER DEM BRÜTET, WAS ER SEIT JAHREN GETAN HAT) и др. [Humboldt 1819; 1822].

Когнитивными основаниями для формирования концептуальных метафор как языковых репрезентантов ИДЕЙ служат в философской картине мира Гумбольдта, главным образом, следующие **ноэмы** или мыслительные представления о предмете: а) *идеи как гносеологическая сущность* (духовное око, энергия, внутренний взор, дух, мысль, знания, мудрость); б) *идеи как движущийся объект* (движение по колее); в) *идеи как антропологическая сущность* (друзья, сопровождающие, утешители); г) *идеи как сенсуалистическая реалья* (счастье, наслаждение, жизнь без колючек); д) *эстетическая категория* (высшее, прекрасное) и др. **Сферами-источниками** метафорических гештальтов концепта ИДЕИ у Гумбольдта выступают самые разнообразные области человеческих знаний: гносеология, философия, космология, антропология, сфера эмоций, эстетики, природы и др. Характерно, что именно мыслительно-познавательная деятельность человека в целом признавалась немецким философом «самой важной и решающей в человеческом бытии». По Гумбольдту, человек должен обладать способностью к внутреннему созерцанию (*Beschauung*), чтобы быть целиком и полностью захваченным мыслью, идеей. По его убеждению, «величайшим и прекраснейшим, что люди в состоянии познавать, остаются чистые идеи, познаваемые только с помощью внутреннего взора» [Humboldt 1822].

Метафоры, категоризирующие концепт ИДЕИ, отражают мыслительно-эпистемологические приоритеты Гумбольдта, проявляющиеся во многом при выборе им *когнитивных стратегий*, применяемых при метафорическом осмыслении искомого феномена. Так, он использует *когнитивную стратегию пространственной визуализации* метафорически интерпретируемого им объекта (ИДЕИ – КРУГ). Представляя конструкт ИДЕИ геометрической фигурой *круга*, Гумбольдт проецирует на идеи онтологические признаки самого круга (бесконечность, отсутствие начала и конца, гармонию и т.п.). Для создания языковой модели концепта ИДЕИ релевантна *стратегия антиномий* (*общее и единичное* («многие натуры» vs «единичные высокие натуры»; *материальное/внешнее* (высота и блеск положения) vs *идеальное/внутреннее* (богатство идеями) и др. Важное значение у Гумбольдта имеют также *когнитивные стратегии трансцендентности, идентификации, эмоционализации, синергии* и др.

Объективированный метафорами концепт ИДЕИ обнаруживает синергетическую связь с такими экзистенциональными сущностями, как *жизнь, смерть, природа, космос, вечность* и др. [Фомина 2021].

Среди метафорически интерпретированных Гумбольдтом онтологических признаков *идей*, являющихся релевантными для его языкового сознания, особой значимостью – в аспекте проведения современных когнитивных исследований – обладают такие свойства *идей*, как: а) *каузальность*: идеи как причина понимания и непонимания между людьми; б) *дифференциация в содержании* идей: когнитивное структурирование идей разными людьми; в) *аксиологический модус идей*: *позитив-*

ная/ негативная оценка роли идей в жизнедеятельности человека; г) *демиургический потенциал* идей (идеи и творчество); д) *энергетический потенциал* идей (идеи как энергетический субстрат); е) *единичное и общее в генезисе* идей (идеи личности и человечества); ё) *кондициональность* идей (идеи в аспекте их содержания и влияния условий, среды их формирования) и др.

Концептуальные метафоры ИДЕИ у Гумбольдта отражают эпистемологический генезис идей, указывают на сложность и многомерность их когнитивно-фреймового структурирования, обнаруживают особенности индивидуально-личностного восприятия идей Гумбольдтом, демонстрируют приоритеты в парадигме мыслительных стратегий, используемых при метафорической интерпретации «ИДЕЙ». Изучение концептуальных метафор *идей* позволило выявить ряд *пролегоменов Гумбольдта к пониманию сущностной природы идей*. Так, *идеи* определяются немецким мыслителем как «самое высшее в жизни человека». Идеи выступают *объектом и средством познания* окружающего мира, а *способом познания* самих идей служит внутреннее созерцание. Идеи, являясь ментальной энергетической субстанцией, мотивируют творчество человека, хотя, по Гумбольдту, не всякий человек способен к *творчеству*, так как это определяется некими высшими силами, «готовыми либо воздействовать на человека и пробуждать в нем высокую мыслительную энергию, либо нет». Идеи имеют *содержание и форму*, определяют духовное *состояние* человека, порождают позитивные чувства, ощущения. Философ затрагивает также проблему *поиска истока человеческой мысли/идеи*, а также конечной цели и «судьбы» *идей* после завершения земного бытия человека. По его убеждению, *идеи, мысль, дух вечны* и не исчезают с уходом человека в инобытие, а подобно «душе-бабочке», вылетающей из «окукливающейся гусеницы» («aus einer verpuppten Raupe») продолжают свою жизнь. Идеи являются индивидуально обусловленной частью ментального габитуса каждого человека, что предопределяет трудности понимания идей одного человека другими людьми.

Литература

- Болдырев Н.Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 34-44.
- Кант И. Критика чистого разума. СПб.: тип. Н. Тиблена и комп. (Н. Неклюдова), 1867.
- Фомина З.Е. Рефлексии Гумбольдта о человеке, природе, космосе и божестве // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. М.: МГИМО Университет, 2021. С. 10-59.
- Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянских культур, 2017.
- Humboldt Wilhelm von. Briefe // Projekt Gutenberg. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/humboldt/briefe/chap001.html>
- Ross W. D. Plato's Theory of Ideas. Oxford: Clarendon Press, 1951.

S.E. Fomina (Voronesh, Russia)

Voronezh State University

METAPHORS AS A MEANS OF LINGUISTIC CATEGORIZATION OF THE CONCEPT OF IDEAS IN PHILOSOPHICAL WORLDVIEW OF W. VON HUMBOLDT

Based on the analysis of metaphors externalizing the concept of IDEAS in philosophical reflections of W. von Humboldt, the article defines the features of von Humboldt's vision, perception and understanding of the essential nature of IDEAS. The issue under consideration is significant for modern cognitive research, including the development of artificial intelligence.

Key words: V. von Humboldt, ideas, cognitive linguistics, conceptual metaphors, philosophical picture of the world, gestalts, artificial intelligence

М.А. Фомина (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

marinafomina7@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ФРЕЙМА СОБЫТИЯ, СВЯЗАННОГО С РЕЗУЛЬТАТОМ ДЕЙСТВИЯ СТИХИЙНОЙ СИЛЫ

В статье рассматривается процесс концептуализации события, связанного с действием стихийной силы, на материале моделей типа *Крышу сорвало ветром* vs. *Ветер сорвал крышу*. Приводятся результаты фреймового анализа, позволяющие развести анализируемые модели, представляющие собой результат различного восприятия говорящим концептуальных компонентов одного и того же события и отношений между ними.

Ключевые слова: фрейм, событие, концептуализация, модель предложения, агент / каузатор, стихийная сила

1. Введение

В статье приводятся некоторые результаты исследования, объектом которого выступают модели типа *Крышу сорвало ветром* и *Ветер сорвал крышу*, описывающие положение дел, связанное с результатом действия стихийной (природной) силы, однако представляющие собой результат различного восприятия говорящим концептуальных компонентов одного и того же события и отношений между ними.

Понимая под денотатом, вслед за О.Н. Селиверстовой, объект, «пропущенный» через сознание говорящего, необходимо ответить на вопрос, существует ли какая-то промежуточная стадия восприятия, которая «„записывается“ на некотором языке мозга <...> в виде картинки или каким-то другим образом» и которая может не в полной мере соответствовать означаемому языкового знака [Селиверстова 2004: 747] (ср. также, например, представление об изоморфных и алломорфных отношениях [Худяков 2010: 94], которые могут возникать между пропозицией и возникающим на ее основе предложением). В пользу существования такого промежуточного звена можно привести тот факт, что одна и та же денотативная ситуация часто может описываться через целый набор близких по значению высказываний. Такая возможность позволяет предположить, что говорящий «знает» о денотативной си-

туации больше, чем сообщает о ней в каждом из таких высказываний [Селиверстова 2004: 747]. Так, например, в работах Л. Талми уделяется особое внимание разным возможностям осмысления объектов – по мнению ученого, высказывания строятся на основе выделения объективных пространственных параметров объекта и абстрагирования от остальных характеристик описываемой денотативной ситуации [Talmy 1983].

Как представляется, подход к описанию значения, при котором значение слова отождествляется с его денотативным классом, является следствием именно невыделения такого промежуточного этапа восприятия, при котором отсутствует разделение процесса восприятия и осмысления объекта/денотативной ситуации и ее конститuentов и процесса обозначения объекта/ситуации при помощи языковых знаков. Подход к пониманию значения как информации позволяет развести возможное ментальное отображение денотата и то, что о нем сообщается при помощи языкового знака. Действительно, рассматриваемые структуры типа *Крышу сорвало ветром* vs. *Ветер сорвал крышу* обладают одной и той же глубинной структурой, при этом вносимая ими информация не тождественна. Установить данные различия при помощи фреймового анализа, позволяющего выделить ключевые (салиентные) компоненты фрейма, особо значимые при выборе способа представления в языке описываемой денотативной ситуации, и представляется **актуальной задачей** настоящего исследования. Как отмечается в работе [Сулейманова 2013], возможность представления одной и той же денотативной ситуации (фрейма) через «различные, но не-случайно связанные признаки» является следствием такого когнитивного явления, как метонимия, определяемого «как ментальный доступ к одной концептуальной сущности через другую сущность, через концептуальную соположенность <...> в пределах фрейма или сценария, или когнитивной модели» [Сулейманова 2013: 162].

О.А. Сулейманова подчеркивает, что применение фреймового подхода к когнитивной интерпретации языковых явлений (посессивных моделей, атрибутивных многокомпонентных словосочетаний, различных аспектов метонимии и многих других) обусловлено «высокой объяснительной и прогностической силой» данной исследовательской методики [Сулейманова 2013: 108]. Ученый отмечает, что фрейм представляет собой результат объективной и избирательной фиксации знания о ситуации – фрейм обладает неоднородной с точки зрения статуса его элементов структурой и содержит по крайней мере одну вершину (обязательную, салиентную составляющую) и слоты («сопутствующие» элементы) [Сулейманова 2013: 108].

2. Материал исследования

Эмпирический материал для исследования отбирался из текстов основного корпуса Национального корпуса русского языка. На начальном этапе формирования эмпирической базы исследования был разработан алгоритм поиска «стихийных» конструкций. Оптимизация поисковых запросов позволила значительно сократить объем анализируемого материала, однако для отсеивания нерелевантных примеров потребовалась дополнительная ручная фильтрация (ср. высказывание, полученное

в результате построенного запроса и не содержащее «стихийную» модель: *Вся ее жизнь свелась к тесному, запыленному пространству, в солнечную погоду залитому светом* [НКРЯ]).

3. Крышу сорвало ветром vs. Ветер сорвал крышу: конструирование фрейма события

Проведенное исследование позволило построить идеализированную модель рассматриваемого событийного фрейма с выделением обязательных слотов, составляющих основу фреймовой структуры знания, которая далее и эксплицируется при помощи анализируемых моделей, представляющих собой результат различного восприятия говорящим концептуальных компонентов одного и того же события и отношений между ними.

Высказывания типа *Крышу сорвало ветром* vs. *Ветер сорвал крышу* описывают положение дел, в котором присутствуют стихия (некая природная сила, выполняющая роль природного каузатора, – например, *ветер*) и пациенс (см. подробнее о методике исследования и полученных описаниях семантики рассматриваемых моделей в [Фомина 2022]). Приведем фрагмент построенного фрейма события, связанного с действием стихийной силы и описываемого при помощи одной из моделей: (1) безличной «стихийной» конструкции типа *Крышу сорвало ветром*, (2) действительной модели и (3) страдательной конструкции типа *Крыша была сорвана ветром*. Итак, к основным слотам рассматриваемого событийного фрейма относятся **стихия** и **объект воздействия**; действие природной силы приводит к **изменению состояния** или **местоположения объекта** воздействия.

В рамках данной статьи рассмотрим различия между моделями (1) и (2), обусловленные наличием неслучайной связи между слотами рассматриваемого событийного фрейма.

Обязательным элементом рассматриваемого событийного фрейма является **стихия**. При определении роли природных сил как актанта многие исследователи сходятся во мнении, что стихийный агент обладает некоторым промежуточным статусом и занимает положение между агенсом и отдельным положением дел. «Стихийная» конструкция, которая в случае «субъективизации» действия стихии может быть преобразована в действительный оборот (что позволяет соотнести роль стихийного каузатора и субъекта-агенса), вносит информацию о том, что действие осуществляется «за счет силы, оторванной от своего создателя» [Сулейманова 1993: 75], и накладывает запрет на употребление в составе модели единиц, обозначающих актантов, реализующих роль субъекта-каузатора: ср. возможное метонимическое преобразование высказываний, описывающих одну и ту же денотативную ситуацию (событийный фрейм), (1a) *Ветер разбросал каяки в разные стороны* → (1б) *Ветром разбросало каяки в разные стороны* и преобразование, в результате которого образуется неотмеченное высказывание: (2a) *Малыш разбросал игрушки по всей комнате* → (2б) **Малышом разбросало игрушки по всей комнате*. Возможность преобразования в первом случае обуславливается наличием метонимической связи между предложениями (1a) и (1б), возникающей именно в силу промежуточного

положения стихийного агенса-каузатора. Актанты, выполняющие роль субъекта-каузатора, не принадлежат данному событийному фрейму и не могут вступать в методические отношения с его элементами.

Как показано в [Фомина 2022], с учетом содержания признака активности/неактивности «природные каузаторы» можно отнести к так называемым неагентивным (в отличие от агентивных субъектов, прикладывающих усилия и/или проявляющих волеизъявление), но определяющим субъектным актантам (в терминологии О.Н. Селиверстовой) – такой актант независимо от себя самого является источником энергии, которая поддерживает и/или определяет возникновение действия.

Итак, при восприятии события говорящим решается задача определения роли природных сил как актанта. Как показало проведенное исследование, салиентный элемент *стихия* может быть осмыслен как инструмент, осуществляющий действие за счет силы, не имеющей своего создателя, представленной либо природной энергией, либо энергией, произведенной при помощи искусственно созданных устройств [Сулейманова 1993: 75] – и тогда говорящий выбирает «стихийную» модель типа *Крышу сорвало ветром*. В случае осмысления стихии как агенса, действующего напрямую и без объекта-посредника, одновременно как источник силы и как создатель энергии, говорящий выбирает языковую экспликацию в виде действительной конструкции – ср. *Ветер сорвал крышу*.

Следующий этап фреймового анализа состоит в описании остальных **салиентных элементов** рассматриваемого событийного фрейма – объекта воздействия (который может быть представлен как одушевленным объектом, так неодушевленным) и самого результата действия каузирующей силы – повреждения объекта, его разрушения, уничтожения, передвижения объекта (или препятствования движению), наполнения/заполнения пространства, покрытия объекта, которое приводит к изменению состояния или местоположения объекта воздействия; а также выделенных **опционных слотов** – ср. место совершения события, время события, масштаб (разрушения, повреждения), причины, эмоциональная оценка результата действия стихийной силы, свидетели произошедшего и пр.

Литература

- Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Сулейманова О.А. Еще раз о предложениях типа Крышу сорвало ветром: сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. 1993. № 417. С. 62-76.
- Сулейманова О.А. Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений // Вестник ЗГГУ. 2013. № 4 (52). С. 162-168.
- Фомина М.А. Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4 (48). С. 126-136.
- Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: для студентов филологических факультетов иностранных языков высших учебных заведений. М.: Академия, 2010.
- Talmy L. How Language Structures Space // Spatial Orientation. Theory, Research and Application. N.Y.: Plenum Press, 1983. Pp. 225-281.

*M.A. Fomina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

ELEMENTAL FORCES OF NATURE AND THEIR EFFECT: FRAMING THE EVENT STRUCTURE

The paper investigates into the way the elemental forces of nature and their effect are conceptualized in the Russian language. The paper makes a frame analysis of the event that makes it possible to distinguish between synonymous Russian models *Kryshu sorvalo vetrom* vs. *Veter sorval kryshu*. The models denote one and the same event conceived of differently by the speaker in terms of its conceptual components and their interrelations within the event frame.

Key words: frame, event, conceptualization, sentence model, Agent / Causer, elemental forces of nature

*Циньянь Хуан (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
1090421106@qq.com*

СПЕЦИФИКА ЖЕСТОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА 家 (СЕМЬЯ) В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье на примере категории ЧЛЕНЫ СЕМЬИ рассмотрены особенности жестовой репрезентации концепта 家 (семья) в современной китайской лингвокультуре. Доказывается, что жестовая концептуализация имеет свою специфику на всех уровнях репрезентации концепта: структурном и содержательном.

Ключевые слова: концепт 家 (семья), жестовая репрезентация концепта, китайский жестовый язык

На протяжении всего времени одним из ключевых и наиболее актуальных концептов китайской лингвокультуры является концепт 家 (семья). Данный концепт представляет собой отражение национально-культурных особенностей восприятия и познания мира культуры [У Синьюй, 2009: 3].

Одной из ключевых категорий концептуального поля 家 (семья) является категория ЧЛЕНЫ СЕМЬИ. В китайском электронном словаре жестовых языков «Национальный словарь жестового языка» указанная категория представлена 60 жестами, описывающими родственников.

Анализ этих жестов подтверждает положение о том, что жестовая концептуализация представляет собой полноценную систему фиксации концептуальных смыслов с помощью визуально-мануальной модальности и указывает на целый ряд структурных и содержательных особенностей данного способа концептуализации для представителей китайской лингвокультуры.

По своей структурной организации жесты китайского жестового языка делятся на одноручные и двуручные. Каждый тип жестов характеризуется не только особенностями исполнения, но также может быть противопоставлен друг другу по своему концептуализирующему потенциалу.

В результате проведенного анализа жестов, репрезентирующих членов семьи, выявлено, что большая часть из них являются одноручными. Для исполнения данных жестов задействуется только правая рука, левая при этом не делает никакого самостоятельного движения. Например, жест 爸爸 (*nana*) исполняется правой рукой, при этом большой палец выпрямляется, его левая сторона прижимается к губам; в ходе исполнения жеста 姐姐 (*старшая сестра*) выпрямляют средний палец правой руки, прижимая внутреннюю сторону пальца к подбородку, затем большим и указательным пальцами слегка сжимают мочку уха; при изображении жеста 哥哥 (*старший брат*) выпрямляют средний палец правой руки, направляя его кончик вверх и прижимая внутреннюю сторону пальца к подбородку, затем руку ставят вертикально (ладонью к стороне головы) и совершают два движения вперед-назад. Специфика таких одноручных жестов заключается в том, что они выступают единицами жестовой номинации родственников, которые в иероглифической репрезентации звучащего китайского языка состоят из удвоенного иероглифа. В аспекте своего концептуализирующего потенциала данная группа жестов фиксирует знания о членах семьи, которые, как правило, связаны кровным родством.

В свою очередь, двуручные жесты позволяют указать на членов семьи, не связанных кровным родством. Структурно данные жесты многокомпоненты и исполняются в два этапа. Например, в ходе исполнения жеста 表哥 (*старший двоюродный брат*) сначала горизонтально вытягивается левая рука, ее кулак сжимается тыльной стороной вверх, одновременно выпрямляется указательный палец правой руки, его помещают у левого запястья и поворачивают один раз влево; затем одной рукой выпрямляют средний палец, направляя его кончик вверх и прижимая внутреннюю сторону пальца к подбородку, ставят руку вертикально (ладонью к стороне головы) и совершают два движения вперед-назад. При изображении жеста 继父 (*отчим*) выпрямляют большой палец левой руки тыльной стороной наружу, мизинец правой руки также выпрямляют, направляют кончиком вверх и дважды сгибают в направлении большого пальца левой руки, затем правой рукой выпрямляют большой палец и прижимают левую сторону его кончика к губам. Жест 岳父 (*тесть*) исполняется обеими руками, большие пальцы выпрямляются, поворачиваются внутренними сторонами друг к другу и тыльными сторонами наружу, располагаясь сбоку от тела, затем пальцы слегка сгибают один раз, после чего правой рукой выпрямляют большой палец, прижимая левую сторону его кончика к губам.

В содержательном плане особенность жестов родства в китайском жестовом языке заключается в том, что они 1) метафорически связаны с восприятием частей лица человека, 2) профилируют свойственную для китайской лингвокультурной общности значимость положения/статуса членов семьи в семье и, шире, в обществе.

Метафоричность жестов, выступающих единицами номинации родственников, и их ассоциативная связь с частями лица обусловлена как фактором удобства (доступность непосредственной зрительной перцепции лица как части человеческого тела), так и когнитивным вектором концептуализации знаний о родственнике с

определенными частями лица. Данный факт позволяет указать на такую особенность жестовой метафоризации категории ЧЛЕНЫ СЕМЬИ/РОДСТВЕННИКИ, как соматическая метафоричность.

Например, жесты 哥哥 (старший брат) и 弟弟 (младший брат) предполагает указание на короткие волосы. Соответственно, выстраивается ассоциативная связь между представителями мужского пола с традиционной длиной стрижки (короткие волосы). Жесты 姐姐 (старшая сестра) и 妹妹 (младшая сестра) исполняются как щипок мочки уха большим и указательным пальцами. Такой элемент жеста позволяет ассоциативно указать на серьги, которые девушки носят в качестве украшения, т.к. любят красоту. При исполнении жеста 爷爷 (дедушка) носитель жестового языка имитирует жест прикосновения к своим усам; жеста 奶奶 (бабушка) – морщину.

Профилирование положения/статуса членов семьи в семье и обществе осуществляется с помощью включения в процесс исполнения жеста пальцев. Именно данная часть тела позволяет символически указать на 4 группы родственников относительно их иерархии в семье. В китайском жестовом языке данную функцию выполняют четыре пальца руки, а именно большой, указательный и средний пальцы, а также мизинец. Отсутствие закрепленного концепта за безымянным пальцем во многом объясняется трудностью жестикулировать им для большинства глухих людей. Соответственно, большой палец указывает на отца как главу семьи, т.е. члена семьи с самым высоким статусом; указательный палец – мать; средний палец – старшего брата или старшую сестру; мизинец – младшего брата или младшую сестру, т.е. членов семьи с самым низким статусом. Сравнение жестовой репрезентации указанных членов семьи с их иероглифической репрезентацией указывает на одинаковое концептуальное восприятие данной социальной группы всеми представителями китайской лингвокультурной общности независимо от их способности слышать и, как следствие, материально фиксировать результаты когниции. Особенности восприятия ближайших родственников в семье восходят к концепции организации семьи в древнем Китае, согласно которой старшие члены семьи имеют право абсолютной власти над младшими, жена абсолютно подчиняется мужу.

Таким образом, жестовая репрезентация категории ЧЛЕНЫ СЕМЬИ в китайской лингвокультуре обнаруживает целый ряд особенностей. Данные особенности проявляются как на структурном, так и на содержательном уровнях. Такая лингвокультурная специфичность указывает на самостоятельность системы жестового кодирования данной категории как основной категории концепта 家 (семья), а также на такую ее характеристику, как формирование на протяжении нескольких тысячелетий в китайском обществе параллельно китайскому иероглифическому языку.

Литература

БКРС 2025. URL: <http://bkrs.info>.

У Синьуй. Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах: автореф. дис. ...канд. пед. наук. СПб., 2009.

国家通用手语 (Национальный словарь жестового языка). 2025.

*Qinyan Huang (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University*

SPECIFICS OF SIGN REPRESENTATION OF THE CONCEPT 家 (FAMILY) IN CHINESE LINGUOCULTURE

The article regards the conceptual category FAMILY MEMBERS and analyzes sign representation of the concept 家 (family) in modern Chinese linguoculture. It proves the specific character of Chinese sign conceptualization on the basic levels of concept representation concerning its structure and meaning.

Key words: concept 家 (family), sign concept representation, Chinese sign language

*Д.А. Цымбалов (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
dima.cymbalov@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЮМОРА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ КОМЕДИЙНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В статье рассматривается процесс концептуализации юмора в современном англоязычном комедийном кинематографе на примере фильма Квентина Тарантино «Once Upon a Time... in Hollywood». Исследование выявляет особенности вербальных и невербальных средств создания комического эффекта, а также роль культурных и социальных контекстов в восприятии юмора. Основное внимание уделяется анализу концептов и их влиянию на зрительское восприятие и интерпретацию комического. Полученные результаты демонстрируют значимость мультимодального подхода к изучению юмора в кино.

Ключевые слова: концептуализация, юмор, кинодискурс, концепт, комическое, концептуальная метафора

В когнитивной лингвистике концептуализация играет ключевую роль, представляя собой процесс создания структурированных и иерархически организованных представлений о мире. Актуальность изучения процесса концептуализации юмора в современном англоязычном комедийном кинематографе обусловлена отсутствием подобных исследований в рамках мультимодального подхода отбора и анализа материала.

В своем исследовании Е.В. Дзюба определяет концептуализацию как процесс формирования знаний о мире и о себе путем обработки информации с помощью личного опыта, мыслительной деятельности и воображения с учетом исторического, культурного, языкового и др. контекстов. Он включает в себя сбор и вербальное закрепление информации об объектах реального или воображаемого мира для дальнейшего использования в коммуникации [Дзюба 2018: 34]. Исследователи единогласны в том, что концептуализация отражает способность создавать абстрактные идеи и понятия, которые являются основополагающими для восприятия и интерпретации языковой информации [Холод 2018]. Говоря о концептуализации, невозможно обойти вниманием понятие «концепт». В данном исследовании под концептом, вслед за Е.С. Кубряковой, понимается набор информации о явлении реального

или воображаемого мира, сформированный в процессе концептуализации. С одной стороны, концепт – условная единица мышления человека, а с другой – система когнитивных признаков об объекте познания. Концептуализация главным образом строится на основе отличия объекта от других подобных или неподобных ему [Кубрякова 1996].

На сегодняшний день в фокусе исследовательского внимания оказываются культурно-значимые и социальные феномены, включая юмор и специфику его концептуализации в кино. Концептуализация юмора связана с идентификацией и анализом таких элементов, как игра слов, контекстуальные шутки и культурные отсылки, что позволяет глубже понять механизмы воздействия юмора на аудиторию.

Юмор в кинематографе служит в первую очередь средством развлечения зрителя и, как показывают статистические исследования, является показателем финансового успеха кинофильма. Тем не менее, начиная с зарождения кинематографической комедии, режиссеры использовали юмор не только для развлечения, но и как инструмент критики, социального комментария и иносказательных посланий, давая зрителям возможность пересмотреть окружающую реальность. В связи с этим юмор изобилует как видами выражения, так и способами реализации.

К видам реализации комического принято относить иронию, сарказм, сатиру и т.д., которые отличаются между собой коннотацией и интенцией автора. Способы его реализации делятся на вербальные и невербальные [Ширяева 2022: 43]. Совместное использование вербальных и невербальных средств обеспечивает концептуально-семантическую связность и целостность фильма [Зыкова 2022: 50].

В качестве материала данной работы был выбран фильм американского режиссера К. Тарантино «Once upon a time... in Hollywood», снятый в 2019 г. Его сюжет основан на серьезных, экзистенциальных вопросах самоопределения в эпоху меняющегося мира. Действия фильма разворачиваются в Голливуде 1960-х гг., конце «Золотого века Голливуда».

Название фильма «Once upon a time... in Hollywood» играет одну из ключевых ролей в понимании и интерпретации фильма в целом. Данное название можно разделить на 2 части «Once upon a time...» и «in Hollywood». Фраза «Once Upon a Time» традиционно используется в сказочных произведениях, чтобы указать на начало истории, зачастую фантастической или утопической. Таким образом, первая часть должна вызвать у зрителя воспоминания о детских сказках, где добро побеждает зло и все заканчивается хорошо, тем самым создавая позитивную атмосферу. В то же время данная фраза – своеобразное клише, т.е. устойчивое сочетание слов, часто встречающееся в определенных контекстах. Многоточие тоже играет особую роль в названии картины, с его помощью режиссер создает ощущение интриги, намекая на то, что не смотря на предсказуемую структуру сказки и значимость событий для американской культуры, ему есть, что рассказать. Вторая же часть не только отсылает непосредственно к локации происходящих событий, но и служит собственно обращением к концепту HOLLYWOOD, который, как правило ассоци-

ируется с районом Лос-Анджелеса, как колыбелью лучшего мирового кино как раз в эпоху «Золотого века». Используя именно такое сочетание, автор прибегает к метафоризации названия картины, подразумевая, что представленная история обладает классическими чертами сказочного рассказа с яркими персонажами и захватывающим сюжетом, тем самым концептуализирует ретроспективную романтизацию той эпохи, отодвигая трагические ассоциации на второй план.

Голливуд в фильме показан не столько как район, где происходят события фильма, но как символ успеха, гламура. Своими действиями главный герой демонстрирует собственное представление об этом месте. Например, когда герой говорит о своей перспективе быть звездой итальянских фильмов, он показывает свое пренебрежительное отношение к ним и приравнивает главные роли в итальянском кино к второстепенным ролям в голливудских телесериалах, об этом свидетельствует его комментарий о недавнем предложении работы: «I gotta do Italian goddamn movies! That's the f*cking problem!». В то же время Рик идеализирует Голливуд, как например, в эпизоде, где он характеризует жителей данного района: «Hollywood real estate means you live here. You're not just visiting, not just passing through. You f*cking live here». Примечательно, что использование обсценной лексики в обоих примерах может выражать как позитивное, так и негативное отношение к предмету дискуссии. Герой также отождествляет Голливуд с перспективами и возможностями, так, например, в одном из эпизодов Рик говорит о том, что живет по соседству с популярным режиссером Романом Полански и предполагает, что этот факт может стать вторым шансом для его карьеры. «I could be one pool party away from starring in a new Polanski movie».

Авторы картины также показывают и другую сторону Голливуда. В диалоге с главным героем продюсер рассказывает о принципах отбора и продвижения актеров в Голливуде: «So you hire a guy from a canceled show to play the heavy. Then at the end of the show, when they fight, it's hero besting heavy. But what the audience sees... is Bingo Martin whipping Jake Cahill's ass. You see?». Согласно данной реплике, Голливуд представляется как место, где на замену старых и слабых приходят молодые и сильные.

Многослойность интерпретативности, т.е. возможности трактовки комического в фильме, образуется из 4 основных слоев: 1) Культурный слой. Как уже было отмечено ранее, фильм пропитан отсылками к реальным событиям, происходившим в Голливуде 1960-х гг. Комический эффект создается благодаря тому, что автор манипулирует ходом событий, меняя его, что в свою очередь вызывает разрыв между ожиданиями зрителя и тем, что в действительности происходит на экране; 2) Социальный слой. В картине затрагивается тема болезненной и жестокой сменяемости поколений в профессиональной сфере. Автор использует сатиру как средство критики бесчеловечности индустрии. Весь масштаб эпохальных, с точки зрения культуры, событий противопоставляется главному герою – второсортному актеру, находящемуся в кризисе неприятия правил индустрии; 3) Психологический

слой. Комическое освещение внутренних конфликтов персонажей. Так, например, кризис идентичности Рика Далтона, показан через серию комических эпизодов. Таким образом автор высмеивает способность «Голливуда» сделать «шоу» из чего угодно, оборачивая трагедию главного героя в комедийную оболочку.

4) Метафигиональный слой. Фильм манипулирует жанровыми клише и ожиданиями зрителя, создавая ироничное отношение к индустрии кинематографа, к Голливуду, как дому этой индустрии и к жителям этого места, как к виновным в таком положении вещей.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что концепт HOLLYWOOD в фильме сопряжен с такими понятиями, как: «успех», «гламур», «карьера», «перспективы» и т.д. В нем можно выделить две концептуальные метафоры HOLLYWOOD AS A FAIRY TALE и HOLLYWOOD AS WAR. Таким образом, анализ концепта HOLLYWOOD в фильме К. Тарантино демонстрирует, как различные культурные, исторические и социальные контексты способствуют созданию многослойной интерпретации комического, раскрывая глубокие противоречия и ценности эпохи.

Литература

Бирюков Н.Г. Концептуализация действительности: репрезентация знаний носителя языка о фрагменте мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 39. С. 20-25.

Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018.

Зыкова И.В. Полимодальная концептуализация чувств и эмоций в кинодискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 49-54.

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Холод Ю.С. Концепт и концептуализация в зарубежной лингвистической парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6-1 (84). С. 173-176.

Чиликина Е.В., Ширяева Т.А. Метафорические модели как способ концептуализации и категоризации современного делового сообщества (на материале текстов деловой рекламы) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 51-55.

Ширяева Т.А., Цымбалов Д.А. Лингвистические особенности выражения комического в англоязычном кинодискурсе // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2022. Т. 18. № 4 (58). С. 42-52.

Highest-Grossing Movie Film Genres. URL: <https://www.jetpunk.com>.

Tarantino Q. Once Upon a Time... in Hollywood. Los Angeles: Columbia Pictures, 2019. 161 мин.

D.A. Tsybalov (Pyatigorsk, Russia)

Pyatigorsk State University

CONCEPTUALIZATION OF HUMOR IN MODERN CINEMATOGRAPHY

This study explores multimodal conceptualization of humor in a Q. Tarantino's contemporary English-language comedy "Once Upon a Time... in Hollywood". The research examines how the concept of HOLLYWOOD is constructed within the film, intertwining the themes of success, glamour and societal expectations with the industry's inherent ruthlessness. The analysis identifies two key conceptual metaphors – HOLLYWOOD AS A FAIRY TALE and HOLLYWOOD AS WAR, which shape

the film's comedic layers. Through a four-layered interpretative model the study highlights how humor functions not only as entertainment but also as a medium for social critique and nostalgic romanticization of the past. The findings contribute to the broader understanding of humor in the cinematic discourse and its dependence on cultural and historical contexts.

Key words: conceptualization, humor, cinema discourse, concept, comic effect, conceptual metaphor

А.А. Чвинова (Воронеж, Россия)

*Воронежский государственный университет
a.tchvirova@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ ПРЕДЛОГА DANS (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена исследованию концептуализации пространства с помощью предлога *dans* в реляционно-предметных предложениях французского языка. Автор рассматривает различные подходы к пониманию концепта ПРОСТРАНСТВО и его характеристик, анализирует структуру пространства и его восприятие человеком, выделяет типы пространств, которые концептуализируются предлогом *dans* в реляционно-предметных предложениях французского языка.

Ключевые слова: концепт, пространство, предлог *dans*, реляционно-предметные предложения

Концепт, как одна из ключевых категорий когнитивной лингвистики, представляет собой единицу знания и играет важную роль в процессе концептуализации, способствуя пониманию окружающего мира и формированию его языковой картины. Н.Н. Болдырев отмечает, что «исследование языка как определенной системы репрезентации знаний непосредственно связано с изучением общих принципов и механизмов соотношения когнитивных и языковых структур, процессов концептуализации и категоризации мира в языке» [Болдырев 2007: 17]. Одним из фундаментальных концептов, отражающих реальность средствами языка, является «пространство». По мнению М.В. Осыка, «пространственное восприятие действительности, разграничение ее объектов являются универсальными для человека, проявляющимися в языковой и концептуальной картине мира» [Осыка 2009: 129].

Цель данной статьи – выявить типы пространств, которые концептуализируются предлогом *dans* в реляционно-предметных предложениях французского языка.

Суммируя основные положения, которые выдвигают различные ученые об особенностях пространства, В.В. Корнева отмечает, что пространство имеет такие характеристики, как трехмерность, прерывность, осязаемость, конечность, растяжимость, антропоцентрическая ориентация, реальность и умоизобразительность, относительность, измеримость, наличие точки отсчета [Корнева 2008: 19].

Ученые уделяли внимание изучению структуры пространства. Так, К. Ванделуаз выделяет такие виды пространства в зависимости от его структуры как трехмерное закрытое (*chambre, puits*), трехмерное частично закрытое (*bouche, journal*), двухмерное ограниченное [Vandeloise 1986: 209].

Рассматривая категорию пространства в когнитивной картине мира, Л.А. Чижова выделяет «три самостоятельных, но взаимодействующих системы представлений о пространстве:

1) место как территория, занятая и/или может быть занятая материальными объектами, причем доступная восприятию органами чувств, обычно не имеющая искусственно созданных границ;

2) вместилище, ограниченная территория, которая представляется замкнутым пространством; границы и само вместилище могут быть/не быть продуктом деятельности человека / другого живого существа;

3) территория, не имеющая границ, восприятие которой затруднительно для человека обычным образом, с помощью зрения, без специальных инструментов» [Чижова 2011: 5].

Другие ученые рассматривают пространство, созданное человеком, в рамках его членения на «свой» мир и мир «чужой» [Красных 2002: 236]. В.В. Красных выделяет следующие элементы пространственной картины мира: «внутренний мир человека; фрагмент внешнего мира по отношению к телу человека; фрагмент внешнего мира, осознаваемый как свой; фрагмент внешнего мира, воспринимаемый и осознаваемый как чужой» [Там же].

В результате концептуализации происходит объективация явлений окружающего мира, в т. ч. пространства, средствами языка. При этом набор языковых средств разнообразен, в частности, важную роль в данном процессе играют предлоги. В данной статье исследуются способы концептуализации пространства во французском языке с помощью предлога *dans*.

Исследуя пространственное значение предлога *dans*, ученые определяют его по-разному.

В.Г. Гак относит предлог *dans* в группу с семантическим значением локальности, где он обнаруживает свое пространственное значение («внутри») [Гак 2000а: 219].

М. Гревисс и А. Гоосс обозначают основное пространственное значение предлога *dans* как нахождение «внутри ограниченного пространства», «внутри трехмерного пространства» [Grevisse, Goosse 2007: 1342-1350].

А.В. Кульгачева выделяет такие составляющие функционального значения предлога *dans* как «нахождение в пространстве: *dans la maison, dans une voiture*; направление движения во внутреннем пространстве: *tomber dans la mer, s'introduire dans l'appartement*» [Кульгачева 2010: 250].

Настоящее исследование пространственных значений проводится на материале французских предложений типа *Elle est dans sa chambre* (Она находится в комнате). Предложения данного типа получили разнообразную синтаксическую трактовку в романском языкознании. Данное исследование проводится в русле семантико-функционального подхода, который был разработан для классификации предложений русского языка А.М. Ломовым [Ломов 2022], и для классификации французского предложения Е.А. Алексеевой [Алексеева 2005; Алексеева 2014]. Согласно Е.А. Алексеевой, «назначение реляционно-предметных предложений состоит в том,

чтобы регистрировать разнообразные отношения, возникающие между соположенными грамматическими предметами: *Elle est en robe rouge* (Она в красном платье); *Elle était en colère* (Она была в гневе)» [Алексеева 2015: 329].

Учитывая пространственное значение предлога *dans* – нахождение внутри пространства, а также опираясь на категории пространства в когнитивной картине мира, предложенные Л.А. Чижовой, нами были выделены следующие типы пространств, концептуализируемых в реляционно-предметных предложениях французского языка при помощи предлога *dans*.

Ограниченное пространство включает:

а) продукт деятельности человека: емкость для хранения (*Ne me dis pas que cet argent était dans la mallette de Sheldon?* (Levy), *Le double de ses clés et le billet de 20 livres n'étaient pas dans leur cachette* (Levy); вместилище для хранения информации (*Comment le savez-vous? – C'est dans les journaux.* (Gary); механическое устройство (*Mon mouchard est dans le coprocesseur de l'appareil...* (Levy), *Je te vois progresser comme si j'étais dans ce serveur* (Levy); предмет мебели (*Deux minutes après, elle était dans son lit.* (Mérimee); средство перемещения (*Sa Lola était dans le train...* (Gavalda), *Tenez, vers 7 h 45, au moment où mes deux aînés sont déjà dans la voiture, <...>, vous savez ce qu'elle fait la petite?* (d'Ansembourg);

б) территория, созданная человеком: общественные места (*Tu étais dans le café? demanda-t-elle sèchement* (Levy), *C'est drôle que nous nous retrouvions dans ce parc, remarqua Lali* (Levy); место проживания (*Donc, le voleur n'est ni entré ni sorti, et pour une bonne raison, il se trouvait déjà dans l'immeuble!* (Levy), *Les barricinistes se tenaient dans leurs maisons et regardaient par les fentes de leurs volets* (Mérimee); внутренняя часть здания (*C'était dans le couloir où, pour le premier jour d'école et parce qu'il pleuvait, on avait entassé les enfants* (Barbery), *Elle traversa en courant le boudoir, la chambre à coucher et la lingerie et se trouva dans l'escalier de service.* (Gary); прилегающие территории (*Va aussi chercher ceux qui sont dans la grande cour* (Levy), *Il gagnait la porte, et déjà ses deux fils étaient dans la rue* (Mérimee); географические объекты (*Ils sont dans le pays* (Fournier), *Les deux plus gros labos qui vendent de l'insuline sont dans le New Jersey et l'Indiana* (Levy).

Условно ограниченное пространство, не имеющее искусственно созданных границ, включает: а) ментальное пространство человека (*La Corse, <...>, était restée dans son esprit parée de couleurs poétiques* (Mérimee), *Elle pensa que ses mots étaient dans son cerveau comme des boules de Loto avant de sortir* (Foenkinos); б) пространство, воспринимаемое человеком (*C'est dans ma direction, répondit-il alors que le taxi démarrait* (Levy), *Nathalie était toujours dans son champ de vision* (Foenkinos); в) объект живой природы (*Admettons qu'elle soit dans cette forêt* (Levy), *Grâce à ces protections, le complot s'évanouit, madame della Rebbia resta dans le bois* (Mérimee).

Неограниченное пространство: (*Regarde ce que j'ai reçu, pendant qu'on était dans les airs* (Levy), *Pour elle, les choses étaient simples : elle voulait juste travailler beaucoup pour ne pas penser, être dans le vide* (Foenkinos), *Pas tant que l'autre obsédé est dans les parages, ai-je murmuré à l'oreille de Lola* (Gavalda).

Таким образом, в сфере реляционно-предметных предложений французского языка пространственные отношения между предметами действительности выражаются предложом *dans*, который концептуализирует такие виды пространства как ограниченное; условно ограниченное; неограниченное пространство. Исследование имеет перспективы дальнейшего изучения концептуализации пространства другими предложениями и в других типах предложений во французском языке.

Литература

Алексеева Е.А. Второе сказуемое во французском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2005.

Алексеева Е.А. Механизм пассивно-процессной квалификации как основа функционирования пассивно-процессного предложения французского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №1. С. 49-53.

Алексеева Е.А. К выделению класса реляционно-предметных предложений (на материале французского языка) // Романистика в современном мире: традиции и новации. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. С. 329-335.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.

Корнева В.В. Наречия и параметры пространственной картины мира. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2008.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002.

Кульгачева А.В. Сравнительный анализ семантики пространственных предлогов «*dans*» во французском языке и «*in*» в итальянском языке (когнитивный аспект изучения) // Вестник московского государственного лингвистического университета. 2010. № 10. С. 249-265.

Ломов А.М. Типология русского предложения. М.: Флинта, 2022.

Осыка М.В. Способы вербализации концепта «пространство» (на материале русской и французской топонимической фразеологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 129-134.

Чижова Л.А. Когнитивная категория локативности и различные способы ее выражения в русском языке: сборник научных трудов III Международной научной конференции «Современные проблемы славянской филологии – глобализация и обучение русскому языку». 2011. № 10. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/5827167/>

Le Bon Usage. Grammaire française. Maurice Grevisse et André Goosse. 14e éd. Bruxelles: De Boeck Duculot, 2007.

Vandeloise C. L'espace en français: Sémantique des prépositions spatiales. P.: Editions du Seuil, 1986.

A.A. Chvirova (Voronezh, Russia)

Voronezh State University

CONCEPTUALIZATION OF SPACE USING THE PREPOSITION *DANS* (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE)

The article comprises the study of space conceptualization using the preposition “*dans*” in relational-subject sentences of the French language. The author examines various approaches to understanding the concept of “space” and its characteristics, analyzes the structure of space and its perception by a person, identifies the types of spaces that are conceptualized by the preposition “*dans*”.

Key words: concept, space, preposition *dans*, relational-subject sentences

И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова, В.А. Кучмистый (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru, kuchmistyy@bsu.edu.ru*

ТЕКСТ И СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО КАК ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ ПЕРЕДАЧИ СТРУКТУР ЗНАНИЯ О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В работе рассматриваются основания описания структур знания, которые в системе языка и речи получают оформление в единицах, больших чем лексемы – словосочетания, высказывания, сверхфразовые единства, участки текста или целый текст. В работе отмечаются ценностная, аллюзивная, ситуативная и поликультурная составляющие данной структуры знаний, получившие в работе название «комбицепт».

Ключевые слова: структура знания, сверхфразовое единство, ситуация, аллюзия, комбицепт

Лингвистика в своем полном содержании при всём стремлении исследователей довести ее описание до математической точности независимо от того, имеет ли она дело с предметами, которые можно измерить или протестировать каким-либо объективным способом, или же с предметами абстрактными, порой эфемерными и непостоянными, такими как эмоции, чувства, настроения и т.п., часто оставляет место для явлений, которые нельзя назвать обыденными, но которые периодически случаются практически со всеми людьми, откладываются в их памяти, сознании и таким образом отражают определенную область знаний, тем самым объективно получают реальный статус структуры знания. Однако, как ни парадоксально, некоторые научные каноны затрудняют придание ей такого статусного положения.

В частности, мы имеем в виду определение термина «концепт» как основной с точки зрения когнитивной науки единицы презентации знания. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что многие именитые ученые, например, Н.И. Кондаков, Д.С. Лихачёв и другие полагают, что концепт должен иметь план выражения в виде отдельных лексических единиц, т.е. он должен иметь номинацию словом. Очень категоричен в этом плане А.П. Бабушкин, который утверждает: «Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [Бабушкин 1996: 29].

В то же время анализ речевых событий окружающей действительности и текстов различной дискурсивной направленности показывает, что в реальности существуют структуры знания, причем не индивидуального, ограниченного в плане выражения идеологем автора речевого произведения, а присущего очень многим людям, и не просто представителям определенной социальной или национальной культуры, а мыслящим речевым личностям независимо от национальности или этнической принадлежности, уровня образования, политических убеждений и т.п. Например, каждый из нас любовался открывающимся из окна автомобиля, автобуса, поезда пейзажем в непосредственной близости от полотна дороги или же на определенном удалении от него, при этом рассуждая вслух или про себя: «Вот бы автобус/поезд остановился, чтобы налюбоваться этой красотой вблизи!», или «Вот

бы поехать в следующий раз через эти отдаленные пейзажи»! Авторам данной работы практически неизвестен язык, где для передачи данного эмоционально-ментального состояния существуют отдельные лексические единицы. Тем не менее, опрос наших друзей, коллег, студентов и знакомых показывает, что такие мысли присущи не только нам, и это дает основания полагать, что такая структура знания имеет и объективные показатели своего выражения. В виду имеется следующие сверхфразовое единство из известного рассказа в жанре рапсодии английской писательницы Eleanor Fargeon «Anthony in Blue Alsatia», известный студентам, изучающим английскую филологию по учебнику под ред. В.Д. Аракина:

Railways – it is their drawback – compel you to travel to somewhere. You, who desire to travel to Anywhere, must take your ticket to Stroud or Stoke, and chance it. The safest plan is to choose some place with a name like Lulworth, Downton, or Nether Wallop; such places surely cannot go far wrong. But even though they prove to be heaven in its first, second, or third degree, still, there you must go, and nowhere else; – and think of the Seventh Heavens you flash through continually on your way there, Heavens with no names and no stations, Heavens to which no tickets are issued. To whom has it not happened, time and again, on his way to the Seaside, the Moors, or the Highlands, to cry in his heart, at some glimpse of Paradise from the carriage windows: “That is where I really wanted to go – that is where I would like to get out! That valley of flowers, that cottage in the birch-glade, that buttercup field with the little river and a kingfisher – if only the train would stop!” – But it never does.

Можно полагать, что такая структура знаний присуща представителям различных языковых культур, и тем самым является универсальной независимо от того, в результате каких индивидуальных впечатлений она сложилась.

Основная проблема в определении подобных структур знаний состоит, по нашему мнению, в том, что их идентификация, верификация и последующая типология возможны только на индуктивной основе. Встречая данную структуру знаний, мы прежде всего сопоставляем ее с какими-то пережитыми ранее личными ощущениями, находим, а точнее говоря, сопоставляем соответствующие случаи в текстах прочитанных до этого художественных произведений, или же произведений других семиотических систем (песенный жанр, киноискусство, живопись и т.п.) и только затем концептуализируем их как достаточно цельнооформленную когнитивную единицу, имеющую выражение не в форме отдельной лексемы, а в очертаниях более сложных по составу единиц – сочетаний слов, высказываний, сверхфразовых единиц, а порой и целых текстов. Очень часто такие аллюзии всплывают в памяти в определенных и, возможно, достаточно регулярно повторяющихся ситуациях, которые могут, «перекликаясь» с иными аллюзивными случаями, осмысливать другие ситуации. Например, когда студенты без стука и приглашения ввалились – иначе не скажешь! – на кафедру, где преподаватели достаточно спокойно отмечали праздник, с заявлением «Мы хотим вас поздра-

вить!», невольно всплыла аллюзия в связи со следующими строками А.П. Чехова: *Далее Кунин видел, как кучер Андрей и мальчик Парамон, прыгая через лужи и обрызгивая отца Якова грязью, подбежали к нему под благословение* [Чехов 1986: 149; *п/ж наш* – И.Ч., О.П., В.К.]

Такую структуру знаний в общем виде можно описать следующим образом: «Малокультурные или просто беспечные люди в стремлении сделать другим людям приятно или оказать им уважение и почет часто своими действиями приносят им материальный и/или моральный вред».

Данная текстовая ситуация оказалась триггерной для описания другой, более узко оформленной структуры, которая частично оформлена следующей русской паремией: *Заставь д---ка Богу молиться, он и лоб разобьет/побьет*. В виду имеются случаи, когда в целом действительно верующие люди совершают в связи со сложившимися церковными ритуалами действия, со стороны наблюдаемые как нелепые или просто смешные. Например, одному из авторов этой статьи удалось наблюдать во время престольного праздника в одном из монастырей, как резко, толкаясь и сбивая друг друга, прихожане ринулись получить благословение от схимонаха, который имел репутацию прозорливого старца, и услышать насмешливый, но объективно приближенный к истине комментарий одного из молодых монахов: *Смотрите, как эти овцы стадом к отцу С. ринулись!* В этой связи представляется уместной следующая аллюзия на эпизод из известного произведения Ярослава Гашека:

ve Vodičkově ulici nějaká domovnice, členkyně mariánské kongregace, klusem dohnala drožku, dala si v jízdě požehnat, pokřičovala se, odplivla si poté: «Jedou s tím pánebohem jako všichni čerti! Člověk aby dostal souchotiny!» a vracela se udýchána na své staré místo (перевод: *На Водичковой улице дрожки догнала привратница, член конгрегации святой Марии, и на полном ходу приняла благословение от фельдкурата, перекрестилась, потом плюнула: – Скачут с этим господом богом, словно черти! Так и чахотку недолго получить! – и, запыхавшись, вернулась на свое старое место*).

Опираясь пока еще на сравнительно небольшой корпус таких структур знания, поскольку идея подобных ментальных образований возникла относительно недавно, мы можем отметить их основные характеристики. Во-первых, они несут ценностный характер, и оценка, наводимая использованием таких структур, как выражение ценности может создаваться как эксплицитными речевыми средствами, так и наводиться имплицитно. Во-вторых, они связаны с определенным рода житейскими ситуациями и потому обусловлены ситуативно. При этом, как было показано, границы между различными ситуациями могут накладываться друг на друга и тем самым исчезать, создавая своего рода «ассоциативный мостик», позволяющий осмысливать некоторую ситуацию реальности в терминах иной, уже закрепленной в системе языка единицы. Чаще всего, по нашему мнению, такими опорными еди-

ницами являются фразеологические и паремиологические средства языка. Сюда же можно отнести и так называемые мемы, т.е. слова или словосочетания, получившие широкую распространенность относительно недавно и используемые с допустимыми вариациями для оценочных суждений в разных ситуациях общения, например, «Лед тронулся!» или «Семён Семёныч!» Таким образом, к указанным онтологическим характеристикам исследуемых структур знания следует добавить и их безусловно аллюзивную природу.

К основным проблемам исследования таких структур следует, в первую очередь, отнести указанный выше индуктивный характер накопления корпуса примеров и их систематизации, который, несомненно, должен быть преодолен по мере накопления фактуальных и научных сведений в связи с исследованием данного явления. Также с учетом универсальности данных структур знания осложненным представляется поиск их фактов в других языковых коллективах и семиотике иных культур. В этом плане наиболее эффективными могли бы стать совместные усилия исследователей различных языков и культур. Весьма ценным для исследования такого рода мог бы стать вклад искусствоведов, музыкантов, киноведов и других представителей смежных дисциплин научного поиска.

Предварительно хотелось бы предложить такое название для данной структуры знаний, как «комбицепт» – гибрид от интернационального корня «комби-», поскольку она складывается на основе комбинации разных структур базового знания, и «-цепт» как производящая основа для обозначения структур знания. На наш взгляд, оно как нельзя лучше подходит для передачи таких основных интегральных характеристик подобных структур знаний, как их ценностно-аксиологическая, аллюзивная, ситуативная, поликультурная и, как можно предполагать, интердискурсивная составляющие.

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.

Чехов А.П. Кошмар. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986.

Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Praha, 2011.

I.V. Chekulai, O.N. Prokhorova, V.A. Kuchmistyy (Belgorod, Russia)

Belgorod State Research University

TEXT AND SUPRA-PHRASAL UNITY AS THE LINGUISTIC FORMS OF DENOTING KNOWLEDGE STRUCTURES ABOUT REALITY

The article deals with the fundamentals of describing the knowledge structures that are formed within the units of language and speech bigger than a lexeme, i.e. word-combinations, utterances, supra-phrasal units, parts of a text or the text as a whole. The value, allusive, situational and poly-cultural components of this knowledge structure which is named “combicept” in the article are noted within the work.

Key words: knowledge structure, supra-phrasal unit, situation, allusion, combicept

*Е.П. Ченских, А.А. Ионина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
chenskih@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ *LIFE-BOOK* В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

На материале толковых и фразеологических словарей рассматривается объективация концептуальной метафоры ЖИЗНЬ-КНИГА в лексической системе английского языка. Для отбора и анализа языкового материала авторы используют когнитивный метод, включающий моделирование фреймовой структуры концептуальной метафоры.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концепт, фрейм, жизнь-книга, лингвокогнитивный анализ

В лингвокультурологии особое внимание уделяется метафорическим концептам, представляющим собой культурные константы [Степанов 2001]. К таким константам относится, например, концептуальная метафора ЖИЗНЬ – ТЕАТР, ЖИЗНЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ, ЖИЗНЬ – КНИГА. Концептуальная метафора (КМ) не является особым видом метафоры, а представляет собой метафорический концепт [Лакофф 1980], то есть некую ментальную сущность, которая вербализуется разными способами в языке и культуре.

Концептуальную метафору ЖИЗНЬ – КНИГА или ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА – КНИГА можно отнести к культурным константам, поскольку она несет в себе глубокие философские идеи, получившие развитие в культуре и сознании народа, в творчестве многих писателей, поэтов, философов, в религиозных текстах. В ряде научных работ исследуется реализация и развитие данной КМ в лингвокультурном пространстве, на примере поэтических и художественных текстов, то есть, когда метафорический концепт служит основой создания оригинальной метафоры [Алтухова 2018; Филонов 2020; Проданик 2021].

Если КМ обнаруживает себя в лингвокультурном поле, то естественно предположить ее объективацию и в языковой системе, прежде всего, в устойчивых выражениях и фразеологизмах, поскольку «язык существует как социальное явление» [Чупрына 2021: 42].

Для анализа языкового материала, относящегося к вербализации исследуемого метафорического концепта, обратимся к когнитивному методу. Поскольку концептуальная метафора представляет собой сложно организованную концептуальную конструкцию, состоящую из двух областей (доменов): источника и цели, связанных друг с другом метафорической проекцией, при лингвокогнитивном анализе можно использовать тот факт, что оба домена представляют собой фреймы – ментальные структуры, отражающие «знание данного социума о некотором фрагменте действительности» [Беляевская 2015: 15]. Также данный метод предполагает, что «формирование концептуальной схемы фрейма можно проводить до начала собственно анализа языкового материала» [Там же].

Так, в случае с КМ ЖИЗНЬ – КНИГА, область-источник КНИГА можно описать как фрейм, содержащий следующие фрагменты (слоты): материальные части книги как объекта: страница, переплет, обложка; субъект: автор, читатель; текст: строки, главы, поля, пролог, эпилог; действия, производимые с книгой и текстом: писать, читать, переворачивать страницу, исправлять, стирать написанный текст и т.д.. Таким образом, языковая репрезентация фреймовой структуры области-источника метафорического концепта LIFE – BOOK может быть представлена в устойчивых выражениях и фразеологизмах с ключевыми репрезентантами: book, page, line(s), chapter, margins, author, reader, prologue, epilogue, read, write, blot out, erase, character, plot (scenario), record (n), annals, story.

Через моделирование концептуальной схемы фрейма области-источника (book) рассматриваемой КМ, можно по перечисленным выше ключевым репрезентантам обнаружить в лексикографических источниках лексические единицы, фразеологизмы и устойчивые выражения, вербализующие метафорический концепт LIFE – BOOK в языковой картине мира. Рассмотрим некоторые примеры такой объективации в английском языке.

Авторство. Приведем ряд единиц, в которых прослеживается объективация данного фрагмента фрейма, который может быть сконструирован следующим образом: как автор книги, каждый человек сам пишет свою историю, принимает решения, формирует мнения, выбирает путь, создает события своей жизни. Как автор может переписывать страницы, так и человек может менять свое поведение, совершать ошибки, и вносить коррективы в свою жизнь.

Так, частотным, по данным корпуса, является устойчивое выражение the author of one's life/story: *You are **the author of your life**, so don't depend on others **to create the leading character in your story*** [COCA].

Приведем примеры фразеологизмов и их словарные дефиниции:

that's the story of my life – something that happens to you is typical of the bad luck you always have: *I meet somebody I really like and she tells me she's married. That's the story of my life!*' [FDF].

that's all she wrote *AmE spoken* – used to mean that you cannot stop what happens next in a situation, especially when it is bad [LDCE].

in my book – said when giving your opinion: *In my book, nothing is more important than family* [LDCE].

blot your copybook *BrE inf* – to do something that spoils the idea that people have of you [LDCE].

blot out – deliberately try to forget an unpleasant memory, a thought etc: *She just wanted to sleep and **blot out the terrifying events** of the day* [LDCE].

Так, в приведенных примерах, фрейм области-источника (BOOK) представлен через языковые единицы из семантического поля: «авторство книги», а область-цели (LIFE) актуализирован в определениях такими фразами и лексемами как *something happens to you, happen in a situation, to do smth, opinion, memory*, что соотносится с се-

мантическим полем: события, жизненные ситуации, восприятие (мнение) о происходящем в жизни. Также можно отметить, что большинство фразеологизмов этой группы имеют негативную коннотацию, то есть, отражают негативный прожитый опыт.

Страницы и главы. Во фразеологизмах, вербализующих данный слот фрейма, возможно обнаружить метафорический смысл концепта, где каждая глава книги соответствует определенному этапу/ периоду жизни человека (группы людей/ страны), страницы могут быть наполнены разными событиями, достижениями, трудностями и испытаниями, но каждая страница уникальна и важна для общего сюжета. Страницу можно перевернуть: изменить поведение или образ жизни, или скопировать страницу чужой книги – чье-то поведение.

take a leaf out of sb's book – to behave or act like someone else.: *Our youngest son was always very placid as a baby, but now that he's getting older, he's begun **taking a leaf out of our older boy's book*** [FDF].

turn the page – to begin doing things in a different way and thinking in a more positive way after a period of difficulties: *He **turned the page on that chapter in his life** a long time ago* [OLD].

chapter – a period of time in a person's life or in history: *Her return to Kansas ended a particularly unhappy chapter in her life* [OLD].

a chapter of accidents – a series of unpleasant events caused by bad luck [OLD].

a page in history – an important event or period of time [OLD]: *The Second Pearl Harbor will draw more attention to yet another secret page in its history* [COCA].

on the same page – to share the same outlook, opinion, or knowledge about something [FDF].

Сюжет. Возможное или неожиданное, поворотное событие:

a turn-up for the book(s) *inf* – an unexpected and surprising event: *Fancy you being in New York too. What a turn-up for the books!* [LDCE].

scenario – a situation that could possibly happen: *I might get the job, but it is an unlikely scenario* [LDCE].

Начало и конец книги. Данный фрагмент фрейма может символизировать как начало и конец жизни человека, так и начало или завершение какого-то этапа или ситуации. Лексические единицы prologue, epilogue приросли второстепенным значением именно на основе рассматриваемой КМ:

prologue – an act or event that leads to a more important event: *The past is the prologue to the future* [LDCE].

epilogue – something that happens at the end of a series of events: *a disastrous epilogue to his career* [LDCE].

Также можно отметить, что фрейм области-цели (LIFE) в приведенных выше примерах представлен в дефинициях такими репрезентантами как: *event, situation, period of time, happen, unexpected, behave, act (v), do things*.

Читать. Читатель. Через данный слот фрейма реализуется смысл, что человек не только автор, но и читатель своей жизни и жизни других людей, он оценивает

происходящее, стремится понимать себя и других, извлекает уроки из прожитого опыта. Одно из словарных значений глагола *read* основано именно на рассматриваемой КМ: *to understand a situation* in one of several possible ways: *I wasn't sure how to read his silence* [LDCE].

read between the lines – to guess someone's real *feelings* from something they say or write, when they do not tell you directly: *Reading between the lines, I'd say Robert's not very happy* [LDCE].

read sb's mind/thoughts – to guess what someone else is thinking [LDCE].

can read somebody like a book – one is able to easily *analyze* and thoroughly *understand* someone, especially their *emotions, motivations* [LDCE].

Примеры из этого слота фрейма обнаруживают еще один вариант КМ: ЧЕЛОВЕК – КНИГА, область-цель которой актуализируется через репрезентанты, относящиеся к эмоциональной и умственной деятельности человека: *mind, thoughts, feelings, emotions, motivations, understand, guess, analyze*.

Таким образом, поставленная задача – проанализировать актуализацию КМ LIFE – BOOK в лексической системе английского языка посредством предварительного моделирования фреймовой структуры метафорического концепта – позволила обнаружить значительное количество соответствующих языковых единиц, закрепленных на уровне языковой системы и зафиксированных в словарях.

Литература

Алтухова О.И. Концептуальная метафора «жизнь человека – текст» в английской и русской поэтической традиции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 167-170.

Беляевская Е.Г. Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник московского государственного лингвистического университета. 2015. №22(733). С. 9-20.

Филонов Е.А. «Бытие как книга»: топос – формула – клише (к проблеме топики Нового времени) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 2. С. 196-216.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.

Проданик Н.В. Метафора «книга – жизнь» в средневековой словесности и русской литературе первой половины XIX века // Научный диалог. 2021. № 8. С. 207-220.

Чупрына О.Г. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ / О.Г. Чупрына, Е.И. Кригер // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1 (41). С. 42-52.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com>

OLD – Oxford Learner's Dictionary Online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

FDF – The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/>

E.P. Chenskikh, A.A. Ionina (Moscow, Russia)

Moscow City University

REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL METAPHOR OF LIFE-BOOK IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE

This article deals with the research of how the conceptual metaphor LIFE-BOOK is represented in the lexical system of the English language. The authors employ the method of cognitive analysis, which includes projecting the frame structures of the conceptual metaphor, in order to select and describe the lexical units, representing the latter.

Key words: conceptual metaphor, frame, life-book, linguacognitive analysis, concept

Б.Д. Чернобаев (Москва, Россия)

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

chernobaev.b@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ РАЗЛИЧИЙ МАЛАЙЗИЙСКОГО И ИНДОНЕЗИЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В данной статье рассматривается влияние языковой картины мира на концептуальную картину мира. На примере языковых и культурных различий Малайзии и Индонезии показано влияние языковой картины мира и менталитета на концептуальную картину мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина мира, малайский мир, индонезийский язык, малайзийский язык

В настоящее время мы можем наблюдать всплеск интереса к странам Юго-Восточной Азии, к которым ранее недостаточно много уделялось внимания на постсоветском пространстве в силу географической удаленности и малого объема контактов между странами. К ним мы однозначно можем причислить Малайзию и Индонезию. В науке принято называть данный регион термином «Нусантара» – район проживания малайско-индонезийских (реже австронезийских) народов: Индонезии, Малайзии, Сингапура, Брунея, Филиппин и Юж. Таиланда [Захаров 2013: 401]. Другими словами, Нусантара, является малайским миром, таким же образом, как мы называем лингвокультурное пространство, объединяющее носителей русского языка и культуры русским миром. Малайская культура насчитывает несколько тысяч лет и очевидно, за это время в ней сложилась своя собственная концептосфера. Понимание концептосферы Нусантары, а также разницы концептосфер Малайзии и Индонезии повысит эффективность межкультурной коммуникации с этими странами.

Рассматриваемая проблема находится на стыке когнитивной лингвистики и малаистики, раздела востоковедения, занимающегося изучением малайского мира [Малаистика]. Среди лингвистов значительный вклад внесли Э. Сепир и Б. Уорф, авторы «гипотезы лингвистической относительности». Понятие концеп-

тосферы в свое время сформулировал Д.С. Лихачев, также нельзя не упомянуть Дж. Лакоффа, одного из основателей когнитивной лингвистики, следует упомянуть Ю.С. Степанова, Н.Н. Болдырева, Ч. Филмора. Также следует отметить отечественных ученых-малайстов, внесших существенный вклад в изучение малайского мира: В.В. Сикорский, Т.В. Дорофеева, В.А. Погодаев, Н.Ф. Алиева, Е.С. Кукушкина, В.И. Брагинский, Б.Б. Парникель. Среди малайзийских и индонезийских ученых лингвистов следует отметить А.Х. Омар, Ш.А. Бахаруддина, А. Хасана, У. Джунайд.

Выше мы уже упоминали термин «концептосфера». Данный термин впервые ввел в употребление Д.С. Лихачев. Он понимает его как «совокупность потенций, открываемых в словарном запасе как отдельного человека, так и всего языка в целом» [Лихачев 1993: 3-9]. Также он пишет, что «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации. Отдельных вариантов концептосферы национального языка очень много, они по-разному группируются, по-разному себя проявляют» [Там же]. Само название работы Лихачева позволяет выделить такие понятия как «концептосфера индонезийского языка» и «концептосфера малайзийского языка». Д.В. Бердникова дает определение языковой картины мира – «это отраженный средствами языка образ сознания – реальности, модель интегрально-го знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком. Языковую картину мира принято отграничивать от концептуальной или когнитивной модели мира, которая является основой языкового воплощения» [Бердникова 2012: 271-278]. Таким образом, языковая картина мира (ЯКМ) является частью концептуальной картины мира и ее средством вербализации. Концептуальная картина мира (ККМ), как считает Н.М. Лебедева, является «когнитивной матрицей для понимания мира» [Лебедева 1999: 224]. В совокупности менталитет и концептосфера образуют когнитивную или концептуальную национальную картину (образ) мира [Семейн, Тарасова 2005: 12]. ККМ, являясь отражением знаний как человека, так и общества в сознании вербализуется через ЯКМ. Концептосфера вместе с менталитетом отражается в сознании в ККМ.

Таким образом, мы можем сделать вывод о взаимосвязи ЯКМ на ККМ.

Языковая картина мира, как система знаний, зафиксированных в языке и отражающих мировосприятие его носителей, отражает уникальный культурный и исторический опыт народа. Из этого вытекает ее динамичность и размытость границ определения. ЯКМ присуща как индивиду, так и большой или малой социальной группе. Малайский мир, или Нусантара, долгое время был единым лингвокультурным пространством. С приходом ислама в XIII–XV вв. многие княжества, особенно на Малаккском полуострове, принимали новую религию благодаря выгодному расположению региона на торговых путях между Индией, Ближним Востоком и Китаем. Также, стоит отметить, что с увеличением объемов торговли в регионе на Малаккском полуострове стали селиться китайцы, которые составили основу китайской общины, составляющей в наше время вторую по численности этниче-

скую группу Малайзии [Шарипова 2022: 979]. В Индонезии китайская диаспора намного малочисленнее и их влияние на экономику и культуру страны, и, соответственно, на язык намного меньше. С приходом европейцев территория современной Малайзии стала колонией Великобритании, а территория современной Индонезии – Нидерландов. Британские власти, в отличие от нидерландских не препятствовали изучению местным населением английского языка, что также наложило отпечаток на лексический состав индонезийского и малайзийского языков.

В 1928 г. на конгрессе в Джакарте индонезийский язык был признан языком национального единства. В 1945 г. он стал государственным языком Индонезии, а малайский – Малайзии в 1957 г. После независимости страны столкнулись с нехваткой терминов в высокотехнологичных сферах, что обусловило разные подходы к их созданию. В этих странах за языковую политику отвечают разные структуры. Сегодня индонезийский и малайзийский языки – разные литературные варианты с существенными различиями. Кроме того, стоит отметить, что Индонезия – светское государство, несмотря на статус крупнейшей мусульманской страны, тогда как в Малайзии шариат оказывает значительное влияние.

Таким образом, мы можем сделать выводы о нарастающем расхождении индонезийского и малайзийского элементов малайского мира. А.Б. Шамсул отмечает, что понятия «малайский» и «малайзийский» в настоящее время претерпевают существенные трансформации [Шамсул 2001: 69-80]. Правительство Малайзии с конца 1990-х гг. придерживается курса создания «нового малайзийца» [Золотухин 2010: 8]. В результате этого КKM в Малайзии и Индонезии существенно различается. Рассмотрим различия на примере религиозных, социальных и природных концептов:

В Малайзии ислам является государственной религией, и значительная часть концептуальной картины мира связана с исламскими ценностями, нормами и традициями. Концепты, такие как ADA (традиция), IMAN (вера) и AKHLAK (мораль), имеют важное место. Исламское право (шариат) оказывает влияние на законодательство и повседневную жизнь, формируя такие концепты, как HALAL (дозволенное) и HARAM (запрещенное). Индонезия – светское государство, основанное на философии «Pancasila», которая включает в себя признание веры в Бога, но допускает свободу религии. Концептуальная картина мира Индонезии включает в себя большее разнообразие религиозных представлений, таких как ислам, христианство, индуизм, буддизм и местные верования. Концепты GOTONG ROYONG (взаимопомощь) и BHINEKA TUNGGAL IKA (единство в многообразии) отражают важность социальной гармонии в условиях мультикультурного общества.

В социальной сфере главные концепты также существенно различаются. Концепт KETUANAN MELAYU (господство малайцев) отражает политическую и культурную основу страны, где коренное население (малайцы) занимает привилегированное положение. Это связано с сохранением малайской культуры, языка и

религии как ключевых элементов национальной идентичности. Индонезийская концепция «*Pancasila*» фокусируется на идеалах национального единства, толерантности и справедливости. Важными концептами являются DEMOKRASI TERPIMPIN (управляемая демократия) и KEBANGSAAN (национализм), отражающие стремление к консолидации многоэтнического государства.

Также это отражается и в природных концептах: в Малайзии концепты, связанные с природой, отражают ее тропическую экосистему и ценность охраны окружающей среды. Например, HUTAN (лес) и ALAM SEKITAR (окружающая среда) занимают важное место. Для Индонезии, состоящей из тысяч островов, важны концепты, связанные с морем, такими как LAUT (море) и NUSANTARA (архипелаг). Морская культура и рыболовство формируют значительную часть индонезийской идентичности.

Таким образом, благодаря целенаправленным усилиям по формированию национальной идентичности индонезийского и малайзийского правительства, а также необратимых политико-социальных процессов малайский мир все больше разделяется на малайзийский и индонезийский. Важнейшую роль в этом процессе играют языковые и культурные различия. Данный процесс отражается в ЯКМ, что напрямую влияет на ККМ, в результате чего происходит формирование двух автономных ККМ – малайзийской и индонезийской.

Литература

- Алиева Н.Ф. Индонезийский язык // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 318.
- Бердникова Д.В. Языковая картина мира как часть концептуальной картины мира // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (материалы Межфакультетской научно-методической конференции) М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 271-278. URL: <https://publications.hse.ru/books/?pb=53503752>
- Захаров А.О. Нусантара // Большая российская энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 2013. Т. 23. С. 401
- Золотухин И.Н. Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №. 1 (12). С. 7-17.
- Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Университетский учебник. М.: КлючС, 1999.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
- Малаистика. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Малаистика>
- Семейн Л.Ю., Тарасова И.А. Когнитивные аспекты лингвокультурологии. Омск, 2005.
- Шамсул А.Б. Переосмысление понятий «малайский» и «малайскость» в Малайзии: критический обзор // Communal/Plural. 2001. Vol. 9. № 1. Pp. 69-80.
- Шаринова Г.У. Особая роль китайской общины в формировании этнического облика Малайзии // Academic research in educational sciences. 2022. Vol. 3. № NUU Conference 2. Pp. 978-984. URL: <https://ru.wiki.ru/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D1%88>

B.D. Chernobaev (Moscow, Russia)

*Military University named after Alexander Nevsky of Ministry of Defence
of Russian Federation*

THE INFLUENCE OF LINGUISTIC DIFFERENCES BETWEEN THE MALAYSIAN AND INDONESIAN LANGUAGES ON THE FORMATION OF A NATIONAL CONCEPTUAL PICTURE OF THE WORLD

This article examines the influence of the linguistic worldview on the conceptual worldview. Using the example of linguistic and cultural differences between Malaysia and Indonesia, the influence of the linguistic worldview and mentality on the conceptual worldview is shown.

Key words: linguistic worldview, conceptual worldview, Malay world, Indonesian language, Malaysian language

Е.А. Чуксина (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
evgeniyach96@yandex.ru*

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВЛЕННОГО В ВИДЕ СЦЕНАРИЯ КОНЦЕПТА FEAR

Статья посвящена рассмотрению некоторых способов первичной и вторичной репрезентации представленного в виде сценария концепта FEAR. Изучаются способы передачи в языке трех фаз события переживания эмоции страха с помощью средств первичной и вторичной (метафорической) репрезентации.

Ключевые слова: концепт FEAR, событие, первичная и вторичная репрезентация, интерпретация, метафора

Объективация концепта FEAR в языке осуществляется с помощью средств первичной и вторичной репрезентации, которые передают первичную и вторичную интерпретацию переживания эмоции страха. В языке отражается динамичная структура концепта FEAR, который в данной работе представлен в виде сценария; переживание эмоции страха, в свою очередь, рассматривается как событие. Согласно Н.Н. Болдыреву, сценарий – это «динамически представленный фрейм как развивающаяся во времени определенная последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов (например, отдельные эпизоды внутри фрейма ТЕАТР: посещение театра, покупка билетов, сам спектакль, посещение буфета во время антракта и т.д.)» [Болдырев 2014: 55]. В представленном в виде сценария концепте FEAR и, соответственно, в событии переживания эмоции страха, выделяются три фазы (фаза начала переживания эмоции страха, фаза непосредственного переживания эмоции страха и фаза завершения переживания эмоции страха), на каждой из которых выделяются три основных компонента (эмоция страха, субъект эмоции страха, возбудитель причины эмоции страха) и дополнительные компоненты: интенсивность и продолжительность.

В данной работе объективируемые в языке события выделяются на основе предложенной Л.Г. Бабенко классификации глаголов. Событие переживания эмоции страха передают синтаксические конструкции, в которых используются глаголы и глагольные конструкции эмоционального состояния, в словарных значениях которых есть указание на возможность этих глаголов и глагольных конструкций репрезентировать переживание эмоции страха: глаголы нахождения субъекта в эмоциональном состоянии (*to fear, to dread, to panic, to be afraid, to be frightened, to be scared, to be horrified, to be terrified, to be alarmed* и другие) и глаголы приведения в эмоциональное состояние (*to frighten, to scare, to horrify, to terrify, to alarm* и другие). Указанные синтаксические конструкции относятся к средствам первичной репрезентации концепта FEAR, а перечисленные глаголы объективируют основной компонент концепта – эмоцию страха.

Определенная фаза того или иного события находит отражение в семантике конкретного глагола. Глаголы, в чьих дефинициях используются каузативные глаголы (*to cause, to force, to make* и другие), глаголы приведения в определенное состояние или положение (*to set, to form, to bring* и другие), глаголы начала события, действия (*to start, to begin* и другие) и глаголы прекращения действия, бытия, состояния (*to finish, to stop, to cease*), передают начальную и заключительную фазы сценария. Глаголы, в чьих дефинициях при помощи таких слов, как *to remain, to be, to stay, to retain* и других отражается регулярность или нерегулярность выполнения действия, а также статичность, определенный период пребывания в каком-либо состоянии, передают серединную фазу сценария.

Синтаксические конструкции, в которых используются передающие переживание эмоции страха глаголы приведения в эмоциональное состояние (пример 1) или передающие переживание эмоции страха глаголы и глагольные конструкции нахождения субъекта в эмоциональном состоянии в сочетании с глаголами начала события, действия (пример 2), объективируют фазу начала переживания эмоции страха.

Пример 1: *The scale-sheen on the sand scared me to death* [Plath].

Пример 2: *'I thought it was madness,' he said, as he replaced the obnoxious paper in the safe, 'and now I begin to fear it is disgrace.'* [Stevenson].

Синтаксические конструкции, в которых находятся передающие переживание эмоции страха глаголы и глагольные конструкции нахождения субъекта в эмоциональном состоянии, объективируют фазу непосредственного переживания эмоции страха (пример 3).

Пример 3: *Mr. Chillip was so alarmed by her abruptness – as he told my mother afterwards – that it was a mercy he didn't lose his presence of mind* [Dickens].

Синтаксические конструкции, в которых передающие переживание эмоции страха глаголы и глагольные конструкции нахождения субъекта в эмоциональном состоянии сочетаются с глаголами прекращения действия, бытия, состояния, передают в языке фазу завершения переживания эмоции страха (пример 4).

Пример 4: *and finally, I saw her sharp glance soften, and her smile become quite gentle, and I ceased to be afraid of her as I had really been all day* [Dickens].

В приведенных примерах «субъект эмоции страха» получает репрезентацию с помощью местоимений *me*, *I* (примеры 1, 2, 4) и имени собственного *Mr. Chillip* (пример 3) и осмысливается как тот, кто начинает испытывать страх в результате восприятия возбудителя причины эмоции страха (примеры 1, 2), как тот, кто переживает эмоцию страха, воспринимая возбудителя причины эмоции страха (пример 3) и как тот, кто перестает испытывать эмоцию страха перед возбудителем причины эмоции страха. Последний получает репрезентацию с помощью существительных *scale-sheen, abruptness*; местоимения *her* и придаточного предложения *it is disgrace*.

Метафорическая интерпретация события переживания эмоции страха реализуется в ходе сопоставления этого события с другими событиями действительности, что осуществляется с помощью структурной метафоры, которая, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, дает «возможность использовать одно высокоструктурированное и четко выделяемое понятие для структурирования другого» [Лакофф, Джонсон 2004: 97]. В средствах метафорической репрезентации компонент «эмоция страха» передается с помощью существительного, которое находится в сочетании с глаголами или глагольными конструкциями, отражающими события, с которыми событие переживания эмоции страха сопоставляется.

В этой работе рассмотрим метафорическую модель FEAR EXPERIENCE – OWNERSHIP, которая позволяет осуществить вторичную интерпретацию события переживания эмоции страха за счет сопоставления этого события с событием владения. Эта модель получает объективацию с помощью синтаксических конструкций, включающих языковые единицы, репрезентирующие компоненты концепта FEAR, в сочетании с глаголами владения, к которым относятся передающие **фазу начала переживания эмоции страха**: глаголы получения объекта в свое распоряжение (*to receive, to derive, to take, to get out of*) и глаголы передачи объекта (*to give, to import, to bring, to pass, to send, to transfer*) (пример 5); передающие **фазу непосредственного переживания эмоции страха** глаголы обладания (*to have, to possess*) (пример 6) и передающий **фазу завершения переживания эмоции страха** глагол утраты объекта (*to lose*) (пример 7).

Пример 5: *The travellers who joined Sophia, and who had given her such terror, consisted, like her own company, of two females and a guide* [Fielding].

Пример 6: *I have a horrible fear that my heart is broken* [Shaw].

Пример 7: *I lost all Fear, and all Respect, and said, Yes, I do, Sir, too well!* [Richardson].

В представленных синтаксических конструкциях «субъект эмоции страха» репрезентируется с помощью местоимений *I* (примеры 6, 7) и *her* (пример 5) и сопоставляется с тем, кому передают что-либо / кого-либо в свое распоряжение (*to give* – “*cause to have, in the abstract sense or physical sense, be the cause or source of*” [Vocabulary.com]); с тем, кто обладает чем-либо / кем-либо (*to have* – “*to own, hold or possess something*” [Oxford Learners Dictionaries]) и теряет что-либо / кого-либо (*to lose* – “*cease to have, either physically or in an abstract sense*” [Vocabulary.

com]). «Эмоция страха» объективируется при помощи существительных *terror*, *fear* и осмысливается как то, что / тот, кого получают в распоряжение (пример 5), как то, чем / тот, кем обладают (пример 6) и как то, что / тот, кого теряют (пример 7). «Возбудитель причины эмоции страха» получает репрезентацию в примере 5 с помощью существительного *travellers* и осмысливается как тот, кто передает что-либо в распоряжение другому. Высокая интенсивность эмоционального переживания объективируется при помощи наименования страха *terror* (*an overwhelming feeling of fear and anxiety* [Vocabulary.com]), а также прилагательных *such* (“*of so extreme a degree or extent*” [Vocabulary.com]) и *horrible* (“*making you feel very shocked and frightened*” [Oxford Learners Dictionaries]). В перечисленных примерах отражается отношение к страху как к чему-то или кому-то пассивному, находящемуся под контролем у занимающих доминирующую позицию субъекта эмоции страха и возбудителя причины эмоции страха.

Таким образом, в средствах первичной репрезентации концепта FEAR отражается первичная интерпретация: осмысление переживания эмоции страха как события, в котором эмоцию страха начинают испытывать, испытывают и перестают испытывать в результате восприятия определенных возбудителей причины эмоции страха. В средствах вторичной (метафорической) репрезентации находит отражение вторичная интерпретация: осмысление события переживания эмоции страха как другого события действительности; в результате этого осмысления выявляются особенности взаимодействия эмоции страха, субъекта эмоции страха и возбудителя причины эмоции страха на разных фазах события.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
- Dickens Ch. David-Copperfield. URL: <https://www.ibe.it/ebook/David-Copperfield.pdf>
- Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling. URL: <https://www.bartleby.com/ebook/adobe/301.pdf>
- Plath S. A Birthday Present. URL: <https://allpoetry.com/A-Birthday-Present>
- Richardson S. Pamela or, Virtue Rewarded. URL: <https://www.gutenberg.org/files/6124/6124-h/6124-h.htm>
- Shaw G.B. Heartbreak house. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/3543>
- Stevenson R.L. The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde. URL: <https://www.gutenberg.org/files/43/43-h/43-h.htm>
- Setterfield D. The Thirteenth Tale. URL: https://bookscafe.net/read/setterfield_diane-the_thirteenth_tale-144044.html#p1
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
- Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- Vocabulary.com. URL: <https://www.vocabulary.com/>

E.A. Chuksina (Tambov, Russia)

Tambov State University

WAYS OF REPRESENTATION OF FEAR CONCEPT PRESENTED IN THE FORM OF A SCENARIO

This article deals with primary and secondary representation of the FEAR concept presented in the form of a scenario. Three phases of fear experience verbalization by means of primary and secondary (metaphoric) representation are studied.

Key words: FEAR concept, event, primary and secondary representation, interpretation, metaphor

О.Г. Чупрына (Москва, Россия)

Московский городской университет МПГУ

ochupryna@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВОЗРАСТА КАК МНОГОКОМПОНЕНТНОГО ФОРМАТА ЗНАНИЯ

Цель статьи заключается в установлении условий формирования абстрактного представления о возрасте и условий развития многоаспектной категории *возраст*. Исследование основывается на материале английского и русского языков. Сделан вывод о том, что развитие знания о возрасте происходит в рамках триады «объект возрастной оценки – мысль о возрасте объекта – языковая единица, объективирующая данную мысль».

Ключевые слова: возраст, формат знания, концептуализация, категория, оценка

В предыдущие десять лет, как свидетельствует российский информационно-аналитический портал Elibrary [elibrary], концепт ВОЗРАСТ неоднократно становился предметом лингвистических исследований, выполненных на материале различных языков – русского, английского, французского, казахского, туркменского и др. В фокусе внимания оказывались отдельные единицы, обозначающие в этих языках разные представления о возрасте, благодаря чему создавались обособленные фрагменты отражения категории *возраст* в картине мира носителей этих языков. Как концептуально-сложный формат знания [Болдырев 2021:15] *возраст* еще недостаточно изучен. Цель данной статьи заключается в частичном восполнении существующей лакуны.

В обыденном сознании возраст предстает как понятное и достаточно простое явление реальной жизни. Однако как всеобъемлющее понятие возраст, по замечанию болгарского ученого Дамяна Митева, «является одним из общечеловеческих взаимосвязанных концептов, которые участвуют в концептуальном членении и организации сфер мировосприятия и жизнедеятельности человека» [Митев 2012: 52]. Исследователь делает важный вывод об обособлении понятия *возраст* и утверждает, что его абстрагирование «как целостной структуры ... осуществлялось медленнее, чем соответствующие его категориальные сущности (типа молодой, старый, маленький, взрослый, ребенок, дед)» [Митев 2012: 51]. В английском языке древнего периода еще не сложилось абстрактное представление *возраст*, но отражались та-

кие возрастные характеристики людей, предметов и явлений, как *geong* «молодой», *eald* «старый», *fyrn-* (в составе композитов) «древний, старинный», *æþ-* (в составе композитов) «старинный, относящийся к прошлому» [The Historical Thesaurus]. Абстрактное представление вошло в языковое сознание носителей английского языка XIV в. одновременно с заимствованием французского слова *age*, семантика которого сформировалась на основе этого представления. Чужое слово было лишено концептуальных и семантических связей с устоявшимися в предшествующий период обозначениями возрастных признаков предметов и явлений и поэтому стало именем-репрезентантом соответствующего абстрактного концепта. В русском языке абстрактное представление о возрасте складывалось в концептуальной сфере *пространство*. Осмысление возраста происходило на фоне восприятия движения вверх: *возраст* (заимствованное из церковнославянского вместо исконно русского *взраст*) есть результат переноса представления о физической пространственной величине – *поднимаюсь, встаю, высокий* [Этимологический словарь русского языка] – на представление о возрасте как социальной величине.

Взаимодействуя с реальностью в различных сферах своей деятельности, человек оценивает свойственные этим сферам объекты и явления с точки зрения их возраста, при этом оценка может быть результатом индивидуальной или коллективной интерпретации, а также соединением той и другой. Целостное представление о возрасте становится возможным только в результате абстрагирования как от индивидуальных, так и коллективных интерпретаций. Однако в ментальной деятельности и языковом сознании носителя языка *возраст* всегда становится объектом конкретного осмысления, поскольку представление о возрасте зависит от области деятельности людей и функциональной значимости возрастной характеристики индивидуумов, предметов, объектов и явлений, с которыми взаимодействует человек. Это во многом определяет совмещение в концепте ВОЗРАСТ разнородных признаков и его многоуровневый характер как особого формата знания, который схематично может быть представлен следующим образом (рис. 1).

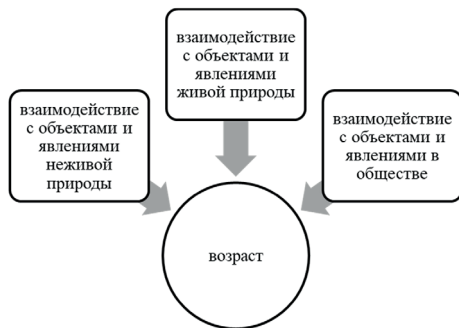

Рис. 1. Возраст как структура знания

В области взаимодействия человека с объектами и явлениями неживой и живой природы возраст интерпретируется как продолжительность жизни или существования, например, *the age of the mountains* «возраст гор», *возраст озер*, *species age* «возраст особей», *возраст как продолжительность жизни растений и животных*.

Оценка и интерпретация возраста представителей живой природы – рыб, птиц, животных – находится в неразрывной связи с пониманием их пользы и ценности для человека и становится понятийной и «мотивирующей основой для нового понятия» [Чупрына 2015: 50], а именно понятия «наиболее продуктивный или производительный возраст». В английском языке оно объективируется в таких единицах, как *adult* «взрослая особь», *adulthood* «половозрелость», *mature* «зрелый» *ephebic* «взрослый, зрелый», *eugammic* «половозрелый», *fullmouth* «взрослое животное», *imagio* «взрослая стадия». Отсутствие явно выраженной пользы или ценности обуславливает формирование оценки возраста объектов живой природы по их внешнему виду или характерным действиям. Так, в русском языке понимание начального возраста насекомых, червей и земноводных актуализовано в наименовании *личинка*. В английском языке этот же начальный возраст получает обозначение на основе внешнего признака: *grub* «личинка без лап и крыльев», *larva* «личинка продолговатой формы». Концептуализация раннего возраста пернатых может происходить на основе характерных для этого жизненного периода действий: *подлетыш*, *порхунок*, *flapper*.

Возраст «как социальная категория вбирает в себя опыт взаимодействия человека с обществом и отдельными индивидуумами» [Чупрына 2020: 95] и в этом случае неизбежно связан с оценкой возрастных характеристик акторов подобного взаимодействия. Границы возраста как социальной категории оказываются подвижными и зависят от общественных, культурных, экономических и других условий. Так, «в романе «Война и мир» Л. Толстого князь Андрей, которому немного больше тридцати лет, характеризуется как не первой молодости, а его двадцатипятилетняя сестра как старая сухая княжна» [Там же]. Оценочная шкала данной категории, как правило, располагается между двумя экстремальными точками *молодой (хорошо)* – *старый (плохо)*. Данная социальная категория объединяет собственно концепт ВОЗРАСТ и концепт ГЕНДЕР, что отражается в объективации образуемой комплексной мыслительной единицы в языковых единицах с маркированным женским родом, например, *старуха*, *старушонка*, *crone*, *hag*. О подвижности социальной категории *возраст* свидетельствует то обстоятельство, что в период Средневековья «возрастная категоризация была ориентирована прежде всего на выражение эволюции мужской жизненной силы» [Митев 2012: 56], что нашло отражение в таких номинациях в древнеанглийском языке, как *geogif* «молодые мужчины; молодость», *duguf* «зрелый возраст мужчин; зрелость». В древнерусском языке, по наблюдению В.В. Колесова, присутствовали только слова мужского рода, соотносящиеся с представлениями о возрастной категоризации: *младенец*, *дѣтищѣ*, *отроча*, *отрокъ*, *юноша*, *мужь*, *старецъ* [Колесов 1986: 83].

Возраст представляет собой сложный, динамичный, многокомпонентный формат знания, вбирающий в себя широкий диапазон представлений: о жизни и существовании в аспекте их продолжительности, о взаимодействии человека с живой и неживой природой, о пользе для человека объектов живой природы в соотношении с их возрастными характеристиками, о возрасте как социальной категории, обязательным компонентом которой является гендер.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Державинский, 2021.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986.

Митев Д. Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков). Велико Търново: Фабер, 2012.

Чупрына О.Г., Жуков И.А. Мотивы номинации астрономических терминов с колоронимом в современном английском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 50-54.

Чупрына О.Г. Дискурс социального неравенства: проблема языковой репрезентации дискриминации по возрасту // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 94-102.

Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прорпесс, 1986. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/etimologicheskij-slovar-russkogo-jazyka-fasmer/>

eLIBRARY. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp

The Historical Thesaurus of English. URL: <http://historicalthesaurus.arts.gla.ac.uk/>

O.G. Chupryna

Moscow City University MGPU (Moscow, Russia)

CONCEPTUALIZATION OF AGE AS A MULTI-COMPONENT FORMAT OF KNOWLEDGE

The aim of the article is to establish the conditions for the formation of an abstract concept of age and the conditions for the development of the multidimensional age category. The study is based on the material of the English and Russian languages. It is concluded that the development of knowledge about age takes place within the framework of the triad “object of age estimation – thought about the age of the object – linguistic unit objectifying this thought”.

Key words: age, knowledge format, conceptualization, category, evaluation

О.А. Шершукова

Дипломатическая академия МИД России (Москва, Россия)

okshera@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНОСТИ У ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИМЕН В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНОЕ VS ЯЗЫКОВОЕ

В настоящей статье на основе лингвокогнитивного подхода анализируется специфика выражения предметности у имен так называемой смешанной категориальной семантики, к которым относятся названия веществ. Анализ проводится на материале португальского языка в сопоставлении с русским, выделяются специфические черты, присущие именно португальскому языку

Ключевые слова: дискретная или недискретная концептуализация, названия веществ, предмет, единственное и множественное число

Категория предметности, по мнению Н.Н. Болдырева и Е.В. Федяевой, характеризуется неоднородностью своей структуры, что обусловлено тем, что развитие человеческого сознания происходило в тесном взаимодействии с предметным миром, то и количественные представления в обыденном сознании постепенно формировались в ходе тех или иных манипуляций с предметами окружающей действительности, поэтому под традиционное понимание предмета не подпадает значительное количество имен смешанной категориальной семантики, поскольку они обладают общностью концептуальной основы с категориальными значениями других частей речи», к которым, в частности, относятся и имена веществ [Болдырев, Федяева 2020: 6]. Как известно, «центральное место в системе предметности занимают имена свободно исчисляемых предметов [Руденко 1996: 188], в отличие от вещественных имен, характеризующихся признаком недискретности и относящихся к классу-абстракции, классу-целому. Поскольку вещество как нечто целое, непрерывное может быть представлено лишь умозрительно, т.е. является в высшей степени абстракцией, то в обыденной жизни человек сталкивается лишь с частью или частями вещества, различными по величине, форме, размеру и т. д. Поэтому не случайно, что Л.В. Калинина относит к прототипическим вещественным существительным те, что обозначают то, из чего изначально состоит или создается объект (и его детали) и то, что нужно для дальнейшего продления его бытия, а также отходы его материального существования [Калинина 2009: 18-19]. В то же время ряд вещественных имен может быть отнесен к так называемым «условно-дискретным именам», что во многом зависит от характера представления вещественного объекта в конкретном языке. Так, в русском языке словом *подошва* обозначается то же, что ступня; нижняя часть обуви под ступней; нижняя часть чего-то [Ожегов 2007: 529], тогда как португальский лексический эквивалент *sola* обозначает выделанную бычью кожу, предназначенную для изготовления обуви *couro de boi preparado para fazer calçado*; подметку, т.е. нижнюю часть обуви *peça que forma a parte inferior do calçado*; и лишь в последнем значении является обозначением подошвы ступни *planta do pé* [Estudante: 909]. Данный пример показывает различный тип концептуализации объектов в португальском и русском языках, хотя речь идет об одном и том же предмете. Как отмечала Е.С. Кубрякова, формы (единицы, категории, их объединения по разным параметрам и признакам) должны изучаться именно как языковые, а соотнесение их с разными когнитивными структурами – это только способ объяснить их особенности или функциональные характеристики [Кубрякова 2012: 27].

Практический материал нашего исследования будет представлен примерами из Национального корпуса португальского языка [Lingateca], а также примерами из текстов португальских авторов, которые в свою очередь будут снабжены русскими переводами для демонстрации отличий в португальском и русском языках.

Общероманской тенденцией, которая проявляется и в португальском языке, является перекатегоризация, или семантическая транспозиция с позиций традиционной лингвистики, вещественных имен в конкретные имена в большинстве случаев в форме множественного числа при обозначении изделий из материала или вещества, причем данный процесс характерен в значительной степени для имен твердых веществ, что логически вполне объяснимо, поскольку кусок твердого вещества или материала (например *камень pedra*) и изделие из твердого материала могут различаться по форме, но по составу будут сходны: *Muitas pessoas estão de novo a penhorar os ouros e pratos* Многие люди опять закладывают в ломбард **золотые и серебряные украшения**; *...seguindo-se-lhes o mobiliário, as madeiras e cortiças* ...там были представлены различные предметы мебели, **поделки из дерева и коры пробкового дуба**; *... foram os produtos nacionais mais procurados, logo seguidos das cortiças e das cerâmicas* ... это самые востребованные товары национального производства, после **изделий из пробки и керамики**; *Os barros do Redondo (corações, pássaros) são o motivo desenvolvido nesta série* **Глиняные поделки из Редонду (сердечки, птички)**, которые являются основными темами этой серии. При употреблении вещественных имен в форме множественного числа в значении предметов или изделий мы видим обозначение совокупного множества разнородных предметов, сформированное на основе однородности материала, из которого они изготовлены, хотя, естественно, в ряде случаев речь может идти и об однородных предметах. Другим моментом является то, что формой множественного числа одного и того же вещественного имени могут быть обозначены совершенно различные предметы: *os mármore no hall de entrada, os espelhos no salão nobre a fazerem lembrar Versalhes* – **скульптуры из мрамора** (букв. ‘мраморы’) при входе, зеркал^а в большом зале напоминали Версаль ср. *O interior da mesquita é todo decorado com mármore, cobres, pratos e madeiras* – Внутренняя отделка мечети полностью выполнена **орнаментом и плитками из мрамора, меди, серебра и дерева**; *Magnífico! E que não tardem os espelhos e os bronzes!* (Еça de Queirós) – Да скоро ей потребуются зеркала и **скульптуры из бронзы**! ср. *França, que contabilizou quatro ouros, três pratos e quatro bronzes* – Франция получила в свою копилку **четыре золота, три серебра и четыре бронзы**.

Особенностью португальского языка является то, что практически все вещественные имена могут иметь как недискретную, так и дискретную интерпретацию, поскольку нет ограничений в морфологическом плане на формирование множественного числа у вещественных имен в отличие от их русских эквивалентов. Это также характерно и для веществ, у которых нет «четко очерченных границ, поскольку они чаще всего принимают форму своего контейнера, не имеют отдельных частей и т. п.», что характерно в первую очередь для жидкостей [Кубрякова 2012: 199]. Причем в данном случае мы не имеем ввиду значения как видовое, так и эмфатическое, т.е. большой массы вещества, которые являются вторичными значениями формы множественного числа у названий веществ. Свойством ассоциироваться со

своим контейнером обладают не только жидкости, но и в целом различные вещества (вязкие, порошкообразные и т. п.), которые в большинстве своем являются косметическими и фармакологическими средствами, а также пищевыми продуктами, которые в обыденной жизни не могут находиться вне контейнера: *duxu perfume, pudra o pó de arroz* и т. п.: ...*faltava-lhe apenas emalar pequenos objectos: o perfume, o pó de arroz* (M. Ferreira) ...ей осталось положить в сумку **свои небольшие вещицы: духи, пудру**. Если же речь идет о непосредственном использовании соответствующего вещества, то, естественно, здесь передается значение части от целого: *Já lhe dissera que gostava muito do seu perfume* (A. Redol) Он еще раньше ей сказал, что ему очень нравится **аромат ее духов** (букв. 'ее духи'). Названия косметических средств могут свободно употребляться и во множественном числе, причем в ряде контекстов на дистрибутивное значение может накладываться и видовое значение, если речь идет о принадлежности данных косметических средств некоторому множеству лиц: *As raparigas iam e vinham, deixando-lhe o aroma dos perfumes* (A. Redol) **Девушки** уходили и приходили, оставляя **аромат своих духов**; ... *numa face onde não houvesse pós de arroz* (E. De Queiros) ... она никогда не пользовалась **пудрами**.

Аналогичную интерпретацию в португальском языке имеет название такого пищевого продукта, как **мороженое gelado**, который может быть представлен различными агрегатными состояниями (твердым, вязким и даже жидким, если растает). Мороженое может находиться как в контейнере (стаканчике, вазочке и т. п.), так и быть представлено пакетированной формой (упаковка, брикет и даже в форме цилиндрика на палочке). Причем в португальском языке существительное **gelado-gelados** представлено обеими формами числа в отличие от его русского эквивалента: ... *a Teresa, dando uma lambidela gulosa no gelado de morango* (A. M. Magalhães, I. Alçada) ... Тереза с удовольствием стала лизать **клубничное мороженое**; *As gémeas foram-se dirigindo também para lá na ideia de comprarem um gelado...* (A. M. Magalhães, I. Alçada) **Девочки** также захотели купить себе **по мороженому**; *As gémeas sorviam aplicadamente o resto do gelado* (A. M. Magalhães, I. Alçada) **Девочки** старательно доедали **остатки мороженого** Ср. *De gelados nas mãos, os dois puseram-se em fuga* **С мороженым в руках**, эти двое пустились наутек; *Tenta levar uma vida saudável: evita os gelados e o álcool* Он пытается вести здоровый образ жизни: не ест **мороженого** и не пьет алкогольные напитки; ...*a fome canina que o levará a devorar quatro gelados* ... сильное чувство голода заставило его съесть **четыре порции мороженого** (букв. 'четыре мороженных'); *Os alunos optaram por ficar sentados na relva, a comer gelados* **Ученики** сидели на траве и ели **мороженое**. Отметим, что в ряде примеров множественная интерпретация **gelados** включает как значение множества порций, так и множества видов мороженого. Поскольку в португальском языке имеются различия в употреблении артиклей (определенного, неопределенного и «нулевого») с существительными разных лексико-грамматических разрядов, то в приведенных примерах с существительным **gelado** в единственном и множественном числе артикли употребляются согласно правилам употребления

для названий предметов, а не названий веществ, посредством которых передается значение части или целого.

Таким образом, ряд веществ, главным образом, твердых веществ, в португальском языке может концептуализироваться как некий предмет, поскольку «отдельность, относительная обособленность такого объекта отражается в смысловой структуре имен и проявляется в их языковых свойствах» [Руденко 1996: 186].

Литература

- Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14.
- Калинина Л.В. Лексико-грамматические разряды имен существительных как пересекающиеся классы слов (когнитивно-семасиологический анализ). автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2009.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Издательство Оникс, 2007.
- Руденко Д.И. Количественность и семантика имени // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. С-Пб.: Наука, 1996. С. 181-214.
- Руденко Д.И. Понятие «класс» и модальность «оценки» в семантике языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 151-162.
- Estudante – Dicionário de Português. Dicionários do Estudante. Porto: Porto Editora, 1984.
- Lingateca. URL: <http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/>

O.A. Shershukova (Moscow, Russia)

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

THE SPECIFICS OF EXPRESSING OBJECTIVITY IN MASS NOUNS IN PORTUGUESE: COGNITIVE VS LINGUISTIC

This article analyzes in terms of linguocognitive approach the specifics of expressing objectivity in the names of so-called *mixed categorical semantics*, which include the names of substances. The analysis is carried out on the material of the Portuguese language in comparison with the Russian language, specific features inherent to the Portuguese language are highlighted.

Key words: discreet or continuous conceptualization, mass nouns, object, Singular and Plural forms

Г.Н. Ягафарова (Уфа, Россия)

*Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
rishrinat@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ ЛЕНИВЫЙ ЧЕЛОВЕК В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются слова и выражения, репрезентирующие понятие ЛЕНИВЫЙ ЧЕЛОВЕК в башкирском языке. Материалы, взятые из толковых, диалектологических словарей, фразеологизмы дают возможность составить представление об особенностях формирования данного понятия в языковой картине мира башкир.

Ключевые слова: концепт ЛЕНЬ, ленивый человек, башкирский язык, репрезентация понятия, фразеологизмы

Трудолюбие – черта, которую стремится привить каждый человек своему ребенку или развить в себе. Лень – порок, который тормозит все позитивное, прогрессивное, мешает течению нормальной жизни. Будучи оценкой пейоративной, ленивый человек получает очень красочные, образные наименования в языке. В данном исследовании речь идет о словах и выражениях, которые раскрывают понятие ЛЕНИВЫЙ ЧЕЛОВЕК в башкирском языке.

Репрезентация любого концепта предполагает выделение слов определенной ЛСГ, в структуре которой определяется ядро и периферия. В русском языке лень трактуется как 'отсутствие желания действовать, трудиться, склонность к безделью' [ССРЛЯ 17: 178]. В Национальном корпусе русского языка портрет слова «лень» включает лексемы *леность, вялость, апатия, тупость, безволие, сонливость, праздность, беспечность, разгильдяйство, безалаберность* [Лень]. Таким образом, в данном ряду четко выявляется ядро данного концепта – ЛЕНЬ, к которому относятся остальные вышеперечисленные слова. Интересно проследить этимологию слова «лень». В русском языке данное слово трактуется как общеславянское производное от *lěнь (> *лен* 'ленивый'), того же корня, что *лежать* [Шанский, Боброва 2004].

В отличие от русского языка, в тюркских языках лень как абстрактная категория не получает развернутого словесного описания. Как показали материалы, например, башкирского языка, слово *ялкаулык* имеет только два синонима – *иремтәллек* и *нәс*, абсолютно не являющиеся частотными в современном языке: оба слова относятся к пласту устаревших слов, носители языка ныне не понимают их значений. Да и само слово *ялкаулык* используется крайне редко. Очевидно, что тюркские абстрактные понятия, в т.ч. и башкирские, появились на основе наименований определенных свойств человека, поэтому чаще всего они представлены дериватами (ср. *эрелек* 'высокомерие', образованное от *эре* 'высокомерный' + словообразовательный аффикс *-лек*; *эшәнлек* 'трудолюбие' – от *эшән* 'трудолюбивый' + *-лек*; *тырышлык* 'старание' – от *тырыш* 'старательный' + *-лык*) или заимствованными словами (*намыс* 'совесть', *горурлык* 'гордость' и др.). Несмотря на то, что ядром концепта, связанного со сферой чувственного и эмоционального, является название какого-либо абстрактного понятия, в тюркских языках оно не будет обладать достаточной употребляемостью, которая бы дала ему возможность быть раскрытым в полной мере. Гораздо более подробно лексически описываются те или иные качества человека, имеющие отношение к данному абстрактному понятию, т.к. люди сначала оценивали качества других, затем объединяли подобные качества под единым наименованием.

Так и в структуре концепта ЛЕНЬ наиболее развернуто представлен сегмент, обозначенный М.А. Ереминой как «субъект, характеризующий отрицательным отношением к труду» [Еремина 2014: 29], который наполняют лексические единицы со значениями 'лентяй/бездельник/ленивый человек/лодырь' [Еремина 2014: 29].

В башкирском языке понятие «ленивый человек» передается рядом слов. Центром ЛСГ выступает лексема *ялкау* 'лентяй, лодырь', образованная от глагола

ялк – ‘уставать’. Происхождение башкирского слова *ялкау* установлено не до конца, имеются предположения относительно связи слова с понятиями ‘быть измученным; слабым, вялым, робким’ [EDAL 2005: 1534]. Можно полагать, что *ялкау* – человек, который прежде всего устал, изнурен, поэтому становится вялым, апатичным, неспособным что-либо делать, что окружающими воспринимается как нежелание работать. Примечательно, что в башкирских народных эпосах, сохранившихся в стихотворной форме, мы не встретили понятия *ялкау*; такая оценочная категория появляется только в прозаических сказках башкир, в которых более четко проступает психологизация героя.

В словаре синонимов башкирского языка зафиксированы следующие слова и выражения, близкие по значению к слову *ялкау*: *елкәһез* досл. ‘без шеи’, *эшлекһез* досл. ‘без дела’, *иренсак* от слова *ирен* – ‘лениться’, *елкәһе йока*, *елкәһе сокор(ло)*, *йока елкә*, *сокор елкә*, *тиреһе йока* [Усманова 2011: 255], последние 5 из которых – фразеологизмы, особенно красочно и наглядно передающие данное понятие.

Примечательно, что «лентяй» связывается с понятием *елкә* ‘затылок, шея, ворот’: *елкәһез* (досл. ‘не имеющий шеи’) – ленивый (антоним – *елкәле* (досл. ‘имеющий шею’) – работающий, старательный), *елкәһе йока* или *йока елкә(ле)* (досл. ‘тонкая шея’), вариант: *тиреһе йока* или *йока тиреле* (досл. ‘кожа тонка’), *елкәһе сокор* или *сокор елкә(ле)* (досл. ‘шея с ямкой’), *елкәһе осло* (досл. ‘острая шея’). Очевидно, в языковой картине мира башкир закрепилось представление о том, что вся тяжесть работы ложится на шею человека, он тянет работу на своей шее: *елкәгә төшөү* (досл. ‘ложиться на шею / плечи кому (о бремени)’), *елкәлә күтәрәү* (досл. ‘поднимать на шею / плечах’); *елкәлә татыу* (досл. ‘испытать на шею / себе’), *муйында камыт кейеү* (досл. ‘надеть на шею хомут, впрягаться в хомут’). Неслучайно и понятие ‘трудолюбивый, деятельный’ в значении ‘быть полностью занятым, погруженным в работу’ предполагает загруженность до шеи: *муйындан эшкә сумыу / батыу* (досл. ‘погрузиться по шею в работу’, то же *баштан ашкансы эшкә сумыу*, *баштан-аяк эшкә сумыу*). И наоборот: о работе, от которой удалось освободиться, говорят *елкәнән төшөү*, в более полном варианте – *елкәнән камыт төшөү* (досл. ‘снять хомут с шеи’), *елкәнән тау төшкән кеүек булыу* (досл. ‘как будто гора свалилась с шеи / плеч’); о наскучившей работе говорят *елкәгә тейеү* (досл. ‘приестся шею’, т.е. ‘надоесть, наскучить’); *елкәне сейләндерәү* (досл. ‘натереть шею’, т.е. ‘измучиться, устать от несения тяжести или от тяжелой работы’).

Бездействие, бездеятельность, неактивность всегда находятся рядом с ленью, поэтому выражения *кеше елкәһен ашау* ‘жить за чужой счет, сидеть на чьей-то шее’; *елкәгә менеү* (или *ултырыу*) ‘сесть на шею кому’; *елкәһендә йәшәү* (или *ултырыу*) ‘сидеть на шее чьей’, *елкәһенә һалыныу*, *елкәне кимереү*, *елкәне ашау* ‘не работать’ также имеют отношение к лентяю. Таким образом, лень и трудолюбие связаны с шеей человека, с тем, как его шея справляется с тяжелым бременем.

Сон, сонливость, вялость характеризуют лень, поэтому выражения *йока сүлмәге* (или *токсайы*, *мискәһе*, *һандығы*) (досл. ‘горшок / мешок / миска / сундук со сном’) описывают человека, любящего поспать, ленивого.

Обращает на себя внимание сравнение человека с лошастью, тянущей хомут, во фразеологизмах *муйынга камыт кейеу, елкәнән камыт төшөү*. Тот же зооморфный код видим в выражениях *эшкә егеу / егелеу* ‘впрягать / впрягаться в работу’, *ат кеуек эшләү* ‘работать без усталости’. Как видим, трудолюбие предполагает сравнение с наиболее близким представителем из мира животных – конем, который был неотделимой частью быта башкира-охотника, башкира-воина, башкира-скотовода.

Между тем имеется еще одно животное, упоминаемое при описании ленивого человека – собака. Выражения *эт һугарыу, эт ауызына агас тығып йөрөү* дают значение ‘бездельничать, проводить время впустую’ (синонимы: *урам таңау* ‘топтаться на улице’, *бот күтәрәп ятыу* ‘лежать, подняв ногу’, *ел кыуыу* ‘гоняться за ветром’). Исходя из данных фразеологизмов, можно составить представление о том, что собака в понятии башкир воспринималась как бесцельно шатающееся животное, не выполняющее особых функций в быту полукочевого народа. Поэтому чрезвычайно ленивый человек именуется через зооним *эт: эт ялкауы* (досл. ‘лентяй собачий’).

Кроме того, отъявленный лентяй именуется *ата ялкау* (досл. ‘отцов лодырь’), *тере ялкау* (досл. ‘живой лодырь’), *хәрәсән ялкауы* (досл. ‘Хорасанский лодырь’, где Хорасан – историческая область в Западной и Центральной Азии, в XIV-XV вв. ставшая важным центром науки и искусства).

В диалектах понятие ленивого человека приобретает следующие номинации: *алапай, арамда, арамъя, бакма, бәтиә, барымһыз, иренсәк, егарһез, йәлдәк, йәх-мәреш, йопан, кайка, кариңсә, кокана, конарһыз, контһоз, коротамак, ләпәс, нәкәс, саман, сауан, үжәт, үшән, салан, һонок, ырыкта, ялазай, ялдак*, часть из которых характеризует лентяя с точки зрения его медлительности (*ырыкта, кырсау, үшән, үжәт*), часть – неспособности что-либо сделать, например, нагнуться (*һонок, кайка*), работать (*барымһыз, конарһыз*), часть – отрицания какого-либо качества (*контһоз* – нестарательный), часть – как следствие впечатления от внешнего вида человека, неряшливость которого говорит о его ленивом характере (*алапай, йәхмәреш*).

Таким образом, значение *ленивый человек* в башкирском языке имеет в центре понятие ЛЕНТЯЙ, которое выражается через слово *ялкау* ‘лентяй, лодырь’, в сочетаниях *ата ялкау, хәрәсән ялкауы, эт ялкауы* приобретающее чрезмерную степень лени. Для описания качеств лентяя применяются зоонимы лошадь и собака, где проводится сравнение трудолюбия человека с лошадью как тягловым животным; с собакой – как бесцельно блуждающим (поэтому ленивым) животным. В представлениях башкир тяжесть работы ложится на шею (затылок, плечи) человека, поэтому при характеристике лентяя активно используется слово *елкә*, при помощи которого образовано большое количество слов изучаемой тематики. В целом, изложенные наблюдения помогают составить мнение об одном из многих фрагментов языковой картины мира башкир, которые в сопокупности позволяют построить целостную систему мировоззрения и мировосприятия народа.

Литература

Еремина М.А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014.

Лень // НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/word/main?req=лень>

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948-1975.

Усманова М.Г. Башкирско-русский словарь синонимов. Уфа: Китап, 2011.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2004. URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8C>

EDAL – Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological dictionary of the Altaic languages. Boston, Leyden: J. Brill. Vol. I–III, 2005.

G.N. Yagafarova (Ufa, Russia)

*Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences*

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF A LAZY PERSON IN THE BASHKIR LANGUAGE

The article examines words and expressions representing the concept of a lazy person in the Bashkir language. Materials taken from explanatory, dialectological dictionaries, phraseological units make it possible to form an idea of the features of the formation of this concept in the linguistic picture of the world of the Bashkirs.

Key words: concept of laziness, lazy person, Bashkir language, representation of the concept of a lazy person, phraseological units with the meaning of a lazy person

Е.Б. Яковенко (Москва, Россия)

*Институт языкознания Российской академии наук;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
yakovenko_k@rambler.ru*

ДЕЛИМИТАЦИЯ ЧАСТЕЙ СУТОК И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В работе исследуются языковые и культурные основания концептуализации суток и их составляющих в англосаксонской картине мира. Как показывает анализ, концепты ДЕНЬ, НОЧЬ, УТРО, ВЕЧЕР, функционирующие в наивном, религиозном и научном сегментах данной картины мира, по-разному активируют свои признаки, что приводит к нейтрализации отдельных оппозиций и размыванию границ концептов.

Ключевые слова: древнеанглийский язык, научная проза, картина мира, концепт, концептуальный признак

Обозначения отрезков времени, наблюдаемые в древнеанглийском языке и формирующие в своей совокупности языковую основу концептуального поля ВРЕМЯ, весьма разнообразны. Появляясь в текстах разного содержания и разных жанров: эпосе, военных поэмах, хрониках, научной прозе, переводах отдельных книг Библии и др. – они создают подробные и несколько противоречивые представления о времени, в которых заметно влияние нескольких культурных традиций.

При обращении к древнеанглийским источникам обнаруживается, что ряд древнеанглийских темпоральных именных единиц, в частности, обозначения частей суток, демонстрирует представления, несколько отличные от современного обывденного знания о суточном цикле, что вызывает интерес.

Данное исследование преследует следующие цели: 1) определить номинативные поля концептов ДЕНЬ, НОЧЬ, УТРО, ВЕЧЕР, присутствующих в англосаксонской картине мира; 2) выявить признаки, вербализуемые номинантами вышеуказанных концептов; 3) вычленив в англосаксонской картине мира наивную, научную и религиозную составляющие, установить корреляцию между признаками, реализуемыми отдельными концептами, и составляющими картины мира.

Начиная с концепта ДЕНЬ, отметим, что его основным номинантом выступает лексема *dæg*, используемая также для обозначения суток (специальное слово в древнеанглийском, как, впрочем, и во многих других языках, отсутствует). В силу своей общей семантики единица широко представлена в разнообразных контекстах (так, в одном только Хельсинкском корпусе древнеанглийской прозы [XML] присутствует свыше 1300 употреблений лексемы в различных формах), вербализующих самые общие признаки концепта, такие как 1) сутки; 2) световой день – время от заката до восхода; 3) день как счетная единица времени. Художественные произведения, хроники, тексты дидактического характера реализуют и другие признаки концепта, сообщая о характеристиках отдельных дней с точки зрения погоды, происходящих событий и т.д. В вербализации концепта участвует также ряд композитов с первым или, чаще, вторым компонентом *dæg*: *dæg-tīma* «день, дневное время», *mid-dæg* «полдень», *weder-dæg* «погожий день» (ср. русск. *вёдро*), *weorc-dæg* «рабочий день» (см. далее о названиях дней и ночей недели).

Концепт НОЧЬ номинируется в первую очередь лексемой *nyht* (*niht*) (свыше 1000 вхождений в [XML]), обладающей высоким словообразовательным потенциалом. Достаточно назвать такие дериваты и композиты, как *emniht* «равноденствие» (букв. «равноночие»), *nihterne* «ночной», *nihternness* «ночное время», *mid-niht* «полночь». Важно, что в наивной картине мира, представленной в древнеанглийском языке, оппозиция «день – ночь» не является симметричной: ночь концептуализируется, помимо прочего, как опасное время, отданное на откуп силам зла, время, когда следует быть настороже, о чем свидетельствуют такие композиты, как *niht-egesa* «ночной кошмар», *niht-genga* «злой дух» (букв. «существо, бродящее ночью»), *niht-wacu*, *niht-weard* «ночная стража» [Bosworth-Toller].

В религиозном сегменте англосаксонской картины мира оппозиция «день – ночь» прослеживается вполне четко. В переводах отдельных книг Библии, выполненных на древнеанглийский язык с Вульгаты, *dæg* соответствует лат. *dies*, *nyht* (*niht*) – *nox*:

God cwæð þa soþlice: 'Beo nu leoht on þære heofenan fæstnysse and todælon dæg and nihte, and beon to tacnum and to tidum and to dagum and to gearum' [AOT, Gen 1:14].

«И сказал Бог: «Да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и лет»» [Быт. 1:14, цит. по Русскому Синодальному переводу (РСП)].

В непереводных текстах религиозного характера, например, в гомилиях Эльфрика, день – отрезок земной жизни, на протяжении которой человек борется с грехом и получает милость Божью:

ælce dæg we syngiað, and ælce dæg we sceolon urne Hælend gladian <...>, se ðe æfre wile us mannum mildsian (Ælfric's Homilies, ll. 44-46), цит. по [XML].

«Каждый день мы грешим, и каждый день мы должны радоваться Господу, что он хочет смириться над нами, людьми» (здесь и далее, если не указано отдельно, перевод наш – Е.Я.).

Следует отметить несомненное влияние на обыденное мышление англосаксов религиозной традиции, зародившейся задолго до христианства, в ветхозаветную эпоху, и требующей отсчитывать начало суток с захода солнца, с чем связана специфика суточного круга богослужений. Др.-а. *nyht* (*niht*) употребляется также в значении «сутки» (*niht-eald* «ребенок, которому один день от роду», *niht-(ge)rīm* «счет дней»). В обозначениях дней и ночей недели, восходящих к названиям светил и богов германского и, реже, римского (Сатурн) пантеона, наблюдается смещение языческих и христианских традиций, ср. *Sunnan-dæg* – *Sunnan-niht*, *Mōnan-dæg* – *Mōnan-niht*, *Tīwesdæg* (*Tīwes-niht* не зафиксировано), *Wōdnes-dæg* – *Wōdnes-niht*, *Punres-dæg* – *Punres-niht*, *Frīge-dæg* – *Frīge-niht*, *Sætern* (*Sæternes-*, *Sæter-*, *Sæteres-*) *dæg* – *Sætern-* (*Sæter-*) *niht*.

В древнеанглийской научной прозе, набирающей силу к концу древнеанглийского периода (X – начало XI вв.), концепты ДЕНЬ и НОЧЬ, рассматриваемые в геоцентрической системе мира, приобретают иные признаки: день – отрезок времени, на протяжении которого осуществляется видимое движение Солнца вокруг Земли, это часть несовпадающих солнечного и лунного годов; ночь – период, когда Солнце находится ниже уровня горизонта:

Nu is ælc dæg on ðisum middanearde of ðære sunnan lihtinge. Soðlice seo sunne gæð be Godes dihte betwux heofenan and eorðan, on dæg bufon eorðan, and on niht under ðysse eorðan eal swa feorr adune on nihtlicere tide under þære eorðan swa heo on dæg bufon upastihð [Ælfric 2009: 76].

«Теперь каждый день на земле освещен солнцем. Солнце действительно движется между небом и землей по воле Господа; днем над землей и ночью под землей, так далеко под землей ночью, как оно поднимается днем».

Однако в целом достижения астрономии в тот период не так велики, и естественнонаучная картина мира излагается в трактатах в полном соответствии с христианским вероучением. Интересно, что, переводя свой трактат с латыни (и осуществляя тем самым культурный трансфер), ученый вынужден был создавать соотвественствия латинских единиц – обозначений отрезков ночи, неизвестных англосак-

сам, – используя семантические и словообразовательные кальки (подробнее об этой переводческой стратегии см. [Яковенко 2017; 2020]).

«*Seo niht hæfð seofan dælas fram þam seofan sunnan settlungu oð hire up-gang: an þære dæla is crepusculum, þæt is æfan-gloma; ober is vesperum, [þæt is æfen.] þonne se æfen-steorra betwux þære repsunge æt-eowað; þridde is conticinium, þonne ealle þing sweowiað on hyra reste; feorða is intempestum, þæt is midniht; fifta is gallicinium, þæt is han-cred; syxta is matutinum vel aurora, þæt is dæg-red; seofoda is diluculum, þæt is se ær-mærien betweox þam dæg-rede and sunnan up-gange*» [TA 1841: 6].

«Ночь, от захода солнца до восхода, имеет семь частей: первая часть – *crepusculum*, то есть отблеск вечерней зари; вторая – *vesperum*, то есть вечер, когда вечерняя звезда показывается в промежутке между светом и тьмой; третья *conticinium*, когда все предметы безмолвны в своем покое, четвертая – *intempestum*, то есть полночь; пятая – *gallicinium*, то есть крик петуха; шестая – *matutinum* или *aurora*, то есть заря; седьмая – *diluculum*, то есть ранее утро, между зарей и восходом солнца».

Как видно, при подобном подходе вечер и утро укладываются в ночной интервал времени. При этом, разумеется, в наивной картине мира представления о них как об особых частях суток сохраняются; более того, в древнеанглийском наблюдаются их многочисленные обозначения. Так, концепт УТРО номинируется такими единицами, как *morgen* (*merigen*), *merigen-tīd* (*morgen-tīd*), *undern-mæġ*, *ūht(an)-tīd* (< *ūhta* «конец ночи»), *ær-dæg*, *dæg-red* (последние две единицы являются композитами, имеющими *dæg* как одну из основ; *dæg-red*, означая первоначально зарю, употребляется в значении «утро» метонимически). Номинативное поле концепта ВЕЧЕР формируется такими наименованиями, как *æfen* (*æfyn*, *ēfen*), *æfnung*, *æfen-glōma*, *hrebsung*, *æfen-hrebsung*, *cwīld-tīd*, *fōran-niht* и, метонимически, *glōm* «сумерки, сумрак» (отметим также глагол *ge-æfenian* «вечереть»). Данные номинативные поля включают также обозначения церковных служб: *ūht-sang*, *æfter-sang*, *dæggrēd-sang* «утреня»; *noctern*, *ūht-sang*, *ūhtan-tīma* «вечерня» (по мере упорядочения церковных богослужений и их объединения *ūht-sang* используется и в одном и в другом значении). Присутствие в ряде обозначений утра и вечера основ *dæg* и *niht*, функционирование в древнеанглийском глагольных дериватов *dægian* «светать» и *nihtian* «смеркаться», являющихся производными от *dæg* и *niht*, но служащих вербализации концептов УТРО и ВЕЧЕР, и становящееся традиционным употребление названий богослужений делают границы всех четырех концептов размытыми, а сами концепты культурно и дискурсивно опосредованными.

Литература

РСП – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе. Перепечатано с Синодального издания. С-Пб.: Объединенные Библейские Общества, 1993.

Яковенко Е.Б. Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском языке // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: коллективная монография. М.: Канцлер, 2017. С. 257-264.

Яковенко Е.Б. Англосаксонские научные трактаты: историко-культурный контекст и особенности текстовой и языковой организации // Германские языки: текст, корпус, перевод: коллективная монография. М.: Институт языкознания, 2020. С. 31-44.

AOT – The Old English Heptateuch; and, Ælfric's Libellus de Veteri Testamento et Novo. Oxford: Oxford University Press for the Early English Text Society, 2008.

Bosworth J., Northcote Toller T. An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1898 and 1921. URL: <http://www.bosworthtoller.com>

TA – Ælfric's «De temporibus anni». Цит. по Anglo-Saxon Manual of Astronomy (De temporibus anni) // Popular treatises on science written during the Middle Ages in Anglo-Saxon, Anglo-Norman, and English. Ed. by Th. Wright. London: Taylor, 1841. Pp. 1-19.

XML – XML Helsinki Browser. URL: <https://helsinki.corpus.arts.gla.ac.uk>

Ye.B. Yakovenko (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences;

Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities

yakovenko_k@rambler.ru

DELIMITATION OF THE PARTS OF THE DAY AND THEIR NAMING IN THE ANGLO-SAXON WORLDVIEW

The paper examines the linguistic and cultural bases of conceptualization of the day and its parts in the Anglo-Saxon worldview. As the analysis shows, the concepts DAY, NIGHT, MORNING, EVENING, functioning in the naive, religious and scientific segments of the worldview under study, activate their features differently, which leads to the neutralization of some oppositions and blurs the boundaries of the concepts.

Key words: Old English, scientific prose, conceptual worldview, concept, feature of the concept

*Л.Р. Абдуллина, М.С. Лукина (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
lilioven@mail.ru, marinaloukina@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРЕЙМ-СЦЕНАРИЯ «ПРОДВИЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ» В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В данном исследовании рассматривается языковая репрезентация фрейм-сценария «Продвижение недвижимости» во франкоязычных рекламных текстах. На основе метода фреймового моделирования выявляются три доминирующих субфрейма. В ходе анализа их иерархической структуры устанавливается взаимодействие понятий разных уровней, благодаря чему достигается максимальное воздействие на подсознание адресата.

Ключевые слова: рекламный дискурс, фрейм, субфрейм, моделирование, адресат

В когнитивных исследованиях последних лет активно используется метод фреймового моделирования, основанный на «выделении фреймов согласно значениям языковых единиц, которые могут быть объединены по общим признакам типичной ситуации употребления» [Мустафина 2024: 33]. В рекламном дискурсе мы наблюдаем динамичный фрейм или фрейм-сценарий, представляющий собой по М. Минскому «типовую структуру для некоторого действия, понятия, события и т.п., включающую характерные элементы этого действия, понятия, события» [Минский 1979: 34]. Фрейм-сценарий рекламного дискурса образуется совокупностью субфреймов, которые состоят, в свою очередь, из слотов. Последние заполняются в зависимости от контекста.

Целью данной работы является выявление особенностей моделирования фрейм-сценария «Продвижение недвижимости» во французском рекламном дискурсе.

В качестве материала исследования использовались данные с ведущего франкоязычного сайта агентства недвижимости: <https://www.selogerneuf.com>. Всего было проанализировано порядка 100 рекламных текстов объектов недвижимости, опубликованных во втором полугодии 2024 г.

Согласно результатам исследования в структуре фрейм-сценария «Продвижение недвижимости» доминируют такие субфреймы, как «Комфорт», «Экологичность» и «Эстетика». Проанализируем каждый из них более подробно.

1. Субфрейм «Комфорт». Одним из критериев выбора жилья потенциальным собственником является его месторасположение по отношению к другим интересующим клиента зданиям и сооружениям, а также транспортная доступность. Именно поэтому в структуре субфрейма преобладают следующие слоты: «Территориальная зона», «Транспорт» и «Инфраструктура».

Первый слот «Территориальная зона» указывает на расположение объекта недвижимости в определенной административно-территориальной единице с указанием названия района или номер округа.

Un Havre de paix au cœur de Paris 15e. «Тихая гавань в самом сердце 15-го округа Парижа».

Découvrez une adresse inédite au cœur du quartier Gambetta/Lachaise. «Откройте для себя дом по новому адресу в самом сердце района Гамбетта/Лашез».

В рамках слота «Транспорт» мы наблюдаем информацию о доступных видах транспорта, остановках/станциях, автотрассах, находящихся рядом с постройкой. Проиллюстрируем сказанное.

Située à moins de 10 minutes à pied du Métro 14 et du RER C. «Расположенный менее чем в 10 минутах ходьбы от станции Метро 14 и регионального экспресса RER C».

La résidence est bien desservie : l'arrêt des Grésillons (RER C) est à proximité et l'entrée de l'autoroute A86 se trouve à proche également. «Жилой комплекс имеет хорошую транспортную доступность: поблизости находятся остановка регионально-го экспресса (RER C) и въезд на автомагистраль A86».

В рамках слота «Инфраструктура» отмечается территориальная близость жилья к другим объектам, представляющая его конкурентное преимущество. Как правило, встречается указание на расположенные рядом торговые точки, медицинские, образовательные, развлекательные учреждения. Приведем следующие примеры.

Idéalement située à proximité immédiate du centre commercial Qwartz à Villeneuve-la-Garenne, la résidence offre un cadre de vie confortable avec toutes les commodités à portée de main. «Жилой комплекс, идеально расположенный в непосредственной близости от торгового центра Qwartz в Вильнев-Ла-Гарен, предлагает комфортные условия для проживания со всеми удобствами в пределах легкой досягаемости».

Les familles apprécieront la proximité des établissements scolaires, avec une école primaire à 10 minutes et un collège à 5 minutes à pied. «Для семей представляется интересной близость дома к образовательным учреждениям: начальная школа находится в 10 минутах ходьбы, а средняя школа – в 5 минутах ходьбы».

Учитывая высокий уровень экологической осознанности французов, продавцы недвижимого имущества практически в каждом объявлении подчеркивают экологичность объекта продажи. В связи с этим закономерным является выделение субфрейма «Экологичность», который включает такие слоты, как: «Озеленение», «Строительные материалы» и «Шумоизолированность».

Так, первый слот «Озеленение» включает в себя информацию о природных ресурсах, которые находятся вблизи постройки и способствуют формированию экологичной среды. Например,

Installez-vous dans un quartier particulièrement bien doté en espaces verts grâce aux nombreux parcs et au Bois de Vincennes à proximité. «Рекомендуем для проживания этот район, утопающий в зелени благодаря многочисленным паркам и близлежащему Венсенскому лесу».

В объявлениях делают также акцент на строительных материалах, из которых изготовлено предлагаемое место жительства, что мы и отнесли к слоту «Строительные материалы»:

Emménagez dès aujourd'hui dans une résidence en bois éco-responsable, pionnière dans la capitale. «Переезжайте прямо сегодня в первый в столице экологически чистый деревянный дом».

Рекламодатели не упускают из виду и ту группу населения, которая беспокоится о факторах, вызывающих дискомфорт и ухудшающих экологическую обстановку в период проживания: шум, близость крупных автомагистралей и т.д.

Notre résidence AZUR & SENS situé dans un quartier calme et écologique, loin de la route principale ... «Наш жилой комплекс AZUR & SENS расположен в тихом, экологически чистом районе, вдали от главной дороги...».

Ce lieu de vie est conçu pour allier intimité, calme et discrétion autour d'une cour intérieure. «Внутренний дворик придает жилому пространству уединение, спокойствие и таинственность».

Третьим субфреймом, прослеживающемся в текстах объявлений, является «Эстетика». Его структура представлена двумя слотами: «Окружающее пространство» и «Архитектура». К слоту «Окружающее пространство» мы относим языковые единицы, актуализирующие красоту и неординарность местности. Чаще всего, отмечаются красивые виды из окна на город, на пейзаж и т.д. Например,

Chaque appartement profite d'une terrasse extérieure offrant des vues dégagées sur Paris au dernier niveau. «Все апартаменты располагают открытой террасой на верхнем этаже, откуда открывается панорамный вид на Париж».

Les logements s'ouvrent sur de belles vues collines ou sur la nature environnante. «Из окон открывается прекрасный вид на холмы или окружающую природу».

Иногда подчеркивается очарование месторасположения дома в целом.

Appréciez le charme authentique du village provençal! «Оцените подлинное очарование провансальской деревни!».

Некоторые рекламодатели подчеркивают своеобразие архитектурно-строительных решений здания, элементов его фасада. Подобные случаи мы относим ко второму слоту «Архитектура». Обратимся к примерам.

Superbe maison au cachet préservé mêlant le charme des poutres d'époque, des briques apparentes et des vieilles pierres. «Потрясающий дом с сохранившейся отделкой, сочетающий в себе очарование старинных балок, кирпичной кладки и старого камня».

La résidence se compose d'un immeuble à l'architecture élégante et moderne avec un vaste jardin paysager. «Жилой комплекс представляет собой здание элегантной и современной архитектуры с большим ландшафтным садом».

Результаты исследования наводят на мысль о том, что выбор трех вышеупомянутых базовых субфреймов в структуре фрейм-сценария «Продвижение недвижимости» не случаен: он продиктован желанием привлечь внимание потребите-

ля как через удовлетворение его ценностно-социальных установок, так и путем апеллирования к общественным трендам. Именно поэтому слоты фрейм-сценария очень динамичны: вербализующие их языковые единицы способны одновременно соотноситься с несколькими субфреймами в сознании адресата, что свидетельствует о наличии определенных логико-семантических отношений между понятиями. Подобное взаимодействие понятий позволяет адресанту достичь максимального суггестивного воздействия на адресата с целью привлечения внимания к объявлению. В связи с вышесказанным в перспективе представляется интересным применение методов логической семантики при изучении фреймового моделирования «Продвижения недвижимости» в рекламном дискурсе французского языка и сравнение с дискурсом отечественных рекламодателей.

Литература

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Мустафина Р.Ф., Королёва Н.Е., Зиятдинова А.М. Фреймовое моделирование английских глаголов передачи информации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 32-43. URL: <https://elibrary.ru/rjykyx>

L.R. Abdullina, M.S. Lukina (Kazan, Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS OF THE “REAL ESTATE PROMOTION” FRAME SCENARIO IN ADVERTISING DISCOURSE

This study examines the linguistic representation of the “Real Estate Promotion” frame scenario in French-language advertising texts. Based on the frame modeling method, three dominant subframes are identified. Analysis of their hierarchical structure revealed interaction of concepts of different levels, thanks to which the maximum impact on the addressee’s subconscious is achieved.

Key words: advertising discourse, frame, subframe, modeling, addressee

Н.Р. Арнаутова (Челябинск, Россия)

Челябинский государственный университет

arnautova@csu.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются прецедентные феномены как средство создания ярких, креативных и запоминающихся рекламных слоганов для автопроизводителей. Являясь носителями общего для данной языковой группы культурного кода, прецедентные феномены способны актуализировать необходимые ассоциации и побудить потребителя приобрести автомобиль.

Ключевые слова: рекламный дискурс, прецедентный феномен, рекламный слоган, культурный код, персуазивная функция

Современный быстрорастущий и динамичный рынок заставляет производителей искать способы выделиться среди массы себе подобных. Реклама является тем локомотивом, который способен заявить о бренде, рассказать о его философии,

сделать его узнаваемым. Современные рекламодатели все чаще используют нетривиальные, креативные способы сделать это.

Рекламный дискурс представляет собой социальную практику, направленную на привлечение внимания потребителя к товару и, как результат, его покупку [Danesi 2015: 3] и развивающуюся в тесной связи с достижениями научно-технического прогресса [Зотова 2022: 130]. Сегодня рекламный дискурс – это комбинация разнообразных средств представления информации (текстовых, звуковых, визуальных и т.д.). Кроме того, имея высокий персуазивный потенциал и воздействуя на массовое сознание потребителей, рекламный дискурс продвигает не только, и не столько, бренд, сколько ценности, идеи современного общества. Современный рекламный дискурс – это зеркало, в котором отражается среднестатистический потребитель.

В нашем исследовании мы рассматриваем рекламные слоганы автомобильных концернов. Слоган – концентрированная часть рекламного сообщения, которая призвана кратко ознакомить потребителя с брендом. Кроме того, слоган – это связующее звено, объединяющее все или часть рекламных сообщений в единое непрерывное целое.

Т.Р.В. Фостер определяет 25 характеристик удачного слогана, среди которых запоминаемость, узнаваемость, уникальность (то, что будет отличать этот бренд от всех остальных), конкурентоспособность, простота и др. [Foster 2001]. Созданию креативного слогана способствует использование прецедентных феноменов, под которыми мы понимаем «текст, значимый для той или иной личности в познавательной и эмоциональной отношениях, имеющий сверхличностный характер, обращение к которому возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216].

Прецедентные феномены, в силу своей природы, обладают мощным потенциалом прагматического воздействия на участников коммуникации, поэтому целесообразным является их использование в рамках персуазивного дискурса в целом и рекламного дискурса, в частности. Наряду с такими функциями прецедентных феноменов как парольная, людическая, номинативная, Г.Г. Слышкин выделяет персуазивную функцию [Слышкин 2000: 85]. В.Л. Латышева называет эту функцию эмотивно-убеждающей, настаивая на том что прецедентный феномен в этом случае является, с одной стороны, наиболее адекватным способом выразить интенцию отправителя сообщения и, с другой стороны, способом воздействия на получателя [Латышева 2001: 299].

Рассмотрим примеры использования прецедентных феноменов в рекламных слоганах автоконцернов. Выборка включает 37 рекламных слоганов на английском языке, содержащих прецедентные феномены.

Самым распространенным прецедентным феноменом являются художественные фильмы (47%).

Emission impossible. Слоган автоконцерна «Мерседес» представляет собой трансформацию названия культового фильма «Миссия невыполнима» (Mission

Impossible) с Т. Крузом в главной роли. Трансформированное оригинальное название актуализирует ассоциации, связанные с этим художественным фильмом: главный герой в одиночку спасает мир, доказывая, что любая миссия выполнима, т.е. содержание фильма вступает в противоречие с его названием. Создатели слогана используют прием лексической субституции, заменяя лексику *mission* на созвучную «*emission*», что позволяет сохранить звуковой образ оригинального названия. Такая замена транслирует одну из ценностей, пропагандируемых компанией: создание производства и автомобилей, не угрожающих окружающей среде.

The fastest car awaits the fastest Indian. Слоган концерна «Ауди» отсылает потребителя к фильму «Самый быстрый „Индиан“» (The World's Fastest Indian) с Э. Хопкинсом в главной роли. В данном случае создатели слогана используют прецедентный феномен, чтобы привлечь внимание к техническим характеристикам автомобиля, а именно его скорости. Фильм является биографией знаменитого новозеландца Берта Монро, который потратил десятилетия жизни на переоснащение своего любимого мотоцикла марки «Индиан» 1920 г. выпуска с максимальной скоростью в 58 миль/ч в гоночный болид для установления рекорда скорости [Кинопоиск]. Рекламный слоган подчеркивает уникальность новой модели как автомобиля для самых дерзких и целеустремленных, побуждая, тем самым, потребителя к покупке.

Следующей по популярности группой прецедентных феноменов являются разговорные и устойчивые выражения (28%).

All bark all bite. Устойчивое выражение *someone's bark is worse than his or her bite* («лай страшнее, чем укус» т.е. грозен лишь на словах) трансформируется в противоположное по смыслу за счет распространения исходного выражения местоимением *all*, опущения прилагательного *worse* и замены имени существительного глаголом (*bark*, *bite*). Такая трансформация исходного выражения и метафора дикого зверя актуализируют образ автомобиля, который «рычит» так же грозно, как и ведет себя на дороге. Использование параллельной конструкции способствует созданию узнаваемого бренда.

Defy all rhyme and reason. Данный слоган компании «Ауди» является прямым призывом к действию. Устойчивое выражение *rhyme and reason* имеет значение «разумный, веский довод». Распространение исходного выражение глаголом *defy* (отвергнуть) создает образ автомобиля, который необходимо приобрести, не взирая ни на что. Использование побудительной конструкции способствует созданию живой, непринужденной атмосферы, приближая коммуникацию к непосредственной разговорной речи, что является важным в рекламном дискурсе, так как отправитель и получатель сообщения не контактируют друг с другом и удалены друг от друга во времени и пространстве.

Таким образом, использование прецедентных феноменов в рекламных слоганах автопроизводителей является продуктивным способом сделать рекламу яркой и запоминающейся, так как прецедентный феномен уже несет в себе определенный куль-

турный код, известный определенному сообществу. Трансформация исходного текста делает слоган еще более привлекательным и запоминающимся. Кроме того, для автора это возможность продемонстрировать свою эрудированности и креативность.

Литература

Зотова А.С. Концепт общества потребления в современном коммуникационном пространстве рекламного дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. 2022. Серия 2: языкознание. Т. 21. № 1. С. 129-139.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Латышева В.Л. Признаки и функции прецедентных феноменов // Вестник иркутского государственного технического университета. 2011. № 1 (48). С. 296-300.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000.

Danesi M. Advertising Discourse. The International Encyclopedia of Language and Social Interaction / eds: K. Tracy, T. Sandel, C. Ilie. Chichester: Wiley-Blackwell, 2015.

Foster T.R.V. The Art and Science of the Advertising Slogan. ADSlogans Unlimited, 2001.

N.R. Arnautova (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

THE FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PRECEDENT PHENOMENA IN ADVERTISING DISCOURSE

This article explores the use of precedent phenomena in advertising as a way to create catchy, memorable slogans for car companies. These phenomena, which are part of the shared cultural code of a given language community, can help activate relevant associations and encourage potential customers to purchase a vehicle.

Key words: advertising discourse, precedent phenomenon, advertising slogan, cultural code, persuasive function

Д. Арыджан (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
deryaarian962@gmail.com*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ «ПИСЬМОВНИК» М. ШИШКИНА: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

Исследование посвящено анализу экзистенциальных конструкций в художественном тексте с учетом дискурсивного и когнитивного аспектов на примере романа М. Шишкина «Письмовник». Рассматривается роль экзистенциальных конструкций в отражении внешней реальности и внутреннего мира героев, а также в формировании философского содержания текста.

Ключевые слова: экзистенциальные конструкции, именной предикат, художественный дискурс, «Письмовник», дискурсивный аспект, когнитивный аспект

Дискурс как процесс коммуникации выходит за рамки текстовых единиц и охватывает динамичное взаимодействие языковых структур с когнитивными и экстралингвистическими факторами. Значение термина «дискурс» со временем рас-

ширялось: «Уже в XIX веке этот термин был полисемичен: в Словаре немецкого языка Якоба Вильгельма Грима „Deutsches Woerterbuch“ 1860 г. указаны следующие семантические параметры термина „дискурс“: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция» [Хурматуллин 2009: 32]. Однако с развитием лингвистики термин стал рассматриваться не только как определенная форма речи, но и как особая структура взаимодействий, воплощающая культурные, социальные и идеологические аспекты коммуникации. Ю.С. Степанов определяет дискурс как использование языка, «за которым встает особая грамматика, особая лексика, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика». И всё это создает особый «возможный (альтернативный) мир» [Степанов 1995: 43]. Понимание дискурса в рамках когнитивной лингвистики выходит за пределы традиционного анализа текстов и фокусируется на когнитивных процессах, происходящих в сознании участников коммуникации. М. Фуко указывает, что дискурс не ограничивается лишь словами, произнесенными автором, но включает в себя и отношения между автором, его идеями и теми позициями, которые они предлагают читателю [Фуко 2004: 242]. Художественный дискурс всегда многослоен, и читатель может воспринимать произведение через призму собственного опыта и знаний; анализ дискурса позволяет увидеть, как язык и его структура определяют восприятие читателем различных социокультурных элементов произведения.

Экзистенциальные конструкции – это разновидность именных предикатов, выражающие наличие или существование чего-либо. Здесь имеется указание на присутствие объектов в определенном месте и выражается факт существования абстрактных понятий [Бондарко 1996: 53]. Поле экзистенциальности в русском языке определяется двумя типами отношений предикативной семантики бытийности к синтаксической структуре предложения. Первый тип – бытийность, представленная предикатом существования, например: *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...* (Ф. Тютчев); второй тип – бытийность, выражаемая в номинативных предложениях: *Вечер; Тишина* и т.п.» [Бондарко 1996: 53]. В таких конструкциях могут употребляться глаголы *быть, существовать, иметься, наличествовать, находиться* и др., описывающие реальность и затрагивающие вопросы существования и смысла жизни. Подобные конструкции активируют в сознании читателя когнитивные модели, позволяющие интерпретировать текст через призму экзистенциальных вопросов.

Роман М. Шишкина «Письмовник» (2010) – Это произведение с особой жанровой принадлежностью роман-четки. Особый жанр определяет и своеобразие структуры: роман состоит из писем двух героев, которые находятся в разных исторических эпохах. Обратимся к тексту романа, анализируя роль экзистенциальных конструкций в создании художественного пространства и смысловых акцентов.

(I) Первый тип – экзистенциальные конструкции с предикатом существования.

1. *Есть разные люди. Есть люди, которые все время сражаются с журавлями. Есть люди с одной ногой, на которой они передвигаются стремительно,*

и у них настолько большая ступня, что они укрываются в ее обширной тени от солнечного зноя и отдыхают, словно внутри дома. А еще существуют иные люди, которые живут только запахами плодов [Шишкин 2019: 13].

Бытийный глагол «есть» служит связкой, подчеркивая наличие различных людей и их равнозначность, ритмически организуя текст. Конструкция с глаголом «существуют» сильнее акцентирует онтологическую значимость, выделяя последнюю группу людей как нечто особенное. Автор подчеркивает разнообразие человеческого опыта, предлагая читателю размышлять о разных формах бытия. Для их описания автор использует метафоры: борьбу с недостижимым («с журавлями»), адаптацию к миру («с одной ногой») и утонченность ощущений («запахами плодов»). С точки зрения дискурсивного аспекта, эти конструкции задают тон повествования, где главной целью становится не динамика событий, а их осмысление.

2. *С Кириллом бродили по арсеналу и поражались его богатствам. Тут оружейные мастерские, склады, лаборатории. Здесь же чеканили китайскую медную и серебряную монету. В огромных залах был целый завод, где изготавливали порох и делали ружейные патроны для винтовок Маузера и Манлихера самой последней модели* [Шишкин 2019: 243].

Конструкция с глаголом «был» выполняет роль экзистенциального предиката, фиксируя факт существования завода. Локативное обстоятельство «в огромных залах» задает масштабы описываемого пространства, а уточнение о производстве пороха и патронов проясняет его функциональную значимость. Это позволяет и визуализировать пространство, и создать динамическую картину его использования. Завод становится уже не элементом пейзажа, а символом технического прогресса. Упоминание о «самой последней модели» подчеркивает значимость этого производства для данной эпохи. Грамматическая структура предложения, где завод – центральный элемент пространства, раскрывает масштаб арсенала и отражает эмоциональную реакцию героев. Структурируя нарратив, конструкция создает когнитивные связи между объектом, его функциями и эмоциями героев, что ощущается читателем.

3. *Мама часто стала вспоминать своего первого ребенка, моего старшего брата. Вдруг на ее столике появилась фотография, которой я раньше никогда не видела, – тучный младенец с налитой попкой улыбался беззубым ртом* [Шишкин 2019: 304].

Эта конструкция выполняет функцию перехода от текущего состояния героев к глубинному слою воспоминаний и эмоциональных переживаний. Бытийный глагол «появилась» усиливает эффект неожиданности и драматичности. Локализация события через обстоятельство места подчеркивает конкретность и обыденность ситуации, на фоне которой разворачивается внутренняя драма персонажей. Появление фотографии как объекта, связанного с прошлым, становится дискурсивным маркером, инициирующим воспоминания о старшем брате героини. Конструкция задает тон для интерпретации: фотография выступает как символ, раскрывающий эмоциональные слои повествования.

(II) Второй тип – экзистенциальные конструкции, выраженные номинативными предложениями.

4. *За окном тьма. Бесконечная зима. Морозно. Варю себе кофе и думаю про день, который только начинается. И про тебя. И про все на свете. Бегу в душ, а по дороге бужу мою зайку. Целая церемония* [Шишкин 2019: 372].

Здесь экзистенциальные конструкции акцентируют внимание на субъективном восприятии героя. Конструкция «за окном тьма» создает атмосферу неопределенности и мрака, пронизывающих пространство. «Бесконечная зима» – не просто описание сезона, но и метафора состояния героя, передающая ощущение застоя и холода, погруженности в долгие размышления и тоску. Аналогичным образом, конструкция «морозно» выражает и состояние окружающей среды, и состояние героя. Однородные предложения без глаголов «быть» или «существовать» привлекают внимание к непосредственности переживаний. Конструкцией «целая церемония» подчеркивается не столько само действие, сколько восприятие его как важного, но обременительного ритуала.

5. *Ты знаешь, я ведь тогда на даче приходила к тебе, пока тебя не было. И все нюхала. Твое мыло. Твой одеколон. Кисточку для бритья. Ботинки понюхала изнутри. Открыла твой шкаф. Нюхала свитер. Рукав рубашки. Воротник. Поцеловала пуговицу* [Шишкин 2019: 15].

Номинативные экзистенциальные конструкции усиливают эмоциональную насыщенность текста, эффект интимного переживания. Конструкции «твое мыло», «твой одеколон», «кисточку для бритья» акцентируют внимание на предметах, связанных с отсутствующим человеком. Они выступают маркерами воспоминаний и чувственной связи. В отсутствие глагольных связей эти номинативные фразы создают ощущение внутреннего монолога героини. Перечисления таких конструкций («Рукав рубашки. Воротник») задают ритм текста, передавая волну чувств и концентрацию на деталях.

6. *Дальше шагаю, сама не понимая куда. Какая разница, если валит захлеб? На тротуаре оттиски полос елочкой. Черные прогалыны вокруг люков. Залепило таблички с названиями улиц* [Шишкин 2019: 367].

Здесь экзистенциальные конструкции «на тротуаре оттиски полос елочкой» состоят из существительного «оттиски», пространственного указания («на тротуаре») и метафорического уточнения формы («елочкой»). Они создают картину пространства, акцентируя внимание на сезонных деталях, и контрастируют с движением героини («шагаю, сама не понимая куда»). С дискурсивной точки зрения эти конструкции символизируют остановку времени и фрагментацию восприятия, фокусируя внимание на деталях, важность которых усиливается атмосферой одиночества и растерянности.

Таким образом, экзистенциальные конструкции в романе М. Шишкина играют важную роль в организации пространства и создании глубины текста. Они фокусируют внимание на ключевых элементах, передавая идеи и эмоции героев,

а также создают связь между их внутренним миром и окружающей реальностью. Дискурсивно-когнитивный анализ выявляет, что эти конструкции смещают акцент с динамики на статику, отражая личные переживания персонажей. Использование экзистенциальных конструкций помогает погрузить читателя в атмосферу текста и понять авторский замысел.

Литература

Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996.

Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принципы Причинности // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: РГГУ, 1995.

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная акад., 2004.

Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. №6. С. 32-37.

Шишкин М.П. Письмовник. М.: Аст, 2019.

D. Arican (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

EXISTENTIAL CONSTRUCTIONS IN M. SHISHKIN'S "LETTERMAN": A DISCURSIVE ASPECT

The research is devoted to the analysis of existential constructions in a fiction text taking into account discursive and cognitive aspects on the example of M. Shishkin's novel *Pismovnik*. Their role in the reflection of external reality and the inner world of characters, as well as in the formation of philosophical reflection and semantic content of the text is considered.

Key words: existential constructions, nominal predicate, fictional discourse, *Pismovnik*, discursive aspect, cognitive aspect

Н.Н. Асташкина (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
astashkina_nn@mail.ru*

СТРАТЕГИИ ДИСКУРСИВНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье изучается манипуляция мнением реципиента в британском политическом дискурсе. В частности, в работе освещается роль ценностного концепта КУЛЬТУРА в реализации манипулятивных стратегий авторов. Стратегии построения дискурса рассматриваются на материале британских политических статей из журнала *The Economist*.

Ключевые слова: британский политический дискурс, дискурсивная манипуляция, стратегия, ценностный концепт, интерпретация знаний о мире

В анализе манипулятивного дискурса одним из основных вопросов исследования представляется вопрос о намерении автора: для обоснованного утверждения о наличии манипуляции необходимо понимать, что автор осознанно и целенаправленно выстраивает статью таким образом, чтобы воздействовать на «безоружного» перед этим воздействием читателя. Если следовать определению манипуляции по

Ван Дейку, то главным инструментом противостояния манипуляции является информация или знание, выходящие за рамки того, что предлагается в манипулятивном дискурсе [Ван Дейк 2013: 111].

Необходимо отметить, что в данном случае будут играть роль не столько знания как «некие «информационные», «содержательные» единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизованную систему» [Красных 2013: 159], но, в первую очередь, культурно значимые знания, которые могут иметь коннотации, а также нести заложенную в них «систему оценок» [Красных 2013: 159]. Это важно потому, что именно оценочность становится ключевым элементом воздействия на реципиента.

Согласно Кубряковой, любой дискурс выражает интенции отправителя и оказывает воздействие на других участников коммуникации [Кубрякова 2012: 125], однако имеет смысл говорить о манипуляции, когда дискурс приобретает идеологическую нагрузку. Беляевская под идеологией понимает доминантный в социальном и политическом отношении набор ценностей и убеждений [Беляевская 2015: 8], т.е., как видно из определения, идеологически-ориентированный дискурс строится в рамках определенной лингвокультуры. Поскольку любое знание является интерпретационным [Беляевская 2015: 5], то декодирование информации, содержащейся в манипулятивном дискурсе, будет напрямую зависеть от лингвокультурного бэкграунда реципиента. При этом дискурсная интерпретация «направлена на конструирование предмета сообщения таким образом, чтобы в нем отражалось некоторое заданное индивидуальное мировидение, содержащее индивидуально-авторскую оценку» [Беляевская 2015: 5]. Иными словами, любая дискурсная интерпретация будет индивидуальной, но общей для представителей одной лингвокультуры и будет оценочной, где степень оценки может варьироваться в зависимости от намерений автора. Как подчеркивает Болдырев, оценочная интерпретация антропоцентрична: она обладает внутриязыковой природой и связана «с конкретным индивидом или языковым сообществом» [Болдырев 2001: 2].

Беляевская выделяет 4 модели «преобразования контекста для обеспечения заданной интерпретации события»: введение эмотивно-оценочной лексики в текст, использование концептуально-метафорической репрезентации, использовании цитации, введение новых оценочных шкал [Беляевская 2015: 10]. Во всех этих моделях связующим звеном выступает лингвокультурный бэкграунд реципиента.

Здесь необходимо отметить, что то, какие лингвистические средства использует автор, определяются еще и различием в коммуникативных стратегиях авторов. Коммуникативная стратегия – это «набор конкретных шагов, который включает в себя выбор определенных языковых средств, служащих для реализации конечной цели коммуниканта» [Ирисханова 2014: 247]. Так, использование прямых оценочных средств (*aggression, dangerous, ruthlessness, economy on a war footing* и т.п.) [*Europe is caught... 2024*] соответствует примеру аддитивной стратегии (нацелены на передачу фактуальной информации с наименьшими потерями [Ирисханова 2014:

248]). Характерной чертой данной стратегии является минимизация усилий реципиента по выводу умозаключений [Ирисханова 2014: 248]. Кроме того, аддитивные стратегии «предполагают заполнение и конкретизацию стереотипных, устоявшихся структур знаний» [Ирисханова 2014: 248].

В случае с использованием прецедентных имен и интертекстуальности можно говорить об использовании неаддитивных стратегий, которые «направлены... на запуск самостоятельного порождения новых смыслов со стороны реципиента» [Ирисханова 2014: 250]. Этот вид стратегий характеризуется большими творческими усилиями со стороны продуцента и реципиента [Ирисханова 2014: 251].

С учетом вышесказанного в рамках неаддитивных стратегий значительный интерес представляет манипуляция ценностными концептами. В рамках данной статьи рассматривается один из важнейших концептов британской лингвокультуры – концепт КУЛЬТУРА, где культура понимается как нечто созданное человеком [Болдырев 2001: 32].

В статье “Inside the bear” The Economist, 2016 г., автор описывает путь развития России после коллапса СССР. Автор выводит на первый план идею о том, прозападный путь развития – единственно верный. Причем наличие демократии определяет «правильность» пути развития: *Georgia and Ukraine, two of the most democratic former Soviet republics; Russia was widely expected to become a Westernised, democratic, free-market country; it was naïve to expect that.... Russia would rapidly emerge as a functioning Western-style democracy* и др.

Кроме того, падение СССР рассматривается как положительное явление, пришедшее исключительно позитивные изменения, среди которых упоминаются создание частных банков, мобильная связь и рестораны. Данное заявление представляется неоднозначным, т.к. автор заявляет, что всё это «didn't exist before» [не существовало до этого]. Это утверждение, однозначно, рассчитано на читателя, далекого от российского культурного бэкграунда: если частные банки и явились следствием развития рыночной экономики, а мобильные сети просто совпали по времени возникновения, то рестораны существовали задолго до возникновения СССР, поэтому подобное утверждение – весьма грубое обобщение. Эта мысль продолжается тем, что россияне зарабатывают деньги, потребляют [без указания, что именно] и путешествуют в масштабах, невиданных в истории России. И, наконец, автор заключает тем, что россияне потребляют не только товары и услуги, но больше «culture and information». Для человека, незнакомого с историей России, данные утверждения выглядят обоснованными: им неизвестно, что развал СССР «изнутри» многими воспринимался в первую очередь как крушение культуры, однако манипуляция рассчитана именно на недостаток информации у читателя. Подобное искажение фактов могло бы выглядеть случайностью, если бы в тексте статьи не упоминался год восхождения на престол Александра III – не каждый русский может похвастаться знанием такого рода. Следовательно, статья написана человеком, имеющим достаточно хорошие знания об истории России. И можно утверждать, что автор статьи

целенаправленно прибегает к «легкому» искажению информации, чтобы внедрить в сознание читателя мысль о том, что именно выбор западного пути развития несет культуру и информированность на территорию бывшего СССР.

Далее эта идея находит продолжение в описании нового поколения россиян: «a new generation of *Westernized* Russians». О них же автор пишет: «young, *educated* Russians», задавая вектор «образованные люди проповедуют западные ценности». Дальнейшее описание молодых россиян усиливает акцент на образованности как на важной положительной характеристике: во-первых, они дети советской интеллигенции [the children of the Soviet intelligentsia], а, во-вторых, они «dress, eat and behave differently from their parents' generation» [одеваются, едят и ведут себя по-другому по сравнению с их родителями]. Безусловно, любое молодое поколение одевается и ведет себя не так, как поколение родителей – это не проблема исключительно России, однако в данном контексте и с учетом всех предыдущих мыслей автора единственный вывод, который напрашивается у читателя – это вывод о том, что западное влияние взрастило новое поколение россиян: лучше, образованнее, культурнее.

Подобный вывод становится возможным именно благодаря манипуляции концептом КУЛЬТУРА: в смысловом пространстве статьи он прочно увязывается с понятием *westernized* – в духе запада. Т.е. автор имплицитно идею о том, что культурные ценности (искусство, образование, просвещение) приходят с Запада, все изменения, пришедшие с Запада, носят исключительно позитивный характер. Цвет российской молодежи (будущее страны) полностью разделяет эти ценности и хочет развиваться именно в направлении, заданном Западом. Очевидно, автор не приводит реципиента к данным выводам открыто: налицо использование неаддитивной стратегии и интенсивный путь построения смыслов [Ирисханова 2014: 251]. Читатель «достраивает» скрытые смыслы самостоятельно, делает выводы, исходя из фактов статьи, не догадываясь об истинных намерениях автора и том, что «самостоятельные» умозаключения являются результатом стратегии автора. В данной ситуации автор делает ставку на неосведомленность читателя, отсутствие у него лингвокультурного контекста и за счет этого достигает цели.

Литература

Беляевская Е.Г. Дискурсивная интерпретация и реинтерпретация знаний о мире и языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание. Филология стилистики вербальных и жестовых языков. 2016. Вып. 19 (758). С. 18-27.

Беляевская Е.Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 5-13.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.

Ван Дейк Тён А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 133-141

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М: Знак, 2012.

Europe is caught between Putin and Trump // The Economist. 22.02.2024. URL: <https://www.economist.com/leaders/2024/02/22/caught-between-putin-and-trump>

Inside the bear // The Economist. 20.10.2016. URL: <https://www.economist.com/special-report/2016/10/20/inside-the-bear?ysclid=m5s2rovxnb409010134>

N.N. Astashkina (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

STRATEGIES OF DISCURSIVE MANIPULATION IN BRITISH POLITICAL DISCOURSE

This article is devoted to strategies of public opinion manipulation in British media. Thus, the role of value-based concept “culture” is highlighted in the aforementioned strategies which are examined on the material of The Economist articles.

Key words: British political discourse, discursive manipulation, strategy, value-based concept, interpreting the knowledge of the world

И.Ю. Безукладова, Е.А. Кузьмина (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина
ibesukladova@yahoo.com, kelena_an@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

Статья посвящена рассмотрению особенностей формирования образа политика в немецких медиатекстах на примере образа Д. Трампа. Особое внимание уделяется лексическим средствам конструирования образа, наиболее подробно здесь рассматривается стратегия прямой номинации.

Ключевые слова: медиатекст, образ, политика, прямая номинация, атрибутирование

Медиатексты формируют и трансформируют структуры этнокультурного сознания, создают, в т.ч., образы, которые затем внедряются в этнокультурное сознание и регламентируют отношение общества к тем или иным известным персонам.

Совершенно справедливым кажется нам утверждение Н.Н. Болдырева о том, что «выбирая то или иное языковое средство, говорящий предлагает определенный способ осмысление предмета или события и опирается при этом на коллективный опыт концептуализации и категоризации мира в языке, который отражен в языковых знаниях» [Болдырев 2009: 38-39].

Поэтому ни один медиатекст нельзя считать источником объективной информации, поскольку даже выбор лексических единиц при назывании события уже формирует отношение реципиента к нему. Таким образом, при восприятии новой информации индивид в процессах концептуализации и категоризации пользуется чужим оценочным суждением, даже если оно было тщательно завуалировано.

Когнитивный подход представляется наиболее продуктивным и адекватным при работе с текстами СМИ, поскольку позволяют вскрыть все пласты смыслов, заложенных авторами в их продукт. «В центре внимания когнитивной лингвистики оказываются такие важные для понимания информационных процессов вопросы, как интерпретационные свойства медиа текстов, их роль в построении информационной картины мира, культурно-специфичные и идеологические факторы, влияющие на производство и восприятие текстов массовой информации» [Добросклонская 2005: 180].

По мнению Н.Н. Болдырева, «интерпретация мира в языке основана, с одной стороны, на существующих коллективных представлениях о мире и, с другой стороны, на личном опыте взаимодействия с этим миром конкретного человека. Это проекция мира, или знание о мире, «погруженное» в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [Болдырев 2023]. Не вызывает сомнения тот факт, что «интерпретация «всегда опирается на типизированные схемы знания коллективного характера, многие из которых представлены в репрезентативном аспекте языка как коллективного феномена, в системе языковых категорий, что лишний раз подчеркивает неразрывную связь когнитивной и интерпретирующей функций» [Болдырев 2012: 39].

Медiateксты заставляют реципиента интерпретировать мировые события и выносить оценочные суждения, основываясь на информации, изложенной в них, причем выбор лексических единиц включает такие когнитивные механизмы влияния на общественное мнение и сознание представителей данного этнокультурного сообщества, как внушение и убеждение.

Одним из наиболее одиозных и неоднозначных политиков современности является Дональд Трамп, выигравший президентские выборы в США в 2024 г. Отношение к нему в СМИ западных стран, в частности, Германии до выборов было однозначно негативным, однако и после его победы современные немецкие медiateксты представляют своим реципиентам Трампа как человека опасного и ненадежного.

Пример 1. Ein Donald Trump aber ist nicht der Typ fürs Gemeinsame. Angela Merkel hat das immer wieder leidvoll erfahren müssen. Multilateralismus? Für Trump ein Schimpfwort. Kompromiss? Etwas für Schwächlinge. So denke dieser „besondere Präsident der USA“, sagte die Kanzlerin. Trump kenne das Prinzip von Win-Win-Situationen nicht. Trump, analysierte Merkel gerade nichtern vor der CDU in Nordrhein-Westfalen, glaube daran, dass es immer einen Gewinner und einen Verlierer geben müsse [Schwarte].

В данном примере цитируются слова Ангелы Меркель, которая характеризует нового президента Соединенных штатов в довольно мрачных тонах. Опыт общения бывшего канцлера Германии с Трампом репрезентируется лексемой *leidvoll* (мучительный). Затем идет противопоставление заведомо положительно оцениваемых современным западным обществом категорий и негативного отношения в них Трампа (*Multilateralismus – ein Schimpfwort, Kompromiss – Schwächlinge, das Prinzip von Win-Win-Situation – immer einen Gewinnwr und einen Verlierer*). Таким образом, Меркель описывает американского президента как человека не склонного к компро-

миссам и многосторонности, который не принимает принципа беспроигрышной ситуации (*Win-Win-Situation*), когда оба партнера получают какую-то выгоду, и никто не чувствует себя проигравшим.

Помимо высказываний местных политиков и журналистов в текстах немецких СМИ нередко приводятся слова американских оппонентов Трампа, которые рисуют его портрет самыми темными красками.

Пример 2. Donald Trump ist ein Psychopath, er ist ein Lügner, ein Steuerhinterzieher und ein Betrüger. Dass er so weit gekommen ist, zeigt uns, wie allergisch unser Land auf echte Nachrichten reagiert. Es erstaunt mich, dass Donald Trump die größten Falschheiten äußern kann und bei seinen Anhängern trotzdem nicht auf Widerstand trifft. Wenn ich mir ansehe, wie schamlos er in aller Öffentlichkeit lügt, wird mir angst und bange um die Zukunft meines Landes [Jong].

Данный пример содержит такие эпитеты нового американского президента как психопат (*ein Psychopath*), лжец (*ein Lügner*), уклонист от уплаты налогов (*ein Steuerhinterzieher*) и мошенник (*ein Betrüger*). Американская журналистка и феминистка Эрика Лонг обвиняет его в бесстыдной лжи, считая ее, вероятно, основным и самым опасным пороком Трампа, о чем свидетельствует разнообразие выбора лексем, репрезентирующих концепт LÜGE в данном тексте (*ein Lügner, ein Betrüger, die größten Falschheiten, lügen*).

Помимо обвинений во лжи и экономических преступлениях, противники подозревают Трампа в склонности к автократии и деспотизму.

Пример 3. Seine Ankündigung, am ersten Tag wie ein Diktator zu regieren, sei scherzhaft gemeint gewesen, erklärte Trump später. Aber diese wie viele andere Äußerungen schüren die Angst, dass Trump nicht als US-Präsident, sondern als Autokrat, als Alleinherrscher regieren wird. Die Republikanerin und Trump-Kritikerin Liz Cheney sagte schon im Wahljahr: Die USA seien schlafwandelnd auf dem Weg in eine Diktatur. Historikerin Anne Applebaum sieht die Demokratie in den USA im Niedergang. Schon jetzt habe sich eine autokratischere oder illiberale Regierungsform entwickelt [Doris 2025].

Данный пример продолжает формировать негативный образ Трампа-президента, приписывая ему желание управлять страной единолично, поправ все основные принципы демократии. Для реализации своего замысла автор медиатекста выбрала лексемы с негативной коннотацией: *ein Diktator, Autokrat, Alleinherrscher* (единоличный правитель), *im Niedergang* (в упадке), *autokratischere oder illiberale Regierungsform* (автократическая и жесткая форма правления), а также использовала яркую метафору *schlafwandelnd auf dem Weg in eine Diktatur sein* (быть на пути к диктатуре в состоянии сомнамбулизма).

Однако следует отметить, что среди немецких политиков есть и почитатели американского президента, которые часто подчеркивают несправедливое отношение западноевропейского общества к Дональду Трампу.

Пример 4. Da hat die deutsche Politik auf das falsche Pferd gesetzt. Man hätte das natürlich auch sehen können, dass der Trump auch die Wahlen gewinnen kann. Und diese

Beschimpfungen, man hat ihn sogar mit Hitler verglichen zum Teil. Und das hätte man besser sein lassen, weil das wird schon dort sehr stark notiert [Hagmann 2025].

В данном примере для характеристики отношения немецкой политической элиты к Трампу использован фразеологизм *auf das falsche Pferd setzen* (поставить не на ту лошадь). Автор, протрамповский политический деятель Георг Вайнберг, пеняет своим коллегам за то, что они сравнивали Трампа с Гитлером – это одна из самых негативных референций в современной немецкой культуре.

Пример 5. „Auf dem Schulhof besser schlägt man sich nicht mit den starken Jungs, sonst holt man sich eine blutige Nase. Man soll sich besser mit ihm verständigen, sonst kann einiges schief gehen.“ Ob es den Deutschen passt oder nicht: Sie müssen sich mit dem bald mächtigsten Mann der Welt arrangieren [Hagmann 2025].

В данном примера Трампа сравнивают с сильным мальчиком на школьном дворе (*die starken Jungs*), драться с которым чревато в кровь разбитым носом. Предполагается, что с ним выгоднее договориться (*sich verständigen*), иначе все пойдет кривь и вкось (*schief gehen*).

Таким образом, основными средствами формирования образа Д. Трампа в немецких медиатекстах являются лексические средства: прямые номинанты (*Hitler, ein Psychopath, ein Lügner, ein Steuerhinterzieher, ein Betrüger, ein Diktator, Autokrat, Alleinherrscher*) и атрибутирование (*negativ, autokratisch, illiberal, schief, leidevoll, schamlos*). Деятельность политика также характеризуется лексемами с негативной коннотацией (*negative Auswirkung, berechtigte Sorge, autokratischere oder illiberale Regierungsform, Niedergang*).

Литература

- Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 38–51.
- Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 216–224.
- Болдырев Н.Н. Интерпретация мира в языке // Большая российская энциклопедия. 25 апреля 2023 г. URL: <https://bigenc.ru/c/interpretatsiia-mira-v-iazyke-33ee97>
- Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Hagmann U. Trump und Deutschland. Ein kompliziertes Verhältnis // Das Erste. 07.01.2025. URL: <https://www.br.de/fernsehen/das-erste/sendungen/report-muenchen/videos-und-manuskripte/report-trump-und-deutschland-100.html>
- Jong E. Donald Trump ist ein Psychopath // S. Fischer Verlage. <https://www.fischerverlage.de/magazin/extras/donald-trump-ist-ein-psychopath>
- Schwarte G. Bereit für das Unerwartete? // tagesschau. 20.01.2025. <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/deutsche-erwartungen-trump-100.html>
- Simon D. Wie autoritär wird Trumps zweite Amtszeit? // Deutschlandfunk. 21.01.2025. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/trump-usa-praesident-start-zweite-amtszeit-100.html>

I.Yu. Bezukladova, E.A. Kuzmina (Tambov, Russia)

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

COGNITIVE BASES OF FORMATION OF THE IMAGE OF A POLITICIAN IN THE MODERN GERMAN PRESS

The article is devoted to the consideration of the features of the formation of the image of a politician in German media texts using the example of the image of D. Trump. Particular attention is paid to the lexical means of constructing the image, the strategy of direct nomination is considered here in most detail.

Key words: media text, image, politics, direct nomination, attribution

Н.Н. Белошицкая (Архангельск, Россия)

*Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова*

n.beloshickay@narfu.ru

НЕИСКРЕННОСТЬ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ДРАМАТУРГИЧНОСТИ В ОБЫДЕННОМ ДИСКУРСЕ

В исследовании предпринимается попытка рассмотреть неискренность речевого поведения в рамках модели анализа драматургичности конструирования дискурса. Данный подход позволяет уточнить спектр иллюзий субъектов дискурса в условиях обыденного общения. Неискренность детерминирует ритуализованную драматургичность риторических жанров, служит когнитивным основанием реализации перлокуции манипуляции, управления впечатлением, стратегий ролевого дистанцирования и самопрезентации.

Ключевые слова: драматургичность дискурса, самопрезентация, языковая личность, ролевое дистанцирование, имитация непонимания, управление впечатлением

Предметом рассмотрения в этой статье служит неискренность как концептуальное основание драматургичности стратегического выстраивания дискурса социальной интеракции. Драматургичность конструирования дискурса определяется структурой социальных отношений, условиями социальных ситуаций. Это положение восходит к концепции социальной драматургии Ирвинга Гофмана [Гофман 2003, 2009]. Внутренняя содержательная основа драматургичности определяется когнитивным планом – драматургичность основывается на структурах знаний говорящего и слушающего. «Конструирование мира осуществляется при помощи когнитивных сценариев действий и дискурса: человек имеет знание того, как действовать и как говорить в каждой конкретной ситуации общения» [Плотникова 2015: 77]. В изучении речевого поведения исходим из когнитивных представлений – речевая деятельность осуществляется на основе извлечения из памяти знаний, представленных в виде фреймов, скриптов, сценариев [Болдырев 2018].

Задача исследования заключается в исследовании того, как стратегии драматургичного конструирования дискурса служат концептуальным выходом неискренности.

Феномен неискренности в речевом поведении привлекает внимание исследователей [Безуглая 2015; Шпильман 2023]. Неискренность как концептуальное основание неискренного дискурса детально исследована С.Н. Плотниковой. Исследователь пишет: «Неискренний дискурс порождается вокруг концепта неискренности и может носить прерывистый характер, перемежаясь с искренним дискурсом и получая дальнейшее развитие в соответствующей ситуации общения» [Плотникова 2000: 8]. Понимание концептуального устройства языка позволяет занять метапозицию при анализе стратегического конструирования социальной интеракции субъектом дискурса.

В контексте изучения драматургичности конструирования дискурса речевое поведение субъекта дискурса рассматривается с точки зрения продуманности, планируемости и стратегической реализации. Выступая режиссером и актором в условиях социальной интеракции, человек стремится эффективно решить задачи коммуникации, достичь определенного перлокутивного эффекта при минимальных потерях для своего социального лица. Стратегия речевого поведения, тем не менее, жестко подчиняется социальной структуре, субъекты дискурса корректируют линию поведения с учетом впечатления, которое они производят друг на друга. Параметр «лица» является ключевым в исследовании драматургичности дискурса. Сохранение своего социального лица и социального лица партнера по коммуникации требует наличия репертуара приемов и тактик речевого поведения, предполагающих среди прочего и скрывание подлинных мыслей и чувств, т.е. лицемерное, притворное, нарочитое или фальшивое речевое поведение. В центре аналитического рассмотрения оказывается категория языковой личности. Но, учитывая прагматический ракурс исследования, принимаем положение о сложной структуре субъекта дискурса. Введем в модель анализа драматургичности следующие параметры субъекта: тип языковой личности (аутентичная личность), социальная личность (типаж [Карасик 2007]) и социальная роль. Сложность структуры субъекта дискурса и перформативный характер драматургичности определяет необходимость такой эпистемической интервенции из социологических концепций как категория конфликта. Мы определяем конфликт как параметр модели драматургичности дискурса. В преломлении к неискренности как концептуальной основе драматургичности дискурса конфликт может быть между своим представлением о том, как надо поступать, предписаниями социума о «правильном», ожидаемом поведении и категорией выгоды.

Выделяем следующие стратегии драматургичности: стратегия самопрезентации, самокоррекции, ролевого дистанцирования и избегания, а также стратегия имитации непонимания (термин В.И. Карасика [Карасик 2021: 216]). Инструментарий исследования определяется синтезом подходов к изучению активного конструирования дискурса субъектом – концепции социальной драматургии, теории речевых актов, исследования непрямой коммуникации [Дементьев 2006] и презентационности дискурса [Олянич 2004].

В качестве языкового материала были использованы тексты художественной литературы, отражающие ситуации обыденного общения. Дискурсивные отрывки из текстов художественной литературы дают доступ к анализу концептуального основания конструируемого дискурса благодаря экспликации когнитивного плана наблюдателя-автора текста.

Поиск текстов осуществлялся в Национальном корпусе русского языка с помощью маркеров, в качестве которых выступили следующие лексемы – номинации качества неискреннего речевого поведения: неискренний, неискренне, притворный, притворно, фальшивый, фальшиво, лицемерный, лицемерно. Номинация неискреннего речевого поведения в реализации стратегий драматургичности через маркеры «притворный» и «притворно» превалирует. В этих ситуациях неискренность выражается через конфликт между следованием ролевым предписаниям и истинными предпочтениями субъекта дискурса. Четкое следование стратегии самопрезентации через исполнение социальной роли, вовлеченность в ролевое исполнение определяют линию речевого поведения и в ситуациях обыденного общения:

Довольно, довольно, – притворно строгим голосом сказала Софья Ильинична. Начнем заниматься [ruscorp.org.ru].

Основной иллюкуцией выступает сохранение лояльности социальному типу-жау. В этом случае маркер «притворно» оценивает драматургичность действия нейтрально или даже положительно.

Показательна и противоположная тенденция – «притворно» и «притворный» маркируют стратегию ролевого дистанцирования – лишь внешнее следование социальным нормам и предписаниям без искреннего вовлечения. Интенция субъекта в данном случае заключается в сохранении своей аутентичной самости.

Умелое конструирование социальной личности, эффективное управление впечатлением приобретает негативную оценочную характеристику:

Но все равно, мне неприятно смирение Шаха и притворная жизнь без врагов, хотя сейчас бы с Шахом я не спорил [НКРЯ].

Отметим, что в обыденном дискурсе неискренность как притворство служит когнитивным основанием и в реализации прототипической функции драматургичности, маркируя языковую игру, перформанс в социальной интеракции. Показательны в этом случае такие речевые жанры, как шутиливый обмен колкостями, флирт, рассказывание историй. Иллюкуция фасцинации, стремление заворочить, вдохновить собеседника доминирует при совершении тактических ходов:

Фил рассказал, как его выставила жена, причем рассказывал так заодно, что Игорь, пытаясь казаться сначала сочувствующим, постепенно начал подфыркивать от смеха, а под конец рассказа Фила уже ржал в голос. Что ты ржешь? – притворно возмущался Фил [НКРЯ].

В целом притворство в речевом поведении связывается с драматургичным исполнением социальных ролей и принятием социальным норм с целью эффективного совершения ритуала взаимодействия, тогда как неискренность, маркируемая

через номинацию «фальшивый», «фальшиво» чаще связана с иллюзией манипуляции и обмана. Также как и притворная неискренность, фальшивость речевых действий, слагающих стратегии драматургичности, связана с конвенциональными параметрами таких риторических жанров, как светская беседа, комплимент, соболезнование: фальшивый восторг, поздравление, скорбь. Неискренность может выступать социальной нормой, определять ритуальную природу этих жанров, тогда как выражение истинных эмоций и оценок может быть нарушением жанрового канона или, прибегая к прагмалингвистическим категориям – нарушениям максим принципа кооперации, в частности максимы релевантности.

Кто-то был искренне рад, кто-то тайне завидовал и злился, но тоже был вынужден лицемерно льстить и поздравлять [НКРЯ].

Интерес представляет драматургичность стратегической реализации имитации непонимания.

– *Ваш-то заболел или так просто не ходит? О чем это вы, Поля? – лицемерно спросила* Валентина Степановна. *Прямо не понимаешь?* – *прищурилась Поля* [НКРЯ].

Драматургическая организация социальной интеракции представляет собой когнитивно-дискурсивный процесс. Иллюзия манипуляции или обмана не является единственно возможным концептуальным выходом неискренности при драматургическом конструировании социальных интеракций. Эстетизация речевого поведения, стилистическая имитация, нарочитость как стратегия фасцинации, самопрезентация через следование социально-культурным предписаниям, ролевое избегание как разрешение внутреннего конфликта, имитация непонимания – вот далеко не полный перечень интенций субъекта при драматургическом конструировании дискурса.

Литература

- Безуглая Л.Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 30-37.
- Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: монография. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М.: Институт социологии РАН, 2003.
- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу: пер. с англ. / под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.
- Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
- Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
- Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003-2025. URL: ruscorpora.ru
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004.
- Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 3 (714). С. 72-83.

Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 2000.

Шпильман М.В. Феномен притворства и его метафорическое представление в русском языке // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 73-84.

N.N. Beloshitskaya (Arkhangelsk, Russia)

Northern (Arctic) Federal University

INSINCERITY AS A CONCEPTUAL FOUNDATION OF THE DRAMATURGY STRATEGIES IN EVERYDAY DISCOURSE

The author attempts to analyse insincerity in everyday communication within the model of dramaturgical discourse construction. This approach may allow refining the illocutions of the discourse's subjects in the context of everyday communication. Insincerity determines ritualized dramaturgy of rhetoric genres, underlies the perlocution of manipulation, impression management, role distance and self-presentation.

Key words: discourse dramaturgy, self-presentation, language personality, role distance, deliberate misunderstanding, impression management

Е.В. Беспалова (Самара, Россия)

*Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва
bespalowa@mail.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ УЧАСТНИКОВ НЕМЕЦКОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА О ЛАНДШАФТЕ

Статья посвящена анализу лингвокультурных особенностей немецкого научного дискурса о ландшафте, рассматриваемому с позиций когнитивного подхода. Характеризуются особенности ландшафта как объекта научного изучения. Основное внимание уделяется эксплицитным и имплицитным способам проявления лингвокультурной идентичности авторов. Описываются маркеры лингвокультурной идентичности и интертекстуальности.

Ключевые слова: научный дискурс, участники дискурса, лингвокультурная идентичность, маркер идентичности, маркер интертекстуальности

Научный дискурс имеет целью вывод нового знания об изучаемом предмете или явлении и ознакомление с ним научного сообщества [Карасик 2004: 277]. Это сложный феномен, изучаемый с позиций коммуникативно-прагматического, жанрово-стилистического, лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов [Миронова 2023]. Языковедами рассматривались вопросы влияния национально-культурной специфики на организацию научного дискурса, структуру научных статей и использование дискурсивных маркеров носителями и неносителями немецкого языка [Когут 2014; Новикова 2022]. Исследователи отмечают более последовательное и четкое структурирование текста немецкоязычными авторами, акцентирование важных структурно-содержательных параметров научной публикации. В исследовании дискурса в русле когнитивного подхода рассматривается соотношение когнитив-

ных и языковых структур в процессе представления научных знаний [Болдырев, Ефименко 2022].

Являясь когнитивным процессом, научный дискурс о ландшафте формирует и транслирует актуальное научное знание о нем средствами определенного (в нашем случае немецкого) языка. Материалом статьи явились научные работы немецких исследователей, тематической доминантой которых выступает ландшафт [Beck 1996; Trepl 1996; Backhaus, Stremmlow 2010]. Предмет нашего интереса – лингвокультурная специфика участников научного дискурса – авторов научных статей и монографий. Цель статьи – систематизировать аспекты проявления лингвокультурной идентичности авторов научных публикаций о ландшафте на немецком языке.

С ландшафтом как тематической доминантой научных изысканий связаны такие вопросы как эволюция понятия *Landschaft*, множественность научных подходов к изучению ландшафта, а также проблема комплексного характера науки о ландшафте *Landschaftswissenschaft*. Современный справочник наук о земле приводит определение ландшафта, согласно которому функционирование геосферы, биосферы и антропосферы рассматривается в неразрывной связи [Lexikon der Geowissenschaften]. Н. Бакхаус и М. Штремлов предлагают различать четыре полюса восприятия ландшафта участниками научного дискурса (с точки зрения индивидуума, общества, природы и культуры), которым соответствуют четыре области научного знания (Naturwissenschaften, Kulturwissenschaften, Kognitionswissenschaften, Sozialwissenschaften) [Backhaus, Stremmlow, 2010]. Перечисленные аспекты могут, на наш взгляд, объяснять функционирование принципов концептуального взаимодействия между автором и адресатом, например, степень владения коллективным знанием и языковым опытом его передачи, включающим социокультурную и национальную специфику [ср. Болдырев, Ефименко 2022].

В научных статьях по ландшафтной проблематике авторы проявляют лингвокультурную идентичность эксплицитно и имплицитно. К эксплицитным способам относятся прямые отсылки к собственной культуре. Ср.:

1. *Auch in unserer Kultur war es noch vor 250 Jahren kaum denkbar, dass man das Reich der Tiere mit dem der Pflanzen gegenüber dem der nicht lebendiger Dinge zur „Biosphäre“ zusammenfassen könnte* [Trepl 1996: 16].

2. *Für eine solche Sichtweise liegen in unserer Kultur zwei Modelle bereit: das alte <...> Kosmosmodell und das moderne <...> Modell des lebenden Organismus <...> „Land und Leute“ bilden nun zusammen eine organische Einheit, die Kulturlandschaft, die nach dem Muster des „Körpers mit Geist“ („Noosphäre“) gedacht wird* [Trepl 1996: 21].

Словосочетание *in unserer Kultur* связывается с пониманием ландшафта как биосферы (1) и его осмыслением как космогенной модели, а в современной науке как живого организма, в котором ландшафт представляет ноосферу (2). Последнее дает ключ к пониманию таких номинаций как *Kulturlandschaft*, *Literaturlandschaft* и под. Таким образом, в контексте высказывания формируется имплицитивная семантика выделенного словосочетания.

Имплицитное проявление лингвокультурной идентичности авторов декодируется на основе анализа интертекстуальности научных текстов. Маркеры интертекстуальности – это отсылки к другим текстам/дискурсам в рамках немецкой лингвокультуры. Так, трепетное отношение немцев к законам объясняет отсылки к немецким правовым документам. Ср.:

3. *nach §1 des Bundesnaturschutzgesetzes sind ja Vielfalt, Eigenart und Schönheit zu schützen – die „ganze Landschaft“ eben, nicht nur intakte, funktionierende Ökosysteme* [Trepl 1996: 15].

4. *„Nachdem die gemeine Wohlfahrt und Aufnahme eines Staates unter anderem auch hauptsächlich darauf beruht, dass alle darin befindlichen Güter und Ländereien auf bestmögliche Art zu Nutzen gebraucht werden“ (Bayer. „Kulturmandat“ 1762)* [Beck 1996: 31].

В (3) дается отсылка к федеральному закону защиты природы, в котором формулируется содержательная импликация, что защита природы включает своеобразие и красоту ландшафта, а не только экологические систем. В (4) автор напоминает, что уже в XIII в. указывается на важность земляных угодий для общего благосостояния государства. В наши дни эта идея воплощается в работе по инвентаризации природных ресурсов, проводимой в Германии в государственном масштабе.

Другой тип интертекстуальных включений – ссылки на научные труды преимущественно немецких ученых, просветителей или цитаты из их работ, из немецких учебников. Ср.:

5. *Den Menschen des Mittelalters wäre nicht in den Sinn gekommen, dass es unter den Dingen dieser Welt überhaupt so etwas geben könnte wie Landschaften – niemand hatte je eine gesehen (vgl. z. B. RITTER 1963, PIEPMEIER 1980)* [Trepl 1996: 16].

6. *„Auf der Weide zertritt, verunreinigt und verdirbt das Vieh mehr Futter als es frisst...“ (Lehrbuch der Landwirtschaft, Leipzig 1774)* [Beck 1996: 34].

7. *„Hutung, Trift und Brache, die größten Gebrechen und die Pest der Landwirtschaft“, lautete dann auch der Titel einer aufklärerischen Schrift des Geheimrats Schibart von Kleefeld (1783)* [Beck 1996: 35].

Содержание отсылок в приводимых примерах культурно специфично: в (5) говорится об историчности понятия «ландшафт», которое в Средние века отсутствовало в сознании людей; в (6), (7) проводится актуальная мысль о том, насколько опасной для сохранения ландшафта может быть хозяйственная деятельность человека. Последнее можно интерпретировать как типичность экологической проблематики для немецкого национального сознания.

В качестве интертекстуальных включений приводятся имена собственные с указанием должности / статуса / профессии / значимости упоминаемых лиц:

8. *Als beispielsweise der Aufklärer und Staatsrat JOSEPH HAZZI (1802), der um 1800 eine großangelegte Beschreibung des „Herzogtums Bayern“ verfasste...* [Beck 1996: 28].

Описание видения проблем ландшафта с позиции немецких учёных / писателей других эпох имплицитно определяет смысл «динамика развития представлений о ландшафте

в Германии». Авторы ссылаются в качестве иллюстрации на немецких художников и их картины, изображающие немецкие пейзажи. Отсылки к картинам даются с точным указанием шифра хранения в музее, именем автора, временем создания и комментарием, ср.:

9. *Abbildung 1: „Unkultivierte“ Landschaft im frühen 19. Jahrhundert. Ausschnitt aus E. Kaiser, „Blick von Oberföhring auf München“, 1835/40 (München, Städt. Galerie Lenbachhaus; G 10451) [Beck 1996: 30].*

Ссылки на картины можно рассматривать как имплицированный аргументативный прием. Аналогично используются конвенциональные представления о содержании, задачах и структуре научной статьи, понятийные комплексы из истории культуры / философии / религии:

10. *Von einem Beitrag aus „der Wissenschaft“ zum Thema Landschaft erwartet man vermutlich, dass er einem den Gegenstand zeigt, wie er objektiv, also wirklich ist und bloß subjektive Auffassungen, die sich gemeinhin bei Laien finden, korrigiert. Dies könnte damit beginnen, dass man darstellt, was die Wissenschaft darüber herausgefunden hat, in welche Aspekte, Subsysteme oder Elemente sich Landschaften unterteilen [Trepl 1996: 13].*

11. *Das, was Individuen umgibt,... besteht in Ganzheiten, die bereits den Charakter von Individuen haben und meist durch wirkliche oder gedachte Individuen repräsentiert werden: (Gott und) die Schöpfung, (der König und) das Vaterland, (der Familienvater und) die Familie etc. Ganzheiten dieser Art sind auch «die Natur» oder die (Heimat-) Landschaft [Trepl 1996: 21].*

Таким образом, анализ немецкого научного дискурса о ландшафте в лингвокультурной перспективе показывает, что научные тексты по ландшафтной проблематике обнаруживают высокую плотность интертекстуальных маркеров. Участники научного дискурса обращаются к трудам своих соотечественников разных эпох, уточняя и комментируя их достижения / выводы. Немецкий научный дискурс о ландшафте затрагивает широкий тематический комплекс, привлекает данные разных наук; тем самым формируется комплексная интегративная наука о ландшафте.

Литература

- Болдырев Н.Н., Ефименко Т.Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. 2022. № 9 (4). С. 355-368.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Козут С.В. Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 8-23.
- Новикова Э.Ю. Лингвокультурная детерминация немецкоязычного научного лингвистического дискурса (жанр «научная статья») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 87-98.
- Миронова М.Ю. Научный дискурс: эволюция теоретико-методологических подходов и концепций // Дискурс. 2023. Т. 9. № 2. С. 137-155.
- Backhaus N., Stremlow M. Handlungsraum Landschaft: Wege zur Förderung transdisziplinärer Zusammenarbeit // Natur und Landschaft. 2010. № 85. S. 345-349.

Beck R. Die Abschaffung der «Wildnis». Landschaftsästhetik, bäuerliche Wirtschaft und Ökologie zu Beginn der Moderne // Konold W. (Hrsg.) Naturlandschaft. Kulturlandschaft. Die Veränderung der Landschaften nach der Nutzbarmachung durch den Menschen. Landsberg: ecomed Verlagsgesellschaft AG & Co. KG. 1996. S. 27-44.

Lexikon der Geowissenschaften. URL: <https://www.spektrum.de/lexikon/geowissenschaften/landschaft/9183>

Trepl L. Die Landschaft und die Wissenschaft // Konold W. (Hrsg.) Naturlandschaft. Kulturlandschaft. Die Veränderung der Landschaften nach der Nutzbarmachung durch den Menschen. Landsberg: ecomed Verlagsgesellschaft AG & Co. KG. 1996. S. 13-26.

E.V. Beshpalova (Samara, Russia)

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTITY OF PARTICIPANTS IN THE GERMAN SCIENTIFIC DISCOURSE ON LANDSCAPE

The article is devoted to the analysis of the linguistic and cultural features of the German scientific discourse on the landscape, viewed from the perspective of a cognitive approach. The features of the landscape as an object of scientific study are characterized. The main focus is on explicit and implicit ways of expressing the linguistic and cultural identity of the authors. The markers of linguistic and cultural identity and intertextuality are described.

Key words: scientific discourse, participants of the discourse, linguistic and cultural identity, marker of identity, marker of intertextuality

Т.М. Большакова (Россия, Санкт-Петербург)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
tmbolshakova@herzen.spb.ru*

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТ *FEHLVERHALTEN* (НЕПОДОБАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ) В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ ШКОЛЬНОМ НОРМАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Проведенное исследование позволило уточнить содержание концепта *FEHLVERHALTEN* (НЕПОДОБАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ), актуальное для нормативного дискурса немецких начальных школ. Было показано, что базовый когнитивный признак концепта уточняется рядом дополнительных признаков, отражающих специфику процесса нормативного регулирования поведения немецких младших школьников.

Ключевые слова: концепт НЕПОДОБАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ, содержание концепта, манифестация концепта, нормативный дискурс

Цель настоящего исследования – описание содержания концепта *FEHLVERHALTEN* (НЕПОДОБАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ) на основе языковых средств, выявленных в немецкоязычном нормативном дискурсе современных начальных школ ФРГ. В качестве эмпирического материала исследования привлекались тексты, представляющие нормативный речевой жанр *Schulregeln der Grundschule* (Правила поведения в начальной школе) и его разновидности *Pausenregeln* (Правила поведения

на переменах), *Verhalten während der Regenpause* (Правила поведения на перемене в случае дождя), *Verhalten auf dem Schulhof* (Правила поведения на школьном дворе). Формулирование модусов идеального поведения детей, исключаящего деструктивные проявления их активности, и описание форм поведения, противоречащих установленным социальным нормам, составляют жанрово-дискурсивную специфику исследуемых текстов. Младшие школьники выступают основными адресатами текстов. Тексты в количестве 35 единиц были отобраны на официальных сайтах немецких начальных школ в декабре 2024 г. В исследовании применялись методы концептуально-дефиниционного и контекстуально-репрезентативного анализа [Болдырев 2014: 47].

Прямой номинант исследуемого концепта в немецком языке – это лексема *das Fehlverhalten*, обозначающая «поведение человека, характеризующееся неправильными, ошибочными действиями» (*durch Fehler <...> gekennzeichnetes Verhalten einer Person*) [Fehlverhalten 1], «неправильное, неподобающее, неуместное поведение» (*falsches, unangebrachtes Verhalten*) [Fehlverhalten 3] или «поведение, противоречащее общественным нормам» (*den gesellschaftlichen Normen widersprechendes Verhalten*) [Fehlverhalten 2]. Словарь синонимов немецкого языка указывает в синонимическом ряду к лексеме *Fehlverhalten* лексемы *Vergehen* (провинность, проступок, преступление), *Verstoß* (проступок, нарушение), *Gesetzesbruch* (нарушение закона), *Regelverstoß* (нарушение правил), *Pflichtverletzung* (несоблюдение обязанностей), *Abweichung* (отклонение) и др. [Fehlverhalten, Verstöße], связанные общей семой «отклонение от нормы, правила и т.п.». Лексема *Fehlverhalten* входит в свою очередь в состав синонимического ряда лексемы *Nichteinhaltung* (несоблюдение) [Nichteinhaltung].

На основании проведенного концептуально-дефиниционного анализа лексемы *Fehlverhalten* можно сделать вывод о том, что базовый когнитивный признак исследуемого концепта в немецком языке – это неправильные, неуместные, неподобающие действия человека, противоречащие принятым социальным нормам, правилам, законам. В школьном нормативном дискурсе субъект или субъекты неподобающего поведения совпадают с субъектом или с субъектами нормы, которые обозначаются в текстах лексемами *das Kind, die Kinder* (ребенок, дети), *die Schülerin, der Schüler, die Schülerinnen, die Schüler* (ученица, ученик, ученицы, ученики), а также маркируются местоимениями *ich, wir* (я, мы) в случае реализации эгоцентризма как особого коммуникативно-речевого приема [Большакова 2019]. Учащиеся, которым предназначена роль субъектов нормы, выступают, как уже было сказано выше, главными получателями нормативных текстов. Оценка действия как нормативного или как противоречащего норме осуществляется внешними наблюдателями, роль которых отведена взрослым нормоотправителям, авторитетам нормы.

В процессе дальнейшего анализа текстового материала, определившего наличие лишь трех текстов, отмеченных отсутствием каких-либо лексем-репрезентантов концепта, были выявлены языковые средства, актуализирующие в нормативном

дискурсе ряд дополнительных признаков базового когнитивного признака концепта. Инвентарь обнаруженных дополнительных признаков включает в себя 1) вид действия вербального или физического характера (ссора, драка, конфликт и т.п.), конкретизируемого указанием на место осуществления действия (здание школы, столовая и т.п.); на время осуществления действия (перемена, урок); на направленность неподобающего действия на других учащихся, на предметы школьного мира (книги, игрушки и т.п.), на природные объекты (кусты, деревья); на предметы окружающего мира, с помощью которых осуществляются неподобающие действия (палки, снежки, камни и т.п.); на предметы внешнего мира, использование которых нарушает школьные нормы (смартфоны и т.п.); 2) неподобающее действие как действие, подлежащее запрету; 3) санкции, предусмотренные за неподобающее поведение; 4) негативные последствия неподобающих действий, вред. Обозначения действий, в своей совокупности конкретизирующих содержание концепта, актуальное для системы немецкого школьного образования, вербализуют широкий диапазон проявлений детской активности, многие из которых квалифицируются как ненормативные или неподобающие прежде всего по критерию «соответствие/несоответствие нормам, регулирующим школьную жизнь», например, игра в снежки, игра в футбол, лазанье по деревьям, игра со своими домашними игрушками и др.

Контекстуально-репрезентативный анализ манифестации концепта в исследуемых текстах продемонстрировал отсутствие в них лексемы *Fehlverhalten*, за исключением одного текста, в котором эта лексема используется три раза: *Bei wiederholtem Fehlverhalten <...> wird die Schulleitung eingebunden (В случае повторяющихся проявлений неподобающего поведения <...> подключается администрация школы)*. В девяти текстах концепт вербализуется в 16 контекстах с помощью лексем *Regelverstoß*, *Verstoß*, *Regelverletzung*, словосочетаний *Nichtbeachtung der Regel*, *Nichteinhalten der Regel*, *sich an die Regeln nicht halten* (не соблюдать правила), *etw. falsch machen* (поступить неправильно). Во всех случаях реализация вышеперечисленных средств актуализирует в дискурсе признак «санкции», который обозначается лексемами *Konsequenzen*, *Folgen* (последствия): *Wir versuchen Regelverstöße zu vermeiden. Gelingt dies nicht, so folgen Konsequenzen:<...> (Мы пытаемся избегать нарушений. Если это не удастся, нас ждут последствия:<...>)*.

Полученные количественные данные позволяют сделать вывод об относительной коммуникативной нерелевантности прямого номинанта концепта и его синонимов в текстах жанра *Schulregeln*, обращенных к младшим школьникам. На основании того факта, что перечисленные выше лексемы и словосочетания используются только в тех текстовых блоках, которые содержат указания на различные меры воздействия на учащихся, нарушающих принятые в учебном заведении правила, можно констатировать также относительную нерелевантность в исследуемых текстах признака «санкции». Этот вывод касается и особенностей вербализации признака «вред», представленного в шести текстах лексемами *Schaden* (вред), *beschädigt* (поврежденный), *verloren* (утраченный), *kaputt gemacht* (сломанный). Манифестация признака «вред»

влечет за собой актуализацию признака «возмещение»: *Ich gehe sorgfältig mit Material und ersetze beschädigtes oder verlorenes Material* (Я аккуратно обращаюсь с учебными материалами и заменяю испорченные или утерянные материалы).

Количественный анализ языковых манифестаций когнитивного признака «неподобающее действие как действие, подлежащее запрету» продемонстрировал высокую частотность как в отдельных текстах, так и в общем корпусе из 30 текстов средств с семантикой запрета, представленных 70 высказываниями. Наиболее активно (48 примеров) нормоотправители используют отрицательную частицу *nicht*, отрицательные местоимения *niemand* и *nichts* и отрицательный артикль *kein*, входящие в состав различных лексико-грамматических конструкций: *Ich springe nicht mehrere Stufen hinunter* (Я не перепрыгиваю через несколько ступенек); *Ich nehme anderen nichts und verstecke auch nichts* (Я ничего не забирваю у других детей и ничего не прячу); *Wir verletzen niemanden mit Worten oder Taten* (Мы никого не задеваем ни словом, ни делом); *Die Toiletten sind kein Spielplatz* (Туалеты – это не место для игр). В 12 случаях проявления неподобающего поведения запрещаются с помощью таких средств эксплицитного выражения запрета, как лексемы *verbieten* (запрещать), *untersagen* (запрещать), конструкции «*nicht* + глагол с семантикой разрешения»: *Jegliche Form von körperlicher und verbaler Gewalt in der Schule ist verboten* (В школе запрещены любые формы физического и вербального насилия); *Fußballspielen ist auf dem Schulhof nicht erlaubt!* (Не разрешается играть в футбол на школьном дворе). Группа языковых средств, реализующих значение косвенного запрета (например, прилагательные с отрицательными суффиксами *-los*, *-frei*, префиксом *un-*, обозначающих отсутствие признака), занимает периферийное положение в общей массе выявленных запрещающих контекстов: *Wir gehen gewaltfrei miteinander um* (Мы не применяем насилие по отношению друг к другу).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Объективация концепта FEHLVERHALTEN в нормативных текстах немецких школ обусловлена их жанрово-дискурсивной принадлежностью, а также педагогической, нормативно-правовой и коммуникативной компетенциями взрослых создателей текстов. Приращение содержательного объема концепта, актуальное для целей нормативного регулирования детского поведения в учебных заведениях, позволяет определить *Fehlverhalten* как совокупность конкретных ненормативных действий, которые прежде всего подвергаются запрету. Эти действия могут также нанести вред окружающим или вещам, требующий возмещения. В случае осуществления неподобающих действий как эксплицитного результата несоблюдения установленных правил нарушители подвергаются санкциям.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Большакова Т.М. Квазиэгоцентризм как прием коммуникативно-речевого построения нормативного текста (на примере нормативных текстов немецких начальных школ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т.12. Вып.12. С. 226-230.

Fehlverhalten 1. // Kempke G. u.a. Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin; New York; Verlag Walter de Gruyter, 2000. S. 324.

Fehlverhalten 2. URL: <https://www.dwds.de/wb/Fehlverhalten>

Fehlverhalten 3. URL: <https://www.wortbedeutung.info/Fehlverhalten/>

Fehlverhalten, Verstöße. URL: <https://www.synonyms.de/fehlverhalten,-verstoebe>

Nichteinhaltung. URL: <https://www.synonyms.de/nichteinhaltung>

T.M. Bolshakova (St. Petersburg, Russia)

Russian State Pedagogical Herzen University

CONTENT OF THE CONCEPT *FEHLVERHALTEN* (INAPPROPRIATE BEHAVIOR) IN GERMAN SCHOOL NORMATIVE DISCOURSE

The study made it possible to clarify the content of the concept of *FEHLVERHALTEN* (INAPPROPRIATE BEHAVIOR), which is relevant for the normative discourse of German primary schools. It was shown that the basic cognitive feature of the concept is specified by a number of additional features that reflect the specifics of the process of normative regulation of the behavior of German primary schoolchildren.

Key words: concept INAPPROPRIATE BEHAVIOR, content of the concept, manifestation of the concept, normative discourse

T.C. Большакова (Москва, Россия)

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

tatyana_bolschakowa@mail.ru

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена возникновению нового типа гибридного институционального дискурса, существующего в коммуникативном пространстве института публичной военной дипломатии, военно-дипломатического дискурса. Осуществляется его анализ в соответствии с критериями институционального дискурса и подчеркивается необходимость дальнейших исследований данного явления.

Ключевые слова: военно-дипломатический дискурс, публичная военная дипломатия, гибридный дискурс, институциональный дискурс

В настоящее время все большее значение на арене международной политики приобретает публичная дипломатия, что связано с процессами глобализации, стремительным развитием средств массовой коммуникации, информационной открытостью, усилением роли гражданского общества, повышением мобильности населения, а также ведением традиционной дипломатии «за закрытыми дверями» и, как следствие, ее недоступностью для широкого круга лиц. Публичная дипломатия охватывает множество сфер деятельности: экономическую, спортивную, научную и военную. В наше время военная сила и публичная дипломатия – «перо и шпага» – являются одинаково важными и «взаимодополняющими политическими средствами» в арсенале государства [Подберезкин 2016: 23]. «Переплетение» силовых и несиловых методов влияния

государства, взаимосвязь деятельности военных и дипломатических ведомств и возникновение феномена публичной дипломатии позволяют приблизиться к пониманию такого феномена, как военно-дипломатический дискурс.

Военно-дипломатический дискурс представляет собой отдельный вид гибридного институционального дискурса, сочетающего в себе характеристики военного и дипломатического дискурсов. Этот вид дискурса представляет собой совокупность речевых актов, реализуемых в коммуникативном пространстве публичной дипломатической деятельности военных ведомств, зависящих от социального, культурного и исторического контекста и экстралингвистических факторов и нацеленных на защиту и реализацию национальных интересов в ходе диалога с зарубежными государствами.

Будучи результатом гибридизации военного и дипломатического дискурса, военно-дипломатический дискурс носит институциональный характер. Он не только приобретает новые отличительные черты и свойства, но и наследует часть характеристик от исходных типов дискурса. Это наглядно демонстрируется в ходе анализа институционального дискурса [Карасик 2000: 6-7]. Роль агента дипломатического дискурса лежит на «профессиональных дипломатах или представителей политических кругов государства (глав государств и правительств, специальных органов etc.)» [Кравец 2017: 55]. К клиентам дипломатического дискурса можно отнести «дипломатов, должностных лиц государства, представителей иных институтов или международных организаций, а также широкую общественность» [Шестакова 2022: 83].

К участникам военного дискурса относятся сотрудники военных и силовых ведомств, члены их семей, гражданский персонал вооруженных сил, люди, страдающие от локальных и региональных военных конфликтов, авторы и читатели литературы на военную тематику, а также военные в отставке, запаса и на пенсии.

Пространственными и временными рамками дипломатического дискурса является «обстановка, типичная для дипломатических коммуникации: либо зал заседаний на стадии ведения переговоров, либо кабинет на стадии их подготовки и анализа результатов» [Терентий 2010: 8], «архивы и офисы служб, без которых невозможна письменная дипломатическая коммуникация» [Шестакова 2021: 29]. Временные показатели дипломатического дискурса могут быть как неопределенными, так и фиксированными в зависимости от типа и назначения документа, а также актуальности какого-либо события.

С точки зрения хронотопа, военный дискурс также можно охарактеризовать как «круглосуточный». Несмотря на существование регламента служебного времени и наличие выходных и праздников, на боевом дежурстве и в нарядах ежедневно находятся тысячи военных, которые несут службу на благо государства, поскольку потребность в национальной безопасности носит перманентный характер. В свою очередь, «естественная среда обитания» военного дискурса охватывает места службы и учебы всех военных и силовых ведомств, научно-исследовательские институты и центры, военно-патриотические организации и пр.

Цели дипломатического дискурса заключаются в «обеспечении преемственности в защите национальных интересов и благосостояния народа, осуществлении

внешнеполитической деятельности от лица государства, предотвращении вооруженного конфликта и укреплении мира» [Вебер 2004: 37]. Цели военного дискурса включают в себя обеспечение национальной безопасности, выполнение задач повседневной жизнедеятельности вооруженных сил, исследования в области военной науки и выполнение вооруженными силами задач не по назначению. К ценностям дипломатического дискурса относятся такие категории, как «суверенное равенство, добросовестное выполнение принятых на себя обязательств, разрешение международных споров мирными средствами, невмешательство во внутренние дела субъекта» [Волкова 2011: 37] и качества настоящего дипломата: находчивость, ответственность, выдержка и пр. Ценности военного дискурса представляют собой качества, необходимые для успешного выполнения задач как на повседневной основе, так и в ходе боевых действий: дисциплинированность, организованность, целеустремленность, физическая и духовная сила, профессионализм, и т.д.

Стратегии обоих дискурсов можно разделить на два типа: конструктивные (приспособление, конкуренция, сотрудничество, компромисс) и деструктивные (обман, давление).

Тематика дипломатического дискурса представлена широким спектром проблем, затрагивающих межгосударственные отношения, деятельность международных организаций, решение глобальных проблем и пр. Тематика военного дискурса охватывает такие тематические блоки, как военные конфликты, деятельность военных ведомств и органов государственной безопасности, военную науку патриотическую работу с населением и т.д.

Дипломатический дискурс реализуется в ряде устных («личная нота, вербальная нота, памятные записки, меморандум, совместные заявления глав государств / правительств / министров иностранных дел, декларация, коммюнике и выступление») и письменных жанров («личное письмо, телеграмму, вступительное слово, беседу, международные переговоры, телефонный разговор, ноту протеста, коллективную ноту, ультиматум») [Кравец 2017: 56-60]. Жанры военного дискурса также можно разделить на письменные и устные. Письменные жанры включают в себя «боевые и служебные документы, акты военного управления, военно-технические, военно-научные, военно-публицистические, военно-художественные, военно-политические материалы, военные тексты международно-правового содержания». К устным относятся «жанры, преимущественно реализующиеся в ходе неформальной коммуникации». К ним относятся «приказание, наставление, доклад, инструктаж» [Носова 2018: 239].

Дискурсивные формулы дипломатического дискурса включают «номенклатурные номинации, начальные словосочетания в проектах резолюций, стандартные формулировки по процедурным вопросам, подписи, обращения и титулы» [Волкова 2007: 12], а также определенные этикетные формулы. В ходе рассмотрения лингвистического аспекта военного дискурса можно выделить такие дискурсивные формулы, как, например, строевые команды и их адаптация к повседневной жизни

ни. Прецедентные тексты дипломатического дискурса включают в себя ключевые дипломатические документы. К прецедентным текстам военного дискурса можно отнести нормативно-правовые акты, боевые документы, документы повседневной жизнедеятельности, тексты военных баек и анекдотов, мемуары и жизнеописания известных военных деятелей, военные доктрины государств и т.д.

Военно-дипломатический дискурс является итогом синтеза военного и дипломатического дискурса, что позволяет ему перенять определенные характеристики исходных типов дискурса и при этом приобрести новые несвойственные военному и дипломатическому дискурсу отличительные черты. По аналогии с исходными типами военно-дипломатический дискурс носит институциональный характер, что обусловлено его существованием в рамках коммуникативного пространства института публичной военной дипломатии. Будучи относительно новым и неизученным понятием, военно-дипломатический дискурс требует дальнейшего исследования с точки зрения теории дискурса.

Литература

Волкова Т.А. Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007.

Вебер Е.А. Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград, 2000.

Кравец Т.Н. Дискурсивные особенности современной дипломатической коммуникации // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. Т. 12. № 5. С. 54–63.

Носова М.Б. Условия успешной дискурсивной деятельности в военной сфере // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-1. С. 238–241.

Подберёзкин А.И. Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Обозреватель. 2016. №12 (323). С. 15–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennaya-sila-i-politika-novoy-publichnoy-diplomatii>

Терентий Л.М. Специфика дипломатического дискурса как формы коммуникации // Известия ВГПУ. 2010. № 10. С. 7–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-di-plomaticheskogo-diskursa-kak-formy-kommunikatsii>

Шестакова Е.В. Место дипломатического дискурса в институциональной дискурсивной сфере // Соловьевские чтения: сборник научных статей. Минск: МГЛУ, 2022. С. 81–86.

T.S. Bolshakova (Moscow, Russia)

Military University of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF MODELING MILITARY-DIPLOMATIC DISCOURSE

The article is devoted to the emergence of a new type of hybrid institutional discourse which exists in the communicative space of the institute of public military diplomacy, military-diplomatic discourse. Its analysis is carried out in accordance with the criteria of institutional discourse. The need for further research of this phenomenon is emphasized.

Key words: military-diplomatic discourse, public military diplomacy, hybrid discourse, institutional discourse

*Л.А. Борботько (Москва, Россия)**Московский городской педагогический университет
ludmilaborbotko@gmail.com*

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЦИФРОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 3 «С»: СОБЫТИЙНОСТЬ, СИТУАТИВНОСТЬ, СИМУЛЬТАННОСТЬ

В фокусе исследования театральный дискурс как полифония элементов, характеризующихся с позиций категорий событийности, ситуативности и симультанности. Когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет определить, как театр отвечает на цифровые вызовы, эффективно используя различные информационные каналы.

Ключевые слова: театральный дискурс, событийность, ситуативность, симультанность, фестиваль, аттрактивность

Современная лингво-когнитивная парадигма позволяет подойти к рассмотрению коммуникативного акта через призму синергии лингвистической формы, служащей отражением человеческой дискурсивной деятельности [Алефиренко, Рахут 2017: 7]. Другими словами, коммуникативное событие воспринимается в единстве с его эмоциональным и интеллектуальным потенциалом, оказывающем воздействующий эффект на аудиторию, а также с архитектурой представления обозначенного события.

Коммуникативное событие происходит «в определенной точке пространства и в определенный момент времени» [Hawking 2016: 40]. При этом, событийность, наряду с интердискурсивностью, интертекстуальностью и ситуативностью, является одной из ключевых категорий, аккумулирующих знание о социально-культурных реалиях, что позволяет впоследствии обрабатывать получаемую информацию, участвуя в «когнитивном процессе» [Boldyrev 2020: 2]. С точки зрения проводимого исследования, событийность как «сложно организованный феномен, позволяющий осмыслить событийный ряд <...> как цепочку микро-событий» [Дзюба 2022: 61], выступает категориальным признаком театрального дискурса, находящегося в фокусе авторского внимания. Синтетический характер рассматриваемого типа дискурса как особой формы коммуникации, его аттрактивность, конвенциональность и ритуализованность, сценичность и перформансность [Борботько 2014; Викулова, Черкашина 2022] позволяют говорить о возможности отдельных составляющих театрального дискурса становиться событиями. В частности, подобным примером справедливо считать такой элемент структурной матрицы театрального дискурса как театральный фестиваль.

Обратимся к рассмотрению театрального фестиваля как события. Первичной эксплицитной характеристикой фестиваля с позиции событийности является его хронологическая рамка – программа, которая представляет собой перечень мероприятий, включая спектакли различных театров, мастер-классы, пресс-конференции, встречи с деятелями искусств и пр.

В то же время, обязательными атрибутами события являются его антропологичность (событие становится таковым в присутствии наблюдателя, описывающего

и оценивающего ситуацию), аксиологичность (событие всегда встроено в ценностный контекст), знаковость (вне зависимости от масштаба и количества вовлекаемых участников событие обязательно обладает значимостью для отдельной личности, группы или социума. Обозначенные выше признаки события находят отражение в театральном фестивале, который не существует без зрителей, имеет особое значение для эффективной реализации театрального дискурса и предполагает трансляцию определенных ценностных установок. Помимо всего прочего, фестиваль как событие имеет сценарный характер – требует определенной подготовки и обладает процессуальностью, т.е. реализуется согласно заранее придуманному плану (программа фестиваля), структурированному и целостному.

Многокомпонентность театрального фестиваля позволяет причислить его одновременно к разным типам событий – событие-эмблема, фиксирующее образ конкретного исторического отрезка, реальности, точки во времени и пространстве (с.г. *Международный театральный фестиваль имени А.П. Чехова*); событие-узел, обладающее значимостью, результативностью и konsekventностью (с.г. *Российская национальная театральная Премия и Фестиваль «Золотая маска»*); событие-ретроспектива, расширяющее временные рамки, выполняющее коммеморативную функцию и представляющее собой отсылку к прошлому (с.г. *Международный фестиваль балета имени Майи Плисецкой*); событие-кумуляция, включающее различные формы, что способствует достижению полиперспективного эффекта (с.г. *Дягилевский фестиваль*) [Дзюба 2022: 66-71].

Событийность театрального фестиваля, в то же время, обуславливает его ситуативность. Событие не существует вне исторического, социального, общекультурного контекста. Контекст, обладающий хронотопическими характеристиками, и есть ситуация, разрешением которой может стать событие. Следовательно, ситуация является призмой, посредством которой интерпретируются события или цепочки событий, имеющих общие причинно-следственные связи. Ситуативность как категориальный признак театрального фестиваля является прототипической, создающей «образ исторической реальности» [Дзюба 2022: 80], на основании которого генерируются художественные и ценностные смыслы. Одновременно в приложении к фестивалю ситуативность раскрывается как интенциональная и когерентная. Интенциональная ситуативность предполагает стремление привлечь внимание аудитории к «злобе дня» [Там же: 87], общественно значимым явлениям действительности, культовым личностям. В этом случае ситуативность увеличивает аттрактивность фестиваля как события, позволяя трактовать его как продукт, предлагаемый потребителю и популяризируемый посредством рекламы [Основы маркетинговой лингвистики 2023: 27].

Аттрактивность является качественной характеристикой дискурса театрального фестиваля, гарантирующей его эффективность. В то же время, аттрактивность достигается посредством одновременной принадлежности фестиваля к различным типам дискурсов, в частности, театральному, медиа-, рекламному, а также в процессе про-

движения фестиваля как коммуникативного и медийного события (медiasобытия), относимого к текстам продвигающего типа [Маркетинговая лингвистика 2019].

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что ситуация имеет более широкий охват, передавая «значительно больше информации о предметах, явлениях и событиях действительности» [Скормолова 2023: 2733], что позволяет обозначить экстралингвистическое окружение коммуникативного события, включенного в историческую реальность. Подобное трактование позволяет говорить о дискурсивной природе ситуации, а впоследствии выстраивать коммуникацию таким образом, чтобы достичь успешного декодирования передаваемого сообщения в условиях отсутствия коммуникативных сбоев и конфликтов [Сулейманова, Борботько 2024: 925].

Трансформация современного общества, связанная с цифровой революцией [Язык. Культура. Социум 2023: 21], обусловила те существенные изменения, которые проявляются в различных типах культуры и социальных структурах. Характерные признаки подобных изменений включают медиатизацию, виртуализацию, коммерциализацию, индивидуализацию, гедонизм [Гришаева 2024: 33-34]. Последние способствуют формированию медиасреды, для которой свойственны новые цифровые форматы коммуникации.

Цифровая эпоха предопределила выделение следующей категории, характеризующей театральный дискурс совместно с событийностью и ситуативностью. Симультанность подразумевает соположение разнородных процессов, формирующих единое целое. Именно линейность как характеристика mediasобытия в совокупности с симультанностью формирует многокомпонентную структуру, элементы которой взаимосвязаны, создавая когнитивную матрицу, передавая единый смысл.

В случае театрального фестиваля симультанность обнаруживает себя в организации программы, позволяющей соположить отдельные элементы на одном уровне в хронотопе – объединить различные виды искусства на разных площадках.

Цифровая проекция позволяет также говорить о симультанности в трансляции событий посредством различных каналов коммуникации. Другими словами, спектакль (= событие, включенное в ситуацию театрального фестиваля) демонстрируется зрителям, присутствующим в пространстве зрительного зала, со сцены в реальном времени. Одновременно имеет место трансляция происходящего на различных цифровых платформах, что предоставляет возможность соприсутствия для аудитории как в режиме онлайн, так и в записи.

Таким образом, цифровой вектор развития общества требует появления новых форматов и средств передачи, обработки и фиксации информации в рамках различных типов дискурсов. Театральный дискурс, в целом, и театральный фестиваль как его составляющая отвечают современным вызовам в проекции 3 «С»: событийность, ситуативность, симультанность. Фестиваль представляет собой событие, чья значимость проявляется в контексте общей исторической и социальной ситуации. При этом, вовлечение аудитории происходит одновременно посредством различных коммуникативных каналов.

Литература

- Алефиренко Н.Ф., Конрад Р.* Когнитивная лингвопрагматика в языке современной науки // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 7-18.
- Борботько Л.А.* Категории театрального дискурса как институционального образования // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2014. № 3 (23). С. 113-122.
- Викулова Л.Г., Е.И. Черкашина* Французская афиша как ключевой жанр театрального дискурса // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие: сборник научных статей / отв. ред. Л.Г. Викулова. Том 2. М.: Языки Народов Мира, 2022. С. 47-56.
- Гришаева Л.И.* Интерпретация реальности в креолизованном медиатексте как проявление культурной идентичности носителей языка и культуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 33-48.
- Дзюба Е.В.* Категория событийности в интердискурсе // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 3. С. 59-76.
- Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. М.: Флинта, 2019.
- Основы маркетинговой лингвистики: учебник / Л.Г. Антонова, Е.В. Бирюкова, Е.Г. Борисова [и др.]. М.: Языки Народов Мира, 2023.
- Сулейманова О.А., Борботько Л.А.* Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: язык и литература. 2024. № 21 (4). С. 918-925.
- Язык, культура, социум: *essentia et existentia* / Л.Г. Викулова, Г.А. Ермоленко, А.В. Жукоцкая [и др.]. М.: Книгодел, 2023.
- Boldyrev N.N.* The Interpretive Dominant in The Cognitive Theory of Language // *Philological Readings*. vol 83. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. London: European Publisher, 2020. Pp. 1-8.
- Hawking S.* A Brief History of Time. From Big Bang to Black Holes. NY: Random House, 2016.

L.A. Borbotko (Moscow, Russia)

Moscow City University

THEATRICAL DISCOURSE THROUGH DIGITAL PRISM: EVENTNESS, SITUATIONALITY, SIMULTANEITY

The research regards theatrical discourse as a polyphony of constituents described from the perspectives of eventness, situationality, simultaneity. The cognitive-discursive paradigm reveals the ways theatre meets the digital challenges succeeding in using various information channels.

Key words: theatrical discourse, eventness, situationality, simultaneity, festival, attractiveness

Ю.В. Бородовская (Иваново, Россия)

Ивановский государственный университет
borodovskj@mail.ru

МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты использования метафоры в современном деловом англоязычном дискурсе, а также предпосылки к анализу образных выражений на основе теории концептуальной метафоры и ее развития в рамках теории концептуальной инте-

грации и теории преднамеренной метафоры. В статье разобраны несколько примеров, взятых из аутентичных источников.

Ключевые слова: метафора, дискурс, англоязычный, блендинг, преднамеренная, коммуникативный, психические

Теория концептуальной метафоры, представленная в 1980-х гг. американским лингвистом Дж. Лакоффом в соавторстве с философом М. Джонсоном в работе «Метафоры, которыми мы живем» (*Metaphors we live by*), произвела революционный эффект в научном мире. В работе отмечается, что «язык воображения, особенно метафора, необходим для выражения уникальных и наиболее важных для отдельных личностей аспектов опыта, для персонифицированного понимания обычного согласования значений слов недостаточно» [Лакофф, Джонсон 2004: 212]. Осознание того, что человеческое мышление метафорично по своей сути, а значит его можно исследовать, анализируя коммуникативные проявления языковой способности человека, привело к развитию новых направлений в области когнитивных исследований.

Развивая идеи Лакоффа, Ж. Фоконье и М. Тернер в своих работах *Mental Spaces* (1985), *Metaphor, Metonymy, and Binding* (2000) и др. предложили развернуть процесс взаимодействия области источника (концепты физического мира и реального опыта, лежащие в основе построения высказывания) и области мишени (идеи, которые доносит высказывание). Их подход, названный Теорией концептуальной интеграции или блендингом (от англ. *blending* – смешивание), построен на анализе взаимодействия ментальных пространств, связывающих исходные области (*input spaces*) с порождающим пространством (*generic space*), в котором концепты из исходных областей подвергаются воздействию со стороны фреймов и сценариев типичных ситуаций, хранящихся в долговременной памяти человека. Результатом такого воздействия является интеграция вышеупомянутых ментальных структур или смешивание (*blending*), продуктом которого является эмерджентный, внезапно возникающий, новый смысл.

Теория концептуальной интеграции пытается объяснить механизм работы разного мышления, как основанный, с одной стороны, на опыте, а, с другой стороны, имеющий неограниченные возможности вариативности порождаемого смысла. Сам факт выявления нового значения из базовых концептов под воздействием внутренних установок, накопленных знаний, в т.ч. культурного кода, говорит о том, что человек может генерировать новые смыслы, в основе которых уже не будет простой перенос значения по типу сходства.

Метафора в современном дискурсе используется как многоплановый и мультифункциональный инструмент. Она не только осознается, но и широко применяется как важный элемент передачи смысла, ее начинают использовать преднамеренно, с коммуникативной целью.

Теорию преднамеренной метафоры предложил к обсуждению профессор Нидерландского Университета Амстердама (University of Amsterdam) Герард Стейн (Gerard Steen). В своей работе «Теория преднамеренной метафоры: основные предположения, главные постулаты, насущные проблемы» (Deliberate Metaphor Theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues), опубликованной в 2017 г. в электронном журнале Intercultural Pragmatics он пишет: «Осведомленность о метафоре также является условием для оценки метафоры, критики и сопротивления в процессе выбора конкретных областей-доменов, когда в процессе общения люди пытаются добровольно контролировать то, как они используют метафору для выделения или сокрытия эмоций, в процессе концептуализации и коммуникации. Это ситуации, в которых они пытаются применить метафору именно как метафору – осознанно как альтернативное средства коммуникации, чтобы действительно понять что-то одно в терминах чего-то другого» [Steen 2017: 2] (перевод цитаты автором работы).

Англоязычный деловой дискурс на современном этапе его развития имеет тенденцию к интеграции с повседневной речью. В данном случае под современным деловым дискурсом понимается общение внутри компании посредством деловой переписки, в рамках конференций, круглых столов, с партнерами по бизнесу и даже на общегосударственном уровне в рамках обсуждения среди представителей разных индустрий стратегий развития и т.д. Эта тенденция объясняется намерением доносить информацию так, чтобы она ярче запоминалась, не была сухим сводом инструкций и информационных блоков, навевающих скуку и рассеивающих внимание, а имела форму выражения, свойственную живой, понятной, а значит лучше воспринимаемой речи.

Рассмотрим несколько примеров, взятых из фрагментов аутентичных деловых текстов, на предмет выявления и анализа метафор.

*As you know **the next city to host** football fans is Doha...I had the honor to attend the signing ceremony in Doha with other partner airlines to officially **kick-off** this exciting regional initiative.*

Как вы знаете следующий город, который будет принимать футбольных болельщиков, это Доха...Я имел честь принять участие в церемонии подписания в Дохе вместе с другими авиакомпаниями-партнерами, чтобы официально положить начало этой захватывающей региональной инициативе.

Онтологическая метафора **next city to host** выражает значение гостеприимства. Концепт HOST – хозяин подразумевает и место, куда приходят гости – в нашем случае оно определено городом Доха, и самих гостей – в нашем случае это футбольные фанаты. Возникает новый эмерджентный смысл город-хозяин, который подразумевает подготовку к грядущим мероприятиям. Развитие этого метафорически выраженного смысла мы видим в следующем предложении, в котором говорится о намерении запустить этот проект. Этот смысл передается посредством пространственной метафоры **kick-off**, основанной на спортивном термине «подбросить (мяч)». Ориентация вверх: так летит подброшенный мяч, и так обычно изображают

самолет в начале пути, на взлете. Ориентация вверх добавляет позитивный коннотат и служит визуализации концепта. Так как речь в этой части заметки идет о совместном проекте по перевозке пассажиров – участников международного футбольного турнира в Дохе летом 2022 г., применение этой спортивной по сути метафоры ставит своеобразный акцент, сопрягая две индустрии: спортивную и авиационную. Термин удачно вписался в контекст и придал ему колорит.

*Luxuriously appointed and presenting a **decisively Omani-themed** ambience, the lounge offers Oman Air's First and Business class passenger welcome respite from airport crowds and features.*

Роскошно обставленный и оформленный в решительно оманском стиле зал ожидания предлагает пассажирам первого и бизнес-класса авиакомпании Oman Air приятную передышку в уединении от толпы, со всеми удобствами.

Метафора вызова (**decisively made ambience** – решительно созданная атмосфера) указывает на то, что компания заложила идею поражения красотой того, кто увидит новую зону отдыха. Ссылка на Оманский стиль, или, как сейчас принято говорить, «Оманская тема» (**Omani-themed**) подразумевает культурный аспект общепризнанного Оманского гостеприимства, а также национального колорита. Это выражение с одной стороны основано на концептуальной метафоре войны (решительное наступление), а с другой стороны в нем заложен концепт гостеприимства. Таким образом, цель использования данной метафоры – поражение воображения и маркетинговый ход одновременно, выраженный в стимулировании продаж.

Метафора *Welcome respite from airport crowds* (приятная передышка в уединении от толпы) подразумевает слияние концепта ПУТЕШЕСТВИЕ с его чередованием активностей и отдыха с концептом АЭРОПОРТ, который обычно отображается в сознании в виде определенного сценария событий и обязательных действий. В результате блендинга в данном контексте метафора приобретает смысл приятного отдыха, который психологически настраивает на комфортное начало путешествия.

Вышеприведенные примеры показывают, что метафора используется в современном деловом англоязычном дискурсе не только с намерением осведомить читателя о каких-либо событиях или новых продуктах. Основной смысл ее использования – обогащение деловой речи коммуникативной составляющей с целью придания ей образного характера для лучшего восприятия и запоминания. Также можно отметить, что метафорически выраженные мысли стимулируют психический механизм воображения, который работает посредством активации ассоциативных функций и способствует в т.ч. формированию и закреплению в памяти новых понятий, терминов, сценариев событий, и т.д. В.З. Демьянков определял когнитивная лингвистику как направление «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков 1994: 304]. Метафора, ее изучение в рамках функционирования когниции «в ее языковом отражении» [Рудакова 2002: 10], может послужить интересным объектом для исследования, а также инструментом для познания когнитивных способностей человека.

Литература

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

Лакофф. Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2002.

Steen G. Deliberate Metaphor Theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues // Intercultural Pragmatics. 2017. Vol. 14. No. 1. Pp. 1-24.

Y.V. Borodovskaya (Ivanovo, Russia)

Ivanovo State University

METAPHOR AS A COGNITIVE TOOL IN CONTEMPORARY BUSINESS ENGLISH DISCOURSE

The article examines some aspects of metaphorical expression in contemporary business English discourse, as well as a background for the analysis of figurative utterances based on the Theory of Conceptual Metaphor and its development within the Theory of Conceptual Integration and the Deliberate Metaphor Theory. The article highlights the analysis of few examples taken from authentic sources.

Key words: metaphor, discourse, English-language, blending, deliberate, communicative, mental

Е.А. Бочарникова, Т.В. Дроздова (Астрахань, Россия)

*Астраханский государственный технический университет
bocharnikova2006@bk.ru, drozdova_astu@mail.ru*

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ В АСПЕКТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ЦИФРОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Категория интердискурсивности (далее – ИД) рассматривается в статье как репрезентирующая результаты и особенности цифрового мышления, отражающего многоаспектность восприятия человеком мира. Отмечается, что трансформации когнитивных процессов, вызванные сменой парадигмы мышления, накладывают свой отпечаток на специфику мыслительного процесса, реализующегося, в т.ч., как синкретичное оперирование различными источниками информации с последующей трансляцией полученных результатов в дискурсе и тексте.

Ключевые слова: интердискурсивность, научный текст, знание, цифровое мышление, концептуализация, понятие

Усиление роли информационных технологий в современном мире значительным образом изменило специфику деятельности человека, обусловив определенные трансформации в его мыслительной системе. Не удивительно, что в научной среде уже довольно распространенным является термин «цифровое мышление», обозначающий совокупность навыков, позволяющих эффективно использовать информационные технологии в различных аспектах жизнедеятельности [Дутко, Беловол 2020].

По мнению отдельных ученых, информационная революция стремится максимизировать умственные способности человека [Calinescu 2024], результатом чего является цифровое мышление – новый инструмент понимания человеком мироустройства и важное средство его практического преобразования [Козлов 2019]. Цифровая эра создала особенную жизненную среду, рассматриваемую как цифровое виртуальное пространство-время, в которое, с целью обеспечения интеллектуального обмена, коллективно интегрирован человеческий разум [Филипова 2023]. Роль цифровых технологий при этом не сводится к чисто инструментальной. Предоставляя новые способы получения и обработки информации, они проникают в процесс мышления и меняют характер базовых когнитивных операций, которые лежат в основе нашего восприятия и взаимодействия с миром [Гнатик 2024]. Так, одним из спутников цифровизации мышления часто называют появление способности к более эффективной работе с информацией, а также повышение остроты восприятия визуальных объектов [Tapscott 2008].

Предполагают, что цифровое мышление организуется, скорее, по принципу сети, нежели иерархии, в соответствии с которым родовидовые признаки и свойства оказываются равнопорядковыми. Отличительными характеристиками такого мышления считаются гибкость, объемность, многозначность, а мера соотношения знаков и значений по степени абстрактности/конкретности рассматривается как переменная. Знаки ассоциируются с гиперссылками, над знаками надстраиваются новые знаки, на которые и нанизываются значения. Переход знака на более абстрактный уровень происходит при увеличении разрыва между знаком и значением, что присуще эволюции человеческой культуры и мышления [Соломоник 2009]. В качестве признаков цифрового мышления исследователи также называют гипертекстуальность, нелинейность, наличие чрезмерной конкретики (когда восприятие и мышление соскальзывают на отдельные свойства знака), чрезмерную абстракцию, восприятие описываемого феномена как условность, отсылку на собственные ассоциации, интуитивные находки и др. (см., например: [Холодная 2002, Курбатов 2013, Грекова 2019]).

Безусловно, трансформации в ментальных процессах, вызванные сменой парадигмы мышления, накладывают свой отпечаток на способ выражения мыслей, реализующийся, в т.ч., в тексте в ходе фиксации и передачи информации. В этой связи лингвисты, исследующие проблемы научного текста, задумываются о том, какие текстовые и дискурсивные категории могут выступать средством объективации сведений, организующихся и передающихся в условиях цифрового мышления. Опыт работы с научной литературой позволяет установить, что реализация категории ИД в значительной степени отвечает требованиям цифровой коммуникации.

Если обратиться к исследованиям ИД, проводимым учеными в последние годы, то очевидна тенденция связывания данного феномена с работой сознания индивида. Так, И.К. Архипов полагает, что при «построении сложных языковых знаков дискурса, говорящий опирается на известные ему наиболее общие способы его органи-

зации» [Архипов 2008, 206-207]. У говорящего должно быть наличие информации об определенных алгоритмах составления комбинаций слов, средствах связи между ними, о возможности обращения к другим источникам и т.п.

По мнению В.Е. Чернявской, ИД связана с «естественным процессом производства и организации человеческих знаний» [Чернявская 2007: 22-23] и, таким образом, оказывается закономерным явлением. Посредством данной категории обеспечивается взаимодействие различных систем знания, культурных кодов, когнитивных процессов, интегрирующих многочисленные типы дискурсов в речевых произведениях разного объема. Исходя из данного понимания ИД, можно предположить, что проявление данной категории связано с работой таких функций мышления как понимание, целеполагание, абстрагирование, интегрирование, обобщение, рефлексия, синтез и анализ.

Рассмотрим ниже фрагмент научного психологического текста, в котором автор, сообщая об успехе теории эвристического программирования, в процессе репрезентации понятия «соревнование мыслительных систем» (зд. естественной и искусственной) создает интердискурсивное пространство, анализируя содержание которого, можно установить импликаты результатов цифрового мышления, репрезентирующие одновременно его отдельные характеристики:

Шахматисты утратили шансы играть на равных с компьютерами, начиная с проигрыша чемпиона мира Г. Каспарова специально составленной (для сражения с ним) компьютерной системе: это случилось четверть века назад. Соревнований «человек против компьютера» давно уже не проводят, если не считать любительских или выставочных развлечений с шахматными программами; при этом ради хотя бы относительного игрового равенства шахматиста и шахматной программы принято ослаблять силу игры последней [Войскунский 2022: 201].

Лингвокогнитивный анализ показывает, что в данном фрагменте текста происходит актуализация и интеграция следующих типов дискурса: спортивного (*шахматисты, играть на равных, проигрыш, чемпион мира, соревнование, игровое равенство, игра*) исторического (*четверть века назад*); информационных технологий (*компьютер, компьютерная система, шахматная программа*). Средоточие дискурсивных сфер отражает свойство гипертекстуальности, совмещения знаковых систем и соответствующих концептов/понятий. Описываемое понятие не воспринимается целостно: мыслительный процесс осуществляется мозаично путем объединения данных об отдельных характеристиках понятия, представленных релевантными знаками: *чемпион мира, компьютерная система, проигрыш*. Имя известного гроссмейстера также может рассматриваться как частный прецедентный знак, над которым имплицитным образом надстраиваются концепты/знаки более высокого порядка – «высокий интеллект», «шахматное мастерство», «Всемирные олимпиады», «рекорд», выстраивающие дополнительные связи в когнитивной структуре концептуализируемого понятия и открывающие доступ к более глубокому познанию.

Использование графического выделения, т.е. закавыченной фразы «человек против компьютера», имплицитующей концепты / знаки «высокие цифровые технологии», «потенциал интеллекта человека», «сложный состязательный процесс», также активизирует визуальный контент и активизирует индивидуальный интеллектуальный поиск необходимого знания адресатом текста. Таким образом, репрезентанты привлеченной из других дискурсивных областей информации, на наш взгляд, с одной стороны, можно рассматривать как ссылки или даже гиперссылки, т.е. ключи к более глубокому размышлению, что сигнализирует о действии цифрового мышления, а с другой стороны – как репрезентанты его отдельных характеристик.

В заключение отметим, что синтез цифрового мышления с реалиями вербальной коммуникации, в частности с реализацией категории ИД, дает пищу для переосмысления процессов порождения текстов и передачи информации, и в целом увеличивает исследовательский интерес к изучению современной гибридной реальности.

Литература

- Архипов И.К. Язык и языковая личность: учеб. пособие. СПб.: Книжный дом, 2008.
- Войкунский А.Е. Эвристики человеческие и нечеловеческие // Вестник РУДН. 2022. № 19 (2). С. 195-208.
- Гнатик Е.Н. Цифровая трансформация социотехнологической реальности: проблемы и риски // Вестник РУДН. Серия: философия. 2024. Вып. 28. № 1. С. 168-180.
- Грекова А.А. Особенности мышления представителей «цифрового поколения» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 28-38.
- Дутко Ю.А., Беловол Е.В. Особенности формирования мышления личности в цифровой среде (сравнительный анализ поколений) // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т. 6. № 1. С. 78-92.
- Козлов С.Д. Политическая трансформация в условиях приближения к точке технологической сингулярности // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2019. Том 10. № 1 (22). С. 6-10.
- Курбатов В.И. Символическое, виртуальное, сетевое мышление: новая эпоха или эпоха новостей // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 64-74. URL: https://www.isras.ru/Humanities_South_Russia_2013_01.html?ysclid=m5tmdp2t8995239351
- Соломоник А.Б. Очерк общей семиотики: монография. Минск: МЕТ, 2009.
- Филипова И.А. Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 1. С. 7-32.
- Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.
- Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей. Белград: Стил-6, 2007. С. 11-26. URL: <https://www.rastko.rs/filologija/stil/2007/01Cernjavska.pdf>
- Calinescu A. The impact of digital technologies on memory and memory studies // Journal of Contemporary Philosophical and Anthropological Studies. 2024. Vol. 2. № 1. Pp. 65-71.
- Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. New York: McGraw-Hill, 2008.

E. Bocharnikova, T.V. Drozdova (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Technical University

INTERDISCOURSIVITY FROM THE PERSPECTIVE OF DIGITAL THINKING FEATURES REPRESENTATION

The category of interdiscursivity (hereinafter – ID) is considered in the article as representing the results and features of digital thinking, reflecting the multidimensional nature of human perception of the world. It is noted that the transformations of cognitive processes caused by a change in the paradigm of thinking leave their mark on the specifics of the thought process, which is reflected in discourse and text. Interdiscursivity (hereinafter – ID) is considered as a way of objectifying digital thinking and its features.

Key words: interdiscursivity, knowledge, digital thinking, conceptualization, concept

О.В. Бронникова, А.С. Головки, О.Б. Ульянова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

o.v.bronnikova@utmn.ru, a.s.golovko@utmn.ru, o.b.ulyanova@utmn.ru

ВОДА В ЗАГОВОРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается концепт ВОДА в контексте заговорного дискурса. Исследование показывает, что в текстах сибирских заговоров физические характеристики и мифопоэтические представления о воде становятся основой для формирования метафорических смыслов. В сознании агентов заговорной коммуникативной ситуации вода, как концептуальный ресурс, активизирует антропоморфный, гендерно-специфичный, пространственно-временной признаки и реализует ассоциативное подобие с целителем, защитником, святыней и жизнью.

Ключевые слова: концепт, вода, заговорный дискурс, концептуальная метафора

С позиций когнитивной лингвистики, объекты, явления, сущности, которые находят конкретное языковое воплощение, могут рассматриваться как концептуальный ресурс, который играет важную роль в формировании и выражении человеческого опыта, восприятия и культурных значений. Один из таких референтов – вода, которая, с геологической и мифопоэтической точек зрения, является основой мироздания и источником жизни, а в народных представлениях – еще и магическим средством исцеления, очищения и перемен [БЭС 1999: 259; Мифы народов мира 2008: 198]. Мифопоэтический символизм воды реализуется через оппозицию положительных природных свойств прозрачности, свежести, быстрого течения, способности очищать, поддерживать жизнь и отрицательных признаков: мутная и грязная вода предвещает болезнь, смерть, грусть, а речная и чистая – слезы. В славянских мифах, указывая на связь между миром живых и миром духов, вода представляет собой границу «между мирами», место обитания душ умерших и нечистой силы, водяных и русалок [Виноградова 1995: 96]. Отсюда дуальная сущность воды как живой, ведущей из высшего мира в земной, и мертвой – из земного мира – вниз [Степанов 2004: 298].

Этимологически, лексема *вода* объединяет семы *река*, *поток*, *бить ключом*, *орошать* [Фасмер 1986]. Подобно этому, устанавливается антропоморфная народ-

ная аналогия того, что вся система рек и ручьев – это *жилы* земли, по которым вода течет в земле, как кровь в теле человека [Виноградова 1995: 96]. Письменные памятники указывают на то, что поклонение священным источникам и колодцам у восточных славян связывалось с культом святой Параскевы Пятницы – покровительницы водной стихии [Иванов, Топоров 1965: 150], что свидетельствует о женском начале [Тресиддер 1999: 84]. В приговорах, адресованных *воде* с просьбой очистить от всего злого, ее женский образ наделяется личными именами и различными характеристиками. При бросании в *воду* обрядовой пищи (кормлении воды) просили взамен удачу, счастье, женихов [Иванов, Топоров 1965: 79].

С представлением о воде как о всеобщем первоначале соотносится ритуальный акт омовения (в христианстве – крещения), а прошедшая обряд водосвятия вода (святая, богоявленная, иорданская) считалась наиболее здоровой, целебной, способной излечить болезни и защитить от нечистой силы [Максимов 1903: 169]. Крещение соединяет в себе очищающие, растворяющие и плодородные свойства воды: смывание греха, растворение старой жизни и рождение новой [Тресиддер 1999: 84].

Представленные описания и верования формируют то, как поколения категоризируют свои знания о воде и сводят их в определенный пучок признаков [Болдырев 2014]. В данной статье мы рассмотрим, как вода используется в заговорной практике, и какие концептуальные смыслы раскрываются в заговорном дискурсе. Материалом исследования послужили 1178 словоупотреблений лексемы *вода*: *воду* (411), *водой* (247), *вода* (210), *воды* (167), *воде* (127), *водичку* (16), отобранных из текстов заговоров и комментариев к ним в книге Н.И. Степановой «7000 заговоров сибирской целительницы». Автор уже в предисловии обращается к воде, а, следовательно, приписывает этой стихии особую значимость и способность *видеть прошедшее и будущее на воде* и в воде, подобно зеркалу, *можно увидеть потусторонний мир, вызвать душу человека* (Здесь и далее примеры приводятся по книге [Степанова 2007]).

Анализируемые контексты вскрывают синкретизм феномена воды как физического элемента, который используют в комментариях к заговорам, к примеру, при заваривании трав: *смесь залить 1/2 стакана кипятка / 1,5 стакана воды / смесь залить 1,5 стакана воды / Обливают икону водичкой, слитая с нее в стакан вода должна быть выпита тут же*, и как символа, насыщенного культурными и магическими метафорическими смыслами в самих заговорах: ВОДА – ЧЕЛОВЕК / ВОДА – ЖЕНЩИНА / ВОДА – СВЯТЫНЯ / ВОДА – ЖИЗНЬ / ВОДА – ВРАЧЕВАТЕЛЬ / ВОДА – ЗАЩИТНИК / ВОДА – КОНТЕЙНЕР / ВОДА – ЗЕРКАЛО / ВОДА – ПРОСТРАНСТВО / ВОДА – ВРЕМЯ.

Грамматически, в заговорных предикациях вода принимает на себя семантическую роль как агенса, к которому обращается и с которым взаимодействует медиатор заговора: *Не иди, вода, а стой / Пойди и ты, вода, вон из меня / Вода с песку, понеси с меня тоску / Иди, вода, к воде. Иди, вода, в глушь / Собери, вода, слезы с*

младенца крещеного / *Вода ты вода, все тебя пьют, все тебя любят. Все святят тебя в Крещенье. Прошу я у тебя, вода, прощенья. Матушка-чиста вода, прости, матушка-вода, помоги. Как тебя много в озере, в реке, в ручье, в океане, в каждом людском стакане, так бы и у меня...*, так и профилированного актанта: *Как сильна вода, так их любовь будет верной всегда / Вода из земли вышла, пошла, мою душу грешную нашла, а также пациенса ситуации: Крестился Христос в воде и водой, через то вода стала благой / Кто ту водицу изопьет, тот разродится легко и силу великую наберет.* Общий фокус на антропоморфные признаки в данном случае актуализируют обобщенную метафору ВОДА – ЧЕЛОВЕК.

Центральная роль воды подчеркнута именами собственными: *Первая вода – пошла, вторая вода – Егорья, а третья вода – Мария*, адресными номинациями, которые отражают важность воды для жизни: *Вода-водица, всему миру царица / Вода ледяная, царица речная*; подчеркивают ее чистоту и защитную функцию: *Матушка колодезная вода / Матушка-чиста вода / помоги, сестра-вода / Мать-вода / Вода-водица, вышла ты из темницы* и реализуют метафорическую модель ВОДА – ЖЕНЩИНА.

Множественность контекстуальных характеристик воды в заговорных текстах выстраивает преимущественно положительную аксиологическую сетку, в которой универсальные физические и символические культурно-обусловленные свойства воды сливаются в комплексные цепочки смыслов, переводя их в разряд метафорических моделей.

Очищающая сила воды воплощается через метафорическую модель ВОДА – СВЯТЫНЯ (*святая вода, ключевая вода / Божия вода / Вода Божия, вода святая, вода милая и дорогая / Чиста вода*). Концептуализация воды как начала всего сущего опосредуется механизмом концептуальной метафоры ВОДА – ЖИЗНЬ (*вода эта непростая, вода эта святая и живая / в той чистой святой реке живая вода*). Медиатор обращается к воде или использует ее для излечения от болезней: ВОДА – ВРАЧЕВАТЕЛЬ (*Бегущая вода / Банная вода на излечение, речная вода на излечение, худая грязная вода на излечение / колодезная вода, ты чистая как слеза / Вода ледяная / соленая вода*). С помощью метафоры ВОДА – ЗАЩИТНИК подчеркивает мощь данной стихии (*Как сильна вода...*). Способность воды вмещать что-то находит отражение в когнитивной проекции ВОДА – КОНТЕЙНЕР (*Мать-вода, ты глубока и полна / вода в которой весь мир крестился*).

Еще одна способность воды – отражать от своей поверхности – становится основанием для концептуального взаимодействия ВОДА – ЗЕРКАЛО (*Водное зеркало, Божия вода, отдай, что взяла / В зеркале и на воде можно увидеть... / глядя в воду*), которое наводит на мысль о том, что вода, подобно зеркалу, может отражать реальность, а может ее исказить.

Пространственная категоризация воды в заговорах реализуется в метафоре ВОДА – ПРОСТРАНСТВО. Вода занимает все пространство (*Мать-вода, ты глубока и полна, ты моешь, полощешь крутые берега, рыбу хранишь и питаешь, на*

своих волнах бревна качаешь), она вездесуща (Вода ты вода, все тебя пьют, все тебя любят. Все святят тебя в Крещенье), но, в то же время, может адаптироваться и принимать форму и размер сосуда (от океана до стакана): ... Как тебя много в озере, в реке, в ручье, в океане, в каждом людском стакане.

Пространственная семантика воды смежна с временным метафорическим смыслом ВОДА – ВРЕМЯ, которое, с одной стороны, циклично: *Солнце* за тебя садится, *месяц* в твои воды глядится, *звезды* в тебе купаются, а, с другой стороны, указывает на течение... *пока кипит вода.*

Контекстуально-репрезентативный анализ показал, что научное представление о воде лежит в основе концептуализации содержательных признаков концепта ВОДА и их проявления в заговорном дискурсе. Вторичная интерпретация воды посредством когнитивных метафор позволяет отобразить более сложные и неоднородные аспекты опыта и восприятия, связанные с водой. Так, актуализируются мифопоэтические, обрядовые, протективные и сакральные смыслы. Вода организует концептуальное пространство, являясь одним из средств пространственной и временной локализации. Вода, как ключевой концептуальный ресурс заговорного дискурса, предстает целителем, защитником, проводником, святыней и самой жизнью, матерью всего сущего (так, значимыми в заговорной практике оказываются примеры активизации концептуальных метафор ВОДА – СВЯТЫНЯ и ВОДА – ЖЕНЩИНА).

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. СПб.: Норинт, 1999.
- Виноградова Л.Н.* Вода // Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой. М.: Эллит Лак, 1995.
- Гуревич А.Я.* Категории Средневековой культуры. М.: Искусство, 1972.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.
- Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М.: Большая российская энциклопедия. Олимп, 2000. Т. 1.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
- Степанова Н.И.* 7000 заговоров сибирской целительницы. М.: Рипол-Классик, 2007.
- Тресиддер Дж.* Словарь символов / пер. с англ. С. Панько. М.: Фаир-Пресс, 1999.

O.V. Bronnikova, A.S. Golovko, O.B. Ulyanova (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

WATER IN THE DISCOURSE OF CHARMS

The article examines the concept WATER in the context of incantation discourse. The study shows that in the texts of Siberian charms, physical characteristics and mythopoetic ideas about water become the basis for the formation of metaphorical meanings. In the consciousness of agents

of a ritual communicative act, water, as a conceptual resource, activates anthropomorphic, gender-specific, spacio-temporal features and implements an associative similarity with a healer, protector, shrine and life.

Key words: concept, water, discourse of charms, conceptual metaphor

О.В. Ведута, Ю.В. Сурмятова (Тюмень, Россия)

Тюменский индустриальный университет
vedutaov@tyuiu.ru, surmjatovajv@tyuiu.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ЗДОРОВЬЕ В УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Данное исследование посвящено описанию лингво-прагматических особенностей репрезентации концепта ЗДОРОВЬЕ в учебном дискурсе. Предпринимается попытка определения принципов коммуникативной интериоризации и языковой объективации лингвокультурологического концепта в рамках русской концептуальной картины мира. Осуществляется парциальный анализ коммуникативных намерений авторов для формирования положительного комплаенса.

Ключевые слова: концепт, концептуальная картина мира, ментальный опыт народа, калокагатия, комплаенс

Конструирование многогранного ментального опыта народа путем изучения дискурса определенной сферы – процесс не новый, однако актуальный в лингвокультурологии. Любое общество, нация, социум содействуют калокагатии: гармоничному сочетанию и сущностного (внутреннего и духовного) и физического (видимого, внешнего) состояния, как идеала воспитания человека. Приоритетной сферой формирования, трансляции и назидания опыта подрастающему поколению является здоровье как фактор продолжения рода и инстинкт самосохранения. Ведущим каналом передачи являются коммуникативные наставления, личный пример и продвижение идей комплаенса. Бесспорным, логичным и актуальным является ожидание и требование действовать согласно указаниям, правилам, нормам и рамкам социальных требований. Массовая личность, как цель интеграции в мире, в этом случае тоже не выступает как изолированный объект, потому что предпринимаемые меры по сохранению здоровья и качественной витальности, – задача всей человеческой популяции. Закрытие границ и ограничение взаимодействия людей не останавливают процесс общения, взаимодействия и сотрудничества в вопросах здоровьесбережения.

Практически нет областей исследования, целью которых бы не являлось эволюционирование предметов изучения для пользы человека. Оператором импульсов и констатации результатов исследования при это выступает язык и концептуальная картина мира, которыми обладает автор высказывания. Среда и социум воспитывают не только эксплицитные проявления, но имплицитные механизмы мышления и речетворческой деятельности. Об этих механизмах организации коммуникации мы читаем в работах таких ученых-лингвокогнитологов, как Н.Н. Болдырев (2000,

2014, 2018, 2019 и т.д.), С.Н. Бредихин (2021), К.С. Быкова (2022), С.А. Губанов (2018), В.З. Демьянков (1994, 1996, 2008, 2012, 2018 и т.д.), В.И. Карасик (2001, 2002, 2005, 2007, 2013, 2020 и т.д.), Е.Г. Князева (2017), Е.С. Кубрякова (1995, 2001, 2004, 2012), Миллер (2005), В.Ф. Новодранова (2004, 2011, 2013, 2018 и т.д.), З.Д. Попова (2001), В.В. Фефелова (2015), А.Л. Шарандин (2016, 2018, 2019, 2021), И.В. Яновская (2019).

Для предметного обоснования темы разберем актуальные дефиниции. Концептуальная картина мира в соответствии с классическим пониманием введено в оборот учеными в конце XX в. Существенным при дискурсивном анализе остается учет особенностей языковой личности, опыта работы с молодежью. Обратимся к классическому определению концептуальной картины мира, данного в 2007 г. З.Д. Поповой и И.А. Стерниным «совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой» [Попова, Стернин 2007: 52]. Лингвокультурология декодирует реальность через дискурс, путем определения ценностных национальных векторов – концептов.

Учебный дискурс относится к особо важным и социально-значимым объектам внимания общества, отражающих современное состояние общества, актуальные вопросы безопасности, здоровьесбережения и аутентичный материал для формирования комплаенса подрастающего поколения. Комплаенс – полидисциплинарная дефиниция, охватывающая интересы таких гуманитарно-правовых наук как: дидактика, лингвистика, менеджмент, налогообложение, педагогика, психология, рекрутинг, экология, экономика, юриспруденция. Феноменальность учебной дискурсивной парадигмы определяется на современном этапе «феноменом коммуникации как принципиально нового пространства (people-space), в котором решающее значение имеет *слово*, определяемое тем, *кто* сказал, *как* сказал и *для кого* сказал» [Harré, Gillett 1994].

Существенным фактором дидактики в это смысле видится оценка, даваемая наставником. Дихотомии аксиологического речетворчества в рамках процесса передачи опыта мы встречаем в статье О.Н. Волобуевой: «Нефиксированная, субъективная оценка поведения или качеств человека зависит от позиции того или иного актанта – агенса или пациенса» [Волобуева 2010: 39]. Коммуниканты в этой ситуации могут общаться как непосредственно, так и опосредованно, высокий уровень образованности агенса и пациенса включает возможность использования медиа-, аудио-, видеотекстов иносферы. Педагоги иностранного языка зачастую выступают трансляторами иноценностей, свойственных для стран преподаваемого языка, что существенно расширяет границы представлений о мире. Потoki информации значительно расширились за счет цифровизации и глобализации, доступности, возможности беспрепятственно выкладывать в Интернет, требуемый здесь и сейчас контент.

Категоризация и структурирование актов общения в информационном потоке происходит за счет четко оформленной базы кодированных и декодированных

смыслов концептосферы определенного языка. Иные способы, наглядный, невербальный и кинетический обеспечивают следующие параметры:

- 1) коммуникативную направленность, как обеспечение потребности в общении
- 2) непрерывность и безотлагательная доступность по запросу
- 3) гетерогенность и многоаспектность мнений, форм выражения и планов содержания
- 4) метапредметность и синергия, в т.ч. через применение иноязычного кода.

Безусловная значимость здоровья для участников педагогического процесса держит в фокусе не только единство физического и нравственного здоровья, но и функцию «предохранения» или профилактики негативного влияния не только на физическое, но и на ментальное здоровье реципиента.

Нами уже предпринималась попытка анализа медицинского дискурса в результате чего выявлены ценностно-определяющие стереотипные модели: новые методы лечения и реабилитации, сохранение ментального и физического здоровья, укрепление и профилактика болезней, важность и необходимость избавления от вредных привычек, натуральная гигиена. К периферийным атрибуциям относятся: реабилитация и восстановление, возрастные изменения, рациональное и полноценное питание, нормализация обмена веществ, повышение сопротивляемости организма и иммунитет, активное долголетие, своевременная диагностика и замедление процессов старения.

Новые требования к формату учебников и стимуляция мотивации обучающихся обеспечивают качественно новые составляющие учебных материалов. Сейчас это не только классическая книга с многосложными вариантами текстов, но сложная система наглядности, довольно свободно формируемой не художником-оформителем, а нейросетью, система ссылок и переходов на внешние ресурсы с целью перемены деятельности или получения информации визуальным / аудиальным / кинестетическим путем. **Здоровье** в формате концептуальной системы провозглашается как аксиологическая ценность и постулируются следующие экзегезы, определяемые авторитетными источниками: *1) нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы; 2) самочувствие, то или иное состояние организма; 3) отсутствие признаков неблагополучия, угрожающих нормальной деятельности или существованию какой-л. сложной социальной или природной структуры* [Большой толковый словарь русского языка 1998: 361]. Анализ интерпретаций и толкований термина **Здоровье** в 20 лексикографических источниках расширяет определение за счет периферийных значений: *правильная / нормальная деятельность организма; состояние, характеризующееся его уравновешенностью с окружающей средой и отсутствием каких-либо болезненных изменений; естественное состояние организма, при котором правильно, нормально действуют все его органы; состояние физического, психического и социального благополучия.*

В трактовках становится очевидным ядро классификатора: **нормальное состояние организма**, которое определяют следующие когнитивные параметры: *хорошее*

самочувствие, уравновешенное и синхронное сосуществование окружающей средой, отсутствие отклонений, совершенная саморегуляция органов и систем, гармоничное сочетание физического, морального и социального благополучия.

Дидактическая насыщенность здоровьесберегающей тематики была проанализирована на материале 9 русскоязычных текстовых учебников для студентов вузов. Отбор осуществлялся по принципу наличия в содержании тем и параграфов, связанных со здоровьем (физическим и духовно-нравственным/ментальным). Ядром в этом случае выступает **здоровый образ жизни**, а в приядерной зоне выявляются: *стиль жизни 27%, здоровые привычки 19%, сбалансированное и рациональное питание 16%, положительная ментальная активность 14%, социальное благополучие и реализация 13%, профилактика заболеваний и предохранение 11%.*

База сведений, аккумулирующих все знания о состоянии человека, это объект лингвокультурного пространства, представляющий сложный комплекс смыслов, постоянно модифицирующих и актуализирующих концептосферу ЗДОРОВЬЕ. Прагматические установки авторов учебников формируют положительные аксиологические ценности у пациента, а в широком формате у массовой личности. Применительно к систематизируемому материалу и дискурс-анализу очевидным видится вывод, что концептуально-молекулярная структура обнаруживает значимые ядерные кластеры (архилексемы и логоэпистемы) и периферийные (каузальные атрибуции). Транслируемые в учебном дискурсе оперативные единицы человеческого мышления, охватывающие накопленный национальный опыт и субъективные представления частично утрачивает комплексный паттерн за счет концентрации на дидактических задачах.

Литература

Волбуева О.Н. Оценочный компонент в семантической структуре фразеологизмов интеллектуальной сферы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 42. 2010. № 11 (192). С. 38-41.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Harré R., Gillett G. The Discursive Mind. London: Thousand Oaks, 1994.

O.V. Veduta, Yu.V. Surmyatova (Tyumen, Russia)

Tyumen Industrial University

PRAGMATIC FEATURES OF THE CONCEPT *HEALTH* IMPLEMENTATION IN THE EDUCATIONAL DISCOURSE

The article describes the linguistic and pragmatic features of the concept "HEALTH" representation in the educational discourse. It determines the principles of communicative internalization and linguistic objectification of the linguoculturological concept in the Russian conceptual worldview. It presents the results of a partial analysis of the authors' communicative intentions to form positive compliance.

Key words: concept, conceptual worldview, mental experience of the people, kalokagathia, compliance

*М.И. Грушевая (Армавир, Россия)**Армавирский государственный педагогический университет
mariakrr@mail.ru*

НЕОЛОГИЗМЫ ДИСКУРСА МОДЫ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современный дискурс моды представляет собой сложное переплетение культуры, языка и социальных процессов. Неологизмы, возникающие в этой области, выполняют важную роль в адаптации языка к новым реалиям, отражая ключевые ценности и тенденции индустрии. В статье проведен анализ когнитивно-прагматических особенностей неологизмов дискурса моды. В исследовании использовались материалы модных журналов, социальных сетей, а также маркетинговые тексты, что позволило выявить наиболее распространенные неологизмы и их функции. Выявленные когнитивно-прагматические особенности неологизмов отражают не только динамику языковых изменений, но и значимость дискурса моды в формировании новых культурных и социальных ориентиров.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, неологизмы, дискурс, мода, стиль, ценности, язык

Современная мода представляет собой не только индустрию, ориентированную на формирование эстетических и потребительских предпочтений, но и важный культурный феномен, который отражает изменения в обществе, его ценностях и языковой практике. В процессе эволюции дискурса моды активно возникают новые слова и выражения – неологизмы, которые помогают обозначать новые понятия, адаптировать мировые тенденции и создавать уникальную языковую среду в этой сфере.

Неологизмы в дискурсе моды выполняют важную прагматическую функцию, направленную на создание и поддержание определенного имиджа брендов. Использование новых терминов позволяет выделить уникальность продукции, усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию и формирует у потребителей ассоциации с современностью, креативностью и актуальными трендами. Таким образом, неологизмы становятся инструментом, с помощью которого бренды устанавливают связь со своей целевой аудиторией [Духтанова 2020].

Материалом для исследования послужили тексты дискурса моды, опубликованные на популярных платформах: блогах (например, *Vogue Russia* и *Fashionista*), интернет-магазинах (*Farfetch*, *Lamoda*), а также в социальных сетях (Pinterest, TikTok). В работе использован ряд общенаучных методов (методы индукции, анализа и синтеза), что позволило обобщить теоретические предпосылки изучения неологизмов и метод дискурсивного анализа, для определения особенностей дискурса индустрии моды.

Анализ материалов выявил значительное количество неологизмов (более 300 новых языковых единиц), активно используемых в дискурсе моды. Среди них преобладают заимствования, модифицированные русские слова и оригинальные термины, созданные на базе национальных языковых ресурсов. Эти неологизмы формируют основу современной модной коммуникации и являются индикаторами глобальных и локальных трендов [Смирнова 2018: 124].

Большинство выявленных неологизмов, более 70%, представляют собой заимствования из английского языка. Такие слова, как *drop*, *athleisure*, *sustainability*, стали неотъемлемой частью «модного» языка, благодаря доминирующей роли западной индустрии и глобализации. Использование английских терминов позволяет легко транслировать мировые тренды и интегрировать их в местные рынки, однако это также усиливает языковую зависимость от англоязычного культурного пространства.

Многие заимствования подвергаются адаптации к нормам русского языка. Например, слово *oversize* трансформируется в *оверсайз*, а *street style* – в *стрит-стайл*. Такая адаптация не только упрощает использование терминов, но и способствует их включению в обиход, делая язык дискурса моды более доступным для широкой аудитории. Это особенно важно для сохранения баланса между глобализацией и локальной языковой идентичностью [Беляева 2013: 35].

Кроме того, анализ показал появление оригинальных русскоязычных неологизмов, таких как *экомода* и *допамин-дрессинг*. Эти термины формируются на основе национальных языковых ресурсов и отражают локальные интерпретации глобальных явлений. Такие слова подчеркивают культурную специфику и дают возможность интегрировать новые концепты без необходимости прямого заимствования.

С точки зрения когнитивного аспекта, неологизмы демонстрируют ключевые концепты, важные для модной индустрии. Например, термин *sustainability* акцентирует внимание на экологичности и осознанном потреблении, тогда как *genderless fashion* указывает на стремление к гендерной нейтральности. Эти концепты отражают не только индустриальные изменения, но и эволюцию ценностей современного общества, в т.ч. акцент на инклюзивность и устойчивость [Липилина 2006: 77].

Неологизмы выполняют и важные прагматические функции, выступая инструментом привлечения внимания аудитории и формирования доверия. Использование таких терминов, как *eco-friendly* или *zero waste*, позволяет подчеркнуть преимущества бренда в аспекте устойчивого потребления. В рекламных текстах они усиливают эмоциональное воздействие, формируют положительное отношение к продукту и стимулируют продажи.

Цифровые технологии играют ключевую роль в распространении неологизмов. Социальные сети и платформы, такие как Pinterest и TikTok, способствуют популяризации таких терминов, как *hauls* и *try-ons*. Эти слова активно используются блогерами и влиятельными лицами, что делает их популярными среди широкой аудитории. Таким образом, цифровые каналы являются мощным инструментом формирования новых языковых трендов.

Интересным аспектом является региональная специфика использования неологизмов. Например, термин *capsule wardrobe* в русскоязычном контексте часто интерпретируется как базовый гардероб, хотя его изначальное значение подразумевает

минимализм и функциональность. Это показывает, как локальные культурные и социальные особенности влияют на адаптацию глобальных понятий [Шейфель 2016: 111].

Исследование неологизмов дискурса моды позволило выявить их многообразие и значимость в современных языковых процессах. Неологизмы выступают не только как инструмент описания новых явлений, но и как средство передачи ключевых концептов модной индустрии, таких как экологичность, технологичность и инклюзивность. Они способствуют адаптации русского языка к глобальным изменениям, обогащая его и делая более гибким в условиях международного взаимодействия.

Литература

Беляева Н.В. Структура и семантика современных английских блендов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2013. Вып. 2. С. 243-250.

Духтанова А.А. Особенности перевода англоязычных неологизмов в СМИ на материале текстов модной тематики // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2020. Т. 30. Вып. 2. С. 345-352. URL: <https://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/13330/2/2020dukhtanovaaa.pdf>

Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. 2006. Вып. 2. С. 87-92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sliyaniya-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>

Оганджанян А.К. Новые бленды в английском языке // Молодой ученый. 2023. № 21 (468). С. 463-466. URL: <https://moluch.ru/archive/468/103125/>

Смирнова А.П. Неологизмы как достояние индивида (на материале англоязычных неологизмов из сферы моды) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (417). С. 101-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizimy-kak-dostoyanie-individa-na-materiale-angloyazychnyh-neologizmov-iz-sfery-mody>

Шейфель Н.А. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: материалы II Международной научной конференции. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2016. С. 290-294.

M.I. Grushevaya (Armavir, Russia)

Armavir State Pedagogical University

NEOLOGISMS OF FASHION DISCOURSE: COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT

Contemporary fashion discourse is a complex intertwining of culture, language and social processes. Neologisms arising in this field play an important role in the adaptation of language to new realities, reflecting the key values and trends of the industry. The article analyzes the cognitive and pragmatic features of neologisms of fashion discourse. The study used materials from fashion magazines, social networks, as well as marketing texts, which allowed us to identify the most common neologisms and their functions. The identified cognitive and pragmatic features of neologisms reflect not only the dynamics of linguistic changes, but also the importance of fashion discourse in the formation of new cultural and social guidelines.

Key words: cognitive linguistics, neologisms, discourse, fashion, style, values, language

Ф.Х. Джамилли (Баку, Азербайджан)

Азербайджанский Университет Языков
faridacamilli@gmail.com

РОЛЬ ПРОСОДИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ВЫРАЖЕНИИ ГЕНДЕРНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

В статье показано, что в речи женщин и мужчин существуют определенные различия в лексике, голосе, тоне, синтаксическом строе и стиле. Эти различия проявляются в большей или меньшей степени во всех сферах жизни. Гендерные различия уже давно укоренились как лингвистические вариации английского языка. Отношения между языком и полом вызывают серьезную озабоченность в социолингвистике с начала 1970-х гг.

Ключевые слова: произношение, логическое ударение, авторы-женщины, эмоциональность, фонетические средства

При разговоре каждое слово, слог, фраза может произноситься по-разному. Различное произношение частей речи происходит в фонетической оболочке слова, которая называется фонетической окраской. Мы считаем более целесообразным говорить здесь о логическом и эмоциональном ударении, которые придают смысловое звучание потоку речи. На фоносемантическом уровне женской прозы место ударения значительно отличается. Говоря об образности, создаваемой логическим и эмоциональным ударением, следует отметить, что такое звучание способствует красоте речи и выделению подчеркиваемой мысли.

Необходимо учитывать наличие в письменной речи разных знаков препинания, разных предлогов и средств. Логическое ударение в слове подчеркивается разными способами, в зависимости от цели и желания пишущего. В женской прозе мы видим, что логически акцентированные слова и выражения употребляются в разные ситуативные моменты в зависимости от цели. Можно видеть, что данная идея противопоставляется другой, выделение одного из слов, некоторые обращения, употребляемые с восклицаниями, повторениями, слова и выражения, употребляемые параллельно с вопросом и ограничительной привычкой, выделяются логическим акцентом. В предложении или тексте в зависимости от цели можно встретить несколько логически подчеркнутых слов и членов. Например: *Сколько служанок и наложниц приводят в дворец из деревенских домов! Это один из них* (Saraya o qədər kətçi-küçü evindən kəniz, cəriyə gətirirlər ki! Bu da onlardan biri) [Cəfərzadə 1981].

У авторов-женщин наблюдается, что логический акцент приходится на слова, выражающие эмоциональность, что вызывает раскрытие внутреннего протеста автора, а иногда и эмоционального отношения. Для этого иногда слово с логическим ударением может менять свое место в предложении в зависимости от цели. Кроме того, слова с логическим ударением могут быть первичными и второстепенными в зависимости от произношения и назначения. Иногда рядом с новостью появляется логичное слово с ударением. Мы встречаем две формы этого:

1. Логическое ударное слово меняет свое место и идет перед новостью. Например: *Конечно, мне бы не хотелось, чтобы это было темой нашего разговора* (Əlbəttə, istəməzdim ki, söhbətimizin mövzusu bu olsun) [Nadir].

2. После новости ставится слово с логическим ударением, в некоторых случаях это слово повторяется. Это делается для того, чтобы обратить внимание на более логично подчеркнутое слово:

Посмотри, твои родители – это дерево, которое посадили, а ты – его плод. Разве видел когда-нибудь, чтобы ели дерево? Едят плоды, дитя мое, плоды (Бах, ata-apan əkdüyü ağacdı, sən də onun meyvəsi. Neç görmüsən ağac yeyilə? Meyvəni yeyərlər; mənim balam, meyvəni) [Cəfərzadə 2006].

При употреблении слов с логическим ударением до или после новости в высказываниях автора-женщины с языка мужского персонажа следует подчеркнуть значение решительности и конкретности: *У меня нет дочери, которую я отдам Кызылбауу, – сказал он, ударив кулаком по столу (Mənim qızılbaşa veriləcək qızım yoxdur, – deyərək yumruğunu masaya vurdu) [Tahir 2021].* Выражения, используемые с целью обращения, также можно произносить с логическим акцентом. К логическим акцентам в произведениях авторов-женщин можно добавить эмоциональности: *Небо гремит... Талиб! Это еще что за гром в такое время...?! (Göy guruldadır... Talib! Bu nə vaxtın gurultusudur axı...?!) [Tahir 2021].*

Эмоциональное и логическое ударение имеют как сходства, так и различия. Оба они падают на определенное слово или выражение в предложении, но их следует различать. Логическое ударение делается на выражении, которое важно передать, тогда как эмоциональное ударение используется для выражения внутреннего волнения человека. Чтобы передать эмоциональное ударение в письменной речи, можно использовать такие средства, как удлинение гласных, удвоенное произношение согласных, обращения, междометия, восклицательные знаки, параллельное использование вопросительных и восклицательных знаков. Давайте рассмотрим примеры:

Талиб, будь я жертвой тебе, поговори... Скажи слово... Талиб... ах, Талиб... говори, будь я жертвой тебе, я боюсь?! Талиб...Талиб?...Талиб?... (Talib, qurban olum, danış... Noolar, bir söz de...Talib...a, Talib...danış, qurban olum, qorxuram axı?! Talib...Talib?...Talib?...)) [Məsud 2005];

Стой, девочка, я не имею к тебе никакого отношения, не бойся...а.а.; Күну салфетку, дядя (Dayan, ay qız, səninlə işim yoxdu, qorxma...а.а.; Bir salfet al, əmi) [Rəcəbli: 2004].

В приведенных выше примерах за каждым звуком скрываются страдание, ожидание, страх, крик, волнение, сердцебиение. Женщина-писательница, пропуская эти чувства и эмоции через себя, с помощью эмоционального ударения передает их живость и выразительность еще ярче. В зависимости от характера персонажей и ситуаций каждый писатель может отражать эти чувства по-разному, но более утонченные и эмоциональные переживания женщина-писатель способна передать наиболее подходящим образом.

Рассмотрим фонетический состав примера, связанного с похвальными словами: *Ой, мальчик, который бросил свежий фрукт в воду, желаю тебе видеть сколько таких новых плодов, ха-ха-ха. Да воссоединит вас Бог с твоей любимой (Ay taze meyvəni suya atıdan oğlan, neçə belə nübarlara çıxasan, ha-ha-ha. Allah səni istəklivə yetirsin) [Cəfərzadə 2006 37].*

В приведенном примере использованы два приветствия типа *«Желаю тебе видеть сколько таких новых плодов», «Да воссоединит вас Бог с твоей любимой»*. В фонетическом составе мы видим преобладание мягких гласных и звонких согласных. Мы знаем, что в отличие от прозаических примеров стихотворные примеры строятся по определенному образцу, имеют свою интонацию, ритм, гармонию, членение. Словом, в стихотворных примерах можно привести достаточно примеров всех показателей фонетики. Однако эти факты можно наблюдать не только в языке поэтических произведений, но и в предложениях, данных языком образов в прозаических произведениях. В отличие от поэтических произведений, прозаические произведения не основаны на конкретных рифмах, а отражают фонетические средства аллитерации, ассонанса, виды гармонии, повторы и виды ударения. Подобные нюансы можно уникальным образом наблюдать в языке произведений женщин-писательниц. Есть женщины-писатели, внесшие значительный вклад в азербайджанскую литературу. Если обратить внимание на их произведения, можно заметить, что многие фонетические проявления подвергаются влиянию гендера. Таким образом, женщины-прозаики обращают внимание на свои фонетические показатели при выборе слов в своих прозаических произведениях. Это играет исключительную роль в более мелодичном, ритмичном выражении мысли, ее звучании в приятном темпе, привлекающем внимание. В языке произведений женщин-писателей чаще встречаются удлинения, тогда как в произведениях мужчин-писателей преобладает конкретность. Обратим внимание на предложение из произведения «Заложник» азербайджанской писательницы Бахар Бардала:

Знаю, сынок, знаю, также знаю, что наши храбрецы ничего не боялись... Но, что это за поступок, вот этого я не знаю (Bilirəm, ay oğul, bilirəm, onu da bilirəm ki, bizim igidlərimiz qorxan deyildilər heç nədən... Nə əməldir bu, bax, onu bilmirəm) [Antologiya 2019: 131]. Если мы посмотрим на суть выражений образа женщины-матери, созданного писательницей в данном предложении, то увидим, что качество анализа женщины возродилось, а ее мнение обогатилось многими фонетическими показателями. Одним из таких фонетических показателей является эмоциональное напряжение. Усилитель «Вот, смотри» («Вах») еще больше усиливает эффект предложения. Все слова в этом предложении подчиняются закону гармонии, где преобладают мягкие гласные и звонкие согласные. Аллитерация согласного *b* в предложении также придает ему особую гармонию. Обратим внимание на фразу, произнесенную близкой подругой Соны Нисой из романа «В мире мой голос слышен» (Aləmdə səsim var mənim) Азизы Джафарзаде, видного общественного деятеля Азербайджана, писательницы: *Но я знаю, я знаю... (Amma mən bilirəm, bi-li-rəm...)* [Cəfərzadə 2006: 35].

По тому, как в произведении изложено это короткое предложение, также известно, что здесь использована длинная интонация. Также повторяющееся слово «*bilirəm*» («знаю») в конце выражается эпифорой, которая является разновидностью повторения.

Логическое ударение обычно ставится перед глаголом в предложении. В данном примере логический акцент делается на личном местоимении «*mən*» («я»),

стоящем перед глаголом *bilirəm* (знаю). Если мы посмотрим на состав гласных и согласных, то этот пример также подтверждает наше мнение о том, что тон мягких гласных и звонких согласных является доминирующим в речи женщин-писателей, а также женщин. Глядя на произведения женщин-писательниц, можно ясно увидеть, что особые эмоции ярко выражены в языке созданных ими женских персонажей, в способах использования языковых и стилистических особенностей. Это одна из основных особенностей, отличающих женский язык от мужского.

Литература

- Bircə. Cəhənnəmdən keçmiş mələk* // Birja. Bakı, 2017.
Cəfərzadə Ə. Bakı 1501 // A.Jafarzade. Bakı: Yazıçı, 1981.
Cəfərzadə Ə. Aləmdə səsim var mənim // A.Jafarzade. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.
Dəmirçizadə Ə. Müasir Azərbaycan dili // A.Damirchizade. Bakı: Şərq-Qərb, c.1. 2007.
Qadın-ana-sənət dünyası. Antologiya. II kitab. Bakı: SkyE, 2019.
Qurbanov A. Müasir Azərbaycan dili: [2 cildə] // A.Gurbanov. Bakı: c.1. 2019.
Məmmədova G. Oğurlanmış Zəngəzur // G.Mammadova. Bakı: 2021.
Məsud A. Yazı // A.Masud. Bakı: Qanun, 2005.
Nadiri N. URL: <https://edebiyatqazeti.az/news/poeziya/6779-sen-ele-vetensen-veten-sehidim>
Rəcəbli Ə. Sosioliqviştika // A. Rajabli. Bakı: Nurlan, 2004.
Tahir Ülviiyə. Şükriyyə tələyim // U.Tahir. Bakı. 2021.

F.H. Jamilli (Baku, Azerbaijan)
 Azerbaijan University of Languages

THE ROLE OF PROSODIC MEANS IN EXPRESSING GENDER DOMINANCE

The article points out that there are certain differences in the speech of women and men in vocabulary, voice, tone, syntactic structure and style. These differences manifest themselves to a greater or lesser extent in all spheres of life. Gender differences have long been ingrained as linguistic variations in the English language. The relationship between language and gender has been a major concern in sociolinguistics since the early 1970s.

Key words: pronunciation, logical emphasis, female authors, emotionality, phonetic means

Сиюй Дин (Казань, Россия)
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 ding.siyu1999@yandex.com

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ МЕТАФОР В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА НА 16-Й ВСТРЕЧЕ ЛИДЕРОВ СТРАН БРИКС)

В социальной деятельности человека метафоры и политика неразрывно связаны. Политический медиадискурс насыщен многочисленными политическими метафорами, каждая из которых несет в себе богатое содержание идеологии. Одним из наиболее распространенных риторических средств в политическом медиадискурсе является «антропоморфная»

метафора, которая позволяет создать образы, помогающие понять абстрактные или незнакомые явления через более яркие, наглядные и эмоционально окрашенные образы человеческого рода. В данной статье рассматривается выступление Си Цзиньпина на 16-ой встрече лидеров стран БРИКС (далее – «выступление») с точки зрения социального-когнитивной теории. Исследуются выражения «антропоморфных» политических метафор, выявляется идеология, скрытая в типичных метафорических выражениях, а также анализируются цели, эффекты и социальная функция использования антропоморфных метафор в политическом медиадискурсе.

Ключевые слова: антропоморфная метафора, когнитивная лингвистика, политический медиадискурс, социально-когнитивная теория, идеология, БРИКС

Джордж Лакофф и Марк Джонсон в книге “Metaphors We Live By” предложили концепции «источник области» (source domain) и «целевой области» (target domain). В этой книге они развили теорию когнитивных метафор, в которой утверждается, что метафора – это не просто риторическое средство языка, но и основа для мышления и восприятия мира. Источник области – это конкретная, обычно более чувственно воспринимаемая сфера, из которой заимствуется метафора, тогда как целевой областью является более абстрактное или сложное пространство, которое описывается метафорой [Lakoff 1980: 54].

Метафорические выражения, используя знакомые источники области, упрощают восприятие и познание, помогая людям лучше понимать абстрактные политические цели. Процесс восприятия метафор не является объективно пассивным, а активно субъективным, так основываясь на собственном опыте читателя и соответствующих «когнитивных структурах», при встрече с метафорой активируются связанные с ней фоновые знания, что способствует пониманию представляемой информации [Chilton 2004: 56]. Метафора как когнитивный инструмент является одним из эффективных средств политической пропаганды и оказывает влияние на способы мышления и познавательные установки людей.

«以人为本» (Человек в центре политики) является важной концепцией традиционной китайской культуры и основным ориентиром китайской модернизации, которая развивается в соответствии с этой идеей. Одной из наиболее распространенных метафор в политическом медиадискурсе является соотнесение государства с «человеком».

Например, в выступлении председателя КНР Си Цзиньпина Россия была названа «东道主» (хозяином), что традиционно относится к хозяину на банкете или приеме гостей, но в данном контексте обозначает страну-хозяина саммита БРИКС – Россию [Полный текст выступления Си Цзиньпина]. Данная метафора в политическом контексте не просто указывает на роль страны, но также символизирует власть и лидерство, являясь выражением культурной идентичности и мягкой силы; а метафорический оборот выражает признание и уважение Китая к России как важному международному партнеру и ключевой роли на дипломатической арене, что отражает растущее укрепление сотрудничества и доверия между Китаем и Россией. Данное выражение демонстрирует стабильные стратегические отношения между двумя странами и их совместную готовность поддерживать и противостоять глобальным вызовам.

Другим примером является выражение «我们要建设“创新金砖”，做高质量发展的先行者» (Важно продвигать «инновационную» повестку БРИКС с выходом в первый эшелон высококачественного развития), в котором страны БРИКС изображены как не просто участники глобального управления, но и как «лидеры», ведущие процесс высококачественного развития, подчеркивая стратегические цели, направленные на развитие, глобальное позиционирование и политическую роль этих стран на международной арене. Кроме того, термин «先行者» (первый эшелон) вызывает эмоциональное воодушевление, поскольку в большинстве культур он ассоциируется с образом героев, открывающих новые горизонты и принимающих вызовы. Такой язык способен вызвать у населения чувство идентификации с БРИКС как с реформатором и инноватором, а также сформировать эмоциональную поддержку для целей продвижения «инновационной» повестки БРИКС и высококачественного развития.

В традиционной китайской и российской культурах концепция «коллектива» занимает важное место (китайское чувство принадлежности к государству и нации или российская идея соборности) и культурные элементы подчеркивают значимость коллективных ценностей как важного культурного кода. В выступлении упоминается о «金砖大家庭» (семья БРИКС), где метафора «семьи» традиционно играет эмоциональную роль, символизируя семейную близость, заботу и ответственность, а также подчеркивает целостность. Когда политический лидер использует метафору «семья» у населения возникает чувство принадлежности, близости и безопасности, а представление стран БРИКС как «большой семьи» делает отношения между государствами, имеющими различные культурные, политические и экономические контексты, близкими, равноправными и гармоничными. Использование метафоры способствует формированию представления о странах БРИКС как о едином сообществе, повышая их сплоченность и взаимную поддержку, а также упрощает сложные международные отношения, делая их доступными и понятными для широкой аудитории [曹德军 2024: 69]. Благодаря данной метафоре сотрудничество стран БРИКС в глобальной политике приобретает позитивный, объединенный и многогранный образ.

Другим примером метафорического выражения является «把金砖打造成推动全球治理变革的先锋力量 (развивать БРИКС как авангард в трансформации глобального управления)», где слово «先锋队» (авангард) обозначает пионеров, лидеров, тех, кто идет впереди и указывает путь, что часто ассоциируется с военной, революционной или инновационной деятельностью. Сравнив страны БРИКС с «авангардом», метафора связывает эти страны с ключевой ролью в преобразовании глобального управления и переформатировании международного порядка, подчеркивая ведущую роль стран БРИКС в международных делах и укрепляя их значимость в мировой политической и экономической системе [孙福庆 2018: 57]. Метафора вызывает у населения чувство гордости и олицетворения с БРИКС, создавая тем самым более широкий общественный консенсус и поддержку в политической пропаганде и внешней политике.

Метафоры наделяют «целевую область» характеристиками и поведением человека. Например, фраза «中方将牵头成立“全球南方”智库合作联盟» была переведена как «Китай готов в качестве координатора создавать Альянс сотрудничества аналитических центров Глобального Юга». Слово «牵头» (координатор) не только описывает реальные действия, но и подчеркивает, что Китай играет ведущую роль в процессе создания альянса, несет ответственность за организацию и лидерство, и способствует формированию имиджа Китая как ответственной мировой державы на международной арене, а также усиливает чувство идентификации и зависимости других развивающихся стран от Китая.

Когда речь идет о устойчивом развитии «绿色是这个时代的底色» была переведена как «Зеленое развитие – это зов времени». Слово «зов» обычно несет в себе сильную эмоциональную окраску, подчеркивая важность и неотложность «зеленого развития»: не только обращение к вопросам охраны окружающей среды, но и настоятельное требование к современным политическим деятелям. С помощью метафоры «зеленое развитие» как «зов времени» усиливается понимание и эмоциональное восприятие идеи, одновременно наделяя абстрактную политическую идею человеческими чертами и действиями, что придает «зеленому развитию» мобилизующую и призывную функцию [文旭 2014: 15].

В статье кратко представлено описание политических антропоморфных метафор и рассмотрены их социальные функции в формировании общественного восприятия и поддержания политической поддержки, а также показано, как с помощью антропоморфных метафор усиливается определенная политическая позиция и идеология. На фоне глобализации и усиливающегося межкультурного обмена политический медиадискурс сталкивается не только с проблемой перевода, но и с передачей и понимания культурных кодов / различий. Уникальность антропоморфных метафор заключается в том, что они преодолевают границу между человеческим и нечеловеческим, придавая нечеловеческим явлениям человеческие качества, что позволяет нам воспринимать абстрактные или незнакомые вещи образно и с эмоциональной окраской [Чудинов 2013: 45].

Метафорическое изображение политических концепций помогает в передаче сложных и абстрактных идей в политическом дискурсе, а также соответствует целям межкультурной коммуникации в контексте внешней политической пропаганды. Таким образом, она в определенной степени уменьшает сложность перевода политического медиадискурса и сокращает дистанцию между многими культурами, становясь одним из путей для эффективного перевода.

Исследование антропоморфных метафор в политическом медиадискурсе на материале китайского и русского языков имеет большое практическое значение, так как оно способствует лучшему пониманию культурных особенностей двух языков и культур, а также правильной интерпретации взглядов и идей политиков, что может поддерживать политическую коммуникацию, межкультурный обмен и языковое образование.

Литература

Полный текст выступления Си Цзиньпина на 16-ой встрече лидеров стран БРИКС. Глобальная телевизионная сеть Китая (CGTN). URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-10-23/1849071761764814849/index.html>

Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.

Chilton P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge, 2004.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The university of Chicago Press, 1980. 543 p.

曹德军. 国际政治话语中的叙事隐喻. 情感框定与认知建构. [J]. 国际关系研究. 2024. No. 2. Pp. 69–91.

孙福庆. 俄汉语亲属关系政治隐喻对比研究[J]. 解放军外国语学院学报. 2018. Vol. 41. No. 1. Pp. 57–64.

文旭. 政治话语与政治隐喻[J]. 当代外语研究. 2014. No. 9. Pp. 11–16.

Siyu Ding (Kazan, Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

ANALYSING THE SOCIAL COGNITION OF ANTHROPOMORPHIC METAPHORS IN CONTEMPORARY POLITICAL MEDIA DISCOURSE (BASED ON XI JINPING'S SPEECH AT THE 16TH BRICS LEADERS' MEETING)

In human social activity, metaphors and politics are inextricably linked. Political media discourse is saturated with numerous political metaphors, each of which carries a rich content of ideology. One of the most common rhetorical devices in political media discourse is the “anthropomorphic” metaphor, which allows us to create images that help us understand abstract or unfamiliar phenomena through more vivid, visual and emotionally coloured images of the human race. This article examines Xi Jinping’s speech at the 16th BRICS Leaders’ Meeting (hereinafter referred to as “the speech”) from the perspective of social cognition. It explores the expressions of “anthropomorphic” political metaphors, reveals the ideology hidden in typical metaphorical expressions, and analyses the purposes, effects and social function of using anthropomorphic metaphors in political media discourse.

Key words: Anthropomorphic metaphor, cognitive linguistics, political media discourse, social cognition, ideology, BRICS

Н.П. Дронова (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
dronovanina@yandex.ru*

«ГРОТЕСКНЫЙ РЕАЛИЗМ» В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «ШУТОВСКОЙ НАСМЕШКИ» В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

На основе когнитивно-дискурсивного анализа было показано, что многообразие смыслов и нюансов грубо-оскорбительной «шутовской насмешки» вербализуется в рамках специфической системы образности эпохи Ренессанса – «гротескного реализма», в когнитивном основании которого заложены способы гиперболической оценочно-образной концептуализации человека и мира.

Ключевые слова: фрейм-сценарий, стратегия, тактика на «понижение», гротескный реализм, материально-телесное начало

В современной концептологии «насмешка» рассматривается как сложный иерархически организованный многокомпонентный ментальный конструкт, определяемый и как концепт, в содержательной структуре которого запечатлены три смысловых слоя (понятийный, образный и оценочный) (В.И. Карасик, О.П. Алексеева, Е.Л. Ковалева, А.Т. Кожемякин и др.), и как сценарий, предполагающий исследование компонентов эмоционально-оценочной ситуации смеха /насмешки (субъекта, предиката, объекта, каузатора, цели действия) (С.А. Попова), и как «прагматическая ситуация» (Н.Д. Арутюнова) с набором прагматических факторов общения и закономерностей их взаимозависимости, направленных на «понижение» собеседника (Т.М. Воронина, Е.Г. Ножевникова, С.В. Доронина и др.). «Насмешка – обидная шутка – представляет собой коммуникативное действие, состоящее в понижении значимости оценки объекта путем подчеркивания его нелепой комичности с намерением причинить ему зло и получить от этого удовольствие. <...> Такое поведение является разновидностью агрессии, весьма частотно и поэтому получает множественное и вариативное обозначение в языке» [Карасик 2011:119].

Исследование данного феномена не утрачивает своей актуальности в рамках категории комического, в т.ч. и в контексте историко-культурно-обусловленного типа дискурса, как например, фастнахтшпиля, в котором «шутовская насмешка» выступает как своеобразная коммуникативная константа, поскольку центральным персонажем является комическая фигура «ШУТА/ДУРАКА с его прагматической стратегией на «понижение», «высмеивание» объекта. Концептуальная структура «насмешки» включает релевантные признаки: 1) высмеивание, 2) унижение, 3) оскорбление, 4) подшучивание, при этом в зависимости от контекстуальных факторов смысловая структура прирастает широким спектром эмоционально-оценочных коннотаций. Ср.: Ср. нем. Spott (насмешка) – das Auslachen (высмеивание), boshafes Verbaltern (злая шутка), Lächerlichmachen (осмеяние), leichter Hohn (легкая издевка) [Wahrig 2006].

«Шутовская насмешка» определяется в данном случае как «фрейм-сценарий», концептуальная структура которого включает: 1) вершинные узлы, составляющие пропозициональную структуру феномена (СУБЪЕКТ – РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ОБЪЕКТ – ОЦЕНКА), 2) «терминальные узлы, или слоты, которые заполняются данными из конкретной практической ситуации» (ВРЕМЯ – ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ – НАЗИДАНИЕ). «Сценарий – это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов» [см. подробнее: Болдырев 2019:57]. Многие исследователи единодушны в выделении двух основных типов (сценариев) «насмешки»: 1) агрессивно-негативная, 2) шутивно-дружественная (В.И. Карасик, Е.Г. Ножевникова, С.А. Попова и др.). В зависимости от контекстуальных условий «шутовская насмешка» может быть актуализирована как в виде типа 1, так и типа 2, однако в исследуемом нами эмпирическом материале доминирует тип 1, что обусловлено назидательно-дидактической стратегией автора – показать намеренно комплекс гру-

бых, оскорбительных форм агрессивной «насмешки» шута для поучения публики, как быть не должно (*du sollst nicht*). Когнитивно-дискурсивный анализ вербальных репрезентаций «шутовской насмешки» проводился на основе фастнахтшпиля немецкого драматурга Г. Сакса «*Der Doktor mit der großen Nase*» («Доктор с большим носом»), созданном в традиции гробианской литературы с ее главным действующим лицом Гробианом (ср.: *Grobianus Tischzucht*).

Релевантные концептуальные характеристики СУБЪЕКТА – придворного шута по имени Джеклийн (*Jäcklein*) – отсутствие умственных способностей (*Narr*, *Tor*, диал. *Geck*) и неуправляемая грубость (*grob*) – предопределяют способ его общения, выбор языковых единиц: «пиетету и этикету» придворно-рыцарской культуры противопоставлены различные варианты гротескной «насмешки» (*Forperei*), порождающей конфликтную ситуацию. Стратегия и тактика «на понижение» вербализуются комплексом семантически близких глаголов, репрезентирующих различные смысловые оттенки и нюансы насмешки шута-грубияна. Ср.: а) ключевой глагол *verspotten* (насмехаться) содержит во внутренней форме смысл язвительности, б) глагол *schmähen* (хулить, поносить) – смысл «умаления», в) синонимичные глаголы *necken* (дразнить кого-л.), *frotzeln* (подтрунивать над кем-либо) профилируют признак «безобидности, не злой шутки», г) метафорический глагол *äffen* (дурачить, дразнить от существительного *Affe* (обезьяна) подчеркивает обидный характер насмешки, д) глагол (*seine Nase*) *preisen* с иронической коннотацией (восхвалять его нос = хулить) обозначает скрытую «язвительность» насмешки.

Вербальные репрезентации ОБЪЕКТА насмешки шута строятся на основе образной смеховой системы «гротескного реализма», специфического типа образности подлинно народной комики, в которой преобладает материально-телесное начало (еда, вино, производительная сила, органы тела) [Бахтин 1990: 44]. Жанровая специфика комического дискурса фастнахтшпиля благоприятствует актуализации фантазийно-гротескных языковых образований «насмешки», базирующихся на ментальной интеграции «несоединимых» смыслов реального и ирреального, неправдоподобии, гиперболическом преувеличении различного рода явлений (внешности, свойств и поведения человека). ОБЪЕКТОМ насмешки шута является часть «гротескного тела» – *große Nase* (большой нос), обозначенного уже в заголовке шпиля, где атрибутив *groß* с иронически-негативной коннотацией используется в характеристике размера носа гостя. Известно, что нос, рот, зад, брюхо становятся чаще объектом шуток и каламбуров в смеховой культуре по сравнению с другими «негротескными» частями (например, руки, ноги, лицо, глаза) (М. Бахтин). Смысловые нюансы концептуальной структуры насмешки шута наиболее отчетливо можно продемонстрировать на примере ряда существительных, используемых в вербализации образных представлений о величине гротескной части тела. Ср.: 1) грубая издевка вербализуется гиперболической метафорой *nichts Größres* (ничего большего), 2) высмеивание – гротескно-метафорическим композитом, скорее всего, индивидуально-авторским образованием – *Nasenungetüm*

(нос-чудовище /страшилище), номинацией бытового артефакта Löschhorn (га-сильник из сферы: пожаротушение), 3) уничтожение эксплицируется diminutivом Näslein, 4) дерзкое оскорбление – социальной метафорой Nasenkönig (король носов), своеобразной аллюзией на функцию шута на карнавале, где королем становится шут. Язвительное эмоционально-окрашенное подражание наблюдается в концептуализации **формы** носа с помощью натуроморфной метафоры *so einen schönen Zinken haben* (иметь прекрасный выступ на лице), **длина** гротескного носа эксплицируется гиперболой *so lang* (такой длинный), зооморфной метафорой с гипотетически-ирреальным смыслом, усиливающим гротеск образа: *es säßen sieben Hennen drauf* (как будто семь наседок на нем могли сидеть). Усиление высмеивания гротескного носа достигается также за счет перечисления негативно-окрашенных атрибутов, характеризующих «неопределенность контура носа», «гротескную выпуклость», вплоть до уродства. Например: *Hab ich die Wahrheit nicht gesprochen, / daß die Nas höckrig, buckelig, / wülstig, knollig und huckelig?* (Разве я сказал неправду, / что нос как у торгаша, горбатый, вздутый, шишкой и кривой), (перевод здесь и далее – Н.Д.).

Высмеивание **недостаточной умственной деятельности** объекта осуществляется на основе грубо-разговорной метафоры *einen Sparren zu wenig oder viel (im Kopf) haben* (у кого-л. винтика не хватает). Метафора ВМЕСТИЛИЩА строится в данном случае на переносе ассоциативно-образных элементарных знаний и представлений из сферы -источника: наивной анатомии (im Kopf) и бытового строительства. Ср.: *der Sparren – строило*. Например: *Jäcklein: Der Doktor hat ein Sparren / im Kopf zu wenig oder viel, / daß er mich nicht verstehen will* (У доктора не все дома, / раз он меня понять не может). Порок «воровства», приписываемый обычно крестьянину, в «перевернутом мире» карнавала присваивается почтенному доктору, что вербально представлено в гротескно-абсурдном фантазировании шута о краже необычного носа гостем сначала у ребенка (*einem Kind gestohlen*), затем у торгаша. Например: *Er hat vielleicht die Nas gestohlen, / dem Krämer, der hält Nasen feil, / nahm auch zwei ganze wohl als Teil / zusammen gar zu einer Nasen* (А может он украл свой нос / у торгаша, тот продает носы, / а этот взял, пожалуй, два и соединил их в один нос). Уничижительная насмешка шута наблюдается также в фамильярно-бесцеремонном обращении к гостю *kleins Herrlein*, в употреблении местоимения *du* вместо вежливой формы (*sag, wie du heißt*). Пародируемые автором возгласы-междометия, свойственные простолыдину, служат для устранения дистанции между говорящими: *ei, Lieber* (ай, дорогой) и др.

Таким образом, «шутовская насмешка» в комическом шпиле базируется на профилировании и преувеличении отдельных фрагментов внешности, свойств и поведения человека с привлечением гротескных форм изобразительности. Такой вид «насмешки» как способа намеренного оскорбления, дискредитации объекта в дискурсе фастнахтшпиля обусловлен дидактически-назидательной стратегией автора, нацеленной на воспитание человека по принципу «как быть не должно».

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. URL: http://bioserge.narod.ru/bahtin_rable.html

Карасик В.И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 119-129.

Sachs H. Der Doktor mit der großen Nase // Fastnachtspiele. Leipzig: Verlag Philip Reclam, 1973.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh. München: Bertelsmann Lexikon, 2006.

N.P. Dronova (Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

“GROTESQUE REALISM” IN THE CONCEPTUALIZATION OF “JOKER’S MOCKERY” IN COMIC DISCOURSE

Based on cognitive-discursive analysis, it was shown that the variety of meanings and nuances of grossly offensive “buffoonery” is verbalized within the framework of a specific system of representation of the Renaissance – «grotesque realism», the cognitive basis of which includes methods of hyperbolic evaluative-figurative conceptualization of man and the world.

Key words: frame scenario, strategy, tactic, grotesque realism, material and corporeal origin

Т.Н. Ефименко (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
tefimenko@mail.ru*

РОЛЬ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА В ОРГАНИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ

В статье подробно рассматривается специфика когнитивного контекста и выявляется его роль в формировании языкового и концептуального воздействия в медийных сообщениях. Подчеркивается, что использование языковых и ментальных структур лежит в основе формирования воздействия на восприятие и интерпретацию информации, транслируемой в медиатексте, что предполагает использование различных когнитивных моделей, схем, механизмов, одним из которых является когнитивный контекст.

Ключевые слова: когнитивный контекст, организация концептуального воздействия, медиатекст

Основным инструментом реализации деятельности средств массовой информации и их ключевых функций является медиатекст, посредством которого происходит транслирование информации, определенного знания, а вместе с тем и формирование определенных убеждений, стереотипов, оценок, т.е. формирование и трансформирование концептуальной системы как отдельного человека, так и общества в целом.

СМИ, как система «невидимого господства» [Ситникова, Гундарина 2003: 10], как инструмент «мягкой силы» навязывают аудитории определенное видение ситуации, восприятие событий, формирование образа и оценки события или си-

туации. Данная функциональная направленность СМИ задает систему критериев медиатекста, в которую входят: открытость, синкретизм, поликодовость, полидискурсивность, интертекстуальность, многоканальность, многожанровость (см. подробнее работы Т.Г. Добросклонской, Л.Р. Дускаевой, М.Ю. Казак, Г.Я. Солганика, М.Ю. Дзялошинского, М. Пилыгун и др.), высокая степень прагматичности и силы воздействия.

Реализация воздействующего потенциала медиатекста предполагает, в первую очередь, влияние на структуру сознания адресата, его концептуальную систему, навязывание ему определенного восприятия и видения мира, его объектов, отношения к различным событиям и явлениям. Таким образом, средства массовой информации способны создавать «виртуальную реальность» [Олянич 2007: 57], что может быть обусловлено спецификой языка СМИ, с помощью которого передается значительная часть знаний об окружающем мире, о социальной реальности. СМИ фактически создают нашу реальность, при этом язык выступает важным механизмом социальной власти [Bourdieu 1991: 161-170]. Такая «реальность вырабатывается внутри системы через придание смысла» [Луман 2005: 16].

В рамках когнитивного подхода предполагается, что смысл конструируется посредством использования определенных механизмов, схем и моделей языкового и ментального уровней. Следовательно, любые языковые структуры, используемые в качестве инструментов формирования смысла и организации воздействия в медиа сообщениях, основываются на когнитивных сущностях, структурах и форматах знания, схемах и моделях, когнитивных доминантах. Именно использование языковых и ментальных структур лежит в основе формирования концептуальной технологии организации воздействия на систему знаний, взглядов и ценностей, регламентирующих наше поведение, в т.ч. и языковое. Медиатексты воздействуют на реципиента, «существенным образом определяют структуру и содержание картины мира» [Гришаева 2015: 290], концептуальной системы человека.

Одним из таких механизмов является когнитивный контекст, который рассматривается как определенное когнитивное пространство, совокупность знаний, лежащих в основе формирования нового знания и смысла, организации концептуального и языкового воздействия на получателя информации. Подобного рода контексты могут быть коллективными, т.е. представляя собой модели культурно обусловленного, канонизированного знания, разделяемого большинством членов определенного социума [Болдырев 2019], так и индивидуальными (знания и опыт отдельной личности) [Беседина 2006: 15]. Таким образом, использование когнитивного контекста предполагает апеллирование к дополнительному знанию аудитории, активирование как конвенциональных коллективных знаний о структуре мира и его объектах, так и индивидуальной субъективной интерпретации мира и знаний о различных событиях, происходящих в нем. В основе данного заключения лежит и утверждение Ф. Шлейермахера о непосредственной связи формирования смысла высказывания и его окружения [цит по: Демьянков 2011: 34], следовательно, смысл

высказывания конструируется не только посредством текстового (материального) контекста, но и через обращение к дополнительному, связанному с этой информацией знанию, уже находящегося в сознании человека. Чем шире диапазон знаний у аудитории относительно тех или иных событий, тем богаче содержание и более структурированы их когнитивные контексты.

Современные медиатексты демонстрируют передачу не только исключительно фактической информации о событиях, но и отличаются транслированием авторского видения ситуации, его субъективной оценки и отношения. Следовательно, при восприятии информации, передаваемой в медиатексте, структура и содержание системы знаний человека (адресата медиа сообщения) формируется с опорой на его субъективный контекст знаний и на когнитивный контекст, транслируемый в медиатексте. Когнитивный контекст выступает в качестве когнитивных схем, воздействующих на восприятие, осмысление и интерпретацию знания, которое передается в медиа сообщении.

К таким когнитивным схемам можно отнести:

1) схему-пространство (территория): *В. Путин и китайский лидер Си Цзиньпин активизируют сотрудничество на заднем дворе НАТО* [Это не шутки...]. Понимание и интерпретация данного высказывания предполагает апеллирование к дополнительному знанию понятия «задний двор» в контексте международной политики, а именно: сфера влияния страны и ее традиционные области доминирования.

2) схему – образ/подобие (по внешним признакам): *Система выборов в Соединенных Штатах представляет из себя чудовищную коздобру, состоящую из нерешенных проблем и современных технологий* [В МИД России назвали...]; и схему-образ (по функциональным признакам): *Клоун-принц-диктатор поставил Украину в такое положение, что она на грани уничтожения; вашингтонская марионетка* (ирландский журналист Чей Боуз о В. Зеленском) [«На грани уничтожения»...], поведение которого напоминает поведение клоуна, принца, диктатора, марионетки; *Байден во время обращения из Овального кабинета заявил* [СМИ: Байден допустил...] (рабочий кабинет президента США, ныне действующего, овальной формы); *наше руководство страдает «синдромом Горбачева»* (данный синдром предполагает ситуацию, когда лидера страны хвалят зарубежные лидеры, однако критикуют граждане страны, которой он руководит или руководил [Борьба с Россией...]). *President Andrés Manuel López Obrador of Mexico... is a bulldozer who eroded democratic institutions, and is leaving a host of problems for his successor; ...Civil liberty groups said the measures would have hobbled a key pillar of Mexican democracy* (Президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор (с 1.12.2018 по 30.09.2024) сравнивается с бульдозером, который полностью разрушит демократические институты и ограничит основные принципы мексиканской демократии) [The New York Times. 1.10.2024].

3) *Trump detailed a plan to dismantle the Deep State... Trump explained how he would take a series of measures to “shatter the Deep State”* [Corsi 2024]. Интерпретация выра-

жения *Deep State* (глубинное государство или государство в государстве) предусматривает апеллирование к когнитивной схеме целое-часть. Именно таким представляется образ США с точки зрения Д. Трампа, образ, который он планирует разрушить.

4) Схема-событие: *Байден во время обращения из Овального кабинета заявил, что политическим страстям «пора утихнуть», а насилие не должно становиться нормой в США* [СМИ: Байден допустил...] (под политическими страстями в данном контексте подразумевается покушение на кандидата в президенты Д. Трампа в 2024г.)

5) Схема-границы: *при возникновении трудностей Запад и Украина с легкостью пересекают высеченные золотом в камне красные линии и всяческие ужасные табу, а также ищут новые и все более изощренные способы нанести России максимальный вред* [Русские не смогут ответить...]. В области международных отношений и политики понятие *красные линии* служит для маркирования границ, нарушение которых считается неприемлемым и может повлечь тяжелые последствия.

Таким образом, обращение к дополнительным структурам знания, когнитивным контекстам, схемам восприятия и интерпретации знания обеспечивает активирование имеющихся структур знания в сознании человека, позволяет сфокусировать внимание адресата медиатекста на определенном аспекте или элементе (знании), соответствующим образом профилируя эти знания, придавая им необходимую конфигурацию, конструируя нужный смысл в сознании (коллективном и индивидуальном) адресата. Когнитивный контекст выступает определенной основой/матрицей, на фоне которой формируется новое знание, новый смысл, конструируются когнитивные модели стереотипного восприятия ситуаций и событий, описываемых в медиатекстах, и способствует организации концептуального и языкового воздействия на массовое сознание общества.

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Борьба с Россией вместо «хороших времен»? Что обещают выборы в Молдавии // ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/22145257>

В МИД России назвали «чудовищной козяброй» систему выборов в США // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/11/06/24321175.shtml>

Гришаева Л.И. Механизмы манипулирования и способы организации текста // Дискурсы власти: коллективная монография. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2015. С. 290-316.

Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 33-40.

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

«На грани уничтожения». На Западе сделали заявление о спецоперации // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240919/spetsoperatsiya-1973668105.html?ysclid=m5o612fx53259256171>

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007.

Русские не смогут ответить: США и НАТО наконец нашли, чем ударить Россию // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240828/nato-1968834299.html?ysclid=m5o69k00fn755411110>

Ситников А.П., Гундарин М.В. Победа без победителей: очерки теории прагматических коммуникаций. М.: Имидж-Контакт, 2003.

СМИ: Байден допустил вопиющую оговорку в речи про Трампа // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240715/bayden-1959684326.html>

Это не шутки: на Западе забили тревогу из-за происходящего в Арктике. Какой четкий сигнал послал НАТО Путин? // РИА Новости. URL: <https://dzen.ru/a/ZpIq53VpIG0xngOW?ysclid=m5o7jklp7b851573699>

Bourdieu P. Language and symbolic power / ed. and introd. by J. B. Thompson; transl. by G. Raymond and M. Adamson. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1991.

Corsi J.R. The Deep State War Against Donald Trump Begins // American Thinker. 2024. URL: https://www.americanthinker.com/articles/2024/11/the_deep_state_war_against_donald_trump_begins.html

T.N. Efimenko (Moscow, Russia)

Moscow City University

COGNITIVE CONTEXT CONTRIBUTION TO THE INFLUENCE ARRANGEMENT IN MEDIA TEXTS

This article scrutinizes the specific aspects of cognitive context and elicits its contribution to language and conceptual influence arrangement in media texts. The author emphasises that language and mental structures provide the creating of influence on information perception and interpretation, delivered in media texts. This fact implies the use of different cognitive models, schemes and mechanisms with cognitive context being one of them.

Key words: cognitive context, conceptual influence arrangement, media text

А.Д. Ефимова (Орехово-Зуево, Россия)

*Государственный гуманитарно-технологический университет
lady-ann2792@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ РЕКЛАМНОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ «БРЕНД» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье рассмотрены основные концептуальные признаки заимствования рекламного дискурса «бренд» в медийных текстах: качество, наличие определенной философии, популярность, узнаваемость, продвижение, креатив, доверие. Установлено, что заимствование «бренд» в медийном дискурсе становится выразителем ценностей англоговорящих стран как проводников глобализации.

Ключевые слова: заимствование, медиатизация, медийный дискурс, рекламный дискурс, бренд, концептуализация

Данное исследование посвящено изучению влияния заимствований на изменение национальной картины мира в условиях глобализации через передаваемые ими идеи и ценности, и описанию их концептуальных признаков в медийных текстах принимающей культуры на примере заимствования рекламного дискурса «бренд».

«Бренд» относится по классификации В.И. Карасика к ценностным заимствованиям, которые выражают лингвокультурные концепты [Карасик 2015: 106].

Актуальность данной статьи определяется вниманием исследователей к дискурсивной обработке феноменов языка [Радбиль 2023], [Беляков 2023].

Значительную роль в процессе концептуальной обработки заимствований и формировании представлений о концептах, ими выражаемых, играет медийный дискурс. Попадая в медийное пространство, заимствование осваивается в текстах СМИ, при этом выделяются его признаки, актуальные и важные для данного сообщества, тем самым происходит воздействие на общественное сознание. Нами были рассмотрены особенности медиатизации некоторых типажных заимствований, а также заимствований педагогического дискурса [Ефимова 2024; Гусева 2024].

В качестве основы исследования использованы примеры употребления лексемы «бренд» на платформах skillbox.ru, dzen.ru и в Национальном корпусе русского языка.

Рассмотрим основные признаки заимствования «бренд», наиболее часто концептуализируемые в медийных текстах. Данные характеристики являются базовыми для понимания основных тенденций, наблюдаемых в рекламном дискурсе, и выражают важнейшую ценность конкуренции за покупательскую аудиторию.

Лексема, использующаяся наиболее часто по отношению к слову «бренд», – «продвижение». Широкоупотребительными становятся словосочетания, обозначающие способы достижения данной цели, например, «создать шумиху», «сделать шум еще громче». В медийном дискурсе подчеркивается возможность использования любых методов для привлечения внимания к бренду, например, создание сенсаций с помощью информации, вызывающей резонанс в обществе и отрицательные эмоции: *Скандалы, интриги, расследования. Иными словами – утечки и сливы <...> Создатели пользуются тем, что сплетни и конфликты хорошо распространяются среди пользователей* [SKL: Что такое вирусная реклама и как сделать вирусное видео года. 29.08.2022]. С другой стороны, в медийных текстах показано, что повышение доверия к бренду является важным шагом к его продвижению: *необходимо повышать доверие к отечественным брендам и бороться с фальсифицированным товаром* [НКРЯ: Николаев: новый стандарт защитит отечественных сборщиков дикоросов от конкурентов // Парламентская газета, 2021.04.22].

Как показывают контексты употребления лексемы «бренд», одной из ее содержательных составляющих, фиксируемых в медийном дискурсе, является узнаваемость. В контексты употребления лексемы «узнаваемость» входят такие словосочетания, как «постоянные упоминания бренда», «периодически мелькают сообщения с вашей айдентикой», «использовать название бренда». Узнаваемость в медийных текстах связана с использованием разнообразных стратегий для «раскручивания» бренда и стимулирования к нему интереса. Поскольку сложно выделиться в большом потоке информации в рамках постоянной конкуренции, зрелищность позиционируется как одна из важнейших характеристик рекламы бренда. В качестве

критерия проявления интереса к продукту выделяются не какие-то определенные характеристики товара, а запоминающийся, яркий образ, показанный в видеоролике. Оценивается эмоционально-чувственное и эстетическое воздействие и выдвигаемые ценности, а также творческий подход (креатив). Реклама брендов превращается в шоу. Таким образом, на основе анализа медиаконтента можно сделать вывод, что у рекламы бренда активно развивается развлекательная функция, в то время как роль информационной функции снижается.

Ценностью, связанной с понятием «бренд», является «популярность». Содержание понятия «популярность» раскрывается с помощью словосочетаний «набрать просмотры», «активно взаимодействовать с контентом», «ставить лайки», «комментировать, шерить или сохранять материалы», а также производных от слова «клик» (количество переходов по ссылке): лексема «кликбейтный» (имеет отрицательную коннотацию, поскольку ассоциируется со стремлением заставить пользователя любым способом перейти по ссылке с помощью яркого заголовка); «кликабельный» (интерактивный), «скликивание» (отрицательно маркированное слово, связанное с мошенническими действиями, направленными на увеличение издержек рекламодателя, например, производимыми конкурентами), ироничный окказионализм «кликандер».

Понятие «популярность» бренда в медийных текстах тесно связано с понятием «реклама», воспринимаемым как основной канал распространения информации о бренде, и интерпретируется неоднозначно, поскольку приобретает как положительную, так и отрицательную маркировку. Установлено, что одной из основных причин неоднозначного отношения к популярности является стимулирование сильных эмоций в рекламе бренда, таких как: страх, ужас, смех, удивление, шок, поскольку понравившийся или поразивший пост начинает пересылаться самими пользователями («вирусная реклама»). Тем самым при рекламе бренда останавливается внимание не на самом продукте и его качествах, а на контенте рекламного ролика. В медийных текстах в интерпретационное поле лексемы «бренд» может входить связь с отрицательными эмоциями (в медийных текстах зафиксированы использования слова «шок»). Однако, поскольку реклама может оттолкнуть потребительскую аудиторию, вызывая неприятные ощущения и отчуждение, создатели рекламы часто пытаются создать позитивную ассоциацию с брендом: *«Никому не хочется ассоциироваться с тревогой, страхом или отвращением – это вам не шок-контент»* [SKL: Что такое имиджевая реклама, примеры и кому она подойдет. 21.04.2023].

Одна из важнейших отличительных характеристик бренда – это качество. Действительно, в примерах из Национального корпуса Русского языка делается акцент на качестве как неотъемлемой характеристике бренда: *«Последнее, чего хотелось бы, – чтобы под нашим брендом разливался напиток ненадлежащего качества»* [НКРЯ: Почти во всем мире продажи кофе в 2020 г. стагнировали или падали, а в России росли» // Ведомости, 2021.05.23]. Качество бренда напрямую связано с его известностью и распространением: *Мировым брендом становится*

только качественный продукт [НКРЯ: Когда смартфоны будут реже ломаться // Парламентская газета, 2021.11.11]. Оно является гарантией стабильности бренда на рынке и его надежности.

С другой стороны, в медийных текстах отмечается, что покупатели часто переплачивают за марку, которая становится символом престижа и элитарности, хотя товары с подобными характеристиками могут иметь более низкие цены: *в целом «Румиком», кроме известности бренда, мало чем отличается от конкурентов* [НКРЯ: Inventive Retail Group купила монобрендовый онлайн-магазин Xiaomi // Ведомости, 2021.08.08].

Как показывают тексты массмедиа, бренд несет послыл, что воспроизводится в таких словосочетаниях, как «миссия бренда», «философия бренда». Таким образом, покупатели не только учитывают качество продукта, но и те идеи, которые создатели в нем воплощают: *Люди обычно покупают не ваш продукт, а то, что он им дает: эмоции, статус* [Дзен: Бренд с нуля!? 13.10.2020]. Ценности бренда концептуализируются в медийных текстах как формирующие общественное сознание, определяющие запросы, влияющие на стиль жизни определенных социальных групп и т.д.: *То, что связка бренда/продукта/услуги с определенными ценностями – важный пункт, сегодня нельзя отрицать* [SKL: Что такое брендовая реклама и почему она вам нужна? 19.03.2021].

Именно концепция ценности в медийном дискурсе закрепляется как играющая определяющую роль в рекламе бренда, более значимую в привлечении потенциальных покупателей (тех, на кого рассчитан товар), чем факторы цены, что выражается в слоганах медийного дискурса и рекомендациях по эффективной рекламе: *Показывайте не цену, а ценность продукта* [SKL: Нативная реклама. Часть 2: как продавать поколению Z].

Следующим компонентом, имеющим тесную связь с заимствованием «бренд», является креатив: *креатив, который вызывает любопытство, но не называет бренд или продукт* [SKL: Главное о тизерной рекламе. Что это такое, кому она подходит, где купить и как настроить. 28.07.2022]. Именно креатив концептуализируется как основной способ привлечения внимания к продукту и возможность выделиться. В интерпретационное поле креатива входят понятия «нестандартность», «броскость», «узнаваемость», «любопытство», «фантазия», «провокационный», «профессиональный».

Сделаем вывод, что активное проникновение концептов, идей и ценностей западного рекламного дискурса в русскоязычное медийное пространство привело к тому, что заимствование «бренд» приобрело сложную структуру и противоречивую оценку различных его компонентов. При медиатизации важными становятся признаки популярности, узнаваемости, продвижения, качества, креатива, ценности, а также доверия, которые становятся основой интерпретации и оценочной маркировки заимствования «бренд» в русской культуре.

Литература

- Беляков М.В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса: на материале открытой профессиональной дипломатии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2023.
- Гусева А.Д. Языковое осмысление типажного заимствования «супермен» в русскоязычном медийном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23. № 4. С. 171-183.
- Дзен – URL: <https://dzen.ru>
- Ефимова А.Д. Медиапрезентация тьюторства как феномена педагогического дискурса // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 7. С. 172-195.
- Карасик В.И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Радбиль Т.Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 6. С. 170-189.
- SKL – Skillbox. URL: <https://skillbox.ru>

A.D. Efimova (Orekhovo-Zuyevo, Russia)

State University of Humanities and Technology

CONCEPTUAL CHARACTERISTICS OF ADVERTISING BORROWING “BRAND” IN MEDIA DISCOURSE

This article examines the main conceptual features of borrowing of the advertising discourse “brand” in media texts: quality, the presence of a certain philosophy, popularity, recognition, promotion, creativity, trust. It is established that the borrowing “brand” in media discourse becomes an expression of the values of English-speaking countries as agents of globalization.

Key words: borrowing, mediatization, media discourse, advertising discourse, brand, conceptualization

О.Л. Заболотнева (Челябинск, Россия)

*Челябинский государственный университет
zoxl@mail.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ДИСКУРСЕ¹

В статье рассматривается структурная модель языковой личности, определяются аксиологические компоненты. В рамках мотивационно-прагматического уровня элитарной языковой личности ученого выделяются прецедентные феномены, при помощи которых экстраполируется индивидуально-авторская позиция по отношению к профессиональной деятельности педагога, мировой художественной литературе и искусству.

Ключевые слова: элитарная языковая личность, модель языковой личности, университетский дискурс, интеллектуальная элита, аксиологический уровень, мотивационно-прагматический уровень элитарной языковой личности

¹ Работа выполнена при содействии Фонда поддержки научных инициатив Челябинского государственного университета.

В данной статье анализируется элитарная языковая личность ученого на примере англоязычных университетских романов. Работа базируется на проводимых ранее зарубежных и российских исследованиях, в которых выявлялись и систематизировались прагмалингвистические особенности профессионального дискурса (речевые акты, теория вежливости) и лингвостилистические особенности дискурса англоязычных и русскоязычных университетских романов.

В более ранних работах мы рассмотрели «разноплановость употребления импозитивных высказываний (равно- и разностатусная коммуникация, институциональное и неинституциональное общение) в русскоязычной университетской прозе на материале повести «Кафедра» И. Грековой [Заболотнева, Кожухова 2021: 93-104].

В одной из статей мы также обратились к концептосфере ученого как элитарной языковой личности. Мы определили характерную систему, которая состоит из индивидуально-личностных концептов. К примеру, «одиночество концептуализируется по различным моделям, анализируется как одна из основных категорий и воспринимается как смысловой фокус англоязычного университетского дискурса» [Заболотнева 2024: 21-24].

В данном исследовании предпринимается попытка рассмотреть специфику элитарной языковой личности ученого в англоязычном университетском дискурсе на ценностном и мотивационно-прагматическом уровнях.

За последние десятилетия в науке сложились комплексные подходы к изучению языковой личности, ее типологии, существенных признаков и структурной организации в различных видах дискурса, ее отнесенности к определенному типу речевой культуры, а также с точки зрения профессиональной деятельности и элитарности (Е.Н. Азнеева, А.А. Ашева, Г.И. Богин, В.В. Виноградов, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, А.А. Ворожбитова, Г.Д. Гачев, Н.Д. Голев, Е.И. Голованова, В.Е. Гольдин, В.В. Дружинина, М.В. Загидуллина, Е.В. Иванцова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Т.В. Кочеткова, В.В. Красных, Л.Н. Кузнецова, М.А. Лаппо, В.П. Нерознак, Т.А. Островская, Л.М. Салимова, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротинина, О.С. Склярова, И.В. Степанова, И.А. Стернин, В.П. Тимофеев, Н.И. Толстой, Ю.Н. Тынянов, Л.Н. Чурилина и другие исследователи).

Вслед за М.А. Абдуллиной и В.Р. Алгушаевой под «элитностью» мы понимаем «конгломерат качественных свойств личности, обеспечивающих ей базу для выдающихся достижений. К элите относятся наиболее успешные в достижении целей представители профессиональных сообществ, работающие в сфере политики, изобретательства, создания идей, теорий и методик. Интеллектуальная элита – это культурное и образованное меньшинство специалистов данной области, обладающее высоким уровнем профессиональной компетенции и способностью к созданию материальных и общественных ценностей» [Абдуллина, Алгушаева 2022: 15]. Можно утверждать, что элитарная языковая личность проявляет индивидуальные особенности речевой деятельности, обладает умением обращаться к прецедентным текстам и высоким уровнем общей культуры, выходя за рамки своей профессии.

Цель исследования – выявить и рассмотреть реализацию культурно-речевого потенциала элитарной языковой личности ученого на ценностном и мотивационно-прагматическом уровнях в рамках англоязычной лингвокультуры. Материалом исследования послужили университетские романы: «Стоунер» (1965) Дж. Уильямса, «Пнин» (1957) В. Набокова и «Людское Клеймо» Ф. Рота (2000).

Вслед за Е.И. Головановой мы определяем профессиональную языковую личность как «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова 2014: 188]. Мы придерживаемся модели языковой личности, предложенной Е.И. Головановой. В структуре профессиональной языковой личности выделяются три основных аспекта, а именно, использование специальной лексики и терминологии, которые раскрывают когнитивный уровень структуры языковой личности; обращение к основным темам, которые проявляют эмоционально-оценочное отношение личности к определенным понятиям и концептам (ценностный уровень); выбор прецедентных текстов и имен раскрывает своеобразие мотивационно-прагматического уровня языковой профессиональной личности [Голованова 2014: 205].

В данной работе предметом исследования являются ценностный и мотивационно-прагматический уровни элитарной языковой личности ученого в университетском дискурсе. Одним из важных аксиологических компонентов в структуре языковой личности ученого выступает эмоционально-оценочное отношение к концепту ЖИЗНЬ, понимаемое как с профессиональной точки зрения, так и с позиции общечеловеческих ценностей. Главные герои анализируемых университетских романов испытывают неудовлетворенность, разочарование, вызванное несбывшимися надеждами и мечтами. Оглядываясь назад, Стоунер осознает, что его жизнь оказалась неудачной во всем, его ожидания неоправданны: *Dispassionately, reasonably, he contemplated the failure that his life must appear to be* [Williams 2012: 284]. Он рассуждает о дружбе, любви, о семье и о житейских трудностях. Карьера преподавателя, о которой он так мечтал, состояла из многочисленных изнуряющих, обыденных, банальных мелочей. Трагедия героя заключается не только в осознании бессмысленно прожитой жизни, но и в понимании того, что изменить или повторить что-либо уже невозможно. То же происходит и с героем романа Ф. Рота «Людское Клеймо». На закате своей жизни профессор Коулмен Силк испытывает сильное потрясение из-за разногласия между личными принципами и общественными предрассудками, он забыт и покинут всеми: *There is something fascinating about what moral suffering can do to someone who is in no obvious way a weak or feeble person. It's more insidious even than what physical illness can do, because there is no morphine drip or spinal block or radical surgery to alleviate it* [Roth]. С юношеских лет профессор Силк принимал неправильные решения, совершал непоправимые ошибки, череда которых привела к трагедии.

Герой В. Набокова – профессор русского языка и литературы Тимофей Павлович Пнин – глубоко несчастен в личной жизни. Его жена Лиза Винд дости-

гает своих низких целей и только тогда оставляет его в покое. Пнин понимает, что манипулируя и играя на его чувствах, она жестоко обошлась с ним: *All of a sudden he thought: If people are reunited in Heaven (I don't believe it but suppose), then how shall I stop it from creeping upon me, over me, that shriveled, helpless, lame thing, her soul?* [Nabokov 1990: 410].

Мотивационно-прагматический уровень элитарной языковой личности отождествляется с выбором прецедентных имен и прецедентных текстов. Главный герой романа «Стоунер» преподает английскую литературу на кафедре английского языка университета Миссури. Посредством своего героя Джону Уильямсу удается экстраполировать свое отношение к литературе, искусству, преподавательской деятельности, к духовным воззрениям, при этом передавая свои знания окружающего мира и субъективный опыт. Символичной является отсылка к герою романа испанского писателя Мигеля де Сервантеса. Дэйв Мастерс сравнивает друга с Дон Кихотом: *You, too, are among the infirm – you are the dreamer, the madman in a madder world, our own midwestern Don Quixote without his Sancho, gamboling under the blue sky* [Williams 2012: 30]. Подобно странствующему рыцарю, профессор Стоунер борется за справедливость, попадает в нелепые ситуации и помогает слабым и беззащитным. Он уверен в своем предназначении, но оказывается посмешищем, всеми забытым чудачком, безумцем, который всю жизнь сражался с ветряными мельницами.

Тимофей Пнин, выходец из царской России, замечательный ученый, интеллигентный и воспитанный, профессор русского языка и литературы, не вписывается в американскую академическую среду. Его образ также напоминает романтического оруженосца: внешность, поступки, рассеянность в делах и плохое знание английского языка вызывают смех у окружающих его людей. Но, в отличие от Дон Кихота, Пнин – многогранная личность, и, наряду с иронией, он вызывает жалость и сострадание.

В романе «Людское Клеймо» Ф. Рота преподаватель с многолетним стажем, декан колледжа, профессор Коулмен Силк нередко обращается к античной литературе. Размышляя о своей трагедии, ученый вспоминает Филоктета, одного из персонажей эпической поэмы «Илиада» Гомера, повествующей о событиях Троянской войны. Отверженный и забытый всеми, со зловонной язвой на ноге, Филоктет в полном одиночестве прожил на острове десять лет.

Таким образом, в рамках эмоционально-оценочного отношения к концепту ЖИЗНЬ в анализируемых университетских романах элитарная языковая личность ученого ассоциируется с отчаянием, неудачей и разочарованием в преподавательской деятельности. Полагаясь на субъективный опыт, авторам университетских романов удается передать свое отношение к миру искусства, нравственным ценностям, к карьере педагога и ученого. Отсылки к именам протагонистов античной литературы, произведениям классических и современных авторов мировой художественной литературы, аллюзии на исторические события отражают мотивационно-прагматический параметр элитарной языковой личности ученого в университетском дискурсе.

Литература

- Абдуллина М.А., Алгушаева В.Р. Элитарное образование как один из трендов современности // Педагогика и психология образования. 2022. № 1. С. 9-20.
- Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта, 2014.
- Заболотнева О.Л., Кожухова И.В. Аггравация импозитивности в русскоязычной университетской прозе (на материале повести И. Грековой «Кафедра») // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2021. № 2 (50). С. 93-104.
- Заболотнева О.Л. Концептосфера элитарной языковой личности ученого в университетском дискурсе // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы XII Международной научной конференции. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. С. 21-24.
- Nabokov V. Selected Prose: Collection in Russian and English languages. Moscow: Raduga, 1990.
- Roth Ph. The Human Stain. URL: <https://libcat.ru/knigi/starinnayaliteratura/255512-3-philip-roth-the-human-stain.html#text>
- Williams J. Stoner. With an introduction by John McGahern. London: Vintage books, 2012.

O.L. Zabolotneva (Chelyabinsk, Russia)

Chelyabinsk State University

STUDY OF THE ELITIST LINGUISTIC PERSONALITY OF A SCIENTIST IN THE ENGLISH-LANGUAGE UNIVERSITY DISCOURSE

In the article the structural model of a linguistic personality is examined and its axiological components are defined. Within the framework of the motivational pragmatic level of the elitist linguistic personality of a scientist, precedent phenomena are identified. With the help of such phenomena the individual author's position is extrapolated in relation to the professional activity of a teacher, world literature and art.

Key words: elitist linguistic personality, linguistic personality model, university discourse, intellectual elite, axiological level, motivational pragmatic level of elitist linguistic personality.

О.И. Захаров (Москва, Россия)

Государственный университет просвещения
vip.oleg.zakharov1995@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИХ АНТРОПОНИМОВ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье описываются полисинтетические антропонимы в виртуальном пространстве. Выявлены основные способы и когнитивные механизмы, которые участвуют в образовании полисинтетических антропонимов. Раскрывается окказиональный характер подобных антропонимов.

Ключевые слова: антропоним, полисинтетический антропоним, имя собственное, когнитивный механизм, окказионализм

Использование антропонимов играют огромную роль в виртуальном пространстве. Такие имена собственные служат не только в качестве идентификаторов, но и формируют социальное взаимодействие, отражающее связь и уровень доверия между пользователями.

Как правило, антропонимы обладают концептуальным значением, которое основывается на идее категории, класса объектов. Считается, что антропоним как лексико-грамматический разряд имени существительного имеет следующие особенности [Доспанова 2017: 712-714; Нестерова 2025]:

- а) указывает на то, что обладателем имени является человек;
- б) указывает на половую принадлежность (в случае использования на письме или в речи окказионального полисинтетического антропонима пол человека не идентифицируется);
- в) указывает на национальную принадлежность (зависит от использования целевого языка);
- г) указывает на двойственность имени (могут называть вымышленных людей);
- д) указывает на то, что они могут быть индикатором статуса и потенциально влиять на репутацию той или иной личности в реальном времени;
- е) классифицируется на общие антропонимы (имя собственное/ личное имя человека, именованья по отцу, фамилии, прозвища, псевдонимы, пользовательские имена, никнеймы, скрываемые имена), индивидуальные антропонимы (имя собственное как обиходное слово, относящееся к известной личности) и окказиональные (полисинтетические) антропонимы как сложные имена собственные и креативные пользовательские имена/никнеймы, равные словосочетанию или предложению. К никнеймам (условное обозначение имени в сети) можно отнести такие как *demon rotting*, «I tired of this place», *throw down your tears*, *dying as a lifestyle* и др. [Нечаева 2023: 113; Москальчук 2009: 246-248].

К основным способам образования окказиональных полисинтетических антропонимов относят *лингвокреативные приемы* (создание и реализация лингвокреативных антропонимов на лексическом и стилистическом уровнях), *лексико-синтаксический способ* (Федор Нечитайло, Стас Гострайтер, Аназад Невозвратиев) и *способ образования по модели «словосочетание – антропоним» или «предложение – антропоним»* (Стас Дягрустных, Тамадад Почтинагиев, Азамать Явсехпорвунать) (Социальная сеть VKontakte, Камедиклаб, 2024).

Более того, при образовании окказиональных полисинтетических антропонимов в виртуальном пространстве следует брать во внимание следующие когнитивные механизмы:

(1) Когнитивный механизм аналогии (аналогия как основа метафоры). Данный механизм включает в себя смешение денотативной (визуальное сходство) и ассоциативной (скрытное/имплицитное сходство) аналогии. Исходя из этого, можно констатировать образования концептов, для объяснения которых требуется наличие личностного/физического опыта [Ивашкевич 2019: 7-8]. Давайте рассмотрим следующие примеры концептов:

– «*Мойдодыр*». В приведенном концепте наблюдается совмещение денотативной аналогии (визуально сходство с умывальником) и ассоциативной аналогии (чистота, аккуратное использование хозяйственных предметов и постоянное мытье рук) (sport24.ru, 28 октября 2023);

– «Айболит». В данном случае речь идет о визуальном сходстве с доктором/врачом и имплицитном сходстве (доброта и забота о малых и слабых) (статья с сайта Первого канала 1tv.ru, 14 января 2012 г.).

(2) Когнитивный механизм «опредмечивания» (действие – объект). Ниже представлены примеры, показывающие процесс очеловечивания и формирования полисинтетических антропонимов (VKontakte, 2024):

Твое имя (находится) у меня на сердце. > Твое – Имя – У (имя) | Меня – На – Сердце (фамилия)

I have no interest. > I – Have – No (имя) | Interest (фамилия)

I have (and/or) I don't (have) > I – Have (имя) | I – Don't (фамилия)

Шрам (находится) на сердце. > Шрам (имя) | На (х) Сердце (фамилия) / Shram – На (имя) | Serdce (транслитерация выражения)

I have wings on which you want to fly > I – Have – Wings – On – Which (имя) | You – Want – To – Fly (фамилия)

(3) Когнитивный процесс (потенциального) вычленения части. Так, отсутствие артикля перед окказиональным именем собственным говорит о том, что оно используется как имя, не «имеющее границ». Использование неопределенного артикля может свидетельствовать о частичной определенности или ограниченности.

I have no brain > I – Have No – Brain > an I – Have No – Brain

I still have a soul > I – Still – Have A – Soul > an I – Still – Have A – Soul

Следует также отметить, что при формировании окказиональных полисинтетических антропонимов отсутствует процесс переосмысления/ процесс переноса по модели «человек – человек», что указывает нам на отсутствие классифицирующей компоненты [Новикова 2011: 90-91].

Таким образом, приведенные примеры подтверждают окказиональный характер полисинтетических антропонимов в виртуальном пространстве. Окказиональный характер полисинтетических антропонимов объясняется социальными изменениями (индивидуализация личности); образованием антропонимов от словосочетаний/ предложений; использованием на письме/в речи лингвотворческих приемов и когнитивных механизмов; отсутствием орфографической неоднозначности.

Литература

- Доспанова Д.У. Антропонимы и некоторые аспекты их изучения // Молодой ученый. 2017. №14. С. 712-714.
- Ивашкевич И.Н. Роль когнитивных механизмов в формировании непространственных смыслов в языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4 (1). С. 5-11.
- Москальчук А.А. Никнейм – виртуальное имя человека // Записки горного института. 2009. Т. 182. С. 246-248.
- Нечаева И.В. Антропонимы в письменной речи // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 1. С. 111-139.
- Новикова О.Н. Аспекты когнитивного изучения имени собственного – антропонима // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3 (028). С. 90-93.
- Нестерова И.А. Антропонимы // Энциклопедия Нестеровых. URL: <https://odiplom.ru/lab/antroponimy.html>

*O.I. Zakharov (Moscow, Russia)
State University of Education*

COGNITIVE MECHANISMS OF FORMATION OF POLYSYNTHETIC ANTHROPONYMS IN THE VIRTUAL SPACE

Polysynthetic anthroponyms in the virtual space are described in the article. The main ways and cognitive mechanisms participating in the formation of polysynthetic anthroponyms are demonstrated. The occasional nature of such anthroponyms is revealed.

Key words: anthroponym, proper name, occasional polysynthetic anthroponym, cognitive mechanism, occasionalism

*Г.В. Защитина (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
zashchitina.info@yandex.ru*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРИФРАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается способность перифрастических номинаций выступать средствами оценки в современном англоязычном журналистском дискурсе посредством преднамеренной экспликации аксиологически значимых сем в значениях единиц, образующих перифрастический комплекс, для характеристики субъекта оценки, обеспечивая тем самым оценочность прагматической направленности коммуникации СМИ.

Ключевые слова: перифраз, номинация, язык СМИ, оценка, журналистский дискурс, аксиологический потенциал

Прагматическая направленность журналистского дискурса обусловлена стратегией, нацеленной на актуализацию либо определенного композиционного типа, либо языковых и стилистических средств, предполагая успешное декодирование адресатом коммуникативных интенций адресанта. Вариативность способов оязыковления мысли, являясь одной из основных задач современных СМИ, выражается в преобладании в массмедиальном дискурсе языковых единиц и структур, с одной стороны, отличающихся высокой степенью информативности, с другой – являющихся прагматически ориентированными средствами оценки.

Не следует забывать, что каждый адресат СМИ становится объектом манипуляции, оказываясь в зависимости от фактически навязываемой культуры потребления информации и также навязываемых ценностных ориентиров [Нерсесова 2011], при этом СМИ активно влияют как на их формирование, так и на принятие либо отторжение. Данный процесс может проявляться в форме лингвистической и аксиологической креативности, когда прагматически значимые единицы должны соответствовать целому ряду требований, составляющих инвариантную прагматическую норму современного журналистского дискурса – являться эксплицитно или имплицитно оценочными, обладать аксиологическим потенциалом – определять индивидуаль-

ное и общественное мировосприятие. Говоря о «языковых предпочтениях» СМИ, следует указать на явное преобладание вторичных номинативных средств над первичными, поскольку первые, в частности, позволяют варьировать соотношением «привычного» и креативного/непривычного [Гришаева 2023].

Одним из таких вторичных средств в англоязычном журналистском дискурсе является перифраз, активно привлекаемый для идентификации героев новостных сюжетов. Методом сплошной выборки из информационных материалов британского таблоида «Миррор» (*The Mirror*) за 2024 г. было отобрано более 300 случаев использования перифрастической номинации. Выбор в пользу таблоидного ресурса, а не «качественного» издания был обусловлен аудиторным признаком. Во-первых, данный формат традиционно характеризуется субъективной, сенсационной и скандальной подачей социально-политической информации, превращая новости в развлечение. В то же время он является гибким к потребностям невзыскательной аудитории, подстраиваясь под уровень читателей, наименее развитых в интеллектуальном и культурном отношении [Кобзеева 2017]. Во-вторых, производимый в подобных случаях медиаэффект влияет на вкусы, интересы и предпочтения читателей, что не является простым усилением их взглядов: журналисты воспринимаются аудиторией как комплексные лидеры мнений, наподобие собеседников, с которыми можно не соглашаться в частностях, прислушиваясь в главном [Бодрунова 2013].

В расчет принимались семантические характеристики перифраза – предикативного комплекса, обнаруживающего иное номинативное задание, когда реализуется одно из возможных вариативных обозначений, отражающее осознанный номинативный выбор адресанта. Перифрастическая номинация формируется на основе какого-либо сущностного, общеизвестного или одного из возможных признаков референта, при этом продуцент коммуникации должен руководствоваться объективными факторами при выборе одного. Однако в журналистском дискурсе это далеко не всегда так. Учитывая характер коммуникации и ее прагматические цели, логичным будет предположить, что на выбор признака окажут влияние экстралингвистические факторы. Поскольку в журналистском дискурсе немалую роль играют директивная, гедонистическая или рекреативная функция, это вынуждает журналиста реализовывать отмеченные функции через присущую таблоидным СМИ пристрастность, обусловленную реализацией «социального заказа». При этом императивом для адресанта СМИ становится поиск вторичных средств номинации, основанных на общеизвестных ассоциациях, связанных с определенными лексическими единицами. Последние можно также рассматривать и как «аксиологические константы наивной картины мира» [Михайлова 2020]. Ассоциативный характер нашего мышления используется, к примеру, в перифразах метонимического или аллюзивного характера, где их «прозрачность» обеспечивается своего рода объективностью выделяемой черты референта-предмета или референта-ситуации.

Исследуя аксиологический потенциал перифрастической номинации, мы обращаемся к анализу составляющих ее языковых единиц, в семантике которых присутствует совокупность ценностно-ориентированных смыслов, функционально направ-

ленных на знаковое моделирование информационного пространства [Самойлова, Шершнева 2023]. Под моделированием информационного пространства в нашем случае подразумевается стремление продуцента посредством целенаправленной актуализации ценностного компонента в семантике признака-основы перифрастического комплекса придать ему статус языкового средства оценки, поддерживая общественные фобии, невежество, стереотипность мышления и собственно социальные стереотипы, образцы общественных символов успеха, удачи и т.д.

Первичное наименование субъекта, как правило, образует кореферентные цепочки с компактно или дистантно расположенными перифрастическими номинациями, на первый взгляд, выполняющими сугубо идентифицирующую функцию:

1. *Tyler Kerry, 20, had been travelling in Turkey..., when he is believed to have left his hotel room... When **the labourer from Basildon**, called the lift* (The Mirror. 01.12.2024) (Двадцатилетний Тайлер Керри, путешествовал по Турции... В какой-то момент он покинул свой гостиничный номер... Как только *разнорабочий из Базилдона* вызвал лифт).

2. *More information about the death of Jay Slater will be revealed “soon”... Since **the apprentice bricklayer’s body** was discovered* (The Mirror. 15.10.2024) (В самое ближайшее время мы ожидаем новые факты в связи с гибелью Джея Слейтера... С тех пор как обнаружили тело ученика каменщика...).

3. *Supermodel’s cause of death revealed as **Kate Moss’ pal** dies at 46* (The Mirror. 08.11.2024) (Стала известна причина смерти 46 летней супермодели – *подруги Кейт Мосс*).

4. *The events surrounding Liam Payne’s untimely death are still being investigated... Aged just 31, **the former One Direction singer** died on October 16* (The Mirror. 12.11.2024) (Полиция продолжает расследование обстоятельств внезапной гибели Лиамы Пейна... 16 октября *бывший солист группы «Ван Дирекшн»*, которому едва исполнился 31 год, погиб...).

В ходе семантического анализа перифразов обнаружилось, что в примерах 1 и 2 эксплицируются пейоративные ассоциации со значением опорных лексем «разнорабочий» и «ученик», что проявилось индуцированием потенциальных негативных сем «низкое происхождение», «ограниченность». Также в составе одной из номинаций присутствует окказиональный интенсификатор – топоним «Базилдон» – неблагополучный в социально-экономическом отношении город Англии. Следовательно, данные перифразы можно считать средствами имплицитного выражения отрицательной оценки, реализующими прагматическое намерение журналиста – пропозицию отрицательного стереотипа и перенос негативного восприятия на любые действия субъектов.

В примерах 3 и 4 представлены аллюзивные перифразы, основанные на положительных пресуппозициях, в семантике которых можно проследить индуцирование имплицитной мелиоративной оценки путем возбуждения потенциальной семы «известность» в значении признаков-основ – названии поп-группы «Ван Дирекшн», имени всемирно известной модели «Кейт Мосс».

В заключение необходимо также подчеркнуть, что анализ комментариев читательской аудитории подтвердил принятие значительной ее частью авторской оценки, что упрочило предположение о прагматической эффективности реализации аксиологических потенций перифраза в дискурсе СМИ.

Литература

Бодрунова С.С. Британский рынок прессы и политический процесс: символический и медиакратический смысл «таблоидных поворотов» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 1. С. 188-206.

Гришаева Л.И. Реализация стратегии эвфемизации и вторичные номинативные средства // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы международной научной конференции, Минск, 12-13 мая 2023 г. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2023. С. 14-17.

Кобзеева О.В. Таблоид как разновидность массовой прессы // Социально-гуманитарные исследования: сборник научно-методических трудов. М.: Издательство «Перо», 2017. С. 319-323.

Михайлова О.А. Аксиологический потенциал русских устойчивых сравнений // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международного научного семинара (Екатеринбург, 13 мая 2020 г.). Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2020. С. 40-41.

Нерсесова Т.Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки // Медиаскоп. 2011. № 2. С. 13-20.

Самойлова А.В., Шершнева Н.Б. Аксиологический потенциал англоязычных слов 2022 года // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 3092-3098.

G.V. Zashchitina (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

AXIOLOGY OF PERIPHRAISIS IN MODERN ENGLISH JOURNALISTIC DISCOURSE

The article focuses on axiology of periphrasis as a means of evaluation in the modern English journalistic discourse, that being possible due to deliberate foregrounding of axiologically productive senses in the semantics of periphrasis to successfully evaluate the object or phenomena and to secure mass media evaluative pragmatics.

Key words: periphrasis, nominative means, mass media language, evaluation, journalistic discourse, axiology

Е.С. Зорина, Я.В. Мызникова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
ekaterina.zorina@hotmail.com, janinam@mail.ru*

ДИСКУРС ОХОТЫ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ VS ЖИВАЯ РЕЧЬ

В статье устанавливается единство языковых маркеров охотничьего дискурса на материале современного художественного текста (П. Крусанов «Игры на свежем воздухе») и живой диалектной речи, что служит для реализации замысла автора: показать, как герой-охотник,

ощущая себя частью природы, решает вопрос о своих взаимоотношениях с окружающим миром в современных реалиях.

Ключевые слова: художественный текст, охотничий дискурс, диалектная речь, охотничья терминология, диалектная лексика

Актуальный междисциплинарный подход в лингвистике предлагает обратиться к понятию «дискурс» как при анализе живой звучащей речи, так и при анализе текстов художественной прозы. Особенно важным дискурсивный анализ становится при обращении к текстам русской литературы конца XX – начала XXI в. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136]. Социальное действие и событийность из определения Н.Д. Арутюновой реализуется в художественном тексте в рамках институциональных дискурсов, которые представлены в одном пространстве с сюжетным повествованием художественного текста. Текст включает всё вербализованное ментальное пространство той или иной сферы знания [Асратян 2015: 17]. В.И. Карасик определяет институциональный дискурс как общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений, например, политических, юридических, педагогических, религиозных, мистических [Карасик 2004: 299].

Роман П. Крусанова «Игры на свежем воздухе» (2023 г.) встраивается в литературные дискурсы произведений об охоте и произведений, в которых ставится вопрос о взаимодействии человека и природы. Роман является субтекстом для двух сверхтекстов русской литературы и имеет особую жанровую принадлежность – роман-четки. Фокус внимания смещается с «кратко, быстро зафиксировать» (традиционные для дискурса охоты «записки») – на «обдумать». Охотничий дискурс, к которому принадлежит роман, также включает: специальный дискурс (профессиональная терминология), исследовательский (например, [Охотничий словарь Прикамья 2018]), диалектный (живой, народный охотничий дискурс), охотничий фольклор (охотничьи былички). Интересно в связи с этим сравнить объем и содержание понятия «охотничий дискурс» и «охотничий текст» (см. [Мальцева 2020]).

В статье А.В. Мельниковой приводится подробное описание литературного охотничьего дискурса с его двумя полюсами повествования: тексты С.Т. Аксакова (природоведческий очерк) и И.С. Тургенева (рассказ или очерк, слабо связанный с собственно охотой, но сохраняющий образ повествователя-охотника) [Мельникова 2014: 64]. Ключевое произведение для охотничьего дискурса второй половины XIX в. – «Записки охотника» И.С. Тургенева. К концу века жанр меняется: появляется осуждение охоты (В.Г. Чертков «Злая забава» (1893), Д.В. Григорович «Горькая доля» (1898)), которое связано с идеей, что для большинства охотников охота была забавой, развлечением, потехой или оригинальным способом общения с природой, для крестьян же, коренных жителей регионов, она всегда являлась важным промыслом [Мельникова 2014:

70]. На рубеже веков в охотничьем литературном дискурсе (А.И. Куприн, И.А. Бунин, А.С. Новиков-Прибой, М.М. Пришвин, А.Н. Толстой) появляется фигура охотника, который «может бродить по лесам не с ружьем в руках, а с лирой» [Мельникова 2014: 73].

Материалом для статьи послужили рассказы охотников, проживающих в Ульяновской области, записанные авторами во время экспедиций СПбГУ, и текст романа П. Крусанова «Игры на свежем воздухе». Дискурсивными литературными маркерами романа П. Крусанова являются: традиционная структура (сборник заметок/рассказов); описания знатока-охотника (героя или повествователя); наблюдения за природой; сквозной сюжет (в Псковскую область приезжает из города герой Петр Алексеевич охотиться вместе с бывалым местным охотником Пал Палычем). Собственно лингвистическими маркерами являются профессиональная охотничья лексика, а также диалектные черты.

П. Крусанов, биолог по образованию и охотник-любитель, следует традициям известных писателей-предшественников и с вниманием натуралиста описывает флору и фауну Псковской земли. Крусанов прекрасно знает охоту и активно использует профессиональную терминологию как маркер охотничьего дискурса: *Собака работала хорошо – прихватывала наброды, но ни тетеревов, ни рябчиков, ни глухарей не было* [Крусанов 2023: 446]. *Бить глухаря с подхода под песню – охота редкого азарта* [Крусанов 2023: 388]. *Пролетный вальдишней, похоже, уже откочевал, остался местовой, так что тяга была средней* [Крусанов 2023: 197].

Другим маркером охотничьего дискурса в романе являются диалектные особенности в речи простых жителей псковских деревень. Повествователь комментирует «странности» в речи местных жителей: *здесь якали, вместо «что» говорили «кого», подрезали глагольные окончания и чудили с падежными: «по голове дярётся», «кого говоришь?», «пошел к сестры», «Мурка приде и тябе поцарапае», а слово «студень» и вовсе было тут женского рода* [Крусанов 2023: 106].

Диалектная лексика маркирует речь деревенского жителя Пал Палыча и создает противопоставление речи горожанина Петра Алексеевича: *Пал Палыч называл озерный камыш то тростой, то ситом, поскольку внутри тот был губчатым, в дырочку; при этом Пал Палыч полагал, что троста – местное словечко, в то время как сито – ученое, книжное название* [Крусанов 2023: 186]. *«Ребездók», – целкнуло в голове Петра Алексеевича местное словечко – так называли здесь дольку сала, мяса, колбасы или чего-то иного, отрезанную предельно тонко, чтобы разом положить в рот, где та растает* [Крусанов 2023: 67].

П. Крусанов наделяет речь деревенских героев и грамматическими особенностями псковской говора – неизменяемыми причастиями на -ши: *Он, Геня, умерши уже как пять месяцев – в мае* [Крусанов 2023: 314]. *С утра самого, только из мерлога вылез, всё сидел, как облуневши, как пыльным мячиком ударевиши: по хозяйству – ни палец о палец, всё думу думал* [Крусанов 2023: 397].

Речь одного из местных охотников-старожилов обладает псковской фонетической чертой – цоканьем: *И тут дед в очередной раз вразумительно изрек: – А цо*

бояца мне? Ня бяри чужого ницёго и ня бойся нікого [Крусанов 2023: 201]. Диалектная речь в романе маркирует коренных жителей, являющихся частью местной естественной жизни, частью самой природы: *Мы ж в природе, Пётр Ляксеич... А тут надо аккуратню – лишній раз словца плохого ня загни. Ня то в уши Богу надуеши, а Тот и обидится, осерчает* [Крусанов 2023: 397].

Дискурс «человек и природа» (где хрестоматийным героем является Базаров И.С. Тургенева) имеет языковое оформление, отражающее философскую позицию современного деревенского охотника: *Твердить ему [Пал Палычу] о неприглядности самовольного пострела не имело смысла – на это случай у него в запасе был ворох встречных аргументов, начиная от претензий прохвостам-егерям и оборотням-охотоведам, готовым выгнать зверя под ружье местного бугра или залетного туза в любой сезон, кончая лицемерными исключениями: мол, коренным народам Севера не возбраняется бить заповедного тюленя и кита, поскольку это их природный промысел, а мужику в добыче, какую брали искони в лесу его отцы и деды, отказано. Пал Палыч был уверен, что нипочем не возьмет на охоте лишнего, а потому и зверя от его малого беззакония не убудет* [Крусанов 2023: 187].

Анализ записей речи охотников из Ульяновской области выявляет профессиональный характер лексики, которую используют информанты для описания процесса охоты. В некоторых тематических группах лексики сельских охотников, например, в группе наименований способов охоты, зафиксирована только профессиональная терминология (в засидку ‘об охоте с использованием укрытия’, влет, с подходу, под песню ‘об охоте во время пения, когда глухарь ничего не слышит’, самотопом ‘без собаки (о способе охоты, когда охотник сам разыскивает дичь)’, по чернотропу ‘по непокрытой снегом земле, на которой не видны следы животных’, по белой тропе).

Число диалектных лексем в охотничьем дискурсе оказалось не значительным; среди наименований охотников по разным видам дичи зафиксирована лексема *мельчатник*, среди наименований средств охоты отмечены характерные для Сибири и Дальнего Востока лексемы *маньчук* ‘приманка на охоте’, *волок*, *труба*, обозначающие ловушки на крупного зверя. Больше всего диалектизмов было обнаружено среди глагольных лексем, обозначающих отдельные действия в процессе охоты: *вышугивать*, *манить*, *растаскивать*, *подставляться*, *садка*. Эта группа лексики в записях речи охотников в целом оказалась самой объемной, диалектный охотничий дискурс построен именно на базе таких предикатов, передающих поведение всех участников охоты: *Если хороша собака, она работает, не бросат. Потеряла зверя, нашла опять, она его крутит, гонит, в основном зверь ходит кругами, делает скидки, вот он идет-идет, остановился, своим следом ворочает, на своем следу, раз туда прошел, опять своим следом идет – и делат прыжок метра на два-три, скидку делат, и вот собаку сбиват он этим*.

Для дискурса сельских охотников Ульяновской области тоже характерно детальное внимание к окружающей природе и жизни животных. В охотничий дискурс вклю-

чены диалектные наименования жилищ зверей: У белки *гайно* называется гнездо, они лыка *надирают*, *вьют на дереве*, оно такое круглое, дыра сделана, *прям как шар такой совьют*, и вот оно *гайно* называется. Описывая процесс охоты, сельский информант и себя считает такой же частью природы, как собаки, звери, лес: *Они, собаки, понимают, с ней больше общаться надо, как с человеком, это отец вот меня учил, как молодого щенка натаскивал, я тоже ходил с ним, он лес хорошо знал.*

Все языковые маркеры литературного дискурса охоты и дискурса «человек и природа» в романе маркируют речь коренных жителей как часть местной естественной жизни, часть самой природы; так же естественно, как реализуют себя в живой речи охотники-диалектоносители.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.И. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
- Асратян З.Д.* Дискурс и текст художественного произведения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2015. Т.12. № 4. С. 17-20.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Мальцева Т.В.* «Охотничий текст» русской литературы // ART LOGOS («Искусство слова»). 2020. № 3 (12). С. 27-41.
- Мельникова А.В.* Охотничьи нарративы в русской литературе второй половины XIX – первой трети XX в. // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сборник научных статей. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 61-68.
- Охотничий словарь Прикамья / И.А. Подюков (науч. ред.), А.М. Белавин, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. Пермь: Усолье, 2018.
- Крусанов П.* Игры на свежем воздухе. М.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2023.

E.S. Zorina, Ya. V. Myznikova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg University

DISCOURSE “HUNTING”: FICTIONAL TEXT VS LIVING SPEECH

The article deals with the discursive study of the modern fictional text (a novel by P. Krusanov) and dialectal (local) speech. It is stated that the language markers of “hunting” discourse are the same in the fictional text and dialect speech. The author’s intention here is to show the social aspect of the relationship between the hero-hunter and Mother Nature.

Key words: fictional text, “hunting” discourse, dialectal speech, hunting terminology, dialectal vocabulary

Т.Б. Зубова (Москва, Россия)

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
taya505@yandex.ru*

ПОНЯТИЕ «ОЦЕНОЧНОСТЬ» КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Данная статья затрагивает актуальную проблему, касающейся понятия оценочности как когнитивно-дискурсивной категории. Главной целью статьи является выявление оценочности

в медиадискурсе. Особое внимание уделено понятию оценки, видам оценки и оценочности, тождественным понятиям категории «оценочности».

Ключевые слова: оценка, оценочность, дискурс, категория, средства выразительности

В настоящее время оценка является важным аспектом изучения языка и его использования в речи, который охватывает широкий спектр языковых явлений, включая фонетические, лексические, грамматические и стилистические особенности языка. В качестве средства выражения оценки выступает оценочность, которая рассматривается не только как свойство языковых средств в тексте, выражающее отношение субъекта коммуникации к сказанному, но и как характеристика медиадискурса в целом.

Оценочность может включать в себя такие тождественные понятия, как тональность и модальность. Тональность – это способ выражения эмоционального отношения к чему-то, а модальность – это способ выражения отношения к чему-то в значениях возможности, необходимости, желательности и т.д., которая может выражаться с помощью модальных глаголов, таких как «должен», «может», «нужно» и т.д.

Данная характеристика может быть выражена на разных уровнях языка, таких как фонетический, лексический, грамматический и стилистический уровни. Фонетический уровень включает в себя интонацию и тембр голоса для выражения тональности. Лексический уровень включает в себя использование слов с положительной, отрицательной или нейтральной оценкой. Грамматический уровень включает в себя использование модальных глаголов и других грамматических форм для выражения модальности.

Оценочность может быть выражена в различных направлениях дискурса, таких как реклама, политические выступления, медиатексты и т.д. Например, в рекламе используются положительные оценочные выражения для привлечения внимания потенциальных покупателей. В политических выступлениях используются отрицательные оценочные выражения для критики оппонентов и убеждения аудитории. Оценочность может иметь различные функции в коммуникации: для убеждения, критики, похвалы и т.д. А также она может быть связана с социальными и культурными факторами.

В рамках оценочности как дискурсивной характеристики, язык рассматривается как средство коммуникации в контексте социальных, культурных и политических факторов. Коммуникация является важнейшим аспектом жизни человека. Чтобы успешно общаться, необходимо уметь выражать свои мысли и эмоции, а также понимать, что хотят сказать другие люди.

Главной проблемой в научных исследованиях Г.Н. Иваниной [1984], К.М. Вольфа [2006], В.Н. Телии [1986], Н.Д. Арутюновой [1988] было описание оценочной семантики в лингвистических терминах. Особое внимание уделялось изучению видов оценочных значений и средств их выражения, а также соотносительности оценочности со смежными понятиями: модальностью, тональностью.

Оценка может быть произведена на основе рациональных компонентов, таких как грамматическая правильность, лексическое богатство, стилистическая выразительность и т.д. Эти компоненты являются объективными и могут быть измерены и оценены с помощью определенных методов и инструментов лингвистического анализа.

Однако, помимо данных компонентов, оценка также имеет эмоциональный компонент. Например, текст может вызывать различные эмоции у разных людей, такие как радость, грусть, раздражение и т.д. Эти эмоциональные реакции являются субъективными и могут быть различными для каждого человека.

Следует подчеркнуть, что оценочность может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. Для эксплицитной оценочности характерны эмоционально-оценочная лексика, устойчивые словосочетания, обладающие оценкой. Скрытая (имплицитная) оценочность передается с помощью «определенных средств речевого воздействия, воспринимаемых массовым адресатом на эмоциональном уровне» [Клушина 2008: 10], реализующих посредством метафорических переносов, эвфемизмов, игры слов и др.

Согласно Е.Н. Овчаренко, «наиболее эффективным средством воздействия является имплицитная оценочность высказывания» [Овчаренко 2022: 21], так как оценка (положительная или отрицательная), которая выражена имплицитно, воспринимается человеком на когнитивном уровне, тем самым оказывает скрытое воздействие на него. Также средства выражения оценочности представлены на всех языковых уровнях, известно, что основную роль в вербализации оценки играют лексические и синтаксические средства.

Рассмотрим реализацию оценочности на примерах двух новостей американского информационного канала CNN “breakout AI success as tech race heats up» [China celebrates DeepSeek’s...] и “Climate change is disrupting food systems across Latin America, UN report says» [Climate change...].

Первая новость, содержащая информацию об успехах и влиянии на международной арене китайской нейросети DeepSeek и его основателя, имеет положительную оценочность. Это вывод подтверждается использованием положительно окрашенных слов, таких как: “success», “cutting-edge technology», “a significant step”, “breakthrough”. На грамматическом уровне в предложениях *The startup’s newest model DeepSeek R1, unveiled on January 20, **can** nearly match the capabilities of its far more famous American rivals..., No matter how powerful the old guard is, they **may be** overturned overnight, (Liang’s) achievements ... **can** be called a national destiny* использование модальных глаголов «can» и «may» в данном тексте помогает подчеркнуть потенциал данной нейросети в международной конкурентоспособности и выразить ожидания о ее дальнейших возможностях. На стилистическом уровне метафора “the model as a „Sputnik moment“” используется для обозначения данной нейросети, как изобретения, которое может повлиять на ход истории; метафора “a „wake-up call“ for America” – для обозначения обеспокоенности американских властей

потерять лидерство в сфере информационных технологий; гипербола “*DeepSeek overturns the US stocks overnight*” – для подчеркивания значимости и превосходства платформы DeepSeek над другими нейросетями.

Во второй новости о влиянии климатических изменений на продовольственные системы в Латинской Америке прослеживается негативная оценочность, так как автор раскрывает проблемы, связанные с изменением климата, а именно: рост цен на урожай и продукцию, нехватку ресурсов, проблемы голода и недоедания. На лексическом уровне можно подчеркнуть частое использование слов с отрицательной оценкой: “dangerous”, “disrupting”, “violent”, “hunger”. На грамматическом уровне использование модальных глаголов “could”, “should”, “may” рассматривается как неопределенность и возможность негативных последствий для продовольственной безопасности. Например, в предложении *One solution may lie in the region's traditional foods* прослеживается степень неопределенности, касающейся решения данной проблемы. На стилистическом уровне можно встретить частое использование языков средств выразительности: метафора “*The shocks are getting much more extreme*”, “*experienced „episodic food“ insecurity*” для создания образа кризиса, связанного с изменениями климата; метафора “*A push for drought resistant crops*” для создания образа борьбы с данной проблемой; эпитеты “*violent weather*”, “*vulnerable populations*” и анафора “*They could buy Coca-Cola... They could buy whatever they want in the store...*” для усиления эмоциональной окраски текста и воздействия.

Безусловно, оценка в лингвистике имеет как рациональный, так и эмоциональный компонент, которые могут быть выявлены и проанализированы с помощью лингвистического анализа. Это позволяет понять, как люди оценивают языковые объекты и как эти оценки влияют на коммуникацию и восприятие языка. Согласно Н.Д. Арутюновой, «на основе данных компонентов существуют два вида оценки: эмоциональная (субъективная) и рациональная (объективная)» [Арутюнова, 1988: 20]. Субъективная оценка реализуется, исходя из восприятия самого человека, а не по объективным, установленным критериям («умный», «глупый», «смелый», «грустный» – субъективная оценка; «тяжелый», «теплый», «солнечный» – объективная оценка). Ученые отмечают, что «субъективное в оценке всегда связано с отношением, понятиями „нравится“ / „не нравится“, тогда как объективное – с реально существующими качествами оцениваемого объекта» [Вольф, 2006: 58].

Таким образом, субъективное и объективное могут сочетаться в рамках категории оценочности, но при этом важно понимать, что субъективное мнение может быть искажено личными предубеждениями, эмоциями или недостаточным знанием фактов. Поэтому, для более объективной оценки необходимо учитывать и объективные критерии, а не только субъективное мнение.

В заключение можно сделать вывод о том, что оценочность является когнитивно-дискурсивной категорией, означающей способность человека оценивать и интерпретировать мир вокруг себя через призму своих ценностей, убеждений и представлений. В дискурсе оценочность, включая в себя тональность и модальность, форми-

руется только тогда, когда мы рассматриваем текст в общем контексте и в реальных жизненных условиях, привязанных к определенному месту и времени. Основными способами ее выражения в медиадискурсе являются использование эмоционально окрашенных слов, образов, метафор, сравнений и прочих лингвистических средств, которые позволяют передать авторское отношение к обсуждаемой теме.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988.
Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС: КомКнига, 2006.
Иванина Г.Н. Выражение эмоциональной оценки в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста на материале периодических изданий 2000–2008 гг.: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2008.
Овчаренко Е.Н. Лингвопрагматический аспект вербализации оценки в медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022.
Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
 China celebrates DeepSeek's breakout AI success as tech race heats up. CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2025/01/28/china/china-deepseek-ai-success-tech-intl-hnk/index.html>
 Climate change is disrupting food systems across Latin America, UN report says. CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2025/01/27/americas/climate-change-latin-america-un-report-int-latam>

T.B. Zubova (*Moscow, Russia*)

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the RF

THE CONCEPT OF *EVALUATIVENESS* AS A COGNITIVE AND DISCURSIVE CATEGORY

The article touches on current problem of the concept of evaluativeness as a cognitive and discursive category. Its main aim is to identify evaluativeness in media discourse. Special focus is on the concept of evaluation, types of evaluation and evaluativeness, identical concepts of the category of “evaluativeness”.

Key words: evaluation, evaluativeness, discourse, category, expression means

N.K. Ibrahimli (*Nakhchivan, Azerbaijan*)

*Nakhchivan State University
 ibrahimlinerin92@gmail.com*

THE ROLE OF COGNITIVE SKILLS IN CREATING AUTHENTIC DIALOGUES

The following article deals with the concept analysis of the perspective of cognitive linguistics in creating authentic dialogue. Cognitive linguistics is the modern linguistic trend resulting from the anthropocentric language paradigm. In this approach, the interaction between language and humans is the main basis of this paradigm. The linguistic characteristics of dialogical communication and the unique ways communicants interpret interaction meanings in dialogic speech. The article reveals the social-cognitive approach's tenets – participant conformity and harmonious proportionality – and the guidelines for achieving them.

Key words: cognitive linguistics, authentic dialogue, interaction, social-cognitive approach.

Introduction

1. Cognitive skills of Authentic Dialogue

Cognitive linguistics – the study of the relationship between language and the mind – illuminates how speech patterns are created, processed, and comprehended, giving authors the means to produce realistic and captivating dialogue. The article reveals the social-cognitive approach's tenets- participant conformity and harmonious proportionality- and the guidelines for achieving them. The article describes the social-cognitive principles of authentic dialogue in English. It describes several cognitive tools in crafting authentic dialogue, the implementation rules, and participant compatibility and harmonious proportionality in dialogue.

According to Zasyekin, cognitive linguistics focuses exclusively on how the brain interprets language, whereas studies how information is processed and stored in the brain [Zasyekin 2014]. Gilmeeva R., Kamaleeva A., Kats A., Levina E., Maslennikova V., Mukhametzyanova L., Tregubova T., Shibankova L. state that the cognitive processes involved in *“the perception, storage, planning, and production of speech as it is generated in real speech”* are essential elements of the linguistic model of speech development in authentic dialogues. The genuine dialogue is, following Habermas's discourse conditions, an open and honest discussion – a fair exchange of ideas that leads to the recognition and correction of errors between the parties involved [Gilmeeva и др. 2020].

Cognitive Models in Crafting Authentic Dialogue

The part of the brain responsible for storing vocabulary and word knowledge is known as the mental lexicon. People access words based on their associations, context, and frequency of use, rather than randomly recalling them. Understanding how a character retrieves words from their mental lexicon can help create dialogue that reflects their cognitive state and educational background [Brocklehurst 2021].

Cognitive dialogue between teachers and students serves as the foundation for describing an informative exchange of rational and emotional information. Based on the content of artistic works, the stages of development in the process of self-awareness of authentic dialogues in English are established during cognitive dialogue and produce a unity of logical, emotional, and value coordinates [Lee 1990]. This article targets teachers and university researchers who study international cooperation in education. The art of crafting genuine English dialogue requires more than a keen sense of speech patterns. The study of cognitive linguistics, which examines the connection between language and cognition, offers important insights into the formation, processing, and comprehension of speech patterns [Zasyekin 2014: 280]. This knowledge gives authors the means to produce dialogue that is immersive and authentic. Authors can create dialogue that mimics real speech and reveals the characters' backgrounds, psychological states, and thought processes by utilizing cognitive models of language processing.

Methods

The research was conducted on using authentic dialogues in English by junior students of pedagogical faculties. The selection was carried out without violating the gender

balance among the students. The study, which was conducted among 10–12 students, was initially conducted based on observation and then interviews. The observations were based on the attitude towards authentic dialogues, taking into account the cognitive understanding approach. Several cognitive models were used during the experiment. Here, questionnaires were conducted to test the cognitive skills of the students.

Results and discussion

It became evident from the discussion and findings that the development and application of authentic dialogues used in the study should give more thought to the dialogue-appropriate aspects of cognitive linguistics.

The key components of cognitive linguistics relevant to dialogue writing include:

Using grammar and syntax: This aspect addresses how individuals construct sentences and follow linguistic norms, which is very important for creating authentic dialogue.

Observing speech production: This refers to the mental processes involved in forming and expressing spoken language, highlighting the complexity behind what characters say.

Using pragmatics: Understanding that the meaning and intent of words can vary significantly based on context is essential for writing realistic and relatable conversations.

Loading cognitive: This involves considering the mental effort required for characters to understand and generate language, impacting how dialogue flows and is perceived by the audience.

Emphasizing social factors: Dialogue is deeply influenced by relationships, backgrounds, and social customs, shaping how characters communicate and interact [Motta и др. 2012].

These aspects were able to help students create nuanced and convincing dialogue that resonated. Cognitive linguistics provided teachers and students with valuable insights into how English is interpreted and used in authentic dialogue. This led to more nuanced and authentic communication in their stories.

The study used the principle of cooperation, the principles of pragmatics, and the errors and ideas in the mental lexicon of speech learning. Participants were able to portray characters by reflecting on their emotional and social states through speech samples. The development of cognitive linguistics in the use of authentic dialogues strengthened their connection to life and commented that they felt comfortable.

The stages of development in the self-awareness of authentic dialogues in English language teaching are established during cognitive dialogue and create a unity of logical, emotional, and value coordinates. This article is intended for teachers and university researchers studying international cooperation in education. The findings prove that the article, based on the socio-cognitive approach as a theoretical-methodological strategy that identifies and develops humanistic semantic formations and

value transformations of personalities, aims to reveal the individual resources and mechanisms of cognitive development that form a person using authentic dialogue between teacher and student.

Conclusion

Thus, the cognitive linguistic process emphasizes the importance of context and shared understanding in dialogue, helping participants to actively engage with each other to convey meaning and strengthen relationships. Dialogues with varying numbers of dialogue units demonstrate the efficacy of this strategy. Cognitive linguistic skills have been shown to make it easier to understand the most common verbal activities, including communicants' text categories, interpersonal relationships, speech communication techniques, etc. It has been demonstrated that this method of creating genuine conversations influences the communicants' speech, interpersonal connections, and text categories during verbal interactions.

References

Brocklehurst P.H. Psycholinguistic insights into dialogue // *The Perfect Stutter*. 2021. № 28. Pp. 318-328.

Gilmeeva R., Kamaleeva A., Kats A., Levina E., Maslennikova V., Mukhametzyanova L., Tregubova T., Shibankova L. Cognitive Pedagogy. 2020. [In Russian] (= Когнитивная педагогика: учебно-методическое пособие / Р.Х. Гильмеева, А.Р. Камалеева, А.С. Кац, Е.Ю. Левина, В.Ш. Масленикова, Л.Ю. Мухаметзянова, Т.М. Трегубова, Л.А. Шибанкова; под науч. ред. Е.Ю. Левиной. Казань: Ин-т педагогики, психологии и социальных проблем, 2020).

Lee C.J. Some hypotheses concerning the evolution of polysemous words // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1990. № 19. Pp. 211-219.

Motta F.E., Rafalski J.C., Rangel I.C., de Souza M.L. Narrative and Dialogical Reflexivity: An Approach between Writing and Inner Speech // *Psicologia: Refl exao e Critica*. 2012. Vol. 26. № 3. Pp. 609-616.

Zasyekin S. Translation as a psycholinguistic phenomenon // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2010. Vol. 39. № 3. Pp. 225-234.

Н.К. Ибрагимли (Нахчыван, Азербайджан)

Нахчыванский государственный университет

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В СОЗДАНИИ АУТЕНТИЧНЫХ ДИАЛОГОВ

В данной статье рассматривается концептуальный анализ перспективы когнитивной лингвистики в создании аутентичного диалога. Когнитивная лингвистика – это современное лингвистическое направление, вытекающее из антропоцентрической языковой парадигмы. В этом подходе взаимодействие между языком и людьми является главной основой этой парадигмы. Рассматриваются лингвистические характеристики диалогической коммуникации и уникальные способы интерпретации коммуникантами смыслов взаимодействия в диалогической речи. В статье раскрываются принципы социально-когнитивного подхода – соответствие участника и гармоничная пропорциональность – и руководящие принципы для их достижения.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, аутентичный диалог, взаимодействие, социально-когнитивный подход

С.В. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет
svet_victoria@mail.ru

Н.Б. Мухина (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет имени первого президента Б.Н. Ельцина;
Уральский государственный университет путей сообщения
mukhnai@yandex.ru

ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТ В ТРИАДЕ ФУНКЦИЙ РЕЧИ: КОГНИТИВНАЯ – ГЕДОНИСТИЧЕСКАЯ – КОММУНИКАТИВНАЯ

В статье рассматривается характер результата речевого действия при реализации цели высказывания в терминах когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая позволяет производить анализ на стыке когнитивной, коммуникативной и гедонистической функций речи. Побочный результат представлен как продукт воплощения гедонистической функции, сочетающей эстетическое удовольствие от выбора языкового наполнения и прагматический эффект снижения напряжения.

Ключевые слова: цель, результат, когнитивно-дискурсивная парадигма, коммуникация, гедонистическая функция

Продуктивность обращения к когнитивно-дискурсивной парадигме при изучении речевой деятельности обусловлена тем, что отличительной особенностью этого исследовательского подхода является «учет и синтез идей когнитивного направления, ориентированного на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной и функциональной лингвистики (лингвистики прагматической и дискурсивной)» [Лузина 2004]. Одним из центральных аспектов, демонстрирующих единство мышления и коммуникации на этапе планирования речевого действия и задающих вектор и направленность его изучения в лингвистике, является цель. Феномен цели раскрывается во взаимодействии ее содержательной стороны (выделяют «контактную, информативную, побудительную, эмоционально-оценочную цели и цель самовыражения» [Киселева 1978: 97]) с ее языковой презентацией в речи. Представляется, что когнитивная лингвистика и ее аппарат, позволяющие более эффективно обеспечивать и объяснять «мыслительные процессы и процессы использования языка» [Болдырев 2000: 82], поможет выявить те особенности реализации цели как продукта мыслительной деятельности и ее отношение к результату речевого действия, которые сфокусированы на человеке говорящем как на познающем субъекте. В частности, настоящее исследование обусловлено интересом к процессу взаимодействия трех функций речи – когнитивной, коммуникативной и гедонистической – сквозь призму взаимоотношений цели и результата. Цель статьи – определить характер результата речевой деятельности при реализации цели адресантом в условиях одновременного воплощения в речевом действии гедонистической, коммуникативной и когнитивной функций. Материалом исследования послужили статьи из британ-

ских газет за период 2020–2024 гг. При анализе были использованы контекстуальный и дефиниционный методы.

Для проведения исследования, прежде всего, необходимо определить базовые понятия – цель и результат речевого действия и описать специфику гедонистической функции. Изучение цели как одного из компонентов превербального этапа речевой деятельности дает представление о многообразии способов ее реализации, направленных на достижение результата, так как цель предполагает «функционирование механизма опережающего отражения действительности в процессе порождения речевого действия, в рамках которого говорящий прогнозирует фактор возможного «образа результата» [Леонтьев 1969: 220]. Под результатом понимают последствия деятельности, оказывающие влияние на субъект, объект действия или саму ситуацию [Князев 1994: 17]. Однако, получение результата не всегда ограничивается только поставленной целью, но часто выходит за пределы задуманного говорящим, так как «одно и тоже действие может дать множество различных результатов» [Рубинштейн 1989: 15], что способствует пониманию многоцелевого характера речевой деятельности. Процесс постановки цели зависит, по мнению О.С. Иссерс, от контроля говорящим интеллектуальных и эмоциональных процессов в сознании адресата, которые и становятся вектором в выборе языкового исполнения [Иссерс 2002: 110]. В сознании говорящего возникает новый мыслительный продукт, обусловленный особенностями мышления адресанта и реализующий когнитивную функцию речи передачи, хранения и выражения информации. Слушающий воспринимает информацию, после чего им осуществляется переход к тем знаниям, которые хранятся в базе его предметной области, на основе чего происходит понимание. Результат выступает в виде ответной реакции адресата, при этом может возникнуть ситуация получения большего либо меньшего объема необходимой информации, что позволяет заявить о так называемом «побочном результате» [Тихомиров 2002: 117]. Побочный результат часто сопровождает ожидаемый результат коммуникации с точки зрения говорящего. Адресант решает не только реализовать одну из целей говорения, но и донести ее до слушающего, тщательно отбирая при этом языковые элементы в расчете на то, что «его усилия по достоинству оценит собеседник, а иногда и «просто так», для собственного удовольствия» [Норман 1987: 169], что обеспечивает суть реализации гедонистической функции речи.

Как известно, гедонистическая функция направлена на «регулирование интеллектуальной, эмоциональной, физической жизни человека, способствуя эмоциональной разрядке, поддерживая душевное равновесие, позитивный настрой и нормальный психический тонус, формируя оптимальное для активной жизни эмоционально-психическое состояние. Она подразумевает участие в восстановительно-развивающей, созидательной деятельности, может содействовать развитию человека, его вкуса, воображения и творческих способностей» [Федотова 2020: 52]. В рамках реализации цели адресант может преднамеренно обращаться к не-

стандартным формам ее языкового воплощения, дабы получить двойной эффект: доставить удовольствие слушающему своей речью (эстетический эффект), а также реализовать свои собственные амбиции в формировании позитивного эмоционального настроения (прагматический эффект). Например, *Freakish wind storm brings “dust bowl” conditions to tornado-devastated US states. The powerful weather system, driven by unseasonably high temperatures, closed highways, spawned tornadoes and caused outages* [Guardian 2021]. В анализируемом контексте реализуется информативная цель – сообщить населению о приближающемся шторме (коммуникативная функция). В результате наблюдается не только расширение области знания адресатов (реализация когнитивной функции), но и в качестве побочного результата достигается успокаивающий эффект. Последний осуществляется благодаря предварительному выбору говорящим эмфатической конструкции с целью замены грубых слов и выражений, которая направлена на выполнение коммуникативной функции и затрагивает неосновное содержание высказывания, а формирует отношения между говорящими. *Freakish* – пример использования аффиксации: слово образовано от основы *freak* присоединением суффикса *-ish* «not normal or natural» [MacMillan 2002: 562], который выражает подобие – принадлежность к чему-то странному и способствует описанию стихии в менее устрашающей форме, не вызывая паники со стороны населения, что определяет содержание гедонистической функции. Примером взаимодействия заявленных сторон речи в ходе достижения цели и получения побочного результата, связанного с демонстрацией гедонизма, становится употребление лексической единицы *meghanmarkle* (можно отнести к неологизмам), которая является производной от имени собственного *Meghan Markle* (американская актриса и фотомодель, с 2018 г. жена принца Гарри). Слово образовано путем словосложения. Когда принц Гарри и Меган Маркл покинули Англию и сложили с себя королевские полномочия, появился глагол *to Meghan Markle* «to leave the place where you are not respected enough or feel uncomfortable or there is a threat to your health or your family» [Guardian 2020]. Например, *I totally meghanmarkled my ex last night and never returned his texts* [Guardian 2020]. В ходе реализации информативной цели говорящий преднамеренно выбирает данную лексику, придавая иронический и даже саркастический тон высказыванию, что можно связать с желанием оказать в качестве побочного результата эмоциональное воздействие на собеседника. Еще одной демонстрацией обращения к гедонистической функции является следующее высказывание: *But we have always argued that the Minsk agreements are a whole package and one cannot negotiate it like cutting a salami* [National Law Review 2024]. Цель высказывания можно определить как эмоционально-оценочную: автор выражает свое недовольство ввиду недостигнутых договоренностей, так как их нельзя поделить на пункты, одни из которых будут выполняться, а другими можно пренебречь. Подобное сравнение политической ситуации с колбасным изделием при всей доступной иронии и даже сарказма способствует эмоциональной разрядке адресата и

удовлетворяет его потребность в развлечении, что является неотъемлемой частью гедонистической функции в речи.

Итак, когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет реализовать предлагаемый трехмерный подход к исследованию целевой направленности и результативной принадлежности речевого действия, объединивший когнитивную, коммуникативную и гедонистическую функции. Последняя, не будучи изначально приоритетной, обусловлена выбором языкового способа достижения цели и оказывает существенное влияние на характер реализации коммуникативной и когнитивной функций. Прогнозируя на фазе когниции получение результата, адресант формирует речевое действие с учетом выбора языкового наполнения и достигает побочного результата за счет получения эстетического удовольствия от выбора слов и оценки словопотребления со стороны адресата, в чем состоит суть гедонистической функции. Исследование процессов речевого функционирования в совокупной реализации функций раскрывает перспективные возможности расширения лингвистического знания.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Киселева Л.Я.* Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Князев Ю.П.* Речевые действия: их следствия и особенности обозначения // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 17-22.
- Леонтьев А.А.* Психологические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969.
- Лузина Л.Г.* О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. 2006. № 2006. С. 41-49.
- Норман Б.Ю.* Язык: знакомый незнакомец. Минск: Вышэйш. шк., 1987.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1.
- Тихомиров О.К.* Психология мышления: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
- Федотова Н.А.* Рекреативные функции СМИ. Минск: БГУ, 2020.
- Guardian. 2020. 'To Meghan Markle' is now a verb – here's how to use it. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2020/jan/24/to-meghan-markle-verb-how-to-use-it>
- Guardian. 2021. Freakish wind storm brings 'dust bowl' conditions to tornado-devastated US states. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/15/us-wind-storm-dust-bowl-tornado>
- MacMillan – MacMillan English Dictionary for Advanced learners. London. 2006.
- National Law Review. 2024. Cutting the Salami with Putin: Further Sanctions in Russia. URL: <https://natlawreview.com/article/cutting-salami-putin-further-sanctions-russia>

S.V. Ivanova (*St. Petersburg, Russia*)

St. Petersburg State University

N.B. Mukhina (*Yekaterinburg, Russia*)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;

Ural State University of Railway Transport

AIM AND RESULT IN THE TRIAD OF SPEECH FUNCTIONS: COGNITIVE – HEDONISTIC – COMMUNICATIVE

The article is devoted to the analysis of the aim of the utterance and the nature of a speech act result in terms of the cognitive-discursive paradigm at the junction of the cognitive, communicative, and hedonistic speech functions. The indirect result is presented as a product of the hedonistic function implementation due to both the aesthetic enjoyment from the choice of the linguistic content of the utterance and the pragmatic effect of relieving the stress.

Key words: goal, result, cognitive-discursive paradigm, communication, hedonistic function

Ю.Е. Иванова (*Одинцово, Россия*)

Одинцовский филиал МГИМО МИД России

y.ivanova@odin.mgimo.ru

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧАСТНИКОВ В РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ НЕСОГЛАСИЯ

Предпринята попытка рассмотреть ситуацию несогласия и охарактеризовать речевое поведение участников в ходе общения. Определено, что несогласие может выражать не только негативную реакцию на инициальную реплику, но являться более сложным коммуникативным действием. Речевое поведение в ходе конфликтной коммуникации определяется множеством факторов.

Ключевые слова: ситуация несогласия, негативная реакция, конфликтное речевое поведение, языковая личность, конфликтные тактики

Функционирование языка в реальных ситуациях общения, анализ речевого поведения языковой личности оказываются в центре внимания современных лингвистических исследований. Изучение вербального коммуникативного поведения англоязычных участников в ходе несогласия в диалогическом общении позволяет расширить представления об особенностях взаимодействия в англоязычном пространстве.

Понятие несогласия является широким и включает в себя различные составные части. Многообразие оттенков несогласия в речи отмечала Н.С. Павлюковская, рассматривая несогласие в публицистическом жанре интервью и выделяя в его семантике возражение, отрицание, противопоставление, опровержение и др. [Павлюковская 2014]. Мы полагаем, что каждый из перечисленных выше жанров может представлять собой совокупность нескольких действий, т.е. выступать как сложное коммуникативное действие. Так, например, опровергая, собеседник не только не соглашается с мнением, отрицает его, но и приводит свой довод, убеждая в иной точке зрения.

Поскольку несогласие выражает негативную реакцию на реплику собеседника, то можно говорить о том, что такая ситуация общения является конфликтной. В ней присутствуют маркеры, «которые связаны с различного рода несоответствиями, непониманием, нарушением прагматических максим общения или интуитивно ощущаемых закономерностей речевого общения. К ним относятся: несоответствие речевой акции и речевой реакции, а также негативные речевые и эмоциональные реакции, которые создают в коммуникативном акте эффект обманутых ожиданий» [Сейранян 2016: 24].

Очевидно, что коммуникация в ситуации несогласия будет отражать конкретную языковую личность. Так, по мнению, Ю.Н. Караулова «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 1987: 7]. В работах ученого «языковая личность» понимается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3]. Другими словами, анализируя коммуникацию, следует рассматривать вербальные средства, когнитивные процессы, которые отражают видение мира его участников, а также прагматические характеристики речи, т.е. их намерения, цели.

Учитывая признаки, проявляющиеся в речевом поведении личности в конфликтной коммуникации, В.С. Третьякова выделяет три типа личностей на основе их коммуникативных установок: конфликтный (установка на конфронтацию), конформистский (установка на невмешательство), гармоничный (установка на кооперацию) [Третьякова 2000: 135-136]. Отметим, что речевое поведение участников будет обусловлено комплексом внешних факторов (традиции, нормы, социальные роли, образование, профессия, возраст и т.д.) и внутренними факторами (интенции, интересы, взгляды и др.).

Представляет интерес классификация К.Ф. Седова, базирующаяся на соотношении вариантов вербального поведения и типах личности [Седов 2007: 26]:

- инвективный (демонстрирует пониженную семиотичность речевого поведения: коммуникативные проявления здесь являются отражением эмоционально-биологических реакций);
- куртуазный (отличается повышенной степенью семиотичности речевого поведения, которая обусловлена тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия);
- рационально-эвристический (в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие; негативные эмоции выражает косвенным, непрямым способом, обычно – в виде иронии).

Причем ученый отмечает разные стремления трех типов языковых личностей вербально разрешить конфликт. В первом случае языковая личность использует прямую вербальную агрессию, второй тип демонстрирует эмоцию обиды, третий –

смеховой компонент, представленный в виде иронии [Горелов, Седов 1997: 129]. По наблюдениям ученого следует говорить о разной степени конфликтности разных языковых личностей.

Обратимся к примерам коммуникации англоязычных участников в ситуациях несогласия в британском документальном сериале о Джереми Кларксоне и его ферме «Ферма Кларксона» сезон 1, 2021 г. Джереми Кларксон – известный британский телеведущий, который приобрел ферму, чтобы возделывать землю и попутно сделать из этого новое шоу. С его именем связано много скандалов, телеведущий может использовать достаточно оскорбительные выражения и уничижительные комментарии в адрес собеседников. Тем не менее в сериале его речевое поведение отличается достаточной сдержанностью, а прекрасное чувство юмора и неповторимый стиль ведения шоу привлекает зрителей. Пример 1: Общение с продавцом техники для фермеров. Джереми выбирает трактор и интересуется мощностью одного из них:

- *What horsepower has that got?*
- *Forty-five horsepower.*
- *It's a bit feeble.*
- *Well, it fed the country.*
- *I know but people didn't eat very much in those days.*

В коммуникативной ситуации несогласия адресант формирует свои высказывания под воздействием реплик адресата. Реплики-реакции в диалоге представлены в вежливой форме в соответствии с правилами речевого поведения в ситуациях общения незнакомых образованных людей. Первая реплика выступает как реакция на информацию о предмете и содержит его оценку. Информация от адресата подвергается негативному оцениванию и служит стимулом для последующего ответного речевого действия, в котором продавец приводит довод в защиту товара, чтобы покупатель приобрел его, выполняет некое оборонительное действие. Последующая реплика-реакция от покупателя представляет его довод на аргумент продавца. Можно охарактеризовать его как возражение, выступающее как синоним отказа. Негативные эмоции выражаются в виде иронии. Цель покупателя – остаться при своем мнении и не приобретать товар, поскольку он не соответствует его ожиданиям. Опираясь на признаки в определенном стиле поведения, охарактеризуем коммуникативное поведение продавца как кооперативное с использованием тактик информирования, пояснения, убеждения посредством логического довода. Он демонстрирует желание и способность к адаптации под влиянием ситуации. Его собеседник настроен менее позитивно и не стремится к поиску взаимовыгодного решения, тип поведения – конфликтный, характеризуется тактиками укора, убеждения в своей позиции.

Можно также отметить национально-культурные особенности англоязычной коммуникации. Например, средство хеджирования (*a bit*), которое делает высказывание менее категоричным, в следствии наличия в своей семантике признака редуцирования, тем самым прилагательное, характеризующее признак (*feeble*), становится более размытым в своем значении и снижается категоричность.

Рассмотрим пример 2, в котором Джереми общается с фермером Калемом.

Caleb: I did say. Your barn's small.

Jeremy: Yeah, I know, but you should have said. You do realize that that barn will be totally filled by your rape.

Caleb: I did.

Jeremy: You didn't say that.

Caleb: I did. You just don't listen. You do not listen. No, you switch off. You'll probably switch off now; you don't even know what I'm saying now, probably.

Адресант излагает свою точку зрения по поводу некоторого положения дел. Адресат не принимает позицию адресанта, считает ее не соответствующей реальному положению дел и настаивает на своем мнении. Реплика несогласия сопровождается комментарием его отрицательной реакции. Несогласие в данном контексте выражается эксплицитно с помощью отрицательной частицы *not*, с использованием лексемы *switch off* с отрицательной семантикой (*отключиться, перестать слушать*), модального глагола в значении упрека. Оба участника демонстрируют конфликтный тип речевого поведения, отказываются признать высказывания друг друга истинными и настаивают на своей точке зрения, используя тактики упрека, обвинения, негативной личной оценки. Такая реакция собеседников не способствует кооперативному общению и разрешению коммуникативного конфликта.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что несогласие выступает как сложное коммуникативное действие, сочетающее в себе протест, отрицание, возражение и т.п. Рамки данной статьи ограничивают возможность продемонстрировать все многообразие примеров несогласия в обиходном общении. Кроме этого, требуется комплексный подход для объективного анализа самого коммуникативного действия, включающий рассмотрение внутриязыковых и внешнеязыковых моментов. Коммуникация в ситуациях несогласия носит конфликтный характер и имеет соответствующую речевую репрезентацию. Модели коммуникативного поведения предопределены различными факторами: интенцией говорящего, психологическими характеристиками личности; социальными, культурными, лингвистическими.

Литература

- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учебное пособие. М.: Лабиринт, 1997.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
- Павлюковская Н.С. Коммуникативная ситуация несогласия: общие понятия // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 2 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-situatsiya-nesoglasiya-obshchie-ponyatiya>
- Сейранян М.Ю. Конфликтный дискурс и его просодический строй: монография. М.: МПГУ, 2016.
- Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация: монографическое издание. М.: Лабиринт, 2007. С. 7-38.

Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. 2000. С. 127-140. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/tretyakova-00.htm>

Y.E. Ivanova (Odintsovo, Russia)

Odintsovo MGIMO

COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF ENGLISH SPEAKERS IN DISAGREEMENT

The author attempts to consider the conflicting interaction of English speakers in disagreement and describe the way they communicate. Disagreement does not only express a negative comment on an initial remark but can be characterized as a complex speech act conveying objection, denial, contradiction, etc. and thus, is regarded as conflicting communication. Various factors determine speech behaviour of participants in such a discourse.

Key words: disagreement, negative reaction, conflict speech behaviour, linguistic personality, speech tactics

И.П. Исаева (Барнаул, Россия)

Алтайский государственный педагогический университет

isaeva_ip@inbox.ru

АНАЛОГИЯ В ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ ОСМЫСЛЕНИИ РЕЧИ КИНОГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КИНОДИСКУРСА СЕРИАЛА «УЭНСДЕЙ»)

В статье рассматривается роль когнитивного механизма аналогии в процессе описания речевого портрета киногероя (на материале англоязычного сериала «Уэнсдей»). Интерпретирующая функция аналогии рассматривается на примере разнорядковых вербально-семантических единиц.

Ключевые слова: аналогия, когнитивный механизм, речевой портрет, речевое поведение, интерпретатор

Процесс описания речевого портрета имеет своей целью построение модели языковой личности продуцента с учетом лингвистических, этнокультурных, психологических и социальных характеристик. В фокусе внимания исследователя может находиться набор дискурсивных практик группы индивидов с целью построения усредненного типа языковой личности заданной лингвокультурной общности. Кроме того, анализ может быть обращен на отдельно взятую личность как носителя конкретного языка, а также коллективных и индивидуальных культурно-ценностных установок.

В качестве объекта исследования может выступать речевое поведение как реальной, так и вымышленной личности. Речевое поведение вымышленных персонажей является сферой, в которой «формируются, распространяются и закрепляются национальные стереотипы» [Арапова 2019: 156]. При этом сами персонажи, как правило, воплощают специфические и типические характеристики представителей

лингвокультурной общности, являясь мощным инструментом ретрансляции культурных установок и выступая эталонными моделями поведенческих стратегий в соответствии с принятыми в социуме ценностными ориентирами. Таким образом, вымышленный персонаж, в т.ч. и кинообраз, представляет собой определенный лингвокультурный типаж [Арапова 2019: 157], чье речевое поведение, помимо особенностей лексикона и тезауруса, характеризуется рядом прагматических параметров, предполагающих «анализ соответствия языковых средств коммуникативным намерениям личности» [Павлычева 2016: 147].

Формирование смыслов в процессе интерпретации речи киногероя предполагает выявление интенции говорящего и определение его когнитивного состояния. «Понимание – это всегда некая реконструкция смысла» [Заботкина 2007: 88], реализуемая через сопоставление когнитивных систем продуцента и реципиента в рамках единого смыслового поля. Иными словами, дешифровка коммуникативных намерений во многом определяется тем, насколько однозначно продуцент и реципиент понимают используемый код, насколько совпадает интерпретация символов передающей и принимающей стороной.

В целом понимание достигается за счет оперирования реципиентом информацией, полученной из разных языковых уровней, а также имплицитных структур, выявленных через соотнесение индивидуального тезауруса с социальным контекстом высказывания. При этом реципиенту необходимо владеть культурологическими реалиями, которые позволяют осуществить когнитивный синтез ситуаций предшествующего опыта реципиента и новой интерпретируемой ситуации. В данном случае когнитивный механизм аналогии обеспечивает выявление сходств в сопоставляемых коммуникативных ситуациях, по сути, моделируя восприятие речевого отрезка на основе предшествующего коммуникативного опыта.

Аналогия обеспечивает проекцию ментальных схем ситуаций на новые фрагменты опыта для обобщения и интерпретации фактов реципиентом, для фиксации сходных черт в функциях объектов, нивелируя различия между ними. Аналогия обеспечивает типизацию языковой системы, которая, в свою очередь, обеспечивает коммуникацию, так как без типизации «закономерные связи между предметами и явлениями окружающего мира не получают никакого выражения» [Кузовлева 2015: 29].

В широком смысле аналогия обеспечивает категоризацию и концептуализацию [Котлярова, Нефедова 2017: 182]. Она позволяет выявлять схожие признаки в сопоставляемых объектах и явлениях и устанавливать между ними смысловые связи. Так, аналогия как инструмент интерпретации может быть использована реципиентом для категориального маркирования социальных характеристик речи персонажа. В качестве когнитивной опоры в данном случае выступают стереотипные представления о лингвистических особенностях речи той или иной социальной группы, хранящиеся в сознании интерпретатора. Подобные знания используются интерпретатором как когнитивная основа для выявления схожих черт в речи типичных представителей той или иной социальной группы и персонажа, тем самым определяется

принадлежность героя к конкретной социальной группе. Традиционно считается, что характерной особенностью речи подростков является использование сленга. Однако, например, речь Уэнсдей, главной героини одноименного сериала (которой по сюжету 16 лет), в большинстве случаев литературна; лексика, которой она оперирует, разнообразна; в речи присутствует большое количество аллюзий и прецедентных имен – см. примеры (1-2).

1) *It's not my fault I can't interpret your emotional Morse code* (S. 1, Ep. 4).

2) *My mother is a carnivorous plant aficionado* (S. 1, Ep. 1).

Данные факты позволяют интерпретатору на основе зафиксированных схожих характеристик заключить, что речь указанного персонажа больше соответствует взрослому человеку, чем подростку. Интерпретатор по аналогии переносит типизированные представления о речи взрослого образованного человека на воспринимаемые речевые отрезки, отмечая не только сходства, но и отличия, поскольку именно в этом состоит сущность человеческого мышления – фиксировать сходство в различии. Подростки маркируют собственную социализацию посредством высокой частотности сленговых единиц в речи, однако данная характеристика не присуща речи Уэнсдей. Кроме того, она прямо сепарирует себя от коллективизма подростковой ментальности, демонстрируя индивидуальность и желание быть зрелой личностью (см. примеры (3), (4), (5)):

3) *I'm not interested in participating in tribal adolescent clichés* (S. 1, Ep. 1).

4) *Use the words «little» and «girl» to address me again and I can't guarantee your safety* (S. 1, Ep. 3).

5) *I trust that I can handle myself. Pandas don't travel in packs. They prefer solitude* (S. 1, Ep. 1).

Стереотипные представления о человеке, открыто говорящем о том, что он чувствует и думает, проецируются интерпретатором по аналогии на образ Уэнсдей, в результате чего героиня воспринимается как независимая личность, обладающая способностью к рефлексии, способная открыто выражать собственные чувства и эмоции и:

6) *The last thing I remember I was walking outside feeling a mixture of rage, pity and self-disgust* (S. 1, Ep. 1).

Использование в речи главной героини Уэнсдей глаголов эмоционального состояния и умственной деятельности может интерпретироваться реципиентом как готовность субъекта включить слушающего в жизненное пространство говорящего:

7) *I've always **hated** the expression, "write what you know". It's a hall pass for the imagination-impaired. But when your life becomes a twisted mystery, maybe it's time to lean into it* (S. 1, Ep. 2).

8) *I **feel** I'll only slow you down. You're a gazelle. I'm a wounded fawn* (S. 1, Ep. 4).

Еще одной отличительной характеристикой речи Уэнсдей является наличие большого количества прецедентных высказываний. При дешифровке смысла подобных контекстов реципиенту необходимо установить аналогию между ситуацией,

обозначенной прецедентным высказыванием, и воспринимаемой коммуникативной ситуацией. Для этого интерпретатору необходимо обращение к фоновым знаниям, культурно-историческим ассоциациям, хранящимся в коллективном сознании языковой общности. Прецедентные имена и высказывания являются фактами культуры, актуализирующими в контексте не только энциклопедическую информацию, но и эмоционально-оценочные компоненты смысла, поэтому их интерпретация активирует в сознании реципиента ассоциативные связи, характеризующиеся устойчивостью и предсказуемостью. Именно подобная предсказуемость ассоциаций определяет вектор восприятия коммуникативной ситуации и позволяет выявлять аналогичные смыслы, формируя глубокое и многоуровневое понимание интенции говорящего.

В примере (9) Уэнсдей использует перифраз известного высказывания У. Черчилля о необходимости помнить уроки истории, чтобы избежать повторения отрицательного опыта:

9) *Those who forget history are doomed to repeat it* (S. 1, Ep. 3).

Отсылка к выступлению У. Черчилля в палате общин в обыденной коммуникативной ситуации усиливает прагматический эффект, на который рассчитывает говорящий, – предупредить собеседника о том, что люди, которые не учатся на ошибках, будут вновь совершать подобные в будущем. При этом аналогия, будучи ингерентным свойством человеческого мышления, обеспечивает «считывание» имплицитных интенций говорящего и за счет хранящихся в сознании интерпретатора устойчивых ассоциаций, связанных с автором прецедентного высказывания, актуализирует прагмему предупреждения с оттенком угрозы.

Таким образом, аналогия обеспечивает связь между системами кодов и субкодов отправителя и получателя сообщения. Аналогия является универсальным когнитивным механизмом, обеспечивающим сближение индивидуально-авторских смыслов, закодированных продуцентов и дешифрованных реципиентом в рамках единой коммуникативной ситуации.

Литература

- Арапова М.А. Речевой портрет как важный элемент формирования кинообраза современного ученого // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 156-163.
- Заботкина В.И. О соотношении прагматического и когнитивного в дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2007. № 2. С. 86-91.
- Котлярова Т.Я., Нефёдова Л.А. Аналогово-когнитивная природа восприятия и понимания художественного текста // Аналоговые процессы в лингвокреативной деятельности языковой личности: коллективная монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. С. 181-207.
- Кузовлева Г.В. Терминообразование юриспруденции и закон аналогии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2 (28). С. 29-31.
- Паалычева Е.Д. К вопросу о типологической классификации видов понятия «речевой портрет» // Вопросы современной лингвистики. 2016. № 1. С. 144-150.

I.P. Isaeva (Barnaul, Russia)

Altai State Pedagogical University

ANALOGY IN THE INTERPRETATION OF A MOVIE CHARACTER SPEECH (BASED ON THE ENGLISH-LANGUAGE FILM DISCOURSE OF THE TV SERIES “WEDNESDAY”)

The article examines the role of the cognitive mechanism of analogy in the process of describing the speech portrait of a movie character (based on the English-language TV series “Wednesday”). The author uses the examples of different-order verbal-semantic units to describe the interpretative function of analogy.

Key words: analogy, cognitive mechanism, speech behaviour, speech portrait, interpreter

Л.В. Калинина (Киров, Россия)

*Вятский государственный университет
grifon.kalinina@yandex.ru*

ЦИФРОВОЙ СЛЕД КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНОЧНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РУНЕТА)

В статье анализируются особенности употребления словосочетания *цифровой след* в текстах Рунета с целью установления преобладающей тематики этих текстов и оценочного отношения человека к феномену цифрового следа. Показывается зависимость положительной или отрицательной оценки цифрового следа от сферы употребления данного словосочетания – научной, массовой коммуникации или художественной.

Ключевые слова: цифровой след, тексты Рунета, контент-анализ, компонентный анализ, аксиологический анализ

Цель настоящей статьи – на основе анализа особенностей употребления сочетания *цифровой след* установить, в текстах какой тематики оно чаще всего используется и какое отношение человека к обозначаемому феномену демонстрирует. Материалом исследования явились около 2000 контекстов, извлеченных из различных русскоязычных интернет-источников: электронной научной библиотеки «eLibrary», поисковых систем «Яндекс» и «Google», Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и ряда других.

Под *цифровым следом* понимается информация, оставляемая пользователем в результате просмотра веб-страниц и сохраняемая на его компьютере в виде особого набора данных (куки-файлов), с помощью которых сайты каждый раз идентифицируют этого пользователя и «вспоминают» его поисковые запросы. Описанный механизм позволяет сделать работу в Сети быстрой и удобной. Однако любой цифровой след – это личная информация, утечка которой угрожает безопасности пользователя. В связи с этим важным представляется изучение феномена цифрового следа в аксиологическом аспекте [ср., например: Зайцева, Смирнов 2021].

Далее рассмотрим, на каких свойствах цифрового следа – положительных или отрицательных – акцентируется внимание в зависимости от сферы употребления

данного словосочетания: а) наука и образование; б) массовая коммуникация; в) художественные тексты.

Сфера науки и образования. Явление цифрового следа в настоящее время активно изучается не только информатиками и программистами, но и специалистами других областей. Так, в научной электронной библиотеке «eLibrary» по запросу «цифровой след» (с указанием тематик «Информатика», «Общественные науки», «Языкознание», «Массовая коммуникация») за период с 2000 по 2024 г. выдается результат в количестве 1616 статей, причем 1487 из них написаны в последние пять лет – с 2019 по 2024 г., что говорит о возрастающей актуальности рассматриваемого феномена. Содержательный анализ названий этих статей показывает их следующее распределение по тематическим сферам: система образования – 47%; юриспруденция и криминалистика – 23%; информатика и информационная безопасность – 13,5%; экономика, коммерция, реклама – 9%; социальная сфера и массовая коммуникация – 7,5%. Как видим, основными сферами научного обсуждения цифрового следа являются система образования и криминалистика – те сферы, где положительно оценивается сама возможность контроля и отслеживания действий человека.

При обсуждении роли цифрового следа в сфере образования актуализируются темы «высокое качество», «стимул для развития», «возможность эффективного контроля», ср. фрагменты названий статей: *«драйвер профессионального роста в цифровую эпоху»*, как средство *«повышения качества образовательного процесса»*, *«развития образовательной деятельности и модернизации учебных программ»*, *«прогнозирования профессионального развития студентов»*, *«диагностики развития soft skills»*, *«диагностики профессиональной компетентности студентов»*, *«формирования индивидуального цифрового профиля студента»*, *«мониторинга групповых проектов»* и в целом *«педагогического мониторинга»*, *«определения профессиональной направленности школьников»*, как инструмент *«подготовки учителей в период дистанционного обучения»* и т. д. (eLIBRARY).

Для криминалистики цифровой след важен в качестве одного из способов доказательства причастности субъекта к совершению преступления. В названиях статей этой тематики фигурирует профессиональная лексика и терминология (*киберпреступность*, *криминалистика*, *правовая категория*, *преступление*, *придание доказательного значения*, *судебно-экспертное исследование*, *трасологический след* и т. д.), а цифровой след осмысливается как «инструмент расследования», «метод проведения экспертизы», «сильное доказательство», ср.: *«значение цифровых следов в процессе расследования половых преступлений»*, *«перспективы исследования образов цифровых следов в судебной почерковедческой экспертизе»*, *«особенности судебно-экспертного исследования цифровых следов»*, *«цифровые следы в системе криминалистического следоведения»* (eLIBRARY).

Весьма положительно оценивается возможность отслеживания цифровой активности пользователей также в сфере экономики и коммерции, поскольку цифровой след позволяет формировать *«алгоритмы персонализации для клиентов»*

и потребителей», составлять «*цифровой портрет для подбора персонала*», обеспечивать «*персонализацию подготовки кадров для цифровой экономики*» и т. д. (eLIBRARY). Ценность цифрового следа для бизнеса заключена в семах «персонализация», «избирательность».

За пределами перечисленных сфер и за рамками научного обсуждения отношение к цифровому следу скорее амбивалентное или даже отрицательное.

Сфера массовой коммуникации. В НКРЯ почти все примеры использования сочетания *цифровой след* (74 из 90) приходится на газетный подкорпус, рубрику «Центральные СМИ». Те контексты, где феномен цифрового следа оценивается положительно (43%), представляют собой журналистские материалы о цифровизации образования, бизнеса, расследования преступлений. В 40% контекстов цифровой след описывается как нечто опасное, ср., напр.: *Любое действие в Интернете остается там навсегда. Формируется цифровой след, по которому можно отследить дальнейший путь информации, что может нести серьезные последствия для будущего человека, для его карьеры и отношений с окружающими* (Парламентская газета, 02.10.2021). В контекстах с отрицательной оценкой цифрового следа используются такие выражения, как *тотальный контроль, цифровой тоталитаризм, злоумышленники, приватность осталась в прошлом, человек не осознает опасности, риск утечки персональных данных, добыча хакера, навязчивая таргетированная реклама, манипулирование* и т. д. (НКРЯ), реализующие семы «опасность», «риск», «угроза», «уязвимость», «подконтрольность» и близкие им. Лишь 10% контекстов можно отнести к условно нейтральным – в них разъясняется суть понятия «цифровой след» и рассматриваются как плюсы, так и минусы этого явления.

Несколько иная картина наблюдается при обращении к поисковым системам «Google» и «Яндекс». Контент-анализ первых ста результатов выдачи по запросу «цифровой след» в том и другом браузере показал, что примерно половина материалов (50% для «Яндекса», 46% для «Google») носит информирующий характер и на этом основании может быть отнесена к нейтральным. В таких текстах представлены общие рассуждения о том, *как цифровой след влияет на вашу жизнь, почему он важен, как его контролировать* и т. п. Далее по частотности (46% для «Яндекса», 37% для «Google») идут материалы, рассказывающие о том, *в чем опасность цифрового следа, почему он представляет собой источник рисков и угрозу и дающие советы по безопасности: как защитить (уберечь, удалить, сократить, минимизировать, уменьшить, скрыть, стереть, очистить, замести, уничтожить) цифровой след, как от него избавиться, как не наследить в Сети, как не оставить цифровой след* и т. д. Семантика перечисленных глаголов ярко выражает отношение к цифровому следу как к чему-то опасному и потому «плохому» (об оценочных смыслах русских глаголов ср., например, [Богданова 2018]). Материалы, в которых цифровой след оценивается как нечто положительное, составляют лишь 4% в выдаче «Яндекса» и 17% в выдаче «Google» и ожидаемо рассказывают о цифровизации образования, достижениях криминалистики и выгодах для бизнеса.

Художественные тексты. Феномен цифрового следа получает в Рунете и свое художественное осмысление. Около 30 примеров из прозаических и поэтических текстов находим на ресурсах «Проза.ру», «Стихи.ру» и «Картаслов.ру». Авторы художественных текстов в основном видят в цифровом следе нечто отрицательное, независимо от избранного жанра и тона изложения. Ср., напр. (орфографию и стиль авторов сохраняем. – Л. К.): *случается так, что ты покинула человека, все удалила, решила забыть... а человек не хочет забываться и прячется от тебя по норам: в кэше телефона, в тайных папках сохраненных каким-то странным образом... и вот, ты опять натыкаешься на него: фото, голосовые, восстанавливают из пепла полустертый образ. цифровые призраки требуют внимания, тревожат подсознание, кричат о невосполнимости потери. ты злишься* (Аполлинария Акимова. Цифровые следы); *Их цель всех нас оцифровать, наши искать цифровые следы, чтобы легче уличить и отыскать, чтобы граждан контролировать везде* (Юрий Перм Орлов. Монолог про цифровые следы и освоение Арктики); *Никаких тайн и секретов, что бы ты не сделал – тебя найдут по цифровому следу и о счастливой жизни можно забыть* (Марат Газаев. Красная планета). Лишь в одном случае мы встретили положительное отношение к цифровому следу, ср.: *Я не веду дневников... Но желание иметь цифровой след, с которым будущая я сможет сравнить себя со мной нынешней, берет верх* (Марина Кириллова. Литературный дневник).

Таким образом, оценочное отношение к феномену цифрового следа различается в зависимости от сферы употребления данного словосочетания и от обсуждаемой тематики. Преимущественно положительное отношение к цифровому следу отмечается в научных и газетных текстах на темы образования, криминалистики, бизнеса. Нейтральную, но тяготеющую к отрицательной оценке демонстрируют материалы информационно-популярного характера, составляющие результаты выдачи крупных поисковых систем. Художественные тексты, посвященные личным переживаниям человека по поводу цифрового следа, встречаются реже всего и отличаются ярко выраженной отрицательной оценкой рассматриваемого явления. Выявленные тенденции в оценке феномена цифрового следа во многом подтверждают наши выводы, сделанные в связи с изучением семантики неуловимого и состоящие в том, что субъект отрицательно оценивает чужую «неуловимость», но собственное право на приватность осознает как высшую ценность [Калинина 2021].

Литература

Богданова Л.И. Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 844-873.

Зайцева С.А., Смирнов В.А. Аксиологический подход к понятию цифрового следа // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 3. С. 79-87.

Калинина Л.В. Актуальная лексика 2020 года в свете семантики неуловимого // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 150-154.

*L.V. Kalinina (Kirov, Russia)**Vyatka State University*

DIGITAL FOOTPRINT AS AN OBJECT OF AXIOLOGICAL DESCRIPTION (BASED ON RUNET TEXTS)

The article analyzes the features of the use of the phrase *digital footprint* in Runet texts in order to establish the predominant themes of these texts and a person's evaluative attitude to the phenomenon of digital footprint. The dependence of a positive or negative assessment of the digital footprint on the sphere of use of this phrase – scientific, mass communication or artistic – is shown.

Key words: digital footprint, Runet texts, content analysis, component analysis, axiological analysis

*А.Д. Каменева (Санкт-Петербург, Россия)**Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена**kamenevaa@herzen.spb.ru*

ТРАНСЛИНГВАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: КОНТАКТ ЛИНГВОКУЛЬТУР

В настоящее время всё большее внимание привлекают авторы, которые выбирают неродной для себя язык для литературного самовыражения. Это приводит к формированию явления **мировой англоязычной литературы**, создаваемой представителями различных лингвокультурных сообществ. В статье рассматриваются истоки, терминологический аппарат и ключевые особенности современной транслингвальной литературы с акцентом на когнитивно-дискурсивные исследования языка и художественный дискурс, которые позволяют более глубоко понять механизмы взаимодействия культур и языков в текстах транслингвальных авторов.

Ключевые слова: транслингвальная литература, мировой англоязычной литературы, когнитивно-дискурсивные исследования, художественный дискурс, языковая картина мира, культурная идентичность

Литературное произведение рождается в рамках национальной культуры и национальной творческой традиции, неизбежно неся ее отпечаток. В то же время, И.В. Гете еще в начале XIX в. констатировал наступление эпохи мировой литературы; Ч. Айтматов в XX в. отмечает унификацию типа мышления и способа выражения в творчестве представителей разных национальных литератур [Кубилюс 1981: 139]. Тенденция языковой и культурной глобализации, безусловно, продолжилась и в XXI в. В данной статье мы рассмотрим литературу как поле взаимодействия национального и глобального, переплетением которых является транслингвальная литература.

Современные писатели всё чаще используют иностранный язык в своем творчестве. Однако, несмотря на смену языкового кода, им удается сохранить индивидуальный «голос» и культурную идентичность, которая проходит сквозь страницы их произведений. Так возникает **транслингвальная литература** – пространство, где различные языки и культуры переплетаются, создавая уникальные возможности для литературного самовыражения и культурного диалога.

Особую роль в понимании транслингвальной литературы играют **когнитивно-дискурсивные исследования, в частности:**

- теория **художественного дискурса**, вскрывающая механизмы авторского преломления глобального и национального в индивидуальное и уникальное;
- теория **экзокультурного дискурса**, исследующая каким образом сочетаются культурные коды и как транслингвальные элементы проявляются на поверхностно-языковом (суперструктура) и глубинном (макроструктура) уровнях текста [Белоглазова 2024: 105].

Несмотря на то, описываемая литературная практика имеет многовековую историю, она лишь недавно, в силу своей демаргинализации, стала объектом исследования. Этот факт объясняет наличие множества белых пятен и дискуссионных вопросов, одним из которых является терминология. Так, неродноязычная литература может описываться как «контактная», «постколониальная», «второязычная», «инокультурная», «билингвальная», «кросскультурная» и «транскультурная».

Следуя З.Г. Прошиной, сейчас всё больше исследователей отдают предпочтение термину **«транслингвальная литература»**. Транслингвальность, по мнению исследователя, предполагает «синергетический переход от одной лингвокультуры к другой» без полной ассимиляции, но с сохранением культурной идентичности [Прошина 2017: 160].

Таким образом, транслингвальная литература представляет собой творчество билингвальных авторов, которые пишут на неродном языке, сохраняя при этом этно- и лингвокультурные особенности, что приводит к формированию **«промежуточной»** лингвокультурной модели.

Истоки транслингвальной литературы

Несмотря на то что транслингвальность часто связывают с глобализацией, ее истоки уходят глубоко в историю. Примеры транслингвального творчества можно наблюдать уже в античном мире, в частности в Древнем Риме.

На раннем этапе римской литературы греческий язык использовался для создания оригинальных произведений. Исследователи объясняют это несколькими причинами:

1. Латинский язык в тот период не был достаточно развит для прозаических сочинений [Хухуни 2018: 282].
2. Греческий язык считался престижным и модным среди образованного общества [Хухуни 2018: 283].

Исторический контекст грекофильства в Древнем Риме находит параллели в использовании французского языка в России XVIII–XIX вв. Однако ни в одном из случаев чужой язык так и не стал полноценным средством выражения родной культуры.

Современная транслингвальная Литература

Сегодня транслингвальные авторы уверенно экспериментируют с языками, не стремясь подчиняться их строгим стандартам. Они создают **языковые гибриды**, жонглируют словами, смешивают языковые коды и играют с переводами.

Особый интерес представляют когнитивно-дискурсивные подходы, которые позволяют проследить, как транслингвальные писатели адаптируют и трансформируют чужой язык для передачи своей **культурной идентичности**. Анализ художественно-

го дискурса демонстрирует, как авторы используют ритм, стиль, символику и образы для отражения культурного синтеза и создания нового пространства художественного общения. Происходит формирование **новых когнитивных моделей**, где элементы разных культур и языков сосуществуют, но не теряют своей уникальности.

Изменилось и восприятие общества: если ранее авторов критиковали за нарушение языковой чистоты, то сегодня их произведения получают признание и престижные литературные награды, наравне с монолингвальными авторами. Это свидетельствует об изменении восприятия мультиязычия и его ценности для современной культуры.

Однако прагматические причины, такие как стремление писателей привлечь более широкую аудиторию, могут способствовать **языковому сдвигу**, т.е. отказу от двуязычия в пользу более распространенного языка. Этот процесс, характерный для глобализированного мира, требует дальнейшего осмысления.

Особенности транслингвальной литературы

1. **Языковая картина мира.** Транслингвальные авторы формируют уникальную картину мира, которая сочетает элементы двух культур: родной и культуры второго языка [Юзефович 2011: 240].

2. **Художественный дискурс.** Особое внимание уделяется художественным приемам, таким как **кодвое смешение**, игра с символами, использование метафор и отсылок к культурным контекстам. Тексты транслингвальных авторов становятся площадкой для взаимодействия культурных и языковых кодов.

3. **Культурная идентичность.** Основной сложностью для писателей является сохранение «голоса» своей культуры на неродном языке. Это достигается через использование **ксенонимов** – «слов, обозначающих специфические элементы родной культуры» [Кабакчи 2007: 98].

4. **Лингвокреативность.** Художественные тексты транслингвальных авторов отличаются лингвокреативностью и особым **идиостилем**. Для описания родной культуры они используют заимствования, кодвое смешение, прецедентные тексты и гибридные языковые элементы [Лебедева 2019: 356].

Заключение

Таким образом, транслингвальная литература является не новым, но активно развивающимся феноменом, истоки которого прослеживаются с античных времен. В современном глобализированном мире она приобретает особую актуальность, становясь площадкой для взаимодействия культур и языков.

Когнитивно-дискурсивные исследования и анализ **художественного дискурса** позволяют понять, как транслингвальные авторы адаптируют чужой язык, создавая новые когнитивные модели восприятия и выражения культурной идентичности. Особое внимание к художественному дискурсу раскрывает творческие стратегии авторов и их умение переосмысливать культурные границы.

Рост интереса к транслингвальной литературе и ее признание подчеркивают значимость этого явления для мировой культуры. В перспективе дальнейшее изу-

чение транслингвальности с когнитивно-дискурсивных позиций позволит глубже понять механизмы языкового взаимодействия и культурной интеграции в современном обществе.

Литература

- Бахтиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 С. 90-98.
- Белоглазова Е.В., Осьмак Н.А., Шувалова Е.К.* Russian Culture through the Prism of English, Finnish and Japanese Languages: Reflections or Refractions // Training, Language and Culture. 2024. Т. 8. № 2. С. 42-51.
- Дианова Л.П.* Транслингвальная поэзия в лирике Б. Каирбекова // Полилингвальность и транскультурные практики. 2023. № 3. С. 524-534.
- Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г.* Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 95-101.
- Кубилюс В.* Национальная литература и мировой литературный процесс // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 134-166.
- Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвальность и транскультурные практики. 2017. № 2. С. 155-170.
- Хухуни Г.Т.* Литературный билингвизм: прошлое и настоящее // Полилингвальность и транскультурные практики. 2018. № 2. С. 277-288.
- Юзефович Н.Г.* Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе: постановка проблемы // Speech and Context. 2011. Т. 2 (III). С. 235-244.

A.D. Kameneva (St. Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University

TRANSLINGUAL LITERATURE: TOUCHES TO THE PORTRAIT

Currently, more and more attention is being attracted by authors who choose a language other than their native language for literary expression. This leads to the formation of the phenomenon of world English-language literature created by representatives of various linguistic and cultural communities. The article examines the origins, terminological apparatus and key features of modern translingual literature with an emphasis on cognitive-discursive studies of language and artistic discourse, which allow a deeper understanding of the mechanisms of interaction between cultures and languages in the texts of translingual authors.

Key words: translingual literature, world English-language literature, cognitive-discursive research, artistic discourse, linguistic worldview, cultural identity

О.И. Колесникова (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
usr08728@vyatsu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ЧИТАТЕЛЬСКОЙ МЕДИАКРИТИКЕ

Статья посвящена проблеме исследования концептуального пространства ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ и его репрезентации в текстах читательских отзывов на различных интернет-платформах. Выявлены некоторые ведущие когнитивные признаки

оценочного дискурса, влияющие на вектор оценки, сделан вывод о сохранении ценностных ориентиров субъекта оценивания в рамках влияния особенностей языка на восприятие книги.

Ключевые слова: читательская медиакритика, отзыв, язык художественного произведения, ценностная картина мира, культурный код

Дискурс читательской медиакритики, представленной в субъективных оценочных суждениях о прочитанном художественном произведении, представляет интерес с точки зрения возможности установления когнитивных признаков концептуализируемого в них пространства. Позиция читателя свойственна и профессиональным критикам – ранее нами были описаны субъективно-оценочные способы передачи «читательской рефлексии субъекта оценивания, выступающего в эгоцентрической плоскости и не скрывающего субъективизма при передаче восприятия произведения» [Колесникова 2023: 128]. Это позволило зафиксировать факт сближения профессионального критического дискурса с текстами книжного блогинга в случаях доминирования эмоционально-оценочных способов репрезентации субъективной оценки произведений современной прозы.

Частотность концептуальной сферы ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЯ, выявленной при анализе текстов читательских отзывов на различных интернет-платформах (LiveJornal, Яндекс.Дзен, LiveLib.ru, ЛитРес и других), свидетельствует о неслучайности выбора этого объекта оценивания. В когнитивных процессах читательской деятельности в сознании реципиента возникает референция (определенное отношение) к языку и стилю как неотъемлемому элементу художественной рецепции. Языковые особенности текста книги служат важным факторам оценки книги, позволяющим установить национально-культурную специфику личностной когнитивной системы носителя языка-читателя, фактом воздействия эстетической формы произведения на его интеллектуально-эмоциональный мир, открывают доступ к ценностной системе и автора, и субъекта чтения. Подчеркнем, что, по мысли О.Г. Ревзиной, «в определении стиля как “совокупности признаков” получают языковое воплощение когнитивные способности человека к различению, отождествлению и градации отождествлений» [Ревзина 2023: 27].

Язык является одной из доминирующих ценностей, определяющих направление концептуализации книги в целом, т.е. это важнейший ценностный компонент культурного кода, неотъемлемая часть ценностно-смыслового пространства индивида (читателя). Поскольку национальная система ценностей отражается в языке литературного произведения, авторы отзывов, как показывает их анализ, постоянно мотивируют свою субъективную оценку произведения в ходе обращения к вызвавшим их оценочные реакции особенностям языка прочитанной / прослушанной книги. Выбор языка как объекта оценивания имеет стохастический характер, и по диктуму читательских отзывов и комментариев можно установить универсальные ценностные установки русскоязычного читателя как элемент его культурного кода. Как отмечал В.И. Шаховский, В.Н. Телия доказывала, что человек, с одной стороны, является автором и творцом культуры, а, с другой стороны, он «сам в процессе

своей коммуникативной деятельности, в зависимости от различных интенций и мотиваций, размывает референции в ориентации в своей духовной деятельности и в деятельности своего общества» [Шаховский 2016: 83].

Анализ исследовательского материала показывает, что в целом у авторов отзывов на книги (в основном, премиальной литературы) ценностные ориентиры в подходе к оценке языка можно охарактеризовать как традиционные. Так, многие книги получили отрицательные отзывы из-за языка и стиля. Установлено, что современными читателями не одобряются книги, обладающие следующими языковыми характеристиками: 1) «нудный, тоскливый»; 2) «грязный», «лингвотоксичный»; 3) «сладенький», «приторный»; 4) «бюрократический», «канцелярский язык произведения». Причинами «отторжения» (негативной оценки – зачастую резкой, но откровенной) книги авторами отзывов о прочитанных книгах нередко являются именно языковые признаки текста: скучная манера (*Нудное чтение*), невнятность стиля или непродуманность формы повествования (*Текст искусственный, перегружен какими-то не сочетающимися друг с другом словами*); сниженный регистр стиля (*...язык написания быдловатый (читать противно). В сравнении с предыдущими произведениями Глуховского просто литературная помойка*); инвективный характер языкового оформления произведения (*Много мата, но это прям чисто русская книга*).

Позитивные отзывы получают, как правило, произведения, отличающиеся противоположными свойствами. Все положительные реакции можно распределить по следующим группам, репрезентирующим то или иное качество языка произведения:

- художественность (Книга сильная и написано очень художественным языком), лексическое разнообразие (богатый язык), яркость (Отличная книга. Возвращает к простым человеческим ценностям, семье, чести, совести, долгу. Теплый и яркий язык, приятное чтение);

- эмоциональный стиль (Глубокий юмор, неожиданные повороты, живописные описания героев, резкие языковые контрасты – все это, умело переплетенное, не отпускает читателя, удивляет, отвращает, веселит и заставляет грустить. Талантливая необычная книга / Очень сильно, пронзительно и проникновенно! Не знал, что современные авторы так могут писать!!!);

- интеллектуальная сторона языка произведения (Отличная книга. На фоне сегодняшнего лепета фэнтэзи и комиксов – просто глыба. Молодежь читать не будет, для них там половина слов непонятна. Людям с мозгами в самый раз);

- простота языка, увлекательность (Отличная книга. Захватывает с первых строк, слог прост и увлекателен. Супер!!!);

- красота слога (Уникальная, очень красиво написанная книга! / Чудесный слог, история просто заставляет переживать за главных героев. Красивое описание природы, чувств, мыслей главных героев книги / прекрасный слог).

В ряде случаев читатели выражают восхищение языком произведения, не приводя аргументы (*Язык повествования – просто великолепный! / Язык какой, какая россыпь драгоценная*).

Таким образом, язык художественного произведения можно считать тем фреймом эмоционально-чувственной сферы читательской ценностной картины мира, который выступает ведущим элементом культурного кода российского читателя. Произведение всегда маркируется «критиком» на положительном или отрицательном полюсах оценочной шкалы по признакам богатая / скудная и примитивная речь, красота / уродство, чистота / грязь, возвышенность / низость, сила / слабость, приятно / отвратительно. Каждый из признаков подвергается индивидуальному «измерению», опирающемуся на языковой вкус, речевой идеал, читательский опыт, литературно-художественные предпочтения субъекта оценивания, а также общепринятые и, возможно, интуитивно постигаемые критерии качественной («настоящей») литературы и ее языка, которые усваиваются любым носителем русского языка в процессе приобщения к лучшим образцам отечественной художественной прозы. Такого рода критерии трудно рационализировать, но в культурном поле когниции они концептуализируются в рамках классической триады «истина – добро – красота» как ключевых универсальных ценностей человеческого бытия, которые отражаются в художественном произведении, воплощаясь в разнообразных формах и качествах, и которые «ищут» в нем его читатели.

В выявленных оценочно-смысловых маркерах элемента «Язык произведения» обнаруживаются те ценностные ориентиры, которые позволяют говорить о небезразличии современных носителей русского языка к негативным чертам современной культурно-речевой ситуации и отношении к книге как сохраняющей свои позиции хранителя традиционных ценностей в культурном пространстве российской художественной литературы.

Литература

Колесникова О.И. Современная художественная словесность в профессиональной медиакритике: прагматилистический анализ // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 1. С. 128-143.

Ревзина О.Г. Понятие стиля в свете разных теоретических подходов // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 5 (10). С. 8-30.

Шаховский В.И. Путь теоретика сквозь амфилады научных парадигм современного языкознания (открытие В.Н. Телия кода русской культуры) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 80-84.

O.I. Kolesnikova (Kirov, Russia)

Vyatka State University

THE CONCEPTUAL SPACE THE LANGUAGE OF A WORK OF FICTION IN READERS' CRITICISM IN THE MEDIA

The article is devoted to the problem of exploring the conceptual space of THE LANGUAGE OF A WORK OF FICTION and its representation in the texts of readers' reviews on various Internet platforms. Some of the leading cognitive features of evaluative discourse that influence the evaluation vector are identified, and it is concluded that the value orientations of the subject of evaluation are preserved within the framework of the influence of language features on the perception of the book.

Key words: reader's media criticism, review, language of fiction, value picture of the world, cultural code

О.Н. Кондратьева, Т.Ю. Сатучина (Кемерово, Россия)

Кемеровский государственный университет
olnik25@mail.ru, tatianakuznetsova86@mail.ru

СЕМАНТИЗАЦИЯ ЭТНОНИМА «РУССКИЕ» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

В статье рассматриваются используемые в российском медиадискурсе XXI в. основные стратегии семантизации этнонима «русские» (дефиниционная, отождествляющая, описывающая, отрицательная и ассоциативная), устанавливается специфика каждой из стратегий и определяется ее роль в дискурсивном конструировании идеализированной общности «мы – русские».

Ключевые слова: медиадискурс, семантизация, стратегия, этноним, русские

Для современных российских массмедиа характерна «старательно акцентируемая невозможность сформулировать лексическое значение слова русский», что позволяет «поставить под сомнение идентификацию национальной принадлежности большинства носителей русского языка; кроме того, негативное воздействие на самосознание личности оказывает постулируемая таким образом принадлежность индивидуума к социуму, четкое определение которого будто бы весьма гипотетично» [Васильев 2008: 36].

На наш взгляд, многочисленные попытки национальных СМИ предложить дефиниции лексем *русский* и *русские* являются не только знаком того, что границы одноименной этнической группы достаточно размыты, но отражают попытки массмедиа в новых условиях существования социума сконструировать национальную идентичность. Соответственно, используемые массмедиа стратегии семантизации этнонима «русские», являющегося базовым национальным идентификатором, отождествляются нами со стратегиями дискурсивного конструирования идеализированной общности «мы – русские».

Цель статьи – рассмотреть стратегии семантизации этнонима «русские» в современном русскоязычном медиадискурсе 2000–2024 гг. Материалом послужили контексты, извлеченные из системы «Яндекс. Новости» (с 2022 г. – «Дзен»). Для классификации и интерпретации материала использовались дефиниционный и дистрибутивный методы, а также дискурс-анализ.

Современные исследования позволяют говорить о разных типах семантизирующих стратегий, к которым апеллируют говорящие в ситуации толкования лексического значения слова: это дефиниционная, описательная, ассоциативная, контекстная, мотивационная и отсылочная стратегии [Кузнецова 2011]. Л.С. Выготский назвал такие толкования *житейскими понятиями*, поскольку говорящий занимает позицию наивного лексикографа и дает определение разным словам. При этом тенденция толкования значений слов носителями языка в медиадискурсе включает более разнообразный репертуар семантизирующих стратегий. В частности, при семантизации этнонима «русские» современные российские массмедиа используют дефиниционную, отождествляющую, описывающую, отрицательную и ассоциативную стратегии.

1. *Дефиниционная стратегия.* Авторы медиатекстов, как правило, стремятся к точному, логически выстроенному дефинированию, указывая класс / родовое понятие, к которому относится интерпретируемое слово, и определяя его видовые (дифференциальные) признаки. Дефиниционная стратегия направлена на корреляцию содержания языкового знака с отображаемой реальностью.

Посредством использования названной стратегии происходит актуализация главного родового понятия (*народ, люди, этнос, нация, цивилизация* и др.), позволяющего рассматривать анализируемое слово как элемент / разновидность определенного класса, рода: *Русские – это великий европейский народ на востоке континента* (Парламентская газета, 2017); *Русские – это государствообразующий народ* (Vesti.ru, 2013); *Русские – это составной этнос в родовом отношении, и основные рода имеют разное происхождение* (БИЗНЕС Online, 2024); *Русские – это нация, которая объединяет множество народов. <...> И такое разнообразие делает ее только сильнее* (Царьград, 2024); *Русские – это народ-цивилизация для представителей всех других народов, которых приняли и согрели мы, русские, своими душами* (Голос, 2024).

Вариативность дифференциальных признаков обусловлена разными факторами: объективными свойствами лексической единицы, склонной, например, к проявлению полисемии, а также субъективными факторами, к которым относим речевую деятельность говорящего, представляющую собой активный и креативный процесс. Некоторые авторы медиатекстов актуализируют в качестве дифференциальных признаков анализируемого слова фоновые прецедентные знания: *Основные послылы немножко удивляют, потому что основаны на стереотипном мышлении из разряда «русские – это водка, балалайка и танцы с медведями»* (Советский спорт, 2024); *Русские – это люди, у которых пряники превращаются в соборы, а соборы сложены из пряников* (Известия, 2014).

Также дифференциальные признаки содержат оценочные комментарии: *Русские – это в своем большинстве очень глубокие, образованные люди* (Аргументы и факты, 2007); *русские – это ...замечательные люди* (РИА Новости, 2016). Кроме того, в дефинициях представлена информация, содержащая характеризующие признаки нации (величие, уникальная культура и др.): *Русские – это нация, создавшая великую культуру* (Труд-7, 2004); *Русские – это наследники Достоевского, Пушкина, Русской империи* (Время Воронежа, 2014).

2. *Отождествляющая стратегия.* Авторы медиатекстов уподобляют семантизируемое слово «русские» с подобными, с точки зрения комментирующих, ему словами и тем самым нейтрализуют дифференциальные признаки характеризуемого объекта. Например, акцентируют полную или частичную тождественность языковых номинаций, ставя, по сути, знак равенства между представителями разных рас и национальностей: *Русские – это тоже европейцы, такие же, как и мы* (NEWSru.com, 2014); *Русские – это азиаты, гунны, демоны, а мы нет* (РИА Новости, 2015); *РУССКИЕ – ЭТО АЗИАТЫ!* (Труд-7, 2006); *В СССР считалось, что русские – это*

только великороссы (Известия, 2015). В подобных случаях толкуемое слово «русские» вступает в парадигматический тип отношений с другими словами: европейцы, азиаты, славяне, великороссы и др. Следовательно, в основе данной стратегии находится процесс синонимизирования, отождествления разных понятий с позиции говорящего.

3. *Описывающая стратегия.* При использовании описывающей стратегии авторы медиатекстов выражают значимую информацию о слове описательной частью, которая вводится в дефиницию специальными словами (*тот, кто (или который); все (те), кто; всякий, кто* и др.). Характерной чертой толкования является отсутствие родового компонента: *Мы исходим из того, что русские – это ... те, кто воспитан на русской культуре* (Труд-7, 2003); *русские – это те, кто владеют русским языком и погружены в русскую культуру* (Белый парус, 2024); *Русские – это мы с вами, те, кто родился на этой земле, дышит ее просторами, любит природу родного края, говорит на русском языке* (Нефтекамск), 2024).

4. *Отрицательная стратегия.* В толкованиях подобного типа указываются свойства, признаки предмета, которые у него отсутствуют. Отрицательные толкования строятся по разным формулам / схемам. Доминирующей является схема: «X – это не Y»: *Русский народ – ...это не дураки!* (Комсомольская правда, 2007). В отдельных случаях встречается трехкомпонентная схема: «X – это не Y, это Z»: *Понятие «русский» – это не понятие генетическое, это понятие культурное* (Известия, 2013); *Русский – это не национальность, а состояние духа* (Вечерняя Казань, 2013).

Использование отрицательной стратегии позволяет исключить приписываемые русским людям негативные характеристики: *Русские – это не ругань матом, не деревня, не водка, не криминальная молодежь, это – древняя и великая культура* (Аргументы и факты, 2004); *Русские – это не люди третьего сорта* (Ведомости, 2000); *Русские – это не народ второго сорта, это не народ проигравший, это не народ бомж, это не народ пьяница, русские – это великий народ, который дал миру Чайковского, советскую победу* (СТВ, 2024).

Продуктивна данная стратегия в тех случаях, когда необходимо провести границу между «своими» и «чужими», провести от них отстройку: *Русские – это не некие дикие скифы – жестокие азиаты, а другой мир, с которым можно работать* (РБК Daily, 2004).

5. *Ассоциативная стратегия.* Анализ языкового материала позволяет говорить о доминировании парадигматического типа ассоциаций, предполагающего уподобление одной лексемы (и ее денотата) другому на основе сходства (метафора). Метафорическая модель является отражением аналоговых процессов и строится по схеме «X – это Y» [см. подробнее Кондратьева 2015], подобным образом эксплицируются значимые особенности сопоставляемых объектов. При метафорическом толковании отмечаются особенности менталитета, характера, поведения предста-

вителей идеализированной общности «мы – русские»: *Русские люди – это медведи, которых надо расшевелить* (Советский спорт, 2012); *Русские – это как огромный тазик теста, которое очень медленно созревает* (lenta.ru, 2019); *Русские – это порыв, а французы – прежде всего разум* (Vesti.ru, 2007).

Также ассоциативная стратегия реализуется в медиатекстах через апелляцию к прецедентным текстам: *Любой русский человек – это полное собрание героев Достоевского* (Труд-7, 2003); *Гоголь нас – славян, россиян – не делил. Он говорил, что украинцы и русские – это близнецы-братья* (Vesti.ru, 2009).

Таким образом, при толковании этнонима «русские» и осуществляющемся при этом дискурсивном конструировании идеализированной общности «мы – русские» продуктивно используется набор стратегий семантизации, каждая из которых обладает определенной спецификой: дефиниционная стратегия позволяет актуализировать родовое понятие (*этнос, народ, люди*), отождествляющая стратегия – продемонстрировать определенное сходство и отнести представителей общности к конкретному классу (*европейцы, азиаты, славяне, финно-угры*), описывающая стратегия дает возможность эксплицировать наиболее типичные характеристики представителей сообщества (*говорит по-русски, воспитан на русской культуре, считает себя русским* и т.д.), отрицательная – произвести отстройку от чужих (*не дикие скифы*), отречься от приписываемых негативных качеств (*не люди третьего сорта, не дураки* и т.д.) и отсечь факторы, которые не являются первостепенными в процессе идентификации (не генетическое понятие, а культурное), ассоциативная стратегия позволяет пробудить разнообразные ассоциации, воздействовать на эмоции адресатов и создать яркий, запоминающийся образ (*медведи, которых нужно расшевелить, порыв*).

Литература

Васильев А.Д., Васильева С.П. Русский – российский? Вопрос идентификации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2020. № 1 (51). С. 152-160.

Кузнецова Т.Ю. Стратегии семантизации слов и факторы, детерминирующие их выбор // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 15-18.

Кондратьева О.Н. Диахроническая метафорология (когнитивно-дискурсивный аспект). Кемерово: КеМГУ, 2015.

O.N. Kondratyeva, T.Yu. Satuchina (Kemerovo, Russia)

Kemerovo State University

SEMANTIZATION OF THE ETHNONYM “RUSSIANS” IN THE DISCOURSE OF MODERN RUSSIAN MASS MEDIA

The article considers the main strategies of semantization of the ethnonym “Russian” (definitional, identifying, descriptive, negative and associative) used in the Russian media discourse of the 21st century, identifies the specifics of each strategy and determines its role in the discursive construction of the idealized community “We are Russians.”

Key words: media discourse, semantization, strategy, ethnonym, Russians

*Н.Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)**Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru*

ОБРАЗ РОССИИ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ИНДИИ НАРЕНДРЫ МОДИ¹

Статья посвящена анализу репрезентации образа России в выступлениях премьер-министра Индии Нарендры Моды. Исследование выполнено в русле имагологических эмпирик, а изучение образа страны проводится через призму сотрудничества России и Индии в рамках БРИКС. Средствами представления образа России являются идеологически и личностно маркированные концепты ДРУЖБА, ТРУД, ГОСТЕПРИИМСТВО.

Ключевые слова: БРИКС, Индия, образ России, концепт, имагология

Образ России изучается представителями различных научных направлений: история [Рыженко 2018], социология [Андреев 2009], культурология [Строкин 2021] и др. Но наиболее актуальными и востребованными на сегодняшний момент развития научного знания являются лингвистические исследования репрезентации образа России в иноязычном дискурсе и на материале различных жанров. Особенностью лингвистических изысканий подобного рода является то, что они выполнены на стыке различных методологических векторов: собственно наука о языке, жанроведение и теория речевых жанров, история, политология, имагология.

Имагологические эмпирики, т.е. анализ образа одной страны в дискурсе другого языка и иной культуры, предоставляют ученому возможность поместить выводы в широкий экстралингвистический контекст. Сказанное будет верным об изучении представления образа России в выступлениях премьер-министра Индии Нарендры Моды. Обращение к выбранному материалу является важным в контексте неформального объединения БРИКС, участниками которого являются Россия и Индия. В условиях современной политической турбулентности БРИКС является важным неинституциональным инструментом сохранения норм международного права и нейтрализации сил негативного характера. Россия и Индия как страны-участницы БРИКС взаимодействуют на основе принципов стратегического партнерства и со-впадения геополитических интересов.

Материалом настоящего исследования послужили официальные выступления премьер-министра Индии Нарендры Моды [Оф. сайт премьер-министра Индии]. Поиск осуществлялся по ключевому слову Russia. Объект исследования можно определить как образ России, конструируемый в официальном индийском политическом дискурсе, репрезентированном в выступлениях премьер-министра страны. Предмет исследования – репертуар стратегий и тактик формирования образа России. Цель исследования – изучение образа России – реализуется в совокупности частных задач, среди которых определение статуса имагологии как инструмента

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

представления образа другого, интерпретация полученных в результате анализа эмпирических данных с привлечением экстрадискурсивных и исторических данных.

Программа стратегического партнерства до 2030 г. была подписана лидерами России и Индии в ходе визита Нарендры Моды в нашу страну с 8 по 9 июля 2024 г. В заключительный день своего визита премьер-министр Индии выступил перед индийской диаспорой и подчеркнул важность долгосрочной и «долготерпимой» дружбы двух стран. Для Индии Россия была и остается верным другом, на что Моды указал в своей речи: *When we hear the word Russia, every Indian immediately thinks of our partner in joy and sorrow, our trusted friend. Our Russian friends call it “Druzhiba,” and in Hindi, we call it ‘Dosti’ (friendship). Despite the severe winters in Russia, the warmth of India-Russia friendship has always remained strong and positive.* – При упоминании слова «Россия», первое слово, которое приходит на ум каждому индийцу, – это верный друг Индии, партнер в радости и горе. Независимо от того, насколько температура падает в России зимой, дружба между Индией и Россией всегда сохраняла тепло двух стран.

В данном примере актуализируется идеологический концепт ДРУЖБА, интерпретация которого модифицируется в зависимости от текущей политической ситуации [об этом см., например, Коняева 2015]. Если в советские времена анализируемый концепт был детерминирован политической ситуацией и выступал в качестве идеологического конструкта, транслирующего официальную политическую доктрину, то на современном этапе геополитического развития когнитивные признаки данного концепта все больше смещаются в сторону ядра, характеризующего межличностные отношения. Именно такая дуалистическая природа дружбы как идеологического концепта созвучна оппозиции «свой-чужие», когда круг *своих* (с которым возможна и важна дружба) четко отграничивается от круга *чужих* (с которым выстраивание дружеских отношений невозможно).

Находим подтверждение сказанному в анализируемом материале. Дружба возможна не только между Россией и Индией как крупными геополитическими игроками, но и на межличностном уровне между лидерами стран, о чем Нарендра Моды заявил по итогам XX юбилейного российско-индийского саммита во Владивостоке в 2019 г.: *In 2001, when Russia hosted the first such summit, my friend, President Putin, was also President of Russia. At that time, I accompanied our Prime Minister [Atal Bihari Vajpayee]: I was a member of the Indian delegation and served as Chief Minister of Gujarat. Over the course of our political careers, we have also expanded our friendship and partnership between our countries, and we did it at a very rapid pace.* – В 2001 г., когда прошел первый такой саммит в России, мой друг Президент Путин так же был Президентом России. Я тогда сопровождал нашего премьер-министра [Атала Бихари Ваджнаи]: в то время как главный министр штата Гуджарат я был членом индийской делегации. И во время нашего совместного политического пути мы также развивали нашу дружбу и партнерство между нашими странами, причем очень быстрыми темпами.

В официальных выступлениях Нарендры Модии Россия предстает как не только большой друг, но и трудолюбивая нация. Об этом премьер-министр Индии заявил, цитируя одного из лидеров индийского национально-освободительного движения Джавахарлала Неру в своей благодарственной речи по поводу обращения президента Индии в Лок Сабхе (нижней палате парламента Индии): *The first Prime Minister of Bharat, Jawaharlal Nehru, made a statement from the Red Fort on August 15th, which I will now read: "The habit of working hard is not common in India. We do not work as much as the people of Europe, Japan, China, Russia, or America do.* – Первый премьер-министр Бхарата Джавахарлал Неру 15 августа сделал заявление из Красного форта [Агра Форт – крепость в Индии, часть Всемирного наследия ЮНЕСКО], которое я сейчас прочитаю: «Привычка много работать не распространена в Индии. Мы не работаем так много, как жители Европы, Японии, Китая, России или Америки».

В данном примере реализуется концепт ТРУД, который также может быть объектом идеологизации: каждая эпоха накладывает свой отпечаток на его семантическое и аксиологическое содержание [об этом см., например, Чернова 2003]. Анализируемый концепт может быть и культурно детерминированным, так как ценность труда в разных культурах варьируется в зависимости от природных и климатических условий, исторических факторов, гендерной характеристики общества и т.д. Значительная роль в идеологизации / деидеологизации концепта принадлежит средствам массовой информации, которые транслируют как официальную точку зрения, так и мнения политиков.

Другим культурно маркированным концептом является ГОСТЕПРИИМСТВО, о чем Нарендра Модия заявил после участия в саммите БРИКС, проходившего в Казани в октябре 2024 г.: *The BRICS summit in Kazan was very productive. Had the opportunity to discuss diverse issues and meet various world leaders. I thank President Putin, the Russian people and Government for their hospitality.* – Саммит БРИКС в Казани был очень продуктивным. Имел возможность обсудить широкий спектр вопросов и встретиться с мировыми лидерами. Благодарю президента Путина, весь российский народ и правительство за их гостеприимство.

Гостеприимство является древнейшей добродетелью во многих культурах [об этом см., напр., Чернобров, Кретьева 2003] и равно как проанализированные выше концепты может быть ритуализован как на бытовом, так и институциональном уровнях.

В результате лапидарного анализа, возможного в рамках настоящего исследования, мы можем прийти к выводу, что образ России в выступлениях премьер-министра Индии Нарендры Модии репрезентирован как современными реалиями, так и отсылками к историческому прошлому. Основными средствами представления образа России являются концепты ДРУЖБА, ТРУД, ГОСТЕПРИИМСТВО, которые могут быть как идеологически, так и личностно маркированы. К возможным перспективам исследования мы относим анализ образа нашей страны на материалы других речей и выступлений Нарендры Модии в более длительной временной ретроспективе.

Литература

Андреев А.Л. Образ России и образ Запада в сознании россиян (середина 1990-х – 2007 годы) // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2. № 1. С. 110-128.

Коняева Е.В. Содержание и вариативность идеологического концепта «дружба народов» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 190-198.

Официальный сайт премьер-министра Индии. URL: <https://www.narendramodi.in/>

Рыженко В.Г. О методиках выявления трансформаций образов прошлого в локальных культурных пространствах постсоветской России // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 53-57.

Строки Н.С. Образ России в европейском кинематографе // Вестник студенческого научного общества гоу впо «Донецкий национальный университет». 2021. Том 2. Вып. 13-1. С. 392-398.

Чернобров А.А., Кротова Л.Н. Языковые средства репрезентации концепта «гостеприимство» в английской и русской лингвокультурах // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 1 (98). С. 313-317.

Чернова О.Е. Прагматическое значение слова как фактор коммуникативного влияния // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2003. № 28. С. 192-198.

N.N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University

RUSSIA'S IMAGE IN NARENDRA MODI'S SPEECHES

The paper explores Russia's image as represented in Narendra Modi's speeches. The study is carried out in the framework of the imagological empirics. Russia's image is described against the Russian-Indian cooperation within the intergovernmental organization BRICS. The ideologically and personally marked concepts FRIENDSHIP, LABOUR, HOSPITALITY are the main means of Russia's image representation in the speeches of the Indian Prime Minister.

Key words: BRICS, India, Russia's image, concept, imagology

Е.М. Крижановская (Пермь, Россия)

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
emkrizh@gmail.com*

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА СССР В АВТОРСКОМ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛЕ Г.А. ЗЮГАНОВА КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ЛИДЕРА РОССИЙСКИХ КОММУНИСТОВ

В статье рассматриваются ментальные репрезентации, способы их реализации в интернет-текстах телеграм-канала лидера российской политической партии и их влияние на создание образа страны. Возникновение выявленных ментальных репрезентаций обусловлено особенностями личности автора текстов, влиянием коммунистической идеологии, свойствами интернет-коммуникации и другими экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: политический дискурс, интернет-коммуникация, авторский телеграм-канал, ментальные репрезентации, идеологемы, образ страны, советские языковые клише

Проблема определения сущности и функций ментальных репрезентаций, несмотря на многолетнюю историю изучения в философии, семиотике, когнитивной психологии и когнитивной лингвистике, до сих пор остается чрезвычайно актуальной. Неослабевающее внимание к изучению ментальных репрезентаций человека объясняется интересом когнитивистов к исследованию структур и механизмов функционирования интеллекта. Изучение данного феномена привело к осознанию необходимости рассмотрения ментальных репрезентаций в статическом и динамическом аспектах, т.е. как процесса и как результата познавательной деятельности человека. В «Кратком словаре когнитивных терминов» под редакцией Е.С. Кубряковой ментальная репрезентация определяется так: это «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления (ре-презентации) мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах» [Кубрякова, Демьянков и др. 1996: 157].

Когнитивные психологи нередко характеризуют ментальную репрезентацию как явление, которое, с одной стороны, отражает существование внутренней психической реальности человека, но инициируется воздействием внешних факторов (событий, явлений материального мира), с другой стороны, выступает инструментом когнитивной обработки информации о воспринимаемой действительности в последующей деятельности человека. По мнению М.А. Холодной, «ментальная репрезентация – это актуальный умственный образ того или иного конкретного события (т.е. субъективная форма «видения» происходящего)» [Холодная 2002: 99]. В то же время исследователь отмечает, что «в современной когнитивной психологии репрезентация рассматривается уже не как форма фиксации знаний, а как инструмент приложения знаний к определенному аспекту действительности» [Холодная 2002: 100].

В современных когнитивных исследованиях выделены и описаны основные типы ментальных репрезентаций, к которым обычно относят концепты, образы, коннекционистские связи и др. В работах А. Пейвио была предпринята попытка классифицировать все ментальные репрезентации на картиноподобные, в которых для представления чего-либо используются картинки, образы, схемы, и языкоподобные (репрезентации языковых единиц разных уровней и пропозиций). По-видимому, из этой же классификации ментальных репрезентаций исходит А.О. Прохоров, который полагает, что если понимать ментальные репрезентации как «внутренние структуры, формирующиеся в процессе жизни человека, в которых представлена сложившаяся у него картина мира, социума и самого себя», то «именно данная трактовка позволяет рассмотреть организацию и содержание вербальных и образных представлений человека» [Прохоров 2016: 24].

В то же время для лингвиста имеет значение предостережение Е.С. Кубряковой и В.З. Демьянкова о недопустимости смешения ментальных репрезентаций в сознании и ментальных репрезентаций в языке. Как отмечают исследователи, «это сме-

шение понятий может в принципе привести не только к неточному использованию соответствующих терминов, но и к смешению двух разных проблем... – вопроса о том, как мы видим мир и как этот мир отражен в существующих мнениях, знаниях и верованиях людей (т.е. в концептуальной системе как осознаваемой части нашего сознания), и как – в отличие от этого – часть названной концептуальной системы объективирована языком и представлена таким образом в форме языковых репрезентаций» [Кубрякова, Демьянков 2007: 11].

Одним из направлений исследований видов ментальных репрезентаций и их влияния на характер современный политического дискурса может быть изучение образа страны – родины определенного политика, представление о которой создается в процессе восприятия его интернет-текстов. В этом отношении интернет-тексты авторского телеграм-канала лидера коммунистической партии России Г.А. Зюганова представляют несомненный исследовательский интерес. Примечательно, что Союз Советских Социалистических Республик (СССР) не существует на политической карте мира с 1991 г., однако образ этого государства присутствует в сознании наших граждан не только старшего, но и младшего поколения.

В качестве материала исследования послужили интернет-тексты 323 постов председателя ЦК КПРФ, руководителя фракции КПРФ в Государственной Думе РФ Геннадия Андреевича Зюганова, размещенные им в авторском телеграм-канале (<https://t.me/zyuganov>) в период с 22 декабря 2023 г. по 12 апреля 2024 г. В процессе изучения было выявлено, как ментальные репрезентации лидера отечественных коммунистов способствуют формированию у интернет-пользователей образа СССР при восприятии текстов политика.

В первую очередь обращает на себя внимание дизайн авторского телеграм-канала Г.А. Зюганова. При оформлении текстов и видеоряда постов нередко используется символика, традиционная для такого исторического периода развития России, когда коммунистическая партия Советского Союза являлась единственной правящей политической партией. К атрибутам этой символики относятся фрагменты советских агитационных плакатов, портреты социалистических вождей, репродукции картин советских художников, черно-белые фотографии, отражающие реалии советского периода развития нашей страны, советские флаги, герб, государственные награды и символы СССР; в оформлении текстов преобладает красный цвет. Иначе говоря, наблюдается стилизация авторского телеграм-канала Г.А. Зюганова под советскую визуально-графическую культуру.

В структуре телеграм-канала лидера КПРФ имеется постоянная рубрика, созданная по модели композиции советских партийных газет: как известно, сообщения о главных событиях в жизни нашей страны выносились на первые полосы газет и отражались в обязательных для того времени текстах передовых статей. Такой рубрикой в телеграм-канале лидера КПРФ является раздел «Главные новости на левом фланге». Например, пост от 22 декабря 2023 г. содержит список следующих главных новостей, значимых для представителей левого движения: *Геннадий Зюганов:*

144 года назад родился выдающийся государственный деятель И.В. Сталин; 21 декабря 1993 г. Ельцин распустил «Ленсовет»; Н. Коломейцев. МРОТ не отвечает требованиям времени; КПРФ Саратов. Как «Единая Россия» перерабатывает законы КПРФ; Коммунисты Адыгеи посетили памятник И. Сталину в честь его годовщины; Фронтовая сводка. Обязательными содержательными элементами данной рубрики выступают сообщения о событиях, связанных с проведением Специальной военной операции России на Украине, памятные даты в истории нашей страны, информация о работе региональных отделений КПРФ, мнения известных деятелей КПРФ по актуальным вопросам современности.

В интернет-текстах Г.А. Зюганова постоянно актуализируются понятия, отражающие особенности политической, экономической, социальной и культурной жизни советских граждан, например: Ан-124 «Руслан», Верховный Совет РСФСР, ВОВ, газета «Правда», Герой Советского Союза, государственный флаг РСФСР, звание Героя Социалистического труда, Знамя Победы, комсомолец, национализация, пионер-герой, полевая кухня, советская власть, социализм, социалистическое государство, товарищ, фронтовые сводки и др. Многие названные понятия являются идеологемами.

Своеобразной квинтэссенцией представлений автора исследованного телеграм-канала о Советском Союзе могут служить следующие высказывания: *СССР превратился в ведущую научную, промышленную, высокотехнологичную державу. Во времена Советского Союза мы были самыми умными, образованными и творческими. Мы были первыми!*

На текстовом уровне названные ментальные репрезентации воплощаются при помощи использования автором речевых клише советского времени. К ним относятся устойчивые слова и обороты публицистического стиля (*выдающийся государственный деятель, город трех революций, гений Ленина, Сталина и партии большевиков, легендарный советский военачальник, освобождение человечества от гнета капитализма, Советская Родина, союз братских народов, сталинский опыт* и др.), типичные для митинговых речей советского периода обращения (*Дорогие товарищи! Друзья!*); советские лозунги и воззвания (*Враг будет разбит, победа будет за нами!; Дорогой Ленина – к победе социализма!*) и др.

Предварительные итоги анализа авторского телеграм-канала Г.А. Зюганова позволяют сделать выводы о том, что ментальные репрезентации политика, безусловно, оказывают влияние на создание определенного образа страны (СССР), который формируется у подписчиков при восприятии материалов авторского аккаунта лидера КПРФ. По-видимому, ментальные репрезентации самого политика в значительной степени обусловлены воздействием ряда экстралингвистических факторов: приверженности Г.А. Зюганова коммунистической идеологии и его глубокой убежденности в ценностях в современном мире социалистических идей; фактов биографии автора, который сформировался как личность в период построения социализма в нашей стране; многолетней деятельности профессионального политика, ролей агитатора и про-

пагандиста коммунистической идеологии, партийного функционера, оппозиционера по отношению к существующему капиталистическому пути развития современной России и мн. др. Ментальные репрезентации политика находят отражение прежде всего в определенных концептах, актуальных для советского периода отечественной истории. В тексте ментальные репрезентации автора канала воплощаются при помощи клишированных конструкций советского политического языка.

Литература

Кубрякова Е.С. Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №4 (013). С. 8-16.

Кубрякова Е.С. Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ, 1996.

Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний: феноменологические и экспериментальные характеристики // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2. С. 23-37.

Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

E.M. Krizhanovskaya (Perm, Russia)

Perm State National Research University

CREATING THE USSR IMAGE IN THE AUTHOR'S TELEGRAM CHANNEL OF G.A. ZYUGANOV AS A RESULT OF MENTAL REPRESENTATIONS OF THE RUSSIAN COMMUNISTS' LEADER

The article examines mental representations, ways of their implementation in the Internet texts of the telegram channel belonging to the Russian political party leader and their influence on the creation of the country's image. The emergence of the identified mental representations is determined by the personality characteristics of the texts' author, by the influence of the communist ideology, by the properties of Internet communication and other extralinguistic factors.

Key words: political discourse, Internet communication, author's telegram channel, mental representations, ideologemes, the image of the country, Soviet linguistic cliches

A.E. Курцов (Ярославль, Россия)

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
kurov.a@mail.ru*

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В данной статье рассматриваются прагматические характеристики художественного диалогического дискурса, которые играют ключевую роль в создании и восприятии литературных текстов. Автор анализирует функции диалога как средства передачи не только информации, но и эмоционального состояния персонажей, их мотивации и социальных отношений. Результаты работы подчеркивают важность учета прагматического аспекта в интерпретации художественных диалогических произведений.

Ключевые слова: художественный дискурс, диалог, прагматические характеристики

Текст, будучи завершенным речевым сообщением, всегда ориентирован на «другого», даже если этот «другой» – это сам автор. В этом контексте диалогичность переходит в субъектность, где автор выступает как реальное лицо, рассказчик, лирический герой или персонаж. Важно также учитывать категорию адресованности, которая связывает текст с конкретным адресатом, обобщенным образом этого адресата, пронизывающим всю структуру произведения, а также с художественным образом персонажа, к которому обращено произведение [Болотнова 2009]. Таким образом, художественный диалог является сложной формой литературной коммуникации, в которой участвуют автор, читатель и персонажи.

Художественный дискурс представляет собой динамичный процесс диалогического взаимодействия между автором и читателем, а также включает взаимодействие языковых и культурных элементов. Следовательно, формируется как социально-культурный опыт общества, так и индивидуальный опыт человека. В процессе чтения читатель определяет цели и задачи текста, сопоставляет новую информацию с уже известной, интерпретирует определенные факты в произведении, может соглашаться или спорить с мнением автора, а также ищет связи между различными фактами, событиями и предметами, стремясь воссоздать образ описываемой реальности [Ленкова 2011: 134-135].

Диалогичность является ключевым признаком художественного текста, поскольку автор (адресант) стремится передать определенную информацию читателю (адресату), который, в свою очередь, интерпретирует ее в соответствии с замыслом автора [Федотова 2013:167]. Коммуникативные отношения между произведением и его аудиторией действительно могут привести к возникновению нового смысла. Этот процесс часто включает в себя интерпретацию текста в контексте культурных, социальных и исторических условий, в которых он воспринимается. Внетекстовая реальность, включая личный опыт читателя, общественные нормы и актуальные события, может значительно влиять на восприятие произведения. Необходимо добавить, что преимущество диалогического подхода к изучению языка заключается в том, что дискурс воспринимается не как маргинальное, частичное или случайное явление в наших жизненных процессах, а как процесс становления, который непосредственно интегрируется в конкретные социальные явления.

Интеракциональность в художественном тексте представлена в форме художественного диалога, или композиционно-смысловых единств, которые «вербализуют нормативные стратегии речевого поведения в художественном диалоге (стилизованном дискурсе, который по-своему отражает личностное пространство общения персонажей в художественном тексте)».

Е.Ю. Ильинова, исследуя интеракциональные комплексы в художественном тексте, приходит к мнению, что в его сюжетном пространстве примеры диалогической речи выполняют двойственную эстетико-художественную функцию. Исследователь отмечает, что в смысловом пространстве художественного текста выделяется, как правило, бытовой и институциональный диалоги, которые рассма-

триваются не только как проявление информативно-художественной функции (развитие сюжетной линии в повествовании; создание образа литературного персонажа и его характеристика), но и как проявление коммуникативно-прагматической функции дискурса, демонстрирующей высокий уровень коммуникативной компетенции личности – способности организовывать общение (диалог), учитывая мотивационные, ролевые, статусные и эмоциональные аспекты речи [Ильинова 2007: 142].

На основании вышесказанного можно выделить следующие основные признаки художественного диалога: 1) *письменный формат общения*; 2) *предварительная подготовка*; 3) *внимательное обдумывание, высокая степень заботы о форме выражения*; 4) *ограниченное использование невербальных средств общения*. Следовательно, драматический диалог состоит из реплик-высказываний и фраз участников акта речевой коммуникации. Реплики-высказывания героев произведения в диалогической речи взаимообусловлены, их структура подчинена определенным законам художественной логики конкретного драматического произведения [Бабаян 2023; Купцов 2021; Шилова 2023].

При дискурсивно-диалогическом анализе художественного текста можно выявить различные аспекты и формы диалогической структуры, как внутри текста, так и за его пределами. Это включает в себя внешний и внутренний диалог, явные и скрытые формы общения, интертекстуальные связи и другие типы диалога. В диалогической организации художественного текста основным носителем диалогичности является автор произведения. В диалогической структуре художественного текста ключевым носителем диалогичности выступает автор произведения. Находясь в центре взаимодействия различных «диалогических нитей», автор принимает на себя определенную роль (речевую маску), что позволяет другим участникам диалога выразить свои мысли и чувства более полно, способствуя созданию общего смысла [Плеханова 2011].

Прагматические характеристики художественного диалогического дискурса включают контекстуальность, имплицитность, адаптивность, эмоциональную насыщенность, роль невербальных средств, стратегии взаимодействия и социальную динамику. Контекст определяет культурные и исторические аспекты общения, в то время как имплицитные значения требуют от читателя активной интерпретации. Адаптивность речи персонажей отражает их социальный статус и эмоциональное состояние, а эмоциональная насыщенность передает внутренний мир героев. Невербальные элементы, такие как интонация и жесты, добавляют дополнительный смысл, в то время как стратегии взаимодействия могут проявляться в манипуляциях или конфликтах. В конечном итоге, диалоги раскрывают сложные социальные отношения между персонажами, что делает их важным объектом анализа в литературе [Купцов 2022].

Кроме того, художественный диалогический дискурс часто использует различные стилистические приемы, такие как аллюзии, метафоры и символику, чтобы углубить смысловые слои общения между персонажами. Эти приемы не только

обогащают текст, но и создают многозначность, позволяя читателю воспринимать диалоги на нескольких уровнях. Например, аллюзии на культурные или исторические события могут служить для создания контекста или подчеркивания тематики произведения. Также важным аспектом является ритмика и структура диалога, которые могут отражать эмоциональное напряжение или динамику отношений между героями. Таким образом, художественный диалог становится не просто средством передачи информации, но и мощным инструментом для формирования образов, раскрытия характеров и создания атмосферы произведения. Следовательно, приходим к выводу, что художественный диалог имеет следующие особенности:

1. *Цель и функция*: Для художественного диалога основной целью является развитие сюжета, передача тем и идей произведения и др.

2. *Структура и форма*: Художественный диалог, как правило, структурирован, включает риторические приемы и другие стилистические элементы.

3. *Характер и стиль*: Художественный диалог, как правило, стилизован в соответствии с определенным стилем/эпохой, может быть идеализирован.

4. *Контекст*. Художественный диалог используется для создания определенной атмосферы, служит для передачи подтекста и скрытых смыслов.

5. *Развитие персонажей*. В художественном диалоге развитие происходит через их интеракцию в диалоге, что представляется наиболее точно понять адресату (читателю) их внутренний мир.

Таким образом, диалогичность как основная характеристика художественного дискурса формирует пространство для взаимодействия различных голосов, идей и смыслов. Прагматический аспект диалога фокусируется на том, как коммуниканты используют язык для выражения своих интенций и достижения целей, учитывая социальные, культурные и ситуационные факторы. В данном контексте особое внимание уделяется тому, как реплика-высказывание влияют на поведение собеседников.

Литература

Бабаян В.Н. Молчащий наблюдатель как продуцент диалогического дискурса терциарной речи // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 34-43.

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009.

Ильинова Е.Ю. Функции диалогичности в художественном тексте // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика. 2007. С. 141-147.

Купцов А.Е. Коммуникативные частицы как языковые средства репрезентации дополнительной информации в художественном дискурсе: на материале английского, испанского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2021.

Купцов А.Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты: монография. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2022.

Ленкова Т.А. Языковые возможности проявления авторского «я» в письменном дискурсе репортажа (на материале современной прессы Германии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 1. С. 134-139.

Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов. Минск: ТетраСистемс, 2011.

Федотова О.С. Проблема диалогичности художественного прозаического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1 (27). С. 165-168.

Шилова Н.В. Метод проектов как инновационная педагогическая технология // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-4. С. 277-280.

A.E. Kuptsov (Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

CHARACTERISTICS OF THE PRAGMATIC CONTENT OF FICTIONAL DIALOGIC DISCOURSE

This article examines the pragmatic characteristics of fictional dialogic discourse which play a key role in the creation and perception of literary texts. The author analyzes the functions of dialogue as a means of conveying not only information, but also the emotional state of the characters, their motivation and social relationships. The results of the work emphasize the importance of taking into account the pragmatic aspect in the interpretation of fictional dialogical works.

Key words: fictional discourse, dialogue, pragmatic characteristics

Е.С. Кусоцкая (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
kuleshovael14@gmail.com*

РОЛЬ МОДЕРАТОРА В КОНФЛИКТНОМ РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОППОНЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ДЕБАТОВ ПРАЙМЕРИЗ США 2019–2020 И 2023–2024 ГГ.

В статье рассматривается роль модератора в инициировании и развитии конфликтной речевой ситуации в контексте американских дебатов праймериз. Модераторы не только следят за соблюдением регламента дебатов, но и зачастую провоцируют их участников на взаимную речевую агрессию. Кроме того, они обращаются к таким прагмалингвистическим средствам, как пресуппозиция и импликатура, для имплицитной дискредитации некоторых оппонентов, и таким образом становятся активными участниками политического дискурса, влияющими на мнение аудитории. Статистические данные показывают, что количество агрессивных высказываний и рост конфликтного речевого взаимодействия в дебатах коррелирует с количеством провоцирующих конфликт вопросов модератора.

Ключевые слова: американский общественно-политический дискурс, дебаты, речевая агрессия, конфликтное речевое взаимодействие, модераторы, прагмалингвистика

Исследование конфликтного речевого поведения на материале политического дискурса зачастую проводится с точки зрения изучения коммуникативных стратегий политических оппонентов и анализа языковой реализации речевой агрессии между оппонентами, например, в политических дебатах. Предполагается, что роль модератора сводится к соблюдению регламента дебатов, формулированию вопросов к оппонентам, это объективный журналист, не позволяющий политикам уйти от сложных вопросов. Однако проводимое нами прагмалингвистическое исследо-

вание с элементами концептуального и дискурс-анализа на материале праймериз Демократической партии США 2019–2020 гг. и Республиканской партии США 2023–2024 г. показало, что роль модератора в дебатах значительнее и сложнее.

Отметим, что, как мы писали ранее [Кусоцкая 2023:131–135], речевая агрессия в конфликтных речевых ситуациях направлена на обесценивание оппонента как личности, его/ее дискредитацию как недостойного члена партии, не заслуживающего доверия и поддержки общей аудитории. Она может быть прямой и косвенной или эксплицитной/имплицитной. При этом особый интерес представляют прагматические средства речевой агрессии, направленные на неочевидную дискредитацию оппонента, а именно: импликация и пресуппозиция. Импликация в грайсовском понимании достраивается слушающим за говорящего и может быть «отменена» агрессором, т.е. он или она могут отказаться от сделанных дискредитирующих намеков относительно политического оппонента в случае неблагоприятного развития конфликта. Пропозиция высказывания зачастую подвергается критическому осмыслению аудиторией, однако дискредитирующая пресуппозиция, «скрытая» в придаточных предложениях, вербалиях или вопросах, не всегда очевидна при восприятии [Grice 1991; Archer, Aijmer, Wichmann 2012; Haugh 2015].

В американских дебатах праймериз модераторами выступают тележурналисты и ведущие новостных и политических теле-передач, как, например, Рэйчел Мэддоу, Гайл Кинг, Андерсон Купер, Лестер Холт (каналы MSNBC, CBS, CNN, NBC). Во время дебатов они задают оппонентам сложные вопросы, иногда ставящие их в неудобное положение:

1. *BURNETT: Thank you, Senator. Mr. Steyer, you are the lone billionaire on this stage. What's your plan for closing the income gap?* [Дебаты Дем. П.; Вестервиль, Огайо; 15.10.2019].

Однако, как показало это исследование, модераторы также сталкивают участников друг с другом, провоцируя развитие конфликта. Они эксплицитно формулируют ранее только подразумеваемые дискредитирующие намеки:

2. *BUTTIGIEG: Yes, we've got to wake up as a party. We could wake up two weeks from today... and the only candidates left standing will be Bernie Sanders and Mike Bloomberg, the two most polarizing figures on this stage...*

HOLT: Senator — Senator Sanders, are you polarizing? [Дебаты Дем. П.; Лас Вегас, Невада; 19.02.2020] → КРС.

3. *INSLEE: Well, I think that these are matters of great and often difficult judgment... I was only one of two members on this panel today who were called to make a judgment about the Iraq war... and I made the right judgment...*

TAPPER: Thank you. Thank you, Governor. Vice President Biden, he was obviously suggesting that you made the wrong decision and had bad judgment when you voted to go to war in Iraq as a U.S. senator [Дебаты Дем. П.; Детройт, Мичиган; 31.07.2019] → без КРС.

Модераторы призывают участников дебатов выражаться яснее, хотя очевидно, что открытые обвинения и претензии могут вызвать конфликт:

4. STEPHANOPOULOS: *Senator Klobuchar, you said in your opening statement you don't — you want to represent the people stuck in the middle of the extremes. Who represents the extreme on this stage?*

KLOBUCHAR: *I think you know that I don't agree with some of these proposals up here, George...*

STEPHANOPOULOS: *Which ones?* [Дебаты Дем. П.; Хьюстон, Техас; 12.09.2019] → умеренная критика опп.

5. DE BLASIO: *Yeah, I don't understand why Democrats on this stage are fearmongering about universal health care. It makes no sense...*

TAPPER: *...Who are you talking about? Who's fearmongering?* [Дебаты Дем. П.; Детройт, Мичиган; 31.07.2019] → КРС.

Они призывают оппонентов сравнить себя с другими участниками дебатов:

6. LEMON: *...So Mayor Buttigieg, you just qualified. You're 37, the youngest candidate in this field. Standing next to you is the oldest candidate, Bernie Sanders, at age 77. Should voters take into consideration age when choosing a presidential candidate?* [Дебаты Дем П.; Детройт, Мичиган; 30.07.2019] → без КРС.

7. BASH: *...Governor DeSantis, why should voters... vote for you, rather than former Governor Haley?* [Дебаты Респ. П.; Де-Мойн, Айова; 10.01.2024] → КРС.

Кроме того, модераторы апеллируют к словам оппонентов, произнесенных в иных обстоятельствах еще до начала дебатов, и подталкивают к выражению несогласия или конфликту. Данный тип вопросов, вероятно, не является спонтанным высказыванием, а готовится заранее.

8. TAPPER: *...Governor Hickenlooper, you ran a Facebook* (*социальная сеть принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ) ad that warned "socialism is not the answer." The ad also said, "don't let extremes give Trump four more years," are you saying that Senator Sanders is too extreme to beat President Trump?* [Дебаты Дем П.; Детройт, Мичиган; 30.07.2019] → КРС.

В некоторых случаях при уходе участников дебатов от провоцирующих конфликт вопросов, модераторы возвращаются к одной и той же теме несколько раз, обращаясь к разным оппонентам, позиционируемым модератором как агрессор или жертва:

9. TODD: *Senator Klobuchar, I actually want to get you to something about — Senator Sanders tweeted last year, "Billionaires should not exist." What say you?*

TODD: *So, Sen. Sanders, what did you mean that you don't think they should exist*

TODD: *Mayor Bloomberg, should you exist?*

TODD [Снова к Блумбергу]: *Is it too much? Have you earned too much — has it been an obscene amount of — should you have earned that much money?* [Дебаты Дем. П.; Лас Вегас, Невада; 19.02.2020].

Интересно, что модераторы сами становятся участниками политической дискуссии, используя те же прагматические средства имплицитной дискредитации участников дебатов, что и сами оппоненты. В следующем примере модела-

торы в начале дебатов настойчиво задают пяти оппонентам два вопроса касательно сенатора Берни Сандерса, главного конкурента Джо Байдена в Демократических праймериз 2020 г. Первый вопрос сформулирован так, что вызывает у аудитории сомнение, будет ли экономика при Б. Сандерсе лучше, чем при президенте Д. Трампе. Важно, что Б. Сандерса сравнивают не с коллегой по партии, а с одиозной фигурой для Демократической партии Д. Трампом, внушая таким образом аудитории, что Сандерс и Трамп похожи в своих экстремально-левых / правых взглядах. Затем модераторы задают следующий вопрос с дискредитирующей пресуппозицией. Спорное мнение о том, что Б.Сандерс является подходящим кандидатом для вмешательства России в выборы США (как в 2016 г. Д. Трамп) преподносится в пресуппозиции как неоспоримый факт. Эти вопросы позиционируют Б. Сандерса как «чужого» для Демократической партии, слишком экстремального, слишком похожего на Д.Трампа.

10. *O'DONNELL: Mayor Bloomberg, I'll let you respond to that. Do you think Senator Sanders' economy would be better for America than President Trump's?*

KING: Mayor Buttigieg, we want to bring you in this conversation. Why would the Russians want to be working on behalf of Bernie Sanders? [Дебаты Дем. П.; Чарлстон, Южная Каролина; 25.02.2020].

Ниже приводится таблица 1 с подсчетом провоцирующих конфликт вопросов модераторов и установленных конфликтных речевых ситуаций (КРС) между оппонентами с применением средств прямой и косвенной речевой агрессии. Очевидна закономерность: в более «агрессивных» дебатах было выявлено большее количество провоцирующих КРС вопросов модераторов. Важно отметить, что не всегда оппоненты откликаются на провокацию модератора и иногда уходят от ответа и прямой конфронтации с другим оппонентом.

Таблица 1. Дебаты праймериз Демократической партии США 2019–2020 гг.

№	1.1	1.2	2.1	2.2	3	4	5	6	7	8	9	10
КСР	5	7	12	20	9	12	6	8	8	9/10	20	18
Провоцирующие КРС вопросы	2	5	16	16	8	18	4	2	11	18	22	11

Таким образом, модераторы способствуют появлению и развитию КРС. Также они принимают активное участие в навешивании негативных ярлыков на участников дебатов, позиционировании их как агрессоров или жертв. Кроме того, модераторы используют прагматингвистические средства внушения аудитории дискредитирующей некоторых участников дебатов информации. Подобное проникновение и влияние представителей масс-медиа на политический дискурс еще раз свидетельствует о взаимопроникновении разных типов дискурса. Как нам кажется, вопросы и реплики модераторов во время дебатов важно анализировать наравне с высказываниями политических оппонентов для лучшего понимания алгоритмов развития конфликтных речевых ситуаций в определенном культурно обусловленном контексте.

Литература

Кусоцкая Е.С. «Чужой среди своих», или дискредитация оппонента как «чужого» в контексте дебатов дем. партии США // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 55. С. 131-135.

Archer D. Aijmer K. and Wichmann A. Pragmatics. London: Routledge, 2012.

Grice P. Studies in the Way of Words. Harvard: Harvard University Press. 1991.

Haugh M. Im/Politeness Implicatures. Germany: De Gruyter Mouton, 2015.

Транскрипты дебатов США. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/people/other/presidential-candidate-debates>

E.S. Kusotskaya (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

MODERATORS' ROLE IN CONFLICT COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF THE US DEMOCRATIC (2019-2020) AND REPUBLICAN (2023-2024) PRIMARIES

This article considers moderators' role in conflict communication. The conducted research shows that moderators often initiate and promote conflict communication and verbal aggression among debating political opponents. Moreover, they tend to use such pragmalinguistic means as implicature and presupposition to implicitly discredit some political opponents, and thus become active participants of the political discourse implicitly influencing public opinion. The number of moderators' questions provoking conflicts directly correlates with the number of instances of verbal conflicts and aggression in a debate.

Key words: American socio-political discourse, American debates, verbal aggression, conflict communication, moderators, pragmatics

A.C. Lagutova (Moscow, Russia)

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет;

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

lagutovaas@gmail.com

КОНЦЕПТ СВЕТИЛЬНИК В ПРОСТРАНСТВЕ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ЖАНРА АКАФИСТА)

В статье описываются особенности функционирования концепта СВЕТИЛЬНИК в пространстве религиозного дискурса. Отмечается специфика данного религиозного концепта, приводятся примеры его вербализации из акафистов XX–XXI вв. для всех чинов святости, а также делается вывод об актуализации периферийного значения концепта в данном типе дискурса.

Ключевые слова: религиозный дискурс, концепт, светильник, акафист, теолингвистика

Одним из ведущих направлений современной когнитивной лингвистики, в основе которой лежат исследования «на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2012: 33], является изучение концептов в различных типах дискурса. Концепт обладает сложной многоуровневой структурой и, будучи ментальной единицей описания языковой картины мира, содержит в себе «помимо предметной отнесенности всю коммуникативно-значимую информацию» [Воркачев 2001: 65].

При этом концепт представляет собой подвижную комплексную единицу, которая может актуализировать свои различные признаки и слои, поворачиваться «разными сторонами» [Попова 2015: 24] как в процессе мыслительной деятельности, так и в зависимости от вида дискурса, в котором она рассматривается.

В рамках данной работы рассмотрим функционирование концепта в православном религиозном дискурсе. Об изучении концептов в данном типе дискурса писали О.И. Ануфриева, И.В. Бугаева, Е.А. Козлова, Т.Б. Радбиль, В.В. Сайгин, М.С. Широкова и др. Для многоуровневого анализа концептов значимую роль сыграл Словарь русской ментальности под редакцией В. В. Колесова.

Отметим, что при описании концептов в рамках религиозного дискурса мы рассматриваем два типа концептов: общие концепты, которые можно исследовать как в нерелигиозном, так и в религиозном дискурсах (например, концепты ЖИЗНЬ и СВЕТ отличаются по понятийному объему и раскрывают больший пласт смыслов с позиции православного религиозного сознания, ср. *жизнь вечная*, *свет истины* и т.п.), для описания таких концептов с позиции нерелигиозного сознания важно учитывать религиозный компонент без которого «некорректно говорить о полном описании концепта и об адекватном отражении ментальности русского народа», для которого были естественными «религиозное сознание и религиозная языковая картина мира» [Бугаева 2019: 176], и чисто религиозные концепты, которые не актуальны в рамках нерелигиозных исследований и в полной мере раскрываются только в религиозном дискурсе.

Религиозный дискурс «концептуализирует слово и наполняет культурным и событийным содержанием стоящий за ним комплекс смыслов» [Коренева 2012: 42], а также предполагает активацию периферийных значений отдельных концептов и их и актуализацию в ядерной зоне. Так, мы можем сравнивать понятийный объем концепта в религиозном сознании и в нерелигиозном типе дискурса. Особенно ярко это прослеживается в жанре акафиста, где гимнографу для передачи тех или иных событий из жизни прославляемого святого или его духовных подвигов необходимо языковыми средствами в полной мере вербализовать эту информацию, чтобы читатель смог ее адекватно воспринять. Рассмотрим это на примере концепта СВЕТИЛЬНИК в религиозном дискурсе.

Для начала обратимся к словарным толкованиям данного слова. В Малом Академическом словаре [МАС], Большом толковом словаре русского языка [БТС], Толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [ТСРЯ], находим определения, где светильник описывается исключительно как физический предмет, обладающий определенными свойствами и служащий конкретным целям. Однако в словаре Д.Н. Ушакова встречаем следующее переносное значение данного слова: «2. перен., чего. О человеке, являющимся источником большой умственной или нравственной силы» [Ушаков 1940: 83]. Схожее значение встречаем и в Большом академическом словаре: «4. Перен. Светильник разума. Тот, кто или то, что просвещает кого-л» [БАС 2019: 18].

Именно переносные значения слова *светильник* актуализируются в религиозном дискурсе в жанре акафиста. Светильником в хвалебной неседальной песне называют святого, которому она адресована. Данное значение лексемы и внутреннее наполнение концепта формируется интертекстуальной связью со строками из Евангелия от Матфея: «И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5: 15).

В богословском трактовании *свет* представляет собой источник Богопознания, высшие истины православия и неугасимый свет благодати, которые Господь воспламенил для своих чад и передал на подсвечники – святым, которые должны нести свет его истин и своей внутренней чистотой поддерживать этот свет, приводя людей ко Христу, освещая к нему путь во всяком месте, пребывая в жизни земной или же в жизни вечной. Слова свет и светильник связаны как этимологически (*светильник* – производное от *свет*), так и семантически, поскольку изделие, несущее свет (подобно светильникам из притчи о десяти девах (Мф. 25: 1-13) и сам свет, как сияние и источник тепла, сопряжены. Поэтому в жанре акафиста, согласно классификации акафистных метафор Н.А. Рядовых, данный концепт можно рассматривать как метафору из мира материальных предметов-изделий, так и как «световую» метафору [Рядовых 2020: 138-139].

При этом концепт СВЕТИЛЬНИК является устойчивым для религиозного дискурса и в жанре акафиста может использоваться как общая узальная фразеомообразующая единица. К святому любого чина святости, при составлении текста прославительной части икоса, гимнограф может обратиться, используя данную агномообразующую компоненту. Рассмотрим это на наиболее ярких примерах из акафистов XX–XXI вв., размещенных на сайте prav-molitva.ru.

Например, в акафисте святой блаженной старице Матроне Московской встречаем фразу *светильнице Божий, нас и по смерти просвещающей*, где концептуальная метафора светильника связана с функцией просвещения святой духовных чад своим примером и духовными подвигами. В акафистах преподобным также наблюдаем обращение к данному концептуальному образу: *светильнице православная страны Российския* (акафист преподобному Амвросию Оптинскому), где автор акафиста указывает на признак концепта, выделяя значимость святого для православной России; *миру новый светильнице, светильнице лучезарный* (акафист преподобному Лаврентию Черниговскому, чудотворцу), видим указание на значимость святого для мирового православия (т.к. светильник *новый* для *мира*), а также связь с семей луч, которая разворачивает перед нами любопытную цепочку: *лучезарный – луч – подобно озаряющему лучу устремленный ко Всевышнему; светильнице, горяй и светяй дарованиями духовными* (акафист преподобному Серафиму Саровскому, чудотворцу), где идет указание на неугасимость светильника, поскольку он горит и светит духовными дарами, становясь примером для тех, кто читает акафист и обращается к святому с молитвенной просьбой.

Используется данный концепт и в акафистах праведным: *немеркнувший светильнице* (акафист праведному Иоанну Кронштадскому, чудотворцу), в данной фразе

также выделяются значимые для акафиста признаки концепта, *светильник немеркнущий – неугасимый – постоянно горящий – вечный, светильниче духовных дарований* (акафист святому праведному Феодосию, Кавказскому, чудотворцу), где отмечается указующий свет духовных даров святого. Вербализуется данный концепт также и в акафистах мученикам и страстотерпцам: *светильниче Церкви Христовы, во тьме века сего возсиявший* (акафист священномученнику Иосифу, первому митрополиту Астраханскому и Терскому), наблюдаем в данной фраземе диалектику земного и небесного, поскольку сияние святого Церкви Христовой противопоставлено тьме века безверия, в то время как во фраземе *светильниче правды* (акафист царю мученику Николаю II, страстотерпцу) видим указание на сияние божественным светом истины, который дан православным как духовный ориентир. Характерно обращение к данному концепту и при глорификации святителей: *светильниче, сидящих во тьме озаряяй* (акафист митрополиту Алексию, святителю Московскому и всея России чудотворцу), где отражена специфическая функция озарения пути для заблудших душ, сидящих во тьме, *светильниче веры, от солнца правды во Царствии Небесном возжженный* (акафист святителю Иоасафу, епископу Белоградскому), где наблюдается интертекстуальная связь с вышеупомянутыми строками из Евангелия от Матфея, *светильниче немеркнущий Света Невечернего* (акафист святителю Луке, исповеднику, архиепископу Крымскому), где неугасимость духовного света святого связывается со Светом Невечерним – незаходящим светом Христа.

Данные примеры демонстрируют, что концепт СВЕТИЛЬНИК активно используется в гимнографии при обращении ко всем чинам святости. В религиозном дискурсе в жанре акафиста актуализируется периферийное значение концепта, которое во всей полноте охватывает метафорические и богословские трактовки данного понятийного слоя: образ горящего светильника семантически связывается с теплотой души, устремленной к Господу, праведника, готового вести божественным светом за собой (*И вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте* (2Пет. 1: 19).

Таким образом, концепт в различных типах дискурса проявляется разными сторонами, актуализируя и активируя разные понятийные пласты, приращивая новые смыслы, конкретизируясь и переосмысляясь. При рассмотрении концептов в религиозном дискурсе необходимо учитывать скрытые смыслы, заключенные в прецедентных феноменах, а также обладать определенным уровнем религиозной компетентности.

Литература

- БАС – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. М., СПб.: Наука, 2019. Т. 25.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- Бугаева И.В. Особенности описания религиозных концептов // Хрестоматия теоллингвистики: сборник статей. 2019. С. 176-188.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

Коренева Ю.В. Концептосфера агиографии и религиозный дискурс // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 5. С. 40-43.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования, 2012. М.: Знак. С. 13-35.
МАС – Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1985-1988. Т. 4.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015.

Рядовых Н.А. Метафорическое осмысление святости в жанре акафиста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 10. С. 135-140.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1992. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 4.

A.S. Lagutova (Moscow, Russia)

*National Research Moscow State University of Civil Engineering;
Russian State University named after A.N. Kosygin*

THE LUMINAIRE CONCEPT IN THE RELIGIOUS DISCOURSE (THE EXAMPLE OF THE AKATHIST GENRE)

The article describes the peculiarities of the functioning of the “luminaire” concept within the space of religious discourse. The specificity of this religious concept is noted, examples of its verbalization from akathists of the 20th–21st century for all ranks of holiness are given, and the conclusion about the actualization of the peripheral meaning of the concept in this type of discourse is made.

Key words: religious discourse, concept, “luminaire”, akathist, theolinguistics

И.С. Лебедева (Москва, Россия)

*Московский государственный институт международных отношений МИД России
(Университет)*

lebedeva_irina_68@yahoo.com

Т.И. Грибанова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
tigribanova65@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая статья посвящена изучению когнитивных предпосылок использования лингвистического хеджирования при создании персуазивного рекламного сообщения. Рассмотренные случаи использования хеджирующих средств свидетельствуют об адаптации фрейма к ситуативным коррелятам, среди которых немаловажное значение имеет видение говорящим коммуникативной задачи и оценка установок целевой аудитории.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фрейм, хеджирование, персуазивность, рекламный дискурс

Стремительное развитие общества сопряжено с ростом деловой активности, которая, в свою очередь, приводит к возрастанию роли коммерческой рекламы. Реклама выступает в качестве связующего звена между покупателем и производителем: она призвана создавать привлекательный образ товара или услуги в глазах потенциального потребителя, тем самым формируя у него устойчивое стремление приобрести данный товар или услугу. Эффективную рекламу отличают следующие черты: информативность, простота, четкость и убедительность [Motallebi, Kuhi 2014; Israa, Nareeman 2019; Yang 2019]. Правильно построенное рекламное сообщение предлагает в простой и ясной форме необходимую информацию о товаре или услуге, воздействуя на целевую аудиторию таким образом, чтобы вызвать у нее интерес к рекламируемому товару/услуге, а затем и стремление его приобрести. В связи с этим, интерес для ученых-лингвистов и создателей рекламы представляет персуазивный потенциал рекламного сообщения, оцениваемый с точки зрения выбора лингвистических средств для реализации поставленных авторами коммуникативных задач. Зачастую считается, что чем прямолинейней и напористей звучит рекламный текст, тем более успешное воздействие он оказывает на целевую аудиторию. Однако, такой подход не всегда оказывается оправданным. Целью настоящего исследования является изучение когнитивных предпосылок использования хеджирующих средств при создании персуазивного рекламного сообщения в английском языке.

Традиционно лингвистическое хеджирование рассматривается как комплексное явление, соединяющее в себе как собственно языковые, так и социокультурные аспекты [Tang 2013; Yang 2019; Litvinova, Larina 2023]. Хеджирование неразрывно связано с когнитивной деятельностью говорящего и его способностью прогнозировать результат создаваемого сообщения на основе базовых когнитивных представлений (фреймов) о коммуникативном событии и узконаправленных когнитивных процессов обусловленных контекстом и формирующих репрезентативную картину события в конкретной ситуации общения [Lakoff 2004; Schwarts-Fiesel 2012]. Результатом когнитивной деятельности, направленной на анализ социального контекста, является конкретизация требований, предъявляемых к фрейму, содержащему прототипические данные о событии и его обстоятельствах [Wang 2010], и на этой основе модификация репрезентативной картины события.

Исследование проведено на материале англоязычного рекламного дискурса (британского и американского). Рассмотренные случаи использования хеджирующих средств в рекламных сообщениях свидетельствуют об адаптации фрейма к ситуативным коррелятам, среди которых немаловажное значение имеет видение говорящим коммуникативной задачи и оценка установок целевой аудитории. Традиционно к основным функциям хеджирования относят смягчение пропозиционального содержания (хеджи-модификаторы пропозиции) и ослабление потенциального негативного воздействия речевого акта (хеджи-модификаторы речевого акта). Следует отметить частотность использования модификаторов пропозиции в

рекламе. Хеджирование пропозиционального содержания позволяет создателям рекламных сообщений отвлечь внимание целевой аудитории от основной цели рекламы – воздействовать на потребителя с целью изменить его пост-коммуникативное поведение (эффект сокрытия), делает рекламу менее навязчивой, препятствует возникновению состояния когнитивного диссонанса, связанного с неоднозначностью суждений, тем самым повышает персуазивность сообщения. Рассмотрим следующие примеры рекламных сообщений:

(1) *In consumer testing, **nearly** 100% of people tested felt that their skin was immediately and intensely quenched* (Benefit).

В данной рекламе косметического средства хедж *nearly* модифицирует пропозицию 100%. Заявление о стопроцентном результате тестирования вызвало бы когнитивный диссонанс у потребителя рекламы и, как следствие, сомнение в достоверности информации, что разрушило бы потенциальный персуазивный эффект сообщения.

(2) *This does save you **eighty or so** pence* (Vichy cosmetics).

В данном сообщении речь идет о косметическом средстве, приобретение которого позволит покупателю сэкономить. Использование *or so* создает хеджирующий эффект посредством расширения возможной экономии, которая может составить как 80 пенсов, так и чуть больше или меньше. Это позволяет авторам рекламы сохранить «лицо» [Brown & Levinson 2014] независимо от того, какие цены будут назначены ритейлерами.

Схожий эффект можно наблюдать в примере (3), где речь идет о марке автомобиля, который имеет меньший расход топлива по сравнению с другими.

(3) *Datsun saves **about** a gallon of gasoline* (Datsun).

Рекламное сообщение (в отличие от специализированного отчета об испытаниях) не требует указания точного количества сэкономленного топлива, более того, излишняя точность прогноза могла бы выглядеть несколько самонадеянно в глазах потенциальных покупателей. Использование хеджирующего *about* позволяет авторам сообщения обезопасить себя от возможных упреков в неточности информации и сохранить «лицо», независимо от того, какова будет реальная экономия топлива.

В указанных примерах использования пропозициональных хеджей активируется фрейм НЕДОСТОВЕРНОСТЬ ПРОПОЗИЦИИ. Причиной активации является обосновательность суждений о товаре. Как правило, подобные утверждения не основываются ни на научных, ни на статистических данных, и создатели рекламы об этом знают. Стараясь избежать упреков в недостоверности, создатели рекламного сообщения модифицируют потенциально опасную пропозицию при помощи хеджирующих средств, функцией которых является создание «размытых концептов» [Zadeh 1965]. Подобная модификация репрезентации пропозиции позволяет сохранить «лицо» и укрепить степень доверия к источнику информации, что напрямую связано с повышением персуазивности рекламного сообщения.

Рассмотрим примеры использования хеджей-модификаторов речевых актов.

(4) *Maybe she is born with it. Maybe it is Maybelline* (Maybelline).

В рекламе продукции известной косметической марки активируется фрейм ПРЯМОЛИНЕЙНОСТЬ СУЖДЕНИЙ, а в качестве хеджа-модификатора речевого акта используется модальное слово *maybe*. Целью авторов рекламного сообщения является отказ от установления непосредственной связи между улучшением внешности потребителя и использованием рекламируемого косметического средства. Модификация фрейма позволяет авторам обезопасить себя от возможных претензий покупателей к качеству рекламируемого товара и, тем самым, способствует сохранению «лица» [Brown & Levinson 2014]. Кроме того, выражение *maybe* во втором предложении оказывается созвучным названию самой компании, что не может не привлечь внимание потребителя.

(5) *Friendship is built on trust, respect and occasionally the scotch* (Ballantine's 12-Year-Old Scotch).

В рекламе шотландского виски наличие хеджирующего средства – лексического адаптера [Prince и др. 1982] *occasionally*, позволяет представить связь между дружбой и крепким напитком менее очевидной, поскольку ассоциация человеческих взаимоотношений с алкоголем в некоторых контекстах, например, привлечение внимания детей, подростков и т. д., является неуместной, следовательно активируется фрейм АБСОЛЮТИЗАЦИЯ СУЖДЕНИЙ. Однако при расширении смыслового контекста целевой аудиторией эта связь становится более понятной. Дружба между людьми традиционно строится на взаимном уважении и доверии, эти же понятия характеризуют отношения между производителем и покупателем. Компания, выпуская высококачественную продукцию, тем самым выражает свое уважение к потенциальным покупателям. Потребители, в свою очередь, раз за разом убеждаясь в качестве товара, формируют устойчивое доверительное отношение как к самому товару, так и к компании-производителю. Объединение этих двух смысловых пластов в одном высказывании позволяет авторам рекламы добиться нужного эффекта: рекламируемый виски настолько высокого качества, что его не стыдно предложить близкому другу, а значит, его стоит приобрести. Отказ от абсолютизации суждений позволяет авторам сохранить «лицо», повысить доверие потребителя к содержанию рекламного сообщения, и, следовательно, усилить его персуазивный потенциал.

Проведенное исследование когнитивных оснований использования хеджирующих средств в персуазивном тексте (на примере англоязычных рекламных сообщений) позволяет заключить, что лингвистическое хеджирование активно используется в англоязычной рекламе и вносит существенный вклад в реализацию целей персуазивного воздействия. В качестве примера в исследовании рассматриваются три наиболее часто встречающиеся в рекламе фрейма: НЕДОСТОВЕРНОСТЬ ПРОПОЗИЦИИ, ПРЯМОЛИНЕЙНОСТЬ и

АБСОЛЮТИЗАЦИЯ СУЖДЕНИЙ. При активации соответствующего фрейма языковое представление модифицируется посредством использования хеджирующих средств, что позволяет исключить или минимизировать возможные негативные реакции со стороны потребителя рекламы, что, в свою очередь, способствует повышению ее персуазивности.

Литература

Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Israa F.A., Nareeman J.R. A comparative study of the used persuasive techniques between women's and men's YouTube advertisements of perfume marketing // Russian Linguistic Bulletin. 2019. № 3 (19). Pp. 4-12.

Lakoff G. Don't Think of an Elephant: Know Your Values and Frame the Debate. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing, 2004.

Litvinova A.V., Larina T.V. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7(1). Pp. 116-130.

Motallebi S., Kuhi D. Comparative analysis of persuasive strategies in English social and commercial advertisements // Journal of advances in linguistics. 2014. Vol. 2. Pp. 587-623.

Prince, E.F., Frader, J. and Bosk, C. On Hedging in Physician Discourse. In Linguistics and the Professions / ed. By R.J. Di Pietro. Norwood: Alex Publishing Corporation, 1982. Pp. 83-97.

Schwartz-Fiesel M. On the status of external evidence in the theories of cognitive linguistics // Language Science. 2012. Vol. 34 (6). Pp. 656-664.

Tang J. Pragmatic functions of hedges and politeness principles // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2013. Vol. 2 (4). Pp. 155-160.

Wang Y. Analyzing hedges in verbal communication: An adaptation-based approach // English language teaching. 2010. Vol. 3 (3). Pp. 120-124.

Yang J. Analysis of hedges in English advertising from the perspective of the Cooperative principle // Open Access Library Journal. 2019. Vol. 6 (6). Pp. 1-12.

Zadeh L.A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. Vol. 8. Pp. 338-353.

I.S. Lebedeva (Moscow, Russia)

MGIMO University

T.I. Griбанова (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

COGNITIVE FOUNDATIONS OF LINGUISTIC HEDGING IN BRITISH AND AMERICAN ADVERTISING

In the present research linguistic hedging is viewed as the result of the speaker's cognitive activity and ability to calculate the impact the created message may produce on the recipient. This ability is predicated upon mental representations – frames containing prototypical data about an event and shallow cognitive processes conditioned by the context. The two classes of cognitive processes underlie the formation of the representative picture of an event in specific communicative situations.

Key words: cognitive linguistics, frame, hedging, persuasion, advertising

*Минжэу Ли (Нанкин, Китай)**Юго-Восточный университет
booksmakemepreperfect@163.com*

СТЕРЕОТИПЫ О РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИНАХ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЛИДЕРОВ

В статье сравниваются образы русских женщин в русских фразеологизмах с их образами в выступлении Владимира Путина, делается вывод о влиянии стереотипных культурных концептов в языковой культурной картине мира на личность и коллектив. Выступление Президента, в силу его роли как национального символа, отражает языковые и культурные концепты нации в целом и подтверждает, что они формируют нацию и индивида.

Ключевые слова: выступление лидера, культурный концепт, стереотип, языковая картина мира, фразеологизм

«В российских женщинах раскрывается душа России, ее красота, притягательность, теплота, милосердие, душевная щедрость», сказал Владимир Путин на пленарном заседании Евразийского женского форума 18 сентября 2024 г. Ему единодушно аплодировали после выступления. Это позволяет предположить, что образ женщины, описанный в его выступлении, соответствует устойчивым представлениям о русских женщинах, которые существуют в сознании всех россиян.

Современное языкознание обращает большое внимание на роль антропоцентрического и культурологического направлений в исследовании языка. Это способствует изучению и анализу различных языковых явлений в контексте национального языкового сознания. Концептуальные исследования являются одним из направлений в лингвокультурологической области в последние годы. «Концепт – ступень культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 2004]. Существуют концепты культурные и реальные, которые охватываются языковой картиной мира и выражаются в «языке в человеке». Выбор официального выступления лидера обусловлен тем, что концепты, заложенные в выступлениях лидеров, одновременно реальны и культурны, хотя они ограничены сознанием носителя, но лидеры как символы государства и нации способны в своих публичных выступлениях выходить за рамки общего, индивидуального и коллективного. Слова лидеров отражают концепты всей нации, какими они уже являются или должны быть.

Концепты – это психологические по своей природе структуры знания, а также структуры мышления, структуры познавательной деятельности человека. В различных культурах люди воспринимают мир по-своему, конструируют свою собственную, исторически обусловленную картину мира. В свою очередь, стереотипные культурные концепты в языковой и культурной картине являются продуктом определенного национального сознания, где в языке в образной форме сохраняются обычаи, ритуалы, коллективные оценки из разных периодов. Прецедентные феномены, такие как пословицы и поговорки, являются проявлениями стереотипных культурных концептов.

Приведем несколько цитат и фразеологизмов о внешних чертах русских женщин: «Русские женщины дурнеют быстро, красота их только мелькнет, и, право, это не от одних только этнографических особенностей типа, а и оттого еще, что они умеют любить беззаветно. Русская женщина все разом отдает, коль полюбит, – и мгновенье, и судьбу, и настоящее, и будущее: экономничать не умеют, про запас не прячут, и красота их быстро уходит в того, кого любят» (афоризм писателя, Федор Достоевский); «красна девица»; «краса ненаглядная»; «писаная красавица»; «ни в сказке сказать ни пером описать»; «в самом соку»; «в цвете лет»; «неземная красота»; «прекрасна словно Афродита» (описание красоты женщин в целом); «кровь с молоком»; «щеки горят» (описание красоты лица и кожи женщин); «очи соколи»; «брови соболий»; «бирюзовые глаза»; «глаза сверкают»; «глаза горят»; «глубокие глаза»; «голубые озера»; «глаза как океан безбрежный»; «глаза как большие черные вишни»; «черные как смоль»; «черные как ночь»; «бездонные глаза» (описание красоты глаз и бровей женщин).

К цитатам и фразеологизмам о внутренних чертах русских женщин относятся: «Василиса премудрая» (мудрая, рассудительная и добронравная женщина); «Женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать, хотя бы и был он сед, хотя бы и в морщинах было лицо его – в силе красота, а не в нежной коже и румянце щек» (афоризм писателя, Максим Горький); «При солнышке – тепло, при матушке – добро»; «Сердце матери лучше солнца греет»; «Сердце матери к детям – из воска»; «Жалость матери меры не знает» (характеристика женщин как матерей). О теплоте, сочувствии, щедрости и других присущих русским женщинам чертах характера можно узнать по значительному количеству выражений, особенно о русских матерях.

Примечательно, что в русских фразеологизмах о женщине такие качества, как ум и сообразительность, часто используются в качестве критерия женского превосходства и являются более важными, чем внешняя красота, что является отражением традиционных русских стереотипов о женщине. Это также является особым проявлением национального характера культурных концептов в картине мира русского национального языка. Например: «Красна пава пером, а жена – умом»; «Женский ум стоит многих дум»; «Красота без разума пуста»; «Красота до венца, а ум – до конца»; «Красота до вечера, а ум – навек»; «Красота лучше, а правда – нужнее»; «Красота разума не придаст»; «С умной женой жить – весь век мед пить, глупую любить – свою голову губить»; «Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша»; «Женская мудрость – уму вершина»; «Милая жена – половина добра, умная жена – добру голова»; «Красота приглядится, а ум пригодится»; «Красота хороша, а ум лучше»; «Красота без ума, что дом без угла, недолго радовать будет». Традиционные концепты русского народа заключаются в том, что умная женщина может принести пользу обществу, семье, близким и самой себе.

«Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная», – так Н.А. Бердяев описал свою родину в статье «Судьба России». Важность красоты и ума, доброты и щедрости в образе русской женщины несомненна: они находятся в ядре концептосферы русского народа.

Наконец, культурные концепты являются одновременно отражением языковой и культурной картины мира нации и в то же время формируют собственную картину мира каждого человека в нации, влияя на его культурные концепты, его мировоззрение и ценности. Выступления лидеров отражают культурные установки и позиции всего государства и нации, реалистичны и публичны, передают стереотипы того или иного аспекта нации. Выступление В. Путина на пленарном заседании Евразийского женского форума, посвященное образу российских женщин, подтверждает это.

Литература

- Хуан Цюфэн. Сопоставление внешней красоты женских образов в китайских и русских фразеологизмах // София: электронный научно-просветительский журнал. 2021. № 2. С. 44-47.
- Коллестратова А.В. Коллестратова А.В. О соотношении понятий «картина мира», «языковая картина мира», «фольклорная языковая картина мира» // Bulletin Almanach Science Association France-Kazakhstan. 2023. №2. С. 61-65.
- Фоменко И.Б. Концепт МИР в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Вып. 8. С. 2614-2621.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.
- Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Издательство Аделант, 2013.
- Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Диамант, 1997.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989. Т. 1.

*Mingrui Li (Nanjing, China)
Southeast University*

STEREOTYPES ABOUT RUSSIAN WOMEN IN THE SPEECHES OF LEADERS

The article compares the images of Russian women in Russian phraseological expressions with their images in Vladimir Putin's speech, concludes about the influence of the stereotypical cultural concepts on the individual and collective perception of the world. The President's speech, due to his role as a national symbol, reflects the linguistic and cultural concepts of the nation as a whole and confirms that they shape the nation and the individual.

Key words: leader's speech, cultural concept, stereotype, perception of the world, phraseology

*А.А. Ловчикова (Челябинск, Россия)**Южно-Уральский государственный университет
annalovchikova@yandex.ru*

ЯЗЫК ВЛАСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ СТРАН БРИКС (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)¹

В данном исследовании анализируются особенности применения метафоры в политическом дискурсе, основываясь на корпусе текстов, посвященных теме БРИКС. Основной целью статьи является выяснение функциональной специфики метафор в этом контексте. Результаты исследования подчеркивают значимость метафор как инструмента воздействия на общественное сознание и политические процессы.

Ключевые слова: политическая метафора, дискурс, когнитивная лингвистика, страны БРИКС, китайский язык

В условиях стремительных изменений на международной арене язык становится важным инструментом формирования политической реальности. Политические метафоры, используемые в дискурсе стран БРИКС, играют ключевую роль в отражении их стратегий и намерений. Метафоры не только помогают выразить сложные идеи, но и формируют общественное восприятие власти и сотрудничества между государствами. Важно понимать, как язык власти влияет на политические отношения и формирует общественное мнение. В данной статье мы рассмотрим основные политические метафоры в китайском дискурсе и их значение для глобальной политики.

Источником материала выступил собственный корпус текстов, извлеченных с сайта официального информационного агентства правительства КНР – «Синьхуа» [Синьхуа] по поисковому запросу «страны БРИКС», на китайском языке «金砖国家» jīnzhūān guójiā.

Объектом исследования являются политические метафоры, предметом – содержательное и функциональное своеобразие исследуемых метафор. Цель статьи – провести анализ функций метафор в китайском политическом дискурсе. Исследование политических метафор в дискурсе стран БРИКС на материале китайского языка актуально, поскольку оно позволяет выявить культурные особенности восприятия власти и политических идей, а также способствует улучшению межкультурной коммуникации и сотрудничества в условиях глобальных вызовов.

Когнитивный подход к метафоре стал одним из наиболее популярных направлений в современной лингвистике. Основу его разработки составляют работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые определили метафору как «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [Lakoff, Johnson 2008: 27]. А.П. Чудинов внес большой вклад в исследование политической метафоры, ученый провел когнитивно-дискурсивное исследование метафоры как компонента современной политической коммуникации и установил когнитивную, ком-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

муникативную, прагматическую, эстетическую функции политической метафоры [Чудинов 2013: 25]. Таким образом, когнитивная метафора является инструментом, который помогает выразить новую идею через уже знакомую. Рассмотрим специфику каждой метафоры с точки зрения вышеперечисленных функций.

Когнитивная функция метафоры. В рамках когнитивного подхода метафора понимается как способ мышления и средство для понимания, представления и оценки определенного фрагмента реальности. Это достигается с помощью сценариев, фреймов и слотов, которые относятся к совершенно другой области понятий [Чудинов 2013:18]. В качестве примера политической метафоры рассмотрим некоторые из них, которые были использованы на пресс-конференции в Пекине 21.06.2022 г.: 金砖国家《失色论》《崩溃论》不时出现 jīn zhuān «shīsè lùn» «bēngkuì lùn» bùshí chūxiàn время от времени появляются теории «угасания» и «краха» стран БРИКС. Эта метафора помогает понять существующие опасения и критику в отношении БРИКС. Сочетание 失色 shīsè «потеря цвета» символизирует утрату значимости или привлекательности БРИКС, а 崩溃 bēngkuì «крах» – его возможный распад. Другой пример яркой метафоры 经过十几年发展·如今金砖国家已经从《小马车》变成新兴市场中的《领头羊》 jīngguò shí jǐ nián fāzhǎn, rújīn jīn zhuān guójiā yǐjīng cóng «xiǎo mǎchē» biàn chéng xīnxīng shìchǎng zhōng de «lǐngtóu yáng» после более чем десяти лет развития, страны БРИКС превратились из «маленькой повозки» в «лидера» на развивающемся рынке. В приведенной метафоре 小马车 xiǎo mǎchē «маленькая повозка» и 领头羊 lǐngtóu yáng «лидер» символизируют трансформацию стран БРИКС. Сочетание иероглифов 小马车 подразумевает что-то небольшое, скромное и, возможно, медленное. Она указывает на начальную стадию развития стран БРИКС, когда они были менее влиятельными и не имели значительного веса на международной арене. Сочетание 马车 «повозка, телега» ассоциируется с простотой, ограниченными возможностями и зависимостью от традиционных методов передвижения и торговли. Иероглифы 领头羊 «лидер, вожак» в данном контексте означают силу, влияние и способность вести за собой. Это указывает на то, что страны БРИКС достигли значительного прогресса и теперь играют ключевую роль в глобальной экономике.

Коммуникативная функция метафоры заключается в том, что она помогает передать сложные идеи и эмоции более доступным и понятным образом. В политическом контексте метафоры часто используются для создания образов, которые могут усилить аргументы, вызвать эмоциональный отклик или упростить восприятие политических процессов. 金砖国家女性工商联盟是由五国领导人授权成立的重要合作机制 jīn zhuān guójiā nǚxìng gōngshāng liánméng shì yóu wǔ guó lǐngdǎo rén shòuquán chénglǐ de zhòngyào hézuò jīzhì женский деловой альянс БРИКС – важный механизм сотрудничества, утвержденный лидерами пяти стран. Метафора 金砖国家是机制 jīn zhuān guójiā shì jīzhì «БРИКС – это механизм» подчеркивает, что страны-участницы работают как слаженная система, где каждая страна вносит свой вклад для достижения общих целей.

Прагматическая функция метафоры. Метафора представляет собой мощный инструмент, способный трансформировать политическую картину мира, существующую в сознании адресата. Она побуждает его к определенным действиям и формирует нужное эмоциональное состояние, необходимое для восприятия со стороны автора.

今年的主要提案是建立金砖国家支付系统·称为«金砖之桥», 该系统将帮助俄罗斯规避因制裁而在全球贸易中收付资金的问题 Jīnnián de zhǔyào tí'àn shì jiànli jīn zhuān guójiā zhīfù xìtǒng, chēng wéi «jīn zhuān zhī qiáo», gāi xìtǒng jiāng bāngzhù èluósī guāibì yīn zhìcái ér zài quánqiú mào yì zhōng shōu fù zījīn de wèntí osnovnoe predloženie etogo goda – sozdanie platenžnoj sistemy BRIKS, nazvannoj «Most BRIKS», kotoraja pomožet Rossii izbežat' problem s vyplatami v mirovoj tovgorve iz-za sankcij. Metafora «金砖之桥» jīn zhuān zhī qiáo «Мост BRIKS» simbolizirujet soedinenie stran BRIKS i sozdanie novyx putej dlia finansovyx tranzakcij, kotorye pomožut preodolet' bar'jery, vyzvannye mežduнародными sankcijami. Ona podčerkivaet stremlenie k ukrepleniju ekonomičeskix svjazej i nezavisimosti ot tradiciionnyx zapadnyx finansovyx sistem.

Эстетическая функция занимает центральное место в художественном дискурсе, и в то же время играет важную роль в политической сфере общения. Образная форма, как хорошо известно, привлекает внимание аудитории и делает высказывания более убедительными. Метафора зачастую воспринимается как признак глубины и точности смысла сказанного. 让我们共同努力·谱写新兴市场国家和发展中国家团结合作谋发展的新篇章 rǎng wǒmen gòngtóng nǔlì, pǔxiě xīnxīng shìchǎng guójiā hé fāzhǎn zhōng guójiā tuánjié hézuò móu fāzhǎn de xīn piānzhāng Давайте объединим усилия, чтобы написать новую главу сотрудничества между странами с формирующимся рынком и развивающимися государствами ради общего развития. В приведенной фразе метафора 新篇章 xīn piānzhāng «новая глава» подразумевает, что предыдущие усилия и достижения являются частью истории, и сейчас настало время для новых инициатив и изменений. Это создает позитивный настрой и ожидание прогресса. Подобные метафоры создают яркие образы, которые могут вызывать эмоциональный отклик у слушателей или читателей. «Новая глава» вызывает ассоциации с надеждой, новыми возможностями и совместными усилиями.

Основываясь на вышеизложенных примерах, можно сделать вывод о том, что метафоры эффективно используются для привлечения внимания аудитории. Метафоры в китайском языке играют важную роль в формировании политического дискурса стран BRIKS. Они служат инструментом для понимания и оценки реальности, создания эмоциональных откликов, передачи сложных идей. Использование метафор в политических высказываниях подчеркивает динамичность и трансформацию стран BRIKS в глобальной экономике, а также их стремление к сотрудничеству и независимости от традиционных западных систем. Метафоры становятся не только языковым инструментом, но и важным элементом стратегического общения на международной арене.

Литература

Синьхуа. Официальное информационное агентство правительства Китайской Народной Республики (КНР). URL: <http://www.xinhuanet.com>

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago press, 2008.

A.A. Lovchikova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University

THE LANGUAGE OF POWER: POLITICAL METAPHORS IN THE DISCOURSE OF THE BRICS COUNTRIES (ON THE MATERIAL OF CHINESE LANGUAGE)

This study analyses the peculiarities of metaphor use in political discourse based on the corpus of texts devoted to the BRICS theme. The main purpose of the article is to find out the functional specificity of metaphors in this context. The results of the study emphasize the significance of metaphors as a tool for influencing public consciousness and political processes.

Key words: political metaphor, discourse, cognitive linguistics, BRICS countries, Chinese language

С.М. Лотарева (Кемерово, Россия)

*Кемеровский государственный университет
sophie2808@yandex.ru*

КОММУНИКАТИВНЫЕ РОЛИ МЕДИЙНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ: «ПРОРОКИ» И «ЛЖЕПРОРОКИ»

В статье рассмотрены особенности коммуникативной стратегии прогнозирования, используемой российскими медийными политологами, и реализуемые ими коммуникативные роли «пророка» и «лжепророка». Продемонстрированы корреляции между коммуникативной ролью, идеологическими установками политолога, особенностями речевого поведения и сло-воупотребления.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, коммуникативная стратегия, стратегия прогнозирования, коммуникативные роли, пророк, лжепророк

В современном мире в условиях форсированной цифровизации все большую остроту приобретает проблематика информационно-психологической войны, являющейся «самым интеллектуальным вариантом военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом. Если обычная война нацелена на тело человека, то информационная или смысловая – на его разум» [Почепцов 2015]. В условиях возрастающей фейковизации медиаконтента и переизбытка противоречивой информации, а также ввиду полярности мнений такое противоборство может быть опасно для неподготовленного читателя, что и предопределяет необходимость лингвистического изучения данного феномена, в т.ч. и особенностей коммуникативного поведения его участников.

Спецификой современного информационно-психологического противостояния является то, что в него активно вовлечены не только политики и журналисты, ком-

муникативное поведение которых изучено достаточно хорошо, но политологи, все чаще привлекаемые в качестве экспертов в различные медиа и даже в большинстве своем успешно создающие и реализующие на разных цифровых платформах собственные медиаресурсы, которые пока достаточно редко становятся объектом лингвистических исследований.

Коммуникативный репертуар каждого из медийных политологов индивидуален (см., например, [Кондратьева, Кукарцева 2021]), однако по доминирующим стратегиям и тактикам в арсенале каждого из них можно определить их ведущую коммуникативную роль. Если в тексте того или иного медиаэксперта доминирует оценочная стратегия, то он реализует коммуникативную роль «критик», если преобладает разъяснение каких-либо событий – это роль «интерпретатора», если события анализируются с точки зрения их легитимности или нелегитимности – «легитиматор» и т.д. Как отмечает Т.Л. Каминская, «эти роли определяются как словопотреблением определенных повторяющихся речевых конструкций, так и ориентирующим речевым поведением других участников коммуникации (журналистов, аудитории)» [Каминская 2023].

Целью предлагаемой статьи является рассмотрение одной из основных стратегий, используемых российскими медийными политологами (стратегии прогнозирования) и реализуемых при использовании данной стратегии двух коммуникативных ролей – «пророк» и «лжепророк». Материалом исследования послужили тексты двух крупных российских политологов, представляющих разные идеологические полюса – Ф.А. Лукьянова и В.Д. Соловья (в соответствии с распоряжениями Минюста России включен в реестр иностранных агентов).

Ф.А. Лукьянов, представляющий проправительственный полюс, является председателем Президиума Совета по внешней и оборонной политике, главным редактором журнала «Россия в глобальной политике», научным директором Международного дискуссионного клуба «Валдай». В.Д. Соловей, относящийся к оппозиционному полюсу, является политологом, политическим аналитиком, конспирологом, был профессором и заведующим кафедрой рекламы и связей с общественностью МГИМО, известен своими политическими прогнозами, которые вызывали широкий общественный резонанс, в настоящий момент признан иностранным агентом.

Прогнозирование является самым востребованным видом деятельности современных медийных политологов. В работах К.В. Симонова политическое прогнозирование понимается как «разработка научно обоснованных суждений о вероятных состояниях всей политической системы или отдельных ее субъектов в будущем и о возможных путях и сроках их достижения» [Симонов 2002: 93].

Как отмечают исследователи, доминирование стратегии прогнозирования в коммуникативном репертуаре позволяет говорить об использовании коммуникативной роли «пророка» [Каминская 2023]. По нашему же мнению, активное использование названной стратегии дает возможность выделить две коммуникативные роли – «пророк» и «лжепророк», что обусловлено как идеологическими установка-

ми политического медиаэксперта (проправительственными или оппозиционными), так степень достоверности политических прогнозов, их точностью и аргументированностью, а также особенностями речевого поведения и словоупотребления.

Как показал анализ, Ф.А. Лукьянов, транслирующий официальную государственную идеологию, успешно реализует коммуникативную роль «пророк». Его прогнозы точны, основаны на глубоком анализе всех факторов, при выстраивании прогноза он использует параллели со сценариями развития уже произошедших аналогичных событий: *Любая изменившаяся конфигурация Украины не будет юридически признана ни ею, ни ее западными союзниками. То есть в лучшем случае речь может идти только о заморозке, приостановке боевых действий – эдаком восточноевропейском варианте корейской «38-й параллели». Но это почти гарантирует, что при первой же материально-технической возможности конфликт возобновится с еще большим ожесточением* (Лукьянов 2024).

Одно из основных средств прогнозирования – это активное использование форм будущего времени, при этом у Ф.А. Лукьянова подобные глаголы выносятся сразу в заголовочный комплекс, о важности такого приема пишет А.Н. Байкулова: «персуазивные прогнозы и сценарии политиков нередко выносятся в заголовочный комплекс статей как эффективное средство привлечения внимания: прогнозирование всегда волнует людей» [Байкулова 2017: 34]. Таким образом сразу проявляется коммуникативная роль медийного политолога: *Какими будут внешнеполитические условия нового срока Путина* (Лукьянов 2024); *Каким будет место России в мировой иерархии после СВО?* (Лукьянов 2023).

В качестве языковых маркеров прогнозирования ученые также выделяют использование модальных предикатов и дискурсивных слов со значением уверенности, «которые демонстрируют, что у автора достаточно оснований для сделанных предположений» [Панченко 2019]. В материалах Ф.А. Лукьянова доминируют модальные предикаты и дискурсивные слова, указывающие на максимальную степень уверенности – *бесспорно, очевидно, действительно* и т.д.: *Ядерное оружие действительно способно уничтожить человечество, и институт сдерживания считался едва ли не незыблемым. Можно разыгрывать разные партии, но ставить на кон существование планеты нельзя. Да никто и не будет* (Лукьянов, 2023).

Косвенно политологи выражают авторитетность своего мнения еще и с помощью использования терминов: «в прогнозах также встречается употребление сложной специальной терминологии, работающей на имидж достоверности» [Панченко 2019]. Прогнозы Ф.А. Лукьянова насыщены подобной терминологией, например: *президентской каденции, международной коалиции, геополитической силе, денонации правовой базы: Вопрос о том, какой станет российская внешняя политика во время новой президентской каденции, кажется если не неуместным, то избыточным* (Лукьянов 2024).

В.Д. Соловей, придерживающийся оппозиционных взглядов, является ярким примером коммуникативной роли «лжепророк», поскольку его прогнозы достаточно часто

не сбываются. В частности, еще с 2017 г. политолог регулярно предсказывает скорую смену власти в России, чего, как известно, не произошло. Недостоверными оказались также его прогнозы о нападении на страны Балтии, предсказанные на 2019–2020 гг.

В своих прогнозах В.Д. Соловей часто использует модальные и дискурсивные слова со значением возможности, вероятности: *После президентских выборов Россию ожидает крупный политический кризис, который закончится крахом режима, либо, что менее вероятно, большим переделом власти* (Соловей, 2023). Его прогнозы наполнены эмоционально-окрашенной лексикой, политолог стремится создать картину «темного» будущего, максимально эмоционально воздействовать на адресата: *Начало нового года для российской власти будет непростым, но по-настоящему тяжелые времена наступят после президентских выборов, когда все разногласия в «политбюро 2.0» проявятся в полной мере* (Соловей 2023).

Таким образом, оба медийных политолога активно используют стратегию прогнозирования. Однако сценарии будущего Ф.А. Лукьянова, придерживающегося проправительственных взглядов, находят реализацию в настоящем, т.е. политолог реализует коммуникативную роль «пророк», а В.Д. Соловей, являющийся представителем оппозиции, может быть охарактеризован как «лжепророк», так как его прогнозы оказались неточны.

При этом прогнозы Ф.А. Лукьянова отличаются разнообразием способов конструирования уверенности и достоверности, среди них вынесение в заголовочный комплекс форм будущего времени для трансляции ключевой коммуникативной интенции, использование специальной терминологии, употребление модальных слов со значением уверенности, преобладание нейтральной лексики. В то время, как В.Д. Соловей в своих материалах зачастую не выстраивает каких-либо конкретных сценариев будущего, его прогнозы абстрактны, более эмоциональны в языковом отношении, частотна пейоративная лексика (*крах, кризис, тяжелые времена, потеря, уничтожение*), гораздо реже используется терминология.

Литература

- Байкулова А.Н. Персуазивные прогнозы и сценарии в массмедийном политическом дискурсе (функции и средства выражения) // Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления. 2017. № 1 (16). С. 31-39.
- Деловой журнал «Профиль». URL: <https://profile.ru/author/lukyanov-fedor/>
- Каминская Т.Л. Коммуникативные роли политических экспертов в медийной повестке информационного противостояния // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 303-316.
- Кондратьева О.Н., Кукарцева С.М. Делегитимизирующие стратегии и тактики в дискурсе политологов (на примере публикаций Кирилла Рогова) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. №4. С. 62-72.
- Панченко Н.Н. Особенности функционирования политического прогноза в массмедийном дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 11-15.
- Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: ТД «Алгоритм», 2015.

Симонов К.В. Политический анализ. М.: Логос, 2002.

Telegram-канал «Профессор Соловей. Генерал СВР». (В соответствии с распоряжениями Минюста России включен в реестр иностранных агентов). URL: https://t.me/VD_Solovey

S.M. Lotareva (Kemerovo, Russia)

Kemerovo State University

THE COMMUNICATIVE ROLES OF MEDIA POLITICAL SCIENTISTS: “PROPHETS” AND “FALSE PROPHETS”

The article considers the role of forecasting strategy in the communicative repertoire of Russian media political scientists and analyzes the linguistic features of the communicative roles of “prophet” and “false prophet” used by them. The correlations between the communicative role of a political scientist, his ideological attitudes, peculiarities of speech behavior and word usage are demonstrated.

Key words: information and psychological warfare, communication strategy, forecasting strategy, communication roles, prophet, false prophet

О.Б. Мангова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
o_kassandra@mail.ru*

ОПЕРАЦИОННЫЙ КОНЦЕПТ КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ КАК МАРКЕР АКТОРНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В статье приводится фреймовый анализ операционного концепта КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ с примерами вербализаций отдельных слотов, рассматривается функционирование концепта в политическом дискурсе англоязычных СМИ. Авторы приходят к выводу, что номинативная плотность операционного концепта отражает степень акторности политических субъектов в военно-космической сфере.

Ключевые слова: операционный концепт, политический актор, международные отношения, космическая милитаризация, вербализация, метафора, номинативная плотность

Военные интересы являются одним из ключевых факторов деятельности государств по использованию космоса. Таким образом, космос постепенно превращается в пространство соревнования между политическими акторами, проводящими космические программы, поскольку потенциальные возможности освоения космоса для обеспечения военного преимущества были отмечены еще в первой половине XX в.

Общепризнанными акторами мировой политики являются государства и международные объединения, оказывающие влияние на формирование общей картины международных отношений. По мнению многих исследователей, основными критериями акторности являются автономность в принятии решений, возможность реализовать собственные интересы и способность влиять на мировую политику.

Анализ вербализаций операционного концепта КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ может дать представление о космической деятельности государств и

других субъектов политических процессов, а также оценить их акторность в военно-космической сфере на мировой арене. Наполненность слотов и количество их вербализаций будет свидетельствовать о степени акторности того или иного субъекта. В первую очередь это касается слотов ЦЕЛЬ, МЕТОД и ИНСТРУМЕНТ, поскольку вербализации именно этих слотов обладают национальной маркированностью, что обусловлено различиями осуществления военно-космической программы государств и межгосударственных объединений. Очевидно, разнообразие методов и инструментов космической милитаризации определяется уровнем развития космической отрасли. Максимально полное выявление состава языковых средств, репрезентирующих концепт КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ позволяет определить номинативную плотность в политическом дискурсе с целью определения акторности того или иного субъекта.

Концепт КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ характеризуется высокой динамичностью и социально-политической значимостью. В концептуальном плане он обладает собственной пропозиционально-фреймовой структурой, элементы (слоты) которой вербализуются и прямыми, и косвенными (метафорическими) языковыми средствами. Метафорические вербализации слотов имеют прагматическую направленность и концептуально-дискурсивную основу.

Согласно определению операционного концепта, разработанному В. Г. Кузнецовым, в основе данного ментального образования лежит некое операционное действие, представляющее собой фрагмент политического знания и имеющее комплексный и энциклопедический характер [Кузнецов 2010: 317].

На основании фактического материала, почерпнутого из энциклопедий, дидактической литературы и других справочных источников, были установлены субъектно-объектные отношения ситуации космической милитаризации и получены представления о ее особенностях.

При описании структуры операционного концепта КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ использовался метод фреймового анализа операционного концепта, разработанного О.Б. Манговой [Мангова 2011: 57].

Слот СУБЪЕКТ. Субъектами космической милитаризации являются страны, развивающие космические программы в военном направлении, а также межгосударственные объединения, включающие военно-космические задачи в свою повестку.

Слот ОБЪЕКТ. Объектом космической милитаризации является космическое пространство.

Слот ЦЕЛЬ. Цели космической милитаризации детерминируются национальными интересами и приоритетами.

Слот МЕТОД. Методы представляют собой военно-космические программы и стратегии.

Слот ПРАВОВАЯ ОСНОВА. Международный правовой режим использования космического пространства (многосторонние обязательства и договоры, регламентирующие военное использование космоса).

Слот ИНСТРУМЕНТ. Инструменты – это физические активы, используемые для реализации военно-космических программ.

Приведем примеры вербализаций обозначенных слотов.

СУБЪЕКТ: Россия, Китай, США, Франция, Великобритания, Северная Корея, НАТО, БРИКС, ЕС и другие.

ОБЪЕКТ: космос, космическое пространство, космическая среда, космический театр военных действий, новое пространство.

ЦЕЛЬ: статус универсальной космической державы, военное преимущество в космической среде, стратегический паритет, национальный и международный престиж, первенство в космосе, верховенство политической идеологии и другое.

МЕТОД: Программа по обеспечению безопасности деятельности в космосе «Млечный путь» (Россия, БРИКС), Программа проведения военных учений в космосе «AsterX» (НАТО), Стратегия КНР по доминированию в космосе, Космическая программа НАСА, «Стратегическая оборонная инициатива» Рейгана (СОИ), Программа противоспутниковых испытаний (ASAT), «Миссия Шакти» (Индия) и другие.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА: договоры в области ракетной безопасности (ДПРО, ДРСМД, ДОН, ДОВСЕ), договор о предотвращении размещения оружия в космосе (ДПРОК), договоры Международного права о Луне и небесных телах и др. [Антонов 2015: 47].

ИНСТРУМЕНТ: Воздушно-космические силы России, Космические силы США (U.S. Space Force), Аэрокосмические силы НОАК; разведывательные спутники: «Космос», «Лотос» (Россия); «YaoGan» (Китай); «KeyHole» (США), CSO (Франция); спутники связи: «Гонец» (Россия), «Tianlian» (Китай), «Milstar» (США), «Sygacuse» (Франция); орбитальные станции: РОС (Россия), «Tiangong» (Китай); пилотируемые орбитальные станции военного назначения: МОЛ (США), «Алмаз» (Россия); система магнитогидродинамических взрывных боеприпасов МАНЕМ (США); другие космические средства обеспечения связи, навигации и метеорологии, ракеты-носители, которые могут быть использованы для доставки «боевой полезной нагрузки» и другие.

Операционный концепт КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ вербализуется значительным количеством прямых номинаций. Косвенные (метафорические) вербализации встречаются в текстах общественно-политического характера. Они характеризуются экспрессивными свойствами, реализующими прагматический потенциал языковых средств, выполняя аттрактивную и персуазивную функции.

Приведем примеры метафорических вербализаций концепта.

1. But the sharp drop in launch costs in recent years... has made entry possible for many smaller players, leading to **a satellite-business frenzy**... (The New York Times, «The Cost of Nuclear War in Space», 24 февраля 2024 г.).

В данном случае метафорически вербализуется слот СУБЪЕКТ. Проводится мысль о том, что процесс космической милитаризации становится все более ин-

тенсивным и хаотичным. Из фразы читатель понимает, что снижение стоимости запуска спутников приводит к ажиотажу на военно-космическом рынке. Автор стремится доказать, что вместе с этим уменьшается возможность контролировать действия субъектов.

2. Decades ago, the US and the Soviet Union vied for technologies **to knock-out each other's satellites**, with Russia's 1957 launch of Sputnik – the world's first artificial satellite – quickly followed by US counterspace tests (CNN, «America's military has the edge in space. China and Russia are in a counterspace race to disrupt it», 27 мая 2024 г.).

Данный пример содержит вербализацию слота ЦЕЛЬ. Автор использует развернутую метафору, чтобы показать, что государства стремятся к доминированию и военному преимуществу в космосе, уничтожая спутники противника. При этом, сама метафора взята из области-донора «борьба», что характеризует взаимодействие крупнейших участников космической милитаризации как активное состязание, противоборство.

3. A nuclear weapon in space would be a potential **last-resort option** – or **hanging sword** – for its potential to wipe out a wide swath of satellites, albeit indiscriminately (CNN, «America's military has the edge in space. China and Russia are in a counterspace race to disrupt it», 27 мая 2024 г.).

В этих примерах вербализуется слот ИНСТРУМЕНТ. С помощью метафор автор эксплицирует свою негативную оценку космической деятельности государств. В случае с «last-resort option», ядерное оружие, которое могут использовать в космосе США, Россия и Китай, рассматривается как крайняя мера, когда все другие инструменты противодействия исчерпаны. Метафорой «hanging sword» автор подчеркивает, что ядерное оружие представляет собой перманентную угрозу, даже если не применяется активно. Само наличие ядерного оружия у политических участников милитаризации космоса говорит о повышенной степени их акторности в этом процессе.

Когнитивно-дискурсивный подход к общественно-политическим текстам выявляет способ подачи информации о деятельности, направленной на наращивание военного присутствия в космосе, представленной операционным концептом КОСМИЧЕСКАЯ МИЛИТАРИЗАЦИЯ. Анализ прямых и косвенных вербализаций концепта, дает представление о военно-политических реалиях в области освоения космоса, а его номинативная плотность свидетельствует о степени акторности стран и межгосударственных объединений, влияющих на международные отношения в этой области.

Литература

- Кузнецов В.Г. Типология концептов // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. 6. С. 316-318.
- Мангова О.Б. Репрезентация операционного концепта «государственное регулирование» в экономическом дискурсе английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Антонов А.И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (25). С. 190-197.

O.B. Mangova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

OPERATIONAL CONCEPT SPACE MILITARIZATION AS A MARKER OF POLITICAL ACTORNESS

The article presents a frame analysis of the operational concept SPACE MILITARIZATION with examples of verbalizations of its slots, and examines the functioning of the concept in the political discourse of English-language media. The authors conclude that the nominative density of the operational concept reflects the degree of actorhood of political subjects in the military-space sphere.

Key words: operational concept, political actor, international relations, space militarization, verbalization, metaphor, nominative density

М.М.Ф. Мегэхед, Н.Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
maroufm@mail.ru, nkoshka@rambler.ru

ОБРАЗ РОССИИ В ОФИЦИАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЕГИПТА¹

Статья посвящена анализу репрезентации образа России в официальном политическом дискурсе Египта. Исследование выполнено в русле науки об изучении образа другого – имагология. Ключевыми дискурсивными механизмами при формировании образа России являются стратегии автообраза и гетерообраза. В анализируемом процессе задействованы также принципы потестарной имагологии.

Ключевые слова: Египет, Россия, БРИКС, образ, имагология, потестарная имагология

Египет – сердце Ближнего Востока, одна из старейших арабских стран и является важным игроком в этом регионе. Россия – крупная, влиятельная страна и мировая держава, которая стремится укреплять взаимоотношения с арабскими странами и, в первую очередь, с Египтом, что подтверждается заявлением президента России В.В. Путина: *Египет для России является незаменимым стратегическим партнером* [Путин]. Особую значимость взаимодействие двух стран приобрело после принятия Египта в БРИКС в январе 2024 г.

Членство Египта в БРИКС подтверждает популярность этого объединения среди стран Глобального Юга, а деятельность стран-членов неформальной группы предоставляет богатый геополитический и лингводискурсивный материал для изучения образа одного государства при его рецепции в рамках другой культуры. Такие исследования проводятся в рамках имагологии, которая «имеет дело с особой новизной культурно-общественного сознания, с особой формой миропознания, т.е. со специфическим видом культуротворчества» [Земсков 2006].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>

Многогранное сотрудничество, от дипломатии до культуры, связывает Россию и Египет. Дипломатические отношения между Советским Союзом и Египтом были установлены еще в 1943 г., в разгар Второй мировой войны, после победы советской армии в Сталинградской битве. Подготовка к этому событию велась через советского посла в Лондоне Ивана Майского, который дважды посетил Египет, где встретился с премьер-министром Мустафой Наххас-пашой; эти встречи привели к обмену посланиями, положившими основу для установления отношений.

Бывший посол Египта в России Иззат Саад в интервью для канала DMC, говорит о том, что *«Россия – государство, которое придерживается принципов глобального управления, основанного на тех же основах, которые поддерживает и защищает Египет. Такие, как невмешательство во внутренние дела, мирное урегулирование международных конфликтов в рамках легитимных международных организаций, таких как ООН»* [Бывший посол Египта]. В данном примере реализуются ключевые понятия имагологии – автообраз (представление о себе) и гетерообраз (представление о другом) [Поляков 2015]. При совпадении двух этих дискурсивно-имагологических составляющих общение между двумя культурами будет лишено сбоев, неудач и провалов, что ярко проявляется в российско-египетских отношениях. К языковым средствам, используемым в анализируемом высказывании, относим сравнение (Россия и Египет), экзemplификация (таких как ООН).

Так, например, репортаж информационного агентства «Экстра Ньюс» транслирует взаимоотношения между Египтом и Россией, говоря о прочных и глубоких отношениях, единстве и согласованности действий, а также усилении этого процесса с приходом к власти президента Египта Абделя Фаттаха ас-Сиси:

أنه قد تمّت تاونس رادم على ايسورو رصم نيبي عمّ جت يتلأ ذرّجت ملأ ودي طولأ تاقال علأ
تأفرّحتلأ يف قفاوتلأ و كُفرتش ملأ يؤرلأ ونواعتلأ يف مّب ىذحتي الائم دعت تاقال علأ هذه
كُفرتش ملأ مامتهالأ تاذ تافلل ملأ مظعم ىوتسم ىلأ

Египет и Россия на протяжении многих лет демонстрируют образец прочных и глубоких отношений, основанных на сотрудничестве, единстве позиций и согласованных действиях по важнейшим вопросам (здесь и далее перевод авторов статьи) [Экстра Ньюс].

دهع يف قدي دج ةيوق عفد فوق تبس تكأ ني دلبلأ نيبي قدي رفلأ تاقال علأ
فورظللأ لظ يف ازي مت رثكأ تتاب ىتح سيس سلأ حاتفلأ دبع سيس ىرلأ
يف تاقال علأ قناتم ترولبتو ، رارق تسالأ مدعب مست يتلأ قنهارلأ ةيلودلأ
تارمتؤملأ شمأه ىلأ تءاقالللأ بنأجب ني دلبلأ ءام عزل كُفرتش ملأ تارايزلأ
ةيلودللأ ممقلأ و

Уникальные отношения между Египтом и Россией обрели новую мощную динамику при президенте Абдель Фаттаха ас-Сиси. В условиях глобальной нестабильности эти связи стали еще более значимыми и выделяющимися. Прочность партнерства ярко проявляется в регулярных визитах лидеров двух стран и их встречах на полях международных саммитов и конференций [Там же].

В данном примере реализуется еще один аспект науки об изучении образа – потестарная имагология, которая имеет дело «со сложными, синтетическими образами, соединяющими в себе и акустические, и визуальные, и словесные, и любые иные элементы вместе или в различных сочетаниях» [Власть и образ 2010: 19]. В сознании людей власть чаще всего ассоциируется с определенной фигурой, личностью, политическим деятелем – не является исключением и репрезентация образа России в официальном политическом дискурсе Египта, когда успехи в реализации целей двустороннего сотрудничества атрибутируются лидеру ближневосточной страны. Наиболее яркие средства на уровне языка, которые можно выделить в приведенных высказываниях, – это широкий репертуар эпитетов (прочный, глубокий, мощный, значимый, выделяющийся), использование метафоры (встречи на полях международных саммитов).

Президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси стал первым иностранным лидером, который выступил с трибуны Совета Федерации РФ 16 октября 2018 г. В своей речи египетский лидер транслировал образ России для Египта как надежного и верного партнера, упомянув поддержку страны после событий 2013 г., когда Египет переживал политический кризис.

قم عمل اب تزي مت ام امئاد ايسورو رصم نيب قدي طول تاقال عل ن ايسور تنك دقف، دئادشلاو تامزالا تقو يف لجت ام وهو، ةيصوصخل او قلات حمل ضرال اداعتسال رصم نوعلا دي مدق نم لو، ةمؤكحو اب عش، امئاد

Тесные отношения между Египтом и Россией всегда отличались глубиной и уникальностью, что особенно проявлялось в моменты кризисов и трудностей. Россия, как народ, так и правительство, всегда была первой, кто протягивал руку помощи Египту для восстановления оккупированных территорий [Речь президента Абделя Фаттаха ас-Сиси в Совете Федерации].

Президент Египта охарактеризовал Россию как дружественную державу, акцентируя внимание на исторических культурных связях, взаимоуважении и готовности к диалогу даже при разногласиях.

اميسال، هيلع دامت عال امئاد نكمي يذلا، يفول قيديصل ايسور لظتس يتح، ةيولودل لفاحمل فل تخم يف لدابتلم معدل او يورل براق لظ يف يلع ارفاح دعي لذل نف، اياضقلل ضعبل ايح رظنل تاهو تنيابت ن او لبسلل الوصو، نواعتل او قيسنتل نم ديزمل ةجالحل ادؤكاتو، راولح اارثا ةكتر تشمل تايدحتل ةجاولم يلثمل

Россия всегда остается надежным другом, на которого можно рассчитывать. Несмотря на возможные различия в мнениях по некоторым вопросам, это лишь стимулирует обогащение диалога и подтверждает необходимость усиления координации и сотрудничества для решения общих вызовов [Там же].

В приведенных примерах ярко прослеживается мысль о том, что дружба – это не только взаимоотношение, но и взаимодействие [Рябкова 2013]. В политической

коммуникации взаимодействие реализуется в форме диалога, который представляет собой «не только и не столько разговор на внешнем уровне, а прежде всего обмен мнениями со своим народом, подчиненными, неправительственными организациями, оппозицией внутри страны» [Кошкарлова 2013: 123]. В отношениях России и Египта как двух крупных политических игроков имеет место такой диалог с учетом достижения компромиссов и сбалансированного достижения возникающих проблем. Языковые средства, представленные в данных примерах, включают прежде всего создание метафорического образа (протягивать руку помощи, обогащение диалога), что способствует более эффективному воздействию на целевую аудиторию.

Таким образом, в результате анализа репрезентации образа России в официальном политическом дискурсе Египта мы можем сделать вывод о том, что дискурсивные механизмы, задействованные в данном процессе, включают в себя стратегии автообраза и гетерообраза – ключевых понятий имагологии. Другим аспектом формирования образа России в официальном политическом дискурсе Египта является реализации принципов потестарной имагологии, так как ключевая роль в анализируемой деятельности принадлежит президенту Египта – Абделю Фаттаху ас-Сиси. К наиболее продуктивным языковым средствам создания образа России относится использование эпитетов, сравнение, экземплификация, метафорическая репрезентация окружающей действительности.

Литература

Власть и образ: очерки потестарной имагологии / под ред. М.А. Бойцова, Ф.Б. Успенского. СПб.: Алетея, 2010.

Земсков В.Б. Образ России на переломе времен // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. 2006. № 1. URL: <http://nrgumis.ru/articles/81/>

Кошкарлова Н.Н. Концепт «диалог» в политическом интервью межкультурного уровня // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8. № 1. С. 121-125.

Поляков О.Ю. Имагология. Киров: ВятГУ, 2015.

Рябова Е.С. Способы описания концептов позитивных межличностных отношений: концепты «друг», «дружба» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 10 (301). С. 88-91.

Бывший посол Египта в России Иззат Саад в интервью на канале DMC под названием: «Египетско-российские отношения: как интерпретировать внешнюю политику Египта?» URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f1QSHPhlz04>

استدأيزل قريبيك قافاً لكان هو رصمو ايسور نيبي اذراجن! مدي قريبيك تاعورشم لكانه: ني توب
В.В. Путин: Между Россией и Египтом реализуется множество проектов, и есть большие перспективы для их расширения. URL: <https://www.gomhuriaonline.com/Gomhuria/1401343.html>

ايحي ييرات شذح عيوونل اععضل قطحب قصاغل تادحو ل انا ب: سيس سل ايزل
ас-Сиси: Строительство специальных блоков атомной электростанции в Эль-Дабаа – историческое событие. URL: <https://www.gomhuriaonline.com>

سيسور ل ايل اريديفل سل جم
سيس سل اح اتفل ادب عسيس ييزل اعبطخ/سيس ييزل احبطخ/قس ايزل
سيسور ل ايل اريديفل سل جم ام

«Экстра Ньюс» «ایسور و رسم نیب ددی طول تا قال علان ع اری رقت ضرعت» «زوين ارتسكاف» представила репортаж о крепких отношениях между Египтом и Россией. URL: <https://www.gomhuriaonline.com/Gomhuria>

M.M.F. Megahed, N.N. Koshkarova (Chelyabinsk., Russia)

South Ural State University

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE OFFICIAL POLITICAL DISCOURSE OF EGYPT

The article focuses on examining the portrayal of Russia inside the official political discourse of Egypt. The research is carried out within the parameters of imagology, the discipline focused on the examination of the image of “the other”. The principal discursive techniques in constructing the image of Russia encompass the methods of self-image (autoimage) and other-image (heteroimage). The examined technique also integrates the ideas of potestary imagology.

Key words: Egypt, Russia, BRICS, representation, imagology, potestary imagology

М.Ю. Миронова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
mkpr@yandex.ru*

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНКИ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ: КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается дискурсивная специфика оценки в жанре научной статьи. Представлены результаты исследования аксиологических оснований оценки существующего научного знания в ситуации его негативной интерпретации субъектом. Установлено, что в англоязычных научных статьях оцениванию подвергаются такие признаки научного результата как достоверность и обоснованность, актуальность, теоретическая значимость, практическая ценность.

Ключевые слова: научная статья, основание оценки, дискурсивная специфика, ценность

Научная статья как речевой жанр предполагает не только трансфер новой информации, но и критическое переосмысление и оценивание существующего научного знания. Оценивая объект, субъект транслирует представления о норме и ценностях как высших ориентирах поведения, что отражается на языковом уровне [Карасик 2019].

В структурном плане в жанре научной статьи в роли субъекта оценки выступает представитель научного сообщества; объектом оценки является научное знание (результат научного труда), полученное ранее оппонентом-исследователем; основание оценки – критерий, по которому производится оценка объекта. Изучение языка оценки предполагает в первую очередь выявление оценочной семантики. При этом необходимо учитывать и имплицитные значения, которые можно обнаружить при использовании метода дискурсивного анализа.

Цель исследования – на основе анализа языковых средств вербализации оценки выявить критерии, которыми руководствуется субъект, критически оценивая ранее полученные знания. Эмпирическую базу исследования составили 200 англоязыч-

ных научных статей 1930–2000 гг., размещенные на платформе научной литературы Semantic Scholar (<https://www.semanticscholar.org>). Методом сплошной выборки из статей были отобраны оценочные суждения, выносимые субъектом оценки о научном результате, полученном учеными-предшественниками. В процессе анализа материала было установлено, что в научном дискурсе оцениванию подвергаются следующие характеристики научного знания: достоверность и обоснованность, актуальность, теоретическая значимость, практическая ценность.

Достоверность и обоснованность научного знания наиболее часто подвергаются оцениванию в англоязычном научном дискурсе. Достоверность соотносится с доказательностью и надежностью методологии. Обоснованность, неразрывно связанная с достоверностью, предполагает наличие убедительных, т.е. подтвержденных фактами, выводов. В качестве примера оценивания научного знания на соответствие критерию достоверности приведем фрагмент научной статьи, посвященной изучению воздействия мыла на кожу. Маркеры оценки выделены полужирным начертанием.

*Many dermatologists believe that exposure to soap predisposes to dermatitis of the hands, but if this is so then several additional factors may be involved other than the mild elevation of pH which occurs with ordinary use of soap. There seems to be **no clear evidence** that maintaining the skin surface at a pH around neutral is in itself in any way harmful.*

Многие дерматологи считают, что воздействие мыла предрасполагает к дерматиту рук, но если это так, то может быть задействовано несколько дополнительных факторов, помимо незначительного повышения pH, которое происходит при обычном использовании мыла. По-видимому, **нет четких доказательств** того, что поддержание pH поверхности кожи на уровне, близком к нейтральному, само по себе вредно (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – М.М.).

Оценка вербализована выражением *no clear evidence/нет четких доказательств*. Данное выражение не содержит оценочных слов, но попадает в разряд оценочных, поскольку передает информацию, характеризующую объект оценки, и актуализует в научном дискурсе отрицательную коннотацию. Основание оценки – недостаточная достоверность научного знания.

Одним из критериев оценки научного знания нередко становится его актуальность. В качестве примера представлен фрагмент научной статьи, посвященной терапевтическому эффекту дарения подарков самому себе:

*Given that **so little is known** about self-gifts and that they may constitute a sizable share of self-directed consumer behavior, **there is a clear need for further research**. **The paucity of work in this area establishes the necessity for basic discovery research as opposed to confirmatory research.***

Учитывая, что о подарках себе **известно так мало** и что они могут составлять значительную долю самостоятельного поведения потребителей, **существует очевидная необходимость в дальнейших исследованиях**. Недостаточность

работ в этой области указывает на необходимость фундаментальных исследований, а не подтверждающих исследований.

Автор статьи подчеркивает актуальность темы исследования (*there is a clear need/существует очевидная необходимость, the necessity for research/необходимость исследований*) и указывает на необходимость ее изучения в связи с существующими пробелами в нынешнем знании (*so little is known/известно так мало, the paucity of work/недостаточно работ*). Как можно видеть, эксплицитное выражение оценки осуществляется через лексемы *need/нотребность* и *necessity/необходимость*, которые приобретают в научном дискурсе значение «важный, своевременный, значимый для настоящего момента».

Теоретическая и практическая значимость существующего знания также выступают как основание оценки. Неспособность объекта вносить научный вклад свидетельствует о том, что он не сможет удовлетворить потребности общества в решении существующих проблем. Так, в представленном далее фрагменте научной статьи автор приписывает оцениваемому научному объекту недостаточную практическую ценность:

The dilution method of E. J. ALLEN (1919) has been used with success as a valuable control of the centrifuge method for quantitative investigations. As a method of determining the plankton content of water samples it is, on the other hand, very limited in its application. It can only be used in a good laboratory for water samples collected in the immediate neighbourhood, and only for very few samples at a time. Another disadvantage lies in the fact that not all species grow equally well in the small bottles.

Метод разбавления, предложенный Э. Дж. АЛЛЕНОМ (1919), успешно использовался в качестве ценного средства контроля центрифужного метода для количественных исследований. С другой стороны, как метод определения содержания планктона в пробах воды, он имеет очень ограниченное применение. Его можно использовать только в хорошей лаборатории для проб воды, собранных в непосредственной близости, и только для очень небольшого количества проб за один раз. Еще один недостаток заключается в том, что не все виды одинаково хорошо растут в маленьких бутылочках.

Субъект оценки делает обоснованные замечания относительно недостатка научного знания – ограниченности его практического применения (*limited, only, disadvantage*). Из контекста становится очевидно, что невозможность эффективного использования научных результатов обесценивает их. Основанием оценки выступает низкая практическая ценность.

Подвергая научное знание критическому осмыслению, субъект дискурса оценивает его наиболее важные содержательные характеристики, которые выступают основаниями оценки и становятся ориентирами поведения при осуществлении исследовательской деятельности. Анализ языковых средств объективации оценки научного знания позволил установить, что основаниями оценки становятся такие признаки научного знания, как достоверность и обоснованность, актуальность, способность вносить теоретический вклад в науку, практическая ценность.

Литература

Карасик В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Гуманитарные технологии в современном мире: сборник материалов VII международной научно-практической конференции. Калининград: Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 22-25.

Semantic Scholar. URL: <https://www.semanticscholar.org>

M.Y. Mironova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics

THE DISCOURSE SPECIFICS OF EVALUATION IN THE GENRE OF A SCIENTIFIC ARTICLE: THE COGNITIVE-SEMANTIC ASPECT

The article focuses on investigating the discursive specifics of evaluation in scientific articles. The results of the research are the axiological basis for the scientific knowledge evaluation in a situation of its negative interpretation by the person. It has been established that in English scientific articles such characteristics of a scientific result as reliability and validity, relevance, theoretical significance, practical value are evaluated.

Key words: scientific article, basis for evaluation, discourse specificity, value

A.B. Михайлов, Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

*Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева
avm_2006_64@mail.ru, avm_2006_64@mail.ru*

ИДЕОЛОГЕМЫ-ДВИЖИТЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТЕКСТАХ О РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

Авторы рассматривают тексты о развитии территорий в связи с их значимыми датами в аспекте их социально активизирующей роли. Смыслы, транслируемые в таких текстах, – идеологемы изменений, – служат движителями (или триггерами) социальной вовлеченности граждан. Отдельное внимание уделено текстам о 400-летию Красноярска в 2028 г. как крупного урбанистического центра России.

Ключевые слова: тексты о будущем территории, смысловые доминанты территории, экспликация идеологем, социальные изменения

Авторы считают важным анализ воздействующей силы – эффективности публицистических текстов. Их семантика побуждает к действию, к изменениям (ментальным, физическим, социальным и т.п.) свойствах составных элементов. Считаем, что важным фактором воздействия становится общая побудительная семантика текста, складывающаяся в ходе прочтения и интерпретации читателем отдельных блоков текста, обладающих собственными побудительными смыслами. Эту семантику можно назвать концептуальной схемой, а семантика блоков содержит идеологемы-двигатели. Важную роль в «правильном» (т.е. задуманном автором текста) понимании медиатекста играет система фоновых знаний и установок читателя, адресата текста.

Очевидно, урбанистический читатель в усредненном виде обладает фоновыми представлениями о безусловной ценности городского уклада жизни (иерархически важнейшая ценность), ценностях комфортного проживания, культурно-досуговых возможностей, транспортного сообщения и некоторых других. В определенных условиях данная система подвергается ревизии и дополнительной верификации. Такими условиями могут быть ситуации преодоления трудностей катастрофического плана (постреволюционное переустройство, послевоенное переосмысление, постперестроечное и постсоветское осознание, ситуации после стихийных бедствий, вроде наводнений, снегопадов, землетрясений, пожаров и т.п.). Такую же роль, но менее драматично, могут играть этапы в жизни территории, отмериваемые десятилетиями и столетиями, т.е. разнообразные «юбилейные даты».

В данной работе авторами рассматривается система смыслов в текстах СМИ, посвященных подготовке к юбилею территории. Речь идет о 400-летию города Красноярска, которое отнесено к 2028 г. В целом юбилейные даты интенсивно используются в организации смыслового пространства в России. Ср. в 2022–2030 гг. наиболее значимые даты городов и территорий России: 2022 г. – 200 лет Енисейской губернии, 300 лет Нижнему Тагилу, 2023 г. – 200 лет Минусинску, 2024 г. – 1000 лет Суздалью, 650 лет Уфе, 2026 г. – 400 лет Набережным Челнам, 2027 г. – 250 лет Ставрополю, 300 лет Кяхте, 2029 г. – 100 лет Магнитогорску, 2030 г. – 300 лет Барнаулу, 100 лет Дзержинску...

Анализ подходов. В текстах, посвященных предстоящим юбилеям территорий, производится анализ исторического прошлого, текущего состояния и перспектив территории. Публицисты делают акцент на потребностях в развитии города с точки зрения разных аудиторий (жителей, властей территории и властей уровнем/уровнями выше, потенциальных гостей, представителей бизнеса, потенциальных будущих работодателях и др.).

В зависимости от аудитории, от позиции журналиста интенции текстов, использующих одни и те же информационные поводы, строятся на разных смысловых доминантах – от жесткой критики до полного приятия и славословий. Разнообразны и сами медиа и журналисты: представители различных каналов коммуникации от традиционных «бумажных» вплоть до «New media» (напр., блогеры-урбанисты), от муниципальных и государственных до корпоративных и частных, от федеральных до локальных.

Методика исследования. Выявляется иерархия побуждений (более масштабные включают в себя менее крупные и обуславливаются ими), определяются акторы-побудители, вычленяются идеологемы, побуждающие к изменениям.

Среди важнейших побуждений-идеологем, фиксируемых медиатекстами:

- *обеспечение финансирования* (через выделение федеральных средств и через региональный и муниципальный бюджеты);
- *развитие транспортной инфраструктуры*;
- *развитие общественных пространств*;

- *облагораживание среды* проживания;
- объектов культуры.

Авторы текстов называют действующих лиц предстоящих преобразований, которые могут быть названы персонально или размыты в безличных или пассивных конструкциях: «А. Новак [заместитель председателя правительства России] отметил, что *федеральные органы* исполнительной власти проинформировали о том, какие объекты в ближайшее время *будут построены* либо *отремонтированы* [кем? властями города? – здесь и далее комментарии А.М. и Т.М.] в Красноярском крае, ... основная задача в рамках празднования юбилея – не только проведение мероприятий, но и создание условий для улучшения жизни красноярцев... Необходимо выйти [кому? властям?] на новый уровень по качеству жизни Красноярска, чтобы это был город, в котором хочется жить и в котором хочется учиться, работать, заводить семью [кому? жителям?]], – сказал он» [Новак провел... 2024].

По представлениям авторов программы [развития Красноярска к 2028 г.], «Красноярск *должен стать* городом современной мобильности, самым комфортным городом Сибири, зеленым городом-миллионником, культурно-историческим центром с большим количеством учреждений культуры, городом сибирского гостеприимства [с чьей точки зрения?]. <...> В основном плане развития города к 400-летию – 147 мероприятий. Большинство из них сформированы на основе предложений красноярцев. Подготовительная кампания сосредоточена на следующих направлениях: создание нового экономического облика Красноярска, высоких экологических стандартов, высокого качества городской среды и социальных сервисов, нового транспортного каркаса» [Приготовились тратить... 2024; Антюшева 2024].

Урбанист-блогер пишет: «большая беда с общественными пространствами, они в основном уже уставшие, либо же никогда не знавшие благоустройства кроме организации дорожек. Есть отдельно взятые скверы типа Сквера памяти российского девелопмента (имеется в виду Сквер строителей на пересечении Батурина и Весны – прим. ред.), есть парк 400-летия Красноярска, частный парк «Сады Мечты», но это всё отдельные пространства, не образующие системы» [Иванов 2024].

Валентина Котляр в своем материале на сайте «Город Прима» указывает на ряд проектов к 400-летию Красноярска, которые нуждаются в финансировании: «В перечне есть предложения, вполне понятные красноярцам, – благоустроить набережные малых рек или создать еще один исторический квартал. Но реализация некоторых идей кажется затруднительной – например, строительство планетария или подземный музей на площади Мира» [Котляр 2024].

Изучение дискуссионного пространства пабликов (например, «Проспект мира», «Я живу в Красноярске» и др.) и интернет-ресурсов дает конкретные «надо»: нужно развивать инфраструктуру туристической сферы, оздоровить воздух, обновить цветовой вид города, включая ночное освещение, развивать культурные объекты, развивать транспортную сеть (прежде всего за счет экологичного транспорта и стро-

ительства метро), развивать высокотехнологичные промышленные и наукоемкие предприятия, менять отношение жителей к своему городу и т.п. [Чурилова 2024].

Кроме изучения текстов СМИ, где журналисты выступают посредниками в изложении точек зрения заинтересованных групп общественности, авторы провели ряд экспериментальных наблюдений и опросов. В частности, проведен опрос, где испытуемым предъявлялись задания, которые вербализуют восприятие Красноярска (например, назвав прилагательные, которые характеризуют Красноярск или не могут никак к нему относиться). Предлагалось сравнить Красноярск с другими городами (чем он отличается от Омска, Москвы, Абакана, Новосибирска, Иркутска, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и др. городов), уподобить город растению / человеку, дать рисунок (картинку) будущего Красноярска через 10 лет, отнестись Красноярск к той или иной части России / мира, дать ответ, кто живет в Красноярске, определить ключевые занятия жителей, назвать знаковые персоны и события и под.

Эти методики опираются на «свободные ассоциации», представляют собой ассоциативный эксперимент. Образ территории складывается в данном случае из множества индивидуальных вербализованных представлений [Михайлов, Михайлова, 2019: 137].

При этом настораживает, что в медиатекстах не упоминаются проблемы инкультурации приезжих, прежде всего мигрантов из Центральной Азии, оттока местных жителей в западные части России, или же им придется слишком частное значение. Почти не обсуждаются проблемы организации здравоохранения, развития образовательной среды.

Заключение. Таким образом, через изучение медиапубликаций, проведение экспериментов и наблюдений выявлены идеологемы-двигатели социальных изменений. Представленность в дискурсе таких смыслов указывает на дефициты и умолчания, отсутствие же фактически значимых и осознаваемых проблем негативного характера требует дополнительного изучения, с применением аналитических процедур выявления имманентных, скрытых смыслов.

Литература

Антюшева М. Как потратят 700 млрд к 400-летию Красноярска? Смотрим амбициозные планы в официальной программе. URL: <https://ngs24.ru/text/gorod/2024/12/26/74925854/>

Иванов П. «Променил центр города на Взлетку и не жалею»: красноярский урбанист сравнил два самых дорогих района. URL: <https://ngs24.ru/text/gorod/2024/11/05/74296826/>

Котляр В. У меня на тебя есть особые планы: успеет ли Красноярск подготовиться к 400-летию? // URL: <https://gorodprima.ru/2024/12/24/u-menya-na-tebya-est-osobyie-plany-uspevaet-li-krasnoyarsk-podgotovitsya-k-400-letiyu/>

Михайлов А.В., Михайлова Т.В. Стратегии развития Красноярска к 400-летию города в 2028 году // Российская школа связей с общественностью. 2019. Вып. 15. С. 143-159.

Новак провел оргкомитет по подготовке к 400-летию Красноярска. URL: <https://ria.ru/20241206/novak-1987819275.html>

Приготовились тратить миллиарды: утверждена программа к 400-летию Красноярска. <https://dela.ru/articles/290964/>

Чурилова Е. «Речной проспект, забытый острог и ретропоезд»: как изменится Красноярск к своему 400-летию. URL: <https://newslab.ru/article/1286005>

*A.V. Mikhaylov, T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology*

IDEOLOGEMES DRIVING SOCIAL CHANGE IN TEXTS ON TERRITORIAL DEVELOPMENT

The authors consider texts about the development of territories in connection with their significant dates in terms of their socially activating role. The meanings conveyed in such texts, the ideologemes of change, serve as drivers (or triggers) of citizens' social engagement. Special attention is paid to the texts on the 400th anniversary of Krasnoyarsk in 2028 as a major urban center of Russia.

Key words: texts about the future of the territory, semantic dominants of the territory, explication of ideologemes, social changes

*Ю.А. Москвина, М.С. Незнанова (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный университет путей сообщения
moskvina_yuliya@bk.ru, neznanovamariachina@gmail.com*

ЛЕКСЕМА ДУША В РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСКОГО ДИСКУРСА

В статье представлен сопоставительный анализ репрезентаций лексемы душа в русских и испанских фразеологизмах христианского дискурса. Материалами исследования стали статьи христианских периодических изданий, опубликованных на русском и испанском языках. Анализ материала был выполнен благодаря сопоставлению значений лексемы душа: внутренний мир человека, свойство характера человека, бессмертное начало, человек. Анализ выявил ряд сходств и различий в семантическом значении. Сходства объясняются принадлежностью исследуемого дискурса к одному религиозному вероучению, а различия в специфике культурных образов, закрепленных во фразеологизмах.

Ключевые слова: христианский дискурс, лексема, душа, русские фразеологизмы, испанские фразеологизмы, протестантство, католичество

Представления о бессмертности души лежат в основе христианской лингвокультуры, поэтому лексема *душа* стала предметом научного интереса многих лингвистов. Например, В.В. Колесов, В.А. Маслова и Ю.С. Степанов исследовали данное понятие на материалах русского языка и других языков. В испанском языке лексема *душа* может быть сопоставим с терминами *alma* и *espíritu*. Поскольку *espíritu* чаще имеет философские коннотации, обозначая более абстрактные аспекты существования, то рассматривать мы будем слово *alma*, которое более конкретно относится к индивидуальной душе человека. Принадлежность к общей христианской идеологии позволяет предположить, что корпус фразеологических единиц (ФЕ), содержащих лексему *душа*, в указанных языках значителен.

Цель исследования – выявить сходства и различия языковой репрезентации фразеологизмов с лексемой *душа* в русскоязычном и испаноязычном христианском дискурсе.

В качестве материала исследования были выбраны издания русскоязычного религиозного журнала «Братский вестник» и испаноязычного религиозного жур-

нала «Liahona». «Братский вестник» – официальное издание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, который выпускается два-три раза в год. Количественный анализ материалов всех трех выпусков «Братский вестник» за 2024 г. показал, что понятие «душа» используется 114 раз. «Liahona» – это журнал, издаваемый на разных языках членами Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Этот журнал публикуется каждый месяц, освещая разные темы, относящиеся к христианству. За 2024 г. было выпущено соответственно 12 журналов, где понятие «душа» использовалось более 200 раз.

Хотелось бы обратиться к определению понятия «душа» в русской лингвокультуре: 1) Внутренний, психический мир человека, его сознание; 2) То или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами; 3) В религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти; 4) О человеке (обычно в устойчивых сочетаниях) [Ожегов, Шведова 1999]. Слово *душа* в испанском языке переводится как *alma* и в словаре «Diccionario de la Real Academia Española» (RAE) имеет несколько толкований: 1) Нематериальная сущность, которая придает жизнь телу; 2) Внутренний мир человека, его чувства и личность; 3) Человеческая жизнь; 4) Бессмертная часть человека, которая может быть спасена или осуждена в зависимости от его поступков [Diccionario de la lengua Española 2024].

С помощью сравнения русских и испанских фразеологизмов рассмотрим, как понимается лексема *душа* в разных культурах.

ФЕ 1. Душа – внутренний мир человека

В данном случае душа понимается как внутреннее эмоциональное состояние, которое связано с проявлением чувств и мыслей. Значительное количество ФЕ относятся к эмоциональной сфере. Отмечено, что интенсивность чувств передается через восприятие температур: рус. пламенная душа [Братский вестник 2024 № 2: 60] – исп. *alma ardiente*. Душа является мерилем внутренних сомнений и переживаний человека. Представление состояний «спокойствие – тревога» отражено в синонимичных ФЕ с переходными глаголами: *успокоить душу, тяготить душу, облегчить душу, терзать душу* [Братский вестник 2024 № 2]. В испанском языке прослеживается аналогичная ситуация с выражениями: *se le cayó el alma a los pies* [Weibel 2004: 6] «выронить душу к ногам» (выражает сильное разочарование и страх), *alma se le partió* [Weibel 2004: 6] «разорвать душу» (выражает глубокую печаль или страдание), *echar el alma al viento* [Diccionario de la lengua Española 2024] – «бросить душу» («рисковать, действовать беспокойно») [Загородская 2016].

Как считает В.А. Маслова, метафорические переносы основаны на архетипах, которые регулируют метафорические употребления [Маслова 2007: 138]. Выделим ряд метафор в русском и испанском языках. Так, душа сравнивается с благодатной почвой: *посеять в душе сомнения*. Душа может быть сравнима и с телом, которому свойственно чувствовать боль и быть осязаемым: *овладеть душой* [Братский вестник 2024 2: 31], *истерзанная душа* [Братский вестник 2024 № 3: 23].

ФЕ 2. Душа – то или иное свойство характера человека

Очень часто в русской лингвокультуре значение лексемы *душа* сближается с лексемой *совесть*. Категории *душа-совесть* репрезентуются во фразеологизмах: *очистить душу* [Братский вестник 2024 2: 28], *положить душу* [Братский вестник 2024 № 4: 36]. В испанской лингвокультуре, наоборот, значение лексемы *душа* приближено к лексеме *мука* или *подлость*. Образ ненадежного и низкого человека также выражается через фразы *alma atravesada* «лживая душа» [Загородская 2016] и *alma de caballo* «лошадиная душа» [Diccionario de la lengua Española 2024].

Лексема *alma* часто ассоциируется с библейскими персонажами, например, *alma de Caín* и *alma de Judas* «душа Каина» и «душа Иуды» [Diccionario de la lengua Española 2024]. Учитывая истории этих фигур – братоубийцы и предателя, данное выражение, естественно, приобретает крайне негативную коннотацию, символизируя образ подлого и низкого человека. Однако в испанском языке присутствует и образ доброго человека, который выражается через фразы с положительной коннотацией, такие как *alma bendita* «благословенная душа» [Загородская 2016], *alma de Dios* «божья душа» [Diccionario de la lengua Española 2024], *buen alma* «добрая душа» [Diccionario de la lengua Española 2024], *le baila el alma en los ojos* «душа танцует в глазах» [Diccionario de la lengua Española 2024].

ФЕ 3. Душа – нематериальное бессмертное начало в человеке

Русскому фразеологизму *христианская душа* [Братский вестник 2024 № 4: 15] соответствует испанское *alma cristiana* и означает человека, прошедшего таинство крещения. С тем же значением в русскоязычном материале реализуются такие фразеологизмы, как *святая душа* [Братский вестник 2024 № 4: 8], *бессмертная душа* [Братский вестник 2024 № 2: 25], *спасенная душа* [Братский вестник 2024 № 4: 8]. Под *врагом душ человеческих* [Братский вестник 2024 № 3: 24] метафорически подразумевается дьявол. В испанском языке также есть аналоги некоторых фразеологизмов. Например, *venderle el alma al Diablo* [Weibel 2004: 6] «продать душу дьяволу», а также есть выражение *alma que lleva el Diablo* [Weibel 2004: 6] «душа, ведущая к дьяволу» (так говорят про человека, который ведет себя рискованно или безрассудно). Если человек неожиданно разбогатеет, о нем скажут *dar el alma al diablo* «отдал душу дьяволу» [Diccionario de la lengua Española 2024].

В испанском мировоззрении антитеза *добро/зло* не так ярко выражается через упоминание дьявола как исключительно негативного персонажа. Здесь он скорее ассоциируется с образом буйства и мятежа. С этим компонентом связан фразеологизм с глаголами движения: *correr, huir, ir, salir* «бежать, убегать», и звучит как *como alma que lleva el diablo* [Weibel 2004: 6] «бежать с невероятной скоростью во весь дух, стремительно и энергично».

ФЕ 4. Душа – человек

В русской и испанской лингвокультуре принято замещение лексемы человек лексемой душа. В исследуемых материалах это наиболее распространенная

категория. В частности использования обращений *моя душа*, *душа моя* (широко используется в тексте «Братского вестника») определяется как фразеологический оборот. В испанском – *alma mía* «моя душа» [Diccionario de la lengua Española 2024], *de mi alma* «милый, любимый» (досл. «моей душе») [Diccionario de la lengua Española 2024]. Как *душа* часто понимается любой человек, ближний: рус. *душа ближнего*.

Сопоставительный анализ выявил ряд сходств и различий в семантическом значении лексемы *душа* в русском и испанском языках. Сходства объясняются принадлежностью исследуемого дискурса к одному религиозному вероучению. Выявленные же различия связаны, прежде всего, с реализацией исследуемых фразеологизмов на лингвокультурном уровне.

Литература

- Братский вестник. 2024. № 2-4. URL: https://mbchurch.ru/publications/brotherly_pdf
- Загородская О.В. Сравнительно-сопоставительный анализ культурных концептов «Душа» и «Сердце» в лексике и фразеологии испанского и португальского языков: ВКР ... маг-ра лингв. СПб., 2016. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/3063/1/Dissertaciya_Zagrodskaya.pdf
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2007.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanation/ozhegov/душа>
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001.
- Liahona. 2024. № 1-12. URL: <https://www.churchofjesuschrist.org/liahona?lang=spa>
- Diccionario de la lengua Española. Vigésimotercera edición. Versión normal. Spain: Espasa, 2024. URL: <https://dle.rae.es>
- Weibel P. The Big Red Book of Spanish Idioms: 4,000 Idiomatic Expressions. UK: McGraw Hill LLC, 2004.

I.A. Moskvina, M.S. Neznanova (Ekatherinburg, Russia)

Ural State University of Railway Transport

THE LEXEME *DUSHA* ‘SOUL’ IN RUSSIAN AND SPANISH PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN CHRISTIAN DISCOURSE

The paper presents a comparative analysis of the representation of the lexeme *dusha* ‘soul’ and *alma* in Russian and Spanish phraseological units of Christian discourse. The research materials were articles from Christian periodicals published in Russian and Spanish. The data is analyzed by comparing the meaning of the lexeme *soul* ‘the inner world of a person’, ‘the property of a person’s character’, ‘the immortal principle’, ‘individual’. The study has revealed a number of similarities and differences in semantic meaning. The similarities are explained by the belonging of the studied discourse to the same religion, and the differences are related to the specifics of cultural images fixed in phraseological units.

Key words: Christian discourse, lexeme, soul, Russian phraseological units, Spanish phraseological units, Protestantism, Catholicism

М.Ю. Мустхофа (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет
musthofa.muhammadyunus@yandex.ru

ЦЕННОСТЬ ШКОЛЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СТЕНДАП-КОМЕДИИ

Статья посвящена анализу школы как ценности, репрезентированной в русскоязычной стендап-комедии. В исследуемом жанре ценность школы модифицируется и трансформируется через призму личного опыта стендап-комика. Публичное обсуждение негативного отношения к школе способствует изменению общественного мнения о ценности школы, что выражается через одобрительный смех аудитории.

Ключевые слова: ценность, школа, комик, стендап-комедия, жанр

Стендап-комедия – это выступление, в котором комик говорит напрямую с аудиторией, делясь анекдотами, личными наблюдениями и социальными комментариями в юмористической форме. Анализируемый жанр включает не только шутки, но также социальный опыт стендап-комика и использование языковых средства для оказания влияния на целевую аудиторию. Одной из существенных характеристик жанра стендап-комедии является спонтанный характер, что делает каждое выступление уникальным.

Стендап-комедия имеет богатую и разнообразную историю, отражающую культурные изменения и социальную динамику. Своими корнями данный жанр уходит глубоко в древность, когда юмор также был важной частью выступлений. Комики или шуты в средневековых дворах развлекали публику с помощью сатиры и остроумия, часто комментируя политические события и принятые общественные нормы. Стендап-комедия в ее современном виде начала развиваться в XIX в., особую популярность этот жанр приобрел в Соединенных Штатах.

В начале XXI в. произошел ренессанс стендап-комедии, во многом благодаря расцвету информационно-коммуникационных технологий. Платформы, такие как YouTube и социальные сети, позволили стендап-комикам делиться своими наблюдениями за общественной жизнью и напрямую общаться с фанатами. Комедийные подкасты и специальные выпуски на стриминговых сервисах, таких как Netflix, еще больше изменили медийное пространство, сделав стендап более доступным, чем когда-либо.

Стендап-комедия в России значительно эволюционировала за последние несколько десятилетий. Как отмечает А.И. Иванитская, *в начале 2000-х годов началось развитие комедийных клубов в крупных городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге. Формат стал все более популярным, комики выступали как в клубах, так и на телевидении. Появились шоу, такие как «ComedyClub», которые сочетали стендап с скетчами и интервью, значительно повысив видимость жанра* [Иванитская 2022]. Как следствие – большое количество публикаций, в которых российские авторы анализируют жанр стендап-комедии [Козлова, Колесникова 2023; Решетарова 2020; Koshkarova, Petrova, Shirokova 2020 и мн.др]. Сегодня стендап-комедии в России охватывает широкий спектр видов, форм и тем юмора

– от личных анекдотов до резкой социальной критики. Комики, такие как Алексей Щербаков и Сергей Орлов, стали известными фигурами. Спектр тем для шуток стендап-комиков постоянно расширяется, однако основным предметом остается повседневная жизнь, в т.ч. школьная тематика.

В русскоязычной культуре школа является важной частью жизни, играет главную роль в формировании того, как нация будет развиваться в будущем. Базовые национальные ценности – это основные моральные ценности, приоритетные нравственные установки, существующие в культурных, семейных, социально-исторических и религиозных традициях многонационального народа Российской Федерации. С.М. Перегудова выделяет некоторые базовые национальные ценности, *патриотизм, гражданственность, социальная солидарность, человечество, наука, семья, труд и творчество, традиционные российские религии, искусство и литература, природа* [Перегудова 2020]. Данные ценности лежат в основе уклада школьной жизни, однако в стендап-комедии школа представлена и с других точек зрения.

Ссылаясь на мнение А. Кожанметовой можно сказать, что *ценности представляют собой сложный лингвистический феномен, изучение которого требует сочетания подходов и научных направлений* [Kozakhmetova 2020: 226]. Такой анализ ценностей предоставляет большие возможности для описания и изучения различных характеристик языка в целом, а также для построения модели языковой личности и для реконструкции определенной модели дискурса, неотъемлемыми компонентами которой являются ценности, отраженные в языке.

Данное утверждение созвучно тезису Е.Ф. Серебренниковой о том, что *феномен ценностей является результатом прагматико-когнитивной активности человека и определяет его мышление, задавая определенные модели поведения* [Серебренникова 2015: 129]. Таким образом, актуальность данного исследования заключается в развитии, расширении и углублении научных исследований шуток и юмора как коммуникативного, когнитивного и функционально-стилистического феномена, а также в создании модели инварианта аксиологической структуры текста.

М.В. Мусийчук пишет: *основы аксиологической функции юмора проявляются в неразрывности знака и социальной составляющей в юморе и реализуются, прежде всего, как оценка, выраженная в утверждении или отрицании универсальных ценностей на индивидуальном, межличностном и социальном уровнях* [Мусийчук 2006: 91]. Отрицание данных ценностей, включая отношение к школе, часто проявляется в выступлениях стендап-комиков. Один из комиков, который использует школу как материал для своих шуток в стендап-комедии, – Алексей Щербаков. В одном из своих выступлений он сказал: *Я посадил делать уроки, хожу что-то потом чем-то занимаюсь прохожу мимо комнаты. Он сидит, семь плюс один, семь плюс один. А рядом жена, да ... Что ты будешь делать! Это еще в первом классе.*

В приведенной цитате Алексей Щербаков изменяет значение ценности школы, считающееся чем-то хорошим, на что-то более надоедливое и раздражающее. Вследствие этого стресс испытывают не только его дети, но и жена, и соответствен-

но он сам. Алексей Щербаков тем не менее продолжает шутить на тему школы: *Скажите, пожалуйста, вы задаете детям задание домой, с родителями делать? Мне это нужно? Я дома сижу, лежу, сижу, лежу. А он приходит и говорит: «Пап, смотри, сколько нам всего сегодня задали». Я говорю: «Отойди от меня»*. На этот раз Алексей Щербаков вновь демонстрирует свое недовольство школой, на это раз проецируя его на своего ребенка. Данный пример служит ярким примером того, как повседневная жизнь может служить основой для юмора и шуток, заставляя посмотреть на школу под другим углом и изменить ее ценность в глазах других.

Другой пример: *Самое удивительное – еще хватает наглости позвонить из школы и сказать: «А что ваш сын так плохо учится? Вы что, дома вообще не занимаетесь?». Тот же самый вопрос к вам. Вы школа, нет? Вы там вообще не занимаетесь?* В приведенной цитате Алексей Щербаков ставит под сомнение функцию школы, а стендап-комедия часто становится площадкой для выражения негодования по поводу какой-либо ситуации. Через шутки Алексей Щербаков критикует ценность школы и выполняемые этой государственной структурой функции: *А сейчас я сижу и делаю уроки. Каждый вечер я делаю уроки. Мне 30 лет, а я каждый день делаю уроки. Я никогда в жизни их не делал, а сейчас сижу и делаю уроки. Вы понимаете, у меня сын просто идет с школы с портфелем, блин, еще уроки делать. А я еду с работы... еще уроки делать*. В этой шутке о школе Алексей Щербаков объясняет, почему он оценивает школу негативно. Такое изменение ценности школы, хотя и может быть личным и субъективным, но, когда оно выносится на публику, может формировать общественное мнение о школе. Тем более, шутка о школе косвенно одобряется аудиторией через их смех.

Другой комик, Сергей Орлов, также использует школу как материал для своих шуток. В одном из своих выступлений он говорит следующее: *Не было мотивации учиться вообще потому что я учился в деревне, и что говорили наши преподаватели: «Будете хорошо учиться – потом еще будет 4 года, а потом... я сама сюда вернулась»*. В этой цитате подход Сергея Орлова к оценке школы формируется из его личного опыта. С помощью юмора комик предлагает другой взгляд на ценность школы. Отношение к школе у разных людей может различаться в зависимости от опыта человека, который учился в городе, и человека, который учился в деревне.

Ценности можно понимать как нечто, что формируется в зависимости от окружающей действительности и личного опыта говорящего. Последний в значительной степени трансформирует аксиологический потенциал ценности, что особенно проявляется в стендап-комедии, когда комик намеренно представляет точку зрения на какую-либо ценность иначе, чтобы создать комический эффект и вызвать смех у зрителей. Ценность школы в общественном понимании и в юмористической репрезентации значительно отличается, что обусловлено лингвопрагматическими, жанрово-функциональными, стилистическими особенностями стендап-комедии. К возможным перспективам исследования мы относим изучение трансформации ценности школы на материале стендап-комиков, представляющих другие лингвокультуры.

Литература

- Иванитская А.И.* История стендапа: как «низкое» искусство стало всемирным хитом. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/20200-istoriya-stendapa-kak-nizkoe-iskusstvo-stalo-vsemirnym-khitom>
- Козлова Е.А., Колесникова О.И.* Стендап-комедия как медийная среда самореализации сильной дискурсивной личности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 51-61.
- Мусийчук М.В.* Аксиологическая функция юмора // Философские науки. 2006. Т. 7. № 2. С. 91-94.
- Перегудова С.М.* Основным содержанием духовно-нравственного развития гражданина России являются базовые национальные ценности. URL: <https://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tehnologii/library/2020/08/09/doklad-na-temu-bazovye-natsionalnye>
- Решетарова А.М.* Структурные и композиционные особенности юмористических текстов в жанре стендап-комедии // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: филология и психология. 2020. № 2. С. 108-111.
- Серебренникова Е.Ф.* Аксиологическое измерение дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. XXI. С. 128-137.
- Koshkarova N.N., Petrova N.E., Shirokova E.N.* Means of Comedic Edge In Russian And English Political Stand-Up Comedies // X International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol 86. London: European Publisher, 2020. Pp. 766-775.
- Kozhakhmetova A.* Axiological Concepts of Journalistic Texts (Lingua-Stylistic Analysis) // XLinguae. 2020. T. 13. № 2. С. 225-234.

M. Y. Musthofa (*Chelyabinsk, Russia*)
South Ural State University

THE VALUE OF SCHOOL IN RUSSIAN STANDUP COMEDY

This article aims to analyze the word “school” as a value represented in the Russian stand-up comedy. In the studied genre, the value of school changes and transforms through the stand-up comedian’s personal experiences. Public discussions about negative attitudes towards school help to alter the society’s opinion about the value of school expressed through the laughter of the audience.

Key words: value, school, comic, stand-up comedy, genre

О.Б. Найок (*Москва, Россия*)
Московский государственный лингвистический университет
olga-nayok@outlook.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В ОНЛАЙН-КОММЕНТАРИЯХ ЧИТАТЕЛЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Манифестация лингвокреативной природы интернет-комментирования в англоязычном научно-популярном дискурсе обусловлена самореализацией личности комментирующего, проявляющейся в результате субъективной интерпретации им прочитанной научно-популярной статьи, и вербализацией информации, выделенной в результате соотнесения полученных при этом знаний и идей с имеющимся опытом.

Ключевые слова: научно-популярный дискурс, интернет-коммуникация, онлайн-комментарий, лингвокреативность, интерпретация, ментальная модель, концепт

Интерес, проявляемый научным сообществом к изучению разнообразных компонентов интернет-коммуникации в контексте когнитивно-дискурсивных исследований языка, обусловлен широким распространением онлайн-общения в повседневной жизни. Одной из наиболее доступных для большинства форм активного взаимодействия с другими пользователями в сети является интернет-комментирование. Цель представляемого исследования состоит в рассмотрении особенностей интернет-комментариев, обусловленных спецификой научно-популярного дискурса, и их корреляцией с актуализацией феномена лингвокреативности. Материалом являются читательские комментарии, сопровождающие научно-популярные статьи, размещенные на англоязычных новостных интернет-сайтах.

Изучение онлайн-комментирования в рамках научно-популярного дискурса представляется важным в силу того, что позволяет рассмотреть это явление в условиях междисциплинарной коммуникации, что обусловлено характером научно-популярного дискурса, демонстрирующего «проникновение элементов научного, компьютерного, политического, педагогического, рекламного, делового, художественного, бытового дискурсов» [Егорова 2009: 45], а также обладающего «специфичными жанрами и разновидностями, которые по своим характеристикам идентичны жанрам СМИ» [Кузьминых, Красильникова 2022: 13].

Главная цель научно-популярного дискурса заключается в популяризации узкоспециальных знаний и распространении новых идей среди широкой публики [Егорова 2009; Кузьминых, Красильникова 2022], поэтому онлайн-комментарии, сопровождающие научно-популярную статью, можно рассматривать в качестве демонстрации освоения и осмысления комментаторами новых знаний и идей, почерпнутых в прочитанном тексте, корреляции их с уже имеющимися знаниями и опытом.

Комментируя научно-популярную статью, читатель среди прочего осуществляет интерпретацию, которая направлена на установление смысла [Демьянков 1996] первичного текста. «Реципиент-интерпретатор, извлекая информацию, встраивает ее согласно своим коммуникативным ожиданиям в свою картину мира, дорабатывая при этом недостающие смысловые звенья» [Ким 2017: 40]. Именно вербализация информации, позволяющей интерпретатору-комментатору соотнести новые знания и идеи, усвоенные в ходе чтения научно-популярной статьи, с личным опытом, способствует реализации лингвокреативности, так как «создавая креативный комментарий, интернет-пользователь дополняет информацию, релевантную для ментальной модели, реализуемой в комментируемом тексте, новой информацией на основании ассоциативных связей» [Найок 2024: 94].

Рассмотрим в качестве примера один из двухсот тридцати шести комментариев к научно-популярной статье «The big idea: this simple behavioural trick can help you get more out of life», размещенной на сайте британского новостного издания «The Guardian» в рубрике «Psychology» 19 февраля 2024 г. Статья, написанная двумя профессорами, один из которых представляет Гарвард, а второй – Университетский колледж Лондона, знакомит читателей с результатами их совместного исследования феномена привыкания. Текст комментария пользователя под ником *eamonmcc*

представляет собой развернутое рассуждение, что встречается достаточно часто в комментировании научно-популярных статей, и содержит ряд пунктуационных и грамматических ошибок, что не редкость в онлайн-комментировании:

*Yes it's true that we get used to the **pleasanter aspects of our lives**. Personally I try hard to remind myself every day that I have been given opportunities and have made use of opportunities that many others didn't on both scores.*

*My parents grew up on the verges of poverty and for the rest of their lives they took **visible and audible joy** in little things that were **nice**. **Listening to crackly recordings of Irish tenor John McCormack** was the one that stayed in my head.*

*I have that memory of them fastened in my head and I am very aware that I grew up in a historically **gifted** run of post-war generations. It is a challenge to keep mindful that I (and we) have been **handed joys** for free but the gaping difference with my parent's generation helps me considerably.*

*Robert Kennedy used to muse that he was born rich and privileged and used to quote, 'From those who have been given a lot, a lot will be expected.' That seems to encapsulate the philosophy that we should bear in mind in our daily lives – it should help in staving off, **complacency, boredom and discontentment** [Guardian 2024].*

В комментируемой статье обсуждается привыкание к разнообразным впечатлениям как приятным, так и неприятным. Главным средством управления этими впечатлениями являются манипуляции привыканием, состоящие, с одной стороны, в прерывании приятного опыта, что приводит к усилению наслаждения в силу ослабления привыкания, а с другой – в переживании неприятного опыта за один прием, что способствует привыканию и, соответственно, ослаблению чувства неудовольствия. Одним из центральных элементов ментальной модели, реализованной в статье, является сложный концепт EXPERIENCE (опыт, переживание), семантическое пространство которого включает такие противопоставленные подчиненные понятия, как приятный и неприятный опыт. Апелляция к приятному опыту осуществляется в статье с помощью таких лексических единиц, имеющих соответствующий оценочный компонент, как *enjoy, favourite, nice and quiet, pleasant, great views, delicious food, a lovely spot, good things in life, listening to music, getting a relaxing massage, joy, the pleasant aspects of our life, a loving spouse, a comfortable home, a good job, a great view, a tasty dish, notice and appreciate, luxury, vacations, happy, seeing the ocean, swim in the pool, a holiday cocktail, benefit, a warm holiday, the pleasure of anticipation, wonderful*. Информация, соответствующая неприятному опыту, вербализуется в статье благодаря следующей лексике с негативным оценочным компонентом: *crowded and noisy, rowdy, cramped, miserable, unpleasant, clean a toilet, hear the annoying noise loud and clear, the bang bang bang of his drumsticks, unpleasantness, smelling a nasty odour, an irritating noise, upsetting, unwelcome stimulus, an unpleasant task, grimmer, pain*.

Автор анализируемого комментария выражает свое согласие со статьей, что эксплицитно обозначено в самом начале отзыва. Комментарий частично дублирует информацию, относящуюся к концепту EXPERIENCE. Дублирование, которое можно рас-

смагивать как проявление отсутствия лингвокреативности, осуществляется с помощью употребления лексики с положительным оценочным компонентом, которая дословно повторяет или перефразирует текст статьи: *pleasanter aspects of our lives, visible and audible joy, nice, listening to crackly recordings of Irish tenor John McCormack, gifted, joys*.

Комментарий заканчивается перечислением однородных дополнений, реализующих в данном контексте стилистический прием эмоциональной градации. Из них только последнее (*discontentment*) вербализует неприятный опыт, в то время как остальные (*complacency* и *boredom*) могут быть связаны с этим понятием только ассоциативно, и, соответственно, могут рассматриваться в качестве средств манифестации лингвокреативности.

Кроме того, лингвокреативность комментария проявляется в том, что, интерпретируя первичный текст научно-популярной статьи, пользователь вводит новые концепты, одним из которых является сложный концепт SOCIAL INEQUALITY (социальное неравенство). Семантическое пространство этого концепта включает противопоставленные подчиненные понятия богатство и бедность, которые, очевидно, ассоциируются с такими ключевыми для ментальной модели статьи понятиями, как приятный и неприятный опыт в силу наличия у них общих оценочных компонентов. Важно отметить, что комментируемая статья обходит тему социального неравенства, апеллируя к опыту, который может быть доступен любому члену общества, независимо от его финансового положения. В интерпретации пользователя информация, относящаяся к новому для ментальной модели статьи концепту SOCIAL INEQUALITY, представлена такими выражениями, как *I have been given opportunities and have made use of opportunities that many others didn't on both scores, grew up on the verges of poverty, grew up in a historically gifted run of post-war generations, handed joys for free, born rich and privileged, given a lot*. Вербализация концепта SOCIAL INEQUALITY осуществляется также с помощью упоминания прецедентного имени *Robert Kennedy*, который известен своей приверженностью идее продвижения прав человека во всем мире, а также тем, что был братом одного из самых популярных президентов США. Автор комментария приписывает Роберту Фрэнсису Кеннеди слова «From those who have been given a lot, a lot will be expected», представляющие собой достаточно точное воспроизведение известной цитаты из Библии. Эта цитата вербализует в комментарии еще один концепт SOCIAL RESPONSIBILITY (социальная ответственность), который ассоциируется с концептом SOCIAL INEQUALITY в силу наличия у обоих социальной составляющей. Вывод, который на основании приведенной цитаты делает автор комментария, значительно отличается от выводов статьи, и заключается в том, что именно социальная ответственность должна защищать человека от негативного восприятия жизненного опыта.

Таким образом, очевидно, что лингвокреативность в комментариях к научно-популярным статьям манифестируется в случаях, когда читатель вербализует информацию, являющуюся новой для ментальной модели, реализованной в прочитанном тексте, и выделенную им в результате соотнесения с имеющимся опытом знаний и идей, извлеченных в ходе интерпретации первичного текста.

Литература

Демьянков В.З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 31-33.

Егорова Л.А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» // Русистика. 2009. № 1. С. 42-46.

Ким Л.Г. «Длина текста» как фактор множественной вариативности его интерпретационного функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 38-51.

Кузьминых Ж.О., Красильникова Н.В. Научно-популярный дискурс как коммуникативный феномен: сущность и основные характеристики // Universum: филология и искусствоведение. 2022. №7 (97). С. 12-14.

Найок О.Б. Лингвокреативность в англоязычных газетных онлайн-комментариях: интерпретация и когнитивный диссонанс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. 2024. Вып. 8 (889). С. 92-98.

The Guardian. 2024. URL: <https://www.theguardian.com/books/2024/feb/19/the-big-idea-this-simple-behavioural-trick-can-help-you-get-more-out-of-life#comment-166566320>

О.Б. Найок (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

INTERPRETATION AND LINGUISTIC CREATIVITY IN READERS' ONLINE COMMENTS IN ENGLISH-LANGUAGE POPULAR SCIENCE DISCOURSE

Linguistic creativity manifests itself in readers' online comments in English-language popular science discourse through their subjective interpretations of the primary text relating to the self-realization of commentators' personalities and correlation of their own experience with the knowledge and ideas received as a result of reading the article.

Key words: popular science discourse, Internet communication, online comment, linguistic creativity, interpretation, mental model, concept

Г.Р. Насибуллова (Казань, Россия)

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
guz1983@mail.ru*

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК СПОСОБ СЕМАНТИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЖЕНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Данное исследование направлено на изучение прецедентных имен в современном русском и английском женском художественном дискурсе с позиции когнитивной лингвистики. Прецедентные имена анализируются как маркеры культурных кодов. В результате выявляется, что прецедентный ономастикон в художественном дискурсе авторов-женщин демонстрирует ценности, интересы, картину мира современной женщины.

Ключевые слова: дискурс, автор-женщина, прецедентное имя, код культуры

Прецедентные феномены в художественном дискурсе отражают ценностные установки автора, несут в себе культурно значимую информацию об отдельной личности и о нации в целом. Культурно значимая информация является ценностным кодом культуры, который представляет языковую картину мира. В данном исследовании под языковой картиной мира, вслед за М.Л. Ковшовой, мы понимаем «отраженные в языке культурно обусловленные процессы категоризации и концептуализации мира, оказывающие влияние носителей языка в процессах познания и интерпретации мира, основанного на общности этнической культуры» [Ковшова 2019: 23].

Культурные коды, отраженные в художественном тексте через прецедентные имена и названия, создают многослойные смысловые структуры, которые обогащают читательский опыт. Эти коды представляют собой своего рода «ключи» к пониманию культурного контекста, в котором функционирует текст. Например, упоминание известных исторических личностей или мифологических героев может мгновенно вызвать ассоциации, касающиеся определенных ценностей и традиций. Таким образом, прецедентные имена служат своеобразными знаками, которые несут в себе фоновые знания.

Национально значимые компоненты, заложенные в художественных произведениях, позволяют автору устанавливать связь с конкретной аудиторией, вызывая у нее чувство идентичности и принадлежности. В то же время универсальные культурные коды могут преодолевать языковые и географические барьеры, создавая общие точки соприкосновения между разными народами. Это делает художественный текст не только средством самовыражения, но и платформой для диалога между культурами.

Таким образом, анализ прецедентных имен и названий в художественном дискурсе открывает новые возможности для изучения культурных взаимосвязей, позволяя глубже понять, как язык формирует восприятие мира и как различные культурные коды взаимодействуют между собой.

Данное исследование направлено на изучение культурных кодов в современной женской прозе через прецедентных имен. Материалом исследования выбраны романы Светланы Павловой «Голод» и Хелен Филдинг «Bridget Jones's Diary». В центре данных произведений изображается женщина тридцати лет, у которой проблемы со внешностью и устройством личной жизни. Главные героини Лена и Бриджит живут в большом городе, вечно пытаются похудеть и встретить настоящую любовь.

Большую часть прецедентного ономастического пространства романа Х.Филдинг составляют антропонимы. Известные модели, актрисы являются маркерами аксиологического кода. В ономастическом пространстве Х. Филдинг известные женщины являются эталонами красоты, акцентируется внимание на их внешность, внутреннему миру автор не уделяет внимание: *Sometimes you have to sink to a nadir of toxic fat envelopment in order to emerge, phoenix-like, from the chemical wasteland as a purged and beautiful Michelle Pfeiffer figure* [Fielding 2001:

17]/ Иногда нужно опуститься до токсичного жирового покрытия, чтобы, подобно Фениксу, появиться из химической пустоши очищенной и прекрасной фигурой Мишель Пфайффер – здесь и далее перевод наш – Г.Н. Данный пример наглядно показывает ценностные установки героини романа. Еще одним интересным примером обращения к ономастикону при оценке женщины является марка машины: *Perpetua could be the size of a Renault Espace* [Fielding 2001: 23]/ Перпуття размером с Рено.

Имена писателей, как и литературных персонажей служат маркерами не только предметного кода, но и аксиологического, поскольку по знанию определенных авторов и произведений оценивается уровень интеллектуальности современной женщины. Например, Перпуття жалуется, что современное поколение не читает великие произведения Остин, Диккенса, Шекспира, а узнают о них только из телевизора. Рассмотрим один из примеров: *Bridget is one of these people who thinks the moment when the screen goes back on Blind Date is on a par with Othello's* [Fielding 2001: 36]; Бриджит принадлежит к тем людям, которые считают, что момент, когда на экране снова загорается надпись «Встреча с незнакомкой», ничем не отличается от монолога из «Отелло». Дж. Остин, Ч. Диккенс, У. Шекспир актуализируют концепт УРОВЕНЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТИ.

Прецедентный антропоним Принцесса Диана играет ключевую роль при описании матери Бриджит. К сильному импликационалу этого онима следует отнести следующие семы: Принцесса Диана – символ обаяния, свободы и самопожертвования для женщин Британии. Х. Филдинг использует образ Принцессы Дианы при описании Памелы Джонс, которая решила, что всю жизнь жила для семьи, для мужа и теперь хочет все изменить, построить карьеру, найти свое место в мире: *staring into the distance with a look of melancholy bravery I swear she has copied from Princess Diana* [Fielding 2001: 41]; уставившись вдаль смелым и меланхоличным взглядом, который, я могу поклясться, она копировала у принцессы Дианы. ...*to be festive Home Alone Singleton like Princess Diana* [Fielding 2001: 120]; решила провести праздничный день дома в одиночестве, как принцесса Диана.

В художественном дискурсе С. Павловой ономастический код также используется для оценки женщины:

Внешности: *Портрет университетских времен с ключицами как у Киры Найтли* [Павлова 2024: 296]; *Разве можно себе представить, как Рената Литвинова ест шашлыки или шаурму?* [Там же: 296]

Для оценки уровня интеллектуальности: *В те времена читала только Дарью Донцову и «Гарри Поттера»* [Павлова 2024: 49].

Имена известных личностей, актрис, моделей в художественном дискурсе современных авторов-женщин актуализируют аксиологический код. В первую очередь, они репрезентируют внешнюю красоту, а имена писателей, название художественных произведений являются маркерами интеллектуальности, развитости и сферы интересов современной женщины.

Прецедентные топонимы представляют пространственный код культуры. Они не только выражают, где происходят события в романе, но и отражают интересы, окружающую среду современной женщины актуализируют культурные коннотации, которые являются ценностями. Например, в художественном дискурсе С. Павловой активным топонимом являются онлайн маркетплейсы такие как «Вайлдберриз», «Озон», где современная женщина проводит больше времени, чем в каком-либо географическом пространстве.

Доминирующими топонимами в художественном дискурсе Х. Филдинг являются кафе Лондона, где Бриджит встречается с друзьями, они обсуждают жизнь, строят планы за столом.

В художественном дискурсе С. Павловой и Х. Филдинг важную роль играет большой город как маркер пространственного кода. Героини обоих романов выросли в небольшом городке и уехали в поисках счастья в большой город. Для С.Павловой – это Москва: *Мать всегда говорила: «Поедешь в Москву – станешь человеком»* [Павлова 2024: 49]; ... *они там вообще не в курсе, какие города есть за пределами Москвы и Питера* [Там же: 213]. Москва актуализирует концепт УСПЕХ, ДОСТИЖЕНИЕ.

Также большой город поглащает людей, они теряются в потоке событий, не находят время для близких им людей: *We are all so selfish and busy in London* [Fielding 2001: 72]. Лондон актуализирует не только успешность, но и РАВНОДУШНОСТЬ.

Названия важных событий представляют хронимы, которые репрезентируют временной код культуры. В художественных дискурсах нами рассматриваемых авторов встречаются такие общеизвестные хронимы как спартанский режим, феодализм, при помощи которых писательницы дают оценку отношениям в современном обществе:

Tomorrow new Spartan health and beauty regime will begin [Fielding 2001: 72]; *Завтра начнется новый спартанский режим здоровья и красоты.*

Я тоже хлопаю, только вот что-то нечестное, отдающее барским феодальным духом видится мне в этой похвале [Павлова 2024: 29].

Группа мифонимов является наименьшим по количеству среди прецедентных имен в обоих дискурсах. Из античного пласта в речи героинь встречаются такие прецедентные имена как Гомер, Софокл, Феникс. При описании самопожертвования, милосердия, взаимопомощи Х. Филдинг обращается к библейским персонажам: ...представитель Младенца Иисуса на земле, который должен помогать тем, кого в Рождество подвергают гонениям всякие ироды [Fielding 2001: 154].

Символ вечного обновления и бессмертия в мифологии птица Феникс в художественном дискурсе Х.Филдинг актуализирует концепт ВНЕШНОЙ КРАСОТЫ: *Sometimes you have to sink to a nadir of toxic fat envelopment in order to emerge, phoenix-like, from the chemical wasteland as a purged and beautiful Michelle Pfeiffer figure* [Fielding 2001: 98]/ Иногда нужно опуститься до токсичного жирового покрытия, чтобы, подобно Фениксу, появиться из химической пустоши очищенной и прекрасной фигурой Мишель Пфайффер.

Таким образом, прецедентные имена занимают значительное место в художественном дискурсе современных авторов-женщин. Выступая маркерами предметного, аксиологического, пространственного, временного кодов, они отражают ценности, интересы, внутренний мир, окружающую среду современной женщины. Анализ художественного дискурса С. Павловой и Х. Филдинг показал, что самыми частотными прецедентными именами являются имена известных актрис, моделей, медийных личностей, которые актуализируют ключевые концепты как КРАСОТА, ИДЕАЛЬНАЯ ФИГУРА, ИЗВЕСТНОСТЬ, УСПЕШНОСТЬ, БОГАТСТВО.

Литература

- Ковишова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019.
Павлова С. Голод. Нетолстый роман. М.: Издательство АСТ, 2024.
Fielding H. Bridget Jones's Diary. London: Picador, 2001.

G.R. Nasibullova (Kazan, Russia)
 Kazan (Volga Region) Federal University

PRECEDENT NAME AS A WAY OF SEMANTICIZING THE CULTURAL CODE IN MODERN RUSSIAN AND ENGLISH WOMEN'S ARTISTIC DISCOURSE

This study is aimed at studying precedent names in modern Russian and English women's artistic discourse from the perspective of cognitive linguistics. Precedent names are analyzed as markers of cultural codes. As a result, it is revealed that the precedent onomasticon in the artistic discourse of female authors demonstrates the values, interests of a modern woman.

Key words: discourse, female author, precedent name, cultural code

М.Н. Орлянская (Санкт-Петербург, Россия)
 Санкт-Петербургский государственный электротехнический
 университет «ЛЭТИ»
 mariyaorl@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Устанавливается репертуар метафорических моделей и выявляется социокультурная специфика метафорического нарратива об экологической безопасности в текстах англоязычных СМИ. Показаны импликации метафорических моделей, отражающие изменившуюся ценностную картину мира социума и идеологическую окрашенность медийного нарратива.

Ключевые слова: медийный дискурс, ценность, концептуализация, импликация, метафорическая модель

В последнее время безопасность как важнейшая ценность человеческого социума постоянно расширяет свое содержание, обогащаясь новыми концептуальными признаками. Динамика концепта обнаруживается в дифференциации его содержа-

ния, обусловленного появлением новых видов угроз и, соответственно, выработке новых моделей поведения, призванных им противостоять. Так, развитие информационных технологий и возникновение киберугроз привело к выделению понятия «кибербезопасности» [Кочетова, Ильинова 2023], угрозы планете как среде обитания человека, обусловленные влиянием антропогенного фактора, способствовали появлению концепта ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.

Ведущую роль в дискурсивном осмыслении разного рода концептов играют метафорические нарративы, отражающие опыт осмысления человеком социальной реальности и образующие культурное социально-значимое пространство [Lakoff 1980; Болдырев 2013; Баранов 2014]. Используя метафорические стратегии [Кондратьева, Игнатова 2021], нарративы формируют ассоциативное поле ценностей в медийной коммуникации, что выдвигает в фокус научного интереса инвентаризацию репертуара метафорических моделей, которые являются важным интерпретирующим механизмом, формирующим оценочное содержание и определяющим восприятие различных феноменов в сознании членов дискурсивного сообщества. В лингвистической концепции Дж. Лакоффа метафорические модели представляют собой глубокие когнитивные механизмы интерпретации окружающей действительности, структурирующие знание в определенной области, переводящие его таким образом в привычные термины, доступные для понимания на уровне обыденного сознания, определяющие его эмоционально-оценочное восприятие широкой аудиторией и оказывающие воздействие на представителей дискурсивного сообщества.

Цель исследования – установить метафорические модели, лежащие в основе медийных нарративов об экологической безопасности в британских СМИ, которые определяют векторы интерпретации и ценностные импликации актуализируемой в медийном дискурсе ценности.

Исследование проводилось на материале корпуса текстов, посвященных проблематике экологической безопасности, размещенных на сайтах изданий британской периодической печати. Корпус включает 202 текста, опубликованных в популярной прессе (The Sun, The Independent, The Daily Mirror, The Daily Mail) и 102 текста в качественной прессе (The Guardian, The Observer). Медийные нарративы предназначены для информирования широкой общественности об угрозах и рисках, вызванных изменениями климата и оказания эмоционального воздействия на адресата с целью побуждения к определенным действиям. Особого внимания заслуживает идея Г.Г. Слышкина об идеологизации концептов за счет обогащения их содержания ассоциативными признаками, предпочтительными для определенных социальных институтов [Слышкин 2005: 11], в число которых входят СМИ. Выбор метафорического образа обуславливает передачу мнений, суждений и отражает идеологические установки медийных изданий. При этом особо стоит отметить интерпретирующий потенциал синтаксических конструкций, репрезентирующих совокупности смыслов, объективируемых одной языковой единицей в коммуникации. По наблюдениям Л.А. Фурс, такая репрезентация соотносится со «смысловой

объемностью» структуры предложения, определяемой как увеличение смысловой нагрузки предложения за счет приращения дополнительных смыслов в условиях принципа языковой экономии [Фурс 2023: 476].

Анализ текстов показал, что в основе англоязычного медийного нарратива лежат антонимические метафорические модели. С одной стороны, используется концептуальная метафора ПЛАНЕТА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО: живые существа дышат, а сжигание топлива и уничтожение лесов не дают планете дышать, буквально душат ее: ... *but only just. António Guterres, the UN secretary general, warned: “[This report] is a code red for humanity. The alarm bells are deafening, and the evidence is irrefutable: greenhouse gas emissions from fossil **fuel burning and deforestation are choking our planet and putting billions of people at immediate risk**”* [The Guardian 09.08.2021]. Важно отметить, что одушевляемый в данном контексте объект используется в синтаксической позиции пациенса (в терминах Ч. Филмора), что формирует дополнительные смыслы, актуализируя идею страдания планеты и акцентируя необходимость немедленных действий, направленных на ее спасение. В то же время результаты антропогенной деятельности (*green gas emissions*) занимают синтаксическую позицию, соответствующую семантической роли агенса действия, выраженного глаголом *choke*, что позволяет избежать прямой номинации субъектов, осуществляющих контроль над ситуацией и ответственных за текущее негативное положение дел, не позволяя прямо обвинить «большой» бизнес в экологических угрозах.

С другой стороны, в медийных нарративах широко используется артефактная метафорическая модель «Планета это Объект», реализуемая глагольными лексемами *destroy, damage*. Например: *He called for an end to new coal plants and to new fossil fuel exploration and development, and for governments, investors and businesses to pour all their efforts into a low-carbon future. “This report must sound a death knell for coal and fossil fuels, before they **destroy our planet**,” he said* [The Guardian, 09.08.2021]. Метафорический образ актуализирует хрупкость как основную характеристику объекта, что имплицитно подразумевает необходимость бережного отношения к природе. Например:

The former Amazon CEO, who also owns the private space exploration company Blue Origin, said he was reminded of how beautiful and fragile nature is when flying to suborbital space in a Blue Origin rocket in July. “I was told seeing Earth from space changes the lens through which you view the world, but I was not prepared for just how much that would be true,” he said [The Observer, 02.11.2021].

В медийных нарративах широко используется метафорическая модель «Борьба за экологическую безопасность – это война», в рамках которой изменение климата осмысливается как враг, с которым нужно бороться, что реализуется глагольными коллокациями *fight climate change, combat climate change*, например: *Bezos wrote in an Instagram* post (*социальная сеть принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ) “Climate change is the biggest threat to our planet. I want to work alongside others both to amplify known ways and to*

explore new ways of fighting the devastating impact of climate change on this planet we all share," the Amazon CEO said in a statement [The Observer, 08. 05. 2024].

В текстах левой газеты The Guardian метафорические нарративы экологической безопасности содержат идеологемы, акцентирующие неравенство людей в контексте усугубления климатических проблем. В следующем тексте – *While Mohamad and thousands of other mainly foreign workers swelter in the open, the Gulf's vast hydrocarbon wealth has allowed its better-off residents to luxuriate in western-style cities that defy the inhospitable desert [The Guardian 21.06.2024].* В нарративе используются сразу несколько метафорических моделей, подчеркивающих резкий контраст между тем, как живут люди разных социальных групп в одном из регионов Персидского залива, акцентирующие экономическое неравенство, усугубленное изменениями климата. Таким образом, выделяется метафорическая модель «Изменение климата – это разъединяющая сила» (CLIMATE CHANGE IS A DIVIDING FORCE), противопоставляющая две группы жителей региона – обычных работников, которые «изнемогают от зноя» (*workers swelter*) и более состоятельных резидентов, «блаженствующих» (*luxuriate*) в обустроенных городах западного образца, которые «игнорируют» законы негостеприимной пустыни. Такая метафора имплицитно, что возможность адаптации к экстремальной жаре зачастую зависит от благосостояния и привилегий, которые позволяют бросить вызов климату. Отсюда можно вывести и следующую метафорическую модель – «Богатство – это щит, защищающий от врага» (WEALTH IS A SHIELD AGAINST CLIMATE CHANGE), в качестве врага концептуализируются аномально высокие температуры, вызванные глобальным потеплением. Другими словами, богатство обеспечивает доступ к ресурсам и технологиям, которые помогают смягчить последствия изменения климата, а те, кто не имеет необходимого достатка, остаются уязвимыми к окружающим условиям.

Таким образом, медийные нарративы экологической безопасности, формирующие осведомленность общества об экзистенциальных угрозах и определяющие эмоционально-оценочный фон их восприятия, используют повторяющиеся стереотипные метафорические модели, образующие семантические оппозиции. Интерпретирующий потенциал синтаксических конструкций, актуализирует идеологические ассоциативные признаки, расширяющие смысловой объем высказывания. Метафорические идеологемы, воплощенные в медийных нарративах экологической безопасности, позволяют размыть ответственность за сохранение окружающей среды. Критический анализ дискурса обнаруживает, что медийные нарративы транслируют идею о том, что изменение климата усугубляет социальное неравенство.

Литература

- Баранов А.Н. Дескриптивная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.
 Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (034). С. 5-13.
 Кондратьева О.Н., Игнатова Ю.С. Стратегии медиатизации юридических концептов в российских медиа XXI века (на примере концепта ЛЕГИТИМНОСТЬ) // Научный диалог. 2021. № 3. С. 69-85.

Кочетова Л.А., Ильинова Е.Ю. Лингвокультурная специфика дискурсивных практик кибербезопасности: корпусный подход // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 134-152.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт и идеология // Известия ВГПУ. Серия: новое в науке о языке. 2005. № 1. С. 10-18.

Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 309-495.

Фурс Л.А. Смысловая объемность структуры предложения // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 2. С. 160-166.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

M.N. Orlianskaiia (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg Electrotechnical University "LETI"

METAPHORIC INTERPRETATION OF ECOLOGICAL SECURITY IN THE ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

The repertoire of metaphorical models is established and the socio-cultural specificity of the metaphorical narrative about environmental safety in the texts of English-language media is revealed. The implications of metaphorical models, reflecting the changed societal value-based worldview and the ideological coloring of the media narrative, are shown.

Key words: media discourse, value, conceptualization, implication, metaphoric model

А.С. Подолько (Челябинск, Россия)

Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

podolkoas@susu.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛА «74.RU»)

В статье на материале регионального интернет-портала рассматриваются интертекстуальные включения в заголовочных комплексах как способ взаимодействия автора и читателя. Описываются способы интеграции исходного текста в заголовок, приводится классификация наиболее частотных сфер-источников интертекстуальных включений.

Ключевые слова: заголовочный комплекс, заголовок, интертекстуальное включение, медиатекст, культурный код

Современное общество живет в информационную эру, характеризующуюся существованием беспрецедентного количества источников информации. Человек находится в постоянном контакте с разного рода сообщениями, которые он просматривает, пролистывает, внимательно прочитывает. Ежегодно в России регистрируются новые печатные СМИ: 440 за 2022 г. и 446 за первые три квартала 2023 [Департамент СМИ...], не говоря уже об интернет-изданиях. Перед потребителями стоит непростая задача выбора в пользу того или иного источника.

Региональные СМИ, являясь частью общего информационного пространства, выполняют важную функцию обеспечения взаимодействия между представителями того или иного регионального сообщества и исполнительной властью региона.

Кроме того, региональные СМИ – это площадка, на которой происходит культурная идентификация локального сообщества. Газетный текст, печатный или цифровой, – точка, в которой потребитель встречает и проживает культуру [Real 1989: 57]. Информирова читателей, в первую очередь о том, что происходит на данной территории, региональные средства массовой информации транслируют ценности, разделяемые данной группой.

Новостной портал «74.ру», созданный в 1996 г., является одним из проектов Shkulev Holding – ведущей медиакомпании России, специализирующейся на новостных и развлекательных цифровых проектах [Shkulev Holding]. Это информационный ресурс для жителей Челябинска и Челябинской области.

Реалии современной жизни таковы, что СМИ представляют собой бизнес, основной задачей которого является привлечение и удержание читательской аудитории. Без этого невозможно существование ни одного издания. Для региональных СМИ эта задача усложняется тем, что приходится конкурировать с федеральными интернет-изданиями, поэтому роль заголовочных комплексов [Лазарева 2006; Прохорова 2012] многократно усиливается. Представляя концентрированную, организующую часть медиатекста [Богданова 2007; Прохорова 2012; Пешкова 2012], заголовки позволяют читателю ориентироваться в медиапространстве. Еще одной особенностью современных заголовочных комплексов является их короткий период циркуляции: читатель не возвращается к уже просмотренным заголовкам, поэтому у авторов статей есть лишь один шанс привлечь и поразить реципиента.

Одним из способов достижения этой цели является использование в заголовочном комплексе интертекстуального включения, под которым понимаем маркированный текст/фрагмент текста, представляющий культурную значимость для группы индивидов, т.е. соотносящийся с культурным кодом автора и реципиента [Арнольд 1999; Чернявская 2007].

Анализ 1643 новостных сообщений регионального интернет-портала «74.ру» за 2024 г. позволил выделить следующие особенности использования интертекстуальных включений в заголовочных комплексах статей:

1. Основными сферами-источниками интертекстуальных включений являются «Художественные фильмы, телепередачи» (25%), «Коллоквиализмы, жаргонизмы» (21%), «Устойчивые выражения, крылатые выражения, терминологические словосочетания» (21%), «Художественная литература» (15%), «Музыкальные произведения» (9%), «Поговорки» (9%).

2. В подавляющем большинстве случаев (92%) авторы статей прибегают к трансформациям исходного текста. Текст-оригинал, при этом, погружается в новый контекст, приобретая новые смыслы.

3. Общий культурный код автора и читателя является необходимым условием того, что интертекстуальное включение будет опознано реципиентом.

Рассмотрим некоторые примеры.

«Кеша, гениально!» Как лучший в мире мейн-кун играл роль Кота Бегемота в новой экранизации «Мастера и Маргариты»

Хозяйка необычной кинозвезды рассказала, как животное принимало участие в съемках (29.01.2024)

Заголовок данного заголовочного комплекса состоит из двух частей: цитаты и поясняющего предложения. Далее следует подзаголовок, содержащий некоторые детали содержания статьи. Цитата, использованная автором в заголовке, является интертекстуальным включением, отсылающим читателя к художественному фильму Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973), в котором режиссер Якин ошибочно принимает царя за актера И. Смоктуновского, которого он фамильярно называет Кеша. Оригинальный текст помещен автором статьи в совершенно новый контекст: кот участвует в съемках фильма. При этом имя собственное «Кеша» в новом контексте соотносится с распространенной кошачьей кличкой. Таким образом, заголовок с таким интертекстуальным включением реализует экспрессивную функцию, создавая комический эффект.

19 лет Бульдогу под хвост. Гарик Харламов заявил о закрытии Comedy Club
Прощальный выпуск состоится 20 сентября (19.09.2024)

Оригинальным текстом, использованным автором статьи в качестве интертекстуального включения, является просторечное выражение «псу под хвост», значение которого «о чем-н., что изводится совершенно напрасно, зря, даром» [Толковый словарь русского языка]. Сам факт обращение к разговорным, просторечным выражениям отражает тенденцию, сложившуюся в СМИ в последние годы: клишированность и консервативность сменяется яркостью и образностью [Пешкова 2012]. Автор статьи подвергает исходный текст лексической трансформации: заменяет «псу» на «Бульдогу». Лексема «бульдог» в данном случае – не только порода собаки, но и ник одного из хэдлинеров проекта «Comedy Club» И. Харламова. В новом контексте оригинальный текст сохраняет свое значение «потратить впустую». Лексическая трансформация текста-оригинала позволяет автору создать яркий заголовок, привлекающий внимание читателя.

Поговорки, являясь способом передачи народной мудрости, также часто используются в качестве интертекстуального включения.

Бьет и (не) любит: чем заканчивались самые громкие случаи домашнего насилия в Челябинской области

Большинству героинь любовных драм выжить не удалось (20.04.2024)

Исходным текстом данного интертекстуального включения является поговорка «Бьет – значит любит», появившаяся в период принятия христианства на Руси. Автор подвергает оригинальный текст грамматической трансформации, добавляя к глаголу отрицательную частицу «не» и выделяя ее графически. Эта трансформация является оправданной с точки зрения содержания статьи, в которой описываются случаи избияния женщин своими возлюбленными. И автор, и читатель, являясь представителями одной культуры и разделяя общий культурный код, однозначно понимают оригинальную поговорку. Трансформация исходного текста привлекает внимание читателя, погружает его в новый контекст, помогая реципиенту генерировать новые смыслы.

Примером использования художественной литературы в качестве интертекстуального включения может служить следующий заголовочный комплекс.

Увидеть Стамбул и не умереть от разорения: как провести замечательный отпуск, не спустив целое состояние

Держите лайфхаки, что можно посетить недорого или вовсе бесплатно (13.06.2024)

Исходным текстом данного интертекстуального включения является фраза «Увидеть Париж и умереть» из книги И. Эринбурга «Мой Париж» (1933), которая, в свою очередь, представляет собой интертекстуальную отсылку на фразу И. Гете «Увидеть Неаполь и умереть», подразумевающую, что каждый человек должен увидеть красоты Неаполя (Парижа). Текст-оригинал подвергается лексико-грамматическим трансформациям: лексическая субституция («Париж» заменяется на «Стамбул»), к глаголу добавляется отрицательная частица «не», само высказывание распространяется словосочетанием «от разорения». Эти трансформации погружают оригинальный текст в новый контекст, преобразуя его значение и передавая содержание статьи, в которой речь идет о дорогом отпуске за границей.

Таким образом, авторы статей регионального интернет-портала 74.ru используют интертекстуальные включения для создания ярких и запоминающихся заголовков. При этом, оригинальные тексты подвергаются различным лексико-грамматическим трансформациям, что позволяет погрузить исходный текст в новый контекст. Реципиент включается в игру, предложенную автором, становясь активным участником генерации новых смыслов.

Литература

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.

Богданова О.Ю. Заголовок как элемент текста // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. № 1. С. 116-119.

Департамент средств массовой информации и рекламы города Москвы. URL: <https://www.mos.ru>

Лазарева Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 40. С. 158-166.

Пешкова Ю.В. Функции заголовков немецкоязычных новостных текстов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 1. С. 134-140.

Прохорова К.В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: язык и литература. 2012. Вып. 1. С. 238-246.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Изд. центр Терра, 1996.

Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2007. С. 22-23.

Real M. Super Media: A Cultural Studies Approach. London: Sage Publications, 1989.

Shkulev Holding. URL: <https://shkulevholding.ru/>

A.S. Podolko (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State University (National Research University)

INTERTEXTUAL POTENTIAL OF REGIONAL MASS MEDIA (BASED ON THE INTERNET PORTAL 74.RU)

Based on the material from the regional internet portal, this article examines intertexts in headline complexes as a means of interaction between authors and readers. It describes the methods used to integrate source texts into titles, and provides a classification of the most common source domains for intertexts.

Key words: heading complex, headline, intertext, mediatext, cultural code

О.Б. Пономарева, Е.Ю. Пономарева (Тюмень Россия)

Тюменский государственный университет

obponomareva@list.ru

МНОГОФОКУСНАЯ ПРИРОДА РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА В КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКЕ

В статье рассматривается интерпретационный потенциал риторического вопроса с точки зрения восприятия читателя, его литературного опыта. Риторический вопрос рассматривается не только как способ привлечь внимание читателя посредством эмоционального утверждения в вопросительной форме, но и как конвергенция дополнительных стилистических приемов внутри риторического вопроса, которые создают эффект резонанса. Таким образом, риторический вопрос выступает как уникальный языковой инструмент с высоким когнитивно-прагматическим потенциалом в когнитивной поэтике, что способствует вовлечению читателя в процесс интерпретации текста через призму когнитивно-эмотивного восприятия.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, риторический вопрос, интерпретационный потенциал, эффект резонанса

Когнитивную поэтику можно определить как теоретический и практический подход, занимающийся разработкой литературоведческой проблематики, направленной на изучение восприятия структур текста на основе допущений о процессах и состояниях человеческого разума [Burdorf, Fasbender 2007: 387]. Когнитивная поэтика использует принципы когнитивной психологии при интерпретации литературных текстов, рассматривая литературный текст как основу для формирования литературного опыта читателя. Термин «литературный опыт» был введен П. Стоквеллом [Stockwell 2020] для обозначения понятия интерпретации литературного текста через призму субъективного восприятия, которое имеет динамический характер и претерпевает изменения при взаимодействии с языковыми средствами текста. Литературный опыт читателя является ключевым для когнитивной поэтики, находящейся на пересечении когнитивной лингвистики и литературоведения.

Риторический вопрос является одним из способов формирования литературного опыта читателя. Риторический вопрос изучался со времен античности как риторическая фигура речи такими древнегреческими философами и ораторами, как Аристотель, Платон, Сократ и Цицерон, которые рассматривали риторический

вопрос как способ воздействия на слушателя или оппонента в диспутах. В отечественной науке к риторическому вопросу как к термину стилистики, грамматики и прагматики обращались И.Я. Гальперин, И.В. Арнольд, Ю.М. Скребнев, Г.Я. Солганик, И.Б. Голуб, Е.Н. Линдстрем, И.А. Стернин и рассматривали его как синтаксический стилистический прием, основанный на оппозиции грамматической формы и семантико-прагматического содержания [цит. по: Шнякина, Леонидова 2023].

Научная новизна данного исследования заключается в изучении интерпретирующего потенциала риторического вопроса как средства концептуальной интеграции. Многофokusный аспект риторического вопроса, заключающегося в том, что риторический вопрос может выполнять несколько функций – функцию восклиания, обращения, рефлексии, вопросно-ответного единства, – что позволяет нам отнести его к модусной категоризации или категории модусного типа, которая является оценочной (интерпретирующей) категорией, отличающейся своей инферентностью, т.е. необходимостью выводного знания для создания нужного смысла [Болдырев 2014: 172].

Риторические вопросы выполняют функцию эмфатического утверждения, т.е. задействуют синтаксические структуры в контекстах, не характерных для их денотативного значения, с добавлением дополнительных коннотаций, что является одним из примеров транспозиции [Арнольд 2004: 223]. Поскольку риторический вопрос содержит эмфатическое утверждение, то в нем содержится потребность в выводном знании для формирования отрицания или сомнения для передачи авторской интенции [Болдырев 2014: 102]. В качестве примера обратимся к известному стихотворению А.С. Пушкина, которое начинается с риторического вопроса «Что в имени тебе моем?».

В первых строках риторический вопрос включает обращение к имени (*Что в имени тебе моем...?*), которое является сферой-целью по Дж. Лакоффу [Lakoff 2004]. Далее следуют образные сравнения, основанные на метафорическом переносе:

Оно умрет, как шум печальный/ Волны, плеснувшей в берег дальний/ Как звук ночной в лесу глухом,

которые служат сферой-источником, сопоставляя имя со звуками природы с помощью концептуальных сравнений (ИМЯ – ШУМ/ЗВУК).

Далее следует еще один риторический вопрос:

Что в нем? /Оно на памятном листке/ Оставит мертвый след, подобный/ Узору надписи надгробной / На непонятном языке,

в рамках которого имя сравнивается с узором надгробной надписи, мертвым следом на непонятном языке, что представляет собой концептуальную метафонию, где имя – сфера-цель, а мертвый след, подобный узору надписи надгробной на непонятном языке – сфера-источник по Дж. Лакоффу (ИМЯ – МЕРТВЫЙ СЛЕД) [Lakoff 2004]. Имя, с одной стороны сравнивается со следом, который остается, когда человек уходит (концептуальная метафора). С другой стороны, с точки зрения семиотики имя является фонетико-графическим знаком-символом, который может

быть произнесен или написан, что позволяет отнести модель ИМЯ – НАДПИСЬ к метонимической модели, в то время как сравнение надписи с узором (НАДПИСЬ – УЗОР) создает сложный метафтонимический образ ИМЯ – УЗОР НАДПИСИ.

Все стихотворение включает конвергенцию выразительных средств (концептуальные метафоры, развернутые сравнения, метонимии, эпитеты, относящиеся читателя к образам моря, шума леса, надписи на памятнике). Конвергенции стилистических приемов передают чувства героя, для которого имя с помощью вышеупомянутых выразительных средств и повторов риторического вопроса в разных вариантах передает чувство печали и тоски по имени, к которому обращено стихотворение:

Но в день печали, в тишине,

Произнеси его тоскую;

Скажи: есть память обо мне,

Есть в мире сердце, где живу я...

В данной строфе реализуется метонимическая модель ИМЯ – ПАМЯТЬ, дающая ответ на серию риторических вопросов (что в имени тебе моем?), на которые изначально предполагался имплицитный отрицательный ответ.

Следовательно, конвергенция всех выразительных средств, казалось бы, противоречит смыслу риторических вопросов, но выделяет наиболее важное и доминантное чувство любви и тоски по этому имени, используя концептуальную метафору СЕРДЦЕ – КОНТЕЙНЕР/МЕСТО ОБИТАНИЯ (*Есть в мире сердце, где живу я*).

Художественный текст адресован не одному читателю, а множеству читателей и должен удерживать их внимание, врезаться в память, убедить, **вызвать эффект резонанса** как мощного литературного средства **интенсивности**, которая оставляет след в памяти читателя [Stockwell 2020: 221]. В данном примере имя приобретает интимный характер, т.к. автор имеет в виду определенное имя, но поскольку оно не названо, то производит эффект резонанса и может относиться ко многим читателям, испытывающим подобные чувства, акцентируя внимание на неявной, имплицитной подаче информации.

Таким образом, в основе риторического вопроса лежит оппозиция формы и содержания, а именно грамматическая транспозиция как переход от вопросительной формы к восклицательной или утвердительной, основанной на вопросно-ответном единстве. Риторический вопрос усиливает эмоциональную окраску сообщения, помогает привлечь внимание читателя, а также посредством конвергенции дополнительных стилистических приемов может создавать эффект резонанса. Среди характерных черт структуры риторических вопросов можно выделить высокую степень когнитивно-эмотивной вовлеченности, проявляющейся посредством реализации фатической (контактоустанавливающей) функции, а эффект конвергенции создается при помощи параллельных конструкций, повторов, метафорических и метонимических выражений. Особой разновидностью риторического вопроса является продолжение его в виде развернутого ответа, что и обуславливает эмоциональную прагматическую функцию данного приема.

Анализ риторического вопроса с точки зрения когнитивно-прагматического подхода включает изучение его функций и целей в поэтическом дискурсе, а также влияние этого языкового средства на когнитивно-аффективную особенность восприятия информации. Использование риторического вопроса создает у читателя ощущение вовлеченности, что делает информацию более персонализированной и усиливает эмоциональный эффект.

Таким образом, риторический вопрос является особым языковым приемом с высоким когнитивно-прагматическим потенциалом с точки зрения когнитивной поэтики. Когда читатель мысленно отвечает на такой вопрос, либо находит ответ на данный вопрос в дискурсивном пространстве поэтического текста, он вовлекается в диалог и с большей вероятностью продолжает чтение произведения. Цель привлечения внимания посредством риторического вопроса успешно достигается, а информация, представленная как решение проблемы, воспринимается с большим доверием и эффективностью.

Исследование позволяет выявить и описать концептуальную основу концептуальной интеграции экспрессивных средств в виде конвергенции их потенциальных возможностей. Оно также позволяет выделить в поэтическом тексте ключевые элементы, которые подтверждают его статус как средства реализации трех типов языковой интерпретации знаний о мире: селективной, классифицирующей и оценочной.

Литература

- Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2004.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
- Шнякина К.В., Леонидова Е.В.* Фигура речи риторический вопрос: история изучения в отечественной науке // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 3. С. 69-73.
- Burdorf D., Fasbender Ch.M.* Lexikon Literatur: Begriffe und Definitionen. Luxemburg: Springer Verlag, 2007.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago, 1980.
- Stockwell P.* Cognitive Poetics. London: Routledge, 2020.

O.B. Ponomareva, E.Y. Ponomareva (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

MULTIDIMENSIONAL NATURE OF RHETORICAL QUESTIONS IN COGNITIVE POETICS

This article examines the interpretative potential of rhetorical questions from the point of view of the reader's perception and his literary experience. A rhetorical question is considered not only as a way to attract the reader's attention through an emotional statement in interrogative form, but also as a convergence of additional stylistic devices within a rhetorical question, which creates a resonance effect. Thus, a rhetorical question acts as a unique language tool with a high cognitive-pragmatic potential in cognitive poetics, which contributes to the reader's involvement in the process of interpreting the text through the prism of cognitive-emotive perception.

Key words: cognitive poetics, rhetorical question, interpretative potential, resonance effect

В.М. Потемкина (Москва, Россия)

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации;
Московский государственный педагогический университет
botoeva@mail.ru*

РОЛЬ ИДЕОЛОГЕМЫ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

В статье исследуется роль **идеологемы** в качестве центрального элемента политико-идеологического дискурса в контексте современных когнитивных исследований цифровой эпохи. Особое внимание уделяется изучению идеологем, как сложных концептов, которое позволяет глубже понять их влияние на общественное восприятие и формирование мировоззренческих установок.

Ключевые слова: концепт, идеологема, когнитивные исследования, лингвокогнитивный подход, политико-идеологический дискурс

В условиях цифровой эпохи изучение особенностей функционирования идеологем в политико-идеологическом дискурсе приобретает особую значимость. Идеологема, как центральная единица современного дискурса, играет важную роль в создании и распространении идеологических представлений. Ее влияние на общественное сознание обеспечивает формирование мировоззренческих установок, а также укрепление политических и идеологических ценностей в обществе. Современные когнитивные исследования позволяют глубже понять механизмы взаимодействия идеологем с человеческим сознанием. Анализ их характеристик и способов влияния становится фундаментом для осмысления процессов, формирующих общественные представления, и их адаптации в условиях быстроменяющейся информационной среды.

Г.Г. Слышкин обозначил понятие «идеологема» как когнитивную единицу. «Идеологема – элемент концепта, создаваемый посредством целенаправленного воздействия определенных социальных институтов на носителей культуры, связанный с общей системой ценностей, провозглашаемых данными институтами, ориентирующий носителя концепта на совершение каких-либо социально значимых действий» [Слышкин 2004: 95]. С точки зрения идеологической направленности, в структуре концепта можно выделить два основных компонента. Во-первых, это **нейтральная составляющая концепта**, содержащая совокупность ассоциаций, формирование которых происходило естественным образом, без какого-либо целенаправленного влияния со стороны социальных или политических институтов. Во-вторых, это **идеологемная составляющая концепта**, или, собственно, **идеологема**. Она возникает за счет целенаправленных интенциональных действий, направленных как на закрепление, так и на преобразование определенного концепта [Слышкин 2004: 95].

Под идеологемой следует понимать единицу когнитивного уровня особого типа – многоуровневый концепт, в структуре которого как в ядре, так и на периферии проявляются идеологически маркированные признаки. Эти признаки отражают представления носителей языка о таких категориях как власть, государство, политических и идеологических институтах. Теоретические исследования подтверждают значимость идеологем как концептов определенного вида, обусловленных политической идеологией. В связи с этим особую важность приобретает рассмотрение того, что такое концепт и процесс его концептуализации в рамках формирования и развития содержания общественно-государственной идеологии.

В современной лингвистике выделяют два основных подхода к изучению концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Особое внимание следует уделить лингвокогнитивному подходу, который позволяет подробно рассмотреть роль идеологем как центральных единиц в современном политико-идеологическом дискурсе в контексте когнитивных исследований цифровой эпохи. Согласно точке зрения В.Н. Телия, концепт является результатом мыслительной деятельности человека и представляет собой явление, присущее человеческому сознанию в целом, а не только языковым процессам. «Концепт – это конструкт, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия 1996: 35]. Этот подход подчеркивает, что концепты формируются в сознании и выражают более широкие категории знания и опыта. По мнению Н.Н. Болдырева, «концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления» [Болдырев 2001: 23]. С точки зрения исследователя, концепты служат отражением жизненного опыта, накопленного знания и результатов деятельности человека, которые формируются в процессе познания окружающего мира. Поэтому концепты постоянно участвуют в мыслительной деятельности: сравнивая, анализируя и объединяя их, мы создаем новые концепты. При передаче информации или в ходе общения происходит обмен этими концептами.

В частности, представим единицу когнитивного уровня языка политического дискурса Китая (КНР) «*Один пояс, один путь*» («*Один пояс, один путь*») которая может быть охарактеризована как концепт, относящийся к типам как сценарий и когнитивная матрица. Этот концепт можно проанализировать с двух позиций, как сценарий – реализация политического дискурса и матрица – сложная система, включающая знания из различных областей:

1. Сценарий. Данный тип концепта служит «каркасом» динамики событий, учитывая временной и поступательный характер его развития. В контексте политико-идеологического дискурса он играет важную роль в формировании и реализации инициативы и включает следующие этапы:

- а) запуск (старт) инициативы;
- б) заключение международных соглашений со странами-союзниками;
- в) процесс реализации инициативы;

г) долгосрочные цели и перспективы.

2. Когнитивная матрица. Когнитивная матрица, как тип структурного концепта представляет собой сложную систему, в которой объединяются и взаимодействуют разные области знаний и концептуальные направления. Концепт, как когнитивная матрица осуществляет интегрирующую функцию в разных областях:

- а) экономическая: стимулирование мировой торговли, развитие инфраструктуры;
- б) политическая: стратегия увеличения сферы влияния Китая;
- в) культурная: обмен ценностями и традициями.

Так, концепт «*一帶一路*» («Один пояс, один путь») представляет собой объемный многокомпонентный элемент, который одновременно служит опорной точкой, организующей знания об определенных объектах, и отражает значения слов, которые связаны ассоциативными и семантическими связями с другими лексическими группами. Также он описывает динамику событий и последовательность действий, объединяя различные когнитивные контексты и концептуальные области для анализа.

Анализируя концепт, как процесс концептуализации, согласно теоретическим исследованиям, мы можем сделать вывод, что данный процесс многогранен и исследователи анализируют его с разных научных перспектив – от когнитивной психологии до лингвистики. Выделим фундаментальные характеристики процесса концептуализации: «концептуализация представляет собой единство мыслительной, языковой и психической деятельности, основанное на работе сознания; она формируется во взаимодействии опыта, контекста, мотивов личности и окружающей среды; процесс концептуализации отражает культурные и ценностно-эмоциональные аспекты социума; она связана с созданием ассоциативных сетей, которые связывают концепты в семантическое поле» [Ткачук 2007: 173].

Представим базовый процесс концептуализации на примере концепта «*一帶一路*» в виде упрощенной схемы (рис. 1).

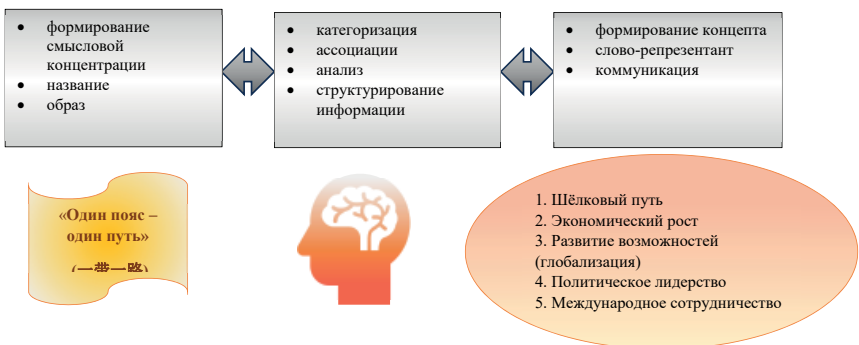

Рис. 1. Процесс концептуализации инициативы «*一帶一路*» («Один пояс, один путь»)

В контексте когнитивных исследований цифровой эпохи концептуализация представляет собой динамический процесс структурирования знаний, эмоций и опыта, который охватывает когнитивные, языковые, культурные и эмоциональные аспекты. Этим процессом можно объяснить, как идеологемы становятся центральными элементами современного политико-идеологического дискурса.

Исходя из проведенного анализа теоретических исследований лингвокогнитивный подход к описанию концепта «*一帶一路*» («Один пояс, один путь») позволяет выявить его многогранную структуру, включающую семантическую, лексико-грамматическую и культурно-аксиологическую составляющие. Концепт отражает ключевые ценности китайского политико-идеологического дискурса, такие как гармония, взаимовыгодное сотрудничество и глобальная интеграция.

Таким образом, идеологемы, действующие как центральные единицы, играют важную роль в формировании и распространении политико-идеологических идей в цифровую эпоху. Они управляют массовым сознанием, укрепляя определенные позиции и направляя общественное мнение в сторону заданных идейных ориентиров. Идеологемы дают возможность странам эффективно транслировать свои стратегические намерения и культурные ценности на международной арене, используя когнитивные и культурные ресурсы своих концептов для достижения взаимопонимания и сотрудничества.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т имени Г.Р. Державина, 2001.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки рус. культуры, 1996.

Ткачук А.Н. Когнитивные аспекты вербализации лингвокультурного концепта // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. 2007. № 2 (15). С. 172-177.

V.M. Potemkina (Moscow, Russia)

*Moscow State Pedagogical University, Prince Alexander Nevsky;
Military University of the Ministry of Defense of the RF*

THE ROLE OF IDEOLOGEME AS A CENTRAL UNIT IN MODERN POLITICAL-IDEOLOGICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF COGNITIVE RESEARCH IN THE DIGITAL AGE

The article examines the role of ideologeme as a central element of political-ideological discourse in the context of modern cognitive studies of the digital age. Particular attention is paid to the study of ideologemes as complex concepts, which allows for a deeper understanding of their influence on public perception and the formation of ideological attitudes.

Key words: concept, ideologeme, cognitive research, linguistic-cognitive approach, political-ideological discourse

Т.И. Прийма (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский Государственный университет
tatianapriima@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА МЕДИАЦИИ В СИТУАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАСКОЛА (НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТА «FRANCO-GERMAN PLAN TO RESOLVE THE KOSOVO-SERBIA DISPUTE»)

В статье рассматриваются структурные и лексические особенности дискурса медиации на примере документа «Франко-германский план по решению разногласий между Косово и Сербией». В ходе исследования анализируется языковая реализация и прагматический потенциал медиаторных стратегий, используемых в тексте.

Ключевые слова: дискурс медиации, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, медиатор, стратегия объединения

В настоящее время, в эпоху усилившихся информационных войн, значимую роль в процессе стабилизации общественно-политической обстановки играют языковые средства, используемые «регуляторами» – посредниками, которые выдвигают определенные предложения для урегулирования споров дипломатическим путем.

Дискурс медиации, который в настоящем исследовании понимается как «коммуникативное взаимодействие, обусловленное конфликтным потенциалом» [Куликова, Прохорова 2016: 100], наиболее ярко проявляет себя в юридической сфере, однако реализация данного дискурса на социально-политической арене также имеет ряд особенностей.

Так, в ситуациях общественного раскола в роли медиатора зачастую выступает не один человек, а целое государство, или государственный орган, т.е. «некая значимая группа, способная эффективно воздействовать на когнитивное сознание участников конфликта» [Прийма 2023: 143].

В частности, в рассматриваемом в данной статье документе «Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute» эту роль берут на себя сразу два государства – Франция и Германия, которые предлагают свой вариант решения конфликта.

Одной из структурных характеристик дискурса медиации можно считать особую коммуникативную модель, включающую в себя как минимум трех участников – медиатора и две конфликтующие стороны [Моногарова 2017: 10]. В анализируемом документе функции медиатора совместно выполняют Франция и Германия, а «сторонами конфликта» являються Косово и Сербия. Из-за обстоятельств глобального разногласия между сторонами не все названные субъекты оказываются вовлечены в дискурсивное взаимодействие в рамках рассматриваемого документа. Их опосредованное участие в процессе связано также с письменной формой дискурса, структура которого определяется интенцией составителей документа.

В устной медиации стороны конфликта имеют возможность представить собственные аргументы, касающиеся кризисной ситуации. В приведенном документе эту роль выполняет сам медиатор, что в известном смысле вступает в противоре-

чие с принципом полисубъективности (Сербия и Косово не участвуют в процессе урегулирования конфликта напрямую, аргументы сторон представлены с позиции медиатора: *They reaffirm the inviolability now and in the future of the frontier/boundary existing between them and undertake fully to respect each other's territorial integrity*).

В названии документа «Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute» содержится указание на готовность Франции и Германии окончательно решить существующий политическо-территориальный спор (*to resolve the Kosovo-Serbia dispute*). В документах аналогичной тематики и медиативной направленности (например, «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса») наблюдается менее категоричный посыл медиатора. Китай предлагает лишь свое видение урегулирования кризиса (*China's Position on the Political Settlement...*), в то время как Франция и Германия видят себя правомочными медиаторами, чья вовлеченность в процесс решения конфликта является значительно более глубокой.

Любопытно, что в пунктах плана, в отличие от его названия, Франция и Германия не упоминаются. Следует полагать, что государства видят себя правомерными посредниками в решении данного вопроса лишь на основании членства в Европейском Союзе и занимаемой там позиции: *Kosovo and Serbia will be guided by their mutual aspirations to EU membership*. Для сравнения здесь можно вновь обратиться к китайскому документу, где медиатор-Китай активно выступает в роли авторитета и деятельного посредника (*China <...> and calls on all parties, China stands ready to provide <...>, China will continue to play a constructive role <...>, China supports*).

Структура текста «Франко-германского плана по решению разногласия между Косово и Сербией» представляет собой краткие, тезисно изложенные пункты.

Одной из коммуникативных стратегий, которая сразу обращает на себя внимание, является стратегия объединения, реализуемая посредством исключительно совместного упоминания конфликтующих сторон в документе: *Kosovo and Serbia shall develop..., Kosovo and Serbia will be guided..., They reaffirm...* – ни один из пунктов рассматриваемого плана не касается лишь одной стороны. Таким образом, цель урегулировать разногласия может быть достигнута только равномерными усилиями участников конфликта.

Также в документе активно используется и тактика отсылки к достигнутым ранее договоренностям между сторонами конфликта: *Kosovo and Serbia proceed on the assumption that neither of the two parties can represent the other in the international sphere nor act on its behalf; Kosovo and Serbia proceed on the mutual respect of each party's jurisdiction; In conformity with the SAA [Stabilisation and Association Agreements] signed by both parties, Kosovo and Serbia shall settle any disputes between them exclusively by peaceful means and refrain from the threat or use of force*.

Кроме того, реализация стратегии объединения достигается медиатором с помощью соответствующих по семантике лексем: *mutual benefit, neighbourly relations, equal rights, mutual respect*.

Особое внимание обращает на себя модальный глагол *shall*, используемый на протяжении всего документа: *Kosovo and Serbia shall develop normal..., Kosovo and Serbia shall settle any disputes..., Kosovo and Serbia shall promote peaceful relations..., Kosovo and Serbia shall exchange Permanent Missions..., They shall be established at*

the respective. Семантически данный глагол отличает категоричное долженствование, что еще раз подтверждает уверенность медиаторной стороны в правильности предлагаемых ею действий по урегулированию конфликта.

Таким образом, основной коммуникативной стратегией, используемой в рассматриваемом документе, является стратегия объединения, направленная на решение конфликта посредством интеграции.

Литература

Куликова Л.В., Прохорова О.А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (56). Ч. 2. С. 100-104.

Моногарова А.Г. Современный англоязычный дискурс медиации: терминологическая составляющая и система прагматических стратегий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017.

Прийма Т.И. Медиаторные стратегии в ситуации общественного раскола // Когнитивная лингвистика в контексте современной науки: материалы Международной научной конференции. 19-21 сентября 2023 г. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2023. С. 142-144.

Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute. URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/leak-franco-german-plan-to-resolve-the-kosovo-serbia-dispute/>

China's Position on the Political Settlement of the Ukraine Crisis. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202302/t20230224_11030713.html

T.I. Priima (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

FEATURES OF MEDIATION DISCOURSE IN A SOCIAL CRISIS SITUATION: “FRANCO-GERMAN PLAN TO RESOLVE THE KOSOVO-SERBIA DISPUTE”

The article examines the structural and lexical features of the mediation discourse using the example of the document “Franco-German plan to resolve the Kosovo-Serbia dispute”. The study analyzes the linguistic implementation and the pragmatic potential of mediation strategies used in the text.

Key words: mediation discourse, communicative strategies, communicative tactics, mediator, unification strategy

Н.И. Проконина, О.Б. Абакумова (Орел, Россия)

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
[prokoninatalie@mail.ru](mailto:prokoninnatalie@mail.ru), abakumova-ob@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ФЕНОМЕН БИЗНЕС-ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Бизнес-дискурс, являясь разновидностью профессионального дискурса, в отечественной и зарубежной науке признается как самостоятельная отрасль дискурсивных исследований. Особое внимание ученых среди частных вопросов, связанных с изучением делового дискурса, привлекает такое явление, как термины фразеологического происхождения.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, бизнес-дискурс, ФЕ-термин, дискурс, фразеология

Профессиональный дискурс не случайно находится под пристальным вниманием ученых-языковедов в течение последних десятилетий. Развиваясь бок о бок со смежными областями организационного, рабочего, корпоративного, институционального с входящим в него деловым дискурсом, профессиональный дискурс, несомненно, подчинен определенным культурно-коммуникативным формам и профессионально-специфическим требованиям. Современные исследователи признали бизнес-дискурс самостоятельной отраслью дискурсивных исследований [Стеблецова 2015: 534]. Акцент с изолированного изучения делового языка сместился на анализ делового дискурса, что, безусловно, более актуально в условиях современного состояния науки, которая стремится к комплексным исследованиям живого языка в реальных условиях, что предполагает обращение к специфическим – как профессиональным, так и лингвокультурным – концептам и образам, воплощенным, прежде всего, во фразеологии.

Многогранность термина «деловой дискурс» выявляется благодаря разнообразию его понимания и вариативности подходов к его изучению. Мы будем отталкиваться от определения, согласно которому бизнес-дискурс понимается как разновидность институционального дискурса, в рамках которого осуществляется специализированная коммуникация на определенных профессиональных условиях и требованиях [Мкртычян 2012: 17]. Особую специфику делового дискурса, безусловно, задает его терминологическая составляющая, предполагающая предельную сухость и неэмоциональность. Однако, как бы удивительно это не казалось, среди терминологического состава и английского, и русского языков выделяется ряд терминов фразеологического происхождения, которые, в свою очередь, основываются на «высоком когнитивном уровне символов и образов» и играют важную роль в формировании современной языковой национальной картины мира, которая «включает в себя комплекс языковых концептов, связанных внутренней формой языка, его специфической „логикой“» [Прокопина 2023: 378]. Однако, скорее всего, изначально заложенная в терминологизмы образность более доступна и очевидна изучающим язык, нежели его носителям, по причине того, что, спустя годы активного употребления в языке и речи, образность утрачивается в восприятии носителей языка, а устойчивые фразы, попадая в деловой дискурс из разных сфер, развивают новые смыслы [Прокопина, Абакумова 2024: 169-170].

В рамках данной статьи мы рассмотрим английские ФЕ-термины *crown jewels*, *company doctor* и русские – *Святой Грааль*, *низко висящие фрукты*.

1. *Crown jewels* – ‘a company’s most important and valuable assets’ [Murphy 2004: 110]. *Драгоценность короны* – «особенно прибыльная и, таким образом, особенно ценная корпоративная единица или актив компании» [Англо-русский экономический словарь]. ФЕ-термин *crown jewels* содержит в себе достаточно отчетливый индикатор, символ исторически сложившейся английской культуры – *crown*. Атрибутика и символика, тем или иным образом связанные с королевской семьей, навсегда закрепились в англоязычном языковом сознании в качестве синонима вла-

сти и совершенства. Этот образ, соответственно, и был перенесен в содержание современного делового ФЕ-термина *crown jewels*, значение которого в бизнес-дискурсе сводится к предмету первостепенной важности, безусловной ценности или ключевому достоинству.

The Apple Computer Inc Cat-in-the-Hat project, which will see the Apple ToolBox, Apple's crown jewels and the source of the Macintosh under interface, implemented for IBM Corp, Hewlett-Packard Co and Sun Microsystems Inc systems, is thought to be nearing completion (BNC: Computergram international) – Проект Apple Computer Inc Cat-in-the-Hat, в рамках которого Apple ToolBox, **коронная драгоценность** Apple и источник интерфейса Macintosh, созданная для систем IBM Corp, Hewlett-Packard Co и Sun Microsystems Inc, как полагают, близок к завершению (здесь и далее перевод наш – Н.П. и О.А.).

2. *Company doctor* – ‘someone with special knowledge and experience who is employed to help a business that is losing money and which may have to close’ [Murphy 2004: 138]. *Доктор компании* – «человек, которого вводят в правление компании для спасения ее от банкротства; часто наделяется широкими полномочиями для принятия решительных действий» [Англо-русский экономический словарь]. Ср. рус. «кризисный менеджер». *Company doctor* – деловой термин, наделенный образом, связанным с профессиональной функцией врача. Врач вырисовывается в восприятии человека как специалист, в чьих силах излечить от недуга и поднять на ноги. В католической традиции великий целитель души и тела – это Всевышний (*Christ, the Great Physician*): *It is not the healthy who need a doctor, but the sick* (Mark 2: 17). Соответственно, издревле у носителей языка закрепилось понимание, что во врачевании лежит Божественное начало. Таким образом, можно сказать, что «врач компании» – это высококвалифицированный специалист, обладающий специальными знаниями и опытом, специально нанятый для того, чтобы работать в кризисной ситуации и помочь компании избежать полного краха.

It's not for nothing that he has earned his reputation as Scotland's most effective 'company doctor'. <...> He gained a lot of brownie points, for example, when the company announced its record interim losses of 45.1m and then revealed plans to sell off the majority of its leisure division (BNC: Caterer & Hotelkeeper): Недаром он заслужил репутацию самого эффективного **кризисного менеджера** Шотландии. <...> Он набрал много очков, например, когда компания объявила о своих рекордных промежуточных убытках в размере 45,1 млн, а затем раскрыла планы продать большую часть своего досугового подразделения.

3. *Священный/Святой Грааль* – «наиболее желаемый результат для бизнеса, наивысший стандарт, который стремится поддерживать компания» [Федорук: 2023]. «Святой Грааль» – один из новопоявившихся в деловой сфере русского языка и ныне востребованных терминологизмов фразеологического происхождения. История Святого Грааля восходит к западноевропейским легендам Средневековья: Грааль – чаша, наполненная кровью Иисуса Христа, обладающая целительной силой, ради

приближения к которой, как известно, рыцари совершали подвиги. Также считалось, что эта чаша первоначально служила Христу и апостолам во время Тайной вечери, была чашей для причащения [Кельтская мифология: 211-212]. Святой Грааль, являясь символом исцеления и благодати, в переносном смысле стал синонимом идеала.

*Электронную коммерцию можно считать **Святым Граалем** розничной торговли, поскольку она снижает затраты, уменьшает логистические проблемы и превращает приобретение товаров в удобный и приятный процесс для клиента [Федорук 2023].*

4. *Низко висящие фрукты* – «выражение <...> для описания простых в выполнении задач, позволяющих <...> быстро добиться значительной выгоды для бизнеса при минимуме затраченного времени и усилий» [Федорук 2023].

*Я думаю, в 2025 году прогресс будет даваться сложнее. **Низко висящие фрукты** уже сорваны. Склон становится круче», – пояснил Пичаи, имея в виду, что время, когда больших результатов можно было достичь относительно небольшими усилиями, прошло [CEO Google говорит...].*

Деловой дискурс, подобно любому другому виду профессионального дискурса, реализуется среди представителей одной профессии в рамках сотрудничества и коммуникации с представителями других областей или с людьми, вовсе не сведущими или не имеющими прямого отношения к миру бизнеса [Blanca-Irimiea 2017: 111]. Это взаимодействие происходит невольно благодаря СМИ и различным бизнес-медиа-ресурсам. Именно поэтому деловой дискурс также является одним из «типов дискурса, обладающих значительным манипулятивным потенциалом» и «охватывающий широкую социолингвистическую демографию» [Malyuga 2024]. Это положение вещей доказывает тот факт, что исследование бизнес-дискурса, проникающего во все сферы жизнедеятельности человека, оказывается, как никогда, полезным, практическим и своевременным. Отдельную значимость составляет владение тонкостями делового языка, среди которых очевидную группу составляют термины фразеологического происхождения с их собственной спецификой, поскольку оперирование лишь сухими стройными терминами недостаточно для полноценной коммуникации и достижения полного взаимопонимания между партнерами, необходимого для заключения взаимовыгодной сделки.

Литература

- Англо-русский экономический словарь. URL: https://economy_en_ru.academic.ru/
 Кельтская мифология: Энциклопедия / пер. с англ. С. Головой и А. Голова. М.: ЭКСМО, 2002.
 Мкртычян С.В. Управленческие коммуникативные стили в социально стратифицированном дискурсе (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012.
 Прокопина Н.И. Символика цвета в терминологической фразеологии в современном деловом английском и русском языках // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 375-379.
 Прокопина Н.И., Абакумова О.Б. Фразеологические термины в современном английском бизнес-дискурсе // Гуманитарные технологии в современном мире: сборник трудов конференции. Калининград: Полиграфич, 2024. С. 169-170.

Стеблецова А.О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 6 (717). С. 532-543.

Федорук В. 13 новых терминов, которые появились в деловой среде // Словарь предпринимателя. Русская Школа Управления. 2023. URL: https://uprav.ru/blog/slovar-predprinimatelya-chto-oznachaet-termin-development/?sphrase_id=203762

Blanca-Irimiea S. Professional Discourse as Social Practice // European Journal of Interdisciplinary Studies. 2017. Vol. 9. Nr. 1. Pp. 108-119.

CEO Google говорит, что прогресс ИИ в 2025 замедлится // dev.by. 6 декабря 2024. URL: <https://devby.io/news/seo-google-govorit-chto-progress-ii-v-2025-zamedlitsya>

Malyuga E.N. The language of corporate communication: functional, pragmatic and cultural dimensions. Springer Nature, 2024.

Murphy M. Longman Business English Dictionary. Pearson Education Limited, 2004.

N.I. Prokonina, O.B. Abakumova (Orel, Russia)

Orel State University named after I.S. Turgenev

PHRASEOLOGICAL TERMS AS A PHENOMENON OF BUSINESS DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

Business discourse, being a type of professional discourse, is recognized in domestic and foreign science as an independent branch of discursive research. Among the private issues related to the study of business discourse, such a phenomenon as terms of phraseological origin attracts special attention of scientists.

Key words: professional discourse, business discourse, phraseological unit term, discourse, phraseology

А.А. Радюшкина, В.И. Космодемьянская (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена*

galeya-2001@yandex.ru; kosmoviktoria@gmail.com

РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕАТРАЛЬНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОБЕДНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ 47-го ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА)

В статье рассматривается политический дискурс Д. Трампа на материале его выступления после победы в выборах на пост 47-го президента США в 2024 г. Основное внимание уделено наиболее характерной стратегии театральности политического дискурса и реализующим ее тактикам.

Ключевые слова: американский политический дискурс, дискурс Д. Трампа, дискурс победителя, речевые стратегии, стратегия театральности, речевые тактики

Внимание современной науки к политическому дискурсу обусловлено интересом к всеохватывающей дискурсивной деятельности человека, а также большой степенью политизированности общественной жизни в целом. Политический дискурс как форма деятельности, направленной на «захват и удержание власти, а также фор-

мирование у других желательных для говорящего представлений о мире и составляющих его суть» [Шейгал 2004: 30], во многом влияет на восприятие обществом внутри- и внешнегосударственных событий, а также на его самоидентификацию.

Поставленные политические цели обуславливают выбор политиками стратегий для их достижения, при этом стратегии деятельности сопряжены с речевыми стратегиями, определяемыми как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели речевого субъекта» [Иссерс 2009: 182]. К таким целям могут относиться убеждение электората в правильности политического выбора, склонении его к поддержке в каком-то вопросе, подрыв доверия соперникам и др. Выбор конкретной стратегии и актуализирующих ее тактик определяется коммуникативной ситуацией, а также интенциями, прагматической установкой и мотивами политического деятеля [Космодемьянская и др. 2023: 64-65].

Отдельный интерес представляяют т.н. победные политические выступления (victory speeches). Они относятся к институциональным формам политического дискурса, поскольку участники реализуют свои статусные роли [Карасик 2000: 5-20], но при этом личностно окрашены, т.к. произносятся в момент триумфа, когда градус напряжения снижается и политик не испытывая необходимости нападать или защищаться.

К основным стратегиям политического дискурса О.Л. Михалева относит три стратегии – на **повышение**, на **понижение** и **театральности**, предполагающие создание чьего-то положительного или отрицательного имиджа или представление политического события как разыгрываемого для сограждан театрального действа, соответственно [Михалева 2009: 42-69].

Основным фактором при выборе стратегий в публичном политическом дискурсе, является присутствие адресата-наблюдателя – избирателей. В момент произнесения победной речи народ становится непосредственным адресатом, с которым вновь избранный президент старается укрепить отношения доверия и поддержки. Для усиления эмоционального воздействия на адресата Трамп прибегает к разным стратегиям, ведущей из которых становится стратегия театральности. Таким образом, целью настоящей работы является рассмотрение актуализирующих стратегию театральности тактик в победном выступлении Д. Трампа, выигравшего президентскую кампанию за пост 47-го президента США.

В победной речи Трампа [Trump 2024] стратегия театральности реализуется такими тактиками как тактика *кооперации*, тактика *обещания*, тактика *прогнозирования* и тактика *побуждения*.

Тактика *кооперации* – ведущая: она реализуется больше, чем в половине случаев употребления стратегии театральности. Формами ее репрезентации становятся:

— множественные выражения благодарности народу (*Thank you very much. ... Well, I want to thank you all very much. ... These are our friends. We have thousands of friends in this incredible movement. I want to thank the American people for the extraordinary honor of being elected your 47th president ... Thank you very much. Thank you*

very much...), членам семьи (*... I want to also thank my beautiful wife, Melania I want to thank my whole family, my amazing children*) и членам команды (*Thank you, Susie...*). Выражение благодарности призвано вызвать признательность и чувство сплоченности в ответ, скрепив эмоционально лидера с командой и народом. Слова благодарности членам семьи не только отражают признательность Трампа, но и помогают ему набрать очки в глазах людей, т.к. одновременно создают ему положительный образ добропорядочного мужа и отца. Отметим, что многочисленные лексические и синтаксические повторы характерны для политического дискурса Трампа в целом. Использование личного местоимения *you* по отношению к народу, местоимения *my* по отношению к семье и *our* по отношению к вице-президенту говорит, что непосредственным и основным адресатом является электорат. Положительно окрашенное существительное *friends* апеллирует к эмоциональной сфере адресата, вызывая чувство единства.

– обозначение важности своей победы для всего народа (*This is a magnificent victory for the American people... This is great.... this incredible movement... , this was, I believe, the greatest political movement of all time... America has given us an unprecedented and powerful mandate...*). Чтобы передать степень своей признательности Трамп прибегает к многочисленным и разнообразным эпитетам, для большего усиления воздействующего эффекта используя превосходную степень сравнения.

– выражение любви к стране, ее отдельным штатам ее людям (*And in addition to having won the battleground states of North Carolina, I love these places, Georgia, Pennsylvania and Wisconsin. ... We have a great feeling of love in this very large room with unbelievable people standing by my side. ...*). Чувство любви – очень сильное. Апеллируя к нему, Трамп хочет скрепить общество, объединив его вокруг своей фигуры, вызвав у людей веру в его стремления попечения о нуждах людей.

– разделение достигнутых (или желаемых) результатов с народом (*We've built the biggest, the broadest, the most unified coalition. ...They've never seen any young and old men and women, rural and urban, and we had them all helping us tonight*). Используя прием перечисления в сочетании с антитезой, местоимения *all, us* Трамп имплицитно указывает на значимость для него всех категорий граждан, а также пытается закрепить в обществе представления о единстве народного мнения в вопросе выбора президента.

– призыв к совместному труду (*And I'm asking every citizen all across our land to join me in this noble and righteous endeavor... We have to fix it, because together, we can truly make America great again for all Americans.*). Объединяет не только чувство любви, но и чувство ответственности и совместные тяготы. Используя перформатив (*I'm asking*) Трамп становится на один уровень с простыми людьми, и, апеллируя к чувству национальной гордости, предлагает совместными усилиями вернуть Америке ее величие.

Тактика **обещания** была использована Трампом приблизительно в трети случаев обращения к стратегии театральности. Большая часть обещаний носит общий

характер (*we're going to fix everything about our country.... Every single day I will be fighting for you, and with every breath in my body. I will not rest until we have delivered the strong, safe and prosperous America that our children deserve and that you deserve. ...This will truly be the golden age of America... we're going to turn our country around, make it something very special... We're going to make it the best it's ever been... I will bring every ounce of energy, spirit and fight that I have in my soul to the job that you've entrusted to me*). Трамп обещает решить все проблемы и вернуть Америке ее величие. Для укрепления доверия он использует лично местоимение *we*, местоимение *every*, метафору (*the golden age of America*), трехчленные цепочки однородных членов (*strong, safe and prosperous America; every ounce of energy, spirit and fight*), эпитет *special*.

Примером более конкретных обещаний является обещание решить вопрос границ, выплатить долги и прекратить войны (*We're going to fix our borders, ...We're going to be paying down debt. We're going to be reducing taxes. ...I'm not going to start a war, I'm going to stop wars*). Эти примеры имеют целью выразить заботу Трампа о безопасности государства и его граждан, а для достижения прагматического эффекта он имплицитно апеллирует к такой базовой эмоции как страх – страх финансовой несостоятельности, страх перед мигрантами, страх войны и гибели.

Тактики **прогнозирования** похожа на тактику обещания, но отличается максимальной степенью абстрактности (*And now if [political movement]'s going to reach a new level of importance*). Языковыми средствами ее выражения являются прием персонификации (политическому движению самому суждено достичь нового уровня, т.к. не указан реальный актор-гарант прогнозируемого действия), определяющее прилагательное *new* и фраза *level of importance*, отличающиеся размытостью значения без обозначенного денотата.

Тактика **побуждения** представлена единичными случаями употребления. В одном случае Трамп цитирует свое рабочее обращение к Дж. Д. Вэнсу, а затем приглашает его обратиться к народу с трибуны победителя (*Go into the enemy camp... Say a couple of words, JD*). Хотя второй пример есть предложение разделить триумф, встав рядом, оба примера призваны косвенно показать подчиненное положение Вэнса и бесспорное лидерство Трампа, посылая, таким образом, сигнал тем, кто, возможно, предпочел бы видеть лидером страны Вэнса. В другом случае Трамп апеллирует к Богу, призывая Его благословение на присутствующих и на Америку (*God bless you and God bless America*). В данном случае Трамп берет на себя роль посредника между Богом и народом, возвышая себя над народом. Этим он, с одной стороны, эксплицитно показывает свою заботу о людях и берет на себя роль отца нации, с другой стороны, он имплицитно указывает на наличие у себя силы и власти.

В заключение отметим, что Трамп использует свою победную речь как возможность закрепить свой положительный имидж в глазах избирателей, не дать усомниться в сделанном выборе и эксплицитно или имплицитно повысить свою значимость в глазах аудитории. На психоэмоциональном уровне средством воздействия является апелляция

к сильным чувствам единства, доверия, страха и любви. Для этой цели он прибегает к воздействующей на эмоциональную сферу адресата театральной стратегии, представленной такими тактиками как кооперация, обещания, прогнозирования и побуждения.

Литература

Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009.

Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

Космодемьянская В.И., Лисенко М.В., Радюшкина А.А. Коммуникативная стратегия уклонения от прямого ответа как форма непрямого коммуникации в американском дискурсе // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 63-69.

Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. М.; Волгоград: Перемена, 2000.

Trump D. Read Donald Trump's full election victory speech // NBC New York. 06.11.2024. URL: <https://www.nbcnewyork.com/decision-2024/donald-trump-victory-speech-presidential-election/5961973/>

A.A. Radyushkina, V.I. Kosmodemianskaia (St. Petersburg, Russia)

The Herzen State Pedagogical University of Russia

THE SPEECH STRATEGY OF THEATRICALITY IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE VICTORY SPEECH OF THE 47TH PRESIDENT OF THE USA D. TRUMP)

This article examines D. Trump's political discourse based on his victory speech after running president in 2024. The main accent is made on the most representative strategy of D. Trump's political discourse, i.e. the strategy of theatricality, and the tactics that implement it.

Key words: American political discourse, D. Trump's discourse, the winner's discourse, speech strategies, strategy of theatricality, speech tactics

А.Р. Рахимова (Томск, Россия)

Томский политехнический университет

rahimovara@tpu.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕТАФОРА КОНФЛИКТА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается метафорическое моделирование понятия «конфликт» в научном дискурсе. Исследование показало активное функционирование пространственной метафоры в репрезентации знания о конфликтной ситуации. Стратегии поведения участников конфликта и способы его разрешения структурируются на основе возможности передвижения в границах пространства и за его пределы.

Ключевые слова: концептуальная метафора, пространственная метафора, метафорическое моделирование, метафорическая модель, научный дискурс

Понятие «конфликт» является объектом междисциплинарного изучения многих областей науки: социологии, политологии, психологии, конфликтологии и др. Различные подходы к определению данного термина формируют разные аспекты его осмысления. Конфликт интерпретируется как «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия» [Анцупов, Шипилов 2006: 158].

Будучи социальным явлением, «конфликт» находится в центре внимания социолингвистических, психолингвистических и лингвокогнитивных исследований (Э.В. Будаев, З.И. Резанова, А.П. Чудинов и др.). В рамках лингвокогнитивного подхода особое значение приобретает функционирование *концептуальной метафоры* [Дж. Лакофф, М. Джонсон 2004]. Исследователи отмечают активное использование *структурной метафоры* в представлении знания о конфликте в политическом и экономическом медиадискурсах. Конфликт, понимаемый в качестве коммуникативного явления, концептуализируется в терминах военных действий с помощью *милитарной метафоры* [Там же: 26]. Привлечение *зооморфной и морбиальной метафор* в средствах массовой информации связано с формированием образа участников конфликта [Будаев 2016, Резанова, Шияев 2015]. *Ориентационная метафора* актуализируется для передачи оценки в отношении действий конфликтующих сторон [Антонова 2015].

Метафоризация знания о КОНФЛИКТЕ в медиадискурсе определила *цель* данной работы – рассмотреть функционирование метафорической модели КОНФЛИКТ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО в научном дискурсе. На первом этапе работы использовался метод сплошной выборки контекстов, позволивший сформировать эмпирическую базу исследования (1301 контекст). В процессе аналитической работы были задействованы метод метафорического моделирования и концептуально-фреймовый анализ, с помощью которых были определены понятийные области знания. В основе сфере-мишени содержатся следующие аспекты понятия «конфликт»: конфликтная ситуация, участники конфликта, стратегии их поведения, трудности и способы разрешения конфликта. Сфера-источник включает представления о пространстве: открытое пространство, закрытое пространство, границы пространства, локализация в пространстве, движение в пространстве и за его пределы. Рассмотрим метафорическое моделирование сферы-мишени, исходя из пространственных параметров сферы-источника.

Результаты исследования

КОНФЛИКТ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО С НАЛИЧИЕМ ГРАНИЦ

Конфликт как одна из форм социального взаимодействия осуществляется посредством языка, в связи с чем акт коммуникации уподобляется открытому пространству – «*открытому конфликту*» [Анцупов, Шипилов 2000: 331], в котором каждый из участников общения может прямо выражать свое мнение. Ситуация недосказанности и эмоционального напряжения между людьми моделируется в виде закрытого пространства, «*скрытого конфликта*», [Гришина 2008: 448] и собственного «*внутриличностного конфликта*» человека [БПС 2008: 300].

Люди, вступающие в конфликт, уподобляются разным сторонам одного пространства *«стороны конфликта – участники противостояния»* [Дмитриев 2012: 50]. Они расположены в противоположных друг от друга направлениях *«конфликтная система распадается на два непересекающихся полюса»* [Балабанова] и разделены большим расстоянием *«дополнительные разногласия расширяют пропасть, разделяющую участников взаимодействия»* [Гришина 2008: 451]. Появление дополнительного участника в конфликте обозначается в виде ситуации смещения третьей стороны пространства к одному из двух указанных полюсов *«поляризация – третьи стороны примыкают либо к одной, либо к другой стороне конфликта»* [Дмитриев 2012: 41].

Характеристика конфликта по числу участников, занимаемой территории и продолжительности развития метафорически уподобляется границам закрытого пространства – *«границам конфликта»* [Балабанова]. Отсутствие каких-либо границ служит аналогией отсутствия правовых ограничений в поведении людей и применении насильственных форм воздействия в конфликте *«беспредел (разг.)»* [Там же: 10].

Моделируемая в качестве закрытого пространства, конфликтная ситуация характеризуется вертикальной и горизонтальной протяженностью. В основе *«вертикального конфликта»* содержится представление о социальной иерархии между его участниками *«взаимодействие субъектов вертикального подчинения: руководитель – подчиненный»* [Гришина 2008: 114]. Напротив, *«горизонтальный конфликт»* предполагает возникновение конфликтной ситуации между людьми одного социального статуса, равных друг другу *«по иерархическому уровню располагаемой власти»* [Дмитриев 2012: 26].

РЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА – ЭТО СИТУАЦИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛЫ

Возникновение конфликта обусловлено различием точек зрения людей на общую проблему. Противоположность взглядов метафорически уподобляется ситуации «столкновения» *«конфликт (от лат. conflict – столкновение)»* [Анцупов, Шипилов 2006: 158]. Решение спорных вопросов предусматривает их совместное обсуждение и возможность прийти к единому мнению, которое удовлетворит обе конфликтующие стороны. Трудности, возникающие в процессе коммуникации, уподобляются преграде, которую необходимо преодолеть *«задача организации диалога между людьми заставляет нас остановиться на барьерах коммуникации – того, что служит препятствием в их диалоге»* [Гришина 2008: 438].

Действия участников и стратегии их поведения, направленные на решение конфликта, моделируются в виде ситуации передвижения *«обеспечение конструктивного движения переговоров»* [Там же: 468]. Желание прийти к обоюдному решению проблемы обозначается как возможность сократить дистанцию между сторонами пространства. Сокращение дистанции происходит в результате движения людей навстречу друг другу *«вторая переговорная модель – это модель «кустук» –*

сближения» [Там же: 354], возможности одного из участников конфликта уступить, освободить путь для движения другого *«к основным способам решения конфликта относят: уступку одного из оппонентов»* [Анцупов, Шипилов 2006: 418] и образования локации внутри пространства, где участники конфликта могут встретиться *«состыковка («наведение мостов») – интегративное решение»* [Дмитриев 2012: 48]. Нахождение компромисса и мирное разрешение конфликта моделируются в качестве ситуации выхода участников конфликта из пространства *«в конфликте, за счет объективного рассмотрения ситуации, стороны могут разложить все «по полочкам» и успешно выйти из него»* [Балабанова].

Напротив, нежелание участников конфликта вступать в диалог уподобляется отсутствию движения на пути друг к другу. Невозможность людей договориться и прийти к единому мнению структурируется в виде: образования отдельной закрытой локации внутри пространства, куда невозможно попасть вследствие увеличения расстояния *«изоляция»* [Дмитриев 2012: 21], ситуации хождения по кругу внутри пространства *«цепь разногласий, как взаимонепонимание по целому кругу проблем»* [Гришина 2008: 450] и возможности одного из участников конфликта покинуть пространство, уйти из него *«когда одна из сторон уходит из конфликта, то он прекращается»* [Анцупов, Шипилов 2000: 232].

Выводы

Структурирование знания в виде пространства является основополагающим способом осмысления информации в научной картине мира. Являясь базовой формой бытия, пространство представляет собой одну из первых реалий действительности, воспринимаемой и фиксируемой человеком. Последнее, по замечанию исследователей, объясняет возможность передачи знания о наиболее важных культурных концептах в жизни человека с помощью пространственных маркеров [Ермакова 2000: 296]. К их числу относится метафоризация понятия «конфликт», возникновение которого связано с образованием закрытого пространства с наличием двух противоположных сторон, разделенных большим расстоянием. Будучи социальным явлением, конфликтное взаимодействие реализуется посредством языка, в связи с чем наличие конструктивного диалога между людьми уподобляется ситуации их движения на пути друг к другу, отсутствие коммуникации – отсутствию встречного движения, увеличению дистанции и хождению по кругу. Решение конфликта структурируется в виде возможности покинуть закрытое пространство. Мирное урегулирование вопросов моделируется как ситуация выхода обоих участников из конфликта.

Литература

Антонова Т.Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 5-12.

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000.

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. СПб.: Питер, 2006.

Балабанова В.А. Глоссарий к дисциплине «Конфликтология». URL: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=43874>

БПС – Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ, 2008.

Будаев Э.В., Тихонов В.В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 43-49.

Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2008.

Дмитриев А.В. Конфликтология: краткий терминологический словарь. СПб.: СПбГУП, 2012.

Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 289-299.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Резанова З.И., Шияев К.С. Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // Русин. 2015. № 4 (42). С. 217-234.

A.R. Rakhimova (Tomsk, Russia)

Tomsk Polytechnic University

SPATIAL METAPHOR OF CONFLICT IN SCIENTIFIC DISCOURSE

The article deals with metaphorical modeling of the concept of «conflict» in scientific discourse. The study showed that spatial metaphors are used in representations of conflict situations. The behavior strategies of the participants in the conflict and the methods of its resolution are structured on the basis of the possibility of movement within the boundaries of space and beyond.

Key words: conceptual metaphor, spatial metaphor, metaphorical modeling, metaphorical model, scientific discourse

Е.С. Рябцева (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

e.s.riabtseva@urfu.ru

СВЯТОЕ В ЗЕРКАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена анализу представлений о *святом* (в отношении объектов) в традиционной картине мира. На материале диалектного дискурса рассматриваются параметры, которыми должен обладать объект из сферы животного и растительного мира, артефактов и природных локусов и явлений, – чтобы получить определение *святого*. Выявляются общие характеристики, составляющие «поле» *святости* в сознании диалектоносителей.

Ключевые слова: диалект, диалектный дискурс, святой, традиционная картина мира

В литературном языке под *святым* понимается ‘обладающий божественной благодатью’; ‘проникнутый высокими чувствами, возвышенный, идеальный’; ‘истинный, величественный и исключительный по важности’ [Шведова: 866]; ‘исполненный святости; божественный’; ‘связанный с религиозным поклонением’ [БАС, т. 25: 148–149]. Для диалектного сознания это представление расширяется, выходя

за пределы официального религиозного культа. В рамках данной статьи постараемся определить параметры, составляющие категорию *святого* в традиционной картине мира носителей русских диалектов.

Для **предметов**, обозначаемых в диалектном дискурсе как *святые*, выделяются следующие свойства: 1. использование в ритуальных магических практиках целительства либо гаданий: арх. лен. *Есть гадание, где блюдце ходит <...> На блюдце руки кладут 3 человека, а потом святое блюдце движется в сторону буквы. Так узнают, сбудется желание или нет* [ЛК СГРС]; сиб. *с господом богом, Пресвятой богородицей, со всеми святыми угодниками. Приходите, помогите отлить святой воск над (там скажешь имя, ваней там или еишо как) (в заговоре)* [СГРСБС, т. 19: 163]; 2. смежность с храмом, церковной утварью, церковными обрядами: костр. шар. *Ковды горит пожар, надо ячичко святоё* [ЛК ТЭ]; *При иконах бахраму многие называют святою брахмамою* [Макаров 1846: 52]; *Около монастыря ограда забор ворота святыя а на воротѣх деисус* [Полякова 2010: 90]; 3. смежность с пищей: волгоград. *Дойник – святое вядро, только для малака* [СДГВО, т. 1: 144]; амур. *Садиться, вот некоторые так вот где смотришь, раз и <...> на этот стол, нельзя садиться! Это святое место!* [Слово 2010: 210].

Восприятие ритуального действия в широком смысле (а не только относящегося к христианской церковной ритуалистике) как *святого* проявляется и в контексте: сиб. *У меня мама мыла всех покойников, и вот я тоже; это, гыт, святое дело – собрать покойника на тот свет, это святое, чистое дело* [СГРСБС, т. 18: 247].

Еда также может получать определение *святой*: арх. шенк. *Соль и хлеб – они святыя, к ним заговор-наговор не идет, так говорили* [АОС, 17: 85]; арх. уст. *Не надо хлеб-от ронеть на пол-от, хлеб-от – святоё!* [УНС, 2013: 292]; вят. *Четверговая соль считалась святой, нужной в доме. Ее помаленьку ели* [ОСВГ, вып. 12: 53]. Хлеб получает такую характеристику, поскольку является основной едой, базой для жизни человека. Соль же используется в магических практиках, связанных с очищением, чистотой, которая в народном сознании коррелирует со *святостью* [см. об этом Осипова 2023: 455–456].

В **животном мире** номинации *святых* получают существа, которые: 1. являются источником базовой пищи: арх. в-т. *Меева заходит к нам, пескаиш, святая ешь* [ЛК СГРС]; колым. *Наша жизница рыбка святая* [Богораз 1901: 51]; прикам. *Святая скотинка ведь корова. А как же не святая, она ведь кормит нас* [СРГЮП, т. 3: 123]; 2. Связаны с церковной сферой: в народных апокрифических легендах контактируют со святыми персонажами: сиб. *и вот мать иисуса христа ела рыбу, камбалу (камбала же тоже святая), и вот ела камбалу жареную, прилетел ангел и говорит: – иисус христос воскрес!* [СГРСБС, т. 11: 255]; тамб. *Петух – святая птица. После распятия Иисуса Христоса предатели его сели праздновать это событие. К ним в дом вошла девочка, она сказала, что Иисус Христос воскрес, но предатели не поверили. Тогда жареный петух на столе захлопал крыльями. Предатели поняли, что девочка права* [Дубровина], – либо приносят пользу для создания предметов религиозного культа: кунгур. *Пчела, говорят, святая. А почему так говорят?*

А вот когда она полетела, то ее поймала птичка, она ей: «А че ты будешь делать? Я же, – говорит, – всё ношу мед и воск. Мед я людям, а воск Богу на свечки даю» [Подюков 2020б: 55].

При этом обращает на себя внимание контекст: тамб. *Ласточки, наверное, святыя птицы. Их гнезда нельзя разрушать, иначе грозит пожар* [Дубровина]. В народной картине мира поджог дома, вызывание пожара человеком является грехом (ср.: костр. пав. *Непрощаемые грехи: не укради, не убей, не сожги. Дом поджечь – большой грех* [ЛК ТЭ]) – однако пожар, обусловленный грозой, попаданием молнии, воспринимается как небесная, божественная кара: арх. кон. *От божьей милости, от стрелы церковь сгорела* [ЛК СГРС]. И распространенное славянское представление о ласточке как птице, защищающей дом от пожара [см. СД, т. 3: 86] получает трактовку в аспекте *святости* как того, что противопоставлено страшному бедствию, находящемуся в ведомстве только лишь божественной воли.

Святыми растениями по народным представлениям являются, в первую очередь, те, которые используются в целительских практиках (вят. *святая рябинка* ‘растение пижма обыкновенная из сем. астровых *Tanacetum vulgare* L.’ [ОСВГ, вып. 10: 45]; новг. *Ивановская травка* <блоница> *така вот, желтым цветом, ее обязательно надо и в доме, и в чай можно, она святая* [НОС, т. 27: 1198]. Другую область *святости* растений представляет приписывание им магических свойств и использование их в ритуальных практиках. Такие практики чаще всего направлены на защиту человека или животных от вредоносного магического воздействия (арх. *вересинка – святая деревинка* <верес(к) ‘можжевельник’> [АОС, 11: 51]; *Березина, святая деревинка, у меня под окном посажено снаружи* [ЛАРНГ, т. 1: 232]; перм. *Чтоб ево Родиона и жену ево сторонние люди не испортили имал громовую стрелу да святую траву* [Полякова, т. 2: 333]). Также они могут быть связаны с обрядами и ритуалами перехода (прикам. *Листья липы ложись в подушку и на дно гроба, потому что липа – это святое дерево* [Подюков 2020а: 298]) и являться магическими ритуалами (прикам. *Святая папороть была. Караулили ее на определенную ночь, садились* [ССРГЮП, вып. 1: 29].

Еще один вектор, по которому растения в сознании диалектоносителей получают атрибут *святых* – это опять же смежность их с церковной сферой, использование этих растений в церковных ритуалах: прикам. *Кедра считается святая, ладан делают из коры* [СРГЮП, вып. 1: 382]; ряз. «От ветвей, развешанных в церкви, отламывали по веточке и приносили домой: *Вот и настановишь – ана святыня, святая*» [ШЭД: 401].

Наиболее часто в диалектном дискурсе фигурирует понятие *святая вода*. Однако и оно расширяет сферу своего значения по сравнению с общенародным представлением о *святой воде* как об освященной в ходе церковного ритуала и обладающей вследствие этого божественной благодатью.

Одним из основных параметров *святости* воды для народной картины мира становится ее чистота: арх. лен. *Переломная* <после ледохода> *вода, и эта вода как святая – еще не смутилась* [ЛК СГРС]; костр. *Чистый – значит, святой, незамут-*

ненный [Цветкова 2016: 476]. Соответственно, *святой* водой является вода проточная, ключевая: костр. мак. *Колодчики у нас есть, на колодчики ходят за святой водой* [ЛК ТЭ]; тул. *Ключ святой считали, звали Байбаков, не могу доказать, почему* [Алексенко, Литвинникова 2005: 76]; каз. *Турки жыли, там святость выходила: то там выйдить вобрас, рудник <родник>* [СГКН, 2005: 249].

При этом А. Кузнецов отмечает, что часто в народном сознании возникновение таких родников связывается с грозой, ударом молнии: «На Вологодчине еще десятки небольших речек и ручьев носят похожие названия. В ряде случаев их пытались объяснить на основе народных представлений о результате такого явления, как удар грома: *«Куда гром ударит – оттуда потечет ручей, а вода в нем – святая»* [Кузнецов 2010: 53]. Гроза, дождь в диалектном мировосприятии – небесные явления и, следовательно, божественные (ср.: влг. тот. *Он [т.е. Христос] <...> вознесется – будет нас помиловать дождем или теплом*; арх. кон. *От божьей милости, от стрелы церковь сгорела*).

«Небесное происхождение» как атрибут *святости* отображается и в представлениях о дождевой воде как *святой*: арх. лен. *Потошница как святая водичка. Под желобом стань – болезни-те сойдут* [ЛК СГРС]; арх. леш. *Девки, святу-то водку <т.е. дождевую воду> собирайте, она мягка, голову мыть хорошо* [АОС, т. 5: 4]. Кроме того, эти контексты показывают восприятие *святой воды* как целебной или имеющей практическую пользу.

Святой водой в народных представлениях считается вода, участвующая в ритуале. Здесь возникает область пересечения со *святой водой* в общенародном понимании, однако ритуал опять же понимается широко, не ограничиваясь церковной сферой: костр. мак. *Знал человек, святую воду заговаривал* [ЛК ТЭ]; перм. *От уроков через скобу воду делают святую: льют через скобу на ложки <...> Вот потом эти ложки перемешать и сбрызнуть ребенка-то этой водой* [ЭСМРПК, ч. 1: 513].

Природные локусы получают характеристику *святого* на основании: 1. смежности с церковным объектом: арх. леш. *Место такое, Юда, там святое место, заветно место, женский монастырь был* [АОС, т. 15: 332]; тамб. *В Святом озере зеркальный карп водится. Там церковь утонула* [Дубровина]; 2. приписывания месту способности к исцелению людей: арх. в-т. *Есть святой камень, там как бы след человеческой, туда болящие приходили, глаза вылечивали* [АОС, т. 7: 289]; 3. природности в целом: *Лес, река – то все святое* [Смилянская 2021: 94].

Таким образом, если в литературном языке *святой* связывается с божественной силой, то для народного сознания границы «божественности» оказываются более широкими: под «божественностью» и «святостью», по-видимому, понимается в целом над-человечность, отнесенность к силе высшего порядка. А.А. Гуревич, говоря о восприятии *святого* человека в культуре средневековья, констатирует: «Святой – сверхъестественное существо, находящееся в непосредственной связи с высшими силами и обладающее магическими способностями» [Гуревич 1981: 128]. Представляется, что такое восприятие справедливо не только в отношении к свято-

му как персоналии, но и к любому объекту, наделяемому в народной картине мира атрибутом *святости*. Для диалектного сознания *святой* (объект) – это обладающий одним или несколькими следующими параметрами: чистый, имеющий природное (в идеале – небесное) происхождение, способный исцелять в силу объективных или приписываемых свойств, используемый в ритуалах, смежный с церковной сферой, являющийся базовым продуктом для жизни.

Литература

- Алексенко М.А., Литвинникова О.И.* Глагольные омонимы русской диалектной речи: Словарь. М.: Эллис, 2005.
- АОС – Архангельский областной словарь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- БАС – Большой академический словарь русского языка. М.: Наука; СПб.: Наука, 2019. Т. 25: Свес – Скорбь.
- Богораз В.Г.* Областной словарь колымского русского наречия. СПб.: Типографии Императорской Академии наук, 1901.
- Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981.
- Дубровина С.Ю.* Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах (на материале тамбовских говоров): монография. Тамбов: изд-во Тамб.г. ун., 2012.
- Кузнецов А.* Словарь гидронимов Вологодской области (Обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озер). Тотма; Грязовец: Грязовецкая типография, 2010.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
- ЛК СГРС – Лексическая картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на каф. русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации).
- ЛК ТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на каф. русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации).
- Макаров М.Н.* Опыт русского простонародного словотолковника. М., 1846.
- НОС – Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996–2018.
- Осипова К.В.* Севернорусская лексика пищи и питания в этнолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2023.
- Словарь мортальной лексики, фразеологии и символики русских говоров Прикамья / под ред. И.А. Подюкова. СПб.: Маматов, 2020а.
- Живое слово и традиции народного красноречия: учебное пособие к спецкурсу / И.А. Подюков, Е.Н. Свалова. Пермь, 2020б.
- Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Пермь, 2010.
- СГКН – Сердюкова О.Г. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Ун-та, 2005.
- СГРСБС – Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожил Байкальской Сибири: в 20 т. Иркутск, 2007.
- СД – Славянские древности. К (Круг) – П (Перепелка). 2004.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Изд-во ВГИПР РО, 2006.
- Слово: Фольклорно-диалектологический альманах // Материалы научных экспедиций. Вып. 8, специальный. Русско-китайское языковое взаимодействие в дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2010.

Смилянская – О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2012.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 т. / И.А. Подюков [и др.]. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010–2012.

УНС – Устьянский народный словарь. П. Октябрьский: б.и., 2013.

Цветкова Е.В. Костромская микропонимия как источник сведений для ЛАРНГ (названия родников) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2016. С. 470–482.

Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011.

ШЭД – Рязанская традиционная культура первой половины XX века. Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 2001.

ЭСМРПК – Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края / отв. ред. И.И. Русинова. Ч. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. СПб.: Изд-во Маматов, 2019.

E.S. Riabtseva (Ekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

HOLY / SACER IN THE MIRROR OF TRADITIONAL FOLK CULTURE

The article is devoted to the analysis of ideas about the *holy / sacer* (in relation to objects) in the traditional picture of the world. On the material of dialect discourse, the parameters, that an object from the sphere of the animal and plant world, artifacts and natural loci and phenomena must have, are considered – in order to obtain a definition of the *holy / sacer*. General characteristics that make up the “field” of *holiness* in dialect consciousness are revealed.

Key words: dialect, dialect discourse, holy, traditional picture of the world

С.К. Саниева (Майкоп, Россия)

*Адыгейский государственный университет
atika16@yandex.ru*

ЯЗЫК И МИФ: КОГНИТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА КАВКАЗА

В данном исследовании анализируется символический образ Кавказа в мифологическом дискурсе через призму языка и культурных представлений. Рассматриваются ключевые семантические модели, связанные с топонимом Кавказ. Используя методы когнитивного и дискурсивного анализа, работа выявляет, как мифологические элементы формируют уникальный образ региона в коллективном языковом сознании.

Ключевые слова: Кавказ, концепт, мифология, символика, язык, модели

Имена собственные всегда являлись одними из ярких и выразительных средств закрепления определенных образов, стереотипов, ассоциаций, характеризующих те или иные субъекты и объекты реальной и ирреальной действительности, за которыми они стоят. При этом имя собственное не только отражает предметы действительности,

но и мысль об этих предметах. Кроме того, «за именем собственным как за знаком в сознании человека закрепляется определенный «индекс» или «символ» [Щербак 2007: 7], маркирующий различные категории отражения человеческого представления о мире и бытии. В этом контексте исследование символического образа Кавказа через призму взаимодействия языка и мифа открывает новые горизонты для более глубокого осмысления этого региона в коллективном языковом сознании, что может способствовать решению актуальных социальных и политических проблем.

Целью данного исследования является анализ символического описания топонима Кавказ в мифологическом дискурсе для интерпретации его образа в современном языковом сознании. В работе использовались методы наблюдения, анализа, моделирования, метод когнитивной интерпретации языкового анализа и дискурсивный анализ.

Когнитивный анализ образа Кавказа представлен во многих лингвистических и смежных с лингвистикой исследованиях. В большинстве из них внимание акцентируется на лингвокультурологическом изучении образа Кавказа и его когнитивной интерпретации в различных типах дискурса: в художественном (Ф.И. Джаубаева, И.Л. Багратион-Мухранели, Л.А. Ходанен, Я.А. Гордин, Л.А. Романенко, Э.С. Манкиева, К.М. Дионк и др.), медийном (Т.А. Ткачева, Е.Д. Родионова, А.Н. Таджибоева), политическом (В.Д. Алпатова, А.А. Хужев). Особого внимания заслуживают экспериментальные исследования о Кавказе, характеризующие его образ в языковом сознании российских и зарубежных респондентов (Ю.Н. Караулов, И.В. Королькова, Е.А. Башкова, М.А. Реутова, С.К. Сапиева). В этом контексте важно отметить, что значительное влияние на формирование образа Кавказа оказывают мифологические элементы, которые, отражая богатое историческое и культурное наследие, формируют неповторимый и узнаваемый образ этого региона. И именно язык как основное средство передачи культурных значений и мифов служит ключом к пониманию символического образа Кавказа, который и лежит в основе его многочисленных репрезентаций.

Мы солидарны с мнением А.С. Щербак о том, что «за ономастической единицей как за символьным знаком стоит концепт» [Щербак 2007: 11], объективация которого может включать различный набор лингвокогнитивных средств. Когнитивное исследование символического образа Кавказа позволяет представить его образ в виде символической системы, за которой закреплена целая совокупность знаков, через которые отражаются менталитет горцев, их нравы и обычаи, религиозные верования и ценностные доминанты.

По данным многочисленных теоретических и эмпирических исследований, можно сделать вывод о двух основных равноправных частях, организующих образ Кавказа в сознании людей: Кавказ – *территория* и Кавказ – *кавказцы*.

Говоря о Кавказе как о географическом и территориальном объекте, его образ, в первую очередь, связан с величественными горами, символика которых своими корнями уходит в мифологию. Так, первое упоминание о Кавказе мы находим в

трагедии Эсхила «Прометей прикованный»: *В брод не пускайся: брода не найти тебе, Покуда до **Кавказа, всем горам горы**, Не доберешься, где поток неистовый с вершин летит* (перевод с древнегреч. С.К. Апта – прим. С.С.). Изображение гор как мировых координат играет большую роль в искусстве народов Кавказа. Горы – это своеобразная граница, разделяющая народы, регионы, стороны света. Горы предстают как воплощение священных сил и в то же время объединяют обычный земной мир с высшим потусторонним миром [Ten, Gudakov 2015: 42]. Гора является центральным символом кавказской мифологии и трансляцией модели вселенной. В мифах различных народов Кавказа гора представляется сакральным местом и обителью для людей и мифических существ. *Мировая гора трехчленна. На ее вершине обитают боги, под горой (или в ее нижней части) – злые духи, принадлежащие к царству смерти, на земле (посередине) человеческий род* [Сафербеков 2015: 18].

Интересна репрезентация гор в мифологическом дискурсе: практически каждое словоупотребление носит признаковый характер и транслирует многослойную семантическую нагрузку, реализующую образ Кавказа в языковом сознании. Так, анализ репрезентаций с лексемой *гора* как ядерной части концепта КАВКАЗ, выявленных в текстах адыгского эпоса «Нарты» [Нартские сказания 2007; Нарты 2013], позволяет выделить следующие лингвокогнитивные модели: 1. **Кавказ как центр Земли**: *Казалось – рухнула гора, вздрогнул весь мир!*; 2. **Кавказ как символ обители**: *он ушел в горы, отыскал пещеру и решил до конца дней жить в одиночестве*; 3. **Кавказ как символ величия и неприступности**: *на вершине горы; на хребте высочайшей горы; на вершину угрюмой, скалистой горы; гора была крута и высока; на вершину неприступной горы*; 4. **Кавказ как символ горя и испытаний**: *Родники, бьющие из подножья гор Кавказа, – это горячие слезы Сосруко. Бегут эти родники к людям, и в их влажном шуме слышатся слова: «Раз я уже не в силах помочь людям, пусть им помогут мои слезы»*; 5. **Кавказ как символ плодородия**: *Горные склоны Бог урожая, Жизнь умножая, В зелень оденет...;* 6. **Кавказ как сакральный объект**: *Живи долго, как гора!; Не дрожи от страха, я клянусь горой*; 7. **Кавказ как символ гуманности**: *Раступись, горы громада, И пройду я сквозь ущелье. Горе мне оплакать надо, – Я спешу не на веселье! Тут, на удивленье взору, Раздалась гора крутая, И сквозь каменную гору Малечих идет, рыдая*; 8. **Кавказ как символ смерти**: *Понесешь сегодня кару, непокорный, – На вершине горной закую тебя, На горе высокой будешь одиноко жить до самой смерти пленником моим*.

Эти и многие другие примеры демонстрируют ключевую роль гор в формировании национального характера кавказцев. Особое внимание на себя обращает последняя модель, так как ее экспликация тесно связана не только с бесстрашностью горцев, чьи враги находили свою гибель в горах, но и с одним из самых важных символов их региональной культуры – уважением и почитанием старших. Так, в «Сказании о нарте Бадыноко» находим возникновение этого обычая: *Был у нартов старый, но плохой обычай. Когда мужчина становился таким дряхлым, что не мог уже вытащить тремя пальцами меч из ножен, не мог сесть без чужой помощи на коня... – сажали этого дряхлого старца в плетеную корзину и выносили из селе-*

ния. Выносили и поднимали на вершину Горы Старости. К плетеной корзине приделывали большие каменные колеса и пускали корзину вниз по обрыву – в пропасть [Нарты 2013: 192]. И продолжалось бы это до тех пор, пока Бадыноко не решил изменить этот обычай и сохранил жизнь своему отцу, благодаря чему оградил нартов от многих бед, следуя его советам: *Порешили нарты: отменить старый обычай, ибо он плох, не увозить дряхлых стариков на вершину Горы Старости, не бросать их в пропасть по дороге смерти, а лелеять их старость и слушаться их мудрых советов* [Нарты 2013: 196].

Таким образом, анализ многочисленных репрезентаций подтверждает тезис о том, что топоним Кавказ является одним из самых мифологизированных в языковом сознании топообъектов [Федорова 2014: 5]. Он выступает своего рода константой, которая аккумулирует в себе всю совокупность вербально-ментальных репрезентаций, транслирующих через его образ культурные традиции как часть архетипа кавказской ментальной этнокультуры.

Символическая система Кавказа, реализующая себя в мифологическом дискурсе, посредством языка транслирует традиционно передаваемые идеи, представления, ценности, стереотипы кавказских народов. Ее изучение открывает новые горизонты для осмысления этого региона в современном языковом сознании и является определенным вкладом в исследование глубинных духовных и ценностных основ культуры кавказских народов в целях укрепления межкультурного диалога и этнической идентичности.

Литература

- Нартские сказания / Составитель М. Панеш. Майкоп: Качество, 2007.
 Нарты. Нальчик: Издательство «М. и В. Котляровых», 2013.
 Сефербеков М.Р. Культ гор у народов Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. Т.30. Вып. 4. С. 18-23.
 Федорова Е.А. Мифолингвистическая интерпретация топонима «Сибирь» в современном языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2014.
 Щербак А.С. Ономастический знак-символ в когнитивном аспекте // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2007. № 7. С. 7-11.
 Ten Y.P., Gudakov V.V. Symbols of the regional culture of the North Caucasus // Научный альманах стран Причерноморья. 2015. № 2 (2). С. 39-47.

*S.K. Sapieva (Maykop, Russia)
 Adyghe State University*

LANGUAGE AND MYTH: A COGNITIVE STUDY OF THE SYMBOLIC IMAGE OF THE CAUCASUS

This study analyzes the symbolic image of the Caucasus in mythological discourse through the prism of language and cultural representations. Key semantic models associated with the toponym Caucasus are considered. Using methods of cognitive and discourse analysis, the work reveals how mythological elements form a unique image of the region in the collective linguistic consciousness.

Key words: Caucasus, concept, mythology, symbolism, language, models

К.Я. Сигал (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

kjseagal@yandex.ru

ЗНАК ПРЕПИНАНИЯ И КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ: К ОБЪЯСНИТЕЛЬНОМУ ПОТЕНЦИАЛУ КОГНИТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ

В статье ставится вопрос об исследовании пунктуации поэтического текста в рамках такого перспективного направления в языкознании наших дней, как когнитивная стилистика. Предложено когнитивно-стилистическое объяснение пунктуационного прецедента в поэме А.А. Вознесенского «Лонждюмо», вызвавшего в свое время конфликт интерпретаций.

Ключевые слова: когнитивная стилистика, конфликт интерпретаций, объяснение, поэтический текст, пунктуация

Как известно, благодаря когнитивно-прагматическому подходу к языку еще в конце XX в. сложился образ «более человеческой лингвистики» (*more human linguistics*), важнейшие черты которой были обобщены П. Уэртом посредством акронима *PACKAGED* («*pragmatic* ‘прагматическая’, *attitudinal* ‘учитывающая установки’, *cognitive* ‘когнитивная’, *knowledge-fed* ‘основанная на знаниях’, *artistic* (*imaginative*) ‘обращенная к творчеству (к образу)’, *grounded* (*contextual*) ‘ориентированная на фон (контекст)’, *experiential* ‘эмпирическая’, *discourse-driven* ‘допускающая управляемость дискурсом’») [Werth 1999: 21]. Этот акроним, очевидно, осуществляет отсылку к довольно известному термину У. Чейфа *package* ‘упаковка’, применяемому при описании речевой деятельности говорящего / пишущего с когнитивной точки зрения. Однако П. Уэрт в *PACKAGED*-лингвистике отдает приоритет фигуре слушающего и – даже в большей мере – читающего, «постоянно интерпретирующего и достигающего понимания (*constantly interpreting and achieving understanding*)» [Там же: 38]: ведь информация, получившая определенную упаковку в тексте, нуждается в том, чтобы ее распаковали. Именно в рамках *PACKAGED*-подхода, призванного объяснить разного рода употребления элементов языкового инвентаря (структурных схем, маркеров и др.) в тексте, и возникла когнитивная стилистика.

Главной особенностью когнитивной стилистики является «смещение акцента» при стилистическом анализе «с моделей текста <...> на когнитивные / концептуальные модели», «раскрывающие связи между сознанием и процессом чтения» [Ghazala 2011: 26]. Согласно когнитивной стилистике, именно «мы, читатели, создаем смыслы (*we, the readers, make meanings*)» [Там же: 80]. Поэтому-то «когнитивная стилистика и допускает обсуждение вариативности читательского творчества (*the variability of readerly creativity*), сосредоточиваясь при этом на культурном и личном опыте читателя» [Stockwell 2016: 223]. В когнитивной стилистике используется преимущественно тот же самый объяснительный инструментарий, что и в когнитивной грамматике [Cognitive stylistics... 2002; Emmott, Sanford, Dawydiak 2007; Giovanelli, Harrison 2024], а именно идея прототипичности, принцип «фон–фигура», такие механизмы, как инференция, перспективизация, распределение внимания и резонанс,

и т.п. Благодаря когнитивной стилистике по-новому удалось посмотреть на метафору, модальность, паратаксис / гипотаксис, явление двусмысленности (ambiguity) и др. Наконец, в этом направлении науки выработано своеобразное представление о «контексте как когнитивном конструкте (context as a cognitive construct)» [Ghazala 2011: 26].

Несмотря на то, что в первой четверти XXI в. когнитивная стилистика становится все более популярной, а предоставляемые ею объяснительные возможности – крайне востребованными, приходится признать, что специалисты по пунктуации как будто бы не заметили всего этого. Вместе с тем в трудах по когнитивной стилистике почти не рассматривается пунктуационное маркирование, способное усложнить интерпретацию текста. Однако при чтении, например, поэтического текста, в котором стиховой ритм и обусловленный им порядок слов приводят к преобразованию пунктуационных позиций, даже знак препинания, ни в чем не нарушающий пунктуационную норму, не может подчас обеспечить единственность интерпретации. Тем самым знак препинания становится причиной «конфликта интерпретаций» [Рикер 2008], возникающего в сознании читателя при знакомстве с поэтическим текстом. Безусловно, такого рода конфликт интерпретаций, характеризующий процесс чтения, необходимо осмыслить с позиций когнитивной стилистики.

В 1963 г. А.А. Вознесенский публикует поэму «Лонжюмо», посвященную партийной школе, которая была организована В.И. Лениным в пригороде Парижа – Лонжюмо. Поэма состоит из пролога («Авиавступления») и девяти частей. Эта поэма была довольно сдержанно встречена читателями, в литературных же кругах – вызвала сомнения в искренности молодого поэта. Спустя годы А.А. Вознесенский скажет: «Тогда это было искренне...» [Вирабов 2015: 300].

При обсуждении поэмы в литературной критике развернулась полемика, касавшаяся одного знака препинания. Ср. в окончательной редакции «Авиавступления»: (1) *Россия, любимая, / с этим не шутят.* // (2) *Все боли твои – меня болью пронзили.* // (3) *Россия, / я – твой капиллярный сосудик,* / (4) *мне больно когда – / тебе больно, Россия* [Вознесенский 2020: 492]. В первой же редакции вместо тире в (4) стояла запятая, причем именно после союза *когда*. Очевидно, «мысль поэта заключается в том, что боль каждого человека безразлична его стране, его Родине (когда мне больно, и тебе больно, Россия)» [Григорьев 1966: 99]. Однако критик А. Дымшиц, цитируя (4), перенес запятую влево: <...> *мне больно, когда тебе больно, Россия*. Другой критик, А. Коган, заметил по этому поводу, что «хотя так удобнее, привычнее, и все ставится на место», «но А. Вознесенский-то эту запятую поставил не там!» [Быков 1982: 57]. Вполне возможно, что данная полемика о запятой (а точнее – о ее позиции) привела к тому, что А.А. Вознесенский заменил запятую на более выразительный разделяющий знак препинания – тире, не отказавшись при этом от его постановки после союза. В результате поэт усилил пунктуационную «защиту» [Реформатский 1933: 112] той интерпретации (4), которую он изначально и имел в виду.

Перейдем далее к объяснению конфликта интерпретаций, вызванного этим пунктуационным прецедентом, с позиций когнитивной стилистики.

В (4) представлено темпоральное сложноподчиненное предложение с сопоставительным оттенком значения. Союз *когда* размещен на границе предикативных конструкций, вследствие чего он может быть воспринят как ингредиент каждой из них. Поставив запятую (а в окончательной редакции – тире) после союза, А.А. Вознесенский придал первой предикативной конструкции статус придаточной части. Однако пунктуационная позиция здесь преобразована: обычно при отделении препозитивной придаточной части запятая стоит не после союза, а после всей этой предикативной конструкции (ср. трансформ: *Когда мне больно, тебе больно, Россия*). Поэтому читатель не застрахован от перцептивного «сбоя»: ему более знаком тот пунктуационный шаблон, при котором придаточная часть идет после запятой.

Показательно, что ближайший контекст сам по себе не позволяет отдать предпочтение ни одной из допустимых здесь интерпретаций, т.е. с запятой после союза (как у поэта) или с запятой перед союзом (как у А. Дымшица). Если запятая стоит перед союзом, то (4) вступает с (2) в пояснительные отношения, если же запятая стоит после союза, то – в сопоставительно-противительные. Оба типа смысловых отношений обладают приемлемостью в контексте. Позиция запятой (а затем – тире) у А.А. Вознесенского указывает на то, что именно второй тип смысловых отношений согласуется с его замыслом. В этих условиях для читателя особенно важно не упустить из виду пунктуационный сигнал, данный поэтом.

Однако причины того, что литературный критик, т.е. квалифицированный читатель, воспринял запятую, поставленную поэтом, по-своему и, воспроизводя (4), поставил ее перед союзом, вовсе не исчерпываются нетипичным характером пунктуационной позиции и отсутствием поддержки со стороны контекста. В этой пунктуационной транспозиции отобразились культурные представления об особых отношениях человека к Родине, свойственные русской и советской ментальности. Ср., например, сентенцию из тургеневского романа «Рудин» (1855 г.), вложенную в уста персонажа: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись» [Тургенев 1980: 305]. Для человека, воспитанного в нашей культурной традиции, гораздо ближе и понятнее (4) с запятой перед союзом, а не после него. Ср. истолкование (4) при таком пунктуационном оформлении: ‘Когда тебе больно, Россия, больно и мне’. Вполне вероятно, что этот момент также был учтен А.А. Вознесенским, в окончательной редакции усилившим перцептивную выделенность разделяющего пунктуационного маркера в (4) посредством замены запятой на тире в позиции после союза. Экспрессивный пунктуационный вариант позволил поэту отстоять ту мысль, которая и была им выражена (ср. истолкование, предложенное В.П. Григорьевым).

В заключение стоит особо подчеркнуть, что «когнитивная стилистика позволяет интегрировать ментальные, социологические, исторические и психологические аспекты с прагматическими аспектами языка и стиля» [Ghazala 2011: 26]. Благодаря этому когнитивная стилистика оказывается способной объяснить такое нетривиальное явление, как конфликт интерпретаций, вызванный непреднамеренно-неточным восприятием позиции знака препинания в поэтическом тексте. Представляется, что объяснительный инструмент когнитивной стилистики может эффективно применяться при исследовании более широкого круга проблем пунктуации в действии (punctuation in use).

Литература

- Быков В.Б. Мал знак, да дорог... // Русская речь. 1982. № 6. С. 56-59.
- Виравов И.Н. Андрей Вознесенский. М.: Молодая гвардия, 2015.
- Вознесенский А.А. Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020.
- Григорьев В.П. Язык, орфография и писатель // Орфография и русский язык. М.: Наука, 1966. С. 97-127.
- Реформатский А.А. Техническая редакция книги. М.: Гизлегпром, 1933.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1980. Т. 5.
- Cognitive stylistics: Language and cognition in text analysis / ed. by E. Semino, J. Culpeper. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.
- Emmott C., Sanford A.J., Dawydiak E.J. Stylistics meets cognitive science: studying style in fiction and readers' attention from an interdisciplinary perspective // Style. 2007. № 41 (2). Pp. 204-225.
- Ghazala H. Cognitive stylistics and the translator. London: Sayyab Books Ltd., 2011.
- Giovanelli M., Harrison Ch. Cognitive grammar in stylistics: A practical guide. 2nd ed. London: Bloomsbury Publishing, 2024.
- Stockwell P. Cognitive stylistics // The Routledge handbook of language and creativity / ed. by R.H. Jones. London; New York: Routledge, 2016. Pp. 218-230.
- Werth P. Text worlds: representing conceptual space in discourse. Harlow: Longman, 1999.

K.Ya. Seagal (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

PUNCTUATION MARK AND CONFLICT OF INTERPRETATIONS: TOWARDS THE EXPLANATORY POTENTIAL OF COGNITIVE STYLISTICS

The article raises the question of research on the punctuation of a poetic text within the framework of such a promising area of nowadays linguistics as cognitive stylistics. A cognitive-stylistic explanation of the punctuation precedent in A.A. Voznesensky's poem "Longjumeau", which caused at the time a conflict of interpretations, is proposed.

Key words: cognitive stylistics, conflict of interpretations, explanation, poetic text, punctuation

*Н.Ю. Сороколетова (Волгоград, Россия)**Волгоградский государственный университет
sorokoletovanat@volsu.ru*

ИНТОНАЦИЯ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВOM ДИСКУРСЕ: ТЕМПОРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье исследуются темпоральные особенности реализации побудительности в англоязычном компьютерно-игровом дискурсе. Проведен аудиторский и акустический анализ фраз с семантикой побуждения, вербализованной императивом или императивными конструкциями. Описаны характерные темпоральные (скорость произнесения, паузация) особенности исследуемых единиц.

Ключевые слова: побудительность, императив, компьютерно-игровой дискурс, скорость произнесения, паузация

Категория побудительности реализует свое значение в непосредственной соотнесенности с ситуацией общения, в акте коммуникации, в связи с чем является сложным и многоплановым понятием и включает в себя разнородные коммуникативно-прагматические характеристики [Сороколетова 2024].

В процессе вербального общения категория побудительности выполняет контактную, когнитивную и коммуникативно-прагматическую функции, которые реализуются одновременно. Это комплексная полифункциональная категория, вербализуемая разноуровневыми языковыми средствами, которые, взаимодействуя, реализуют заданные функции.

Можно говорить о вариативности лингвистических средств реализации побудительности, выбор которых обусловлен коммуникативной интенцией говорящего. Однако в роли доминанты категории побудительности на лексико-грамматическом уровне выступают императивы или императивные конструкции, которые широко представлены в компьютерно-игровом дискурсе. Повелительное наклонение служит первостепенным средством выражения категории императива, следовательно часто маркером побуждения является предикат, представленный глаголом в повелительном наклонении.

Из методов, используемых в исследуемом дискурсе, средствам побуждения и воздействия на сознание пользователя отводится ведущая роль. Таким образом главной функцией становится функций воздействия (побуждения), в рамках которой общение носит интенциональный характер, а воздействие реализуется эмоциональным убеждением и логическим обоснованием необходимости какого-либо решения [Гурова 2011]. Коммуникация данного дискурса в ряде случаев имеет цель вызова ответной реакции у участников диалога, побуждения к незамедлительной деятельности. Наличие подобной реакции обуславливает ее эффективность. В данном дискурсе преобладает выполнение роли адресата человеком, однако часто пользователю приходится самому применять побудительное воздействие в ходе игровых диалогов. В таких случаях, несмотря на ограниченность коммуникативных возможностей, игрок имеет выбор между способами вербального влияния, где самостоя-

тельно определяет наиболее эффективный. Интенция игрока, воплощенная определенными вербальными формами, получает реализацию в ответных действиях со стороны адресата.

Побудительность выражает широкий ряд требований от резких приказов к просьбам, где при одинаковой вербализации на лингвистическом уровне значение определяется отдельными компонентами интонации или их совокупностью. Цель настоящей работы – описать темпоральные (скорость произнесения и особенности паузации) особенности фраз с семантикой побуждения в англоязычном компьютерном дискурсе. Материалом исследования послужили видеоигры “The Last of Us” и “Dragon Age: Inquisition”.

В работе использовался комплексный метод, который включал в себя метод сплошной выборки, аудиторский и акустический анализ, метод сопоставительного анализа, математико-статистическую обработку полученных данных с их последующей лингвистической интерпретацией. Для проведения акустического анализа использовались программы обработки и акустического анализа звучащей речи Praat и Speech Analyser, которые позволяют производить различные манипуляции с аудио- и видеозаписями, создавать графики акустических характеристик звучащей речи.

В зависимости от коммуникативной ситуации и интенции говорящего темп произнесения речи может варьироваться от медленного до среднего или быстрого. Количество пауз также может изменяться в зависимости от цели говорящего.

Аудиторский анализ скорости произнесения побудительных фраз свидетельствует о быстром или среднем темпе произнесения исследуемых императивных конструкций, как правило, можно говорить об увеличении скорости произнесения на фоне других частей высказывания. Такое темпоральное оформление характерно для динамического повествования, напряженных сцен, общей динамики происходящего

Stay here for a while. No touching!

На акустическом уровне средняя скорость произнесения императивов составила 5,2 сл/сек. Отклонение от этих значений свидетельствует об увеличении (6,1 сл/сек) или снижении темпа (3,9 сл/сек) произнесения по отношению к другим отрезкам высказывания. Замедление темпа (особенно в сочетании с более длительными эмфатическими паузами) характерно для прагматики запрета, приказа, категоричности, доминировании одного героя над другим.

Темпоральное оформление фразы также зависит от сюжета игры или сцены и вносит вклад в динамику повествования. В следующем примере герои игры пробираются через опасные препятствия, действуют осторожно, не спешат, что выражается и в характерном замедлении оформления не только императива, но и всех реплик диалога:

Yeah, I ain't breaking that. C'mon, there's another way around here.

Joel: Down here. Just watch your step.

Ellie: What's the deal with this guy?

Joel: Well, he helped us smuggle stuff into the city. He's... He knows how to find things.

Ellie: Well, let's hope we don't blow up trying to find him.

Темпоральный компонент интонации включает в себя паузы различной локации, функции, длительности. Аудиторский анализ позволил установить, что для реплик побуждения в компьютерном дискурсе наиболее характерны паузы, относящиеся к процессу речепроизводства, структурированию фраз, эмоционально-смысловым акцентам и спровоцировать ответную реакцию собеседника. Следовательно, можно говорить о доминировании синтаксических, логических/смысловых и эмфатических пауз. Отсутствие или наличие пауз, особенно эмфатических, способствует изменению динамики повествования, смягчению или большей категоричности повелительного высказывания:

Marlene: I lost most of my crew, crossing the country. I pretty much lost everything. [Turns to Joel] And then you show up and somehow we find you just in time to save her. Maybe it was meant to be.

Joel: Take me to her. [Sits on the edge of the bed.]

Marlene: You don't have to worry about her anymore. We'll take care of—

Joel: I worry. Just let me see her, please.

В представленном примере Джозэл настаивает на необходимости встречи с Элли. Категоричность реализуется не только цепочкой императивов, но и замедлением темпа за счет использования средних эмфатических пауз внутри фразы.

На акустическом уровне преобладают фразы длительностью 260-310 мсек (короткие и средние), реже 532-630 мсек (длинные).

Дыхательные (или физиологические) паузы, являющиеся характерной чертой разговорной речи, не свойственны речи участников данного типа дискурса. Для их речи характерны короткие фразы, которые сменяют друг друга и реализация которых не требует прекращения артикуляции и нулевой фонации.

Категория побудительности реализуется в современном английском языке различными лингвистическими средствами. При реализации в компьютерно-игровом дискурсе данная категория чаще всего вербализуется императивом или императивными конструкциями, прагматический потенциал которых зависит и от интонационного, в том числе темпорального оформления. Скорость произнесения и особенности паузации исследуемых фрагментов не только способствуют их синтаксическому членению, но и правильному смысловому восприятию и эмфатическому выделению на фоне остального высказывания.

Литература

Гурова Н.В. Категория побудительности и ее функции в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 79-86.

Сороколетова Н.Ю. Функционально-семантическая категория побудительности в компьютерно-игровом дискурсе // Язык и культура в эпоху глобализации: сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. СПб., 2024. С. 125-128.

N. Yu. Sorokoletova (Volgograd, Russia)

Volgograd State University

INTONATION OF INDUCEMENT IN THE ENGLISH LANGUAGE COMPUTER AND GAME DISCOURSE: TEMPORAL ASPECT

The article considers the temporal features of phrases used to express inducement in the English language computer and game discourse. The author describes the results of auditory and acoustic analysis of the examples of the inducement realized by imperative and imperative constructions. The specifics of speech rate and pausing of the phrases under study are identified.

Key words: inducement, imperative, computer and game discourse, speech rate, pausing

М.В. Стефанович (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный педагогический университет

maria_stefanovich@mail.ru

РОЛЬ НАРЕЧИЙ НА -LY В КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть качественно-оценочные наречия на -ly как ключи коммуникативной тональности, позволяющие идентифицировать тональность и стратегии ее интерпретации.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, категория тональности, наречие с суффиксом -ly, дискурс

Коммуникативная тональность как одна из прагмалингвистических и жанрово-стилистических категорий дискурса, ориентированных на тип коммуникативной ситуации, определяет способ ее построения и подачи, особенности протекания и исход. Под «дискурсом» в статье понимается двуединство процесса языковой коммуникации и текста как объекта ее исследования. Такой подход, наделяя дискурс большей объяснительной силой, открывает возможности изучать его как развивающийся во времени процесс и как структурный объект [Кибрик 2009: 4]. Коммуникативная тональность распространяет сферу своего действия на все формы речевой коммуникации (письменную и устную, уже имеющую текстовое воплощение), а также дискурс вне текста.

Примечательно, что внутренняя форма слова «тональность» аналогично английскому «tone» эксплицирует семантическую соотнесенность со звуком определенной высоты, с эмоциональной окраской речи (the quality of somebody's voice, especially expressing a particular emotion) и характером поведения. Комплексные тоновые колебания голоса организуют мелодику речи говорящего, наполняя высказывание экстралингвистическим содержанием, которое мгновенно считывается (интерпретируется) слушающим, и, тем самым, разворачивают высказывание в конкретном контексте социального взаимодействия. В фонетике тон голоса считается важным параметром эмотивной индексальной информации, который характеризует эмоциональное состояние говорящего во время коммуникативного акта и определяет его эмоционально-модальное отношение к сообщению, адресату, ситуации

общения [Фрейдина 2015: 285]. В связи с этим, тональность, как неперемное условие способа построения и подачи высказывания, рассматривается как «голос» говорящего в дискурсе, который транслирует субъективное отношение говорящего к предмету речи, другим участникам совместной коммуникации и интерпретируется слушающим с опорой на лингвостилистические, синтаксические и грамматические особенности оформления высказывания [Кочетова 2011: 256]. Равно уместно сравнение тональности с внутренним камертоном текста, который задает общее настроение или тон за счет комбинирования определенных стилистических средств и приемов [Рядовых 2022: 204]. Внимание к динамичной лингвопрагматической характеристике стиля общения позволяет выделить в коммуникативной тональности целенаправленность выбора языковых средств и способов оформления высказывания, которые подбираются говорящим в соответствии со стратегическо-тактической и жанрово-стилистической спецификой конкретного типа дискурса [Ильинова, Цинкерман 2019: 148].

Значимым представляется рассмотрение коммуникативной тональности с позиции ее культурной обусловленности и соотносительности с принятыми в обществе форматами дискурса, в терминах эмоционально-стилевого формата общения, который формируется в процессе взаимного влияния участников коммуникативного акта, определяют их меняющиеся установки и выбор всех средств общения. Термин «формат дискурса», введенный в научный обиход в результате переосмысления понятия «функциональный стиль» согласно критериям жанрового канона дискурса, обозначает тип дискурса, определяемый с учетом коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств [Карасик 2020: 192]. Такой подход подсвечивает дискурсивно универсальный характер коммуникативной тональности, которая представлена различными средствами передачи на всех уровнях языковой системы: фоносемантическими (аллитерация, консонанс), морфологическими (эмоционально-экспрессивные междометия, формы повелительного наклонения, модальные слова и наречия на -ly); лексическими (эмоционально-экспрессивная лексика, изобразительно-выразительными средствами (эпитет, ирония, олицетворение, контраст, сравнение, перифраз и т.д.), фразеологическими оборотами, эвфемизмами, разговорной лексикой, игрой слов); синтаксическими (экспрессивная инверсия, синтаксические повторы, риторические вопросы, восклицательные / вопросительные предложения) [Тупикова 2010: 84]. Это, с одной стороны, указывает на системный характер и сложное внутреннее устройство коммуникативной тональности, что, на наш взгляд, обусловлено ее расположением на пересечении таких смежных категорий, характеризующихся тесными взаимосвязями, как оценочность, модальность (субъективная, аксиологическая), качественность, количественность, эмотивность, интенсивность, экспрессивность, образность и пр.).

С другой стороны, данная особенность закладывает благоприятную основу для существования высоко вариативной системы тональностей и порождает многочисленные критерии ее типологизации: базовая (основная) и периферийная, коммуни-

кативно-нормативная и коммуникативно-анормативная, нейтральная и стилистически окрашенная, рефлексивная (непреднамеренная) и обдуманная (намеренная), эмоциональная и оценочная, мажорная и минорная, унисонная (гармоническая) и диссонансирующая [Тупикова 2010: 267]; эгоцентрическая (отражает намерение автора выразить свое «Я»), объектная (отношение автора к содержанию текста через оценку пропозиции), адресатного типа (ориентирована на эмоциональную сферу партнера и реакцию) [Багдасарян 2000: 92]. Выступая регулятором коммуникативного акта, тональность проектирует общую эмоциональную настроенность коммуникантов воспринимать, т.е. быть готовым интерпретировать информацию в заранее заданном формате [Карасик 2008: 100] как нейтральную / эмоциональную, конфликтную / кооперативную, серьезную / шутовую, доброжелательную / агрессивную и т.д. [Фрейдина 2015: 284]. Анализ способов выражения содержания коммуникативного взаимодействия, его средств и стиля, воплощенный в инструментальном подходе к дискурсу, позволяет выделить нижеперечисленные типы коммуникативной тональности в зависимости от эмоционально-стилевого модуса общения: информативная, фатическая, статусная, шутовая, торжественная, идеологическая, фасциативная, гипотетическая, агрессивная, эзотерическая, и менторская [Карасик 2008: 109, Карасик 2016: 65]. При этом в большей степени прагматический потенциал реализуют не столько выделяемые разновидности коммуникативной тональности, сколько намеренный выбор одной из них, определяемый совокупностью факторов: форматом дискурса, сопутствующими коммуникации обстоятельствами, характером взаимодействия между коммуникантами, намерениями коммуникантов, дискурсивными практиками общества и пр. В проведенном кратком обзоре суждения об особенностях и содержании категории коммуникативной тональности объединяет указание на ее модусный характер, просматривающийся в отражении субъектно-личностных позиций коммуникантов и субъективно-оценочного отношения к коммуникативной ситуации при оформлении высказывания в определенном формате дискурса с участием тональности. Первостепенную важность приобретают не сами разноуровневые языковые инструменты коммуникативной тональности, а интерпретативный вектор ее означивания, порождаемый не только содержанием коммуникативной ситуации и способом ее проживания коммуникантами, но, прежде всего, установками интерпретатора, которые создают контекст для понимания высказывания. Ментальные проекции установок интерпретатора отображаются в семантике слов, составляющих лексико-грамматическую материю высказывания / текста, т.е. наиболее прозрачное и доступное для исследования пространство существования смыслов и стратегий их интерпретации. Признавая субъективное отношение к коммуникативному взаимодействию и эмоциональную настроенность коммуникантов за обязательные признаки любого высказывания с участием коммуникативной тональности, сосредоточим фокус внимания на квалификации (т.е. оценке качественно-количественных параметров) события с точки зрения интерпретатора и его стремления воздействовать на реципиента определенным образом, а именно на обстоятельственных характеристиках, которые настраивают пропозицию на то-

нальность, соответствующую сфере общения и личностным качествам коммуникантов [Багдасарян 2000: 86]. Обратимся к примерам:

1. *Slowly and solemnly Moran introduced Rose to each member of the family in turn. The small group became more the centre of attention than the stage itself.*

Наречия задают эмоционально-оценочный фон торжественности, официально-сти описываемой коммуникативной ситуации и характеризуют речеповеденческую манеру Морана как сдержанную, серьезную, преисполненную чувства собственного достоинства, благородства, такта и осознания важности мероприятия. Созданию особого настроения способствует аллитерация в *slowly* и *solemnly* (повторение глухого щелевого *s* и сонорного *l*), которая добавляет ритм размеренности и благозвучия, усиливая эмоциональное воздействие. Встраиваясь в контекст речевого взаимодействия, наречия на *-ly* задают конкретный ракурс обзора и способ интерпретации коммуникативной ситуации, описываемой предложением, устанавливая эмоционально-стилевое соответствие между ситуацией речевого взаимодействия и коммуникативной тональностью. Ср.:

2. *A year ago – and again at Christmas – she had proposed, playfully. On both occasions, he had laughed the idea of as a charming joke. Miranda was puzzled and humiliated by Adam's rejection.*

Наречие *playfully* задает описываемой коммуникативной ситуации игривую шутиливую тональность, вуалирующую серьезность матримониальных намерений Миранды. Веселый формат дискурса осознанно поддерживается эмоциональной реакцией (*had laughed*) и речевым поведением Адама (*a charming joke*), который, распознав замысел Миранды, второе Рождество подряд выбирает несерьезную манеру продолжения общения, раскрывающую его личную позицию: подразумеваемый отказ при соблюдении внешних дискурсивных конвенций и морально-этических принципов. Таким образом, качественно-оценочные наречия на *-ly* специфицируют ракурс интерпретации коммуникативной ситуации, описываемой предложением или его частью, выступая таким образом в качестве тональных ключей (маркеров конкретного типа коммуникативной тональности), т.е. инструментов воздействия определенным способом на реципиента.

Литература

Багдасарян Т.О. Тональный компонент модальности в коммуникации: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.

Ильинова Е.Ю., Цинкерман Т.Н. Прагматика коммуникативной тональности запрета в англоязычном воспитывающем общении // Взаимодействие языков и культур: традиции и инновации. № 3. 2021. С. 52-62.

Карасик В.И. Коммуникативная тональность: Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 99-109.

Карасик В.И. Языковые картины бытия: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020.

Кириков А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. № 2. 2009. С. 3-21.

Кочетова Л.А. Динамические аспекты коммуникативной тональности в рекламном дискурсе // Вестник Омского государственного университета. 2011. № 3. С. 256-261.

Рядовых Н.А. Экспликация категории тональности в текстах виртуального жанра // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Том 1. № 4. С. 203-207.

Тупикова С.Е. Категории, концепты, тональность // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2010. Вып. 3 (83). С. 264-269.

Фрейдина Е.Л. Тональность речевого общения и ее просодические маркеры // Преподаватель XXI век. 2015. № 1. С. 282-289.

British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

M.V. Stefanovich (Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Pedagogical University

THE ROLE OF -LY ADVERBS IN COMMUNICATIVE TONALITY

In this article we attempt to consider qualitative-evaluative adverbs in -ly as keys of communicative tonality, allowing to identify the tonality and its interpretation strategy.

Key words: communicative linguistics, category of tonality, discourse, adverbs in -ly

А.В. Стрельцова (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
nancystrel@gmail.com*

ФРЕЙМ CREATING OF SOCIALIST REALISM ART КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА СОЦРЕАЛИЗМА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье представлены результаты анализа конфигураций фрейма CREATING OF SOCIALIST REALISM ART в публицистических текстах из газет *The New York Times* и *The Washington Times*, посвященных изобразительному искусству Соцреализма. Выявляется специфика интерпретации Соцреализма авторами статей, а также рассматриваются способы выражения авторской оценки работ художников-соцреалистов.

Ключевые слова: фрейм, интерпретация, оценка, Соцреализм, искусствоведческий дискурс

Представляя собой «смысловой каркас стереотипной ситуации», фрейм вербализуется в конкретных терминалах или слотах, характеризующих структуру данной типичной ситуации [Никонова 2008: 87-88]. Образ любого явления моделируется реципиентом на основе конструктивистского основания (языковых средств или средств других модальностей, выбранных автором), т.е. фактических составляющих явления, которые соотносятся с облигаторными и опциональными терминалами данного фрейма [Беляевская 2012: 22]. При этом фактические составляющие фрейма могут быть представлены в разных конфигурациях, обнаруживающих авторское отношение к данному явлению (интерпретирующее основание фрейма). Как отмечает Е.Г. Беляевская, ценность лингвистического анализа в рамках изучения фреймов заключается в возможности выявить закономерности взаимодей-

ствия фреймов и их конфигураций, т.е. наиболее точно сформулировать когнитивное основание «вербализации, и конечного продукта этой вербализации – текста» [Беляевская 2021: 20]. Учитывая, что конфигурация фрейма неразрывно связана с субъективной интерпретацией со стороны автора текста, Е.Г. Беляевская предлагает вводить в модель фрейма фигуру интерпретатора [Беляевская 2012: 23].

Настоящая статья посвящена анализу конфигураций фрейма CREATING OF SOCIALIST REALISM ART в публицистических текстах, посвященных изобразительному искусству Соцреализма. Учитывая, что Соцреализм как художественное направление формировался намеренно с целью достижения определенных идеологических целей, в названии фрейма присутствует лексема «creating», которая подчеркивает динамический аспект данного фрейма. В качестве материала используются отобранные методом сплошной выборки статьи, посвященные искусству Соцреализма и опубликованные в период с 1990 г. до настоящего времени в газетах *The New York Times* (N = 5) и *The Washington Times* (N = 4). Выбор газет для отбора материала обусловлен их идеологической направленностью: газета *The New York Times* характеризуется либеральной направленностью, тогда как газета *The Washington Times* – консервативной.

Рассмотрим фрагмент из статьи, опубликованной в газете *The Washington Times*:

1. Mr. Timkov established a home and studio in nearby Valentinovka on the Msta River as a base for his forays into the region. During the postwar decades, he maintained a remarkably steady approach to painting given the political pressures to glorify farm collectives and harvest festivals. The artist managed to work within the state-run system by celebrating Russian identity through the natural beauty of his homeland. He didn't challenge the authorities but became a member of the government-controlled artists union, which sponsored several solo shows of his work [ART: Russian impressions 2008].

В рассматриваемом фрагменте присутствуют следующие терминалы фрейма CREATING OF SOCIALIST REALISM ART: the creator (Mr. Timkov, the artist, artists union), a created entity (painting), imposed purpose (the political pressures to glorify farm collectives and harvest festivals), the co-participant/beneficiary (the state-run system, the authorities, government-controlled), place (studio in nearby Valentinovka on the Msta River), time (During the postwar decades), manner (remarkably steady approach). Несмотря на то, что автор подчеркивает идеологический аспект живописи Н.Е. Тимкова, поддерживая таким образом сложившуюся в западноевропейском искусствоведении точку зрения на Соцреализм [Bowlt 2010: iii], оценка работ и метода художника со стороны автора статьи носит эксплицитно положительный характер. Отмечая трудности, с которыми художник сталкивался в процессе работы (managed to work within the state-run system), автор приходит к выводу о том, что работы художника носят не пропагандистский характер, а, напротив, раскрывают красоту и уникальность идентичности родной для художника страны (celebrating Russian identity through the natural beauty of his homeland). Следуя типологии языка оценки, предложенной Дж. Мартином и П. Уайтом [Martin, White 2005], можно сказать, что

в данном дискурсивном фрагменте авторская оценка выражается через параметр отношение («attitude») посредством суждения, т.е. этической оценки художественного метода Н.Е. Тимкова.

Между тем в другой статье из газеты *The Washington Times* искусствоведческая проблематика рассматривается автором как аспект конкретного политического режима:

2. *Under Soviet rule, artists were required to join a union and produce works in a state-approved style dubbed Socialist Realism, a dull pastiche of party propaganda and paeans to the workaday struggles of simple, muscular peasants. The typical Socialist Realism film, quipped one author, could be described as "boy meets girl meets tractor"* [Hruby 2012].

В приведенном примере присутствуют следующие терминалы рассматриваемого фрейма: the creator (artists, union), a created entity (works), imposed purpose (party propaganda and paeans to the workaday struggles of simple, muscular peasants), the co-participant/beneficiary (Soviet rule, state-approved), manner (a dull pastiche). Иронично оценивая специфику тем, характерных для искусства Соцреализма («boy meets girl meets tractor»), автор подчеркивает обусловленность данного художественного направления политикой. Пользуясь терминологией теории оценки Дж. Мартина и П. Уайта, можно сделать вывод о том, что в данном примере авторская оценка выражается через параметры отношения (attitude) (dull pastiche) и вовлечения (engagement) посредством интертекстуальности, т.е. текстуальной интеграции цитаты, позволяющей сделать вывод об интерпретации Соцреализма автором.

Обратимся к примерам из газеты *The New York Times*.

3. *Mr. Mikhailovsky said that he didn't consider either artist (Deineka and Samokhvalov) to be a pure example of Socialist Realism, the idealized style imposed on artists by Stalin after Lenin's death in 1924, which demanded positive depictions of Soviet life. "Their work is not all optimistic, although you could call a lot of it propaganda art," he said. "It's more controversial and complex than that. Many of these paintings offer allegories and commentary that is not just about what is shown on the surface."* [Sulcas 2019].

В данном фрагменте присутствуют следующие терминалы рассматриваемого фрейма: the creator (artist, artists), a created entity (Socialist Realism, art, paintings), imposed purpose (demanded positive depictions of Soviet life, propaganda), the co-participant/beneficiary (Stalin), time (after Lenin's death in 1924). Авторская оценка выражается через параметр вовлечения (engagement) посредством интертекстуальности: авторская интерпретация работ А.А. Дейнеки и А.Н. Самохвалова вербализуется имплицитно через цитаты куратора выставки С. Михайловского. При этом фрейм CREATING OF SOCIALIST REALISM ART реализуется в историко-искусствоведческом контексте. Рассмотрим еще один пример из газеты *The New York Times*:

4. *n a political state that demanded conformity, the sameness of the paintings is no surprise. But you may be surprised by the amount of difference within this sameness, by the*

degree to which the best artists achieved a modicum of distinction despite the confines of the state's directives, and generated an energy and intensity of expression that went beyond the rightness or wrongness of their messages. <...> After all, there was nothing funny about the Soviet state, not to say Stalin, that an artist would risk his life to paint [Kimmelman 1993].

Авторская оценка в данном фрагменте представлена посредством диалогического позиционирования (категория вовлечения): используя личное местоимение *you* автор предлагает читателю задуматься о вариативности, которая характерна для Соцреализма. Примечательно, что автор отказывается от этической оценки содержания работ художников-соцреалистов (*beyond the rightness or wrongness of their messages*), фокусируясь на их художественном мастерстве (*an energy and intensity of expression*).

Важной составляющей фрейма **CREATING OF SOCIALIST REALISM ART** выступает терминал *experiencer*. В одной из статей из газеты *The New York Times* автор объединяет современного зрителя и зрителя прошлого (терминал *experiencer*) в единое *we* через слова куратора выставки:

5. *"We have fought with this past, criticized the way it portrayed our society, pointed to the fact that it was a terrible time of prison camps, deaths and suffering," Mr. Mikhailovsky added. "Others say that to look back at this is nostalgia, that we wish we were big and strong, like in the Soviet myth. But through these artists' eyes, we show our history. It is important to look at this."* [Sulcas 2019].

Анализ публицистических статей из газет *The New York Times* и *The Washington Times* позволяет сформулировать следующее определение фрейма **CREATING OF SOCIALIST REALISM ART**: Artists (the creator) created Socialist Realism art (a created entity) to express party ideology through artistic propaganda (imposed purpose) as commissioned by the upper strata of Soviet power/ the party/ Stalin/ political leaders (the co-participant/beneficiary) to educate (purpose) people (the proletariat) (*experiencer*) about the achievements of Soviet society through Socialist Realist painting. Отметим, что в данное определение вошли облигаторные терминалы фрейма. Несмотря на различия в идеологической направленности газет, конфигурации фреймов варьируются минимально. При этом контексты, в которых вербализуется рассматриваемый фрейм, в большей степени зависят от личности конкретного художника и, как следствие, тем, поднимаемых в рамках выставки, а не от идеологических установок периодического издания.

Литература

- Беляевская Е.Г. Фрейм? Фрейм... Фрейм! // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 17-24.
- Беляевская Е.Г. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 21-26.
- Никонова Ж.В. Фрейм в контексте лингвистической науки // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4. С.86-89.
- ART: Russian impressions // The Washington Times. 30.11.2008. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2008/nov/30/russian-impressions/>

Bowlit J. Foreword. Socialist realist painting during the Stalinist era (1934-1941): the high art of mass art by Rusnock, K. Andrea, 2010.

Hruby P. Art behind the Iron Curtain // The Washington Times. 9.05.2012. URL: <https://www.washingtontimes.com/news/2012/may/9/art-behind-the-iron-curtain/>

Kimmelman M. Review/Art; Stalin's Painters: In Service of the Sacred // The New York Times. 10.12.1993. URL: <https://www.nytimes.com/1993/12/10/arts/review-art-stalin-s-painters-in-service-of-the-sacred.html>

Martin J.R., White P.R.R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. London; New York: Palgrave: Macmillan, 2005.

Sulcas R. Not Just Propaganda: A New View of Soviet Artists // The New York Times. 25.12.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/25/arts/design/deneika-samokhvalov-manege.html>

A.V. Streltsova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

CREATING OF SOCIALIST REALISM ART FRAME AS A COGNITIVE BASIS OF DISCURSIVE INTERPRETATION OF SOCIALIST REALISM ART IN JOURNALISTIC DISCOURSE

The paper concerns the configurations of the frame CREATING OF SOCIALIST REALISM ART as it is presented in texts about Socialist Realism selected from *The New York Times* and *The Washington Times*. The analysis revealed specific characteristics of the authors' interpretation of Socialist Realism. The ways of expressing the authors' evaluation of the works of Socialist Realist artists are considered.

Key words: frame, interpretation, evaluation, Socialist Realism, art discourse

M.P. Taymour (Moscow, Russia)

Plekhanov Russian University of Economics
taymour.mp@rea.ru

NAMING IN MODERN DIGITAL ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING

The article aims to identify key stylistic devices in naming modern commercial brands, which activate certain cognitive mechanisms in a recipient. The main categories of stylistic devices, which are usually exploited in contemporary digital advertising discourse in English, are identified at four levels: phonetic, graphic, morphological, semantic. The most important functions of naming in commercial discourse have been studied too.

Key words: commercial advertising, cognitive mechanism, stylistic device, metaphor, brand.

For cognitive linguistics, commercial and business naming is of particular interest since this process often involves various linguistic means in order to activate different cognitive mechanisms in a recipient and influence the mass consumer. The commercial naming is the nomination of goods, businesses, services and institutions, which pursues commercial goals involving the implementation of the pragmatic potential of the brand name. In the modern discourse, the names of brands and trademarks are increasingly heard in the everyday life of consumers, e.g. "Would you

give me a Kleenex?” (instead of “a tissue”) or “We need some Pampers” (instead of “diapers”). Therefore, nowadays we can speak about the phenomenon of *lingua branda* [Фрэнкель 2006]. A successfully selected brand name may become an advertisement by itself as it influences the consciousness of consumers provoking various attractive associations, having activated such cognitive mechanisms as information decompression, conceptual integration and others [Таймуп 2022]. The essence of the commercial naming process lies in a certain impact on the psyche of its recipient, which causes the desired changes in his or her attitude towards the product, motives, conscious and unconscious behavior, and actions.

Product names often have a great associative potential, and that is why we can state the presence of opportunities for using linguistic (and extralinguistic) manipulation techniques during nomination. Forming a highly positive image of the advertised object is the main pragmatic task of marketers. Naturally, the voiced qualities, properties and characteristics in some cases have little in common with the existing reality, which can lead to subsequent disappointment of the target audience. Therefore, one of the factors of success of such creative discursive elements from the advertising sphere can be considered the presence of an optimal balance between information about the existing qualities of the object and its properties invented by marketers. The semantics of the name here has implicit properties that are capable of particularly qualitatively activating the recipient's imagination even without the use of non-verbal means. For example, the name of the American women's perfume from Naomi Campbell “Seductive Elixir” hints at the potential effect that occurs when using eau de parfum but keeps the recipe of the elixir a secret. It must be assumed that the main target audience is men choosing a gift for their girlfriends, and with the help of this lexical combination, designers invite them to use their imagination and assign to the product those positive characteristics that each person personally associates with the “elixir of seduction”.

Such activation of a certain volume of background knowledge is known as the cognitive mechanism of information decompression, and the emergence on their basis of previously non-existent characteristics in a new conceptual structure is the activation of the cognitive mechanism of conceptual integration. In this case, it can be assumed that a potential buyer, developing additional meanings of the name of the perfume, imagines possible ingredients of the perfume, mixing its smell with the smell of a beloved woman, etc. The name of Naomi Campbell, a world-famous British actress, model, singer and “face” of the brand, is a separate metaphorical characteristic of the advertised product – the perfume is undoubtedly used by such a popular and prosperous person, which means it is worthy of the most expensive woman.

The linguistic means of manipulative influence in the commercial nomination are specific vocabulary and various stylistic devices [Ботова, Лаврова 2022]. Linguistic units include positively colored vocabulary, words and phrases with the semantics of novelty, phrases with the semantics of wealth and luxury, tradition and antiquity, words with hol-

iday semantics. Metaphors are common in brand names and particularly ad taglines, e.g. “Light as a Feather” (health and beauty centre); “Like a Rock” (Chevrolet trucks), “Open Happiness” and “Twist the Cap to Refreshment” (Coca-Cola campaigns). Sometimes multimodal metaphors are exploited in brand naming too [Голубкова, Таймур 2020]. The use of contaminated words in the names of brands and trademarks is very productive due to the fact that this method of word formation makes it possible to reveal the creative component of a commercial nomination. In most cases contamination is based on the phonological similarity of compound words, which produces a comic effect, e.g. “Intellivision” (TV provider), “Securiteam” (a security agency), “Descretary” (a producer of stationery goods) or “Pawdicure” (grooming services for pets). Undoubtedly, commercial brand names influence people’s subconscious perception of certain items. They also personify these items and form a socially significant image in the minds of consumers, which usually increases sales efficiency.

For the current research, 105 trademarks presented in four British online stores and 95 English business names were analyzed for the use of stylistic devices in commercial naming. Various stylistic devices were found in 52 brand names and divided into four categories.

1. Phonetic stylistic devices: onomatopoeia (Whoosh Auto Care, Beep Beep Auto School); (e.g. Puzzle Huddle, MinkPink); assonance (e.g. Hobby Lobby, Jeepers Peepers); lexical ambiguity (e.g. Won Hundred); alliteration (e.g. Clickety Clack, Mighty Mule, Fashion Forms).

2. Graphic stylistic devices: hyphenation (e.g. Big-metal-London), capitalisation (e.g. ICONIC London), and using numbers instead of letters (e.g. 9Yard Media, 7Eleven, Dare 2B).

3. Morphological stylistic devices: contamination (e.g. Perficient, perfect + proficient; Lovedrobe, love + wardrobe) and affixation (e.g. Ellessee).

4. Semantic stylistic devices: allusion (e.g. Peek and Beau, the allusion to hide-and-seek game Peekaboo), metaphors (I’m a MAC, where a man represents a computer).

The results of the study showed that about a half of all stylistic devices used are phonetic means of expression. Alliteration turned out to be the most productive phonetic means of expressiveness (29%). That might be explained by the fact that alliteration allows you to create a specific rhythm and a euphonic effect. It also has a positive effect on the perception of the brand in the minds of consumers. The next most productive stylistic device is allusion (21%). Thus, brand names can exploit allusions to cultural phenomena, e.g. “American Eagle Outfitters” is an allusion to the bald eagle, which is the national symbol of the United States. This name is intended, undoubtedly, to evoke positive associations among consumers, appealing to their sense of patriotism. There are allusions to literary works too, e.g. “Lashes of London” fashion brand is an allusion to the famous book “Flashes of London and Other Reflections”; “Easilocks” luxury hair extensions is an allusion to the fairy tale “Goldilocks and the Three Bears”. The absence of such sty-

listic devices as hyperbole, oxymoron, etc. in selected commercial brand names may be explained by the fact that context is necessary to fully understand and use these stylistic devices. The specificity of commercial names, though, does not imply the presence of any context. Therefore, these lexical means of artistic expression are often found in taglines and advertising texts but are rarely presented directly in the names of trademarks and brands.

The current study has also proved that commercial naming performs the following key functions:

- 1) informative (the name of the brand should convey to the consumer the information about the products and services provided);
- 2) influencing (the brand name should influence potential consumers, creating a desire to purchase the manufacturer's product or service);
- 3) nominative (commercial nomination gives the trademark a unique catchy name).

In conclusion, the study has identified the most important functions of commercial naming and has shown, that this type of naming in advertising in the English language exploits various verbal stylistic devices in order to activate certain cognitive mechanisms in a recipient. This phenomenon is of particular interest from the point of view of cognitive linguistics, pragmatics and psycholinguistics, since one of its main tasks is to have a certain impact on the potential consumer.

Литература

Ботова Е.Ф., Лаврова Н.А. Стилистические приемы в нейминге как способы повышения эффективности коммерческой номинации (на материале англоязычных торговых марок) // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. Часть 2. С. 377-387.

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приключения // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 386-391.

Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка): монография. М.: РУСАЙНС, 2022.

Фрэнкель А. Нейминг: как игра слов становится бизнесом. М.: Добрая книга, 2006.

М.П. Таймур (Москва, Россия)

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

NAMING В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ

Целью статьи является выявление ключевых стилистических приемов в номинации (naming) современных коммерческих брендов, которые активируют определенные когнитивные механизмы у реципиента. Основные категории стилистических приемов, которые обычно используются в современном цифровом рекламном дискурсе на английском языке, определяются на четырех уровнях: фонетическом, графическом, морфологическом, семантическом. Также были исследованы важнейшие функции номинации в коммерческом дискурсе.

Ключевые слова: коммерческая реклама, когнитивный механизм, стилистический прием, метафора, бренд

*А.Б. Теплякова (Москва, Россия)**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
teplyakova.anastasia@lecturer.msu.ru*

ЛИНГВОКРЕАТИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ФОКУСИРОВАНИЯ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

В работе рассматривается семантическая сложность концептуальной интеграции, обусловленная действием механизма фокусирования, и обосновывается свойственная языку ведущих активную лживую антироссийскую пропаганду сми концептуальная сторона лингвокреативности на примере концептуальных метафор в заголовках англоязычных статей, посвященных российско-украинскому военному конфликту.

Ключевые слова: концептуальная интеграция, концептуальная метафора, лингвокреативность, медийный дискурс, пропаганда, фокусирование

Процессы концептуализации и категоризации представляют собой когнитивную основу языковой коммуникации [Болдырев 2024: 16]. Лингвокреативность, то есть способность концептуализировать знания и представления о мире разнообразными путями и воплощать концептуализацию в конкретных нестандартных языковых единицах, имеет двойственную структуру, так как реализует одновременно речезыковую и когнитивный аспект [Устинова 2013: 96]. В языковом творчестве выделяют лингвистическую креативность, связанную с преобразованием выразительных возможностей языковой системы, и концептуальную, сопряженную с неконвенциональным ментальным репрезентированием [Устинова 2017: 26]. Сегодня в лингвокреативных исследованиях на смену анализу результатов творчества в языке приходит ориентация на изучение ментальных механизмов, участвующих в создании нового [Ирисханова 2005: 15]. На основе теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, рассматривающей возникновение нового значения как следствие установления связей между ментальными пространствами, лингвокреативность представляется как совмещение концептуальных областей, приводящее к появлению не существовавшего ранее значения или смысла [Turner, Fauconnier 1995: 184; Ирисханова 2004: 36]. При этом в субъективном и зачастую неосознанном отборе единиц и структур, наследуемых из исходных пространств, реализуется механизм фокусирования: помещения определенного элемента в зону внимания [Ирисханова 2014: 65]. Процессы концептуальной интеграции и связанного с ней механизма профилирования отдельных составляющих концепта задействованы в формировании мнения адресата средств массовой информации о текущих событиях, а использование концептуальной метафоры, выделяющей тот или иной аспект сложного явления, зачастую служит средством интерпретации меняющейся политической ситуации [Теплякова 2022б: 329; 2024б: 421; 2024в: 681]. Лингвокреатемы, характеризующиеся экспрессивностью, нестандартностью, эмоциональной и оценочной природой и воспринимаемые сквозь призму ассоциаций, обладают высокой степенью воздействующего

потенциала на читателя [Новосад, Юрина 2024: 2451]. Одной из задач использования лингвокреативных единиц в медийном дискурсе становится пропаганда - формирование идеологической картины мира реципиента и управление массовым сознанием. Настоящая работа анализирует примеры внедрения антироссийских представлений и создания необоснованно отрицательного отношения к России в сознании западного читателя.

Данное исследование выполнено на материале заголовков опубликованных в течение 2024 года статей The New York Times, посвященных российско-украинскому конфликту. Целью работы, методологическими установками которой послужили положения теории концептуальной интеграции с ориентацией на подробное изучение процессов профилирования того или иного элемента, является анализ лингвокреативного ментального репрезентирования значимых для интерпретации политической обстановки концептов. Настоящая статья является продолжением исследований используемой в медийных заголовках концептуальной метафоры в дискурсе российско-украинского конфликта в период с 22 февраля 2022 года по 08 января 2024 года в англоязычных онлайн газетах [Теплякова 2022а, б, 2024а–в].

В рассматриваемом материале представлен широкий спектр метафор, связанных с созданием негативного образа России в текущем конфликте. Например, продолжают конкретизироваться использованные в начальном периоде военного конфликта структурные метафоры РОССИЯ – ЭТО РАСЧЕТЛИВАЯ СТОРОНА КОНФЛИКТА в таких заголовках, как “*Russia’s Brutal War Calculus*”, и РОССИЯ – ЭТО СИЛЬНЫЙ ВРАГ И УГРОЗА (“*Russia Punishes Those Who Seek the Truth*”) [Теплякова 2022а]. Использованные лексические единицы имплицитно создают негативную модальность, таким метафорам свойственна выраженная оценочность, а целью их использования является создание отрицательного образа страны-участницы конфликта и формирование осуждающего мнения читателя.

Среди метафор, характеризующих военные действия, а не участников конфликта, также по-прежнему преобладает конвенциональная метафора (ВОЕННЫЙ) КОНФЛИКТ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ, подчёркивающая динамический характер конфликтов. Например, в указанном выше заголовке “*Russia Punishes Those Who Seek the Truth*” противостояние сравнивается с движением к благородной моральной цели – поиску истины, ему придается высокая значимость, а Россия предстает как сторона, препятствующая этому возвышенному стремлению.

Однако в заголовках 2024 года, когда журналисты стремятся подчеркнуть затянувшийся характер конфликта, данная концептуальная метафора изменяется. Одна из ее модификаций – КОНФЛИКТ – ЭТО НАРУШЕНИЕ БАЛАНСА. Так, в заголовке “*What’s Behind Ukraine and Russia’s Missile Brinkmanship?*” семантика слова «brinkmanship» выводит на первый план идею балансирования на грани войны. В заголовке “*With Russia on Its Doorstep, a Ukrainian Town Packs Its Bags*” концептуальное соединение традиционной онтологической метафоры УЧАСТНИК КОНФЛИКТА – ЭТО ПУТЕШЕСТВЕННИК (Украина как пакующий чемоданы

человек, вынужденный покидать дом), конвенциональной структурной метафоры КОНФЛИКТ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ (враг как пришедший в дом человек) и структурной метафоры КОНФЛИКТ – ЭТО НАРУШЕНИЕ БАЛАНСА выдвигает на первый план идею задержки входящего человека на пороге, что дает время тому, кто находится внутри, совершить некие действия. В данных примерах профилируется идея нечеткой направленности движения и колебания, что показывает переход конфликта в новую фазу, когда направление действий неясно, а движение по этой причине замедлено.

Еще одной новой модификацией конвенциональной концептуальной метафоры КОНФЛИКТ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ в 2024 году становится КОНФЛИКТ – ЭТО ЗАСТРЕВАНИЕ / УВЯЗАНИЕ / НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (*“The Sticking Points That Kept Russia and Ukraine Apart”*; *“Bogged Down in Ukraine, Russia Pays a Price in Syria”*). При этом в заголовках четко выражено направление движения: в *“The Sticking Points That Kept Russia and Ukraine Apart”* подчеркивается отрицательное направление движения, то есть его отсутствие, застревание на одном месте; а в *“Bogged Down in Ukraine, Russia Pays a Price in Syria”* семантика фразового глагола «to bog down» профилирует идею увязания в болотной трясине, наречие «down» подразумевает направленность движения вниз и потерю времени, связанную с необходимостью выбраться из топи.

Таким образом, представление о скорости развития военного конфликта создается двумя типами концептуальных метафор, эксплицитно профилирующих направление движения (а именно – колебание, балансирование или застревание). В активную зону внимания реципиента помещается одно явление (направление), а в результате концептуальной интеграции (соединения в одном ментальном пространстве профилированного концепта направления движения и имплицитного фонового знания о том, как данное направление движения обычно влияет на скорость движения) на первый план выводится новое значение – замедление темпа развития военных действий. Перепрофилирование с концепта направления на концепт скорости происходит благодаря способности человека воспринимать свойства явлений, которые находятся вне фокуса восприятия, и осознавать их как значимые [Bechtel, Abrahamson 1998: 58].

Проведенное исследование показало, что язык заголовков медийных статей, освещающих события, которые не находятся в центре внимания средств массовой информации в течение продолжительного времени, характеризуется неконвенциональным ментальным репрезентированием и, в терминах Т.В. Устиновой, концептуальной креативностью, в большей степени, чем лингвистической креативностью, которой свойственно применение неологизмов или нестандартных языковых единиц. Конвенциональная концептуальная метафора порождает новый смысл благодаря концептуальной интеграции и механизму фокусирования. Высокий уровень семантической сложности заголовков, обусловленный динамической природой соединения ментальных пространств и действием механизма

перепрофилирования, реализует концептуальную сторону лингвокреативности, создает оценочную перспективу и способствует непропорциональной антироссийской пропагандистской риторике.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 5-19.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика де-фокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

Новосад К.Ю., Юрина Е.А. Феномен лингвокреативности и его реализация в дискурсе СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. №7. С. 2445-2451.

Теплякова А.Б. Когнитивная картина событий изменяющегося мира в медийном дискурсе (на материале англоязычных заголовков) // Иностранные языки в контексте культуры: сборник статей по материалам XXI международной научно-практической конференции. Пермь, 2024а. С. 125-130.

Теплякова А.Б. Концептуализация и категоризация российско-украинского конфликта на фоне снижения внимания к нему в англоязычных сми // Когнитивные исследования языка. 2024б. № 2-1 (58). С. 418-422.

Теплякова А.Б. Концептуальная метафора в языке СМИ как средство интерпретации меняющейся политической ситуации // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия: материалы международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2024в. С. 679-681.

Теплякова А.Б. Метафоризация как лингвомедийный способ конструирования образа России в зарубежном медиадискурсе // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах масс-медиа: материалы VI Международной научной конференции. СПб.: ООО «Медиапайп», 2022а. С. 609-613.

Теплякова А.Б. Metaphorization in the coverage of Russian-Ukrainian conflict (based on the headlines of The New York Times) // We Teach - We Touch the Future!: сборник материалов XXVII Международной конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка. Иваново: Ивановский государственный университет, 2022б. С. 325-330.

Устинова Т.В. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: лингвокогнитивное моделирование читательской рецепции и межкультурной перевод: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2017.

Устинова Т.В. Предпосылки лингвистического исследования американской «языковой поэзии» в аспекте проблемы лингвокреативности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия: гуманитарные исследования. 2013. Вып. 1. С. 95-98.

Bechtel W., Abrahamsen A., Graham G. The Life of Cognitive Science // A Companion to Cognitive Science. Oxford: Blackwell. 1998. Pp. 1-104.

Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. V.10. № 3. Pp. 183-203.

Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=brinkman>

*A.B. Teplyakova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

LINGUOCREATIVE IMPLEMENTATION OF THE FOCUSING MECHANISM IN THE CONCEPTUALIZATION OF MILITARY CONFLICT

The paper examines the semantic complexity of conceptual integration due to the action of the focusing mechanism, and substantiates the conceptual side of linguistic creativity inherent in the language of media leading false anti-Russian propaganda by the example of conceptual metaphors in the headings of English-language articles devoted to the Russian-Ukrainian military conflict.

Key words: conceptual integration, conceptual metaphor, focusing, linguistic creativity, media discourse, propaganda

*Ю.Г. Тимралиева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
juliatl@yandex.ru*

СПОРТИВНАЯ МЕТАФОРА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена функционированию спортивной метафоры в текстах экономической тематики современных немецкоязычных СМИ. В статье выявляются ключевые элементы сферы-источника метафорической проекции, анализируются прагматический потенциал и скрытые смыслы представленных метафор.

Ключевые слова: спортивная метафора, экономический дискурс, язык СМИ

Экономика является важнейшей составляющей жизни общества, во многом определяющей жизнь граждан в любом государстве, что обуславливает пристальное внимание к событиям экономической жизни в средствах массовой информации. Экономический дискурс в СМИ, информирующий о событиях объективной реальности, «анализирует и моделирует их, а также инициирует оценочные суждения касательно актуального состояния экономической действительности» [Бадаева 2021: 31]. Особая роль при освещении экономической ситуации в СМИ отводится метафоре, которая выступая «способом познания, пересечения и трансфера знаний из одной концептуальной области в другую» [Лакофф, Джонсон 2004: 25], посредством понятных образов помогает адаптировать для широкой читательской аудитории профессионально-ориентированный, насыщенный сложными экономическими понятиями текст и сформировать определенное отношение к происходящему. Например, часто экономика «представляется как механизм, в котором все просчитано и отдельные винтики системы способствуют отлаженной работе всей структуры», или как «живой организм, подверженный заболеваниям и нуждающийся в оздоровлении» [Куцубина, Тимралиева 2023: 47]. Данное исследование посвящено метафорической репрезентации экономических явлений посредством образов

из спортивной сферы. Таким образом, экономика выступает в качестве мегасферы-мишени, спорт – в качестве мегасферы-источника метафорической проекции. Рассмотрим наиболее продуктивные элементы сферы-источника.

Довольно часто в рамках заявленного метафорического переноса в экономических текстах СМИ появляются ядерные лексемы *Spiel / Spieler* и их производные. Сравнение тех или иных экономических процессов со спортивной игрой призвано подчеркнуть динамизм и неопределенность данных процессов: *Aktien für den Sieg: Wer gewinnt das große Börsenspiel?* (www.tagesanzeiger.ch, 17/10/2023). В данном примере посредством метафоры игры представлены торги на фондовой бирже, где инвесторы делают ставки на различные компании и отрасли. Прямое значение заключается в том, что успех на фондовом рынке зависит от выбора правильных акций, которые принесут прибыль. Скрытое значение связано с наличием рисков и необходимостью стратегического мышления, поскольку выиграет тот игрок, который правильно прогнозирует развитие рынков. В целом метафора создает ощущение азарта и напряжения, подчеркивает элемент непредсказуемости и конкурентной борьбы, присущие фондовому рынку. В следующем примере метафора «игрок» подчеркивает возрастающую роль Китая, который становится все более влиятельным участником мировых экономических процессов: *Denn erstens leben wir in einer multipolaren Welt mit China als Spieler mit wachsender Bedeutung* (www.finanznachrichten.de, 13/06/2023). Скрытое значение данной метафоры связано с идеей конкуренции и баланса сил в мире, с важностью понимания новых социально-экономических реалий и адаптации к ним. В следующем примере посредством метафоры автор указывает на необходимость работы в команде: *Statistiken sind etwas für Verlierer, Teamspieler sind Gewinner* (rp-online.de, 14/08/2023). Командная работа подразумевает сотрудничество и взаимодействие между членами группы ради достижения общей цели – в экономической сфере, как и в спорте, успешными становятся те, кто умеет работать в команде и соблюдать баланс между индивидуальными результатами и коллективными усилиями, кто осознает преимущества командной работы перед индивидуальной конкуренцией.

Особую смысловую нагрузку в экономическом дискурсе получают метафоры шахматной игры. В следующем примере взаимоотношения (в т.ч. торгово-экономические) между Китаем и США сравниваются с шахматной партией, основанной на стратегическом мышлении и предполагающей попытки предугадать ходы соперника: *China und die USA, so scheint es, sitzen sich derzeit wie bei einem Schachspiel gegenüber* (www.tagesschau.de, 20/02/2023). Скрытое значение данной метафоры, вызывающей ощущение напряженного ожидания, связано с необходимостью проявлять осмотрительность во избежание просчетов и сохранение контроля над ситуацией. В другом примере данная метафора подчеркивает необходимость долгосрочного стратегического планирования в финансовой сфере, где каждый ход может иметь серьезные последствия и потому должен основываться на тщательной оценке воз-

можных рисков: *Dies ist ein strategisch und oft auch finanziell kluger Schachzug* (www.finanznachrichten.de, 20/01/2023).

Тема конкуренции, представляющей собой соревнование/ состязание субъектов экономической деятельности, активно поддерживается лексемами *Wette*, *Wettkampf*, *Wettlauf*. В следующем примере метафора «пари/ ставка» применяется для освещения экономической ситуации в строительной отрасли, которая тесно связана с изменениями процентных ставок, влияющих на доступность кредитов, и затратами, определяющими рентабельность проектов: *Auf die Zinswende oder sinkende Kosten in der Baubranche zu spekulieren, sei keine aussichtsreiche Wette* (www.tt.com, 13/10/2023). Значение метафоры связано с нестабильностью и непредсказуемостью рынка, который слишком изменчив, чтобы полагаться на спекуляции. Метафора подчеркивает необходимость осторожного подхода к финансовым решениям в условиях высокой неопределенности. В другом примере метафорически осмысливается конкуренция среди крупных технологических компаний в области разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта: *Die Weichen für den Wettkampf der Tech-Riesen bei künstlicher Intelligenz sind gestellt* (www.tagesschau.de, 08/02/2023). Метафора подчеркивает переход от стадии подготовки к фазе активного соревнования и создает определенное напряжение, потому что каждый участник понимает, что ему предстоит борьба за лидерство, в которой решающую роль будет играть способность компаний максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы. В следующем примере конкуренция между различными субъектами экономической деятельности приобретает форму гонки: *An dem neuen Wettlauf beteiligen sich nicht nur Staaten, sondern auch Privatunternehmen* (www.welt.de, 08/08/2023). Метафора подчеркивает изменение ролей участников глобальной «гонки»: если раньше основными акторами были государства, то теперь на исход «соревнования» в не меньшей степени влияет частный бизнес.

К продуктивным элементам сферы-источника рассматриваемой метафорической проекции следует отнести лексему *Rally*, подчеркивающую динамизм происходящих в экономике процессов. Особенно часто данная метафора фиксирует стремительные изменения цифровых показателей (цен, процентных ставок, стоимости активов и т.д.) на мировых рынках: *Die Ölpreise setzten indes ihre Rally fort* (www.wiwo.de, 22/12/2023). *Denn die Papiere der italienischen Großbank haben eine wahnsinnige Rally hinter sich* (www.finanznachrichten.de, 20/11/2023). *Nach der Rally zum Jahresstart rechnen viele deutsche Anleger nun mit einem Rücksetzer* (www.handelsblatt.com, 13/02/2023). *Nach der jüngsten Rally haben Anleger an der Wall Street auch zum Wochenaufakt weiter bei Aktien zugegriffen* (www.tagesschau.de, 18/12/2023). Так в первом примере с автогонками сравнивается динамика цен на нефть, в последующих примерах – резкий рост стоимости ценных бумаг, обеспечивающий быстрый и значительный прирост стоимости активов. Метафора указывает на непредсказуемость рынка, провоцирующего существенные колебания цен, и вызывает чувство беспокойства, поскольку такая динамика несет потенциальные риски.

На сложность и продолжительность некоторых процессов в области социально-экономической жизни, требующих больших усилий со стороны всех участников данных процессов, указывают метафоры, содержащие лексему *Marathon*. В следующих примерах «марафонская сессия»/ «переговорный марафон» завершается достижением компромисса, соответствующая метафора в силу успешного преодоления разногласий вызывает чувство удовлетворения: *Zufrieden zeigen sich Dienstag die Verhandler nach der Marathonsitzung und dem Abschluss des Kollektivvertrags für die Beschäftigten im privaten Pflege-, Gesundheits- und Sozialbereich* (salzburg.orf.at, 28/11/2023). *Das teilten die Schweizer Regierung und die beiden Banken am Sonntagabend nach einem Verhandlungsmarathon mit* (www.morgenpost.de, 20/03/2023). В других примерах стороны так и не приходят к соглашению, вследствие чего метафора «переговорного марафона» вызывает чувства усталости и разочарования: *Im Verhandlungsmarathon zwischen der Gewerkschaft Verdi und der Deutschen Post bleibt unklar, ob es zu einem unbefristeten Streik kommen könnte* (www.kn-online.de, 11/03/2023). *Im Tarifstreit im öffentlichen Dienst haben Verdi und Arbeitgeber auch nach drei Tagen Verhandlungsmarathon keine Lösung gefunden* (www.fr.de, 30/03/2023).

Интересны метафоры с лексемой *Schergewichte*, представляющей значимых игроков экономики. В следующем примере посредством метафоры «тяжеловесы» подчеркивается влияние крупных промышленных компаний, таких как Linde и Biontech, на экономику Германии, которая после их ухода может утратить конкурентоспособность: *Schergewichte der Industrie wie Linde oder Biontech kehren Deutschland den Rücken* (www.merkur.de, 27/02/2023). В других примерах речь идет о позициях ключевых игроков Еврозоны на фондовых биржах и их влиянии на рынки: *Der als Börsenbarometer für die Schergewichte der Eurozone zeigte sich etwas fester* (www.manager-magazin.de, 14/07/2023). *Die Anteile der Schergewichte bilden keine Stütze für den Markt* (www.cash.ch, 11/08/2023). Метафора подчеркивает важность стабильного состояния ключевых секторов экономики, которые служат основой для общего благополучия региона.

Таким образом, спортивная метафора обладает существенным потенциалом для представления экономических процессов и их участников и активно используется средствами массовой информации для отражения текущего состояния экономики, подчеркивая сложность, динамизм и непредсказуемость экономических процессов и необходимость выработки определенных стратегий и тактик, наличия взвешенных подходов к принятию решений.

Литература

Бадаева Н.В. Модели концептуальной метафоры в экономическом дискурсе немецкоязычных сетевых масс-медиа: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Клущина Е.В., Тимралиева Ю.Г. Метафора болезни при представлении экономического кризиса в европейском медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 1 (57). С. 47-50.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисловием А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004.

J.G. Timralieva (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University of Economics

SPORTS METAPHOR IN ECONOMIC DISCOURSE OF GERMAN-LANGUAGE MEDIA

This article is devoted to the functioning of the sports metaphor in the economic texts of modern German-language media. The article identifies the key elements of the source sphere of metaphorical projection, analyzes the pragmatic potential and hidden meanings of the presented metaphors.

Key words: sports metaphor, economic discourse, media language

Е.А. Травина (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики
travkater@gmail.com*

“THESE WOMEN ARE FIERCE”: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ МЕДИАОБРАЗА ЖЕНЩИН-МАОРИ В ДИСКУРСЕ НОВОЗЕЛАНДСКИХ СМИ

Исследование посвящено медиаобразу женщин-маори, формируемому новозеландскими СМИ. Рассматривается реализация гендерного компонента образа женщин маори на лексическом уровне в новозеландском медиадискурсе. Анализируются лексические средства, используемые для конструирования семантического содержания образа героинь рассматриваемых публикаций.

Ключевые слова: медиадискурс, медиаобраз, маори, Новая Зеландия, дискурсивный анализ

Этноним *Māori* – самоназвание переселенцев полинезийского происхождения, являвшихся основным населением новозеландских островов до прибытия европейских завоевателей. Традиционно *wāhine Māori* (маор. женщины-маори) могли занимать высокое общественное положение, а на протяжении колониальной истории страны женщины маори наравне с мужчинами продолжали борьбу за свои права и за свои родные территории на островах. Сегодня в рамках ренессанса традиционной культуры происходит рост этнического самосознания представительниц данной этногендерной группы, и женщины маори все больше интересуются родными традициями, языком и культурными практиками.

В центре настоящего исследования находится медиаобраз представительниц аборигенного населения, создаваемый новозеландскими СМИ. Под медиаобразом понимается, с одной стороны, особый образ реальности, конструируемый в медиатекстах [Зелянская 2014:121]; с другой стороны, образ, воспринимаемый через медиасферу, совокупность эмоциональных и рациональных представлений о чем-либо, основанных на информации, полученной из медиапространства [Драчева 2019:137]. Целью исследования был анализ лексических средств, используемых для реализации гендерного компонента образа женщин маори в исследуемом медиа-

дискурсе, а также анализ лексических средств, используемых для конструирования семантического содержания образа героинь публикаций. Материалом послужили 100 публикаций, опубликованные в четырех новозеландских интернет-изданиях в период с 2014 по 2024 г.: 1) *The New Zealand Herald*; 2) *E-Tangata*; 3) *Woman Magazine New Zealand*; 4) *Newsroom*.

С точки зрения номинативного аспекта, гендерный компонент образа женщин маори актуализируется в исследуемом материале за счет ряда гендерно маркированных номинаций. Ключевой номинацией этногендерной группы женщин-маори в исследуемом материале является маорийская лексема *wāhine*. Примечательно, что количество употреблений данной лексемы в анализируемых медиатекстах превышает количество употреблений английской лексемы *woman* почти в три раза (было выявлено 197 случаев употребления лексемы *wāhine* и 68 – лексемы *woman*). Таким образом, именно маорийское заимствование становится предпочтительным способом номинации исследуемой этногендерной группы. Особый интерес представляет гендерно маркированное устойчивое словосочетание (*Māori*) *wāhine toa*. В словаре Oxford English Dictionary дается следующее определение данному понятию: *in Māori contexts: a female warrior; (in extended use) any strong or brave woman* [OED]. В исследуемых статьях эта номинация используется авторами во втором значении, в котором, как видно из приведенного определения, содержится семантический компонент храбрости и силы. Данное словосочетание, как правило, встречается в контекстах, связанных с успешной деятельностью героинь, их достижениями, заслугами, выдающимися качествами и способностями. Так, в примере 1, представляющем собой отрывок из интервью с писательницей коренного происхождения, героиня соотносит себя с этногендерной группой женщин маори; маркером идентификации персонажа с этой общностью выступает местоимение первого лица множественного числа *we*. По отношению к анализируемой этногендерной группе используются гендерно маркированные номинации *Māori Wāhine Toa* и *mothers*, а также номинация по семантическому признаку *carers*, и подчеркивается способность таких женщин созидательно трудиться во имя будущих поколений маори (*have the tools to make the path smoother for our future generations*):

(1) *Our tamariki and rangatahi are faced with many challenges nowadays and we as mothers and carers have solutions that have the ability to cleanse and clear the way. We as Māori Wāhine Toa have the tools to make the path smoother for our future generations. So that they can thrive and survive in a world that is forever changing* [Awarau 2023] (прим.: маор. *Rangatahi* – молодежь).

Кроме того, проведенный анализ показал, что среди многообразия оценочной лексики, применяемой для характеристики героинь в исследуемых медиатекстах, можно выделить обширную группу качественных прилагательных, относящихся к семантическому полю храбрости и силы. В данную группу можно включить такие прилагательные, как *strong, fierce, fearless, tough, powerful, courageous, brave*.

В анализируемых публикациях самыми высокочастотными прилагательными из этой группы являются лексемы *strong* (31 употребление) и *fierce* (25 употреблений). Согласно данным Британского национального корпуса (British National Corpus, BNC), прилагательное *strong* обладает гораздо более высокой частотностью употребления, чем прилагательное *fierce* (показатель частотности для *strong* (15 584) превышает показатель частотности для *fierce* (1 513) почти в десять раз) [BNC]. Тот факт, что в исследуемых медиатекстах низкочастотная в английском языке лексема *fierce* используется лишь в 1,5 раза реже высокочастотной лексемы *strong*, может свидетельствовать о том, что прилагательное *fierce* обозначает качество, имеющее большое значение в структуре медиаобраза женщин-маори. В словаре Cambridge Dictionary приводится несколько значений прилагательного *fierce*: 1) *physically violent and frightening*; 2) *strong and powerful*; 3) *showing strong feeling or energetic activity*; 4) *looking confident and acting in a way that shows that you feel good about yourself and your appearance* [CD]. В рассматриваемых медиапубликациях чаще актуализируются значения 2 и 3 данного прилагательного, однако в ряде случаев также реализуется семантический компонент *frightening*, что можно продемонстрировать на примере следующих двух отрывков.

В примере 2 описывается ситуация, в которой мать героини публикации, не являющаяся маори по происхождению, испытывает культурный шок при столкновении с женщинами из семьи своего мужа маори. Для характеристики родственных героини статьи по отцовской линии используются оценочные прилагательные *powerful* и *fierce*; при этом, экспрессивность характеристики дополнительно подчеркивается графическим оформлением второго прилагательного, написанного заглавными буквами (*these women are FIERCE*). Словосочетание *totally out of her comfort zone* позволяет предположить, что лексема *fierce* в данном случае обладает семантическим компонентом *frightening*:

(2) *I've asked her what it was like to become a part of a Māori family when she'd had such a strong English upbringing. She tells me it was a huge culture shock. She was totally out of her comfort zone when she met Dad's **five powerful sisters**. I mean, **these women are FIERCE** [Sharman 2018].*

Данное оценочное прилагательное, наряду с другой оценочной лексемой *fearless*, используется для характеристики известной маорийской политической активистки Титевай Харавира в примере 3. Словосочетание *death stare* также позволяет сделать вывод о реализации компонента *frightening* в лексеме *fierce*. Кроме того, личные качества героини характеризуются идиомой *to take no prisoners* (*to be very determined and not care about other people's feelings when trying to achieve something* [CD] – быть очень решительным и не заботиться о чувствах других людей при стремлении к достижению поставленной цели):

(3) *And Titewhai was in the thick of it. **Fierce, fearless, take no prisoners**. Dishing out her death stare. She was a force to be reckoned with [Maniapoto 2023].*

Таким образом, номинативный аспект гендерного компонента медиаобраза женщин маори в новозеландском дискурсе СМИ представлен в первую очередь различными гендерно маркированными номинациями, главными из которых являются маорийская лексема *wāhine* (маор. женщина) и устойчивое маорийское словосочетание *wāhine toa* (маор. женщина-воительница, сильная женщина). Среди многообразия оценочной лексики, используемой для характеристики героинь, особый интерес вызывает группа прилагательных с общими семантическими компонентами «courage» и «strength», в частности, прилагательное *fierce*, что свидетельствует о том, что такие качества, как храбрость, сила и уверенность, являются одними из ключевых для медиаобраза женщин-маори в современном новозеландском медиадискурсе.

Литература

Драчева Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 134-146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaobraza-i-ego-opisanie-v-yazykovedcheskom-i-neyazykovedcheskom-aspektah>

Зелянская Н.Л. Медиаобраз политика: интернет-сообщество как агент политической реальности // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 120-126.

Awarau A. Comedian Kura Turuwhehua is proud to perform with moko kauae // Woman Magazine New Zealand, 2022. URL: <https://womanmagazine.co.nz/comedian-kura-turuwhenua-is-proud-to-perform-with-moko-kauae/>

British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

Maniapoto M. Just don't call her an activist // E-tangata. A Māori and Pasifika Sunday magazine. 2023. URL: <https://e-tangata.co.nz/korero/just-dont-call-her-an-activist/>

Oxford Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

Sharman A. My mother is Pākehā – and I love her // E-tangata. A Māori and Pasifika Sunday magazine. 2018. URL: <https://e-tangata.co.nz/reflections/my-mother-is-pakeha-and-i-love-her>

E.A. Travina (St. Petersburg, Russia)

*St. Petersburg State University of Information Technologies,
Mechanics and Optics*

“THESE WOMEN ARE FIERCE”: ON THE SEMANTIC CONTENT OF MEDIA REPRESENTATIONS OF MAORI WOMEN IN NEW ZEALAND MEDIA DISCOURSE

The study focuses on the media representation of Māori women as shaped by New Zealand media. It examines the realization of the gender component in the image of Māori women at the lexical level within New Zealand media discourse. The analysis focuses on the lexical means used to construct the semantic content of the images of the heroines in the examined publications.

Key words: media discourse, media representation, Maori, New Zealand, discourse analysis

*Е.В. Троценкова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru*

РЕАПРОПРИАЦИЯ ЦЕННОСТИ FREE SPEECH В РЕСПУБЛИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются проблемы апроприации и реапроприации ценности противоборствующими политическими группами. Изучаются коммуникативные действия, направленные на легитимацию для своей группы опоры на ценность FREE SPEECH в дискуссиях. Проведенный анализ лексической, стилистической, синтаксической координации пользователей выявил комплексный координационный паттерн, реализующий 1) утверждение важности ценности FREE SPEECH, 2) дополнительное повышение ее веса в ценностной системе за счет ассоциирования с другими ценностями, 3) формирование впечатления, что эта ценность под угрозой со стороны демократов и позиционирование своей группы как защитников, 4) активизация своей группы на борьбу за отстаивание ценности. Это позволяет считать данный координационный паттерн частью как защитных, так и атакующих коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: ценность FREE SPEECH, предвыборный общественно-политический дискурс, апроприация ценности группой, реапроприация ценности, коммуникативное воздействие

Для верного понимания обсуждаемых проблем прежде всего следует оговориться, что понятие «value appropriation» не используется здесь в том смысле, как оно часто встречается в англоязычных исследованиях бизнес-процессов, напр. [Di Gregorio 2013; Memili и др. 2015], когда речь идет об апроприации материальных ценностей. Говоря о «присвоении этической ценности» той или иной группой, нужно отличать его и от понятия «интериоризация ценности» в психологии, социологии и педагогике, когда подразумевается внутриличностный процесс усвоения ценности индивидом как продукта общественного опыта и культуры в процессе воспитания и обучения, включение ценности в структуру сознания личности для опоры в последующей деятельности [Бровченко 2004: 8-9; Огородников 2014: 165]. В лингвокультуре США в предшествующие десятилетия наблюдалась устойчивая оппозиция групп ценностей FREE SPEECH, DEMOCRACY, TOLERANCE с одной стороны, и PATRIOTISM, SECURITY, с другой [Троценкова 2012], чем пользовались в коммуникативных стратегиях как про-демократически, так и про-республикански настроенные пользователи социальных медиа. В дискуссиях наблюдалось своеобразное «перетягивание каната»: каждая группа комментирующих в аргументации старалась использовать максимальное количество ценностей как опорные для поддержки своей позиции по какому-либо вопросу [Троценкова 2014 (б): 143, 150]. Однако анализ стратегий партийных групп также показал «тенденцию присваивать исключительное право на защиту некоторых ценностей» [Троценкова 2014 (а): 245]. Противоположной группе как бы отказывали в праве использовать ту или иную ценность в своей аргументации, а попытки сделать это высмеивались оппонентами. В отношении FREE SPEECH, DEMOCRACY, TOLERANCE такая апроприация наблюдалась со стороны демократической партии.

Соответственно, здесь под «апроприацией ценности» группой понимается результат манипулятивных дискурсивных практик, цель которых представить свою группу как единственную защитницу этой ценности и сформировать общественное мнение таким образом, чтобы создать впечатление, что у оппонентов нет морально-го права опираться на эту ценность в своих заявлениях. Понятие «реапроприации ценности» мыслится как родственное идее реклейминга – термина, описывающего ситуации, когда группа, подвергавшаяся дискриминации и унижению, в т.ч. в языковом плане, например, через навешивание негативных ярлыков, со временем возвращает их себе с переосмысленным знаком оценки [Никитина, Сергаева 2018; Горлова 2024]. Реапроприация ценности – это коммуникативные действия, направленные на то, чтобы вновь легитимизировать для своей группы опору на эту ценность в дискуссиях. На материале постов Илона Маска и других пользователей в социальной сети X (бывш. Twitter, заблокирована РКН на территории РФ) по поводу ареста П. Дурова и блокировки X в Бразилии (конец августа– начало сентября 2024) проводится дискурс-анализ реапроприации ценности FREE SPEECH про-республикански настроенными пользователями.

Рассмотрение комментариев с позиций коммуникативной координации пользователей в первую очередь в лексическом плане и с точки зрения используемых стилистических приемов, главным образом метафор, а также иконических элементов поликодовых сообщений, позволило выявить единый комплексный координационный паттерн [Трощенкова 2020: 14–15], совместно реализуемый группой с целью реапроприации ценности FREE SPEECH. В этом координационном паттерне можно выделить несколько взаимосвязанных логических блоков, выстраивающихся в целостную аргументативную схему, которая реализуется общими коммуникативными усилиями массы пользователей. Следует учитывать, что хотя в представленной модели можно видеть цепь последовательных логических шагов-переходов от одного блока к другому, в реальности разные пользователи могут своими постами активировать блоки и связи между ними параллельно, кроме того, многие вовлеченные в этот процесс, по всей видимости, не осознают общую аргументативную схему целиком, внося, тем не менее, важный вклад в ее реализацию.

В целом, описываемый координационный паттерн выглядит следующим образом. Во-первых, подчеркивается важность FREE SPEECH как ценности в ценностной системе за счет обсуждения общественных и культурных последствий наличия/отсутствия свободы слова и координации в использовании метафор по повторяющейся синтаксической схеме «free speech is X» (*Free speech is the cornerstone of a free society; Free speech is the bedrock of a democracy; Free speech and open conversation are a bedrock to thriving communities; Freedom of speech is the litmus test for a truly free society; Freedom of Speech is a God given right and the law of the United States; freedom of speech is like breathing air*). В связи с буквализмом повторов в некоторых сообщениях можно предположить участие ботов в целенаправленном развитии координационного паттерна.

Во-вторых, подчеркиваются ассоциативные связи этой ценности с другими (напр. *Free speech is the foundation of **democracy**; Freedom of Speech is a **God** given right and the **law of the United States**; **Privacy** is a prerequisite of freedom*), что дополнительно повышает ее значимость, поскольку речь начинается идти уже о всей совокупности ценностей.

Далее, в-третьих, развивается коммуникативная стратегия угрозы. События, вызвавшие обсуждение, позиционируются как серьезная угроза свободе слова, см. напр., пост И. Маска *Freedom of speech is under massive attack around the world*. Идет лексическая координация вокруг идей цензуры и авторитаризма: *The debate over free speech and **censorship** is a very good proxy for the broader contest between freedom and **authoritarianism**; <...> paves the way for **unchecked government power**; The first thing they **come after** is the freedom of speech...the rest will naturally follow; God given right and that is to defend oneself against **oppression and tyranny**; The embrace of freedom of speech and rejection of **authoritarianism** <...> The bedrock of these principles is freedom from **government censorship**; Protecting free speech is essential to preserving democracy and keeping **authoritarianism** at bay*. Происходит спецификация источника угрозы до оппонентов-демократов, указанная лексическая координация сохраняется: *The left's strategy is to **destroy** anyone who challenges them with smear campaigns and misinformation; Kamala Harris has already taken action, threatened Mark Z and Meta to **censor** and **suppress** US; She wants to **destroy** X; fascists, tyrants, authoritarians, totalitarians, the kim jong-uns, the Nazis & the US democrats*. Происходит репрезентация своей группы (Маска, X, Республиканцев) как единственной защиты от обозначенной угрозы: *Elon and Trump – the duo **protecting** free speech while the rest of the world tries to suppress it; X **saved** the world. Free speech for all 🤝; I appreciate you **stepping into this fight**, Elon 🐘; Purchasing X **saved** free speech in this country; **Without** X **where could** we be airing our grievances; X **provide** freedom of speech for everyone sanity*.

Наконец, в-четвертых, в паттерне наблюдается блок активизации своей группы через призыв к борьбе. Здесь существенную роль играет лексическая координация вокруг идей борьбы и сопротивления: ***The battle for** free speech is a bellwether for the struggle between liberty and tyranny; Free speech is very important thanks Elon for **fighting**; We are **committed to standing by your side in the fight for Free Speech for All!** Let us know how those with less influence can **contribute more?**; We are in a **fight** for freedom or communism; The **fight** can still be won, even if we are surrounded: Brazil UK Canada; **Fight for freedom!**; We choose freedom and will **Resist** Authoritarianism*.

Таким образом, общими усилиями группы реализуется попытка модифицировать общественное мнение с целью реапроприации ценности FREE SPEECH, причем, как видно из описанного координационного паттерна, происходит не только «возвращение себе» права опоры на эту ценность в рассуждениях, но также зеркальная попытка лишить этого права своих оппонентов – демократов. Соответственно, можно делать вывод о том, что анализируемый координационный паттерн – то часть не только защитной, но и атакующей коммуникативной стратегии.

Литература

Бровченко А.К. Зависимость формирования направленности личности в процессе интериоризации нравственных ценностей от особенностей воспитания в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004.

Горлова А.В. Реклейминг в современном американском дискурсе // *Universum: филология и искусствоведение: электронный научный журнал*. 2024. № 7 (121). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/17975>

Никитина Е.В., Сергеаева Ю.В. Реклейминг как социолингвистический феномен в современном английском языке // *Гуманитарий: традиции и новые парадигмы в науке о языке: сборник трудов конференции*. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. С. 112-117.

Огородников А.Ю. Роль интериоризации ценностей в формировании гармонично развитой личности // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 27. С. 164-169.

Троценкова Е.В. Вариативность в распределенных социокультурных репрезентациях комплексных ценностей в американской культуре и ее роль в аргументативных стратегиях (Гл. XIII) // *Язык как культурный код нации*. СПб.: СПбГУ, 2014а. С. 228-250.

Троценкова Е.В. Оппозиция ценностей Freedom и Security в американском общественно-политическом дискурсе // *Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты*. СПб: Университетские образовательные округа, 2014б. С. 143-151.

Троценкова Е.В. Координационные паттерны глобальных стратегий в условиях электронного участия пользователей в политической борьбе // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 1. С. 12-21.

Троценкова Е.В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // *Вестник Пермского университета. Серия: российская и зарубежная филология*. 2012. Вып. 2 (18). С. 24-34.

Di Gregorio D. Value Creation and Value Appropriation: An Integrative, Multi-Level Framework // *Journal of Applied Business and Economics*. 2013. Vol. 15 (1). Pp. 39-53.

Memili E., Fang H.C., Welsh D.H. Value Creation and Value Appropriation in Innovation Process in Publicly-Traded Family Firms // *Management Decision*. 2015. Vol. 53. № 9. Pp. 1921-1952.

E.V. Troshchenkova (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg State University

REAPPROPRIATION OF THE FREE SPEECH VALUE IN THE REPUBLICAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

The article deals with the problems of appropriation and reappropriation of the value by opposing political groups. It is a study of communicative actions aimed at legitimizing for one's own group the reliance on the FREE SPEECH value. Analysing lexical, stylistic, syntactic coordination of users has revealed a complex coordination pattern realizing 1) the statement of importance of value FREE SPEECH, 2) additional increase of its weight in value system due to association with other values, 3) creating an impression that this value is under threat from Democrats and positioning Republican group as defenders, 4) activation of the group for struggle to defend the value. This allows us to consider this coordination pattern as a part of both defensive and attacking communicative strategies.

Key words: FREE SPEECH value, pre-electoral socio-political discourse, value appropriation by the group, value reappropriation, communicative influence

Л.А. Тюкина (Ярославль, Россия)

*Ярославский государственный технический университет
ltyukina@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ АНЕКДОТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья рассматривает англоязычные анекдоты и выражение комического в них с точки зрения когнитивистики. Приводятся примеры англоязычных анекдотов, в которых используются такие приемы комического как когнитивный диссонанс, игра слов, парадокс и др. Рассматриваются метапрагматические особенности юмора. Делается вывод о том, что юмористический дискурс требует от реципиента высокой степени когнитивной гибкости.

Ключевые слова: анекдот, инконгруэнтность, когнитивные механизмы юмора, когнитивный диссонанс, юмор

Юмор играет важную роль в жизни людей, позволяя им справляться со стрессом, укреплять социальные связи и выражать идеи, которые иначе могли бы показаться неподобающими. В когнитивной лингвистике юмористический дискурс рассматривается как особый вид коммуникации, построенный на тонких нюансах языковых и культурных моделей. Особую роль в этой области играют анекдоты, в которых проявляются глубинные когнитивные механизмы и культурные установки, присущие англоязычному сообществу. Одна из основных функций юмора – эмоциональная регуляция. Смех и радость помогают снизить уровень стресса, с которым мы сталкиваемся каждый день. Когда нас что-то пугает или беспокоит, мы часто обращаемся к юмору, чтобы справиться с ситуацией. Это простой способ избежать неприятных тем, принижая их значение. Анекдоты отражают именно тот этап развития событий, на котором мы обычно находимся.

Проблемам когнитивистики юмористического дискурса посвящены труды британского ученого Аластара Кларка. Он разработал теорию распознавания структур юмора, которая объясняет глубокие ментальные процессы восприятия юмора и его возникновение при распознавании мозгом когнитивных структур [Clarke 2013]. Среди отечественных исследователей выделим работы М.В. Мусийчук [Мусийчук 2010], В.В. Красных [Красных 2013], В.И. Карасика [Карасик 2014]. Так, М.В. Мусийчук выделяет в своем исследовании несколько когнитивных механизмов юмора, таких как коммуникативный, креативный, гелозоический, аксиологический [Мусийчук 2010].

На наш взгляд, очень точно описывает процесс комической передачи восприятия окружающего мира с точки зрения когнитивистики Т.И. Дровозов: «Когнитивный процесс комического отражения мира проявляется в многообразных формах и представляет собой движение от предварительного познания и осмысления – к суждению (оценке), выражению критического (эмоционально-ценностного) отношения в конкретной форме. Комическое высказывание не содержит нового знания: отражая реальную действительность, оно предьявляет адресату субъективный образ объек-

тивного мира через внутреннюю оценку говорящим знания, уже полученного им в предыдущем опыте» [Дрововоз 2011: 166].

Целью данной статьи мы ставим рассмотрение основных когнитивных аспектов юмористического дискурса в англоязычных анекдотах. Кроме этого, попробуем выяснить, как они соотносятся с восприятием и пониманием юмора.

Юмор воспринимается нами через когнитивные механизмы восприятия. Юмор, и анекдот, в частности, часто основан на нарушении ожиданий и создании когнитивного диссонанса [Уханова 2019]. По теории инконгруэнтности, т.е. несоответствия между ожидаемым и реальным, анекдоты вызывают смех, так как нарушают стереотипы и шаблоны мышления, что вызывает реакцию на когнитивном уровне.

В англоязычных анекдотах такие несоответствия часто проявляются через игру слов, парадоксы, двусмысленность и сарказм. Например,

*Why don't scientists trust atoms? Because they **make up** everything.*

В данном анекдоте игра слов строится на двусмысленности фразы “make up” – «состоять из чего-то» и «вымышлять». Наше ожидание подвергается «обману», так как предполагается одно значение, а открывается другое, что вызывает юмористический эффект.

В анекдотах также часто используют парадоксальные структуры для создания когнитивного диссонанса. Например,

*Why did the scarecrow win an award? Because he was **outstanding in his field**.*

В данном случае фраза «outstanding in his field» двусмысленна, что вызывает комичное восприятие, сочетая метафору и буквализм. Анекдот основан на игре слов с употреблением слова «выдающийся». В обиходе «выдающийся» – это прилагательное, означающее «исключительно хороший» или «особенный». Поэтому, когда мы слышим, что пугало получило награду, мы сначала думаем, что оно сделало что-то исключительное или достойное внимания. Однако в конце концов слово получает буквальное толкование. Пугало обычно ставят на полях, чтобы отпугивать птиц от урожая. Поэтому пугало «стоит на своем поле».

Безусловно, анализируя корпус англоязычных анекдотов, можно говорить и о метапрагматических особенностях юмора. Юмор всегда контекстуален и зависит от культурного контекста, в котором он воспринимается. Анекдоты в англоязычной лингвокультуре часто строятся на культурных и социальных стереотипах, иронии и самоиронии, что требует от реципиента определенных метапрагматических знаний. Понимание таких анекдотов зависит от способности интерпретировать культурные намеки и отсылки. Например,

How many software engineers does it take to change a lightbulb? None. That's a hardware problem.

В этом анекдоте юмор основан на стереотипе о разделении обязанностей среди специалистов в IT-сфере. Для понимания шутки необходимо обладать знаниями о специфике работы программистов и инженеров, а также о «специализации» в данной области [Тюкина 2024]. Данный анекдот относится к не очень многочислен-

ному числу анекдотов, которые существуют во многих лингвокультурах в одном и том же содержании, но меняется профессия, поскольку анекдот такого типа «вопрос – ответ» применим к большому количеству профессий и жизненных ситуаций [Тюкина 2023].

В англоязычных анекдотах часто нарушаются максимы Грайса, что также создает юмористический эффект. Эти нарушения вызывают смех, когда ожидаемая структура диалога намеренно меняется.

Is it true that cannibals don't eat clowns because they taste funny?

В этом примере нарушена максима качества: предлагается абсурдная идея, что клоуны «вкусные» в буквальном смысле, и это вызывает комический эффект. Анекдот вызывает когнитивный диссонанс, так как наша система ценностей и понимание вкуса сталкиваются с абсурдом.

Кроме того, анекдоты отражают культурные стереотипы и архетипы, помогающие реципиенту быстрее воспринять ситуацию. Например, в англоязычных анекдотах распространены шутки о «глупых» англичанах, «наивных» американцах и «практичных» немцах, что также требует культурного контекста для адекватного восприятия. Например,

What's the difference between an Englishman and an American? The Englishman gets out of the shower to have a pee.

Данный анекдот использует стереотип о том, что англичане педантичны и консервативны. Подобные стереотипы являются культурными архетипами, которые вызывают улыбку у носителей языка благодаря контрасту в подходах к повседневным действиям.

Часто юмор в анекдотах строится на когнитивных метафорах и аналогиях. Метафоры позволяют людям по-новому интерпретировать ситуации, связывая абстрактные понятия с повседневными.

Why did the math book look sad? Because it had too many problems.

Здесь метафора «проблем» математической книги ассоциируется с личными проблемами, что вызывает комическое восприятие. Для понимания шутки важно уметь распознавать связь между метафорическими смыслами и буквальным значением.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что юмористический дискурс в англоязычных анекдотах требует от реципиента высокой степени когнитивной гибкости, умения быстро переключаться между различными значениями и распознавать культурные контексты и стереотипы. Когнитивные механизмы восприятия юмора включают инконгруэнтность, парадоксальность, метапрагматическое понимание и нарушение коммуникативных максим. Анекдоты отражают сложные когнитивные и культурные структуры, показывая, как взаимодействие языка и культуры создает многослойные юмористические эффекты.

Литература

Дровозов Т.И. Когнитивные особенности перевода юмористического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28 (243). С. 165-168.

Карасик В.И. Языковое проявление личности: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.
Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 2. С. 7-18.

Мусийчук М.В. Когнитивные механизмы юмора в структуре комического // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: философия. 2010. № 2. С. 176-189.

Тюкина Л.А. Лингвопрагматика юмора. Ярославль: Ярославский государственный технический университет, 2023.

Тюкина Л.А. Сравнительно-сопоставительный анализ юмора программистов (на примере англо- и русскоязычного анекдота) // Казанская наука. 2024. № 5. С. 48-52.

Уханова М.А. Почему нам смешно: классификация анекдотов по способу создания когнитивного диссонанса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. 2019. № 6 (822). С. 34-44.

Clarke Alastair. The Pattern Recognition Theory of Humour / Ritchie, Graeme // Humor. 2013. Vol. 26. No. 1. Pp. 181-183.

L.A. Tyukina (Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Technical University

COGNITIVE ASPECTS OF HUMOROUS DISCOURSE ON THE EXAMPLE OF JOKES IN ENGLISH-SPEAKING LINGUOCULTURE

The paper considers English-language jokes and expression of comic in them from the point of view of cognitive science. The author gives examples of English-language jokes in which such comic techniques as cognitive dissonance, wordplay, paradox and others are used. The paper examines the metapragmatic features of humour. The author concludes that humorous discourse requires a high degree of cognitive flexibility by the recipient.

Key words: joke, incongruence, cognitive mechanisms of humour, cognitive dissonance, humour

A.C. Уженцева (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
 engurra@mail.ru*

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ КАК КРИТЕРИУ УСПЕШНОСТИ ПРОЦЕССА ОБЩЕНИЯ

В данной статье коммуникативная тональность трактуется как фактор успешности коммуникации, представляющий собой ключ общения, оформляющий высказывание в определенном эмоционально-стилевом регистре. Эффективность коммуникации обусловлена результативным двухсторонним взаимодействием участников общения, проявляющимся в правильной интерпретации слушающим тональной стратегии говорящего.

Ключевые слова: коммуникативная тональность, эффективное взаимодействие коммуникантов, тональная стратегия, интерпретация тональности

В современном мире вопрос эффективной и бесконфликтной коммуникации стоит особенно остро. В поисках экологичной модели продуктивного, исключающего недопонимание взаимодействия участников общения, современные исследователи обращаются к анализу различных факторов, влияющих на успешность

речевой деятельности. Н.Н. Болдырев изучает когнитивные основы бесконфликтной языковой коммуникации. Т.В. Ларина говорит о вежливости как системе коммуникативных стратегий и тактик, нацеленных на бесконфликтную коммуникацию [Ларина 2009: 167]. В.И. Шаховский рассматривает вопрос об экологичности языка и речи через призму эмоций [Шаховский 2015: 13]. Коммуникативная тональность, отражающая то, как и в каком формате подается информация, является, по нашему мнению, еще одним критерием эффективного диалога. В данной статье мы преследуем цель описать природу коммуникативной тональности и показать ее значимость как фактора успешности взаимодействия коммуникантов.

Обратимся к опыту описания коммуникативной тональности, накопленному в зарубежной и отечественной лингвистике, и остановимся на идеях, формирующих наше представление об этом феномене. В первую очередь, уделим внимание подходу М.А.К. Халлидея, заложившему основу представлений о тональности и давшему толчок для развития мысли о ней в работах других ученых. Он выделяет три основные характеристики регистра общения: сферу речевой деятельности (field), тональность (tenor) и модус (mode) [Halliday 1978: 31-35]. Эти параметры взаимосвязаны и, если дать определение тональности используя их, то можно сказать, что она отражает отношения участников коммуникативного взаимодействия, осуществляющих свою деятельность в определенной ситуации общения, используя при этом релевантные средства коммуникации. Несмотря на то, что современные определения тональности не исчерпываются представлением о ней как о характере отношений между собеседниками, мысль о ее связи с ситуацией общения представляется нам значимой при рассмотрении ее как фактора успешной коммуникации. В отечественной лингвистике сложилась традиция рассматривать тональность как текстовую категорию. Так, Т.В. Матвеева считает, что в текстовой тональности «воплощается эмоционально-волевая установка автора, его психологическое отношение к излагаемому, адресату или ситуации общения» [Матвеева 2014: 692]. Она выделяет мажорную, минорную и нейтральную виды тональности, объективирующие эмоционально-оценочное или объективное изложение информации автором. Эмоционально окрашивая свое сообщение, автор гармонизирует общение или вносит в него элемент деструктивности. В текстоцентрической концепции тональность представляется одним из типов субъективной модальности. Эта идея восходит к подходу Ш. Балли о разделении высказывания на диктум, номинативный план, пропозицию, суждение, и модус, модальный план, или отношение автора к суждению [Балли 1955: 44]. Так, Т.О. Багдасарян рассматривает тональность как способ представления текста автором, при котором он выражает свое отношение к тексту, реципиенту, действительности и к себе самому в дополнительных характеристиках, окрашивающих пропозицию в соответствующие тона с учетом сферы общения и личностных качеств коммуникантов [Багдасарян 2002: 240]. В данном определении подчеркивается значимость авторского выбора тональности, учитывающего способность реципиента дать на нее адекватную реакцию, что в итоге обеспечивает успешность общения. Все чаще коммуникативная тональность изучается в иссле-

дованиях, посвященных дискурсу. Так, А.Г. Баранов рассматривает тональность как дискурсивную категорию, имеющую кластерный характер и представленную набором таких «симптомов» как ироничный, шуточный, официальный, конфликтный, агрессивный, алармистский, оптимистический, мажорный, минорный, политкорректный, доверительный и т.д. [Баранов 2015: 49]. Ценным в данном определении является то, что тональность трактуется как некий ключ, подсказывающий, как информация должна быть понята и оценена.

В.И. Карасик трактует коммуникативную тональность как эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения [Карасик 2009: 304]. Он отмечает, что коммуникативная тональность соотносится с принятыми в обществе типами дискурса. Данное определение наиболее полно и точно отражает наше представление о коммуникативной тональности как о факторе успешной коммуникации. В первую очередь, в нем тональность описывается как формат общения, позволяющий интерпретировать информацию в определенном эмоционально-стилевом регистре, что часто имеет большее значение для правильного толкования смысла высказывания, чем семантика лексических единиц, наполняющих его содержание. Иллюстрацией этому может служить анекдот о том, как мужчина обиделся на продавца пивного ларька: – *Не пойду больше к Клавке за пивом! – А что? – Да, она издевается, понимаешь! Нет бы написать «пива нет» [извинительно], так она же написала «пива нет» [с издевкой]* (<https://www.anekdot.ru>). В данном примере разные типы тональности позволяют актуализировать различные смыслы, вкладываемые говорящим в два неидентичных по тональности, но одинаковым по плану выражения высказывания. Определение В.И. Карасика отражает связь тональности и дискурса, который являясь средой ее актуализации, создает контекст, позволяющий правильно интерпретировать смысл всего сообщения. Например, произнесенная с иронией фраза: *Ну, Вася у нас опять отличник!* как комментарий преподавателя на выставляемую неудовлетворительную оценку не предполагает интерпретации слова *отличник* в прямом значении. Шуточная тональность в данном контексте заставляет нас считывать прямо противоположный смысл: *Вася опять получил двойку!* Выбор тональности в определенной ситуации общения обусловлен статусом коммуникантов в дискурсе. Так, если преподаватель в очередной раз не проверил тесты, учащиеся не отреагируют на это событие фразой: *Ну, Мария Петровна у нас опять молодец!* Роль ученика не позволяет в этой ситуации прибегать к иронии, не нарушив иерархию отношений внутри дискурса. Так, роли, выполняемые коммуникантами в рамках институционального типа общения, накладывают на них тональные ограничения. Определение В.И. Карасика описывает тональность как процесс двухстороннего взаимодействия коммуникантов, в котором каждый исполняет свою роль, значимую для успешной коммуникации. Так, адресант задает определенный смысловой вектор, кодирует в своем сообщении некий посыл к собеседнику, передающий его отношение к содержанию высказывания, а адресат, полагаясь на свой жизненный опыт, коммуникативную компетен-

цию и принадлежность к определенному социо- или этнокультурному сообществу корректно декодирует и интерпретирует обусловленные тональностью смысловые импликации автора сообщения. Проиллюстрируем значимость роли говорящего. Инициатор сообщения должен обеспечить правильную стратегию по выбору ключа общения, учитывающую способность слушающего адекватно интерпретировать интенции адресанта, а также верно спрогнозировать, какой эффект оно произведет. Например, учитель, называя ученика отличником в случае получения им уже не первой двойки, одновременно решает несколько педагогических задач. Он показывает свое снисходительное отношение к нерадивому ученику, т.к. сам факт возможности иронии в этой неприятной ситуации свидетельствует о ее обыденности и принятии ее педагогом и учеником. Карнавализация факта получения двойки, объективированная несоответствием между значением слова *отличник* и ситуацией, в которой оно сказано, задумана педагогом, чтобы вызвать у слушающих определенную реакцию – взрыв смеха. С одной стороны, это поддерживает имидж преподавателя как человека, находящегося с учащимися на одной волне, а с другой, он использует эту коллективную реакцию на шутку как средство порицания неуспешной учебы, т.к. смеясь над формой подачи информации, шуткой, школьники одновременно высмеивают стоящей за ней факт плохой успеваемости. Таким образом, хорошо продуманная тональная стратегия общения обеспечивает его результативность, проявляющуюся в демонстрации ожидаемых речевых и поведенческих реакций адресата. Подчеркивая зависимость эффективности общения от слушающего, вслед за В.В. Дементьевым отметим, что итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом [Дементьев 2006: 13], следовательно, от его правильного толкования объективированных в диалоге смыслов зависит успешность коммуникации в целом. Верная интерпретация тональности общения важна не меньше, чем понимание содержание высказывания, и ее неправильное восприятие может лишить слушающего возможности адекватно декодировать сообщение. В качестве примера приведем следующую историю: *Двухлетняя девочка осталась вечером после дня рождения с бабушкой и почти довела ее до инфаркта тем, что, взяв свечку с торта, ходила за ней и повторяла «Молись и кайся!»». Пришедшие через час родители объяснили, что ребенок просто хотел посмотреть свой любимый мультфильм «Малыш и Карлсон» и не мог четко выговорить его название (А. Ткачев).* Темное время суток, возраст женщины, в котором часто думают о вечном, а также свечка в руках ребенка настроила реципиента на мистический лад, который заставил его воспринять выданную нейтральную по окраске фразу в ритуальном ключе. Эффект от неверно интерпретированной тональности оказался сильнее, чем рациональная необходимость точно декодировать сообщение, его смысл был понят неверно.

Завершая нашу статью, подчеркнем, что коммуникативная тональность является неотъемлемой характеристикой любого акта коммуникации. Оформляя высказывание в определенном эмоционально-стилевом регистре, она влияет на смысл всего сообщения и, как следствие, определяет результативность общения в целом. Успешность коммуникации обусловлена эффективным двухсторонним взаимодей-

ствием участников общения, проявляющимся в правильной интерпретации слушающим тональной стратегии говорящего.

Литература

Багдасарян Т.О. Тональность как компонент модели речевого жанра // Жанры речи: сборник научных статей. Вып. 3. Саратов: Государственный учебно-научный центр "Колледж", 2002. С. 240-245.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1955.

Баранов А.Г. Речевой жанр в системе дискурсивных структур // Медиалингвистика. 2015. № 2 (8). С. 47-57.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009.

Матвеева Т.В. Тональность текста // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2014. С. 692-694.

Шаховский В.И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // Вестник РУДН. Серия: лингвистика. 2015. № 1. С. 11-19.

Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.

Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: the Social Interpretation as Language and Meaning. London: Edward, Arnold, 1978.

A.S. Uzhentseva (Barnaul, Russia)

Polzunov Altai State Technical University

TONALITY AS A MEANS OF EFFECTIVE COMMUNICATION

The article presents communication tonality as key factor of successful communication. Tonality is understood as mode which relates the utterance to a certain emotional and stylistic register. Effective communication is conditioned by successful interaction of the interlocuters which is objectivized by the correct interpretation of the tonality strategy chosen by them.

Key words: communicative tonality, effective communicators' interaction, communicative tonality strategy, communicative tonality interpretation

Л.А. Усманова (Казань, Россия)

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
ustanova77@rambler.ru*

ОСОБЕННОСТИ СНОВИДЧЕСКОГО НАРРАТИВА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются особенности сновидческого нарратива в Интернет-пространстве. Выявляются семантические доминанты данного вида дискурса и показываются тенденции речевых сдвигов и трансформаций нарратива, обусловленные влиянием цифровой среды.

Ключевые слова: языковая картина мира, семантическая доминанта, рассказ о сновидении, интернет-дискурс, неопределенность, модальность кажимости

Направленность современной лингвистики не столько на язык, сколько на «человека говорящего», т.е. изучение языковой личности «в его способности к комму-

никации» [Седов 2016: 29], привела к тому, что в фокусе внимания исследователей оказались наиболее важные «человеческие» познавательные процессы – способность говорить и мыслить. Учет характера и формы использования языка в многообразных областях человеческой деятельности с их специфическими условиями и целями ориентирует исследователей на осмысление закономерностей дискурсно-жанрового построения коммуникативного пространства.

Исходя из общего определения жанра речи как «ментальной модели речевой коммуникации» [Балашова, Дементьев 2022: 11], сновидческий нарратив мы рассматриваем как «неверифицируемый психосоматический опыт», прошедший через систему «фильтрации» коммуникативных, культурных и традиционных установок и сценариев и воплотившийся в рассказах о снах в соответствии с моделями, установленными данным жанром. Отнесенность нарративов о снах к отдельной жанровой группе, или речевому жанровому образованию (по М.М. Бахтину), обусловлена спецификой представления в них информации на всех уровнях изложения: логико-семантическом, мотивно-образном, прагматическом, событийном и коммуникативном [Лазарева 2018; Сафронов 2016].

На первый план выдвигаются не просто отвлеченные формулы интерпретации сновидений (сонники), но и возникает потребность в учете системных связей представленных образов в комплексе с прагматическим контекстом. Все более актуальными становятся корпусные исследования сновидческих нарративов в аспекте изучения в них ключевых символических образов и дискурсивных моделей, позволяющих выявить национальные стереотипы и шаблоны восприятия [Берестнев 2013; Рассказы о сновидениях 2009].

Рассмотрение нарративов о снах в контексте семиотики и культурологии позволяет осмыслять их как разновидность фольклорных текстов, как продукт культуры, имеющий коллективную природу, поскольку любой рассказ о сновидении несет в себе отпечаток той культуры, к которой принадлежит нарратор. В рассказы о сновидениях включаются как характерные для культуры рассказчика нарративные схемы, культурно-специфические символы, так и индивидуальные паттерны и модели интерпретации, представляя некий симбиоз индивидуального и общего, который существует «где-то на грани между неопределенностью, хаосом («энтропией») сновидения и упорядоченностью традиции» [Сафронов 2016: 25].

Если устный сновидческий дискурс достаточно подробно изучен со стороны его просодических и семантико-синтаксических особенностей [Рассказы о сновидениях 2009], то рассмотрение письменных текстов сновидений в современной интернет-коммуникации остается малоизученной областью.

Язык Интернета отображает вектор развития языка в целом. Интернет как особый вид устно-письменного дискурса породил особое гибридное образование в виде «письменной разговорной речи» с характерными для нее спонтанностью, избыточностью, обилием жаргонизмов, сокращений и т.д. Можно констатировать

тот факт, что в интернет-дискурсе проявляются яркие черты постмодернизма: фрагментарность, нелинейность изложения, интертекстуальность, игровое начало, импровизация и т.п. Современная интернет-коммуникация – это новый вид языка на витке своей эволюции. Здесь язык находит способы для выражения того креативного потенциала, который позволяет ему расширять рамки и выходить за пределы, обогащаясь и видоизменяя свои формы и содержание.

Сновидческий нарратив как речевой жанр повседневного общения, переходя из т.н. «житейской идеологии» бытовой коммуникации в пространство Интернета, становится гибридным образованием, неся отпечаток нового коммуникативного пространства. С одной стороны, он сохраняет дискурсивные стратегии, свойственные устной монологической речи (рассказ о сне как бытовой жанр), с другой – в цифровом пространстве нарратив может превращаться в сторителлинг: на смену целостному, связанному смысловым единством изложению приходит клип, происходит «подмена текстуально оформленного словесного рассуждения фрагментарной россыпью визуальных образов» [Щедрин 2022: 135]. Доминантной чертой современной интернет-коммуникации становится субъективность, направленная на отражение мировосприятия пользователей сети, где «потоки речи сливаются с потоком сознания и потоком жизни» [Арутюнова 1999: 794].

В фокусе нашего внимания находятся лингвистические особенности интернет-форумов сновидений, где пользователи описывают свои сны, обсуждают и интерпретируют сновидения друг друга. Форумы как фатический жанр интернет-коммуникации представляют из себя асинхронный виртуальный полилог, где язык функционирует не как средство передачи мысли, а как контактоустанавливающий канал, выполняющий социально-прагматические функции. В связи с этим интересны механизмы реализации языка в «интерьере» сновидческого дискурса как отражения коллективного бессознательного и индивидуального.

Перевод событий сна на обыденный человеческий язык имеет свойство «уменьшения неопределенности и увеличения коммуникативности» [Лотман 1992: 224], поскольку пространство сновидений – это другая семиотическая система, «нереальная реальность», язык которой неудобен для передачи константных сообщений, но приспособлен к изобретению новой информации [Там же: 222].

Дискурс сновидений можно рассматривать как особый феномен, язык которого располагает своим арсеналом правил текстопорождения, своей грамматикой и синтаксисом, формулами-индикаторами сновидческого нарратива: дериватами лексики «сон», вербализаторами семантики «кажимости» в виде союзов *словно, будто, как будто* и т.п. [Niebrzegowska 1996]. Например, *Чувствовала холод, запахи, видела лес – но не так, как я видела бы его, а не знаю... как будто другими глазами – как через линзу, в других объемах, что ли* [Тонкий мир].

Следует отметить, что семиотическая неопределенность как доминанта сновидческого нарратива в целом показательна для русского языка и способна репрезен-

тироваться через разветвленную систему знаков, «позволяющую просто выражать тонкие смысловые отличия, в других языках невыразимые» [Падучева 1996: 2].

Для реализации категории неопределенности в рассматриваемом материале имеется обширный арсенал средств с соответствующим функциональным назначением. В роли знаков неопределенности могут выступать неопределенные местоимения и наречия типа *какой-то, кто-то, какой-нибудь, кто-нибудь, кое-какой, некоторые, один, однажды, некогда, кое-где* и др., прилагательные с семантикой неопределенности: *неопределенный, неясный, смутный, непонятный, странный* и т.п.; индикаторы эпистемической модальности *должен, должно быть; вроде (бы); не то ..., то ли... то ли, или; чуть ли не; как будто, как бы; что ли; что-то*; неопределенно-личные, безличные и т.п. синтаксические конструкции.

Основная функция данных маркеров – передать ирреальный характер ситуации, обозначить позицию рассказчика относительно категорий «истина/ ложь» и указать на возможный мир сна, наполненный семантикой многозначности, неупреждения, спонтанности, девиации, амбивалентности и т.п.

Приведем несколько примеров для демонстрации наиболее типичных признаков сновидческого нарратива. Приметной чертой исследуемого дискурса является употребление неопределенных местоимений, выступающих маркерами данного жанра (*кто-то, что-то, какой-то* и т.п.). Характерно, что в сновидческом нарративе совмещение всех вышеуказанных признаков (неопределенность, модальность кажимости, маркеры внезапности, неагентивные конструкции и т.п.) имеют свойство «встречаться» в одном контексте: *Я иду по дороге и вдруг чувствую, что меня кто-то за ноги тянет. Это оказались две маленькие собачки черно-белого цвета. Они взялись непонятно откуда. Они обхватили мои ноги лапами, лаяли игриво и баловались, очень хотели играть со мной. Я их погладила, а они игриво так, не больно, покусывали мне руки и были очень радостные, хвостами виляли. И еще что-то говорили человеческими голосами, не помню. Помню, что было весело. <...> вижу, как мы катаемся... но нам кто-то пытается мешать перед выступом...* [Тонкий мир].

Показательным для исследуемого жанра является употребление союза *но* как типичного маркера противительных отношений, у которого актуализируются разные грани его семантического потенциала: например, обозначение нарушения нормального хода событий (*мы катаемся... но нам кто-то пытается мешать*) или указание на противодействие ситуации и причины, препятствующей «нормальному» ее развитию: *Меня этой силой топит, дна я не чувствую, пытаюсь выбраться и хотя бы вдохнуть воздуха, легкие разрывает от недостатка кислорода. Но мне не удастся, вода начинает пробиваться сквозь ноздри и заполнять легкие, я задыхаюсь* [Тонкий мир].

Представленные фрагменты демонстрируют еще одну яркую черту современной речи – ее фрагментарность, которая выражается в коротких синтаксических

конструкциях, парцелляции как способе структурирования и актуализации значимой информации в тексте.

Итак, восприятие сновидений как «семиотического зеркала, где каждый видит в нем отражение своего языка» [Лотман 1992: 222], дает основание рассматривать сновидческий нарратив в качестве индикатора языковых и речевых сдвигов современности, поскольку близость к сфере бытовой коммуникации, ориентация данного типа нарратива на устную культурную традицию дает возможность выявить и описать особенности дискурсивной структуры dream-telling в динамике речевых изменений.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Балашова Л.В., Дементьев В.В.* Русские речевые жанры. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
- Берестнев Г.И.* О новом корпусном словаре сновидений // Слово.ру: балтийский акцент. 2013. № 2. С. 35–43.
- Лазарева А.А.* Символика сновидений в народной культуре: фольклорные модели и личные нарративы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992.
- Падучева Е.В.* Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf
- Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Сафронов Е.В.* Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты. М.: Лабиринт, 2016.
- Седов К.Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: ЯСК, 2016.
- Тонкий мир. URL: <https://tonkimir.ru>
- Щедрина И.О.* Трансформация самосознания в цифровом пространстве: от нарратива к сторителлингу // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 133–142.
- Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu. M. Curie-Sklodowskiej, 1996.

L.A. Usmanova (Kazan, Russia)

Kazan (Volga Region) Federal University

FEATURES OF DREAM NARRATIVE IN THE INTERNET COMMUNICATION

The article examines the features of dream narrative on the Internet. The semantic dominants of this type of discourse are identified and the tendencies of speech shifts and transformations of narrative, caused by the influence of the digital environment, are shown.

Key words: linguistic picture of the world, semantic dominant, dream story, Internet discourse, uncertainty, modality of appearance

Haddad Selsabil, A.R. Nurutdinova (Kazan, Russia)

*Kazan (Volga Region) Federal University
sellou.hdd@gmail.com, airnurutdinova@kpfu.ru*

THE POWER OF THE UNSAID: PRAGMATICS AND IMPLICATURE

This paper explores the implicature role in communication, focusing on how unspoken meanings are conveyed through context, inference and cognitive processing. The study investigates how implicature allows speakers to communicate indirectly, relying on shared knowledge and contextual cues and by analysing Harry Potter “The Chamber of Secrets” conversational examples, the paper highlights how implicature navigates ambiguity, reinforces social norms, and enhances communicative efficiency. The findings also examine the challenges posed by implicature, such as the potential for miscommunication or varying interpretations.

Key words: pragmatics, implicature, cognitive linguistics, contextual cues, meaning-making, inference, social interaction.

As a subfield of linguistics, pragmatics studies language in context, looking at how speakers’ intentions, common knowledge, and social conventions all contribute to meaning. Taking into account the underlying social and contextual elements that affect communication, pragmatics is concerned with both what individuals say and how they say it [Levinson 1983: 5].

Put differently, pragmatics investigates how an utterance’s meaning is influenced by its context, as in the example below [Rowling 2000: 45]:

Harry: why don't you sit down?

Dobby: Sit down! Sit down? Oh..... (start crying).

Harry: Oh, Dobby, shushi...I am sorry, I didn't mean to offend you or anything.

Dobby: Offend Dobby? Dobby has heard your greatness, sir but never has been asked to sit down by a wizard like equal.

Harry: You can't have met many decent wizards then.

Dobby: No, I haven't.

Setting: In Harry’s bedroom. The Opening Story Harry Potter is a young wizard boy at Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry. He spent the summer vacation at Dursley’s house. His aunt Petunia, uncle Vernon, and cousin Dudley Dursley. The Dursleys are what wizards call “muggles”, which means they lack magical abilities. They are afraid of what Harry might do to them, so they forbid him from using the word “magic” and imprison his messenger owl, Hedwig, so he can’t write letters to his classmates. Harry is extremely lonely. Everyone seems to have forgotten that it’s his twelfth birthday. He hasn’t heard from Ron Weasley or Hermione Granger, his best friends. The Dursleys are focused on a dinner party with the Masons that evening to promote Mr. Dursley’s business. Uncle Vernon orders Harry to remain in his room and make no noise for the rest of the evening. Harry is sitting in the garden, depressed, when he notices two enormous green eyes staring at him from behind a hedge. Following Dudley’s taunt, Harry pretends to cast a spell, for which Aunt Petunia punishes him with yard work. She then sends him to his room after sparingly feeding him while preparing a meal for the Maisons.

Context of the Situation: It's been a long summer at the Dursley's house for Harry Potter. He cannot wait to get back to Hogwarts School of Wizardcraft and Wizardry, the world to which he belongs. He is counting the days until he can return. When Aunt Petunia sends Harry to his room, he is surprised to see a strange elfish creature with bat-like ears and large eyes sitting on his bed, named Dobby. Harry realizes that this is who was peeping out from behind the hedge that afternoon. Harry asks Dobby to sit down. The elf burst into very loud tears. He thought that Harry had offended him, but Harry apologizes and says, "*I did not mean to offend you*" [Rowling 2000: 65]. Here, Dobby says to Harry that he had never been ordered to sit down before, especially by a wizard. So Harry immediately says that you haven't met a decent wizard yet, and Dobby's answer was no.

Data Analysis: From the dialogue above, when Dobby said, "*I have never been asked to sit down by a wizard!*" [Rowling 2000: 65]. Harry's answer was that Dobby hadn't met a decent wizard yet, so it can be seen that Harry flouted the maxim of relevance by being irrelevant to what Dobby said to indicate that he is a nice wizard among those whom Dobby knew before, and of course, Dobby here is able to imagine what utterance Harry did not say and make.

Implicature, a fundamental idea in pragmatics, describes meanings that are expressed indirectly as opposed to directly [Sperber 1986: 95]. Grice developed the idea of implicature, which holds that speakers frequently use common information, context, and inference to transmit unspoken signals [Grice 1975: 25]. Speakers can say more than just what is spoken clearly by using implication to convey meanings in an indirect manner. According to the cooperative principle, which forms the foundation of Grice's theory of conversational implicature, speakers believe their contributions to the discussion are pertinent, understandable, and beneficial. Therefore, implicature relies on the listener's capacity to extrapolate the speaker's intentions from the conversation and context.

Grice believes that what a speaker means by an utterance can be split into two categories: what the speaker "says" and what the speaker "implies" as a result. To be understandable, Grice illustrates it in the following manner: Let's say A and B are discussing a common buddy, C, who now works in a bank. Any inquiries about C's progress at work, to which B responds, "Oh, pretty well, I believe; he likes his co-workers, and he hasn't been to prison yet." A would possibly wonder what B was expressing, what he was suggesting, or even what he meant when he said C hadn't been to prison at this point. The reason might be any number of factors, including the fact that C is the type of person who is prone to succumbing to the temptations presented by his profession, or that C's co-workers are truly exceptional. People who are nasty and instructive, and so on. Of course, it's possible that A doesn't need it to pose such a question to B, the answer to which is obvious given the context. Whatever B hinted, suggested, or meant in this example is clearly distinct from what B said, which was simply that C had not yet been to prison.

With a focus on its use in both literary texts and common discourse, this study explores how implicature helps speakers' express concepts beyond literal language, thereby

facilitating communication. It also investigates the relationship between implicature and metaphor, offering a more sophisticated comprehension of how language works in communicative contexts [Zhou 2020: 115].

Speakers can communicate meanings indirectly by implication, allowing listeners to deduce meanings from context. It aids in navigating ambiguity, as seen in J.K. Rowling's Harry Potter books, where characters convey feelings or power dynamics through indirect language, which helps the reader better understand them. Harry Potter and the Philosopher's Stone contains an example of implicature during Professor Snape's first Potions class. Snape asks Harry several questions, including: *"What would I get if I added powdered root of asphodel to an infusion of wormwood?"* [Rowling 2014].

Context of the situation: Harry does not know the answer, yet this question contains implications that can be read on two levels. On the surface, Snape is testing Harry's knowledge, hinting that he lacks ability and being prepared. However, some fans have noticed a deeper layer of meaning in this query. In the Victorian flower language, "asphodel" is a type of lily that indicates regret, while "wormwood" represents bitterness. Snape may be implicitly expressing his grief and lasting bitterness about the death of Lily Potter (Harry's mother).

This implicature is not explicit, and the listener must understand it using context, cultural knowledge, and subtext. It gives complexity to Snape's character and enriches the story without openly expressing his emotions.

However, implicature can result in misinterpretations, particularly when common information or context are not obvious [Langacker 1987: 27]. In cross-cultural communication, where varying social norms may influence interpretations, this is especially pertinent. To prevent misunderstandings, it is crucial to comprehend contextual cues. Metaphor enhances communication by enhancing implicature. Metaphors such as "The Boy Who Lived" in Harry Potter have multiple interpretations and provide insights into the story's emotional and cultural aspects.

In conclusion, implicature is a crucial tool for comprehending the intricacies of communication, particularly in situations where meaning transcends the literal. This study used pragmatic analysis to demonstrate how implicature helps speakers effectively communicate indirectly by enabling them to express complex meanings. The study also highlights how crucial it is to comprehend the difficulties implicature presents, such as the possibility of misunderstandings in various communicative circumstances. Ultimately, this paper makes the case that a better comprehension of implicature can improve communication, leading to more fruitful and significant exchanges in both literary and daily discourse.

References

- Levinson S.C. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
 Rowling J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. New York: Scholastic. 2000.
 Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and cognition. Harvard: Harvard University Press. 1986.
 Grice H.P. Logic and conversation / ed by P. Cole & J. L. Morgan. Academic Press, 1975.

Zhou S.Y. The Analysis of Harry Potter and the Philosopher's Stone from the Perspective of Magic Realism // Studies in Literature and Language. 2020. Vol. 20. No. 3. Pp. 114-120. URL: <http://www.cscanada.net/index.php/sll/article/view/11731>

Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. New York: Bloomsbury, 2014.

Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar. Theoretical perspectives. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Сельсабил Хаддад, А.Р. Нурутдинова (Казань, Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный университет

СИЛА НЕВЫСКАЗАННОГО: ПРАГМАТИКА И ИМПЛИКАТУРА

В данной статье исследуется роль имплицитной информации в коммуникации, с акцентом на то, как невысказанные значения передаются через контекст, выводы и когнитивные процессы. Исследование анализирует, как имплицитная информация позволяет говорящим общаться косвенно, полагаясь на общие знания и контекстуальные подсказки. На основе реальных примеров из повседневной беседы статья подчеркивает, как имплицитная информация помогает разрешать неопределенности, укреплять социальные нормы и повышать эффективность коммуникации. В работе также рассматриваются проблемы, связанные с имплицитной информацией, такие как вероятность недопонимания или различные интерпретации.

Ключевые слова: прагматика, имплицитная информация, когнитивная лингвистика, контекстуальные подсказки, создание смысла, вывод, социальное взаимодействие

У.Ш. Хадулаева, З.М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
uma_077@mail.ru, zinatim@rambler.ru*

СТРАТЕГИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ РЕЦЕПТА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ДИСКУРСЕ ТЕЛЕВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ И БРИТАНСКИХ КУЛИНАРНЫХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

В статье анализируется универсальная стратегия объяснения рецепта и культурно-маркированные речевые тактики, используемые ведущими российских и британских кулинарных передач, среди которых в российских передачах особо выделяются тактики аргументации и прогнозирования, а в британских шоу доминируют тактика создания интриги и тактика побуждения.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, гастрономический дискурс, кулинарная телепередача

На современном этапе развития науки исследование коммуникации все чаще ставит перед собой целью выявить и проанализировать коммуникативные стратегии и тактики говорящего/говорящих. Данный интерес обусловлен тем, что коммуникация представляет собой сложный процесс, успешность которого во многом зависит от совокупности многих факторов, находящихся во внимании исследователей в различных отраслях наук: лингвистики, семиотики, психологии, этнопсихологии, антропологии и т.д. В этой связи исследование доминантных коммуникативных стра-

тегий и тактик в определенных дискурсивных формациях способствует лучшему пониманию вопроса организации интересующего типа дискурса, что, соответственно, влечет за собой правильный выбор языковых единиц, их умелую реализацию в речи. Необходимость этого особенно ярко ощущается при речевом взаимодействии между представителями разных культур, так как если коммуникативные стратегии обычно носят универсальный характер, то тактики «производны от национальных культур» [Иссерс 2008: 113].

Под коммуникативной стратегией в данной работе понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», тактикой же называется «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 2008: 54; 110]. Тактика «вычленяется по признаку одного единственного смысла, который может быть выражен самыми различными вербальными и невербальными средствами» [Верещагин, Костомаров 1999: 13-14].

В фокусе нашего внимания при анализе глоттонического дискурса находится так называемая дискурсивная личность телеведущего кулинарных шоу в России и Великобритании, в частности один из важнейших параметров ее описания, «прагматический аспект речевого поведения, в рамках которого анализируются стратегии и тактики общения, характеризующие речевое поведение личности и отсылающие внимание исследователей к мотивам общения» [Михайлова, Михайлова 2021: 25]. Дискурсивную личность можно определить как «участника коммуникативных событий, в условиях которых происходит выбор соответствующих стратегий, тактических схем коммуникации, а также языковых средств их реализации» [Гунькова 2022: 9]. Важно подчеркнуть, что речь человека отражает мировоззренческие установки, а нормы дискурсивного общения лингвокультурно-обусловлены и носят *прототипный* характер. Человек хранит в памяти «знания о типичных установках, действиях, ожиданиях ответных действий и оценочных реакциях применительно к тем или иным ситуациям» [Дубовицкая, Филатова 2019: 28]. Убедительным поэтому представляется тезис о том, что правомерно говорить не столько о коммуникативной, а о *дискурсивной* компетенции личности как умения использовать вербальные и невербальные средства коммуникации, адекватные ситуации и тематике общения и принятые в данном лингвокультурном сообществе.

Целью данной статьи, таким образом, является анализ некоторых коммуникативных тактик, выделяемых в рамках коммуникативной **стратегии объяснения рецепта** в рамках разворачиваемого гастрономического дискурса, поскольку одна из основных целей ведущих образовательных кулинарных телепередач состоит в подробном и наглядном объяснении этапов приготовления блюда, а также в привлечении как можно больше зрителей к экранам телевизоров и увлечении их кулинарией.

При разворачивании дискурса в жанре кулинарных телепередач, как ни в каких других жанрах гастрономического дискурса, имеет место яркое проявление коммуникативных интенций говорящего, иначе говоря, дискурсивной личности телеведущего ввиду того, что стратегия объяснения рецепта реализуется практически в течение всего эфирного времени и распадается на несколько тактик.

Проведенный анализ 8 кулинарных шоу позволил сделать вывод, что универсальная для обеих культур стратегия объяснения рецепта репрезентируется в британской и русской лингвокультурах разным набором речевых тактик. Так, в российских передачах нами были выделены доминантные тактики **аргументации и прогнозирования свойств конечного продукта**, предполагающие попытку российских телеведущих убедить аудиторию в «уместности» рекомендуемых ингредиентов, а также в замечательных свойствах приготовленного блюда:

Тактика аргументации реализуется в рассмотренных программах на синтаксическом уровне при помощи сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, повторов, параллельных конструкций. Также отмечаем использование модальных и вводных слов: *Мне нужна очищенная питьевая вода, потому что помидоры они же плотные, плюс суп кипит, влага уходит, а вода как раз сделает нам приятную, хорошую консистенцию* [URL]; *Зима – это вот такое время, когда теплые салаты, они мне кажется очень уместны, ну во-первых, потому что теплый салат он теплый, он согревает, но еще и потому что можно экспериментировать с разными ингредиентами* [URL];

Тактика прогнозирования реализуется в речи ведущих при помощи глаголов кулинарной семантики в будущем времени, а также использованием оценочной лексики. *На всякий случай перемешаю его чтобы он у нас не подгорел, не задымил, ни в коем случае не стал горьким* [URL]; *завтра он тоже будет прекрасен!* [URL]; *Всё равно потом запечется, будет чуть – чуть не ровненький, где-то сыр будет вытекать – так и должно быть!* [URL].

Британские ведущие выбирают тактики, которые мы обозначили как **тактика создания интриги и тактика побуждения**.

Тактика создания интриги на лексическом уровне репрезентируется лексическими единицами, относящимися к семантическому полю “secret” и позволяющими интимизировать общение ведущего и адресатов:

My secret to assembling a great Nicoise salad is the start in the middle of the plate and add ingredients layer by layer [URL]; *I want you to just take like three tablespoons out like that gonna have a little secret job for that later* [URL].

Данная тактика сочетается в речи британских ведущих с **тактикой побуждения**, в основе которой лежит использование глаголов в повелительном наклонении:

Start mixing that in; melt the butter gently, next crack three eggs [URL]; *Season that water up nicely; lay the fish on here* [URL]; *so dollop it on; finish off with red pepper* [URL].

Отметим, что список приведенных выше тактик далеко не исчерпывающий, однако проведенный анализ позволяет выявить культурно-специфичные прагматические особенности кулинарных телепередач. Актуальным представляется также и учет той роли, которую играют невербальные средства моделирования кулинарных шоу, так как ведущие могут активно жестикулировать, менять темп речи, интонацию, что, в свою очередь, влияет на восприятие телезрителем информации.

Литература

- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999.
- Гулькова Д.Е. Дискурсивная личность американского политического комментатора- радиоведущего: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022.
- Дубовицкая М.А., Филатова Н.П. Социолингвистический аспект характеристики языковой личности // Язык и мир изучаемого языка. 2019. Вып. 10. С. 26-31.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. 2021. № 6. С. 23-31.
- Едим дома с Юлией Высоцкой. URL: https://www.youtube.com/watch?v=x3L_FwAts0g
- Просто и вкусно от 29.06.24. URL: <https://rutube.ru/video/fc55d568317bf3ba43858fce7f88e9a2/>
- Просто кухня. Вып. 113. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tu6EVNACD8I>
- Просто кухня. Вып. 115. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fZ7AKA4Db-Y>
- Gordon Ramsey's home cooking. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nef1MVCFu-Lo&list=PLho7iReiY8PRyvMWsWNsQnftFb4DeDTm5&index=5>
- Jamie Oliver. Quick and easy food. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Pl5h8FJKShs>
- Jamie Oliver. Quick and easy food. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OXXkzkwjxymg>
- Mary Berry. Foolproof cooking. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v-jl9oXpZv4>

*U.Sh. Khadulayeva, Z.M. Chemodurova (St. Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

THE STRATEGY OF EXPLANATION OF A RECIPE AND MECHANISMS OF ITS REALIZATION IN THE DISCOURSE OF THE TV HOSTS OF RUSSIAN AND BRITISH COOKING TV PROGRAMMES

The universal strategy of explanation of a recipe and the culturally-marked speech tactics, used by the TV hosts of the Russian and the British cooking programmes are in the focus of attention in the article. In the Russian cooking TV programmes the tactic of argumentation and the tactic of prognostication stand out as well as the tactic of creation of intrigue and the tactic of actuation do in the British cooking TV programmes.

Key words: communication, communicative strategies, communicative tactics, gastronomic discourse, cooking TV programmes

Б.Д. Хайле (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный университет
destabizu8@gmail.com*

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОР В ВЫСТУПЛЕНИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ЭФИОПИИ АБИЯ АХМЕДА АЛИ НА ВРУЧЕНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

Статья посвящена лингвопрагматическому анализу использования метафор в выступлении премьер-министра Эфиопии Абия Ахмеда Али на церемонии вручения Нобелевской премии мира 2019 г. Данное выступление трактуется как эпидейктический жанр. Делается вывод

о том, что использование тех или иных метафорических образов всегда экстрадискурсивно и культурно детерминировано.

Ключевые слова: метафора, эпидейктический жанр, лингвопрагматика, Эфиопия, Нобелевская премия мира

Нобелевская премия мира – это награда, ежегодно присуждаемая Нобелевским комитетом организациям и физическим лицам, которые внесли вклад в дело укрепления мира. Вокруг Нобелевской премии существует особое дискурсивное пространство, которое включает в себя как исторически детерминированные события (например, отсутствие Нобелевской премии по математике), так и хронотоп вручения премии (все мероприятия, связанные с премией мира, проводятся в Осло, с остальными наградами – в Стокгольме). На вручении премии каждый лауреат произносит речь, которая также известна как Нобелевская лекция.

Жанр Нобелевской лекции неоднократно становился объектом изучения лингвистов. Так, ученые описывали структуру речи Нобелевских лауреатов [Шуйская 2010], рассматривали фрейм-сценарий «благодарность» на материале речи Барака Обамы [Айвазова 2010], описывали прагмалингвистические характеристики речей лауреатов Нобелевской премии мира [Дженкова 2015] и т.д. Целью настоящего исследования является анализ использования метафоры премьер-министром Эфиопии в его речи во время вручения Нобелевской премии мира в Осло в 2019 г. Объектом данного исследования являются различные метафоры в речи премьер-министра. Предметом исследования являются случаи метафорического словоупотребления в речи премьер-министра Абия Ахмеда Али. Теоретической базой послужили работы по теории и практике метафорического моделирования [Будаев 2007; Лакофф и Джонсон 2004; Солопова 2013; Чудинов 2006 и мн.др.].

Анализ речи премьер-министра Абия Ахмеда Али во время его Нобелевской лекции 10 декабря 2019 г. в мэрии Осло, Норвегия показал, что использование метафоры является одной из риторических стратегий данного выступления как эпидейктического жанра.

(1) *I also accept this award on behalf of Africans and citizens of the world for whom the dream of peace has often turned into a **nightmare** of war. – Я также принимаю эту награду от имени африканцев и граждан всего мира, для которых мечта о мире часто оборачивалась **кошмаром** войны (Здесь и далее перевод наш. – Х.Б.Д.).*

В данном примере автор использует метафорический образ кошмара и ужаса для описания чего-то тягостного, отвратительного, для создания эмоционального образа разрушительного опыта войны, вызывающего не только физический конфликт, но и психологическую травму. Премьер-министр Эфиопии подчеркивает ужас и страдания, связанные с войной, что резко контрастирует с идеалом мира.

(2) *I have seen older men, women, and children trembling in terror under the **deadly shower** of bullets and artillery shells. – Я видел пожилых мужчин, женщин и детей, дрожащих от ужаса под **смертоносным дождем** пуль и артиллерийских снарядов.*

В приведенном примере метафора дождя используется для выражения чувства подавляющего и неизбывательного насилия, для передачи хаоса и опасности, что подчеркивает неумолимый и всепроникающий характер насилия, а shower/дождь обозначают стихийные вещи, что объективизирует/овеществляет насилие как стихию.

(3) *A **bridge** of friendship, collaboration and goodwill has to be built to last for ages.* – *Мост дружбы, сотрудничества и доброй воли должен быть построен на века.*

В данном случае оратор использует артефактную метафору (*мост*) наряду со словами *дружба, сотрудничество* и *добрая воля* для передачи мысли о том, что новые отношения строятся на взаимном уважении и сотрудничестве, облегчая преодоление разделявших ранее стороны барьеров.

(4) *We can cultivate and share it with others if we choose to remove our **masks** of pride and arrogance.* – *Мы можем развивать это в себе и делиться этим с другими, если решим снять **маски** гордости и высокомерия.*

В анализируемом примере Абий Ахмед Али призывает людей избавиться от гордости и высокомерия, а сама метафора (маска) реализует идею чуждости притворства и потребности в подлинных отношениях, что особенно важно не только в межличностной, но и в политической коммуникации.

(5) *It is in Beshasha that **the seeds** of Medemer began to sprout.* – *Именно в Бешаше начали прорасти **семена** Медемера.*

Медемер – это ключевое слово политической философии Абия, которое он использовал в качестве заглавия своей книги, опубликованной в 2019 г. Слово *medemer* переводится как *синергия* и указывает на сотрудничество между народом и правительством, между партиями, различными религиями, а также между государствами и народами Эфиопии. В приведенном примере спикер использует слово *семена*, чтобы метафорически символизировать потенциал, рост и начало чего-то значительного, начиная с родного города премьер-министра Бешаша, а сама метафора предполагает, что идеи медемера изначально были небольшими или зарождающимися, но имеют потенциал развиться во что-то большее и более влиятельное.

(6) *For the people in the “Land of Origins” and “The 13 Months of Sunshine,” Medemer has always been second nature.* – *Для жителей «Земля истоков» и «13 солнечных месяцев» медемер всегда был второй натурой.*

Как заявил Н. Фэрклаф, контекстуальный анализ текстов является важным аспектом лингвистического понимания [Fairclough 2015]. В данном случае требует комментария экстралингвистического характера: эфиопский год состоит из 13 месяцев по эфиопскому календарю, а эфиопский календарь отстает от григорианского на семь лет. В то время как первые 12 месяцев состоят из 30 дней, последний месяц, называемый Пагуме, состоит из пяти дней и шести дней в високосном году. Период «13 солнечных месяцев» состоит из 13 месяцев и известен своим солнечным климатом. Эфиопия часто называется, как «Земля истоков», где были обнаружены многие

важные археологические и палеонтологические находки. В данном случае происходит контаминация концепции медемера и Эфиопии как древнейшего государства, что подчеркивает гордость и самобытность эфиопского народа.

(7) *I would like to especially express that we should avoid **the path** of extremism and division, powered by politics of exclusion.* – Я хотел бы особо подчеркнуть, что мы должны избегать **пути** экстремизма и раскола, основанного на политике отчуждения.

В этом абзаце речь идет о единстве и развитии. Спикер подчеркивает, что экстремизм и раскол, подпитываемые политикой изоляции, являются препятствиями на пути к единству и развитию. Метафора пути передает идею о том, что есть маршруты, ведущие к построению и развитию общества, и есть те, которые ведут к его разрушению, поэтому необходимо делать мудрый выбор.

Таким образом, в результате лапидарного анализа метафор, используемых в речи премьер-министра Эфиопии Абия Ахмеда Али на церемонии вручения Нобелевской премии мира 2019 г., можно сделать вывод о том, что данный эпидейктический жанр обладает не только своими структурно-функциональными особенностями, но и риторическими характеристиками, которые тесно вплетены в общий экстралингвистический и культурный контекст. Именно такая интерпретация дает более глубокое понимание историко-политических, культурных и социальных процессов, способствует поиску адекватных языковых соответствий. Автор лекции строит свою речь как план решения проблем эфиопского общества, описывая последние как стихию (дождь)/нечто неодушевленное; он критикует бездействие/лишесмерие других стран. Речь Абия Ахмеда Али имеет кольцевую структуру: она начинается с описания социальной напряженности, затем автор предлагает решение описанных проблем, в конце выступления вновь напоминает о трудностях политического развития. Полагаем, что такая структура может рассматриваться как неявная отсылка к идее «цикличности насилия».

Литература

- Айвазова В.В. Когнитивные аспекты фрейма-сценария «Благодарность» в политическом дискурсе (на материале Нобелевской лекции Барака Обамы) // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 74-78.
- Будаев Э.В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007.
- Дженкова Е.А. Прагмалингвистические характеристики речи лауреатов Нобелевской премии мира // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС, 2015. С. 34-37.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Солопова О.А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Изд-во Флинта: Наука, 2006.

Шуйская Ю.В. Структура эпидейктической речи (на примере нобелевских речей лауреатов премии по литературе и премии мира) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 17 (198). С. 156-158.

Abiy Ahmed Ali. Nobel Lecture. "Forging A Durable Peace in the Horn of Africa". URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/peace/2019/abiy/lecture/#:~:text=1%20also%20accept%20this%20award,trenches%20of%20war%20years%20ago>

Fairclough N. Language and Power. London: Routledge, 2015.

B.D. Haile

South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)

LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF METAPHORS IN THE SPEECH OF ETHIOPIAN PRIME MINISTER ABIY AHMED ALI AT THE AWARDING OF THE NOBEL PEACE PRIZE

The article deals with the linguopragmatic analysis of the metaphors' usage in the speech of Ethiopian Prime Minister Abiy Ahmed Ali at the awarding ceremony of the Nobel Peace Prize 2019. This speech is interpreted as an epideictic genre. It is proved that the use of certain metaphorical images is always extradiscursively and culturally determined.

Key words: metaphor, epideictic genre, linguopragmatics, Ethiopia, Nobel Peace Prize

A.B. Хэкетт-Джонс (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
avhackettjones@herzen.spb.ru*

ТВОРЧЕСТВО КАК ДИСКУРСИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: К ВОПРОСУ О РОЛИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья рассматривает языковую личность с позиций формирования ее творческой составляющей и предпринимает попытку доказать необходимость развития творческого мышления в рамках языкового образования в текущих образовательных условиях. В качестве аргументов приводится обзор трактовок языковой личности и компонентов ее структуры, подразумевающих творческую деятельность, а также описание творческого мышления в сопоставлении с другими видами мышления. На дискуссию выносятся понятие «учебной идентичности» и влияние творческого мышления на ее формирование, а также предлагаются конкретные приемы заданий на развитие творческого мышления.

Ключевые слова: языковая личность, творческое мышление, критическое мышление, дискурсивная деятельность, учебная идентичность

Необходимость развития творческого мышления у студентов языковых специальностей наиболее ярко высвечивается во времена неопределенности, смены парадигм и вступления системы языкового образования в новую эпоху. О том, что мы находимся именно в таком контексте, свидетельствуют явления, пронизывающие нашу действительность на всех уровнях – от политических до социальных и технологических. В связи с этим следует уделять особое внимание развитию таких

навыков будущих специалистов, которые позволят им быстро адаптироваться под меняющиеся обстоятельства, находить нестандартные решения, ориентироваться в разнообразии мнений и контекстов и при этом оставаться способными к осознанному самоопределению и самовыражению. Именно этим целям служит развитое творческое мышление.

Согласно теории языковой личности, предложенной Г.И. Богиним, языковая личность (ЯЛ) – это «тот, кто присваивает язык», индивидум, характеризующийся своей речевой способностью, т.е. готовностью порождать и воспринимать иноязычную речевую деятельность [Богин 1984: 6]. В чем именно состоит эта готовность, уточняет Ю.Н. Караулов, выделяя в структуре языковой личности три измерения – вербально-семантический, лингвокогнитивный (тезаурусный) и мотивационный. Сама же ЯЛ по его определению – это личность, выраженная в языке, и, следовательно, подлежащая реконструированию «в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987: 38]. Подробное описание применению трехчастной модели ЯЛ Ю.Н. Караулова к иноязычному обучению дает И.И. Халеева, ставя эти три измерения во главу угла при определении целей обучения, опирающихся на два плана языковой личности – аутентичную и вторичную языковую ЯЛ, формирующуюся при выявлении учащимися вербальных и лингвокогнитивных расхождений между своим и чужим языком [Халеева 1989: 72].

Не углубляясь в обзор того разнообразия концепций и определений, который породил интерес исследователей к теории ЯЛ, обратим внимание на то, что исследователи неизменно подчеркивают такой важнейший параметр языковой личности, как способность к речепорождению с учетом контекста, лингвистических, социальных и культурных особенностей коммуникативной ситуации. Очевидна творческая составляющая речевого взаимодействия, рассматриваемого с таких позиций, поэтому выдвинем тезис о том, что творческое мышление не только развивается по мере формирования языковой личности, но и является важным движущим фактором для ее эффективного развития.

Сама природа межличностного общения является творческой, как отмечали Е. С. Кубрякова и О.В. Александрова, указывая на необходимость ее более подробного описания [Кубрякова, Александрова 2008: 7]. Не оперируя понятием языковой личности, реконструируемой на основе порожденного текста, по сути авторы делают именно это в своем анализе драматургических произведений, приходя к выводу, что такие литературные тексты «отражают фрагменты жизни человека», где сама жизнь – это «бесконечная дискурсивная деятельность» [Кубрякова, Александрова 2008: 10], а дискурсивная деятельность, в нашем понимании, это деятельность творческая. Этому созвучен тезис советского философа и филолога А.Ф. Лосева: мышление отражает действительность, а она является бесконечным творческим процессом [Лосев 1988]. Так от языковой личности мы переходим к сути творческого мышления.

С оговоркой, что фраза «творческое мышление» отчасти тавтологична, поскольку любое мышление является творческим процессом [Поляруш 2020: 150], следует

отметить, что отдельные авторы, опираясь на обширный пласт исследований, настаивают на разграничении творческого и нетворческого мышления. В отличие от нетворческого, мышление творческое нацелено на создание нового, оригинального «продукта» и представляет собой особый тип мышления, характеризующийся отказом от использования готовых образцов, способностью генерировать новые идеи, гибкостью в поиске решений [Бородина 2019: 55-56].

Чтобы четче обозначить специфику творческого мышления, обратимся к еще одному типу мышления, по праву вызывающему у исследователей пристальный интерес: критическому. В самих компонентах критического мышления, выделяемых исследователями – мотивационном, познавательном, деятельностном и рефлексивном [Баграмова 2024: 36], – можно увидеть сильную творческую составляющую. Так, познавательная деятельность требует самосознания субъекта как источника творчества, деятельностная – навыков включения в разные виды творческой деятельности. Таким образом реализация критического мышления невозможна без развитого мышления творческого, и, вероятно, справедливо и обратное утверждение: развитие творческого мышления обуславливает необходимость формирования навыков критического мышления – для эффективной и адекватной оценки своей (и чужой) творческой деятельности и, как следствие, ее продуктивного развития.

Помимо языковой личности, в формировании которой творческое мышление играет такую значимую роль, интересно было бы рассмотреть другой тип личности, обозначаемый в западной литературе как «учебная идентичность» (learning identity) и подразумевающий человека, осознающего себя как «обучающегося» (learner). В контексте наших рассуждений «личность обучающегося» вызывает особый интерес, поскольку ее развитие также обусловлено формированием творческого мышления: во-первых, развитие «учебной идентичности» сфокусировано не на результатах, а на процессе обучения – на образовательном пути индивидуума, охватывающем все стороны жизни. Во-вторых, в процессе творческой деятельности обучающиеся получают возможность положительной переоценки, если не формирования новой, «учебной идентичности». Как «языковая личность», так и «личность обучающегося» являются границами самоидентичности, гармоничное развитие которых возможно только в условиях формирования творческого мышления и навыков творческого выражения.

Одним из наиболее эффективных способов развития творческого мышления, сопутствующего формированию языковой личности, является креативное, или творческое, письмо (creative writing). В западной образовательной традиции включение данной дисциплины в учебные планы является общепринятым стандартом, а сама она – объектом научного интереса. Многие отечественные авторы приводят убедительные аргументы в пользу изучения креативного письма и его применения в практике обучения иностранным языкам, однако с сожалением продолжают констатировать отсутствие навыков креативного письма в государственных стандартах и, как следствие, их необязательность. При этом экспериментально подтвержденные результаты исследований говорят о разностороннем положительном влиянии твор-

ческой деятельности на учебный процесс – от повышения мотивации и улучшения психологического климата до развития языковых и профессиональных навыков.

Определяя творческое письмо как создание оригинальных прозаических и стихотворных текстов, приведем несколько наиболее распространенных методов развития творческого мышления с помощью творческого письма. Текстоориентированные приемы, нацеленные на этот вид учебной деятельности, подразумевают использование учащимися вербальных опор. Примерами могут быть промпты (короткое задание с жестким ограничением по времени, напр.: *In 10 minutes, write a poem/a story about what you had for breakfast*); имитация художественного текста-образца (например, текста, написанного от лица конкретного персонажа/ предмета/ животного или текст, использующий повторение одной конкретной грамматической формы как художественный прием); вербально-визуальные опоры (например, текст с пробелами, подлежащими заполнению). Другая группа приемов, которые можно обозначить как процедурные, сосредоточены на организации работы в группах или парах: например, обмен в рамках групп поддержки и обратной связи, организация экспертных групп. Преимуществами заданий, нацеленных на развитие творческого мышления, является их абсолютная универсальность в плане применимости к разным языковым аспектам и адаптируемость под любой уровень обучения.

Творческое мышление является важнейшим фактором, сопутствующим и способствующим формированию языковой и учебной идентичности учащихся, развитию их критического мышления и навыков поиска нестандартных, оригинальных решений. В условиях новой реальности, в которой искусственный интеллект успешно решает когнитивные задачи с точностью и быстротой, немислимыми для человека, вероятно, творческое мышление – это тот самый уникальный интеллект, который мы можем противопоставить искусственному, и языковое образование – именно та среда, в которой преимущества естественного, а значит творческого, интеллекта неоспоримы.

Литература

- Баграмова Н.В., Федотова Н.Л., Пантелева Л.В., Ведерникова М.А. Роль критического мышления в повышении эффективности обучения студентов в современном университете // Научное мнение. 2024. № 1-2. С. 35-40.
- Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
- Бородина Т.Ф. Формирование творческого мышления будущих учителей как проблема профессионального образования // Педагогика и психология образования. 2019. № 3. С. 53-61.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Драматургические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 4. С. 3-10.
- Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988.
- Поляруш А.А. Проблема формирования творческого мышления в образовательном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-3 (44). С. 149-151.
- Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): монография. М.: Высшая школа, 1989.

*A.V. Hackett-Jones (St Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

THE CREATIVE ASPECT OF DISCURSIVE ACTIVITY: THE ROLE OF CREATIVE THINKING IN BUILDING LINGUISTIC IDENTITY

This article views the notion of linguistic identity from the standpoint of its creative element, and attempts to prove the necessity of developing and nurturing creative thinking as part of language acquisition in the current educational setting. In order to prove the point, the author provides an overview of research on linguistic identity and the structure of its components presupposing creative processes, as well as a comparison of creative thinking with other types of thinking, such as non-creative and critical thinking. In addition, discussion is offered on the concept of learning identity and the implications of creative thinking for its development.

Key words: linguistic identity, creative thinking, critical thinking, discursive activity, learning identity

*Т.Н. Цинкерман (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
tsinkerman@volsu.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ВОСПИТЫВАЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВЗРОСЛОГО НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются возможности метода моделирования для создания типовых моделей речевого воздействия взрослого с целью описания и изучения речевого поведения участников воспитательного дискурса, языковых средств и метадискурсивных маркеров, используемых взрослым для формирования ценностей, лежащих в основе функционирования общества, а также определить тенденции их изменений.

Ключевые слова: речевая модель, коммуникативная стратегия, речевая тактика, коммуникативная тональность, прямое речевое воздействие, косвенное речевое воздействие, манипулятивное речевое воздействие

Высокая социальная значимость формирования речевой личности ребенка с целью его социализации в обществе с учетом национальных и культурных стандартов обуславливает постоянный интерес ученых к аспектам воспитательного дискурса, в рамках которого проходит передача воспитанному моральных, национально-культурных и семейных ценностей общества.

Моделирование понимается как метод конструирования прототипов речевых моделей и позволяет представить системную картину коммуникативного взаимодействия взрослого и ребенка, а также впоследствии мультиплицировать полученные модели на различные виды дискурсов. Моделирование речевого воздействия в воспитательном дискурсе дает возможность определить основные конститuenty, выделить и описать особенности речи взрослого в воспитывающей коммуникации с ребенком, проследить тенденции их изменений, представить не только лингвистические, но и экстралингвистические элементы, выступающие общими характеристиками англоязычного воспитательного дискурса.

Обязательными параметрами такой модели становятся доминирующий взрослый, оказывающий воспитывающее речевое воздействие с целью социализации ребенка, и ребенок, выступающий объектом воздействия и находящийся в положении подчинения и зависимости.

Классификация моделей воспитывающего воздействия основывается на прямом, косвенном и манипулятивном типе речевого воздействия. В основе модели прямого речевого воздействия лежит понимание прямого воздействия как высказывания, при котором невозможна иная интерпретация смысла, кроме вытекающей из содержания употребляемых слов и общепринятых смыслов [Стернин 2001], в ситуации, при которой взрослый не скрывает стремления оказать воздействие на ребенка, открыто предъявляет притязания и требования [Желтухина 2004].

Речевые стратегии, тактики и коммуникативная тональность являются различительными признаками моделей речевого воздействия. Следует отметить, что речевое воздействие взрослого опирается на эмоционально окрашенные образы, что делает коммуникативную тональность важной составляющей воспитывающей коммуникации, влияющей на коммуникативную структуру речевого акта и отвечающую за необходимую атмосферу для успешной коммуникации с ребенком.

Лингвистические компоненты моделей речевого воздействия характеризуются набором метадискурсивных маркеров, языковых лексических и синтаксических средств.

Материалом исследования послужили скрипты и тексты американских и британских фильмов на английском языке, телевизионных шоу на языке оригинала конца XX – начала XXI в. (34 фрагмента, общим объемом 78 минут). Анализ текстового материала ситуаций воспитывающего воздействия позволил выделить информирующую и авторитарную стратегии модели прямого воспитывающего речевого воздействия на английском языке, реализующиеся речевыми тактиками пояснения, приказа, запрета, угрозы, сближения, объяснения, оценки действий. В следующем примере врач избирает информирующую стратегию с целью убедить ребенка пройти обследование: *Docotor: Oh, well welcome, Julia. I'm so happy you came. So first, we are gonna put this special bib on Charlie here. Child 2: Bib? Docotor: Now it is not like a baby bib. This is made of paper and it will help keep Charlie's clothes clean and dry. And now I'm gonna bring the chair up and back* [Sesame Street 2022].

Данная коммуникативная ситуация позволяет пронаблюдать тактики установления доверительных отношений с ребенком: вопросы, указывающие на заинтересованность врача, юмор и игры для уменьшения напряжения и страха, объяснения процедур, комментарии и обратная связь.

Прямое речевое воздействие взрослого реализуется авторитарной стратегией, которая в следующих примерах проявляется тактиками приказа и запрета, угрозы, прямого давления на ребенка: *Don't just consider what the author thinks... Consider what you think. / Don't just walk off the edge like lemmings. Look around you. / Don't think that I don't know that this assignment scares the hell out of you, you mole. / Yeah,*

it makes it sound just like that, Julia. Here, listen. / And look, even lights up [Dead Poets Society 1989]. Для достижения целей взрослый избирает повелительное наклонение, строгую, саркастическую тональность.

Модель косвенного речевого воздействия основана на стремлении взрослого предоставить ребенку право выбора, самостоятельно формировать ответную реакцию на уровне содержания речи, мимики и тональности высказывания, критически осмысливать речевую ситуацию. Реализация данной модели диктует применение взрослым коммуникативных стратегий кооперации и покровительства через тактики сближения, уточнения, косвенного упрека, и др., обеспечивающие свободу реакции, включая свободу инициативы и свободу воображения, истинность информации в представлении ребенка, его выводы после распознавания интенции высказывания взрослого [Афанасенко 2016]. Следующий диалог служит примером модели косвенного речевого воздействия взрослого, избирающего кооперативную стратегию и тактики сближения, паузации и вопрос-ответа: Teacher: *A man is not very tired, he is exhausted. And don't use very sad, use – ... Come on, Mr. Overstreet, you twerp, ...* Student 1: *Morose?* Teacher: *Exactly! Morose. Now, language was developed for one endeavor, and that is? Mr. Anderson? Come on! Are you a man or an amoeba? (на-за) Mr. Perry?* Student 2: *Uh, to communicate.* Teacher: *No! To woo women. Today we're going to be talking about William Shakespeare.* Students: *Oh, God!* Teacher: *I know. A lot of you looked forward to this about as much as you look forward to root canal work. We're gonna talk about Shakespeare as someone who writes something very interesting* [Dead Poets Society 1989].

Диалогическое построение речевого взаимодействия указывает на кооперативный стиль общения взрослого со студентами, но объем высказываний учителя (94/6 слов) и наличие повелительных конструкций (*Come on!*), ироничное личностно-оценочные высказывания (*Are you a man or an amoeba?*) подтверждает его доминирующее положение, право на управление речевой ситуацией. Однако, отказываясь от прямого воздействия, взрослый намеренно нарушает правила вопросно-ответного общения типичного для урока, задает вопросы с помощью прямого порядка слов утвердительного предложения и вопросительной интонации, обращается к ученикам уважительно как к взрослым мужчинам (*Mr. Overstreet, Mr. Anderson, Mr. Perry*), делает паузы, давая время на размышление, высказывает поддержку и понимание (*I know*), поощряет правильный ответ восклицанием с восторженной тональностью (*Exactly!*). Тактика сближения также реализуется лексическими средствами сравнения (*A lot of you looked forward to this about as much as you look forward to root canal work*) для обозначения близости взрослого к детям, подтверждения понимания их чувства, предпочтений, обобщающего местоимения (*We're gonna talk about...*). Шутливая коммуникативная тональность взрослого (*Now, language was developed for one endeavor, and that is? To woo women*) обеспечивает непринужденное общение, открытость учеников (*Uh, to communicate, Oh, God!*), позволяющих себе проявление эмоций. Необходимо отметить метадискурсивные тактики косвенного воздействия взрослого, к которым

относим высокую динамичность диалога, выражающуюся в быстром темпе речи, невербальные тактики акцентирования внимания, напр. быстрое перемещение учителя по аудитории, щелчки пальцами, тональные модуляции.

Модель манипулятивного воздействия основывается на скрытом, неявном управлении ребенком со стороны взрослого в ситуации, когда взрослый через речевое воздействие побуждает ребенка к необходимым действиям, в скрытой форме формирует установки, отношения, ценности, не обязательно входящие в круг интересов ребенка. Отличительной чертой манипулятивной модели речевого воздействия выступает интенция получения личной, часто односторонней, выгоды манипулятора, при существенном ограничении возможностей второго участника коммуникации. Стратегмно-тактическая структура модели включает стратегии запугивания, манипуляции через заботу и тактики акцентуации внимания на негативных аспектах, подмены цели, ложной заботы, установления доверительного контакта с ребенком, шантажирования, невербальные тактики сближения через объятие и сокращения расстояния. Иллюстрацией речевой модели манипулятивного воздействия может служить следующий пример диалога взрослого, вызывающего к тайным желаниям ребенка быть лучше других для того, чтобы захватить всех детей: *Adult: Edmund? I would very much like to meet the rest of your family. Child: Why? They're nothing special. Adult: Oh, I'm sure they're not nearly as delightful as you are. But you see, Edmund, I have no children of my own. And you are exactly the sort of boy who I could see, one day, becoming Prince of Narnia. Maybe even King. Child: Really? Adult: Of course, you'd have to bring your family [The Chronicles of Narnia: The Lion, The Witch and The Wardrobe 2005].* Взрослый указывает на исключительность ребенка по сравнению с другими детьми (*I'm sure they're not nearly as delightful as you are*), воздействует на его эмоции, указывая на отсутствие собственных детей (*I have no children of my own*), льстит, указывая на будущие достижения доступные для мальчика (*And you are exactly the sort of boy who I could see, one day, becoming Prince of Narnia*), усиливает воздействие приемом парцелляции (*becoming Prince of Narnia. Maybe even King*), наречиями (*exactly, nearly*) и модуляциями восторженной и доверительной тональностей.

Итак, моделирование речевого воспитывающего воздействия взрослого на ребенка с целью его социализации может рассматриваться как система речевых моделей, основанных на прямом, косвенном, манипулятивном типе речевого воздействия и состоящих из коммуникативных стратегий, тактик тональностей, реализуемых лексико-синтаксическими средствами английского языка.

Литература

Афанасенко О.Б. Тактики косвенного речевого воздействия как способ формирования универсальных учебных действий и критического мышления у школьников // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2016. № 3 (35). С.89-97.

Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: б.и., 2001.

Dead Poets Society, Walt Disney, 1989. 128 min.

The Chronicles of Narnia: The Lion, The Witch and The Wardrobe, Walt Disney, 2005. 143 min.

Sesame Street, Sesame Workshop, 21 Laps Entertainment, MGM, Entertainment 360, Warner Bros., 2022. 26 min.

T.N. Tsinkerman (*Volgograd, Russia*)

Volgograd State University

MODELING THE DISCURSIVE PATTERN OF THE EDUCATIVE SPEECH INFLUENCE OF ADULTS IN ENGLISH

The article explores the potential of the modeling method for defining typical models of adult speech influence in order to describe and study speech behavior of the participants in educational discourse, language tools and metadiscursive markers used by adults to form the values that underlie the society, as well as to determine trends in their changes.

Key words: speech model, communicative strategy, speech tactics, communicative tonality, direct speech influence, indirect speech influence, manipulative speech influence.

Г.Г. Цобехия (*Москва, Россия*)

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

geoann2995@gmail.com

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ Д. ТРАМПА)

Возрастающий интерес к публичным выступлениям, связанный, главным образом, с политизацией общественной жизни, требует их глубокого осмысления со стороны представителей разных направлений гуманитарного знания. Синтез различных подходов гуманитарного знания способствует комплексному изучению заданной проблематики. С этой точки зрения, существующий в рамках когнитивной лингвистики, когнитивно-дискурсивный подход к анализу публичных выступлений позволяет выявить связь языка и когнитивных процессов, взаимодействующих в рамках публичной коммуникации.

Ключевые слова: публичное выступление, когнитивная лингвистика, когнитивно-дискурсивный подход, когнитивное пространство

В последнее время общество уделяет серьезное внимание публичным выступлениям политиков. Во многом это обусловлено развитием средств массовой коммуникации и сложившейся на сегодняшний день напряженной обстановкой в мире. Стоит отметить, что антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания предопределила повышенный интерес к публичным выступлениям политических деятелей в качестве объекта исследования многих социально-гуманитарных дисциплин.

Внедрение антропоцентрического подхода в лингвистику способствовало появлению новых отраслей данной дисциплины: теории речевых актов, лингвистической прагматики, теории дискурса, когнитивной лингвистики.

Среди отечественных и зарубежных ученых, внесших огромный вклад в становление и развитие когнитивной лингвистики особое место занимают Дж. Лакофф, Т.А. ван Дейк, Л. Талми, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков и др.

Будучи динамично развивающейся дисциплиной, лингвистика сочетает в себе интеграцию различных подходов к изучению явлений языка. Такой синтез позволяет наиболее комплексно изучать особенности языковых явлений, рассматривая язык как сложную систему, состоящую из множества взаимосвязанных элементов и уровней. Интеграция различных подходов учитывает различные аспекты языковой структуры, а также социальные, культурные и психологические факторы, влияющие на использование языка.

Говоря о синтезе когнитивной лингвистики с другими отраслями лингвистики, необходимо отметить вклад отечественного филолога Е.С. Кубряковой, выдвинувшей новую интегральную парадигму – когнитивно-дискурсивную. Данная парадигма представлена синтезом идей когнитивного направления, учитывающую ориентацию на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной или функциональной лингвистики (лингвистики прагматически ориентированной и дискурсивной), т.е. на пересечении когниции и коммуникации [Лузина 2008: 43]. В когнитивном аспекте лингвистического знания важная роль отводится контексту, как образованию, связанному с сознанием человека, т.е. когнитивному конструкту. В то же время, согласно В.В. Красных каждый человек обладает определенным набором когнитивных понятий и представлений как на индивидуальном уровне – индивидуальное когнитивное пространство (ИКП), на групповом (коллективном) уровне – коллективное когнитивное пространство (ККП), т.е. тех социумов, представителем которых он является, так и на уровне своего национально-лингвокультурного сообщества – когнитивной базы (КБ) [Дубровская 2011: 159]. Всё вышеперечисленное говорит о том, что когнитивная составляющая лингвистического знания человека во многом формируется за счет синтеза контекста и трех уровней когнитивного пространства (ИКП, ККП, КБ).

Говоря о дискурсивной составляющей при анализе публичного выступления, необходимо упомянуть о двойной природе дискурса как лингвистической категории. С одной стороны, дискурс тесно связан с прагматикой, т.е. с коммуникативными процессами, с другой, с целым набором экстралингвистических (социокультурных и психологических) факторов. Так, под дискурсом понимается сложное социально-коммуникативное явление, в формировании которого участвуют прагматические и когнитивные факторы, а также социальная составляющая [Джилкишиева 2022: 93]. Нидерландский лингвист Т.А. ван Дейк утверждал, что дискурсивный анализ состоит из двух аспектов – текстуального, т.е. структурного анализа текста, и контекстуального (контекстного) анализов, так что характер контекста определяет структуру текста [Шапочкин 2013: 101].

В качестве примера когнитивно-дискурсивного подхода к анализу публичного выступления был взят отрывок из речи Дональда Трампа после объявления о его победе в президентских выборах 2024 г.

В начале речи Трамп делает акцент на социально-политическом контексте, сопровождавшем процесс выборов, упор делается на ожесточенном характере политического противостояния в стране и трудности достижения победы на выборах:

*Frankly, this was, I believe, **the greatest political movement of all time**. “We overcame obstacles that nobody thought possible, and it is now clear that we’ve achieved **the most incredible political thing**”* – Честно говоря, это было, я считаю, **величайшее политическое движение** всех времен. Мы преодолели препятствия, которые никто не считал преодолимыми, и теперь ясно, что мы добились самой **невероятной политической победы** [Trump 2024].

В речевом отношении, крайне напряженная политическая борьба, упомянутая Трампом выражена в употреблении художественно-стилистических приемов, олицетворяющих грандиозность происходящих событий, в основном эпитетов. Среди троп, активно используемых в выступлениях американского лидера особое место занимает гипербола, которая служит для усиления эффекта и подчеркивает важность его идей и достижений.

Также избранный президент говорит о необходимости восстановить страну, что может трактоваться с точки зрения когнитивного аспекта как пример фреймирования, т.е. формирования когнитивной структуры, направленной на манипуляции образом Трампа как «спасителя» государства, а также попытки представить свою победу как начало нового этапа развития страны.

*And now it’s going to reach a new level of importance, because **we’re going to help our country heal**. **We’re going to help our country heal**. We have a country that needs help, and it needs help very badly. **We’re going to fix our borders, we’re going to fix everything about our country** – И теперь это выйдет на новый уровень важности, потому что **мы собираемся помочь** нашей стране восстановиться. **Мы собираемся помочь** нашей стране восстановиться. Наша страна нуждается в помощи, и очень сильно. **Мы собираемся укрепить** наши границы, **мы собираемся исправить всё в нашей стране** [Trump 2024].*

Среди речевых средств, представленных в данном отрывке, выделяется такой стилистический прием как синтаксический параллелизм, с помощью которого, подчеркивается идея «восстановления страны», а также усиливается эмоциональная выразительность речи путем закрепления постоянно повторяющейся идеи в сознании реципиентов.

Традиционным элементом в выступлениях Дональда Трампа является обращение к образу величия Америки как к символу надежды на позитивные изменения и уверенности в будущем, что является ярким проявлением когнитивного аспекта в его риторике. Образ величия Америки представляет собой сложную комбинацию исторических, культурных и эмоциональных концептов, призванную воздействовать на сознание и чувства его аудитории. Центральным элементом данного приема выступает опора на патриотизм, как на мощный когнитивный механизм, форми-

рующий чувство инклюзивности, что прямым образом воздействует на чувственно-ассоциативную сторону сознания общества.

*This will truly be the **golden age of America**. This is a **magnificent victory for the American people that will allow us to make America great again** – Это действительно будет **золотой век Америки**. Это **великолепная победа американского народа**, которая позволит нам снова сделать Америку великой [Trump 2024].*

В данном случае основным речевым средством, усиливающим эмоциональность и оценочную составляющую высказывания, выступают эпитеты. Они демонстрируют обществу отношение президента к происходящему событию.

Таким образом, в данной работе были затронуты особенности применения одного из интегральных подходов современного языкознания – когнитивно-дискурсивной парадигмы. Посредством когнитивно-дискурсивного подхода к анализу публичного выступления Дональда Трампа, были выявлены закономерности употребления речевых средств языка, главным образом стилистических, в зависимости от конкретной контекстно-когнитивной ситуации общения.

Литература

Дубровская О.Г. Когнитивно-дискурсивное направление когнитивной лингвистики как парадигма знания для интерпретации контекста // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. № 4. Т. 1. С. 155-161.

Джилкишиева М.С., Габидуллина А.К. Дискурс в рамках дискурсивно-когнитивной парадигмы // Материалы МСНК «Студенческий научный форум 2025». Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. № 12. С. 91-94.

Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сборник научных трудов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва), 2008. С. 41-49.

Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. № 10 (301). Вып. 76. С. 101-107.

Trump D. Read Donald Trump's full election victory speech // NBC Miami. 06.11.2024. URL: <https://www.nbcmiami.com/decision-2024/donald-trump-victory-speech-presidential-election/3466001/>

G.G. Tsobekhia (Moscow, Russia)

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

COGNITIVE-DISCURSIVE APPROACH TO THE ANALYSIS OF PUBLIC SPEECH (THROUGH THE MATERIAL OF D. TRUMP'S SPEECH)

The growing interest in public speeches, mainly related to the politicisation of public life, requires their deep understanding on the part of representatives of different areas of humanitarian knowledge. The synthesis of different approaches of humanitarian knowledge contributes to the comprehensive study of the given problematic. From this point of view, the cognitive-discursive approach to the analysis of public speeches, which exists within the framework of cognitive linguistics, makes it possible to reveal the relationship between language and cognitive processes interacting within the framework of public communication.

Key words: public speaking, cognitive linguistics, cognitive-discursive approach, cognitive space

*К.А. Чермошенцева (Москва, Россия)**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
kchermoshenceva@hse.ru*

МЕТАФТОНИМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ ПРИ ОПИСАНИИ СОМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА БЕРЕМЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАРРАТИВОВ)

Данное микроисследование посвящено изучению прецедентных феноменов как одной из разновидностей концептуальной метафоры, которые часто используются женщинами при описании телесного опыта гестации в современных англоязычных дискурсах о беременности в мемуарной прозе.

Ключевые слова: прецедентные феномены, концептуальная метафора, метафтонимия, телесно-ориентированный дискурс, дискурс о беременности

XX и XXI вв. были ознаменованы повышением интереса к изучению дискурсов телесности в рамках когнитивной лингвистики. Метафора, понимаемая в качестве лингвокогнитивного механизма познания и концептуализации, стала для когнитологов наглядным и репрезентативным объектом и инструментом для изучения телесно-ориентированных дискурсов. Несмотря на свое бурное развитие, в данной сфере остается множество исследовательских лакун. Например, несмотря на разработанность дискурса о беременности с точки зрения медицины, социологии и антропологии, он практически не изучен с точки зрения разнообразия используемых метафорических образов при описании соматического опыта гестации в современных англоязычных мемуарной прозе самими женщинами.

Целью исследования стало изучение особенностей метафорических репрезентаций, свойственных для данного дискурса. Предметом послужил специфичная разновидность концептуальной метафоры – прецедентные феномены. В качестве материала нами были выбраны мемуарные нарративы, написанные женщинами, испытавшими опыт беременности и родов. Подобные нарративы являются неотъемлемой частью дискурса наравне с медицинскими пособиями и справочниками и представляют исследовательский интерес, т.к. являются рассказанными последовательно от первого лица нарративами с определенной долей точности и сильной эмоциональной компонентой [Regan 2009], которая и стимулирует авторов к употреблению не конвенционального языкового материала.

В рамках данного микроисследования мы выявили неразрывную связь прецедентных феноменов с физиологической стороной процесса гестации и, как следствие, их метафтонимическую природу.

Термины «прецедентность» и «прецедентный текст» были сформулированы Ю.Н. Карауловым [Караулов 1986]. Позже данная сфера была доработана и расширена благодаря работам Д.Б. Гудкова и В.В. Красных. Была уточнена терминология: прецедентные феномены были разделены на разновидности (прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуа-

ции) [Красных и др. 1997: 172]. Д.Б. Гудков отмечает многоуровневую иерархическую структуру единиц культурного кода, лежащих в основе прецедентных феноменов, которая существует в общем для каждого лингвокультурного сообщества «когнитивном пространстве». Упомянутое пространство обладающей определенной долей динамичности, а следовательно, изменчивости, что является причиной существования не только общих когнитивных моделей для всех носителей, но и индивидуальных трактовок представлений [Гудков 2020: 29-32]. Среди причин употребления прецедентных феноменов в дискурсе можно упомянуть «изменение плотности информационного потока», общеизвестность феноменов, профилирование определенных аспектов опыта, а также разнообразные процессы (в частности, концептуальная метафора) лежащие в основе природы прецедентности [Гришаева 2021: 91].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что особенности применения прецедентных феноменов и концептуальной метафоры во многом совпадают. Концептуальная метафора, как более универсальный когнитивный механизм, представляет собой трансфер салиентных признаков из более определенной сферы-источника в менее определенную сферу-цели. Как и прецедентные феномены, метафора глубоко укоренена в сознании человека благодаря опыту, который он получает из внешней среды. Таким образом порождаются когнитивные структуры, с помощью которых человек концептуализирует опыт и репрезентует его вовне с помощью метафорических переносов [Lakoff, Johnson 1980]. Стоит отметить, что вышеописанному когнитивному процессу свойственна не только метафоризация (т.е. связь между двумя различными доменами), но и метонимизация, которая представляет собой отношения смежности внутри одного домена [Berger 2015]. Метонимия являет собой базу для дальнейшего метафорического переноса телесного опыта. Взаимосвязь всех элементов процесса хорошо представлена в работах Н. Ю в виде следующей последовательности: телесный опыт – метонимия – метафора – абстрактные понятия [Ning Yu 2008]. В данной схеме немаловажным является сильное влияние социокультурного фактора на конечные лингвистические репрезентации [Kövecses 2005; Нагорная 2014].

Таким образом, можно говорить о комплексной метафтонимической природе прецедентных феноменов при описании телесного опыта, что позволяет описывать эмоционально-соматический опыт беременности ярко, образно, с наличием деталей. Также стоит упомянуть, что прецедентные феномены обладают большим запасом имплицитной доменной информации в силу своей комплексной информационной и концептуальной структуры, что дает простор для лингвистического и метафорического творчества на уровне индивида.

Доменными источниками для описания телесного опыта могут стать значимые явления культуры: кинофильмы, анимация, книги, известные личности, обиходно-бытовые предметы и др.

Сказочные сюжеты часто используются для описания различных аспектов гестации. Например, применение сюжета сказки «Принцесса на горошине» дает представление читателям о том, какой дискомфорт может испытывать беременная женщина со сном: *Last night I tossed and turned, the same way I've always imagined the leading character in "The Princess and the Pea" would as she tries to sleep atop a pile of mattresses. No single sleeping position felt adequate or remotely comfortable, and I don't think I even had a pea wedged underneath me* (P.C. Emese. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond, p. 177). Сюжетные повороты ирландских народных сказок о лепреконе и спрятанном им горшочке с золотом на конце радуги также находят свое отражение в нарративах, где гном становится символом болей в пояснице, а горшочек – комплексом упражнений для беременных, которые позволяют избежать физиологического дискомфорта: *The trouble at this stage of pregnancy was that we were unprepared for how difficult it was <...> (with gestational diabetes and lower-back pain that felt like a leprechaun was following me around with little daggers in his hands, continuously tripping on his own hooked shoes and shouting, "Oops! Oh, sorry again, m'lady!")* (E. Salem. Finding Inner Peas: My Sometimes-Hilarious Story of Infertility, High-Risk Pregnancy, and Finding out That I Control Absolutely Nothing); *when pregnant mothers exercise, it also benefits their babies in amazing ways. ... Basically, it's like finding a pot of gold at the end of a rainbow (well, almost)* (P.C. Emese. To Carry Wonder: A Memoir and Guide to Adventures in Pregnancy and Beyond, p. 71).

Помимо сказок классическая литература также представляют богатую почву для появления концептуализированных доменов-источников в когнитивной базе. Для англоговорящих, произведения Льюиса Керролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» стали источником для употребления многочисленных отсылок, среди которых упоминание кроличьей норы встречается довольно часто. В дискурсе беременных кроличья нора стала символом запутанных, тревожных ситуаций, с которыми женщина особенно часто сталкивается в первый триместр: *I could only register the fact that my baby might fall out of my uterus at any moment. My vision began to blur and both Chris and the doctor seemed far away, her voice echoing like she was down a rabbit hole* (A. Weintraub. Knocked Down: A High-Risk Memoir (American Lives), p. 33); *We were falling further and further down the rabbit hole with these bizarre high-risk occurrences* (C. Duffy. Twin to Twin: From High-Risk Pregnancy to Happy Family, p. 72); *I launched Project Baby, tumbling down the rabbit hole of infertility options* (S. Kowalski. Motherhood Reimagined: When Becoming a Mother Doesn't Go As Planned: A Memoir).

Современные фильмы и реалити тоже находят свое отражение в нарративах в качестве источников для крайне не конвенциональных сравнений. Так, для описания тревожности и низкой степени материнско-фетальной привязанности используются образы Эллен Рипли и пришельца из кинофильма «Чужой». Уже к концу беременности женщина привыкает к своей роли будущей матери и воспринимает

ребенка как нечто неотделимое от себя, используя образ русской матрешки: *I feel like Sigourney Weaver in Alien. I can't help poking the foot or the fist a little when it shoots out. I'm starting to love this* (H. McNish. Nobody Told Me, p. 49); *I realise I already have a baby living beneath my flesh who I will meet soon. A stranger inside my body. I am not Sigourney Weaver in Alien. I am a real-life Russian doll* (H. McNish. Nobody Told Me, p. 59); *The Russian doll is split. We came as one. We are now two separate humans and I still don't know her name* (H. McNish. Nobody Told Me, p. 75).

Все вышеперечисленные примеры демонстрируют частоту использования прецедентных феноменов беременными женщинами для репрезентации телесного опыта гестации. Они имеют ярко выраженную метафтонимическую природу и глубоко укоренены в соматическом опыте, что делает их идеальными средствами для нетривиального описания переживаний.

Литература

- Гришаева Л.И. Когда прецедентные феномены предпочтительнее первичных номинативных средств? // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 91-100.
- Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. М.: Едиториал УРСС, 2020.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Галлея-Принт, 2015.
- Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 82-93.
- Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: вербалика внутрителесных ощущений. М: ЛЕНАНД, 2014.
- Berger H. Figures of a changing world: Metaphor and the emergence of modern culture. New York: Fordham University Press, 2015.
- Kövecses Z. Metaphor in culture: Universality and variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Regan S. Autobiography and Memoir in Modern Ireland // Belgrade English Language and Literature Studies, 2009.
- Yu N. The Relationship Between Metaphor, Body and Culture // Body, Language, and Mind / ed. by R. M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, E. Bernardez. Vol. 2. Sociocultural Situatedness. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 387-407.

K.A. Chermoshentseva (Moscow, Russia)
HSE University

THE METAPHTHONYMIC NATURE OF PRECEDENT PHENOMENA IN DESCRIBING THE SOMATIC EXPERIENCE OF PREGNANCY (BASED ON MODERN ENGLISH-LANGUAGE NARRATIVES)

This micro-study is devoted to the study of precedent phenomena as one of the types of conceptual metaphors that are often used by women when describing the bodily experience of gestation in modern English-language discourses about pregnancy in memoir prose.

Key words: precedent phenomena, conceptual metaphor, metaphonymy, body-oriented discourse, pregnancy discourse

С.В. Чертоусова (Саранск, Россия)

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
pippi-langstrumpf@yandex.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПАНСКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

В статье рассматриваются ситуативно обусловленные особенности употребления и семантика испанских личных местоимений в диахроническом аспекте с учетом региональных вариантов языка. Определяется роль данной части речи в формировании языковой картины мира и объективном отражении меняющейся действительности.

Ключевые слова: личное местоимение, дейксис, языковая картина мира, региолект, вокатив, гендер

Местоимения неоднократно становились объектом когнитивных исследований. Несмотря на то, что они не несут конкретного лексического значения и служат лишь для указания на предмет или лицо, несомненный интерес для изучения представляет устанавливаемая ими отнесенность говорящего к коммуникативной ситуации: объекты окружающего мира обозначаются посредством местоимений именно с позиции продуцента речи, который осуществляет их субъективную категоризацию [Ерзинкян 2017: 168]. Самым очевидным примером этому может служить категория вежливости (существование или отсутствие в языке оппозиции ты / Вы), а также определение говорящим гендерной принадлежности живых существ.

Наряду с пассивной функцией фиксации в языке социальной структуры общества и способа мышления индивидов, принадлежащих к конкретной лингвокультуре, местоимения как дейктические средства играют активную роль в формировании социальных смыслов в личностном существовании и в создании национальной языковой картины мира [Федюнева 2009: 124]. Поскольку анализ их семантики невозможен без анализа ситуации общения, в речи местоимения функционируют как прагматические переменные, актуальные смыслы которых складываются под влиянием параметров отдельного речевого акта [Ерзинкян 2017: 171]. Объектом настоящего исследования стала система личных местоимений в испанском языке с позиций когнитивного подхода. Анализ их семантики и функционирования в аспекте диахронии позволит определить роль данной части речи в формировании испаноязычной языковой картины мира.

Прежде всего, отметим, что в использовании личных местоимений как в письменной, так и в устной речи на испанском языке наблюдаются противоположные тенденции: с одной стороны, в функции подлежащего происходит их элиминирование, с другой стороны, прямые и косвенные дополнения дублируются перед спрягаемой частью глагола и после него, создавая таким образом лексическую избыточность.

Грамматически эллипсис местоимения объясняется принадлежностью испанского к так называемым языкам *pro-drop*, в которых информация о лице и числе

подлежащего помимо собственно личного местоимения передается формой глагола, что позволяет опустить его. Таким образом, нулевое подлежащее типично для ситуаций, когда предмет или субъект однозначно определен для говорящих с учетом контекста сообщения: (*Él, ella*) *no va a venir a clase hoy* [Matte Bon 2005: 249]. Необходимость в экспликации подлежащего появляется при выполнении местоимением прагматических функций, отличных от дейктической: так, формы 2 лица единственного и множественного числа *usted, ustedes* чаще сохраняются и в утвердительных, и в вопросительных предложениях, поскольку указывают на отношения между говорящими (вежливое обращение к собеседнику): *Es usted el único que me puede ayudar*. Кроме того, личные местоимения употребляются в функции эмфазы или контраста, а также для исключения неоднозначности в высказывании: *El jefe no soporta si alguien llega tarde. – Pero tú siempre llegas a tiempo* [Moreno 2020: 131].

Редундантные формы дополнений (*objeto directo, objeto indirecto*) воспринимаются как нейтральные и в стилистическом плане, и в синтаксическом построении фраз, при этом четких правил дублирования местоимений в грамматических справочниках не дается: *Le he preguntado a Carmen sobre el examen*. Отмечается, что ударной форме местоимения всегда предшествует безударная: *Y de repente me lo dice a mí* [Matte Bon 2005: 257]. Следовательно, чем больше контекстуальной информации известно о предмете или субъекте, выражаемом местоимением, тем выше частотность его опущения как подлежащего и тем вероятнее оно будет дублироваться в функции прямого или косвенного дополнения. Такое явление несвойственно для других, в т.ч. родственных языков, что указывает на своеобразие лингвокультуры и языковой картины мира испаноязычных стран в данном компоненте представления действительности.

Еще одной особенностью испанского языка является наличие региональных вариантов, что позволяет считать его полицентрическим. Лексико-грамматические отличия в них обусловлены этапами распространения испанского языка на американском континенте и проявляются в т.ч. в составе и употреблении личных местоимений. Так, оппозицию в использовании местоимений второго лица множественного числа образуют пиренейский (*vosotros*) и латиноамериканский (*ustedes*) региолекты. Фраза «Я вас слушаю» в Испании звучит как *Os escucho a vosotros*, а, например, в Мексике – *Les escucho a ustedes*. Таким же образом можно разграничить регионы с лингвистическими феноменами *tuteo* и *voseo*: в Аргентине, Парагвае, Уругвае и некоторых регионах других латиноамериканских стран при обращении на «ты» употребляется местоимение *vos*: *Vos sos su hermano*. В Испании то же предложение выглядит как *Tú eres su hermano*. Значит, даже в предложениях без национально-маркированной лексики личные местоимения второго лица эксплицитно выражают региональную принадлежность продуцента, что необходимо учитывать при интерпретации высказывания как в одноязычной, так и в двуязычной коммуникации (при переводе).

Важное место в языковой картине мира любого народа занимает выражение социальной стратификации общества, а именно его иерархической структуры. Наличие двух форм вокатива при обращении к одному лицу (ты / Вы) указывает на учет в речи статуса и социальной роли собеседника и присутствует во многих языках мира, однако в испанском языке региолекты порождают дополнительные прагматические значения личных местоимений. В пиренейском национальном варианте противопоставляются формы *tú / usted* и *vosotros / ustedes* по степени формальности общения (*trato de confianza / trato de respeto*), однако в последние десятилетия отмечается расширение сферы употребления неформальных форм *tú* и *vosotros* и их преобладание в профессиональном дискурсе, в сфере обслуживания, при общении с незнакомыми людьми [Matte Bon 2005: 243]. В языковом сознании жителей Испании частое использование *tú* стало прочно ассоциироваться с речью молодежи и символизировать равенство в обществе.

В странах Латинской Америки форма местоимения второго лица во множественном числе (*ustedes*) не отражает категорию вежливости. Тенденция замены вежливых форм обращения на неформальные там пока не получила распространения, поэтому вокатив *usted* используется в разных коммуникативных ситуациях, среди которых нетипичное для варианта Испании значение передачи привязанности и нежности к собеседнику (например, к членам семьи) [Matte Bon 2005: 244]. Так называемое «солидарное Вы» (*usted de solidaridad*) использовалось носителями испанского языка повсеместно до начала XX в., поэтому в письменном тексте эта форма может указывать на эпоху его создания. В настоящее время в устной коммуникации в странах Латинской Америки такое обращение сохранилось в сельской местности: например, *Hijito, haga usted lo que digo*. Следовательно, помимо региональных маркеров подобные фразы содержат стратификационные индикаторы и имплицитно выражают принадлежность говорящего к определенному слою общества. Приведенные примеры показывают, что использование вокатива носителями испанского языка больше обусловлено ситуацией общения, нежели установленными в языке грамматическими правилами.

Отдельного внимания заслуживает выражение в испанском языке грамматической категории рода посредством местоимений. В этой связи можно выделить по крайней мере две гендерные оппозиции, отражающие деление объектов окружающей действительности в испаноязычной лингвокультуре. Одна из них – категория одушевленности / неодушевленности обозначаемого существительного. Личные местоимения 3 лица единственного и множественного числа *él, ella, ellos, ellas* обычно относятся к одушевленным лицам, в т.ч. к животным: *Óscar quiere ser modista y se hace la ropa él mismo* [Matte Bon 2005: 245-246]. Для указания на группу неодушевленных существительных, а также на фразу или ситуацию в целом служит местоимение среднего рода *ello*, которое гендерно не маркировано: *Martín llevaba noches sin dormir. Ello preocupaba a sus padres*. Замена местоимениями существительных противоположной категории невозможна.

Кроме того, фундаментальной оппозицией в коммуникации на любом языке является фемининность / маскулинность. Как известно, гендер составляют не только биологические признаки пола участника общения, но и совокупность его социально-аксиологических характеристик, что придает данной категории динамический характер и делает ее исторически изменчивой и национально обусловленной [Смирнова 2015: 198]. В испанском языке ряд личных местоимений не содержит указания на род обозначаемого лица: это формы 1 и 2 лица *yo, tú, usted, ustedes*. Данный факт объясняется тем, что обозначаемые ими лица всегда являются активными участниками коммуникативного акта (это либо продуцент, либо адресат сообщения). Таким образом, их роли однозначны, четко определены, значит, отсутствует необходимость выражать гендер лингвистическими средствами. Противоположная ситуация возникает с использованием личных местоимений 3 лица единственного и множественного числа, а также форм 1 и 2 лица во множественном числе *él / ella, ellos/as, nosotros/as, vosotros/as*. Обозначаемые ими лица являются пассивными участниками дискурса, поэтому с целью избежать двусмысленности или неточности при указании на пол референта в испанском языке функционируют по две вышеуказанные формы этих личных местоимений [Matte Bon 2005: 243].

Динамичность категории рода в испанском языке проявляется в том, что борьба с дискриминацией в обществе и распространение идей толерантности породили так называемый «инклюзивный язык», в котором бинарная оппозиция окончаний *-o/-a* для мужского и женского рода заменяется гендерно нейтральным *-e* и создаются неоместоимения *elle(s), nosotros, vosotros: Vamos a la fiesta sin elles*. В настоящий момент данные формы не считаются стандартными в большинстве испаноговорящих стран, однако их распространение в речи молодежи и определенных социальных групп как нельзя лучше иллюстрирует актуальное изменение языковой картины мира и отражение новой объективной реальности в испаноязычной лингвокультуре.

Литература

- Ерзиньян Е. К вопросу об особенностях местоименной семантики: когнитивно-прагматический аспект // *Foreign Languages in Higher Education*. 2017. № 21. С. 166-173.
- Смирнова Г. В. Выражение гендера во фразеологизмах французского и русского языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. 2015. № 12 (723). С. 197-204.
- Федюнова Г. В. Местоимения в контексте когнитивной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 124-128.
- Matte Bon F. Gramática comunicativa del español. Tomo 1. De la lengua a la idea. Edelsa, 2005.
- Moreno C. Gramática. Nivel superior C1–C2. Anaya ELE, 2020.

S.V. Chertousova (Saransk, Russia)

Ogarev Mordovia State University

COGNITIVE AND DISCURSIVE FEATURES OF SPANISH PERSONAL PRONOUNS AS REPRESENTATIVES OF THE LINGUISTIC WORLDVIEW

This article deals with situation-based features of usage and semantics of Spanish personal pronouns in diachronic perspective taking into account regional dialects of Spanish. Their role in the formation of the linguistic worldview and objective reflection of the changing reality is determined.

Key words: personal pronoun, deixis, linguistic worldview, regional dialect, vocative, gender

Е.Д. Чулкова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

chulkova.evdokia@yandex.ru

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В НОМИНАЦИИ РЕФЕРЕНТОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Настоящее исследование направлено на изучение ономасиологических новаций в конструировании референтов-исторических личностей и референтов-исторических событий, появление которых обусловлено повышением художественного потенциала дискурса. К таким новациям в отношении референтов-исторических событий относятся усиление как их агентивной, так и пассивной роли, детализация их характеристик, а также их локализации в пространстве, что отражает две тенденции построения художественного исторического дискурса – его динамизацию и персонификацию при его основной сохраняющейся в разных жанрах тенденции к документальности.

Ключевые слова: когнитивно-ономасиологический анализ, историческая личность, историческое событие, исторический дискурс, междискурсивное взаимодействие, ономасиологические новации, номинация

Настоящее исследование посвящено изучению ономасиологических новаций при конструировании ономасиологической категории референции, реализующейся в данной работе в референтах двух типов: референте-исторической личности и референте-историческом событии. В качестве методологического решения предлагается процедура разрабатываемого контрастивного когнитивно-ономасиологического анализа, включающая в себя контекстуально-семантический и когнитивно-ономасиологический анализ [Кубрякова 1986; Blank 1999; Cuyskens и др. 2003; Беляевская 2008; Киосе 2022], дополнительно используются методы лексикографического и корпусного анализа, метод аннотирования и статистической обработки данных. Разрабатываемый метод предполагает установление состава категории РЕФЕРЕНТ путем определения ономасиологических компонентов в трех видах исторического дискурса (научный, публицистический, художественный) и далее – ономасиологических новаций, диктуемых сменой типа дискурса. Отметим, что поскольку разрабатываемый метод позволяет рассматривать два типа референта на одном основании, в настоящей работе анализ производится в двух направлениях:

анализ состава компонентов и его варьирование при междискурсивном взаимодействии отдельно в каждом из рассматриваемых типов референтов (исторических личностей и событий) и анализ состава компонентов и его варьирование между двумя типами референта.

Материалом анализа послужили русскоязычные и англоязычные контексты, включающие прямую номинацию референтов (исторических личностей и исторических событий) в энциклопедиях, представляющие научный исторический дискурс, а также в корпусах НКРЯ и СОСА публицистических и художественных текстов, представляющих соответственно публицистический исторический и художественный исторический дискурсы. Анализ производился на примере 10 исторических личностей (И. Сталин, М. Горбачев, Н. Хрущев, Ю. Андропов, Б. Ельцин, W. Churchill, M. Thatcher, J.F. Kennedy, D. Eisenhower, F. Roosevelt) и 10 исторических событий XX в. (Афганская война, XX съезд КПСС, Карибский кризис, Перестройка, Тегеранская конференция, D-day, Civil Rights Act, Apollo 11 moon landing, the Gulf War, the Vietnam War). Критериями отбора личностей и событий послужила их репрезентативность как в исторических источниках [Непомнящий 2006; Булакова 2011], так и в трех вариантах исследуемого типа дискурса.

Предлагаемая процедура анализа состоит из нескольких этапов (подробнее см. в [Чулкова 2024]), предполагающих установление семантических компонентов и ролей в простых распространенных и нераспространенных предложениях, содержащих номинации изучаемых референтов (при помощи состава семантических ролей ФреймБанк [Ляшевская, Кашкин 2015]), и далее на основе выделенных семантических ролей – определение ономаσιологических компонентов, укрупненных в 4 когнитивные роли (используется состав когнитивных ролей в теории Дж. Пустейовского [Pustejovsky 1991]): конститутивная, формальная, телическая и агентивная. Заключительный этап анализа предполагает определение ономаσιологических новаций, выражающихся в качественном и количественном изменении состава компонентов категории с учетом смены типа дискурса, что представляет предмет анализа данного исследования. Отметим, что в настоящей работе фокус исследования направлен на определение состава компонентов категории референции непосредственно в самой номинации, характеризующей изучаемых референтов (или же номинативном ядре категории), однако разрабатываемая процедура может применяться и для анализа категории референции в более широких контекстах, включающих не только ономастические наименования референтов, но и сопутствующие им лексические единицы в рамках целого предложения [см. подробнее в Чулкова 2024]. В целом, в ходе работы были привлечены 38 энциклопедических словарей и энциклопедий на русском и английском языках, сформирован и размечен рабочий корпус ономастических номинаций в простых (не)распространенных предложениях объемом 1986 единиц, из которых 997 предложений представляют русскоязычные контексты и 989 предложений – англоязычные.

Приведем основные результаты. На первом этапе были определены семантические роли, характерные для номинации референтов двух типов, среди которых наибольшей частотностью как у референта-исторической личности, так и у референта-исторического события обладают такие роли как Агенса, Тема, Признак, Субъект перемещения. Были обнаружены также различия в составе семантических ролей между двумя типами референтов: у референта-исторической личности были установлены также семантические роли Бенефициант и Субъект ментального состояния, которые, однако, отсутствуют в составе исторического события.

На следующем этапе анализа устанавливаются ономаσιологические компоненты, укрупненные в 4 ономаσιологические роли [Pustejovsky 1991]: конститутивную (определяющую внутреннюю структуру референта), формальную (представляющую внешнюю структуру референта), телическую (раскрывающую предназначение и целевую установку референта) и агентивную (актуализирующую происхождение референта). Наибольшее количество компонентов как у личности так и у события (6) в номинации референтов было установлено у конститутивной роли, формальная и телическая роли насчитывают каждая по 2 компонента соответственно, компоненты агентивной роли установлены не были. Приведем примеры.

Примеры (1) – (3) характеризуют конститутивную роль, которая представлена такими компонентами как *Участник/объект ситуации, выполняющий перемещение* (*Margaret Thatcher* (пример 1), *Субъект ментального состояния* (*Хрущев* (пример 2), *Активный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-либо в современном мире* (*перестройка*): (1) *When British Prime Minister Margaret Thatcher visited Beijing in 1982* (СОСА); (2) *Писателей, например, Хрущёв намеревался прикрепить к заводам* (НКРЯ); (3) *Но горбачевская перестройка ломала стереотипы* (НКРЯ).

Формальная роль реализуется через компоненты *Тот аспект объекта или участника, который отличает его от остальных* (*Franklin Delano Roosevelt* (пример 4) и *Участник, извлекающий пользу из события* (*Хрущев* (пример 5): (4) *<...> that the Franklin Delano Roosevelt Memorial took 41 years to complete* (СОСА); (5) *Хрущев использовал фактически начавшуюся десталинизацию страны в интересах личной власти* (НКРЯ).

Телическая роль представлена в примере (6) компонентом *Перемещение, которое производит участник ситуации* (*traveled to*): *Franklin Delano Roosevelt first traveled to the piney woods of western Georgia in 1924, seeking to treat his polio with the curative powers of the mineral-rich springs at the Meriwether Inn at Warm Springs* (СОСА).

На заключительном этапе при помощи статистического анализа (t-test парных выборок) в трех комбинациях изучаемых типов дискурсов (научный vs публицистический, научный vs художественный, публицистический vs художественный) были определены ономаσιологические новации, т.е. варьирование в распределения частотности ономаσιологических компонентов и ролей, диктуемое сменой типа дискурса. Значимые различия были установлены только у референта-историческо-

го события в конститутивной роли (при $p = 0.044$) между научным и публицистическим историческим дискурсом, что выражается в росте показателей таких компонентов как *Активный участник ситуации, целенаправленно изменяющий что-либо во внешнем мире; Пассивный участник ситуации, который никак не меняется в ходе ее развития; Объект или участник ситуации, отличающийся от всех остальных; Участник/объект ситуации, выполняющий перемещение*. Таким образом, при конструировании референта-исторического события ономастиологические новации непосредственно в номинации референтов проявляются в увеличении активных и пассивных участников события, усилении их специфических характеристик, а также увеличении участников события, выполняющих определенное перемещение. Это может быть обусловлено тем, что при повышении художественного потенциала дискурса прослеживается тенденция к его персонификации, стремлению автора текста приблизить его к читателю или же сделать соавтором созданного текста [Лукин 2005], придать тексту большую динамизацию. Вместе с этим, увеличение показателя, описывающего специфические характеристики участников/объектов исторического события, коррелирует с идеей о «документальности» исторического дискурса [Егорова 2016], которая актуализируется через упоминание реально существующих личностей и локаций, легко узнаваемых читателем через их особые характеристики при описании.

Литература

- Беляевская Е.Г. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2008. № 554. С. 140-146.
- Булгакова И.В. Знаменитые люди XX века. Серия: историческая библиотека. Ростов-на-Дону: Владис, 2011.
- Егорова О.Н. Лингвоспецифика исторического романа // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 4. С. 63-67.
- Киосе М.И. Лингвокреативность имени собственного в дискурсе: когнитивно-семиотические основания // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 51. С. 486-496.
- Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
- Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2005.
- Ляшевская О.Н., Кашкин Е.В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6. С. 464-556.
- Непомнящий Н.Н. 100 великих событий XX века. М.: Вече, 2006.
- Чулкова Е.Д. Художественные модификации исторических событий в дискурсе: контрастно-ономастиологическое исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. 2024. № 6 (887). С. 119-126.
- Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change // Historical Semantics and Cognition / A. Blank, P. Koch (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 61-90.
- Cuyckens H., Dirven R., Taylor J.R. Cognitive Approaches to Lexical Semantics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistics. 1991. Vol. 17 (4). Pp. 409-421.

*E.D. Chulkova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

ONOMASIOLOGICAL NOVELTIES IN THE NOMINATION OF REFERENTS IN HISTORICAL DISCOURSE

The present study is dedicated to the establishment of onomasiological novelties in the construal of the category of reference (presented by historical personalities and historical events) with an increase of fictional potential of discourse. The undertaken analysis reveals that onomasiological novelties manifest themselves in historical events in the increasing role of active and passive participants, specification of their characteristics as well as their localization in space. The received findings reflect two tendencies in the construal of fictional historical discourse that is its dynamization and personification with its main tendency towards documentary maintained in different genres.

Key words: cognitive onomasiological analysis, historical personality, historical event, historical discourse, interdiscourse transfer, onomasiological novelties, nomination

*А.О. Чупахина (Санкт-Петербург, Россия)
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
alexandra.chupakhina@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ ИНТЕРВЬЮ С АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ХУДОЖНИКАМИ

В статье исследуются особенности функционирования эстетической оценки в дискурсе интервью с англоязычными художниками. Особое внимание уделяется взаимодействию эстетической оценки с другими типами оценочных значений. Делается вывод о том, что эстетическая оценка, вербализуемая художниками, взаимодействует с технической, утилитарной и телеологической оценками, что обусловлено спецификой профессиональной деятельности художников.

Ключевые слова: дискурс интервью, параметры оценки, эстетическая оценка, утилитарная оценка, телеологическая оценка, техническая оценка, теория оценки

Оценка является универсальной языковой категорией, которая неразрывно связана с дискурсивной деятельностью, в рамках которой осуществляется анализ свойств объектов и выражение отношения к ним. Художник, выступая субъектом дискурсивной деятельности, соотносит интерпретируемые предметы и явления с теми знаниями, которые содержат представления о нормах и ценностях, как личных, так и конвенциональных.

Исследование оценки как языковой категории осуществлялось в философских и лингвистических работах, в которых были предложены различные трактовки понятия и подходы к классификации оценочных смыслов. В логико-философских интерпретациях оценка определяется как выражение положительного или негативного отношения к объекту и базируется на дихотомии *хорошо/плохо*. В структуре оценки выделяются субъект, объект, основание и характер оценки [von Wright 1963; Ивин 1970].

Н.Д. Арутюнова трактует оценку как процесс сравнения свойств объекта с идеализированной моделью мира. Положительная оценка дается в случае, если объ-

ект соответствует данной модели, а отрицательная – если наблюдается отклонение. Ученый делит оценочные значения на общеоценочные, основанные на дихотомии *хорошо/плохо* и частнооценочные, которые основаны на квалификации отдельных свойств объекта и делятся на три группы: 1 – сенсорные оценки: зависят от физического и психического восприятия, включают сенсорно-чувственные и психологические оценки; 2 – сублимированные оценки: связаны с духовным началом человека, включают эстетические (основаны на осмыслении сенсорных ощущений) и этические (основываются на моральных ценностях); 3 – рационалистические оценки: связаны с функциональностью объекта и его полезностью, включают утилитарные, нормативные и телеологические оценки [Арутюнова 1999].

В теории оценки, разработанной за рубежом (Appraisal Theory) [Martin, White 2005; Hood 2010, 2019], особое внимание уделяется оценочному значению, которое языковые единицы приобретают в определенном контексте. В теории выделяются три области оценки: центральная область – *attitude* (отношение) – связана с описанием эмоционального состояния субъекта, суждениями о соответствии объекта нормам, а также с оценкой ценности объекта; *engagement* (вовлеченность) касается того, как говорящий выражает свою позицию; *graduation* (градуальность) – интенсивность и степень оценочного значения.

Область *attitude* (отношение): делится на три подсистемы: 1 – *affect* (чувства, эмоции) связано с выражением психоэмоционального состояния; 2 – *judgment* (суждение) связано с оценкой действий или качеств людей на основе моральных, этических, социальных или других норм; 3 – *appreciation* (значимость) – оценка ценности объектов, как материальной (например, большой красивый дом), так и абстрактных (например, вдохновляющая идея).

Эстетическая оценка основана на субъективном восприятии эстетических характеристик и может быть направлена как на оценку материальных объектов (например, произведения искусства, архитектура, природа), так и на абстрактные явления (например, идея, концепция, стиль). По характеру эстетическая оценка может быть классифицирована как положительная, отрицательная, нейтральная и амбивалентная [Петухова 2007]. В настоящем исследовании на материале дискурса интервью с англоязычными художниками предпринимается попытка проанализировать особенности функционирования эстетической оценки в свете теории оценки и на основе параметра *attitude*.

Обратимся к анализу примеров:

I loved the works of Winslow Homer, his watercolors, which I studied intently so I could assimilate his various watercolor techniques. I was so much taken by the lucid blues, silvery grays, and subtle yet crackling black and brownish black reflections in the water in reproductions of the works of the Renaissance master Piero della Francesca. But above all, I admired the graphic work of the northern Renaissance genius Albrecht Dürer [Hoving 1978: 15].

В рассматриваемом фрагменте репрезентирована положительная эстетическая оценка произведений живописи. Показателем оценки служат предикаты с поло-

жительной эмотивной и оценочной семантикой *loved, was so much taken, admired*. Эстетическое чувство удовольствия и восхищения у художника вызывает не только восприятие картин *the works, the graphic work*, но и изучение техники исполнения деталей произведений живописи *his various watercolor techniques; lucid blues, silvery grays, and subtle yet crackling black and brownish black reflections*. Можно говорить, что в высказывании актуализированы сразу несколько подсистем параметра *attitude*: не только подсистема *affect* (чувство) – в связи с использованием для описания эмоционального состояния художника эмотивных предикатов с положительной семантикой, – но и *appreciation* (значимость), поскольку изучение технического мастерства предшественников имеет эстетическую и практическую ценность. Можно сделать вывод о том, что ситуация оценки эстетической стороны произведения живописи является «катализатором» актуализации и других видов оценки, а именно: технической оценки, поскольку художник оценивает соответствие произведений живописи определенным техническим критериям и стандартам *his various watercolor techniques*, и утилитарной оценки, которая основывается на практической пользе объекта, о чем свидетельствует предикат *could assimilate*. В словарной дефиниции онлайн словаря Cambridge Dictionary глагол *to assimilate* имеет следующее значение: *to take in and make a part of your basic knowledge something learned from others, so that you can use it as your own* [Cambridge Dictionary]. Таким образом, рассматриваемый глагол имеет как семантику усвоения и понимания информации, так и использования полученной информации на практике, что вербализует утилитарную оценку.

Рассмотрим еще один пример:

As the sun was coming up, appeared a perfect rainbow, with lightning flashing in the middle. What with that, and the sun hitting the tops of the monuments, it was like Moses coming to speak. It was one of the most thrilling, dramatic pieces of nature I had ever stood in. Then we drove to the Grand Canyon, which was crowded in a way that Monument Valley had not been, its southern rim full of people. It's beautiful, anyway, to sit and look at. We left the Grand Canyon at sunset and drove back, a ten-hour drive more or less through the desert, reaching Los Angeles at two or three in the morning. On my return I started painting intensively [Gayford 2016: 221].

Представленный фрагмент репрезентирует ситуацию эстетической оценки природы. Эксплицитная эстетическая оценка представлена при помощи прилагательных с положительной оценочной семантикой: *perfect; the most thrilling, dramatic; beautiful*, при этом прилагательные эмоционально-маркированы, некоторые из них имеют превосходную степень. Использование таких лексем свидетельствует об эмоциях художника, вызванных красотой и величием природы. На наш взгляд, данный пример в т.ч. репрезентирует амбивалентную эстетическую оценку. Показателем амбивалентной оценки служит использование прилагательных, передающих как позитивную (*beautiful*), так и негативную (*crowded, full of people*) характеристику местности. В словарной дефиниции онлайн словаря Collins Dictionary

прилагательное *crowded* имеет отрицательную оценочную семантику: *uncomfortably close together; filled with a crowd* [Collins Dictionary]. Метафорическое сравнение *it was like Moses coming to speak* имплицитно положительную эстетическую оценку, поскольку горный пейзаж сравнивается с библейской сценой, что усиливает ощущение грандиозности и значимости воспринимаемого образа.

Следует также отметить, что эстетическая оценка пейзажа сопровождается телеологической оценкой, что одновременно актуализирует подсистемы *affect* (чувство) и *appreciation* (значимость). Присутствие толпы людей не отторгает художника настолько, чтобы покинуть место, а значит нахождение там имеет определенную цель: созерцать пейзаж, несмотря на препятствие в виде большого количества людей *It's beautiful, anyway, to sit and look at*. Более того, природные явления не только описаны как прекрасные, но также оказываются источником вдохновения для последующего творчества *On my return I started painting intensively*, что имплицитно телеологический характер оценки объекта, поскольку эстетические впечатления повлияли на эмоциональное и творческое состояние художника и, таким образом, получили функциональное значение.

Проанализировав материал, можно говорить о том, что художник репрезентирует эстетическую оценку в высказываниях, в которых он вербализует свои эмоции и фокусируется на оценке ценности объектов, актуализируя такие подсистемы параметра *attitude*, как *affect* и *appreciation*. Художник в момент оценки эстетической стороны объекта, не только испытывает эмоции от его восприятия, но и видит в нем практическую ценность. Таким образом, эстетическая оценка взаимодействует с другими типами оценки: технической, утилитарной, телеологической.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 130-274.
- Ивин А.Л. Основания логики оценок. М.: Изд-во Московского университета, 1970.
- Петухова Т.И. Языковая актуализация ситуации восприятия и оценки произведения живописи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>
- Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
- Gayford M. A Bigger Message: Conversations with David Hockney. London: Thames and Hudson Ltd., 2016.
- Hood S. Appraising Research: Evaluation in Academic Writing. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
- Hood S. Appraisal // The Cambridge Handbook of Systemic Functional Linguistics / G. Thompson, W.L. Bowcher, L. Fontaine, D. Schöenthal (Eds.). Cambridge University Press, 2019.
- Hoving T. Two Worlds of Andrew Wyeth: A Conversation with Andrew Wyeth. Houghton Mifflin Harcourt, 1978.
- Martin J.R., White P.R. The language of evaluation. NY: Palgrave Macmillan, 2005.
- Von Wright H. The Varieties of Goodness. London: Routledge, 1963.

A.O. Chupakhina (St. Petersburg, Russia)

St. Petersburg Electrotechnical University "LETI"

ACTUALIZATION OF AESTHETIC EVALUATION IN THE DISCOURSE OF INTERVIEWS WITH ENGLISH-SPEAKING ARTISTS

The article explores the features of aesthetic evaluation in the discourse of interviews with English-speaking artists. Particular attention is paid to the interaction of aesthetic evaluation with other types of evaluative meanings. It concludes that the aesthetic evaluation verbalized by the artists often combines the elements of emotional perception and practical value, which is determined by the specifics of their professional activity.

Key words: interview discourse, evaluation parameters, aesthetic evaluation, utilitarian evaluation, teleological evaluation, appraisal theory

И.А. Шашков (Луганск, ЛНР, Россия)

Луганский государственный педагогический университет

shashkov.phd@mail.ru

ГИПЕРТЕКСТ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО СУБЪЕКТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор рассматривает феномен гипертекста как средство графической репрезентации информационного материала, закодированного по инициативе продуцента в адрес языковой личности сетевого пользователя. По мнению исследователя, гипертекстовый фрагмент в пространстве сетевых дискурс-формирований является средством субъективно ориентированной ретрансляции ценностных ориентиров, способных трансформировать ценностные установки языковой личности реципиента.

Ключевые слова: гипертекст, сетевой дискурс, веб-ресурсы, языковая личность, ценностные ориентиры

Факт глобального наполнения интернет-пространства многообразием веб-ресурсов является свидетельством колоссальных возможностей распространения информации разнопланового тематического содержания. Принцип «чем больше, тем лучше» трактуется нами с позиции: чем больше источников, т.е. веб-ресурсов (а в пределах ресурса – особенностей полижанровой организации информационного материала), тем эффективней осуществляется процесс ретрансляции закодированного знания (т.е. идей, мыслей, мнений продуцента, ценностных ориентиров и т.д.). Срабатывание данного принципа можно наблюдать в реализации продуцент-реципиентных отношений через использование гипертекста как продукта когнитивно-прагматической лингвокреативной деятельности инициатора дискурсивной практики. «Когнитивная прагматика объясняет природу дискурса через концептуальные системы субъектов речи. Эти системы основываются на знаниях, представлениях, желаниях, мнениях, оценках субъектов речи» [Синельникова, 2009: 31]. «Мы живём в постантропологическую эпоху, для которой характерен отказ от идеи человека как носителя разума, а также моральных, социальных и иных культурных

ценностей, выступающих масштабом оценки всего сущего» [Марков 2003]. Как бы печально это не выглядело в условиях реального времени, но именно *гипертекст*, как средство сетевой коммуникации, выступает тем орудием, которое способствует трансформации ценностных ориентиров. Сетевой пользователь живет в мире языка сетевого универсума, а значит *гипертекст* – это средство создания сетевого универсума, сетевых социумов, средство общения между представителями тех же социумов, это средство вербализации виртуального мира, в котором существует языковая личность участника сетевой дискурсивной практики.

«Человек существует в сетях порядков неизмеримо более могущественных, чем он сам: социум, культура, язык, традиции и нормы, технологии оказывают на него столь сильное воздействие, что перемещаются, так сказать, в самое его нутро» [Там же]. С одной стороны, создание пространства Сети – это проявление человеческого гения, результат мыслительной деятельности и поиска, с другой стороны, сетевое пространство сегодня – это феномен, вызывающий абсолютную от него зависимость у представителя информационно-коммуникативного общества, у участника *компьютерно-опосредованной коммуникации* (Е.И. Горошко, S. Herring). И это сетевое пространство сегодня является мощнейшим средством суггестивного воздействия на массовую языковую личность. Мир информационной Сети настолько глобален, что человеческое сознание отключает потребность в мыслительной деятельности пользователя и ограничивается только потребностью поиска.

Такие условия создают комфортные условия для ретрансляции субъективно-подобранного кода. Успех представления информации и её адекватной интерпретации реципиентом напрямую зависит от правильно учтённых социокоммуникативных интенций и информационных потребностей последнего. На современном этапе внимание лингвистов концентрируется на особенностях использования языка как основного средства создания, ретрансляции и донесения идей автора. Гипертекст являет возможности жанрового оснащения интернет-дискурса и способствует реализации когнитивно-прагматических установок языковой личности продуцента в отношении реципиента. «Это текст цифрового поколения, не обладающий *сверх*преимуществом перед текстом на бумажном носителе <...>» [Шашков 2019: 169], но обладающий способностью передать информацию в сетевые массы эффективно, быстро, глобально. «При оперировании электронным гипертекстом, в отличие от неэлектронного, любой из нужных взаимосвязанных фрагментов может быть представлен мгновенно» [Лутовинова 2009: 4].

На наш взгляд, *гипертекст* со встроенными гиперссылками, *гиперссылочной навигационной системой* (Е.И. Горошко) представляет собой средство фиксации информационного материала в пространстве Сети, который в свою очередь репрезентирует полижанровую организацию того или иного сетевого ресурса. Структуры веб-ресурсов различны, так же как различны формы их организации (веб-порталы – сайты – домашние страницы и т.д. как источники информации). Однако, вне зависимости от структурной организации информационного источника, гипертекст наделён

свойством ступенчатого развёртывания (А.Н. Саенко). Следует отметить, что данное свойство является ключевым и может быть представлено массой его вариантов, наблюдаемых в процессе вовлечения языковой личности посетителя в процесс хаотичного поиска / выбора, а главное – в процесс восприятия предлагаемой информации. Следовательно, *гипертекст* представляет собой средство воздействия на внимание читателя через эффективную подачу материала, которая в свою очередь опосредует эффективность субъективной репрезентации ценностных ориентиров.

Технические возможности Web 2.0 наделяют *гипертекст* многоплановыми возможностями его задействования с позиции продуцент-реципиентных отношений. «Вербальное общение, выражаемое в сети, в основном, с помощью электронных текстов или гипертекстов, стало системо-образующим признаком Интернета как социальной реальности. И это пространство – особая коммуникативная среда – повлияло как на развитие структуры гипертекста, так и на его восприятие» [Горошко 2010: 14]. Объект исследования – *гипертекст* – представляется принципиально новым поколением информационных носителей, посредством которых не только репрезентируется субъективное знание в пространстве глобального интернет-пространства, но и обеспечивается информационно-коммуникативная интеракция между участниками сетевой аудитории пользователей как потребителей информации. Предмет исследования определен когнитивно-прагматическими особенностями функционирования *гипертекста*: от уровня создания никнейм-фрагментов, репрезентирующих экстралингвистические особенности организации виртуальной личности коммуниканта, кратких сообщений-комментариев, постов, сообщений, участвующих в оформлении креолизованного информационного продукта до уровня задействования лингвистического инструментария с целью создания апперцепционного фона и ретрансляции закодированного знания различного объема и ценностно-ориентированной нагрузки.

Когнитивно-прагматическая особенность функционирования гипертекста прослеживается также и в самой системе размещения информации на платформах веб-ресурсов: нелинейная отсылка к гипертекстовым фрагментам (*гиперссылочная навигационная система*) предопределяет эффективность потребления информационного продукта. Хаотичный переход, в противовес линейному, позволяет инициатору дискурсивной практики удерживать внимание реципиента и пролонгировать его пребывание в статусе активного потребителя информационного продукта.

Литература

Горошко Е.И. Гипертекст 3.0: лингвистический анализ // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара, 15-16 марта 2010 года. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2010. С. 14-19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25085269>

Лутувинова О.В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (39). С. 4-7. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13756496>.

Марков Б.В. Проблема человека в эпоху масс-медиа // Перспективы человека в глобализирующемся мире. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/1785>

Саенко А.Н. Содержательно-стилистические особенности информационных текстов в Интернете // Научные записки Луганского национального педагогического университета. Вып. 5. Т. 1. Серия: филологические науки. Луганск: Альма-матер, 2004. URL: <https://www.textology.ru/public/webtext.html>

Синельникова Л.Н. Местоимение в дискурсе. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2009.

Шапков И.А. Языковая личность продуцента в русскоязычном религиозном интернет дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 2019.

Herring S.C. The Coevolution of Computer-Mediated Communication and Computer-Mediated Discourse Analysis // Analyzing Digital Discourse. 2018. Pp.25-67. URL: https://www.sci-hub.ru/10.1007/978-3-319-92663-6_2

I.A. Shashkov (Lugansk, LPR, Russia)

Lugansk State Pedagogical University

HYPERTEXT IN THE NETWORK DISCOURSE AS A MEANS OF SUBJECTIVE REPRESENTATION OF VALUES: COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH

The author considers the phenomenon of hypertext as a means of graphical representation of information material encoded at the initiative of the producer to the network user's language identity. According to the researcher, a hypertext fragment in the space of online discourse formations is a means of subjectively oriented retranslation of value orientations capable of transforming the value attitudes of the recipient's language identity.

Key words: hypertext, network discourse, web-resources, language identity, value settings

А.М. Шестопалова (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
anna-shestopalova@bk.ru*

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАРЕЧИЯ В РАМКАХ КВАЗИСУБЪЕКТНОЙ МОДЕЛИ

Данная статья посвящена анализу семантических особенностей одного из составных компонентов квазисубъектных моделей типа *Туман быстро рассеивается / The fog lifts quickly*, а именно наречия. Выделяются также соответствующие типы наречия, которые допустимо использовать в рамках данной синтаксической конструкции.

Ключевые слова: квазисубъектная модель, наречие, тип наречия, семантический компонент, семантика синтаксиса

Изучение семантики языковых единиц на данный момент представляется актуальным направлением лингвистической науки, особенно в рамках когнитивного подхода [Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе 2018; Тивьяева 2020]. Так, например, объектом исследования становятся

различные семантические конструкции, которые рассматриваются как с семантической, так и переводческой точки зрения [Фролова 2020; Сулейманова, Галкина 2023; Чернышова 2023; Соколова 2024]. В настоящей статье внимание уделяется квазисубъектным моделям типа *Туман быстро рассеивается* / *The fog lifts quickly*, анализ семантики которых производится через призму одного из составных компонентов данной модели – наречия. Предпринятое ранее исследование обстоятельного элемента показало, что наречие является обязательным компонентом в составе данной конструкции, и его роль заключается в следующем. С одной стороны, наречие позволяет выделить определенные свойства и качества неодушевленного субъекта высказывания, а также отметить его способность выполнять какие-либо действия. С другой стороны, наречие выступает маркером наличия некоего внешнего агенса, который в данном случае может наблюдать за реализацией действия или влиять на его осуществление, при этом делая некоторые выводы о способе и образе выполнения описываемого действия [Шестопалова 2024]. Иными словами, наречие в квазисубъектной модели выполняет несколько функций, а именно одновременно характеризует реализующиеся в модели субъект и предикат. Например, в предложении *Пятно трудно отстирывается* наречие *трудно* описывает как сложность выполнения соответствующего действия, так и указывает на некие свойства субъекта *пятно* (например, состав пятна определяет, насколько трудно или легко его можно будет отстирать).

Определим далее, какие типы наречия имеют место в рамках квазисубъектной модели. Существует несколько принципов, по которым наречия могут распределяться по группам (например, формально-морфологическому, функциональному принципу). Согласно семантическому принципу формирования классификаций наречий, в русском и английском языке в зависимости от значения наречия исследователи выделяют несколько отдельных групп наречий, при этом количество таких групп может варьироваться [Русская грамматика 1980; Huddleston, Pullum 2016]. Например, некоторые исследователи выделяют наречия места и направления (*вертикально, горизонтально*), наречия времени (*вечно, недолго*), наречия меры и степени (*чуть, едва, чрезмерно*), наречия способа и образа действия (*просто, легко, однозначно, прекрасно*) и др. [Сичинава 2011]. Необходимо отметить, что в рамках квазисубъектных моделей допустимо использовать только те наречия, которые характеризуют описываемые в высказывании субъект или действие, но не имплицитно заданного внешнего агенса [Lekakou 2005]. Так, в предложении *Туман быстро рассеивается* возможно использование наречия *быстро*, поскольку оно указывает на свойства субъекта (плотность тумана определяет, насколько быстро или медленно он может рассеиваться), а также на характер производимого действия (с какой скоростью происходит процесс рассеивания тумана). В предложении **The cotton irons cautiously* / *Вещи из хлопка гладятся осторожно*, напротив, наречие указывает на то, каким образом внешний агент выполняет соответствующее действие, следовательно, высказывание в целом не представляется адекватным. Отметим, что

в русском языке возможно высказывание *Трамвай **осторожно** двинулся*, однако в данном случае с помощью наречия неодушевленному субъекту приписывается способность выполнять некое действие и, тем самым, описывается образ производимого действия. Об особенностях внешнего агенса и прилагаемых им усилиях здесь говорить не приходится.

В рамках исследования наречия в составе квазисубъектной модели были отнесены к наречиям способа и образа действия, поскольку такие наречия позволяют дать субъекту или предикату определенную характеристику. Далее наречия представляется возможным разделить на более дробные семантические классы в зависимости от описываемых с их помощью базовых параметров. С опорой на принципы группировки наречий, которые были ранее предложены в работах [Зубенко 2015; Дегальцева 2021], посвященные изучению семантики английских и русских наречий (например, предлагается, что наречия можно распределить по группам согласно физическим параметрам описываемого предмета, таким как высота, ширина, цветовые характеристики и пр.), было сформировано 11 групп наречий, которые отличаются по следующим признакам:

1) **визуально воспринимаемые** характеристики, сопровождающие событие, например, световые или цветовые качества субъекта, степень его видимости и др.: *Живот **заметно** выдавался, Страны **радужно** переливаются, The display illuminates **brightly**, The walls glowed **darkly**;*

2) **физические параметры предмета**, зависящие от его размера, температуры, плотности, химических свойств: *Веревка **туго** натянулась, Кровь **намертво** въелась, Cardboard disintegrates **organically**, Grass grows **thinly**;*

3) параметры субъекта или действия, которые **возникают в результате деятельности человека** или влияют на его психофизическое состояние: *Голос **тревожно** оборвался, Брови **нервно** подергиваются, The shoulder ached **painfully**, The eyes narrow **suspiciously**;*

4) **временные характеристики** события, определяющие продолжительность действия, момент его реализации и др.: *Программа **долго** выполняется, Взгляд **вечно** шурлил, Discussion drags on **interminably**, Practice began **early**;*

5) **мера и степень** проявления некоторого количественного признака субъекта или действия. В рамках квазисубъектных моделей такие наречия могут указывать, например, на интенсивность, активность, тщательность, с которой выполняется действие: *Занавески **слабо** колышутся, Тепло **максимально** сохраняется, Train slows down **considerably**, The bell rang **insistently**;*

6) различные **параметры процессов**, к числу которых можно отнести непрерывность, повторяемость, последовательность осуществления описываемого действия, степень его завершенности и др.: *Грязь **постепенно** удаляется, Губы **безостановочно** тряслись, The appliance disassembles **partially**, The coating peels off **repeatedly**;*

7) сопутствующие действию **звуковые параметры**: *Губы **бесшумно** двигались, Петарда **громко** взрывается, The voice whispered **hoarsely**, The telephone rang **shrilly**;*

8) **оценка** описываемого события: *Сигара скверно курится, Зерновые плохо перевариваются, The blade aligns perfectly, The room smelt horribly;*

9) **параметры**, позволяющие определить **расположение субъекта и его перемещение в пространстве**: *Нос криво сросся, Узор вышивается по диагонали, The shades hung crookedly, The scraper presses perpendicularly;*

10) **скорость** протекания действия, в т.ч. внезапность его наступления или завершения: *Топливо испаряется моментально, Кораблики лихо несутся, Blade stops instantaneously, The moon rose slowly;*

11) **степень сложности** реализации действия: *Онкология тяжело лечится, Ларчик открывался просто, Laundry items tear easily, The program runs effortlessly.*

Таким образом, анализ обстоятельственного компонента русских и английских квазисубъектных моделей позволил определить, что наблюдаемые в составе данной конструкции наречия можно в целом отнести к наречиям образа и способа действия, поскольку такие наречия позволяют дать характеристику не только производимому действию, но и описать качества и свойства субъекта. Далее в рамках общей группы можно предложить дробную классификацию типов наречий, основной принцип которой заключается в распределении наречий по семантическому признаку. Наряду с этим представляется возможным определить, какие наречия допустимо использовать при построении квазисубъектной модели, что дополняет общее семантическое описание данной синтаксической конструкции.

Литература

Дегальцева А.В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2021.

Зубенко Н.В. Когнитивно-семантические параметры наречий с суффиксом -ly в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2015.

Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография / отв. ред.: О.А. Сулейманова. М.: Флинта, 2018.

Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.

Сичинава Д.В. Наречие // Русская корпусная грамматика. 2011. С. 108-135. URL: <http://rusgram.ru/pdf/sichinava-2018-adverbs.pdf>

Соколова А.В. К проблеме перевода хедж-маркеров, содержащих глаголы ментальных действий // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-2 (58). С. 353-357.

Сулейманова О.А., Галкина А.Г. Семантика инфинитивных конструкций в русском послоловичном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3-1 (54). С. 791-796.

Тивьяева И.В. Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 303-315.

Фролова Е.А. Конструкция с расщепленным инфинитивом в английском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2020. № 7. С. 161-165.

Чернышова А.И. Использование абсолютной причастной конструкции в переводе с русского языка на английский // В многомерном пространстве современной лингвистики: сборник работ молодых ученых. Вып. 3. М.: Р.Валент, 2023. С. 195-204.

Шестопалова А.М. Роль наречия в рамках квазисубъектной модели // Современная филологическая наука: достижения и инновации: сборник материалов Международного симпозиума. Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. С. 503-507.

Huddleston R., Pullum G.K. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Lekakou M. In the Middle, Somewhat Elevated: The Semantics of Middles and Its Crosslinguistic Realization: PhD Thesis. London: University College London, 2005.

А.М. Shestopalova (Moscow, Russia)

Moscow City University

SEMANTIC TYPES OF ADVERBS WITHIN QUASI-SUBJECT CONSTRUCTIONS

The paper aims to analyze the semantic features of one of the structural components that comprise quasi-subject constructions such as *Tuman bystro rasseivaetsja* / *The fog lifts quickly*. Apart from this, the study outlines the adverb types that are prevalent within the constructions.

Key words: quasi-subject construction, adverb, adverb type, semantic component, syntax semantics

Т.А. Ширяева (Пятигорск, Россия)

Пятигорский государственный университет)

shiryaevat@list.ru

М.Э. Мосесова (Краснодар, Россия)

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

liliya-74@mail.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ОБУЧАЮЩИХ ВЕБИНАРАХ

В данной статье представлено исследование лингвокогнитивных аспектов речевого поведения участников англоязычных обучающих вебинарах. кие стратегии, используемые в процессе взаимодействия. Особое внимание уделяется роли виртуальной языковой личности и эмоционального интеллекта в эффективной коммуникации. Результаты исследования подчеркивают значимость жанра вебинара в современном образовательном процессе и его влияние на формирование профессиональной коммуникации в педагогическом дискурсе.

Ключевые слова: виртуальная языковая личность, эффективность коммуникации, англоязычные вебинары, лексика, стилистические приемы, эмоциональный интеллект, педагогический дискурс, чат-дискурс

В последние годы наблюдается значительный рост интереса к виртуальному обучению, что связано с развитием технологий и изменением образовательных практик. Одним из наиболее актуальных форматов в этой области стали англоязычные обучающие вебинары (АОВ), которые представляют собой уникальный жанр виртуального педагогического дискурса [Тленкопачева 2016: 1044]. Данная статья посвящена комплексному изучению речевого поведения основных участников АОВ

с акцентом на лексико-семантический и коммуникативно-прагматический уровни. Целью исследования является выявление и описание языковых особенностей текстов-скриптов и текстов-чатов на английском языке, а также анализ их лингво-когнитивной специфики.

Актуальность исследования обусловлена не только социальным значением вебинаров, но и необходимостью адаптации образовательных практик к современным требованиям цифровой эпохи. Очевидно, что уникальная структура АОВ создает особые условия для изучения речевого поведения, а анализ языковой личности как адресантов, так и массовых адресатов позволяет выявить особенности их речемыслительной деятельности на различных уровнях, что имеет важное значение для понимания динамики общения в виртуальном пространстве.

В качестве материала были выбраны записи 55 АОВ и тексты, созданные участниками в чатах во время вебинаров на ведущей платформе в области обучения английскому языку Британского Совета (British Council) с 2020 по 2023 гг. Для достижения целей исследования использовались методы лингвистического анализа, включая контент-анализ текстов вебинаров и дискурс-анализ, охватывающий речевые акты, стратегии аргументации и управление вниманием аудитории. Применение количественного и качественного анализа позволило получить полное представление о языковых особенностях АОВ и специфике виртуальной языковой личности.

В ходе исследования речевого поведения участников АОВ были выявлены особенности лексико-семантического наполнения и структуры взаимодействия, что позволяет глубже понять механизмы виртуального педагогического дискурса. Анализ показал, что в вебинарах используется разнообразная лексика, включая специализированную педагогическую терминологию (СПТ) – 27,5% (например, *differentiated instruction*, *inclusive education*), общепотребительную педагогическую терминологию (ОПТ) – 25,2% (например, *curriculum*, *feedback*) и разговорную лексику (ОЛ) – 47%. Эти лексические единицы не только отражают профессиональную компетенцию участников, но и способствуют созданию виртуальной языковой личности в онлайн-коммуникации.

Переходя к структуре речевого взаимодействия, важно отметить, что она формируется под влиянием когнитивных аспектов, которые определяют, как участники воспринимают и интерпретируют информацию. Структура взаимодействия в вебинаре включает вступительную, основную и заключительную части, каждая из которых имеет свои специфические функции, лексико-стилистические и прагма-коммуникативные особенности. Вступительная часть задает тон общения и формирует ожидания, основная часть предоставляет возможность для обмена знаниями и опытом, а заключительная часть подводит итоги и укрепляет связи между участниками. Каждый из перечисленных элементов играет важную роль в формировании виртуальной языковой личности участников и в создании эффективного коммуникативного взаимодействия.

Так, **вступительная часть** вебинара служит основой для установления контакта и задает основные направления обсуждения. Адресант, представляя тему, не только информирует участников о предстоящем содержании, но и формирует их

ожидания, как следующий пример *Today we will discuss the importance of critical thinking in education*, который не только задает тон, но и активизирует когнитивные процессы участников, побуждая их к размышлениям о собственном опыте и знаниях в данной области. Здесь виртуальная языковая личность начинает проявляться через выбор лексики и интонацию, что создает атмосферу вовлеченности и открытости. Именно в этой части формируется первичное восприятие адресанта как авторитета, что влияет на дальнейшее коммуникативное взаимодействие адресанта с адресатом.

Основная часть вебинара является своеобразным центром речевого взаимодействия, где происходит активное обсуждение темы. Адресант делится информацией, задает вопросы и вовлекает участников в диалог. Например, вопрос: *What methods do you use to develop critical thinking in your students?* не только стимулирует обсуждение, но и создает пространство для обмена опытом. Здесь виртуальная языковая личность участников начинает активно проявляться, так как они используют свои индивидуальные лексические ресурсы и стилистические приемы для выражения своих мыслей. Это взаимодействие становится не просто обменом информацией, но и процессом самопрезентации [Димова 2004: 112], где каждый из участников демонстрирует свою профессиональную идентичность и уникальный лингвистический репертуар, что подчеркивает индивидуальность каждого участника и его профессиональный опыт.

Заключительная часть вебинара подводит итоги и завершает обсуждение. Ведущий, произнося фразу: *Thank you all for participating! If you have any additional questions, feel free to ask*, демонстрирует открытость и готовность к дальнейшему взаимодействию, что не только завершает текущий диалог, но и создает предпосылки для будущих коммуникаций. Виртуальная языковая личность участников продолжает развиваться, так как они могут задать вопросы или поделиться дополнительной информацией, что способствует укреплению связей и формированию сообщества.

Таким образом, структура речевого взаимодействия в АОВ организует процесс взаимодействия и формирует виртуальную языковую личность участников. Каждый элемент структуры играет важную роль в создании уникального дискурса, отражающего профессиональные идентичности и когнитивные аспекты речевого поведения. Виртуальная языковая личность, проявляющаяся через выбор лексики, стилистические приемы и участие в обсуждении, становится ключевым фактором, определяющим эффективность коммуникации и качество образовательного процесса.

Исследование виртуальной языковой личности в АОВ невозможно без проведения анализа чат-дискурса [Дорофеева 2013], поскольку именно в этом пространстве участники взаимодействуют, обмениваются идеями и формируют свои профессиональные идентичности. Чат как форма коммуникации обладает уникальными характеристиками, которые влияют на речевое поведение участников и их когнитивные процессы. Во-первых, чат-дискурс отличается своей синтаксической простотой и

лаконичностью. Участники часто используют короткие фразы и аббревиатуры, что позволяет быстро реагировать на сообщения других. Например, фраза *I agree!* может быть дополнена эмодзи, что усиливает эмоциональную окраску и делает коммуникацию более выразительной. Во-вторых, в чатах часто наблюдается использование специализированной педагогической терминологии, что не только демонстрирует уровень профессиональной подготовки участников, но и создавая общую языковую среду для обмена опытом и знаниями между адресантом и адресатом, свидетельствует о профессиональной идентичности участников. Кроме того, чат-дискурс характеризуется многоуровневой структурой, где участники могут одновременно обсуждать несколько тем, что создает полилог, в который каждый участник может внести свой вклад. Например, в ходе вебинара по методам преподавания английского языка один участник может задать вопрос о *best practices for online teaching*, в то время как другой может поделиться своим опытом использования *interactive tools*. Такой обмен информацией способствует формированию сообщества практиков, где каждый может учиться у других.

Важно отметить, что в чатах АОВ наблюдается использование метаязыка, который помогает участникам ориентироваться в дискурсе. Например, фразы вроде *Let's circle back to that* или *Can we take this offline?* служат сигналами для управления дискуссией и поддержания фокуса на ключевых темах. Именно использование метаязыка для регулирования взаимодействия обуславливает более организованную и продуктивную коммуникацию. Здесь важно отметить то, что именно метаязык помогает установить общий контекст для всех участников и способствует вовлечению участников в коммуникативное взаимодействие, позволяя участникам чувствовать себя частью процесса, когда они могут обсуждать не только содержание, но и саму форму общения.

Наконец, эмоциональная составляющая чат-дискурса также играет важную роль. Участники часто используют эмодзи и восклицательные знаки для выражения своих эмоций и создания более теплой атмосферы, которые демонстрируют важность эмоционального интеллекта в виртуальной коммуникации, где невербальные сигналы могут быть ограничены.

Итак, виртуальная языковая личность в рамках АОВ формируется через сложное взаимодействие лексических, синтаксических и прагматических уровней. Как видим, использование различных лингвокогнитивных стратегий для эффективного общения способствует созданию динамичной и инклюзивной образовательной среды.

Литература

- Димова Г.В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2004.
- Дорофеева Т.В. К вопросу о сущности понятия «сетевое обучение» // Известия регионального финансово-экономического института (электронный журнал). 2013. № 1. URL: <http://science.rfei.ru/2013/1/13.html>
- Тленкопачева М.Н. Вебинар как конститuent современного педагогического дискурса // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 1043-1049.

T.A. Shiryayeva (Pyatigorsk, Russia)

Pyatigorsk State University

M.E. Mosesova (Krasnodar, Russia)

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

VIRTUAL LANGUAGE IDENTITY: COGNITIVE ASPECTS OF SPEECH BEHAVIOR IN ENGLISH-LANGUAGE TRAINING WEBINARS

This article presents a study of the linguocognitive aspects of speech behavior among participants in English-language training webinars. The research focuses on the strategies employed during the interactions. Special attention is given to the role of virtual language personality and emotional intelligence in effective communication. The findings highlight the significance of the webinar genre in contemporary educational processes and its impact on the development of professional communication within pedagogical discourse.

Key words: virtual linguistic identity, communication effectiveness, English-language webinars, vocabulary, stylistic devices, emotional intelligence, pedagogical discourse, chat discourse

Е.С. Шмелёва (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

katherineshm@gmail.com

О РОЛИ ПОВТОРА В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТАБЛОИДОВ 2000–2024 гг.)

Данное исследование направлено на выявление роли стилистического приема повтора в медийном дискурсе. На материале текстов англоязычных таблоидов проводится изучение особенностей активации повтора разных типов и его манипулятивного потенциала при реализации когнитивной оппозиции *МЫ-ОНИ*.

Ключевые слова: стилистический прием, повтор, манипуляция, медийный дискурс

Как известно, медийный дискурс (МД) представляет собой вид коммуникации, осуществляемой лицом или группой лиц (журналистов) с массовым читателем (об особенностях текстовой реализации англоязычного МД см. в [Шмелёва 2021: 501-505]). Нестандартным данный формат общения делает не только его полиаддресность, но и тот факт, что автор текста зачастую не выражает свои собственные идеи в отношении описываемого человека, события или явления, но ретранслирует позицию определенного издания или, шире, своего государства. Коммуникацию такого рода среди прочего отличает не прямой характер воздействия, направленный на формирование в сознании массового реципиента определенного представления о текущей повестке, что исследователи явления связывают с манипуляцией (см. в [Заботкина 2024: 48-51]). Одним из средств оказания такого непрямого воздействия на читателей СМИ выступают **стилистические приемы**, в особенности, повтор.

Вслед за Е.Г. Беляевской, стилистический прием (СП) понимается нами как «многоступенчатая когнитивная модель формирования контекста», которая «по-разному функционирует в разных типах дискурса» [Беляевская 2013: 9]. В свою

очередь повтор как стилистический прием, пишет И.Р. Гальперин, имеет различные виды: лексический – «повторение слова, словосочетания или предложения»; семантический, когда «используются синонимические средства»; корневой (или, шире, морфологический), связанный с повторением корня слова (или иной морфемы) [Гальперин 1958: 258, 265, 266]. В художественном стиле повтор наиболее часто реализуется для эмпазы и придания ясности изложению [Гальперин 1958: 259], в то время как в рамках МД, по нашим наблюдениям, данный СП способен акцентировать внимание на событии, персоналии или явлении, а также на оценке, данной им автором.

Манипулятивный потенциал повтора был изучен нами на материале статей из тиражных англоязычных таблоидов (*The Daily Express*, *The Daily Mail*, *The Sun*) за период 2000–2024 гг. Для цели и задач исследования из рабочего корпуса МД, включающего 1000 статей, была отобрана репрезентативная выборка в количестве 54 медийных текстов различных типов объемом от 622 до 7621 п.з. Статьи выборки были вручную аннотированы с указанием ключевых метаданных, а также фреймовых моделей (ФМ), лежащих в основе их семантики (ФМ *Человек*, ФМ *Событие*, ФМ *Явление*) (подробнее о выделении данных ФМ в текстах англоязычного МД см. в [Шмелёва 2024: 785–788]). Далее в отобранных текстах были зафиксированы СП, реализованные на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Число установленных СП составило 2077, при этом частотность активации СП повтора оценивается как сравнительно высокая (299 примеров, что составило 15% от СП выборки).

Последующий анализ выявленных случаев активации повтора указывает на типичность реализации данного СП в статьях, чья семантика строится по ФМ *Человек*, где основной фокус повествования формирует определенная, как правило, общеизвестная персоналия. Так, суммарное количество реализаций СП повтора в медийных статьях, построенных по ФМ *Человек*, насчитывает 198 (среднее число случаев активации повтора в статьях этой ФМ составляет 6). Мы объясняем полученные результаты материалом исследования, поскольку именно в популярной прессе наблюдается повышенный интерес к персоналиям и, как следствие, больший обьем выразительных средств их оценки.

С прагматической точки зрения, целью активации СП повтора, по нашему мнению, служит усиление (эмпаза) авторской оценки. Очевидно, что подобная оценка может носить как положительный, так и отрицательный характер, что в контексте медийных статей выступает эффективным средством манипуляции и, нередко, ретрансляции идеологии государства и отдельных социальных групп в его составе. Вслед за Т.А. ван Дейком мы полагаем, что в основании такого рода активации повтора лежит противопоставление *МЫ-ОНИ*, в рамках которого выделяется так называемый «идеологический квадрат», указывающий на асимметричность информирования, при которой акцентируются положительные *МЫ*- и отрицательные *ОНИ*-аспекты, а отрицательные *МЫ*- и положительные *ОНИ*-аспекты замалчивают-

ся. Инструментарий положительной самопрезентации и негативизации оппонента обширен и фиксируется на семантическом, лексическом и грамматическом уровнях языка [van Dijk 2011: 397], при этом повтор выступает одним из средств реализации данной стратегии. Приведем примеры из выборки.

В ходе анализа был выделен целый ряд текстов, рисующих, следуя установке на ОНН-негативизацию недружественных государств и их лидеров, негативный образ Президента РФ В.В. Путина. К примеру, в основании статьи «Twitchy Tyrant» (The Sun, 23.05.2022) лежит идея о якобы «пошатнувшемся» здоровье Президента РФ. В вводном абзаце статьи читаем: *Vladimir Putin looked twitchy and hunched*; далее в подписи к предтекстовой фотографии: *Moment grimacing 'cancer-riddled' Putin sits hunched and twitches in meeting*; также в тексте статьи: *Putin keeps moving his hands and twitching his feet; He sat hunched forward; His left foot appears to continuously move; his hands appear to twitch; Vlad occasionally appears to grimace*. В указанных контекстах отмечается широкое использование повтора разных типов: лексического (*sits hunched, sat hunched* – указание на якобы «ссутулившуюся» позу), морфологического (*twitches in meeting, looked twitchy, twitching his feet; foot appears to move, keeps moving his hands* – указание на «непроизвольное подергивание» разных частей тела; *grimacing Putin, appears to grimace* – гримаса [боли] на лице) и семантического (*twitching his feet, keeps moving his hands; shaky and unsteady* – также описание «спонтанных мышечных сокращений»). Активация СП повтора для акцентирования вымышленных и нарочито гиперболизированных «физиологических изменений» позволяет автору донести мысль о проблемах со здоровьем, которые якобы существуют у Президента РФ, создав выгодный для The Sun образ «ослабленного» лидера.

Удивительно то, что, описывая якобы «пошатнувшееся» состояние здоровья Президента, автор одновременно указывает на его политическую мощь, которой дает негативную идеологическую оценку, трижды на протяжении небольшой по объему статьи (3552 п.з.) называя его «тираном» (*tyrant*), и дважды – диктатором (*dictator*), что активизирует повтор лексического и семантического типов. Отметим, что лексическая единица «*dictator*» используется в статье и в отношении Президента Беларуси А.Г. Лукашенко (*Belarusian dictator Alexander Lukashenko*), что очевидно также является результатом реализации противопоставления *МЫ-ОНН* и намеренной негативизации образа лидера государства, дружественного РФ.

В ходе анализа материала выборки было замечено, что СП повтора демонстрирует тенденцию к серийной парадигматической реализации, т.е. актуализируется не только в рамках одной статьи, но и в ряде текстов со смежной тематикой. К примеру, информацию о «пошатнувшемся» здоровье В.В. Путина содержит и другое новостное сообщение из The Sun «In Vlad Health» (The Sun, 26.04.2022): *Putin's hand 'shakes'; he looks unsteady; the Russian tyrant's hands tremble; Putin... holds his wobbling hand out; Putin... tapping his foot*. Как видно, автор прибегает к широкому использованию семантического повтора для указания на якобы «неконтролируемый» характер движений Президента РФ, который усиливается посредством СП градации, указывающим на различную степень выраженности описываемого «тре-

мора» (*shakes – tremble, unsteady – wobbling*). В статье также сохраняется негативная оценка правления В.В. Путина, которая выражается посредством лексического повтора *autocrat* (автократ): *autocrat has a terminal illness; the ageing autocrat*.

Нельзя не отметить, что когнитивная модель «ослабленного» лидера реализуется и применительно к другим государствам, не являющимся дружественными Соединенному Королевству. К примеру, сообщение “*Kim Jong Un-Well*” (The Sun, 12.05.2022) содержит информацию о том, что Верховный Лидер Северной Кореи Ким Чен Ын, невзирая на ранее высказанный скепсис в отношении COVID-19, вынужден был признать его опасность, появившись на публике в медицинской маске. Мы полагаем, что реализация повтора лексического (*donning a face covering – has worn a face covering*), семантического (*Kim wearing a disposable face mask – donning a face covering*) и морфологического типов (*masked Supreme Leader – wearing a disposable face mask*) имеет в данном случае в т.ч. и идеологическую направленность, фокусируя внимание читателя на ошибочности предыдущих заявлений Верховного Лидера и его вынужденном принятии ситуации. Примечательно, что в отношении Ким Чен Ына используется лишь нейтрально окрашенная единица “*Supreme Leader*”, что можно объяснить отсутствием открытой конфронтации между Соединенным Королевством и Северной Кореей на момент публикации сообщения.

Перейдем к выводам. Как показало исследование, стилистический повтор разных типов выступает эффективным средством фокусирования читательского внимания на оценке, даваемой авторами событиям, явлениям и персоналиям. При изучении статей англоязычных таблоидов была выявлена высокая частотность активации повтора в текстах ФМ *Человек*, а также был сделан вывод о высоком манипулятивном потенциале данного СП при реализации когнитивной оппозиции *МЫ-ОНИ*. Подтверждением послужили многочисленные контексты, в основании семантики которых лежит установка на намеренную негативизацию лидеров государств, не являющихся дружественными Соединенному Королевству.

Литература

- Беляевская Е.Г. Моделирование стилистических приемов в дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: языкознание. 2013. Вып. 17 (677). С. 7-17.
- Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958.
- Шмелёва Е.С. ГЛАВА VII. Лингвокреативность в медийном дискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. М.: Р.Валент, 2021. С. 499-557.
- Шмелёва Е.С. Когнитивные основания выбора стилистических приемов в англоязычном медиадискурсе (на материале таблоидов 1990–1999 гг.) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 785-788.
- Заботкина В.И. Динамика когнитивных моделей манипуляции в медиадискурсе // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1 (58). С. 48-51.
- Van Dijk T.A. Discourse and Ideology // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. 2011. Pp. 379-407.

E.S. Shmelyova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

ON REPETITION IN MEDIA DISCOURSE (BASED ON ENGLISH LANGUAGE TABLOIDS DATED 2000–2024)

The research aims to consider the role of the stylistic device of repetition in media discourse. The work proceeds from the study of repetition of different types and its manipulation potential for the implementation of the *US-THEM* opposition in English language tabloids.

Key words: stylistic device, repetition, manipulation, media discourse

Н.В. Шутёмова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

n.shutemova@spbu.ru

ВИДЫ ОЦЕНКИ В ЖАНРЕ ДЕКЛАРАЦИИ О ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ОБЪЕКТА ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Исследование нацелено на изучение аксиологичности как дискурсивного свойства деклараций, входящих в документацию проекта «Всемирное наследие». Выявлено, что категория оценки реализуется в них не только в виде холистического положительного итога, но и широким спектром частных разновидностей, отражающих специфику концептуализации национального достояния как универсально значимого.

Ключевые слова: виды оценки, институциональный дискурс, жанр декларации о выдающейся универсальной ценности объекта всемирного наследия

Жанр декларации о выдающейся универсальной ценности (Statements of Outstanding Universal Value, сокращенно – SOUV, далее – «декларации») относится к числу основных в корпусе документов, составляющих лингвистическое обеспечение проекта ЮНЕСКО «Всемирное наследие». Эти тексты выполняют информативную и персуазивную функции, передавая сведения о достопримечательностях и убеждая международное сообщество в их уникальности. Поскольку декларации создаются тем или иным государством, в них находит отражение результат культурной интроспекции, направленной на выявление глобально значимого в том, что ценно для отдельного региона (например, это его история, география, геология, заповедники, искусство). В настоящее время Список всемирного наследия включает 1223 объекта, расположенных на территории 168 стран, при этом в период с 1990 г. по 2024 г. в него вошли 32 объекта, находящиеся в Российской Федерации.

Понятие “outstanding universal value” («выдающаяся универсальная ценность») является в декларациях ключевым, что обуславливает необходимость рассмотрения аксиологичности как их жанрообразующего свойства. В широком смысле актуальность обращения к данной проблематике объясняется связью категории оценки с процессами познания, ее вовлеченностью во многие сферы жизни человека и важностью понимания специфики ее реализации в разных типах дискурса. Предметом

нашего исследования является языковая репрезентация представленных в декларациях видов оценки, сопровождающей концептуализацию национальных объектов как универсальной ценности.

При рассмотрении категории оценки мы исходим из ее когнитивно-прагматической трактовки как деятельности, связанной с познанием ценности объекта и формированием ценностного отношения к нему [Арутюнова 1988; Болдырев 2019; Вольф 2005; Ивин 1970; Петухова, Хомякова 2020]. При описании аксиопространства деклараций нами учитывались такие параметры, как субъект и объект оценки, контекстуальная семантика языковой оценочной единицы, ее морфологические свойства, соотносительность с классификацией стилистических ресурсов языка, функция репрезентации общей и частной оценки. Параметрический анализ оценочных контекстов показал, что, являясь холистической, положительная оценка охватывает богатую палитру всех ее частных видов. На основе классификации, предложенной Н. Д. Арутюновой, их можно отнести к сенсорным, сублимированным и рационалистическим. Рассмотрим их на примере деклараций о новых российских объектах всемирного наследия: астрономических обсерваториях Казанского федерального университета и культурном ландшафте Кенозерья, включенных в Список в 2023 и 2024 гг. соответственно.

Так, холистическая положительная оценка уникальной архитектуры Кенозерского национального парка и его значимости для репрезентации вековых культурных традиций выражается в декларации посредством эпитетов «*exceptional*» и «*important*» (*The exceptional collection of historic wooden buildings of Kenozero Lake, in all their rich diversity of types and uses, is an important representation of the cultural traditions of this region*) [KL]. При этом осмысление ценности Кенозерья включает сенсорную и эстетическую оценку, которая объективируется синонимичными прилагательными «*picturesque*» и «*scenic*», функционирующими в качестве эпитетов. Первое обозначает внешнюю привлекательность объекта (*attractive in appearance, especially in an old-fashioned way*) [CD] и актуализирует в декларации мнение о реликтовом культурном ландшафте Кенозерья как живописном: *Located in Kenozero National Park in the north-western area of the European region of the Russian Federation, the picturesque Kenozero relict cultural landscape depicts the peasant life-style that evolved here from the 12th century* [Там же]. Второе прилагательное, указывая на зрительно воспринимаемую естественную красоту (*having or allowing you to see beautiful natural features* [CD]), репрезентирует высокую сенсорную и эстетическую оценку водного пейзажа, которая дается сквозь призму категории прекрасно-го: *Historic rural settlement patterns and evidence of the use of natural resources in a scenic lake-river landscape are likewise a testimony to a cultural tradition in the Russian North* [Там же].

Примером положительной рационалистической характеристики Кенозерья является оценка утилитарная. Так, памятники деревянного зодчества региона рассматриваются не только в эстетическом аспекте, но и с точки зрения функциональ-

ности строений, что передается оценочным словосочетанием *rich diversity of types and uses*, с помощью которого эксплицирована оценка «богатого разнообразия» их типов и способов использования: *The exceptional collection of historic wooden buildings of Kenozero Lake, in all their rich diversity of types and uses, is an important representation of the cultural traditions of this region* [Там же].

Доминирует положительная рационалистическая оценка и в документе об астрономических обсерваториях Казанского федерального университета. Их основная ценность репрезентирована синонимичными эпитетами «outstanding» и «exceptional». Они выражают утилитарную и телеологическую оценку уникальных приборов и сооружений, которые на протяжении двух веков позволяли проводить астрономические наблюдения и способствовали развитию оптической астрономии: *The Astronomical Observatories of Kazan Federal University are outstanding early examples of classical architectural and technological ensembles, which are a testimony of almost two centuries of history of sky observations and development of optical astronomy; A collection of historic semi-movable instruments, which contains the world's only and still functioning heliometer telescope, is an exceptional evidence of the evolution of optical astronomy* [АО].

Положительная утилитарная и телеологическая оценка миссии обсерваторий как важного научного и образовательного центра объективируется посредством эпитета «important»: *The property continues to be an important research and educational centre* [Там же]. Данный вид оценки воплощается также контекстуально синонимичными глаголами “boost” и “enhance”, обозначающими рост числа и качества чего-либо (*to increase or improve something*); “*to improve the quality, amount, or strength of something*) [CD]. С их помощью констатируется эффективность исследований, проводимых в обсерваториях: *the Observatories are a phenomenon that boosted scientific research and enhanced Eurasia's contribution to the development of astronomy and related science in the world* [АО].

Отрицательная характеристика, обуславливающая биполярность аксиопространства документов, наиболее часто сводится к оценке нормативной. Как правило, она содержится в разделе «Protection and management requirements», который разъясняет меры по сохранению объекта и обязательно присутствует во всех декларациях. Например, посредством прилагательного «adverse», обозначающего вредность влияния (*having a negative or harmful effect on something*) [CD], выражается мысль о необходимости предотвратить потенциально негативное воздействие антропогенного фактора на Кенозерье: *The protection zone is intended to ensure the preservation of the natural areas, the economic use of which directly affects the biological stability of ecosystems and the Kenozero cultural landscape, and to prevent potential adverse impacts by anthropogenic processes* [KL]. Поскольку данная отрицательная оценка исходит из представления о стандарте, она является рационалистической, в частности нормативной. Одновременно в указанной композиционной части документа содержится и ее противоположный полюс: *There is comprehensive legal protection*

from both cultural and natural sectoral perspectives [KL]. Посредством эпитета “comprehensive”, обозначающего полное наличие того, что является необходимым (*complete and including everything that is necessary*) [CD], репрезентируется положительная нормативная оценка всех мер, которые принимаются для сохранности объекта.

Таким образом, исследование показало, что в декларациях реализуются как общие, так и частные виды оценки. Они воплощаются в широком диапазоне языковых средств, основными из которых являются эпитеты. Аксиопространство документации биполярно, но доминирует в нем положительная экспертная оценка. В зависимости от индивидуальных свойств объекта она может быть сенсорной, сублимированной и рационалистической. При этом прослеживается взаимодействие эстетической оценки с сенсорно-геонистической, психологической или эмоциональной, а утилитарной – с телеологической. Они реализуются во всех композиционных частях документа, включающих краткое описание достопримечательности, доказательство ее соответствия критериям оценки, констатацию целостности и подлинности объекта, перечисление требований к его охране. Отрицательная оценка является в основном нормативной, и актуализируется она преимущественно в финальном разделе документа. В целом разнообразие выявленных видов оценки доказывает лежащую в основе исследования гипотезу о жанрообразующей функции категории оценки в декларациях о выдающейся универсальной ценности объектов всемирного наследия.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
 Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43-52.
 Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2005.
 Ивин А.А. Основания логики оценки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.
 Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 53-63.
 АО – Astronomical Observatories of Kazan Federal University. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1678>
 CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>
 KL – Cultural Landscape of Kenozero Lake. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/1688>

*N.V. Shutemova (St. Petersburg, Russia)
 St. Petersburg State University*

KINDS OF EVALUATION IN STATEMENTS OF OUTSTANDING UNIVERSAL VALUE OF WORLD HERITAGE SITES

The research is aimed at studying how the category of evaluation functions in Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites. It is revealed that the documents contain predominantly a holistic positive evaluation and a wide range of its kinds, reflecting how regional properties are conceptualized as universally significant.

Key words: kinds of evaluation, institutional discourse, Statements of Outstanding Universal Value of World Heritage Sites

*А.А. Щелокова (Екатеринбург, Россия)**Уральский государственный университет путей сообщения
aschelokova@usurt.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ «РАСШИФРОВКИ» ОШИБОЧНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ НОСИТЕЛЕМ ЯЗЫКА

Статья посвящена описанию принципов возникновения вариантов интерпретации фразы иностранца (китайца) носителем языка (русского). В основу исследования положен анализ количества вариантов взаимодействия адресата и адресанта «правильно/понятно», обеспеченных потенциальными возможностями русского языка.

Ключевые слова: интерпретация, речевая ошибка, адресат, носитель языка

Интерес к интерпретации как к процессу в лингвистике приводит к формированию терминосистемы, которую мы обнаруживаем в современных исследованиях: интерпретационизм [Демьянков 1985], интерпретационный потенциал [Болдырев 2013; Везнер 2021; Карпухина 2011], интерпретирующая функция языка [Колесов 2021], интерпретативность [Валуйская 2012] и др., причем интерпретация может выступать как объект исследования или служить поясняющим элементом.

Внимание акцентируется на когнитивном аспекте интерпретации как на пересечении внешнего фактора – продукта вторичной языковой компетенции с внутренним – арсеналом носителя языка. Процесс формирования смысла, «зашифрованного» в полученной информации, традиционно будет представлен трихотомией: 1) адресант-автор и его внутренний мир; 2) текст; 3) адресат-интерпретатор и его концептосфера [Щирова, Тураева 2005: 268]. Особенность представленного анализа интерпретационных вариантов состоит в том, что адресант является «нестандартным» говорящим – иностранцем, изучающим русский язык, причем носителем кардинально отличающейся от русского языка ветви – китайского. Пошагово это можно представить следующим образом: сформированная на родном (китайском) языке мысль накладывается на предложенный учебником и/или учителем шаблон в системе русского языка, следуя принципу композициональности: слово на слово, категория на категорию; передача (письменный вариант предпочтительнее, так как орфоэпическая норма русского языка особенно тяжело осваивается представителями данной этногруппы); полученная информация в виде фразы сопоставляется со знакомыми вариантами с учетом комбинаторной сложности русского языка. Причем адресант пытается передать информацию максимально «лингвистически», направляя фокус на значение слова и фразы в целом (материальное), т.е. сосредоточивается на этапе лексико-грамматического развертывания, а адресат пытается раскодировать доступные ему заложенные смыслы (абстрактное) через собственную картину мира. Коммуникация формирует четыре вида взаимодействия «адресант (иностранец, говорящий на русском языке) – адресат (носитель языка)»: правильно/понятно; правильно/непонятно; неправильно/понятно; неправильно/непонятно [Щелокова 2023: 120]. Следовательно, если носитель вынужден решать проблемы понимания

высказывания для себя, используются такие стратегические приемы, как выявление, что нарушено – система или норма языка, определение типа ошибки (когнитивная или лингвистическая) и перевыражение в категорию «правильно/понятно» [Фурсова 2013].

Возможность определения способности адресата-носителя языка к интерпретации полученной информации от адресанта-иностранца реализована через лингвистический эксперимент. В эксперименте приняло участие более 60 русскоязычных испытуемых, получено более 1500 стимулов-интерпретаций, каждый участник-испытуемый получил по 25 вопросов-заданий. В число испытуемых вошли русскоговорящие респонденты в возрасте от 18 до 67 лет (90 человек). Лингвистический эксперимент обусловлен получением достоверной информации, поэтому испытуемые не имели возможности общаться друг с другом, экспериментатор также был им неизвестен. Метод исследования был выбран антропометрический, эксперимент проводится в форме письменного опроса испытуемых, каждому участнику предоставляется бланк для ответов на вопросы, причем на каждый вопрос может быть зафиксирован только один ответ. Ср., например: **Наша соседка телевизора* – Как вы поняли смысл высказывания? (напишите). Ответы испытуемых послужили материалом для анализа.

Полученные результаты показали следующее. 1. **Мой университет очень красивый*. Варианты: Мой университет очень красивый (46%)/Мой университет красного цвета (38%)/Мой университет очень классный (11%). Единичные: Университет оставил методы обучения, которые практиковались еще в СССР/ Мой университет очень красочный/ Я горжусь своим университетом. 2. **Наша соседка телевизора*. Варианты: У нашей соседки нет телевизора (38%)/Наша соседка купила телевизор (36%)/Наша соседка смотрит телевизор (26%). Единичные: Нашу соседку показывали по телевизору/Наша соседка – телеведущая/Наша соседка много говорит/Наша соседка – жена телевизионщика. 3. **Вчера я купил сестру*. Варианты: Вчера у меня родилась сестра (72%)/Вчера я купил сестре куклу (24%)/Вчера я заплатил сестре (4%). Единичные: Вчера я купил люстру/Вчера я удочерил ребенка/Вчера я купал сестру. 4. **Теперь у меня дома нет творогов, я не готовлю*. Варианты: Теперь у меня дома нет творога, я не готовлю (54%)/Теперь у меня дома нет продуктов, я не готовлю (34%)/Дома кончились молочные продукты, я не готовлю (12%). Единичные: Я не делаю сама творог/Я ничего не готовлю из творога/Сейчас дома нет молока, я не могу ничего приготовить.

Анализ интерпретационных вариантов русскоговорящих испытуемых позволяет сделать следующие выводы: при наличии когнитивной ошибки во фразе иностранца, возникает три варианта «расшифровки» в категорию «правильно/понятно», в отличие от лингвистической (в большинстве случаев два варианта). Ср., например **Мы познакомились Россия*. Варианты: Мы познакомились в России / Мы

познакомились с Россией; *Художник рисует наша улица – Художник рисует нашу улицу/ Художник рисует на нашей улице.

С точки зрения интерпретационизма объяснение данных различий может быть обусловлено процессом, при котором и формируются варианты интерпретаций [Демьянков 1985: 76]. Если во фразе иностранца ошибка имеет лингвистическую основу, то варианты интерпретаций образуются, следуя принципу минимальности ограничений: интерпретацию получают варианты «неправильно/понятно». Соответственно, если основа формирования ошибки когнитивная – принцип оптимальности, при котором трансформации подвергаются варианты «правильно/непонятно» и «неправильно/непонятно», где количество гипотез минимально, в исследовательском случае – три.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 12-22.

Валуйская О.Р. Интерпретативность как потенциальное свойство текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 210-215.

Везнер И.А. Интерпретационный потенциал высказывания и прототипическое моделирование в аспекте трансвербализации // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2021. Т. 15. С. 20-26.

Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Карпухина В.Н. Интерпретационный потенциал текстов художественной литературы в ситуации перевода: лингвоаксиологический аспект // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 197-204.

Колесов И.Ю. Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 2. С. 153-159.

Фурсова И.Н. Когнитивный подход в переводоведении // Lingua mobilis. 2013. № 6 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-podhod-v-perevodovedenii>

Щелокова А.А. Когнитивные и лингвистические особенности ошибок в русской речи китайцев: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2023.

Щирова И.А., Тураева З.Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.

A.A. Schelokova (Ekaterinburg, Russia)

Ural State University of Railway Transport

INTERPRETATIONAL VARIABILITY OF “DECODING” AN ERRORISTIC STATEMENT BY A NATIVE LANGUAGE

The article is devoted to describing the principles of the emergence of variants of interpretation of the phrase of a foreigner (Chinese) by a native speaker (Russian). The study is based on an analysis of the number of options for interaction between the addresser and the addressee “correctly/ clearly”, provided by the potential capabilities of the Russian language. Features of the error, whether cognitive or linguistic, have been shown to influence the interpretation process.

Key words: interpretation, speech error, addressee, native speaker

В.И. Яременко (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет МИЭТ
veraj@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНО КОМПОЗИЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОПОВЕДИ КАК ЖАНРА ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается англоязычная проповедь как один из примеров жанра религиозной пропаганды в виде публичного выступления или текста религиозного характера с акцентом на структурно-композиционных особенностях, которые отличают данный текст в устном звучании или письменном виде от других текстов церковно-религиозной тематики.

Ключевые слова: религиозный текст, проповедь, композиция и структура текста, религиозная мораль

Во все времена церковно-религиозная деятельность и церковно-религиозный функциональный стиль играли особую роль в судьбах практически всех языков мира, и английская культура не является в этом отношении исключением. Язык религиозного текста отражает универсальные смыслы и заботы людей и дает ответы на жизненные вопросы с опорой на многовековую практику объяснения проблемных ситуаций.

Такие общие характеристики присущи для всех религиозных текстов, независимо от языка, на котором они составлены, образуя «жанр религиозной пропаганды, публичного обращения священно служителя к прихожанам, в котором не только даются разъяснения положений вероучения, но также даются рекомендации к последующим действиям» [БЭ 2006: 335].

Объектом анализа в данной работе являются тексты проповедей на современном английском языке составленные уважаемым и широко известным в церковно-религиозной среде богословом, поэтом, переводчиком Архиепископом Кентерберийским Роуэном Уильямсом (Rowan Williams). В предисловии к своей книге *Open to Judgement* автор эмоционально утверждает, что проповедь – это не просто текст, не инструмент наставления или рассуждение о поиске истины, а это сама *жизнь* в ее моменте установления связи между определенной группой людей в определенное время и в определенном месте с учениями Христианской веры во всей ее исторической полноте. Эта связь выстраивается через описания жизненных ситуаций, разъяснения религиозных доктрин, относящихся к проблемам здесь и сейчас, давая слушателям возможность сформировать собственное видение действительности и самим находить точки опоры в жизненных событиях [Williams 2002: 1]. Возьмем эти слова за теоретическую основу, в дополнение к приведенному выше определению проповеди, для предмета нашего рассмотрения – структурно композиционных особенностей данного жанра и проведем когнитивный анализ текстов с целью выявить их структурно композиционные параметры, которые в совокупности с богатым набором выразительных лексических, стилистических и семантических средств, характерных для данного жанра, создают эффект морально-эстетического удовлетворения.

В качестве отправной теоретической точки когнитивного анализа отличительных черт текстов проповедей отметим, что на композиционном уровне в любом тексте можно выделить такие параметры, как заголовок, подзаголовок, абзацы, разделы, страницы и т.п., организация и упорядоченность которых создают целостный текст с последовательностью трех основных частей: вступления, главной части и заключения. Под структурой текста понимается его внутренняя структура, единицами которой являются высказывания, или ряд высказываний, объединенных семантически и синтаксически в единые фрагменты, обеспечивая тексту целостность благодаря смысловым связям. Краткость и обобщенность приведенных понятий структуры и композиции текстов вообще, можно, тем не менее, применить к текстам жанра проповедей на английском языке, поскольку многие из их характерных особенностей не противоречат вышесказанному.

Пользуясь методом непосредственного наблюдения над текстом, проведем краткий анализ композиционных компонентов проповедей из вышеупомянутого сборника и обозначим их функциональную роль в построении текстов, объем которых в среднем насчитывает от 2000 до 2500 слов, что считается оптимальным показателем для удерживания внимания читателей или слушателей на теме речевого сообщения. Каждый текст имеет тщательно подобранный заголовок, функциональная роль которого состоит в том, чтобы с самого начала увлечь, обозначить актуальность и важность заявленной темы для ее развития в последующих рассуждениях и интерпретации в контексте традиционной религиозной морали в данном моменте.

В качестве примеров приведем некоторые заголовки, по которым можно судить о содержательно-тематическом характере текстов проповедей: *Being Alone* – где поднимается проблема страдания от одиночества, или необходимости уединения, находясь при этом в окружении людей, для которых чувства и заботы одних ничего не значат для других; *My Neighbor's Business* – где анализируются причины устрашающей отстраненности людей друг от друга и безучастности. Объяснить такое положение дел можно тем фактом, что проживая в окружении людей, мы ставим наши собственные удовольствия и удобства выше всех остальных, предлагая себя в качестве образца для подражания на фоне жизни других людей. Можно предвосхитить слова из текста проповеди о том, как преодолеть собственный эгоизм, полагаясь на учение и наставление от Бога.

В основе некоторых проповедей лежат современные события в мире, и рассуждения о моральных аспектах строятся на философских понятиях. Это хорошо видно из заглавия *What is Truth?* и подзаголовка *A university sermon at the outbreak of the Gulf War* (1991), где одной из тем рассуждения является непредсказуемость эффекта эскалации масштабов современных военных конфликтов. В тексте говорится о роли СМИ в формировании мнений по отношению к правде и неправде, признавая, что мы живем в атмосфере если не откровенной лжи, то, по крайней мере, в среде полуправды. И даже постановка вопроса устами Христа о том, что есть правда, остается без ответа, оставляя его на усмотрение адресантов проповеди.

Распространенной композиционной особенностью проповедей является включение в тексты фраз или фрагментов из Библейских источников, как, например к заголовку проповеди *God's Time* добавлена ссылка *My time has not yet come, but your time is always here* (John 7: 6); или цитирование строк из литературных источников в виде иллюстраций к сказанному выше в проповеди *A Ray of Darkness* словами Валлийского мастера религиозной поэзии XVII в. Генри Вогана *There is in God (some say), / A deep but dazzling darkness*. Также это может быть ссылка на известное произведение, как например, в упомянутой проповеди *What is truth?* где Понтий Пилат выражает свое отношение к вопросу о правде в виде заключительной фразы в тексте: *Pilate said to him, 'What is truth?' And when he said this, he went out*. Какими бы краткими или многословными не были такие включения в проповедь, их роль очевидна: добавить композиции текста убедительности, оживить проповедь интересными жизненными или культурологическими сюжетами, установить связь между религиозным учением и реальностью жизни.

В литературе по проповедческому дискурсу есть множество источников о том, как составить текст проповеди, выстраивая тему на библейских сюжетах, цитатах из Священного писания, описаниях и событиях в мире вокруг нас, о роли Бога в жизни и деятельности людей, организуя материал в содержательное публичное обращение с целью воздействия на умы и сознание слушателей или читателей этих текстов [Кузьмина 2006; Nesmith 2021]. Самой прямолинейной структурой мог бы стать пример текста, состоящий из трех частей, названия которых сами говорят об их функциях в развитии темы проповеди – вступление/зачин/введение, основная часть, заключение. В более развернутой форме структура может быть представлена подразделами основной части в виде информативно–повествовательного рассуждения о смысле религиозной доктрины и назидательно-интерпретирующего комментария по ее разъяснению и иллюстрации сюжетами из реальной жизни прихожан или в виде притчи, примера из короткого рассказа, случая из жизни известной персоны и т.п. как руководство к действию, как образец для подражания. Существуют другие варианты структурного построения текстов проповедей с более развернутыми планами ее отдельных разделов, что будет зависеть от важности события, места коммуникации и аудитории слушателей, опыта и жизненной мудрости проповедника и т.п. Но главным при этом остается высшая привилегия священнослужителя донести в ясной и убедительной форме Библейские истины до сознания прихожан. Проанализируем, как реализуются положения о структуре проповеди на примере текста *Loving God* [Williams 2002].

Зачин представляет собой подготовку аудитории к восприятию слова пастыря микро диалогом и вопросом к пастве: *Who made you? – God made me / Why did he make you? – To know him, to love him and serve him...* И далее: *But which of us does 'love' God?* Вводная часть подкрепляется развитием понятия любви Бога примерами из жизненных ситуаций и цитированием фраз, наполненных теплотой, восторгом и радостью: *My beloved is mine and I am his; Jesu, the very thought is sweet; In that dear*

name all pleasures meet, тем самым устанавливая эмоциональный контакт между священником и аудиторией. Эта связь поддерживается на протяжении логических рассуждений на основе религиозных доктрин и поясняет их в контексте основной темы проповеди. Каждый фрагмент в виде абзаца развивает основную линию ключевыми предложениями, как например, *Love of God is a matter of the will, not the emotions* или *The only love worth the name is God's, that is pure and uncaused*, удерживая внимание аудитории вопросами, типа *Is Christ remote and abstract to you?*; *If I say I love God....am I not denying that I need God?*, а также уверенными ответами на них: *Loving does mean choosing God and wanting God, seeing one's happiness in God*, создавая такой беседной тональностью настроение доверительности и искренности, а нередкие риторические вопросы типа *If God is impartial, how is it that some people are more blessed than others?* создают атмосферу активного участия и со-размышления.

Заключительная часть проповеди обычно представляет ее эмоциональную вершину и может завершаться молитвой (в нашем случае это *Prayer to the Holy Spirit*), или словами Священного писания (*we pray that the Word Incarnate may triumph in each one of us, in our reading, in our praying and in our life*), или пожеланием священника (*Love the love of God and the lovers of God*), что звучит как призыв к исполнению должного. Структурный каркас проповеди поддерживается языковыми маркерами, обеспечивающими логичность, последовательность, и целостность текста. К ним относятся *so; therefore; paradoxically; for practical purposes; but let's go back to; once (we say); first, we believe that; second, it is not a threat; And this brings me to a fourth and final consideration* и т.п.

Таким образом, четко продуманная целостность и внутренняя пропорциональность, дополненные выразительными средствами языка, образуют специфические структурно композиционные черты текстов проповедей.

Литература

БЭ – Большая энциклопедия: в 62 т. М.: ТЕРА, 2006. Т. 39.

Кузьмина К.А. Структурные и языковые особенности проповеди как речевого жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

Williams R. Open to judgement. Darton, Longman, Todd Ltd, 2002.

Nesmith A. How to effectively structure a sermon // The Average Churchman. URL: <https://theaveragechurchman.com/how-to-effectively-structure-a-sermon/>

V.I. Yaremenko (Moscow, Russia)

National Research University MIET

THE ANGLICAL SERMON COMPOSITION AND STRUCTURE IN COGNITIVE PERSPECTIVE

The Anglican sermon is examined as an example of the genre of religious propaganda in the form of public communication or the written text full of doctrinal teaching and application with an emphasis on its composition and structural components. The latter are the features (but not the only ones) that make the texts unique examples of the sermon discourse.

Key words: religious text, English sermon, composition and structure, biblical guidance

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 1 (62)

**КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ
МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
5–7 ИЮНЯ 2025 ГОДА**

Главный редактор

Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска

Бронникова Ольга Васильевна

Компьютерная верстка *С. Ф. Обрядова*

Подписано в печать 05.05.2025 г. Дата выхода в свет 02.06.2025 г.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 52,55. Уч.-изд. л. 42,04

Тираж 500 экз. Заказ 87.

Цена свободная

Учредитель:

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

Тел.: (3452) 59-75-34, 59-74-81

E-mail: izdatelstvo@utmn.ru